РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЕЖЕГОДНИК

РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА

на 2024 год

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2024

УДК 82.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Е36

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации

Редакционная коллегия:
В. Е. Багно, чл.-корр. РАН, *В. В. Головин*, д. ф. н., *А. В. Лавров*, академик РАН, *С. И. Николаев*, академик РАН, *М. М. Павлова*, д. ф. н., *Т. С. Царькова*, д. ф. н., *Ю. М. Чихалова*

Ответственный редактор:
Т. С. Царькова

Секретарь редакционной коллегии:
Ю. М. Чихалова

Рецензенты:
А. В. Лавров, академик (ИРЛИ РАН),
О. Б. Сокурова, д-р культ. (СПбГУ)

Е36 Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2024 год / ИРЛИ РАН; отв. ред. Т. С. Царькова. — СПб.: ООО «Полиграф», 2024. — 687 с., ил.

Очередной выпуск «Ежегодника Рукописного отдела Пушкинского Дома» сохраняет традиционную для этого серийного издания структуру, включающую разделы «Статьи. Сообщения», «Публикации», «Текстология», «Информация». В целом представленная книга отвечает главной публикаторской цели: представлять новые архивные материалы, текстологически выверенные, снабженные обстоятельными вступительными статьями и комментариями. Хронологические рамки анализируемых документов: XIX—XX столетия. Тематический диапазон широко представляет русскую классику — авторская работа А. Н. Островского над рукописью перевода комедии «Усмирение своенравной» (статья приурочена к 460-летию У. Шекспира), дневники писателя, художника Севера и фольклориста Бориса Шергина, собственно переводческую и редакторскую работу над переводами других авторов античных текстов А. Н. Егунова, эпистолярий начала и второй половины XX в., в том числе письма писателя В. И. Белова к композитору В. А. Гаврилину и многое другое. Историко-биографический характер имеет статья И. М. Могилевич, включающая новые свидетельства о гибели в 1828 г. в Персии А. С. Грибоедова. В отделе «Информация» проаннотированы фонды, прошедшие в последнее время научно-техническую обработку, а также обширные новые поступления в Рукописный отдел ИРЛИ в 2021 году.

Книга, несомненно, заинтересует филологов, архивистов, историков, музыковедов, преподавателей и студентов, — всех читателей, неравнодушных к истории русской литературы.

ISBN 978-5-918680-445

© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2024
© ООО «Полиграф», макет, 2024

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF RUSSIAN LITERATURE
(PUSHKIN HOUSE)

YEAR BOOK

OF THE MANUSCRIPT DEPARTMENT OF PUSHKIN HOUSE

for 2024

SAINT-PETERSBURG
2024

Editorial Board:
V. E. Bagno, A. V. Lavrov, S. I. Nikolaev, M. M. Pavlova,
T. S. Tsar'kova, Yu. M. Chihalova

Editor-in-Chief
T. S. Tsar'kova

Reviewers:
A. V. Lavrov, O. B. Sokurova

Е36 Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2024 год / ИРЛИ РАН; отв. ред. Т. С. Царькова. — СПб.: ООО «Полиграф», 2024. — 687 с., ил.

The new issue of the Yearbook of the Manuscript Division of the Pushkin House preserves the traditional structure of the series. It includes the following sections: 'Articles and Messages', 'Publications', 'Textual criticism', 'Information'. The main purpose of the book is to present new archival materials, copy-text edited, annotated, and supplemented with extensive commentary and introductory articles. The issue presents XIX—XX century texts and has a broad thematic scope. Among the texts are the manuscripts pertaining to the translation of Shakespeare's The Taming of the Shrew by A. N. Ostrovsky (the publication is dedicated to the 460s anniversary of Shakespeare's birth), journals of Boris Shergin, a writer, an artist, and a folklore researcher whose work focused on the North. The issue also features A. N. Ergunov's body of translation and editing work on the Classical antiquity literature and its Russian translations, a letter collection including the letters written by the writer V. I. Belov to composer V. A. Gavrilin (second half of XX c.), and many other manuscripts. An article by Irina Mogilevich is introducing new historical and biographical evidence pertaining to the death of A. S. Griboyedov in 1828 in Persia. The 'Information' section includes annotated bibliography of recently processed literary archives and a large body of new acquisitions obtained by the Manuscript Division in 2021.

The book will be of note to philologists, archivists, historians, music researchers, educators, students, and all readers interested in the history of the Russian literature.

I. СТАТЬИ, СООБЩЕНИЯ

DOI: 10.31860/978-5-918680-445-7-16

К 225-летию со дня рождения А. С. Пушкина

А. В. Дубровский

К ИСТОРИИ ПСЕВДОПУШКИНСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ «ВОСПИТАННИЦА МУЗ, ПРЕЛЕСТНА КАТЕРИНА!..»

Аннотация: В статье представлена история стихотворения «Воспитанница Муз, прелестна Катерина!...», которое во 2-й половине XIX века рассматривалось, с одной стороны, как «самое раннее из всех известных доныне юношеских стихотворений Пушкина» (П. А. Ефремов), с другой — предполагалось авторство его дальнего родственника А. М. Пушкина (Н. В. Гербель, П. А. Ефремов). Адресатом стихотворного послания называли знаменитую драматическую актрису Екатерину Семенову (В. П. Гаевский). В статье установлено, что А. М. Пушкин посвятил его жене героя войны 1812 г. Екатерине Петровне Книпер.

Ключевые слова: А. М. Пушкин, «Воспитанница муз, прелестна Катерина!..», Е. П. Книпер, мнимый Пушкин.

Abstract: The paper presents the history of the poem «Pupil of the Muses, lovely Katerina!...», which in the 2nd half of the XIX century was considered, on the one hand, as «the earliest of all hitherto known youthful poems by Pushkin» (P. A. Efremov), on the other — the authorship of his distant relative A. M. Pushkin was assumed (N. V. Gerbel, P. A. Efremov). The addressee of the poetic message was called the famous dramatic actress Ekaterina Semenova (V. P. Gaevsky). The article states that actually A. M. Pushkin dedicated it to Ekaterina Petrovna Kniper, the wife of the hero of the war of 1812, general Kniper.

Keywords: A. M. Pushkin, «A pupil of the muses, charming Katerina», E. P. Kniper, imaginary Pushkin.

В 1861 г. в журнале «Светоч», издаваемом Д. И. Калиновским, было напечатано стихотворение, представленное как «первое из всех известных теперь юношеских русских произведений А. С. Пушкина» со следующей аннотацией: «Редакции “Светоча” посчастливилось достать небольшое альбомное стихотворение Пушкина, писанное в начале 1813 года, а, следовательно, годом раньше всех опытов поэта, помещенных в издании г. Анненкова. Стихотворение это доставлено в редакцию от П. В. Мелентьевой. Оно помещено в альбоме в большую четверть листа, наполненном стихами, больше на французском языке,

© Дубровский А. В., 2024

и рисунками, сделанными карандашом и акварелью. Не входя здесь в суждения о том, до какой степени в этом стихотворении видна фактура пушкинского стиха, мы полагаем только, что оно очень любопытно, как первое из всех известных теперь юношеских русских произведений А. С. Пушкина. Вот оно:

Воспитанница Муз, прелестна Катерина!
Соединяя все таланты с красотой,
Доказываешь ты, что славная Коринна
Средь нас живет, не быв единою мечтой.
Тебе принадлежат ее венки лавровы
Тобой красуется блаженный здешний край,
И хлады Севера, сколь не были б суровы,
Твой глас, твой нежный глас их превращает в рай.
А. Пушкин. С. Петербург. 10 мая 1813 года»[1].

В том же году П. А. Ефремов в «Библиографических записках» отметил публикацию этого стихотворения, не вошедшего в издание сочинений Пушкина 1859 г. В сноске подтверждалось, что «это самое раннее из всех известных доныне юношеских стихотворений Пушкина — писано им в СПб. 10 мая, 1813 г.»[2]. Однако в тексте самой заметки Ефремов предложил другую версию: «Впрочем, это стихотворение по всей вероятности Пушкину не принадлежит, ибо и 13 лет он не мог писать так плохо. Не принадлежит ли оно скорее Алексею Пушкину, стихотворение которого: На смерть Кутузова (Вестн. Европы 1813 г.) когда-то тоже приписывали Александру Сергеевичу»[3].

Аналогичное мнение тогда же выразил Н. В. Гербель в комментариях к берлинскому изданию стихотворений А. С. Пушкина: «Мы сильно сомневаемся в том, чтобы стихотворение, начинающееся вышеприведенным стихом и напечатанное в III кн. “Светоча” на 1861 г. (отд. I, стр. 2), действительно принадлежало *Александру* Пушкину. Вот на чем основываются наши сомнения: во первых — 10 марта <sic! — *А. Д.*> 1813 года[4] (пометка под стихотворением) А. С. Пушкину было всего 14 лет с несколькими днями, и следовательно он был слишком молод для подобного рода излияний; во вторых — в 1813 же году было напечатано в “Вестнике Европы” стихотворение “На смерть Кутузова” с подписью А. Пушкин, принятое Белинским за первый печатный опыт Александра Сергеича <sic! — *А. Д.*> (см. «Отечественные записки», 1843, т. 31, отд. V, стр. 30), тогда как впоследствии оказалось, что оно было написано каким-то *Алексеем Пушкиным*. К тому же в манере и слоге помянутых стихотворений есть нечто родствен-

[1] Стихотворение А. С. Пушкина // Светоч: учено-литературный журнал, издаваемый Д. И. Калиновским. 1861. Кн. 3. С. 1—2.

[2] *П. Е.* [*Ефремов П. А.*] Поправки и дополнения к некоторым стихотворениям Пушкина // Библиографические записки. 1861. № 9. Стб. 277.

[3] Там же.

[4] Стихотворение датировано автором 10 марта 1813 г.

ное <...>»[5]. С такой атрибуцией согласился В. П. Гаевский, предложивший в качестве адресата стихотворного послания Алексея Пушкина знаменитую драматическую актрису Екатерину Семенову[6].

В собрания сочинений А. С. Пушкина это стихотворение не входило, но Ефремов в примечаниях к редактируемым им изданиям 1880 и 1882 гг. отмечал, что «оно принадлежит *Алексею Михайловичу Пушкину*, равно как и стихотворения: «Страшный суд», «На смерть Кутузова» и «Цель нашей жизни», тоже приписывавшиеся некоторыми биографами Александру Сергеевичу»[7].

В 1899 г., когда вся Россия отмечала столетие со дня рождения А. С. Пушкина, в Одессе открылась выставка, на которой в числе экспонатов, связанных с жизнью и творчеством поэта, был представлен «фотогр<афический> снимок с автографа Пушкина от 10 мая 1813 года. Стихи 14-летнего поэта в альбоме Е. П. Книпер “Воспитанница Муз!...”». В печатном каталоге было отмечено, что «другой экземп<ляр> имеется в пушкинской коллекции Царскосельского лицея»[8]. Выставку посетил в то время выпускник юридического факультета Императорского Новороссийского университета, а впоследствии известный пушкинист Николай Осипович Лернер. Впечатленный увиденным, он отправил в редакцию частной газеты «Новороссийский телеграф» маленькую заметку «Неизданное стихотворение А. С. Пушкина», подписав ее псевдонимом Л., Н. <так!>[9]. Однако вскоре выяснилось, что стихотворение написал другой Пушкин — Алексей Михайлович, о чем Лернер чистосердечно известил читателей газеты[10]. Вероятно, это несостоявшееся открытие самым непосредственным образом повлияло на его судьбу. Некоторое время Лернер работал присяжным поверенным в Кишиневском окружном суде и Тифлисской судебной палате, но интерес к русской литературе, к творчеству Пушкина одержал верх над юриспруденцией.

В том же юбилейном 1899 году в Санкт-Петербурге вышло в свет «Описание Пушкинского музея Императорского Александровского лицея».

---

[5] Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. Дополнение к 6 томам петербургского издания / под ред. Н. В. Гербеля. Берлин: Р. Вагнер, 1861. С. 219—220.

[6] *Гаевский В. П.* Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения // Современник. 1863. № 7. С. 159—160.

[7] *Пушкин А. С.* Сочинения: в 6 т. / под ред. П. А. Ефремова. СПб.: изд. Я. А. Исакова, 1880—1881. Т. 1. С. 507; *Пушкин А. С.* Сочинения / под ред. П. А. Ефремова. 8-е изд., испр. и доп.: [в 7 т.]. М.: изд. Ф. И. Анского, 1882. Т. 1. С. 467.

[8] Каталог Пушкинской выставки в Одессе (1799—1899). Одесса: «Экономическая» тип., 1899. С. 16.

[9] *Н. Л.* [*Лернер Н. О.*] Неизданное стихотворение А. С. Пушкина // Новороссийский телеграф. 1899. 3 июня. № 7827. С. 4.

[10] *Н. Л.* [*Лернер Н. О.*] Об одном стихотворении А. С. Пушкина // Там же. 8 июля. № 7859. С. 3.

Под номером 11–30 в нем значился «Список неправильно приписываемого А. С. Пушкину стихотворения: «Воспитанница Муз! Прелестна (sic!) Катерина!..». Подпись А. Пушкин. СПБ., 10 мая 1813. Фотография, высота 11 ctm., ширина 15,25 ctm. Из альбома Е. П. Книпер (Собрание автографов В. Л. фон Браша)»[11].

«Как же было однако не разобрать, кто из Пушкиных, Александр или Алексей, написал такие стихи», — в очередной раз удивился Ефремов, иронично окрестивший «неизвестным авторитетом» ту самую П. В. Мелентьеву, которая доставила стихотворение в редакцию журнала «Светоч»[12]. Справедливости ради следует сказать, что никаких сведений об этой даме нам отыскать тоже не удалось.

В 1917 г. материалы Пушкинского лицейского музея по инициативе выпускника XXXV курса Александровского лицея П. Е. Рейнбота были переданы Пушкинскому Дому. Вместе с пушкинскими автографами в Рукописный отдел поступила и фотокопия «неправильно приписываемого А. С. Пушкину» стихотворения[13].

Вполне естественно возникает вопрос о местонахождении автографа стихотворения, пусть даже не принадлежавшего перу «солнца русской поэзии». Сертификационная помета на фотокопии отсылает нас к собранию автографов В. Л. фон Браша. Виктор Львович фон Браш (1850—1877) — выходец из немецко-балтийской дворянской семьи, экономист по профессии, доктор философии Лейпцигского университета, талантливый музыкант и композитор, в то же время был страстным коллекционером, собирателем автографов. За свою короткую жизнь (всего 26 лет) он собрал более 1200 рукописей (среди них многие относятся к началу XVI века)[14]. В Лейпцигском университете Виктор фон Браш подружился с сокурсником Платоном Львовичем Вакселем (1844—1918), будущим писателем и музыкальным критиком, занимающимся международным правом, и привлек его к собиранию редкостей. После окончания университета в 1874 г. Платон Ваксель вернулся в Петербург и поступил на службу в Министерство иностранных дел. В 1901 г. он был назначен на должность директора канцелярии. После смерти Виктора фон Браша (1877 г.) Ваксель продолжил коллекционирование рукописей, относящихся к истории литературы и искусства. В 1915 г. он подарил бóльшую часть своей коллекции

[11] Описание Пушкинского Музея Императорского Александровского Лицея / сост. воспитанники I класса LV курса С. С. Аснаш и А. Н. Яхонтов / под ред. заведующего Пушкинским музеем И. А. Шляпкина. СПб.: изд. воспитанников Александровского лицея, 1899. С. 6.

[12] См.: *Ефремов П. А.* Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1903. С. 9.

[13] РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 15, ед. хр. 9.

[14] О нем см.: *Греков Вл.* Браш Виктор Львович фон // Русский биографический словарь. СПб.: тип. Главного упр. уделов, 1908. Т. [3]: Бетанкур — Бякстер. С. 336—337.

приемному сыну Эрнесту Петровичу Юргенсону — собирателю, библиофилу, сотруднику Императорской публичной библиотеки, который, исполняя желание Вакселя, передал эти материалы библиотеке. В дальнейшем, унаследовав оставшуюся часть коллекции, продал ее Наркомату просвещения, откуда она была передана в Публичную библиотеку. В составе коллекции Вакселя-Юргенсона в Публичную библиотеку поступил и лист со стихотворением А. М. Пушкина. О нем в 1955 г. сообщил сотрудник отдела рукописей Э. Э. Найдич, составивший описание русских автографов в собрании П. Л. Вакселя: «<...> автографов А. С. Пушкина в настоящее время в собрании нет, но имеются некоторые материалы, связанные с именем Пушкина: лист из письма Е. П. Книпир <sic! — *А. Д.*> со стихотворением «Воспитанница муз: прелестна Катерина» 10 мая 1813 г., которое некоторые исследователи ошибочно приписывали А. С. Пушкину и рассматривали как самый ранний дошедший до нас автограф А. С. Пушкина. В дальнейшем было установлено, что это рукопись Алексея Михайловича Пушкина, дальнего родственника великого поэта»[15]. Первое, что сразу бросается в глаза: в обзоре Найдича — речь идет не об альбоме (его, кроме П. В. Мелентьевой и сотрудников редакции журнала «Светоч», никто не видел) и даже не об альбомном листе, а о «листе из письма Е. П. Книпир». Ошибку в написании фамилии, вероятно, следует объяснить элементарной опечаткой.

В Российской национальной библиотеке выясняется, что наряду с собранием П. Л. Вакселя существует его личный фонд (ф. 124), где и хранится интересующий нас документ. Это альбомный лист грязно-серого цвета без водяных знаков. С левого края к нему приклеен лист тонкой белой бумаги, защищающий автограф от повреждений. На обороте альбомного листа запись чернилами: «Писано А. С. Пушкиным в альбом Катерины Петровны Книпер. Альбом этот впоследствии принадлежал Прасковье Васильевне Мелентьевой. Стихи напечатаны в журнале “Светоч”. А. Милюков»[16]. Запись сделана известным историком литературы, писателем, критиком, журналистом, идеологом и фактическим руководителем журнала «Светоч» Александром Петровичем Милюковым (1817—1897). Будучи страстным поклонником поэзии А. С. Пушкина, Милюков не сомневался в его авторстве. И не мог предположить, что это альбомное стихотворение мог написать не юный Саша Пушкин, а его дальний родственник.

Алексей Михайлович Пушкин (1771—1825) — генерал-майор и камергер, переводчик и актер-любитель[17] приходился Александру Пуш-

---

[15] Автографы русских писателей в собрании П. Л. Вакселя: обзор Э. Э. Найдича // Сборник ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1955. Вып. 3. С. 93.

[16] ОР РНБ, ф. 124, ед. хр. 3535.

[17] О нем см.: *Гайворонская Н.* Пушкин Алексей Михайлович // Русский биографический словарь. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1910. Т. [15]: Притвиц — Рейс. С. 293—298.

кину двоюродным дядей по материнской линии[18]. Но, несмотря на родство, никогда с ним не общался, в отличие от другого своего дальнего родственника — четвероюродного брата — В. Л. Пушкина. Военная карьера Алексея Пушкина складывалась довольно успешно во многом благодаря протекции его «приемного» дяди, князя Ю. В. Долгорукова[19], генерала-поручика в армии графа Румянцева. Записанный в двухлетнем возрасте (1773) в капралы лейб-гвардии Преображенского полка, Алексей Пушкин к 1800 г. дослужился до чина генерал-майора. Но спустя два года вышел в отставку «с ношением мундира» и поселился в Москве. Впоследствии несколько лет состоял в милиции (внутреннем ополчении) дежурным генералом при князе Ю. В. Долгорукове, а в 1809 г. определился непременным членом в Мастерскую Оружейной Палаты. В 1811 г., перейдя на гражданскую службу, получил чин действительного статского советника и был пожалован в камергеры Двора Его Императорского Величества. Перед вступлением в Москву французов Алексей Пушкин бежал с семьей[20] в Нижний Новгород, потеряв все свое имущество и суконную фабрику в имении под Можайском, которое ему подарила мать. Оставшись без средств, он выискивал возможность вернуться на военную службу. Его влиятельный покровитель князь Ю. В. Долгоруков, в недалеком прошлом генерал-аншеф, главнокомандующий в Москве и член Совета при Высочайшем дворе, к этому времени пребывал в отставке. Воспользовавшись старыми связями, Долгоруков 11 августа 1812 г. обратился к управляющему Военным министерством князю Алексею Ивановичу Горчакову со следующей рекомендацией: «<...> если точно от тебя зависит иметь при себе надежного человека для установления порядка по твоему департаменту, я дружески могу подать тебе совет — взять Алексея Михайловича Пушкина, сколько я ему добра желаю, столько и для твоего облегчения, и уверен, если ты его в делах столько узнаешь, сколько я его знаю, ты будешь сим выбором доволен»[21]. Как

[18] А. М. Пушкин был родным племянником бабушки поэта, М. А. Ганнибал (урожд. Пушкиной; 1745—1818) и двоюродным братом его матери Н. О. Пушкиной (1775—1836).

[19] Отец Алексея Пушкина, коллежский советник М. А. Пушкин, попавший в 1772 г. под следствие по делу брата своего Сергея, уличенного в намерении изготавливать фальшивые ассигнации, был лишен дворянских прав и сослан в Тобольск. Мать Алексея, Наталья Абрамовна (урожд. княж. Волконская), добровольно последовала за мужем в ссылку. Алексей воспитывался в семье куратора Московского университета И. И. Мелиссино и его жены Прасковьи Владимировны (урожд. княж. Долгоруковой). Таким образом, брат ее Ю. В. Долгоруков стал «приемным» дядей Алексея Пушкина. См.: *Сайкина Н. В.* Пушкин Алексей Михайлович // Русские писатели, 1800—1917: биографический словарь / гл. ред. П. А. Николаев. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 216—218.

[20] В 1799 или 1800 г. он женился на Елене Григорьевне Немцовой (урожд. Воейковой; 1778—1833). В семье было 12 детей.

[21] Письма из эпохи 1812—1815 годов: (печатаются с подлинников) // Русский архив. 1871. Кн. 1. № 1. Стб. 149—151.

дальше развивались события, мы не знаем и можем только предположить, что военный министр Горчаков направил Алексея Пушкина к полковнику Федору Евстафьевичу Книперу, лечившемуся в Петербурге от ранения, полученного 14 октября того же года при штурме Полоцка. В марте 1813 г. Пушкин приехал из Нижнего Новгорода в Петербург. Застал ли он в Северной столице полковника Книпера, который после излечения спешил вернуться в действующую армию для участия в заграничных походах и вскоре (15 сентября 1813 г.) был произведен в генерал-майоры, нам доподлинно неизвестно. Зато Алексей Михайлович сумел отличиться на поэтическом поприще сочиненным мадригалом: «Воспитанница Муз! прелестна Катерина!..», посвятив его жене героя войны 1812 г. Екатерине Книпер. Однако все старания устроиться в Петербурге оказались безуспешными, и в ноябре того же года Алексею Пушкину пришлось вернуться в Москву. Об адресате его стихотворного послания почти ничего не известно. Краткие сведения мы нашли в картотеке Б. Л. Модзалевского, дополнив их своими разысканиями.

Екатерина Петровна Книпер (урожд. Альбрехт; 1790-е — после 1862) родилась в семье коллежского советника и кавалера, казначея петербургских императорских театров (с 1798 г.) Петра Ивановича Альбрехта (1760—7.02.1831)[22], умершего на 71-м году жизни, о чем свидетельствует надгробная надпись на Смоленском евангелическом кладбище[23]. «Воспитанница муз» Екатерина 22 января 1811 г. вышла замуж за полковника, впоследствии генерал-майора, героя Отечественной войны и заграничных походов Федора Евстафьевича Книпера (1765 или 1767 или 1770—1850)[24]. Портрет его работы Джорджа Доу находится в Военной галерее Зимнего дворца. От первого брака Ф. Е. Книпера у него была дочь Наталья. В списке воспитанниц Смольного института мы нашли Наталью Федоровну Книпер, дочь полковника[25], которая была выпущена в 1815 г. в числе 114 воспитанниц четырнадцатого выпуска. У Федора Евстафьевича и Екатерины Петровны было четверо детей: Мария (1815—?), Петр (1821—?), Александра (1825—?), Екатерина (1827—?). Известно, что у Екатери-

[22] См.: *Жихарев С. П.* Записки современника. Воспоминания старого театрала: в 2 т. Л.: Искусство, 1989. Т. 2. С. 248, 291, 368, 369; *Куликова К.* Алексей Яковлев. Л.: Искусство, 1977. С. 210. (Серия «Жизнь в искусстве»).

[23] Смоленское евангелическое кладбище // Петербургский некрополь. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1912. Т. 1 (А—Г). С. 48.

[24] О Ф. Е. Книпере см.: *Малышкин С.* Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812—1815 гг. // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М.: студия «ТРИТЭ» Никиты Михалкова; «Российский архив», 1996. Т. VII. С. 423—424.

[25] Список воспитанниц Смольного института благородных девиц // *Черепнин Н. П.* Императорское воспитательное общество благородных девиц: исторический очерк, 1764—1914: [в 3 т.]. Пг.: Гос. тип., 1915. Т. III. С. 509.

ны Петровны была сестра Прасковья Петровна Альбрехт. Ей в Санкт-Петербурге принадлежал угловой дом («Дом Альбрехта») с двумя флигелями по Кабинетской ул., 1 (ныне ул. Правды) и Разъезжей ул., 11, построенные в 1827—1828 гг. по проекту архитектора П. И. Габерцетеля[26].

В Пушкинском Доме хранятся два письма Е. П. Книпер к Софье Андреевне Гагариной[27] семейно-бытового характера, датированные 1862 г.[28] В письме от 28 января Екатерина Петровна выражает сочувствие в связи с кончиной едва появившейся на свет дочери Софьи Андреевны Нины (1861—1861). О своем здоровье она сообщает, что оно «более недели отлично-хорошо, так что я сижу на экзаменах по полтора и более часа без малейшего принуждения». Она делится с Софьей Андреевной радостным событием — днем рождения внучки: «Сегодня день рождения нашей Сони. <...>. Приехала Сашинька и Соня, по ее приглашению явились дети подготовительного класса. <...> Вот уже Соне 7 лет».

В письме от 25 июня Екатерина Петровна, ссылаясь на письмо от Дюкруаси[29], сообщает, что «князь ваш с милым Гришинькой[30] собирался ехать в Лондон на выставку[31]. Милому сыну вашему 22-го исполнилось 12 лет и херувиму моему Марии 11 лет»[32].

Вот и все, что на настоящий момент известно о той, которой посвятил свой мадригал «Воспитанница Муз, прелестна Катерина!» не

---

[26] CITYWALLS. Архитектурный сайт Санкт-Петербурга (дата обращения: 31.03.2024).

[27] *Гагарина С. А.* (урожд. *Дашкова*; 1822—1908) — княгиня, фрейлина (с 1841 г.) цесаревны Марии Александровны.

[28] РО ИРЛИ, ф. 66, ед. хр. 749.

[29] *Дюкруаси Ипполит Александрович* (1804—1873) — действительный тайный советник (с 1860 г.), член совета Главного управления Кавказского наместника кн. А. И. Барятинского.

[30] *«князь ваш с милым Гришинькой...»* — речь идет о муже Софьи Андреевны, князе Григории Григорьевиче Гагарине (1810—1893) и их сыне Грише (1850—1918).

[31] Имеется в виду четвертая Всемирная универсальная выставка, проходившая в Лондоне с 1 мая по 1 ноября 1862 г. В ней приняли участие более 28 000 экспонентов из 36 стран, в том числе 585 из России. На выставке впервые был устроен всемирный смотр произведений изобразительного искусства, созданных за последние 100 лет. 126 живописных, графических и скульптурных произведений представляли Россию. В ряду живописных полотен академического направления были представлены произведения В. Л. Боровиковского, Д. Г. Левицкого, К. П. Брюллова, А. Г. Венецианова, О. А. Кипренского, А. А. Иванова и др. По результатам выставки и оценкам жюри русские экспоненты получили в Лондоне 177 медалей и 128 «Почетных отзывов». На выставке побывали Д. И. Менделеев, Ф. М. Достоевский, А. Н. Островский, Д. В. Григорович и др. См.: *Соколов А. С.* Санкт-Петербург на всемирных выставках в Лондоне в 1851 и 1862 гг. // Вопросы музеологии. 2011. № 1 (3). С. 74—80.

[32] *Гагарина Мария Григорьевна* (1851—1941) — дочь Г. Г. и С. А. Гагариных, впоследствии фрейлина, жена М. Н. Раевского (с 1871 г.).

Александр Сергеевич, а Алексей Михайлович Пушкин. Она не прославилась, подобно «младой Семеновой», но как дочь казначея императорских театров выросла и сформировалась в петербургской театральной атмосфере, была женой героя Отечественной войны 1812 г. генерал-майора Ф. Е. Книпера и дружила с семьей другого генерал-майора — вице-президента Императорской академии художеств, известного художника Г. Г. Гагарина.

Библиографический список

1. Автографы русских писателей в собрании П. Л. Вакселя: обзор Э. Э. Найдича // Сборник ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1955. Вып. 3.
2. *Гаевский В. П.* Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения // Современник. 1863. № 7.
3. *Гайворонская Н.* Пушкин Алексей Михайлович // Русский биографический словарь. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1910. Т. [15]: Притвиц — Рейс.
4. *Греков Вл.* Браш Виктор Львович фон // Русский биографический словарь. СПб.: тип. Главного упр. уделов, 1908. Т. [3]: Бетанкур — Бякстер.
5. *Ефремов П. А.* Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1903.
6. *Жихарев С. П.* Записки современника. Воспоминания старого театрала: в 2 т. Л.: Искусство, 1989. Т. 2.
7. Каталог Пушкинской выставки в Одессе (1799—1899). Одесса: «Экономическая» тип., 1899.
8. *Куликова К.* Алексей Яковлев. Л.: Искусство, 1977. (Сер. «Жизнь в искусстве»).
9. *Малышкин С.* Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812—1815 гг. // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М.: студия «ТРИТЭ» Никиты Михалкова; «Российский архив», 1996. Т. VII. С. 423—424.
10. *Н. Л.* [*Лернер Н. О.*] Неизданное стихотворение А. С. Пушкина // Новороссийский телеграф. 1899. 3 июня. № 7827.
11. *Н. Л.* [*Лернер Н. О.*] Об одном стихотворении А. С. Пушкина // Новороссийский телеграф. 1899. 8 (20) июля. № 7859.
12. Описание Пушкинского Музея Императорского Александровского Лицея / сост. воспитанники I класса LV курса С. С. Аснаш и А. Н. Яхонтов; под ред. заведующего Пушкинским музеем И. А. Шляпкина. СПб.: изд. воспитанников Александровского лицея, 1899.
13. *П. Е.* [*Ефремов П. А.*] Поправки и дополнения к некоторым стихотворениям Пушкина // Библиографические записки. 1861. № 9.
14. Письма из эпохи 1812—1815 годов: (печатаются с подлинников) // Русский архив. 1871. Кн. 1. № 1.
15. *Пушкин А. С.* Сочинения: в 6 т. / под ред. П. А. Ефремова. СПб.: изд. Я. А. Исакова, 1880—1881. Т. 1.
16. *Пушкин А. С.* Сочинения / под ред. П. А. Ефремова. 8-е изд., испр. и доп.: [в 7 т.]. М.: изд. Ф. И. Анского, 1882. Т. 1.

17. Смоленское евангелическое кладбище // Петербургский некрополь: [в 4 т.]. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1912. Т. 1 (А—Г).
18. Список воспитанниц Смольного института благородных девиц // *Черепнин Н. П.* Императорское воспитательное общество благородных девиц: исторический очерк, 1764—1914: [в 3 т.]. Пг.: Гос. тип., 1915. Т. III.
19. *Соколов А. С.* Санкт-Петербург на всемирных выставках в Лондоне в 1851 и 1862 гг. // Вопросы музеологии. 2011. № 1 (3).
20. Стихотворение А. С. Пушкина // Светоч: учено-литературный журнал, издаваемый Д. И. Калиновским. 1861. Кн. 3.
21. Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. Дополнение к 6 томам петербургского издания» / под ред. Н. В. Гербеля. Берлин: Р. Вагнер, 1861.

DOI: 10.31860/978-5-918680-445-17-70

И. М. Могилевич, Е. В. Юдина

МАТЕРИАЛЫ О ГИБЕЛИ ПОСОЛЬСТВА А. С. ГРИБОЕДОВА В ЛИЧНОМ ФОНДЕ АДЕЛУНГОВ РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА

Аннотация: Выявлен неизвестный немецкоязычный вариант свидетельства о гибели посольства Грибоедова в Тегеране. Прокомментирован его перевод на русский и проведено сопоставление обнаруженного варианта с известными (английским и французским), что позволило уточнить понимание повествования, имена действующих лиц, число жертв нападения, обстоятельства последних минут жизни посла и описание его убийцы. Высказано предположение о публикаторе выявленного варианта. Два других немецкоязычных документа архива Аделунгов на русском также не были опубликованы. Они дают новую информацию о помощи британских дипломатов в формировании благожелательного для персидских властей общественного мнения и попытке противодействия этому со стороны анонимного русского автора.

Ключевые слова: уничтожение посольства А. С. Грибоедова, мировая пресса об этом, документальные свидетельства, материалы фонда Аделунгов.

Abstract: A hitherto unknown German version of the witness of the destruction of Griboedov's mission in 1829 in Tehran was revealed. The German version was translated into Russian and compared with the known English and French versions. This made it possible to clarify the understanding of the narrative, the names of the participants, the number of victims of the attack, the circumstances of the last minutes of the ambassador's life and the description of his killer. We submitted the assumption about the publisher of the German version. Two other German-language documents from the Adelungs fund were also not published in Russian. They provide new information about the assistance of British diplomats in the formation of public opinion favorable to the Persian authorities and the attempt to counteract this by an anonymous Russian author.

Keywords: the destruction of A. S. Griboyedov's mission, the world press about it, documentary evidence, data from the Adelung Fund.

Личный фонд Федора Павловича и Николая Федоровича Аделунгов Рукописного отдела Пушкинского Дома[1] содержит материалы о последних шести месяцах деятельности персидского посольства Грибоедова и его гибели в Тегеране 30 янв. 1829 г.[2] Комментированный перевод

[1] РО ИРЛИ, ф. 457, ед. хр. 18, 29.

[2] Без специальных оговорок даты приведены по юлианскому календарю.

© Могилевич И. М., Юдина Е. В., 2024

части материалов этого фонда (письма К. Ф. Аделунга июня — декабря 1828 г.[3]) уже был опубликован в 2020 г.[4] Не меньшую ценность имеют сосредоточенные в указанном фонде немецкоязычные газеты с публикациями, посвященными гибели посольства. Значимость газетной подборки объясняется не только родственной заинтересованностью в разъяснении произошедшего (Карл Аделунг (1803—1829) был вторым секретарем посольства и встретил смерть рядом с Грибоедовым), но и высоким аналитическим профессионализмом создателей собрания. Ф. П. Аделунг (1768—1843) был экспедитором немецкого языка в МИД и заведующим Учебным отделением восточных языков Коллегии иностранных дел, его сыновья Александр (1805—1868) и Николай (1809—1879) Федоровичи Аделунги служили в МИД[5], а его зять П. И. Кеппен (1793—1864), в будущем академик и сооснователь Русского географического общества, выполнял статистические работы для Министерства просвещения и Министерства внутренних дел[6]. Все они имели доступ к закрытой для широкой публики иностранной периодике, сосредоточенной в ведомственных библиотеках.

Самой объемной частью газетного собрания фонда Аделунгов является неизвестный немецкоязычный вариант записи рассказа секретаря чиновника протокольной персидской службы (далее СЕКРЕТАРЬ), бывшего очевидцем трагических событий. Комментированный перевод немецкого текста рассказа СЕКРЕТАРЯ[7] и его сопоставление с известными английским[8] и французским[9] вариантами помещен в *Приложении 1*. Поскольку авторитетные отечественные авторы считают этот рассказ продуктом британской пропаганды[10], а современный

---

[3] РО ИРЛИ, ф. 457, ед. хр. 18.

[4] *Юдина Е. В., Могилевич И. М.* Письма из Персии 1828 года секретаря русского посольства Карла Аделунга в полном переводе // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб.: Родник, 2020. С. 99—221. Далее — *Письма из Персии*.

[5] Там же. С. 108—118.

[6] *Кеппен Ф. П.* Биография П. И. Кеппена // Сб. Отделения русского языка и словесности ИАН. 1911. Т. 89. № 5. 152 с.

[7] Geschichte der letzten russischen Gesandtschaft in Persien und ihrer Ermordung // Das Ausland. 1830. Okt. 14—25. №№ 287—298 (РО ИРЛИ, ф. 457, ед. хр. 29, л. 13—38 об.). Далее — *История*.

[8] Narrative of the Proceedings of the Russian Mission from its Departure from Tabreez on 14-th Jummade (Dec. 20, 1828) until its Destruction on Wednesday the 6-th of Shabban (Feb. 11, 1829) // Blackwood's Edinburgh Magazine. 1830. Vol. 28. Sept. P. 496—512. Далее — *Нарратив.*

[9] Relation des événements, qui ont précédé et accompagner le massacre de la dernière ambassade russe en Perse // Nouvelles annales des voyages et des sciences géographiques. 1830. T. 48. P. 337—367. Далее — *Реляция.*

[10] *Шостакович С. В.* Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 212; *Аринштейн Л. М.* Новые данные об обстоятельствах гибели Грибоедова (по английским источникам) // Русская литература. 1981. № 2. С. 225—233. (Далее — *Аринштейн 1981*); *Аринштейн Л. М.* Персидские письма по поводу

британский исследователь с иранскими корнями — подделкой российского МИД[11], мы не ограничились переводом и комментированием этого текста, а исследовали и опубликовали доводы о его аутентичности, для чего были использованы современные событию сообщения печати, официальные заявления, частная переписка, биографические сведения о публикаторах и переводчиках, а также информация о повседневных практиках персиян[12].

В фонде Аделунгов находятся еще две важные немецкоязычные публикации о гибели посольства, до сих пор не использованные исследователями. Первая является переводом известий о гибели посольства, посланных в Тавриз наследному принцу ʻАббас-мирзе[13] его братом[14] и отцом на следующий день после трагедии[15]. Переводы этих писем, представленных европейскому читателю в ноябре 1829 г. (*Приложение 2*), сопоставлены с официальным персидским извещением, отправленным генералу И. Ф. Паскевичу (1782—1856) и впервые опубликованным в России в 1891 г.[16] Сравнение этих вариантов извещений персидских официальных лиц позволяет выявить направление, в котором шло искажение информации об уничтожении посольства, а именно — в обвинении самих русских дипломатов.

Приложение 3 содержит перевод анонимной немецкоязычной статьи, появившейся как отклик на предыдущую публикацию[17]. Автор статьи решительно протестует против намеков на виновность русских до завершения расследования. Установлен (по совпадениям с дневниковыми записями июля 1829 г.[18]) автор этой публикации — русский ученый П. И. Кеппен, вскоре породнившийся с семьей Аделунгов.

гибели Грибоедова // А. С. Грибоедов: материалы к биографии. Л.: Наука, 1989. С. 108—133. (Далее — *Ариштейн 1989*); *Фомичев С. А.* Александр Грибоедов: биография. СПб.: Вита Нова, 2012. С. 369, 437, 448; *Голлер Б. А.* «Горе от ума» в современном мире // Вопросы литературы. 2009. № 4. С. 220—290.

[11] *Melville F.* Alexander Sergeevich Griboedov: Russian Imperial James Bond Malgré Lui: In Memory of the 225th Anniversary of his Birth // Russians in Iran: Diplomacy and Power in the Qajar Era and Beyond / ed. by R. Matthee, E. Andreeva. London; N. Y.: I. B. Tauris, 2018. P. 58—84.

[12] *Могилевич И. М.* Первые публикации о гибели посольства А. С. Грибоедова и их достоверность // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 4. С. 11—29. Далее — *Могилевич.*

[13] См. прим. 2 к *Приложению 1.*

[14] См. прим. 63 к *Приложению 1.*

[15] Persien // Allgemeine Zeitung 1829. Nov. 21. № 325. S. 1299—1300. (РО ИРЛИ, ф. 457, ед. хр. 29, л. 1—2 об.).

[16] Перевод копии с письма Шах-зиды Зилу султана к Его Высочеству Аббас Мирзе // *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: его жизнь и деятельность. СПб.: типолит. Р. Голике, 1891. Т. 3 (октябрь 1827 — май 1831). Приложения. С. 67—69. Согласно публикатору, это документ № 551 (1829) архива МИД. Далее — *Щербатов, Приложения.*

[17] Russland // Beilage zur Allgemeinen Zeitung. 1830. Januar 29. № 29. S. 115 (РО ИРЛИ, ф. 457, ед. хр. 29, л. 4).

[18] ПФ АРАН, ф. 30, оп. 1, д. 145, л. 54.

Ценность двух последних документов состоит в том, что они показывают отстранение официальных лиц России от разбирательства в произошедшем и последовавшее формирование истории о случившемся пером европейской прессы по информации британских дипломатов. Поразительно, что для трех сторон (персидской, русской и британской) векторы искажения событий привели к общей картине: обвинению в случившемся самих жертв нападения.

Хронологически представляемые нами три документа располагаются в таком порядке: ноябрь 1829 г. — письма шаха и наместника Тегерана (*Приложение 2*); январь 1830 г. — возражения на публикацию вышеупомянутых писем русского анонима (*Приложение 3*); октябрь 1830 г. — рассказ о последних пятидесяти днях существования русского посольства, сделанный персидским чиновником (*Приложение 1*). Безусловно, ключевым текстом является последний. Он не только наиболее обстоятельный (два хронологически первых текста в фокусе держат именно гибель миссии). Рассказ персидского СЕКРЕТАРЯ отличается от текстов официальных лиц Персии тем, что он является рассказом очевидца события. Письма шаха и наместника возникли на основе услышанного от очевидцев, докладов должностных лиц и должны были служить основой планов по выходу из кризисной ситуации.

На фоне Русско-турецкой войны 1828—1829 гг. и стараний избежать нового конфликта с Персией полноценное расследование русская сторона не проводила, а русская пресса стала обсуждать событие только после смерти Николая I. Из этих запоздавших публикаций важнейшей является сделанный в 1858 г. Е. Н. Серчевским (1814—1880) по указанию А. А. Жандра (1789—1873) перевод[19] франкоязычного варианта[20] рассказа СЕКРЕТАРЯ. В 1872 г. в «Русском архиве» был опубликован пересказ этой французской публикации 1830 г.[21] Так называемый «полный» перевод французского текста на русский появился в 1929 г.[22] Этот перевод является повторением перевода 1858 г. с включением нескольких пропусков Серчевского, но с сознательным повторением «явно неправильной транскрипции персидских собственных имен и терминов»[23]. Русскоязычные документы, касающиеся ги-

[19] Реляция происшествий, предварявших и сопровождавших убиение членов последнего российского посольства в Персии: рассказ персиянина // А. С. Грибоедов и его сочинения / изд. Евграфа Серчевского. СПб.: тип. Глав. штаба его имп. вел. по воен.-учеб. заведениям, 1858. С. XLV—XXXVII.

[20] *Реляция.*

[21] *Ефремов П.* О смерти А. С. Грибоедова в Тегеране // Русский архив. 1872. № 7—8. Стб. 1492—1538. (Далее — *Ефремов*).

[22] Реляция происшествий, предварявших и сопровождавших убиение членов последнего российского посольства в Персии // А. С. Грибоедов: его жизнь и гибель в мемуарах современников / вступ. ст., комм., ред. Зин. Давыдова. Л.: Красная газета, 1929. С. 151—184.

[23] Прим. 124 редактора и комментатора З. С. Давыдова. Там же. С. 327.

бели Грибоедова (включая и рассказ СЕКРЕТАРЯ), были представлены в сборнике 1980 г.[24]; в нем текст СЕКРЕТАРЯ является воспроизведением публикации 1929 г., то есть основан на переводе Серчевского, выполненного с искажением дат и без соблюдения норм транслитерации персидских собственных и нарицательных имен, что затрудняет идентификацию персидских действующих лиц. Несколько англоязычных документальных источников, касающихся гибели посольства, были выявлены в коллекции Н. К. Пиксанова и опубликованы в 1980-е гг.[25], но публикацию не сопровождал ни объективный комментарий, ни полный перевод англоязычного варианта[26] рассказа СЕКРЕТАРЯ.

Для подкрепления трактовок публикуемых документов необходимо напомнить некоторые даты и сопредельные события.

Нападение на русское посольство, возглавляемое А. С. Грибоедовым, произошло в Тегеране 30 янв. 1829 г. В живых остались только четверо его сотрудников: трое курьеров и первый секретарь посольства Иван Сергеевич Мальцов[27]. Местом пребывания дипломатов в Персии того времени был Тавриз, главный город одной из провинций, расположенный на полпути от Тифлиса (650 км) до Тегерана (620 км), управляемый наследным принцем ʻАббас-мирзой[28]. Известие достигло Тавриза вечером 6 февр. 1829 г.[29], и принц немедленно лично оповестил русского генерального консула Андрея Карловича Амбургера (1794—1830), британского посланника Джона Макдональда (1782—1830) и вручил им послания для дальнейшей передачи их правительствам. (Дипломатический корпус в Персии того времени был представлен только Россией и Великобританией; в мирных переговорах окончившейся в 1827 г. Русско-персидской войны активно участвовали британские дипломаты; они были гарантами части контрибуционных выплат, происходивших до подписания мирного договора, что сильно тогда сблизило Персию и Британию.) Консул и посланник отправили полученные персидские извещения по своей подчиненности и подготовили ноты протеста[30].

---

[24] А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников / сост., вступ. ст., комм. С. А. Фомичева. М.: Худож. лит., 1980. С. 292—302, 303—329.

[25] *Аринштейн 1981*; *Аринштейн 1989*.

[26] *Нарратив*. Л. М. Аринштейн перевел несколько отрывков, касающихся любезного приема русского посольства; он также высказал мнение, что франкоязычный вариант рассказа «сильно искажен». См.: *Аринштейн 1989*. С. 108, 109.

[27] См. прим. 14 к *Приложению 1*.

[28] См. прим. 2 к *Приложению 1*.

[29] *Аринштейн 1989*.

[30] Британская нота была опубликована в мае 1829 г. (см.: The Affray at Teheran... // The Standard (GB). 1829. May 15. P. 2). Перевод британской ноты протеста опубликован в изд.: *Попова О. И.* Грибоедов-дипломат. М.: Междунар. отношения, 1964. (Далее — *Попова*.) С. 196—198. Публикация русской ноты нам не известна.

В своей ноте Амбургер настаивал, «...чтобы тела министра[31] и чиновников, павших жертвою кровопийц, были высланы в Тифлис»[32]. Русский консул не сомневался, что возобновятся русско-персидские военные действия, прекращенные год назад, и, в знак дипломатического протеста, перебрался в Нахичевань (ближайший к Тавризу русский пограничный город). За это самоуправство он получил выговор от командующего отдельным Кавказским корпусом генерала И. Ф. Паскевича, который пенял ему за отъезд (был потерян канал связи и влияния на персиян) и даже за ноту протеста: «Мы находимся теперь не в том положении, чтобы страхом оружия заставить Персию делать то, что нам желательно»[33]. (Генерал намекал на то, что военные силы России были связаны во второй кампании начатой в апреле 1828 г. войны с Турцией на Балканском и Кавказском фронтах.)

Из русских высших администраторов Паскевич ближе всех находился к Персии (в Тифлисе). По итогам Персидской войны 1826—1827 гг. он стал графом Паскевичем-Эриванским. Еще до получения высочайшего отклика на известие о трагедии[34] он решился на свой собственный дипломатический ход. В начале апреля 1829 г. к ʻАббас-мирзе он послал своего адъютанта штабс-капитана М. Ф. Кудашева (1805—1847) с гласным заданием собрать информацию о гибели посольства (генерал в наброске своей инструкции обозначил это «о смерти Грибоедова <...> хотя догадкою»[35]) и указанием дать понять персиянам, что эти убийства были совершены для понуждения России открыть против них военные действия и тем ослабить силы на турецком направлении[36]. Адъютант имел и секретное поручение: предложить персиянам вступить в войну с Турцией на стороне России: «...коль скоро он[37] сие учинит, то я вышлю ему на помощь войска, снабжу его пушками и ружьями и даже беру на себя помочь ему к завоеванию Вана»[38]. Это секретное предложение было вручено принцу на секретной аудиенции 23 апр. 1829 г.[39] В ответ на рапорт об этом са-

---

[31] Официальное именование должности Грибоедова — «полномочный министр».

[32] Рапорт н. с. Амбургера ген. Паскевичу от 8 февр. 1829 г. // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / ред. Ад. Берже. (Далее — *Акты.*) Т. 7. Тифлис: тип. Глав. управления Наместника Кавказа, 1878. С. 671.

[33] Предписание гр. Паскевича надв. сов. Амбургеру от 6 марта 1829 г. // *Акты.* Т. 7. С. 676.

[34] В Петербурге известия из Тегерана, сопровождаемые письмами Амбургера и Паскевича, были получены 14 марта 1829 г.

[35] РГИА, ф. 1018, оп. 2, д. 403, л. 1. Известно о некотором косноязычии Паскевича. Наверное, под «догадками» он разумел версии произошедшего, о которых еще продолжались толки.

[36] Там же. Л. 2.

[37] ʻАббас-мирза.

[38] РГИА, ф. 1018, оп. 2, д. 402, л. 1.

[39] Там же, д. 418, л. 2, 2 об., 5.

мостоятельном дипломатическом шаге Паскевич получил выражение высочайшего неудовольствия в письме министра К. В. Нессельроде (1780—1862): «...мистер Макдональд увидит инсинуации против политики Англии, и это в то время, как этот министр[40] старался совсем еще недавно показать самое благородное и лояльное расположение к нам. Я уверен, что после инсинуаций, подобных тем, которые содержались в двух секретных письмах, адресованных Аббас-Мирзе, если мистер Макдональд узнает о них, его планы явно повернутся против нас. <...> Его Величество также не сомневается, что Вы оцените большое значение тех замечаний, которые я имею честь Вам сообщить, о тех печальных последствиях, к которым мог бы привести этот шаг»[41]. Генерал Паскевич не зря был любимейшим сотрудником императора. Сбор всяких «догадок» о гибели посольства был прекращен. Министр иностранных дел России сформулировал официальную точку зрения, выраженную императором: «При сем горестном событии его величеству отрадна была уверенность, что шах персидский и наследник престола чужды гнусному и бесчеловечному умыслу, и что сие происшествие должно приписать опрометчивым порывам усердия покойного Грибоедова, не соображавшего поведение свое с грубыми обычаями и понятиями черни тегеранской, а, с другой стороны, известному фанатизму и необузданности сей самой черни, которая вынудила шаха и в 1826 г. начать с нами войну»[42]. В русской столице причины трагедии не только не выясняли, но их даже не обсуждали, так как было принято следующее авторитетное мнение: «Император изучил сам донесения и полагает, что единственная возможность удержать персиян от войны — наша твердая уверенность в невиновности персидского правительства и убеждение их, что мы отказываемся от мести и готовы принять его оправдания»[43].

В Петербурге в газете МИД «Journal de St.-Pétersbourg» 16 марта 1829 г. (почти на месяц раньше публикаций в Лондоне) на французском языке появилось официальное сообщение о трагедии в Тегеране. Через день, 18 марта, русский перевод этого сообщения был опубликован в газете «С.-Петербургские ведомости»[44], а 19 марта Ф. В. Булгарин (1789—1859) опубликовал свой перевод мидовского извещения[45]. Официальное русское сообщение умалчивало не только о причинах,

---

[40] Имеется в виду британский посланник.

[41] Перевод фр. текста: РГИА, ф. 1018, оп. 2, д. 208, л. 3 об. — 4.

[42] Нессельроде — Паскевичу. Письмо от 16 марта 1829 г. Цитировано по первой публикации: *Берже Ад. П.* Смерть А. С. Грибоедова // Русская старина. 1872. Т. 6. № 7. С. 193.

[43] Письмо гр. Нессельроде к гр. Паскевичу от 26 марта 1829 г. // *Акты.* Т. 7. С. 686—687.

[44] Официальные известия // С.-Петербургские ведомости. 1829. 18 марта. № 33. С. 171.

[45] Внутренние известия // Северная пчела. 1829. 19 марта. № 143. С. 2.

но и об основном поводе к погрому: желании толпы, воодушевленной муллами, завладеть лицами, получившими в посольстве законное убежище, то есть о выполнении посольскими своего долга. Некоторые опытные дипломаты-восточники (например, И. Ф. Паскевич, А. К. Амбургер) могли видеть несовпадение русской официальной формулировки, основанной на пока еще не опубликованной официальной персидской версии, с теми домыслами и слухами, которые гуляли на Востоке. Но вести расследование и публично анализировать факты не мог никто, так как существовало еще прошлого царствования высочайшее требование: «Единожды и навсегда принять за правило, чтобы российские чиновники, находящиеся на службе, нигде ни на каком языке не издавали в свет никаких сочинений, заключающих что-либо, касающихся до внешних и внутренних отношений Российского государства, сверх обыкновенной Цензуры, без дозволения своего начальства»[46].

В годовщину трагедии в январе 1830 г. Булгарин опубликовал обширные воспоминания о Грибоедове[47], которые включали его биографию, краткий перечень его произведений и обильное цитирование писем Грибоедова к автору воспоминаний. Гибели посольства Булгарин коснулся обиняком, поместив анонимную корреспонденцию В. Н. Григорьева (1803—1876), мелкого поэта и чиновника МВД. Григорьев летом 1829 г. в силу служебных обязанностей находился в Нахичевани во время прибытия туда из Тегерана гроба с телом Грибоедова[48]. Пережитое потрясение от увиденного вылилось в корреспонденцию[49] о церемонии встречи на границе гроба, движении его через чумные карантины Еревана и Тифлиса, отпевании и погребении 18 июля 1829 г. Не только о причинах нападения на посольство, но даже об обстоятельствах этого нападения в его корреспонденции не упоминалось. Впрочем, в статьях Григорьева—Булгарина в подстрочном примечании было указано на встречу А. С. Пушкина с гробом Грибоедова у Гергер[50]. Стоит напомнить, что Пушкин вернулся в Петербург из поездки на Кавказ в ноябре 1829 г., а опубликовал «Путешествие в Арзрум...» в начале 1836 г. Мы полагаем важным указать на эти устные упоминания Пушкина о гибели Грибоедова осенью 1829 г. — в то время, когда вокруг этой темы в России царило молчание.

Британский посланник Джон Макдональд, который находился в двойном подчинении и у Лондона, и у Ост-Индской компании,

---

[46] Высочайшее повеление 27 февр. 1824 г. // Записки, издаваемые от Департамента народного просвещения. 1825. Кн. 1. С. 10—11.

[47] *Ф. Б. <Булгарин Ф. В.>* Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове // Сын Отечества. 1830. Т. 9. № 1. С. 3—42.

[48] ОР РНБ, ф. 225 (В. Н. Григорьев), ед. хр. 5, л. 37 об. — 38, 50.

[49] Дополнение к статье: Воспоминания о А. С. Грибоедове: Описание последнего долга, отданного ему в Тифлисе // Сын Отечества. 1830. Т. 9. № 2. С. 87—94.

[50] Там же. С. 88—89.

продублировал свой рапорт и полученные от персиян официальные уведомления в Лондон и Бомбей. Он также озаботился сбором дополнительной информации, для чего отправил в Тегеран своего племянника, лейтенанта охранявшего дипломатов отряда, Рональда Макдональда (1800—1848). Лейтенант 8 февр. 1829 г. пустился в путь из Тавриза и прибыл в Тегеран 20 февраля[51]. Он пробыл там два дня, беседовал с тремя важнейшими персидскими чиновниками на уровне министров, двумя чиновниками, курировавшими пребывание русской миссии в Персии (в том числе с Назар-'Али-ханом[52]), дворецким английской резиденции (соседствовавшей с русской) и уцелевшим Мальцовым. Британский лейтенант был удостоен приема у шаха, который сам рассказал о произошедшем и просил организовать содействие в улаживании отношений с русскими и оправдании персиян[53]. Лейтенант 7 марта 1829 г. вернулся в Тавриз и неделю составлял отчет, опубликованный в 1979 г.[54]

Первым персидским неофициальным рассказом о тегеранской трагедии (точнее, как нами доказано[55], английским рассказом от лица персиянина) было опубликованное в Великобритании уже 10 (22) мая 1829 г.[56] письмо некоего «просвещенного и знатного жителя Тавриза» своему знакомому, «знатному джентльмену» из Херефорда (Hereford, GB). Это произошло месяц спустя после публикации в Британии первых официальных известий, почерпнутых из немецкой прессы[57]. Учитывая, что весной минимальная продолжительность доставки письма из Тавриза в Великобританию составляла не менее восьми недель, дата отправления неофициального персидского рассказа совпадает с окончанием работы Р. Макдональда над своим отчетом, завершенным просьбой шаха помочь в улаживании конфликта. Правда, в самом письме в Херефорд указана почти невероятная (по скорости не только почтового, но и курьерского сообщения) дата его написания: «примерно» 20 апр. 1828 г. н. с.[58]

Немного позднее сфальсифицированного частного письма в Херефорд, в начале июня 1829 г., в английских газетах появились сообщения поверенного при дворе шаха полковника Дж. Макдональда,

---

[51] *Harden E. J.* The murder of Griboedov. New materials // Birmingham Slavonic Monographs. 1979. № 6. (Далее —*Harden 1979.*) P. 16.

[52] См. прим. 4 к *Приложению 1*.

[53] *Harden 1979.* P. 18—19.

[54] Ibid. P. 18—26.

[55] *Могилевич.* С. 19—23.

[56] Указания на эту публикацию исходят из доступных нам ее перепечаток в газете американского штата Вермонт (Brattleboro' Messenger (US). 1829. July 24. P. 2) и в печатавшемся в Великобритании журнале (The Asiatic Journal and Monthly Miscellany. 1829. Vol. 27. № 6. P. 783—784).

[57] The Standard (GB). 1829. April 13. P. 2; The Times (GB). 1829. April 14. P. 3; The Observer (GB). 1829. April 19. P. 1.

[58] Massacre in Persia // Brattleboro' Messenger (US). 1829. July 24. P. 2.

впервые указавшего на «гаремную причину» разгрома посольства: «Поведение русского посла было наглым и раздражающим в высшей степени; возможно, он следовал инструкциям своего двора. Обстоятельство, приведшее к смятению, было его отношение к двум женщинам, которых он требовал из гарема шаха из-за того, что они якобы из Грузии. Женщины были из Турции. С женщинами плохо обращались, и толпа разгромила посольство»[59]. Нельзя удержаться и не привести мнение того же самого Макдональда, высказанное в частном письме руководителю Ост-Индской компании за три месяца до этого: «О великодушном, мужественном, хотя, быть может, несколько несгибаемом характере покойного никто не может свидетельствовать более обстоятельно, чем я, <...> имел бесчисленные возможности должным образом оценить многие добродетели, которые украшали его ум, и осознать, что высокое чувство чести во всех случаях составляло правило и руководило его действиями»[60].

Почти одновременно с очерняющим публичным высказыванием Макдональда в Британии было опубликовано интервью находившегося в Москве с извинительной миссией персидского принца (сына ʻАббас-мирзы) Хосров-мирзы (1813—1875), данное ранее служившему в Персии и находящемуся в отставке британскому дипломату: «Русский посол был человек с большими природными способностями, лингвист и поэт; он хотел примирения с персиянами, но высмеивал их предрассудки. По его неосторожности или даже вине по отношению к двум армянкам, он вызвал неудовольствие населения столицы, которое не удалось погасить даже вмешательством шаха»[61]. При издании своих корреспонденций из России в виде отдельной книги путешествующий англичанин не ограничился наведением напраслины на погибшего посла, а дополнил его характеристику психологическими чертами эгоистического монстра, что перевели на русский и издали в 2008 г.[62] Таким образом, уже летом 1829 г. в публичном поле существовала выработанная британскими дипломатами единственная «гаремная» версия тегеранских событий, а в конце 1829 г. и в 1830 г. были опубликованы еще два рассказа персиян о событии, хранимые Аделунгами в семейном архиве[63]. Их переводы представлены в *Приложениях 2* и *1*.

---

[59] Перевод из: The Morning Post (GB). 1829. June 9. P. 3.

[60] Перевод цитаты из: *Harden E. J.* Griboedov and the Willock Affairs // Slavic Review. 1971. Vol. 30. № 1. P. 87—88. Далее — *Harden 1971.*

[61] Travels to the Seat of War in the East, through Russia and Crimea, in 1829 <...> by captain J. E. Alexander // The Asiatic Journal and Monthly Miscellany. 1830. Vol. 3. № 10. P. 115.

[62] *Александер Дж.* Россия глазами иностранца. М.: Аграф, 2008. С. 105—109.

[63] РО ИРЛИ, ф. 457, ед. хр. 18, 29. Необходимо упомянуть двух персон, благодаря которым этот архив дошел до нас: Б. Л. Модзалевский приобрел архив в 1919 г. у бедствующей вдовы сына Н. Ф. Аделунга (внука Ф. П. Аделунга) Николая Нико-

Чрезвычайно маловероятно, что случайностью можно объяснить почти одномоментную (с учетом скорости передачи информации того времени) публикацию в ноябре 1829 г. переписки персидской правящей семьи (*Приложение 2*) и рассказа чиновника протокольного отдела в 1830 г.: в сентябре по-английски, в октябре по-немецки (*Приложение 1*) и в декабре по-французски. Рассказ СЕКРЕТАРЯ расходится с утечкой из официальной персидской переписки не только в численных сведениях, но и фактах: обходительность шаха и вельмож по отношению к посольству сменилась неудовольствием после второго Высочайшего приема (10 или 12 января 1829 г.), на котором Грибоедов отверг торги вокруг статей уже подписанного договора; обвинение в воровстве *мирзы* Якуба выдвинули после его просьбы о возвращении на родину; Грибоедов пытался на четвертой Высочайшей аудиенции (22 января 1829 г.) перевести разбирательство недостачи у Якуба из духовного суда (обязанного предать смерти перешедшего в христианство) в суд светский, но шах в этом отказал, тем самым усилив полномочия мулл. Персидские солдаты, охранявшие посольство, разбежались еще перед первым нападением толпы, вооруженной только холодным оружием. К концу первого приступа шах отправил несколько полицейских разогнать толпу; во время второго штурма отряд гвардейцев во главе с двумя шахскими сыновьями был настолько невелик, что его заставили убраться бранью. По рассказу СЕКРЕТАРЯ, гвардейцы никого не спасли; четверых выживших «русских» спас или подкуп, или тяжелое ранение, принятое нападавшими за смерть. Во время первого нападения Грибоедов был легко ранен камнем при попытке обратиться к толпе с увещеванием, а убит позднее многочисленными сабельными ударами во время второго штурма. И самое главное: нападение толпы было вызвано не спонтанным уличным конфликтом, а агитацией мулл в мечетях, продолжавшейся больше суток, о чем ночью накануне нападения был информированы шах, принц-наместник и (по крайней мере) один из высших чиновников.

Отчего могли возникнуть два разных рассказа о событии (потому что благодаря другим великобританским дипломатам рассказ персидского чиновника дошел до нас: один уроженец Шотландии записал, а другой хлопотал о публикации в английском журнале истории СЕКРЕТАРЯ)? Ответ на этот вопрос связан с существовавшей в то время конфликтной ситуацией в британском представительстве в Персии. Сложные отношения Форин Офиса и Вест-Индской компании, между Дж. Макдональдом и братьями Генри (1790—1858) и Джорджем (1802—1883) Уиллоками подробно освещены и русскими[64], и английскими

лаевича Аделунга (1859—1917), энтомолога Зоологического музея ИАН и историка науки (см.: Дело фонда Аделунгов Федора Павловича и его сына Николая Федоровича).

[64] *Ариштейн 1981*. С. 230; *Ариштейн 1989*. С. 117.

исследователями[65]. Единственным документом, бросающим свет на фиксацию рассказа СЕКРЕТАРЯ, является рекомендательная записка в издаваемый в Лондоне журнал от 10 января 1830 г.[66] будущего посла в Персии, а пока доктора британской миссии Джона Макнейла (1795—1883), давнего корреспондента этого издания[67]. Английские исследователи, тщательно изучив архивы журнала «Blackwood's Edinburgh Magazine», не обнаружили самой рукописи, а обнаружили только записку Макнейла.

Инициировать публикацию на французском мог сам издатель журнала «Nouvelles annales des voyages et des sciences géographiques», выдающийся путешественник, просветитель, полиглот и сооснователь Парижского географического общества Жан Батист Бенуа Эйриес (1767—1846). Он часто посещал Россию и помогал русским путешественникам не только переводом их книг на французский, но и более серьезными проектами. Он организовал дорогостоящее художественное издание в Париже рисунков, сделанных во время кругосветного плавания на бриге «Рюрик» трагически погибшим в Мексике русским путешественником и художником Л. А. Хорисом (1795—1828)[68].

Несколько отличий немецкоязычной публикации от английской и французской позволяют сделать предположение о ее инициаторе. В немецком варианте присутствует краткое послесловие, содержащее четко сформулированную причину трагедии, противоречащую официальным (российской, персидской и английской) формулировкам: «...все пришло в порядок, раз Дворы друг друга прощают[69]. У богов более длинная память, и если трон шаха перед русскими орлами когда-то должен пасть, то об ужасах 11 февраля 1829 г. снова заговорят. Очевидно, что персидское правительство с помощью своего духовенства натравило толпу на них; даже если оно и не имело намерения довести дело до крайности»[70]. В этом решительном комментарии видна не только симпатия к погибшему посольству, но и «русский автор»: ведь, по мнению специалиста, «мотив орла — один из самых частотных и постоянных в русской батальной поэзии»[71]. Не был ли этим пуб-

[65] *Harden 1971*. P. 76—77.

[66] Ibid.

[67] *F. M.* [*MacAlister F.*] Memoir of the Right Honorable Sir John McNeil and his second Wife Elizabeth Wilson. London: John Murray, 1910. P. 64, 72.

[68] *Марисина И. М.* Очерки по истории международных связей Императорской Академии художеств во второй половине XVIII — первой трети XIX века. М.: БуксМАрт, 2021. С. 310—318.

[69] Подразумеваются триумфальные приемы извинительной миссии Хосровмирзы по пути от Тифлиса до Петербурга, прием сатисфакции (алмаза Шах), дарованное прощение и 20-процентное сокращение контрибуции.

[70] Geschichte der letzten russischen Gesandtschaft in Persien und ihrer Ermordung // Das Ausland. 1830. Oct. 25. № 298. S. 1191 (РО ИРЛИ, ф. 457, ед. хр. 29, л. 38 об.).

[71] *Халиуллин К. Р.* Война и русская поэзия первой половины XIX века: официальная идеология и поэтические концепты: дис. канд. ... филол. наук. СПб., 2022. С. 104.

ликатором П. И. Кеппен? Его дневники не сохранили таких указаний. Но он был связан с этой темой родством. Кеппен был не только высокопрофессиональным статистиком и аналитиком, но человеком с глубоким чувством достоинства, толкавшим его порой на столкновения с начальством. Молодым начинающим журналистом в 1825 г. он публично защитился против абсурдных мракобесных нападок М. Л. Магницкого (1778—1844) на опубликованный им библиографический обзор славянских древностей[72], а 16 лет спустя так же публично, уже в ранге академика, он отстоял свою научную правоту и объективность в статье, анализирующей работу русской почты, от нападок покровителя Магницкого, князя А. Н. Голицына (1773—1844)[73]. Но за год, прошедший после несомненно кеппеновской анонимной публикации (см. *Приложение 3*), Петру Ивановичу могла стать доступна какая-то новая информация, что позволило не ссылаться более на «печальные последствия горячности Грибоедова, чем частично следует объяснить несчастье» (как он это сделал в своей публикации января 1830 г.), а осенью 1830 г. четко указать виноватого: «Очевидно, что персидское правительство с помощью своего духовенства натравило толпу на них...». Возможно, такой информацией стали рассказ СЕКРЕТАРЯ, известный Кеппену до публикации *Нарратива*, и обсуждение этого свидетельства со своим другом и тестем Ф. П. Аделунгом.

Второй особенностью немецкоязычной *Истории* (и одновременно серьезным аргументов против того, что она переведена с *Нарратива*) могло бы стать расхождение в числе погибших «русских». *История* указывает число 54, что близко к 55, в ней же указанному числу прибывших из Тавриза в Тегеран[74]. При нападении чудом уцелели четверо[75]. На территории посольства погибли двое грузинских купцов[76] и *мирза* Соломон Меликянц[77], прибежавшие предупредить Грибоедова о приближении толпы. Этих троих погибших СЕКРЕТАРЬ мог присоединить к «погибшим русским», что делает более верной цифру погибших, приведенную в *Истории*, чем в *Нарративе* и *Реляции* (44 человека). И если предположить, что перевел на немецкий рассказ СЕКРЕТАРЯ П. И. Кеппен, профессиональный статистик, естественно, что он пересчитал и исправил число погибших, неточно указанное в *Нарративе*. О том, что Кеппену в 1830 г. была доступна английская и индийская пресса, свидетельствует сделанный им отчет по холере в Бахчисарае[78].

---

[72] ПФ АРАН, ф. 30 (Кеппен П. И.), оп. 1, д. 503.

[73] Там же, д. 508.

[74] Geschichte der letzten russischen Gesandtschaft in Persien und ihrer Ermordung // Das Ausland. 1830. № 287. S. 1145.

[75] *Дмитриев*. С. 609.

[76] Geschichte der letzten russischen Gesandtschaft in Persien und ihrer Ermordung // Das Ausland. 1830. № 295. S. 1178.

[77] Ibid. № 297. S. 1187.

[78] РГИА, ф. 398, оп. 81, д. 1068, л. 18—20 об.

Остается заключить, что взятый в России курс на замалчивание события и отказ от его расследования облегчил персидским властям уход от ответственности и позволил обвинить в произошедшем самих жертв.

Авторы благодарны ведущему научному сотруднику Института восточных рукописей РАН Алексею Александровичу Хисматулину за исправление транслитерации персидских собственных и нарицательных имен, ценные справки и обсуждение событий.

Кальки персидских, арабских и тюркских слов переведенных текстов выделены курсивом.

Приложение 1

Перевод публикации[1] в газете «Das Ausland» 14—25 октября 1830 года «Истории последнего русского посольства в Персии и его гибели»

Еще до сих пор, без сомнения, памятны те ужасные события, жертвой которых стали в феврале месяце 1829 г. русский посланник в Персии и его свита. Возможно, наши читатели заинтересуются рассказом, набросанным персиянином и содержащим любопытные подробности о русском посольстве со дня его отъезда, 20 декабря 1828 г., из Тавриза в Тегеран и за все время пребывания его в этом городе до 11 февраля 1829 г.

История последнего русского посольства в Персии и его гибели

После того как его Высочество ‘Аббас-мирза[2] отправил *михмандара*[3] сопровождать русское посольство, то и я, в качестве секретаря последнего[4] и счетовода, покинул Тавриз[5] со свитой хана 16 числа месяца *джумади ас-сани* (22 дек. 1828 г.)[6]. Двумя днями ранее город покинул господин Грибоедов, и мы нагнали его в деревне Тикма-даш[7].

Моему начальнику дали это поручение неожиданно, так как *мирза* Муса-хан, брат *кайим-макама*[8] его Высочества[9], ранее назначенный сопровождать посольство в столицу, сумел уклониться, сославшись на слабое здоровье. Был ли он вообще настроен против подобных поручений или считал его ниже собственного достоинства, но его заменил мой начальник.

Для обеспечения пристанища, пищи и радушного приема мы запаслись всевозможными документами о наших полномочиях для различных правительственных служб и местных администраторов тех районов, через которые лежал наш путь. Во время прощальной аудиенции принц ‘Аббас-мирза дал хану подробные распоряжения во избежание поводов для недовольства посла. В помощь моему хану были выделены помощники: Мухаммад-‘Али-бек[10] (помощник *фарраш*[11]-*баши*[12]) и еще шесть младших *фаррашей*[13].

Хан ранее имел некоторое знакомство с послом, но в Тикма-даше его приняли не очень тепло. Господин Грибоедов проявил свое расположение и доверие к *михмандару* не ранее, чем оказанные послу во время путешествия услуги и любезности дали хану право на благоволение посла. Первоначальная холодность господина Грибоедова проистекала из его недовольства отсутствием *мирзы* Муса-хана, чье положение было гораздо выше положения моего начальника. Это обстоятельство, вкупе с суровой погодой, сделало наше путешествие скучным и изнурительным. Земля была покрыта глубоким снегом, но мы делали все для удобства посольства и облегчения трудностей, которые всегда сопровождают зимние путешествия.

Посольство составило многочисленный отряд. Кроме господина Грибоедова, в него входили: господин Мальцов[14] (1-й секретарь), господин Аделунг (2-й секретарь), врач[15], *мирза* Нариман (армянский переводчик), какой-то грузинский принц[16], Дадаш-бек (посланный в Решт)[17], Рустам-бек (управляющий хозяйством), охрана из шестнадцати линейных казаков (с Кубани)[18] и около тридцати сопровождающих и слуг (мусульмане, русские, грузины и армяне).

Вскоре я убедился, что слуги посольства не находились под строгим контролем. Отношение армян и грузин к моим соотечественникам в общем было высокомерным и недружелюбным[19].

Обязанности *михмандара* затруднительные и неприятные, и при этом необходимо выказывать почтение и угодить нужно всем. Ежедневно в деревнях мы заботились о поставках большого количества провизии. Для этого мой начальник составлял полный список принимаемых от жителей продуктов. Этот список давал им право на соответствующий вычет из суммы ежегодных платежей государству[20]. Принимал поставки и распоряжался ими как раз Рустам-бек.

Вот перечень ежедневных нужд посольства[21]: 1 бык, 1 теленок, 5 овец, 30 птиц, 200 яиц, 13 *манов*[22] риса, 36 фунтов сливочного масла, 36 фунтов простокваши, 12 фунтов сыра, 24 фунтов леденцов, 3 фунта пряностей, 240 фунтов хлеба, 6 фунтов кислого виноградного сока, 6 фунтов виноградного уксуса, 1 бутылка лимонного сока, 6 фунтов изюма, 3 фунта миндаля, 60 фунтов фруктов, 18 фунтов репчатого лука, 3600 фунтов дров, 120 фунтов древесного угля, 1800 фунтов ячменя, 3600 фунтов соломы, 18 фунтов свечей, 6 фунтов молока, 300 фунтов вина и ликеров.

Стоимость припасов составляла более 60 *туманов*, или 75 голландских дукатов[23]. Это количество превышало потребности посольства, к тому же все невозможно было получить в деревнях. Вместо отсутствующего продукта часто взимали деньги[24]. Излишки шли Рустаму — частенько он получал наличными по 10—15 *туманов*. Такой способ действий нам казался неправильным; но так как мы не знали, как господин Грибоедов относится к превращению своего рациона продуктов в деньги, то мы делали вид, что ничего не замечаем. Однако в сво-

их книгах я отмечал суммы, которые за время путешествия получал Рустам, всего 150 *туманов*[25].

Вблизи города Мийана[26] посла приветствовали *мирза* Фатих, гражданский губернатор округа, вместе с сыном Джахангир-хана, главы племени Шукаки.

Путь через Кафлан-Кух был трудным и утомительным из-за глубокого снега, который покрывал горы. В Занджане посольство остановилось в доме Наджаф-Кули-бека (сына Наср Аллах-хана Афшара[27]), который встречал посла верхом во главе многочисленной свиты. На следующий день после прибытия в Занджан господин Грибоедов представился принцу ʻАбд Аллах-мирзе[28], который оказал ему все почести и знаки внимания. Кроме подарков гостеприимства в виде выпечки, фруктов и блюд его кухни, его Высочество подарил послу очень хорошего коня. Слуга, который привел коня, получил 16 дукатов[29].

Мы получили от ʻАбд Аллах-мирзы 15 лошадей для нужд посольства, чтобы заменить тех, которых предоставил ʻАббас-мирза. Также администрация Занджана оплатила аренду 45 вьючных животных до города Казвина. Когда мы проходили перевал Кафлан-Кух, для помощи моему начальнику прибыли служащие ʻАбд Аллах-мирзы. Они оставались с нами, пока мы не покинули его земли.

В Сийахдахуне[30], на границе с Казвином, мы встретили служащих ʻАли-Наки-мирзы[31], которые сопровождали нас почти до Тегерана. Этим людям Грибоедов никогда не делал подарков за их труды и хлопоты. Средства посла, вероятно, были очень мизерные, так что он не мог быть щедрым. Владельцам домов, в которых он останавливался, он обычно оставлял 1 или 2 дуката, и, насколько я знаю, это было единственное, чем он их отдаривал.

Никогда не забуду, какие трудности нам пришлось вытерпеть, когда мы пересекали долины Султанийи. Холод был пронизывающий, из-за глубокого снега лошади едва двигались, и порывы ветра с дождем и снегом сулили неприятности. Однажды утром мы даже думали, что потеряли посла. Он с двумя казаками сбился с пути и присоединился к нам лишь поздно вечером. Иногда ему хотелось пройти дневной путь галопом с большей частью своей свиты, однако не все кони выдерживали такую нагрузку и, измученные, ложились на землю[32]. Их часто приходилось заменять, забирая вьючных животных у встреченных на дороге.

Отношение посла к моему хану и ко мне становилось все дружелюбнее; он обращался с моим начальником искренне и доверчиво; со мной он часто пускался в беседы. Я мог заметить, что он был человек больших талантов и знаний. Но мне казалось, что он был новичком в своем деле, не привык командовать и в его манерах не чувствовалось важности. Кроме того, его сопровождение было подобрано плохо: это были невоспитанные и неподготовленные для этой службы люди[33].

В Сийахдахуне Мухаммад-хан Афшар приветствовал господина Грибоедова от лица шаха. Осенью Мухаммад-хан Афшар был послан в Азербайджан, чтобы встретить посла у Аракса[34] и сопроводить его в Тавриз. Но так как пребывание господина Грибоедова в Тавризе затянулось, то Мухаммад-хан Афшар вернулся ко Двору.

Целая толпа встречающих из Казвина во главе с министром *мирзой* Наби-ханом[35] выехала из города, чтобы приветствовать посольство. Несколько предводителей воинствующих племен с приблизительно тремя сотнями всадников сопровождали его. С ним также прибыли пять *шатиров* (скороходов) и 10 *фаррашей* (слуг, расставляющих палатки), чтобы подчеркнуть великолепие сцены вступления в город. Послу был предоставлен конь с богатой упряжью из конюшни принца. Жильем для Грибоедова стал новый дом рядом с домом *мирзы* Наби-хана. Этот дом был подготовлен для одной из дочерей принца, которую собирались выдать замуж за брата *мирзы*. Свадебные торжества уже начались, и господин Грибоедов принял участие в трапезе по-европейски, которая состоялась в его честь.

Между тем в Казвине случились обстоятельства, которые могли привести к ужасным последствиям. Посол вез с собой список рабов обоих полов, которых персы захватили в русских областях. Несколько грузин и армян[36] присоединились к посольству с намерением освободить родственников. Рустам-бек был общим агентом, который помогал при поиске рабов. Им было известно, что один из слуг Хусайн-хана, бывшего наместника Эривана, привез с собой в Казвин молодую немецкую девицу. Когда ее потребовали от него, он сказал, что якобы продал ее известному купцу; позвали купца и потребовали вернуть девушку; но купец ее продал одному *сайиду*[37] — потомку Пророка по имени шейх ʻАбд ал-ʻАзиз, двоюродному брату главного муллы Казвина. Рустам-бек, несколько казаков и двое *фаррашей* хана *мирзы* Наби нашли и привели *сайида* на площадь перед домом *мирзы* Наби и потребовали выдать немку, хотя она давно была его женой и родила двух детей. *Сайид* отказался, угрозы были напрасны, после чего Рустам-бек приказал бить его[38]. Толпа людей, которая свидетельствовала брак дочери *мирзы* Наби, окружила *сайида* и стала возмущаться; об этом оповестили *мирзу* Наби, и тот вышел из дома для предотвращения насилия. Он велел Рустам-беку прекратить издевательства, иначе никто не сможет сдержать нарастающее недовольство населения.

В то время как *мирза* Наби уговаривал *сайида* привести свою жену, мой начальник доложил о ситуации Грибоедову. Жена *сайида* пришла с двумя детьми и была отведена в покои посла; муж ее остался во дворе перед окнами[39] и заявил, что убьет себя, если его насильно лишат жены. Если же она пожелает покинуть его, то он без сожаления откажется от своих прав на нее. Господин Аделунг, немец-секретарь, казался очень обеспокоенным тем, захочет ли женщина вернуться в Грузию[40]. Посол спросил ее, остается она в Персии или хочет вер-

нуться на родину. Она ответила, что если у нее есть выбор, то она останется с мужем, так как не может расстаться с детьми. После этого господин Грибоедов передал ее *саййиду*[41]. Этот приговор произвел большое впечатление, так как на улице стояла толпа, которая со страхом ожидала решения.

В том же Казвине с большим трудом вернули девочку семи-восьми лет, судьба которой растрогала посла и с которой он обращался как с дочерью[42]. *Мирза* Наби повторял господину Грибоедову во время последовавшего пиршества, как ему благодарны жители Казвина за его поступок с *саййидом*. Три дня мы провели в Казвине, и при прощании *мирза* Наби с несколькими всадниками проводили нас[43].

Это было в Russeabad-e[44], деревне под Казвином, где моему начальнику представилась возможность изложить послу мнение ʻАббас-мирзы. Как обычно, Рустам потребовал деньги за товары, которые невозможно было достать, — на этот раз 11 *туманов*. Местные, хотели они платить или нет, прислали старика, но только с семью *туманами*. За что тот получил от Рустама сильный удар по голове. Внезапно посол услышал яростный крик; господин Грибоедов вышел из комнаты, чтобы узнать о причине шума. Мой начальник сообщил, что за отсутствующее продовольствие старик принес денег меньше назначенного и за это побит Рустамом. Господин Грибоедов выразил недоумение по поводу денег, которые берет Рустам, и упрекнул хана за то, что раньше тот ему про это не говорил. Хан считал, что оценка стоимости отсутствующих продуктов происходит с ведома посла; и что с самого начала путешествия так это и идет, и что *мирза* ведет регулярный счет: в разных деревнях Рустаму заплатили 160 *туманов*[45]. Гнев господина Грибоедова был велик чрез меры[46]; он объявил, что на обратном пути из Тегерана он будет возвращать взятые деньги[47]. Этот момент использовал хан, чтобы открыть послу мнение принца ʻАббас-мирзы, которое тот высказал накануне отъезда: «Тот способ, каким господин Грибоедов ведет дела, доставляет мне большое удовольствие, и я питаю большое уважение и доверие к его таланту и опыту, так что существующее согласие между правительствами не пострадает. Однако я беспокоюсь относительно его свиты. Он мог бы более строго относиться к своему сопровождению; люди слишком одержимы религиозными и личными интересами. Он должен был помнить, что я несколько лет тому назад был вынужден потребовать высылки Дадаш-бека из Тавриза, потому что у него были конфликты с жителями. Рустам-бек — человек недостойный, и я опасаюсь, что эти лица втянут Грибоедова в неприятные ситуации». Это мнение было принято с благоволением, и господин Грибоедов собирался по возвращении в Тавриз не брать на службу армян и грузин, однако пока уволить их он не мог.

Хан и я уверились в добрых намерениях посла. Мы часто ехали с ним рядом и беседовали. Среди разных тем зашел разговор о трудности держать сопровождение в надлежащем послушании. Я заметил,

что в Персии слуги соблюдают исключительное почтение к господам[48], что очевидно имеет хорошие последствия. Благодаря этому они не только знают свое место, но и повышают авторитет хозяина среди местных жителей. Англичане, с которыми я близко общался, прекрасно обходятся со своими людьми. В доказательство я сослался на хозяйство английского посольства. Хотя дом посольства многолюден и в нем люди различных племен и стран, все же посол всех держит в узде благодаря своей выдержке, поэтому ему редко высказывают неудовольствие поведением его слуг.

Наконец мы достигли окрестностей столицы. Но вместо того, чтобы из Сулаймании сразу ехать в Тегеран, мы отправились в деревеньку Канд[49], которая находится в 8 милях от Тегерана, для того чтобы подготовиться к въезду в столицу. Необходимо было вычистить животных. Каждому надеть свою лучшую одежду. Для предстоящего въезда послу подготовили четырех или пятерых коней. Было воскресенье 5-го *раджаба*[50]. Солнце стояло в созвездии Скорпиона, что означает неблагоприятный период, на что я обратил внимание хана. Он возразил, сказав, что *фаранги*[51] не верят в астрологию и поэтому старания отложить въезд напрасны.

За две или три мили до столицы нас встретили несколько слуг шаха с богато украшенными лошадьми, несколько скороходов и другие слуги. Посольство выглядело великолепно. Шах поручил встретить посла Мухаммад-Вали-хану Афшар, которого сопровождали родственники: Аман Аллах-хан и Хабиб Аллах-хан (оба офицера высокого ранга). Появилась еще одна группа во главе с *мирзой* Мухаммад-‘Али-ханом[52], министром принца-наместника, к которой присоединились многие знатные жители города. Посол остановился в больших покоях[53] *занбуракчи-баши*[54], покойного Мухаммад-хана, которые понравились из-за купален и других удобств. В парадных залах стояли корзины с фруктами, вареньем и сладостями. Поскольку покои имели несколько дворов разной величины, то понадобилось некоторое время для размещения членов посольства.

Мирза ‘Абд ал-Хусайн-хан[55], племянник министра иностранных дел, представился послу как *михмандар* шаха. Его дядя отдавал распоряжения, а племянник сам обежал все помещения, чтобы убедиться в их исполнении. Фараханская[56] пехотная рота номинальным числом в сто человек, а в действительности 80, под командой Мухаммад-‘Али-султана прибыла к дому в качестве почетной стражи, и брат последнего, Хаджи-бек, майор того же подразделения, приходил ежедневно для проверки караула. Чтобы оттеснять любопытных от посольства, были присланы пятнадцать *фаррашей* шаха. Хан и я тоже получили комнаты в этой усадьбе, хотя его обязанности *михмандара* с нашим прибытием в Тегеран прекратились.

На следующий день после нашего прибытия состоялся первый церемониальный прием. *Мирза* Абу-л-Хасан-хан[57] был на нем главной

персоной. Почти равными ему по положению были *мирза* Мухаммад-‘Али-хан, *визирь* принца-наместника ‘Али-шаха[58], и его брат *мирза* Мухаммад-Бакир-хан, а также Мухаммад-хан, командующий личной охраной и старший церемониймейстер шаха[59]. Встреча прошла удачно, с обычным обменом комплиментами и знаками внимания. В течение дня посла угощали в изобилии сладостями и фруктами.

После того как все необходимые церемонии, предшествующие аудиенции у шаха, были выполнены, наступило это важное событие. Мне кажется, что это было в среду, 9-го *раджаба*[60]. За час до полудня явился церемониймейстер Мухаммад-хан, чтобы проводить посла во дворец. Он привел восьмерых *насакчи*[61], пятнадцать *зарчи*[62], одиннадцать *фаррашей* и для посла — коня из конюшни шаха. Данным слугам было вменено в обязанность оказывать посольству почести. Пока процессия медленно двигалась, торговцы базаров, стоявшие перед своими лавками, приветствовали посла по обычаю *фарангов*, снимая шапки. Слуги оказывали посольству знаки уважения в проходах и дворах дворца по пути к зеркальному залу, где в полном параде ожидал его Величество. Я мог следовать за господином Грибоедовым только до дверей сада зеркального зала. Прошло пятьдесят минут, прежде чем посол появился снова. От других я узнал, что он передал верительную грамоту и что церемония прошла ко всеобщему удовольствию; однако шушукались о том, что господин Грибоедов слишком долго сидел в присутствии шаха в поставленном для него кресле. На голове шаха была корона, сверкающая украшениями, представление об обилии которых дает тот факт, что шах, утомленный их весом, сразу сбросил ее, как только посол вышел.

Господин Грибоедов, покинув дворец, выразил желание немедленно нанести визит его Высочеству принцу-наместнику[63]. Но этот визит пришлось отложить, так как принц не имел права принимать его без разрешения шаха, и посол отправился тогда в покои Амин ад-даулы[64], которого он, как я узнал позднее, считал первым министром государства. Ничто не могло превзойти вежливость его приема. Так окончились церемониальные визиты. Визит к министру иностранных дел господин Грибоедов нанес только спустя два или три дня. Не ускользнуло от внимания то, что он не общался с *Му‘тамид ад-даулой мирзой* ‘Абд ал-Ваххабом[65], министром первого ранга, который пользовался большим уважением благодаря своей образованности и состязался в первенстве и властных привилегиях с Амин ад-даулой. Принц-наместник, который с удовольствием отклонил бы честь визита, пытался отложить его до того дня, когда шах отсутствовал бы, и уступил только после повторно выраженного желания посла.

Амин ад-даула и *мирза* Абу-л-Хасан-хан провели целый ряд больших празднеств в честь посольства, одно за другим. Дух состязания охватил их; каждый из них старался доставить гостям удовольствие великолепным обслуживанием, демонстрацией китайского фарфора,

стеклянных изделий, всякого домашнего великолепия, которое они наперебой выставляли, иллюминациями и фейерверками. Казалось, что до второго приема у шаха (на двенадцатый или четырнадцатый день после прибытия посольства в Тегеран) при Дворе все стремились выказать уважение послу.

Но с этого момента я стал замечать, что боязливое стремление оказывать любезности постепенно и малозаметно стало убывать. На второй аудиенции у шаха был вручен ратифицированный договор о мире. И снова бросилось в глаза долгое сиденье посла, а слово *муррахас* ('свободны', которым пользовался шах для сокращения времени аудиенций) глубоко оскорбило посла и вызвало появление официальной ноты в адрес министра иностранных дел, в которой указывалось на недипломатичность подобного выражения в отношении представителя императорского Величества. Хотя в ответе послу и было заявлено, что в этом слове, по обычаю, не было ничего оскорбительного или невежливого, но это объяснение показалось послу недостаточным. Вдобавок посол в своей ноте упомянул шаха лишь с титулом «шах», что персидский министр счел достойным порицания.

О характере дипломатических переговоров я не мог узнать ничего определенного. Говорили, что шах не доволен некоторыми статьями договора и что Грибоедов высказался раз и навсегда, что у него нет полномочий для изменений или модификаций договора. Обременяющие и необременяющие обязательства после совещания двух сторон были подтверждены и остались неизменными.

Два или три раза произошли неприятные инциденты между жителями города и слугами посла. Погонщики верблюдов одного знатного господина плохо обошлись с русским слугой Грибоедова Александром (его молочным братом) и избили его. Немедленно покинув город, они избежали наказания. Но не так было дело с одним грубияном, который разбил у казака его бутылку с бренди, и сделал это намеренно, так как поведение иностранцев во многом не нравилось местным жителям. Этого парня арестовали, и он на площади получил удары палками по пяткам.

Потребности всякого рода ежедневно удовлетворялись *мирзой* 'Абд ал-Хусайн-ханом, но по приезде в столицу господин Грибоедов почти вдвое сократил объем поставок.

Вначале армянские жители города появлялись в доме посла редко[66]; стоявшие у входа *фарраши* не впускали их; но со временем это препятствие было устранено. Знакомые *мирзы* Наримана получили разрешение навещать его. Вскоре после этого и знакомые Рустама тоже; и, наконец, доступ стал свободным. Этим воспользовались грузинские купцы, жившие в *караван-сарае*[67]. Некий Иосиф из Еревана, родственник евнуха Якуба[68], был нашим постоянным гостем; он состоял в дружбе с *мирзой* Нариманом[69].

Дадаш-бека отправили из Тавриза в порт Анзали[70] надзирать за транспортировкой императорских подарков шаху. Их должны были доставить в Тегеран до прибытия посла, но случайность помешала их отправлению в Астрахани или они еще где-то задержались. Я слышал, что везущее их судно появилось в Ленкорани[71], но по неизвестным мне обстоятельствам их выгрузили только в Сари-пушта[72]. Итак, по случайности опоздали подарки, которые могли бы привести шаха и министров в хорошее настроение или, по крайней мере, отвлекли бы их внимание от незначительных происшествий. Моим соотечественникам нет ничего приятнее подарка, какую бы ценность он ни имел; подарок может ничего не стоить, но льстит тщеславию, смягчает отношения и неописуемым образом влияет на человека.

Так как господин Грибоедов очень скучал по своей семье, оставленной в Тавризе, то он договорился с министрами шаха, что, как только будет возможно, он покинет Тегеран, а его первый секретарь господин Мальцов и *мирза* Нариман останутся и вручат подарки вместо него. Я не знаю, имел ли посол при себе хоть какую-то малость, чтобы делать подарки. Рассказывали, что он подарил шаху 25 новых русских монет из платины[73], пятнадцать монет — Амин ад-дауле, десять — *мирзе* Мухаммад-хану и пять — *мирзе* Абу-л-Хасан-хану.

Наше пребывание в Тегеране продолжалось двадцать дней; изменившиеся настроения персиян настолько бросались в глаза, что *мирза* Нариман сказал об этом: «Стало холодно, придется уезжать. Пора».

В одном отношении обязанности посла и правда вызывали недоумение. Девять или десять армян, сопровождавших его из Тавриза с целью освобождения своих плененных родственников, все время осаждали его; он не мог ни на минуту покинуть свои покои, чтобы не встретить их с очередными просьбами; и едва одного раба освобождали, как появлялись новые просьбы. Жители выдавали их неохотно[74]. Тем не менее здесь, в Тегеране, как и в Казвине, и в Занджане, многие получили свободу.

Посол не расширял круг своих визитов[75]. Не состоялась и его встреча с *мирзой* ‘Абд ал-Ваххабом. Он побывал у матери Манучихр-хана[76], которая прислала ему сладости и справлялась о его здоровье, но ее сына[77], главу оскопленных, он не посетил[78].

Так как близилось время отъезда посольства[79], Зухраб-хан (казначей шаха) передал награды и подарки шаха для посла и его свиты. Господин Грибоедов получил орден Льва и Солнца 1-й степени с бриллиантами на золотой ленте, вышитую кашмирскую теплую накидку[80], две красивых шали, прекрасное жемчужное ожерелье, кошелек с 1000 голландских дукатов[81] и жеребца с золотой, украшенной бриллиантами уздечкой. Господин Мальцов получил орден Льва и Солнца 2-й степени с бриллиантами и две шали. То же самое получили господин Аделунг и грузинский принц[82]. *Мирза* Нариман получил 2 шали; Дадаш-бек — награду[83] и шаль, офицеры-казаки — золотые медали, а солдаты — се-

ребряные медали. 27 *раджаба*[84], в день раздачи этих подарков, выражающих милость шаха, в доме посла царила настоящая радость. И только один человек из его свиты, казалось, был недоволен — Рустам, грузинский выкрест, который трижды менял веру. Он считал себя равным Дадаш-беку и чувствовал себя оскорбленным из-за того, что ему не досталось ни награды, ни шали. В приступе ярости он воскликнул: «Неужели я недостоин того же, что получил этот фальшивый Дадаш. Я покажу, каков я!! Я устрою скандал до неба!». Зухраб-хану, который принес дары, посол дал 200 дукатов.

На следующий день была прощальная аудиенция; офицеры посольства надели свои награды, все шло хорошо, пока шах очень внятно не повторил это ужасное слово '*муррахас*'. Это слово оскорбило господина Грибоедова, а шаха оскорбило то, что посол постоянно сидел в кресле перед ним в непринужденной позе[85], и они расстались прохладно[86].

Мы думали только об отъезде, и я радовался этому, так как, общаясь с соотечественниками, я замечал их неблагожелательный настрой. Такой же вывод я сделал и в отношении Двора в связи с одним инцидентом. Мне поручили купить жеребца для господина Мальцова у одного офицера из личной свиты шаха. Сделку заключили, и я собирался заплатить, добавив в виде подарка ружье. Но под предлогом того, что шах не одобрит этого, офицер отказался от продажи, а из вежливости ружье оставил себе, но через несколько дней вернул и его.

Приготовления к отъезду шли, день был назначен, вьючных животных наняли. *Мирза* Нариман показал мне перечень сумм, которые господин Грибоедов собирался распределить между *михмандарами*, слугами и стражей. Она составила 1700 дукатов[87]. Лицо посла сияло от мысли о скором свидании со своей молодой женой[88] (грузинской княжной) — она часто была предметом его разговоров.

Но настроение у всех внезапно омрачилось и уподобилось зимней ночи.

Поздно вечером в день получения *калаатов*[89] в дом пришел *мирза* Якуб (евнух)[90] с одним слугой и напрямую обратился к *мирзе* Нариману, который быстро доложил господину Грибоедову, что *мирза* Якуб обратился к защите русских и желает вернуться на родину в Эриван. Господин Грибоедов ответил, что не принимает никого, кто приходит как вор в ночи[91]. Евнух должен покинуть дом и прийти завтра, и тот ушел. На следующее утро *мирза* Нариман покинул дом и вернулся с *мирзой* Якубом, который, как и вчера, был со слугой; он поселился в одном из флигелей здания, которое примыкало к комнатам посла.

Этот человек, в появлении которого мы не видели ничего хорошего, родился в Эриване, где и ныне живет его родня[92]. Его отец, армянин, служил садовником у Мухаммад-хана[93], потомственного хана провинции Эриван. В 1226[94] (1808 г.), при осаде Эривана генералом Цициановым[95], сын садовника попал в плен и был доставлен в *сераль*[96] знаменитого Золотого Исмаил-хана[97]. Спустя несколько лет этот хан

впал в немилость, и Якуб стал собственностью шаха. Служа в гареме шаха, он длительное время пользовался доверием его Величества. Покинув эту должность, *мирза* Якуб занял ответственный пост казначея и главного хранителя драгоценностей гарема.

Мы, знающие взгляды наших соотечественников относительно евнухов, убеждены, что его Величество в вопросах чести скорее расстался бы с одной из своих женщин, чем с *мирзой* Якубом, находились в страшном недоумении относительно последствий, которые могли бы неизбежно возникнуть в результате приема послом *мирзы* Якуба. Мы серьезно размышляли об этом. И хотя нам было известно, что русский министр по последнему мирному договору получил право защищать всех лиц, желающих вернуться на русскую территорию, но мы не видели возможности пощадить гордость *шахиншаха*[98], не касаясь его обычая рассматривать каждого служащего гарема с ревнивым подозрением, и осторожно повлиять на него так, чтобы он совершил то, что противоречило бы его представлению о правильном поведении и унизило бы его в глазах подданных. И действительно, для шаха это было бы большим унижением: уже по результатам войны он упал в глазах народа, и тут еще он собственными руками отдал огромную часть накопленного богатства. И вот теперь он должен был отдать часть своих прав слуге, обязанности которого в его доме были столь деликатного свойства; который знал до деталей все его личные дела и который был осведомлен о его казне и вообще обо всем и потому мог выдать достаточно детальные сведения. С другой стороны, мы не могли представить себе, что русское правительство могло бы много выиграть, имея в руках несчастного *мирз*у Якуба. Поэтому мы не могли предполагать ничего другого, как то, что посланник взял его в дом для использования в целях, которые противоречат интересам Персии. Если *мирзу* Якуба действительно приблизили, отчего же посол не посоветовал ему оставаться в своем положении, там, где он пользовался влиянием и уважением? Наши мысли путались тем больше, чем дольше мы думали об всем этом.

Едва прошел слух о бегстве *мирзы* Якуба, как в дом посла прибыли с целью заявить о неправомерности предоставленной защиты посланные от министров и главного евнуха Манучихр-хана. Однако, так как *мирза* Якуб не отказался от своих намерений ни через посла, ни даже после обещания его простить, то господин Грибоедов отправил его со своим первым секретарем Мальцовым и переводчиком *мирзой* Нариманом к Манучихр-хану, чтобы он сам объяснил свое решение вернуться на родину в Эриван. Но эта встреча прошла без взаимного понимания и ничего не дала. Хотя поначалу, когда *мирза* Якуб, вместо того чтобы вернуться к послу, отправился в собственный дом, все даже подумали, что уговоры Манучихр-хана дали свои плоды. Однако заблуждение продолжалось недолго: вечером он появился снова с разным домашним скарбом и разместился в посольстве.

Тучи сгущались[99].

На следующий день по приказу шаха дом *мирзы* Якуба был опечатан и послу было официально заявлено, что беглец задолжал сумму 30—40 тысяч *туманов*. В это тревожное время я был не в состоянии записывать события по часам, но знаю, что однажды вечером Рустам тщетно пытался забрать имущество из дома *мирзы* Якуба. Он привел несколько мулов и сорвал печати с дома. Уже были упакованы вещи, когда весть об этом дошла до полиции, которая выступила с угрозами и принудила Рустама уйти ни с чем. 27 или 28 *раджаба*[100] господин Грибоедов согласился отправить *мирзу* Якуба в дом Манучихр-хана в сопровождении моего начальника и *мирзы* Наримана, чтобы произвести расчеты в присутствии министра иностранных дел *мирзы* Абу-л-Хасан-хана и казначея Зухраб-хана. Перед этим господин Грибоедов указал на свою готовность удовлетворить министров настолько, насколько это будет соответствовать его полномочиям. Однако боязнь наказания и даже смерти так укрепилась в душе *мирзы* Якуба, что он не позволил себя уговорить вернуться к прежнему своему положению и решительно отверг предложение посла отправиться с ним в Тавриз и поступить на службу к ʻАббас-мирзе.

Мой начальник пошел на эту встречу отдельно от всех; он нашел собравшихся у Манучихр-хана. По дороге с *мирзой* Якубом обращались скверно, что вывело его из себя. Дело в том, что, когда он проходил по коридорам в комнаты, несколько слуг из гарема плевали на него и поносили в самых грубых выражениях. Также и одежды *мирзы* Наримана были испачканы грязью. *Мирза* Якуб отверг обвинения в похищении денег и украшений, сказав следующее: «Неужели у вас нет ни веры, ни религии, раз вы меня обвиняете?» Это подлило масла в огонь — неосторожные слова встретили осуждение, и так как мой хан опасался, что спор возбужденных участников еще больше осложнит ситуацию, то он приказал *фаррашу* шаха Рамазан-беку проводить *мирзу* Якуба домой и позаботиться о его безопасности. Хан последовал за ними. Возмущение господина Грибоедова позорным обращением с обоими *мирзами* было неописуемо. «Это не *мирзу* Якуба оплевали — они оплевали императора и меня. При таком поведении терпение лопается!» Хан попытался смягчить его справедливый гнев и заметил, что это была реакция слуг из низов, на которых можно не обращать того внимания, если бы так из-за религии обращались с *мирзой* Якубом лица более высокого положения. С видимым неудовольствием Грибоедов спросил несчастного *мирзу* Якуба, как он мог позволить себе говорить о вере и произносить слово «религия»? *Мирза* Якуб извинился за свои нечаянно вырвавшиеся слова: «У вас что, нет религии и веры, что вы меня обвиняете?»

После такого выступления нечего было и думать о примирении. Приблизительно 29 числа месяца *раджаба*[101] господин Грибоедов имел личную аудиенцию у шаха, которая ничего хорошего не принесла; де-

ло *мирзы* Якуба должно было решаться в Верховном духовном суде у *мирзы* Масиха. На это *мирза* Якуб возразил, напомнив о том, что по мусульманским законам человек, который отказывается от ислама, не имеет права на уважение, то есть своим отказом он совершает преступление, за которое следует смертный приговор.

По глупой неосторожности *мирза* Якуб позволил себе выразиться неуважительно о домашних делах шаха и его большой семьи и подвергнул сомнению законность суда мулл. Когда он рассказывал грязные истории об обитателях гарема, я перебил его, заметив, что милость шаха, которой он так долго пользовался, не позволяет ему говорить об этом. Посол совершил неосторожность в том, что он обращался с *мирзой* Якубом слишком обходительно. Тот часто ел за столом посла, его снабжали приготовленными для посла блюдами, так как *мирза* Якуб не хотел разделять нашу трапезу из-за боязни отравления. Шах, казалось, отказался от мысли вернуть беглеца. С другой стороны, господину Грибоедову дали понять, что в связи с неопытностью в делах господина Мальцова и *мирзы* Наримана прежнее разрешение на продление их пребывания в Тегеране отозвано, так как могло бы привести к неприятности.

1 числа месяца *шабана*[102] *мирза* Якуб с господином Мальцовым и *мирзой* Нариманом отправился в дом *мирзы* Масиха. Они ожидали по меньшей мере час, а потом им сказали, что верховный мулла чувствует себя плохо и не может слушать дело. Толпа народа уже собралась перед его домом. Как я узнал, *мирза* Масих избегал скопления народа, так как боялся не совладать с собой и произнести слово «неверный»[103] по отношению к *мирзе* Якубу. Тогда толпа сочла бы себя вправе забросать *мирзу* Якуба камнями и истязать его. Поэтому поход туда оказался напрасным.

От *мирзы* Якуба я узнал, что поиски рабов возобновились, и особенно настойчиво добивались возвращения плененной христианки по имени Таллан[104], прелести которой высоко ценились. Также и от Махдикули-хана, сына Хусайн-хана, последнего наместника Эривана[105], потребовали без промедления выдать несколько рабынь, которые, как было известно, были посланы ему из Эривана. Двоих из них он уступил Аллахйар-хану, прежнему первому министру[106]. Махдикули-хан просил Аллахйяр-хана разрешить Грибоедову спросить пленниц об их желании вернуться на родину и тем избавить его от продолжающейся назойливости русского посла. Аллахйар-хан, который помнил еще доброту Грибоедова во время своего плена в Тавризе, был готов помочь, и несколько армян из свиты посла, хлопотавших о своих родственниках, вместе с Рустамом и ага-Мухаммад-‘Али (порученцем *фарраш-баши* ‘Аббас-мирзы) отправились к дому Аллахйар-хана. Из внутренних покоев привели молодую женщину и девушку 13—14 лет. Армяне, однако, не узнали в них своих пропавших родственниц, а женщины не выразили желания покинуть нынешнего господина. Чтобы предот-

вратить неприятную необходимость повторного опроса женщин, Аллахйар-хан велел привлечь несколько уважаемых лиц как свидетелей. И вечером того же дня порученец *фарраш-баши* попросил меня посоветовать моему начальнику, чтобы тот предупредил господина Грибоедова относительно возможных наветов Рустама, который открыто выражал свою решимость либо лишиться жизни, либо освободить младшую пленницу. На следующее утро Рустам от имени посла (я не знаю, с его ли ведома?) сообщил Аллахйар-хану о намерении доставить пленниц к господину Грибоедову, который лично хотел убедиться в их желаниях. Без всяких колебаний Аллахйар-хан отпустил их с несколькими слугами и Мухаммад-Тахур-беком, с которым была помолвлена младшая из них[107]. Когда посол спросил их, женщины ответили, что у них нет желания покидать Тегеран. Но тут господин Грибоедов, в злополучный час, внял предложению Рустама задержать их на 2—3 дня, и потом, возможно, когда их страх пройдет, их любовь к вере и привязанность к родине возобладают[108]. Их поместили под надзор *мирзы* Якуба в одну из соседних комнат и, чтобы помешать доступу посторонних, приставили к ним стражу из пехотной сотни[109]. Слуги Аллахйар-хана воспротивились нарушению обещания, однако их не послушали и отправили восвояси без женщин.

Испытывая к господину Грибоедову искренние чувства, мы ощущали беспокойство, так как знали о настрое общества против него и понимали, что и без новых поводов это брожение делало его положение опасным. Наша нация дикая, жестокая, бесшабашная. Тут нельзя строить планы; общество подобно огниву, которое мгновенно может воспламениться. Мой начальник не скрывал своих опасений и советовал господину Грибоедову отпустить женщин в дом Аллахйар-хана. Тот мягко возразил ему, что его вмешательство неуместно. Мой хан два или три дня не посещал посла, а потом за ним послали, и они помирились. Между тем *мирза* Махди (писарь шаха) наносил визиты, чтобы способствовать возвращению женщин Аллахйар-хану. Министр иностранных дел *мирза* Абу-л-Хасан-хан прилагал усилия в отношении *мирзы* Якуба. Но ни тот, ни другой не достигли успеха.

На третий день своего пребывания у посла женщины заявили о своем намерении вернуться на родину, в деревню Кара-Килиси[110], на границе Эриванской провинции. Трудно утверждать, что это было искренне, так как они при содействии персидских стражников перед своими покоями продолжали постоянное общение с бывшими поблизости людьми Аллахйар-хана. Мухаммад-Тахур-бек, жених одной из пленниц, часто приходил в мои покои[111], до тех пор пока *мирза* Якуб не дал мне понять, что эти визиты не нравятся послу.

Наш отъезд был назначен на 6 или 7 месяца *шабана*[112]. В полдень 5-го, по приказу Рустама, женщин привели в баню, которая находилась в доме. Нельзя было придумать ничего более неосторожного. Баня считается одной из важнейших церемоний, которая предшествует

магометанской свадьбе. После их возвращения из *хаммама*[113] люди Аллахйар-хана попытались забрать женщин силой. Если вначале господин Грибоедов и не знал ничего о посещении бани, то, вероятно, он узнал об этом по возникшим возне и шуму. И я слышал даже, что некоторых своих сотрудников он осыпал упреками и угрозами. Едва ли возможно, что он не понимал ежечасного усиления опасности своего положения.

Моментально, подобно искрам из огня, по городу распространились неблагоприятные слухи о после. Собрались муллы, *мирза* Масих созвал их в этот же вечер в одну из главных мечетей: «Больше никакого снисхождения», — сказал он; «Религия оскверняется, над монархом насмехаются, священные права попираются». Они единодушно решили, что часть мулл должна немедленно отправиться и сообщить принцу-наместнику, что если русский посол не выдаст обеих женщин и *мирзу* Якуба, то народ возьмет их силой. Его Высочество попросил не прибегать к насилию прежде, чем он не переговорит с послом[114].

Когда мне сообщили о событиях в мечетях, я поставил в известность *мирз*у Наримана в выражениях, которые казались мне убедительными, но меня высмеяли. «Мы, — сказал он, — стадо верблюдов-*занбураков*[115], нам знаком запах пороха». Я помню еще одну беседу с этим несчастным. Он показал мне официальную ноту к министру Двора, составленную им по указанию посла. Предмет был незначительный, но мне бросилось в глаза слово «шах», употребленное без титулов. Я указал ему на то, что правильнее было бы написать «Его Величество», или «*шахиншах*», или «защитник мира». Эти формы вежливости были в Персии традиционными с древности; другие европейцы (например, англичане) никогда не употребляли имени шаха столь невежливо; почему бы представителям России не быть такими же вежливыми. «О, — возразил мирза, — вы не совсем понимаете деловой стиль. Россия в состоянии командовать там, где можно командовать. А если Англия хочет чего-то, то она достигает этого угодливым и вежливым поведением».

В ходе этого дня[116] *мирза* ‘Абд ал-Ваххаб пригласил посла на беседу в дом Мухаммад-‘Али-хана; в результате этого приглашения был снят и вопрос первого визита. Он считал, что нет смысла пытаться вмешиваться в неурядицы: дела жалкого создания *мирзы* Якуба и двух бедных женщин не должны довести до разрыва отношений между двумя великими державами[117].

В среду 6-го *шабана*[118] был день нападения, схваток и ужаса, которые не сотрутся из моей памяти. События следовали так быстро, что долгое время я не мог их записать. Это случилось, вероятно, ближе к восходу[119], когда появился слуга принца-наместника ‘Али-шаха и объявил, что из-за чрезвычайных обстоятельств принц немедленно требует к себе моего начальника и *мирзу* Наримана. Господин Грибоедов наслаждался тогда своим последним сном на земле, и прошло бо-

лее полутора часов[120], прежде чем *мирза* Нариман смог получить у него разрешение и уйти.

Так как мой начальник должен был позаботиться о подготовке назначенной на вечер встречи между *мирзой* Абд ал-Ваххабом и господином Грибоедовым, то он покинул дом очень рано и условился с *мирзой* Нариманом о встрече во дворце принца. Но едва прошел час, как мне сообщили, что около главной мечети собрался народ, а внутри в очередной раз совещалось духовенство. Вскоре муллы приказали закрывать все лавки и пригласили *собравшихся* отправиться к русским и, добром или силой, добиться выдачи *мирзы* Якуба и обеих женщин.

Два уважаемых грузинских купца из *караван-сарая* поспешили известить посла о намечавшемся нападении, и Манучихр-хан, по полученному ночью от шаха приказу, послал своего племянника, *мирзу* Соломона Малейкоффа[121], чтобы он в недвусмысленных выражениях известил господина Грибоедова о настроении народа и заставил бы его выдать своих подопечных.

Толпа в четыре или пять сотен лиц из низов, в первых рядах которой находились юноши, вооруженные кольями или обнаженными саблями, мчалась от мечети к дому посла. С трудом пробивался через толпу *мирза* Соломон: к сожалению, слишком поздно для предупреждения посла о безумном намерении, которое уже начало осуществляться. *Мирза* Нариман, собравшийся выехать из ворот для встречи с принцем-наместником, был оттеснен назад и в отчаянии кинулся в покои посла, где моего присутствия требовала подготовка к отъезду посольства в Тавриз.

Град камней летел во двор, голос толпы время от времени поднимался до рева. Мы в испуге прислушивались, не зная, каким будет следующий момент. Нить судьбы вилась вокруг иноземцев. Я не увидел, что они либо готовы лишиться жизни в отчаянной борьбе, либо готовы незамедлительно уступить требованиям толпы, тем отвратив грозную опасность.

У господина Грибоедова находились Аделунг[122], врач[123], грузинский принц[124] (двоюродный брат жены посла), *мирза* Нариман, оба грузинских купца, я, Рустам, ага Мухаммад-'Али (посланный *фарраш-баши* 'Аббас-мирзы)[125]. Большая часть слуг вместе с казаками были во дворах и соседних помещениях. Дом Мухаммад-хана, как уже упоминалось, был просторный, с несколькими изолированными дворами, каждый из которых имел несколько построек. Та часть, которую занимал господин Грибоедов, состояла из центрального зала с прилегающими с двух сторон двумя прихожими и с двумя маленькими комнатами. Крыша и двор этой части дома соседствовали с покоями *мирзы* Якуба.

С каждой минутой пламя гнева толпы разгоралось все сильнее, раздались несколько ружейных выстрелов. Люди штурмовали соседний двор. Кто-то прокричал: «Вывести *мирзу* Якуба!» Как я узнал позднее, это был Хаджи-бек[126], желавший успокоить толпу, передав ей

жертву. Несчастный искал защиты, прячась среди одежды[127], но его вытащили на ристалище, и он пал, под градом оскорблений, от полученных ран. Не меньше постарались и слуги Аллахйар-хана, чтобы заполучить двух женщин[128].

Во время короткой паузы, наступившей после первого насилия, нас известили о смерти *мирзы* Якуба, Дадаш-бека, одного казака и одного или двух слуг. Если их сопротивление стоило жизни двум или трем персиянам, то трупы последних, принесенные в мечеть и выставленные напоказ, подстегнули толпу на новые безумия.

Между тем сосед посла, кондитер, пекарь и бакалейщик по имени ‘Али-вирди, служивший у Манучихр-хана, использовал эту паузу и бросился в дом посла, чтобы спасти от гнева толпы находящегося там родственника[129] своего господина, *мирзу* Соломона. Когда он предложил ему следовать за ним в свою квартиру, он с тем же усердием предложил защиту и послу, но ни один из них не принял это доброе приглашение. *Мирза* Нариман громко вскричал: «Никто не рискнет коснуться представителя императора. Выстрелы ваших винтовок нас не запугают. Разве мы не слышали их в Гандже, в Аббас-Абаде и Эриване?!» Господин Грибоедов отклонил предложение или из нежелания расстаться со своими соратниками, или не оценив всей опасности. И бакалейщик удалился один.

У казаков[130] теперь было время приготовить оружие на случай повторного нападения. Мы уже надеялись, что бунт закончился, но менее чем через полчаса[131] мы разочаровались — нападающие вернулись в большем числе и с большей яростью. Многие уже имели огнестрельное оружие, многие принадлежали к другому сословию и были не простыми лавочниками и бездельниками. Люди из военного сословия присоединились к ним. Они появились с бешеными криками и обрушили на дом град камней, так что мы вынуждены были закрыться в спальне Грибоедова, которая находилась справа от большого покоя. Напрасно господин Грибоедов пытался говорить с толпой — голос человека не мог перекрыть ее рев. Приказ, отданный казакам стрелять боевыми[132], мало помог — смерть была на пороге. Ее жертвы — беспомощные, испуганные — столпились, как толпится стадо овец при нападении диких волков. А вот казаки относились к опасности как люди, полные решимости защитить своего начальника и продать дорого свои жизни.

Некоторые из слуг проявили исключительное присутствие духа и мужество, особенно курьер по имени Хачатур[133]. Этот храбрец бросился с саблей в руке на нападавших и изрубил двоих. Перед ним расступились, тут он достиг лестницы и поднялся по ней, чтобы оттеснить врагов от стен. Его встретил град камней, дважды он качнулся, но стремился вперед, пока брошенный камень не сломал его клинок. Так, беззащитный, он был забит и иссечен камнями.

Некоторое время, казалось, успех толпы был сомнителен. Попытка очистить двор возымела действие — толпа немного отхлынула. Но те, что были на крышах, продолжали нападение и в окно покоя посла бросали камни и кирпичи.

Находясь в бедственном положении, мы все еще надеялись на то, что шах пришлет войска на помощь. Наша фараханская стража была рассеяна при первой же атаке, так что они не могли защитить нас. Крыша дома начала рушиться от сотрясений. Она была пробита, и один из первых выстрелов сверху внутрь смертельно ранил молочного брата посла. Господин посол в горе воскликнул: «Смотри, смотри, они убили Александра!» Прежде чем мы перебежали в среднюю комнату, еще двое посольских погибли. Но и этот покой из-за своего большого окна был уязвим, и мы не могли в нем долго продержаться. Я бы с удовольствием ушел и смешался с толпой (как это сделал слуга принца ʻАббас-мирзы Ага-Мухаммад-ʻАли), однако мне это не удавалось. Оставшееся присутствие духа позволило мне наблюдать за лицами посольских. Некоторые помертвели, другие выражали безумное отчаяние; лишь немногие, включая и казаков, проявили выдержку в этой неистовой борьбе. Посол, скрестив руки, ходил по прихожей и иногда в растерянности хватался за волосы. Его лоб кровоточил от ранения в правый висок. Он подошел ко мне и произнес вопросительно: «Они хотят нас убить, *мирза*?» Я мог только подтвердить это. Последние слова, услышанные мной от него, были: «Фатх-ʻАли-шах, Фатх-ʻАли-шах!»[134].

Меня восхитила мужественная гибель врача. С начала атаки он делал все, чтобы подбодрить своих товарищей и мобилизовать их на борьбу. Его единственным оружием была небольшая европейская сабля. Он думал, что есть возможность спасения, и для этого он пролагал путь во двор, угрожая каждому, кто ему мешал, пока не столкнулся с молодым силачом, с которым обменялся несколькими ударами. Русский поднял руку, защищая голову, и его левая кисть оказалась на земле. Он метнулся в комнату, сорвал дверную портьеру и перетянул рану. Несмотря на наши попытки остановить его, он выскочил в окно и пропал в толпе после того, как нападавшие со стен сбили его камнями на землю.

Прежде чем мы перебежали из зала в дальнюю комнатку, четверо или пятеро из нас были застрелены. Этот дальний покой был отделен простенком, за которым мы могли укрыться. *Мирза* Соломон и *мирза* Нариман не успели достичь этого последнего убежища, а были сбиты с ног у входа. От окна и ворот начались атаки. Казаки почти все были убиты, и двое из нападавших с кинжалами пытались проникнуть в заднюю часть комнаты. Я заметил, что они в нерешительности, и бросил большой нож; они отпрянули, я последовал вплотную за ними и настолько близко, что меня выбросило в круг нападавших, принявших меня за своего. Но напрасно я прилагал усилия, чтобы выбраться

во двор. Я не мог протиснуться сквозь эту массу и снова оказался в комнате, где увидел неподвижные тела семнадцати[135] жертв нападения. Там лежал посол, с множеством колотых ран в левой части груди. Мне указали на человека, совершившего это — атлета Phalwar[136], уличного борца. В ногах господина Грибоедова лежал распростертый казак (вероятно, тот офицер, который служил ему щитом во все время штурма). Этот верный человек не испугался града камней и сабельных ударов, все его действия были направлены на то, чтобы спасти начальника.

Измученный этой резней, многочисленными ранами от камней и оглушенный, я попытался сделать последнюю попытку, чтобы не остаться на полу среди убитых.

Все духи ада, должно быть, пронеслись здесь и заставили толпу совершить все грехи Тегерана, перед которыми, как мне казалось, человеческая природа должна содрогнуться.

Не насытившись позорными убийствами, с кровью беззащитных людей на своих руках, эти бесноватые злодеи принялись за грабеж. Они раздели окровавленные трупы догола и насмехаясь, вытащили обнаженные тела на улицу, где сложили пирамидой, в которой человеческая плоть была скреплена кровью, текущей из зияющих ран.

Бог всемогущий! Могут ли такие преступления остаться без наказания! Я бы не подумал, что в человеке так много крови[137]. Кровь покрывала всю прихожую и перелилась во двор.

После полудня я добрался до своих покоев. Нашим слугам, уверившим нападавших, что комнаты заняты только мусульманами, удалось сдержать натиск толпы. Здесь нашел убежище господин Мальцов, первый секретарь посольства. Его собственные покои находились в отдалении от покоев господина Грибоедова, и поэтому уже при первом натиске он не мог присоединиться к своим. Спрятавшихся членов посольства разыскивали, и господину Мальцову стоило больших денег[138] и просьб получить убежище у нескольких *фаррашей* шаха и небольшого отделения фараханской пехоты, которые прятались в наших квартирах. Как только гроза немного улеглась, мы доложили принцу ‘Али-шаху, что господин Мальцов жив. Роте пехотинцев[139] было приказано взять дом посла под охрану, и поздно вечером в ее рядах в униформе персидского солдата господин Мальцов пришел во дворец. Это переодевание было необходимо, чтобы народ не ярился. Его положение было опасным, так как бунтовщики со свечами прочесывали весь дом, разыскивая спрятавшихся посольских[140]. Эти поиски зашли так далеко, что толпа даже ворвалась в соседнее здание британского посольства. Семь или восемь русских, спрятавшихся в их конюшнях, были убиты, а лошадей посла увели[141].

Мы должны упомянуть о тщетных попытках шаха навести порядок. Примерно во время захвата *мирзы* Якуба, *мирза* Мухаммад-‘Али-хан прибыл с несколькими слугами к центру событий. Конечно, его

попытки ограничились просьбами, обращенными к людям, которые были глухи к его словам и лишены разума. *Насакчи-баши* и несколько чиновников Двора были посланы один за другим для успокоения бунта, и, в конце концов, даже принцы ‘Али-шах и Имамвирди-мирза[142] двинулись со спешно собранными людьми туда. Огромная толпа нападающих не позволила им приблизиться к дому. Вместо этого принцы должны были думать о своей безопасности. Над ними смеялись, издевались и толкали: «Идите, отдавайте своих жен русским. Достойное намерение, разве недостаточно для вас просто холить ваши длинные бороды розовой водой? Ваш брат ‘Аббас-мирза душой и телом продался русскому императору, убирайтесь, *Gowram Sag*[143], или мы сделаем из вас фарш»[144].

От своих слуг я узнал, что истерзанный труп *мирзы* Якуба проволокли по городу и сбросили в ров за городской стеной. Схожее претерпел труп, который приняли за тело господина Грибоедова. Руки и ноги трупа связали, и процессия прошла по главным улицам и базарам под крики: «Дорогу русскому послу на его пути к шаху! Встать и оказать уважение! Снять шапки и приветствовать по-иностранному! Он жаждет любви, которую вы испытываете к его повелителю императору! Исплюйте ее ему в лицо!» Таким образом тело волокли по земле и выставили на площади перед воротами цитадели на всеобщее обозрение. Когда стемнело, принц-наместник велел внести труп в дом Мухаммад-хана. Ночь прошла без насилия, и наутро появился *фарраш-баши* Карим-хан чтобы убрать трупы. Убедились, что число погибших посольских составило 54 человека[145]. Останки господина Грибоедова обнаружили под кучей убитых перед окном его комнаты — я узнал его искаженные черты и убедился, что над его трупом не издевались. Армянские священники оказали ему последние почести. Его похоронили в церкви, всех остальных — в общей могиле под городской стеной.

Говорят, что были убиты и ранены 26 либо 27 тегеранцев[146]. Если бы посольские успели организовать защиту, и вся свита посла собралась[147], то тогда бы погибло гораздо больше нападавших, и атака могла бы быть отбита. Но кто может уйти от судьбы? Кто отважится, кто рискнет искать причины в воле провидения?[148]

Согласно бомбейской газете от 15 февраля[149] в Тавриз прибыл новый русский посол[150] и тотчас уехал в Шираз, где находился шах с 29 декабря прошлого года с войском в 40 тысяч для сбора налогов. Таким образом, все пришло в порядок, раз Дворы друг друга прощают. У богов более длинная память, и если трон шаха перед русскими орлами когда-то должен пасть, то об ужасах 11 февраля 1829 г. снова заговорят. Очевидно, что персидское правительство с помощью своего духовенства натравило толпу на них; даже если оно и не имело намерения довести дело до крайности. И после этого, для удовлетворения мести русской стороны, оно было достаточно трусливым и пожертвовало несколькими тысячами исполнителей своего предательского плана.

[1] Geschichte der letzten russischen Gesandtschaft in Persien und ihrer Ermordung // Das Ausland. 1830. №№ 287—298 (РО ИРЛИ, ф. 457, ед. хр. 29, л. 13—38 об.).

[2] *‘Аббас-мирза* (1789—1833) — наследный принц Персии с 1816 г.; с 1799 — наместник Адербиджана, с 1805 — и Карабаха, с 1833 — и Хорасана. Автор персидской модернизации. Имел сложные отношения как с отцом и братьями, так и с европейскими дипломатами. Он умер раньше своего отца, Фатх-‘Али-шаха. Его сын, после небольшой заминки, стал следующим шахом Персии — Мухаммад-шах Каджаром.

[3] *Михмандар* (*перс.*) — сопровождающий из протокольного отдела; буквально — принимающий гостя.

[4] *Назар-‘Али-хан Афшар* — чиновник протокольной службы, сопровождавший посольство Грибоедова на пути из Тавриза в Тегеран. Его имя указали Рональд Макдональд (*Harden 1979.* P. 15) и первый секретарь русского посольства И. С. Мальцов (*Ефремов*).

Назар-‘Али-хан исполнял такое же поручение в 1817 г., сопровождая посольство генерала Ермолова. Генерал назвал его «дворским чиновником ‘Аббас-мирзы», остался им доволен (см.: Письмо ген. Ермолова к Аббас-мирзе от 4 дек. 1817 г. // *Акты.* Тифлис, 1875. Т. 6, ч. II. С. 176). После этого ему было даровано ханское достоинство (см.: <*Муравьев Н. Н.*> Записки Николая Николаевича Муравьева. 1816 год // Русский архив. 1886. (Далее — *Муравьев Н. Н.*) № 2. С. 524). Грибоедов познакомился с Назар-‘Али-ханом, ординарцем ‘Аббас-мирзы, в феврале 1819 г. во время первого посещения Тавриза и потом встречал неоднократно. Назар-‘Али-хан оставался близким и доверенным сотрудником наследного принца и в период подготовки к войне с Россией в 1825—1826 гг. Помимо поручений по доставке корреспонденции в Тифлис он собирал в городе агентурные сведения, контролировал действия персидского чиновника, командированного для разграничения границ и даже намеревался ехать в Петербург с поздравлением к императору Николаю I (см.: *Акты.* Тифлис, 1875. Т. 6, ч. II. С. 325—326, 332—333, 338). Назар-‘Али-хан был михмандаром капитана В. Д. Вольховского зимой 1827—1828 гг. (см.: *Белкин Д. И.* Письма В. Д. Вольховского к Грибоедову // А. С. Грибоедов: материалы к биографии. Л.: Наука, 1989. С. 146—154) и доставлял корреспонденцию Макдональда к Дж. Макнейлу и обратно во время Туркманчайских переговоров (*F. M.* P. 94). В 1829 г. Назар-‘Али-хан пребывал в чине полковника (см.: РГИА, ф. 1018, оп. 2, д. 294, л. 1).

Имя секретаря Назар-‘Али-хана Афшар 1828—1829 гг. (СЕКРЕТАРЬ) неизвестно. Нельзя исключить, что *Нарратив* надиктовал сам Назар-‘Али-хан, укрывшись под маской СЕКРЕТАРЯ. Такой прием был обычен для пишущих британских должностных лиц. К примеру, сэр Джон Малькольм (1769—1833), уроженец Шотландии, служил в Ост-Индской компании с 1782 г.; в 1827 г., став губернатором Бомбея, опубликовал книгу «Sketches of Persia» под именем Traveller-а.

Многолетняя вовлеченность Назар-‘Али-хана Афшара в перипетии русско-персидских отношений объясняет многие приведенные в рассказе СЕКРЕТАРЯ факты.

[5] В русском переводе *Реляции* ошибка — Тегеран; в самой *Реляции* указано правильно: покинул Тавриз.

[6] 16 *джумада-ас сани* 1244 г. *хиджры* соответствует дате 23 дек. (вторник) григорианского или 11 дек. 1828 г. по юлианскому календарю.

[7] *Тикма-даш* — деревня в 77 км от Тавриза, ныне город. Согласно описанию дороги, выполненному торговцем-армянином для посольства князя А. С. Меншикова, участок от Тавриза до Тикма-даша имел три промежуточные «станции», рас-

положенные на расстоянии дневного перехода (15—21 версты) друг от друга (см.: РГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 446, л. 32 об.). Тот факт, что посольство Грибоедова отправилось в Тегеран 21 дек. 1828 г. без полагающегося персидского сопровождения и зимой проезжало по 35—37 км в день, говорит не только о большой спешке, но и неувязках с организацией его сопровождения. В своем последнем письме из Тавриза от 1/13 дек. 1828 г. К. Аделунг сообщил намеченную дату отъезда — 16—17 дек. (григорианского) 1828 г. (см.: *Письма из Персии.* С. 218).

[8] *Кайим-макам* (*перс.*) — управляющий делами наместника провинции. В 1817 г. кайим-макам ʻАббас-мирзы, его бывший воспитатель *мирза* Иса, пытался натравить население Тавриза на посольство генерала Ермолова (см.: *Муравьев Н. Н.* № 4. С. 518). В 1828 г. кайим-макамом был сын *мирзы* Исы (Абу-л-Касим Кайим-макам Фарахани; ум. после 1834 г.). Он стал премьер-министром следующего шаха, Мухаммад-шаха Каджара (1808—1848). Имя младшего брата кайим-макама, отказавшегося сопровождать посольство Грибоедова — Муса-хан Хусайни Фарахани (ум. 1846). (Сообщил А. А. Хисматулин.)

[9] В русском переводе *Реляции* вместо указания должности брата (как в *Нарративе*, *Реляции* и *Истории*) к имени Мусы-хана сделано пояснение «зять шаха». Такое определение все время сопутствует имени Мусы-хана в дневниках посольства Ермолова 1817 г. Русским тогда он показался «мальчиком лет 17, едва начинающего <так!> уметь вести разговор» (АВ ИВР РАН, р. I, оп. 6, д. 6, л. 27).

[10] Далее в тексте этот человек назван ага Муххамад-ʻАли.

[11] *Фарраш* (*перс.*) — ковер; также — слуга, занимавшийся коврами или в армии — обозный служитель. В разные исторические периоды: лакей, камердинер, сторож, стражник.

[12] *Баши* (*перс.*) — начальник, глава, старший по должности.

[13] Эта предусмотрительность (многочисленное сопровождение) не гарантировала благополучной дороги. Возможно, желание местного населения избежать дополнительных поборов вынуждало сопровождающих чиновников не проявлять особого рвения. Возможно также, сопровождающий извлекал личную пользу из такого поручения. Известно несколько конфликтов русских чиновников с персидскими сопровождавшими: в 1818 г. — драка русского курьера Алиханова с вороватым и наглым *михмандаром* (см.: *Акты.* Тифлис, 1875. Т. 6, ч. II. С. 206, 207); в 1819 г. мошенничал михмандар Грибоедова (см.: Письма Грибоедова Мазаровичу от 5 сент., 6 сент., 11—13 сент., 6 окт. 1819 г. // *ПСС.* С. 25—41). В 1826 г. буквально грабили посольство А. С. Меншикова его сопровождающие (см.: РГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 447, л. 73—77).

[14] *Мальцов Иван Сергеевич* (1807—1880) остался полным сиротой в 16 лет; его, брата и двух сестер опекал и воспитывал дядя, крупный промышленник. После окончания Университетского благородного пансиона в Москве Мальцов поступил в Московские архивы Коллегии иностранных дел. Он был близок к кругу М. П. Погодина, С. А. Соболевского, В. П. Титова, С. П. Шевырева, В. Ф. Одоевского (см.: Агентурное донесение № 125. Цитировано по изд.: Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / сост. А. И. Рейнблат. М.: Новое лит. обозрение, 1998. С. 232). В 1827 г. Мальцов опубликовал три небольших статьи в «Московском вестнике». По рекомендации Грибоедова был напечатан отчет Мальцова о праздновании в Тавризе победы русских под Варной: *И. М.л.ц...* <*Мальцов И. С.*> Письмо к издателю Северной Пчелы // Северная пчела. 1829. 10 янв. № 5. С. 3—4.

Грибоедов в командировках отдавал предпочтение своему деловитому первому секретарю Мальцову. Однако от Грибоедова не укрылось, как зачванился Мальцов, когда, разыскивая Паскевича под Ахалкацыхом, они набрели на полутысячный

отряд русского подкрепления и возглавили его: «Мальцов в восхищении, воображает себе, что он воюет» (Грибоедов — Булгарину. Письмо от 24 июля 1828 г. // *ПСС*. С. 164).

Взятые в Персию золотые дукаты сыграли решающую роль в спасении Мальцова во время резни. Мальцов, живший рядом с квартирой тавризского *михмандара* и его *фаррашей*, успел добежать до их покоев и подкупить слуг *михмандара*. Те укрыли Мальцова (в буквальном смысле, в ковре или сундуке) на время двух атак на посольство, бойни и обыска. Находясь под действием стресса от пережитого, Мальцов описал обстоятельства гибели миссии 18 марта 1829 г. (Докладная записка ген.-майора кн. Долгорукова гр. Паскевичу от ... мая 1829 г. из Тифлиса // *Акты.* Тифлис, 1878. Т. 7. С. 698—699), затем в двух рапортах из Тифлиса 21 и 23 марта и в письме Паскевичу (см.: *Берже Ад. П.* Смерть А. С. Грибоедова // Русская старина. 1872. Т. 6. Кн. X. № 8. С. 163—207). Неприятно поражает в рапортах Мальцова отсутствие сведений о гибели сослуживцев, что говорит о том, что этими вопросами он персиян не тревожил. Но он не забыл зафиксировать слух о подкупе *мирзой* Якубом переводчика посольства: якобы за благополучное возвращение в Ереван штабс-капитану Нариману Шахназарову были обещаны 500 дукатов. Его сведения о пути посольства в Тегеран (18 дней) и пребывании там (32 дня) имеют ценность свидетельства не очень наблюдательного и мало эмоционального молодого человека.

[15] *Мальмберг Франц Август* (1800—1829) — сын ревельского литейного мастера, присутствует в Российском медицинском списке только в 1828 г. По результатам выпускных экзаменов Московского отделения ИВХА Франц Мальмберг вошел в 3-е отделение (слабейший разряд) выпускников 1827 г. и как казеннокоштный студент обязан был отработать не менее 6 лет по назначению. Службу начал в военных поселениях Старой Руссы (см.: Официальная часть // Военно-медицинский журнал. 1827. Ч. X. № 1. С. 145).

[16] *Кобулов Соломон, князь* — один из переводчиков посольства. В русском переводе *Реляции* не упомянут совсем. СЕКРЕТАРЬ приписал ему родство с Н. А. Грибоедовой, в девичестве княжной (на французском и английском — «принцессой»).

[17] *Дадаш-бек* (*Василий Дадашев*) — словесный переводчик и фактор посольства. В Реште пытался разыскать груз с подарками для шаха, отправленными из Петербурга водой через Рыбинск и Астрахань. Несмотря на двух сопровождавших подарки, их не выгрузили в Энзели (порт вблизи Решта) (см.: Грибоедов — Родофиникину. Письмо от 10 июля 1828 г. // *ПСС*. С. 210—212), а отправили в Ленкоран. Из-за сильных дождей и наводнения в Гилани разыскавший подарки В. Дадашев не смог организовать их транспортировку (см.: Грибоедов — Дж. Макдональду. Письмо середины янв. 1829 г. // *ПСС*. С. 302—304), и подарки достигли Казвина уже после гибели посольства (см.: *Дмитриев*. С. 670).

[18] Возможно, число казаков было еще меньше (9 или 10 человек), о чем свидетельствует список опознанных И. С. Мальцовым вещей (см.: *Цымбал Е. В.* Из архива внешней политики России // А. С. Грибоедов. Хмелитский сборник. Смоленск: СГПУ, 1998. С. 319—335). Десять казаков упоминает и Грибоедов, жалуясь на тесноту в Тавризе (см.: Грибоедов — Нессельроде. Письмо от 23 окт. 1828 г. // *ПСС*. С. 365); об 11 или 12 погибших казаках рапортует лейтенант Макдональд (см.: *Harden 1979*. P. 25—26). В Тифлисе для миссии по приказу Паскевича было отпущено 10 комплектов казачьего обмундирования (см.: *Леонов О. Г.*, *Протасенко Г. В.* После гибели Грибоедова // Военная летопись отечества. 2021. № 12. С. 92—99).

[19] В *Нарративе* — тон армян и грузин был командирский и задиристый. В русском переводе *Реляции* — «поведение которых часто раздражало моих соотечественников».

[20] Различные авторы констатировали, что полученные *сурсаты* очень редко принимались в «зачет», а бóльшая их часть оставалась на руках населения, что, разумеется, вносило напряженность в отношения населения и проезжающих.

[21] В *Нарративе* и *Истории* использована британская мера веса — фунт (454 г). В *Реляции* в качестве единицы измерения используется французская мера веса (ливр) с тем же самым численным значением, что и фунт, хотя с 1812 г. один ливр составлял 500 г. Подробно список обсужден в изд.: *Могилевич*. С. 26—27.

[22] *Ман* (*перс.*) — мера веса, соответствует 2,969 кг. В *Реляции* — 84 фунта риса, что в 6,5 раза меньше.

[23] 60 туманов соответствует 240 руб. серебром по контрибуционному курсу, или около 214,6 руб. серебром по актуальному обменному курсу.

[24] В русском переводе *Реляции* — компенсировать непоставленное деньгами требовал Рустам-бек.

[25] В *Реляции* — 160 *туманов*, в *Нарративе*, как и в *Истории,* — 150 *туманов*.

[26] *Мийан* — древнейший город Мидийского царства; ныне в провинции Ирана Восточный Азербайджан, в 200 км от Тавриза и 450 км от Тегерана.

[27] *Наср Аллах-хан Афшар* — глава племени Афшар, в будущем — приближенный Мухаммад-шаха Каджара (сына ʻАббас-мирзы), обладал крайне скверным характером, за что в народе получил прозвище *Захр-и мар хан* (Хан — змеиный яд), с которым сам согласился. (Сообщил А. А. Хисматулин.)

[28] *ʻАбд Аллах-мирза* — сын Фатх-ʻАли-шаха, при его жизни — наместник провинции Хамсэ (совр. Занджан), к югу от провинции Казвин. Он принимал в конце июня 1817 г. и посольство генерала Ермолова (см.: АВ ИВР РАН, р. I, оп. 6, д. 6, л. 30—32 об.).

[29] В *Реляции* не сказано об ответном подарке слуге, по стоимости эквивалентном стоимости коня.

[30] *Сийахдахун* — совр. Такистан. (Сообщил А. А. Хисматулин.)

[31] *ʻАли-наки-мирза* (1793—?) — сын Фатх-ʻАли-шаха, при его жизни — наместник провинции Казвин, после смерти шаха эмигрировал. О благожелательном отношении к русским наместника Казвина и его подчиненных писал Грибоедову в декабре 1827 г. капитан В. Д. Вольховский.

[32] В русском переводе *Реляции* и в *Нарративе* — другой оттенок: «Иногда он с большей частью конвоя завершал денный переход скачкой; лошади не выдерживали ее и уже не годились для дальнейшего путешествия...»

[33] В *Нарративе*: «Его сопровождение было подобрано плохо и, разумеется, не контролировалось надлежащим образом». Так же и в *Реляции*.

[34] По Араксу проходила новая граница между Россией и Персией.

[35] *Наби-хан* — управляющий делами у наместника Казвина ʻАли-Наки-мирзы.

[36] Русский перевод *Реляции* называет только грузин, примкнувших к свите.

[37] *Саййид* (*араб.*) — потомок Пророка.

[38] В русском переводе *Реляции* — бить его кнутом, чтобы привести к покорности.

[39] В русском переводе *Реляции* — с кинжалом в руке.

[40] К. Ф. Аделунг в июле и августе 1828 г. готовил списки похищенных немецких колонистов из окрестностей Тифлиса (см.: *Письма из Персии.* С. 159).

[41] Мальцов в своих рапортах Паскевичу превратил немку с двумя детьми в немку и армянку без детей.

[42] В русском переводе *Реляции* — «На следующий день русским удалось обнаружить девочку лет семи или восьми, о которой посланнику дана была особая записка, и освободить ее с большим трудом. Он отнесся к ней как к родной дочери».

[43] В русском переводе *Реляции* далее предложение: «Принц предоставил в наше распоряжение нескольких своих офицеров с тем, чтобы они помогли нам в де-

ле реквизиции». В *Нарративе* в этом предложении употреблена калька с персидского слова *soursat, сурсат* — документ, по которому михмандар получал жилье и провизию для путешественника.

[44] Топоним не идентифицирован.

[45] Здесь все три текста указывают одинаковую сумму — 160 туманов, в отличие от ранее указанных расхождений. Сумма является значительной для служащего персиянина: в 1820 г. годовое жалованье персидского слуги составляло 50 туманов (см.: Грибоедов — Дж. Уиллоку. Письмо от 2 сент. 1820 г. // *ПСС*. С. 196).

[46] В *Реляции*: «Грибоедов изъявил свое неудовольствие». В *Нарративе*: «...досада Грибоедова была чрезмерной».

[47] Гнев не был только минутной или показной реакцией Грибоедова. Имя Рустам-бека отсутствовало в наградном списке, поданном персиянам накануне отъезда миссии, и Рустам-бек не получил прощальной награды от шаха. В 1820 г., в начале своей дипломатической деятельности, Грибоедов уже возвращал населению незаконно отнятые его михмандаром деньги (см.: Грибоедов — Дж. Уиллоку. Письмо от 2 сент. 1820 г. // *ПСС*. С. 196).

[48] СЕКРЕТАРЬ далек от правды: предыдущий персидский шах Ага-Мухаммад-шах Каджар (1741—1797) был убит ночью в Шуше своим личным слугой.

[49] Сулаймания — в 40,5 км к западу от Тегерана; Канд находится к северу от столицы.

[50] Соответствует дате 10 янв. 1829 г. (григорианского) или 29 дек. 1828 г. (юлианского), которая приходилась на субботу. Следующая упомянутая *михмандаром* дата также подтверждает, что въезд в Тегеран состоялся в воскресенье 6 *раджаба* 1244 г. по *хиджре*.

[51] *Фаранг* (*перс.*) — Европа; европеец. В *Реляции* — франки.

[52] Известно о доброжелательности и поддержке *мирзы* Мухаммад-'Али-хана, которые получил поручик Носков, доставивший подарки шаху в Тегеран в 1826 г. (см.: <*Носков И. Ф.*> Посольство поручика Носкова в Персию с хрустальной кроватью // Исторический вестник. 1887. Т. XXX. № 11. С. 432).

[53] *В Нарративе*: «в просторном особняке».

[54] *Занбуракчи-баши* (*перс.*) — командующий артиллерией.

[55] *'Абд ал-Хусайн-хан* сопровождал своего дядю-министра начиная с 1817 г. и назван Ермоловым «известным пьяницей» (Отношение ген. Ермолова к гр. Нессельроде от 10 авг. 1818 г. // *Акты*. Тифлис, 1875. Т. 6, ч. II. С. 201).

[56] Фарахан — округ на севере провинции Маркази в 200 км к югу от Казвина со смешанным азербайджано-персидским населением; его уроженцы традиционно служили в гвардии (охране) шаха и принцев.

[57] *Абу-л-Хасан-хан* (1776—?) — министр иностранных дел Персии в 1824—1848 гг.; его должность указана в *Реляции* и в *Нарративе* и не указана в *Истории*. Как посол посещал Турцию, Россию и Великобританию. Владел английским. Автор книг о политическом устройстве Европы. Подписант Гюлистанского (1813 г.) и Туркманчайского (1828 г.) мирных договоров. По донесению консула Я. К. Ваценко, этот министр получал пенсион от Ост-Индской компании в размере 3 тысяч *туманов* (см.: Рапорт Ваценко ген. Ермолову от 30 мая 1825 г. // *Акты*. Тифлис, 1875. Т. 6, ч. II. С. 314—316).

[58] В русском переводе *Реляции* отсутствует указание должности.

[59] Эту должность он занимал и в 1819 г. при посещении Тегерана Мазаровичем и Грибоедовым.

[60] 14 янв. (григорианский) или 2 янв. 1829 г. (юлианский), среда. В *Реляции* — 8 *раджаба*.

[61] *Насакчи* (*тюрк.*) — жандарм, полицейский.

[62] Искаженное тюрк. *джарчи* — глашатай.

[63] *‘Али-шах* (1795—1854) — генерал-губернатор (наместник) Тегерана с 1817 г., десятый сын Фатх-‘Али-шаха с почетным титулом *Зилл ас-султан* (Тень султана). Был настроен против официального наследника ‘Аббаса-мирзы и подписания Туркманчайского договора. После смерти Фатх-‘Али-шаха в 1834 г. поднял мятеж против официального наследника — сына ‘Аббаса-мирзы, потом бежал в Индию.

[64] *Амин ад-даула* — министр внутренних дел.

[65] *‘Абд ал-Ваххаб* (?—1829) по почетному титулу *Му‘тамид ад-даула* (*перс.* — доверенный государства, по сообщению А. А. Хисматулина). Премьер-министр, занимал этот пост с 1817 г. и участвовал в приеме посольства генерала Ермолова. Он встречал посольство генерала 5 июля 1817 г., отдал послу первый визит и практически ежедневно с ним встречался (см.: АВ ИВР РАН, р. I, оп. 6, д. 6, л. 30, 32 об. — 34). В это время русский агент характеризовал его как «человека с хорошими познаниями, который в Персии почитается умнейшим и первым из ученых людей <...> один из министров более просвещенных, нежели все прочие, пользующийся особенною доверенностью шаха...»; и, что не ускользнуло от склонного к коммерции С. Я. Мазаровича, «...имевший главнейшее в негоциях действие» (*Акты*. Тифлис, 1875. Т. 6, ч. II. С. 178, 180, 199—201). Однако в 1825 г. консул Я. К. Ваценко сообщал, что он «нетерпим шахом, потому что он гол и часто просит денег» (Рапорт с. с. Ваценко ген. Ермолову от 30 мая 1825 г. // Там же. С. 314). Известно о сильных трениях между ним и Манучихр-ханом, получившим титул *Му‘тамид ад-даул*а после смерти ‘Абд ал-Ваххаба (см.: *Harden 1979.* P. 79—83).

[66] В *Реляции*: «В первые дни у русского министра армян не было видно...» В *Нарративе*: «В первые дни армянские жители города не появлялись».

[67] *Караван-сарай* — постоялый двор, находящийся на трассе.

[68] В русскоязычной литературе обычно эту персону называют русифицированным именем Якуб; в иранской — Йа‘куб Маркариян, и Ага Йа‘куб Армани Иревани. (Сообщил А. А. Хисматулин.)

[69] В этом абзаце, где СЕКРЕТАРЬ обсуждает ослабление режима доступа в миссию, последней фразы нет ни в *Нарративе*, ни в *Реляции*. В *Нарративе* фраза появляется немного позднее.

[70] В 10 км от порта *Анзали* (Энзели в русском употреблении) находится город Решт, центр одноименной провинции.

[71] *Ленкоран* находится в 210 км от Решта.

[72] Порт на о. Сари южнее Ленкорана.

[73] Находчивый министр финансов того времени граф Е. Ф. Канкрин (1774—1845) придумал очень дешевый (но дорого стоивший посольству) подарок: платиновые трехрублевые монеты. Платина в довольно больших количествах скапливалась на уральских золотодобывающих заводах как отход производства, так как время ее промышленного применения наступило век спустя. В 1828 г. из этой пока не востребованной платины отчеканили первые трехрублевые монеты диаметром 21 мм и массой 10,32 г, в следующем году продолжили их чеканку, а также выпуск монет шестирублевого достоинства, а в 1830 г. — и двенадцатирублевых гигантов весом в 41,33 г. Чеканку монет продолжали до 1835 г., а потом прекратили (см.: *Романов Г. М.* Монеты царствования императора Николая I. СПб.: тип. Мин-ва путей сообщения, 1890. С. 189, 192, 195). Этими новенькими трехрублевками, похожими на серебряные, но почти вдвое тяжелее, и снабдили посольство Грибоедова.

[74] В *Нарративе* выражено более энергично: «Выдача пленных всегда разжигала злобные чувства». В русском переводе *Реляции*: «Освобождение этих несчастных сильно раздражало тех, у кого их отнимали; в большинстве случаев их приобретали за деньги, но за них не выплачивали никакого выкупа».

[75] В *Нарративе*: «Посол не сильно расширил круг своих визитов».

[76] *Ускум-ханум*, мать главного евнуха Манучихр-хана, была известным лицом и в Тифлисе, и в Тегеране. Когда ее похищенный сын, принявший мусульманство, только начинал свою карьеру при Дворе шаха, она навестила его. Знание языков позволило ей общаться с придворными и обитательницами гарема; она произвела на всех благоприятное впечатление и неоднократно навещала сына. Ей разрешали привозить с собой священника для совершения христианских обрядов. В 1828 г. она приехала в Тегеран из Тифлиса с внуком, Соломоном Меликянцем. Он входил в состав посольства Грибоедова, но прибыл в Тегеран заранее и жил на квартире своего дяди. Соломон Меликянц погиб в самом начале нападения на посольство, посланный Манучихр-ханом к русским с предупреждением об опасности. Его бабушка умерла от инсульта, узнав о гибели внука. Тела обоих были отправлены на родину для погребения, после чего персидские власти озаботились поиском тела Грибоедова (см.: *Шермазанян Г.* Кончина А. С. Грибоедова по армянским источникам // Русская старина. 1901. № 10. С. 43—51, 55—58, 64—66).

[77] *Манучихр-хан* (?—1847) во время нападения на посольство — главный евнух Фатх-'Али шаха, происходил из армянского рода Ениколопянц, его крестное имя — Цогайр. Один из его братьев (Микаэл Апресович) служил переводчиком восточных языков у Главноуправляющего в Грузии, и генерал Ермолов сомневался в его благонадежности (см.: Отношение ген. Ермолова к гр. Нессельроде от 12 марта 1822 г. // *Акты*. Тифлис, 1874. Т. 6, ч. I. С. 51). Во времена управления Паскевича этот брат выполнял не только письменные работы, но ездил с корреспонденцией в Тегеран сразу после гибели посольства. Из семьи М. А. Ениколопянца ведет происхождение один из ранних списков «Горя от ума» (см.: *Попова*. С. 152). В 1795 г., еще ребенком, будущий Манучихр-хан был пленен во время набега персов на Тифлис. По другим источникам, он вместе с Я. Маркаряном (позднее ставшим мирзой Якубом) был пленен уже юношей в 1804 г. во время боевых действий Цицианова вокруг Эривана. За исключительные способности он находился на воспитании у главного евнуха, стал правой рукой главного визиря, где реорганизовал работу его канцелярии. В 1823 г. был послан управлять провинцией Гилань, прекратил разбои и грабежи, которым подвергались русские купцы, организовал суд по торговым спорам, куда входили двое персиян и двое русских представителей (см.: *Harden 1979*. P. 79—83). Генерал Ермолов в 1817 г. особенно сблизился с Манучихр-ханом, знавшим русский язык. Выполненные художником В. И. Машковым (1792—1839) тронный портрет Фатх-'Али-шаха и картина приема шахом русского посольства были переданы как прощальный подарок шаху именно через Манучихр-хана (см.: АВ ИВР РАН, р. I, оп. 6, л. 62—62 об.). Авторитет Манучихр-хана отмечал в 1825 г. консул Я. К. Ваценко: «Аллахйар-хан в милости у шаха и уже наименован садри-азамом, но под руководством Манучихр-хана, <...> от которого здесь все зависит. Честолюбие его заставит действовать, без сомнения, в нашу пользу, а дабы достигнуть до сей цели, он не дает хода Абу-л-Хасан-хану ни в чем» (Рапорт с. с. Ваценко ген. Ермолову от 30 мая 1825 г. // *Акты*. Тифлис, 1875. Т. 6, ч. II. С. 314). Манучихр-хан был эффективным хозяйственником: он не только контролировал в пользу шаха торговлю в Гилани, но и вел собственный бизнес и там, и в Тифлисе (см.: Предписание ген. Ермолова Астраханскому гражданскому губернатору от 23 сент. 1826 г. // Там же. С. 379). Манучихр-хан был противником войны с Россией; во время мирных переговоров участвовал в формировании персидской делегации и для ускорения выплаты контрибуции занимал деньги под свое имя у купцов в Гилани. В Тегеране он отвечал за надлежащее оформление желания пленных и рабов вернуться в Россию и имел полномочия на изъятие пожелавших вернуться у их хозяев (см.: *Harden*

1979. P. 79—83). В 1829 г. Манучихр-хан стал начальником канцелярии шаха. После уничтожения посольства Грибоедова Манучихр-хан сопровождал Фатх-'Али-шаха на встречу с послом по особому поручению Долгоруковым, но контактов с русскими избегал, ссылаясь на траур по матери. После смерти Фатх-'Али-шаха Манучихр-хан поддержал его внука и наследника Мухаммад-шаха во время мятежа его братьев и дядей, затем управлял провинцией Исфахан. Был похоронен рядом с могилой Фатх-'Али-шаха в Куме.

[78] Весь этот абзац отсутствует в *Реляции*. В *Нарративе* после этого абзаца идут два предложения, которые в *Истории* присутствуют выше: «Некий Иосиф из Еревана, родственник евнуха Якуба, был частым посетителем посольства. Впервые он появился здесь в первый же день, он состоял в особой дружбе с *мирзой* Нариманом. 27-го *раджаба*». Дата стоит отдельно, подобно датам в дневнике.

[79] В *Реляции*: «После окончательного назначения даты отъезда Грибоедова на 27-е месяца *раджаба*, Зухраб-хан...» 27 *раджаба* по *хиджре* соответствует 1 февр. по григорианскому и, соответственно, 20 янв. 1829 г. по юлианскому календарю. В *Нарративе* это дата отнесена к дню получению подарков от шаха и первому (ночному) приходу мирзы Якуба.

[80] В *Нарративе* — вышитая шаль-пелисс. В русском переводе *Реляции* — «богато вышитую большую кашемировую шаль». По объяснению Н. Ф. Масальского, зимней верхней одеждой в Персии был архалук из персидских шалей, подбитый мехом.

[81] Примерно 2850 руб. серебром.

[82] *Грузинский принц* — Кобулашвили (Кобулов, Кабулов) князь Соломон, чиновник по особым поручениям, до назначения в посольство служил у губернатора Тифлиса Н. М. Сипягина (см.: Грибоедов — Паскевичу. Письмо от 3 дек. 1828 г. // *ПСС*. С. 178).

[83] В переводе *Реляции* — орден. В *Истории* использовано слово *decoration* (*нем.* украшение), а не *bestellen* (*нем.* орден), что может указывать на английский первоисточник, где *decoration* означает и орден, и украшение.

[84] 1 февр. (григорианского) или 20 янв. (юлианского) 1829 г. В *Нарративе* эта дата стоит как помета в дневнике несколько выше.

[85] В *Нарративе* использовано французское слово dégagé. В *Реляции* — manner dégagées.

[86] В *Нарративе* далее идет абзац: «Мы были счастливы при мысли об отъезде; все дела были закончены. Все почести, все возможные признания были оказаны представителю императора; удовлетворение легко читалось на каждом лице».

[87] В *Реляции* — 1700 туманов, что почти в 1,25 раза меньше в стоимостном выражении.

[88] В *Нарративе* — слово bride, что означает и невеста, и жена некоторое время после венчания. В *Истории* использовано слово braut (*нем.* невеста), что может указывать на английский источник.

[89] Дар от шаха (*перс.*). Один из знаков уважения в персидской традиции — дарить дорогой халат, поэтому фигуральное значение *калаат* — подарок. (По сообщению А. А. Хисматулина.)

[90] По армянским источникам, уроженец Еревана Яков Маркарян учился в Эчмиадзине, но в 1804 г., уже юношей, решил продолжить образование в Тифлисе, для чего присоединился к каравану, сопровождавшему один из отрядов армии П. Д. Цицианова. По дороге он попал в персидский плен и несколько раз был перепродан. Поступив в гарем шаха, быстро выдвинулся благодаря знанию языков и исключительным навыкам в бухгалтерии. Вскоре, реорганизовав делопроизводство гарема, стал готовить экономические отчеты в объеме государства. Уже в Те-

геране, занимаясь с учителями, освоил французский и русский языки, собрал библиотеку и оказывал регулярную поддержку родным. Тайно сохранял верность христианству, поэтому мечтал вернуться на родину. В 1819 г. он стал управляющим казначейства шаха.

[91] Излагая этот эпизод в своих донесениях Паскевичу, Мальцов употребил такое же выражение: «Вор в ночи».

[92] В *Нарративе*: «Он был низкого рождения», и так же — в *Реляции*.

[93] *Мухаммад-хан Каджар* — отец и предшественник Хусайн-хана на посту эриванского сардара (правителя пограничной персидской провинции); в 1828 г. младший сын Мухаммад-хана Мамед-хан активно сотрудничал с русской администрацией Армянской области, интриговал против Нерсеса Аштаракеци в бытность того членом Временного правления Армянской области, был знаком с Карлом Аделунгом и упомянут в его письмах от 18 и 22 сент. 1828 г.

[94] 1226 г. по *хиджре* соответствует 1811 или 1812 гг. от Р. Х. С 1809 по 1812 г. главнокомандующим в Грузии был Ф. О. Паулуччи (1779—1849); несмотря на относительный успех генерала в действиях против турок, персов и лезгин, в 1811 г. никаких действий под Ереваном, не говоря уж об его осаде, не велось. Очевидно, ошибка СЕКРЕТАРЯ (повторяется на английском, немецком и французском), далее в скобках поставившего 1808 г., что соответствует 1222—1223 гг. по *хиджре.*

[95] *Цицианов П. Д.* (1754—1806) осаждал, но не взял Ереван в 1804 г. В 1808 г. Ереван пытались взять отряды генерала И. В. Гудовича (1741—1820).

[96] *Сераль* (*фр.*) — дворец на Востоке и его женская половина; *перс. 'сарал'* с теми же значениями.

[97] Возможно, имеется в виду Исмаил Талаи, в 1818 г. приговоренный к смерти за неудачный поход для усмирения Хорасана и потерявший в этом походе семитысячное войско. Исмаил-хан выкупил свою жизнь за баснословную сумму (см.: Записка шт.-капитана кн. Бебутова о Персии 1818 г. // *Акты.* Тифлис, 1875. Т. 6, ч. II. С. 199—201).

[98] *Шахиншах* (*перс.*) — царь царей — официальное титулование шаха.

[99] В *Реляции* и *Нарративе* более резко: «Гроза надвигалась».

[100] 1 или 2 февр. (григорианского) или 20—21 янв. (юлианского) 1829 г. СЕКРЕТАРЬ не совсем точен в датах; выше он указал, что 27 раджаба в посольстве приняли подарки шаха и вечером пришел *мирза* Якуб, но его отослали домой. 28 раджаба была прощальная аудиенция у шаха и официальное заявление мирзы Якуба о желании вернуться на родину и его водворение в посольстве. Затем не менее двух дней заняли уговоры и обвинение в хищении. Таким образом, упомянутый визит к Манучихр-хану мог произойти не ранее 1—2 *шабана* 1244 г. по *хиджре*, или 5—6 февр. по григорианскому (24—25 янв. по юлианскому) календарю 1829 г.

[101] 3 февр. (григорианского) или 22 янв. (юлианского) 1829 г., вторник.

[102] 5 февр. (григорианского) и 24 янв. (юлианского) 1829 г.

[103] В *Нарративе* и *Реляции* приведена транслитерация персидского слова *кафир* (*араб.*) — язычник или более широко — не мусульманин.

[104] В *Нарративе* — Тааллан; в *Реляции* — Талаан.

[105] *Хусайн Казвани Девелу Каджар* (1741—1831) — талантливый военачальник, родственник Каджарской династии, помог ей прийти к власти. Каджары, немногочисленное племя (чуть более 1% всего населения Персии) из азиатской Турции, ставили свою родню управлять провинциями для утверждения своей власти в многоплеменной стране. В 1804 г. Хусайн-хан был назначен сардаром Эриванского ханства. Оно имело собственные вооруженные силы и не платило налогов Тегерану. Хусайн-хан участвовал в приеме русского посольства генерала Ермолова 1817 г. Уже тогда он был в глазах русских дипломатов человеком в годах, поразив-

шим их своей необыкновенной меткостью в ружейной стрельбе по движущейся мишени. Хусайн-хан был эффективным администратором и хозяйственником. В 1826 г. он отклонил предложение русских сдать Ереван в обмен на сохранение ему должности и доходов и бежал из осажденного города в Турцию, затем участвовал в обороне Аббас-Абада. В статье XII Туркманчайского договора для него и его брата было сделано исключение относительно времени распоряжения их личным имуществом, оставшимся в Ереване.

[106] По сложившейся в русских публикациях традиции, *Аллахйар-хана* (1757—1832) считают «главным» врагом Грибоедова и чуть ли не организатором его убийства. Следует заметить, что в 1828 г., хотя Аллахйар-хан и оставался зятем Фатх-'Али-шаха, но пик его административной карьеры миновал, определение «бывший» уже пристало к его имени. В 1817 г., во времена посольства Ермолова, к имени этого хана добавляли «зять шаха» и Аллахйар-хан был первым адъютантом шаха и первым из четырех высших вельмож, получившим императорский подарок от генерала Ермолова (см.: АВ ИВР РАН, р. I, оп. 6, д. 6, л. 35, 38). Но затем последовала сдача Тавриза, оборона которого была ему поручена, русский плен и последовавшее после него публичное наказание в Тегеране.

[107] В русском переводе *Реляции* далее: «Мухаммад-Тахур-беку не разрешили войти в дом посла, а его товарищам — даже во двор». В *Нарративе*: «Сопровождавшим женщин не разрешили войти в посольство».

[108] В русском переводе *Реляции* другой акцент: «Допрошенные господином Грибоедовым обе женщины отвечали весьма внятно, что никакого желания не имеют оставлять Тегеран, но в злополучную минуту уступили вкрадчивому предложению Рустама остаться на день, на два в посольском доме».

[109] В *Нарративе* и *Реляции*: «поставили двух часовых из фараханской пехоты».

[110] *Кара-Килиси* — село в 70 км на север от Еревана, в 160 км от Тифлиса по дороге Тифлис — Эриван. В русских источниках — Караклис. Ныне — город Ванадзор в Армении.

[111] В *Нарративе*: «приходил вместе со слугой». В *Реляции*: «приходил вместе с доверенным человеком Аллахйар-хана».

[112] 10 или 11 февр. (григорианского); 29 или 30 янв. (юлианского) 1829 г. В *Нарративе* и *Реляции*: 7 или 8 *шабана*, то есть 11 или 12 февр. 1829 г.

[113] *Хаммам* (*перс.*) — баня.

[114] В переводе *Реляции*: «...до окончательного решения посла». В *Нарративе*: «Его Высочество просил отложить все насильственные действия до тех пор, пока он не свяжется с послом».

[115] *Занбурак* — мелкокалиберная пушка (40—60 мм) с поворотным механизмом, размещенная в седле верблюда. Такие артиллерийские подразделения были распространены в Центральной Азии и на Ближнем Востоке в XVI—XIX вв.; их использовали для усиления пехотинцев. Пушечками пользовались как на ходу, так и при остановке с лежащего верблюда. В 1828 г. это вооружение заметил в армии Фатх-'Али шаха француз Б. Семино (см.: АВ ИВР РАН, ф. 17, оп. 1, д. 43, л. 12—14).

[116] В русском переводе *Реляции* и в *Нарративе* назван и день недели (вторник), 5-го *шабана*, что соответствует 9 февр. 1829 г., но это — понедельник.

[117] В переводе *Реляции*: «...а также смерти многих добрых людей». В *Нарративе*: «...and the consequent loss of many valuable lives».

[118] 10 февр. (григорианского) 29 янв. (юлианского) 1829 г., вторник. СЕКРЕТАРЬ или указывает постоянно следующий день недели, или в числе отстает на один день. В *Нарративе* и *Реляции* обозначены вышеуказанные даты. Нападение же произошло в среду, 30 янв. (юлианского), 11 февр. (григорианского) 1829 г., что соответствует 7 *шабана* 1244 г. по *хиджре*.

[119] В Тегеране 11 февр. (григорианского) солнце восходит в 6:56 и заходит в 17:42.

[120] В *Нарративе* «...в течение полутора или даже двух часов, пока *мирза* Нариман получил от посла инструкции и разрешение отправиться во дворец принца-наместника». В переводе *Реляции* — 2 часа.

[121] Соломон Меликянц, внук Ускум-ханум.

[122] Карл Федорович Аделунг.

[123] Франц Мальмберг.

[124] Князь Соломон Кобулов.

[125] В переводе *Реляции*: «и множество слуг».

[126] *Хаджи-бек* — майор караульной сотни фараханцев.

[127] В *Нарративе* и *Реляции* — цепляясь за одежду Хаджи-бека.

[128] 70 лет спустя после событий был записан рассказ племянника погибшего при разгроме посольства Соломона Меликянца. Согласно ему, обе женщины благополучно вернулись в гарем Аллахйяр-хана (см.: АВ ИВР РАН, ф. 30, оп. 1, д. 3, л. 379 об. — 380).

[129] В *Реляции* — племянника.

[130] В *Нарративе*: «У казаков и слуг...» В переводе *Реляции*: «Казаки и посольские служащие успели выработать некоторый план защиты на случай вторичного нападения».

[131] В переводе *Реляции* — через полтора часа, в *Нарративе* — через полчаса.

[132] В *Реляции* и ее переводе — холостыми; в *Нарративе* — боевыми.

[133] *Шахназаров Хачатур*.

[134] Далее в *Нарративе*: «jensoudre, jensoudre». В *Реляции*: «...jenfoudre, jenfoudre!» со сноской: «Эти слова написаны так в персидском тексте». Первый русский переводчик *Реляции* заметил, что далее (после имени шаха) идут два «энергических» французских слова.

Английский русист и переводчик Лоуренс Келли в монографии о Грибоедове (*Kelly L.* Diplomacy and Murder in Tehran: Alexander Griboedov and Imperial Russian's Mission to the Shah of Persia. London: Tauris Parke Paperbacks, 2006. P. 192, 279) щедро цитирует *Нарратив*. Он попытался перевести последнее восклицание, услышанное СЕКРЕТАРЕМ от Грибоедова, заметив, что персиянин мог в шуме не расслышать верно. Мы добавим, он мог не знать французский хорошо. Он вел свои записи спустя какое-то время, что тоже могло привести к искажению непонятного слова. В своей интерпретации Л. Келли обратился к тексту *Реляции* (а не *Нарратива*) и процитировал ее с искажением: «J'enfoutre, j'enfoutre». Далее он «по слуху» преобразил в имеющее смысл и грамотное «je m'en fous», что означает «мне все равно». Если не менять четыре последних буквы «...utre» на две другие «...us» (что проделал Л. Келли) и привести в порядок согласования, то получим «je m'en foutre». Это имеет почти такой же смысл, какой приводит Л. Келли (примерно: «мне наплевать»), но в предельно обсценной лексической форме.

Нам кажется более правильной догадка кандидата филологических наук Алексея Игоревича Виняра, сделанная с меньшим числом допущений о совершенных СЕКРЕТАРЕМ искажениях, и более психологически соответствующая моменту произнесения. Итак, стоящее в *Реляции* «jenfoudre» может означать «je m'ef-fondre», то есть «Я рушусь (разваливаюсь)», то есть гибну. В соединении с именем шаха слова указывают на надежду Грибоедова на появление помощи.

[135] В донесении Паскевичу Мальцов упомянул 15 убитых в обеих атаках.

[136] В *Реляции*: «...уличный борец-силач, служащий у жителя Тегерана, который, как полагали, нанес удар». В *Нарративе*: «...силач phalwan, по имени _____, находившийся в услужении у жителя Тегерана...»

Борьба является традиционным видом спорта в Иране, а в описываемое СЕКРЕТАРЕМ время — обычным уличным развлечением горожан наряду с фокусами и хождением по канату. Русский дипломат, наблюдавший в 1834 г. за коронацией нового шаха, отметил в процессии «...пехлевани <...> борцы почти нагие с палицами в руках». (см.: *Корф Ф. Ф.* Воспоминания о Персии, 1834—1835. СПб.: Гуттенбергова тип., 1838. С. 198). Один из стилей персидской борьбы можно транслитерировать как похлаван, пахлавини. (Сообщил А. А. Хисматулин.)

Это именование борца весьма далеко от phalwan (как в *Нарративе*) или *Phalwar* (как в *Истории*). Возможно, Phalwar означает не имя человека или род его занятий, а его родину. На северо-западе Индии (500 км от Дели, 400 км от Кабула, 1900 км от Тегерана) существовало одноименное княжество Phalwar, в русской транслитерации обозначаемое как Алвар. Тогда следует читать как «...атлет из Алвара, уличный борец».

[137] В *Нарративе*: «Я не знал, что плоть человека содержит так много жидкости». Это почти повтор восклицания леди Макбет: «Но кто бы мог подумать, что в старике так много крови?»

[138] Мальцов сообщил лейтенанту Р. Макдональду, что заплатил 200 дукатов. (*Harden 1979*. P. 25).

[139] Около 100 человек.

[140] Про поиски со свечами нет в *Реляции*.

[141] В русском переводе *Реляции* более определенно: «План истребления был выполнен до такой точности, что народ ворвался даже в передние дворы Британского посольства...» В рапорте лейтенанта Р. Макдональда указано на гибель троих посольских (двух казаков и конюха-грузина), обнаруженных в конюшнях британского посла (см.: *Harden 1979*. P. 23).

[142] *Имамвирди-мирза Каджар* (1796—1869) — сын Фатх-'Али-шаха Каджара с титулом Кашик-баши (начальник гвардии). Поэт (псевдоним Давар) и, по-видимому, приверженец вероучения Бабы. После смерти отца и борьбы за престол между его сыновьями и внуками примкнул к противникам Мухаммад-шаха Каджара, вместе с ними был посажен в тюрьму, бежал оттуда в Россию, где попросил убежища, но не получил его; переехал в Турцию, а оттуда в Ирак. (Сообщил А. А. Хисматулин.)

[143] По мнению кандидата филологических наук Елены Евгеньевны Арманд, это — искажение персидского *горомсаг* — торгующий своей женой. Такая форма вынужденной детской и женской проституции и, соответственно, лексическое ее отображение известны на территориях от совр. Ирака до Казахстана.

[144] В *Нарративе* далее: «Принцы были вынуждены ретироваться перед толпой, которая оттеснила их в ворота цитадели, быстро захлопнутые для предотвращения насилия».

[145] В *Нарративе* и *Реляции* — 44 человека.

[146] В донесении Паскевичу Мальцов называет 19 персиян и 37 русских, убитых при разгроме миссии.

[147] В *Нарративе*: «...собралась и вооружилась...»

[148] Последнего абзаца *Истории* нет ни в *Нарративе,* ни в *Реляции*. Это заключение немецкого публикатора.

[149] 1830 г.

[150] *Долгоруков Николай Андреевич* (1792—1847) — участник войны 1812—1814 гг., Персидской 1826—1827 гг. и Турецкой 1828—1829 гг. Назначен послом по особому поручению при персидском Дворе в 1829 г. и 15 февр. 1830 г. прибыл в Тегеран.

Приложение 2

Перевод статьи «Персия», содержащей выдержки из писем наследному принцу ‘Аббас-мирзе от наместника Тегерана ‘Али-шаха и Фатх-‘Али-шаха с известием о гибели русского посольства, опубликованных в газете «Allgemeine Zeitung» 1829 (Nov. 21)[1]

Жирным шрифтом выделены темы, отсутствующие в официальном персидском извещении генералу Паскевичу[2], а жирным шрифтом в угловых скобках — противоречия с формулировками этого извещения.

Из самых последних калькутских газет[3] мы получили официальные известия из Персии об убийстве персонала русского посольства. Вот выдержка из письма Его Королевского Высочества ‘Али-шаха и Его Королевского Величества[4] Фатх-‘Али-шаха Его Королевскому Высочеству принцу ‘Аббас-мирзе.

Поскольку мне не остается иного, я считаю себя вправе утверждать, что русский посол со дня прибытия в столицу был принимаем шахом с величайшим вниманием и уважением. День и ночь этим же занимались и государственные министры; они использовали любую возможность для оказания ему почестей и делали все, чтобы его время проходило самым приятным образом и чтобы он мог вернуться с почетом на родину.

Некоторых происшествий не замечали: например, двое армян, живущих в Тегеране[5], убили одного мусульманина и попросили убежища в доме посла, который их приютил[6]. Шах их помиловал и заплатил компенсацию родственникам убитого.

Также один армянин по имени Рустам, который с детства был рабом в Персии и отличался плохим характером, и некоторые другие, схожие с ним лица сопровождали посла и работали у него как шпионы и распорядители. Поведение этих людей для нашего народа было оскорбительным и невыносимым: они подстрекали посла совершать действия, которые создавали враждебные настроения; этим они не проявляли уважения, которое необходимо оказывать нашему правительству.

Например, один тип, принадлежащий к ветви королевской семьи, раненый в голову и оттого произносящий безумные речи, был допущен в дом посла, где, рассчитывая на его защиту, позволял оскорбительные и ругательные слова против правительства шаха.

Вскоре после прибытия посольства в Тегеран[7] *мирза* Якуб, армянин из Еревана, евнух и прежний, пользующийся доверием надзиратель гарема, прихватил большую сумму денег и отправился в дом посла[8]. Шах разрешил послу предъявить права на *мирзу* Якуба, но потребовал, чтобы украденное тот вернул. <**Посол ответил, что необходимо решить дело законным образом**>[9]. Министры согласились с ним, но

мирза Якуб, рассчитывая на защиту посла, выступил с поношениями против законов Пророка и веры ислама. Он обругал представителей высокого духовенства, выставил персидское правительство в смешном свете и проклял персидский народ, так что жители Тегерана всех сословий были возмущены, <**и их терпение лопнуло**>[10].

Пока это происходило, в доме Аллахйар-хана, бывшего начальника Тавризского гарнизона, находились две армянки из Тукана. <**Шпионы посла**>[11] сообщили ему об этом и хотели убедить его в том, что будто бы они обе — пленницы из Грузии и Карабаха, и поэтому посол принял это к сведению. Аллахйяр-хан же утверждал, что они из Тукана[12] и не связаны с Россией. Но посол не хотел этому верить и горячо настаивал на своем. Шах приказал Аллахйяр-хану этих женщин с сопровождением привести в дом посла для их опроса и получения доказательств, что они не пленницы из России. Повинуясь приказу шаха, хан отправил их, но посол вернул сопровождающего, а женщин оставил у себя. Согласно персидским обычаям, женщина не может оставаться в доме иностранца без ущерба для репутации. Кроме того, в эту ночь *мирза* Якуб устроил в посольском доме пирушку, и посольские привели из города публичную девку. Когда две находящиеся в доме женщины это увидели, они начали жаловаться, и толпа до утра волновалась, причем некоторые люди требовали вернуть женщин, но их не вернули.

Возникла ссора между требовавшими возвращения женщин и охранявшими посольство. По обе стороны собралось народу немало: люди посла напали на собравшихся и застрелили из винтовок и пистолетов нескольких тегеранцев. Родственники убитых ввязались в сражение и возник беспорядок.

Когда шах получил об этом известие, он послал меня[13] и Его Высочество принца Имамвирди-мирзу (начальника Гвардии) с двумя или тремя тысячами дворцовых гвардейцев, а также подразделение стражи Рея[14] из цитадели. Мы наступали быстро и разогнали толпу, но, прежде чем мы достигли дома посла, все, что не должно было случиться, уже свершилось. Мы спасли только первого секретаря и трех сотрудников[15]. Все другие, находящиеся в доме, были убиты, даже из *фаррашей* шаха, служивших в доме, и из гвардейцев Зубай[16], которые пытались сдержать толпу. Из моих людей были ранены 30—40 человек.

Если бы этим я мог предотвратить несчастье, я предпочел бы, чтобы вся охрана посольства и гвардейцы были убиты. Я клянусь Богом перед шахом, что лучше бы меня убили со всеми детьми, чем пережить этот позор. Я не знаю, как вы отреагируете на это письмо.

Его Величество приказывает мне дать заверения, что само Небо обрушило на нас это событие, что мы дадим удовлетворение выжившему секретарю. Вы[17] сделайте все, чтобы задобрить английского посланника и русские власти в Тавризе. Пошлете человека в Тифлис для объяснения правды о происшествии. Хотя весь персидский народ из-

за этого инцидента испытывает стыд перед русским правительством, все же о невиновности наших слуг надо рассказать. Любая подобающая компенсация должна быть быстро произведена».

Выдержка из *фирмана* Его Величества шаха принцу ‘Аббас-мирзе. **«Тела убитых были погребены с почестями[18]. С секретарем и другими выжившими обращались наилучшим образом; одновременно издали приказы для наказания виновных, и они будут наказаны[19]. Мы ждем сообщения от Нашего сына о согласии консула Амбургера принять полную компенсацию. В течение двух дней секретарь[20] с *визирем* ‘Али-ханом и Нашим ответом на письмо императора[21] и с описанием собтий должны отправиться к генералу Паскевичу. Они очевидцы того, как все произошло. Секретарь лучше всех расскажет о происшествии. И Мы ждем от сына сообщения о мерах, которые нужно предпринять, чтобы смыть позор с Нашей чести».**

---

[1] Allgemeine Zeitung 1829. Nov. 21. № 325. S. 1299—1300 (РО ИРЛИ, ф. 457, ед. хр. 29, л. 1—2 об.).

[2] Официальное персидское извещение о гибели посольства было опубликовано в 1891 г. в изд.: *Щербатов. Приложения*. С. 67—69. Согласно публикатору, это документ № 551 (1829) архива МИДа. Он был опубликован повторно в 2017 г. в книге: *Дмитриев.* С. 649—650. Далее официальное персидское сообщение, отправленное в Россию, именуется *Письмо к Паскевичу*.

[3] В это время в Калькутте выходили «Calcutta Government Gazette» и «India Gazette». Таким образом, опубликованное известие из Тегерана проделало 4,5 тысячи км (по прямой на юго-восток) до Калькутты и вдвое больший путь оттуда до Баварии.

[4] Здесь и далее переводчик на немецкий язык именует шаха королем, его сыновей — принцами и титулует их Величеством и Высочествами.

[5] В 1839 г. в Тегеране компактно проживали около 500 армян, а в находящуюся за стенами города армянскую церковь регулярно приезжал священник из Эчмиадзина (см.: *Масальский Н. Ф.* Письма русского из Персии. СПб.: тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1844. С. 147—149).

[6] В рамках исполнения статьи XIII Туркманчайского мирного договора 1827 г., как желающих вернуться на родину.

[7] По свидетельству СЕКРЕТАРЯ (см. *Приложение 1*), *мирза* Якуб появился в доме посольства поздним вечером 20 января, но скрытно принят не был. Он поселился там 21 января 1829 г., на 23-й день пребывания посольства в Тегеране и за 8 дней до нападения на посольство.

[8] Персидская сторона утверждала, что *мирза* Якуб сделал долги по службе, за которые не отчитался и, возможно, что-то украл, после чего просил у русских убежища. Русская сторона не отвергала и другой последовательности событий: служебные бумаги *мирзы* Якуба могли похитить при опечатывании его квартиры уже после того, как он получил убежище в посольстве. О приписываемой *мирзе* Якубу краже ничего не сообщил лейтенант Р. Макдональд, получивший информацию от персидских властей три недели спустя после тегеранских событий (см.: *Harden 1979*. P. 20—26).

[9] В *Письме к Паскевичу* сформулировано иначе: «Посол сказал, что сие дело должно быть решено в Шаре (духовном суде)». То есть русским властям было со-

общено, что сам Грибоедов предложил рассмотреть дело в суде религиозном, который неизбежно приговорил бы к смерти отошедшего от ислама. По свидетельству СЕКРЕТАРЯ (см. *Приложение 1*), Грибоедов 22 янв. 1829 г. на специальной аудиенции у шаха просил о переносе дела в светский суд, но безуспешно. Знавший о трагедии только из официальных персидских сообщений и хорошо владевший персидским языком генеральный консул А. К. Амбургер сразу почувствовал корень зла и рапортовал Паскевичу: «Кажется, что духовенство Тегеранское было главною причиною возмущения, соделавшего нашего министра жертвою ожесточенной черни, ибо в главной мечети провозглашали сбор правоверных...» (Рапорт н. с. Амбургера ген. Паскевичу от 8 февр. 1829 г. // *Акты.* Тифлис, 1878. Т. 7. С. 671).

[10] В *Письме к Паскевичу* противоположное: «...но принудили себя к терпению». «Терпение всех сословий Тегерана» находилось в таковом состоянии и в ноябре 1828 г., когда Грибоедов сообщил из Тавриза об уже нескрываемом в Тегеране осуждении политики ʻАббас-мирзы относительно русских. ʻАли-шах писал брату (а наследный принц ознакомил с этим письмом Грибоедова): «Брат в самых резких выражениях упрекал его в отступничестве от Персии; говорил, что народное нерасположение к нему растет, что при Дворе Шаха все уверены, что он продал себя России, и т. д.» (Письмо Грибоедова Нессельроде от 30 нояб. 1828 г. // *ПСС.* С. 291). В конце декабря 1828 г. подчиненный наследного принца отказался сопровождать посольство Грибоедова из Тавриза в Тегеран (см. *Приложение 1*), что является еще одним примером крайне неустойчивого положения ʻАббас-мирзы (см.: Das Ausland. 1830. 14 Okt. № 287. S. 1145). Уже после трагедии ʻАббас-мирза предполагал отправить с извинениями в Петербург министра иностранных дел Персии Абу-л-Хасан-хана, но тот отклонил это поручение (см.: *Андреева Е. С.* Политическая обстановка в Закавказском регионе в конце XVIII — начале XIX веков и дипломатическая миссия мирзы Абу-л-Хасан-хана Ширази (Илʻчи) // Наукові записки Міжнародного гуманітарного університету. 2013. № 19. С. 45—51).

[11] В *Письме Паскевичу*: «проводники Российского посла».

[12] В *Письме к Паскевичу* о дамах сказано: «из Турции». Возможно, искажение произошло при переводе с персидского; возможно, произошла типографская опечатка и Турция (*нем.* Truthahn) превратилась в Tuthahn. Но сути дела (название это страны или турецкой деревни) это не меняет: Турция почти до середины XIX в. оставалась крупнейшим рынком рабов, и «турецкие» армянки, купленные или захваченные на территории Турции, могли быть как рабынями из-под Еревана, так и турецкими подданными, захваченными во время Персидско-турецкой войны 1823—1825 гг. В рапорте лейтенанта Р. Макдональда, получившего информацию о дамах от персиян, о них сказано «из Муше» (*Harden 1979.* P. 21). В результате Русско-персидской (1826—1827) и Русско-турецкой (1827—1828) войн значительная часть армянского населения Мушского региона переселилась в Армянскую область России.

[13] Наместника Тегерана принца ʻАли-шаха.

[14] Английский офицер Рей некоторое время командовал специализированной охраной шаха. Эта охрана носила собственное имя — Зербасы (Zerbas) и Кешикчи (см.: *Кругов А. И., Нечитайлов М. В.* Персидская армия в войнах с Россией, 1796—1828. М.: Фонд «Русские Витязи», 2016. С. 17).

[15] Остались в живых первый секретарь И. С. Мальцов, чиновник С. И. Меликов (Сулейман-хан), курьер А. Гаспратов и курьер Хачатур Амбарцумян (Ибрагим-бек) (см.: *Дмитриев.* С. 609). Как следует из рапортов Мальцова и рассказа СЕКРЕТАРЯ, их укрывали в квартирах персидской охраны, сообщили об этом в цитадель и оттуда поздним вечером прибыла охрана для сопровождения в крепость.

[16] Переводчик письма ‘Али-шаха на немецкий употребил искаженное название стражи из цитадели Тегерана — Subay вместо Zerbas.

[17] Наследный принц ‘Аббас-мирза.

[18] Как тщательно исследовал С. Дмитриев, тела погибших (кроме условного тела посла) были перезахоронены из городского рва (по сути, городской свалки) во двор армянской церкви Фаддея и Бартоломея в Тегеране только в 1836 г. (см.: *Дмитриев.* С. 614). А. К. Амбургер, присутствовавший при перенесении 1 мая 1829 г. останков Грибоедова из персидского гроба в русский, с горечью констатировал, что тело «...не имело почти никаких признаков прежнего своего изображения: оно, по-видимому, было ужасно изрублено и закидано каменьями и пришло в сильное тление...» (Амбургер — Паскевичу. Рапорт от 4 мая 1829 г. // *Акты.* Тифлис, 1878. Т. 7. С. 697—698).

[19] Мулла *мирз*а Масих, виновный в подстрекательстве толпы, с большими промедлениями и затруднениями был выслан из Тегерана только в конце июня 1829 г. после получения известий о крупных победах русской армии в Турции (см.: *Богдачев С. В.* Персидский принц Хосров-мирза // Грибоедов и Пушкин. Смоленск: СГПУ, 2000. С. 239—275 (Хмелитский сборник; вып. 2)).

[20] И. С. Мальцова задерживали в Тегеране 3 недели (см.: *Harden 1979*. P. 20).

[21] Письмо шаха для передачи русскому императору было вручено 21 янв. 1829 г. при прощальной аудиенции Грибоедову, но оно пропало при разграблении посольства.

Приложение 3

Перевод статьи «Россия» в газете «Beilage zur Allgemeinen Zeitung» от 29 января 1830 года[1]

Россия

15 дек. 1829[2], из Санкт-Петербурга. Немецкие газеты недавно сообщили о страшном убийстве русского посла в Тегеране. Источник сообщения — английский, а в английские газеты известие пришло из калькуттской прессы. Это сообщение, хотя и довольно подробное, но одностороннее; до тех пор, пока не указан преступник, все еще не выяснены детали, наше правительство[3] не опубликует точного описания этого чудовищного преступления. Однако это произойдет не ранее, чем генерал князь Долгоруков[4], посланный несколько месяцев назад в Персию, не получит точных сведений[5].

Что сделал Тегеран, чтобы оправдать произошедшее, известно; как известно и великодушное прощение, которое даровал император Николай I внуку персидского шаха[6]. О количестве убитых персиян английское сообщение ничего не говорит; об этом официально тоже неизвестно ничего[7].

Кроме посла[8], погибли второй секретарь[9], немецкий врач[10] и 15 людей посольства[11] — они убиты самым жестоким образом. Известно, что, когда казалось, исчезла перспектива спасения, несчастные прибежали в глубину покоев посла с намерением здесь продать жизнь подоро-

же[12]. Каждого нападавшего, пытавшегося туда проникнуть, сбрасывали вниз, и так им удалось защищаться в течение часа. Наконец бушующая толпа забралась на крышу здания и развела огонь над комнатой, где они находились; пламя сначала проникло сверху вместе с камнями, пулями и кинжалами, и все заполыхало. Только первый секретарь Мальцов (у которого квартира была в дальнем дворе) и еще трое слуг избежали бойни. Судьба убитых кажется тем страшнее, что посол приехал на несколько дней из Тавриза в Тегеран, чтобы навестить шаха перед его отъездом в Исфахан, и уже на следующий день посольство должно было возвратиться в Тавриз.

Россия и наука могли ожидать от жертв выдающегося служения.

Послу, статскому советнику Грибоедову, было едва 40 лет[13], он был всесторонне образован, со знаниями и опытом, в совершенстве владел персидским языком и знал нравы и привычки персов даже более, чем британец Мориер[14], который в своем «Хаджи-Бабе» современным персам вовсе не поставил памятника, но все и всех раскритиковал и изобразил в мрачном свете.

Грибоедова называют выдающимся русским драматургом, хотя он написал всего одну пьесу («Bittere Früchte des Verftandes»)[15]. И даже это произведение, из-за содержащейся в нем сатиры, до сих пор не опубликовано и не поставлено[16]. Грибоедов был чрезвычайно любезен и общителен, с быстрой реакцией, и печальными последствиями этой горячности частично следует объяснить несчастье, которое настигло и его, и его спутников в Тегеране.

Другой жертвой 31 января 1829 г.[17] был второй секретарь посольства Карл фон Аделунг, убитый рядом с послом[18]. Этому превосходному молодому человеку едва исполнилось 25 лет, и он с усердием три года неустанно готовился к поездке на Восток — это была единственная его цель, его желание и стремление. И то, что он сделал во время краткого пребывания в Персии, показывает, что можно было бы ожидать от его знаний, дара наблюдения и трудолюбия, особенно что касается древностей, нумизматики и ботаники. Его страшная смерть вызвала живое участие, и принц Хосров-мирза лично во время пребывания в Петербурге выразил сожаление его отцу. Вероятно, из его бумаг и коллекций ничего в Тегеране не удалось спасти[19].

Отец его[20], известный во всей Европе многочисленными литературными трудами, смог продолжил свои изыскания в лингвистике, в чем нашел средство смягчения своей боли. Хорошо известно, что он, несколько лет назад, еще при жизни крупного мецената графа Румянцева[21], сумел издать на средства последнего «Путешествия господина Мейерберга»[22], оригинал которого находится в Дрезденской библиотеке. Ф. П. Аделунг также опубликовал произведения санскритской литературы по рукописям, находящимся в Петербурге, чем вновь засвидетельствовал свои обширные познания.

[1] РО ИРЛИ, ф. 457 (Ф. П. и Н. Ф. Аделунги), ед. хр. 29, л. 3—4 об.

[2] Прошло 24 дня со дня публикации в этой газете письма наместника Тегерана и фирмана шаха ‘Аббас-мирзе (см. *Приложение 2*).

[3] Еще одно указание на Россию как на отечество автора статьи.

[4] См. прим. 152 к *Приложению 1*.

[5] Нет сведений, что перед Долгоруковым была поставлена такая задача. Сменивший его в 1832 г. (в ранге полномочного министра) И. О. Симонич (1794—1851) опросил одного из выживших в резне курьеров (Хачатура Амбарцума); однако его рассказ был опубликован только в 1879 г. (см.: *Боде К. К.* Смерть Грибоедова // А. С. Грибоедов: его жизнь и гибель в мемуарах современников. Л.: Красная газета, 1929. С. 207—211).

[6] Внук шаха, сын ‘Аббас-мирзы Хосров-мирза находился в России с мая по ноябрь 1829 г. с извинительной миссией.

[7] Источники дают разные значения потерь персиян: 6 убитых и 27 раненых (см.: The Aciatic Journal and Monthly Miscellany. 1829. Vol. 27. № 6. P. 783—784); 30—40 убитых и раненых (*Приложение 2*); 1 убитый (рапорт лейтенанта Р. Макдональда, см.: *Harden 1979.* P. 23).

[8] *Александр Сергеевич Грибоедов*.

[9] *Карл Федорович Аделунг*.

[10] *Франц Мальмберг*, см. прим. 15 к *Приложению 1*.

[11] Приведенное число убитых «русских» (18 человек) не совпадает ни с данными И. С. Мальцова (37), ни с записью СЕКРЕТАРЯ (44 или 54), ни со сведениями рапорта лейтенанта Р. Макдональда (35). Наверное, автор имеет в виду только членов миссии и ее охрану, исключив слуг и возвращающихся рабов.

[12] Приведенные подробности совпадают с таковыми в пока еще не опубликованном ни в Лондоне, ни в Париже, ни в Штутгарте рассказом СЕКРЕТАРЯ (см. *Приложение 1*) или с более ранней публикацией этого рассказа, нам пока не известной.

[13] Согласно доказательствам, представленным Н. А. Тарховой в 2017 г., год рождения Грибоедова — 1790-й, и автору статьи он был известен.

[14] *Мориер Джеймс Юстиниан* (1780?—1849) — английский посол в Персии. В 1812 г. опубликовал «Путешествие по Персии, Армении и Малой Азии до Константинополя в 1808 и 1809 годах»; в 1824 г. — роман «Похождения Хаджи-Бабы».

[15] «Горькие плоды разума» (*нем.*). Автор статьи не точен — Грибоедов написал несколько пьес.

[16] «Горе от ума» впервые полностью было опубликовано в переводе на немецкий язык в Ревеле в 1831 г.; на русском полностью (с цензурными изъятиями) — в 1833 г.; целиком (с цензурными изъятиями) комедия была представлена на сцене 26 янв. 1831 г.

[17] Указание ошибочной даты трагедии, как и использование юлианского календаря, также свидетельствует о русском авторе статьи. 31 января было ошибочно указано и в первом русском печатном извещении: Официальные известия // С.-Петербургские ведомости. 1829. 18 марта. № 33. С. 171.

[18] Автор статьи словно уже знаком с рассказом СЕКРЕТАРЯ, видевшего Грибоедова и Аделунга, стоявших рядом перед гибелью, и не знаком (или не верит) с майским 1829 г. письмом И. С. Мальцова, описавшего смерть от кинжалов убегавшего по двору К. Ф. Аделунга (см.: Русская старина. 1877. Т. 11. № 9. С. 277).

[19] Спасшийся И. С. Мальцов провел почти три недели в цитадели Тегерана перед возвращением на родину. Персидская сторона объясняла его задержку необходимостью поиска и фиксации вещей, принадлежащих посольству и посольским.

Действительно, Мальцов подписал странный список предметов, опознанных им как принадлежащих членам посольства (см.: *Цымбал Е. В.* Из архива внешней политики России // А. С. Грибоедов. Хмелитский сборник. Смоленск: СГПУ, 1998. С. 319—335).

[20] *Аделунг Федор Павлович* в это время служил в МИД. Он был одним из сооснователей Петербургского филармонического общества, организатором благотворительных концертов, известным нумизматом и библиофилом. Все исследования по истории России он вел на собственные средства и в свободное от службы время, что привело к возникновению солидных долгов (см.: РГИА, ф. 733, оп. 91, д. 85).

[21] *Румянцев Николай Петрович* (1754—1826) — министр коммерции в 1802—1810 гг., министр иностранных дел в 1808—1814 гг. Крупнейший коллекционер и меценат, организатор систематических исследований по истории, географии, этнографии и фольклору России.

[22] *Аделунг Ф. П.* Барон Мейерберг и путешествие его по России: пер. с нем. / изд. Федором Аделунгом, д. с. с. и кавалером. СПб.: тип. К. Крайя, 1827.

Библиографический список

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / ред. Ад. Берже. Тифлис: тип. Гл. упр. Наместника Кавк., 1874—1878. Т. 6, ч. I, II; Т. 7.
2. *Ариштейн Л. М.* Новые данные об обстоятельствах гибели Грибоедова (по английским источникам) // Русская литература. 1981. № 2.
3. *Ариштейн Л. М.* Персидские письма по поводу гибели Грибоедова / А. С. Грибоедов: материалы к биографии. Л.: Наука, 1989.
4. *Берже Ад. П.* Смерть А. С. Грибоедова // Русская старина. 1872. Т. 6. № 7.
5. *Боде К. К.* Смерть Грибоедова // А. С. Грибоедов: его жизнь и гибель в мемуарах современников. Л.: Красная газета, 1929.
6. Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / сост. А. И. Рейнблат. М.: Новое лит. обозрение, 1998.
7. *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч.: в 3 т. Т. 3: Письма; Документы; Служебные бумаги / подг. текста и комм. О. Ф. Акимушкин и др. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.
8. А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников / сост., вступ. ст., комм. С. А. Фомичева. М.: Худож. лит., 1980.
9. *Дмитриев С. Н.* Последний год Грибоедова: Триумф. Любовь. Гибель: историческое расследование. М.: Вече, 2017.
10. *Ефремов П.* О смерти А. С. Грибоедова в Тегеране // Русский архив. 1872. № 7—8.
11. *Кругов А. И., Нечитайлов М. В.* Персидская армия в войнах с Россией, 1796—1828. М.: Фонд «Русские Витязи», 2016.
12. *Масальский Н. Ф.* Письма русского из Персии. СПб.: тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1844. Т. 1.
13. *Могилевич И. М.* Первые публикации о гибели посольства А. С. Грибоедова и их достоверность // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 4.
14. *Попова О. И.* Грибоедов-дипломат. М.: Междунар. отношения, 1964.

15. Реляция происшествий, предварявших и сопровождавших убиение членов последнего российского посольства в Персии: рассказ персиянина // А. С. Грибоедов и его сочинения / изд. Евграфа Серчевского. СПб.: тип. Глав. штаба Его Имп. Вел. по воен.-учеб. заведениям, 1858.
16. *Ф. Б. <Булгарин Ф. В.>* Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове // Сын Отечества. 1830. Т. 9. № 1.
17. *Фомичев С. А.* Александр Грибоедов: биография. СПб.: Вита Нова., 2012.
18. *Шостакович С. В.* Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. М.: Соцэкгиз, 1960.
19. *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: его жизнь и деятельность. Т. 3 (октябрь 1827 — май 1831). СПб.: типолит. Р. Голике, 1891.
20. *Юдина Е. В., Могилевич И. М.* Письма из Персии 1828 года секретаря русского посольства Карла Аделунга в полном переводе // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб.: Родник, 2020.
21. *F. M. <MacAlister F.>* Memoir of the Right Honorable Sir John McNeil and his second Wife Elizabeth Willson. London: John Murray, 1910.
22. Geschichte der letzten russischen Gesandtschaft in Persien und ihrer Ermordung // Das Ausland. 1830. Okt. 14—25. №№ 287—298.
23. *Harden E. J.* Griboedov and the Willock Affairs // Slavic Review. 1971. Vol. 30. № 1.
24. *Harden E. J.* The murder of Griboedov. New materials // Birmingham Slavonic Monographs. 1979. № 6.
25. *Kelly L.* Diplomacy and Murder in Tehran: Alexander Griboedov and Imperial Russian's Mission to the Shah ofы Persia. London: Tauris Parke Paperbacks, 2006.
26. *Melville F.* Alexander Sergeevich Griboedov: Russian Imperial James Bond Malgré Lui: In Memory of the 225th Anniversary of his Birth // Russians in Iran: Diplomacy and Power in the Qajar Era and Beyond / ed. by R. Matthee, E. Andreeva. London, N. Y.: I. B. Tauris, 2018.
27. Narrative of the Proceedings of the Russian Mission from its Departure from Tabreez on 14-th Jummade (Dec. 20, 1828) until its Destruction on Wednesday the 6-th of Shabban (Feb. 11, 1829) // Blackwood's Edinburgh Magazine. Vol. 28. Sept.
28. Relation des événements, qui ont précédé et accompagner le massacre de la dernière ambassade russe en Perse // Nouvelles annales des voyages et des sciences géographiques. 1830. T. 48.

DOI: 10.31860/978-5-918680-445-71-78

П. Р. Заборов

ТЕАТРАЛЬНО-МУЗЫКАЛЬНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ Н. И. ТУРГЕНЕВА В ЗЕРКАЛЕ ЕГО ПАРИЖСКОГО ДНЕВНИКА

Аннотация: В основе статьи — дневник видного экономиста и государственного деятеля, одного из идеологов декабристского движения, Николая Ивановича Тургенева (1789—1871). Дневник этот, который он вел в Париже с октября 1825 по январь 1826 г., позволяет, в частности, проследить его отношение к музыкальной и театральной жизни французской столицы тех лет, где он отдавал предпочтение двум театрам — Итальянскому и Комеди-франсез.

Ключевые слова: Париж, дневник, музыка, итальянская опера, драматический театр, трагедия, комедия.

Abstract: The article is based on the diary of a prominent economist and statesman, one of the ideologists of the Decembrist movement, Nikolai Ivanovich Turgenev (1789—1871). This diary, which he kept in Paris from October 1825 to January 1826, allows, in particular, to trace his attitude to the musical and theatrical life of the French capital of those years, where he gave preference to two theaters — the Italian and the Comédie- Française.

Keywords: Paris, diary, music, Italian opera, dramatic theater, tragedy, comedy.

Николай Иванович Тургенев (1789—1871) вошел в историю как выдающийся представитель русской культурной элиты, но более всего как один из идеологов и вождей декабристского движения. Это последнее обстоятельство сыграло в его жизни роковую роль. События 14 декабря 1825 г. застали его за границей, куда он, получив официальный отпуск, отправился еще в апреле 1824 г. Тем не менее он был привлечен к следствию и, после отказа вернуться в Россию, был заочно приговорен к пожизненным каторжным работам. С этого времени Н. И. Тургенев стал политическим эмигрантом, жил преимущественно во Франции на своей вилле близ Парижа, скончался там и был похоронен на парижском кладбище Пер-Лашез.

В течение всего своего заграничного путешествия Тургенев вел подробный дневник: с января 1824 по сентябрь 1825 г. речь в нем шла в основном об Италии. Текст этого дневника и комментарий к нему изданы[1]. Продолжение дневника, в котором отразилось пребывание

[1] Архив братьев Тургеневых. Вып. 7: Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева. Т. IV: Путешествие в Западную Европу, 1824—1825. СПб.: Нестор-История, 2017.

© Заборов П. Р., 2024

Тургенева с 25 сентября / 6 октября 1825 г. по 4/16 января 1826 г. во Франции, преимущественно в Париже, до сих пор не опубликовано[2] и в настоящее время готовится к печати.

В Париже Тургенев обосновался 28 сентября / 10 октября 1825 г. вместе со старшим братом Александром Ивановичем (1784—1845), но при самой сердечной их привязанности, при их душевной и духовной близости у каждого из братьев была как бы собственная программа и каждый из них вел свой дневник[3]. Во всяком случае, к театру и вообще зрелищам братья относились по-разному: старший нередко предпочитал им дружеское общение и салонную беседу, тогда как младший, который, собственно, был средним, а младшим являлся Сергей Иванович Тургенев (1792—1827), внимательно следил за театральной афишей и старался по возможности не пропускать интересных, с его точки зрения, спектаклей. В еще большей степени это касалось оперы и вообще музыки, которую Николай Иванович любил несравненно сильнее, чем его старший брат, хотя и этот последний был к ней далеко не равнодушен.

В 1825—1826 гг. Тургенев открыл для себя Францию заново, поскольку он уже побывал там совсем молодым человеком, в 1811 г., т. е. в период Империи. Дневник, который он тогда вел, давно издан, и, ознакомившись с ним, мы можем констатировать, что уже в то время весьма важную роль играл в его жизни театр, прежде всего музыкальный, причем он не только фиксировал в своем дневнике каждое посещение того или иного оперного спектакля, но нередко более или менее подробно и ярко его характеризовал, что неудивительно, поскольку он был разносторонне образован, у него был хороший вкус и он почти по любому поводу имел свое мнение[4].

Французскую оперную музыку (а другой, не-оперной, он почти не знал) и французских певцов, которых ему довелось слышать, Тургенев, как правило, ценил невысоко и, тем не менее, он, находясь в Париже, посещал иногда Большую оперу (официальное ее название было «Королевская Академия музыки»). Так, например, он присутствовал на спектакле «Мистерии Изиды». Это была французская адаптация «Волшебной флейты» Моцарта с добавлением других извлечений из его наследия, своеобразный «музыкальный винегрет», составленный Людвигом Венцелем Лахнитом (1746—1820). На французской сцене он шел с 1801 г. и, как ни странно, пользовался огромным успехом. Тургенев же отозвался о спектакле более чем холодно, хотя и не уничтожающе: «M<onsieu>r Prévost, игравший Sarastro, довольно милостиво пропел арию “In diesem heiligen Hallen”. В речитативах он был

[2] РО ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. (ст.) 217, л. 1—75.

[3] См.: *Тургенев А. И.* Хроника русского. Дневники (1825—1826) / изд. подг. М. И. Гиллельсон. М.; Л.: Наука, 1964. (Лит. памятники).

[4] См.: Дневники Николая Ивановича Тургенева за 1811—1816 годы. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1913. Т. 2. Вып. 3. С. 52, 54, 56, 65, 71, 79, 92, 93, 94.

настоящим питомцем французской оперы. Я увидел и Нури. Лета убавили голоса, и он не так кричит. Нет беды без пользы. Кто бы подумал, что старость может быть полезна для певца? Несправедливая причина — ложные последствия. M<ada>me Quincy поддерживала славу фр<анцузской> школы с своей стороны. Она, к несчастию, еще в цвете лет и в полноте голоса. Досталось и слушателям, и Моцарту. M<ademoise>lle Grassari мила и была хороша в арии, кот<орую> пела с Папагеном, Labadie, который, видно, не из коренных колонн оперы, пел благопристойно, не употреблял горло хорошего голоса»[5].

Большая опера была Тургеневу явно не мила, и даже славное имя Глюка его не смягчило: так, например, один из его шедевров — «Армида» — вызвал у Тургенева, по меньшей мере, раздражение: «Видел “Армида”. Имя Глюка не позволяло мне находить музыку очень скучною и пустою. Я продолжал слушать. Наконец Nourrit, сын, и Grassari Армида запели дуэт: aimons-nous, aimons-nous, tout nous y convie [будем любить друг друга, все нас к этому призывает]. Этот дуэт развязал мне совесть. Если можно сказать по-французски: il est du dernier ridicule (он просто смешон)! Французятина во всей своей размазне! Все это продолжалось в течение пяти актов»[6]. «Настоящим идеалом певуна французской оперы» был, с его точки зрения, другой участник спектакля — Деривис. «Впрочем, — уточнял Тургенев, — он не пел, но кричал немилосердно. Французы находили все это хорошим. Я весьма покойно сидел в партере»[7].

Не воодушевили его и присутствующие в опере танцы, хотя французский балет, в отличие от оперы, его восхищал и часто изумлял: так, например, побывав в столь нелюбимой им Большой опере на опере-феерии «Аладдин, или Волшебная лампа», он ничего не написал ни о музыке Николо (Николо Изуара) и «какого-то Италиянца» (имелся в виду композитор Анджело Мария Бенинкори), ни о певцах, однако при этом заметил: «Но танцы точно совершенство»[8]. Сходной была его реакция и на другой спектакль, который состоял из оперы А.-М. Бертона, Р. Крейцера и Ф.-А. Буальдье «Фарамон» («Pharamond») и балета-пантомимы на музыку того же Крейцера «Клари, или Обещание женитьбы»: «Я с удовольствием смотрел, а не слушал. Танцованье этих граций точно прелестно»[9]. К балету Большой оперы он относился поч-

[5] Л. 30 об. (здесь и в дальнейшем указываются только номера листов). В тексте упоминаются Фердинан Прево (бас-баритон), Луи Нурри (тенор) и Бернар Лабади (баритон), г-жи Кенси и Грассари (обе сопрано). Приведено (неточно) самое начало арии Зорастро из 3-й сцены 2-го акта; правильно: In diesen heil'gen Halle («За этими священными вратами...»). Здесь и далее в скобках — перевод иностранных слов и выражений.

[6] Л. 61 об. Имеются в виду Адольф Нурри (тенор), г-жа Грассари (см. выше) и Луи-Этьен Деривис (Dérivis) (бас).

[7] Там же.

[8] Л. 71 об.

[9] Л. 74.

ти как балетоман, разбирался в балетной технике, знал танцовщиц и танцовщиков по имени, а иногда и подробности их личной жизни.

Завершая свое «второе» знакомство с французской столицей, Тургенев 16/28 декабря побывал в том же театре на представлении «Каирского каравана», комической оперы столь популярного некогда Андре-Эрнеста-Модеста Гретри (Grétry, 1741—1813). Оперу эту, как можно понять, он уже слушал и ничего хорошего от этого спектакля не ждал: «Теперь был в б<ольшой> опере. La Caravane du Caire, музыка Grétry: какая-то размазня без всякого толку и приятности. Кажется, эта музыка нарочно, официально, по порядку сделана для сохранения репутации — пышной пустоты — французской оперы»[10]. С раздражением отозвался он и об исполнителе главной мужской роли египетского паши Османа — Деривисе : «Он получает 12 тысяч франков жалованья и каждый раз, когда играет, 50 франков. От этого не дают своих ролей играть молодым актерам, их doubles (дублеры)»[11].

С тремя другими старинными комическими операми Тургенев познакомился «по должности путешественника», т. е. из любопытства. В тот вечер в театре Федо (Feydeau) давались «Сестры-близнецы» Франсуа-Жозефа Фетиса (Fétis, 1784—1871), «Погонщик мулов» Луи-Фердинана Герольда (Hérold, 1783—1855) и «Гулистан» Никола-Мари Далейрака (Daleyrac, 1753—1809), но первую Тургенев даже не упомянул, а о музыке их отозвался с презрением: «То-то музыка! С каким чувством жалости смотрел я на публику, наполнявшую весь театр и слушавшую с удовольствием эту дрянь. Дрянь, дрянь, в высочайшей степени»[12].

Наконец, 19/31 декабря, незадолго до отъезда, он вновь отправился в театр Федо, чтобы послушать входившую в моду комическую оперу «в романтическом духе» — «Женщину в белом» («La Dame blanche») Ф.-А. Буальдье (Boieldieu, 1775—1834). Однако и к ней Тургенев остался равнодушен: «Французская, вообще пустая музыка, но есть приятные места и, кажется, хорош финал 2-го акта. Также некоторые арии хороши, напр<имер>, Chantez, chantez и романс, который поет старуха. Голос Поншара слаб»[13]. Отсюда и вывод, к которому он приходил: «Вообще певуны и певицы тут не отличаются»[14].

«Отдушиной» же явился для Тургенева другой парижский театр — Итальянский, существовавший с 1714 г., претерпевший различные трансформации и в 1820-е гг. превратившийся в первоклассный опер-

[10] Л. 69.

[11] Там же.

[12] Л. 52.

[13] Л. 70 об. Упомянутые Тургеневым арии — хор «Chantez, chantez, joyeux ménéstrel» («Пойте, пойте, веселый менестрель») из 3-го акта и романс старухи (т. е. бывшей служанки графов д'Авенель по имени Маргерита) из 2-го акта. Луи-Антуан-Элеонор Поншар (Ponchard) — оперный певец (тенор).

[14] Там же.

ный театр, где силами выдающихся итальянских певцов по преимуществу ставились оперы современных итальянских композиторов, а с 1825 г. — почти исключительно оперы Джоакино Россини (Rossini, 1792—1868), который с конца 1824 г. стал его директором. Первый спектакль этого театра, на которым побывал Тургенев, был «Танкред» («Tancredi», 1813); за «Танкредом» последовали «Золушка» («La Cenerentola», 1817), «Дева озера» («Donna del Lago», 1819), «Отелло» («Othello», 1816) и «Семирамида» («Semiramide», 1823).

Из главных исполнителей «Танкреда», по мнению Тургенева, «действительно хороша» была лишь прославленная примадонна Джудитта Паста в роли Танкреда: «Прекрасная, благородная голова. Много свободы и простоты в игре. Голос немного сиповатый. Но поет хорошо»[15]. Об остальных участниках спектакля Тургенев отозвался более сдержанно: «Mademoiselle Cinti мила, поет приятно, с большою легкостию. Голос ее не очень обширен. У Bordogni, игравшего Аржира, голос слаб, но поет хорошо»[16]. Общий же вывод, к которому он приходил, граничил с разочарованием: «Вообще я ожидал более. Итальянского жару в произношении нет ни у кого»[17].

Музыку «Золушки» Тургенев находил «прекрасной», а исполнение — всего лишь хорошим, и это несмотря на то, что в нем участвовали такие превосходные певцы, как Рубини, Дзукелли и Галли: «Все шло хорошо», — лаконично констатировал он и добавил: «В пении много ensemble (ансамбля)»[18].

Пассаж в дневнике о «Деве озера» тоже был далеко не восторженным: «Есть прекрасные арии, дуэты, квартеты. Но многое напоминает “Танкреда”. Эти полунапоминания неприятны. Надобно или совершенно то же, или совсем новое»[19]. Из певцов его более всех удовлетворял Рубини, а участие в спектакле французского тенора Левассера он явно не одобрял и вновь высказался критически о французской певческой манере с ее избыточной виртуозностью: «В Levasseur виден француз не только по выговору, но иногда и по крику». При этом он предполагал, что французская публика этого не заметит: «Публика не итальянская. C`est charmant, c`est charmant! [это очаровательно, это очаровательно!]. А что их более трогает? Рулады, которые, будучи часто в избытке, портят пение»[20].

---

[15] Л. 26. Джудитта Паста (Pasta) — ведущая певица парижской Итальянской оперы, сопрано широкого диапазона, обладавшая и незаурядным драматическим талантом. В этом спектакле исполняла партию Танкреда (контральто).

[16] Там же. Лор Сенти-Даморо (сопрано) пела Аменаиду, Марко-Джулио Бордоньи (тенор) исполнял роль Арджирио (у Тургенева — французская версия этого имени).

[17] Там же.

[18] Л. 39. Джованни Батиста Рубини (тенор), Карло Дзукелли (бас), Филиппо Галли (бас).

[19] Л. 43 об.

[20] Л. 44. Никола-Проспер Левассер (бас).

Музыку «Отелло» Тургенев обошел молчанием, зато Паста в роли Дездемоны произвела на него сильнейшее впечатление: «Mme Pasta была прелестна простотою и вместе искусством игры. Ничего не достает в Mme Pasta. Благородная фигура, правильное лицо, голос, пенье и особенно ее прекрасная игра»[21].

Наконец, незадолго до отъезда Тургенев увидел и услышал «Семирамиду», которая ему «отменно понравилась». «Особенно хороши, — заметил он, — арии (квартет) Di tanti Regi e popoli [Столько царств и народов], присяга и некоторые другие. Mme Pasta играла прекрасно. Galli пел очень хорошо»[22].

Таким образом, из двух музыкальных культур, с которыми Тургенев познакомился в Париже, он сделал выбор в пользу итальянской, точнее — в пользу новой итальянской (условно говоря, «романтической») школы, зачинателем которой являлся Россини[23].

Иначе обстояло дело с искусством драматическим. В Париже Тургенев заново открыл для себя то, что хорошо знал со времен первого путешествия, — французскую классическую трагедию и комедию. Теперь он охотно осваивал и современную драматургию в прозе и стихах.

Главным хранителем высоких театральных традиций в отношении репертуара, манеры актерской игры и сценической речи был прославленный Французский театр (иначе — Комеди-франсез). Тургенев, естественно, бывал там неоднократно и в течение трех месяцев посмотрел в этом театре и на его второй сцене «Одеон» множество самых разных пьес различных жанров — от трагедий и комедий XVII—XVIII вв. до драм Александра Дюваля и комедий-водевилей Эжена Скриба. Особой притягательной силой обладали для него два актера, выступавшие как в трагедиях и драмах, так и в комедиях, — Франсуа-Жозеф Тальма и м-ль Марс, которых он полюбил еще во время первого путешествия, т. е. в 1811 г. Тогда, посмотрев «Гамлета» Дюсиса с Тальма в главной роли, он заметил в дневнике: «Можно бы сказать, что он довел искусство до самой высочайшей степени, но этого в нем незаметно: везде природа, все в нем натурально. Я иногда был в восторге, в исступлении от его игры, от его движений лица, головы. Голос прекрасный. И даже ростом он не должен быть выше — вот что делает его искусство!»[24] А покидая Париж, признался: «Я простился

---

[21] Л. 67.

[22] Л. 71 об. Имеются в виду 2-я и 9-я сцены 1-го акта.

[23] Спектаклем Итальянского театра Тургенев, судя по его дневнику, был разочарован лишь однажды: это был «Дон Жуан», гениальная опера Моцарта, которую он, несмотря на «прелесть арий», даже до конца не дослушал. «Оркестр хорош. Пение совсем ему не соответствовало. Особенно плох был Leporello», — отметил он, впрочем, объяснив свой уход также тем, что «сидел в партере очень на беспокойной скамье». См.: Л. 37.

[24] Дневники Николая Ивановича Тургенева за 1811—1816 годы. Т. 2. Вып. 3. С. 49.

с сожалением с Тальмою. Естьли не о нем одном, то, по крайней мере, о нем более всего сожалею, оставляя Париж»[25].

Вскоре после вторичного приезда в Париж он увидел знаменитого актера в трагедии Корнеля «Цинна», в роли Августа, и записал, все еще находясь под впечатлением от его игры: «Явился Тальма — это был настоящий Август. Жесты его <...> были чрезвычайно выразительны, натуральны, сильнее его речей и красноречивых стихов Корнеля. Какое достоинство и какая простота! Что еще сказать о Тальме? Не знаю. Может ли искусство идти далее. Хладнокровно его видеть нельзя»[26]. В дальнейшем, в какой бы пьесе ни выступал этот актер, Тургенев писал о нем с восхищением («Тальма играл прекрасно», «Тальма был прекрасен», «Тальма часто был прекрасен»), лишь пару раз позволив себе его в чем-то упрекнуть. С восторгом отзывался он и об игре «несравненной» м-ль Марс, причем тоже во всех без исключения ролях.

Однако драматических театров в Париже было немало: кроме «Дома Мольера» и Одеона существовали Театр де Ла Порт Сен-Мартен, «Жимназ драматик», «Варьете», «Водевиль» и даже детский Театр Конта. В них (за исключением последнего, который он посетил лишь один раз) Тургенев бывал систематически, к их репертуару, подчас актуально-острому, нередко только развлекательному, а иногда и низкопробному, относился более или менее терпимо, обычно не проявляя ни малейшего снобизма, хорошо знал и ценил их актеров — Адриена Перле, Грегуара Гонтье, Александра Леграна, Жана-Шарля Одри, Нюма (Марка Бешофера), Жана-Себастьена-Фюльграна Боскье, Женни Вертпре, Жанну-Эмили Левер, м-ль Минетт, но в особенности знаменитого Шарля-Габриэля Потье, на которого он обратил внимание много раньше[27]. Благодаря этим веселым, обычно одноактным и двухактным пьескам он полнее узнавал французскую действительность, глубже постигал французский характер, лучше понимал французскую речь; интересна ему была и публика, особенно та, что заполняла партер, тем более что с ней он вне театра соприкасался минимально.

Примечательно, что вечером 4 (16) января 1826 г., т. е. накануне его отъезда из Парижа в Лондон, Н. И. Тургенев (в который раз!) отправился во Французский театр: «В Théâtre Français, — отметил он в дневнике, — давали сегодня “Falkland”, английская драмма, в которой Тальма играл главную роль»[28].

---

[25] Там же. С. 91.

[26] Л. 17 об.

[27] Дневники Николая Ивановича Тургенева за 1811—1816 годы. С. 90.

[28] Л. 75. Речь идет о драме в пяти актах и в прозе Жана-Луи Лайа (Laya, 1761—1833) «Falkland ou la Conscience» («Фальклан или Совесть», 1798); называя эту пьесу «английской драммой», Тургенев имел в виду ее сюжет.

Библиографический список

1. Архив братьев Тургеневых. Вып. 7: Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева. Т. IV: Путешествие в Западную Европу, 1824—1825. СПб.: Нестор-История, 2017.
2. Дневники Николая Ивановича Тургенева за 1811—1816 годы. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1913. Т. 2. Вып. 3.
3. *Тургенев А. И.* Хроника русского. Дневники (1825—1826) / изд. подг. М. И. Гиллельсон. М.; Л.: Наука, 1964. (Лит. памятники).

DOI: 10.31860/978-5-918680-445-79-107

А. Г. Носова

НАТАЛИЯ ФЕДОРОВНА ВИТБЕРГ, ЗАБЫТАЯ ХУДОЖНИЦА
По материалам фонда Ф. А. Витберга

Аннотация: Биография художницы Н. Ф. Витберг, портретистки, ученицы И. Е. Репина, сокурсницы по мастерской многих знаменитых в будущем художников, практически неизвестна. Впервые публикуемые документы помогут восстановить канву ее жизни, неразрывно связанной с культурно-историческими событиями своего времени.

Ключевые слова: Н. Ф. Витберг, художница, ученица И. Е. Репина, биография, Императорская Академия художеств, Константиновская гимназия, Пушкинский Дом.

Abstract: The biography of the artist N. F. Vitberg, portrait painter, student of I. E. Repin, fellow student in the workshop of many future famous artists, is practically unknown. The documents being published for the first time will help to restore the outline of her life, inextricably linked with the cultural and historical events of that time.

Keywords: N. F. Vitberg, artist, student of I. E. Repin, biography, Imperial Academy of Arts, Konstantinovskaya Gymnasium, Pushkin House.

Наталия Федоровна Витберг, будущая художница[1], педагог, родилась 12/24 ноября 1870 года в Гатчине[2]. Она — дочь Федора Алексан-

[1] См. о ней: Юбилейный справочник Императорской Академии художеств, 1764—1914: в 2 т. / сост. С. Н. Кондаков; Имп. Санкт-Петербургская Академия художеств. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, [1914—1915]. Т. 2. С. 39; Художники народов СССР: биобиблиогр. словарь: в 6 т. / отв. ред. Т. Н. Горина; гл. сост. и библиограф О. Э. Вольценбург и др. М.: Искусство, 1972. Т. 2 (Бойченко-Геонджиан). С. 288; *Коновалов Э. Г.* Словарь русских художников. Новый полный биографический. М.: ЭКСМО, 2012. С. 106.

[2] РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 4, ед. хр. 7, л. 1—1 об.: копия документа «Свидетельство. По указу Его Императорского Величества, от С.-Петербургской Духовной Консистории дано сие свидетельство о том, что в метрической 1870 года книге церкви Императорского Николаевского Сиротского института у классного воспитателя, Федора Александровича Витберга и законной жены его Галины Михайловны, обоих православных, от первого их брака, дочь Наталия, родилась 12 и крещена 29 ноября тысяча восемьсот семидесятого года. Воспреемниками были: кандидат С.-Петербургского университета Александр Ильич Незеленов и вдова Титулярно-

© Носова А. Г., 2024

дровича Витберга[3] (1846—1919), педагога, литературоведа, библиографа, собирателя документов по истории России XVII—XIX веков, и внучка известного архитектора, художника, автора неосуществленного проекта храма Христа Спасителя на Воробьевых горах в Москве А. Л. Витберга (1787—1855).

Ее матерью была Галина Михайловна Витберг (урожд. Агапова[4]; ?—1876). В брак с Ф. А. Витбергом она вступила 2 ноября 1869 года.

В то время начинающий педагог после окончания курса в университете в 1869 г. и кратковременной работы воспитателем в Училище Человеколюбивого общества перешел на службу в Императорский Гатчинский Николаевский Сиротский институт. Там он занимал должности младшего воспитателя, преподавателя русского языка и словесности и истории, затем старшего воспитателя, инспектора классов в течение 18 лет, до 1888 года, когда ему пришлось перебраться в Петербург, в связи с учебой дочери.

Наташа и ее младший брат Алексей (1872—?)[5], будущий военный — он впоследствии окончил Николаевскую инженерную академию, —

го Советника Софья Александровна Казначеева. Причитающийся гербовый сбор уплачен. Февраля 11 дня, 1883 года <...>». *Незеленов Александр Ильич* (1845—1896) — филолог, профессор русской словесности Санкт-Петербургского университета. Действительный статский советник (1890). Самый дорогой и близкий друг Ф. А. Витберга. См. их переписку: РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 3, ед. хр. 126, 561—566. *Софья Александровна Арсеньева* (урожд. Витберг, в первом браке Казначеева; 1840—1913), сестра Ф. А. Витберга, основательница и бессменный директор частной гимназии (с 1873 г. и до кончины) в Москве (Гимназия С. А. Арсеньевой). 15 нояб. 1870 г. А. И. Незеленов писал Ф. А. Витбергу: «Друг Федя! Поздравляю тебя и Лину Михайловну с новорожденной. Мы очень рады, что родилась дочка, а не сын, ибо она не пойдет в солдаты. Мамаша хочет на днях поехать к вам. Если у тебя есть время, то напиши, пожалуйста, как, что у вас: здорова ли Лина Михайл<овна> и Наташа, когда думаете крестить и т. п.» (РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 3, ед. хр. 561, л. 4).

[3] См. о нем: *Носова А. Г.* Переписка Б. Л. Модзалевского с Ф. А. Витбергом // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 168—219. Далее — ЕРОПД на 1996 год. В Рукописном отделе ИРЛИ хранится фонд № 52 (Ф. А. Витберг), материалы которого использованы в данной работе.

[4] Следует отметить, что в семье Агаповых воспитывался Ф. Сологуб, где его мать была прислугой. См.: Шутливый проект просьбы для няни Лининой, Татьяны // РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 4, ед. хр. 6; о семье Агаповых см. также: *Витберг Ф. А.* Записки современного романтика // Там же, оп. 2, ед. хр. 4; подробнее о жизни Ф. Сологуба в семье Агаповых см.: *Мисникевич Т. В.* «...Я имел достаточно “натуры” вокруг себя»: (новые материалы к ранней биографии Ф. Сологуба) // Лица: биогр. альманах. СПб.: Феникс, 2002. [Т.] 9. С. 499—515.

[5] Год смерти Алексея Федоровича Витберга не установлен. В некоторых печатных и интернетных источниках имеются не подтвержденные документами сведения, что он и Наталия Федоровна умерли в 1942 г. в блокаду Ленинграда. В Книге памяти блокадного Ленинграда они не числятся. Но там в списках присутствуют три человека под фамилией Витберг:

рано остались без матери. По трагической случайности она выпила стоявший в комнате в стакане настой фосфорных спичек для отпугивания мух[6]. Дети остались на попечении Ф. А. Витберга, который сам занимался их воспитанием и очень их любил. Он был им «отцом-матерью», «отцом-няней», как писал впоследствии в одном из писем ему сын Алексей[7].

С самого рождения дочери в течение нескольких лет Ф. А. Витберг вел дневник о ее развитии. Это были «Записки современного романтика», где он писал и о сыне. Затем записи о Наташе он переписал отдельно, назвав их «Из дневника родителя»[8], и дополнил их более поздними, до 18 мая 1879 г.

Конечно, наблюдение за развитием ребенка его интересовало не только как внимательного и заботливого родителя, который стремится понять своего ребенка, оценить, насколько правильно он развивается, но и как педагога, филолога, психолога, который, наблюдая и изучая, получает неоценимый опыт для своей профессии. Он ведет беспристрастный научный анализ физиологического и интеллектуального развития маленького человека, исследует, сравнивает, оценивает. В этом отношении дневник уникален[9].

Нам же интересны все сохранившиеся в архиве материалы о Наталие Федоровне, поскольку биография забытой художницы практически неизвестна, и эти документы помогут восстановить канву ее жизни.

Начнем с рождения, приведем выдержки.

«Из дневника родителя»:

«13 сент. 1872

Мне хочется записать мои наблюдения над нашей дочкой Наташей.

«Витберг Андрей Федорович, 1892 г. р. Место проживания: Прямой пер., д. 37, кв. 3. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно. (Блокада, т. 5);

Витберг Евгения Федоровна, 1895 г. р. Место проживания: Прямой пер., д. 37, кв. 5. Дата смерти: июль 1942. Место захоронения: неизвестно. (Блокада, т. 5);

Витберг Федор Федорович, 1885 г. р. Место проживания: Прямой пер., д. 37, кв. 4. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: неизвестно. (Блокада, т. 5)» ([Электронный ресурс] URL: https://blockade.spb.ru (дата обращения: 25.03.2024)).

На интернет-сайте geni.com эти же люди причислены к детям Ф. А. Витберга и Г. М. Агаповой. Некоторое же время назад там же они были представлены как его дети от неустановленной матери. В фонде 52 (Ф. А. Витберг) не имеется каких-либо документов и косвенных признаков, подтверждающих, что у него были еще дети, кроме Наталии и Алексея. Возможно, такое совпадение фамилии и отчества случайное.

[6] См.: ЕРОПД на 1996 год. С. 169.

[7] См. пронзительное по своему содержанию письмо сына Ф. А. Витберга, Алексея, от 3 янв. 1898 г.: РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 3, ед. хр. 318, л. 20—24.

[8] *Витберг Ф. А.* Из дневника родителя // Там же, оп. 2, ед. хр. 5.

[9] См., например, «дневник жизни детей»: Дневник Вл. А. Рышкова о дочери Кире / вступ. ст. и комм. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб.: Родник, 2020. С. 325—386.

Она родилась 12 нояб. 1870 г.

Первое наблюдение я сделал на другой же день ее рождения. Она раскричалась, и чтобы ее унять, я показал на теплившуюся у образа лампаду. Она уставилась на огонь глазенками и замолчала. Впоследствии, когда она начала уже улыбаться, на 4-м месяце, она всегда весело улыбалась, глядя на огонь. У сына тоже, прежде всего, обнаружилась впечатлительность зрения: на другой день его рождения его пеленали за ширмами на постели. В это время каким-то образом раскрылась у окна стора, и из-за головы Леши на кровать упал из окна свет. Леша сейчас же повернул голову и устремил глаза по направлению к окну. Я вывел из этого, что из всех внешних чувств человека раньше других воспринимает впечатления — зрение.

Чувство осязания возникает очень поздно, на 4, 5 и даже 6-м месяце. В первое время Наташа давала дотрагиваться даже до самих зрачков, не моргая, и не отворачивалась. Чувствовать укушение блох и клопов она начала очень поздно, а чесать укушенное место и хвататься за него — еще позднее.

Слух развился тоже поздно; в первые дни можно было стучать чуть не над ухом у ней, и она спала себе, как будто была мертвая тишина. Вкус явился тогда, когда пища стала разнообразнее, а не одно матернее молоко; да и появился не сразу, а мало-помалу. Обоняние не развилось еще и до сих пор (вчера ей минуло год 10 мес<яцев>), и дурной запах ее ничуть не смущает.

Столь же медленно развилось отправление и других органов. Слезы стали появляться на глазах только месяца через 3 или 4 после рождения; с этих пор она плакать стала как следует, хотя рыдать и всхлипывать начала гораздо позже; до появления же слез она только кричала, но не плакала. Улыбка стала появляться на ее лице также месяца через 3 или 4; до тех пор, вместо улыбки, у нее веселели только глаза, лицо же не изменялось. Потом вместе с глазами стали улыбаться и губы, но слуха все еще не было; он появился на 6 или 7 месяце, когда, вместе с глазами и губами, она стала смеяться и голосом; хохотать же она начала уже около года, и то немного и слабо, а как следует — уже на втором году.

Стоять на ногах она могла уже на 7 или 8 мес<яце>; ходить начала на 13-м; бегать начала около 1,5 года.

[Целоваться, плевать, сморкаться, утирать слезы и т<ому> п<одобное> Наташа начала уже на втором году.]

Первые зубы прорезались на 11-м мес<яце>. Попытки говорить начались очень рано, так что к году она уже говорила папа и мама. Потом она все более и более привыкала говорить. В настоящее же время ей год 10 мес<яцев>, и она говорит так, что можно почти всегда понять, чего она хочет.

Между прочим, я заметил, как врожден человеку грамматический строй языка. Наташа привыкла в последнее время говорить папатя и маманя; подлаживаясь под окончание тя и ня, она пыталась составить новые слова: дядя-тя, няня-ня; когда она хочет пить, она говорит: молока (конечно, не совсем чисто: у нее выходит млока); окончание ка она пыталась употреблять и в других случаях и говорила иногда да-ка, не-ка, няня-ка. В этих попытках мне видится невольное стремление группировать слова по окончаниям.

С другой стороны, я заметил вот что: себя она называет татя или тятя, тетку называет тютя; но иногда вместо одного слова употребит другое, но сейчас же поправится; а иногда, сказавши, напр<имер>, тютя, сейчас же по сходству вспомнит татя. Кошку она называет кыка, а что-нибудь гадкое кака и также мешает иногда эти слова или, сказавши одно из них, вспоминает вслед за ним и другое.

Это своего рода ассоциация идей, только выражающаяся в детской форме. В самое последнее время она научилась связывать слова, употребляя их в именительном падеже. Напр<имер>, она говорит: кыка татя бобо́, т. е. кошка сделала Наташе больно; папатя <?> бо́ба, т. е. папа ушел за гостинцами; дайте татя млока — дайте Наташе молока; папатя (или маманя) дитя бабай — папа (или мама) дитя легла спать, и т. п.

Понимать детский язык можно только тогда, когда живешь с детьми, знаешь весь их лексикон и видишь все, что они делают и что с ними делается. Оттого посторонним и трудно понимать детский [язык] лепет. С другой стороны детский язык [вычеркнута часть предложения] очевидно, имеет сходство с тем языком, каким говорили, вероятно, первобытные люди и до сих пор говорят дикие племена внутренней Африки. Язык первобытного человека, равно как и современного дикого, имеет своим источником окружающую жизнь в самом тесном значении этого слова, жизнь даже не целого племени и не всей окружающей природы и обстановки, а только жизнь отдельной хижины, как язык ребенка имеет своим источником жизнь его комнаты и людей, его окружающих. И как у каждого ребенка эта жизнь различна и оттого различен и язык его, так и у дикарей, не только одного племени, но даже одной деревни, бывает различный язык, иногда с трудом понимаемый жителем соседней хижины (См. Дж. Лэбока: Начало цивилизации)[10]. Оттого мимика и восклицания играет в языке дикарей, как и в языке ребенка, такую большую роль.

Что касается до характера, то я заметил, что у нее характер очень ласковый, добрый и послушный, хотя она и капризничает, как всякий ребенок. Если она делает что-нибудь неприятное, стоит только представить, что мне или жене от этого больно: она сейчас расчувствуется, придет утешать и целовать, а если это не помогает — сама расплачется. Заставить ее что-нибудь сделать можно, скорее всего, лаской: скажешь ей «пожалуйста» и непременно сделает то, что просишь. Она так уже привыкла, что ее любят и ласкают, что, если иногда рассердишься и закричишь на нее или прогонишь от себя, она огорчится и прегорько расплачется; утешить ее в этом случае можно только лаской, чтобы она убедилась, что на нее больше не сердятся.

Память у нее хорошая: она всегда помнит, где оставила свои игрушки, и если они ей понадобятся, она прямо идет туда, где они остались. Побывав раз с женой в лавке, где ей покупали гостинцы, она через несколько дней, проезжая с нами в своей коляске мимо этой лавки, вспомнила ее и стала просить бо́ба (т. е. леденцов). Переимчивость также у нее большая: она очень скоро научилась играть в куклы и теперь укладывает их

[10] *Леббок Джон.* Начало цивилизации и первобытное состояние человека. Нравственное и общественное положение диких народов. СПб.: тип. М. Хана, 1871.

спать так же, как и ее укладывали: качает их, напевает песенки, ходит с ними [вычеркнут целый абзац]. На игры свои смотрит серьезно и сердится, когда ей мешают.

14 Окт<ября> 1872

Вот еще одно филологическое наблюдение над языком Наташи, весьма важное и любопытное. Бабушку она называет баба. Слово это очень сходно с папа, разница только та, что б твердая (?) <так!> буква, а п мягкая (?); вместо папа она говорит часто папа-тя; этот же слог тя она попробовала прибавить к слову баба — вышло ба-ба-тя; но, должно быть, ей не понравилось смешение твердого (?) б с мягким (?) т, она переделала слово в ба-ба-дя и уже стала постоянно употреблять эту последнюю форму. Опять тут сказалось стремление к классификации, окончаний на мягкие (?) и твердые (?), хотя форма ба-ба-дя менее благозвучна, чем ба-ба-тя, и ее образование есть со стороны Наташи ошибка, но дело тут не в правильном образовании форм, а в самом стремлении к системе и единообразию.

29 Окт<ября> 1872

В языке Наташи начинают уже появляться падежные окончания. Так как ей приходится чаще всего просить что-нибудь или об чем-нибудь для себя или передавать и приносить что-нибудь другим (она очень любит, если попросишь ее принести или подать что-нибудь), то она прежде всего ознакомилась с употреблением дательного падежа: она говорит теперь совершенно правильно: дай тате молока, или, держа что-нибудь в руках и показывая на мать, говорит: ма-ма-ке. В то же время все более и более развивается у нее вообще способность говорить и наиболее легкие слова она повторяет сразу и совершенно чисто; напр<имер>: мыло, рыба, юбка, булка, кука (т. е. кукла). Тут замечательно, что она повторяет новые слова сразу: очевидно, тут проявляется вообще способность человека говорить, а вовсе не простая подражательность и привычка, п<ри>ч<ем> в этом последнем случае она бы не могла повторить слов сразу, а сначала перевирала бы их, приучалась бы к ним. Это обстоятельство, вместе с замеченной выше наклонностью к разделению окончаний на мужские и женские, на твердые и мягкие, доказывает, что язык есть следствие врожденной способности, а не привычки и подражания.

Сейчас я сделал опыт: заставил Наташу повторить слово говядина. Она сказала: годяба, потом поправила: годябада. Очевидно, ее способность говорить не развилась еще настолько, чтобы она могла справиться с такими длинными словами: ей пришлось просто передразнить меня. Точно также она не может справиться со сложными слогами из нескольких согласных и гласной: вместо ку-кла она говорит ку-ка (двойной слог легче тройного); вместо ку-хар-ка она говорит ку-ль-ка, вместо Са-ша — Са-ся (ш — буква сложная и потому для нее трудная).

6 дек. 72

Язык Наташи все более и более развивается. Ей известно уже несколько падежей: Именительный — папа, па-па-тя, мама, ма-ма-ня, А-ня (Ан-

нушка), няня, дитя, Са-ся, То-ня, Ле-тя, каська (каша) и т. п. Родительный — дай молока. Дательный — папе, маме, па-па-не, ма-ма-не, Та-те (Наташе).

А на Винительный — папу, маму, Та-тю. А-ню, ки-ку (кошку). Творительный и Предложный падежи (а также и Звательный) — ей еще неизвестны. Ясно, что она еще не знакома с теми отношениями предметов, которые обозначаются этими падежами; следовательно, и самые эти отношения встречаются в жизни реже, чем те, которые обозначаются остальными падежами <...>[11].

12 марта 1873. Обыкновенно говорят, что любовь родителей к детям и детей к родителям врожденна людям. Если бы это мнение было справедливо, то невозможны были бы те фразы, которые мне пришлось наблюдать в развитии Наташи. Когда она стала говорить, она научилась называть себя дочкой. Но, когда ее спросишь: «Чья ты дочка?» Она отвечает: «Папы, мамы, Лети, тети, бабуски». Таким образом, родители для нее не выделяются из круга всех остальных членов семьи. Положим, тут большую роль играет бессознательность. Наташа не понимает, что значит слово дочка, не понимает, какие отношения обозначаются этим словом <...>[12]

<...> Весьма интересно также наблюдать в ней отношение к одушевленным предметам. Она предполагает во всех предметах, одушевленных и неодушевленных, одинаковую жизнь и потому относится к ним с одинаковыми чувствами <...>[13].

3 марта 1874: <...> У Наташи развалились башмаки и в дырку вылезли пальцы. «Смотри, — сказал я, — твои башмаки каши просят». Наташе сначала это смешно показалось, но, подумав, она сказала: «Нет, ведь они просто разорвались, их надо закрепить». «Как же их закрепить?» «А просто: взять булавочку, потом еще, потом еще, да и закрепить ими, а потом завязать, вот и будет хорошо»[14].

18 мая 1879 г. <...> Наташа сделала в песке глубокую пещеру с боковыми ходами и принялась рассказывать о ней: «В пещере этой длинные коридоры, а за ними комнаты, убранные золотыми материями, в которых живет царица. Но мы этого ничего не можем видеть. Около царицы живет ветер. Когда царица дома, ветер сидит тихо. Но когда царица уезжает, ветер начинает разъезжать перед ее домом на конях и так сильно дует и производит такую бурю, что никто не может войти в жилище царицы». «Да где же ветер, — спросили ее, — мы ничего не видим». «Да его никто не видит, ни ты, ни я, никто его не видит, потому что он тень, и лошадь его тень, и кучер тень», — отвечала Наташа.

В тот же день, вечером. За вечерним чаем Наташа принялась со мной рассуждать. Она увидела в окно луну. «Папа, как это луна не падает?» — спросила она. «А как щепка не тонет в воде», — ответил я. «Так ведь вода

---

[11] См.: РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 2, ед. хр. 5, л. 1—5 об.

[12] Там же, л. 7.

[13] Там же, л. 7 об.

[14] Там же, л. 9.

* Турция и Англия были ей знакомы вследствие только что окончившейся войны нашей с турками, во время которой она беспрестанно слышала эти имена. <*Прим. автора*.>

не воздух. А как это луна видна везде: и у нас, и в Турции, и в Англии?»* «Оттого, что она находится очень высоко, оттого ее отовсюду и видно». «А как зовут царя турецкого?» «Абдул Гамид». «А, так он всех надул, верно?» «Нет, у турок Абдул значит не одно и то же, что наше обдул; у них Абдул, а у нас обдул». «А отчего у турок все паши: Осман-паша, Дервиш-паша и как там еще, все паши?» «Паша значит генерал, все равно, как у нас генерал Гурко, генерал Игнатьев, генерал Скобелев. По-турецки будет: Гурко-паша, Игнатьев-паша, Скобелев-паша». «А-а. А как турецких женщин зовут? Ты знаешь какое-нибудь женское турецкое имя?» «Знаю, Фатима». «Фатима! Какое смешное имя. А что дальше от нас: Англия или Турция?» «Англия дальше». «А отчего турки у себя, в Турции, били русских, а здесь (в том городе, где мы жили и где были пленные турки) небось не били?» «Оттого, что там они были господа, а у нас не господа, власти не имели. Они вообще не злые, если отнять у них власть». «Так как они не злые, они бы лучше не воевали с нами, а поцеловались бы с нашими солдатами». Затем тема как-то переменилась, но как, я не помню. Наташа заговорила о Боге. «Как это Бог везде: и тут с нами, и в Турции, и в Англии, везде Бог, а Бог один?» «Да этого нельзя понять. Этого никто не знает. Да как, вот, воздух, — и здесь воздух, и в Турции воздух, и в Англии воздух, и в Америке воздух, везде воздух, а воздух тоже один». «Так Бог не такой. Бог маленький клочёк. Как же он может быть везде?». Я засмеялся над ее выражением: «Бог маленький клочёк». Наташа тоже засмеялась и, оправдывая это выражение, сказала: «Да как же, ведь душа маленькая, клубочком, ведь она вот какая: и сложила при этом обе руки горсточками, в виде шарика» <...>[15].

Детей, судя по документам, помогала воспитывать сестра Ф. А. Витберга, Любовь Александровна Витберг (1829—1903)[16], которая, по-видимому, жила вместе с ними. В 1879 г. в качестве воспитательницы и наставницы была приглашена Юлия Андреевна Коссарт, с которой Наташа подружилась и в дальнейшем сохранила дружеские, почти родственные отношения на многие-многие годы. 15 июня 1879 г. в письме Ф. А. Витбергу А. И. Незеленов спрашивал о том, «приехала ли Коссарт, как дети к ней относятся»[17]. В письме жене А. И. Незеленова, Ольге Ивановне, Ф. А. Витберг писал: «Теперь о домашних делах: Юлия Андреевна понемножку привыкает, но все-таки покамест могу только сказать, что она очень добрая и милая девушка. С Наташей она сладит, ну, а с Лешей придется ей повозиться»[18].

Девочка, по-видимому, росла живой, шаловливой.

Отец ласково называл Наташу: Наташурка, Шурка. Это видно в ее письмах к отцу, она подписывалась так, как ее называли взрослые.

---

[15] См.: РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 2, ед. хр. 5, л. 10—11 об.

[16] См.: Петербургский некрополь: [в 4 т.]. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1912. Т. 1 (А—Г). С. 446.

[17] См.: РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 3, ед. хр. 562, л. 2 об.

[18] См.: Там же, ед. хр. 127, л. 2 об.

В это время Ф. А. Витберг был в поездке в августе 1882 г. (Бологое, Рыбинск, Ярославль, Кострома, Нижний Новгород, Владимир на Клязьме, Москва) и писал письма домой, подробно описывая свое пребывание в городах[19].

«Милый мой и дорогой папуличка!

Как твое здоровье? Мы все здоровы. Милый папа, хорошо ли ты и благополучно доехал? Милый мой папуля, у меня случилось несчастие: у меня умерла моя птичка, сама не знаю отчего. Я вела себя хорошо и училась прилежно. Милый мой папочка, прости меня за то, что еще все не отвыкла держать пальцы во рту, я постараюсь исправиться и не держать их во рту. Дорогой папочка, мне очень без тебя скучно, приезжай, пожалуйста, поскорее.

Во вторник была Ольга Ивановна, и вечером она уехала с Ильичем[20]. В среду Ильич опять и вечером совсем от нас уехал. Мы его провожали, и тетя Люба купила Ольге Ивановне большой букет роз, а Ильич купил мне букет, и вот я тебе посылаю лепесток розы. Милый папулька, право не знаю, что писать, ничего на ум не идет.

Прощай, мой дорогой папочка, приезжай скорее и пиши больше.

Твоя дочь Наташурка Витберг.

4 августа 1882 г. в четверг».

В следующем письме она подписалась: «Твоя Шурка. Шалун и стрекоза»[21].

Поскольку Ф. А. Витберг служил в Гатчине, то и дочь поступила в Гатчинскую Женскую гимназию. Училась очень хорошо, о чем говорит этот документ:

«Аттестат.

Ученица Гатчинской Женской Гимназии, дочь Статского Советника, Наталия Витберг, при отличном поведении, оказала успехи в Законе Божием — отличные, Русском языке и Словесности — отличные, Французском языке — отличные, Немецком языке — очень хорошие, Педагогике — отличные, Истории — отличные, Географии — отличные, Математике — отличные и Естествоведении — отличные; сверх того обучалась чистописанию, рисованию, танцеванию, пению и рукоделью. При окончании курса за успехи в науках награждена КНИГОЮ. <...> девица Наталия Витберг имеет право получить, не подвергаясь испытанию, свидетельство от Министерства Народного Просвещения на звание Домашней учительницы тех предметов, в коих оказала хорошие успехи <...>.

Мая 26 дня 1888 года»[22].

В 1888 г. Ф. А. Витберг пишет прошение:

---

[19] См.: Там же, ед. хр. 38.

[20] Речь идет о Незеленовых.

[21] См.: РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 3, ед. хр. 321.

[22] См.: Там же, оп. 4, ед. хр. 7, л. 3.

«Его Превосходительству, Господину Почетному Опекуну С.-Петербургских Женских Гимназий, Генерал-Майору Александру Леонтьевичу Гагемейстеру

Статского Советника
Федора Витберга
Прошение

Дочь моя, Наталия, окончившая в нынешнем году полный курс в Гатчинской Женской гимназии с аттестатом и наградой, желает продолжить учение в С.-Петербургских Педагогических курсах. Вследствие этого, имею честь обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшею просьбой о разрешении принять ее на означенные курсы без экзамена, на основании полученной ею награды.

Статский Советник
Ф. Витберг

26 августа 1888 года»[23].

Наташа была зачислена на Педагогические Курсы, которые с успехом окончила в 1890 г., о чем свидетельствует следующий документ:

«Аттестат.

Предъявительница сего Наталья <так!> Федоровна Витберг, поступившая в Педагогические Курсы С.-Петербургских Женских гимназий в 1888 году по аттестату Гатчинской Женской Гимназии, ныне окончила курс теоретического приготовления к званию Домашней наставницы и оказала успехи: в Законе Божием — отличные, в Педагогике — весьма хорошие, в Русском языке — очень хорошие, в Русской словесности — отличные, во Всеобщей словесности — отличные, во Французском языке — хорошие, во Всеобщей истории — очень хорошие, в Русской истории — отличные.

На основании Высочайше утвержденного Государем Императором в 9-й день Января 1862 года устава Женских Гимназий девица Витберг имеет право получить, не подвергаясь испытанию, свидетельство от Министерства Народного Просвещения на звание ДОМАШНЕЙ НАСТАВНИЦЫ тех предметов, в коих оказала очень хорошие успехи <...>

Мая 24 дня 1890 года»[24].

У Наташи была склонность к рисованию, она всегда много рисовала, особенно летом, на каникулах. Отец отмечал это и считал, что у нее неплохо получается. Поэтому в 1891 г. она поступила в приготовительный класс Рисовальной школы Императорского Общества поощрения художеств. Теперь, когда семья выезжала за город, она работала с еще большим вдохновением.

В письме Н. Витберг тете, Любови Александровне Витберг, она описывает свои занятия. Письмо свое она украсила карандашным рисунком «Амуры».

[23] РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 4, ед. хр. 7, л. 5.
[24] Там же, л. 7.

«8 марта 1892 года.
СПб.

Милая и дорогая моя тетенька Любинька!

Как твое здоровье, здорова ли Мария Семеновна[25]?

Мы все, слава Богу, здоровы. Все собиралась тебе писать, но все не удавалось. Сегодня немножко посвободнее, я и засела с тобой поболтать. Дела у меня теперь пропасть. Ты спрашиваешь, что надо рисовать по истории искусств. Надо рисовать все знаменитейшие памятники архитектуры, скульптуры и живописи, предметы промышленного производства и, наконец, орнамент. Его по большей части рисуют с зданий, украшения архитектурные. Я еще только рисую теперь Византию. Нарисовала церковь Св. Софии, фасад, в большом виде, гораздо больше листа писчей бумаги, и теперь рисую внутренность красками. Ты не можешь представить, что это за богатейшее здание. Она вся сплошь покрыта различными мраморами и мозаичной стеклянной живописью. Мне приходится очень копаться потому, что я рисую по-настоящему, а не <на?>. Приходится очерчивать, что, конечно, очень (трудно) долго, но зато безусловно полезно. И, кроме того, я читаю ту книгу, из которой приходится рисовать, так что все знаю, что рисую; эта книга была по-немецки, и я ее всю прочитала, даже специально архитектурные главы. Она имеет содержанием Константинополь и его византийские древности. Я читала с планом так, что теперь, если придется поехать туда, я найду любую церковь и здание. Ты представь, какие турки варвары: великолепнейший дворец Константина Великого Хебдомон превращен в зверинец слонов. Эта книга ужасно интересная. Картинки великолепные. Наизусть я нарисовала очень большую одну. Опять Коледа <?>, но только во весь рост со всеми аксессуарами, в комнате со средневековой колонной, от которой идет драпировка, которая должна изображать бархат, но вышло одеяло, сверху тонкое, внизу тяжелое и толстое, на полу мохнатый ковер и средневековый стул, который, к сожалению, вышел лучше всей картины, ибо как папочка сказал, вокруг него есть воздух. И, увы и ах, у меня на картине получилось две точки схода и два горизонта.

Сегодня нарисовала итальянку, которая вышла отвратительно. Слепила еще на Масляной голову короля Эдуарда IV Английского, каким он мне представлялся, наизусть, в память, с кисейной рюшью на шее, с усами и испаньолкой. Глаза даже сделала настоящие, скульптурные со зрачками, и они отлично смотрят. Вообще вышло недурно. Варя[26] как раз пришла, когда я лепила и пришла в восторг. Как сильно действует на людей непривычное дело!

Читала порядком. Во-первых, читаю Библию, дошла уже до Царств. Это прелестнейшая и характернейшая книга, какую я когда-либо читала. Наивность поразительная, что-то до того первобытное, что трудно себе представить. Есть чудные места. Напр<имер> песнь Деворы. Это восхитительное, высоко-поэтическое место. Что-то могучее, грозно-воинственное слышится в этой вдохновенной песне этой библейской валькирии, что-то напоминает этот неподражаемый дух скандинавских сказаний. Вообще это прелестная вещь в Песне песней Соломона. Выше этого по поэзии я, пра-

[25] Лицо неустановленное.

[26] Возможно, речь идет о сестре Ю. А. Коссарт.

во, ничего не знаю. Это такая чистота, такая пластичность языка! Одним словом — чудо.

Теперь еще читаю «Жизнь и труды Погодина» Барсукова[27]. Представь, неполная биография в 5 томах. Очень интересно. Потом читала Всемирную библиотеку. Хорошенький рассказ чешский «Ян-Мария Плойхар»[28]. Несколько детская вещь, но по чистоте и возвышенности напоминает все-таки Тургенева. Потом несколько мелких книг прочла, изданных в пользу голодающих. Одна книжка замечательна — «Борис Годунов» Жданова[29]. Совершенно новый взгляд.

Ну, дорогая тетенька, однако надо спуститься на землю, как раз к этому плачущему амуру, хотя здесь представлена земля греческая, коя равняется небу. Мои дела в школе идут ничего, хорошо. Папочка теперь был очень занят; написал для Шубинского (опять после <?>, недаром я тебе нарисовала крылатых, ведь мы все с крыльями) большую статью по поводу книги Шенрока о Гоголе, прекрасную статью, но она была слишком велика, и папочка ее снес в «Северный Вестник»[30] и еще не знает результатов, а Шубинскому о том же составил маленькую, которая и будет напечатана в апрельской книжке.

В мае будет его большая статья «Гоголь в 31-м году»[31]. Теперь он занят «Педагогическими письмами»[32]. В четверг, на пятой неделе, он будет читать у Стоюниной публичную лекцию в пользу голодающих и прочтет «О чувстве в жизни человека». Ему все говорят, что все очень интересуются этой лекцией и ,вероятно, будет много народу.

Леша играет на рояле, пишет стихи. У него есть просто прелесть, какие хорошенькие, и у него прекрасный стиль. <Геня?> зубрит и получает пятерки. Юлинька пишет счеты, приходы разные, немножко читает и вообще тоже занята, так что всяк занят.

Вне нас вот какие новости. Младшая Ольга Ивановна[33] вернулась с мужем в Петербург, муж сильно болен, в больнице, у него нервная болезнь, трудно решить, есть или нет надежды. Она в ужасном состоянии, представь, не может видеть свою девочку. Это ужасно, мне ее страшно жаль. Ни за что ни про что вся жизнь перекувырнута.

Другая новость. Надежда Никифоровна[34] часто посещает с сыночком Ильичовы jour fix'ы[35]. Так что в прошлую среду мы их там встретили. Надежда Никифоровна знает, где ей полезно, губа не дура, знает, где сладко.

---

[27] *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: в 22 кн. СПб.: изд. А. Д. и П. Д. Погодиных, 1888—1910.

[28] Роман чешского писателя Юлиуса Зейера, впервые опубликованный в 1891 г.

[29] *Жданов И. Н.* О драме А. С. Пушкина «Борис Годунов». СПб.: тип. Р. Голике, 1892.

[30] Речь идет о рецензии на кн. В. И. Шенрока «Материалы для биографии Гоголя. Т. 1». Опубл.: Исторический вестник. 1892. № 4; *Витберг Ф. А.* [Рец. на кн.: Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1893. Т. 2] // Наблюдатель: современное обозрение. 1893. № 4. С. 16—19.

[31] Опубл.: Исторический вестник. 1892. № 6. С. 662—674.

[32] Опубл.: Педагогический сборник. 1895. № 1—3.

[33] Племянница жены А. И. Незеленова, О. И. Незеленовой (урожд. Исполатова).

[34] Лицо неустановленное.

[35] По-видимому, прием гостей у Незеленовых.

У Александровых тоже ничего впереди. У дяди Саши все здоровы. Мы как-то у них недавно были в именины Шуры. Было порядочно гостей. Будто тезоименитство <?> дофина. Вот крепыш-то этот Шурка. Это страсть прелестный ребенок, вообще ужасно славные ребята.

Ну, дорогая тетенька, пора окончить это широковещательное и многолистное послание, а то ведь тебе его и не прочесть, больно надоест. Ну, дорогая тетенька, до свидания. Целую крепко-крепко, желаю здоровья и всего хорошего. Поклон Марии Семеновне. Тебя все крепко целуют, а ей кланяются. Твоя многословная Наташа.

На выставке еще не была[36], на будущей неделе собираюсь, тогда напишу»[37].

Ф. А. Витберг внимательно следит за занятиями дочери, радуется ее успехам. В письмах А. И. Незеленову сообщает о его крестнице:

29 июля 1893 г. из д. Ватагино:

«Наташа навезла сюда красок и прочих рисовальных принадлежностей, но рисовать не может: слишком сильны впечатления, да и техника у нее еще не выработана. Мы с ней отмахивали верст по 30 в день. Один раз ходили на Мсту, за 15 верст от нас, утомились изрядно...»[38]

12 июля 1894 г.:

«Наташа ревностно занимается и делает значительные успехи. Приедешь — увидишь ее работы»[39].

27 июля 1894 г.:

«Мы все здоровы. Наташа с Ю<лией> Андр<еевной> со вторника гостит в Гатчине, так что почти всю эту неделю я прожил один, на холостую ногу. Сегодня вечером они вернутся. Наташа занималась рисованием и произвела акварелью одну очень недурную вещь, которая меня очень порадовала, п<отому> ч<то> из нее я вижу, что она скоро овладеет акварелью, которая до сих пор ей не давалась»[40].

7 авг. 1894 г.:

«Я и Ю<лия> А<ндреевна> слегли, а Наташа довольно серьезно, так что дней пять пролежала в постели. Понадобился доктор, лекарства, а денег нет. Пришлось воспользоваться случайно находившимися у меня чужими деньгами, которые, конечно, надо отдать»[41].

---

[36] Возможно, речь идет о 12-й акварельной выставке «Общества русских акварелистов» в залах Императорского Общества поощрения художеств.

[37] См.: РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 4, ед. хр. 10. Очевидно, это письмо в Боровичи.

[38] Там же, оп. 3, ед. хр. 126, л. 13.

[39] Там же, л. 21 об.

[40] Там же, л. 27—27 об.

[41] Там же, л. 28 об.

13 авг. 1894 г.:

«Наташа за лето написала несколько картин, из них последняя очень меня порадовала. Приедешь — увидишь»[42].

Обучение в Рисовальной школе требовало и дополнительных затрат. Ф. А. Витберг всегда много работал на протяжении всей жизни, но денег часто не хватало. Юлии Андреевне Коссарт иногда приходилось с присущей ей деликатностью улаживать денежные дела, о чем узнаем из следующего письма:

«Многоуважаемый Александр Ильич!

Вторично необходимость заставляет обратиться к Вам. Мне хотелось бы видеть Вас лично, но не знаю, как застать Вас без Ольги Ивановны, при которой говорить мне не хочется. Наташе предложено к Рождеству слепить ведро для шампанского. Теперь ее мучит мысль, что она возьмет на это последние деньги у отца, что действительно так и есть. В таком безвыходном состоянии Федор Александрович еще никогда не был. Вы только, пожалуйста, опять ни слова не скажите о моем письме, и, если можно, то принесите завтра, это не будет заметно, потому что завтра как раз день ее рождения. Ради Бога, простите меня за попрошайничество. Форма стоит 4 р., а сколько воску пойдет, не могу сказать.

Искренно преданная
Вам
Ю. А. Коссарт
11 ноября 1893».

Вверху листа, синим карандашом, Ф. А. Витберг сделал помету:

«Факт, оставшийся мне неизвестным. Но ты Натаня, помни это»[43].

В течение учебы в Рисовальной школе Наташа много и напряженно занимается и получает награду:

«Императорское Общество поощрения художеств

Сим свидетельствует, что ученица состоящей при нем Рисовальной школы Наталия Витберг награждена на полугодичном экзамене в мае 1895 года малою серебряною медалью за перспективу <...>.

Апреля 21 дня 1896 года»[44].

Об этом можно было узнать из сообщения в газетах. В то время они рядом отдыхали на юге, Незеленовы в Гурзуфе, а Витберги в Мисхоре. В письме Ф. А. Витбергу от 13 июня 1895 г. А. И. Незеленов пишет:

[42] РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 3, ед. хр. 126, л. 29 об.
[43] См.: Там же, оп. 5, ед. хр. 41.
[44] Там же, оп. 4, ед. хр. 7, л. 11.

«Привет Софье Александровне и Наташе. Оличка поздравляет Наташу с наградами (прочла в газетах)»[45].

В 1895 г. Н. Витберг окончила Рисовальную школу. В документе Императорского Общества от 5 сент. 1895 г. сообщается:

«Свидетельство сие дано ученице Наталье Витберг в том, что она, поступив в приготовительный класс Рисовальной школы Императорского Общества Поощрения Художеств в I полугодии 1891 г., прошла в последовательном порядке все общерисовальные классы до V-го (натурного) включительно, который и окончила в I полугодии сего 1895 года»[46].

По окончании натурного класса Н. Ф. Витберг пишет прошение (9 сент. 1895 г.) в Канцелярию Императорской Академии художеств:

«Окончив курс в натурном классе Рисовальной школы при Императорском Обществе Поощрения Художеств и желая продолжить художественное образование в Училище Живописи, Скульптуры и Архитектуры при Императорской АХ, имею честь покорнейше просить канцелярию Академии о допущении меня к установленному приемному испытанию <...>»[47].

Кроме других документов, приложенных к прошению, был выдан и такой:

«Секретно
Господину Конференц-Секретарю
Императорской Академии художеств
С-Петербургского Градоначальника
Отделения по охранению общественной безопасности
и порядка в столице
6 сент. 1895 г.
Вследствие просьбы домашней наставницы Натальи Витберг о выдаче ей свидетельства о благонадежности для поступления в Академию художеств в число учащихся, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что сведений, компрометирующих названное лицо в политическом отношении, в Управлении моем не имеется <...>»[48].

Началась интенсивная учеба. Она была освобождена «от слушания перспектив», видимо, потому, что у нее за эту дисциплину была серебряная медаль, но работы было столь много, что она не успевала и поесть. А. И. Незеленов писал Ф. А. Витбергу:

«Очень рад, что вы здоровы; но беспокоюсь за чрезмерность и твоих работ, и Наташиных. Наташа и не ест даже весь день! Нельзя ли ей ходить

[45] Там же, оп. 3, ед. хр. 566, л. 21—22 об.
[46] См.: Там же, оп. 4, ед. хр. 7, л. 8.
[47] См.: Там же, ф. 789, оп. 12, д. 15, л. 3.
[48] См.: Там же, л. 6.

Н. Ф. Витберг <1895 г.>
(РГИА, ф. 789, оп. 12, Ид. 15, л. 1)

из Академии в ближайшие немецкие рестораны: на углу 1-ой линии и Большого просп., или на Набережной Невы на углу 9 линии? Оба немецкие и совершенно приличные, и дешевые. Она писала мне, что от слушания перспектив освобождена, — вот в эти бы часы и ходила. А то ведь она наживет себе катар и малокровие»[49]. «Не замучилась ли Наташа в Академии?»[50]. «Ты меня огорчил известием о Наташиных беспокойствах в Академии. (Мне ее глубоко жаль; но я надеюсь, что все обойдется благополучно. Во всяком случае, очень-очень жду известия от вас об этом)»[51].

[49] РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 3, ед. хр. 566, л. 43—43 об. (п. от 4 нояб. 1895 г.).
[50] См.: Там же, л. 49 об.
[51] Там же, л. 55 (п. от 4 янв. 1896 г.).

И. С. Куликов, который в это же время учился в Академии художеств, описывал своим родителям занятия там, которые продолжались почти 12 часов. «Занятия начинаются в 9 часов утра... занимаешься до половины второго... с четырех часов идешь опять рисовать до 6-ти часов». Лекции и практические занятия по анатомии, перспективе, истории искусства, как правило, относились на вечерние часы и заканчивались в 10 часов вечера. «Дела очень много, все занимаюсь до 11—12 часов ночи»[52].

16 апр. 1896 г. Н. Витберг пишет прошение ректору Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств дать ей разрешение на выезд за границу в Германию и Бельгию[53]. Ей было дано свидетельство о том, что «на выезд за границу препятствий не встречается»[545].

Однако в архиве Ф. А. Витберга и в ее личном деле в РГИА сведений о том, что она выезжала в Германию и Бельгию, не обнаружено.

В научно-исследовательском музее Российской Академии художеств сохранился один рисунок Н. Ф. Витберг (октябрь 1896 г., это были третные экзамены[55]): «Натурщик». Бумага, итальянский карандаш[56]. Размеры: 71,5 х 53. Музейный номер: Р — 1051[57].

17 февр. 1897 г. она снова написала прошение:

> «Покорнейше прошу о принятии меня в число учениц Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств, причем обязуюсь исполнять правила для учащихся, установленные начальством Академии. Мои документы находятся в делах канцелярии Императорской Академии художеств»[58].

Почему Н. Витберг, ученица натурного класса, II курса, вновь пишет прошение о принятии в Высшее художественное училище, что случилось за этот период времени, установить не удалось.

1 мая 1899 г. Канцелярия Императорской Академии художеств уведомляет ученицу Н. Ф. Витберг, что «совет профессоров руководи-

---

[52] *Беспалов Н. А.* И. С. Куликов: монография. М.: Изобр. искусство, 1990 (далее: *Беспалов Н. А.* И. С. Куликов). С. 21.

[53] См.: РГИА, ф. 789, оп. 12, д. 15, л. 7.

[54] Там же, л. 8.

[55] Серебряные медали выдавались три раза в год на третных экзаменах (учебный год в Академии художеств делился на три части), главным образом, за рисунок, считавшийся высшим показателем профессионального уровня. 4 окт. 1830 г. были учреждены медали Императорской Академии художеств: серебряная первого достоинства (большая поощрительная) и серебряная второго достоинства (малая поощрительная).

[56] Благодарю за информацию о рисунке, любезно предоставленную ученым секретарем Научно-исследовательского музея при Российской Академии художеств, Марией Геннадьевной Бондаревой.

[57] Сам рисунок см.: collection.artsacademymuseum.org.

[58] См.: РГИА, ф. 789, оп. 12, д. 15, л. 9.

телей мастерских Высшего художественного училища 10 апреля сего года постановил перевести Вас из классов в мастерскую»[59]. То есть с октября 1899 г., с началом нового учебного года, она начнет занятия на новом уровне. Известно, что училась она в мастерской И. Е. Репина. К сожалению, документов об учебе у Репина или с упоминанием художника в архиве Ф. А. Витберга не обнаружено.

Одновременно с Н. Ф. Витберг у Репина учились Ф. А. Малявин, А. П. Остроумова-Лебедева, Б. М. Кустодиев, И. С. Куликов[60], Я. А. Чахров и другие знаменитые в будущем художники.

Именно об этом периоде учебы написал Чахров в своих воспоминаниях о И. Е. Репине «Репин и его ученики в работе над коллективной картиной», где упоминается Н. Ф. Витберг:

> «Из этого времени приведу два случая, тесно связавших меня с Ильей Ефимовичем. Первый — это решение Репина написать коллективно со своими бывшими и настоящими учениками картину-портрет “Установка модели в академической мастерской”. Организация предприятия поручена была мне. Установив вместе с Ильей Ефимовичем размер картины, мы очень скоро приступили к работе. Эскиз композиции был сделан Б. Кустодиевым, с поправками Репина. Кустодиев написал в картине следующих лиц: Богословского, Малишевскую, Малявина, Епифанову, Беклемишеву и Мурашко. Натурщицу писал Кустодиев и Хейлик. Илью Ефимовича написал Мурашко, он же написал **Витберг.** Хейлик написал Кустодиева, Хейлика — Титов, Вещилова — Бучкури, меня — Богословский, я — Любицкого и т. д. Картина эта создавалась с большим подъемом и с большим увлечением. Когда работал Илья Ефимович, мы все окружали учителя и поражались его мастерству.
>
> Судьба этой картины следующая: в 1922 году я нашел ее на чердаке Академии художеств свернутой, отчасти измятой; очень легко получил разрешение от администрации Академии перевезти ее в Общество Куинджи, где было много учеников Репина. Позже Э. Э. Эссен тогдашний ректор, которому было поручено восстановить Академию, взял картину обратно из Общества. При расформировании музеев Академии ректором Масловым картина была передана в Русский музей, в хранилищах которого находится и сейчас»[61].

Есть сведения, что портрет Н. Ф. Витберг писал и И. С. Куликов. В монографии Н. А. Беспалова сообщается: «В 1901—1902 годах Куликов пишет портреты ученика Академии, будущего известного рус-

---

[59] РГИА, ф. 789, оп. 12, д. 15, л. 16.

[60] Напомним, что в 1901—1903 гг. И. С. Куликов вместе с Борисом Кустодиевым под руководством И. Е. Репина работали над монументальным полотном «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года».

[61] См.: *Чахров Я. А.* Репин и его ученики в работе над коллективной картиной // Художественное наследство. Репин: в 2 т. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1949. Т. II. С. 226. Прим. ред.: «В 1944 г. картина возвращена Русским музеем в Академию художеств, в ее восстанавливаемый музей. Размер картины — 155 × 213 см».

ского и советского архитектора В. А. Щуко, писателя Е. Н. Чирикова, пейзажиста Хренова, скрипачки Ю. М. Гурвич, художницы Н. Ф. Витберг»[62]. Возможно, портрет хранится в Муромском художественно-историческом музее[63].

Портрет Н. Ф. Витберг исполнил также Д. С. Стеллецкий (гипс, 1903 г.)[64]. Не удалось пока установить, где может находиться этот портрет, если он сохранился.

В 1901 г. Н. Ф. Витберг окончила Академию художеств и получила звание художника за картину «Василиса Мелентьевна»[65]:

«Свидетельство.

Дано сие из Императорской Академии художеств бывшей ученице Наталье <так!> Витберг в том, что, как удостоенная определением Академии

---

[62] *Беспалов Н. А.* И. С. Куликов. С. 40.

[63] Известно, что обладателем самой большой и значительной коллекции произведений художника является Муромский художественно-исторический музей, в котором хранится около 200 живописных и более 1200 графических его работ. См.: Виртуальная экскурсия «Дом, где жил и творил художник» ([Электронный ресурс] URL: https:// museum-murom.ru (дата обращения: 19.08.2024)). Туда мы и отправили запрос. В ответе сообщили, что «в учетной документации музея не значится портрет Н. Ф. Витберг работы И. С. Куликова. В собрании музея имеются женские портреты, выполненные И. С. Куликовым в начале 1900-х гг. <...> Атрибуция указанных рисунков в музее не проводилась». Прислали также сканы двух портретов. Один нас заинтересовал: «Куликов И. С. Портрет женщины (лист из альбома рисунков И. С. Куликова 1900—1901 гг.). Бумага, карандаш. 36,5 × 26,5». Учетный номер М-11089/35 ГК49101145.

При сравнении двух фотографий Н. Ф. Витберг, имеющихся в ее личном фонде в РГИА (Ф. 789, оп. 12, д. 15, л. 1 и 26): при поступлении в 1895 г. в Академию художеств и «около 1914 г.», а также фотографии юной Витберг, взятой из Интернета, и рисунка И. С. Куликова — можно предположить, что на изображениях один и тот же человек.

Мы послали сканы фотографий РГИА в Муромский художественно-исторический музей специалистам для сравнения с рисунком и их решения по его атрибуции. Был получен ответ: «<...> Действительно, второй наш портрет имеет какое-то сходство с Н. Ф. Витберг. Утверждать, конечно, сложно, но эта версия имеет место быть <...>. Возможно, когда-нибудь у нас дойдут руки до переатрибуции этого рисунка». Благодарю Альбину Алексеевну Анучкину, заместителя директора по учету и хранению фондов Муромского художественно-исторического музея, за любезно предоставленные рисунки И. С. Куликова.

[64] См.: Художники народов СССР: биобиблиогр. словарь: в 6 т. / отв. ред. Т. Н. Горина; гл. сост. и библиограф О. Э. Вольценбург и др. М.: Искусство, 1972. Т. 2 (Бойченко-Геонджиан). С. 288.

[65] Отчет о деятельности Императорской Академии художеств в 1901 г. СПб.: типо-лит. Я. Рашкова, 1902. С. 35—36: «Работы, оканчивающих курс учеников мастерских профессоров-руководителей были подвергнуты на основании, § 51 устава, совместно оценке совета Академии и художественного совета. По рассмотрении 2 ноября 1902 г. <1901?>, этих работ удостоены звания художника следующие ученики <...>: из мастерской профессора И. Е. Репина: Витберг Наталия, за картину: “Василиса Мелентьевна” <...>».

первого ноября 1901 года звания художника <...> она приобрела <...> право на ношение серебряного академического знака <...>»[66].

Молодая художница теперь имеет право преподавать в учебных заведениях:

«Определением Императорской Академии художеств 1 ноября 1901 г. состоявшимся, бывшая ученица Высшего художественного училища при Академии Наталия Витберг за отличные познания в живописи и научных предметах, доказанные ею во время пребывания в отделении живописи и скульптуры училища, удостоена звания художника <... > с правом преподавания рисования в учебных заведениях <...>»[67].

Учеба закончилась. В 1903 г. (по другим сведениям — в 1901 г.) Н. Ф. Витберг подает прошение инспектору Константиновских женских гимназий о зачислении в штат служащих[68] и начинает работать в Константиновской гимназии, где в течение многих лет преподает рисование[69]. Именно в 1903 г. учебное заведение было преобразовано в Константиновскую женскую гимназию из женской прогимназии, существовавшей при Педагогических курсах.

Директором гимназии был С. Ф. Платонов[70], который являлся организатором и директором (1903—1916) Женского педагогического института, открытого на основе Педагогических курсов Ведомства учреждений имп. Марии при содействии вел. кн. Константина Константиновича. Она проработала там долгие годы.

Известно, что одной из ее учениц была Наталья Александровна Гиппиус (1905—1994), живописец, график, племянница З. Н. Гиппиус, сестра художницы Т. А. Гиппиус (1907—1997). Она получила первоначальное художественное образование у Н. Ф. Витберг в Константиновской гимназии[71].

Н. Ф. Витберг преподавала в гимназии и во время Первой мировой войны, и в переломные в жизни страны годы. На основании декрета Совета народных комиссаров от 5 июня 1918 г. гимназия была передана в ведение Народного комиссариата просвещения[72]. По документу

---

[66] См.: РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 4, ед. хр. 7, л. 18.

[67] Там же, л. 16—17.

[68] Там же, ед. хр. 9, л. 1—2. Это черновики. Документы не датированы.

[69] С 22 августа 1903 г. ее подпись имеется в протоколах педагогических конференций, в ведомостях содержания личного состава, в раздаточных ведомостях денежного довольствия служащих гимназии. См.: ЦГИА СПб., ф. 459, д. 309, л. 318—321. В документах ЦГА СПб есть сведения, что она работала с 1901 г. См.: ЦГА СПб, ф. Р-3862, оп. 1, № 3, л. 6 (Список преподавателей и служащих. Начато: 1 сент. 1919 г. — окончено: март 1922 г.).

[70] *Платонов Сергей Федорович* (1860—1933) — историк, педагог, организатор науки, акад. РАН (1920; с 1925 г. АН СССР).

[71] См.: www.artpanorama.su.

[72] ЦГИА СПб., ф. 459, оп. 1, д. 319.

«Содержание Трудовой школы 1 и 2 ступени (гимназия) за 1919 г.», Витберг числилась в списках преподавателей. Этот факт подтверждает и следующий документ от 4 февраля 1919 г. № 43:

«Удостоверение

Сим удостоверяется, что предъявительница сего, Наталья Федоровна Витберг, состоит преподавательницей Трудовой Школы I-й и II-й ступени (бывш. Константиновская Гимназия) при Петроградском Государственном I Высшем Педагогическом Институте и что она живет своим заработком и квартира ее, находящаяся на Суворовском пр., содержится на ее средства. <...>»[73].

Как в этот переломный период Февральской и Октябрьской революций 1917 г. и далее до 1919 г. живется в бытовом плане Н. Ф. Витберг и ее близким, зафиксировано в письмах В. А. Коссарт и Ю. А. Коссарт, которые являются информацией из первых рук, а также важным историческим источником отображения далеких событий.

Из писем В. А. Коссарт:

«Добрейший Федор Александрович. Сейчас пошла опускать Вам письмо от сестры и потеряла. Мы, слава Богу, здоровы и в опасности не были. У нас было тихо. Сообщить или приехать к Вам было невозможно. Всякое движение было остановлено. Только второй день приходят трамваи. Кажется, завтра думает приехать, если будет возможность. Будьте здоровы. Наталию Федоровну целую. Всего наилучшего.

Ваши. Коссарт».

На обороте открытого письма: «Петроград. Суворовский 9/18, кв. 15

Его Превосходительству Федору Александровичу Витберг.

2 штемпеля: 11. 3. 17»[74].

«1917, 16. 11.

Сердечно поздравляю глубокоуважаемого и добрейшего Федора Александровича с днем Ангела, от души желая доброго здоровья и всего наилучшего. Наталью Федоровну поздравляю с добрым именинником.

Глубоко уважающая Вас В. А. Коссарт»[75].

Из писем Ю. А. Коссарт:

«Дорогой Федор Александрович, сердечно поздравляю Вас с днем Ангела и желаю Вам здоровья и душевного спокойствия. Я хочу на той неделе по-

---

[73] См.: РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 4, ед. хр. 7, л. 20. Документы 178-й советской единой трудовой школы I и II ступеней при Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена (М. Посадская, д. 26) сохранились до 1924 г. См.: ЦГА СПб, Р-3862, оп. 1, № 117. До 1921 г. включительно Витберг числится. Далее документы только по основным предметам, куда уроки рисования не входят. Возможно, ей приходилось менять место работы, так как она еще трижды брала справки и копии диплома Академии художеств «для представления по месту службы»: от 26 окт. 1921 г., 26 окт. 1927 г. и 14 мая 1930 г. См.: РГИА, ф. 789, оп. 12, д. 15, л. 20, 22, 23.

[74] Там же, оп. 3, ед. хр. 472, л. 5—5 об.

[75] Там же, ед. хр. 474, л. 1.

говеть; завтра исповедаться, а в субботу причаститься, поэтому, к сожалению, в пятницу не могу поздравить Вас, а думаю приехать в субботу, если ничто не помешает. Натаню поздравляю с дорогим именинником. Жму крепко Вашу руку с пожеланиями всего наилучшего.
Глубоко преданная и любящая Вас Ю. А. Коссарт»[76].

«1917, 29. XII

Дорогие Федор Александрович и Натаня, я совершенно потеряла надежду увидеть вас на праздниках. Трамваи или вовсе не ходят, или идут от Круглого Пруда, и то идут отчаянно, дороги все еще не расчищены. Надо бы поздравить по обыкновению с праздником, а теперь и с Новым Годом, но как-то это теперь с языка и с пера не сходит: у всех такая тяжесть на душе. Как-никак, а все же хочу пожелать вам обоим встретить Новый Год здоровыми тихо и мирно и чтобы вам блеснул луч надежды на скорое улучшение положения. (Сейчас не умею лучше выразиться, Варяшу свою побранила бы за такой дурной слог.) Надеюсь, что Натаня не попала еще в Смольный.

Сегодня утром узнала, что ночью в лазарете был пожар, и опять сгорел весь барак. Больных вывели и вынесли, но еще не знают, всех ли, еще не досчитываются, но так как они размещены по разным баракам, то разыскать трудно. Загорелось от печки и сейчас же заметили, но так у нас теперь нет ни огня, ни воды, и даже по телефону не могли добиться, чтобы пустили воду, то барак сгорел дотла. Еще хорошо, что зима и на крышах масса снегу, а то и весь барак сгорел бы. Холод в бараках отчаянный, и каждый день, говорят, сгорает дров на 3 тысячи, поэтому хлопочут перевести лазарет в Политехнический институт. Продовольственная статья тоже у нас плоха. Как-то вы, бедные, перебиваетесь.

У меня кое-что для вас есть, но не знаю, как доставить. Я почти все праздники работаю одна: Анна Федоровна хворает, да и Юля не была из-за отсутствия трамваев, но так как выдавать не много, то к 4-м освобождалась и сидела дома. В первый день, впрочем, был в лазарете спектакль и бал, я тоже ходила развлечься. До свидания, мои дорогие Федор Александрович и Натаня. Да хранит вас Господь от всяких бед.

Горячо любящая вас
Ю. А. Коссарт
Где Леша и Зося?[77]
Телефон тоже испорчен, пусть все же Натаня звонит.
Аннушке поклон и поздравление»[78].

«1.XI.1918 (на штемпеле: Боровичи, 1.11.18)

Дорогой Федор Александрович, доехала я благополучно, но приехала очень поздно, ее уже похоронили. Как Ваше здоровье? Я надеюсь, что мне ничто не помешает приехать через несколько дней. Здесь немножко подкормлюсь у Маруси. Ее бедную с квартиры выселили, понадобилась комиссару, она живет внизу теперь. Что делать, на все воля Божья, она к то-

[76] РГИА, ф. 789, оп. 3, ед. хр. 474, л. 1—1 об.
[77] Речь идет о брате Н. Ф. Витберг, Алексее и его жене Зосе.
[78] РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 3, ед. хр. 474, л. 3—4 об. Аннушка — бывшая няня детей.

му же глубоко верующая. Да сохранит Вас Господь. Поцелуйте за меня Натаню.

Ваша Ю. К.»[79].

«Оставляю вам хлебец и картошку, другие хлебцы придется взять в дорогу, хотя мне очень стыдно. Завтра надо будет занять немного в кассе.

Ю. А. К.»[80].

«Дорогие Федор Александрович и Натаня, страх берет за вас; говорят, да и по газетам видно, что у вас даже хлеба не выдают, переживете ли вы как-нибудь это тяжелое время, помоги вам Бог. Я все же тут у Мар. Ал. питаюсь, иногда у Люд. Вас. Она все же очень плоха, легких, говорят, почти нет, все кашляет, отчего выходит грыжа, кот<орая> причиняет невероятные боли, но, благодаря доктору, кот<орый> живет у нее наверху, она немедленно получает помощь.

Я в большом недоумении, что делать. Ехать в Питер без денег и не знать, как прокормиться, страшно, и здесь питаться на чужой счет тоже не лучше. Сейчас услышала, что у вас в Питере масса всяких бед. Боюсь за Лешу. Вы не пишете, и не знаешь, живы ли все. У нас пока тихо, ходят слухи, что скоро будут <?> и красноармейцы будут отбирать у крестьян хлеб. Как это все пройдет, одному Богу известно.

Как бы узнать, нет ли от брата письма. Натанечка, если ты хочешь, чтобы я что привезла, то пришли мне денег. Можно купить жеребятинки по 4 р. за фунт, очень вкусная, а конское по 3 р. Мясо, кажется, 7 или 8 р. Если достану денег, захвачу немного картофеля, мука сейчас 9 р. ржаная, масло 15 р. Свекла 2 р. и 2 р. 50. Морковь 1 р. 50 к., огурцы по 90 к. шт. Думаем, что, вероятно, скоро взойдет солнышко, не может быть, чтобы мы умерли с голоду.

К Мар. Ал. приехала племянница с зятем в поисках за мукой. Племянница прогостит с неделю. Я ищу себе какого-нибудь дела, записалась в Бюро труда. Мне сразу обещали заведующей приютом, но оказалось, что заведующая у них остается, а нужна садовница-фребеличка[81], на что я, конечно, не гожусь. Обещают какое-нибудь дело. Пишите поскорее, что у вас делается. Крепко целую обоих и желаю терпения и сил пережить всю эту тяжесть.

Георгиевская 7.

Ваша Юленька.

Мар. Ал. и Табулевичи шлют низкий поклон»[82].

«7 марта 1919

Дорогая Натаня, что же ты не едешь ко мне, ведь я ничего о тебе не знаю и сама приехать не могу, не зная, где тебя искать, ты обещала при-

[79] Там же, л. 5.

[80] Там же, л. 6 (б. д.).

[81] Вплоть до 1930-х годов сотрудниц детских садов нередко называли «детскими садовницами» и «фребеличками». Первый детский сад создал немецкий педагог Фридрих Фребель (Friedrich Wilhelm August Fröbel) в 1839 г., в Германии. От его фамилии и образовалось русифицированное название профессии.

[82] РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 3, ед. хр. 474, л. 7—8 об.

ехать, и я ждала тебя в субботу. У меня ведь тебе можно переночевать, а мне опять страшно простудиться, я схватила сильнейший бронхит. Очень досадно, что я второпях забыла ключ, и Леша не может без тебя попадать, еще и поэтому надо тебе приехать. Будь такая добрая, отдай мой самовар Поле, я его у нее возьму и свезу к себе. Денег мне никак не хватает, все, что получила, должна была раздать за долги, ждать никто не хочет. Если приедешь, привези для себя хлеба, если возможно, пообедай, я не всегда могу достать обед, хотела купить карточку, но не было денег. Получила от Мани письмо, она очень больна, а я никак не могу к ней съездить из-за трамваев. Если не можешь приехать, позвони после 7-ми вечера в Лесной на 275, надо переговорить о многом. Сейчас надо кончать, потушить огонь и завтра отправить письмо. Тебе, конечно, очень много дела, но все же выбери времячко приехать. Крепко целую, не скучай, не горюй, папе хорошо[83]. Была ли у кого?

Твоя Ю. А. К.

Привет Леше и семье.

Володя пишет, что его знакомый еще не вернулся, и очень просит с ним послать сапоги и галоши, а я не знаю, где он поместился. Может, ты вспомнишь его адрес»[84].

Еще два интереснейших документа в отношении исторических событий сохранились в архиве. В конверте на имя «Ее Высокоблагородия Наталии Федоровны Витберг, Суворовский пр., 9/18. От пристава Государственного Совета. 1. Без права передачи. № 27. Билет. Выдан в удостоверение права находиться в помещениях Государственного Совета Н. Ф. Витберг. 13 заседание 14 февраля 1917 года. Пристав Госуд<арственного> Совета — подпись». 2. Такой же документ, № 28, на имя Ю. А. Коссарт[85].

Одним из главных политических событий февраля было намеченное на 14 февраля 1917 г. возобновление заседаний Государственной Думы. Почему им были выданы такие документы, установить не удалось.

20 февраля 1917 г. состоялось последнее заседание Государственной Думы, за три дня до всеобщего восстания в Петрограде.

Н. Ф. Витберг участвовала в следующих выставках:

Выставка учащихся Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств 1901 г. Картина — «Василиса Мелентьевна»[86].

---

[83] 3 марта 1919 г. умер Ф. А. Витберг. Скончался, как писал Б. Л. Модзалевский в некрологе, «от истощения на почве недоедания».

[84] См.: РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 4, ед. хр. 11.

[85] См.: Там же, ед. хр. 7, л. 23—25.

[86] См.: Каталог выставки учащихся Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств 1901 года. СПб.: тип. Л. Смольянинов, 1901. С. 5.

В двадцать первой выставке Московского общества любителей художеств (МОЛХ) в здании Императорского Российского Исторического музея в 1901 г. Картины — «Портрет г. В.»; «Портрет г-на Г.»[87]. Как отмечалось, «Периодическая выставка была открыта в пяти залах Исторического музея 26-го декабря 1901 г. и закрыта 5 февраля 1902 г. На выставке находилось 199 картин и скульптур 79 художников. В числе их были <...> Н. Ф. Витберг <...>. В течение выставочного времени было продано 53 картины на сумму 5495 руб.»[88].

В двадцать второй выставке МОЛХ в 1903 г. Картины — «Девочка»; «Портрет г-жи А.»[89].

На данный момент нам неизвестно местонахождение этих картин.

В Русском музее произведений Н. Ф. Виберг не имеется. В Музее Академии художеств, как уже отмечалось выше, есть только рисунок «Натурщик».

Но в Екатеринбургском музее изобразительных искусств находится картина под названием «Девочка, рассматривающая картинки». Х. м. 115 × 115. Подпись в правом нижнем углу: «Н. Витберг». Год написания не указан. Передано из Свердловского краеведческого музея в 1936 г. Инв. № 104. (Изображение имеется в Интернете)[90]. Возможно, это картина «Девочка», которая была представлена на выставке МОЛХ в 1903 г., имеющая сегодня другое название.

Известно также о существовании картины Н. Ф. Витберг «Иоанн Креститель с младенцем». Она висела в квартире внучек архитектора А. Л. Витберга в Москве, в Новоконюшенном переулке, где был сделан снимок в 1976 г.[91]

Но самое отрадное, что Пушкинский Дом имеет работу Н. Ф. Витберг в своем арсенале. Она находится в Литературном музее Пушкинского Дома.

В марте 1909 г. на выставке к 25-летию кончины И. С. Тургенева, которая проходила в Санкт-Петербурге в Большом конференц-зале Императорской Академии наук и одним из организаторов которой был Ф. А. Витберг, была представлена копия портрета И. С. Тургенева с известной работы А. А. Харламова (1875 г.)[92], сделанная Н. Ф. Вит-

---

[87] См.: Двадцать первая периодическая выставка в здании Императорского Российского Исторического музея. 1901. М.: типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1902. С. 4, 17.

[88] См.: Сорок первый Отчет комитета МОЛХ за 1901 год. М.: типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1902.

[89] См.: Двадцать вторая периодическая выставка в здании императорского российского Исторического музея. М.: тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1903. С. 4, 17.

[90] См.: Свердловская картинная галерея: каталог: Живопись. Скульптура. Рисунок. Чугунное литье. Свердловск: тип. изд-ва «Урал. рабочий». 1949. С. 14.

[91] См.: http://andastr.eu.

[92] По картотеке Литературного музея: «Тургенев И. С. Портр. Раб. Н. Ф. Витберг. Ниже колен, сидящим; руки лежат на коленях. Фон темный. М. кр. 146 × 109 в золоченой лепной раме. Реставр. О. И. Панфиловой. Х.47».

берг в 1890 г.[93] Год изготовления копии указан в каталоге выставки. На самом холсте, по словам хранителя, ни подписи, ни даты нет. Но возникают сомнения. Не опечатка ли в каталоге? Ведь в 1890 г. Витберг только окончила Педагогические курсы и в 1891 г. поступила в приготовительный класс Рисовальной школы Императорского Общества поощрения художеств. И, судя по представленным выше данным в письмах об ее учебе, оценке отцом ее работ, она не могла тогда выполнить эту сложную вещь, поскольку ею были еще не освоены элементарные приемы живописной техники. Скорее всего, она писала копию не ранее, чем оказалась в мастерской И. Е. Репина.

В архиве Ф. А. Витберга по поводу этой картины имеется письмо А. А. Петрова от 26/13 марта 1919 г., после смерти Ф. А. Витберга:

> «Глубокоуважаемая Наталья Федоровна, Б. Л. Модзалевский просит меня сообщить Вам, что необходимо поторопиться с передачей Тургеневского портрета Пушкинскому Дому, а также, что книжная Палата хотела бы приобрести библиографические карточки Федора Александровича <...>».

31 марта портрет был передан в Пушкинский Дом[94].

Возможно, еще какие-то работы Н. Ф. Витберг имеются у других потомков архитектора или находятся в частных коллекциях...

К сожалению, полностью творческий путь художницы Н. Ф. Витберг, портретистки, ученицы И. Е. Репина, соученицы многих именитых художников, пока не удается проследить, но она уже вошла в историю русского изобразительного искусства. А публикация документов архива, с ней связанных, существенно дополнит ее биографию.

Точная дата смерти художницы неизвестна. В «Едином реестре профессиональных художников Российской империи, СССР, “русского зарубежья”, Российской Федерации и республик бывшего Советского Союза (XVIII—XXI вв.)», других печатных источниках и в Интернете на генеалогическом сайте указываются даты: «1940-е», «?», «ок. 1942 г.», а то и пишут, что она и ее брат Алексей погибли в блокаду[95].

По справочникам «Весь Петроград на 1917 г.» она числится как «художница, Суворовский, 9, т. 27512. Константиновская женская гимназия». Далее, уже по справочнику «Весь Ленинград», числится с 1924 г. только по 1929 г. включительно, как «преподаватель, Совет-

---

[93] См.: Каталог выставки в память И. С. Тургенева Императорской Академии наук. Март 1909 / сост. Ф. А. Витберг и Б. Л. Модзалевский. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1909. С. 9; Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1958. Т. 4: Тургенев. С. 53; *Кочнева Е. В.* Живописные портреты Тургеневых из собрания Литературного музея Пушкинского Дома // Спасский вестник. 2008. Вып. 15. С. 200—208.

[94] РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 4, ед. хр. 13, л. 1.

[95] См. прим. 5.

Н. Ф. Витберг <ок. 1914 г.>
(РГИА, ф. 789, оп. 12, Ид. 15, л. 25)

ский, 9»[96]. В дальнейших выпусках ее фамилия отсутствует, так что из этих данных можно только приблизительно предполагать дату ее кончины.

Однако в РГИА, в фонде Академии художеств, хранится документ, которому, по нашему мнению, можно доверять. Это записка А. П. Лебедянской[97] от 21 мая 1951 г. ученому секретарю Академии художеств:

[96] См.: Весь Петроград на 1917; Весь Ленинград на 1924—1929 г.

[97] *Лебедянская Александра Петровна* (1888—1964) — историк, археолог, исследовательница древнерусской артиллерии. В 1911 г. окончила Женский педагогический институт, училась у С. Ф. Платонова, Ф. А. Витберга. Сохранила с последним дружеские отношения, состояла с ним в переписке. Сохранились 37 ее писем к Ф. А. Витбергу за 1910—1916 гг. (РО ИРЛИ, ф. 52, оп. 3, ед. хр. 499). В 1911 г. по-

«Прошу принять в картотеку художников, окончивших Академию, фотокарточку ученицы И. Е. Репина и внучки известного архитектора Витберга А. Л. — Витберг Натальи Федоровны <окт.? 1908?>. **Скончалась в июле 1932 г. и похоронена на Смоленском кладбище.** Фото, примерно 1914 г. Поступило ко мне, как ее сослуживице, от родных после ее смерти. Собираясь в тот же дальний путь, считаю своим долгом передать его в собрание Академии, которой оно, может быть, пригодится.
Кандидат исторических наук (Лебедянская А. П.)»[98].

Итак, умерла Н. Ф. Витберг в Ленинграде в июле 1932 г. и похоронена на Смоленском кладбище. Там же похоронен и ее отец, Ф. А. Витберг.

Библиографический список

1. Весь Ленинград на 1924—1929 г. Л.: Орг. отд. Ленингр. губисполкома, [1924—1929].
2. Весь Петроград на 1917 г. Пг.: Т-во А. С. Суворина «Новое время», [1917].
3. *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: в 22 кн. СПб.: изд. А. Д. и П. Д. Погодиных, 1888—1910.
4. *Беспалов Н. А.* И. С. Куликов: монография. М.: Изобр. искусство, 1990.
5. *Витберг Ф. А.* Рецензия на кн. В. И. Шенрока «Материалы для биографии Гоголя. Т. 1» // Исторический вестник. 1892. № 4.
6. *Витберг Ф. А.* Н. В. Гоголь и его новый биограф: (по поводу книги г. Шенрока: «Материалы для биографии Гоголя» Т. 1. Москва, 1892). СПб.: тип. Училища глухонемых, 1892.
7. *Витберг Ф. А.* Педагогические письма // Педагогический сборник. 1895. № 1—3.
8. *Витберг Ф. А.* Гоголь в 31-м году // Исторический вестник. 1892. № 6.
9. Двадцать первая периодическая выставка в здании Императорского Российского Исторического музея. 1901. М.: типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1902.
10. Двадцать вторая периодическая выставка в здании Императорского Российского Исторического музея. М.: типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1903.
11. Дневник Вл. А. Рышкова о дочери Кире / вступ. ст. и комм. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб.: Родник, 2020.
12. *Жданов И. Н.* О драме А. С. Пушкина «Борис Годунов». СПб.: тип. Р. Голике, 1892.
13. Каталог выставки в память И. С. Тургенева Императорской Академии наук. Март 1909 / сост. Ф. А. Витберг и Б. Л. Модзалевский. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1909.

ступила на работу в Константиновскую гимназию в качестве классной надзирательницы, где с 1903 г. работала Н. Ф. Витберг. Вместе они работали до 1921 г. См. документы гимназии до 1919 г.: ЦГИА СПб., ф. 459, оп. 1, д. 319, 321, 5737; РГА СПб, Р-3862, оп. 1, № 1—17.

[98] См.: РГИА, ф. 789, оп. 12, д. 15, л. 24.

14. Каталог выставки учащихся Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств 1901 года. СПб.: тип. Л. Смольянинов, 1901.
15. Книга памяти блокадного Ленинграда. Т. 5 (Васильев — Волинский). СПб.: Нотабене, 1999 (то же: blockade. spb.ru).
16. *Коновалов Э. Г.* Словарь русских художников. Новый полный биографический. М.: ЭКСМО, 2012.
17. *Кочнева Е. В.* Живописные портреты Тургеневых из собрания Литературного музея Пушкинского Дома // Спасский вестник. 2008. Вып. 15.
18. *Леббок Джон.* Начало цивилизации и первобытное состояние человека: нравственное и общественное положение диких народов. СПб.: тип. М. Хана, 1871.
19. *Мисникевич Т. В.* «...Я имел достаточно “натуры” вокруг себя» (новые материалы к ранней биографии Ф. Сологуба) // Лица: биогр. альманах. СПб.: Феникс, 2002. [Т.] 9.
20. *Носова А. Г.* Переписка Б. Л. Модзалевского с Ф. А. Витбергом // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.
21. Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1958. Т. 4: Тургенев.
22. Отчет о деятельности императорской Академии художеств в 1901 г. СПб.: типо-лит. Я. Рашкова, 1902.
23. Петербургский некрополь: [в 4 т.]. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1912. Т. 1 (А—Г).
24. Свердловская картинная галерея: каталог: Живопись. Скульптура. Рисунок. Чугунное литье. Свердловск: тип. изд-ва «Урал. рабочий», 1949.
25. Сорок первый Отчет комитета МОЛХ за 1901 год. М.: типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1902.
26. Художники народов СССР: биобиблиогр. словарь: в 6 т. / отв. ред. Т. Н. Горина, гл. сост. и библиограф О. Э. Вольценбург и др. М.: Искусство, 1972. Т. 2 (Бойченко-Геонджиан).
27. *Чахров Я. А.* Репин и его ученики в работе над коллективной картиной // Художественное наследство. Репин: [в 2 т.]. М.; Л.: изд-во Акад. наук, 1949. Т. II.
28. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764—1914: в 2 т. / сост. С. Н. Кондаков; Имп. Санкт-Петербургская Академия художеств. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, [1914—1915]. Т. 2.

Электронные ресурсы

1. andastr.eu
2. artpanorama.su
3. blockade.spb.ru
4. collection.artsacademymuseum.org
5. geni.com
6. museum-murom.ru

DOI: 10.31860/978-5-918680-445-108-115

Ю. М. Чихалова

РАННИЕ СТИХОТВОРНЫЕ ОПЫТЫ ГЕОРГИЯ ОТРЕПЬЕВА (по материалам Рукописного отдела Пушкинского Дома)

Аннотация: В сообщении описываются материалы трех фондов Пушкинского Дома, связанных с именем дальневосточного поэта Георгия Отрепьева. Материалы эти не были введены в научный оборот, и одной из причин этого могла быть сложность в идентификации автора, который подписывает их, судя по всему, своим настоящим именем — Егор Отрепнов. Рассматривается динамика и возможные причины формирования псевдонима, под которым он впоследствии будет известен. Материалы Пушкинского Дома относятся к раннему периоду творчества поэта, задолго до того как он попадает в поле зрения критиков, и проливают свет на некоторые факты его биографии. В тексте описывается первая из известных публикаций автора в 1905 г.

Ключевые слова: Георгий Отрепьев, Егор Отрепнов, Первая мировая война, Новгородская тюрьма, первая публикация.

Abstract: The article describes the materials of three archives in the Pushkin House associated with the name of the Far Eastern poet Georgy Otrepiev. These materials were not introduced into scientific circulation, and one of the reasons for this could be the difficulty in identifying the author, who signs them, apparently, with his real name — Egor Otrepnov. The dynamics and possible reasons for the formation of the pseudonym, under which he will later be known, are considered. The materials of the Pushkin House relate to the early period of the poet's work, long before he came to the attention of critics, and shed light on some details of his biography. The text describes the autor's first known publication in 1905.

Keywords: Georgy Otrepiev, Egor Otrepnov, World War I, the Novgorod prison, the first publication.

Девять единиц в архиве В. И. Ясевич-Бородаевской, революционной активистки и одного из крупнейших исследователей русского сектантства, содержат творческие рукописи Егора Отрепнова[1]. Эти рукописи занимают почти пятую часть бумаг Ясевич, доступных сейчас исследователям (часть архива, содержащаяся в шифрованном фонде, составляет 61 единицу). Отчество автора не указано, указан второй инициал — Я, один из рассказов подписан псевдонимом «Егор Пеше-

[1] РО ИРЛИ, № 10509—10517, часть фонда находится в обработке.

© Чихалова Ю. М., 2024

ход». Четыре единицы представляют собой тетради: две с подобием рукописного сборника стихотворений и коротких рассказов, каллиграфически подписанных, две другие — наброски драматических произведений, прошитые и опечатанные (в одном случае тюремная печать и прошивка утрачены, но видны их следы), с подписью начальника Новгородской тюрьмы, датированной 3 и 7 нояб. 1908 г. Эти документы указаны в справочнике по личным фондам Пушкинского Дома, но исследователи ни разу к ним не обращались. И это кажется понятным: при попытке выяснить что-то об Егоре Отрепнове мы не находим информации о нем ни в каких источниках, и логично предположить, что значимого следа он по себе не оставил. Сведения о том, как эти документы попали в архив Ясевич, находятся в необработанной части архива — отложившиеся там письма Отрепнова к Ясевич довольно подробно рассказывают об обстоятельствах его жизни. В этих письмах он излагает ход своей литературной работы и сообщает ей о том, как и куда в этот момент отправляет свои рукописи: надеясь на помощь Ясевич с публикацией его сочинений, он регулярно посылает ей с оказией свои труды, прилагая их описание в письмах. В переписке датированы годом два письма: одно по́зднее, от 10 нояб. 1917 г., из Екатеринослава, второе — от 24 янв. 1910 г., послано из деревни Глухой-Бережок, с пятью недатированными письмами его объединяют общее место написания и общий сюжет, охватывающий примерно год или чуть более (автор связывает его с «учительским сезоном») жизни Отрепнова в этой деревне, работу учителем и пастухом. Все цитаты из писем даются в современной орфографии и авторской пунктуации. При каких обстоятельствах эта переписка завязалась, Отрепнов не указывает.

Второй фонд, в котором мы находим подобные материалы — фонд «Русского Богатства»: тоже четыре тетради, три из них без обложек с выпадающими или вырезанными листами, на одной из них следы тюремной прошивки и утраченной печати и удостоверяющая помета Новгородской тюрьмы от 3 июня 1908 г. Единственная тетрадь в обложке (тоже с прошивкой, подписью и печатью, но без даты) подписана скорописью другим почерком, запись была прочитана под вопросом как Отреплов, и в такой форме автор и обнаруживается в описи и картотеке архива[2]. Несмотря на то что одна из тетрадей содержит редакторские пометы, рукописи, видимо, в ход пущены не были — стихотворений из тетрадей Отрепнова на страницах «Русского Богатства» или «Русских Записок» мы не находим.

О том, что фамилию стоит читать через н, говорит нам не только тщательно выписанный титульный лист тетради в архиве Ясевич, но и подписи под письмами с фронта Первой мировой войны, которые

[2] РО ИРЛИ, ф. 299, оп. 2, ед. хр. 242, атрибутирована Отреплову (?), заключенному.

мы находим в архиве Р. В. Иванова-Разумника вместе с машинописными копиями их[3]. Письма эти представляют собой дневник, в том числе и стихотворный, Егора Отрепнова, отправившегося добровольцем на войну. В этих письмах, написанных тем же почерком, каким заполнены тетради «Русского Богатства» и архива Ясевич, Отрепнов неоднократно дает свой меняющийся адрес, на который просит отправлять и корреспонденцию, и запрашиваемую помощь, и подписывает свои стихи. В этом адресе он указывает свое отчество — Яковлевич, а фамилия приобретает форму «Отрепьев». В одном и том же письме (см. письма 14 авг. и 2 окт. 1914 г. и 18 апр. 1915 г.) он подписывается как автор в формате «Е. Отрепнов» и как адресат — «Доброволец Егор Яковлевич Отрепьев». С чем связано подобное изменение, не указано: можно предположить, что в полевых условиях фамилия, встречающаяся только в новгородских селах, приобретала более известную форму, но как поэт Егор Яковлевич довольно долго держится за привычный ему вариант фамилии. В другой единице этого же фонда, содержащей автографы его стихов (в основном военного времени), на отдельных страницах это четкое деление начинает размываться: пять стихотворений подписаны «Е. Отрепьев», еще три — «Г. Отрепнов». На списке лучших стихотворений автора, сделанном Ивановым-Разумником, есть помета синим карандашом: «Гр. Отрепнов». В этом списке есть и военные стихи, и стихотворение «Охи-вздохи», которое в другой редакции можно было увидеть в рукописном сборнике из архива Ясевич. Кажется, автор не просто усваивает свое новое имя, а обыгрывает его, заменяя свое имя Егор формой «Георгий», созвучной имени Григорий, с которым эта фамилия непосредственно ассоциируется. Именно под этим именем мы и находим его много лет спустя на Дальнем Востоке — в статусе одного из самых популярных партизанских поэтов времен Гражданской войны.

Если о Егоре Отрепнове информации практически нет[4], то про Григория Отрепьева мы знаем достаточно много. О его выдающейся биографии начали писать еще в шестидесятые годы и пишут по сей день, в обзорах дальневосточной литературы ему уделяют заметное место, его стихи перепечатывают — несмотря на то что каждый исследователь отмечает две важные черты его творчества: колоссальную продуктивность и недостаток оригинальности. Эти качества, с другой стороны, могли стать причиной и большой популярности автора,

[3] РО ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 224, 225.

[4] Фамилия «Отрепнов» появляется в статье С. И. Красовской, которая запрашивала в новгородских архивах предполагаемую фамилию Георгия Отрепьева, указывая, что «Георгий родился на свет Отрепновым, а Отрепьевым стал по своей поэтической воле» — похоже, есть основания полагать, что в начале жизни и поэтической карьеры он называл себя Егором и, возможно, имел документы на это имя, а поэтическая воля могла сочетаться с необходимостью иметь дело с полевой почтой и военными писарями.

и того, что его тексты в течение долгого времени собирались как фольклорные песни[5]. Известная нам биография Отрепьева является поэтическим документом эпохи едва ли не в большей мере, чем его сочинения: участник революционного движения, ранен в шествии 9 янв. 1905 г. к Зимнему дворцу, после Первой мировой войны вступает в Красную армию, в 1918 г. попадает в плен под Самарой и отправляется в «эшелоне смерти» на Дальний Восток (в антологии дальневосточной поэзии опубликовано стихотворение Отрепьева, описывающее этот опыт). Там он примыкает к партизанскому отряду и разворачивает активную творческую деятельность. В 1917 г. выходит первый сборник его стихов[6], через три года появляется второй[7], значительно более объемный, он много пишет, публикует, сотрудничает в качестве редактора в ряде изданий и участвует в деятельности литературных объединений.

Первая зафиксированная исследователями публикация стихотворений Отрепнова также относится к 1917 году[8], но в своем письме к Ясевич он сообщает: «Из всего того, что находится у Вас, я нигде никогда не печатал, за исключением двух стихотворений: “Марьюшка” и “Исповедная песня арестанта”, которые в 1905 году были напечатаны в “Амурском крае” издательницей Л. В. Кирхнер (в г. Благовещенске)». Осторожная формулировка «из всего того, что находится у Вас» позволяет предположить, что какие-то еще тексты Отрепнов или публиковал, или старался опубликовать. Он пишет о своих сочинениях, переправляемых в Новгород, и планирует уточнить, лежат ли они там без дела, что, видимо, говорит об активных попытках донести свои произведения до читателя и другими способами, без посредничества Ясевич. В письме ей он путается в изданиях Благовещенска — газета «Амурский край» действительно выходила там в это время, но текст «Марьюшки» без заглавия в разделе «Фельетон» появился 12 авг. 1905 г. в № 88 «Амурской газеты» (с. 9, стб. 1685—1686), которую издавали А. В. и Л. В. Кирхнер. Текст «Исповедной песни арестанта» обнаружить не удалось: он мог быть опубликован в утраченных номерах, могла быть договоренность о публикации, которую остановило закрытие газеты в 1906 г., но арестантская лирика, появляющаяся на страницах «Амурской газеты» и приложений к ней в 1905 г., подписана постоянными авторами издания и не находит параллелей в находя-

[5] См. подробнее статьи С. Красноштанова «Партизанские песни Г. Я. Отрепьева» и «Происхождение песни “В воскресенье мать-старушка” и ее варианты».

[6] Под блиндажом: стихотворения окопного солдата-феодосийца. Екатеринослав: Изд-во феодосийцев, 1917. 16 с.

[7] Лучи красных дум. Хабаровск: Политотд. 1-й Амур. стрелковой дивизии НРА, 1920. 232 с.

[8] Стихотворение «Мужицкий разговор» (Правда. 1917. 23 июня. № 78. С. 3). В «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова эта публикация приписана Алексею Ивановичу Маширову (М., 1957. Т. II. С. 305).

щихся в Пушкинском Доме тетрадях Отрепнова (под таким названием мы находим только стихотворение в тетради Ясевич, написанное кольцовским размером). «Марьюшка» воспроизводится во всех собраниях стихотворений Отрепнова в Пушкинском Доме — в первой из его тетрадей в собрании Ясевич[9], в третьей, датированной в Новгородской тюрьме 30 июня 1908 г., тетради собрания «Русского Богатства»[10], в машинописном сборнике в архиве Иванова-Разумника[11]. Все три варианта текста отличаются в основном пунктуационным оформлением («Во время работы я не столько думаю над темою и художественным изложением (это мне дается легко), сколько над правильностью, в грамматическом отношении, произведения. Точку поставить, или запятую? Э, была не была, поставлю и то и другое. А потом начнешь читать и видишь, что лучше б ничего не ставить», — пишет Отрепнов Ясевич о причинах этого). В четырех местах небольшие правки стилистического свойства (пятая строка первой строфы в «Русском Богатстве» — «Над избою прошлой ночью...», у Ясевич — «Над избой прошедшей ночью...», в сборнике Иванова-Разумника «Над избой ночью...» с соответствующим ритмическим перебоем, во второй строфе в шестой строке в «Русском Богатстве» — «Бедность вынести», в остальных — «Бедность вытерпеть», в сборнике Иванова-Разумника в четвертой строфе в пятой строке «И польются рекой слезы в ссоре, да в вражде», в остальных — «И польются рекой слезы в ссоре и вражде», в сборнике Иванова-Разумника в пятой строфе во второй строке «И привыкнет понемногу...», в остальных — «И привыкнет помаленьку...», седьмая строка пятой строфы у Ясевич — «Как осудят, как загонят жить на Сахалин», в остальных — «Как засудят, как загонят жить на Сахалин», в сборнике Иванова-Разумника отсутствует деление на строфы после второй, очевидно, из соображений экономии места). Текст стихотворения, видимо, был для автора законченным и устоявшимся — при этом в публикации «Амурской газеты» мы видим значительную правку, местами не доведенную до конца:

	«Амурская газета»	**Сборники РО ИРЛИ**
Строфа 1, строка 4	Муж храпит; кружится муха бойкая над ним...	И кружась летает муха бойкая над ним
Строфа 2, строка 5	Как-то будет жить на свете, в жизненном пути,	Как-то будет дорогому в жизненном пути
Строфа 3, строка 7	Будут чувства искаженны, будет ум...	И пойдет кривой дорогой забулдыга сын
Строфа 4, строка 1	Вздумает потом жениться, будто по любви,	Вздумат может быть жениться будто по любви

[9] РО ИРЛИ, № 10509, л. 32.
[10] Там же, ф. 266, оп. 2, ед. хр. 242, л. 48.
[11] Там же, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 128, л. 27.

Строфа 4, строка 5	От питейного дорога торная к вражде	И польются рекой слезы в ссоре и вражде
Строфа 4, строка 7	И поест она скотину, двор, амбар, овин. —	И поест она скотину, съест амбар, овин
Строфа 5, строка 1	С бедноты, глядишь, да с пьянства будет жизнь не всласть	С баловства, глядишь, да с пьянства, будет жизнь не всласть
Строфа 6, строка 3	Коль тебе прямой дороги в жизни не дадут,	Коль тебе прямой дороги к свету не дадут
Строфа 6, строка 5	Грустно! Марьюшка вздыхает, лежа в уголке...	Грустно Марьюшка мечтает, целу ночь не спит / То поплачет, то поохат, грудь ее болит
Строфа 6, строка 6 (7)	На полу, раскинув ноги, муж спит недвижим, —	А внизу раскинув ноги муж спит недвижим

В пятой строфе во второй и третьей строке текст делали обращением к сыну («И привыкнешь помаленьку, мой сыночек, красть / Станешь пугалом детишек, страшным для людей»), но в четвертой и пятой строчке сохраняются формы третьего лица («И загонит горе в душу матери своей. / Будет пойманный на краже долго, долго бит...»). Правка устраняет ритмический сбой в четвертой строфе и просторечные формы («целу», «вздумат», «поохат»), но в последнем случае это приводит к значительному сбою в рифме и потере целой строки (не исключены и цензурные соображения: если больная грудь в пятой строфе может пониматься метафорически, то в последней она уже физиологическая данность). Еще один заметный сбой, вызванный правкой, — в недописанной строке третьей строфы. Разумеется, честолюбивого автора такая публикация удовлетворить не могла, и он продолжал рассылать текст стихотворения в собственной редакции своим адресатам для напечатания.

Материалы Пушкинского Дома могут добавить к имеющимся у исследователей сведениям несколько дополнительных, но существенных деталей[12]. Они относятся к промежутку между ранением в 1905 г. и появлением на фронте, описывают самое начало военного опыта Отрепнова 1914 г., когда он идет на фронт добровольцем в том числе и для того, чтоб писать тексты «против милитаризма» — но буквально с первых писем они дополняются стихами, «составленными для солдат», и именно им суждено было создать ему имя. В известных нам биографических очерках этот период оказывается практически

[12] В частности, позволяют уточнить некоторые сведения, которые приводит в своем эссе Владимир Голдин: с 1907 по 1910 г. он не мог находиться в Петропавловской тюрьме; в 1908 г. он сидит в тюрьме Новгородской, а в 1910 г. пишет из Новгородской области. До того как его в 1916 г. призывают в армию, он почти два года находится при ней добровольцем, а «первой заявкой на звание литератора» может считаться не фронтовая корреспонденция, а публикация в «Амурской газете» более чем за десять лет до нее.

пропущенным — указывают на то, что Отрепьев, видимо, преследовался как революционер и был вынужден скрываться, но никаких деталей мы не находим. Можно говорить, что как минимум несколько месяцев этого срока тогда еще Егор Отрепнов проводит в Новгородской тюрьме (в письме Ясевич он пишет, что после 1907 г. «успел отсидеть год и три м-цы в тюрьме», какую часть этого срока он провел именно в Новгородской тюрьме — непонятно) и использует это время для активной литературной работы. Он пишет, что читал в тюрьме Маркса, но счел его скучным, знакомил сокамерников со своими сочинениями, «много написал, но к сожалению все попало в руки начальства, найдено тенденциозным и конфисковано». Он указывает следующие произведения, которые остались у тюремного начальства: стихотворение «Безбожник», «пьеса “Почтальон женился”, повесть “Мост”, повесть “Брычка и Голован”». Он пробует разные формы: драматические, очерковые, крупные и мелкие стихотворные, осмысляет свои опыты в сборниках разного типа и разного наполнения (в двух тетрадях архива Ясевич и в тетрадях «Русского Богатства» многие тексты повторяются, как если бы Отрепнов рассматривал варианты их окружения в сборнике), он возвращается к этим текстам и перерабатывает их (это видно и из обильной правки в тетрадях «Русского Богатства», и из вариантов «Охов-вздохов» в архивах Ясевич и Иванова-Разумника). На фронт он приезжает уже с некоторым багажом текстов разной степени готовности, публикующимся и старающимся публиковаться больше автором. В подборке для «Русского Богатства» преобладают тексты, описывающие тюремный опыт автора, крестьянский быт с цитатами и аллюзиями на творчество Некрасова и Кольцова (одно из стихотворений называется «Кому на Руси жить сытно», часто встречаются кольцовские и некрасовские размеры), которые во многом определяют специфику творчества Отрепнова-Отрепьева: злободневность газетной передовицы, публицистичность, упор на собственные свидетельства и участие в событиях.

В письмах Ясевич из села Глухой-Бережок он подробно излагает события своей жизни: они написаны в форме эпистолярного дневника и изобилуют рефлексией над фактами его биографии. Он сообщает, что «освободился из тюрьмы без одежды (это и заставило наняться в конюхи); на мизерное жалование», просит у нее денег в долг, сообщает, что после заключения поехал «в Питер, места не нашел, дня три голодал, плюнул на веселый город и ушел в деревню», сообщает о проблемах с надзором: «жить в Бережке мне стало не безопасно. Урядник пронюхивает как я веду себя, не говорю ли чего “лишнего”». Подробно описывает он свой учительский опыт от предложения обучать грамоте детей до начала работы с ними («20 ч. и одна взрослая девица»), сопровождая его размышлениями о роли учителя и о собственном образовании («Я ведь писатель (горе луковое) самоучка. Когда-то учился две зимы в сельской школе, на том и остановил-

ся — поле боронить заставили») и читательском кругозоре. В 1917 г. в письме из Екатеринослава он спрашивает Ясевич о судьбе отправленных к ней рукописей и просит их прислать: «Может быть, я переработал бы материал и напечатал». Судя по тому, что рукописи по описи из письма Глухого-Бережка были получены Пушкинским Домом в составе бумаг Ясевич, эта просьба не была выполнена, но так как из того же письма мы знаем, что это не единственный список его текстов, то не исключено, что он мог получить их для переработки из других источников. Из контекста письма понятно, что он не связывался с исследовательницей в течение долгого времени: он сообщает ей о событиях своей жизни за последние три года, работе в «Народной жизни» и «Голосе солдата» (на бланке последней газеты и написано письмо), осмысляет свой военный опыт. Подписано письмо Георгием Яковлевичем Отрепновым — он использует ту форму фамилии, с которой состоял в переписке с Ясевич в 1910 г., но уже новую форму имени.

Поэтическая антология в небольшой биографической заметке, сопровождающей публикацию стихотворений Отрепьева, предлагает следующий список его псевдонимов: помимо постоянно упоминающегося «Г. Алмазов» называются Е. Новгородцев, Е. Верещинский (инициал Е. возвращает нас к исходной форме имени автора) и Фома Пешеходов (ср.: Егор Пешеход, подпись под рассказом «Малец» в фонде Ясевич). По-видимому, в этот список стоит добавить варианты написания имени автора, которые мы находим в документах Пушкинского Дома. Это может облегчить поиск биографических документов, проливающих свет на ранний этап жизни Отрепнова, а также других творческих рукописей и, возможно, публикаций автора.

Библиографический список

1. Антология поэзии Дальнего Востока. Хабаровск: Кн. изд-во, 1967.
2. *Голдин В.* Григорий Отрепьев — он же Амурский https://proza.ru/2014/05/18/401
3. *Дворниченко Н. Е.* «Дальневосточный Демьян» // *Дворниченко Н. Е.* Вчера и сегодня забайкальской литературы: статьи, очерки, портреты. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1982.
4. *Красноштанов С.* Партизанские песни Г. Я. Отрепьева // Дальний Восток. 1968. № 1.
5. *Красноштанов С.* Происхождение песни «В воскресенье мать-старушка» и ее варианты // Литература Дальнего Востока и проблема реализма. Хабаровск: Хабаровский ГПИ, 1976.
6. *Красовская С. И.* Об одной архивной находке, или Неизвестные страницы биографии и творчества Г. Отрепьева // Лосевские чтения — 2012. Благовещенск: Благовещенский ГПИ, 2012.
7. *Трушкин В. П.* Поэзия лесов и сопок // *Трушкин В. П.* Из пламени и света... Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1976.

DOI: 10.31860/978-5-918680-445-116-125

Ю. Е. Галанина

«УТРАЧЕННАЯ» ЧАСТЬ АРХИВА ПЕРЕДВИЖНОГО ТЕАТРА П. П. ГАЙДЕБУРОВА И Н. Ф. СКАРСКОЙ

Аннотация: Статья Ю. Е. Галаниной посвящена ценной, но мало изученной части архива Передвижного театра П. П. Гайдебурова и Н. Ф. Скарской, хранящейся в Рукописном отделе Пушкинского Дома и долгое время считавшейся утраченной. Это собранные театром в предреволюционные месяцы 1917 года анкеты с отзывами о спектаклях театра солдат Северо-Западного фронта. Анкеты солдатских зрителей не только отражали отношение к спектаклю и определяли его социальную значимость, но в то же время служили откликом на современность, свидетельствовали о восприятии широкой народной аудиторией происходящих исторических событий.

Ключевые слова: театр, Передвижной театр, П. П. Гайдебуров, Н. Ф. Скарская, А. А. Бардовский, зрители, анкеты, солдаты, театральная игра.

Abstract: Julia Galanina's article is devoted to the valuable, but a little-studied part of the archive of the Mobile Theater of P. P. Gaideburov and N. F. Skarskaya, stored in the Department of Manuscripts of the Pushkin House which was considered lost for a long time. These are questionnaires with reviews of the performances made by the soldiers of the North-Western Front collected by the theater in the prerevolutionary months of 1917. Questionnaires (reviews) of the soldiers did not not just reflected their attitude towards the performance and determined its social significance and but the same time they served as a response to modern times and testified to the perception of the historical events taken by a wide public audience.

Keywords: Theater, Mobile Theater, P. P. Gaideburov, N. F. Skarskaya, A. A. Bardovsky, questionnaires (reviews), soldiers, theatrical game.

Как известно, Передвижной театр П. П. Гайдебурова и Н. Ф. Скарской возник в 1903 г. как «Общедоступный театр» на базе Народного дома графини С. В. Паниной, в 1905 г. он стал именоваться Передвижным, существовавшим до 1928 г.

Павел Павлович Гайдебуров (1877—1960) был сыном известного петербургского литератора П. А. Гайдебурова[1], близкого к либеральному народничеству. Будущий режиссер учился в С.-Петербургском

[1] *Гайдебуров Павел Александрович* (1841—1893) — журналист, сотрудник «Современника», издатель газеты «Неделя».

© Галанина Ю. Е., 2024

университете, но был исключен за участие в студенческих выступлениях. В поисках средств к существованию он играл на частных сценах, также выступал как режиссер.

Жена Гайдебурова Надежда Федоровна Скарская (1868—1958) была дочерью знаменитого тенора Мариинского театра Ф. П. Комиссаржевского и, соответственно, сестрой Веры Федоровны Комиссаржевской.

Созданный ими театр был нацелен на просветительскую деятельность среди широкой народной аудитории. Основную часть зрителей театра составляли петербургские рабочие, приезжали крестьяне близлежащих сел и деревень. Зимой актеры играли на сцене Лиговского народного дома. Летом труппа театра ежегодно совершала поездки по провинции, объехала буквально всю Россию. В отличие от других гастрольных трупп, театр выступал не только в театрах «большой провинции», но и в глухих, отдаленных местах страны.

После закрытия театра с 1933 г. Гайдебуров руководил Колхозносовхозным передвижным театром им. Леноблисполкома. В 1940—1941 гг. режиссер ставил пьесы в Ленинградском театре драмы и комедии, в БДТ; в 1940 г. ему было присвоено звание «Народный артист РСФСР». В годы Великой Отечественной войны организаторы театра вместе с труппой на время нашли пристанище на Урале в г. Бирске. В тяжелой обстановке Гайдебуров сохранил коллектив театра, репертуар которого пополнился рядом патриотических спектаклей. В 1942 г. режиссер работал в Московском театре драмы, в 1943 г. — в Ярославском театре им. Волкова. В 1944—1950 гг. Гайдебуров выступал на сцене московского Камерного театра, с 1955 г. — был актером Театра им. Е. Вахтангова.

Жизнь Гайдебурова и Скарской была связана с бесконечными переездами. Думать о собирании и сохранении архива театра было сложно.

Итоги творческой жизни основателя театра были подведены в 1977 г. в издании трудов Гайдебурова[2], где, в частности, рассказывалось об уникальном анкетном материале, собранном труппой Передвижного театра в предоктябрьские дни 1917 г. во время выступлений перед солдатами Северо-Западного фронта. Было получено почти 4 тысячи отзывов, но, как указывалось в книге, «к сожалению, подлинных анкет не сохранилось, так как архив Общедоступного и Передвижного театра погиб в Ленинграде в период Великой Отечественной войны»[3].

Однако это замечание следует признать некорректным, так как в Москве, в Российском государственном архиве литературы и ис-

[2] Павел Павлович Гайдебуров: Литературное наследие. Воспоминания. Статьи. Режиссерские экспликации. Выступления. М.: ВТО, 1977.

[3] *Гайдебуров П. П.* На фронтовых спектаклях в предоктябрьские дни // Там же. С. 409.

кусства (РГАЛИ), хранится обширный архив руководителей Передвижного театра (фонд 991, П. П. Гайдебуров, Н. Ф. Скарская). Также в Кабинете рукописей Российского института истории искусств в Санкт-Петербурге находится собрание материалов режиссера (КР РИИИ, ф. 32).

Ценнейшие материалы Передвижного театра, включающие солдатские анкеты с отзывами о спектаклях, считавшиеся утраченными, хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) в фонде историка театра и педагога А. А. Бардовского (ф. 49).

Александр Александрович Бардовский (1893—1942) был очевидцем и участником многих художественных начинаний своего времени. В 1915 г. он окончил историко-филологический факультет С.-Петербургского университета, преподавал в нескольких петроградских гимназиях русский язык, литературу, психологию и педагогику.

С осени 1919 г. Бардовский установил тесные связи с Передвижным театром Гайдебурова и Скарской и начал преподавать в лучших петроградских театральных школах (Школа русской драмы, Школа актерского мастерства, Институт сценического искусства, Институт живого слова и др.).

Характерно, что на преподавательской кафедре он ощущал себя в игровом пространстве, на подиуме, и превращал свою жизнь в театр. Бардовский умел захватывать внимание аудитории, заражать своей страстью, увлекать слушателей игровым подходом.

Воспоминания современников рисуют его как яркую фигуру, завораживающую слушателей: «...в классе тишина, как всегда стремительно, входит Александр Александрович... Не взглянув на приветствующий его вставанием класс, он вдруг в тоне удивления и восторга произносит: “Представьте, бедный провинциальный актер (пауза, рука, стремительно взмывающая вверх) — и Шекспир!” Так начинался урок, посвященный “Гамлету” и “Королю Лиру”...»[4].

Бардовский писал: «Несмотря на все ужасы революции, годы 1918—1920 будут скоро вспоминаться, как золотая эра русского просвещения, когда культурно-просветительные начинания заняли небывалое до тех пор положение. Все живые силы, далекие от непосредственной политической борьбы, ушли либо в просвещение, либо в искусство»[5].

В 1922 г. Бардовский закончил исследование «Петербургские театральные школы и студии за время революции (1917—1922 гг.). На-

[4] *Хватов А.* Бардовский Александр Александрович // ГБОУ «163 школа»: [сайт]. URL: http://sch163.acentr.gov.spb.ru/history/before/bardov.htm (дата обращения: 17.04.2024).

[5] *Бардовский А. А.* Петербургские театральные школы и студии за время революции (1917—1922): наблюдения и выводы // РО ИРЛИ, ф. 49, оп. 1, ед. хр. 4, л. 6.

блюдения и выводы»[6]. В этом очерке описывается деятельность большого количества петроградских театральных студий, о многих из них не только не имелось никаких сведений, но даже трудно было предположить их существование (театральные студии организовывались при таких непрофильных организациях, как Балтфлот, Петрокоммуна, различные отделения российских железных дорог, при военных организациях, в таких объединениях, как Губкожа, Главодежда, Райлеском и т. д., имевших возможность выдавать продовольственные пайки своим служащим).

В 1928 г. Бардовским был опубликован очерк «Театральный зритель на фронте в канун Октября», посвященный отзывам солдат на спектакли театра Гайдебурова и Скарской в сентябре-октябре 1917 г.[7] Этот очерк, дважды переизданный в наше время[8], является, безусловно, одним из ярчайших примеров послереволюционного социологического исследования театра. Однако в 1930—1950-х гг. публикации подобных материалов оказались под запретом как «опасный источник информации о реальных процессах в обществе, декларировавшем коммунистическое строительство»[9]. С этого времени сведения о собранных анкетах были забыты, чем и объясняется указание на утрату части архива Передвижного театра.

Между тем в 1917 г. напечатанные театром бланки, озаглавленные «Солдатское слово об игре», у зрителей уходили нарасхват[10]. Из собранных 4 тысяч анкет в фонде Бардовского сохранились почти полторы тысячи листков (составивших 15 единиц хранения в Рукописном отделе ИРЛИ)[11]. Значительная часть простонародной публики впервые знакомилась с театром, спектакли вызывали большой интерес.

Кроме оригинальных солдатских анкет в ИРЛИ сохранились копии наиболее значительных отзывов о спектаклях, сделанные Гайдебуровым и Скарской[12].

Анкеты зрителей, заполнявшиеся после спектаклей, не только отражали отношение к спектаклю и определяли его социальную значимость,

---

[6] РО ИРЛИ, ф. 49, оп. 1, ед. хр. 3—4.

[7] *Бардовский А. А.* Театральный зритель на фронте в канун Октября. Л.: Русское театральное о-во, 1928.

[8] *Бардовский А. А.* Театральный зритель на фронте в канун Октября // Публика театра: социологические свидетельства 1890—1930-х годов. СПб.: Алетейя, 2010. С. 416—467; То же // Публика театра в России: социологические свидетельства 1890—1930-х годов. СПб.: Алтейя, 2021. С. 416—466.

[9] Публика театра в России: социологические свидетельства 1890—1930-х гг. С. 8.

[10] То же. С. 425.

[11] Анкеты «Солдатское слово об игре» с отзывами зрителей о спектаклях Передвижного театра // РО ИРЛИ, ф. 49, оп. 1, ед. хр. 15—29.

[12] Анкеты с отзывами зрителей о спектаклях Передвижного театра. Копии рукой П. П. Гайдебурова и Н. Ф. Скарской // Там же, ед. хр. 14.

но в то же время служили откликами на современность, свидетельствовали о восприятии широкой народной аудиторией происходящих исторических событий.

Комментарием к анкетам может служить сохранившийся в фонде Бардовского «Коллективный дневник» Передвижного театра, рассказывающий об этой поездке на фронт[13].

Поездка началась 22 сентября. Актеры со своим скарбом разместились в двухместных купе вагона. Другие вагоны были загружены театральным имуществом, декорациями, костюмами и пр. Маршрут пролегал через Ревель в Псков, Остров, Полоцк, Минск и другие города и местности. Записи носили бытовой характер, но также отражали восприятие зрителями постановок. Первоначально актеры жаловались на отсутствие публики («Конечно, ни интеллигенция, ни буржуазия на советский спектакль не пришли»[14]), позднее писали о переполненных залах. Иногда устраивалось по три представления в день. Поездка продолжалась до 16 ноября[15].

Театр представил зрителям три спектакля: «Не все коту масленица» А. Н. Островского, «Женитьба» Н. В. Гоголя, «Телль» швейцарского драматурга Рене Моракса[16] и концертные программы с участием Гайдебурова (чтение), Ольги Преображенской (танцы)[17] и А. Д. Александровича (пение)[18].

Анкеты заполнялись людьми разного социального происхождения и отражали широкий разброс мнений. Большинство ответов на вопросы анкеты было дано полуграмотными людьми, часто место для ответов было лишь помечено крестами. Некоторая часть отзывов заполнялась малочисленной группой грамотных служащих. Однако именно текст анкет, написанных неумелой рукой малограмотного человека, свидетельствовал о его личности и переживаниях, поэтому в настоящей публикации этих записей их орфография в большой степени сохранена, пунктуация же приведена к современной норме.

---

[13] Коллективный дневник поездки Передвижного театра по Северо-Западному фронту осенью 1917 г. // Там же, ед. хр. 13.

[14] Там же. Л. 63.

[15] Публика театра в России: социологические свидетельства 1890—1930-х гг. С. 424.

[16] См.: *Моракс Р.* Телль: драма с хорами. 4 действия / перевод С., под ред. П. П. Гайдебурова. Пг.: [б. и.], 1920.

[17] *Преображенская Ольга Иосифовна* (1871—1962) — танцовщица, прима-балерина Мариинского театра в 1903—1920 гг. С 1921 г. в эмиграции.

[18] *Александрович Александр Дормидонтович (Дмитриевич)* (наст. фам. Покровский; 1879—1959) — певец (лирический тенор), солист Мариинского театра в 1909—1919 гг., исполнитель народных песен и старинных романсов, участвовал в «Русских сезонах» С. П. Дягилева (1913), брал уроки пластики у О. И. Преображенской. В 1919 г. эмигрировал. См. его воспоминания о поездке: *Александрович А.* О душе народа: (по фронту с артистами) // Публика театра в России: социологические свидетельства 1890—1930-х гг. С. 733—738.

Солдаты писали, что спектакли «произвели самое приятн<ое> первый раз в жизни впечатление»[19]; «Я не видал ничего подобного. Плакал...»[20]; «От чистого сердца советую и прошу товарищей артистов вносить свет на фронте такими же спектаклями. Желаю вам, товарищи артисты, успеха в деле освобождения народа от гнета»[21].

«Величайшая моя просьба — идите там, где темнота и бедность, просвещайте и увеселите тех, кто невидали и неслыхали красы искусства. Это мы русские воины; очень мало из нас видели чего-нибудь научного. Выросли мы в деревне-пустыне и там бы и умерли, но война нас от туда вырвала. Сейчас мы все в кучке, — не медлите ни минуты, а делайте для нас все возможное, ведь в нас хотят уничтожить все — спасайте в сё для народу»[22]; «Хочется верить, что это прольет каплю света, смягчит душу и поможет скорее очнуться от охватившего весь народ ошаления»[23].

Анкетные листки к драматическим спектаклям включали 6 вопросов:

1) **Что Вы получили от игры (удовольствие, пользу, отдых, утомление, неудовольствие)?** Отзывы солдат подтверждали важность выступлений: «Смотрю 2-й раз с наслажден<ием>»[24], «Я перед пьесой был разбит жизнью, теперь окреп»[25]; «Артисты будут иметь большой успех от заброшенных окопных солдат, солдаты <...> забудут хоть на несколько минут свое страдание, как телесные, так и душевные»[26]; «человек, знакомясь с разными бытами и нравами людей может принести для себя большую дозу развития»[27].

Многие зрители признавали, что солдаты народ «темный», просили давать пояснения к пьесам («Игра хороша, но постановка вещи слишком сложна для солдат, не особенно понимают»[28]).

2) **Какие бы пьесы хотели бы Вы увидеть в следующий раз?** Зрители отвечали: «Пьесы из XX века»[29], «из русской революции»[30]. «Предлагаю ставить пьесы из крестьянского быта, потому что ближе связано с жизнью самих слушателей»[31]. Конкретные ответы малочисленны. Кто-то упомянул «Войну и мир» Л. Н. Толстого, более грамот-

---

[19] РО ИРЛИ, ф. 49, оп. 1, ед. хр. 18, л. 79.
[20] Там же, л. 66.
[21] Там же, ед. хр. 26, л. 67 об.
[22] Там же, ед. хр. 14, л. 8.
[23] Там же, л. 23.
[24] Там же, л. 14.
[25] Там же, ед. хр. 17, л. 42.
[26] Там же, ед. хр. 14, л. 14, 15.
[27] Там же, л. 20.
[28] Там же, л. 44.
[29] Там же, л. 20.
[30] Там же, ед. хр. 16, л. 3.
[31] Там же, ед. хр. 14, л. 9.

ные называли имена У. Шекспира, Ф. Шиллера, А. Н. Островского, А. С. Грибоедова.

Много важных записей сохранилось о постановке пьесы Р. Моракса «Телль»: о герое шотландских легенд, искусном стрелке, мифологизированном в народных преданиях, в драме Ф. Шиллера, опере Д. Россини и произведениях других авторов. События этой пьесы, посвященной борьбе с угнетателями народа, происходили в Альпах и были датированы автором 1307 г., но зрители переносили их в современную Россию, называя наиболее понравившимся финал произведения «Когда “гонец” прибежал и известил о свержении царя»[32].

В анкетах писали: «Хотел бы я: чтобы вы на следующий раз показали нам, как бы поскорее кончить войну? Каким образом? По моему так: всех буржуев и тех капиталистов, которые за войну уничтожить как мыш, забежавшую в нору... Кипятком... А вам, мои друзья, спасибо — и спасибо, и еще спасибо...»[33]. «Такими пьесами Вы вольети <?> новые силы в солдатскую массу, которые за трехлетнюю войну потеряли любовь к родине, веру в революцию»[34].

3) **О ком из людей, которых представляли сегодня, хотели бы Вы поговорить?** Этот вопрос вызывал признания: «Рад со всем, но не могу, не хватает науки деревенской»[35].

4) **Согласны Вы или нет с его поступками?** Ответы в основном были краткими («да» — «нет»). Однако попадались и пространные рассуждения. Так, обсуждалось поведение героини пьесы А. Н. Островского «Не все коту масленица», которая готова была принять ухаживания богатея Ахова, но отдала свои симпатии небогатому Ипполиту. Как говорилось в отзыве, «пьеса солдатам понравилась. Смесь веселого, серьезного, не слишком глубокий смысл пьесы (доступный пониманию) — вот что по-моему по душе солдату»[36].

5) **Какие места в сегодняшней игре Вам больше всего понравились**? (вопрос не был понят, следствием чего стали многочисленные ответы: «Правая ложа у дверей»[37], «Первое от сцены»[38]). В отзыве о «Женитьбе» указывалось: «Место понравилось капитана морского в отставке» (имелся в виду Жевакин)[39]. И здесь много писали о «Телле»: «Выстрел в яблоко, арест и окончание»[40]. «То место,

---

[32] РО ИРЛИ, ф. 49, оп. 1, ед. хр. 16, л. 109.

[33] Там же, ед. хр. 14, л. 25 об.—26.

[34] Там же, ед. хр. 18, л. 58.

[35] Публика театра в России: социологические свидетельства 1890—1930-х гг. С. 427.

[36] РО ИРЛИ, ф. 49, оп. 1, ед. хр. 14, л. 14 об., 18.

[37] Публика театра в России: социологические свидетельства 1890—1930-х гг. С. 427.

[38] РО ИРЛИ, ф. 49, оп. 1, ед. хр. 14, л. 13.

[39] Там же, л. 20.

[40] Там же, ед. хр. 16, л. 75.

когда гонец принес весть о победе и вынес кр<асное> знамя»[41]. «Вся игра мне нравится, весь ход пьесы, но особенно сильны места попадания в яблоко, последняя часть разговора Телля с Колдуньей, а главное апофеоз произвели неотразимое впечатление»[42].

6) **Что бы Вы сказали артистам в добрый совет для продолжения их работы**? «Продолжать в том же направлении. <...> Благодаря Вашим усилиям солдаты на фронте в значительной степени перевоспитаются в лучшую сторону»[43]. «После такого долгого проклятого солдатского гнета лишь, кажется, я бы эти трогательные пьесы видел бы, слушал неутомимо день и ночь <...>. Желаю вам, дорогие товарищи, продолжать это великое дело. И побольше показывать крепостного права и как мучили наших революционеров, чтобы убить в солдате чувство поломничества, которое теперь совершают безумцы к царю в Тобольске»[44]; писарь штаба 2 полка артиллерии А. Рощин утверждал: «Ваша идея должна быть отмечена на страницах истории. Своим подобным выступлением Вы увеличиваете патриотизм в солдате, который так необходим в переживаемое тяжелое время»[45]. «Мы просим вас, товарищи, об есните <так! — *Ю. Г.*> нашим товарищам, как заключить мир и сохранить свободу»[46]. Концертные программы имели меньший успех, актерам советовали: «Оставить пенье и музыку, а взять винтовку, сменить усталого товарища и дать ему отдохнуть в тылу»[47]; «Будите в нас красоту, создавайте из бывших рабов настоящих граждан. Спасибо, товарищи! Спасибо»[48].

Ближе к Октябрьскому перевороту отзывы стали более категоричными: артистов просят уехать, объясняя им: «Товарищи артисты, хороши ваши спектакли, но лучше всего нам нужен Мир», нужен «скорейший мир»[49].

О спектакле «Женитьба» за несколько дней до переворота писали: «Это нас не интересует нам <нужно надеяться?> на мир больше ничего. Товарищи, нужно это выяснить, к чему эта “Женитьба” нас приведет, неужели еще учредительное собрание отложит, тогда мы все обратимся к нашему Правительству другим способом. Мы все так утомительно ждем учредительного собрания, а если наше правительство также в тот день выскочит в окно»[50].

Анкетирование зрителей в эти годы проводилось в нескольких театрах и оказывало воздействие на построение программы. О значи-

[41] Там же, ед. хр. 18, л. 17.
[42] Там же, ед. хр. 26, л. 9 об.
[43] Там же, ед. хр. 18, л. 82—82 об.
[44] Там же, ед. хр. 16, л. 103—103 об.
[45] Там же, ед. хр. 18, л. 54—54 об.
[46] Там же, ед. хр. 14, л. 13.
[47] Там же, л. 19 об.
[48] Там же, л. 35.
[49] Там же, л. 37—37 об.
[50] Там же, л. 37 об.

мости опроса публики Бардовский писал в своей статье «Изучение зрителя» в 1925 г.: «...в Театре Мейерхольда “Бубус” был сокращен почти на один час после представления материалов о реакциях зрителя, а в Театре юного зрителя для пьесы “Тимошкин рудник” автору ее Л. Ф. Макарьеву пришлось написать небольшую сцену исключительно по требованию Педагогической части, ведущей обследование маленького зрителя»[51].

Кроме материалов по анкетированию зрителей в фонде Бардовского в ИРЛИ находятся фрагменты его неопубликованной исследовательской работы «П. П. Гайдебуров и Н. Ф. Скарская. Творческий путь, характеристика и деятельность в Передвижном театре»[52], наброски к работе хранятся также в РГАЛИ[53].

Продолжая просветительскую деятельность Передвижного театра, воспитание широкой народной аудитории, Бардовский также написал несколько пьес и театрализованных подвижных игр для детей и подростков, методических пособий по их проведению для педагогов и вожатых[54]. На рубеже XIX—XX веков использование театра как средства воспитания детей, сценические методы преподавания получили широкое распространение в педагогических изданиях. В России была переведена и издана книга американского исследователя Н. Тичера «Драматизация, как один из методов современной школы» (СПб.: Синод. тип., 1911). Подготовка нового человека к жизни строилась у Бардовского без жестких указаний и насилия взрослых, выступавших лишь как наблюдатели за игрой. В детском театре, где дети были актерами, режиссерами, сценографами, организаторами и сценаристами, врожденный театральный инстинкт детей (воображение, подражание и преображение) превращал метод воспитания в свободный игровой процесс познания, усвоения знаний. Овладение знаниями при помощи игры и движения активировало мышление и облегчало процесс усвоения знаний. В драматизации обучения важнейшее значение придавалось импровизации. В теории воспитания игрой у Бардовского в 1920—1930-е гг., безусловно, присутствовал идеологический элемент: «Путешествие в Африку» призывало к большевизации африканского населения, «Бунт игрушек» строился как революция в мире игрушек,

---

[51] *Бардовский А. А.* Критический обзор методов изучения зрителя: доклад в Театральном разряде И.И.И. 23 ноября 1926 г. // РО ИРЛИ, ф. 49, оп. 1, ед. хр. 10, л. 3.

[52] *Бардовский А. А.* П. П. Гайдебуров и Н. Ф. Скарская. Творческий путь, характеристика и деятельность в Передвижном театре // РО ИРЛИ, ф. 49, оп. 1, ед. хр. 12.

[53] РГАЛИ, ф. 991, оп. 2, ед. хр. 1051—1053.

[54] *Бардовский А.* 1) Театрализация детских игр: Путешествие в Африку: игра в 3 ч. Л.; М.: Книжный угол, 1924; 2) Бунт игрушек. Л.: Начатки знаний, 1925; 3) Игры с детьми: сборник театрализованных массовых игр. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928; 4) Да здравствует Солнце! Л.: Прибой, 1929.

игра «Да здравствует солнце» была посвящена новому советскому быту, приучала к усвоению гигиенических навыков и пр. Эта игра проходила во дворе Туберкулезного диспансера, хотя указывалось, что действие происходит в Солнцеграде, утопическом коммунистическом городе, который сталкивается с ужасной атакой вредителей здоровья (их олицетворяют крыса, таракан, клоп, блоха, муха и мусор). Игровой процесс превращал зрителей в активных участников действия.

Сохранившиеся материалы Бардовского представляют безусловную ценность и позволяют добавить новые черты в изучение русской реальности послереволюционного времени. Очень хочется надеяться, что эти интереснейшие рукописи будут востребованы исследователями.

Библиографический список

1. *Бардовский А.* Бунт игрушек. Л.: Начатки знаний, 1925.
2. *Бардовский А.* Да здравствует Солнце! Л.: Прибой, 1929.
3. *Бардовский А.* Игры с детьми: сборник театрализованных массовых игр. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.
4. *Бардовский А.* Театрализация детских игр: Путешествие в Африку: игра в 3 ч. Л.; М.: Книжный угол, 1924.
5. *Бардовский А. А.* Театральный зритель на фронте в канун Октября. Л.: Русское театральное о-во, 1928 (то же в изд.: 1) Публика театра: социологические свидетельства 1890—1930-х годов. СПб.: Алтейя, 2010; 2) Публика театра в России: социологические свидетельства 1890—1930-х годов. СПб.: Алтейя, 2021).
6. *Моракс Р.* Телль: драма с хорами. 4 действия / перевод С., под ред. П. П. Гайдебурова. Пг.: [б. и.], 1920.
7. Павел Павлович Гайдебуров: Литературное наследие. Воспоминания. Статьи. Режиссерские экспликации. Выступления. М.: ВТО, 1977.
8. *Тичер Н.* Драматизация, как один из методов современной школы. СПб.: Синод. тип., 1911.
9. *Хватов А.* Бардовский Александр Александрович // ГБОУ «163 школа»: [сайт]. URL: http://sch163.acentr.gov.spb.ru/history/before/bardov.htm (дата обращения: 17.04.2024).

DOI: 10.31860/978-5-918680-445-126-170

М. Э. Баскина (Маликова), А. В. Волков

«УЖ ЛУЧШЕ ДИСТИЛЛИРОВАННАЯ ВОДА, РАЗ НЕТ КЛЮЧЕВОЙ, ЧЕМ РУССКИЙ КВАС»: А. Н. Егунов — редактор перевода «Пира» для тома «Избранных диалогов» Платона (1965)

Аннотация: Публикация материалов из недавно переданного в РО ИРЛИ архива филолога-классика А. Н. Егунова раскрывает драматический конфликт, лежавший в основании работы Егунова в последние годы его жизни в качестве редактора переводов и переводчика для издания «Избранные диалоги» Платона (М., 1965). Егунов участвовал еще в незаконченном собрании творений Платона, выходившем в «Academia» в 1922—1929 гг., после чего Платон 40 лет не появлялся на русском языке — издание 1965 года было первым после этого разрыва. В 1920-е Егунов перевел поздние, «старческие», «Законы» Платона, в предисловии к которым писал с нежностью о диалоге «Федр»: «...там собеседники, разувшись, идут в зной по руслу речки, сладко беседуя; все юно, безоблачно и солнечно <...>» — в 1960-е, сам уже будучи стариком, получил возможность перевести для тома «Избранных диалогов» «юного» «Федра», а также пересмотреть старые переводы диалогов Платона и отредактировать их, сделав внятными для современного отечественного читателя. Однако новая работа обернулась для него большим огорчением: «А когда книга переживет меня? — сокрушенно писал он С. В. Поляковой. — Вечное пятно...» Материалы архива Егунова, а также архива издательства «Художественная литература» в РГАЛИ позволяют увидеть драматический разрыв между соединявшим классическую образованность и мысль о современности подходом к переводу Платона Егунова (его, выходца из эпохи 1920-х годов, не затронули послевоенные погромные филологические кампании, так как он 25 лет был исключен из профессиональной жизни — находился в плену, на принудительных работах, в лагере), и доместицирующей, «оживляющей», вульгаризирующей практикой переводчиков и редакторов нового поколения, — их, по выражению Егунова, «модернизацией в сторону серости». В таком ключе была проведена правка редакторами издания егуновского перевода «Федра» (возражения переводчика практически не были учтены) и такой же характер имел сделанный С. К. Аптом, переводчиком нового поколения, перевод одного из важнейших диалогов Платона, «Пир». Егунов счел перевод Апта абсолютно неприемлемым, однако он, как известно, был опубликован и до сих пор является дефинитивным (с учетом лишь части замечаний Егунова). В приложениях к статье публикуются общие соображения Егунова о переводе «Пира» и его отзывы на старый перевод И. Д. Городецкого и новый С. К. Апта. Вступительная статья к публикации написана М. Э. Баскиной, примечания к публикационным приложениям составлены М. Э. Баскиной и А. В. Волковым.

Ключевые слова: А. Н. Егунов, русские переводы Платона.

© Баскина (Маликова) М. Э., Волков А. В., 2024

Abstract: The publication of materials from Andrey Egunov's archive recently given over to the Manuscript Division of the Pushkin House reveals the dramatic conflict underlying his work as editor of translations and translator for Plato's "Selected Dialogues" (Moscow, 1965). As a young man Egunov had participated in the unfinished Plato's "Collected Works" in the "Academia" publishing house (1922—1929), after which there had been no new relevant Russian editions of Plato for 40 years — the 1965 edition was the first to close the gap. In the 1920s Egunov had translated the late, "senile" "Laws" tenderly referring in his preface to them to "Phaedrus": "...there the companions are walking about in the heat, their shoes off, along the river bed, sweetly conversing; everything is young, cloudless and sunny...". In 1960s, himself already an old man, he got a chance to translate the "young" "Phaedrus" and also to review the earlier Russian translations of Plato's dialogues and to edit them for the use of contemporary Soviet reader. However, this work turned out a great disappointment: "What if the book outlives me? — he wrote disconcertingly to Sofia Polyakova. — An eternal stain...". Materials from Egunov's personal archive and from the archive of "Khudozhestvennaya literatura" publishing house (RGALI) allow to see the dramatic rupture between Egunov's approach to Plato translation that combined fundamental classical education with the acute feeling of modernity (Egunov, having spent 25 years in captivity and labor camp, avoided all the devastating Soviet campaigns and preserved professional ethos of the 1920s) and domesticating, vulgarizing practice of the new generation of postwar translators and editors — their, as Egunov had put it, tendency to "drab modernization". The editors had introduced uninvited corrections into Egunov's translation of "Phaedrus". Similar approach defined the new translation of one of Plato's key dialogues, "Symposium", by a translator of the new generation, Solomon Apt. Egunov considered Apt's version totally unacceptable, however, it was published and is still definitive (with only partial consideration of Egunov's corrections). We publish Egunov's general notes to the translation of "Symposium" and his reviews of its old Russian version by Ivan Gorodetsky and the new one by Solomon Apt. The publication is prepared and introduced by Maria Baskina, commentaries are composed by Maria Baskina and Alexander Volkov.

Keywords: Andrey Egunov, Russian translations of Plato.

Андрей Николаевич Егунов (1895—1968), в 1920-е — начале 1930-х годов — блестящий молодой античник, ученик С. А. Жебелева, оставленный при университете для подготовки к профессорскому званию, автор до сих пор дефинитивного перевода «Законов» Платона[1] и выполненных вместе с друзьями по кружку АБДЕМ[2] новаторских переводов позднегреческого романа[3], поэт и прозаик (литературный

[1] Полн. собр. творений Платона: в 15 т. / новый пер. под ред. С. А. Жебелева, Л. П. Карсавина, Э. Л. Радлова. Пб.: Academia. 1923. Т. 13, 14.

[2] См.: *Бударагина О. В.* К истории АБДЕМ (по материалам петербургских архивов) // Philologica classica. 2019. Т. 14. № 12. С. 299—309.

[3] *Ахилл Татий Александрийский.* Левкиппа и Клитофонт / пер. А.Б.Д.Е.М. под ред. Б. Л. Богаевского; со вступ. ст. А. В. Болдырева. М.: Гос. изд-во, 1925 (сер. «Всемирная литература»); *Гелиодор.* Эфиопика / вступ. ст., ред. пер. и прим. А. Егунова. М.; Л.: Academia, 1932 (переизд. в 1965 г.).

псевдоним Андрей Николев), близкий к кругу Михаила Кузмина[4], — в течение более четверти века, начиная с первого ареста, в начале 1933 года, с небольшими перерывами находился в неволе (в ссылке, в плену, на принудительных работах, в лагере), не имел возможности заниматься научной работой, не смог опубликовать ни строчки и, как он сам говорил, превысил сроки странствий, которые судьба уготовила гомеровскому Одиссею[5]. Освободившись в 1956 году из лагеря, Егунов вернулся в Ленинград и был вынужден на седьмом десятке лет поступить на службу в Пушкинский Дом в Сектор взаимосвязей русской и зарубежных литератур, где проработал до 1963 года, пока набрался необходимый для пенсии стаж[6]. В Пушкинском Доме и особенно в самые последние годы жизни, после выхода на пенсию, Егунов вернулся к занятиям классической филологией. В начале 1960-х он переработал для переиздания в серии «Библиотека античной литературы» издательства «Художественная литература» абдемовский перевод Гелиодора 1932 года, снабдив его новой вступительной статьей[7], сотрудничал с С. В. Поляковой как переводчик и редактор переводов позднегреческой прозы[8] и работал над монографией «Греческий роман в русских переводах XVIII века» — как он писал Поляковой, «[п]рощаясь с греч<еским> романом (это входит в прощание с миром) <...>»[9].

В 1964 году Егунов был приглашен редактором издательства «Художественная литература» С. А. Ошеровым в качестве редактора переводов для тома «Избранных диалогов» Платона (М.: Художествен-

---

[4] Творчество Егунова-писателя достаточно известно, см. основные комментированные издания: *Андрей Николев* (*Андрей Н. Егунов*). Собрание произведений / под ред. Глеба Морева и Валерия Сомсикова. Wien: Gesellschaft zur Förderung Slawistischer Studien, 1993 (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 35); *Маурицио М.* «Беспредметная юность» А. Н. Егунова: текст и контекст. М.: Изд-во Кулагиной, 2008; *Николев А.* По ту сторону Тулы: советская пастораль / статья Д. М. Бреслера и К. Е. Константиновой; комм. А. А. Агапова, Д. М. Бреслера и К. Е. Константиновой. М.: Носорог, 2022.

[5] Цит. по: *Сомсиков В. И.* Жизненный и творческий путь А. Н. Егунова // Греко-латинский Кабинет. 1997. Вып. 2. С. 75.

[6] Подробнее о пушкинодомском периоде и трудах Егунова см. в нашей заметке «"...словно ты выходец с того света, или, напротив, заживо странствуешь по елисейским краям": Андрей Николаевич Егунов как филолог после 1956 года» в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2023 год» (СПб.: Полиграф, 2023. С. 298—378).

[7] *Гелиодор.* Эфиопика / ред. пер., вступ. ст. и комм. А. Егунова. М.: Худож. лит., 1965.

[8] См.: Поздняя греческая проза / пер. с др.-греч.; сост., вступ. ст. и прим. С. Поляковой. М.: Гослитиздат, 1961; Византийская любовная проза: *Аристенет.* Любовные письма; *Евматий Макремволит.* Повесть об Исминии и Исмине / пер., вступ. ст. и комм. С. В. Поляковой. М.; Л.: Наука, 1965 (Лит. памятники); Византийские легенды / изд. подг. С. В. Полякова. Л.: Наука, 1972 (Лит. памятники).

[9] Открытка Егунова Поляковой от 10 июня 1968 г. // Архив Поляковой в РО ИРЛИ (фонд проходит научно-техническую обработку).

ная литература, 1965), а также сам перевел для него диалог «Федр»[10]. В двадцатые, переводя для «Academia» поздние, «старческие», «Законы» Платона, Егунов писал с нежностью о диалоге «Федр»: «...там собеседники, разувшись, идут в зной по руслу речки, сладко беседуя; всё юно, безоблачно и солнечно <...>»[11], — теперь, в середине 1960-х, уже стариком (на сохранившемся в архиве листке, датированном 28 июля 1964 года, Егунов выписал из Псалма 89: «Дней лет наших 70 лет, а при большей крепости 80 лет, и самая лучшая пора их — труд и болезнь, ибо проходят быстро, и мы летим»), он получил возможность взяться за «юного» «Федра»[12]. Работа над «Избранными диалогами», однако, оказалась большим огорчением: «А когда книга переживет меня? — сокрушенно писал он Поляковой. — Вечное пятно...» (письмо от 3 марта 1966 г.)[13]. Попробуем прояснить, опираясь на заметки, сохранившиеся в архиве Егунова, а также на относящиеся к этому изданию материалы в архиве издательства «Художественная литература»[14], основания конфликта между Егуновым и издательством[15].

---

[10] В последние годы жизни Егунов также работал над переводом «Государства», который увидел свет уже после смерти переводчика (*Платон*. Сочинения: в 3 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1971. Т. 3).

[11] *Егунов А.* Введение // Полн. собр. творений Платона: в 15 т. Пб.: Academia, 1923. Т. 13: Законы. Кн. 1—6. С. 5.

[12] Ср.: Выбранные места из переписки друзей-филологов: А. И. Доватур — А. Н. Егунов — Я. М. Боровский / публ. и прим. А. К. Гаврилова и В. В. Зельченко // Древний мир и мы: классическое наследие в Европе и России. Пб.: Bibliotheca Classica Petropolitana; «Алетейя», 2000. Вып. II. С. 182, 186.

[13] Архив Поляковой.

[14] Архив Егунова в 2024 г. передан РО ИРЛИ и проходит научно-техническую обработку, далее ссылки на материалы из него даются сокращенно: Архив Егунова. Мы работали с этими материалами, когда они находились в семье потомков В. И. Сомсикова, ближайшего друга Егунова последних лет его жизни, и искренне признательны И. В. и В. В. Сомсиковым за разрешение подготовить настоящую публикацию. Относящиеся к этому изданию материалы отложились также в архиве издательства «Художественная литература» (РГАЛИ. Ф. 613, оп. 10, ед. хр. 5016, 5017, 5200—5204). Пока готовилась настоящая публикация, связанные с изданием Платона материалы из архива Егунова были опубликованы в журнале «Платоновские исследования» группой исследователей-философов из Балтийского федерального университета имени Канта, см. особ.: *Светлов Р. В.* А. Н. Егунов о переводе платоновского диалога «Пир» // Платоновские исследования. 2023. № 19 (2). С. 242—263 и коллективную монографию: Андрей Николаевич Егунов: рукописное наследие (ученый и переводчик в интеллектуальной истории России). Калининград: изд-во БФУ им. И. Канта, 2023. Однако мы сочли возможным предложить их для издания в «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома», в котором теперь хранится архив Егунова, снабдив не философским, как в указанных публикациях, а филологическим публикаторским аппаратом и дополнив материалами из РГАЛИ.

[15] Авторы благодарят Е. В. Желтову и М. Ю. Кореневу за консультации в области древнегреческого и немецкого языков.

Однотомник Платона в издании «Художественной литературы» не принадлежит к традиции филологических изданий античной классики: он был составлен редактором издания В. Ф. Асмусом из диалогов, признанных «произведениями античной *художественной* литературы. В однотомнике представлен Платон-поэт, Платон-художник»[16]. Егунов отчетливо осознавал научно-популярную ориентацию издания на широкого читателя, которому «подлинник недоступен <...> и который впервые знакомится с Платоном»[17]:

> По характеру издательства («Художественная литература») и из подбора диалогов видно, что Платон включается в нашу серию как поэт, писатель, «беллетрист» (если отважиться применить опошленное слово). В «Протагоре» и «Пире» — картины афинского быта, в «Ионе» и «Федре» — вопросы поэтики, эстетики, в «Пире» — «платоническая любовь» (хотелось бы видеть там и небольшой по объему диалог «Алкивиад первый»[18]), в «Апологии», «Критоне», «Федоне» — своего рода «роман о гибели Сократа». Чисто умозрительным диалогам, как, например, «Филеб», «Феэтет»[19] и другие, не место в этом однотомнике, тем более что идеологически Платон, как известно, «наш враг, идеалист», хотя и тут не все так просто <...>[20].

Проблема этого популярного «художественного» издания Платона заключалась в том, что оно не имело опоры в собственно научных современных изданиях Платона, а было первым после долгого перерыва: как отметил Егунов, Платон «40 лет не появлялся на русском языке (за исключением диалога “Теэтет” в переводе В. Сережникова, 1936 года)»[21], то есть со времен незаконченного 15-томника «Academia» 1922—1929 годов, в котором Егунов также принимал участие.

---

[16] *Асмус В. Ф.* Платон — философ-художник античного мира // *Платон.* Избранные диалоги / сост., вступ. статья и комм. В. Асмуса; ред. переводов А. Егунов. М.: Худож. лит., 1965. С. 10, курсив Асмуса. Вероятно, это издание служило пробным шаром для уже готовившегося трехтомного «Собрания сочинений» Платона под редакцией В. Ф. Асмуса и А. Ф. Лосева (М.: Мысль, 1968—1971), до выхода которого Егунов не дожил.

[17] *Егунов А. Н.* «Пир» Платона в переводе С. Апта // Архив Егунова.

[18] Это предложение Егунова учтено не было.

[19] В других местах Егунов дает более укоренившуюся в русской традиции транслитерацию заглавия этого диалога — «Теэтет» («Θεαίτητος»).

[20] *Егунов А. Н.* Заметки по поводу «Протагора» в переводе Вл. Соловьева // Архив Егунова. Заметки Егунова к «Протагору» в переводе Вл. Соловьева опубл. в качестве приложения к статье: *Светлов Р.*, *Минак В.* А. Н. Егунов как переводчик Платона // Платоновские исследования. 2022. Вып. 17 (2). С. 207—217. Мы здесь и далее цитируем их по архивному источнику. См. также дополнительные соображения об этом переводе в письме Егунова к Ошерову от 31 мая 1964 г. (РГАЛИ. Ф. 613, оп. 10, ед. хр. 5016, л. 25—44).

[21] *Егунов А. Н.* «Пир» Платона в переводе С. Апта // Архив Егунова. Имеется в виду издание: *Платон.* Теэтет / пер. с греч. и прим. В. Сережникова. М.; Л.: Соцэкгиз, 1936 (сер. «Классики философии»).

Поэтому для «Избранных диалогов» необходимо было, исходя из некоего еще не сформулированного собственно в научных изданиях представления о современных требованиях к переводу Платона, сделать отбор старых переводов, подвергнув их актуальной редакторской обработке, и изготовить новые, — для решения этой задачи был приглашен Егунов (сделанный им выбор и основные редакторские решения воспроизводились в последующих, уже более научных русских изданиях Платона).

Однако в предисловии Асмуса и его комментариях нет ни слова об актуальных причинах и принципах предпринятого пере-перевода, редактирования старых переводов, месте нового издания в ряду русских изданий Платона, как это было принято во всех предшествовавших изданиях. Более того, об этом ничего не говорится и в следующем, научном, издании «Мысли» (в нем лишь сообщается, в разделе примечаний, какой из старых переводов использован и кем он «заново сверен» и «отредактирован», однако принципы перевода и редактирования не разъяснены). «Избранные диалоги» и последующие советские издания Платона представляют собой симптом разрыва традиции переводов античной классики — отказа от безусловной филологической и стилистической точности, которую теперь именовали «буквализмом», от историко-культурной контекстуализации новых переводов, от эксплицитной переводческой рефлексии, вообще от актуализации нового издания. Егунов же, участвовавший еще в издании «Academia», противостоял этому разрыву как живой носитель филологической традиции — неудивительно, что его участие в томе «Избранных диалогов» оказалось драматическим, что можно увидеть не собственно при чтении книги, а только обратившись к архивным материалам.

Работа Егунова над «Избранными диалогами» Платона началась весной 1964 года, когда в той же научно-популярной серии издательства «Художественная литература» «Библиотека античной литературы» готовилось переиздание абдемовского перевода «Эфиопики» Гелиодора с новым предисловием, написанным Егуновым совсем иначе, чем статья в первом издании («Academia», 1932): в позднем паратексте нет той широкой сравнительно-культурной перспективы взгляда, которая определяет раннюю работу, как и ее прихотливого и нежного, «кузминского», стиля. В ранней статье Егунов обращается к читателю, с которым у него общий культурный язык (оперирует, где это кстати, цитатами из Стендаля, Теофиля Готье и Гете; дает интересные сравнительные очерки разных мотивов, приемов и образов в греческом романе, в европейской культуре Нового времени и в классической русской литературе (образы эфиопа, природы, острова, эротики, прием травестии классической литературы через использование литературных клише и др.); приводит параллели из области театра и изобразительного искусства). Тогда как поздняя статья обращена к читателю гораздо менее просвещенному, которому необходимо сообщить, что

такое «софистика» и позднегреческая проза, популярно пересказать содержание романа Гелиодора, снабдив его реальным комментарием, подчеркивая прежде всего познавательную и культурно-историческую ценность памятника. В соответствующем сокращении и модификации статьи свою роль сыграл редактор издательства С. А. Ошеров, — Егунов, однако, был вполне доволен сотрудничеством и охотно согласился на предложение Ошерова участвовать в качестве редактора переводов в другом, также ориентированном на широкого читателя издании, однотомнике Платона, который для издательства уже составил, снабдив вступительной статьей и комментариями, В. Ф. Асмус[22]. Асмус предложил следующий состав: «Пир» в переводе С. А. Жебелева; «Апология Сократа» (М. С. Соловьев), «Федон» (Д. П. Лебедев), «Федр» (С. А. Жебелев), «Протагор» (Вл. С. Соловьев), «Ион» (Вл. С. Соловьев), — т. е. использовал в основном переводы Жебелева из издания «Academia» (только «Федона» почему то выбрал в старом переводе Лебедева 1896 года) и братьев Соловьевых из незаконченного издания «Творений Платона» под редакцией Вл. Соловьева (из планировавшихся семи томов этого издания вышли только два: первый в 1899 году, второй, подготовленный к печати после смерти Вл. Соловьева князем С. Н. Трубецким, — в 1903-м). Отвечая на предложение издательства выдвинуть кого-то из новых переводчиков, Асмус назвал Е. В. Пастернак (особенно отметив, что она родня Г. Г. Шпету), участвовавшую в переводе «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха[23]. Кроме того, на стадии обсуждения состава в том были включены диалоги «Критон» и «Ион», вероятно, в переводах из издания Вл. Соловьева.

Под влиянием Егунова переводческий облик книги решительным образом изменился: были исключены все переводы Жебелева, заново отредактированы переводы братьев Соловьевых и изготовлено несколько новых переводов.

Переводы Жебелева, университетского наставника Егунова, представлялись ему неудовлетворительными: взятые «под филологическую лупу» переводы этого «крупного ученого и прекрасного человека, о котором я сохраню благоговейную память», страдают многочисленными недостатками, «С. А. Жебелев, занимаясь вспомогательными к истории дисциплинами, был чужд вопросам литературного перевода»[24]. Таким образом возникла необходимость подыскать другие пере-

[22] См. письмо Егунова Ошерову от 20 июля 1964 г. // РГАЛИ. Ф. 613, оп. 10, ед. хр. 5017, л. 79.

[23] Письмо Асмуса Ошерову от 11 сент. 1963 г. // Там же, ед. хр. 5016, л. 53.

[24] *Егунов А. Н.* <Заметки к переводу «Пира» И. Д. Городецким> // Архив Егунова. Видимо, такое отношение к переводам Жебелева было распространенным среди переводчиков следующего поколения: их редко включали в последующие советские издания, а сделанный Жебелевым в 1924 г. перевод «Государства», оставшийся в рукописи (соответствующий, десятый, том издания «Academia» не

воды «Пира» и «Федра»: «Федра» Егунов перевел сам, что же касается важнейшего диалога, «Пир», то Егунов рассмотрел старый перевод И. Д. Городецкого (1908), который с первых же строк вызвал «мрачные сомнения»: оказался «пошлым и развязным»[25] и потребовал бы столь обширной правки, что от него практически ничего не осталось (отзыв Егунова на перевод Городецкого см. в Приложении 1 к наст. статье), — и предложил поручить новый перевод «кому-нибудь из младшего поколения, чтобы в однотомнике Платона фигурировали бы на паритетных началах и старики и молодежь — это показало бы, что Платон — дело не только “ископаемых”»[26]. В помощь будущему переводчику Егунов сформулировал некоторые общие принципы передачи «Пира» на современный русский язык (см. Приложение 2) и сделал наметки перевода наиболее сложных его фрагментов, «Аполлодор и его друг» и «Речь Павсания»[27]. Он не возражал против предложенной издательством кандидатуры молодого, но уже известного переводчика С. К. Апта, хотя сам, видимо, ценил его не особенно высоко[28]. Также по предложению Егунова новый перевод «Федона» был заказан С. П. Маркишу, а соловьевский перевод «Иона» был заменен «хронологически ближайшим к нам, добросовестным переводом»

вышел), по впечатлению редактировавшего его А. А. Франковского, «никуда не годится»: по мере проверки в нем выявлялось «все больше и больше его (Жебелева. — *М. Б.*) небрежностей и неграмотностей» и «спорных вопросов» (Записи в дневнике А. А. Кроленко от 25 авг., 1 сент. и 10 окт. 1924 г. // ОР РНБ, ф. 1120, ед. хр. 266, л. 77, 79, 91 об.). Правленая машинопись жебелевского перевода «Государства» (кн. 1) сохранилась в архиве А. А. Франковского (РО ИРЛИ, ф. 132).

[25] *Егунов А. Н.* <Заметки к переводу «Пира» И. Д. Городецким>. Егунов также, как он сообщает, сравнил все другие имеющиеся русские версии этого диалога, «т. е. переводы Карпова, Аркадия Пресса, Жебелева и даже самый первый, любопытный анонимный русский перевод (с французского) в журнале “Утренний Свет”, ч. V. СПб., 1779 (имеется в виду перевод Н. И. Новикова. — *М. Б.*)», и все они оказались «не лучше» (Там же).

[26] Там же.

[27] См.: Андрей Николаевич Егунов: рукописное наследие. С. 54—60.

[28] Егунова, как следует из его заметок, равно не удовлетворяли переводы Аптом прозы Т. Манна, стихотворений Катулла, комедии Менандра, и он даже сочинил пародию «Мировые классики в переводе С. Апта», представив, как тот мог бы перевести монолог Гамлета: «В башке втемяшился вопрос мне интересный / О бытности, что, может быть, грошей / И ломаных она не стоит. Да» и фрагмент из «Дон Кихота»: «Что касается Санчо, так этот последний, скинувши с себя какую-нибудь сорочку, уже безусловно имел в виду приступить к обещанному бичеванию себя. Но Дон Кихот не без основания зная, что Санчо вообще предпочитает бить баклуши, съев уже с измальства на пронырстве собаку, и поэтому, чтобы тот и сейчас не навострил какую-либо лыжу, наставительно заметил ему во всю ивановскую: “Любишь кататься, как сыр в масле, любезнейший мой оруженосец, так люби и саночки возить!” — что было исключительно кстати на почве наблюдавшегося в тот момент явления, что Санчо бичевать-то себя бичует обломленной ветвию тамариска, да только делает это совсем уж спустя рукава» (Архив Егунова).

близкого товарища Егунова Я. М. Боровского[29], впервые опубликованным в издании «Academia», — «Художественной литературе» он был представлен в обновленном виде, с редакторской правкой Егунова, произведенной «в дружеской беседе» с переводчиком[30].

Одновременно Егунов занимался редактированием перевода «Протагора» Вл. Соловьевым, а также «Апологии Сократа» М. Соловьевым[31]. Платоновские переводы и, прежде всего, оригинальные сочинения Вл. Соловьева, как и учеба у Жебелева и участие в издании «Academia», были для Егунова лично значимы: «В Вашем предложении заняться Платоном, — писал он Ошерову, — я усматриваю некий “перст судьбы”: кончить тем, с чего я начинал. В свое время (теперь уже очень далекое) Ваш тезка — Сергей Александрович (Жебелев) — предложил кончающему студенту такую тему для “зачетного сочинения” (термин того времени, нечто вроде дипломной работы): “Религия в государстве Платона”. За эту работу (она, к счастью, не сохранилась) я был оставлен тогда при Университете. В связи с этой же темой несколько лет спустя возник и мой перевод “Законов”, к которому я теперь во многом отношусь критически. Для молодежи той эпохи Владимир Соловьев не был пустым понятием — он много значил и для моего незрелого “зачетного сочинения”. И вот теперь, совершенно неожиданно для меня (“на склоне дней”), все эти линии вновь сошлись воедино»[32].

Однако со своей теперешней точки зрения Егунов — хотя и установил переводы братьев Соловьевых как тот уровень, к которому следует подверстывать другие переводы, — сверяя с подлинником, отнесся к ним критически и подверг редакторской «ретушировке». «...“amicus Владимир Соловьев, sed magis amicus Plato”, или, выражаясь уже не по Аристотелю, а по-современному, судить надо “не взирая на лица”», — писал он Ошерову:

> Лишнее напоминать, что весьма уязвимыми переводчиками бывали выдающиеся поэты и ученые: Фет с его топорными римскими поэтами, <...> Зелинский с его безвкусными «балладами» Овидия и тот же С. А. Жебелев с его Платоном. Перевод Вл. Соловьева ни в какой мере не отвечает значительности его оригинальных трудов, хотя и верен узко-филологически[33].

---

[29] Письмо Егунова Ошерову от 31 мая 1964 г. // РГАЛИ. Ф. 613, оп. 10, ед. хр. 5016, л. 44.

[30] Там же, ед. хр. 5017, л. 78.

[31] Диалог «Критон» также включен в том «Избранных диалогов» в переводе М. С. Соловьева в редакции Егунова, однако материалов, отражающих ход работы над редактированием этого текста, в просмотренных нами архивных материалах не обнаружилось.

[32] Письмо Егунова Ошерову от 31 мая 1964 г. // РГАЛИ. Ф. 613, оп. 10, ед. хр. 5016, л. 24.

[33] Там же, л. 24—25.

Установка Вл. Соловьева на филологическую точность, вообще безусловно верная, по мнению Егунова, породила в «Протагоре» «тон перевода», который «не соответствует подлиннику»[34]: буквальная передача некоторых греческих слов и оборотов обернулась вульгарной речью, характерной для необразованных людей, получились «ложные социальные эффекты». Сниженный тон определяет весь перевод «Протагора», в котором Вл. Соловьев удивительным образом «совершенно отказался от языка своих философских сочинений и своих стихов»[35]. Правка Егунова была направлена на приведение перевода Соловьева к «дистиллированной» языковой норме современного русского образованного общества:

> Обоснованием служит то, что язык Платона — это язык образованного афинского общества, тем более в таком диалоге как «Протагор», где выведен «цвет интеллигенции» — сам Протагор, Гиппий, Продик и др. Нет никаких причин передавать Платона языком необразованных кругов русского населения и тем самым внушать читателю ложное представление о греках. В Афинах, правда, не было такого разрыва между речью простолюдинов и речью образованных людей, как это исторически получилось на Руси. Разные греческие ἴθι, φέρε, ἔφη, οὖν и т. п. свойственны вообще греческому языку и не являются средством социальной характеристики. При «верной» (по словарю) их передаче по-русски получается, как это наблюдается в переводе Вл. Соловьева, сильнейший социальный оттенок: афиняне разговаривают между собой очень уж «по-русски», как на базаре или как школьники или купцы. Следовательно, все, что при буквальном переводе с греческого на русский дает ложные социальные эффекты, подлежит вычеркиванию хотя бы и без замены, так как заменить их нечем. Правда, при этом теряется живость слога, получается несколько «оголенный» язык, но из двух зол это меньшее: уж лучше дистиллированная вода, раз нет ключевой, чем русский квас.
>
> Кроме того, этот тон и сам по себе фальшив, потому что не подтверждается русским культурно-историческим прошлым: если на Руси встречались философствующие простолюдины, то они, когда «мудрствовали», прибегали по мере сил к церковнославянским выражениям (ср. Григорий Сковорода). Так что Вл. Соловьев переводит Платона на небывалый на Руси язык, которого в таком виде не могло быть и во времена Вл. Соловьева и которого нет и сейчас <...>. В неверном по тону переводе Соловьева получается комический контраст философского содержания и его стилистического воплощения[36].

На этом фоне правка «Апологии» в переводе М. Соловьева оказалась проще, поскольку, как отметил Егунов, в «Протагоре» и «Апологии» Сократ говорит не совсем одинаковым языком: «В изысканном обществе софистов Сократ не позволяет себе “площадных” выраже-

[34] *Егунов А. Н.* Заметки по поводу «Протагора» в переводе Вл. Соловьева.
[35] Там же.
[36] Там же.

ний (потому-то пришлось подвергнуть немилосердной правке перевод Вл. Соловьева), напротив, на суде перед смешанной афинской публикой Сократ прямо заявляет, извиняясь, что он будет говорить так, как он привык общаться с людьми на агоре, у меняльных лавок и т. д.»[37]. В целом перевод М. Соловьева выполнен «добротным русским языком», «читатель нигде не чувствует неудобств», однако при сравнении с подлинником в нем обнаруживаются «прямо ошибки и, что еще неприятнее, — обход трудностей. <...> Мих. Соловьев склонен к уклончивости, к пересказу “своими словами”», — соответственно, задача редактора заключалась в «приближении к подлиннику, насколько только возможно»[38], причем к подлиннику стилистически сравнительно простому, сниженному.

Размышляя над старыми переводами Платона, Егунов тогда же, осенью 1964 года, получил для редактирования новый перевод «Пира», выполненный Аптом, который его неприятно поразил: Егунов разобрал перевод более чем на 20 машинописных страницах (см. Приложение 3), резюмировав, что он «неверно передает общий тон и характер диалога “Пир”, искажает слог и язык автора и поэтому должен быть признан совершенно неудовлетворительным»[39]. Однако, как известно, именно перевод Апта (с частичным учетом правки Егунова) был опубликован и стал дефинитивным.

Наконец, одновременно с редактированием чужих переводов Егунов сам готовил для нового издания диалог «Федр» («Файдр», в его транслитерации). Как свидетельствуют архивные материалы, этот перевод послужил причиной острого конфликта Егунова с издательством и вышел в искаженном виде: он был подвергнут Ошеровым ошибочной, по убеждению Егунова, правке, с которой Егунов получил возможность ознакомиться только на стадии верстки. Егунов обратился с претензией в главную редакцию издательства и вынудил Ошерова вернуть верстку, уже находившуюся на стадии производства, однако тот, проконсультировавшись, как он сообщил, с членом редколлегии «Библиотеки античной литературы» профессором М. Е. Грабарь-Пассек и автором научного аппарата к изданию Асмусом, учел лишь ничтожную часть поправок Егунова и вообще объявил его перевод «крайне буквалистическим», о работе Егунова как редактора переводов Ошеров также отозвался, что она «отличалась исключительной филологической точностью, но в то же время вносила в переводы большую долю буквализма» и поэтому потребовала от издательского

[37] Письмо Егунова Ошерову от 31 мая 1964 г. // РГАЛИ. Ф. 613, оп. 10, ед. хр. 5016, л. 43.

[38] *Егунов А. Н.* Заметки к переводу «Апологии Сократа» // Архив Егунова (в архиве издательства «Художественная литература» сохранился фрагмент этого текста, отсутствующий в варианте из архива Егунова, см.: РГАЛИ. Ф. 613, оп. 10, ед. хр. 5016, л. 43—44).

[39] *Егунов А. Н.* «Пир» Платона в переводе С. Апта.

редактора «большой работы над стилем»[40]. Егунову оставалось только по уже вышедшей в свет книге составить целый список ошибок, внесенных редакторами в его перевод «Федра» (см. подробнее в конце наст. статьи).

Таким образом, том «Избранных диалогов», незаметно для читателя, отражает драматическое противоречие между, во-первых, старыми переводами из издания под редакцией Вл. Соловьева, редакторски актуализированными Егуновым, во-вторых, переводами «Федра» и «Иона», которые сделаны Егуновым и Боровским, начинавшими еще в издании «Academia» и при этом живыми и действующими в 1960-е переводчиками, — эти переводы были напечатаны с несогласованной с переводчиками и ошибочной с их точки зрения правкой редакторов современного издания, и, в-третьих, «Пиром» в «совершенно неудовлетворительном», по убеждению Егунова, переводе Апта — внесенную в него правку Егунова издательство сочло «буквалистической» и в основном отвергло.

Если редактор издания Асмус не ставит «Избранные диалоги» в контекст «русского Платона», то заметки Егунова позволяют понять, в чем, с его точки зрения, состояла актуальность пере-перевода и какое место занимало новое издание в непрерывном для него — в отличие от нового поколения переводчиков и редакторов — ряду русских изданий Платона.

Как уже говорилось, Егунов отказался от переводов Жебелева как неудовлетворительных стилистически, а переводы Соловьева подверг критическому пересмотру и редактированию. Это никак не свидетельствует о «борьбе» с принципами предшествующих изданий, как было принято описывать смену переводческих подходов в советском

---

[40] Редакторское заключение Ошерова на книгу Платона «Избранные диалоги», 24 мая 1965 г. // РГАЛИ. Ф. 613, оп. 10, ед. хр. 5016, л. 3; см. также письмо Егунову заместителя главного редактора издательства «Художественная литература», б. д. // Там же, л. 10—12; письмо Егунова Ошерову от 22 сент. 1965 г. и недатированный ответ последнего // Там же, ед. хр. 5017, л. 2—3.

Боровский также «справедливо вознегодовал» на внесенную в его перевод «Иона» издательскую правку и собирался обратиться «с “протестом” к директору издательства» (письмо Егунова Поляковой от 21 янв. 1966 г. // Архив Поляковой). Егунов и Боровский утешались тем, что переиздание их переводов в составе трехтомного «Собрания сочинений» Платона в издательстве «Мысль» будет более корректным. Что касается егуновского «Федра», то в издании «Мысли» часть замечаний Егунова была учтена, но при этом перевод был, как указано, «заново сверен А. А. Столяровым» и подвергся другой, довольно обширной, правке, вероятно не согласованной с переводчиком.

В архиве Егунова сохранился также рукописный листок, содержащий исправления в перевод Маркишем диалога «Горгий» для собрания сочинений Платона в издательстве «Мысль» — исправления эти имеют стилистический характер (Егунов отметил такие вульгаризирующие и неуместно русифицирующие текст обороты, как «ясное дело», «а сам-то ты кто?», «вскорости», «нынче», «дескать», «ежели», «на телегу взвалил» и др.) и в основном учтены не были.

переводоведении, а, напротив, говорит о преемственности. Редакторы издания Платона в «Academia» С. А. Жебелев и С. Э. Радлов в предисловии к первому тому объявили образцом для себя издание Вл. Соловьева — переводчика, «конгениального» Платону. Если бы труд Соловьева был завершен, писали они, новое издание не понадобилось бы[41]. Иными словами, издание «Academia» в большой степени представляло собой попытку продолжить издание Вл. Соловьева в его же духе.

Соловьев дал афористическую формулировку «среднего» пути в переводах Платона, которую цитируют как полностью ими разделяемую Жебелев и Радлов: переводчик должен «себя оплатонить, а Платона обрусить», пройти между «Сциллой неуместного сочинительства» и «Харибдой мертвого буквализма»[42]:

> Буквальность есть во всяком случае основа верного перевода, и отступать от нее позволительно только на достаточных основаниях. <...> Стремление к буквальности, или страх отступить от текста, есть, как и «страх Божий», непременное «начало премудрости» для благочестивого переводчика, — *конец* же этим не исчерпывается. Тут возникает новое, более сложное и тонкое требование: овладевши мыслию подлинника во всей полноте и точности ее выражения, нужно во всяком случае, представляющем какое-нибудь затруднение для буквальной передачи, ставить себе вопрос: *как* данный автор — скажем Платон — с особенностями своего духа, характера, стиля, образа мыслей, насколько все это нам исторически известно, — если б он знал по-русски и ему пришлось бы писать на этом языке, как выразил бы он на нем эту свою мысль с этими ее оттенками? Серьезная постановка этого вопроса и добросовестные усилия его практически решить, — т. е. усилия переводчика себя оплатонить, а Платона обрусить — или другими словами, входя в дух греческого автора, заставлять вместе с тем и его входить в дух русского языка — вот чем определяется настоящий путь хорошего, т. е. действительно точного и верного перевода. В нем должны нераздельно присутствовать явные признаки его двойного происхождения, из двух живых источников — греческой и русской речи[43].

---

[41] *Жебелев С. А., Радлов С. Э.* Предисловие // Полн. собр. творений Платона: в 15 т. Пб.: Academia, 1923. Т. 1; *Трубецкой С. Н., кн.* Предисловие // Творения Платона / пер. с греч. Владимира Соловьева, М. С. Соловьева и кн. С. Н. Трубецкого. М.: К. Т. Солдатенков, 1903. Т. 2. С. IV.

[42] *Соловьев Вл.* Предисловие // Творения Платона / пер. с греч. Вл. Соловьева. М.: К. Т. Солдатенков, 1899. Т. 1. С. X—XI. Соловьев также нашел остроумный русский перевод известной итальянской поговорки «traduttore traditore»: «Переводчик, желающий верно *передать*, а не *предать* своего автора <...>» (Там же. С. X, курсив Соловьева).

[43] Там же. С. X—XI, курсив Вл. Соловьева. Жебелев и Радлов повторяют слова Соловьева с оговорками, учитывающими проблему непереводимости: переводчик должен стремиться передать «хотя бы отчасти, по мере сил и умения, внешнюю форму изложения Платона. Самое же главное, при всяком переводе, стремление должно состоять в том, чтобы он был верен», т. е. должен быть «точен, но не бук-

Потребность в пере-переводе, при общности базовых переводческих принципов, то есть, говоря языком старых русских переводчиков Платона, его «оживотворения»[44], возникает потому, что совершенствуются филологические представления о Платоне, эволюционирует русский язык (к современному состоянию которого необходимо приноравливать язык нового перевода) и, прежде всего, возникает актуальный момент прочитываемости Платона в принимающей культуре. Вл. Соловьев объяснял необходимость нового обращения к переводу Платона ростом философского образования в русском обществе: «...народился, вне профессиональной ученой среды, хотя не очень обшир-

вален, сохранять, по возможности, стиль подлинника, но не грешить против стиля русской речи» (*Жебелев С. А., Радлов Э. Л.* Предисловие. С. 6—7). Снятие противопоставления доместицирующего и форенизирующего подходов вообще характерно для всех предшествовавших, безусловно «добросовестных», по оценке Жебелева и Радлова (Там же. С. 1—2), попыток полного перевода сочинений Платона (И. Сидоровским и М. Пахомовым (1780—1785), В. Н. Карповым (1841—1879) и Вл. Соловьевым), метапереводческие экспликации из этих изданий редакторы «академического» издания также сочувственно цитируют в своем предисловии. Переводчики 1780-х годов сообщали: «Паче же всего прилагали мы крайнее тщание изобразить, коль можно точнее и вернее мысли писателевы, да и изъяснить оные тамо, где могла приметиться некая в них неясность: но при всем том ни мало не устранялись от подлинника» ([*Сидоровский И., Пахомов М.*] Предуведомление от переводивших // Творений велемудраго Платона часть первая, переложенная с греческаго языка на российский свящ. Иоанном Сидоровским и коллежским регистратором Матфием Пахомовым, находящимся при Обществе благородных девиц. СПб.: при Имп. Акад. Наук, 1780. С. XIII—XIV). В. Н. Карпов формулировал свой подход через отталкивание как от подстрочных, с параллельным оригинальным текстом, переводов греческих классиков И. И. Мартыновым (опубл. в 1823—1829 гг.), который «не считает нужным заботиться о чистоте и плавности того языка, на который книга переводится», так и от французского перифрастического переложения Виктора Кузена (1820—1827), который «нисколько не останавливается на особенностях и частных оттенках переводимой мысли»: такие переводы «не достигают своей цели — не усвояют народу образцовых произведений древности. Переводы буквальные почти всегда — мертвый капитал литературы, а перифрастические — почти вовсе бесполезны для читателей». Формулировка Карповым оснований «истинно хорошего перевода» — это тот же «средний» путь, что у Вл. Соловьева и других: в таком переводе должна быть «1) выражена мысль писателя, если можно, со всеми её оттенками, 2) сохранена чистота и естественность современной фразы на том языке, на который сочинение переводится» (*Карпов В. Н.* Предисловие (к первому изданию) // Сочинения Платона: в 6 т. / пер. В. Н. Карпова. СПб.: тип. духовн. журнала «Странник», 1863. Т. 1. С. V—VI). Карпов также фиксирует проблему непереводимости, лежащую в самом основании стремящегося к точности перевода: «...особенности двух языков, оригинальность Платоновых оборотов и выражений, множество поговорок и пословиц и в некоторых местах необходимая связь философской мысли с такими, а не другими греческими формами, коегде не позволяли мне держаться на своих основаниях и принуждали — то на минуту допустить перифраз, то отчасти изменить некоторым неважным требованиям родного языка» (Там же. С. VII).

[44] [*Сидоровский И., Пахомов М.*] Предуведомление от переводивших. С. XIV.

ный, но все-таки заметный круг людей с действительною и постоянною любознательностью к философским трудам. Для них *верный* перевод всего Платона был, конечно, нужен»[45]. Жебелев и Радлов, процитировав эти слова Соловьева, осторожно заметили: «...так ли обстоит дело теперь, по прошествии 25 лет, мы не знаем»[46]. Поскольку после революции «любознательность к философским трудам» среди читателей очевидным образом снизилась[47], редакторы «академического» издания мотивируют его актуальность, вторя словам Соловьева (в пересказе Трубецкого) о вечной ценности Платона, сохраняющейся даже в предапокалиптических обстоятельствах[48]: Платон как «учитель ищущих» «всегда будет и современен, и своевременен»[49]. Новый, первой половины 1960-х годов, перевод Егунов ориентирует на «непривычного русского читателя», т. е. советского читателя, который 40 лет не имел изданий Платона и не учился классическим языкам, для которого особенности философского стиля античного мыслителя являются «затрудняющими или удивляющими», который будет «шарахаться в недоумении» и «улыбаться в неподходящих местах»[50]. Для такого чи-

---

[45] *Соловьев Вл.* Предисловие. Т. 1. С. VI, курсив Соловьева.

[46] *Жебелев С. Э., Радлов Э. Л.* Предисловие. С. 5.

[47] Б. И. Ярхо в начале 1920-х иронически заметил: «Быстрыми и верными шагами приближаемся мы к тому времени, когда людей, получивших классическое образование, станут показывать на ярмарках, как ацтеков. А между тем еще очень нестарые люди помнят то время, когда античные авторы жили среди нас и в маломальски интеллигентном кругу о Виргилии говорили, как о старом знакомом, независимо от того, каково было отношение к нему на школьной скамье» (*Ярхо Б. И.* Предисловие // *Петроний Арбитр.* Сатирикон / пер. *** под ред. Б. И. Ярхо. М.; Л.: Гос. изд-во, 1924. С. 12).

[48] Трубецкой рассказывает, что во время работы над Платоном потрясающее впечатление на Соловьева произвели китайские события (т. е. Ихэтуаньское (Боксерское) восстание 1898—1901 годов), которые Соловьев и Трубецкой воспринимали как конец старой Европы. Как же при этом заниматься Платоном, если конец Европе настает? — спросил Трубецкой Соловьева полушутя. — «Этим стоит заниматься, — отвечал он, — надо, чтобы было еще, что брать!.. То, что сделано европейскими народами в области политической, в деле государственного и общественного устройства человеческих отношений, это погибнет, потому что построено на ложном основании и потому что христианство их мнимое... а делание греков было в области вечных форм истины и красоты... это останется» (*Трубецкой С. Н., кн.* Предисловие. С. III).

[49] *Жебелев С. А., Радлов Э. Л.* Предисловие. С. 6.

[50] *Егунов А. Н.* Заметки по поводу «Протагора» в переводе Вл. Соловьева. У «непривычного русского читателя» заглавие диалога «Пир», например, может вызвать «ассоциацию, навеянную посредственными историческими романами и живописью: чуть ли не оргия», поэтому Егунов предложил вариант «Симпосий», мотивируя это тем, что это слово уже вошло в современный советский научный быт, где использовалась латинизированная форма «симпозиум» для обозначения научных объединений, конференций («что вряд ли удачно, — не без иронии замечает Егунов, — т. к. этимологически Συμπόσιον со-питие, со-выпивка» (*Егунов А. Н.* «Пир» Платона в переводе С. Апта)). Неудовлетворительность принятого русского пере-

тателя Платона следует переводить «на обычный нам, средний, нейтральный, современный язык образованного общества, отказываясь от вульгаризмов и архаизмов <...>. Такова программа-минимум. А максимум был бы — но что говорить о максимуме...»[51].

В своих переводческих решениях Егунов постоянно и не без любопытства представлял реакции этого нового читателя, поскольку считал важным «прислушаться к русской речи и ее словоупотреблению»[52], то есть к речи современной (по тонкому замечанию Григория Дашевского, советский мир присутствует у Егунова «не как тема, а как словарь»[53]). Так, решая сложную проблему перевода терминов, касающихся любви, в «Пире» и «Федре», Егунов советовал отказаться от слова «любовник», так как «в современном русском языке оно если и употребляется, то только в пошлом смысле, густо окрашенное бытом. Впрочем, оно теперь редкость»[54]. Тогда как для перевода «νεανίας» теперь вполне можно употреблять русское «юноша», поскольку с ним «произошла на нашей памяти метаморфоза. Лет 50 тому назад оно было чисто поэтическим, невозможным в разговоре (разве иронически) и в деловой прозе. Теперь оно потеряло поэтическую окраску (можно видеть объявления: “производится набор юношей и девушек от 16 лет...”, “принимаются юноши и девушки...”). Эта метаморфоза очень на руку переводчикам Платона: νεανίας можно теперь смело переводить как “юноша”»[55]. Предлагая в «Пире» отказаться от именования Афродиты пандемос (πάνδημος) «всенародной», как у Карпова, Городецкого и Жебелева, Егунов мотивирует это тем, что «у нас слово “всенародный” имеет положительный оттенок: “всенародный праздник”, “всенародное одобрение”»[56].

вода заглавия диалога отмечалась и предшественниками Егунова: Вл. Соловьев именовал его «Пиршество», С. А. Жебелев, сохранив вариант «Пир», отметил, что он «не передает вполне точно Συμπόσιον»: «...этот термин служил для обозначения той части вечерней (преимущественно званой) трапезы у греков <...>, когда подавалось вино, в противоположность предшествующей части трапезы, когда вина не пили» (*Жебелев С. А.* Введение [к переводу диалога Платона «Пир»] // Творения Платона. Пб.: Academia, 1922. Т. V. С. 3).

[51] *Егунов А. Н.* Заметки по поводу «Протагора» в переводе Вл. Соловьева.

[52] *Егунов А. Н.* Заметки к переводу Платона («Пир») // Архив Егунова.

[53] *Дашевский Г.* Россия или ад // Коммерсантъ Weekend. 2008. 19 окт. (https://www.kommersant.ru/doc/1026516).

[54] *Егунов А. Н.* Заметки к переводу Платона («Пир»).

[55] Там же.

[56] Там же. Егунов рассматривал вариант «вульгарная», однако не стал его рекомендовать, так как «по общему правилу в переводах из древних, тем более из греческих авторов, нельзя употреблять вошедших в русский язык слов латинского и французского происхождения (например: “момент”, “факт”, “принцип”, хотя это сильно облегчило бы дело), так как они слишком прозаичны <...>» (Там же), и предложил «обыденная». Апт, вероятно учтя мотивированную Егуновым непригодность в новом современном речевом контексте слова «всенародный», назвал в своем переводе Афродиту «пошлой».

Другой пример ориентации Егуновым новых требований к переводу на современный языковой узус — те места диалога «Протагор», где речь идет о добродетели и добродетелях и употребляется (в переводе Вл. Соловьева) слово «добродетель». Егунов дает целый экскурс в историю этого слова в русском языке начиная с XVIII века, с этимологическими и сравнительно-культурными соображениями, но прежде всего учитывает, что «слово “добродетель” в нашем современном русском языке не употребляется <...> попробуйте в наше время сказать о ком-нибудь, что она “добродетельна” — всякий поймет, что это в лучшем случае добродушная шутка, а в худшем — злая ирония»[57]. «От “добродетели” при переводе Платона (за редкими исключениями), — считает Егунов, — надо отказаться, потому что слова ἀρετή и “добродетель” не равны друг другу и для слова ἀρετή по-русски нет эквивалента, а придумать (изобрести) его мы не в состоянии»[58], и предлагает вариант «доблесть», апеллируя к блоковскому «О доблестях, о подвигах, о славе» и, прежде всего, к современному публицистическому языку: «...“наша доблестная армия”, “доблестное поведение наших войск”, “он проявил доблесть” и т. п. Можно “воспитать доблесть в наших воинах” (это уже близко к тому, о чем речь в “Протагоре”)»[59].

Ориентируясь на менее культурного читателя, Егунов был при этом, видимо, искренне убежден, что за прошедшие с последнего русского издания Платона четыре десятилетия значительно усовершенствовалась «техника переводческого дела» (и поэтому, как ему казалось, аптовский перевод «Пира» «с его резким несоответствием подлиннику, является в наши дни, к счастью, большой редкостью»)[60] и, следовательно, старые переводы необходимо подвергнуть соответствующему улучшению. Однако знакомство с новым переводом Апта, который считался одним из лучших переводчиков своего поколения, и правка, которой издательские редакторы подвергли егуновский перевод «Федра», показали, что это было не так. Несколько утрируя, можно сказать, что в новой норме оказались соединены и до гротеска

[57] *Егунов А. Н.* Заметки по поводу «Протагора» в переводе Вл. Соловьева.

[58] Там же.

[59] Там же. Егунов с удовольствием отметил, что М. Соловьев в переводе «Апологии Сократа» кое-где, «руководствуясь здравым чутьем русского языка», сменил «добродетель» на «доблесть» (*Егунов А. Н.* Заметки к переводу «Апологии Сократа») и сам в финале своего пробного перевода речи Павсания из «Пира» последовательно исправил ἀρετή, первоначально переведенное им как «добродетель», на «доблесть»: «...добровольное рабское служение <...> есть служение [добродетели] доблести», «знаний или любой другой отрасли [добродетели] доблести», «любви к мудрости и всяческой [добродетели] доблести», «дурной человек, не обладающий [добродетелью] доблестью», «ради [добродетели] доблести и собственного усовершенствования», «заботиться о своей [добродетельности] доблести». В переводе Апта предложение Егунова было в основном учтено (см.: *Платон*. Избранные диалоги. М.: Худож. лит., 1965. С. 133—134).

[60] *Егунов А. Н.* «Пир» Платона в переводе С. Апта.

усугублены все дефекты, которые Егунов исправлял в старых переводах: «суконный язык, расцвеченный фальшивыми блестками “народности”», ошибки и вольности[61].

Егунов отметил в переводе Апта многочисленные случаи непонимания греческого текста и ошибки в русском языке, а также следы опоры не столько на греческий подлинник, сколько на немецкий перевод-посредник Ф. Шлейермахера.

Невозможность «использования выражений, проникших в русский язык из чуждых античности культурно-исторических формаций»[62] Егунов считал общеизвестным правилом и старательно убирал их из «Пира» в переводе Апта:

> ...выражение «говоря по чести» <...> относится к западноевропейскому, рыцарскому лексикону. «Отпустить с миром» <...> — к библейскому. <...> выражение «у них (у беотийцев) язык плохо подвешен» (вообще ошибочное, так как по-русски можно сказать только «хорошо подвешен») обязано своим происхождением церковным колоколам (язык колокола). В оригинально-русском произведении подобные выражения, правда, употребляются в их стертом значении, но в переводном, относящемся к античности, они невольно освежаются (благодаря несвойственному им контексту) и получается культурно-исторический языковой анахронизм. <...> Опасно употреблять и такое, опять-таки стертое в наши дни выражение, как «бросить на произвол судьбы» <...> потому что читатель может понять, будто здесь выражено греческое выражение о судьбе[63].

Тем обиднее было ему видеть, что редакторы внесли в его перевод «Федра» именно такие ошибки:

Ошибочно	Надо
...в минуту опьянения... (с. 222)[64]	Греки не знали деления часа на минуты. Правда, в современном русском словоупотреблении значение слова «минута» уже стерлось, это уже не 1/60 часа, а просто небольшой отрезок времени. Но стоит вложить это слово в уста древнего грека, как первоначальное значение слова «минута» освежается. Кроме того, в данном тексте это неверно и в том отношении, что состояние одержимости вакханок здесь предполагается не минутным, а более продолжительным.
...неосознанное... бессознательное... (с. 236)	Неосторожный перевод: опасно вводить эти понятия — модернизация. Надо: неразумное, не подчиненное рассудку.

[61] Там же.
[62] Там же.
[63] Там же.
[64] Егунов указывает номера страниц по изданию «Избранных диалогов» Платона.

...о «Музее слов»... (с. 238)	Слово «музей» в этом смысле стало возможным лишь в эллинистическую эпоху. Надо: словесное святилище Муз.
«правила красноречия» (с. 241), «по правилам искусства» (с. 242), «по законам искусства» (с. 245, 252)	Вот ошибка чреватая последствиями: перевод вводит читателей в заблуждение: занимающиеся историей литературы, эстетики и т. д., но не знающие греческого подлинника, будут ссылаться на это место, полагая, что Платон говорил о каких-то правилах и законах искусства, между тем на самом деле у него этого нет. Платон не Буало: ему чужда нормативная поэтика[65].

Обнаружив у Апта «особое пристрастие <...> к фольклорно-русским, частью устаревшим, частью относящимся к просторечью выражениям и присловьям», как «охочи», «чаял», «веки вечные», «распрекрасный», «вино лилось рекой», «пока суд да дело», «поучить уму-разуму», «а на нет и суда нет», «рачительная любовь», «не ударит лицом в грязь», «масть к масти подбирается», «касаясь всей своей статью», «за мной дело не станет» и проч., — «получается совершенная нелепость: те слои русского населения, где бытовали выражения вроде “охочи” и т. п. <...> никак не могли возлежать на ложах и вести беседы об Эроте и Афродите»[66], — Егунов счел это курьезным единичным воскрешением «давно забракованных и сданных в архив приемов перевода», вроде «Пира Тримальхиона» в переводе И. И. Холодняка[67], который заставил древних римлян «выражаться русскими присловьями, что вызвало тогда же резкое осуждение со стороны и филологов и литературных критиков»[68]. Однако редакторы «Художественной литературы» последовательно практиковали эту «совершенно превратную», с точки зрения Егунова, «теорию так называемого “оживления”, достигаемого безвкусным употреблением просторечья для перевода Платона», и не только в основном отвергли в этой части правку Егуновым перевода Апта, но и внесли в его перевод «Федра»,

[65] *Егунов А. Н.* Ошибки в переводе диалога «Федр», напечатанном в «Избранных диалогах» Платона. М., 1965, изд-во «Художественная литература» // Архив Егунова.

[66] У Апта Егунов отмечает нелепое соединение старинно-фольклорных русских выражений с архаизмами высокого поэтического стиля и современным просторечием, в результате чего происходит «общее снижение тона диалога — своего рода модернизация в сторону серости, обыденности», «речевая характеристика персонажей не соответствует ни их социальному положению, ни их образованности» и, кроме того, из текста исчезает вся красота чистейшего аттического языка прозы Платона (*Егунов А. Н.* «Пир» Платона в переводе С. Апта).

[67] См.: *Петроний Арбитр.* На ужине у Трималхиона: (Отрывок из Satyricon) / пер. И. И. Холодняка // Филологическое обозрение. 1900. Т. XVIII. Приложение. Отд. изд.: 1900.

[68] *Егунов А. Н.* «Пир» Платона в переводе С. Апта.

как удрученно заметил Егунов, разнообразные «неужто, коли, дескать, мол, этак, вскорости, ладно, покамест, в первую голову, в первую очередь, смекни, невдомек, куда сложней, ясное дело, нынче, невесть какой, боязно, наутек, любезный, почтеннейший и т. п.»[69].

Приступая к работе над ориентированным на широкого читателя изданием Платона, Егунов считал, что перед ним поставлена задача приведения русских переводов Платона к среднему, нейтральному языку современного образованного общества, — это будет, конечно, язык несколько «оголенный», утративший живость, но «из двух зол это меньшее: уж лучше дистиллированная вода, раз нет ключевой, чем русский квас»[70]. При этом он полагал, что «изменились за полстолетия <...> требования, предъявляемые к переводам, — в наше время они строже, и переводческая сноровка (τέχνη) с тех пор усовершенствовалась»[71]. Однако обнаружилось, что новая переводческая и редакторская норма формулируется иначе: «модернизация в сторону серости»[72]. В рецензии на монографию Егунова «Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков» (М.; Л.: Наука, 1964) С. В. Полякова отметила, что предпринятое в ней рассмотрение предмета «на широком фоне научного и поэтического восприятия автора <...> с учетом западного материала в русской научной литературе не знает предшественников. <...> Разносторонняя эрудиция автора и редкое в наши дни мастерство филологического анализа пленяют читающего <...> книга настолько свежа и непохожа на обычные литературоведческие исследования, что это вполне естественно — в ней нов материал, новы интерпретации, своеобычна манера изложения»[73]. Книга действительно непохожа на отечественную послевоенную научную продукцию в большой степени, вероятно, потому, что годы плена и лагеря, когда Егунов был изолирован от научной жизни, парадоксальным образом освободили его от травмирующего опыта «борьбы с космополитизмом» и прочих погромных послевоенных идеологических кампаний, приучивших деятелей отечественной науки к страху и компромиссам[74]. Егунов же сохранил стиль и свободу научного мышления 1920—1930-х годов. Аналогичным образом в области перевода совершенно мимо него прошли послевоенная борьба с «буквализмом»[75] и сформи-

[69] *Егунов А. Н.* Ошибки в переводе диалога «Федр».

[70] *Егунов А. Н.* Заметки по поводу «Протагора» в переводе Вл. Соловьева.

[71] *Егунов А. Н.* Заметки к переводу «Апологии Сократа».

[72] *Егунов А. Н.* «Пир» Платона в переводе С. Апта.

[73] Вестник древней истории. 1965. № 3. С. 156—157. См. также: *Завьялов С.* Гомер в качестве государственного обвинителя на процессе по делу русской поэзии: (о книге А. Н. Егунова «Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков») // Новое литературное обозрение. 2003. № 60 (2). С. 194—199.

[74] См.: *Дружинин П.* Идеология и филология: документальное исследование: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

[75] См.: *Азов А. Г.* Поверженные буквалисты: из истории художественного перевода в СССР в 1920—1960-е годы. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2013.

ровавшаяся привычка к доместицирующему переводу, «не точному, но верному», которые сначала привели к примитивизации метапереводческой рефлексии, а потом, в середине 1950-х, к реакции на выхолощенную языковую норму советских переводов предшествующего десятилетия, выразившуюся в стремлении расширить палитру литературного языка в переводе, в частности, за счет просторечия и даже русизмов[76]. Место Егунова в послевоенном научном мире, где он был «выходцем с того света», может быть иллюстрировано одним из его собственных коллажей, который он, по воспоминаниям Всеволода Петрова, показал, вернувшись в 1933 году из первой ссылки, Михаилу Кузмину:

> — Я комбинирую, — объяснил Егунов. — Например, вы помните картину Репина «Не ждали»? Там в двери входит бывший арестант, вроде меня, возвращенный из ссылки. Я подобрал по размеру и на его место вклеил Лаокоона со змеями.
>
> Мы вообразили картину Репина с Лаокооном.
>
> — Да, — сказал Михаил Алексеевич. — Действительно не ждали![77]

Приложение 1

[Письмо А. Н. Егунова редактору тома «Избранных диалогов» Платона С. А. Ошерову с отзывом на перевод «Пира» И. Д. Городецким]

В Вашем письме Вы указали, что желательно начать работу с перевода Городецкого[78]. Я так и сделал, не дожидаясь получения машинописного текста: книжка Городецкого имелась у меня, хотя до сих пор я и не удосужился ее прочесть. При попытке редактирования меня охватили мрачные сомнения с первых же страниц.

В самом деле, в первой же строчке ошибка: двойное отрицание (litotes) означает по-гречески усиленное подтверждение: οὐκ ἀμελέτητος = «вполне подготовлен», а у Городецкого — «отчасти подготовлен». Понимаю, что это «вполне» можно опустить по стилистическим соображениям, тем более, что оно покрывается понятием «уже́», но «отчасти» — ошибочно.

---

[76] См, в частности, статью С. В. Петрова, замечательного поэта и переводчика, «О пользе просторечия» в изд.: Мастерство перевода. М.: Сов. писатель, 1962. Сб. 2. С. 71—96; об обсуждении доклада Петрова на эту же тему, прочитанного в 1958 г. в Ленинграде, см.: *Беккер М.* Дискуссия о просторечии // Там же. С. 487—490.

[77] *Петров Вс. Н.* Калиостро: (воспоминания и мысли о М. А. Кузмине) // Новый журнал (Нью-Йорк). 1986. № 163. С. 83.

[78] *Платон.* Пир: беседа о любви / пер. с греч. И. Д. Городецкого. М.: Дилетант, 1908.

Городецкий вводит не имеющее соответствия в подлиннике развязное «видите ли». Произвольно вставлено «подойдя ко мне» или «милый» (Главкон).

Вульгарно: «какие-такие речи», «балагурить». Русское идиоматическое выражение «бить баклуши» нисколько не соответствует афинскому быту, где дерева было мало (баклуши — см. словарь Даля).

С этим контрастирует канцелярское «докладывать о речах». Вслед за Карповым Городецкий придает восклицанию Главкона почему-то оттенок иронического сетования: «Ох, этот...».

Словом, перевод начала диалога очень уязвим. Но я задал себе вопрос, не слишком ли произвольно строго подошел я к Городецкому?

Отложив Городецкого, я дождался получения переводов братьев Соловьевых: их переводы должны невольно установить тот уровень, с которым можно сравнивать и Городецкого и те переводы, которые еще предстоит сделать (при допущении, конечно, и некоторой индивидуализации переводов). Таким путем можно иметь более объективное мерило для всех переводов сборника. После ретуширования переводов Соловьевых я опять вернулся к Городецкому, решив взять из него цельный кусок довольно большого объема из середины. Я выбрал речь Павсания. Она очень нелегка для перевода и синтаксически (под конец), и своим разговорным тоном, и, главное, полнейшим несходством разбираемых там явлений с тем, что принято у нас, из чего проистекают величайшие терминологические затруднения. Перечислять недочеты перевода Городецкого было бы слишком долго (ср. в машинописи все отчеркнутое карандашом)[79] — они очевидны. Беда в том, что ретуширование, поправки и изменения, требующиеся при редактировании перевода Городецкого, так многочисленны и велики, что уже не вмещаются в его текст, и приходится переписывать все заново, страницу за страницей. Это уже вряд ли можно назвать редактированием. Но делать иначе не позволяет переводческая совесть: в пошлом и развязном изложении Городецкого Платон пропадает, а у русского читателя от изумления могут «глаза на лоб вылезть» (выражаясь стилем Городецкого). Сглаживать, конечно, ничего не надо (как это делали в старину знаменитые западноевропейские переводчики «Пира» — Расин и Шелли)[80], но греческий подлинник много сдержаннее, чем

[79] Машинописная копия перевода Городецкого с пометами Егунова в архиве последнего не отложилась. Некоторое представление о них можно составить, сравнив перевод речи Павсания Городецким и Егуновым.

[80] Имеются в виду переводы «Пира», выполненные знаменитыми европейскими авторами: французским драматургом Жаном Расином (1639—1699; неоконченный перевод под названием «Le Banquet» был опубликован посмертно, в 1732 г.) и английским поэтом Перси Бишем Шелли (1792—1822; перевод под заглавием «The Banquet» выполнен 1818 г.; впервые опубликован в 1840 г. Мэри Шелли и Ли Хантом в значительно отредактированном, сглаженном виде; изначальная версия перевода увидела свет только в 1931 г.).

это выходит у Городецкого. Ср. его «отдаваться», «похоть», пошлое «дарить ласки». Ужасны (а частью и неверны) его русизмы «очертя голову», «обивая пороги», «сходит с рук», «дают много воли», ироническое «эти господа». Неверен его русский язык в выражениях «благодаря порочности», «благодаря деспотизму», «выше всякой критики» (хотя по-русски только «ниже»...). Иногда у него «ибо», а между тем «внести поправку», «поставлена тема», «надзиратели» (!). Ну, и т. д. и т. д. Слога (русского) у него нет, а языковая неряшливость доходит до комизма, речь Павсания кончается у него так: «вот что могу предложить тебе о любви без приготовления» (любовь без приготовления?). Его перевод не годится — я прихожу к такому выводу[81].

Впрочем, такой вывод получается и сам собой: применяя при редактировании перевода Городецкого те же принципы, что и при редактировании переводов В. и М. Соловьевых, предъявляя к нему те же самые требования, без послаблений, я вижу, что от тривиального перевода Городецкого остается так мало, что отредактированный таким образом текст невозможно считать переводом Городецкого. В самом деле, остаются лишь некоторые слова и выражения, которые можно встретить в таком же количестве и в переводах Карпова, Жебелева, Пресса, что естественно, раз это переводы одного и того же произведения. Выдавать же невольно получающийся при редактировании свой собственный перевод за перевод Городецкого нет никаких причин.

Пока позволяет время, следует поручить сделать новый перевод — желательно, по-моему, кому-нибудь из младшего поколения, чтобы в однотомнике Платона фигурировали бы на паритетных началах и старики и молодежь, — это показало бы, что Платон — дело не только «ископаемых». Этому будущему переводчику можно передать листки с моими опытами редактирования перевода Городецкого. В качестве материала, подлежащего дальнейшему усовершенствованию.

---

[81] В утешение Городецкому можно было бы сказать, что и другие имеющиеся русские переводы «Пира» не лучше (я все их сравнил, т. е. переводы Карпова, Аркадия Пресса, Жебелева и даже самый первый, любопытный анонимный русский перевод (с французского) в журнале «Утренний Свет», ч. V, СПб., 1779 г. Взятый под филологическую лупу перевод С. А. Жебелева — крупного ученого и прекрасного человека, о котором я храню благоговейную память, — надо сказать все-таки прямо — нисколько не лучше, хотя страдает уже другими недостатками, чем Городецкий. С. А. Жебелев, занимаясь вспомогательными к истории дисциплинами, был чужд вопросам литературного перевода. Он вносит кавычки (например: «в темную») в текст Платона, а в двух местах (183в, под конец; 184е, под конец), у него, как ни странно, прямо ошибки, а 184в передано сбивчиво. — *Прим. Егунова.*

Приложение 2

А. Н. Егунов. Заметки к переводу Платона («Пир»)

1. Многосоюзие, т. е. то синтаксическое явление, что чуть ли не каждое предложение связывается с предшествовавшим при помощи союза, может быть в переводе опущено, так как это не столько относится к стилю Платона, сколько является свойством греческой прозы вообще, правда, подчеркнутым Платоном вследствие его логически-философского уклона. Язык Платона — язык образованного общества, афинской «элиты», если же передавать многосоюзие, то получится по-русски как раз обратная социальная окрашенность языка, так как у нас многосоюзие свойственно простонародному, необработанному языку: я-то, он-то, и вот, потому как, и т. д. Передавать союзы следует только там, где это действительно необходимо логически.

2. Единственное и множественное число существительных могут применяться одно взамен другого для легкости русского слога, если это не нарушает смысла, например: «обычаи» вместо «обычай» (и обратно), «влюбленному», а не «влюбленным» и т. п., в каждом отдельном случае это зависит от фразы и всего контекста. В литературном переводе не может быть школьного педантизма.

3. πάνδημος в наше время уже нельзя переводить как «всенародный»: у Платона πάνδημος означает «вульгарный». Хотя по общему правилу в переводах из древних, тем более из греческих авторов нельзя употреблять вошедших в русский язык слов латинского и французского происхождения (например: «момент», «факт», «принцип» — хотя это сильно облегчило бы дело), так как они слишком прозаичны, но, может быть, для слова «вульгарный» сделать исключение? Не решившись на это, я передаю πάνδημος как «обыденный». В переводе должен сохраниться в этом слове отрицательный оттенок, приданный ему Платоном (аристократом, с отвращением относившимся к «плебсу», к афинской демократии). Между тем у нас слово «всенародный» имеет положительный оттенок: «всенародный праздник», «всенародное одобрение».

4. Может быть, обновить само заглавие диалога Συμπόσιον? «Пиршество» красиво, но архаично. «Пир» — так передают обычно. Но у русского читателя при слове «пир» (античный) появляется ассоциация, навеянная посредственными историческими романами и живописью: чуть ли не оргия. Тут ничего такого у Платона нет — обстановка скромная, если это и пир, то скорее в переносном смысле: «пир идей», «роскошество идей и их словесного воплощения».

«Пирушка» — невозможно, это совершенно вульгарно. В наши дни в русский язык стало проникать это греческое слово в латинизированной форме «симпозиум» для обозначения научных объединений,

конференций (что вряд ли удачно, т. к. этимологически συμπόσιον — со-питие, со-выпивка).

Что если оставить для нашего перевода — «Симпосий»? Оно будет неясно читателю до прочтения диалога, зато не родит ассоциаций.

Если же выбирать между «Пир» и «Пиршество», я скорее склонялся бы в сторону более поэтического «Пиршество».

5. Наконец — last but not least — очень затруднительны при переводе «Пира» (и «Федра», так что продумывание этого пункта является у меня подготовкой к моему переводу «Федра») все термины, касающиеся любви. Здесь прежде всего надо прислушаться к русской речи и ее словоупотреблению. Переводчика касаются особенно причастия от этого глагола. Прежде всего, причастия вообще книжная форма, в разговоре она применяется реже: вместо «читающий книгу», «читавший книгу» чаще: «тот, кто читает, читал». Страдательные причастия совсем не свойственны разговорной речи: вместо «читаемая книга», конечно, «та, которую читают». Между тем, язык Платона вполне разговорный и причастия вообще звучали легко по-гречески, поэтому русский переводчик должен быть с ними осторожен, чтобы не отяжелить перевода. «Любящий» должно непременно иметь при себе дополнение (кого, что), иначе выходит шероховато, вроде таких выражений «любящие стараются...», «любящий прибегает к...». Это нехорошо по-русски. Этого можно избежать, переводя ὁ ἐρῶν не как «любящий», а как «влюбленный» — фраза почти всегда становится легче, да это и лучше передает оттенок смысла.

ἐράω — любить (страстно, «эротически»)
φιλέω — <любить> по-дружески, иметь склонность
ἀγαπάω — <любить> т. е. ценить, довольствоваться.

Слово «любовник» при переводе Платона совершенно должно быть исключено, так как в современном русском языке оно если и употребляется, то только в пошлом смысле, густо окрашенное бытом. Впрочем, оно теперь редкость. В XVIII веке оно у нас употреблялось и в возвышенном смысле, для перевода французского amant, например, как определение при перечислении действующих лиц ложноклассических трагедий. Теперь оно неуместно. Уж лучше повысить в крайнем случае стиль и взять слово «возлюбленный», но я и его всячески избегал. Для τὰ παιδικά ни по-русски, ни на одном новом языке нет соответствия. Приходится переводить, смотря как удобнее по контексту, то «любимый», то просто «юноша».

Кстати, со словом «юноша» произошла на нашей памяти метаморфоза. Лет 50 тому назад оно было чисто поэтическим, невозможным в разговоре (разве иронически) и в деловой прозе. Теперь оно потеряло ироническую окраску (можно видеть объявления: «производится набор юношей и девушек от 16 лет...», «принимаются юноши и девушки...»). Эта метаморфоза очень на руку переводчикам Платона: παῖς можно теперь смело переводить как «юноша».

Слова «мальчик» следует избегать. Так как оно обозначает и малых детей, то текст Платона иногда понимали превратно, между тем как он как раз оберегает малолетних.

Непреодолимая трудность — передача слова παῖς применительно к слуге, рабу: прямо не знаю, как тут быть. Конечно, не годится «мальчик», т. к. речь идет о взрослом. Ужасно, как у Вл. Соловьева «эй, малый», словно дело происходит в русском трактире. Приходится, пожалуй, за неимением лучшего, остановиться на несколько необычном «прислужник».

Приложение 3

А. Н. Егунов. «Пир» Платона в переводе С. Апта[82]

I

Переводчик недостаточно внимателен к греческому тексту. Так, например:

1) 173a (стр. 2 машинописи) ἦ ὀτουοῦν[83] оставлено переводчиком без внимания.
2) 174a (стр. 4) ὅτι[84] citativum, а не косвенная речь
3) 175a (стр. 6) то же самое[85]

---

[82] Машинопись перевода Апта с правкой Егунова хранится в: РГАЛИ. Ф. 613, оп. 10, ед. хр. 5201, л. 265—336. Там же (л. 190—260) находится другой экземпляр той же машинописи с правкой, сделанной другой рукой (вероятно, С. А. Ошерова), обнаруживающий значительную близость к переводу, изданному в «Избранных диалогах». Далее ссылки на машинопись перевода Апта с правкой Егунова даются следующим образом: первоначальный вариант Апта обозначается: Апт, с указанием номера листа; правка Егунова — Егунов, без указания номера листа (так как он совпадает с предыдущим). Если приводится только исправленный Егуновым вариант, то указывается: Егунов, с указанием номера листа. Приводимые для сравнения ссылки на издание «Избранных диалогов» Платона (М.: Худож. лит., 1965) даются с сокращением: ИД и указанием страницы.

[83] «Чем кто-либо» (*др.-греч.*). «...влачил самое жалкое существование, такое же, как ты теперь» (Апт. Л. 266) — «...я был жалким, хуже кого угодно, не менее чем ты теперь» (Егунов) — «...был жалок, как любой из вас» (ИД. С. 119).

[84] Местоимение «что», в данном случае вводящее прямую речь. В первоначальном варианте перевода Апта слова Сократа были переведены в косвенную речь: «...тот ответил, что идет на обед к Агафону» (Апт. Л. 268), правка Егунова: «Сократ сказал: — На ужин к Агафону» (Егунов) — в опубликованной версии прямая речь восстановлена (ИД. С. 120—121).

[85] «...а другой раб тем временем вернулся и доложил, что Сократ наш, направившись в обратную сторону, остановился в сенях соседнего дома и отказывается идти на его зов» (Апт. Л. 270) — «...кто-то другой из прислуги вернулся и доложил: — Сократ, этот самый, повернув назад, стоит в дверях у наших соседей, я его звал, а он не хочет войти сюда» (Егунов) — «а другой раб тем временем вернулся

4) 177 (стр. 9) τούτῳ ἔρανον[86] относится к Федру, а не к Эроту
5) 178a (стр. 10) ἐν τοῖς[87] при Superlativ'e, редкое грамматическое явление, не понято переводчиком
6) 178c (стр. 10) то же самое[88]
7) 179c (стр. 11) ἀποδεῖξαι[89] ошибочно переведено «кажутся», что меняет смысл
8) 182a (стр. 15) Отрицание οὐ надо отнести к κοσμίως[90], а не к глаголу. Смысл искажен
9) 196 (стр. 33) Спутано κρατῶν и κρεῖττων[91]

и доложил: Сократ, мол, повернул назад и теперь стоит в сенях соседнего дома, а на зов идти отказывается» (ИД. С. 122).

[86] «Приношение ему» (*др.-греч.*). «Федр, мне кажется, прав. А поэтому мне хотелось бы отдать должное Эроту и доставить ему удовольствие» (Апт. Л. 273) — «Федр, мне кажется, прав, поэтому мне хотелось бы внести мой вклад и оказать ему любезность» (Егунов) — «А поэтому мне хотелось бы отдать должное Федру» (ИД. С. 125).

[87] Устойчивая фраза, используемая для усиления перед прилагательным в превосходной степени, с которым не согласуется грамматически. «...почетно принадлежать к древнейшим богам» (Апт. Л. 274) — «...почетно быть бесспорно древнейшим богом» (Егунов, с грамматическим комментарием на полях: «Ошибка: ἐν τοῖς при Superlativ'e = longe, multo») — «...почетно быть древнейшим богом» (ИД. С. 126).

[88] «...весьма многие сходятся на том, что Эрот — это один из древнейших богов» (Апт. Л. 274) — «...многие сходятся на том, что Эрот — бесспорно древнейший бог» (Егунов) — «...весьма многие сходятся на том, что Эрот — бог древнейший» (ИД. С. 126).

[89] «Явили себя» (*др.-греч.*). Платон пересказывает миф об Алкестиде, которая согласилась умереть вместо своего мужа Адмета, тогда как его собственные родители не пожелали этого совершить. «Благодаря своей любви она настолько превзошла их в привязанности к их сыну, что они кажутся чужими ему людьми, которые только числятся его родственниками» (Апт. Л. 275) — «Своей любовью она настолько превзошла их в привязанности к их сыну, что доказала, как чужды они ему, лишь по названию родственники» (Егунов) — «... они только считаются его родственниками, а на самом деле — чужие ему люди» (ИД. С. 127).

[90] «Упорядоченно» (*др.-греч.*). «...ибо никакое дело, если только оно делается пристойно и благообразно, не может заслужить порицанья» (Апт. Л. 279) — «...потому что все, что свершается непристойно и беззаконно, по справедливости заслуживает порицания» (Егунов). Сам Егунов предлагает следующий перевод: «...все, что делается беспорядочно и беззаконно, вызывает справедливое порицание» (пер. фрагмента «Речь Павсания» из «Пира» (Архив Егунова), опубл.: Андрей Николаевич Егунов: рукописное наследие. С. 54—60). В изданном варианте перевода Апта смысловое искажение исправлено: «...любое дело, если только оно делается непристойно и безобразно, не может не заслужить порицанья» (ИД. С. 130).

[91] «Владеющий» и «более сильный» (*др.-греч.*). «...и будучи, следовательно, сильнее того, кто храбрей остальных, Эрот должен быть признан самым большим храбрецом» (Апт. Л. 297) — «...владея тем, кто храбрее всех, Эрот должен быть самым большим храбрецом» (Егунов) — «Эрот, раз он сильнее того, кто храбрей всех (т. е. Ареса. — *А. В., М. Б.*), должен быть самым большим храбрецом» (ИД. С. 148).

10) 201e (стр. 41) κατὰ τὸν ἐμόν λόγον[92] — κατὰ cum Accusativo, а не cum Gen., как переводит наш переводчик — ошибка против самых элементарных правил грамматики.

Все эти мелкие недочеты, недосмотры и ошибки, хотя и крайне досадны, но все же легко поддаются исправлению. Хуже обстоит дело с русским языком данного перевода.

II

Отложим в сторону подлинник и станем в положение читателя, которому подлинник недоступен (а ведь для такого читателя и делается перевод) и который впервые знакомится с Платоном по данному переводу. В каком же виде предстанет перед таким читателем прославленный диалог Платона? На первой же странице, 4-я строка сверху, читателя поражает выражение

«Фалера тебе в бок»,

что для русского уха звучит как «холера тебе в бок»[93]; читатель сразу приходит к выводу, что, видно, и в древней Греции была своего рода

---

[92] «Согласно моему слову» (*др.-греч.*). «...он, вопреки моим утверждениям, совсем не прекрасен и вовсе не благороден» (Апт. Л. 305) — «...по моему же утверждению, Эрот и не прекрасен и не приносит добра» (Егунов) — «...он (т. е. Эрот. — *А. В., М. Б.*), вопреки моим утверждениям, совсем не прекрасен и вовсе не благороден» (ИД. С. 156).

[93] Мы не знаем, на каком ученом толковании основывался переводчик, переводя именно так. Ср. переданную мною в изд-во заметку для комментатора этого диалога. — *Прим. Егунова.*

«Фалерский житель, Аполлодор, не подождешь ли?» (Егунов. Л. 191) — «...Аполлодор, фалерский житель, погоди-ка!» (ИД. С. 118). В собственном пробном переводе этого пассажа из «Пира» Егунов предложил другой вариант: «Случилось мне позавчера идти в город из дому, из Фалера, а кто-то из моих знакомых, завидев меня сзади, окликнул издали, да еще и пошутил: — Что за фалериец этот Аполлодор», с примечанием: «По созвучию слов Φαλαρεύς — фалариец, т. е. житель Фалера, φάλαρος — “с белыми пятнами”, “глянцевитый” и φαλαρίς — “птица-лысуха” в этой шутке намек на лысину Аполлодора» (*Егунов А. Н.* Наметка перевода. Симпосий. Аполлодор и его друг // Архив Егунова), однако, учитывая научно-популярный характер издания, решил его изменить и оставить без комментария: «...филологи спорят, в чем здесь, собственно говоря, шутка. Одни усматривают ее в созвучии слов φαλαρεύς (фалариец), φάλαρος — с белыми пятнами, глянцевитый, и φαλαρίς — птица-лысуха и подозревают в этой шутке намек якобы на лысину Аполлодора (такой комм. к этому пассажу дал сам Егунов, а также Жебелев (Полн. собр. творений Платона. Т. 5. С. 76). — *М. Б., А. В.*). Другие обращают внимание на то, что здесь вместо Vocativ'a — Nominativ, что придает обращению несколько официальный характер и было бы со стороны приятеля легкой шуткой, как если бы кто, встретив в Москве своего знакомого, о котором известно, что он постоянно живет в Серпухове, воскликнул: “Серпуховец, Иван Петрович, ты ли это?” Мой перевод “Фалерский житель, Аполлодор, не подождешь ли?” основан на таком понимании. В нашем — научно-популярном — издании неуместно вдаваться в филологические изыскания, текст в моем переводе понятен, так что примеча-

«шпана». На той же, первой, странице читатель встречает такие слова, как

«осведомитель» (??)[94],

«впрямь»[95],

«дотоле»[96].

После этого читатель, вероятно, бросит читать дальше — переводчик сумел отпугнуть его от Платона.

III

Пестрота слога, лексический разнобой — характерная черта не только первой страницы, но и всего данного перевода в целом. Еще хуже, однако, то, что в переводе встречаются прямые ошибки против русского языка, свидетельствующие, что с русским языком наш переводчик явно не в ладах.

По-русски не говорят о человеке, что у него мясо, разве лишь в шутку. Между тем у нашего переводчика мы читаем:

«в человеке все обновляется: волосы, мясо, кости» (стр. 50)[97].

Вот несколько примеров нарушения норм русского языка:

«затаить дыхание» — в современном русском языке это выражение употребляется в переносном смысле: «слушать, затаив дыхание», т. е. с повышенным интересом. А для прекращения икоты, как сказано у нашего переводчика на стр. 19, это выражение неприменимо[98]. Там же, несколько далее, у нашего переводчика: «допёк ее (икоту) чиханьем»[99].

«тебе не дадут проходу» (стр. 16)[100] означает по-русски или «над тобой будут смеяться» или же «ты будешь привлекать внимание, к тебе будут приставать, ты будешь иметь успех». А переводчик употребляет это выражение в смысле «тебя будут отчитывать, обвинять».

ние здесь излишне» (*Егунов А. Н.* К сведению комментатора «Пира» // РГАЛИ. Ф. 613, оп. 10, ед. хр. 5201, л. 262).

[94] «рассказчик» (Егунов. Л. 266) — «тот, кто тебе рассказывал» (ИД. С. 119).

[95] «...впрямь не сообщил тебе ничего толком» (Апт. Л. 266) — «...совсем ничего не сообщил тебе толком» (Егунов) — «...и впрямь не рассказал тебе ничего толком» (ИД. С. 119).

[96] «До тех же пор» (Егунов. Л. 266). В издании сохранен вариант Апта (ИД. С. 119).

[97] Цитата неточная. В первоначальном варианте перевода Апта: «...(человек) всегда обновляется, что-то непременно теряя, идет ли речь о волосах, о мясе, о костях, о крови или обо всем теле» (Апт. Л. 314) — «...он постоянно обновляется, что-то непременно теряя, будут ли то волосы, плоть, кости, кровь, вообще тело» (Егунов) — «...будь то волосы, плоть, кости, кровь или вообще тело...» (ИД. С. 164).

[98] «...подольше задержи дыхание» (Егунов. Л. 283) — «задержи дыхание» (ИД. С. 135).

[99] «...прибег к чиханью» (Егунов. Л. 287) — «расчихался» (ИД. С. 139).

[100] «...тебе не дадут этого делать» (Егунов. Л. 280). В издании замечание Егунова не учтено (ИД. С. 131).

«пьем, сколько кот наплакал»[101] — по-русски можно сказать только в таком роде: «в чашке осталось, сколько кот наплакал»[102].

«раскрывался без дураков (?)» (стр. 62)[103]

«боги спровадили Орфея *из* (sic) Аида» (12)[104]

«у них язык плохо (sic) подвешен» (15)[105]

«на (sic) любви собаку съели» (193 е)[106].

Приведенных примеров уже достаточно, чтобы сказать, что, появись данный перевод в печати, мы все, т. е. и представители издательства, и редактор, пропустив подобный курьезный перевод, были бы скомпрометированы, так как это превосходный материал для фельетона в «Литературной газете» или в каком-нибудь журнале.

IV

Ошибками против русского языка являются и такие выражения:

«мы найдем и встретим соответствующий себе предмет любви» (стр. 29)[107].

Предмет любви должен здесь соответствовать не себе, а нам. На той же странице менее резко, но все же неверно:

«каждый найдет соответствующий себе (надо: ему) предмет любви»[108].

Не различает наш переводчик и разницы между «кто-то» и «кто-нибудь». Так у него встречается такое выражение:

«что же было бы, если бы кому-то довелось увидеть высшую красоту» (стр. 54а; надо, конечно, «кому-нибудь»)[109].

---

[101] «...мы-то всегда были слабосильные» (Егунов. Л. 272) — «...мы-то всегда пьем по капле» (ИД. С. 124).

[102] Тут невольно вспоминается тот тургеневский персонаж («Новь», II, 25), который щеголял пословицами «знай кулик свой шесток» или «красна изба углами». — *Прим. Егунова.*

[103] «...бывал серьезен и весь раскрывался» (Егунов. Л. 328) — «...раскрывался по-настоящему» (ИД. С. 176).

[104] «...отослали из Аида» (Егунов. Л. 276). В издании сохранено «спровадили» (ИД. С. 127).

[105] «...пытаясь убеждать речами, в которых там несильны» (Егунов. Л. 279) — «...они не мастера говорить» (ИД. С. 131).

[106] «...знают толк в любовных делах» (Егунов. Л. 294) — «...великие знатоки любви» (ИД. С. 145).

[107] «...мы найдем и встретим между людьми как раз наши половинки в тех, кого мы любим» (Егунов. Л. 293) — «... мы встретим и найдем в тех, кого любим, свою половину» (ИД. С. 144).

[108] «...каждый найдет соответствующего ему любимого человека» (Егунов. Л. 293). В издании сохранен первоначальный вариант перевода Апта (ИД. С. 144).

[109] «...если бы кому-нибудь довелось узреть самоё прекрасное» (Егунов. Л. 319) — «...если бы кому-нибудь довелось увидеть высшую эту красоту» (ИД. С. 169).

Хромает у него иногда и синтаксис: «...а это не что иное как встретить...» (29)[110].

Или:

«перечислить все твои странности, да еще в таком состоянье» (59; чьи странности в таком состоянии? Сократа? На самом деле Алкивиад говорит здесь о себе)[111].

V

Не различает наш переводчик и оттенков значения русских слов. Так, уверить (оттенок ложности) он употребляет в смысле «убедить» (стр. 55)[112].

«Наудалую» (стр. 37) там, где надо «наудачу»[113].

«Сборище» имеет по-русски отрицательно-презрительный оттенок, но у нашего переводчика это не так: по его мнению собравшиеся на пир — это «сборище» (стр. 4)[114], и Федр у него, желая сказать, что Эрос способствует общению людей, выражает эту мысль так:

«он потворствует (sic) всяким сборищам (sic)» (стр. 35)[115].

Слово «юнец» (если уж его вводить в литературный язык) имеет снисходительно-презрительный оттенок, а переводчик употребляет его нейтрально (стр. 10)[116]. Напротив, «малыш» слово ласкательное, а у него означает вообще малолетних, подростков (стр. 14)[117].

VI

Встретив в тексте перевода такие формы, как «положенье» (вместо «положение»), «отношенье» (вместо «отношение»), я сперва думал, что это опечатка машинистки. Но оказалось, что на всех 70 страницах перевода везде так: порицанье, поведенье, зренье, безобразье, самообладанье и т. д., что не соответствует русской орфоэпии и, очевидно,

---

[110] «...это — встретить любимого человека» (Егунов. Л. 293) — «...встретить предмет любви, который тебе сродни» (ИД. С. 144).

[111] «...не готовясь, перечислить по порядку все твои странности» (Егунов. Л. 325). В издании сохранен первоначальный вариант (ИД. С. 174).

[112] «Убедить» (Егунов. Л. 320). В издании: «уверить» (ИД. С. 170).

[113] «Наудачу» (Егунов. Л. 301), то же в ИД. С. 152.

[114] «...из страха перед сборищем» (Апт. Л. 268) — «...устрашившись многолюдства» (Егунов) — «...испугавшись многолюдного сборища» (ИД. С. 120).

[115] Читатели в свое время недоумевали, почему это Томас Манн, если верить нашему переводчику, обозвал так свою аудиторию: «...поездка... была богата встречами, сборищами и деятельностью» (Томас Манн. Собр. соч. Т. IX. М., 1960, стр. 202). За 4 года (1960—1964) у нашего переводчика нисколько не прогрессировало понимание слова «сборище». — *Прим. Егунова.*

«...устраивает разные, подобные нашему, собрания» (Егунов. Л. 299) — «...устраивает всякие собрания, вроде сегодняшнего» (ИД. С. 150).

[116] «Подросток» (Егунов. Л. 274). В издании: «юноша» (ИД. С. 126).

[117] «Малолетние» (Егунов. Л. 278), то же в ИД. С. 130.

отражает индивидуальную особенность произношения переводчика[118]. Правда, зато вместо «уменья» у него «умение».

VII

Переводя древнегреческий литературный памятник, переводчик ошибочно считает возможным употреблять выражения, проникшие в русский язык из чуждых античности культурно-исторических формаций. Так, «говоря по чести» (стр. 7)[119] относится к западноевропейскому рыцарскому лексикону. «Отпустить с миром» (флейтистку, стр. 8) — к библейскому[120]. Вышеприведенное выражение «у них (беотийцев) язык плохо подвешен» (вообще ошибочное, так как по-русски можно сказать только «хорошо подвешен») обязано своим происхождением церковным колоколам (язык в колоколе). В оригинально-русском произведении подобные выражения, правда, употребляются в их стертом значении, но в переводном, относящемся к античности, они невольно освежаются (благодаря несвойственному им контексту) и получается культурно исторический языковой анахронизм[121].

Точно также вместо стертого значения приобретает свой буквальный смысл и слово «вторить»[122], когда речь идет о пении (стр. 35). «Вторить» означает петь в известном интервале, например, в терцию, по отношению к основному голосу. Обычно принято считать, что древние греки этого не знали, их пение было в унисон.

Опасно употреблять и такое, опять-таки стертое в наши дни выражение, как «бросить на произвол судьбы» (стр. 11)[123], потому что читатель может понять, будто здесь выражено греческое представление о судьбе.

VIII

Особое пристрастие переводчик питает к фольклорно-русским, частью устаревшим, частью относящимся к просторечью выражениям и присловьям.

---

[118] Все эти орфоэпические замечания Егунова были учтены.

[119] «...признаюсь вам» (Егунов. Л. 271) — «...откровенно говоря» (ИД. С. 123).

[120] Исправлено на: «отпустить» (ИД. С. 124).

[121] К этому можно добавить и выражение «за чистую монету» (58). Совершенно чуждо античности и пошлое выражение «сердца богов» (35). — *Прим. Егунова.*

[122] «...надо следовать всякому человеку, прославляющему его в прекрасных гимнах и причастному к той песне, которую поет Эрот» (Егунов. Л. 299). В издании сохранен первоначальный вариант Апта: «...вторя его прекрасной песне» (ИД. С. 150).

[123] Егунов предлагает вычеркнуть эту фразу (Егунов. Л. 275), однако в издании она сохранена (ИД. С. 127).

Так у него встречаем: охочи (27)[124], чаял (65)[125], веки вечные (52)[126], распрекрасный (45)[127], вино лилось рекой (70)[128], питейная часть застолья (7)[129], пока суд да дело (7)[130], поучить уму-разуму (18)[131], на нет и суда нет (37)[132], рачительная любовь (51)[133], двуснастный (24)[134], не ударит лицом в грязь (35)[135], масть к масти подбирается (32)[136], касаясь всей своей статью (32)[137], за мной дело не станет (53)[138] и т. п.

Ничего подобного в подлиннике нет, так, например, то, что у переводчика передано как «не ударит лицом в грязь», оказывается просто εὖ ἐρεῖ (35)[139]. Но если бы даже в подлиннике были народные присловия, поговорки и пословицы, их, как известно, надо с большой осторожностью заменять соответствующими (по смыслу) русскими[140], так как этим можно невольно нарушить характер иноязычного литературного памятника и снизить его познавательное значение[141]. Наш пе-

[124] «падки» (Егунов. Л. 291) — в издании сохранен первоначальный вариант Апта (ИД. С. 142).

[125] «думал» (Егунов. Л. 331) — в издании сохранен первоначальный вариант Апта (ИД. С. 179).

[126] «На будущее время» (Егунов. Л. 316) — в издании сохранен первоначальный вариант Апта (ИД. С. 166).

[127] «прекрасным» (Егунов. Л. 309) — в издании правка принята (ИД. С. 160).

[128] «...вино было в изобилии» (Егунов. Л. 336) — в издании сохранен первоначальный вариант Апта: «вино полилось рекой» (ИД. С. 184).

[129] «...перешли к вину» (Егунов. Л. 271) — «...приступили к вину» (ИД. С. 123).

[130] «...пока суть да дело, займись едой» (Апт. Л. 271) — «...принимайся прежде всего за ужин» (Егунов) — «...а покамест принимайся за ужин» (ИД. С. 123).

[131] «...способствовать разумности и всяческой доблести» (Егунов. Л. 282) — «...сделать юношу умнее и доблестнее» (ИД. С. 133).

[132] «Так прощай, моя речь!» (Егунов. Л. 301) — в издании сохранен первоначальный вариант Апта (ИД. С. 151).

[133] «Рвение и любовь» (Егунов. Л. 315) — в издании сохранен первоначальный вариант Апта (ИД. С. 165).

[134] «Андрогины» (Егунов. Л. 288), то же в ИД. С. 140.

[135] См. ниже.

[136] «Подобное стремится к подобному» (Егунов. Л. 296) — в издании принята правка Егунова (ИД. С. 147).

[137] «А коль скоро он касается и ногами, и всей своей статью всегда только самого мягкого в самом мягком» (Апт. Л. 296) — «Касаясь и ногами, и всем всегда только самого мягкого в самом мягком» (Егунов) — «...он касается и ногами, и всем» (ИД. С. 147).

[138] «Все же я скажу о них, не останавливаясь перед тратой усилий» (Егунов. Л. 317) — в издании сохранен первоначальный вариант Апта (ИД. С. 167).

[139] «Будет хорошо говорить» (*др.-греч.*). «...будет говорить хорошо» (Егунов. Л. 299) — «будет говорить превосходно» (ИД. С. 150).

[140] Старая академическая шутка: γλαῦκ᾽ Ἀθήναζε φέρειν хорошо переводится «в Тулу со своим самоваром не ездят». — *Прим. Егунова.*

[141] У нашего переводчика даже реквизит подвергся русификации: вместо античных котилов у него «стаканчики». — *Прим. Егунова.*

Исправлено, см.: ИД. С. 172.

реводчик воскрешает давно забракованные и сданные в архив приемы перевода[142].

В самом деле, получается совершенная нелепость: те слои русского населения, где бытовали выражения вроде «охочи» и т. п. (очевидно, низшие слои старорежимной России), никак не могли возлежать на ложах и вести беседы об Эроте и Афродите. Не говоря уж о том, что у переводчика это носит совершенно маскарадный, псевдо-русский характер, усугубляемый вдобавок кое-где вкраплением словечка «мол» (36, 40, 45).

Все это плохо вяжется с архаизмами, допущенными нашим переводчиком: ибо (стр. 14, 51, 63 и др.), ныне (стр. 26, 29 и др.), дотоле (34 — уместно в стихотворной цитате, но неуместно на той же странице внизу)[143]. К архаизмам же относится и перевод μουσική[144] как «изящные искусства» (стр. 34) — в наше время это выражение неупотребительно.

IX

Такие слова, как наутек (61)[145], невдомек (41, 48)[146], боязно (30)[147], осрамиться (34)[148], являются в данном переводе промежуточными между старинно-фольклорным и современным нам просторечием, которое представлено в изобилии: штукарь (43)[149], выдумщики (= изо-

---

[142] В 1900 году проф. И. И. Холодняк перевел «Пир Тримальхиона», заставив древних римлян выражаться русскими присловьями, что вызвало тогда же резкое осуждение со стороны филологов и литературных критиков. — *Прим. Егунова.*

[143] Во втором случае Егунов предлагает правку «до той поры» (Егунов. Л. 298). В издании сохранен первоначальный вариант Апта (ИД. С. 149).

[144] В данном контексте: искусство, образование, духовная культура. «...Эрот хороший поэт, сведущий вообще во всяких изящных искусствах» (Апт. Л. 298) — «...Эрот — поэт, выдающийся вообще во всех видах мусических произведений» (Егунов) — «...Эрот хороший поэт, сведущий вообще во всех видах мусических творений» (ИД. С. 149).

[145] Вычеркнуто Егуновым (Егунов. Л. 327), но сохранено в издании (ИД. С. 175).

[146] Любимое слово переводчика: так у него выражается и платоновская Диотима, жрица и пророчица, и (о самом себе) писатель Томас Манн (Т. IX, стр. 209). — *Прим. Егунова.*

Первый фрагмент (л. 305—306), полностью переработан Егуновым (см. ниже). Во втором случае первоначальный вариант Апта: «...а мне это невдомек» (Апт. Л. 312) — «...а я их не понимаю» (Егунов). «Невдомек» (л. 305, 312) убрано из перевода Апта, но зато дважды внесено редакторами издания в перевод «Федра» Егуновым.

[147] «...очень даже боялся» (Егунов. Л. 294) — в издании сохранено «боязно» (ИД. С. 145).

[148] «...не упустить и здесь ничего» (Егунов. Л. 298) — «...не осрамиться и тут» (ИД. С. 148).

[149] «ремесленник» (Егунов. Л. 307) — в издании правка принята (ИД. С. 158).

бретатели, 52)[150], клевали носом (70)[151], удираю (61, δραπετεύω[152] только по звукам похожее на русское «удираю», но не по оттенку значения), удирает (17, в стихотворной цитате!)[153], болтал (= беседовал, 62)[154], не дав ему (Сократу) пикнуть (65)[155], книжонка (9)[156], если эти поэты (Гесиод и Парменид) не врут 32[157], Пошли! (= пойдем, 5)[158].

Здесь уместно задать переводчику вопрос, в какой же социальной среде происходит действие диалога? «Пир» Платона приобретает у переводчика характер грубоватых жанровых сценок, словно действие происходит в каком-нибудь кабачке среди матросов, которые, по Платону, имели репутацию людей невоспитанных (Phaedr 243c: ἀκούειν ἐν ναύταις που τεθραμμένων[159]), а не среди избранного афинского общества, афинской элиты. Аристофан в гостях у Агафона говорит совсем не языком персонажей своих комедий. Подвыпивший Алкивиад выражается вполне литературно. Но переводчику до этого нет дела. У него Агафон, поэт, автор трагедии, по характеристике Аристофана — изнеженный (Thesmoph. 52—58), по характеристике Аристотеля — тонко остроумный (Поэтика, 18, 1456: «вероятно, чтобы многое случалось и вопреки вероятию»), говорит таким языком: «Ты хочешь одурманить меня, чтобы я сбился с панталыку» (стр. 30)[160]. Или: «... чтобы мне не заразиться[161] той мудрой мыслью, которая осенила тебя в сенях» (наш переводчик, вероятно, и не заметил, какой здесь получается каламбур: «осенила в сенях». Конечно, в подлиннике нет

---

[150] «...а из занимающихся ручным трудом теми, кого называют изобретателями» (Егунов. Л. 316) — «...те из ремесленников, которых можно назвать изобретательными» (ИД. С. 166).

[151] «дремали» (Егунов. Л. 336) — «их клонило ко сну» (ИД. С. 184).

[152] «Убегать» (без просторечного оттенка) (*др.-греч.*). Егунов предлагает вариант «уклоняюсь от него, убегаю» (Егунов. Л. 327) — в издании сохранен первоначальный вариант Апта: «...я пускаюсь от него наутек, удираю» (ИД. С. 175).

[153] «упорхнув, улетает» (Егунов. Л. 281) — «упорхнет, улетая» (ИД. С. 132).

[154] «беседовал» (Егунов. Л. 328) — в издании сохранен вариант Апта (ИД. С. 177).

[155] «...не давая ему ничего больше говорить» (Егунов. Л. 331) — «...не дав ему ничего сказать» (ИД. С. 179).

[156] «сочинение одного мудреца» (Егунов. Л. 273) — «книжка» (ИД. С. 125).

[157] «...если только верны их рассказы» (Егунов. Л. 296) — «...если эти поэты говорят правду» (ИД. С. 147).

[158] «Идем!» (Егунов. Л. 269) — в издании сохранен первоначальный вариант Апта (ИД. С. 121).

[159] «...речи людей, воспитавшихся среди матросов» (пер. Егунова цит. по: ИД. С. 206).

[160] «...заворожить меня, чтобы я сбился» (Егунов. Л. 294) — «...чтобы я сбился» (ИД. С. 145).

[161] «Заразиться» в данном контексте (Агафон хочет возлечь рядом с Сократом) приобретает особый смысл, почти медицинский. Лишнее повторять, что в подлиннике этого нет. — *Прим. Егунова.*

ничего подобного)[162]. Таким образом, в творческом претворении нашего переводчика «Пир» Платона — своего рода греческая аналогия к «Пиру Тримальхиона».

X

Греческие слова συνουσία[163], χαρίζεσθαι[164] не исчерпываются тем, хотя и верным, но слишком «прямолинейным» значением, которое придает им наш переводчик: соитие, отдаваться. По-гречески это слова более общего, широкого значения, своего рода эвфемизм, а переводчик суживает, огрубляет их. Если его способ передавать эти понятия применить к иноязычным произведениям того времени, то там, где в подлиннике было бы «он ищет взаимности», в переводе оказалось бы «он хочет совокупляться».

То же самое и со словом συμμιγῆναι[165] относительно животных: переводчик передает его слишком «зоологически», как «спаривание». Я совсем не стою за то, чтобы, вследствие своего рода «викторианизма» что-нибудь оказалось завуалированным в переводе, как это делали старинные переводчики «Пира», например, такие поэты, как Расин и Шелли, но и обратное, то есть огрубление, как у нашего переводчика, также не соответствует подлиннику.

XI

Итак, на основании приведенных примеров можно сделать обоснованный вывод, что в данном переводе речевая характеристика персонажей не соответствует ни их социальному положению, ни их образованности. Разговорность языка Платона не означает бойкости речи во что бы то ни стало и любой ценой. Очевидно, по замыслу переводчика, цель Платона — потешать публику, а между тем эффект получается обратный — это только утомляет, как обычно бывает в случае неудачных острот и затянувшегося балагурства.

При неполном владении русским языком и полном отсутствии вкуса данный переводчик внушает читателю ложное представление о Платоне, который в таком адаптированном виде мало чем отличается от некоторых стихотворений Катулла или от комедии Менандра — в передаче того же переводчика[166]. Читателю данного перевода остает-

---

[162] «...чтобы мне коснуться и изведать той мудрости, что предстала перед тобою в дверях» (Егунов. Л. 270). В издании сохранен первоначальный вариант Апта: «...чтобы и мне досталась доля той мудрости, которая осенила тебя в сенях» (ИД. С. 123).

[163] «Общение, знакомство» (*др.-греч.*).

[164] «Делать приятное, угождать» (*др.-греч.*).

[165] «Соединяться» (*др.-греч.*). «Их охватывает любовная горячка сначала, когда они соединяются друг с другом» (Егунов. Л. 313) — «Они пребывают в любовной горячке сначала во время спаривания» (ИД. С. 164).

[166] Нельзя не отметить единство стиля в различных переводческих работах данного переводчика. Открываем Менандра и в первых же строках (стр. 37) встре-

ся непонятным, почему это в книгах по истории литературы, кем бы и когда бы они ни были написаны, всегда говорится о Платоне как о художнике слова, о том, что у него чистейший аттический язык и что «Пир» — одно из самых мастерских его произведений.

Хотелось бы знать, какими историко-литературными и культурно-историческими соображениями, опрокидывающими обычные представления, руководствовался переводчик в своей грубо-комедийной, условно-простонародной передаче «Пира» Платона? Было ли это следствием определенной концепции? Была ли вообще какая-нибудь концепция? Читал ли наш переводчик до этого своего перевода что-нибудь из Платона и о Платоне? Считает ли переводчик, что в каждого крупного писателя надо, как говорится, войти, постараться его понять и освоить? Элементарность этих вопросов вызывается качеством данного перевода.

XII

Но, скажут в защиту данного перевода, ведь вышеуказанные промахи все наперечет, допустим. Их сотня или полторы на 70 страниц перевода, т. е. примерно по два промаха на страницу. Удалив или изменив их, мы получили бы удовлетворительный текст. Беда, однако, в том, что операция эта не механическая, указанные особенности вросли в языковую ткань перевода, и изменение одного слова иной раз влечет за собою изменение целой фразы, так что дело это очень осложняется.

Присмотримся, однако, и к тем местам перевода, где нет этих особенностей. Там, где наш переводчик перестает наконец щеголять своими словечками, он пользуется вялым, серым языком, далеким от всякой художественности и совершенно противоречащим характеру переводимого им произведения. Тут мы встречаем такие речевые штампы: что же касается (очень часто), наблюдается (23), иметь в виду (29[167], 48[168]), безусловно (23), в данной обстановке (29)[169], убеди-

---

чаем слово «смилова́вшись» (с таким ударением), неверно употребленное в значении «смилостивиться», как ясно из контекста. Народное слово «миловаться» означает «любиться» («миловались, целовались»), так что у нашего переводчика, собственно говоря, выходит, что старик «слюбился» с женой пасынка. — *Прим. Егунова*.

Речь идет о переводе Аптом комедии Менандра «Брюзга» в изд.: *Менандр*. Комедии; *Герод*. Мимиамбы. М.: Худож. лит., 1964 (сер. «Библиотека античной литературы. Греция»). Егунов тут не совсем справедлив: в издании нет ударения в слове «смиловавшись», которое несомненно читается как «сми́ловавшись».

[167] «...я имею в виду вообще всех мужчин и всех женщин» (Апт. Л. 293) — «Но я говорю вообще о всех мужчинах и женщинах» (Егунов) — правка Егунова не была принята (ИД. С. 144).

[168] «Чтобы понять, что ты имеешь в виду» (Апт. Л. 312) — «...чтобы понять твои слова» (Егунов) — в издании сохранен вариант Апта (ИД. С. 163).

[169] «...из того, что есть сейчас» (Егунов. Л. 293) — «...из всего, что есть сейчас» (ИД. С. 144).

тельным примером может служить (11)[170], в неподходящей среде (49)[171] и т. п. Словом, это те нежелательные языковые навыки, с которыми борется в наши дни и школа и газета. В редакции какой газеты пропустят такое выражение, как «ввиду собственной бедности» (стр. 44)[172]? В сочетании с чем-нибудь античным это особенно эффектно: «в среде богов» (34)[173] или «находится всегда в состоянии войны» (Эрот! 33)[174].

Всякая поэзия при этом исчезает, теряется все характерное. Иногда получается даже комично:

«Алкестиде захотелось умереть за Адмета» (51)[175].

Общее снижение тона диалога — это своего рода модернизация в сторону серости, обыденности. При этом пропадают, в обход трудностей, также и риторические приемы, наблюдающиеся у Платона. Например, не передано πράξις... ἐν τῇ πράξει[176] (180e—181a, стр. 13). Или αἴτιον θεόν... αἴτιος[177] (194e — 195a, стр. 29) передано «бога, дарую-

[170] «...дает... достаточное доказательство в пользу такого утверждения» (Егунов. Л. 275) — «...убедительно доказала это» (ИД. С. 127).

[171] «В чем-нибудь несоответственном» (Егунов. Л. 313) — в издании сохранен вариант Апта (ИД. С. 163).

[172] «из-за своей бедности» (Егунов. Л. 308) — «в своей бедности» (ИД. С. 158).

[173] «между богами» (Егунов. Л. 298) — «среди них» (ИД. С. 149).

[174] «Ведь любовь находится всегда в состоянии войны с неизящным» (Апт. Л. 297) — «Ведь у безобразия и Эрота всегда война друг с другом» (Егунов) — «Ведь у любви и безобразия вечная распря» (ИД. С. 148).

[175] «Алкестида умерла бы за Адмета» (Егунов. Л. 315). Исправлено на: «пожелала бы умереть» (ИД. С. 21).

[176] «Действие... в действии» (*др.-греч.*). «Никакое дело не может быть ни прекрасным, ни безобразным само по себе. Например, все, что мы делаем сейчас, пьем ли, поем ли или беседуем, прекрасно не безотносительно, но в зависимости от того, как это делается, как происходит: если это совершается прекрасно и правильно, это становится прекрасным, а если неправильно, то, наоборот, безобразным» (Апт. Л. 277) — «Всякое действие обладает вот каким свойством: само по себе оно ни прекрасно, ни безобразно. Например, ничто из того, что мы сейчас делаем, пьем ли мы, или поем, или беседуем, не будет само по себе прекрасным, но может выйти таким, смотря по тому, как это делается: если это совершается прекрасно и правильно, оно становится прекрасным, а если неправильно, то, наоборот, безобразным» (Егунов) — «О любом деле можно сказать, что само по себе оно не бывает ни прекрасным, ни безобразным. Например, все, что мы делаем сейчас, пьем ли, поем ли или беседуем, прекрасно не само по себе, а смотря по тому, как это делается, как происходит: если дело делается прекрасно и правильно, оно становится прекрасным, а если неправильно, то, наоборот, безобразным» (ИД. С. 129). В своем переводе «Речи Павсания» из «Пира» Егунов предлагает следующий вариант: «Всякое *действие* имеет такие свойства: совершаемое само по себе, оно ни прекрасно, ни гадко, как, например, то, что мы сейчас делаем. Пить, петь, беседовать, — ни в чем из этого нет прекрасного как такового, но в *действии*, как все это совершается, может получиться подобное» (Архив Егунова; курсив наш. — *А. В.*, *М. Б.*).

[177] «Бога, являющегося виновником... виновник» (*др.-греч.*). «...если мы хотим прославить бога, дарующего нам это благо, мы должны славить Эрота» (Апт. Л. 293) — «Прославляя бога, дарующего нам это, мы по справедливости должны

щего нам это благо», что тоже банальный «красивый» штамп. Таких примеров можно привести много.

Особенно страдают при этом философские пассажи диалога. Например, 202а — ответственное место, касающееся платоновской гносеологии, на него нередко делаются ссылки в курсах истории греческой философии. Но наш переводчик не потрудился навести соответствующую справку и переводит это место сбивчиво и произвольно, не считаясь с установившейся терминологией: речь идет о представлении (ἡ ὀρθὴ δόξα, τὸ ὀρθὰ δοξάζειν[178]), а не о суждении, как это дает переводчик (стр. 41), деформируя тем самым философскую систему Платона.

Но возьмем для объективности, чтобы избегнуть упрека в одностороннем подборе примеров, такое место из данного перевода, где, как говорится, все в порядке, и присмотримся к работе нашего переводчика. Оставим в нетронутом виде слово «целостность» — так переводчик передает затруднительное для перевода сочетание нескольких слов подлинника, и посмотрим, как он переводит дальнейшее, не представляющее уже никаких затруднений для передачи по-русски (в правом столбце даем, с вариантами, наш дословный перевод):

...целостность, к которой нам повелительно указывает дорогу Эрот. Не следует идти против Эрота: идти против него значит навлекать на себя ненависть богов (193в)[179]	...в чем (поскольку) нам вожатый (руководитель) и военачальник — Эрот. Пусть никто не поступает наперекор (вопреки) ему, поступает же наперекор тот, кто враждует с богами (или: враждебен богам; или: навлекает на себя ненависть богов).

славить Эрота» (Егунов) — «...нам следовало бы воздать хвалу сначала самому Эроту» (ИД. С. 146).

[178] «Правильное представление, представлять правильное» (*др.-греч.*). «Стало быть, тебе невдомек, что верное, но не подкрепленное доводами суждение не является ни знанием, ни невежеством? Если оно не обосновано, какое же это знание, а если оно соответствует действительности, какое же это невежество? По-видимому, верное суждение представляет собой нечто среднее между пониманием и невежеством» (Апт. Л. 305—306). Егунов предлагает полностью заменить этот абзац: «Правильно представлять себе что-нибудь, не имея, однако, способа дать себе в этом отчет — разве ты не знаешь, что это еще не есть знание? Как могло бы быть знанием нечто безотчетное? Но это и не невежественность — как могло бы быть невежественностью то, что касается сущего? Это, конечно, всего лишь правильное представление, нечто среднее между разумностью и невежественностью» (Егунов). В издании: «Стало быть, тебе неведомо, что *верное*, но не подкрепленное доводами *представление* о чем-либо нельзя назвать знанием? Если нет объяснения, какое же это знание? Но это и не невежество. Если оно соответствует тому, что есть на самом деле, какое же это невежество? По-видимому, *верное представление* — это нечто среднее между пониманием и невежеством» (ИД. С. 156; курсив наш. — *А. В., М. Б.*).

[179] «...чтобы нам достичь целостности, в чем наш вождь и руководитель — Эрот. Пусть никто не поступает наперекор ему — а ведь поступает наперекор тот, кто враждует с богами» (Егунов. Л. 293) — «...чтобы нашим уделом была целостность, к которой нас ведет и указывает нам дорогу Эрот. Не следует поступать наперекор Эроту: поступает наперекор ему лишь тот, кто враждебен богам» (ИД. С. 144).

Переводчик разложил понятие «вожатого» на глагольную конструкцию «повелительно указывает дорогу» (отметим здесь оттенок «красивого» слога) и, продолжая этот образ, два раза повторяет слово «идти». Во второй половине приведенного примера переводчик погрешает против смысла подлинника: там говорится, что наперекор Эроту действует тот, кто вообще относится во враждебных отношениях с богами, следовательно, и с Эротом. У нашего же переводчика выходит так: кто действует наперекор Эроту (причина), тот становится ненавистен богам (следствие). Это все же не совсем то.

Приведенный пример не из худших, его можно оставить и без исправления: такой перевод, как говорится, «сойдет» — но сойдет на «тройку» и даже с минусом. Вместе с тем этот пример показателен вот в каком отношении: наш переводчик беззаботно относится к стилистическим явлениям подлинника, ему безразличны здесь два определения Эрота, выраженные в подлиннике существительными, что звучит достаточно выразительно; безразлично ему и повелительное наклонение. Он передает «как бог на душу положит», в данном случае — гладко, значит «хорошо», то есть он идет по линии наименьшего сопротивления.

XIII

Создается впечатление, что наш переводчик работал по следующему методу: охватив мысленно содержание фразы подлинника, он затем выражал его не как лучше, а как ему удобнее, пренебрегая разными «несущественными», по его мнению, деталями. При этом теряются очертания, конфигурация фразы подлинника: переводчик, словно нарочно, передает фразу подлинника не так, как она развертывается там, ставя это как бы своей задачей или считая, что в этом-то состоит сноровка переводчика.

Мне на практике известны полномочия переводчика — и вставлять лишние слова, и не считаться с частями речи, и менять предложения и т. д. и т. д.[180], но все это при условии необходимости, когда иначе

[180] Как тут не вспомнить старика Горация:

> pictoribus atque poetis (прибавим от себя: и переводчикам)
> quidlibet audendi semper fuit aequa potestas —
> scimus et hanc veniam petimusque damusque vicissim.

Но там же Гораций предостерегает от безвкусиц:

> sed non ut placidis coeant inmitia, non ut
> serpentes avibus geminentur, tigribus agni,

а как раз сочетание несочетаемого (суконный язык, расцвеченный фальшивыми блестками «народности») и делает данный перевод таким странным:

> spectatum admissi risum teneatis, amici? — *Прим. Егунова.*

Егунов приводит цитаты из «Науки поэзии» Горация:

> «Художникам, как и поэтам,

нельзя поступать из-за несоразмеримости языков[181]. У нашего переводчика нет бережного отношения к тексту. Он действует, очевидно, под флагом борьбы с буквализмом и поэтому сразу разрешает себе все, что угодно, и, не пытаясь приблизиться к подлиннику, начинает с отступлений. В результате весь его перевод — сплошное отступление.

Платон уже 40 лет не появлялся на русском языке (за исключением диалога «Теэтет» в переводе В. Сережникова, 1936 года). Поэтому особенно ответственно выступать с ним перед новым, культурно подросшим, советским читателем. Перевод С. Апта неверно передает общий тон и характер диалога «Пир», искажает слог и язык автора и поэтому должен быть признан совершенно неудовлетворительным. Для приведения перевода С. Апта в мало-мальски сносный вид пришлось в порядке «редакторской правки» переменить до $^{3}/_{4}$ текста его перевода.

XIV

Остается еще одно, уже последнее, замечание.

Возьмем следующее место на стр. 54-а: «...если бы кому-то[182] довелось увидеть высшую красоту... не обремененной человеческой плотью[183], человеческими красками и всякой другой смертной дребеденью[184], если бы божественную эту красоту можно было увидеть воочию во всей ее самобытности...»[185]. Читая это место, я обратил вни-

---

Издавна право дано дерзать на все, что угодно!»
Знаю, и сам я беру и даю эту вольность охотно.
<...>
Только с умом, а не так, чтоб недоброе путалось с добрым,
Чтобы дружили с ягнятами львы, а со змеями пташки.
<...>
Кто бы, по-вашему, мог, поглядев, удержаться от смеха?
(пер. М. Л. Гаспарова).

[181] Состав нашей братии переводчиков наш переводчик пополнил еще и демонами, так на стр. 43 он уверяет, что «демоны — переводчики». Но это, очевидно, шутка с его стороны, так же как и выше на стр. 4. — *Прим. Егунова.*

Тут же Егунов отсылает к странице своего текста (в наст. издании см. с. 155), где приводится фраза в переводе Апта «на любви собаку съели», которую Егунов может объяснить только как неуместную шутку переводчика. Согласно первоначальному варианту перевода Апта, назначение демонов — «посредничать, как переводчики, между людьми и богами» (Апт. Л. 307). Правка Егунова: «быть истолкователем и посредником» (Егунов).

[182] На своеобразном языке переводчика это означает «кому-нибудь». — *Прим. Егунова.*

[183] Здесь обременена красота, а не плоть — пример неряшливости слога нашего переводчика. — *Прим. Егунова.*

[184] «Смертная дребедень» (!!) — комментарии здесь излишни. — *Прим. Егунова.*

[185] «...если бы кому-нибудь довелось узреть самоё прекрасное, подлинное, чистое, без примеси, не заполненное человеческой плотью, красками и множеством

мание на слово «самобытность». Так переводчик передал μονοειδές[186] подлинника (211e). Тут впервые у меня мелькнула догадка, что между подлинником и данным переводом, быть может, имеется какое-нибудь посредствующее звено. Я справился в известном, в своем роде классическом немецком переводе Шлейермахера (начала XIX в.), и моя догадка подтвердилась: там было переведено «in seiner Eigenartigkeit», т. е. «в своем своеобразии»[187]. Стало быть, самобытность нашего переводчика оказалась не слишком самобытной. Начиная с этого места и до конца диалога я, проверяя данный перевод, заглядывал порою и в перевод Шлейермахера и убедился, что он не сходил с письменного стола нашего переводчика. Этим, я думаю, объясняется, что наш переводчик заставляет трагического поэта кричать на пиру «Ура!» (стр. 69) — слово, кстати сказать, несуществующее по-гречески. Juchhe! — так передано у Шлейермахера греческое ἰοῦ, ἰοῦ[188] (223a). Такое понимание данного места, однако, ошибочно. Вспомним описанную Платоном ситуацию: Агафону, по настоянию Сократа, надо переменить свое место на пиру, чтобы Сократ, в порядке условленной очереди, мог произнести в его честь похвальное слово. Поэтому Агафон покидает свое место рядом с Алкивиадом и, обращаясь к нему, полушутливо и чрезвычайно учтиво восклицает: «Увы, мне нельзя остаться». Ясно, что «Ура» здесь не подходит и было бы в устах Агафона крайней невежливостью по отношению к Алкивиаду.

Другой пример: εἴ τι ἄλλο ἢ τῆς οὐσίας τῆς ἐμῆς δέοιο ἢ τῶν φίλων τῶν ἐμῶν (218c) [189] — фраза, не представляющая затруднений для перевода, почему-то ошибочно переведена: «как и во всем другом, что зависит от меня или от моих друзей»[190]. Ошибка эта объясняется тем, что при спешной работе (а перевод диалога носит следы спешки тем больше, чем ближе к концу) переводчик в рассеянности неверно передал

прочего бренного вздора, то есть если бы кто мог узреть самоё это божественное прекрасное в единой идее?» (Егунов. Л. 319) — «...если бы кому-нибудь довелось увидеть высшую эту красоту чистой, без примесей и без искажений, не обремененную человеческой плотью, человеческими красками и всяким другим бренным вздором, если бы эту божественную красоту можно было увидеть воочию в цельности ее идеи?» (ИД. С. 169).

[186] «Единообразие» (*др.-греч.*)

[187] У Шлейермахера «in seiner Einartigkeit» (Platons Werke von F. Schleiermacher. Dritte Auflage. Berlin: Georg Reimer, 1857. S. 301), т. е. «во всем его единообразии».

[188] «Увы, увы» (*др.-греч.*). Platons Werke von F. Schleiermacher. Dritte Auflage. S. 308. Немецкое «Juchhe!» действительно может означать «Ура!».

[189] «Если бы ты нуждался в чем-либо ином, принадлежащем мне или моим друзьям» (*др.-греч.*).

[190] «...как если бы ты нуждался в чем-нибудь другом, например, в моем имуществе или в моих друзьях» (Егунов. Л. 330) — «...ведь я не отказал бы тебе, нуждайся ты в моем имуществе или в моих друзьях» (ИД. С. 178).

это место у Шлейермахера: was du irgend sonst von dem meinegin oder von meinen Freunden brauchst (перевод Шлейермахера правилен)[191].

Ограничимся этими двумя примерами, хотя их могло бы быть и больше — в мою задачу не входит сличение данного перевода с другими переводами. Вообще говоря, нет ничего зазорного, если наряду с пользованием словарями, комментированными изданиями и другими пособиями русский переводчик заинтересуется и иноязычными переводами данного произведения, тем более что хороший перевод есть, в сущности, реализованный комментарий, который может помочь в понимании трудных мест текста. Переводчик не строит свой перевод на голом месте — он должен учесть опыт своих предшественников, но к ним надо отнестись критически. Кроме того, иноязычный перевод будет вреден, если русский переводчик уделяет ему больше внимания, чем подлиннику, и руководствуется его словесными решениями, т. е. когда посредник заслоняет собою подлинник и больше, чем подлинник, впечатляет русского переводчика. Что больше впечатляло нашего переводчика — Платон или Шлейермахер — это он знает сам.

А. Егунов
ноябрь 1964 г.

Библиографический список

1. *Азов А. Г.* Поверженные буквалисты: из истории художественного перевода в СССР в 1920—1960-е годы. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2013.
2. Андрей Николаевич Егунов: рукописное наследие: (ученый и переводчик в интеллектуальной истории России). Калининград: изд-во БФУ им. И. Канта, 2023.
3. *Ахилл Татий Александрийский*. Левкиппа и Клитофонт / пер. А.Б.Д.Е.М. под ред. Б. Л. Богаевского; со вступ. ст. А. В. Болдырева. М.: Гос. изд-во, 1925 (сер. «Всемирная литература»).
4. «...словно ты выходец с того света, или, напротив, заживо странствуешь по елисейским краям»: Андрей Николаевич Егунов как филолог после 1956 года / вступ. ст., подг. текста и комм. М. Э. Баскиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2023 год. СПб.: Полиграф, 2023.
5. *Бударагина О. В.* К истории АБДЕМ (по материалам петербургских архивов) // Philologica classica. 2019. Т. 14. № 12.
6. Византийская любовная проза: *Аристенет*. Любовные письма; *Евматий Макремволит*. Повесть об Исминии и Исмине / пер., вступ. статья и комм. С. В. Поляковой. М.; Л.: Наука, 1965 (Лит. памятники).

[191] Platons Werke von F. Schleiermacher. Dritte Auflage. S. 308. Букв.: «...и в этом пошел бы тебе навстречу, и во всем том, что тебе нужно от моих ближних или от моих друзей» (*нем.*).

7. Византийские легенды / изд. подг. С. В. Полякова. Л.: Наука, 1972 (Лит. памятники).
8. Выбранные места из переписки друзей-филологов: А. И. Доватур — А. Н. Егунов — Я. М. Боровский / публ. и прим. А. К. Гаврилова и В. В. Зельченко // Древний мир и мы: классическое наследие в Европе и России. Пб.: Bibliotheca Classica Petropolitana; «Алетейя», 2000. Вып. II.
9. *Гелиодор*. Эфиопика / вступ. ст., ред. пер. и прим. А. Егунова. М.; Л.: Academia, 1932.
10. *Гелиодор*. Эфиопика / ред. пер., вступ. статья и комм. А. Егунова. М.: Худож. лит., 1965.
11. *Дашевский Г.* Россия или ад // Коммерсантъ Weekend. 2008. 19 окт. (https://www.kommersant.ru/doc/1026516).
12. *Дружинин П.* Идеология и филология: документальное исследование: в 2 т. М.: Новое лит. обозрение, 2012.
13. *Егунов А.* Введение // Полн. собр. творений Платона: в 15 т. Пб.: Academia, 1923. Т. 13: Законы. Кн. 1—6.
14. *Жебелев С. А.* Введение [к переводу диалога Платона «Пир»] // Творения Платона. Пб.: Academia, 1922. Т. V.
15. *Жебелев С. А., Радлов С. Э.* Предисловие // Полн. собр. творений Платона: в 15 т. Пб.: Academia, 1923. Т. 1.
16. *Завьялов С.* Гомер в качестве государственного обвинителя на процессе по делу русской поэзии: (о книге А. Н. Егунова «Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков») // Новое литературное обозрение. 2003. № 60 (2).
17. *Карпов В. Н.* Предисловие (к первому изданию) // Сочинения Платона: в 6 т. / пер. В. Н. Карпова. СПб.: тип. духовн. журнала «Странник», 1863. Т. 1.
18. *Манн Т.* Собр. соч.: в 10 т. / под ред. Н. Н. Вильмонта и Б. Л. Сучкова; вступ. ст. Б. Сучкова; прим. Р. Миллер-Будницкой и др. М.: Гослитиздат, 1960. Т. IX.
19. Мастерство перевода. М.: Сов. писатель, 1962. Сб. 2.
20. *Маурицио М.* «Беспредметная юность» А. Н. Егунова: текст и контекст. М.: Изд-во Кулагиной, 2008.
21. *Менандр*. Комедии; *Герод*. Мимиамбы. М.: Худож. лит., 1964 (сер. «Библиотека античной литературы. Греция»).
22. *Николев А.* (*Андрей Н. Егунов*). Собрание произведений / под ред. Глеба Морева и Валерия Сомсикова. Wien: Gesellschaft zur Förderung Slawistischer Studien, 1993 (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 35).
23. *Николев А.* По ту сторону Тулы: советская пастораль / статья Д. М. Бреслера и К. Е. Константиновой; комм. А. А. Агапова, Д. М. Бреслера и К. Е. Константиновой. М.: Носорог, 2022.
24. *Петров Вс. Н.* Калиостро: (воспоминания и мысли о М. А. Кузмине) // Новый журнал (Нью-Йорк). 1986. № 163.
25. *Петроний Арбитр*. На ужине у Трималхиона: (отрывок из Satyricon) / пер. И. И. Холодняка // Филологическое обозрение. 1900. Т. XVIII. Приложение. Отд. изд.: 1900.
26. *Платон*. Избранные диалоги / сост., вступ. ст. и комм. В. Асмуса; ред. переводов А. Егунов. М.: Худож. лит., 1965.
27. *Платон*. Пир. Беседа о любви / пер. с греч. И. Д. Городецкого. М.: Дилетант, 1908.

28. *Платон.* Сочинения: в 3 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1971. Т. 3.
29. *Платон.* Теэтет / пер. с греч. и прим. В. Сережникова. М.; Л.: Соцэкгиз, 1936 (сер. «Классики философии»).
30. Поздняя греческая проза / пер. с др.-греч.; сост., вступ. ст. и прим. С. Поляковой. М.: Гослитиздат, 1961.
31. Полн. собр. творений Платона: в 15 т. / новый пер. под ред. С. А. Жебелева, Л. П. Карсавина, Э. Л. Радлова. Пб.: Academia. 1923. Т. 13, 14.
32. *Полякова С. В.* <Рецензия> // Вестник древней истории. 1965. № 3.
33. *Светлов Р. В.* А. Н. Егунов о переводе платоновского диалога «Пир» // Платоновские исследования. 2023. № 19 (2).
34. *Светлов Р.*, *Минак В.* А. Н. Егунов как переводчик Платона // Платоновские исследования. 2022. Вып. 17 (2).
35. [*Сидоровский И., Пахомов М.*] Предуведомление от переводивших // Творений велемудраго Платона часть первая, переложенная с греческаго языка на российский свящ. Иоанном Сидоровским и коллежским регистратором Матфием Пахомовым, находящимся при Обществе благородных девиц. СПб.: при Имп. Акад. Наук, 1780.
36. *Соловьев Вл.* Предисловие // Творения Платона / пер. с греч. Вл. Соловьева. М.: К. Т. Солдатенков, 1899. Т. 1.
37. *Сомсиков В. И.* Жизненный и творческий путь А. Н. Егунова // Греколатинский Кабинет. 1997. Вып. 2.
38. *Трубецкой С. Н, кн.* Предисловие // Творения Платона / пер. с греч. Владимира Соловьева, М. С. Соловьева и кн. С. Н. Трубецкого. М.: изд. К. Т. Солдатенкова, 1903. Т. 2.
39. *Ярхо Б. И.* Предисловие // *Петроний Арбитр.* Сатирикон / пер. *** под ред. Б. И. Ярхо. М.; Л.: Гос. изд-во, 1924.

II. ПУБЛИКАЦИИ

DOI: 10.31860/978-5-918680-445-173-241

ПУТЕШЕСТВИЕ АПОЛЛОНА МАЙКОВА ПО ВЫЗОВУ МОРСКОГО МИНИСТЕРСТВА В ПИСЬМАХ К БЛИЗКИМ (плавание на корвете «Баян» 1858—1859 гг.)

Часть I

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. В. Романовой)

Аннотация: Впервые публикуются полные тексты писем 1858—1859 гг. Аполлона Николаевича Майкова (1821—1897), написанных им во время путешествия на корвете «Баян» по заданию Морского министерства в Европу, Средиземное море и в Греческий архипелаг. Во вступительной статье подробно рассказано о двух возможностях поездки в «литературную экспедицию» — в 1852 и 1855 гг., которые не осуществились. Изложены подробности третьей поездки 1858—1859 гг. Статья написана с привлечением многочисленных архивных источников.

Ключевые слова: А. Н. Майков (1821—1897); корвет «Баян»; «литературная экспедиция»; письмо; переписка; архивные материалы.

Abstract: The full texts of the letters of the Russian poet Apollon Nikolaevich Maykov (1821—1897) from 1858—1859 are published for the first time. They where written by him during a trip on the corvette «Bayan». On instructions of the russian Naval Ministry the corvette went to Europe, the Mediterranean Sea and the Greek Archipelago as part of the Mediterranean squadron. The introductory article details two opportunities to go on a «literary expedition», in 1852 and 1855, which did not materialize. The details of the third trip of 1858—1859 are outlined. The article was written with the assistance of numerous archival sources.

Keywords: A. N. Maikov (1821—1897); corvette «Bayan»; «literary expedition»; letter; correspondence; archival materials.

Из сохранившегося эпистолярного наследия Аполлона Майкова многое опубликовано. Однако при комментировании писем И. А. Гончарова, которые войдут в готовящийся к изданию т. 16 Полного собрания сочинений и писем, выяснилось, что одна из тем, затронутых романистом в корреспонденции 1858—1859 гг., — путешествие Майкова на корвете «Баян» в Средиземное море и к греческому Архипелагу — до сих пор освещалась исследователями очень кратко[1]. При

[1] Практически все эти упоминания основывались на нескольких строках в биографическом очерке М. Л. Златковского «Аполлон Николаевич Майков. 1821—

© Романова А. В., 2024

этом в Рукописном отделе ИРЛИ находится несколько писем поэта к родственникам о путешествии, но они до сих пор не были напечатаны. Также имеется неопубликованная переписка этого периода, которая велась между родственниками, друзьями и знакомыми поэта. О. В. Седельникова писала: «В истории русской культуры XIX в., кажущейся на первый взгляд детально и всесторонне изученной, немало белых пятен. Это в полной мере может быть отнесено к творческой деятельности А. Н. Майкова <...>»[2].

Следует сказать, что архив поэта попал в Пушкинский Дом сложным путем. В 1919 г. в «Отчете о деятельности Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук за 1918 г.» (Пг., 1919) указано, что в числе приобретений Пушкинского Дома имеется архив семьи поэта А. Н. Майкова (рукописи стихотворений, переписка, семейные портреты)[3]. Из дальнейших документов, отложившимся в том же архивном деле, выясняется, что о передаче материалов в 1918 г. договорились инициатор — Б. Л. Модзалевский и владелица архива — Вера Владимировна Майкова, внучка поэта[4]. При посещении ее квартиры Б. Л. Модзалевским был составлен «Краткий перечень предметов, относящихся к Аполлону Николаевичу Майкову, передаваемых Пушкинскому Дому», в котором под № 4 значится «Переписка»[5]. Однако весь архив не сразу попал в Пушкинский Дом, потому что в связи с событиями Гражданской войны в районе Гатчины ока-

1897» (СПб.: А. Ф. Маркс, 1888. С. 48—49; 2 изд., значит. доп. СПб.: тип. П. П. Сойкина, 1898. С. 54—55). Приносим извинения читателям за то, что ранее первым биографом поэта нами ошибочно был назван Д. Д. Языков, а не М. Л. Златковский. К обзору в нашей статье: «Литератор Майков: (из комментария к письмам И. А. Гончарова 1858—1859 годов)» (Руская литература. 2023. № 3. С. 147—148) следует добавить несколько замечаний в комментариях И. Г. Ямпольского к произведениям и письмам Майкова (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л.: Наука, 1976; Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л.: Наука, 1977) и Л. С. Гейро в комментариях к «Избранному» (Л.: Сов. писатель, 1977 (сер. «Библиотека поэта»)) и в т. 2 Собрания сочинений А. Н. Майкова (М.: Правда, 1984).

[2] *Седельникова О. В.* «Порядок путешествия беспорядочных путешественников» А. Н. Майкова // *Майков А. Н.* Путевой дневник 1842—1843 гг. Итальянская проза / сост., подг. текстов, статья и комм. О. В. Седельниковой. СПб.: Пушкинский Дом, 2015. С. 235.

[3] СПбФ АРАН, ф. 150, оп. 1 (1916), д. 1, л. 54.

[4] Она писала: «Милостивый государь Борис Львович, Вы доставите мне большое удовольствие, посетив меня по интересующему Вас делу, которое одним своим определением заинтересовало уже и меня. Я могу быть к Вашим услугам хотя бы сегодня от 6 час<ов> (по нов<ому> вр<емени>). Прошу Вас, милостивый государь, принять уверение в совершенном моем почтении и преданности, В. Майкова. Четверг. <*Далее дата неизв. рукой:*> 22.VIII.1918 (по календарю это среда. — *А. Р.*). Гатчина» (Там же, л. 177—177 об.).

[5] Там же, л. 178.

зался временно отрезан от получателя. Перипетии этой истории требуют отдельного рассказа.

Письма о путешествии 1858—1859 гг. представляют несомненный интерес для исследователей биографии и творчества поэта. Документы и семейная переписка Майковых, находящиеся в РО ИРЛИ, очень многочисленны. При работе над статьей нами были обследованы дела, наиболее вероятные в плане обнаружения соответствующих писем. Также была просмотрена переписка 1857—1859 гг. друзей поэта — М. Ф. Штакеншнейдер[6] и Я. П. Полонского[7], содержащая упоминания о перемещениях Майкова по Европе.

Путешествие поэта на «Баяне» было частью большого проекта «литературной экспедиции», организованной Морским министерством по инициативе великого князя Константина Николаевича. Хотя участниками «литературной экспедиции»[8] было написано несколько книг, очерков и статей, Майкова нет среди авторов. Впоследствии уже о самих участниках было написано довольно много, но Майкова практически нет среди героев этих повествований.

Известно, что Майков мог отправиться на фрегате «Паллада» в 1852 г. в качестве секретаря, но отказался, чем дал возможность поехать Гончарову. Ничего о приглашении его в экспедицию нет ни в личном деле, хранящемся в РГИА, ни в делах Морского министерства, находящихся в РГА ВМФ.

Таким образом, можно сказать, что на данный момент всё, что опубликовано о приглашении Майкова в 1852 г., содержится в записках С. И. Смирновой-Сазоновой, процитированных в комментарии к «Фрегату “Паллада”»[9], и в нескольких письмах И. А. Гончарова, обзор которых сделан там же, а полные тексты опубликованы в т. 15

---

[6] *Штакеншнейдер Мария Федоровна* (урожд. Халчинская; 1811—1892) — жена архитектора А. И. Штакеншнейдера, друг А. Н. Майкова и Я. П. Полонского.

[7] *Полонский Яков Петрович* (1819—1898) — поэт, прозаик, литературный критик.

[8] Напомним, что это были И. А. Гончаров, А. Н. Островский, А. Ф. Писемский, Д. В. Григорович, А. С. Афанасьев-Чужбинский, С. В. Максимов, М. Л. Михайлов, А. А. Потехин, Г. П. Данилевский и др.

[9] «Норов, сделанный министром народного просвещения <...> не был вовсе знаком с молодой русской литературой. Когда вышло распоряжение откомандировать с фрегатом, отправлявшимся в кругосветное плавание, кого-нибудь из русских писателей, он обратился за советом к Данилевскому, кого бы послать.

— Да кого хотите, Ваше пр<евосходительст>во. Все поедут.

— Ну вот поезжай ты!

Д<анилевский> замялся. Он в то время был помолвлен.

— Пошлите лучше Майкова. <...>

Д<анилевский> к Майкову. Тот и руками и ногами. Не хочет оставлять семью» (цит. по: *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 2000. Т. 3. С. 399—400. Далее ссылки на это издание даются в виде: *Гончаров*. ПССиП. Т. ... С. ...).

ПССиП. Здесь стоит напомнить, что 23 авг. 1852 г. Гончаров сообщал М. А. и Е. А. Языковым сразу после получения предложения о поездке: «Аполлону Майкову предложили, не хочет ли он ехать в качестве секретаря этой экспедиции, причем сказано было, что, между прочим, нужен такой человек, который бы хорошо писал по-русски, литератор. Он отказался и передал мне»[10], а в письме Евг. П. и Н. А. Майковым 20 нояб. (2 дек.) 1852 г., обращаясь к Евгении Петровне, вспоминал об этом и объяснял свое решение: «Вы, объявляя мне об этом месте (секретаря), прибавили со смехом: “Вот вам бы предложить!” Мне захотелось показать Вам, что я бы принял это предложение. А скажи Вы: “С какой бы радостью вы поехали!” — я бы тут же стал смеяться над предположением, что я поеду, и, разумеется, ни за что бы не поехал. Я пошутил, говорю Вам, вон спросите Льховского: я ему тогда же сказал, а между тем судьба ухватила меня в когти, и вот я — жертва своей шутки. Вы знаете, как всё случилось. Когда я просил Вас написать к Аполлону, я думал, что Вы не напишете, что письмо нескоро дойдет, что Аполлон поленится приехать и опоздает, что у адмирала кто-нибудь уже найден или что, увидевшись с ним, скажу, что не хочу. Но адмирал, прежде моего “не хочу”, уже доложил письмо, я — к графу, а тот давно подписал бумагу, я хотел спорить в департаменте, а тут друзья (ох, эти мне друзья, друзья) выхлопотали мне и командировку, и деньги, так что, когда надо было отказаться, возможность пропала»[11]. Но, разумеется, причины поездки Гончарова были глубже — в том же письме он определил их так: его мучило «сознание бесполезно гниющих сил и способностей», он «заживо умирал дома от праздности, скуки, тяжести и запустения в голове и сердце», и понимал, что все это «надо было изменить на что-нибудь, худшее или лучшее, — это всё равно, лишь бы изменить»[12].

Что же касается личных обстоятельств Майкова, то 11 июля 1852 г. он, библиотекарь Румянцевского музеума, подал заявление на замещение вакантной должности цензора в Комитете цензуры иностранной[13]. От того, займет ли он эту должность, зависело его материальное благополучие и благополучие любимой им женщины. Дело тянулось несколько месяцев, а фрегат «Паллада» отправлялся в экспедицию 7 октября. Таким образом, препятствия к поездке были неоспоримы. 29 окт. 1852 г. Майков, выдержав конкурс, перешел на службу исполняющим должность младшего цензора[14]. Через две недели,

[10] *Гончаров.* ПССиП. Т. 15. С. 100.

[11] Там же. С. 113—114.

[12] Там же. С. 109, 113.

[13] РГИА, ф. 779, оп. 1, д. 14, л. 1. См. об испытании кандидатов в цензоры, проведенном А. И. Красовским: Комитет цензуры иностранной в Петербурге, 1828—1917: док. и материалы. СПб.: Российская нац. б-ка, 2006. С. 199 (описание и цитаты из документов в статье М. Л. Златковского).

[14] Там же, л. 13. Профессор Санкт-Петербургской духовной академии В. Н. Карпов, испытывавший троих кандидатов на знание иностранных языков, отметил,

12 ноября, вступил в брак с Анной Ивановной Штеммер[15]. Передача места в экспедиции Гончарову его не огорчила[16].

Возможность отправиться в путешествие в 1855 г., т. е. уже в составе второй части литературной экспедиции (1855—1861), более документированна. Великий князь Константин Николаевич, управляющий Морским министерством, 11 авг. 1855 г. отдал приказ директору Комиссариатского департамента министерства кн. Д. А. Оболенскому «...поискать между молодыми даровитыми литераторами <...> лиц, которых мы могли бы командировать на время <...> для исследования быта жителей, занимающихся морским делом и рыболовством, и составления статей в "Морской сборник", не определяя этих лиц к нам на службу»[17]. Предполагалось, что литераторы будут составлять очерки «в духе прекрасных статей г. Гончарова»[18].

На этот раз Майков очень хотел отправиться в экспедицию. Он переживал творческий кризис (см. ниже его сожаления в письмах к М. П. Заблоцкому-Десятовскому и Я. П. Полонскому). Однако он не хотел потерять место службы (для сравнения: Гончаров, отправляясь в экспедицию, был чиновником Департамента внешней торговли, и первоначально предполагалось, что место за ним не сохранится[19]).

что каждый из них «рассмотрел в моей квартире около двадцати сочинений разного содержания на французском и немецком языках, а г. Майков сверх этого числа еще две книги на итальянском языке» и все трое письменно изложили свои мнения о книгах (Там же, л. 9 об.). См. об испытании кандидатов в цензоры, проведенном А. И. Красовским: Комитет цензуры иностранной в Петербурге., 1828—1917: док. и материалы. С. 199; также у М. Л. Златковского.

[15] РГИА, ф. 779, оп. 1, д. 14, л. 19; Комитет цензуры иностранной в Петербурге, 1828—1917: док. и материалы. С. 200; см. также у М. Л. Златковского.

[16] Момент передачи места другому литератору, в частности по матримониальным соображениям, повторился — в комическом виде — среди друзей Майкова. 11 авг. 1857 г. Полонский писал М. Ф. Штакеншнейдер из Баден-Бадена: «Тут есть еще некто Врангель (по-видимому, Федор Егорович, сын брата Ф. П. Врангеля — Егора Петровича. — *А. Р.*) — молодой человек — комедия! Он племянник управляющего Морским Министерством и зачислен в экспедицию кругосветную на место Гончарова секретарем (имеется в виду, что на таких же условиях, как Гончаров на «Палладу». — *А. Р.*). Добрый малый, но глуп — а далеко, весьма далеко не образован — и, думаю, письма не напишет складно по-русски. Вообразите, этот Врангель влюбился в Наденьку Смирнову (я его поверенный), в него также влюблены до безумия — и он уже намерен свататься — вчера на балу было уже объяснение — он говорит, что отказывается от экспедиции и от секретарства и предлагает мне поехать кругом света вместо него» (РО ИРЛИ, р. III, оп. 2, ед. хр. 2069—2070, л. 2 об.). Полонский отказался.

[17] РГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 1069, л. 1.

[18] Там же, л. 7 об.—8.

[19] 28 августа адмирал Е. В. Путятин ходатайствовал перед министром финансов: «Для письменных дел и производства отчетности в предстоящем плавании я имею честь ходатайствовать у Вашего сиятельства о назначении секретарем на фрегат "Паллада" служащего в Департаменте Внешней Торговли Столоначальника коллежского асессора Гончарова, если не имеется препятствий к увольнению сего

Отправка литераторов затормозилась, и 26 окт. 1855 г. управляющий Морским министерством Ф. П. Врангель писал вел. кн. Константину Николаевичу в ответ на его письмо от 14 октября: «Вашему Императорскому Высочеству угодно было знать, зачем стало дело о командировании молодых литераторов для составления статей для Морского сборника. Во исполнение сего, долгом поставлю донести, что министр уделов не согласился уволить для сего на год служащего в его министерстве г. Писемского иначе, как если он будет переведен в морское ведомство, на что я согласиться не мог, имея в виду волю Вашего высочества, что лица сии не будут состоять на службе в Морском министерстве. Опасаясь такого же отказа, г. Майков просит повременить, хотя недоволен, надеясь в это время исходатайствовать себе позволение на годовую отлучку у своего начальника г. министра народного просвещения <...>». Далее упомянуто, что от поездки отказался Я. П. Полонский, также боясь потерять место службы. Врангель заключил отчет словами: «...я полагал бы войти с представлением о назначении денежного пособия сим литераторам по получении окончательного отзыва Майкова, ибо в настоящее время один только Афонасьев (А. С. Афанасьев-Чужбинский. — *А. Р.*) готов к поездке»[20]. Видимо, отзыв Майкова задержался или содержал ответ об отказе начальства, поэтому великий князь писал министру народного просвещения А. С. Норову[21] 27 нояб. 1855 г.: «Весьма желая отправить <...> на Дон и к берегам Азовского моря служащего в министерстве народного просвещения г. *Майкова*, я прошу Ваше превосходительство, в личное мне одолжение, за которое буду весьма благодарен Вам, предоставить на восемь месяцев, считая с февраля будущего года, г. Майкова в мое распоряжение, оставляя его во все это время на службе по вверенному Вам министерству и с тем, что пособие на путевые издержки он получит от морского ведомства»[22]. Вознаграждение предполагалось по 100 рублей серебром в месяц на дорожные расходы (первые 600 — сразу, при отъезде из Петербурга), а кроме того, ожи-

---

чиновника из Министерства финансов» (*Алексеев А. Д.* Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1960. С. 37; РГА ВМФ, ф. 283, оп. 2, д. 5794, л. 71). Но Гончарова не уволили, и в путешествии он формально продолжал службу, получив, между прочим, повышение в чине: 5 июня 1854 г. он, по Высочайшему разрешению, в порядке исключения, за особые заслуги в должности секретаря, получил старшинство в чине коллежского ассесора с 10 сент. 1846 г. (см.: РГИА, ф. 1284, оп. 66, д. 49, л. 29—37). Гончарова не только не уволили из департамента, но он получал жалование и там, и на фрегате (этот вопрос подробно рассмотрен в ст.: *Балакин А. Ю.* «Я бережлив от непривычки к деньгам...» // Slavica Revalensia. 2019. Vol. 6. P. 99—120).

[20] РГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 1069, л. 20 — 21.

[21] *Норов Авраам Сергеевич* (1795—1869) — государственный деятель, министр народного просвещения в 1853 — начале 1858 г., ученый, литератор, путешественник.

[22] РГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 1069, л. 24—24 об.

далось, что литераторы, отправляющиеся в экспедицию, напишут столько статей, сколько пожелают, и, отдав их в «Морской сборник» (поддержка которого была одной из целей всего предприятия), получат за них вознаграждение независимо от прочих сумм[23]. Норов обратился с письмом к председателю Комитета цензуры иностранной А. И. Красовскому, непосредственному начальнику Майкова[24]. Тот, используя официальный, нейтральный стиль, в ответном письме подробнейшим образом изложил причины, по которым отсутствие Майкова на службе становилось невозможным[25]. 9 дек. 1855 г. Норов писал великому князю, используя выкладки Красовского: «Поспешаю почтительнейше донести до сведения Вашего Императорского Высочества, что я готов предоставить в Ваше, милостивый государь, распоряжение надворного советника Майкова, но при сем случае не могу не довести до сведения <...> те затруднения, которые произойдут для Комитета цензуры иностранной от столь продолжительного отсутствия одного из цензоров. Число членов Комитета весьма ограничено, и в нем постоянно стекается чрезвычайное множество новых иностранных книг, тогда как еще остается значительное количество непрочитанных от прежних лет. Посему замена Майкова другим лицем, на время его отсутствия, необходима, и хотя я с своей стороны признаю возможным командировать сего чиновника <...>, если последует на то Высочайшее Государя Императора соизволение, но вместе с тем считаю долгом ходатайствовать о производстве ему во время командировки содержания из сумм Морского ведомства, по тому уважению, что штатные его оклады необходимо потребуются на вознаграждение того чиновника, который заменит его»[26].

В результате конфликта ведомственных интересов Майков не поехал. В письме М. П. Заблоцкому-Десятовскому от конца 1855 — начала 1856 г. он жаловался: «Ох, как бы я теперь желал хоть на год отделаться от Петербурга и пошляться по России, чтобы и для себя начать новую жизнь, и попробовать — может быть, к чему-нибудь послужит опыт литературный — решить для меня самого вопрос, не решаемый другими, — есть ли у меня какой талант или нет. Такой случай представлялся мне. В<еликий> к<нязь> Константин Николаевич вызывал охотников из литераторов ехать в разные концы России для осмотра прибережий и описания их в “Морской сборник”. Я просил, но мое министерство не пустило, а поездка была бы для меня новой эпохой жизни»[27]. Позже, в апреле, он писал А. Ф. Писемскому: «Мы передвигаемся в Гатчину на лето, в утешение, что не удалось поехать в экспе-

[23] Там же, л. 29—29 об.

[24] РГИА, ф. 779, оп. 1, д. 14, л. 32—32 об. В тот момент Майков был младшим цензором.

[25] Там же, л. 34—35 об.

[26] РГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 1069, л. 44—45.

[27] *Майков А. Н.* Письма / публ. И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. С. 84.

дицию; этого я никогда не прощу тем, от кого вышло препятствие, и по злобе на них я почти перестал к ним ходить — ты понимаешь, кто не пустил-то...»[28].

24 дек. 1857 г. вел. кн. Константин Николаевич, предполагая три новые морские экспедиции, сообщил А. С. Норову, что «весьма желал бы для составления описания оных послать с каждой экспедицией одного из наших молодых литераторов, которые доказали уже свои дарования. Вследствие этого г. Майков <...> изъявил готовность отправиться в Архипелаг в том случае, если б ему было сохранено нынешнее место и содержание»[29]. Майков побеседовал с Норовым, который снова, как в 1855 г., не захотел сам принимать решение и воспользовался выводами компетентного сотрудника. А. И. Красовский умер в декабре 1857 г., поэтому Норову ответил старший цензор Г. Р. Дукшта-Дукшинский, придерживавшийся уже духа нового времени: «В полном убеждении, что подобное путешествие всего более способствует к образованию и просвещению человека и что, чем чиновник образованнее, тем он полезнее для службы, особенно для цензурной, я думаю, что вообще, временное отсутствие г. Майкова может обратиться к вящей пользе Комитета». Более того, Дукшта-Дукшинский видел пользу в том, что образованные молодые люди, служащие при Комитете цензуры иностранной (КЦИ), но еще не допущенные к цензурованию книг, могли бы начать такую работу под руководством старшего цензора: «не только помянутое число рапортов (о книгах, приходящихся на долю отсутствующего Майкова. — *А. Р.*) было бы пополнено, но и Комитет приобрел бы возможность образовать постепенно кандидатов для цензурного дела, в котором всегда ощущается недостаток при открывающихся вакансиях»[30] .

Дело двинулось. Майков писал ближайшему другу, Я. П. Полонскому, бывшему в тот момент в Италии: «Теперь я нахожусь впопыхах. Морское минист<ерство> опять вызывает литераторов для придания бессмертия своим экспедициям. На сей раз отправляются: Льховский[31] в Тихий океан на 2 года, Григорович[32] в Средиземное море на 1 год и я в Архипелаг. Я сделаюсь скоро чем-то вроде вечных искате-

[28] *Майков А. Н.* Письма. С. 89. Майков, вероятно, говорил не только о Красовском (известна характеристика, записанная при известии о его смерти А. В. Никитенко: «Умер <...> человек с дикими понятиями, фанатик и вместе лицемер, всю жизнь, сколько мог, гасивший просвещение» (*Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 1. С. 463)), но и о Норове.

[29] Комитет цензуры иностранной в Петербурге, 1828—1917: док. и материалы. С. 113.

[30] Там же. С. 114.

[31] *Льховский Иван Иванович* (1829—1867) — чиновник, на тот момент секретарь канцелярии обер-прокурора 1-го департамента сената, литератор, сотрудничавший в «Библиотеке для чтения» и «Сыне отечества», близкий друг И. А. Гончарова.

[32] *Григорович Дмитрий Васильевич* (1822—1900).

лей, вечных кандидатов на какое-нибудь место <...> своими сборами и вызовами ехать куда-нибудь, и куда угодно. Не знаю, удастся ли теперь <...>»[33].

Судя по письму И. И. Льховского к Майкову от 27 февр. 1858 г., поэт нервничал: «Я был сегодня, любезный Аполлон Николаевич, в Инспектор<ском> департ<аменте> у генерала Краббе[34], которому сказал, что меня привел к нему слух, что экспедиция в Пирей не состоялась: так, мол, не случится ли этого и с восточной экспедици<е>ю. Он говорил, что это вздор, что "Баян" будет готов[35] (это же говорил мне и офицер, приехавший сегодня из Кронштадта), что ему очень досадно, что вы его не застали и поверили пустому слуху, что ему хотелось бы познакомиться с Вами и Григоровичем (от 1 до 2 его всегда можно застать в Департаменте) и что, во всяком случае, не должны смущаться слухами, а обращаться прямо к нему с своими сомнениями. Ему, видите, поручено это дело, так он и должен сделать все, что может. Вообще это — наилюбезнейший генерал, и, если будет так мягко спать, как он стелет, то лучшего и не надо. Впрочем, и за то, т. е. за великую любезность его — спасибо. Вы с этим согласитесь, когда увидитесь с ним. Я сказал, что вы не были, возможно, потому что не получили еще[36] уведомления, как мы с Григоровичем. Чтò за нежности! возразил этот любезнейший генерал: ведь это одна форма... До свиданья. Поклонитесь, пожалуйста, от меня Анне Ивановне и попросите не сердиться на меня: я, может быть, разрушаю ту, не лишенную удовольствия, досаду, которую мысль, что ваша поездка расстроилась, должна была поселить в ней. Ваш Льховский»[37].

Свои надежды и сомнения относительно поездки Майков высказал в письме Полонскому (без даты, но, по-видимому, раньше, чем следующее за этим письмо от 2 марта): «Самое важное, что могу сообщить о себе, — это то, что я нà год уезжаю из Петербурга. Морское министерство предположило посылать литераторов при своих экспедициях для того, чтоб оставалась об них литературная память. В числе вызвавшихся — с ними и я, вечный кандидат на странствия. На сей раз это удалось, и я еду в Архипелаг — Грецию, Констан<тинополь>, Ерусалим, Египет. <...> Не знаю только, что я напишу из путешествия. Специальности у меня нет и быть не может. Не может быть в моих

[33] РО ИРЛИ, № 16684, л. 74 об. Письмо без даты, но, по-видимому, это февраль — начало марта 1858 г. Здесь и далее благодарим Надежду Викторовну Калинину и Андрея Петровича Дмитриева за помощь в прочтении неясных слов.

[34] *Краббе Николай Карлович* (1814—1876) — на тот момент контр-адмирал, директор Инспекторского департамента Морского министерства.

[35] Парусно-винтовой корвет «Баян» был построен в 1856—1857 гг. в Бордо, спущен на воду 11 июля 1857 г.; 28 окт. 1857 г. прибыл в Кронштадт на достройку (см.: *Веселаго Ф. Ф.* Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб.: тип. Морского мин-ва, 1872. С. 126—127).

[36] *Далее было:* пред<писания>.

[37] РО ИРЛИ, № 16854, л. 1—2.

письмах и интереса новизны, как надо <?> в кругосветном путешествии. Все эти места известны и описаны. Что я напишу? Не понимаю — и отдаюсь на произвол случая и впечатлений. Бросился же я на призыв ехать, потому что чувствую, нет возможности сидеть век на одном месте — и в таком скверном месте как Петербург, даже и при хорошей, сердечной обстановке. Страннический посох — всё передо мною, всё таинственно что-то обещает, и манит, и хочется отдаться его водительству, несмотря на разлуку, на слезы, на горечь одиночества!.. Наконец, хочется и этой горечи одиночества»[38].

В своих переживаниях Майков только отчасти схож с Гончаровым. Однако в остальном поэт был совершенно иным человеком по складу характера. Гончаров, в отличие от него, называл себя — «вечный путешественник, как и всякий, у кого нет своего угла, семьи, дома»[39].

2 марта Майков снова делился с Полонским своими сомнениями: «Я все нахожусь в хлопотах. Собираюсь к поездке в Архипелаг, учусь по-гречески[40], это для путешествия <...>. Насчет поездки весьма естественна во мне борьба, два голоса, один зовет в неизвестную даль, в эту бродячую жизнь, в которой представилось столько заманчивого, новых чувств, новой толпы <?>, новой обстановки... но вместе с тем тяжело оторваться от семьи. Ну, как кого-нибудь из нас не хватит на лицо <так!> через год?»[41].

Однако дело набирало ход. 17 марта директор Инспекторского департамента Морского министерства передал в Гидрографический департамент распоряжение генерал-адмирала вел. кн. Константина Николаевича[42] о том, что разрешается пользоваться (для работы над очерками) «сочинениями, имеющимися в Библиотеке Гидрографического Департамента, на том же основании, как это разрешено офицерам Морского ведомства», и продублировал его троим литераторам[43].

---

[38] РО ИРЛИ, № 16684, л. 72—72 об.

[39] Письмо к Евг. П. и Н. А. Майковым от 20 нояб. (2 дек.) 1852 г. (*Гончаров.* ПССиП. Т. 15. С. 109).

[40] Майков занимался с Гавриилом Спиридоновичем Дестунисом (1818—1895), историком и филологом, выпускником Санкт-Петербургского университета, впоследствии доктором греческой словесности, ординарным профессором. На момент занятий с Майковым Дестунис был учителем греческого языка в Институте восточных языков и преподавал историю в женских институтах. Сохранилось несколько коротких записок Майкова о назначении и переносе уроков (РО ИРЛИ, р. I, оп. 17, ед. хр. 466). Летом 1858 г. Майков бывал у Дестуниса на даче в Стрельне (РО ИРЛИ, № 12613, л. 142—142 об.); отношения с ним поддерживал многие годы.

[41] Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. С. 103 (публ. И. Г. Ямпольского), сверено по: РО ИРЛИ, № 16684, л. 54—54 об. О переменах настроения Майкова перед путешествием, о том, что ему и хочется, и не хочется уезжать, писала Е. А. Штакеншнейдер в своем дневнике 21 апреля и 26 мая 1858 г. (*Штакеншнейдер Е. А.* Дневник и записки (1854—1886). М.; Л.: Academia, 1934. С. 202, 213).

[42] РГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 1069, л. 20.

[43] Там же, ф. 432, оп. 5, д. 3106, л. 21.

Майков продолжал колебаться. «Ап<оллон> крепко скучает и готов бы был отказаться от путешествия», — писала М. Ф. Штакеншнейдер Я. П. Полонскому 19 мая[44].

Майков на этот раз поставил условие, от которого зависело его согласие на путешествие. «Очень вероятно, что Ап<оллон> и не поедет. На его условия не хотят согласиться, т. е. если оставить ему полное содержание и сверх того еще дать за экспедицию. Будут делать новый доклад, — и чем решат, неизвестно. Он, кажется, рад ко всему придираться, чтоб только не уезжать», — писала М. Ф. Штакеншнейдер Я. П. Полонскому 24 мая (5 июня) 1858 г.[45] Однако условие было исполнено. 29 мая министр народного просвещения Е. П. Ковалевский сообщил в КЦИ: «Государь Император, по всеподданнейшему докладу государя великого князя, генерал-адмирала[46], высочайше соизволил на откомандирование младшего цензора Комитета цензуры иностранной, коллежского советника *Майкова*, на годичный срок в Морское ведомство, для назначения его в морскую экспедицию, отправляемую в сем году в Грецию и Архипелаг, с сохранением ему в это время получаемого им ныне от Министерства народного просвещения содержания, по 2500 рублей серебром в год, и без назначения ему затем от морского ведомства содержания по означенной командировке. <...> На время же отсутствия г. Майкова чтение иностранных книг в КЦИ я возлагаю, с обязанностями, лежащими на младших цензорах, на чиновника особых поручений при мне, статского советника Лангера, которому вместе с сим и делаю надлежащее по сему предмету предписание»[47]. Вслед за этим решение было, по-видимому, уточнено, и 10 июня Ковалевский снова писал: «Государь Император высочайше повелеть соизволил: при назначении <...> Майкова <...> производить ему от Морского ведомства, со дня отправления его в море, по *тысяче девятьсот семьдесят три рубли шестьдесят три коп. сер.* в год, независимо от сохранения ему содержания от Министерства народного просвещения»[48].

Отправление «Баяна», однако, откладывалось по причинам технического характера. М. Ф. Штакеншнейдер писала Я. П. Полонскому 26 мая (7 июня) 1858 г.: «Ап<оллон> взял с меня обещание писать к нему, так как, говорит он, по возвращении вашем мне писать будет не к кому. — Он, бедняжка, уже предчувствует потребность услышать

---

[44] РО ИРЛИ, № 12613, л. 176 об.

[45] Там же, л. 174.

[46] Очевидно, учитывавшего предыдущий опыт отказов ведомств в связи с денежными вопросами.

[47] РГИА, ф. 779, оп. 1, д. 14, л. 46—46 об. *Лангер Валериан Платонович* (1802 — после 1865) — выпускник Царскосельского лицея 1820 г.; художник-акварелист и литограф; служил цензором Санкт-Петербургского цензурного комитета в 1837—1840 гг., затем чиновником особых поручений при Министерстве народного просвещения; в 1848 г. вновь цензор, с 1849 г. вновь чиновник особых поручений там же.

[48] Там же, л. 47.

весть с родной стороны, а прежде так смеялся над перепиской, и уверял, что даже к родным писать не будет. Он думает даже, что не выдержит году, и вернется раньше»[49]. Первоначально корвет должен был выйти в плавание в первой половине июля[50]. «Ап<оллон> или в городе, или на берегу зеленых вод[51]. Скучает, что нет вдохновения. Тревожное ожиданье отъезда отнимает у него способность писать», — снова писала Штакеншнейдер Полонскому 27 июня (9 июля) 1858 г. из Гатчины[52]. Гончаров писал А. В. Дружинину 22 июля 1858 г.: «Завтра уезжают Майков и Льховский в вояж»[53], — но планы командования снова переменились.

В журналах заседаний КЦИ есть следующие сведения о службе Майкова в 1858 г. Первое упоминание о планируемой поездке находится в записи от 4 июня 1858 г. В этот день Комитетом были заслушаны предложения министра народного просвещения, одно из которых касалось Майкова: «...29 мая <...> объявлено высочайшее повеление об откомандировании младшего цензора Майкова на годичный срок в Морское ведомство, с сохранением ему полного его содержания и с возложением обязанностей его на чиновника особых поручений статского советника Лангера»[54]. Но только через два месяца, 23 июля, Майков впервые на заседании не присутствовал «по отбытию в морскую экспедицию»[55]. 30 июля Майков снова присутствовал на заседании, но рассматривались не его рапорты о книгах, а — впервые — рапорты Лангера[56]. 8 августа Майков снова отсутствовал «по случаю командирования в Морскую экспедицию»[57], теперь уже окончательно.

Итак, «Баян» вышел из Кронштадта 5 августа. Первоначально планировалось, что, дойдя до Средиземного моря, он должен будет нести службу стационера (т. е. постоянно находиться на стоянке в иностранном порту с целью охраны или наблюдения за порядком) в Афинах. Затем постепенно был сформирован отряд судов для выполнения задач, поставленных вел. кн. Константином Николаевичем. 14 авг. 1858 г. начальником отряда судов был назначен контр-адмирал К. И. Истомин. 29 сент. на фрегате «Громобой» был поднят флаг начальника эскадры, 3 октября фрегат «Громобой» и пароходофрегат «Рюрик» вышли из Кронштадта. Окончательно эскадра была сфор-

[49] РО ИРЛИ, № 12613, л. 173—173 об. Здесь и далее приводим даты по обоим стилям, когда они указаны в автографах писем и других документов.

[50] Письмо М. Ф. Штакеншнейдер Я. П. Полонскому 16 (28) июня 1858 г. (РО ИРЛИ, № 12613, л. 155 об.).

[51] Т. е. на даче, на рыбалке.

[52] РО ИРЛИ, № 12613, л. 141.

[53] Письма к А. В. Дружинину (1850—1863). М.: изд. Гос. лит. музея, 1948. С. 79 (Летописи; кн. 9).

[54] РГИА, ф. 779, оп. 4, д. 38, л. 121.

[55] Там же, л. 159.

[56] Там же, л. 163.

[57] Там же, л. 168.

мирована в Средиземном море («Громобой», «Рюрик», корабль «Ретвизан», корветы «Баян» и «Медведь», винтовой фрегат «Палкан»[58]). Только 2 декабря все суда эскадры соединились в Виллафранке. С 4 дек. 1858 по 2 июня 1859 г. на фрегате «Громобой» находился вел. кн. Константин Николаевич, поэтому Средиземноморская эскадра плавала в этот период под флагом генерал-адмирала[59]. Разные суда эскадры выполняли разные распоряжения великого князя и совершали переходы то вместе, то по отдельности.

Маршрут «Баяна» во время пребывания на нем Майкова необходимо описать целиком для понимания того, что поэт мог увидеть. По календарю старого стиля маршрут выглядит следующим образом[60]: 8 авг. 1858 г. — корвет пришел в Копенгаген; 11 авг. вышел из Копенгагена; 13 авг. пришел в Арендаль; 14 авг. вышел из Арендаля; 19 авг. пришел на Портсмутский рейд; 20—21 авг. находился в Госпорте (Gosport); 27 авг. вышел со Спитгетского рейда; 30 авг., пройдя по р. Жиронде, встал на якорь у местечка Пойяк (в рапортах Пулиак, Польяк, Паульяк; *фр.* Pauillac) в 30 милях от Бордо из-за мелководья в ней, ремонтировался; 16 сент. вышел из Жиронды; 20 сент. пришел в Кадис; 25 сент. вышел из Кадиса («...взял курс на Мессину вдоль Африканского берега, чтобы миновать остров Сардинию по южную сторону»); 30 сент. пришел в Мессину; 5 окт. вышел из Мессины; 7 окт. прибыл в Рагузу[61] и отправился в бухту Гравеза[62]; 5 нояб. вышел из Гравезы; 7 нояб. пришел в Мессину; 14 (26) нояб. пришел в Виллафранку[63]; 16 нояб. вышел в Геную; 17 нояб. прибыл в Геную; 23 нояб. вышел из Генуи; 24 нояб. пришел в Виллафранку; 4 дек. вышел из Виллафранки; 5 дек. пришел в Тулон; 13 дек. из Тулона вышел в Виллафранку, прибыл в тот же день; 16 дек. из Виллафранки вышел в Неаполь (на борт принял камергера императорского двора тайного советника А. В. Головнина[64]); 18 дек. прибыл в Неаполь; 19 дек. вышел из Неаполя в Палермо; 22 дек. прибыл в Палермо; 1 янв. 1859 г. прибыл в Палермо; 7 янв. вышел из Палермо в Пирей (по пути зашел на

---

[58] Так его название писалось в официальных документах.

[59] РГА ВМФ, ф. 539 (Штаб начальника эскадры в Средиземном море контр-адмирала К. И. Истомина, 14 авг. 1858 г. — 28 авг. 1859 г.), оп. 1. 1858—1859 гг. Предисловие. С. 2—3.

[60] По рапортам капитана П. И. Истомина. См.: РГА ВМФ, ф. 283, оп. 3, д. 415, л. 6—125. Корвет «втянулся в гавань» Кронштадта 4 сент. 1859 г. (л. 183). Пояснения о местах, которые упоминает Майков, даны в примечаниях к письмам.

[61] Современный Дубровник в Хорватии.

[62] Бухта на о. Сицилия недалеко от Рагузы.

[63] Сейчас — Вильфранш-сюр-мер во Франции.

[64] *Головнин Александр Васильевич* (1821—1886) — сын вице-адмирала В. М. Головнина, с 1850 г. был секретарем при вел. кн. Константине Николаевиче, который организовывал экспедиции литераторов и ученых для исследования экономики и этнографии России. В 1861—1866 гг. занимал пост министра народного просвещения.

о. Авило взять четырех лоцманов для плавания судов эскадры в Греческом Архипелаге); 18 янв. пришел в Пирей; 21 янв. вышел с Пирейского рейда; 26 янв. пришел в Палермо; 8 марта вышел из Палермо; 9 марта пришел в Неаполь — в этом рапорте в списке чинов нет Майкова; 16 марта корвет «вошел в Неаполитанский док для осмотра подводной части»; 19 апр. из Неаполя сообщили, что «Баян» получил распоряжение вел. кн. Константина Николаевича прибыть в Чивита-Веккиа, но находится в доке и только через 9 дней (28 апр.) сможет выполнить приказ; 21 или 22 апр. корвет встал в док в Чивита-Веккиа; 24 апр. вышел из дока; 27 апр. вышел из Неаполя — в этом рапорте Майков снова есть в списке чинов; 28 апр. пришел в Чивита-Веккиа; 30 апр. вышел из Чивита-Веккия в Марсель — в этом рапорте Майков тоже есть в списке чинов (л. 120); 2 мая пришел в Марсель; 5 мая 1859 «Баян» отбыл из Марселя для следования в Яффу, о Майкове записано, что он «оставлен за болезнию при береге» (л. 122, 125).

С кем Майков по своим обязанностям в основном контактировал на «Баяне»?

Капитаном «Баяна» был Павел Иванович Истомин (1817—1881). По фамилии он принадлежал к известной морской семье, что отмечено в справочниках. Старший брат, контр-адмирал Константин Иванович Истомин (1805—1876), как указано выше, командовал эскадрой; второй брат, Владимир (Владислав) Иванович (1810—1855), также контр-адмирал, был героем обороны Севастополя и погиб. Еще два брата — Андрей (1807—1842) и Александр (1814—1832) погибли в морских катастрофах. Однако согласно генеалогическим разысканиям последнего времени Павел Иванович, возможно, не приходился им родным братом. Его метрика пока не обнаружена исследователями в архивах. По одной версии, он мог быть незаконнорожденным, в таком случае отец семейства И. А. Истомин и его жена Е. И. Истомина — приемные родители, которые усыновили его. По другой версии, Павел Истомин мог происходить из купеческого рода и быть дальним родственником братьев Истоминых[65]. Во всяком случае, должна быть какая-то причина, по которой К. И. и П. И. Истомины так сильно отличались по характеру друг от друга. К. И. Истомин имел безупречную репутацию. Его приказы по эскадре во время похода — четкие, дельные и строгие[66]. П. И. Истомин был храбрым офицером, но не идеальным человеком[67], и характеристика, данная в письмах, публикуемых ниже, подтверждает это.

---

[65] Севастопольский городской форум, ветка «История нашего города»: [Электронный ресурс] URL: https://forum.sevastopol.info/viewtopic.php?f=27&t=700126&p=22238717#p22238717 (дата обращения: 20.09.2022).

[66] РГА ВМФ, ф. 593, оп. 1, д. 3.

[67] См. об этом: *Романова А. В.* «Литератор Майков»: (из комментария к письмам И. А. Гончарова 1858—1859 гг.) // Русская литература. 2023. № 3. С. 147.

Старший офицер корвета, которого Майков описал с большой неприязнью, лейтенант Адольф Энквист (?—1871)[68], также был опытным моряком. В «Общем морском списке» его биография начинается с того, что в 1842 г. он поступил на службу в 1-й финский флотский экипаж старшим унтер-офицером. Плавал в Немецком море, затем в Финском заливе; затем был переведен из балтийского в черноморский флот, потом обратно в балтийский, плавал в Балтийском море. В 1850 г. командовал финляндской таможенной яхтой, т. е. выполнял опасную работу. В 1853—1855 гг. Энквист на фрегате «Диана», посланном в помощь и на замену застрявшей в Амурском лимане «Палладе», перешел из Кронштадта к берегам Японии и плавал в Тихом океане до устья реки Амур.

Истомин и Энквист[69], а также команды судов «Баян» и «Ретвизан» 10 марта 1859 г. участвовали в спасении команды неаполитанского корвета «Valeureuse» во время бури и были за это награждены[70].

Кроме Энквиста, на корвете служили лейтенанты: Петр Анжу[71], Отто Гадд[72] и Николай Авсов[73], мичманы Николай Невахович[74], Николай Тимьянский, Антоний Шихманов, к которым затем добавился

---

[68] Его сын *Оскар Адольфович Энквист* (*швед.* Enqvist; 1849—1912) — русский флотоводец, вице-адмирал, участник Цусимского сражения.

[69] В дальнейшей судьбе Энквиста, так же как в судьбе Истомина, были и награды, и наказания. В 1868 г. за спасение датских моряков в Балтийском море и экипажа королевского судна, потерпевшего крушение в 1865 г. в Китайском море, он получил датский орден Данеборга 2 класса. Затем по суду отстранен от должности за небрежное исполнение своей обязанности по хранению и расходованию казенных сумм транспорта «Гиляк» и за противозаконное бездействие власти по охранению казенного интереса. В 1871 г. было высочайше повелено понесенный в 1868 г. штраф не считать препятствием к наградам. 22 нояб. 1871 г. Энквист был произведен в капитаны 1-го ранга, а 1 декабря скончался (Общий морской список. СПб.: тип. Морского мин-ва, 1900. Ч. 12. С. 408—409).

[70] РГА ВМФ, ф. 539, оп. 1, д. 3, л. 25 об.—26.

[71] *Анжу Петр Петрович* (1832—1876) — в 1852—1855 гг. на фрегате «Паллада» был мичманом, затем лейтенантом (с 3 нояб. 1854 г.) в походе от Кронштадта до берегов Японии, участвовал в гидрографических работах у побережья Кореи. Затем на шхуне «Восток» ходил к берегам Кореи и по реке Амур, откуда берегом возвратился в Петербург. В 1858 и 1859 гг. служил на «Баяне» в течение всего его похода до берегов Греции и Дарданелл и обратно в Петербург (Общий морской список. СПб.: тип. Морского мин-ва, 1897. Ч. 9. С. 86).

[72] *Гадд Отто Федорович* (Gadd; 1831—1898) — впоследствии сенатор финского сейма, отставной капитан 2 ранга российского императорского флота, генерал-лейтенант (1893); лоцманский командир Общества кронштадтских лоцманов с 1874 по 1885 г.

[73] *Авсов Николай Петрович* (? — после 1882) — впоследствии генерал-майор флота (1882).

[74] *Невахович Николай Александрович* (1835—1901) — сын писателя А. Л. Невеховича; российский военно-морской деятель, впоследствии вице-адмирал, генерал-лейтенант.

Михайло Тарасов. Майков контактировал с гардемаринами: Федором Глинкой и Николаем Измаиловым[75].

Сам поэт числился как «литератор коллежский советник Майков» в числе лиц, которые «обязанности исполняют по своему званию».[76] В последующих рапортах эта запись была дополнена только именем — Аполлон. Кроме этого повторяющегося текста, вплоть до самого конца пребывания поэта на корабле в рапортах о нем ничего не говорится.

Майков несколько раз сходил на берег и жил в разных городах. В это время он встречался с женой, которая путешествовала по Европе с двумя детьми — Николаем (1853—?) и Верой (1855—1866) — и с их няней (имя которой пока установить не удалось).

Он писал стихи и очерки (последние остались ненапечатанными, о них речь пойдет в следующей нашей публикации).

Чем дольше длилось путешествие, тем хуже чувствовал себя Майков: он был не на своем месте и занимался не тем, о чем мечтал, готовясь отправиться в путь[77]. Мечты о посещении разных стран и об изучении нравов живущих там народов сменились мечтами о бегстве с корвета. В конце концов Майков добился своего и был списан с «Баяна» «по болезни». Радость от разрешения мучившей его проблемы он выразил тем, что поставил новую дату — 7 мая — под стихотворением из цикла «Неаполитанский альбом»: «Какое утро! Стихли громы, / Широко льется солнца луч...». Стихотворение первоначально было опубликовано в № 1 «Отечественных записок» за 1859 г.

На службу Майков вернулся не сразу. В журнале заседания КЦИ 13 мая 1859 г. упоминается, что он «находится в отпуску»[78]. Но поэту с женой и детьми пришлись скоро вернуться. Он писал матери: «Сейчас, душечка maman, мы получили Ваше письмо, от 15го Мая, и оно так встревожило нас, что мы решили как можно скорее возвращаться домой, чтобы помочь вам в хлопотах»[79].

В журнале заседания КЦИ 8 июля был рассмотрен рапорт Майкова о книгах, но его подписи среди подписей присутствовавших на заседании нет[80]. В этом и последующих случаях в шапке на первом листе обозначено количество присутствовавших младших цензоров: отсутствующий из их числа — это Майков. 15 июля — Майков не упомянут, обсуждались рапорты и Майкова, и Лангера, но нет подписи Майкова[81]. 21 июля — Майков, судя по подписи, был на заседании, и обсуж-

---

[75] РГА ВМФ, ф. 283, оп. 3, д. 415, л. 9—9 об., 78 об., 79.

[76] Там же, л. 9 об.

[77] См. об этом: *Романова А. В.* «Литератор Майков»... С. 146—147.

[78] РГИА, ф. 779, оп. 4, д. 39, л. 96.

[79] РО ИРЛИ, № 16994, л. 28. Письмо датировано Майковым с ошибкой в одном из чисел: 31 мая н. ст. (20 мая ст. ст.).

[80] РГИА, ф. 779, оп. 4, д. 39, л. 138 об., 143 об.

[81] Там же, л. 144, 145 об., 149.

дался его рапорт[82]. Затем в журналах отсутствует упоминание о присутствии Майкова на заседании, отсутствует его подпись, но рапорт есть (29 июля, 5, 12, 19, 27 авг., 2, 9, 16 сент.)[83]. По-видимому, летом он был на даче[84] и свои отчеты о книгах присылал в Комитет. И, наконец, начиная с 23 сентября[85] Майков упомянут в шапке, есть его рапорт и есть подпись, то есть он начал полноценно присутствовать на заседаниях.

Публикуемые ниже тексты воспроизводятся по автографам, частью по неточным. Следует отметить, что часть писем была неточно и неполно скопирована сыном поэта — Ап. Ап. Майковым (РО ИРЛИ, № 17020). Зачем это было сделано, еще предстоит изучить.

Это, судя по заметкам в письмах, не всё, что было послано Майковым из поездки. Кроме родителей, жены, брата Владимира, М. Ф. Штакеншнейдер, Я. П. Полонского он писал и другим лицам.

Даты писем в заголовках даются по старому стилю.

Орфография преимущественно приведена в соответствие с современными нормами. Оставлено написание некоторых имен в дательном падеже — (кому?) Коли, Жени, Лёли; Вы и вы то с заглавной, то со строчной — оставлено как в автографах; также оставлены некоторые другие случаи, когда от написания зависит произношение или когда по неправильности написания можно узнать руку Майкова, — это может помочь исследователям в будущем). Восполнены кавычки в названиях кораблей, книг и журналов.

Пунктуация и синтаксис в письмах и в цитатах вступительной статьи приведены в соответствие с современными правилами. Майков, судя по всему, перечитывал свои письма, прежде чем отправить их, немногое вычеркивал, а в основном — уточнял и дополнял.

Курсивом выделяется то, что подчеркнуто в тексте.

В связи с ограниченным объемом публикации в одном томе «Ежегодника» тексты разделены на две части. Вторую часть предполагается опубликовать в следующем году.

---

[82] Там же, л. 151 об., 152 об.

[83] Там же, л. 154—186 об.

[84] Рассуждения о том, как и где лучше снять дачу (у графа Кушелева-Безбородко в Полюстрово или у Крутикова на 11-й версте Петергофской дороги), чтобы провести лето вместе — т. е. старшие Майковы и Аполлон Николаевич с женой и детьми — см. в том же письме от 31 мая нового стиля (РО ИРЛИ, № 16994, л. 28—28 об.).

[85] РГИА, ф. 779, оп. 4, д. 39, л. 187, 188 об., 191 об.

1
Н. А., Евг. П., А. И. Майковым

8 августа 1858 г.

Вот Вам первое письмо мое. Пишется оно за 60 миль от Копенгагена, куда мы через несколько часов прийдем. Лучше и благополучнее плавания и не бывает, я думаю. До нынешнего дня, т. е. пятницы 8го августа, я точно был на твердой земле, никакого движения не было заметно на Корвете, повевали западные Зефиры, нельзя было поставить парусов, и мы шли одним паром по $9^1/_2$ и 10 узлов в час, т. е. по 18 верст. Море было как колеблющийся бархат с перламутровыми, голубыми и изумрудными отливами. Сегодня Зефиры стали нас гнать с юго-востока, и поставили, кроме пара, паруса, и корвет валял по 10 узлов в час: зато произошла некоторая дрожь в судне, отчего и в почерке моем Вы заметили, может быть, маленькую неловкость. Морская болезнь, мне кажется, и на свете не существует, а это так только, предание старины, как предания о леших, кикиморах и пр. Я нахожусь при полном отсутствии всех неприятностей — иначе я выразить не могу своего положения, ибо положительных удовольствий пока еще нет. От этого я спокоен, ем много — и сплю отлично, сплю так, что, когда сегодня вошел в кают-компанию пить чай, меня один офицер, с учтивым вниманием, которым он вообще отличается, встретил вопросом: вас, верно, вчера потревожила пушка? Я глаза открыл и отвечал ему «а разве палили?». Признаюсь, я думал, что или хотел подшутить надо мной, или повторить ту же историю, что была с Ив<аном> Ал<ександровичем>[1], но оказалось, что действительно палили из бомбической пушки и почти над моей каютой. При таком образе жизни, я уверен, я потолстею: дела никакого, ничто не заботит, не сердит. Когда бы и готов был потосковать о том, что оставил на берегу, так не дадут. Офицеры у меня все милые, хорошего тона, и мы, верно, подружимся. Пожалуйста, рара, познакомьтесь с Александром Львовичем Неваховичем[2] — это чудак и оригинал, но добрый до крайности; с его сыном[3] я очень сошелся, сходимся раза два в день пить особенный, отсыпной чай, кроме кают-компанейского, и есть разные сласти, которыми снабдил его отец. Этот Невахович-отец предложил мне завозить к Вам, тотчас как получил, всякие известия о нас, которые по телеграфу будет получать от сына из разных портов. Пока я не пишу Вам ничего о других моих морских товарищах — об этом после. И вообще мне вам пока сообщить нечего, ибо мы еще никакого берега не видали, и точно еще не выходили из Кронштадта. Каюту свою устроивает мне теперь тот Вдовин, о котором я вам рассказывал, и мне надо туда заглядывать, чтоб ему что-нибудь там не *пригодилось* от корвета. Вообще мне больше хочется говорить об вас, остающихся. Ах, если б Анете и детям досталось пройти по морю, как мне — до Копенгагена! С этой мыслью я постоянно смотрю на

тихое море, чтоб оно и их лелеяло так же ласково, как лелеяло меня! и ты, Аня, не воображай, пожалуйста, что это что-нибудь важное, страшное, необыкновенное — плыть по морю! Просто сидишь как дома. Возьми ручную работу и книжку читать, а мне потом опиши всё в подробности, как вели себя дети и как ты себя чувствовала. Вот, кажется, я недолго буду лишен Ваших писем! Потому что не долго будем стоять в Портсмуте и Бордо, а спешим в Рагузу[4], так что вы первое письмо ваше пишите в *Bordeaux, aux soins obligeants du consulat russe*[5]. (непременно *obligeants*), — и то пишите сейчас же по получении этого письма, а если не сейчас, то адресуйте в *Ragusa*, *Autriche*, poste restante[6]. Вам-то хорошо писать, а вот мне каково! Как подумаешь, что *должен* писать, так и заругаешься. Я уже было начал на другой день моего плавания к вам письмо в роде журнала, написал три страницы, да и сел на том, Не могу себя приучить вести дневник: всё кажется — <1 нрзб.> как вчера, да на̀ море оно в самом деле так, разве в ensemble'е[7] окажутся результаты общие, общая картина... Опять меня тянет говорить об вас: пожалуйста, вы больше всего берегите себя и здоровье свое, — да не тем, чтоб вам, мол, не объесться, не попасть на сквозной ветер — нравственно-то будьте спокойны, не тормошитесь, не горячитесь, делайте, приказывайте всё спокойнее — как, в самом деле, тратить столько энергии и жизни на Дуняшку, а тебе, Аня, на Аннушку! Вы, рара, тоже не надрывайтесь — не нужно: вы ужь себе цены не знаете, право!.... Ну — до следующего письма! Краткие письма я надеюсь вам прислать еще из Портсмута и Бордо, где буду ожидать взамен получить пакет и там узнать все милые почерки, и ваши, и Володи и Кати — и даже Леонидов[8]. Писать же я буду, друзья мои, собирательно *Вам*, т. е. без исключения всем членам семьи, потому что я вас в моей привязанности не разделяю, да и как же разделить одно целое. И потому совокупно всех вас вспоминаю, обнимаю и прошу меня не забывать — т. е. письмами. Катя ведь охотница писать — и если будешь здорова, то, надеюсь, будешь болтушкой и с отсутствующим.

А. Майков

РО ИРЛИ, № 16996, л. 20—21 об. Оригинал.

[1] *...ту же историю, что была с Ив<аном> Ал<ександровичем>...* — Имеется в виду эпизод из письма Гончарова семейству Майковых 20 нояб. (2 дек.) 1852 г.: «Я сошел как-то во время чая вечером в кают-компанию: кто-то спросил, зачем часов в 5 палили из пушки? “Да разве палили?” — сорвалось у меня с языка, я опомнился, но поздно. Все расхохотались, и уж и я с ними, а пушка-то стоит почти рядом с моей каютой, да ведь какая: в 4 аршина» (*Гончаров.* ПССиП. Т. 15. С. 114—115).

[2] *Невахович Александр Львович* (1810—1880) — писатель, поэт, драматург, переводчик.

[3] *...с его сыном...* — См. о Н. А. Неваховиче во вступ. статье.

[4] *Рагуза* — город, который на момент посещения Майковым принадлежал Австрии (был частью австрийского королевства Далмация), сейчас — г. Дубровник в Хорватии.

[5] Бордо, любезному попечению русского консульства (*фр.*).

[6] Рагуза, Австрия, до востребования (*фр.*).

[7] вместе (*фр.*).

[8] *...и Володи и Кати — и даже Леонидов.* — Владимир Николаевич Майков (1826—1885) — брат, Екатерина Павловна Майкова (1836—1920) — его жена, Леонид Николаевич Майков (1839—1900) — брат А. Н. Майкова.

2
Н. А. и Евг. П. Майковым
17 августа 1858 г.

17 авг<уста> с<тарого> ст<иля> 1858.

Пишу Вам эти строки в виду английских берегов. Завтра рассчитываем прийти в Портсмут, и, разумеется, первый шаг мой будет на почту. Это письмо будет совсем в другом духе — нежели то, что писал в виду Копенгагена. До Копенгагена плавание наше было чудо, почти все время мертвый штиль, а на парах[1] мы валяли по 12 — и 18 узлов.

На дороге же из Копенгагена подуло свежо, так что, пройдя Зунд[2], мы, опасаясь сильного волнения в Скагерраке[3], бросили якорь близь ютландского берега, местечко Скаген[4], — и тут я тотчас хватился за удочки. Оказалось 15 сажен глубины[5]. Я связал две свои удочки, да еще у гардемарина[6] взял, и, наконец, еще веревку, и пустил на дно. Клюет, т. е. из рук дергает. Начинаю потихоньку выбирать 15 сажень; чем выше вывожу, тем сердитее. Наконец в зеленой глубине начинает являться перламутровое нечто, белеет, белеет и оказывается рыба в аршин величиною, выплывающая белым брюхом вперед. Я кричу «ведро, ведро!». Сбежались смотреть — офицеры — матросы говорят — позвать Разгулова, он знает всё по этой части, он архангельский — а я держу рыбу на поверхности, боюсь тащить, ибо высоко, так чтоб не сорвалась, удочки-то мои не для моря, тоненькие, и крючки маленькие. Притащили ведро, явился Разгулов — но рыба в ведро нейдет, вырывается. Между тем подходит лоцман, датчанин, которого наняли вести нас до Портсмута, веселый, красный толстый кептен[7]. Он поглядел вниз на мою рыбу, и говорит — «это акула — акулы в Немецком море[8] маленькие, и от больших акул отличаются только ростом». Можете себе представить, что делается с рыболовом des eaux douces[9], когда он слышит, что у него на крючке сидит акула! Не ручаясь за себя, я даю удочку Разгулову — на, мол — тащи, ты больше меня знаешь. Он потащил и — трах — оборвалась. Оказалось, что крючок, завязанный узлом на жилке, выскользнул.

Навязав другой крючок, кидаю. Вытаскиваю премиленькую рыбку — с виду похожую на ерша, но вершков 6, с усами и с живописными кругловатыми перьями. Называется Snoreway[10]; потом попадается пара других, witling[11], род пискарей, но величиною одна в 4, другая в 7 вершков. Но вот опять хватила. Тяжело. Тащу тихо. Посылаю за

Капитаном, чтоб ему доставить удовольствие вытащить — опять акула, и опять оборвалась. В третий раз опять взяла, опять по движению подозреваю акулу и думаю, ну теперь никому не скажу, вытащу сам, и ровно, ровно тяну, не давая ей опомниться — и вдруг ура! хлопнулась на палубу и пошла по ней на брюхе бегать серо-голубовато-лиловая акулка в аршин величиною. Брюхо белое, и рот как у стерляди, зацепила на средний окуний крючок за кончик губы. Эффект страшный. Но что с ней делать? Лоцман говорит, ее не едят[12]. — Узнав это, Разгулов решил — врет! — я ему и отдал, матросы сварили — но, говорят, горькая была.

Вот Вам, рара[13], подробное описание первого моего рыболовного подвига на море. — Надеюсь, что поимка акулы поставится мне в заслугу в глазах настоящих рыболовов и отымет у них право смеяться надо мною, что ловлю только мелочь. Нет, истинное искусство в том, чтоб уметь ловить всё, что представляется, не исключая и мелочь.

Но знаете ли, я пишу Вам об акуле, между тем как принялся писать совсем не о том. Вчера, вероятно, Анета с детьми выехала на «Владимире»[14], и я сегодня покоя не знаю, и плакать поминутно хочется — и угадать, что с ними? К большему же несчастию, надобно прибавить, что, только что снялись мы из-под Скагена, нас подхватило так, что должны мы были опять искать убежища в Норвегии, и зашли к вечеру в город Арендаль[15] — прелестнейшая бухта, между множеством гранитных островов: залив идет зигзагами, и Бог его знает где кончается. Съехали на берег, нас пустил к себе какой-то кептен, у которого прямо на заливе дом, а перед домом стал его бриг[16]. Тут в плясках и пенье и в маскировании[17] выместила молодежь суточную качку, выходя от времени до времени гулять при свете Луны по гранитным обломкам, из коих состоит остров. Виды чудо. Что нас поразило, и что на другой день утром, опять съехав в город Арендаль, мы еще подробнее видели — это то, что эти гранитные глыбы разделены между хозяевами огородками из камня, точно тучная земля какая, тогда как в расселинах только растет травка или посеяна рожь на пространстве 1 кв<адратной> сажени. Но во всем городке, где до 4000 т<ысяч>, вид довольства, чистоты и счастья, так что все мы решили — здесь бы поселиться. Выйдя из Арендаля, мы вот третьи сутки выдерживаем шторм, который только теперь, в 6ᴹ часу, стихает около берегов Англии. Ах, что-то теперь в Балтийском море! что мои там делают? Третьего дня меня крепко мутило, и если бы я не лежал, и не делал бы усилий над собою, то рвало бы, тем не менее я провалялся двое суток в томительном ожидании, прерываемом тонким сном, который переселял меня или домой, или на «Владимир», и я живо видел, как мучаются мои дети. Открываю глаза: в каюте висят на гвоздях мой халат, пальто, и всё это, как черные привидения, всё подходят, наклоняются, и опять выпрямляются, и опять наклоняются — и всё это в полутьме каюты (ибо над окнами, выходящими на палубе, т. е. в потолок, поставлен бот[18]),

получается вид зловещий, так что я отворачиваю глаза... Но вот летит мой комод, открываются ящики, и первая выкатывается оттуда зеленая коробочка, с какими-то бульдегомами[19] — не помню, чья заботливая рука сунула мне ее в минуту расставания — кажется, ваша, maman, и я, мысленно благословив ее, принялся за бульдегомы, оставив комод лежать на полу. То, что было у меня в каюте, случилось везде — а в Кают-компании, лампы, тарелки, чашки, графины, люди, стулья — всё пошло плясать... что-то в Балтийском море теперь[20]!

Едва я написал это, как вдруг был прерван в моих размышлениях шумом на верху — Stop машина! все бегут на палубу, свешиваются с обеих сторон в воду, ничего не понимают, что такое... вдали лодка со множеством людей, которые кричат, там плывут обломки другой лодки. Вот вижу, ухватился за конец (веревку) человек в море, вот выносят другого англичанина с черными бакенами, с виду лет 50 — позеленелого. Его приводят в чувство, отпаивают ромом, суют пальцы в рот, — и он очнулся. Наконец, объясняется дело. Подходя к берегам Англии, мы выкинули флаг, который на берег дает знать, что нам нужно лоцмана. Лоцманà только и ждут этих флагов и наперебой кидаются, кто прежде поспеет, — это их промысел — проводить суда в местах опасных. Двое из них на отличных дичках[21] торопились к нам, один справа, другой слева, и один, видя, что второй прямо идет к нашему трапу (лестнице), бросился ему наперерез прямо под носом нашего корвета, так что корвет наехал на него, опрокинул и разрезал пополам. Все сидевшие были переловлены в оставшуюся дичку, один прицепился за брошенный ему конец от нас, а другой вытащен был уже хлебнувшим морской воды; при этом всех поразило, что между обоими лоцманами и их командами, которых у каждого по 10 чел<овек> по крайней мере, не произошло ни крику, ни брани, ни оправданий. Кто виноват, было ясно — да и был ли кто виноват, не знаю, ибо оба лоцмана хотели взять своё. Пострадавшего лоцмана взяли на корвет, чтобы вел нас и получил бы за это свое узаконенное вознаграждение, а прочих отпустили, и они уселись все в одну оставшуюся дичку. Любопытно, что их поили у нас ромом, т. е. выкупавшихся-то, и дали в дорогу 4 бутылки, но они 2 возвратили, говоря, что, пожалуй, дорогой выпьют, перессорятся и, пожалуй, ни один не вернется домой. Вот вам и приключение. Пишите мне, ради Бога, куда хотите, aux soins obligeants du consulat russe, a Mr Apollon Maykoff, sur la corvette Bajan[22]. Уже будет распоряжение, куда высылать.

Пожалуйста, не делайте из моих писем общественного чтения, а то я не буду писать — но приберегайте их, это для меня будут памятки.

Теперь за противным ветром мы заходим в Дувр, и я спешу сдать письма на почту. Кланяйтесь всем Майковым — и сопричастным к ним, а Марье Федоровне[23] особо.

Ваш А. Майков

РО ИРЛИ, № 16996, л. 18—19 об., 61—63 об. Оригинал.

Для сравнения даем соответствующий описанным Майковым событиям отрывок из отчета экспедиции, касающийся «Баяна»: «8 августа, вечером, “Баян” прибыл благополучно на Копенгагенский рейд. Во время этого перехода берег был покрыт туманом и ветер дул тихий, противный, исключая пространство между Борнгольмом и Копенгагеном, где дул OSO, засвежевший до степени риф-марсельного. Сделав здесь запас угля, 11 августа, в 2 часа пополудни корвет снялся с якоря и в 5 часов вступил в Категат. Продолжая плавание при свежем W ветре, 13 августа, около 5 часов пополудни заметили в машине, что ослабли нажимные пружины поршневых набивок. Но как подобное исправление не могло быть произведено скоро и удобно на большом волнении, то взяли курс к Арендалю, куда пришли в 7 часов вечера и, зайдя за маяки, стали на якорь. 14 числа, около полудня, окончив исправления в машине, развели пары и вышли в море при ONO ветре. В час пополудни вступили в Скагерак. Вскоре ветер опять перешел на W и развел огромное волнение; для испытания же качеств корвета продолжали плавание. В это время, идучи по 6 узлов против ветра и волнения, корвет сильно страдал; но когда вышел за Линдеснес и ветер, перейдя на NW, дал возможность поставить стакселя, тогда вполне выказались отличные морские качества корвета. Продолжая плавание при постоянных свежих противных ветрах и находясь по обсервации, в полдень 17-го, в 40 милях к N от Галоперского плавучего маяка и в 35 милях от ближайшего берега, взяли курс к берегу, чтобы укрыться от волнения. В 5 часов вечера, подходя к берегу, увидели лоцманов, которые на двух 8-весельных гичках гребли к корвету. Приближаясь к нему, одна гичка ударилась форштевнем в бок другой и перерезала ее пополам. Из бывших на ней людей 3 человека вытащены были на корвет, а остальные спасены другой гичкою. Приняв лоцманов, корвет взял курс на S, вдоль английского берега <...>» (Обзор заграничных плаваний русского военного флота с 1850 по 1868 год. СПб.: тип. Морского мин-ва, 1871. Т. 1. С. 215).

[1] *...на парах...* — «Баян» был парусно-винтовым корветом, т. е. имел паровую машину.

[2] *Зунд* — Эресунн (*дат.* Øresund, *швед.* Öresund), пролив между островами Зеландия и Амагер (Дания) и Скандинавским полуостровом (Швеция).

[3] *Скагеррак* (*дат., норв. и швед.* Skagerrak) — пролив между норвежским побережьем Скандинавского полуострова и полуостровом Ютландия, соединяющий Северное море с Балтийским через проливы Каттегат, Эресунн, Большой Бельт и Малый Бельт; постоянный судоходный маршрут для русских судов на пути в Европу и обратно.

[4] *Скаген* (*дат.* Skagen) — город в Дании, на северной оконечности Ютландии, на мысе Греннен, разделяющем проливы Скагеррак и Каттегат.

[5] *...15 сажен глубины.* — Чуть больше 32 м (с 1835 по 1917 г. в России сажень была приравнена к семи английским футам, т. е. составляла 213,36 см).

[6] *...у гардемарина...* — На «Баяне», как упоминалось во вступительной статье, было два гардемарина. Согласно распоряжению начальника эскадры Истомина, долженствовало: «Строго требовать и наблюдать, чтобы гг. офицеры с гардемаринами обходились приличным образом, избегая всякой фамильярности, потому что подобное обращение было бы противно всякому порядку и воинской дисциплине» (РГА ВМФ, ф. 539, оп. 1, д. 3, л. 3 об.).

[7] *...кептен...* — От англ. captain — капитан, синоним слова pilot — лоцман.

[8] *...в Немецком море...* — Современное название — Северное море.

[9] пресноводным (*фр.*).

[10] *...Snoreway...* — Вероятно, один из видов скорпен — морской скорпион (*лат.* Myoxocephalus scorpius).

[11] *...witling...* — По-видимому, путассу (*лат.* Merlangius merlangus). Правильное англ. написание — whitling.

[12] *...ее не едят.* — Это мог бы быть катран (*лат.* Squalus acanthias) или некрупная сельдевая акула (*лат.* Lamna nasus) как единственно возможные в этих водах. Однако оба вида съедобны, их мясо считается вкусным.

Описание ловли акулы в общем (собственно сюжет, несколько этапов ловли, рыбацкий азарт) соотносится с эпизодом из главы VI «Фрегата “Паллада”» И. А. Гончарова — «От Манилы до берегов Сибири» (первоначальное название «Заметки на пути от Маниллы до берегов Сибири: (С 27 февр. по 22 мая 1854 г.)» // Морской сборник. 1855. Т. 16. № 5. С. 53—121; см. текст: *Гончаров.* ПССиП. Т. 2. С. 589—592), но гораздо менее натуралистично.

М. Ф. Штакеншнейдер в большом коллективном (вместе с Я. П. Полонским, В. Г. Бенедиктовым, П. Л. Лавровым) письме от 21 сент. — 26 окт. 1858 г., упомянула 5 октября: «Вчера был у нас Ив. Ал. Гончаров. Он читал всем рассказ о поимке акулы, и наводит сомнение, не была ли то лососина?.. Говорят, будто акул нет в наших холодных морях?» (РО ИРЛИ, № 16980, л. 4).

[13] *...papa...* — Майков обращается к отцу, потому что Н. А. Майков был страстным рыболовом и приучил к этому занятию своих сыновей.

[14] *«Владимир»* — почтово-пассажирский пароход, впоследствии пароходо-фрегат, был построен в 1845 г. в Ливерпуле. «Длина 54,64 м. Ширина 8,84 м. Осадка 4,11 м. Корпус железный. Водоизмещение 1215 т. Паровая машина 350 номинальных л. с.» (*Окороков А. В.* Свод объектов подводного культурного наследия России. Ч. IV: Балтийское море; озера: Онежское, Ладожское, Чудское; реки: Нева, Волхов, Ижора. М.: Институт наследия, 2020. С. 51). «Владимир» был мобилизован в военный флот из Почтового ведомства в 1854 г., в 1856 г. возвращен Почтовому ведомству, вновь вошел в состав флота в 1862 г. (был куплен Морским ведомством). В 1856—1861 гг. совершал рейсы между Петербургом и Штеттином.

Майковы отбыли в Штеттин, действительно, 16 августа, но не на нем, а на пароходе «Прусский Орел» (см.: С.-Петербургские ведомости. 1858. 19 авг. № 180. С. 1041). «Прусский Орел» (*нем.* «Preußischer Adler») был специально построен на верфи Ditchburn & Mare в Блэкволле (Лондон) для обслуживания линии между Петербургом и Штеттином, соглашение о которой было заключено, по инициативе Пруссии, в 1845 г. Судно поступило на службу в 1847 г. в качестве почтового парохода, который мог перевозить 168 пассажиров. Известно, что это был хороший мореходный корабль (для колесного судна), однако при волнении наблюдалась сильная бортовая качка; также он был недостаточно маневренным — очень медленно поворачивал; очень плохо ходил под парусами, которыми практически не пользовались. В 1848—1849 гг. участвовал в военных действиях между Пруссией и Данией (26 июня 1849 г. провел первый в истории прусского флота морской бой с датским бригом «St. Croix»). После заключения мирного договора между Прус-

сией и Данией его разоружили и вернули в почтовую службу. С мая 1850 по 1862 г. работал на первоначально запланированном маршруте без происшествий. В 1862 г. была доведена до Петербурга Прусская Восточная железная дорога, и морской маршрут стал не нужен (см.: Война и мир на море (исторический справочный ресурс), http://seawarpeace.ru/deutsch/kreuzer/01_main/02_pr_adler.html (дата обращения: 29.07.2024)).

[15] *Арендал* (*норв.* Arendal) — город в южной Норвегии, в устье реки Нидэльва. Заход в город был связан с необходимостью ремонта: «Продолжая плавание при свежем W ветре, 13 августа, около 5 часов пополудни заметили в машине, что ослабли зажимные пружины поршневых набивок. Но как подобное исправление не могло быть произведено скоро и удобно на большом волнении, то взяли курс к Арендалю, куда пришли в 7 часов вечера и, зайдя за маяки, стали на якорь. 14 числа, около полудня, окончив исправления в машине, развели пары и вышли в море <...>» (Обзор заграничных плаваний русского военного флота с 1850 по 1868 год. СПб.: тип. Морского мин-ва, 1871. Т. 1. С. 215).

[16] *Бриг* (*англ.* brig) — двухмачтовое судно, с прямым парусным вооружением фок-мачты и грот-мачты и с одним косым гафельным парусом на гроте.

[17] *...маскировании...* — Маскарад.

[18] *Бот* (от *нидерл.* Boot — лодка) — в эпоху парусного флота небольшое одномачтовое судно водоизмещением до 60 тонн, служащее для перевозки значительных грузов.

[19] *Бульдегомы* (*фр. мн.* boules de gomme) — лекарство от кашля в виде конфет.

[20] *...что-то в Балтийском море теперь!* — В 1842 г. Майков был гораздо более лаконичен в описании бури на пути из Копенгагена: «Буря, волны, ветер, качка — все это слишком врезано в мою память; описывать их — *faire des sermons* <поучать кого-то (*фр.*)>; друзья же мои, которые со временем увидят, может быть, это марание, из одного описания не поймут ничего. <...> Впечатление — при виде твердой земли, и еще более, когда чувствуешь ее под ногами, так сильно: особенно после бури, которая посылала нас беспрестанно от Бога к черту» (*Майков А. Н.* Путевой дневник 1842—1843 гг. Итальянская проза. С. 6).

[21] *...дичках...* — Ошибка Майкова здесь и далее, следует: гичках.

[22] Любезному попечению русского консульства, г-ну Аполлону Майкову, на корвете «Баян» (*фр.*).

[23] *...Марье Федоровне...* — Штакеншнейдер.

3
А. И. Майковой
18 августа 1858 г.

18. авг<уста>[1] 1858.

Ты не можешь себе представить, милый дружочек мой, в каком я нахожусь беспокойстве 16[е], 17, и 18[е] число, постоянно думая, что вы теперь страдаете на море. И это тем более, что у нас, по выходе из Копенгагена (11го), подул крепкий ветер, началась качка, так что всюду льется вода, всё хлопает, падает; хочешь пройти, так тебя мечет из стороны в сторону. Вследствие того мы заходили в Норвегию, в город Аренсдаль — (ты купи себе карту Европы, и отыскивай, где я и как тебе ехать). Теперь едем в виду берегов Англии, и волненья нет, но противный ветер, отчего предполагаем зайти в ближайший английский

порт, в Дувр[2]; тут я отдам на почту это письмо. О — как мучительно от Вас не иметь известий. Ужь я вас и во сне и в полусне все эти дни вижу, особенно когда мучило меня море; было скверно, но не рвало, я крепился, лежал, и когда лежал, тогда ничего, мог даже читать; но тоска невыносимая, так что я решил было всё бросить и подрать к вам, мои милянки. Я воображаю, что ты была тоже в отчаянии, в море, так что хлопоты по отъезду казались ничто. Но что делать, друг мой, ужь затеяли, так постараемся, чтоб всё вышло в пользу. Во время сильной качки, я вдруг хватился — где же твой шарфик? Разбирая, т. е. наскоро перекладывая вещи, что понужнее, в комод, я его не видал — ну и несмотря на то, что стоять было невозможно на полу, я соскочил с постели, зажег свечку, и ну искать: нашел таки, и ужь в комоде. Твоя вещь — как будто ты сама была со мною, и мне стало хорошо. Что ребятишки? Выучился ли Коля говорить с немцами по-немецки? и хочет ли выучиться. Скажи ему, что папа не будет его любить, если он не выучится. А Верулька что? ее, я думаю, тотчас укачало. Ужь она, чай, папку забыла! Скажи им, что им кланяется Голова, и Огненный человек[3], и Баба Яга. Няню, пожалуй, замутило на море прежде всех. Кланяйся ей и скажи, чтоб она не разлюбила детей и тебя. Ради Бога, балуй ее разным вздором. Я это письмо пишу ведь наудачу — не знаю, получишь ли ты его, — но всё равно: хоть и несколько строчек, всё будет приятно. — Не найду ли я чего-нибудь в Портсмуте от Вас? По получении этого письма, пиши мне в Рагузу. Но наудачу пиши мне что-нибудь в Бордо: à M. Apollon Maykoff, sur la corvette russe Bayan, (aux soins obligeants du consulat russe) *à Bordeaux*[4]. Я уже распоряжусь, чтоб мне переслали. Ты себе представить не можешь, как я об вас беспокоюсь; сумеешь ли ты найтись одна-одинешенька? Из Портсмута я поеду в Лондон и оттуда в Париж — где буду делать закупки — в Париже как-то знакомее и ближе. В Лондоне куплю только зрительную трубку[5], ножи и тебе плед-пальто.

Мы раз стояли на якоре в море, и я поймал *акулу* в 1 аршин величиною; в Немецком море они маленькие. Торжество было от этого на корвете, — об этом я подробно пишу Папеньке[6]. Ты и им пиши, ангел мой, и пиши хорошенькие письма. Ну прощай, обнимаю тебя. Не знаю, получишь ли это письмо, и это меня смущает.

Твой Попка

РО ИРЛИ, № 16996, л. 16—17 об. Оригинал.

[1] *18. авг<уста>...* — Написание даты в таком формате (с точкой после номера дня и перед словесным обозначением месяца) имело происхождение из немецкого языка, где точка или другой знак после цифры указывает, что это порядковое число.

[2] *Теперь едем в виду берегов Англии ~ в Дувр.* — См. комм. к п. 1.

[3] *Голова* и *Огненный человек* — видимо, персонажи домашних сказок.

[4] Г-ну Аполлону Майкову, на русском корвете «Баян» (любезному попечению русского консульства) в Бордо (*фр.*).

[5] *...зрительную трубку...* — Подзорная труба.

[6] *...об этом я подробно пишу Папеньке.* — См. п. 1.

4
А. И. Майковой
23 августа (4 сентября) 1858 г.

Лондон 4 сент<ября> нов<ого> стиля

Милый мой мунтик! Пишу тебе, выезжая из Лондона. Последнее письмо я отправил к тебе из Портсмута, а писал его еще на корвете, оттого там ничего нет и об Портсмуте[1]. Его я адресовал в *Дрезден*, poste restante[2]. То было тоже краткое письмо, как, предполагаю, будет и это, потому что я всё не уверен, получишь ли ты мои письма, пока едешь. Из Копенгагена до Портсмута нам всё был противный ветер, почти шторм, так что мы заходили в Норвегию, и наконец пришли в английский порт, Портсмут, вечером, на 30[е] нового стиля (т. е. по нашему 18го августа), а 1го сентября (т. е. 19 авг<уста> стар<ого> стиля) утром отправился с одним офицером в Лондон, куда через 4 часа и приехали[3]. Я у капитана отпросился проехать из Лондона прямо в Париж, и оттуда уже присоединиться к ним в Бордо.

Ну, душа моя, вот сторонка-то, Англия! Я видел теперь всю Европу, но воображение мое не могло создать тени подобия этой страны. Я видел ее по дороге из Портсмута в Лондон по крайней мере верст 300 или 250. Представь ты себе, что на всем пространстве ни одной сажени земли не обработанной! и как обработана! не так валяются комья и глыбы земли, как у нас на ниве; нет! Земля превращена в такой же рыхлый и тонкий порошок, как твой молотый кофе. Везде кругом чистенькие фермы, замки, домики, городки, рощи. Чудо да и только. И всё это перерезано железными дорогами во всевозможных направлениях. Но что такое Лондон! Париж, такой, как я его видел, — это Гатчина перед Петербургом! Великолепие, строгое, спокойное; на каждом шагу история... нет, нельзя и писать об Лондоне, особенно в письме к тебе, потому что с тобой мне не о том хочется говорить, а более сердечные вопросы кипят в душе моей, более близкие, милые интересы возникают и мучат меня при мысли о тебе, а эта мысль неотступна, всюду со мною. Ты, ангел мой, вдвойне путешествуешь, и сама по себе, и я проношу образ твой всегда с собою. Ах, отчего это только образ твой, а не сама ты со мною!.. Но нет, полно об этом, ужь я почти реву. Лучше рассказывать. Ах, душечка моя, как я боюсь, чтобы на тебя не напала тоска одиночества, а то тебе всё опротивит. Я знаю, какое это отравляющее чувство! На меня ужь сегодня она и в Лондоне напала, не говоря, что в море была беспрестанно, особенно когда была качка, да, по счастью, наш Корвет оказался отличным, говорят, на

другом судне было бы хуже. Возвращаюсь к Лондону. Хорош Лондон, но какая дороговизна! Деньги так и тают, хотя я их придерживаю крепко. Сделать закупок, я думал, нечего. Не с моими суммами. Однако я купил две вещи — 1, тебе пальто-плед, и еще пальто тоже тебе. Два потому, что не знал, которое выбрать, и выбрал оба — единственное средство решить недоумения; за оба дал 25 р<ублей>, и 2 — чулки — 7 р<ублей> дюжина. Мерки-то твоей у меня нет, я купил на удачу, по воспоминанию. И хотя мне случалось целовать твои ножки, но — величины их измерять не в догад было. Теперь оказывается, что если бы ты была практичнее, то на всякий случай велела бы мне их в то же время смерить. Еще купил себе очки, шляпу — только, но уже из 325 рублей, которые я взял с собою, у меня к нынешнему числу всего 232 р<убля>. Правда, что я ужь взял место до Парижа, которое стоит 14 или 15 рублей, а в Париже еще буду шить платье.

Представь себе, что в Лондоне я столкнулся с Льховским! он уже неделю здесь, и завтра вместе мы едем в Париж. Встреча была приятна — особенно для него — он ухватился за меня с жадностью — и не мудрено — едет на три года или больше. Вообще положение его возбуждает жалость, которой он, впрочем, не дозволит выразить. Хотя я несколько раз на него рассердился за мелочность, за поведение в трактирах и при покупках, но все-таки и я рад с ним быть вместе. Я его, впрочем, останавливаю. Ну, на корвете офицеры все меня полюбили, не знаю как Капитан — я ему не товарищ, он старого покроя человек, ни слова без матерщины, и когда на берегу, то любит налить за галстук (т. е. напиться). Все прочие офицеры не пьют. Знаешь ли, как меня там прозвали матросы? *Вольный полковник*. И это прозвище пошло теперь в всеобщее употребление на корвете. Что же тебе еще сказать о себе? Да так много, что за что ни хватишься, всё длинная история. Сокрушает меня только, что писем от вас не имею. Когда только садился я в Портсмуте в вагон и ужь трогался поезд, наш Консул[4] встретился с нами и сказал, что у него есть два письма на *«Баян»*, — ну как одно от вас и ко мне! а я его не получу до приезда моего в Бордо! Что-то мои милянки? Не растеряла ли ты их? Я боюсь, чтоб Коля не отстал где-нибудь от вас. Няня-то, я думаю, как скучает!... Опять реву. ... Боже мой, какие в Англии здоровые и красивые дети! Какая крепкая нация! Сколько красоты между мужчинами и женщинами! Женщины просто или рожи, или красавицы, последних больше. Но странно, это какая-то холодная, не говорящая красота. И ты ужь на мой счет не остри, а то просто обидишь меня, я совсем душка. Но полно. Как-то я провезу через Францию твои пальты <так!>. Не отберут ли их на таможне? Целую, обнимаю тебя, и детей, и няню от меня поцелуй. Пиши мне в Рагузу — Mr Maykoff, (corvette Bayan) aux soins obligeants du consulat russe à *Raguse*[5].

Ti baccio, mia cara[6] Твой Попка.

РО ИРЛИ, № 16996, л. 59—60 об.

[1] *Последнее письмо ~ там ничего нет и об Портсмуте.* — См. п. 3.
[2] До востребования (*фр.*). Эти слова вписаны над строкой.
[3] *На полях против фразы с числами, в столбик:*

29 Воскр<есенье>
30 пон<едельник>
1 среда
2 четв<ерг>
3 пят<ница>
4 суб<бота>
5 В<оскресенье>

[4] *...наш Консул...* — Филипп Иванович Бруннов (1797—1875), посланник.
[5] Г-ну Майкову (корвет «Баян») любезному попечению русского консульства в Рагузе (*фр.*).
[6] Целую тебя, моя дорогая (*ит.*).

5
А. И. Майковой
25 августа (6 сентября) 1858 г.

Париж *6 сентября* 1858.

Третьего дня вечером из Лондона я написал тебе, милый мой Мунтик, порядочное письмецо, и так как выезжали из Лондона в 6 часов утра, то должен был поручить хозяину гостиницы отдать его на почту. Теперь меня взяло сомнение, отдал ли он — и я решился написать тебе несколько слов, чтоб только ты не беспокоилась обо мне, если в Вене не получишь от меня известий. Очень буду жалеть, если то письмо пропадет, потому что оно писалось как-то от души, и уже в другой раз не повторить, что там сказано. Впрочем, в том, что там сказано, нет для тебя ничего нового — ты знаешь всё это и угадываешь, но я знаю, всегда приятно слышать повторение милых слов и речей. Как бы то ни было, пишу теперь из Парижа, куда прибыл вчера же в 5 часов вечера, выехав утром из Лондона. Не знаю, сколько здесь останусь, и страдаю, что от вас нет известий — может быть, без меня и получено какое-нибудь письмо на «Баян». Здесь я не знаю пока, на сколько дней я в Париже — дадут знать из Бордо, где стоит Корвет, — с Корвета я уехал в Лондоне и оттуда в Париж — обо всем этом, однако, я писал тебе в лондонском письме подробно.

Как-то ты на чужбине, моя милая? Эта мысль меня не оставляет, и не удивляйся, что я пишу это в каждом письме. Разрешение, увы! надеюсь получить только в Рагузе. Париж выиграл в великолепии, — но всё как-то поражает одна внешняя жизнь, и для души я не нашел ничего, может быть оттого, что знаю Париж. Англия — это своего рода Китай, только ограждаемый от всего прочего мира не каменной, а духовной стеной. Там всё свое, всё непохожее на других, всё хорошо

по-своему, но также недоступно, чуждо и иногда смешно для иностранца. — Я не писал тебе, что у меня ужь порядочные усы, и я их ращу и всё думаю, какой эффект они произведут на тебя и ребят. Целую вас всех, не исключая и няни. Бегу теперь в Париж по делам, в посольство, на почту, к портному и пр. и пр. и кончаю писать, еще раз обнимаю.

Твой

Попка.

РО ИРЛИ, № 16996, л. 24—25 об. Оригинал.

6
А. И. Майковой
6 (18) сентября 1858 г.

Сент<ября> 18 нов<ого> стиля. 1858 *Бордо.*

Душечка моя! Представь ты себе мою радость, когда вдруг неожиданно в Бордо я получил от тебя два письма. Я совершенно потерял было до Рагузы всякую надежду узнать о вас, потому что имел глупость поверить и написать к тебе в Петербург, что Корвет останется только 3 часа в Копенгагене, одни сутки в Портсмуте, и не зайдет вовсе в Бордо. Но врал капитан, который сам не знает, что говорит, так что мы постоянно жертва непредвиденных обстоятельств, почему в Копенгагене были 3 дня, в Портсмуте 8, а в Бордо стоим уже 7 дней и простоим еще 7 по крайней мере. Но что всего хуже, я ужь не знаю, куда тебе писать. Писал я в Вену, в Триест — а это письмо и не знаю, куда адресовать. Справляйся везде в консульствах и в poste restante. Эта неизвестность отнимает от меня всякую уверенность писать к тебе. Твое второе письмо было из Дрездена. Мне что-то твой немец подозрителен. Из-за чего он хлопочет? Смотри, ведь, пожалуй, без видов не будет угождать, и видов самых скверных. Но, ангел мой, я далек от мысли тоже скверной, хотя капитан нам постоянно толкует, что не должно полагаться на жён в разлуке с мужьями. Я только подумываю, что он тебя не знает и потому может так выражаться. Все-таки ты мне об немце пиши подробнее, и не скрывай, если он имеет виды. Что касается до меня, то я окончательно убедился, что я уже не такой юноша, как прежде, и легкие женщины внушают мне отвращение, так что теперь с большею уверенностью могу тебе повторить то, что всегда говорил относительно женщин. Но это пустяки, и если я об этом говорю, то только по ревности к неизвестному Диффенбаху. Если он стоит того, то благодари его от меня за услуги тебе, если оне бескорыстные, и скажи, не родственница ли его некая Frau Diffenbach[1], которая написала книгу über Dalmatien[2], которую я купил еще в Петербурге? Я писал и к папеньке и к тебе, и решительно перепутал, что куда я писал, так что боюсь повториться. Теперь я в Бордо,

куда прибыл из Парижа 15 числа сентября нов<ого> стиля, и вдруг слышу, что на Корвете, который стал от Бордо за 4 часа пути на пароходе, есть два письма ко мне. Я сейчас по телеграфу за 5 франков дал знать на Корвет, чтоб мне выслали письма, и вчера их получил.

Боже мой, какая радость! Я плакал, читая, целовал твои строки и прижимал их к сердцу, точно обнимая вас всех, мои милые. Ужь я сколько раз бил себя в голову, спрашивая, зачем мы расстались! Нет, ужь в мои лета это поздно, не нужно, бесполезно! Но ведь как же ты без особенных испытаний заставишь себя убедиться, что тебе не двадцатые годы, но четвертый десяток, — то есть я говорю о себе!

О, верь мне, что я глубоко страдаю ото всего, что мы не вместе путешествуем, до того, что теперь даже не люблю быть один, — что я очень любил, и именно в самые наши счастливые дни! Беспокойства мои увеличиваются с каждым днем. В Рагузе мы, вероятно, долго стоять не будем, ибо черногорцы замирились с турками[3]. Следовательно, где мы увидимся и когда? В Триесте, Венеции и Афинах, говорят, жить скверно, — где жь вам поселиться? Разве на зиму не приехать ли тебе в Афины, а оттуда, когда мы пойдем в море, и тебе переехать во Флоренцию? Или не оставить ли мне Корвет в Италии и лететь к тебе в Триесте, устроить тебя, и вернуться уже в Афины? Я думаю, эта мысль лучше всего, потому, видишь ли, что, вероятно, весною мы будем в Ницце, ибо туда, кажется, будет Константин Николаевич, и потому я опять могу к тебе приехать. Ты хоть вот что сделай. Напиши мне тотчас в Кадикс, à *Cadix* en *Espagne*, aux soins obligeants du consulat russe, *Mr. Maykoff* à <так!> bord de la corvette russe *Bayane*[4]. — Когда ты думаешь быть в Триесте? Хоть приблизительно, а я думаю, что дней через 30 я могу быть в Триесте, т. е. из Рагузы, куда мы все-таки зайдем. Экстракт из этого письма я — посылаю на всякий случай в Дрезден и в Триест. Я тебе писал что-то много писем, не знаю, получила ли ты их. Маменька мне пишет, что она и не подозревала, чтоб ей так было трудно с тобой расстаться, что ей теперь ужь не с кем решительно молвить слово от души. Так и должно быть. Вообще мне особенно жалки наши старички. Пиши мне подробнее о своих впечатлениях об няне, об делах, да и не забывай писать в Петербург. Теперь я делаю partie de plaisir[5] в Биарриццу[6], морские купанья, где живет с двором своим Наполеон[7]. Это на границах Испании. Не пишу больше, чтоб приняться переписать главное из этого письма в 2^{x} экземплярах, в Дрезден и в Триест. Целую тебя, моя милая, целуй и детей от меня, и няне кланяйся. В одном из писем я писал тебе об шарфике.

Твой А. Майков

РО ИРЛИ, № 16996, л. 28—29 об. Оригинал.

[1] Госпожа Диффенбах (*нем.*).

[2] о далматинцах (*нем.*). Найти книгу не удалось.

[3] *...черногорцы замирились с турками.* — Имеется в виду черногорско-турецкий конфликт (1858) между Княжеством Черногория и Османской империей, возникший после начала антитурецкого восстания в Герцеговине. Под давлением Франции, Англии и России, поддерживавших Черногорию, Турция прекратила военные действия, пошла на перемирие с повстанцами, дала согласие урегулировать взаимоотношения с Черногорией и провести с ней разграничение. Позже, 27 окт. (8 нояб.) 1858 г., была подписана соответствующая конвенция.

[4] В Кадис в Испании, любезному попечению русского консульства, г-ну Майкову на борту русского корвета «Баян» (*фр.*).

[5] увеселительную прогулку (*фр.*).

[6] *Биарриц* (Biarritz) — город на юго-западе Франции. Расположен вдоль Берега Басков на мысе св. Мартина. Климатический и бальнеологический курорт, место отдыха высокопоставленных особ.

[7] *Шарль Луи Наполеон Бонапарт* (Charles Louis Napoléon Bonaparte), именовавшийся Луи-Наполеон Бонапарт (Louis-Napoléon Bonaparte), позже Наполеон III (Napoléon III; 1808—1873) — первый президент Второй французской республики (1848—1852), император Второй Империи (1852—1870).

7
А. И. Майковой
10 сентября 1858 г.

Париж

Сентябрь 10.

В Париже я встретился с Бурдиным[1] и ужасно обрадовался, узнав, что он тебя видел на пароходе и в Берлине; но вместе с тем он меня перепугал и растревожил, сказав, что видел при тебе только одного ребенка, Верочку, на пароходе и в Берлине. Увидя мое отчаянное беспокойство, он, однако, начал меня уверять, что ты весела, что, следовательно, Коля жив и, верно, находился с няней, которой он не видел. Как бы то ни было, хотя он меня и успокоил — но мысль, что я об вас Бог знает когда узнаю, меня убивает, так что мне всё противно, и в Париже ни на что смотреть не хочется, и всё кажется здесь гадко. И в самом деле я еще раз убедился, что незачем ездить в Париж. Здесь я нашел Норовых, ей немного получше[2], они очень обрадовались мне. Еще нашел я или меня нашли брат Потехина[3] и Аполлон Григорьев[4], который остается у Трубецких[5] еще на год, и будет жить во Флоренции; Григорьев ругает меня, что я вас поселяю в Венеции или Триесте, ибо там климат не здоров, а что лучше и дешевле во Флоренции. Но на этом вопросе я ничего не могу сказать, и не знаю, что еще будет. С Корвета пока не имею известий, а по газетам видно, что с черногорцами у турков заключен мир, так что, пожалуй, нам не нужно стоять в Рагузе. Это ужасно, если так. Тогда неужто вам поселяться в Афинах? Ведь вы со скуки зачахнете, и город, говорят, стоит скверно, кругом степь, читай: холод или ветрà, а летом — зной. Но об этом размыслим после, и тогда или спишемся, или увидимся. Ах, душечка моя, как я часто повторяю: Ерёма, Ерёма, сидел бы ты дома! Тут еще беспо-

койство об Кольке... беда, да и только! Обнимаю тебя, мой ангел! Тебе все-таки, я думаю, лучше, чем мне, для тебя много нового, ты не одна... но ты не беспокойся об том, что я в таком расположении, и будь по возможности весела и любопытна. Я писал тебе из Лондона и из Парижа. Это уже второе письмо из Парижа. Те я отправил в Вену poste restante, а это в Триест. Целую вас,

А. Майков

Льховский тебе кланяется.

РО ИРЛИ, № 16996, л. 22—23. Оригинал.

[1] *Бурдин Федор Алексеевич* (1827—1887) — актер Александринского театра в Петербурге.

[2] *Норов Авраам Сергеевич* и его супруга *Варвара Егоровна* (урожд. Панина; 1814—1860), которая тяжело болела.

[3] *...брат Потехина...* — Брат романиста и драматурга Алексея Антиповича Потехина (1829—1908) — вероятно, Николай (1834—1896), драматург.

[4] *Григорьев Аполлон Александрович* (1822—1864) — поэт, прозаик, драматург и критик.

[5] *...у Трубецких...* — Княгиня Трубецкая Леопольдина Юлия Терезия и ее дети: сын князь Иван Юрьевич (ученик Григорьева) и дочь княжна *Настасья Юрьевна* (в замуж. Геркен).

8
А. И. Майковой
15 (27) сентября 1858 г.

1858. Польяк[1] 15/27. сент<ября>

Посмотрел я сегодня, перебирая свои вещи по возвращении моем из Бордо на корвет (который стоит в 30 или 40 верстах от Бордо), — на ваши портретики, моя милая; грустно, грустно стало, и так захотелось с вами поговорить! Не нужно тебе прибавлять, что это смотрение на портреты не обходится без слезиночек... и к сердцу-то они прижимаются, и говорится-то им всё такое, что ты бы была очень счастлива, если б слышала, и что в глаза редко говорится. Ах, душечка моя, глупо, глупо нам было разлучаться: я не принял в соображение многого, а главное, своего сердца, понадеявшись, что оно выдержит разлуку молодцом. Нет, не очень-то. Но я заговорил совсем не то, что следует, или заговорил то, что вовсе не следует. Надо быть молодцом, хочешь не хочешь. Ну, так буду же молодцом. Смотри же, и ты будь; ведь я неспроста принялся за портретики, это всегда бывает, когда у меня есть что-нибудь досадное и неприятное тебе сообщить. А что может быть неприятнее, как обмануться в минуте свидания. Раз я тебе написал в минуту отчаянного желания увидеться с вами, что через 30 дней буду в Триесте, и чтоб ты спешила. Не спеши, ангел мой. Дела наши ме-

няются каждый день. Из Кадикса мы пойдем спешить в Афины, так как в Черногории дела кончились, и нам туда не надобно идти. А потому, душечка, живи, где тебе живется, и ожидай от меня нового извещения. Мне же пиши поскорее в *Тулон.* (France, à Toulon. Poste restante. Mr. Maykoff[2]), куда мы зайдем отдать только вещи русскому кораблю «Полкан». Значит: я к тебе приеду уже из Афин.

Желал бы я тоже знать, где ты желала зимовать? Какие ты по дороге собрала сведения по этой части — и как думаешь решить?

Вот то-то и горе, что в морской службе, с которой связалась наша судьба, всё неверно, всё зависит от случайностей, происходящих и от погоды, и от начальства. Например, мы стоим в Бордо третью неделю, ожидая, чтоб прошли равноденственные ветры, которые опасны в здешних морях — это от природы или погоды, — а заговорил телеграф — вот и начальство! Но, душечка моя, неизвестность, где ты, решительно меня убивает и отымает возможность писать. Куда я пошлю письмо? Ужь ведь надо в 3^{x} экземплярах опять. Все-таки главное-то пошлю в Вену.

Мы стоим в устьях Гаронны, реки, в 60 милях от моря и в 40 от Бордо. Вокруг нас замки: Лафит, Шато-Икем, Шато Мезон, Шато С. Жюльен[3]: это всё отечества тех вин, которые известны всему миру. Теперь сбор винограда, и выделка вина.

Мы были в Шато Лафите и видели всё это. Очень интересная картина — которую, впрочем, описывать буду в путешествии, а не в письме к тебе. Впрочем, меня до сих пор, кроме Англии, ничего не поразило. Посмотрим, что будет в Италии.

Ты спрашиваешь об моей каюте? Убрал я ее кое-как, хотя бюро еще у меня нет, да, верно, до Афин и не будет. Иногда в окна течет сверху, иногда всё посыпается мелкою черною пылью — это когда грузят уголь. Впрочем, так у всех. Но мне до себя нет пока дела, хочется вас устроить, и я все-таки больше в пользу Флоренции. Если же решится в Ниццу, то запомни Hotel *Гука «Нис»* (*гука,* понимаешь, это по-русски). Обнимаю тебя так, как никогда, и дитушек — тоже. Чай, меня забыли. Ты ничего не пишешь об няни <так!>.

Твой Попка.

РО ИРЛИ, № 16996, л. 26—27 об. Оригинал.

[1] *Пойяк* (Pauillac) — городок-порт на берегу р. Жиронды, вокруг которого расположен известный винодельческий район.

[2] Франция, в Тулон. До востребования. Г-ну Майкову (*фр.*).

[3] *Лафит* (Lafite), *Шато-Икем* (Château d'Yquem), *Шато Мезон* (неясно), *Шато С. Жюльен* (Сен-Жюльен; Saint-Julien) — сорта вин, производившихся вокруг Бордо.

9
Н. А. и Евг. П. Майковым
Между 2 и 16 сентября 1858 г.

Ну, мои милые, вчерашний и сегодняшний день — были для меня такими праздниками, каких еще в путешествии моем не было: я наконец получил — вчера письмо от Анеты[1], начатое в Петербурге и конченное в Штетине, а сегодня два письма — одно от нее же из Дрездена[2], а другое от Вас, maman, с припиской папеньки, то есть ваше первое письмо, от 17 авг<уста> (стар<ого> ст<иля>)[3]. Эти письма решительно меня воскресили, потому что я начал тосковать безысходно и похудел жестоко, потерявши сон.

Ну вот я и в Бордо. Я писал Вам из Копенгагена и еще откуда-то[4]. Вообще, посылая письма на две стороны, я решительно не помню, кому о чем я писал. В Копенгагенском письме написана величайшая глупость — но это глупость Капитана. Я еще его тогда не знал и верил ему, а это не должно. Он говорил в Балтийском море, что в Копенгагене не пробудет 3 часа, а пробыл трое суток, в Портсмуте — 5 часов, — а пробыл 8 дней, в Бордо — сутки, а вот ужь 8 дней, как мы тут, и пробудем еще неделю. Я и писал вам и Анете, чтоб адресовать мне письма прямо в Рагузу, — основываясь на его словах, — и представьте мое удивление и радость, когда вдруг бац — три письма! Как только мы пришли в Портсмут, я отправился по железной дороге в Лондон, где пробыл 4 дня, а оттуда в Париж, где жил 8 дней, и из Парижа по ж<елезной> д<ороге> в Бордо. Но я, кажется, вам писал об Лондоне[5]. Если же нет, то, верно, к Анете, а тут хоть кратко скажу свое впечатление. Видел ужь я много городов и стран и думал, что может меня поразить только что-нибудь необыкновенное, например, Ниневия или Вавилон с живыми ассириянами или вавилонянами, или, пожалуй, Бомбей или Пекин, — но ужь никак не думал, чтоб какая-нибудь европейская столица меня поразила. И что же? Лондон *убил* меня; и Лондон в Англии не один — вся Англия есть один, одинаковый город, только где потеснее, где пореже здания. Нет, maman, ужь не будемте более судить и спорить об Англии. Видя ее, развитие, усовершенствование всего разумного и разумно необходимого для жизни, и всё в классически строгих, монументальных размерах, всё с вековою прочностью и дебелостью — приводит в отчаяние всякого человека, любящего *свое* отечество, в отчаяние, потому что чувствуешь, что твоему отечеству никогда не стать на ту высоту, никогда не доставить своим сынам такой удобно-разумной жизни. Бродя по Лондону, я всё думал, что надобно иметь особенный талант, чтобы остаться дураком в Англии. Образование и познания лезут в голову сами собою, хотя ты и не думал их искать. Любовь к отечеству (т. е. к Англии) и гордость этою любовью должна воспитаться в англичанине с малолетства, и не только к настоящему, но ко всей целости исторической жизни народа.

Великий человек, гений и талант, кто бы он ни был, не забудется там. Названия улиц, скверов, монументы, дома, наконец, целое Вестминстерское аббатство с своими монументами, от государственных мужей и епископов до поэтов — всё увековечивает имя великого человека. В результате народной жизни видите, что его труд не прошел даром, ибо все пружины ее, кажется, обдуманы гениально. Ах, как показалась мне потом ничтожна Франция, в которой господствующая партия уничтожает всё прошедшее и на всё кладет свой собственный отпечаток! Как ничтожен показался этот Париж, который силится возводить монументальные здания и проводить монументальные улицы[6], Париж, по натуре своей, мелкий, мещанский город! и как не удается ему эта обезьянская претензия на строгий, империяльный город! Как жалки были для меня эти мильоны магазинов, великолепно освещенных и убранных, но наполненных вещами совершенно ненужными — ни магазины шляп, лент, цепочек, бронзы, перчаток, шелковых тканей, статуэток, эти кофейни, блестящие зеркалами и люстрами, где праздные толпы кози́руют[7], едят мороженое, пьют черный кофе с коньяком, и которые имеют такой довольный, счастливый, беззаботный вид. Накрашенные, разрумяненные и большею частью потасканные маркизы и графини, т. е. попросту девки, восседают в этой толпе, занимаясь обработкою своих дел с иностранцами, между которыми самую главную роль играют наши соотечественники. В Англии всё напротив. Там нет огромных вывесок «grande enterprise, première maison, enterprise immense»[8] и пр. Там вас поражает огромное количество и дешевизна нужных вещей — всё, что делается из шерсти, железа и стали, всё это нужно, всё хорошо и дешево. Толпа на улицах идет за делом. Еда, например. В Англии нет дурной провизии. Во Франции эти глупые обеды из 10 блюд и менее, и более, это чорт знает что такое. В Англии во всех тавернах (и я обедал и завтракал всё в разных местах) везде одного качества великолепный ростбиф, ветчина, баранина, телятина и рыба, и англичанин ест одну порцию, много две, но зато какая порция! целый обед! и стоит шиллинг, с пивом и картофелем. Мелочь, претензия, пустота, ветреность на каждом шагу во Франции оскорбляют в вас чувство достоинства человека, — в Англии вы подавлены, всё кажется, что в вас мало этого чувства, и что его больше в каждом джон буле[9]. Тяжело нашему брату в Англии. Там всё его давит, и давит именно разумность окружающей вас жизни. А доки, флот, Левиафаны[10], электрический телеграф, и пр. и пр. — всё говорит вам, что вы в центре — разумной и производительной жизни земного шара и имена Австралии, Америки, Азии с Индией и Китаем, Африки, не говоря ужь о всех частях Европы, — попадающиеся вам на каждом шагу, так же популярны в Лондоне, как у нас в Петербурге — Москва — Париж. Прибавьте к этому, что англичане снисходительно добры и обязательны[11] к иностранцам, укажут улицы, проведут, объяснят, особенно если вы что-нибудь пролепечете ему по-английски. Вздор,

что англичане смеются над тем, кто коверкает их язык. Это выдумка, напротив, он польщен, что иностранец бормочет с ним по-английски.

Вот вам впечатление 4[x]дневного пребывания моего в Англии. Ах, maman, я очень жалею, что Вы несправедливы в этом споре. Мне, по чувству зависти к англичанам, было бы приятнее, чтоб победа была на вашей стороне. Но увы! спор теперь невозможен. Но полно об этом; вам интереснее знать что-нибудь лично обо мне. Читайте отсюда про себя или самым близким. Офицеры Корвета[12] меня полюбили, и я их тоже. С Капитаном[13] мне труднее сойтись, — это человек старого века, старого поколения моряков, и все жалеют о прежнем командире. Я не ожидаю, чтоб наше путешествие было интересно, он не понимает, что для этого нужно. Берег его не занимал, разве только трактиры и девки, тогда как весь-то интерес плаванья — есть берега и народы, на них живущие. Другое главное лицо на корабле есть старший офицер[14]. Этот, напр<имер>, на днях (без меня) велел из Каюткомпании покидать за борт все книги. Обоих этих лиц я очень стесняю своим присутствием, и они стараются показаться мне в лучшем свете, но, вероятно, не любят от души. Совершенную противуположность этим остаткам старины представляет молодежь, с весьма хорошими начатками для более серьезного развития. Что Вам еще сказать? Дорого нынче путешествие. Я взял из Портсмута 350 р<ублей> сер<ебром> своих денег — и возвратился в Бордо, заняв в Париже у актера Бурдина 200 франков. Но сделал платья на 400 ф<ранков> (в Париже), и Анете нужен плейд и мантилью за 100 ф<ранков> (в Лондоне), да еще купил зрительную трубку во 100 франков в Париже. В Лондоне встретился с Льховским и ездил с ним в Париж. Там видел еще Норова и Апол<лона> Григорьева. Полонскому скажите, что рукопись «Сны»[15] у Кушелева[16], а у меня нет; но что я прошу его не печатать их как можно дольше, ибо последнюю песню в этом виде нельзя оставить, а для переделки надо ждать минуты. Я, пожалуй, готов возвратить деньги, если Кушелев не согласится. Написал бы Полонский мне о своих делах откровенно[17]. Ведь здесь живешь только телом, а душой и сердцем в России, в литературе, да по немецким городам, где странствуют мои. Мне кажется иногда величайшею глупостью — что вот мы жили, жили хоть скучновато, да счастливо все вместе — и вдруг — бац, разлетелись в три стороны, обрекли себя на одиночество! и из-за чего и для чего? А для того ведь, чтоб опять сойтись и еще более сблизиться, и быть счастливее друг другом. Хотя при вас и остались братья Леонид и Владимир с семьей[18] (которую целую), а все-таки, я уверен, вы чувствуете, что и нас нет с вами, потому что ведь какой-нибудь порядочный мотив в общей гармонии вашей жизни вводили и мы с Анетой. Анета мне пишет, что она не понимает, как она рассталась с вами; ах, mamanchen[19], ради Бога, не расстраивайте себя и берегите папеньку. Жаль только, что он на этот счет мало нас с вами слушается. Искал я в Париже разных эстампов для него с изображением чего-нибудь

подходящего к его плафончикам[20] — но видел только то, что есть у Дациаро[21] в Петербурге. Сладил ли он этим делом — рара, вы сами мне напишите. Я всё что-то боюсь, когда он приходит в столкновение с двором — так и жду неприятности — но ради Бога — прошу Вас, рара, наперед быть на это готовым и не принимать к сердцу, даже в денежном отношении, потому что у вас есть ресурс — головки[22], и если б вы прежде налегли на этот ресурс, то, я уверен, не нужно бы было и искать заказов. Что поделывает наш «Подснежник»[23]? что Никитенко[24] и военно-учебные заведения[25]? Как подумаешь, все-то мы бьемся из-за проклятых денег! Что и со мной было бы, если бы не мой милый К. Ц. И.[26]! (Комитет Цензуры Иностранной) ..... Хорошие ли соседи Писемские[27] и доставляют ли они какое-нибудь вам развлечение? Говоря о Писемском, естественно перехожу к Леониду и прошу его сообщать мне подробно обо всем, что делается в русской литературе. Марье Федоровне поклонитесь от меня и попросите писать мне. Но куда теперь писать? и сам не знаю, как вам назначить. Пишите в Рагузу aux soins obligeants du consulate russe[28]. Всё ужь там я получу ваши письма. Ну а теперь целую Вас всех и в заключение прошу не выпускать из рук моих писем, но приберегать их для меня как материал. Равно не читать их никому, кроме нашей семьи. Ваш

А. Майков

1858. Сент<ябрь> (число посмотрите на штемпеле почты в Бордо)

Я купил в Париже два удилища очень длинных, один папеньке, другой себе. Когда же поудим вместе!

РО ИРЛИ, № 16996, л. 30—33 об. Оригинал.

Фраза: «Как подумаешь, все-то мы бьемся из-за проклятых денег! Что и со мной было бы, если бы не мой милый К. Ц. И. (Комитет Цензуры Иностранной) .....» — процитирована И. Г. Ямпольским в «Ежегоднике РО ПД на 1975 год» (с. 106).

[1] Письмо А. И. Майковой не обнаружено.

[2] Письмо А. И. Майковой из Дрездена не обнаружено.

[3] Письмо Евг. П. и Н. А. Майковых от 17 авг. 1858 г. не обнаружено.

[4] Первое письмо — см. п. 1; второго, возможно, не было.

[5] *Но я, кажется, вам писал об Лондоне.* — Письма о Лондоне к Н. А. и Евг. П. Майковым, написанные до этого письма, не обнаружены. О Лондоне говорится в письме к А. И. Майковой (см. п. 4). Это первое впечатление Майкова о Лондоне. Путешествуя по Европе в 1842—1843 гг., он там не побывал.

[6] *...Париж ~ монументальные улицы...* — Резкие слова Майкова связаны с так называемой «османизацией» Парижа — реконструкцией исторического центра под руководством барона Ж. Э. Османа, которого Наполеон III в 1853 г. назначил префектом департамента Сена. Осман действовал по указаниям Наполеона, который еще до провозглашения императором, побывав в Лондоне, был впечатлен той архитектурой, которая восхитила и Майкова.

Ср. пассаж о памятниках в Англии и во Франции из дневника Майкова 1842 г. Анализируя значимость французских памятников (триумфальные арки, Вандомская колонна), он пришел к выводу: «Памятники французской истории — это тот же француз, хвастун, болтун, враль, суета. История Англии — молчаливый англичанин, который в белой шляпе и белом сюртуке показывает палкой на хартию или на мрачное здание Вестминстерского аббатства» (*Майков А. Н.* Путевой дневник 1842—1843 гг. Итальянская проза. С. 387).

В 1842 г. Майков сначала просто наблюдал жизнь Парижа и делал добродушные заметки о нравах горожан. Однако через несколько дней впечатления привели его к выводу: «...да кажется, что и самая жизнь французов — тоже factice <неопределенная (*фр.*)>, поддельная: жизнь, чисто внешняя, которой предаваться могут только люди, у которых в голове и в душе должно быть очень пусто, происходит ли эта пустота от разочарования и утраты чувств, или от малого запаса знаний, составляющих источник тихих, более прочных наслаждений. Paru qu'ils ont abuse de tout <Кажется, что они всем пресытились (*фр.*)> (см.: Там же. С. 11—15, 17).

[7] *Кози́руют* — болтают (от *фр.* causer).

[8] «большая компания, первый дом, огромная компания» (*фр.*).

[9] *Джон Буль* — Джон Булль (Джон Буль, Джон-Буль) (*англ.* John Bull, букв. «Джон Бык») — прозвище, собирательный образ типичного англичанина.

[10] *Левиафан* — здесь в переносном смысле: большой военный корабль. Ко времени путешествия Майкова в Англии так (в честь библейского Левиафана) были названы два судна: HMS «Leviathan» — 70-пушечный линейный корабль 3-го ранга; был спущен на воду в 1750 г. как HMS «Northumberland», затем превращен в грузовой транспорт и переименован в 1777 г., затонул в Атлантике в 1780 г., — и HMS «Leviathan» — 74-пушечный линейный корабль 3-го ранга; спущен на воду в 1790 г.; сражался при Трафальгаре, превращен в плавучую тюрьму в 1816 г.; был продан в 1848 г.

[11] *...обязательны...* — Т. е. любезны.

[12] Об офицерах корвета см. во вступ. статье.

[13] О капитане П. И. Истомине см. во вступ. статье.

[14] О старшем офицере А. И. Энквисте см. во вступ. статье.

[15] *«Сны»* — поэма, над которой Майков работал в 1855—1859 гг. См. комм. Л. С. Гейро в изд.: *Майков А. Н.* Собр. соч.: в 2 т. М.: Правда, 1984. Т. 2. С. 513—516.

[16] *Кушелев-Безбородко Григорий Александрович*, граф (1832—1870) — литератор (псевдоним «Грицко Григоренко»), композитор, шахматист и меценат; основатель журнала «Русское слово» (1859).

[17] *Написал бы Полонский мне о своих делах откровенно.* — М. Ф. Штакеншнейдер сообщала Майкову 8 (20) марта 1859 г.: «В признательности Полонского за ваши об нем хлопоты я ручаюсь, зная из опыта, как он благодарил не — только за сделанное ему добро, но и за одно желанье быть ему полезным. — На счет самой идеи посоветовать ему сократить переписку кажется мне трудно, взяв в соображение, что он окружен совершенно ему чуждыми людьми и что потребность говорить откровенно, говорить *по-русски* он может удовлетворить только перепиской с близкими ему людьми. — Не могу себе представить, чтобы, говоря о вещах чисто прозаических, могло истощаться поэтическое вдохновение, разве только тратится время, но он, занятый целый день своей belle maîtresse <прекрасной любовницей (*фр.*)>, как называю его страсть к живописи, и без того не мог бы употребля<ть>, утомленный, на сочинение стихов. — Пусть ему немножко надоест живопись, тогда он с новыми силами примется за поэзию. — Письмо его исполнено речениями о его артистическом житье в Шалье <?>» (РО ИРЛИ, № 16980, л. 15—15 об.). Я. П. Полонский в это время путешествовал по Европе, и Штакеншнейдер приложила к своему письму два его стихотворения: «Хандра» и «На берегах Италии».

[18] Майковы Вл. Н., Ек. П., их дочь Евгения (1853—?) и сын Валериан (1857—1899).

[19] мамочка (*фр., нем.*).

[20] *...к его плафончикам...* — Речь идет о плафонах, которые Н. А. Майков расписывал для дома княгини З. И. Юсуповой на Литейном пр. (совр. адрес — Литейный пр., д. 42).

[21] *Дациаро Иосиф Христофорович* (*итал.* Giuseppe Daziaro; 1806—1865) — первый в России частный издатель высококачественной художественной полиграфической продукции; в 1849 г. открыл магазин в Петербурге (Невский пр., д. 1), где продавались эстампы, литографии, дагерротипы, фотографии, принадлежности для рисования.

[22] *...у вас есть ресурс — головки...* — Излюбленной темой творчества Н. А. Майкова были женские головки и обнаженные женские фигуры.

[23] «*Подснежник*» — журнал для детей и юношества, который издавал Вл. Н. Майков с 1858 по 1862 г.

[24] *Никитенко Александр Васильевич* (1805—1877) — историк литературы, педагог, мемуарист.

[25] *...военно-учебные заведения...* — С октября 1803 г. по 21 марта 1805 г. в Российской империи действовала Временная комиссия о военных училищах. 29 марта 1805 г. для управления всеми военно-учебными заведениями при Военном министерстве был учрежден Непременный совет о военных училищах. 6 апр. 1830 г. Непременный совет о военных училищах был упразднен, а его преемником стал Совет о военно-учебных заведениях. 25 марта 1843 г. было утверждено Положение об Управлении главного начальника военно-учебных заведений, которое изменило статус Совета. По Положению, данное ведомство поступило в подчинение к главному начальнику военно-учебных заведений в качестве совещательного органа, получив «власть по хозяйственной части распорядительную, а по прочим совещательную, наблюдательную и исправительную». Членами ведомства являлись сановники, назначаемые по выбору императора, а также чиновники и инспектора военно-учебных заведений (работал до 21 янв. 1863 г.) (см.: Совет о военно-учебных заведениях (29.03.1805—21.01.1863) // Высшие и центральные государственные учреждения России, 1801—1917: в 4 т. СПб.: Наука, 2004. Т. 4. С. 43—45). А. В. Никитенко был «сделан членом комитета, который должен выработать проект устройства военно-учебных заведений» 6 окт. 1835 г. (*Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 1. С. 174). Судя по его дневнику, никаких новостей о его работе в Совете с момента отъезда Майкова до написания письма не было.

[26] *...мой милый К. Ц. И. ...* — О служебных обстоятельствах Майкова см. во вступ. статье.

[27] *Хорошие ли соседи Писемские...* — В 1858 г. Алексей Феофилактович Писемский (1821—1881) с женой Екатериной Павловной (1829—1891) и четырьмя детьми поселился в одном доме со старшими Майковыми: Большая Садовая ул., 51 (дом Адама, во время написания письма — дом Куканова).

[28] любезному попечению русского консульства (*фр.*).

10
Н. А. и Евг. П. Майковым
9 (21) октября 1858 г.

Рагуза. 1858. Окт<ября> 21 н<ового> ст<иля>.

Давно я Вам не писал — это потому, что всё дожидался, когда будем в Рагузе, где надеемся от вас найти письма. Вот, наконец, мы и в Рагу-

зе, и, наконец, я получил от вас 2 письма и одно от Анеты. Это только второе письмо от нее, хотя по ее словам видно, что она писала много писем ко мне, и эти письма или странствуют по свету, или лежат где-нибудь на почте. То же, должно быть, и с моими, и с вашими. Одно письмо, впрочем, я вам написал из Бордо, но отдал его офицерам с яхты «Штандарт»[1], которая в ноябре будет в Петербурге; один из них, Константин Васильевич Небольсин[2], явится к вам и доставит от меня 3 удилища, из коих 2 большие — одно мне, другое папеньке, и еще алжирскую мантилью Жени[3]. Всем бы желал прислать подарки, но денег нет. Все свои издержал на Лондон и Париж, и сделал еще долг. Из Бордо мы пошли в Кадикс, где стояли 4 дня. Кадикс — это испанский Кронштадт, так что Испании мы не видали, кроме некоторых типов, напоминающих Мурилло[4], нескольких католико-языческих процессий[5], домов с плоскими крышами, балконов под окнами, лени, праздности и воздуха, наполненного теплом и пахнущего интригой. Зато тут я купил годовую пропорцию сигар — хорошие, настоящие гаванские, но не дешево, по 6 и 7 р<ублей> сер<ебром> сотня. Правда, они в Петербурге стоят по крайней мере 12 р<ублей>. Если кто захочет поручить мне привезти сигар (и то если я назад пойду на «Баяне», т. е. если «Баян» останется не больше года), то копите денег, и высылайте мне, когда о том я уведомлю. Из испанского Кронштадта мы пошли в итальянский: в Мессину — сквернейший из итальянских городов; об ней и сказать нечего. Оттуда в Рагузу. Но плавание по Средиземному морю и Адриатике до Рагузы было великолепное, равно как и по Океану от Бордо до Кадикса. Чудные ночи, гладь, по временам берега Африки — чудо. Проходили мимо Гибралтара: как гордо и зорко он смотрит на Африку и на суда, которые мимо проходят... Берега Испании, мною виденные — ничего не говорят об Испании, а всё об рыжем джоне буле —там С<ен> Винцент[6], там Трафальгар — где Нельсон одерживал победы, наконец самый Гибралтар. Но это всё в сторону! Я в Рагузе, у меня ваши письма, Анета будет сюда с детьми, а мы будем здесь стоять неизвестно сколько времени. Я найму квартиру на берегу. Рагуза занимает мыс у подножья гор, не более, как трижды взятое пространство Сенной площади. Спереди море и утесы, сзади высокие горы. 2000 жит<елей>. Всё старое, всё похоже на оставленные хоромы, на забытую деревню[7]. Вот вам и вся республика, которая умела держаться между турками, венецианцами и др., и вела огромную торговлю. Там я найму квартеру и буду жить с семьей. У нас на корвете гость — черногорец. Я выучусь, если нужно, по-сербски и поеду в Черногорию. — Я знаю, что об акуле усумнятся в Петербурге, но, тем не менее, это правда. Свидетель весь Корвет, и это точно акула, акулы в Нем<ецком> море маленькие, т. е. такие, как я поймал. Меня беспокоит более всего — здоровье папеньки и Кати[8]. Папенькино даже больше — 1, потому что он лечится всё по-своему, и 2, никогда не откровенен, так что, если и напишет, что здоров, не поверишь. Катя

же лечится, и всё можно наверное знать, кàк она. И вы мне об этих двух пунктах напишите подробнее и откровеннее.

О «Подснежнике» тоже никто ничего не пишет. Господи! Так иногда хочется быть у вас! Как рвешься к литературе нашей! да ведь так, что вдали-то ничего не пишешь!... Полонскому подтвердить, чтоб поэмы моей не печатал до получения переделки, а когда она будет — неизвестно. Если не хочет, то лучше я возвращу деньги. Со Льховским я из Лондона ехал вместе в Париж, где его и оставил. Его тешит путешествие больше меня. Ужь у меня нет того ребяческого любопытства. Боюсь только, что он останавливается всё на мелочах и слишком занят развитием промышленности и вкуса в вещах и в вещицах. В Париже я сделал себе платье. У нас на Корвете есть офицер Наумов[9], сосед по опере — и мы часто вспоминаем и вас и оперу. Я пою — и с успехом. По крайней мере мое пенье для всех приятное воспоминание о Петербурге. Но что я буду писать!.. вот вопрос. Кланяйтесь Писемским. Лели спасибо за приписку. Пишите в Рагузу, да все пишите, больше фактов, как бы они не казались пусты. Всех вас обнимаю, и верьте, что никого не забыл, так что поголовный перечень не нужен.

Только ради болезни Мих<аила> Парф<еновича>[10] о нем особо упоминаю — чтоб лечился. Завтра отправлю это письмо, и, верно, завтра Анета выезжает из Триеста. Ваш

А. Ма<йков>

В кого влюблена <5 нрзб.>[11] и вообще кто в кого? Лёня! поступил ли в Университет — кадет Киселев?

Что мои цветы? Спасибо за Нептуна. Что плющь? и листок от плюща? что крапива, где? Пожалуйста, Лёля, сходи к Алек<сандру> Ник<олаевичу> Виту[12], — поклонись от меня и расскажи обо мне. Сходи в Комитет к Лебедеву[13] — и расспроси насчет меня, нет ли дурного чего?

Напишите о папенькиных работах. И ради Бога, чтоб он не падал духом, если с двором не поладит. Надо быть готову на все неприятности.

РО ИРЛИ, № 16996, л. 34—35 об. Оригинал.

[1] «*Штандарт*» — большая колесная императорская яхта, построенная в 1857 г. в Бордо.

[2] *Небольсин Константин Васильевич* (1825—1895) — лейтенант; впоследствии адмирал, генерал-лейтенант. 26 апр. 1858 г. был назначен старшим офицером на императорскую яхту «Штандарт».

[3] *...алжирскую мантилью Жени.* — Евг. Вл. Майкова, дочь Вл. Н. Майкова.

[4] *Мурильо Бартоломе Эстебан* (*исп.* Murillo; предположительно 1617—1682).

[5] *...католико-языческих процессий...* — Вероятно, Майков называет католические процессии так, потому что в них часто несут на специальных носилках статуи Христа, Девы Марии и святых — обычай, отсутствующий в православной церкви.

[6] *...С<ен> Винцент...* — Город Сен-Венсан-де-Поль на юго-востоке Франции.

[7] *Всё старое ~ на забытую деревню.* — Майков говорит о нынешней восточной части Рагузы (Дубровника) — Нижнем городе (*ит.* Ragusa Ibla), построенном на месте разрушенного землетрясением 1693 г. старого города.

[8] *...Кати...* — Ек. П. Майковой.

[9] *...офицер Наумов...* — Неустановленное лицо.

[10] *...ради болезни Мих<аила> Парф<еновича>...* — *Заблоцкий-Десятовский Михаил Парфенович* (1816—1858) — статистик, метролог, друг семейства Майковых.

[11] *Текст густо зачеркнут.*

[12] *Витт Александр Николаевич*— неустановленное лицо (полное имя названо в п. 16).

[13] *Лебедев Николай Егорович* (1828—?) — сотрудник Комитета цензуры иностранной, помощник старшего цензора.

11
Вл. Н. и Ек. П. Майковым
17 (29) октября 1858 г.

29 окт<ября> н<ового> ст<иля>

Ну, любезные мои Володя и Катя! Здравствуйте! Наконец я в Рагузе, около меня Анета, кругом шумят дети, распоряжается, убирает и моет няня, — и все мы, испытавшие бури, тревоги сухого пути, железных дорог, трактиров, испытавшие роскошь и сухоядение, много раз обманутые, ограбленные в счетах, еще до сих пор рассказываем друг другу, что с нами было, что видели, что слышали. Журчание женских голосов получило для меня особенную прелесть, ухо мое успело от них отвыкнуть и привыкает к ним опять с особенным наслаждением. В Рагузе пока, до приискания квартиры, мы живем в отели — т. е. нельзя сказать в отели, потому что в Европе с названием отели соединяется понятие некоторой роскоши и комфорта, а у нас просто две комнаты с постелью, столиком, комодом и 6 стульями каждая; но зато с трех сторон шумит и разливается о скалы и камни море, и видна перспектива города, расположенного на горах и под горой, стены, башни и развалины домов, церквей и тоже башен, разрушенных еще Синявиным во время наполеоновских войн[1] и с тех не возобновленных. Рагуза — первый городок из мною виденных, который может дать мне статейку для «Морского Сборника», потому что у нас неизвестный, и потому я в письме к вам об ней не буду распространяться. И статейка может быть только в случае, если мы простоим здесь не меньше месяца. К сожалению, я еще не мог сам осмотреть и показать Анете вполне городок, ибо дожди почти не прерываются три дня.

Одною из первых потребностей при нашем свидании, разумеется, было — перечитать письма, которые мы получили порознь из Петерб<урга> — для того, чтоб в подробнейшей и яснейшей картине вообразить, что с вами делается. Твои дела с библиотекой мне не дали спать всю ночь — и мысль, что ты будешь делать, меня преследует и теперь. Надежда на «Подснежник». Но успеешь ли еще додать книжки за этот

год? ибо если и есть в кассе журнальной, верно, пойдет всё на жилье, а последние номера должны быть хороши. Пришли мне хоть перечень статей более замечательных — и главное, что делают *имена*? Знаешь, что я тебе скажу? Я даже доволен, что враждебные отношения с Зотовым[2] у вас кончаются — не может ли он быть тебе полезен — ведь он на все руки человек. Пожалуйста, напиши откровеннее о твоих делах, чтобы не оставлять поле догадкам и предположениям, кои всегда рисуют вещи в худшем виде. — Кланяется вам Льховский, если только ужь сам не кланялся несколько раз после того, как мы с ним расстались в Париже. Встреча наша была самая неожиданная и самая приятная. Я был в Лондоне с одним нашим офицером и остановился в гостинице, по рекомендации нашего капитана, который не из элегантных. Нас и предупредили, что в этой отели останавливаются игроки и что нас если не обыграют, то обокрадут, и, пожалуй, зарежут. Как бы то ни было, мы провели там ночь, не раздеваясь, и на другой день перебрались в другую отель. После обеда, отправляясь в курильную комнату (в Лондоне курильщиков держат в черном теле, и избави Боже курить там, где ждем), вдруг вижу — Льховский, и через минуту я обнимал его грудь, а он смотрел на мою макушку. С ним мы и странствовали по Лондону и Парижу. Он строго исполняет призвание путешественника — описателя — наблюдателя, не пропускает уже ничего, так что я не в силах за ним следить, довольствуясь всегда более *идеей общего в науке Винкельмана*[3]. В самом деле — мир так велик, жизнь так многообразна, что, при нашей способности к широкой симпатии и всемирной любознательности, нет возможности не быть энциклопедистом, особенно для путешественника. Иначе он не поймет совсем местной жизни, и не заметит ее там, где она кипит живым ключом. Хорошо, если везде можешь понимать смысл явлений прошедшего и настоящего, но, с другой стороны, чувствуешь и досадуешь на эту энциклопедичность, ибо драматическая обстановка настоящего в частностях ускользает. Теперь я около центра сильного славянского движения, и рад, что знаю все типы, главные мотивы, но жалею, что специяльно не приготовлял к пониманию. Хочу выучиться сербскому языку, как ни трудно на 37[м] году жизни приниматься за новую грамматику.

Я все еще не верю, видя вокруг себя часть петербургской обстановки моей — жену, детей и няню. В Вере я нашел большую перемену — именно, она стала такая ласковая. Они очень отчетливо называют города, где были, и дают им свои достопримечательности, напр<имер>, Триест замечателен тем, что там есть Клотильда, Каролина и Ноэлиа <?>, их знакомые дети. Так и в других городах. Из Рагузы можно в полчаса *сходить* в Турцию, и мы непременно пойдем, хоть для того, чтобы Анета могла сказать, что была в Турции. Вообще каждая наша прогулка всегда сопровождается каким-нибудь впечатлением, напр<имер> вчера заходили мы в православную церковь — она вне стен города, и устроена в старом развалившемся доме с прекрасным, дико

растущим садом, где цветут олеандры — они здесь в виде деревьев, лимоны, оливы, розмарин, вероника, розы, — и всё это еще в цвету, несмотря на октябрь месяц. Надо знать положение и значение православия у славян, чтобы проникнуться сильным впечатлением. Видели турецкий базар и оборванных турков. Загорелые, южные черногорцы — и их мы видели, — но всего в письме не перепишешь. Пишите мне, друзья мои, и больше о себе. Всякая мелочь драгоценна. Получила ли Женя[4] алжирскую мантилью? Целуйте всех от меня, и себя — и развлекайте родителей, внушая Лени, чтоб он по вечерам занимал их.

Анне Потаповне[5] целую ручки.

Ваш А. Майков

Вместе с этой почтой я отправляю письмо к Марье Федоровне Штакеншнейдер.

РО ИРЛИ, № 16996, л. 36—37 об. Оригинал.

[1] *...башен, разрушенных еще Синявиным во время наполеоновских войн...* — См.: *Броневский В. Б.* Записки морского офицера, в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год // Электрон. ресурс: http://az.lib.ru/b/bronewskij_w_b/text_1819_zapiski_morskogo_ofitzera.shtml (дата обращения: 29.04.2024); однако разрушения были и при следующей осаде, в январе 1814 г., когда соединенные силы англичан и австрийцев бомбардировкой вынудили французский гарнизон покинуть осажденную Рагузу (Электрон. ресурс «Осада Рагузы — Siege of Ragusa»: https://ru.wikibrief.org/wiki/Siege_of_Ragusa (дата обращения: 29.04.2024)).

[2] *Зотов Владимир Рафаилович* (1821—1896) — писатель, драматург, журналист, издатель журналов; был энциклопедически образованным человеком.

[3] *Винкельман Иоганн Иоахим* (1717—1768) — немецкий искусствовед, основоположник новой европейской археологии и искусствоведения.

[4] Евг. Вл. Майкова.

[5] Неустановленное лицо.

12
Н. А. и Евг. П. Майковым
2 (14) ноября 1858 г.

Ecrivez nous à Nizza. Apollon et Anette Maykoff

Адрес: Мадам Майковой. Садовая ул. Дом Куканова[1].

РО ИРЛИ, № 16994, л. 51. Оригинал.
На телеграфном бланке: Депеша, поданная в Рагузе 14 нояб. 1858 г. Получено в Петербурге 3 нояб. ст. ст. (15 нояб. н. ст.).

В дневнике Е. А. Штакеншнейдер сохранился отрывок письма Майкова к М. Ф. Штакеншнейдер, написанного в первой половине окт. 1858 г.: «Мы, наконец, добрались до Рагузы, куда на первый при-

зыв переехала из Триеста и жена моя с детьми. Теперь мы опять на некоторое время вместе, и вот третий день все еще рассказываем друг другу то, что прожили розно» (*Штакеншнейдер Е. А.* Дневник и записки. С. 242 (запись от 3 нояб. 1859 г.)).

«Баян» прибыл в Рагузу 7 октября, а 5 ноября ушел оттуда. В тот же день 5 ноября И. А. Гончаров в письме к И. И. Льховскому упомянул, что «Аполлон в Ницце соединился с Анной Ив<ановной>» (*Гончаров И. А.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1980. Т. 8. С. 254).

[1] См. комм. к п. 9.

13
А. И. Майковой
19 ноября (1 декабря) 1858 г.

Милый мой мунтик! Пишу тебе, чтобы не беспокоилась без известий обо мне. Прибыли мы в Геную благополучно, к своим на рейде. Сегодня я переезжаю в гостиницу, чтобы ближе быть к вращению жизни в городе, который чудо как хорош. Здесь Григорович, но я еще его не поймал, его и собаками не отыщут. Он счастлив своим положением, капитан у него чудо[1]! Образованный, любопытствующий, прекрасный человек. В капитане всё дело. Вчера приехал из Петербурга человек к одному из русских и привез нам кучу писем, от родителей, от Лены Штакеншнейдер, от Полонского и пр., Коли книжку, Вере куклу. Не посылаю этого, чтобы не пропало. Слышно, что Великий Князь будет сюда через 4 дня, сколько здесь останется, неизвестно, но отсюда мы пойдем с ним в Ниццу. Я было поплатился за твои прекрасные два яблока легким поносом, отчего (больше из страху и предосторожности) и жил на Корвете, но теперь решился съехать и, тоже для предосторожности, беру с собой аптечку. Всё это, однако, не мешало мне пользоваться хорошей погодой и смотреть кое-что в городе. Все здешние с других судов советуют тебе оставаться в pension suisse[2] на этих условиях, как ты поместилась, ибо это дешево и хорошо, а как прийдут они и Вел<икий> Кн<язь>, тогда всё утроится в цене. Ты так и сделай. С Наумовой[3] не сближайся — сквернавка. Маменькино и Папино письмо посылаю тебе и, в надежде скорого свидания, обнимаю вас всех.

Твой Попка.

1[е] дек<абря> нов<ого> стиля

РО ИРЛИ, № 16996, л. 101—101 об. Оригинал.

[1] *...капитан у него чудо!* — Изыльметьев Иван Николаевич (1813—1871) — в 1858 г. капитан 1-го ранга, с 1864 г. контр-адмирал.

[2] швейцарский пансион (*фр.*).

[3] *С Наумовой...* — Неустановленное лицо.

14
Евг. П. Майковой
Между 17 и 23 ноября 1858 г.

Я замешкал отсылкою этого письма к Полонскому, потому что хотел вложить и к Вам письмо, chère maman[1], но не мог за него приняться, потому что работал над «Снами». Было вдохновение. Завтра или после завтра буду писать к Вам. Скажите Полонскому, что у меня решительно переделана 1[я], 2[я], и 4[я] песни. Почти готовы, и вышлю скоро. Пусть он печатает 1[ю], 2 и 4[ю], а 3[ей] хоть начало. Я отмечу. *Но чтобы по старой рукописи отнюдь бы не печатали*[2]. Скажите это. Посылаю письмо к Полонскому на ваше имя, чтобы вы прочли. Сейчас получил ваши посылки через Неваховича[3] и очень благодарю. Мы в Генуе, Анета в Ницце. Ожидаем Вел<икого> Князя[4]. Ну, chère maman, вы себе представить не можете, как я страдаю при мысли о скуке, которую вы испытываете в одиночестве, так бы и забежал к Вам! Но верьте, что мыслию я беспрестанно с вами, и с Анетой главные у нас разговоры о вас. Когда я уезжал из Ниццы, Анета хотела вам писать. А я буду скоро писать *большое* письмо.

Пока обнимаю вас. Благодарю за подарки детские[5].

Ваш Ап. Майков

РО ИРЛИ, № 16994, л. 47—47 об., 40—40 об. (конверт). Оригинал.

<*Конверт:*> S. Petersbourg.
Его Высокоблагородию
Николаю Аполлоновичу
Майкову.
На углу Садовой и Екатерингоф-
ского проспекта в доме
Куканова.
Russie.

<*Штемпели на л. 40:*>
1) <половина не пропечаталась> 58 12 M
2) <почти не пропечаталось> 2 M
3) Genova I I C 58 12 M

<*На л. 40 об.*>
4) VII ERBE <конверт оборван> Bresla<...>
5) Получено 28 ноя 1858 вечер

[1] дорогая мама (*фр.*).

[2] *Но чтобы по старой рукописи отнюдь бы не печатали.* — Я. П. Полонский писал Майкову в начале февраля 1859 г.: «Слава Богу, № 1 "Р<усского> С<лова>" вышел. Все сделано так, как ты хотел. Напечатано по рукописи, тебе присланной — с началом и концом третьей песни — и выпуском середины. Цензировал Гончаров, человек тебе преданный, стало быть жаловаться на цензуру невозможно в этом случае» (РО ИРЛИ, № 16980, л. 11. Коллективное письмо к Майкову М. Ф. Штакеншнейдер, Я. П. Полонского, В. Г. Бенедиктова, П. Л. Лаврова и И. К. Гебгардта).

[3] *...через Неваховича...* — О Н. А. Неваховиче см. во вступ. статье.

[4] *Ожидаем Вел<икого> Князя.* — Вел. кн. Константин Николаевич отправился из Петербурга в плавание на пароходе «Гремящий» 8 октября вместе с женой, вел. кн. Александрой Иосифовной, и сыном Николаем. Основной задачей его поездки было, как и в других поездках по Европе, начавшихся еще во время правления Николая I, исполнение неофициальных дипломатических поручений императора. В данном случае это было налаживание контактов России с Францией после Крымской войны, в связи с чем великий князь, уже не в первый раз, встретился с императором Наполеоном III в Париже в декабре (Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. М.: Терра, 1994. С. 7, 9). До этого Константин Николаевич побывал в разных городах: в Киле осматривал строящуюся яхту «Штандарт», проехал по Европе с визитами к своим родственникам и родственникам жены (Переписка... С. 70—71), посещал театры, знакомился с техническими новшествами, с европейской системой двойной бухгалтерии и т. д., двигаясь к цели — встрече с эскадрой контр-адмирала Истомина в Генуе для того, чтобы, приняв командование эскадрой с присоединившимся к ней «Громобоем», совершить запланированное плавание по Средиземному морю и в Грецию. 27 (15) нояб. 1858 г. великий князь писал Александру II: «В Ницце или, лучше сказать, в Генуе находятся уже три наших судна: “Ретвизан”, “Палкан” и “Баян”. “Рюрик” хотел сегодня выйти из Лиссабона, про “Громобой” и “Медведь” еще не имею известий. Послезавтра, 17-го числа, мы полагаем отправиться в дальнейший путь через Швейцарию и le Mont-Cenis (Мон-Сени, горный массив в Савойе. — *А. Р.*) и быть в Геную через неделю, а оттуда идти прямо в Ниццу, где я дождусь, чтоб вся эскадра собралась» (Переписка... С. 72). Великий князь прибыл в Ниццу 24 ноября (Переписка... С. 74).

[5] *Благодарю за подарки детские.* — М. Ф. Штакеншнейдер писала Майкову 8 (20) марта 1859 г.: «Ума не приложу, per quelle fatalité <по какой несчастливой случайности (*фр.*)> вы не получили моих двух огромных посланий, любезнейший Аполлон Николаевич. Одно из них было послано на Баян вместе с азбукой Коли чрез Неваховича; азбуку Коля получил, потому что по ней читать выучился, — а куда делось мое письмо?» (РО ИРЛИ, № 16980, л. 13). Какие подарки были получены от Евг. П. Майковой, неизвестно, но в письме № 13 Майков после имен тех, кто прислал письма, упоминает «Коли книжку, Вере куклу».

15
Евг. П. Майковой
29 ноября 1858 г.

Ницца. Нояб<ря> 29. Ст<арого> стиля. Суббота

Пользуюсь отправлением курьера от Великого Князя, чтобы переслать прилагаемую рукопись[1] и написать Вам несколько строк. Из Генуи отправил я на ваше имя письмо к Полонскому — получили ли Вы его? В это же время Анета из Ниццы писала тоже. В Генуе мы дождались Конст<антина> Николаевича и вместе с другими судами, с фрегатом «Полкан» и кораблем «Ретвизан», на который сел великий князь с семейством и свитой, прибыли опять в Ниццу 24го ноября ст<арого> ст<иля.> Я, разумеется, тотчас поспешил к своим, и привез им гостинцы — ваше письмо и посылку, и еще два письма, полученных от вас

в Ницце же. Экой праздник — разных почти три письма! И все содержания удовлетворительного; если только признать таковым и почерк Леонида, то всё хорошие письма; но это невозможно.

Живем мы в Ницце семейно. Ходим с Анетой по городку и магазинам: я даже за границей получил смелость заходить в магазин, спрашивать о цене и не покупать. Ницца — очень милый городок, но не в моем роде. Бесподобна в ней только зима, так как город защищен, кажется, тройным рядом гор от северных и западных ветров, отчего здесь всегда тепло, на солнце жарко, а небо почти всегда ясно — ах, вчера что за небо было — густая, темная лазурь! Мы с Анетой будем вспоминать поэтические наши прогулки по Ницце.

Не в моем роде, я сказал, это потому, что здесь нет народа, не видать его, а только иностранцы, преимущественно англичане, которые давно уже открыли Ниццу и устроили в ней комфорт, и русские, которые стали сюда приезжать недавно в огромном количестве, и подняли на всё цены. Об русских неизвестная рука записала в одной книге в гостинице, где расписываются путешественники, что «русские все или дураки, или все богатые». Так ужь ведут себя, ни на шаг без тщеславия. Мы в наших прогулках выбираем места поудаленнее, и потому эти прогулки приятны. Сегодня, наконец, мы достали фортепиано. Не думайте, чтоб это было трудно в Ницце. Нет, здесь ищут всеми средствами поживиться насчет иностранцев, и фортепиан бездна, но надобно их нанять на весь сезон, это стоит от 150 до 250 франков, и помесячно не отдают; но как мы имеем в виду через пять дней уйти из Ниццы в Тулон на неделю, а возвратясь оттуда в Ниццу же, пробыть тут не более одной или 2^{x} недель, то и не можем абонироваться на сезон, а только на месяц. Что и сделали за 40 фр. в м<е>с<я>ц — и я сегодня имел несказанное наслаждение слышать голос Анеты, утром один, и вечером в присутствии двоих моих приятелей с «Баяна». Это перенесло меня к вам, и я жалел, что вас нет с нами; Анета сошлась со всеми баянцами как со старыми знакомыми, и они ее очень полюбили и всячески ей стараются угождать; отчего она и пела отлично, даже размахивая руками. Мы обедали за table d'hôte[2] и — представьте себе — Вера кокетничает ужаснейшим образом с теми, кто ей понравился, часто с незнакомыми, так что Анета принуждена уже принимать меры и останавливать ее на гибельном пути кокетства. — Анета думает пробыть здесь только то время, пока мы тут, но когда уйдем со всей эскадрой в Неаполь и в Палермо, а оттуда на восток, то и она переберется во Флоренцию, где жизнь и дешевле, и поучительнее, и подальше от богатых наших соотечественников, которые везде возят с собою свои нравы и обычаи, тон и роскошь. Здесь же собрались как в гнезде поборники крепостного права, которые примолкли только при Конст<антине> Ник<олаевиче>.

Что же сказать вам о себе? Самое важное для меня это то, что я кончил, наконец, эту поэму и рекомендую прочесть ее в новом виде.

Только 3ᵃ песня осталась по-прежнему, отчего она и не переписана, и ее должно читать по рукописи, что у Кушелева. Отдайте эту тетрадь Полонскому, и пусть, благословясь, он отдаст ее всю в цензуру — что̀ пропустят, то и слава Богу, чего нет — на то и суда нет. Я здесь читал ее Константину Николаевичу — я и забыл Вам сказать, что я был у него и беседовал с ним полтора часа. Но я не говорю еще об этом, чтобы подразнить Ваше материнское сердце, драгоценнейшая моя родительница! В<еликий> К<нязь> расспрашивал меня об «Баяне», об море, об офицерах, об житье-бытье моем на Корвете, и я рассказал ему, как офицеры меня полюбили, лелеют и балуют меня; рассказал, что у нас бывают литературные беседы и чтения по каютам, и сказал, что я иначе не могу благодарить их за это, как рассказывая это всем и каждому, и очень рад, что могу сказать и ему, что я рад этому тем более, что не принимаю их расположения на свой счет, а приписываю их любви к русской литературе, которой я живой представитель между ними. В<еликий> К<нязь> ужасно был доволен таким направлением Кают-Компании и просил меня прочесть ему поэму, о которой говорил ему Головнин, у него же был я накануне и читал. Я рассказал содержание 1ᵃ и 2ᵃ песни и прочел наизусть 3ю и 4ю. Он принимал живое участие; раза два навертывались у него слезы, и именно в одном месте вышло очень кстате[3] — это в 4ᵃ песни, при стихах: *Нередко с царскою порфирой на плечах*, следующий стих начинается: *ты плачешь — то слеза любви и умиленья* — это вышло кстати. По прочтении поэмы он, очевидно, почувствовал как <бы> потребность экспансивности, и много говорил о поэме, и отчего конец ее мог быть написан только вдали. Вообще он показался мне отлично любезным и сочувствующим всему молодому поколению[4]. Григорович тоже очень ему понравился, и он берет его с «Ретвизана» на свой пароход «Рюрик», на котором пойдет в Египет, а Григорович должен наставлять в литературе сына его и занимать по вечерам Великую Княгиню. Ну вот вам, maman, новости, но вы, ради Бога, не предавайтесь всему пылу материнского увлечения, и не преувеличивайте в своем воображении того приятного впечатления, которое на вас произведет известие, мною сообщенное, а главное, рассказывайте об этом осторожнее, умереннее. Полонскому, впрочем, сообщите, а он пусть скажет в цензуре, что В<еликий> К<нязь> читал поэму. Если же рукопись моя придет тогда, когда у них набрано в журнале по старому, — то скажите, что я со всеми рассорюсь, если поэма будет печататься не с нового оригинала. Пусть наберут вновь, если нужно, или выкинут вон совсем. Я и деньги возвращу.

Эта поэма лишила меня возможности воспользоваться некоторыми беглыми мыслями для других стихотворений, и, между прочим, у меня может выйти со временем пьеса «Звезды», которую я подарю Володе[5], если не ввернется туда чего неприличного. На всякий случай оттуда могу взять как отдельную пьеску — кусочек ему на 1й N[6], вот он:

Звезда — сиротинка
На небе горит,
И точно сквозь слезы
На землю глядит;

И грустно, и страстно
Манит и зовет...
Кого она ищет?
Кого она ждет?...

Но прощайте, поздно. Известие о курьере получил я вечером, оттого и Анета не пишет, ибо по вечерам теряет способности. — Целую всех вас.

Ваш А. Майков

Поздравляю Вас с 6 дек<абря>, 17 дек<абря>, 24м декабря[7] и Степана Семеновича тоже. Что же он мне не пишет? А что, Леля, не ругали меня в печати?

Леонид! Если хочешь, отдай в «Сев<ерный> Цветок» стихотв<орение>, что я написал в альбом Солнцевой[8].

РО ИРЛИ, № 16996, л. 41—43 об. Оригинал.

[1] *...прилагаемую рукопись...* — Поэма «Сны». См. комм. к п. 9.

[2] общим столом (*фр.*).

[3] Майков здесь и ниже пишет это слово через ять.

[4] *Вообще он показался ~ всему молодому поколению.* — В дневнике великого князя появилась запись: «*26 ноября* . <...> За завтраком сидел у меня поэт Майков, который сидит на “Баяне” и в восхищении от него. Он читал чудные отрывки из его новой поэмы “Сны”. Я ему рассказывал “das Marchen von den sieben Katern” <«сказку о семи котах» (*нем.*)>» (Дневники великого князя Константина Николаевича, 1858—1864. М.: РОССПЭН, 2019. С. 19). Больше ничего о Майкове в дневнике этого периода нет.

[5] Вл. Н. Майков.

[6] *...кусочек ему на 1й N...* — В № 1 «Подснежника» за 1859 г. стихотворение опубликовано не было.

[7] Перечислены даты семейных праздников, когда отмечались именины Николая, Аполлония и Евгении.

[8] Далее приписка Д. В. Григоровича — передает приветы Н. А. и Евг. П. Майковым.

16
Н. А. Майкову, Евг. П. Майковой, другим членам семейства и друзьям

Между 24 ноября и 4 декабря 1858 г.

Здравствуйте, все имянинники, имянинницы, новорожденные! Здравствуйте, все братья о Христе и чаятели счастия о Новом годе! Пишу Вам этот клик заздравный из своего уголка, называемого Ниццой, где я, Дон Кихот нашей литературы, нашел пока тихое пристани-

ще около возлюбленной Дульцинеи моей. Мною так странно в последнее время играет судьба, перебрасывая с места на место и всё не туда, куда готовился, что я потерял всякую цель в путешествии и действительно странствую как Дон Кихот, без толку и без связи. В Ницце для меня хорошего только зима и мое семейство, а впрочем, пищи ни для поэзии, ни для путешествия нет никакой. Это городок, живущий иностранцами; жителей не видать, кроме офицеров сардинских, да обыкновенных жителей мелких итальянских городков, которые, кроме оливкового масла, ничего не производят для человечества, а всё, что делают, всё это только чтоб получить известный барыш с иностранцев: строят дома светлые, прекрасные, окруженные садиками — с целью напустить туда des etrangers[1]; открывают магазины парижских мод, работают из дерева разные вещи с инкрустациями тоже из разного дерева; моют белье — на всех ручьях, протоках и по морскому берегу — всё для иностранцев, выписывают оперу, содержат cuisine, table d'hôte, agents de douane <?>[2], экипажи, пишут объявления, и все pour M[r] les etrangers[3]. Я бы желал видеть Ниццу летом, когда пора ее искусственного оживления проходит — я думаю, это будет нечто в роде отрытой из пепла Помпеи. Тем не менее, надобно сказать, что искусственная эта жизнь весьма комфортабельно устроена, так что может быть здесь удовлетворен всякий самый требовательный ум и вкус проезжего человека, образованного и развитого (приехавшего отдыхать), принадлежащего к хорошему обществу и привыкшего к удовлетворению многообразнейших потребностей, нежели итальянцы даже лучших городов Италии. Вместе со всеми услаждениями желудка и вкуса здесь есть и книжные лавки, с кабинетами для чтения всевозможных журналов, снабженные всеми новостями по части легкой литературы и политики, книги французские, английские и русские, печатаемые за границей. Дома все смотрят на солнечную сторону и нагреваются солнцем, которое здесь редко скрывается, в домах всё превосходно большею частью — мебель, камины, ванны, ватерклозеты; улицы прекрасно вымощены в <?> шоссе, есть прекрасные зонтики, верховые лошади, ослы, даже сливки и пр. и пр. — видно, что всё устроено под влиянием большого ума — и не мудрено: устроено всё это для англичан и по их требованию, чтобы джон-булю[4] было незаметно переселение с своего острова, где ужь он привык ко всему хорошему и где недостает ему только солнца, за которым он приехал сюда, но хочет здесь жить так, как в Англии. Англичане перенесли сюда и протестантский характер нравов, ибо сюда переезжают обыкновенно семейства средней руки, от этого ни игорных домов, ни других публичных увеселений, которые бы завели непременно французы, в роде bal Mabille[5]; на улице не встретить женщины подозрительного вида — так что многие из наших, которые нежданно в последние годы вторглись в этот благопристойный английский уголок Италии, просто в отчаянии рыщут, рыщут по городу — и всё напрас-

но! Есть только где-то около порта, далеко от хорошей части города, два-три заведения для моряков. .... Впрочем, если здесь утвердятся русские, надо надеяться, что город переменит свой благопристойный вид — но тогда — его оставят англичане и утвердятся на каком-нибудь другом пункте земного шара, где отыщу вечную весну и устроют <так!> маленькую Европу. Один содержатель большой отели, услыхав о приезде русской эскадры, хочет привлечь к себе вновь прибывших, переменил вывеску и назвал свою гостиницу «Pension russe»[6], и ужь в Геную прислал своих агентов на русские суда с объявлениями. Все, какие у него жили англичане, тотчас выехали вон, а офицеры, побывав раза два у него, и оставив по 20 и более франков, не возвращались уже больше по причине дороговизны и мошенничества. Но не приписывайте этого ненависти англичан к русским. Напротив, я с своей стороны, сколько их не встречал, всегда находил прекрасный прием, особенно в качестве писателя; некоторые офицеры болтали — англичане лорды и маркизы делают им визиты — но они любят порядок, тишину, и не хотят шума.

Извините, что я пишу вам как официальный турист; но я пишу такие письма потому, что не могу писать дневника, и прошу вас хранить их как материал для описаний. Хотелось бы коснуться еще русского здесь общества, но я его мало знаю, и это уже принадлежит Григоровичу по праву, как нравоописателю; как и у нас, вы встретите здесь всякие понятия, совершенно разнородные, свидетельствующие, с одной стороны, молодость нашей общественной жизни, а с другой, носящие на себе отпечаток шаткости по поводу новых вопросов, двинутых в жизнь. И в самом деле, какое разнообразие! Начиная с Вел<икого> Князя: около него и старое, и новое поколение моряков, старые — еще школы Лукина[7], и новые уже с иными потребностями, с потребностью образования — и еще не знающие, где его взять. Они уже отказались от разгульной жизни — уже оделись чисто, фашионебельно, почитывают и рассуждают. Потом — Григорович посреди старой придворной закваски, с которой беспрестанные у него столкновения, так что я бы на его месте не знал, что делать. Кроме этой группы, есть множество других, между которыми лучшие — Чичерин, Кн<язь> Вяземский, о котором что ни говори, а он достойный человек; ошибка его только та, что он принимал министерский министерский портфель[8], не имея характера и силы поддержать хорошую старину, и со всем желанием добра не мог угодить ни прогрессистам, ни врагам успеха. Потом я еще познакомился с князем Волконским[9], который 30 лет прожил в Сибири, — почтенный старец, живый духом, которого седины освящены страданием... За сим дамы — эти милые, легкие, эфирные петербургские дамы с французской речью в устах, с своей роскошной изнеженностью, с способностью сочувствовать и 3-й песне моих «Снов», и всей нелепости в которой выросли. Вот вам на первый раз об наших.

Теперь, я думаю, вы получили мои «*Сны*» в том виде, как они должны быть напечатаны. Иначе я не могу их допустить в печать — и если напечатают по прежнему, то я решительно поссорюсь с «Русским словом», ибо редакция настолько сама художник, чтоб понимать это деликатное дело. Пусть отдадут всё в цензуру и напечатают всё, что она пропустит, причем попрошу редакцию, чтоб она похлопотала и в высших инстанциях, чтоб побольше дозволили. Вчерне читали их у Вяземского русской колонии. Не знаю еще частных мнений, но общее впечатление было сильное. Ожидаю ваших отзывов, особенно о 4[й] песне, которая есть новая и в которой, кажется, философская доктрина выражена поэтически и картинно, и вообще характер Музы так высок, спокоен, что как будто она действительно из другой сферы, где всё знают, и поэт с своими странствованиями и страданиями перед нею жалкий смертный, дальше своего носа не видящий. Константина Николаевича эта часть так же живо интересовала, как и петербургская картина, и на вопросы мои — «боюсь продолжить — не скучно ли Вам?» — он энергически протестовал: «Нет! нет! ради Бога — продолжайте!» Я и ему читал всё, имея в виду пробу поэмы, т. е. коли не соскучится он, особенно при этой 4[й] песне, то, мол, хороша эта песнь. В заключение не могу особенно не поблагодарить Вас, maman, за а̲куратность <так!> Ваших писем, хотелось бы еще чаще получать их, пишите всё, что Вам кажется пустяками; об литературе-то, ради Бога, всё, всё! все сплетни, и что хорошего явится. Вы себе представить не можете, как драгоценны эти известия! Для большей верности получения ваших писем, отдавайте их к Ковалевскому[10] в Мин<истерство> иностр<анных> дел, то есть, письма ко мне, ибо мы скоро выйдем из Ниццы, может быть через 5 дней. Что папенькина работа и здоровье? Что «Подснежник», Володя и Катя? Варя и няня <?>? Доставил ли Небольсин *удочки*? и ка̀к их папенька находит? — Леонид, сходи, пожалуйста, к Александру Николаевичу Виту, кланяйся от меня, поблагодари за письмо и скажи, что на днях будем писать к ним. — Ну, прощайте! Обнимаю всех.

Ваш А. Майков

При сем прилагаются рисунки Коли и Веры, подарки Вам к праздникам.

РО ИРЛИ, № 16996, л. 51—52 об., 58—58 об. Оригинал.

[1] иностранцев (*фр.*).

[2] стол, постоянное меню, таможенных агентов <?> (*фр.*).

[3] для господ иностранцев (*фр.*).

[4] См. комм. к п. 9.

[5] Bal Mabille, также известный как Jardin Mabille, был модным танцевальным заведением под открытым небом в парижском предместье Сент-Оноре (на современном проспекте Монтень) в 1831—1875 гг. Заведение было учреждено учителем

танцев Мабилем и первоначально предназначалось только для его учеников. Позже оно было открыто для публики.

[6] «Русский пансион» (*фр.*).

[7] *Лукин Дмитрий Александрович* (1770—1807) — капитан 1-го ранга; знаменитый силач. Командуя линейным кораблем «Рафаил», погиб в Афонском морском сражении, в бою против турецкого линейного корабля «Мессудие» 19 июня 1807 г. Возможно, замечание Майкова связано с тем, что Лукин в свободное время любил выпить (как и капитан «Баяна» Истомин).

[8] *Вяземский Петр Андреевич* (1792—1878), князь — поэт, литературный критик, историк, переводчик, публицист, мемуарист и государственный деятель. Майков имеет в виду назначение Вяземского в 1855 г. на пост товарища министра народного просвещения (при министре А. С. Норове) и его отставку в марте 1858 г.

[9] *Волконский Сергей Григорьевич* (1788—1865), князь — генерал-майор, герой Отечественной войны 1812 г., декабрист. О «комиссии» см. ниже, комм. к п. 19.

[10] *Ковалевский Егор Петрович* (1809—1868) — российский путешественник, писатель, дипломат, востоковед, почетный член С.-Петербургской Академии наук (1857), первый председатель Литературного фонда (с 1859 г.).

17
Я. П. Полонскому
14 декабря 1858 г.

14. декабря

Сегодня мы пришли в Ниццу[1] и — вечером сегодня же я получил письмо от брата Владимира и с ним твое. Ты знаешь, как радостно получаются письма за границей, и потому не говорю, как я обрадовался; на военном же судне письмо — особенное событие. Во-первых, как-то пробежал слух, что на «Баяне», что ли, есть письмо; тотчас разгорелися все надежды, каждый думал — ко мне, ко мне, все в трепетном ожидании и все смотрят друг на друга с надеждой торжества. Вот привозят письмо — роковая минута, которая кончается счастьем одного и досадою других! Впрочем, у нас был и такой случай: один счастливец получил письмо, посмеялся над всеми, вскрыл конверт, и через минуту свалился как сноп, зарыдав. Надо сказать, что это ражий, крепкий моряк. В письме он прочел, что у него умер сын. Истерика сменилась холериной... Ну, не позавидовали мы этакому письму.

Твое письмо, впрочем, очень давнее, от 18го сентября ст<арого> ст<иля>. ... Ты, спасибо, хоть выставишь число, а то я от своих получаю без означенного времени, так что *определиться* (морской термин) нельзя, и ты, пожалуйста, попроси их отбросить патриархальный взгляд на числа, особенно маменьку. Только штемпель на конверте иногда помог бы, да и тот большею частию не выходит, так что получишь письмо, разнежишься, иной раз и прослезишься, да все-таки ругаешь. Итак, твое письмо давнее. После того должно было у тебя многое случиться, и ты, милый Яша, не скучай мне сообщить хоть о журнале твоем[2], ибо ты знаешь, как ты близок моему сердцу, как один из лучших людей, и мне хотелось бы, чтоб этот один из лучших

людей меня так же любил, как я его. Я писал тебе, чтоб не печатать «Сны». Тогда я только чувствовал еще, что что-то не так в них, но теперь уже уверенно говорю, ибо многое в них перестроил и переделал в 1й и во 2й песне, а к 4й — еще готовлюсь приступить. Приятно мне было бы, если б их напечатать целиком, и я надеюсь, что вышлю тебе до половины декабря все, переделанные, а пока на днях пришлю в новом виде 1ю и 2ю. Всё-таки постарайся устроить, чтоб их печатать не в 1й кн<иге>, а во 2й или 3й.

Знаешь ли, что чтение не литераторам, а людям, которые не умеют даже сформулировать своего суждения, чрезвычайно полезно, даже полезнее, чем чтение собратьям по ремеслу; угадываешь сам недостатки по неполноте впечатления, или по непониманию некоторых мест, или просто по наивным вопросам. Даже они ничего не скажут, а ты угадаешь многое, ибо ведь почти всегда или часто, читая вещь, смотришь в это время на нее глазами и судом создателя.

Ну, теперь о моем путешествии. Ты говоришь, рад за меня. А я так не рад. Представь себе, что такое это плавание военных судов. В три месяца я видел много воды, и таких городов, где бы дня не остался; в ином, наоборот, остался бы неделю, месяц, — а тут вдруг — марш в иное место. В Бордо, напр<имер> — мы были 13 дней, в Мессине (это неаполитанский Кронштадт) два раза по 5 дней, в Кадиксе дня 4, — а в Лондоне и в Париже, куда я урвался один, по 3 дня! что ты тут поймешь! и главное, что напишешь! а в Севиллу не съездили! Были мы в Рагузе, думали, что там будем зимовать — я и расположился учиться сербскому языку, и ужь успел немного, прочел том сербских писем Вука, и, правда, всё время сидел дома, ибо дожди и холода были непрерывные в течение 3х недель — и вдруг телеграф — марш в Ниццу. Из Ниццы завтра идем в Геную. Ну, что ты будешь писать? Такой я для себя готовлю литературный срам, что подумать страшно, ибо писать-то должен, за то деньги даны. Рагуза, впрочем, оставила во мне приятное впечатление, ибо Анна Ивановна приехала туда с детьми, и мы жили вместе, страдая от холода (я всё был болен простудой). Теперь она отправилась в Венецию из Рагузы и оттуда в Ниццу, где и останется на зиму. А я — где буду, неизвестно! Пиши, однако, всё-таки в Ниццу к Консулу[3].

У меня борода и усы — великолепные, и с ними я очень интересен. Жалею, что не могу так предстать перед твою супругу, о которой мне все пишут, а жена моя говорит всё такое, что очень вызывает на знакомство — но я надеюсь, что она сделается необходимым членом нашего семейного кружка[4]. Вырази ей мое желание поскорей быть ей представленным и поцелуй за меня ее ручку. Я, однако, никак не могу себе представить тебя женатым! Ты ведь такой... поэт. И тебе как-то шло вздыхать, стремиться, мечтать о любви и женщине любимой, быть несчастным, влюбляться и отчаяваться! Право, это шло к тебе, и я не могу вообразить тебя иным, счастливым достигшим, устроива-

ющимся, работающим — даже работающим постоянно! Ну — прощай. Впрочем, кончаю просьбой: отдай это письмо на сохранение моей родительнице. Я всё надеюсь, что со временем мои письма помогут мне в сочинении путешествия, всё хоть что-нибудь напомнят. А ты мне пиши. Кланяйся Марье Федоровне — и скажи ей, что я от нее не имею еще писем... Скажи ей это попечальнее.

Твой

А. Майков

РО ИРЛИ, № 16996, л. 38—39 об. Оригинал.

[1] Ницца, которой нет в вышеописанном маршруте «Баяна», и Виллафранка, которая там значится, находятся рядом.

[2] «Русское слово».

[3] Вероятно, *Грив Александр Иванович* (?—1892) — консул в Ницце.

[4] *Полонская (урожд. Устюжская, Ухтюжская) Елена Васильевна* (1840—1860) — дочь старосты русской церкви в Париже, с лета 1858 г. жена Я. П. Полонского.

18
А. И. Майковой
18 декабря 1858 г.

В море, близь Неаполя 18[е] декабря ст<арого> ст<иля> 1858

Ну вот, милая моя Аня, опять я пишу тебе письмо, сидя в своей каюте, доска на колене и покачиваясь из стороны в сторону, так что, если не четко, то ужь это от того положения, в котором пишу. Я ужь опять привык быть с Вами, и потому мое переселение на корвет, как можешь себе представить, было очень тяжело и грустно, оттого более, что на первом шагу меня взбесил Капитан. Приехав, я пошел к нему в каюту, показаться; вижу, там Головнин и адмирал[1]. Головнин встретил меня — «а вот и вы!» Капитан через плечо подал руку и стал продолжать разговор с адмиралом. Я пождал с минуту, чтоб он меня представил адмиралу, как водится между порядочными людьми, но видя, что этого нет, быстро повернулся и, хлопнув дверью, ушел, думая: постойте. На другой день с Головниным беседовал о разных разностях на палубе, но в каюту нейду. Наконец, вечером Капитан присылает просить меня: этого я и ждал. Любезен до крайности; на другой день просил обедать, и рассказывал даже планы свои на будущее, которые и сообщаю тебе, предупреждая, впрочем, что всё может измениться. В Неаполе мы будем меньше суток, а в Палермо до 15 января старого стиля, потом пойдем в Грецию. В мае же или в июне корвет пойдет в Тулон чиниться, заходя во все итальянские порты, и тогда я останусь в Ливорно, т. е. во Флоренции, с вами. Я этот план нахожу превосходным именно потому, что в перспективе сияет Флоренция. Спешу тебе это сообщить, зная, что это и тебе опять придаст цель путешествия

и жизни за границей. Поэтому, друг мой, отложи скуку в сторону и занимайся, чтоб быть мне еще более милой; не жалей денег на франц<узский> язык и на пенье. Ведь в генваре тебе могут выслать 1000 рублей; а от февраля до июня включительно еще накопится 1200. Если «Баян» останется еще на год, то тогда мы, пожалуй, и вернемся вместе в Россию. Обо всем об этом перетолкуем в Палермо, и я тебе напишу.

Как я тебе говорил, первый вечер я утешился тем, что ты в концерте и слышишь знаменитую Крувелли[2] — потом, думаю, когда возвратилась в комнатку, где меня нет, как тебе сделалось грустно! Как часто у тебя навертывались слезы! Но опять, друг мой, будем молодцами! Обо мне беспокоиться теперь нечего. Ницца, жизнь с вами, движение меня чудно укрепили, в теплой каюте ни разу не возобновлялся утренний кашель, так что, я полагаю, он образовывался от холода и сырости комнаты. Ты легко вообразишь, как я рад, что здоров, теперь путешествие будет мне приятно, я буду путешествовать, жадно смотря и замечая, (далее 4,5 строки зачеркнуты. — *А. Р.*).

Первый день нашего пути была сильная качка боковая, но твой попка <так!> ни малейшее не пострадал, а, напротив, даже был весел и смеялся — да и невозможно иначе, если сам не страдаешь! Утром, еще темно было, я проснулся оттого, что что-то упало с полочки, которая сделана над переборкой, отделяющей мою каюту от матросской палубы. Зажег свечку — смотрю — ледунка[3] матросская. Потом вдруг — бац! зазвенел урыльник[4]. С этой же полки свалился круглый камень (величиною с грецкий орех), который я подобрал в Биарице у моря; этот камень упал, и прямо на ручку урыльника, которую и отшиб. Ведь надо же так было ему прицелиться! Это всё, и возникшая по этому поводу тревога, меня рассмешили с утра. Одевшись, выхожу в Кают-Компанию, там опрокинулся самовар. Принесли другой, и ужь его не ставили на стол, а вестовой держал в руках, танцуя, а другой наливал из него, тоже танцуя и проливая.

Доктор[5], Пель[6], я и еще кто-то уселись на диван, Пель уже два раза проливший стакан чаю. Я потянулся было за сахаром и привстал, балансируя с чаем, — вдруг накренило — и я сорвался к стене, стакан покатился, я ошпарился второй раз и опять облился очень (первый стакан у меня пролил, кажется, Пель, тоже на себя). Уселись опять — вдруг — диван подался — можешь себе представить, какой при этом хохот. С супом такие же истории. За столом, вдруг, сидящий потеряет центр тяжести и опрокидывается на зад, так что стулья привязали, но и с привязанных стульев все валились, ибо нагибало корвет почти вот как:

пушки черпали воду. Несмотря на то, что поутру я съел три яблока, а за обедом ел щи, сосиски, жареную свинину, очень жесткую, и опять

яблоки, всё несваримые вещи, я не страдал, выспался после обеда и вечерами сидел у капитана. Часто вспоминали, что вы-то в Ницце, под защитою гор, думаете кàк тихо! Но это были <так!> только первый день. Вчера, было совсем тихо, а сегодня слегка покачивает. Я с Головниным съеду на берег в Неаполе, чтобы исполнить комиссию Волконского и поглазеть на чудный город. Узнай от Волконского вот что: Головнин мне сказал, что после моего чтения у Вяземского, «Снов», многие остались недовольны за направление, находя его слишком либеральным и вредным. Отбери у него и у молодых Волконских[7] сведения, кто недоволен, чем, и вообще подробности, какие впечатления поэма произвела в Ницце; и попроси тоже[8]. Кажется, не очень сочувствовал. Сообщи, душечка, мне все эти подробности, не забудь и имена, это мне очень нужно. Если получишь также письма из Петербурга, особенно где будет уведомление, получили ли они застрахованное то письмо с поэмой, — то тотчас перешли à Palerme, consulat russe, Mr Maykoff à bord de la corvette Bayane[9].

Ну что тебе еще сказать? Каютная жизнь более внушает мысли, о которых задумываешься, но которые не пишутся, потому что писать неловко, а еще более ничего она не внушает — всё как будто одно и то же, всех внимание устремлено на ожидаемый город — скоро ли придем? Сколько ходу? Какой ветер? ... Вот, кажется, сегодня в три часа придем в Неаполь, а завтра в 4 опять выйдем (4 после обеда).

Кончаю, душечка моя, тебя обнимая. Виден Везувий — Капри[10] — следом вылезает из моря Неаполь. Заканчиваю письмо.

Кланяйся няни, <...>ли и всему table d'hôte etc. Ti baccio mille e mille volti[11].

Твой

А. Майков

РО ИРЛИ, № 16996, л. 46—48 об. Оригинал.

[1] *...адмирал...* — Контр-адмирал эскадры К. И. Истомин.

[2] *Крувелли Софи* (наст. фам. Crüwell; 1826—1907) — немецкая оперная певица (драматическое сопрано).

[3] *Лядунка* (*нем.* Ladung, *от* laden — заряжать; букв. «зарядница, патронница») — специальная коробка или сумка для боеприпасов. Возможно, это был какой-то другой предмет, который Майков назвал этим словом по незнанию, так как в костюм матроса лядунка не входила.

[4] *Урыльник* — ночной горшок.

[5] *Доктор* — П. И. Садоков.

[6] *Пель <?>* — Неустановленное лицо.

[7] *...у молодых Волконских...* — Дети С. Г. Волконского — князь Михаил Сергеевич (1832—1909) и княжна Елена Сергеевна Волконская (1835—1916; в 1-м браке за Д. В. Молчановым, во 2-м браке за Н. А. Кочубеем, в 3-м браке за А. А. Рахмановым).

[8] *Фон Фок Александр Максимович* (1805—1863) — дипломат; генеральный консул России в Египте в 1845—1853 гг.

[9] в Палермо, русское консульство, г-ну Майкову на борту корвета «Баян» (*фр.*).

[10] Остров Капри находится примерно в 40 км на юг от Неаполя.

[11] Целую тебя тысячи и тысячи раз (*ит.*).

19
А. И. Майковой
27 декабря 1858 г.

Палермо 1858. дек<абря> 27

Cara mia[1] Anettina! Первое, что у меня нà сердце сказать, так это вот что: опять начались мои тревоги по поводу почты, то есть что еще до сих пор не имею от тебя писем, по причине, конечно, мудрого управления здешних стран. Завтра должен прийти пароход из Неаполя, и если он не привезет мне писем, то я прибегаю к телеграфу и спрашиваю, как вы поживаете? Я вполне понимаю твое сердце и что в нем делается, но ведь жизнь всё-таки как-нибудь лепится, то вот это-то мне и хочется знать, каким образом она лепится. Напиши мне, как проявились дети после новой разлуки? Коля, конечно, скоро развлекся, но я не могу себе вообразить, как проявлялась Вера, потому что этот ребенок поражал меня своими переходами из одной крайности в другую, и я вижу в ней ту же глубину чувства, замкнутость и стыдливость страстной, однако, натуры, словом, все качества, которые я обожаю в ее милой мамаше. Утрите слезу, голубчик мой, велите детям поцеловать вас за меня и читайте теперь новости. А новости у нас таки есть. Но нет, обращаюсь еще пока к вам. Как-то вы провели праздники? Знаю наперед, что грустно, и не без слез: не надо говорить, что и я тоже, и все вообще приуныли накануне Рождества и в Рождество[2], а некоторые из гардемаринов, подпивши, ревели благим матом. Мы в Неаполе были только 22 часа, и я успел только съездить в Помпею, ни купить, ни посмотреть в огромном городе ничего не успел. Палермо далеко не Неаполь, и в нем, по осмотре церквей, делать нечего, разве только ездить по окрестностям, что я сегодня и начал делать. Жизнь дорога. Завтра перебираюсь в гостиницу, ибо на Корвете тоска, и ездить всякий день скучно, далеко и дорого. Буду платить за комнату $2^1/_2$ фр<анка>, обед 4, чай 1, и пр. Перебираюсь для того, чтобы ходить в Университет слушать лекции и писать о том статью, кроме того, еще задумал другую статью — о причинах упадка Сицилии, и вообще буду работать, меня обещали познакомить с профессорами. Надо тебе сказать, что вчера я принялся было писать тебе письмо, но увлекся мыслями, и письмо это вышло началом серьезного литературного письма[3], почему я и оставляю его у себя, для продолжения и обработки, и пишу это только для сообщения новостей. В Рождественский сочельник Капитан вздумал дать обед офицерам, с целью сближения с ними, угощал как мог винами, но насильно требовал от-

вета, отчего к нему не ходят. Вообще был тяжелый день, и так круто взяться за то, чтоб повернуть дело — значит взяться неумно. Мне было жаль всех. Сегодня я был приглашен к Вел<икому> Князю на обед[4], но приглашение пришло в 2 часа пополудни, а я был за городом и получил его только вечером. Вчера же, в Рождество, на «Ретвизане» была торжественная обедня в мундирах[5], и все, в том числе и я, должны были подходить к ручке Великой Княгини. Но самая важная новость, это то, что 7го января нашего стиля мы идем в Пирей[6] — на всю зиму или на время — неизвестно, так что по получении этого письма ты адресуй мне письма уже в Афины: à *Grece* à *Athènes* à *Monsieur Maykoff*, attaché à la corvette russe Bayane; aux soins obligeants de *l'ambassade russe*[7]. Подчеркни на адресе то, что у меня подчеркнуто. После новостей важных перехожу к неважным: я поссорился с Платоном Ивановичем[8], но это, впрочем, одна из тех ссор, которые не разрушают дружеских отношений. Дело вот в чем. Надо тебе сказать, что от гавани до города Палермо версты две надобно идти форштатами[9]; самый город имеет две крестом встречающиеся прямые длинные улицы, в которых выстроены дворцы здешней аристократии, магазины, словом, где сосредоточена вся жизнь высшего общества, много народу, бездна элегантных экипажей. Промежутки же наполнены лабиринтом обыкновенных итальянских улиц, грязных, но живописных, но поражающих взор богатыми церквами, фонтанами и памятниками арабской и готической архитектуры. В первый день съехали наши на берег, и запутались в этом лабиринте, и, возвратясь, решили, что Палермо дрянь. Пл<атон> Ив<анович>, с которым я накануне еще дружески говорил, что ему надо беречься, чтобы не заразиться на корвете умственной ленью, вдруг объявил, что он в Палермо не съедет на берег. На другой день поехал я, и, разумеется, прочтя наперед о Палермо, знал, где что найти, и пришел в восторг от собора[10] и того, что видел, и зову на другой день Пл<атона> Ив<ановича>. Нет, говорит, я сказал, что не поеду. Это мне показалось упрямством, и глупым упрямством — отсутствие любопытства в мыслящем человеке, который предпочитает пустые толки и шутки Кают-Компании изучению страны, о которой много слышал, и притом отдавая преимущество известиям, принесенным молодыми офицерами, перед моими словами и доводами, оскорбили и взбесили меня. Но у него явилась нелепая мысль выдержать характер, и он до сих пор не съезжал еще на берег. Впрочем, когда дома, мы по прежнему беседуем обо всем, только о Палермо ни слова, и меня глубоко огорчила эта дурь, которую он на себя напустил, то есть мне больно за человека, которого я полюбил и в котором думал найти себе товарища, с коим делить впечатления. Сегодня, наконец, он сказал, что завтра пойдет на берег. Вот тебе, душа моя, пока все мои новости, я совсем здоров, жду от тебя писем, и если не будет завтра, спрошу по телеграфу. Прощай, целую тебя, и сажусь писать

маменьке, а то Бог знает, когда еще пойдет почта. Писала ли ты об деньгах? Кланяйся няне и целуй детей.

Твой А. Майков

Скажи старику Волконскому, что я в Неаполе был только 22 часа, из которых 13 часов отдельно, почему не отыскал Свербеева[11], но доставил ему письмо через нашего консула, равно распорядился и об отсылке письма к нему. Получил ли он его?

РО ИРЛИ, № 16996, л. 44—45 об., 3—3 об. Оригинал.

[1] Дорогая моя (*ит.*).

[2] *...все вообще приуныли накануне Рождества и в Рождество...* — Вряд ли дурное настроение тех, кого перечислил Майков, было связано с вестями с родины («Санкт-Петербургские ведомости» в течение нескольких дней накануне не сообщали никаких особо трагических новостей) или с политическими событиями. Скорее, это был эффект от встречи Рождества далеко от дома.

[3] *...письмо это вышло началом серьезного литературного письма...* — На момент завершения работы над 1-й частью публикации неясно, о каком письме идет речь.

[4] *...на обед...* — В дневнике вел. кн. Константина Николаевича обед 27 декабря никак не упомянут.

[5] *...в Рождество, на «Ретвизане» была торжественная обедня в мундирах...* — 25 декабря великий князь записал: «Были (имеется в виду — вместе с женой. — *А. Р.*) за обедней с молебном на “Громобое”. Все глядело весьма празднично» (Переписка... Дневник... С. 25). Предположительно Майков ошибся, ставя дату в письме, или писал его два дня подряд.

[6] *Пирей* (*греч.* Πειραιεύς, Πειραιάς) — город в Греции, на северо-восточном побережье залива Сароникос Эгейского моря, в восьми километрах от центра Афин, главный внешнеторговый порт Греции.

[7] в Грецию, в Афины господину Майкову, прикомандированному к русскому корвету «Баян»; любезному попечению русского посольства (*фр.*).

[8] Платон Иванович Садоков, доктор на Баяне. — *Прим. Ап. Ап. М<айкова>.*

Садоков Платон Иванович (1832—1895) — судовой врач, служил на «Баяне». Сын священника Николаевской церкви на Каргаче, Вологодского уезда, Иоанна Садокова. Из казенных воспитанников Московского университета, лекарь; служил в Кронштадте в разных флотских экипажах; старший судовой врач (1869), старший ординатор Кронштадтского морского госпиталя (1875); кроме того — исполняющий дела Кронштадтского городского врача (1881); дослужился до действительного статского советника (Русские врачи писатели / сост. Л. Ф. Змеев. Вып. 1: До 1863 г.: [Тетрадь 1—2]. СПб.: [скл. изд. у авт.], 1886. С. 92—93; сайт: www.geni.com (дата обращения: 05.11.2023)).

[9] *Форштадт* (*нем.* Vorstadt) — пригород.

[10] *...пришел в восторг от собора...* — Собор Успения Девы Марии — кафедральный собор архиепархии Палермо; его история начинается в 604 г.; неоднократно перестраивался, соединив в себе черты арабской и норманнской архитектуры, готики и классицизма; в нем находятся гробницы сицилийских королей и германских императоров, правивших Сицилийским королевством.

[11] *Свербеев Николай Дмитриевич* (1829—1860) — был чиновником по особым поручениям по дипломатической части в канцелярии иркутского генерал-губернатора Н. Н. Муравьева, когда Гончаров проезжал через Иркутск, возвращаясь в Петербург из путешествия на фрегате «Паллада». Гончаров несколько раз упомянул о встречах со Свербеевым в тексте очерков.

Весной 1858 г. Свербеев с семьей уехал за границу лечиться (см.: *Канн С. К.* Тайный друг декабристов: исторический очерк // Электронный ресурс: http://www.prometeus.nsc.ru/works/dekabr.ssi (дата обращения: 30.05.2024)). Свербеев переписывался с С. Г. Волконским, который отдыхал в Ницце и путешествовал по Италии. 15 (27) дек. 1858 г. Волконский писал Свербееву из Ниццы: «Сии строки Вам вручит поет <так!> Майков. Желаю, чтоб оные были поводом знакомства его с Вами, и буде время пребывания его в Неаполе позволит, попросить его прочесть Вам его поему “Сны”. Звучный его стих — и оттиск его теплой мысли и души — вполне выказан в сем его творении. Я получил здесь от Неаполитанского Почтовог<о> ведомства извещение, что письмо на мой адрес — ни <так!> высылается из Неаполю в Ниццу, не быв франкировано. Я просил Майкова внести за меня плату <...>» (РО ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, ед. хр. 111, л. 33—33 об.; в письме Волконский поставил дату: 15 (29) декабря).

20
Евг. П. и Н. А. Майковым
26 или 27 декабря 1858 г.

Chère maman! Вчера, вечером в Рождество[1], я принялся писать к Вам письмо, но оно вышло так велико, и я затронул в нем некоторые мысли, развитием которых увлекся, что решился Вам его не посылать, а оставить у себя как материал или начало статьи о Сицилии; но как все-таки полагаю, Вам приятно будет хоть какую-нибудь весточку получить от меня, то беру четвертушку бумаги и хоть несколько слов скажу вам. Я спешу потому, что поздно, завтра утром идет пароход в Неаполь, а я устал, написавши письмо Анете[2]. Завтра будет некогда!

Поздравляю вас всех с праздниками. Откуда у меня взялась память на числа! Все именины и рождения Ваши я возглашал в Кают-компании, и было за всех пито. Мы, как вы, верно, знаете из Анетиных писем, опять расстались. Я на «Баяне» ушел в Неаполь на 22 часа, а оттуда в Палермо, и отсюда 7 янв<аря> ст<арого> ст<иля> уйдем в Пирей, так что я прошу Вас писать мне в Athènis, en Grèce a M. Maykoff, aux soins obligeants de l’ambassade russe[3].

Мой отъезд в Неаполь и затруднительность сообщений этой благословенной страны с остальной Европой[4] лишила меня всяких об вас известий, а я уверен, что в Ницце есть от вас письма. Но я и от Анеты не получил известий. Ах, какое мучение долго сидеть без писем! Хоть бы плюнули, кажется, и за то бы спасибо, да я знаю, не ваша вина, а неаполитанского короля[5]. Совсем урод. Мне даже совестно посылать эту бумажку, но уж я за то ее афранширую[6], — но через 7 дней едет к вам курьер, и я буду писать больше, хотя, впрочем, много выписываясь в письмах и не имея их перед собою, я не могу приняться за составление журнала. Ах, как мне страстно хочется быть теперь в России! Уехал же я в самое интересное время! Ну прощайте, целую всех вас

А. Майков

Палермо. 27. декабря 1858 года

РО ИРЛИ, № 16994, л. 30—30 об. Оригинал.

[1] *Вчера, вечером в Рождество...* — Майков, возможно, ошибся в дате письма.

[2] *...письмо Анете...* — См. п. 19.

[3] Афины, в Греции г-ну Майкову, на попечение русского посольства (*фр.*).

[4] *...затруднительность сообщений ~ с остальной Европой...* — Например, на письме к Евг. П. Майковой 24 апр. (6 мая) 1859 г. от Сицилии до Петербурга — шесть почтовых штемпелей.

[5] *...неаполитанского короля...* — Фердинанд II (*итал.* Ferdinando II; 1810—1859) — король Обеих Сицилий в 1830—1859 гг., из династии Бурбонов. Майков называет его «неаполитанским королем» потому, что неофициально королевство Обеих Сицилий называлось Неаполитанским королевством; ими обоими исторически правила одна династия неаполитанских Бурбонов.

[6] *Афраншировать* — оплатить письмо маркой (*фр.* affranchir).

21
А. И. Майковой, Евг. П. и Н. А. Майковым
31 декабря 1858 г.

31е декабря 1858го года, 11й час

Душечка моя! Поздравляю тебя, и детей, и няню с Новым Годом. Видишь ли ты, из числа и часа, выставленного прямо под видом Палермитанского собора[1], что я встречаю новый год вместе с Вами, вполне уверенный, что и вы, то есть ты, ибо прочие спят, тоже теперь мыслию отыскиваешь меня. В родительском доме тоже разговор идет о нас, и в 12 часов пьют за здоровье отсутствующих, причем маменька, без сомнения, кроме искренних желаний добра, дарит нам несколько драгоценных слезинок; мне всё это так теперь живо представляется, что я как будто нахожусь посреди всей семьи, вижу всю обстановку — и Володю с Катей[2], которые по поводу нового года все-таки удаляются пошушукать друг с другом, и Лёлю[3], который уткнулся носом в какое-нибудь новое издание, и Папеньку, который что-нибудь чертит или чинит в своей мастерской, и Юнию с новым романом в голове, и Александра Павловича[4], которому всё еще не прибавили жалования, и Константина Апол<лоновича>[5], который подтрунивает над маменькой, может быть, по поводу нас, и Ивана Александровича[6], который верен старой привычке, и принес бутылку шампанского, и в ожидании этого сюрприза, долженствующего оказаться в 12 часов, занял почетное, по старшинству знакомства, место на диване, и Ефрема Ефремовича[7], так же худо слышащего и так же ходящего в страхе гончаровском, и даже — Льховского... где-то он, бедный! Не знаю только, кто разливает чай... Слышу, как маменька говорит: «а вот никто и не спел для Нового года!» Слышу и чувствую, душа моя, многое, что ты думаешь и чувствуешь, и чему нет слов.

Итак, я встречаю Новый год в Петербурге и очень рад, что это так устроилось. А устроилось это вот как. Сегодня я зван к вице-королю[8]

на бал, чрез особое приглашение, именное (а не en masse[9], как офицеры); но оказывается, что надо быть в чулках и в башмаках, но как я этой дамской обуви не надевал еще отродясь, то и остался дома, т. е. в отели, отказавшись от встречи на корвете, куда меня тащили офицеры. «Нет, мол, хочу встречать новый год с семейством вместе». — «Как так?» — «Буду писать письма, к жене в Ниццу, и в род, в Петербург». Против этого аргумента никто не смел возражать.

Последнее письмо к тебе я писал, не помню, из Неаполя или из Палермо[10], и при этом, в то же время, постыдно-краткое письмо послал в Петербург[11], потому что после письма к тебе был очень *устамши*, а здесь почту надо ловить. Нет, припоминаю, я писал из Палермо, в тот день, когда был зван к В<еликому> Кн<язю> обедать, да прогулял обед. На другой день, однако, в следствии <так!> второго приглашения был и обедал[12], и говорил всё время. Вообще, я не знаю, хорошо ли я себя веду у него; говорят, ни с ним, ни с В<еликой> Княгиней нельзя начинать говорить, если они не обратятся с вопросом; но это как-то ужасно неловко, т. е. за обедом, и мне всё кажется, что, напротив, долг каждого гостя стараться не быть в тягость хозяевам, и стараться быть любезным и не заставлять хозяина постоянно занимать тебя; вследствие этого правила или инстинкта общежития я никак не могу соблюдать этикета, молчания, да и полагаю, что его выдумал Григорович, чтобы резче нарисовать тяжесть своего положения при дворе. А Григорович забавен, очутясь вдруг в таком мире и звании; вообще, идею чего-нибудь серьозного мне трудно сочетать с характером Григоровича. Я иногда к нему заглядываю, и с ужасом подумываю, что если б мне пришлось вести такую жизнь, размеренную по часам, официальные прогулки, ни минуты in Sich[13], в кругу разнородных людей, из которых ни один не принадлежит себе ни на час. Впрочем, для него будет одно вознаграждение — он приобретет новый мир и новые типы для сочинений. Я же, друг мой, живу здесь по-своему, как ты знаешь. Стараюсь проникнуть в жизнь здешнего общества; разумеется, накупил книг, а еще более мне надавал один маркиз, здешний новый знакомец, который, кажется, полюбил меня. Меня занял вопрос, первый бросающийся в глаза: отчего Сицилия, плодоноснейшая в Европе страна, которую римляне называли житницей Италии, находится в такой страшной бедности. Но, конечно, я в письме к тебе не буду развивать, что я вычитал и узнал из рассказов, а буду об этом писать статью, если удастся, — ведь в том и горе, что не дадут вникнуть в жизнь какой-нибудь местности, и тотчас марш в другое место. Только начнешь смекать, и опять перемена, и опять перемена, опять новый край. Так и теперь готовимся 7ого Генваря идти в Пирей — надолго ли — не знаю. То есть, просто, кроме литературного срама, я ничего не вынесу из этого путешествия, а между тем, напрягая все мысли к описанию путешествия и читая, я не имею свободы мысли для того, чтобы предаться стихобесию, и с тех пор, как кончил поэму[14], не

сложил ничего. Кроме чтения и бесед с туземцами, разумеется, у меня главную роль играют прогулки. Но и здесь я на каждом шагу вспоминаю тебя. Я совершенно одинок; хожу один везде, не с кем разделить впечатления, нет человека, который бы с таким внимание<м> слушал меня, когда я, сам стараясь дойти, отчего это хорошо, или какая история этого, как ты меня слушала в Ницце, и сама еще обращала внимание мое на то, чего я не вижу, — нет человека, который бы так жаден был видеть и наслаждаться тем, чего еще не видал, как ты... вообще, Аня, надо наконец мне признаться тебе, что ты мне ужасно понравилась в Ницце, и я с нетерпением ожидаю, когда опять мы будем вместе смотреть во Флоренции. Впрочем, это ты уже будешь мне ее показывать. Говорят, что мы только месяц будем в Греции, а потом в Неаполь — где тоже будем месяц. Тогда я тотчас явлюсь к тебе. Впрочем, пока всё это толки, а когда что будет верное, я тебе напишу. Сегодня особенно я тебя вспоминал. Вышел я рано. День был великолепный — торжество на небе и на земле. Ты ходишь посреди какого-то блеска — блестит и лазурь неба, и голубой воздух между тобою и горами, блестит, неистово блестит, всё, до чего коснется луч солнца, и при этом жарко! а деревья-то! а самые улицы, узкие, которые обставлены закоптелыми от времени домами с мавританскими балконами, улицы, следовательно, постоянно находящиеся в тени, поражают тебя яркостью и теплотою темных красок, усиливающеюся еще более от сияющей голубой полосы неба, простирающейся над ними! Из города я вышел к горам, и пошел, и пошел — часа 4 ходил — и был счастлив. Наши все не понимают красот Италии. Они из-за грязи, ее облепившей и наложенной веками, невежеством правительств и рабством развращенных жителей, не видят, что Бог создал здешнюю природу в минуту блаженства, не понимают, что и гений человека вкушал здесь тоже блаженство, достроивая создание Божие. (Я говорю о художниках.) Для них нема, наконец, история. Пока мы были в Англии, Франции, они годились в товарищи, ибо было что сравнивать с русским. Здесь же сравнивать нельзя. Ты сама знаешь. Мы об этом говорили в прогулках около Ниццы. Ради Бога, будешь во Флоренции, достань всевозможных тебе доступных книг, и займись там Geschichte der Malerey[15], и вообще der Schönen Künste[16]. Насколько успеешь, подготовься, а я приеду, помогу. Да вот как давай: если достанешь на немецком — Lanzi[17], или Vasari[18], или что другое, читай биографии: Leonardo Vinci, Микель Анджело, Корреджио, Рафаэля, для Флоренции еще Фра Бартоломео, друга Савонароллы[19], а учеников их пропускай.

Сию минуту возвратились с бала офицеры, мне незнакомые, с «Громобоя», и, узнав, что я здесь, пригласили встречать Новый Год. Теперь уже 3 часа ночи. Завтра поздравления, а письмо надо отдать к 9 часам, а то еще пройдет неделя, пока пойдет пароход. И так как к маменьке я написать не успею, то, прочтя это письмо, отошли его в Петербург, а вы, mamanchen, простите меня, что это так случилось и что я застав-

ляю вас читать болтовню мою с Анетой. Впрочем, вы знаете, у меня нет от вас, да и ни от кого нет секретов; худо ли, хорошо ли, а дело всегда каково оно есть. По началу письма моего, впрочем, не к вам назначенного первоначально, вы видите, что вы нераздельно живете у меня в сердце. Поцелуйте всех. Что Папенькины работы? Я всё боюсь неприятностей: ради Бога и детей ваших, рара, не принимайте их горячо и не скрывайте, а рассказывайте, а то ведь тяжело, жизнь вашу точат; да и неприятности сверху, ей-Богу, непостоянны, ибо там ведь кабала, на всё смотрят сквозь призму какова-нибудь интригана-завистника. Дай Бог вам всем счастья — и скорого свидания. Иду спать. Прощай, дружок Аня! Ты, чай, давно ужь спишь. Я к тебе сегодня послал телеграфическую депешу[20] с известием, чтоб писала в Грецию, и с поздравлением. Получила ли ты?

Твой А. Майков. Ti baccio 500000000 volti[21]

РО ИРЛИ, № 16996, л. 49—50. Оригинал.

[1] *...Палермитанского собора...* — См. комм. к п. 19.

[2] Вл. Н. и Ек. П. Майковы.

[3] Л. Н. Майков.

[4] *Ефремова Юния Дмитриевна* (урожд. Гусятникова) — племянница Евг. П. Майковой, рано осиротевшая дочь ее брата Д. П. Гусятникова, жившая в семье Майковых до замужества; на момент письма была замужем за бухгалтером Николаевской железной дороги *А. П. Ефремовым* (1810—1879), у них была дочь Юния (1849 — после 1916).

[5] *Майков Константин Аполлонович* (1811—1891) — младший брат Н. А. Майкова, с 1849 г. — полковник л.-гв. Измайловского полка.

[6] Гончаров.

[7] *Барышёв (Барышов) Ефрем Ефремович* (1812—1881) — поэт, переводчик; близкий друг Гончарова со времени учебы в Московском университете и на протяжении всей жизни.

[8] *...к вице-королю...* — Паоло Руффо ди Баньярия, принц Кастельчикала (Paolo Ruffo di Bagnaria, Prince of Castelcicala; 1791—1865) — участник битвы при Ватерлоо, неаполитанский дипломат и военный, генерал-лейтенант Сицилии с 13 марта 1855 по 17 мая 1860 г. (Le Prince de Castelcicala. Paris: Dubuisson, 1866. (электрон. книга: Google.Books https://books.google.fr/books?id=FSGXT1Xg9ZgC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=falseЖ, — дата обращения: 25.03.2024); интернет-ресурс: https://en.wikipedia.org/wiki/Paolo_Ruffo_di_Bagnara). Благодарим Е. М. Филиппову за помощь в разысканиях.

Резиденция королей и вице-королей — Палаццо Норманни (Palazzo dei Normanni, букв. «Норманнский дворец») или Палаццо Реале (Palazzo Reale, букв. «Королевский дворец»), расположенный на окраине исторической части Палермо.

[9] всем вместе (*фр.*).

[10] См. п. 19.

[11] См. п. 20.

[12] *На другой день, ~ был и обедал...* — В дневнике вел. кн. Константина Николаевича нет упоминания об этом.

[13] сам с собой (*нем.*).

[14] *...поэму...* — «Сны».

[15] историей живописи (*нем.*). Имеется в виду одна из книг: *Kugler Franz Theodor*. 1) Handbuch der Geschichte der Malerei. Berlin: Duncker, 1837; 2) Handbuch der Geschichte der Malerei seit Constantin der Grossen. Berlin: Duncker und Humblot, 1847. *Куглер Франц Теодор* (1808—1858) — немецкий историк, искусствовед, поэт, драматург.

[16] изящных искусств (*нем.*). Возможно, имеется в виду книга: *Büsching Anton Friedrich*. Geschichte und Grundsätze der schönen Künste und Wissenschaften im Grundriß. Erstes Stück welches außer allgemeinen Betrachtungen, die Geschichte und Grundsätze der Bildhauerkunst enthält (Zweytes Stück welches die Geschichte und Grundsätze der Steinschneidekunst enthält).

[17] *Ланци Луиджи Антонио* (Lanzi; 1732—1810) — итальянский аббат, теолог, историк искусства, литератор, археолог. Первым выделил отдельные художественные школы в итальянском искусстве: флорентийскую, сиенскую, римскую и неаполитанскую. Его широко известное сочинение — «История живописи в Италии от Возрождения до конца XVIII века» («Storia pittorica della Italia. Dal risorgimento delle belle arti fin presso al fine del XVIII secolo») — многократно переиздавалось; в частности, было переведено на нем. яз. А. Вагнером.

[18] *Вазари Джорджо* (Vasari; 1511—1574). Имеется в виду его «Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» (*ит.* «Le Vite de'piu eccelenti Pittori, Scultori e Architetti»).

[19] *Леонардо да Винчи* (1452—1519), *Микеланджело Буонаротти* (1475—1564), *Антонио да Корреджио* (наст. фам. Аллегри; 1489—1534), *Рафаэль Санти* (1483—1520), *Фра Бартоломео ди Сан-Марко* (1472—1517) — художники, *Джироламо Савонарола* (1452—1498) — религиозный и политический деятель.

[20] Депеша неизвестна.

[21] Целую тебя 500000000 раз (*ит.*).

Библиографический список

1. *Алексеев А. Д.* Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.: изд-во АН СССР, 1960.
2. *Балакин А. Ю.* «Я бережлив от непривычки к деньгам...» // Slavica Revalensia. 2019. Vol. 6.
3. *Броневский В. Б.* Записки морскаго офицера, в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год. 2-е изд. СПб.: тип. Имп. Российской акад., 1836—1837.
4. *Веселаго Ф. Ф.* Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб.: тип. Морского мин-ва, 1872.
5. *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 2000, 2017. Т. 3, 15.
6. *Гончаров И. А.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1980. Т. 8.
7. Дневники великого князя Константина Николаевича, 1858—1864. М.: РОССПЭН, 2019.
8. *Златковский М. Л.* Аполлон Николаевич Майков, 1821—1897. СПб.: А. Ф. Маркс, 1888; 2 изд., значит. доп.: СПб.: тип. П. П. Сойкина, 1898.
9. Комитет цензуры иностранной в Петербурге, 1828—1917: док. и материалы. СПб.: Российская нац. б-ка, 2006.
10. *Майков А. Н.* Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1977.

11. *Майков А. Н.* Неопубликованные произведения / публ. И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л.: Наука, 1976.
12. *Майков А. Н.* Письма / публ. И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л.: Наука, 1977.
13. *Майков А. Н.* Путевой дневник 1842—1843 гг. Итальянская проза / сост., подг. текстов, статья и комм. О. В. Седельниковой. СПб.: Пушкинский Дом, 2015.
14. *Майков А. Н.* Собр. соч.: в 2 т. М.: Правда, 1984. Т. 2.
15. *Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 1.
16. Обзор заграничных плаваний русского военного флота с 1850 по 1868 год. СПб.: тип. Морского мин-ва, 1871. Т. 1.
17. Общий морской список. СПб.: тип. Морского мин-ва, 1897, 1900. Ч. 9, 12.
18. *Окороков А. В.* Свод объектов подводного культурного наследия России. Ч. IV: Балтийское море; озера: Онежское, Ладожское, Чудское; реки: Нева, Волхов, Ижора. М.: Институт наследия, 2020.
19. Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук за 1918 г. Пг.: в тип. Имп. Акад. наук, 1919.
20. Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем; Дневник Великого Князя Константина Николаевича. М.: Терра, 1994.
21. *Романова А. В.* «Литератор Майков»: (из комментария к письмам И. А. Гончарова 1858—1859 годов) // Русская литература. 2023. № 3.
22. Русские врачи писатели / сост. Л. Ф. Змеев. Вып. 1: До 1863 г.: [Тетрадь 1—2]. СПб.: [скл. изд. у авт.], 1886.
23. *Седельникова О. В.* «Порядок путешествия беспорядочных путешественников» А. Н. Майкова // *Майков А. Н.* Путевой дневник 1842—1843 гг. Итальянская проза / сост., подг. текстов, статья и комм. О. В. Седельниковой. СПб.: Пушкинский Дом, 2015.
24. Совет о военно-учебных заведениях (29.03.1805—21.01.1863) // Высшие и центральные государственные учреждения России, 1801—1917: в 4 т. СПб.: Наука, 2004. Т. 4.
25. *Штакеншнейдер Е. А.* Дневник и записки (1854—1886). М.; Л.: Academia, 1934.

DOI: 10.31860/978-5-918680-445-242-267

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ФИЛОСОФСКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ Я. П. ПОЛОНСКОГО О МОЛОДОМ ПОКОЛЕНИИ КОНЦА 1850-х ГОДОВ И ЕГО МИРОСОЗЕРЦАНИИ

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. П. Дмитриева)

Аннотация: Публикуемые два философско-публицистических очерка поэта Я. П. Полонского посвящены осмыслению феномена «молодое поколение», его роли в истории России и особенностей его миросозерцания. В сопроводительной статье на основе эпистолярных и мемуарных свидетельств устанавливаются датировки произведений. Выясняется, что некоторые идеи Полонского предвосхищают историософские и футуристические теории Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, О. Шпенглера, Л. Н. Гумилева и других мыслителей. Особое внимание уделяется религиозным взглядам Полонского, его участию в журнале «Русское слово» (1859) и взаимоотношениям с Ап. А. Григорьевым.

Ключевые слова: Я. П. Полонский, Ап. А. Григорьев, философская публицистика, историософия, «молодое поколение», миросозерцание, текстология, роль христианства в истории, журнал «Русское слово».

Abstract: The published two philosophical and journalistic essays the poet Ya. P. Polonsky are devoted to understanding the phenomenon of the “young generation”, its role in the history of Russia and the peculiarities of its worldview. In the accompanying article, based on epistolary and memoir evidence, the dating of the works is established. It turns out that some of Polonsky’s ideas anticipate the historiosophical and futuristic theories of N. Ya. Danilevsky, K. N. Leontiev, O. Spengler, L. N. Gumilyov and other thinkers. Particular attention is paid to Polonsky’s religious views, his participation in the journal “Russian Word” (1859) and his relationship with Ap. A. Grigoriev.

Keywords: Yakov P. Polonsky, Apollon A. Grigoriev, philosophical journalism, historiosophy, “young generation”, worldview, textual criticism, the role of Christianity in history, magazine “Russian Word”.

Вл. С. Соловьев отмечал в статье «О лирической поэзии: по поводу последних стихотворений Фета и Полонского» (1890): «Россия может гордиться своими лирическими поэтами», — и далее озвучивал ставшее к тому времени общепринятым мнение современников: «Из ныне

 © Дмитриев А. П., 2024

живущих первое место бесспорно принадлежит Фету и Полонскому»[1]. При жизни Якова Петровича Полонского (1819—1898) ценилась (больше читателями, чем критиками) и его проза, в закатные годы выходившая двухтомным сборником «Повести и рассказы» (СПб.: изд. Ж. А. Полонской, 1889; 2-е изд.: 1895).

Меньше всего повезло публицистике Полонского, по большей части до сих пор не опубликованной, хотя уже первые его критики, отмечая определенное сходство поэта с творцами «чистого искусства» (А. А. Фетом, А. Н. Майковым), выделяли его публицистический темперамент, проявлявшийся в лирике и сближавший его с Н. А. Некрасовым. Так, рецензент первого Собрания сочинений Полонского (СПб.; М.: изд. М. О. Вольфа, 1869—1870. Т. I—IV) Г. А. Ларош писал: «...отзывчивость, живой интерес к современным вопросам принадлежат к преобладающим его качествам...»[2].

Из немногих опубликованных публицистических произведений Полонского отметим «Письмо к издателю “Времени”» (1861) — остроумную критику увлечения в светском обществе столоверчением и медиумизмом, очерк «Зоил и критик» (1877) и обширные «Заметки по поводу одного заграничного издания и новых идей гр. Л. Н. Толстого» (1895) — о его трактате «Царство Божие внутри вас», вышедшем в Берлине.

Бóльшая же часть публицистического наследия Полонского остается в рукописях. Так, в личном фонде поэта (№ 403) в РГАЛИ отложились две рукописи: «О качествах, необходимых писателю, а в особенности поэту» (1837) и «Философские письма» (1895—1896). Куда более значительный массив непубликовавшихся статей и очерков хранится в фонде Полонского в РО ИРЛИ (№ 241) — их 34, не считая произведений, которые следует отнести к литературной критике (хотя и эти последние не лишены публицистического элемента). По названиям можно судить о злободневности их содержания, например: «О цензуре» (1881), «По поводу запрещения “Отечественных записок”» (1884). Но многие тексты не датированы: «Литература и партия», «Как мы веротерпимы», «Мои опасения», «О гимназиях», «О новой красоте», «Автору статьи “Отчего мы скучаем”» и др. Одни рукописи перебелены и не содержат исправлений, другие представляют собой черновые, порой со значительной правкой, наброски.

Немаловажной причиной того, что посмертная издательская судьба публицистики Полонского сложилась столь незавидно, следует признать довольно неразборчивый почерк поэта. Известно, что его стихотворения и поэмы, а также прозаические произведения, дневники и мемуарную прозу активно переписывала Жозефина Антоновна

---

[1] *Соловьев В. С.* Собр. соч.: [в 10 т.] / под ред. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. 2-е изд. СПб.: Просвещение, 1914. Т. 6. С. 239.

[2] *Нелюбов Л. <Ларош Г. А.>* Сочинения Я. П. Полонского, три тома. СПб. 1869 // Русский вестник. 1870. Т. 86, март. С. 402.

Полонская (урожд. Рюльман; 1843—1920), его вторая жена, скульптор-портретист. Публицистические же статьи отложились в архивах, как правило, без ее копий.

Но более существенна другая причина — устоявшееся мнение, что у наделенного незаурядным лирическим талантом Полонского все остальное творческое наследие (поэмы, повести и рассказы, мемуары, публицистика) несопоставимо с его лирикой по художественному достоинству[3]. Нет оснований для безусловного отрицания такой точки зрения, но ее объективность, однако, не отменяет необходимости изучения всего корпуса сочинений поэта в его единстве и целостности.

Для нашей публикации избраны два произведения Полонского-публициста, свидетельствующие, на наш взгляд, о его талантливости как мыслителя, живо откликающегося на наиболее значимые проблемы текущей жизни и стремящегося глубоко, философски их осмыслить, а также о его необычайной требовательности к языку — обильная правка указывает как на муки слова, так и на неудержимый полет мысли философствующего поэта (вся эта правка воспроизводится в текстологических примечаниях).

Первое публикуемое нами произведение — статья Полонского «О значении нового поколения — из письма к А. А. Г<ригорьеву>» (РО ИРЛИ, ф. 241, ед. хр. 123. 6 л.). Она создана в форме открытого письма к приятелю студенческих лет, в тот период известному поэту, прозаику, критику. Рукопись черновая, не вполне завершенная (в конце карандашом кратко намечены темы для продолжения статьи, так и не реализованного). Текст не датирован, однако время работы над ним и повод к его созданию устанавливаются благодаря письмам автора к другим друзьям-поэтам — А. Н. Майкову и А. А. Фету — конца 1858 г.

Майкову 22 октября Полонский писал, имея в виду статью Ап. Григорьева «Взгляд на Историю России, соч. С. Соловьева»: «Григорьев пишет критику на историю Соловьева. Не думаю, что это будет настоящая критика. Но Григорьев выскажется весь по случаю этой истории — и тем покажет нам, какого рода, цвета и запаха сидит в нем славянофильство. — Я пишу статью *о том, что разумеют под словом "новое поколение"*»[4].

Как выясняется из письма Полонского к Фету от 2 ноября, обе эти статьи, и Григорьева, и Полонского, должны были войти в состав первого номера (за январь 1859 г.) нового петербургского журнала «Русское слово», к изданию которого тогда приступил известный меценат и второстепенный литератор (а также композитор и шахматист) граф Г. А. Кушелев-Безбородко и к редактированию которого он привлек

[3] См., например: *Ермилова Е. В., Грешный А. З.* Полонский Яков Петрович // Русские писатели, 1800—1917: биогр. словарь / гл. ред. П. А. Николаев. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 58.

[4] РО ИРЛИ, № 11753, л. 15.

трех поэтов: Ап. Майкова, Полонского и Ап. Григорьева. Начиная с 1856 г. он детально обсуждал планы по созданию «передового» литературно-общественного ежемесячного журнала с Майковым[5]. В октябре 1857 г. по его рекомендации Кушелев-Безбородко, называвший себя «издателем и главным редактором», пригласил к участию в издании Полонского как «второго редактора», оценивающего достоинство всех поступающих рукописей и определяющего номер и отдел журнала, где они могут быть напечатаны (с санкции издателя). В марте 1858 г. через посредство Полонского Кушелев-Безбородко познакомился с Ап. Григорьевым и предложил ему стать «помощником главного редактора», ведающим отделами критики и библиографии[6].

В том же письме к Фету от 2 ноября 1858 г. Полонский писал: «Сообщаю тебе по секрету — состав 1 книжки...» и, перечисляя материалы, указал и рецензию Ап. Григорьева («Р<усская> История Соловьева»), открывающую отдел «Критика», и свою статью («Письмо о значении нового поколения»), которой предполагалось начать отдел «Смесь»[7]. Автор наиболее авторитетного на сегодняшний день исследования о «Русском слове» Л. Э. Варустин писал о статье Полонского как о «предназначавшейся в качестве программного заявления для первой книги “Русского слова”» и полагал, что в ней содержится полемический выпад в адрес Григорьева: «...в пику Григорьеву Полонский высоко отзывался о петровских преобразованиях, сблизивших Россию с европейской культурой»[8].

И действительно, Полонский в публикуемой статье утверждает: «...Петр создает вокруг себя поколение — и по праву может назваться если не гением, то великим мужем», но здесь возвеличивание Петра I можно интерпретировать как спор не конкретно с Ап. Григорьевым, а со славянофилами, от историософских построений которых тот уже начинал дистанцироваться. Так, он писал в статье «Народность и литература» (1861): «...Медный Всадник, в обаятельно грозной лично-

[5] Оксана Воробьева, недавно защитившая в МГУ диссертацию о начальном периоде издания «Русского слова», посвятила поэту параграф «Аполлон Николаевич Майков — друг редакции» в составе главы под названием «Неофициальные редакторы журнала “Русское слово”» (*Воробьева О. А.* Журнал «Русское слово»: история формирования круга сотрудников и литературная позиция (1859—1862): дис. ... канд. филол. наук / МГУ. М., 2019. С. 65—70).

[6] Детально все обязанности были расписаны Кушелевым-Безбородко в «Инструкции о редакции журнала “Русское слово”», датированной 2 февр. 1859 г. (см.: Г. Е. Благосветлов, Я. П. Полонский, Г. А. Кушелев-Безбородко. Письма и документы / с прим. и вступ. ст. Г. Р. Прохорова // Звенья. М.: Л.: Academia, 1832. Сб. I. С. 307—312).

[7] См.: <*Фет А. А.*> Переписка с Я. П. Полонским, 1846—1892 / вступ. ст. Т. Г. Динесман; публ. и комм. Т. Г. Динесман и М. И. Трепалиной // Литературное наследство. Т. 103: А. А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2008. Кн. 1. С. 598.

[8] *Варустин Л. Э.* Журнал «Русское слово», 1859—1866. Л.: изд-во Ленингр. ун-та, 1966. С. 14.

сти которого трудно разочароваться нам всем даже до сих пор, даже после всех разоблачений страшных, окружающих ту личность и неотделимых от нее фактов, — и трудно именно потому, что этот Медный Всадник все-таки полнейший в добре и зле представитель нашего духа...»[9]

В любом случае уже при редактировании Полонским рецензии Григорьева на труд С. М. Соловьева выявились разительные расхождения в их литературно-критических позициях и известная психологическая несовместимость, которые привели к тому, что Григорьев спустя полгода «вытеснил»[10] Полонского из редакции. Правда, пришедший по рекомендации Григорьева «вторым редактором» на смену Полонскому циничный делец А. И. Хмельницкий уже через месяц вынудил уйти самого Григорьева, о чем не без сарказма 14 октября 1859 г. записала в своем дневнике Елена Штакеншнейдер, сочувствовавшая Полонскому: «Григорьев уже караулил добычу и захватил в свои лапы и Кушелева, и его журнал, и Полонского было, но Полонский отступился. Затем явился Хмельницкий и в свою очередь завладел Кушелевым и журналом, отпихнул Григорьева. <...> А в сущности все они, начиная с Кушелева и кончая Хмельницким, хороши»[11].

В статье «О значении нового поколения — из письма к А. А. Г<ригорьеву>» Полонский неоднократно упоминает о своих разговорах и спорах с приятелем. Кстати, за полугодовую редакторскую деятельность в «Русском слове» (Полонский покинул журнал в июле, а Григорьев — в августе 1859 г.) в нем не раз публиковались материалы, снабженные посвящением именно Григорьеву или оформленные как письма к нему (авторы — А. А. Фет, Г. А. Кушелев-Безбородко, В. И. Водовозов)[12], и только единичные посвящались другим лицам. Сам Григорьев поместил в «Русском слове» одну из лучших своих статей (о Тургеневе) — в виде писем к издателю[13]. В известном смысле

---

[9] *Григорьев А. А.* Эстетика и критика / вступ. ст., сост. и прим. А. И. Журавлевой. М.: Искусство, 1980. С. 176.

[10] Именно этим словом охарактеризовал сам Полонский итог своего конфликта с Григорьевым в позднем письме к Фету от нояб. 1889 г. (<*Фет А. А.*> Переписка с Я. П. Полонским, 1846—1892. С. 767).

[11] *Штакеншнейдер Е. А.* Дневник и записки (1854—1886) / редакция, статья и комм. И. Н. Розанова. М.; Л.: Academia, 1934. С. 237—238.

[12] *Фет А. А.* О стихотворениях Ф. Тютчева: А. А. Григорьеву // Русское слово. 1859. Февраль. Отд. II: Критика. С. 63—84; *К. Б.* <*Кушелев-Безбородко Г. А.*> О значении романа нравов в наше время: по поводу нового романа г. Гончарова «Обломов»: (посвящено Аполлону Александровичу Григорьеву) // Там же. Июль. Отд. II: Критика. С. 1—36; *Водовозов В. И.* Письмо из Берлина: (к А. А. Г<ригорьеву>) // Там же. Отд. III: Смесь. С. 113—118.

[13] *Григорьев А. А.* И. С. Тургенев и его деятельность по поводу романа «Дворянское гнездо» (Современник, 1859 г., № 1): Письма к Г<рафу> Г. А. К<ушелеву->Б<езбородко> // Русское слово. 1859. Апр. Отд. II: Критика. С. 1—35; Май. С. 20—41; Июнь. С. 1—52; Авг. С. 1—40.

именно Григорьев был душой издания в первые полгода его существования, что не умаляет, впрочем, заслуг Полонского, имевшего широкий круг знакомств в литературном мире и способствовавшего участию в журнале ряда знаменитых писателей, да и сам он поместил на страницах «Русского слова» немало своих стихотворений, признаваемых ныне его шедеврами (среди них «шутка в виде поэмы» «Кузнечик-музыкант», увидевшая свет в мартовской книжке за 1859 г.).

В статье о «новом поколении» Полонский предлагает оригинальную историософскую концепцию о двигателях истории — выдающихся личностях (в качестве примера называется Петр I), вокруг которых группируется талантливое, полное творческой энергии «молодое поколение», выдвигаемое на историческую арену «созревшей» «массой народной». То есть, по мысли Полонского, появление поколения преобразователей возможно лишь «в период, полный зрелости народной». В более раннюю эпоху в жизни государства судьба личности, «по природе своей созданной стоять во главе нового движенья», складывается трагично: «Иван Грозный недаром, упорно сражаясь с старым порядком вещей, <...> ожесточился от своего собственного бессилья». Но и период «дряхлости государственного организма» драматичен: «молодые поколения становятся опять малочисленными и слабыми до того, что едва подают голос свой. <...> И правительство уже становится не во главе нового поколения, а во главе слепой толпы». В этих интересных размышлениях о «различных возрастах народа» проблескивают идеи, которые позднее положат в основу своих построений Н. Я. Данилевский и К. Н. Леонтьев в России, Освальд Шпенглер и Хосе Ортега-и-Гассет — на Западе. В словах Полонского можно усмотреть и зачатки «теории пассионарности» Льва Гумилева.

Остается только сожалеть, что Полонский, передумав публиковать статью, не дописал ее (по-видимому, совсем немного) и не завершил ее стилистическую отделку. Представляется, это произошло потому, что логика мысли привела его к печальной оценке состояния России конца 1850-х гг. как «периода упадка государственных сил», когда «шарлатаны заглушают голос истинных предвозвестителей» и «народ, или поколение, гибнет под ударами того же оружия, которое он сам дал толпе». Так, судя по всему, Полонский оценивал поднимающий голову социально-политический радикализм, который вскоре — с легкой руки Тургенева — стали называть *нигилизмом*. Вместе с тем поэт смотрел на свою статью как на предостережение — в самом конце он наметил тему грядущих реформ в России, и их успех видел только в привлечении к преобразованию страны живых народных сил (которым противопоставлял косные общественные силы — «слепую толпу»): «Реформы есть жизн<енное> дело нового поколения, только с планом вместить в это дело народные массы...»

Для графа Кушелева-Безбородко, аристократа, честолюбиво желавшего, чтоб его журнал снискал славу самого «передового», такие

взвешенные мысли должны были показаться слишком консервативными, «отсталыми».

Второе публикуемое произведение — очерк «Из Записной тетради С. Н. С.» (РО ИРЛИ, ф. 241, ед. хр. 108. 4 л.). В архиве отложилась его черновая недатированная рукопись. Очерк идейно-тематически близок к статье «О значении нового поколения — из письма к А. А. Г<ригорьеву>», но создан не в форме письма, ориентированного на заинтересованного собеседника, а в виде записей дневникового характера, которые вел представитель молодого поколения, 23-летний студент университета. Он тяжело заболел и скончался, и его брат передал разборчиво переписанную тетрадь в редакцию. В статье о «новом поколении» было отмечено: «...под словом *новое поколение* разумеем мы только молодых людей известного возраста — от 20 до 35 лет...», — следовательно, о нем писалось *со стороны*, от лица 40-летнего Полонского. Теперь же, в очерке «Из Записной тетради С. Н. С.», предпринята попытка показать *изнутри* душевный мир молодого человека и его умственные метания.

Скорее всего, Полонский создал очерк в период своего соредакторства в «Русском слове», то есть одновременно со статьей о «новом поколении» или вскоре после нее. На это косвенно указывает композиционное обрамление: повествователь, получающий по почте Записную тетрадь С. Н. С., является сотрудником редакции журнала, решающим судьбу рукописей[14].

Об этом свидетельствует и основное содержание произведения, отраженное во внутреннем монологе юноши, который стремится выработать цельное миросозерцание на путях кардинальной перепроверки совокупности материалистических и религиозных воззрений на мир, — такое стремление особенно характерно для эпохальных сдвигов в общественном сознании и для переломных периодов истории, каким и был для России конец 1850-х гг.

Следует отметить, что не только повествователь из зачина очерка, но и студент С. Н. С. (несмотря на то что позиционируется его принадлежность к поколению молодежи 1850-х гг.) наделен автобиографическими чертами — иначе и не могло быть у *лирика* Полонского, обратившегося к тому же к исповедально-дневниковому жанру. Очевидно, что в размышления героя о миросозерцании вложено много интимно-личного, не переставшего волновать самого автора в период написания очерка. Да и вообще — в обоих публикуемых произ-

[14] Известно, впрочем, что Полонский занимался редакторской деятельностью и раньше — в 1846—1851 гг., когда был помощником редактора газеты «Закавказский вестник» (см.: *Потапов А. Н.* Одинокий лебедь: судьба и творчество Якова Полонского. М.: Звонница-МГ, 2019. С. 146—188), но тогда он не обращался к прозе, да и официальный орган Тифлисской губернии, в отличие от петербургского толстого журнала «Русское слово», принимал к публикации лишь небольшие статьи, в основном, утилитарно-просветительского содержания.

ведениях в развертывании мысли, ее строгой логичности и поэтичности выражения виден рефлектирующий либерал-идеалист сороковых годов, представитель поколения, влюбленного в Гегеля, современник споров славянофилов и западников.

Не углубляясь в анализ очерка «Из Записной тетради С. Н. С.», отметим только один момент, поясняющий, какого рода новое миросозерцание для молодого поколения Полонский считал предпочтительным. В эпоху наступающих и почти победивших позитивизма и утилитаризма, рождавших ощущение всевластия науки, герой Полонского рассуждает о религии как основе существования искусства и, шире, всей жизнедеятельности отдельных индивидуумов и целых народов. Он записывает в свою тетрадь: «...искусство, или поэтическое созерцание, питается религиозными преданиями <...>. Нечего закрывать глаза — и воображать себе, что религиозное миросозерцание отжило свое время, — несмотря на колоссальные успехи естественных наук, это мирос<оз>ерцание — самое сильное и самое распространенное <...>. Если про науку можно сказать, что она господствует над сотнями тысяч голов, — религия господствует над сотнями миллионов и до сих пор заправляет событиями, или судьбами человечества». То есть чаемого Полонским героя нового времени следует признать полным антиподом реально тогда нарождавшемуся типу нигилиста-шестидесятника, тургеневского Базарова.

Студент С. Н. С. утверждает: «Борьба в Европе ныне по-видимому идет из-за политических принципов — в сущности же из-за принципов религиозных. — Весь современный нам порядок вещей зиждется вовсе не на науке, а на религиозных, в плоть и кровь вошедших, убеждениях». И даже возможность подлинного гуманизма герой Полонского усматривает исключительно в том, что цивилизация укоренена в религиозной почве: «Это общечеловеческое в Христианстве малопомалу становится — общечеловеческим и в искусстве, и философском мирос<оз>ерцании». Однако нельзя забывать, что все эти свои заветные, выстраданные мысли Полонский транслирует от лица умершего студента — очевидно, судьба такого рода убеждений в век позитивизма представлялась ему исполненной трагизма.

Если верно наше предположение о том, что очерк «Из Записной тетради С. Н. С.» создавался для «Русского слова», то неудивительно, что текст не был перебелен для печати: Полонский неизбежно должен был отказаться от его публикации, потому что столь мощный религиозный компонент в нем оказался бы совершенно неприемлемым для графа Кушелева-Безбородко, который скорее всего счел бы его проявлением «обскурантизма».

Таким образом, образцы философской публицистики Полонского, вводимые в научный оборот, открывают нам в известном поэте черты, которых мы в нем не подозревали и которыми он, как выясняется, существенно отличался от своего ближнего круга — прежде всего от

Тургенева, Фета, Ап. Майкова, В. Боткина, но парадоксально сближался со своим идейным оппонентом Ап. Григорьевым, в духовной жизни которого также значимое место занимали религиозные интуиции...

Как отмечалось, публикуемые рукописи носят следы обширной правки, свидетельствующей о том, что перед нами проза поэта, которому в высшей степени присущи живое воображение, широта и дерзость мысли, творческий полет. Поэтому он то и дело «проглатывает» слоги в длинных словах — у него получается: «ощу<ти>тельная», «необразо<ва>нный», «мирос<оз>ерцание» и т. п.; ставит избыточное количество тире, многие из которых, согласно современной норме, следовало бы заменить запятыми (но тогда, увы, будут слабо ощущаться душевный порыв, накал вдохновения); без конца меняет структуру фраз, желая добиться их идеального соответствия своим мыслям. В связи с этим орфография и пунктуация подлинника воспроизводятся аутентично, за исключением явных опечаток, которые исправляются без оговорок, и немногочисленных случаев уточнения знаков препинания, когда это необходимо для лучшего понимания смысла.

Я. П. Полонский
О ЗНАЧЕНИИ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ — ИЗ ПИСЬМА К А. А. Г<РИГОРЬЕВУ>

. . . . . .

Человек знает, что он говорит, когда говорит, но[1] и собака знает, что она лает, — когда лает, — и едва ли есть хоть одно одушевленное существо, которому бы не доступна была такая степень знания. — Человек уже потому человек, что для него не довольно такого знания, — для него *знать* даже родной ему язык — тот самый язык, который с колыбели[2] принят им как бы из атмосферы, его окружающей, — как свет[3], как воздух, которым[4] стали дышать его легкие[5], — значит не только остановить на нем свое внимание или остановиться на одном вопросе — но и понять разумность его законов, начавши изучать его.

Изучать предмет обыкновенно начинают с его настоящего; но, чтоб яснее понять настоящее, обращаются к прошедшему. Вот почему всякий, кто желает[6] знать язык свой или чужой, не довольствуется изучением одной ему современной грамматики — а становится истым филологом и обращается к его прошедшему. —

Знающий историю языка знает и то, что почти каждое слово имеет свою историю.

Под словом <так!> *история слова* филолог разумеет чуть не доисторическое, и часто загадочное, образование[7] корня его, постепенное изменение его грамматических форм — и[8] тех оттенков в произноше-

нии[9], которое каждый век придает ему. — Но, ты знаешь, я не филолог[10] и для меня не довольно такой истории, — нет.

Слово может не изменять своей грамматической формы, может быть произносимо нами точно так же, как и прапрадедами наших прапрадедов, и все-таки иметь свою историю.

Те же формы, те же звуки сохранит оно; но эти звуки иначе отзовутся в нашей душе, иное, более обширное или более тесное, значение мы придадим ему — не тот образ облечется в слово и в иных формах явится нашему воображению.

Не в букве, не в звуке, *в тоне музыка,* le ton fait la musique[11], — говорит французская пословица, — каждый век дает свой особенный тон целой бездне слов, и в девятнадцатом веке нечто иное слышится в этой бездне — иное, нежели в семнадцатом.

Так, давно уже какой-то стариной звучат для нас такие слова, например, как: *терем, хоромы, ковш, боярин, охабень* и проч., — а ведь было же время, когда все эти слова никому не говорили о старине или точно так же казались живо-современными[12], как для нас слова: *дом, комната, бокал, барин* и проч. Вероятно, такие слова, как *книга, часы, свеча*, наши предки произносили точно так же, как и мы их произносим, а между тем и в этих словах разве те же самые образы звучат для нас? Книга изменила и формат, и печать, и бумагу, — часы получили другое устройство, свечи стали отливать из стеарина. —

Так иными образами звучит уже для нас почти каждое произносимое нами слово[13], потому что видимые чувственные предметы — вся внешняя обстановка всей нашей жизни изменила вид свой. — Понятия же отвлеченные в[14] складе нашего ума подверглись еще бóльшим метаморфозам. Попробуй только проследить историю определений таких слов, каковы, например:[15] *дух, философия-наука, развитие, личность, право, критика, нравственность* — и несмотря на то, что многие из этих слов новы в русском языке — и что, стало быть, недлинна их история, ты, конечно, согласишься, что значение их далеко ушло вперед — давно не то, которое придавали им наши деды и прадеды. Поток жизни одновременно всё захватывает, и история определений сливается с историей целого мира.

Чтоб сказать: история есть ряд преступлений, надо было жить и дышать воздухом осьмнадцатого столетия, — чтоб сказать, что история есть поприще, на котором дух человеческий совершает свое развитие, надо было родиться в начале нашего девятнадцатого века. — В этот краткий промежуток времени, на этом пути от одного афоризма к другому, мы встречаем революцию, Наполеона, пожар Москвы, Байрона, Шел<л>инга[16] и обновление Германии. — Кажется, история сделала усиленные шаги, чтоб добиться от человеческой головы своего собственного определения, более верного или более сообразного с его достоинством.

Так меняется *тон*, смысл, значение слов, так развиваются в последовательном порядке тысячи определений, так, наконец, являются новые выражения или старым придается новое значение.

Недавно говорили мы с тобой о новом поколении, и оба понимали друг друга,[17] но, если б вдруг посреди разговора ты спросил меня: а что такое *новое поколение*? какой вообще смысл придаем мы в наше время этому выражению? — не знаю, мог ли бы тебя удовлетворить ответ мой, наскоро[18] обдуманный и, стало быть, случайный. — Быть может — вдруг образовалось бы в уме моем самое верное[19] определение — быть может, далеко не верное... словом, ответ мой был бы ответ случайный — и, может быть, ты был бы со мной вполне согласен; но и согласие твое было бы также совершенно случайное.

Новое поколение — какое простое, всем знакомое выражение: а между тем, я только с той минуты и узнал его, когда задумался над его значением. —

Мне хотелось поверить себя — и вот я пишу к тебе в надежде[20], что ты не поскупишься на возражения, естьли <так!> только письмо мое[21] будет достойно их, — но и прежде этого письма я хотел себя поверить — я заглянул[22] в академический словарь — и нашел там, что поколение — значит *род, племя, колено*[23]. —

Но, прочитав такие объяснения, — еще темнее стало в голове — я не понял его точно так же, как если бы кто-нибудь сказал мне, что *дерево есть ветви, лес и сучок*. *Род, племя* и *поколение* даже не синонимы, точно так же как не синонимы *лес, сучок* и *дерево*. — Только *колено* и *поколение* — синонимы. Эти два слова часто принимаются одно за другое,[24] но между ними есть та ощу<ти>тельная разница — что слово *поколение* не имеет такого разнообразного применения, мы относим его только[25] к существам одушевленным. Когда говорим[26] о продолжающемся роде их в существах, ими рожденных, — так можем мы сказать: поколение слонов, поколение диких, поколение французов. Слово *колено*, напротив, применимо к многому множеству вещей — и является (особенно в языке простонародном) во множестве[27] своеобразных[28] выражений; так, наприм<ер>: *выкинуть новое колено* — в пляске; *завести новое колено* — в песне[29].

Одно общее свойство этих двух слов *колено* и *поколение* есть то, что они оба как бы насильно напрашиваются на эпитеты *старое* или *новое,* если только нет[30] при этом собственного имени того лица, к которому они относятся.

Конечно, каждое поколение есть новое в отношении к старому и старое в отношении к новому — но[31] в таком ли буквально[32] простом смысле понимаем мы слово *поколение*, если при нем стоит эпитет — *новое*[33]? Если нет — каким путем доискаться нам до того не буквального значения[34], которое мы все бессознательно придаем ему?

Например, будешь ли ты доволен[35] следующим определением?

Новое[36] поколение есть повсеместно[37] — новый слой вновь народившегося народа или человечества[38], т. е. дети в отношении к отцам — племянники в отношении к дядьям своим.

Или еще проще:

Новое поколение — это вообще все молодые люди в тот период жизни, когда их дети или племянники еще не успели стать молодыми людьми, т. е. находятся еще в периоде детства или отрочества. —

Если это так, то что значит, например, следующее выражение:

«Правительство стало во главе нового поколения»?

Значит ли это, что правительство стало во главе[39] всех детей и племянников или вообще во главе всех молодых людей? Нет, когда нам говорят или когда мы сами говорим, что правительство стало во главе нового поколения, мы этого вовсе не думаем. —

Возьмем другой пример — мы говорим: «Все надежды наши мы возлагаем на новое поколение» — значит ли это, что все надежды наши возлагаем мы на наших сыновей или вообще на всех известных нам молодых людей, из которых, сам ты знаешь, больше половины ровно никуда и ни на что не годятся? —

Так если в этих двух[40] очень часто употребляемых нами выражениях одни слова нельзя заменить другими, не значит ли, что между ними есть разница и что, стало быть, не все вообще молодые люди[41], не весь новый слой народившегося народа или человечества составляет то, что мы разумеем под словами *новое поколение*?

Если не все, то кто же именно?..

Но прежде чем отвечать на это —[42] положим, что действительно под словом <так!> *новое поколение* разумеем мы только молодых[43] людей известного возраста — от 20 до 35 лет, — можем ли мы знать[44] их всех вообще настолько, чтоб[45] смело произнести над ними суд свой или хоть даже высказать[46] об них ясное положительное мнение? Каков будет этот суд и возможно ли будет это мнение, если из безразличного числа *все* не возьмем мы во внимание только такие личности, которые своим достоинством или недостатками резче других отделяются от массы, как бы выражая собой ее общее настроение?

Если помещик, из своего захолустья никогда никуда не выезжающий[47] и никогда ничего не читающий, заключит по двум-трем молодым людям, положим А и В, поселившимся у него в соседстве, что все новое поколение — гордецы и невежды, потому только, что ни А, ни В не сделали ему визита или недовольно вежливо отозвались о его закоснелости, конечно, суд такого помещика будет так же несправедлив, как мал и тесен круг его понимания, но и в этом суде будет одно нечто общее с судом самого гениального историка, а именно: помещик будет судить о поколении, не слишком обращая внимание на всю массу ему известных молодых людей, даже не думая при этом о взрослых сыновьях своих, если только таковые состоят налицо, а только имея

в виду А и В, которых непочтительность к нему — выразилась резче, чем в других. —

Значит, опять-таки под словами *новое поколение* никто, даже необразо<ва>нный помещик в сущности не разумеет всей массы молодых людей, ибо посильное мнение[48] свое об нем составляет по немногим приятно или неприятно действующим на нас исключениям.

Кто ж это они — которые составляют эти исключения?

Те ли молодые люди, которые только что выступали или выступают на политическое, гражданское, артистическое и всякое другое поприще, заменяя трудами своими труды старого, дряхлеющего поколения[49] или труды почтенных отцов своих, —[50] люди[51], таким образом выделяющиеся из массы молодежи пустой и праздной[52]?

Но сколько есть таких молодых людей, которых способности и труды никогда не заменят и никогда не станут наряду и не будут казаться новыми в сравнении с многоопытной деятельностью[53] иного поседевшего администратора, художника или даже просто чиновника, — которым разве тогда только удастся сравняться с ними в производстве всякого рода дел, когда сами они в свою очередь доживут до старости? Сколько таких, которые во всю жизнь свою[54] не только не превзойдут своих учителей, но и не дойдут до того, чтоб начать так, как они[55] в свое время начали? И, наконец, сколько людей[56], которых очевидная деятельность началась или начинается далеко не в молодых летах — сколько писателей мы знаем, которые с честью выступили на литературное поприще, достигнув до глубокой старости?

Как же теперь понять, что такое новое поколение?

Понять так, как все мы понимаем, — но понимание сделать вполне сознательным[57]. Когда мы говорим: «стать во главе нового поколения» — конечно, мы разумеем[58] такое поколение, которое чем-нибудь да разнится от старого, — иначе самое выражение это теряет всякий смысл. — Мы видим, что не лета, не человеческий возраст, не нисходящее родство здесь играет главную роль[59]. В чем же это новое?

Один ответ — это новое — *в идеях* — конечно, в тех идеях, до которых не доросло поколение старое. — Люди современных нам идей — вот наше поколение. — Мы узнаём их не по тому, что они молоды; не по тому, что последняя мода наложила на них печать свою; не по тому, что труды их заменяют труды на покой отходящего старчества, — мы узнаём их по невольному к ним сочувствию, если только сами принадлежим к тому же поколению. — Не зная или не понимая их[60], нельзя ни знать, ни понимать нравственного[61] или умственного состояния современного нам общества[62]. — Не сочувствуя им, нельзя и сочувствовать ни его стремлениям, ни его насущным потребностям. — Через них, и только через них, становится наглядным и чем-то *воочию совершающимся* дух нами поглощаемого времени.

Люди, призванные или достойные стоять в среде нового поколения, как ничтожны и малы ни казались бы они[63] в глазах близорукого

и тщеславно-суетного общества, на каком бы поприще ни работали, как бы ни заблуждались, платя дань своей эпохе, каков бы ни был их конец, — суть люди исторические, если б даже имена их и не были записаны в истории. — Дело не в именах, которые, конечно, могут ускользнуть от потомства, подобно сотням имен древнеазиатских царей, не разбираемых на старых монетах[64] — и не понятых в гиероглифических надписях. Не в именах дело, — дело в том, что от них во многом зависит участь будущих поколений, — а стало быть, грядущая судьба и нашего отечества, — в них задача, над решением которой задумаются их потомки, — в них семя будущей жатвы. — Подобно инженерам, устраивающим телеграфические нити, дабы с невидимой быстротой передавать вести с одного конца Европы на другой конец, — люди молодого поколения ставят вехи на пути развития и постепенно в неведомую даль будущего проводят электрическую нить для передачи ими выстраданных или прожитых идей. —[65] Самое отдаленное потомство, с быстротою молнии развернув какую-нибудь книгу, — схватит мысль, за 200—300 лет взлелеянную. — Так, если для телеграфа не существует пространства — для мысли не существует времени, — там проводник — электричество;[66] здесь слово *электричество*[67] было бы немо[68] без железной нити. Слово померкло бы и застряло бы в бездне прошедшего без целого ряда[69] новых поколений, ибо[70] только в руках[71] нового поколения находится ключ к умам передовых людей поколения отжившего[72], — недаром несокрушим тот закон, во имя которого все истинно живое в известную эпоху небесплодно для эпох последующих.

С таким современным пониманием нового поколения, конечно, *не всякий из нас решится похвастаться тем, что он принадлежит к нему*[73].

На этом[74] я должен был бы и кончить письмо мое — но... впереди возникает такая пропасть всякого рода помыслов, что все мною сказанное кажется мне только началом... Знаю, что я не слажу с тем, что меня ожидает, — что нет у меня ни таланта, ни времени, чтоб развить или привести в строгий порядок[75] всего того, что невольно просится на бумагу потому же поводу, т. е. по поводу[76] выражения *новое поколение*.

В истории русского языка, или, что все равно, в истории русского развития — давно ли возникло это выражение — и давно ли стали мы придавать ему тот смысл, который в настоящее время мы все бессознательно или сознательно придаем ему? — В этом смысле кто из писателей первый стал употреблять его? Кто, наконец, изобрел это выражение — или оно слишком[77] просто[78] для того, чтобы его изобретать или выдумывать?

Не знаю, насколько полезно решение таких вопросов, — знаю только, что выражение это в том смысле, в каком мы его говорим, ново и едва ли оно могло быть на Руси в начале нашего столетия[79], а во времена Петра Великого даже *невообразимо*. —

Кто знает век Петра — тот, конечно, не вложит в уста самого умнейшего из его представителей слов: «Правительство стоит во главе нового поколения», — а между тем это было такое время, когда самым, так сказать, наглядным образом монарх стал во главе им самим созданного нового поколения[80].

Создать поколение — опять новое выражение, доказывающее мысль мою. — Если бы под словом[81] *поколение* разумели мы только естественным путем рождения явившихся на Божий свет[82] и потом в жизнь выступающих молодых людей, мы не могли бы[83] и употребить подобной фразы, ибо нечего создавать то, что уже родилось или создалось само собой[84].

Создать поколение — значит вызвать наружу те[85] нравственные и умственные силы, которые давно таятся внутри того или другого общества, той или другой эпохи, — значит поставить знамя во имя новой идеи[86] и силою гения созвать под сень его всех способных сознательно или бессознательно работать для истории. — Трудиться для истории[87] — то же, что трудиться во имя убеждений; корень же[88] всякого убеждения —[89] *идея*. Если она пришла в голову одного[90] лица — или в голове этого одного[91] созрела, прежде чем в других головах, — этот один становится двигателем — так же как и Петр, создает вокруг себя поколение —[92] и по праву может назваться если не гением, то[93] великим мужем. — Вся разница будет заключаться в объеме той сферы, для которой он призван действовать. — Так великий художник[94] силою кисти своей или[95] резца создает молодое поколение[96] талантливых художников — выводит их на новый путь. — Министр, создавая новую систему финансовых оборотов[97], также вокруг себя создает новое поколение —[98] людей, ему сочувственно помогающих. — Писатель — так же как ученый, ученый — так же как и полководец, ставши замечательными[99] людьми своего времени, во-первых, не могут не принадлежать к молодому поколению (иначе слова их эфемерны[100], а деятельность — бесплодна); во-вторых, не могут[101] не выдвинуть за собой целого рода людей, в их[102] духе самостоятельно или машинально действующих. —

Так всякое новое поколение заметно распадается на два разряда[103] молодых или даже не молодых людей: одни из них зачинатели — другие довершители; одни подают голос — другие отзываются на их призыв[104]. Но, раз коснувшись эпохи Петра Великого, — я не могу не сделать следующего[105] замечания: новое поколение[106], созданное Петром, было первое[107] в русской истории, которое самым очевидным образом так далеко и как бы насильственно двинулось вперед[108] и так по-видимому неестественно отодвинулось от поколения старого — что провело резко-значительную черту[109] в общей картине ее медленного развития. — Оно первое разом появилось[110] почти что на всех поприщах государственной[111] и общественной жизни. До Петра — не поколения играли главную роль. Главную роль играли личности, часто

стоящие одиноко и не опирающиеся ни на кого из своих современников, —[112] поколения были так бледны, что новое[113] с трудом можно различить от старого. — Иван Грозный недаром, упорно сражаясь с старым порядком вещей, задевал и то, что могло быть новым, — он ожесточился от своего собственного бессилья. Личность, по природе[114] своей созданная стоять во главе нового движенья, суждена <так!> фактически или морально пасть, если[115] масса народная вокруг нее[116] не успела еще настолько созреть, чтоб встать за нее[117] в лице нового поколения.

Впрочем, не противоречие ли это? — я только что сказал: замечательная личность не может не выдвинуть за собой целого поколения, — и вдруг говорю: были у нас до Петра — такие личности, которые стояли одинокими. —[118] Такое противоречие невольно наводит меня на мысль, что в различных возрастах народа поколения играют роль далеко не одинаковую. — Что в первый период государственного развития[119] поколения не поспевают за появлением той или другой личности — личности гибнут или не успевают в своих предприятиях. В период, полный зрелости народа, — напротив,[120] каждое новое поколение так сильно по своей многочисленности,[121] так смело по своему характеру и ярко по колориту[122], что личности бледнеют —[123] они являются уже не оди<но>кими светилами, а целыми созвездиями[124] — не затмевают друг друга. — Они проигрывают в блеске, но выигрывают в сочувствии целых масс. — Современная истинная слава[125] — в нашем смысле этого слова — возможна только именно в тот период[126], когда передовые силы в полном цвете. — В период дряхлости[127] государственного организма — молодые поколения становятся опять малочисленными и слабыми до того, что едва подают голос свой. — Шарлатаны заглушают голос истинных предвозвестителей. — Масса народа забывает, что она по духу вечный ребенок —[128] хоть и громадна по своим силам физическим, эти силы, распадаясь, всей своею тягостью падают на новое поколение.[129] — Страсти, господствуя над идеями, поднимают крик.[130] И правительство уже становится не во главе нового поколения, а[131] во главе слепой толпы. —

Исторически указать на участь новых поколений[132] во все возрасты народов как древних, так и новых[133] — значит написать целую книгу. — Я пишу письмо — написать книгу предоставляю тебе, если[134] только это займет тебя. —

Новое поколение — т. е. каждое из поколений (ибо каждое старое было новым и каждое новое будет старым) несомненно играет главную роль в истории человечества. —[135] Но какой историк не начертит нам полной картины — взятой им эпохи, если при исторических изысканиях[136] не обратит внимания на следующие отношения:

— на отношения новых поколений к старым;

— на отношения их к правительству или к лицам правительственным;

— на отношения общества к их представителям, или[137] — жизнь гениальных людей эпохи в среде этого общества — т. е. отношения их[138] к старому и новому поколениям;

— наконец, на степень их влияния[139] на всю массу людей, которые в сущности не составляют ни нового, ни старого поколения и страшны только, как я уже заметил, в период упадка государственных сил.[140]

[141]Полнота благодатны<х> реформ — это дело нового поколения. — Реформы есть жизн<енное> дело нового поколения, только с планом вместить в это дело народные массы, —[142] народ, или поколение, гибнет под ударами того же оружия, которое он сам дал толпе, — будет тут дело толпы без всяк<ого> участия нового поколения.

---

[1] *Далее зачеркнуто*: ведь

[2] *Далее зачеркнуто*: стал знаком его слуху — так же и свет, который

[3] *Далее зачеркнуто*: и тьма

[4] *Далее зачеркнуто*: стал он

[5] *Было*: стал он дышать

[6] *Слова*: всякий, кто желает — *вписаны над зачеркнутыми*: глубоко знающий

[7] *Было*: чуть-чуть не доисторическое образование

[8] *Далее зачеркнуто*: даже

[9] *Было*: в его произношении

[10] Я. П. Полонский и А. А. Григорьев окончили курс юридического факультета Московского университета: первый в 1844 г., второй в 1842 г.

[11] Полностью: c'est le ton qui fait la musique — по словам и голос (*фр.*).

[12] *Было*: эти слова не говорили о старине и точно так же казались современными

[13] *Было*: для нас каждое нами произносимое слово

[14] *Далее зачеркнуто*: нашем

[15] *Далее зачеркнуто*: история

[16] *Слово*: Шел<л>инга — *вписано над зачеркнутым*: Гегеля

[17] *Далее зачеркнуто*: хоть я

[18] *Далее зачеркнуто*: составленный в голове, иными словами не

[19] *Было*: в уме моем верное

[20] *Далее зачеркнуто*: на всяк<ий случай (?)>

[21] *Далее зачеркнуто*: их

[22] *Было*: и заглянул

[23] Точнее: «*Поколение* — <...> То же что *Колено* в 3 значении» (Словарь Академии Российской: <в 6 ч.>. В СПб.: при Имп. Академии наук, 1792. Ч. III: от З до М. Стб. 741); «*Колено* — <...> 3) Род, поколение, племя» (Там же. Стб. 739).

[24] *Далее зачеркнуто*: хотя и

[25] *Было*: применения, потому что они относятся только

[26] *Далее зачеркнуто*: мы

[27] *Было*: в бесчисленном множестве

[28] *Слово*: своеобразных — *вписано над отвергнутыми вариантами*: разнообразных, разнородных

[29] *Было*: завести новое колено — в соловьиной песне — так в вещах неодушевленных

[30] *Далее зачеркнуто*: наприм<ер>

[31] *Далее зачеркнуто*: что ж такое

[32] *Было*: буквальном
[33] *Было*: понимаем мы слова: новое поколение?
[34] *Было*: до того значения
[35] *Было*: Например, ты будешь ли доволен
[36] *Слово*: Новое — *вписано над зачеркнутым*: Молодое
[37] *Было*: повсеместный
[38] *Было*: вновь народившегося человечества
[39] *Было*: правительство во главе
[40] *Было*: в двух
[41] *Было*: все молодые люди
[42] *Далее зачеркнуто*: перейду к такому предположению
[43] *Слова*: только молодых — *вписаны над зачеркнутым*: всех
[44] *Было*: можем мы знать
[45] *Далее зачеркнуто*: не только
[46] *Слово*: высказать — *вписано над зачеркнутым*: составить
[47] *Было*: Если помещик, никуда не выезжающий
[48] *Было*: ибо мнение
[49] *Далее зачеркнуто*: или просто
[50] *Далее зачеркнуто*: именно те
[51] *Далее зачеркнуто*: которые составляют выделяющиеся
[52] *Было*: выделяясь от массы молодежи праздной и пустой, составляют новое поколение?
[53] *Было*: не заменят, не будут казаться новыми наряду с многоопытной деятельностью
[54] *Было*: сами они доживут до старости, а иногда, во всю жизнь свою
[55] *Далее зачеркнуто*: начали
[56] *Было*: Сколько есть и таких людей
[57] *Было*: как все понимаем, — только понимание привести в такое сознание
[58] *Было*: разумеем мы
[59] *Далее зачеркнуто — сначала*: стало быть; *затем*: а то но<вое>
[60] *Было*: Не зная их, мы
[61] *Было*: нельзя не знать нравственного
[62] *Было*: состояния нам современного общества
[63] *Было*: ни казались они
[64] *Было*: имен азиатских царей, с трудом разбираемых на старых монетах
[65] *Далее зачеркнуто — сначала*: В то же; *затем*: Пото<му (?)>
[66] *Далее зачеркнуто*: железная проволока
[67] *Далее зачеркнуто*: осталось бы
[68] *Было*: немым
[69] *Было*: Слово остановилось бы без целого ряда
[70] *Далее зачеркнуто*: в руках людей
[71] *Далее зачеркнуто*: людей каждого
[72] *Было*: поколений отживших
[73] *Было*: *похвастаться, что он принадлежит к нему*
[74] *Далее зачеркнуто*: казалось бы
[75] *Было*: не буду иметь времени ни развить, ни привести в строгую систему; *далее зачеркнуто*: тех заметок ума и беглых наблюдений, которые как бы сами собой выходят у меня наружу по
[76] *Далее зачеркнуто*: нового <поколения>
[77] *Слово*: слишком — *вписано над зачеркнутым*: так
[78] *Далее зачеркнуто*: что

[79] *Было*: ново — не могло быть в начале нашего столетия
[80] *Было*: во главе своего поколения. — Оттого ли, что он сам его *создал*?.. Это *поколение*!
[81] *Далее зачеркнуто*: новое
[82] *Далее зачеркнуто*: и так или
[83] *Далее зачеркнуто*: и должны бы были
[84] *Было*: уже [создалось] родилось само собой
[85] *Далее зачеркнуто*: моральные
[86] *Было*: эпохи, — поставить знамя во имя идеи
[87] *Было*: работать во имя истории. — Трудиться во имя истории
[88] *Далее зачеркнуто*: убеждений
[89] *Далее зачеркнуто*: это
[90] *Далее зачеркнуто*: и не составляет
[91] *Было*: в голове одного
[92] *Далее зачеркнуто*: Вели<кий>; *далее было*: и может по праву
[93] *Далее зачеркнуто*: одни<м>
[94] *Далее зачеркнуто*: создает [шк<олу>] молодое поколение
[95] *Далее зачеркнуто*: своего
[96] *Далее зачеркнуто*: художн<иков>
[97] *Было*: Министр финансов, создавая новую систему налогов
[98] *Далее зачеркнуто*: и если
[99] *Слово*: замечательными — *вписано над зачеркнутым*: первыми
[100] *Было*: эфемерно-случайны
[101] *Далее зачеркнуто*: остаться
[102] *Слово*: их — *вписано над зачеркнутым*: его
[103] *Было*: может распасться на два именно созданных разряда
[104] *Было*: отзываются на призыв
[105] *Далее зачеркнуто*: отступления
[106] *Было*: замечания: поколение
[107] *Далее зачеркнуто*: которое
[108] *Было*: так далеко двинулось вперед, что
[109] *Далее зачеркнуто*: отодвинулось от старого — что провело первую резкую черту
[110] *Было*: Оно разом появилось
[111] *Далее зачеркнуто*: и гражданской
[112] *Далее зачеркнуто*: не оттого ли
[113] *Слово*: новое — *вписано над зачеркнутым*: старое
[114] *Слово*: природе — *вписано над зачеркнутым*: натуре
[115] *Было*: суждена пасть, естьли на вызов не из нар<ода?>
[116] *В рукописи ошибочно*: вокруг него
[117] *Было*: за него
[118] *Далее зачеркнуто*: Этой
[119] *Далее зачеркнуто*: появля<ются>
[120] *Далее зачеркнуто*: поколения так
[121] *Далее зачеркнуто*: что
[122] *Далее зачеркнуто*: что надо быть действительно лицеме<ром?>
[123] *Далее зачеркнуто*: целы<ми?>
[124] *Далее зачеркнуто*: свет<я>тся замечательные лица
[125] *Было*: Современная слава
[126] *Было*: именно в период
[127] *Было*: В период государственной дряхлости или

[128] *Было*: она вечный ребенок — и крах ее частию поглощает
[129] *Далее зачеркнуто*: Как волны поглощают корабль
[130] *Далее зачеркнуто*: Господство становится
[131] *Далее зачеркнуто*: прислугою
[132] *Было*: Провести участь поколений
[133] *Далее зачеркнуто*: и успеть
[134] *Далее зачеркнуто*: ты
[135] *Далее зачеркнуто — сначала*: Так как; *затем*: Таким образом, как
[136] *Было*: если историческим изысканиям; *далее зачеркнуто*: [его] не будут [тайно] мысленно соприсутствовать следующие соображения.
[137] *Было*: к их умственным представителям, или наоборот
[138] *Слово*: их — *вписано над зачеркнутым*: его
[139] *Было*: на степень влияния того или другого поколения
[140] *Ниже карандашом тезисно намечены варианты продолжения текста.*
[141] *Далее зачеркнуто*: Дело нового поколения это пожелание реформ — новых реформ.
[142] *Далее зачеркнуто*: которых

Я. П. Полонский
ИЗ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ С. Н. С.

Мы получили тетрадь эту при следующем письме:

«М<илостивый> Г<осударь>. Покойный брат мой С. Н., молодой человек 23 лет, имел обыкновение записывать карандашом всё, что приходило ему в голову. Он учился в университете и по болезни не кончил курса,[1] любил читать, но, к сожалению, у нас в деревне читать ему было нечего — вот почему, лежа у себя в комнате, он всё писал и писал — так неразборчиво, что переписать эту тетрадь стоило немалых трудов одной моей знакомой девице. — Когда я нашел эту рукопись, я думал, что это дневник, но это не дневник, а какие-то всё мысли. — Меня уверили, что всё это может быть напечатано. — Посылаю же вам эту тетрадь на всякий случай. Если решитесь печатать — то уведомьте...»

Тетрадь эта слишком объемиста — и мы вряд ли ее всю целиком напечатаем. — Покойный С. Н.[2] явно задавал себе разного рода вопросы и старался решить их по-своему. — По нашему крайнему разумению, эти усилия молодого, хотя еще и не вполне созревшего ума не должны исчезнуть без следа. — Отсутствие библиотеки[3], т. е. недостаток книг[4], и придал писаниям г. С. какую-то неполноту и недосказанность, но зато — по временам проскакивают мысли[5] оригинальные, никем не подсказанные — нигде не вычитанные. —

Жаль, что этими записками мы обязаны преждевременной смерти, — будем печатать их[6] по мере возможности — вот наш ответ. —

———

I. *Миросозерцание*. Что такое миросозерцание?

Самое слово это так удачно сложилось, что уже заключает в себе свое собственное определение: созерцание мира. — Вправе ли я ска-

зать: «Мое миросозерцание», если нет у меня никакого ясного, определенного, цельного взгляда на мир (на всё видимое мной) и если я сам не знаю, какое место занимаю я в этом необъятном[7] среди этих космических сил и явлений, как физических, так и духовно-нравственных? —

Дорого бы я дал, чтоб дожить и доработать его до такого миросозерцания![8]

Слово *созерцать* не значит *видеть*.

Для того чтоб видеть, достаточно пользоваться зрением. (И слон, и мышь, и собака, и рыба, и насекомое видят.) Никто не скажет: я созерцаю дерево или девушку, — но, если вы скажете[9]: я созерцаю Бога, Природу, Красоту — ваша фраза никого не покоробит, даже не покажется вычурной. — Кто не почувствует и не уразумеет[10] красоты ясного летнего утра, звездного ночного неба, моря, окаймленного горами, тот не почувствует и не уразумеет[11] красоты человеческого тела[12]. —

Дикарь лучше видит, чем мы, над письмом и печатью утомившие глаза свои; — но далеко ему до[13] мирос<оз>ерцания[14] Коперника, Гете или Токвиля[15].

Видеть слепой не может — созерцать может. Слепой Мильтон, так же как и слепой Гомер, мысленно созерцали тот божественно-человеческий мир, который описывали. В запертой темнице или[16] ночью в потемках видеть нельзя — созерцать можно. Ньютон, утомленный своими вычислениями, и с закрытыми глазами[17] мог предаваться созерцанию всей[18] Солнечной системы — и, затем, всего Звездного мира. —

Созерцание есть результат синтезиса — результат бесчисленного множества воспринятых впечатлений, силою ума или воображения приведенных в строй и гармонию.

История человечества начинается с первого возникшего в уме миросозерцания,[19] как бы[20] ни было нелепо оно с нашей точки зрения.

Вся история есть не что иное, как возникновение, развитие, борьба и сцепление различных миросозерцаний. — Если бы люди, как звери, боролись только ради добычи и самосохранения, человечество не стоило бы истории. —

Если бы на всей земле были одни и те же климатические условия — та же природа — и если бы моря, океаны и степи не разобщили людей[21] еще до начала истории, сама история не была бы так запутана, развитие одного миро<со>зерцания, не разваливая другого, совершало<сь> бы более правильным путем, и, быть может,[22] для всего человечества[23] каждый факт его развития был бы повсеместным и единовременным явлением. —

Пароходы и железные дороги — поправят ли когда-нибудь то, что совершили моря, горы, степи — и поразительное неравенство климатов? —

История, несомненно, началась с миро<со>зерцания, основанного на творческой фантазии, — и доразвилась до созерцания, основанного на творческих законах природы или на научных фактах[24], очищенных[25] беспощадною силою критики[26] (критика хотя и разрушает, но каждый раз волей-неволей[27] бессознательно ведет к постройке нового мирос<оз>ерцания).

Миросозерцание может быть:

— религиозное,

— поэтическое[28],

— философское, или строго научное.

Но провести между ними резкие границы едва ли возможно — особливо в настоящее время. — Так, например, искусство, или поэтическое созерцание, питается[29] религиозными преданиями и в то же время может стоять на высоте[30] миросозерцания философского, или научного. — Позитивист хотя и видит бездну, которая отделяет его от[31] идеалиста или от спирита, — но бездны этой на самом деле вовсе не существует — так как между теми и другими в нравственном и умственном мире слагается многое множество личных мировоззрений,[32] из которых одни склоняются более к позитивизму[33], другие — к идеализму. — Сколько есть таких учений, сквозь идеализм которых просвечивает материалистическая подкладка, и напротив. —

Нечего закрывать глаза — и воображать себе, что религиозное миросозерцание отжило свое время, — несмотря на колоссальные успехи естественных наук, это мирос<оз>ерцание — самое сильное и самое распространенное —[34] не только в Африке или в Азии, но и в Европе и в новой Америке. — Если про науку можно сказать, что она господствует над сотнями тысяч голов, — религия господствует над сотнями миллионов[35] и до сих пор заправляет событиями, или судьбами человечества. —

Оттого ли это — что, несмотря на 5000 лет нашего исторического роста, — мы всё еще не вышли из детства, — или оттого — что корень истории —[36] религиозное миросозерцание — тем шире и глубже, чем выше наш умственный рост[37], — что не было бы ни цветов, ни плодов, если бы[38] корень нашей цивилизации не рос точно так же,[39] как[40] и ее вершина[41], которая[42] тянет из него все его лучшие соки. —

Корень нашей европейской и американской[43] цивилизации — Христианство с его общечеловеческим религиозным мирос<оз>ерцанием. — Это общечеловеческое в Христианстве мало-помалу становится — общечеловеческим и в искусстве и философском мирос<оз>ерцании. — Североамериканцы, французы, немцы и англичане ближе между собою, чем — евреи[44], татары, персы, китайцы, арабы и самоеды[45].[46] Но[47] европейские народы ближе друг к другу только сравнительно — христианское мирос<оз>ерцание (они сходятся, так сказать, только своими единичными вершинами, массы же остаются разъединенны-

ми) распалось — и каждое из них породило свои секты и своих фанатиков[48]. —

Борьба в Европе ныне по-видимому идет[49] из-за политических принципов — в сущности же из-за принципов религиозных. — Весь современный нам порядок вещей зиждется вовсе не на науке, а на религиозных, в плоть и кровь вошедших, убеждениях. — Порядок этот породил так много хорошего — что его отстаивают. — Но в нем заключает<ся> так много зла, что его стараются расшатать и разрушить. — Сохранить добро и разрушить зло — вот задача самых высоких и сильных[50] умов нашего времени — но разрешение этой задачи — есть не что иное, как постройка нового[51] мирос<оз>ерцания, —[52] и оно строится. —

И все-таки оно не будет общим достоянием всех людей —[53] оно принесет плоды свои, оно будет бороться — и распространяться медленно, — и как бы далеко ни было его распространение, оно никогда не захватит всего человечества. (Ныне до сих пор миллионы людей на земном шаре не знают, что земля — *шар*.) И чем будет[54] человечнее и многостороннее наше мирос<оз>ерцание, тем бóльшая масса людей найдет в нем свое успокоение и свое удовлетворение. — До такого мирос<оз>ерцания, которое завершило бы наше историческое развитие,[55] еще так далеко, что только одна поэзия[56] позволяет иногда мечтать об нем. — Это идеальное, почти недосягаемое миросозерцание. Когда оно станет[57] достоянием человечества,[58] будет едино, и только это до конца дове<де>нное единоверие и единомыслие даст нам ту истинную свободу и то истинное равенство, которого так напрасно добиваемся и которого добиваться все-таки следует. —

<Отвергнутый фрагмент>

И все-таки нет ни в современном Христианстве, <н>и в современном знании того единства, которое вело[59] бы нас к единоверию и к единомыслию. Борьба идет[60] на всем пространстве мира, занятого христианами и профессорами — верующими и стремящими<ся> знать. —[61]

Фанатизм[62], вытекающий из каждого религиозного мирос<оз>ерцания, в меньших размерах беспрестанно дает знать себя и в сферах умственных и сфере политической. — Есть не только фанатики религиозного действа, но и фанатики мысли — мученики веры и мученики убеждения. —

Лично я завидую всякому такому фанатизму — каждый такой фанатизм знает, за что он стоит — за что борется и за что умирает. — Жалок тот, кто стоит на развалинах прежнего мирос<оз>ерцания — и пред собой не видит ничего нового. — Таких жалких существ в наш век бесчисленное множество, и чувствую, что мне, лишенному всякого мирос<оз>ерцания[63], — несдобровать: тяжела, дурна, узка, грязна покажется мне жизнь моя —[64] надо усилие ума и воли, много тру-

да — много бессонных ночей, что<бы> иметь право сказать: «Вот мое миро<со>зерцание — что вы со мной ни делайте — я[65] весь в нем — я его средоточие — и скорей погибну, чем буду в силах изменить ему». —

Но неужели в фанатизме — счастие? — На это можно только одно сказать — что каждое новое миро<со>зерцание вырабатываем знанием, <которое> все дальше и дальше отделяет нас от фанатизма, а стало бы<ть>, и приближает к счастию.

---

[1] *Далее зачеркнуто*: находясь в деревне, читать ему было нечего

[2] *Было*: Покойный С. Н. С.

[3] *Далее зачеркнуто*: или пособий и на

[4] *Было*: недостаток книжной помощи

[5] *Далее зачеркнуто*: сове<ршенно>

[6] *Далее зачеркнуто*: хоть отрывками

[7] *Было*: не знаю того места, какое занимаю я в этом необъятном целом

[8] *Было*: чтоб дожить до такого миросозерцания!

[9] *Было*: но скажете

[10] *Слово*: уразумеет — *вписано над зачеркнутым*: поймет

[11] *Слово*: уразумеет — *вписано над зачеркнутым*: поймет

[12] *Было*: красоты девушки — стало быть, созерцание красоты, хотя и свойственно всем людям, но далеко не в одинаковой степени

[13] *Слова*: далеко ему до — *вписано над зачеркнутыми*: созерцать мы

[14] *Было*: но мирос<оз>ерцание разве того человека бесконечно выше мирос<оз>ерцания дикаря или невежды

[15] Появление имени французского политического деятеля и историка графа Алексиса де Токвиля (Tocqueville; 1805—1859) в одном ряду с великими Коперником и Гете вполне ожидаемо под пером Полонского на рубеже 1850—1860-х гг.: в этот период в России вышли переводы историко-политических трактатов Токвиля «Демократия в Америке» (1835—1840) и «Старый порядок и революция» (1856), оказавшие большое впечатление на современников.

[16] *Далее зачеркнуто*: темной

[17] *Было*: Ньютон и с закрытыми глазами

[18] *Слово*: всей — *вписано над зачеркнутым*: той

[19] *Далее зачеркнуто*: каких бы

[20] *Далее зачеркнуто*: с нашей точки зрения нелепо оно ни б<ыло>

[21] *Было*: его людей; *далее зачеркнуто — сначала*: при; *затем*: с первых дней

[22] *Далее зачеркнуто*: было бы

[23] *Далее зачеркнуто*: была бы

[24] *Было*: основанного на законах природы или на фактах

[25] *Далее зачеркнуто*: многовековой

[26] *Далее зачеркнуто — сначала*: ибо; *затем*: если

[27] *Было*: критика разрушает то или другое миросо<зе>рцание — она волей-неволей

[28] *Было*: или религиозное, или поэтическое

[29] *Было*: Поэтическое — мир искусства — зижд<ется>

[30] *Далее зачеркнуто*: научного

[31] *Далее зачеркнуто*: спири<та>

[32] *Далее зачеркнуто*: часто

[33] *Далее зачеркнуто*: или материализму

[34] *Далее зачеркнуто*: по всей азиа<тской>

[35] *Далее зачеркнуто*: господствует над миллионами

[36] *Далее зачеркнуто*: ряд

[37] *Было:* наш рост; *далее зачеркнуто*: и чем обильнее плоды только современной нам цивилизации

[38] *Далее зачеркнуто*: умер этот

[39] *Далее зачеркнуто — сначала*: как растет вершина; *затем*: как под землей и в потемках; *наконец*: под землей

[40] *Далее зачеркнуто*: растет

[41] *Далее зачеркнуто*: на ветру и солнце

[42] *Далее зачеркнуто*: с помощью солнца

[43] *Было*: североамериканской

[44] *Слово*: евреи — *вписано над зачеркнутым*: мы

[45] *Самоеды* (самодийцы) — наименование ряда коренных сибирских народов: прежде всего ненцев, а также энцев, нганасан, селькупов и саянских самодийцев.

[46] *Далее зачеркнуто — сначала*: Индей<цы>; *затем*: Ни деяние, означа<ющее>; *наконец*: Пока они ки<?>.

[47] *Далее зачеркнуто*: ближе

[48] *Было*: породило фанатиков. [Борьба иде<т>] Многие думают, что

[49] *Было*: Борьба в Европе идет

[50] *Было*: самых высоких умов

[51] *Далее зачеркнуто*: бол<ьшого>

[52] *Далее зачеркнуто*: с большим количество<м>

[53] *Далее зачеркнуто*: нет — прежде чем новое миро<со>зерцание

[54] *Далее зачеркнуто*: оно шире

[55] *Далее зачеркнуто*: слишк<ом>

[56] *Далее зачеркнуто*: иногда несколько

[57] *Слово*: станет — *вписано над словом*: будет

[58] *Далее зачеркнуто*: оно

[59] *Было*: которое ведет к единодушию нас все<х>

[60] *Далее зачеркнуто*: на всех концах земных

[61] *Далее зачеркнут абзац*: Нет единства без единого идеального мирос<оз>ерцания. — Только стремясь к нему, постепенно будет можно достичь и до истинной свободы, и до истинного равенства.

[62] *Далее зачеркнуто*: тесно связанный

[63] *Было*: что без ясного мирос<оз>ерцания

[64] *Далее зачеркнуто*: много мне над<о>

[65] *Далее зачеркнуто*: знаю

Библиографический список

1. Г. Е. Благосветлов, Я. П. Полонский, Г. А. Кушелев-Безбородко. Письма и документы / с прим. и вступ. ст. Г. Р. Прохорова // Звенья. М.: Л.: Academia, 1832. Сб. I.
2. *Варустин Л. Э.* Журнал «Русское слово», 1859—1866. Л.: изд-во Ленингр. ун-та, 1966.
3. *Водовозов В. И.* Письмо из Берлина: (к А. А. Г<ригорьеву>) // Русское слово. 1859. Отд. III: Смесь.

4. *Воробьева О. А.* Журнал «Русское слово»: история формирования круга сотрудников и литературная позиция (1859—1862): дис. ... канд. филол. наук / МГУ. М., 2019.
5. *Григорьев А. А.* И. С. Тургенев и его деятельность по поводу романа «Дворянское гнездо» (Современник, 1859 г., № 1): Письма к Г<рафу> Г. А. К<ушелеву->Б<езбородко> // Русское слово. 1859. Апрель. Отд. II: Критика; Май; Июнь; Август.
6. *Григорьев А. А.* Народность и литература // *Григорьев А. А.* Эстетика и критика / вступ. ст., сост. и прим. А. И. Журавлевой. М.: Искусство, 1980.
7. *Ермилова Е. В., Грешный А. З.* Полонский Яков Петрович // Русские писатели, 1800—1917: биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. Т. 5.
8. *Кушелев-Безбородко Г. А.* О значении романа нравов в наше время: по поводу нового романа г. Гончарова «Обломов»: (посвящено Аполлону Александровичу Григорьеву) / К. Б. // Русское слово. 1859. Июль. Отд. II: Критика.
9. *Ларош Г. А.* Сочинения Я. П. Полонского, три тома. СПб. 1869 / *Л. Нелюбов* // Русский вестник. 1870. Т. 86, март.
10. *Полонский Я. П.* Повести и рассказы: (приб. к Полн. собр. соч.). СПб.: изд. Ж. А. Полонской, 1889. Ч. I—II; 2-е изд.: 1895.
11. *Полонский Я. П.* Собр. соч. СПб.; М.: изд. М. О. Вольфа, 1869—1874. Т. I—IV.
12. *Потапов А. Н.* Одинокий лебедь: судьба и творчество Якова Полонского. М.: Звонница-МГ, 2019.
13. Словарь Академии Российской: [в 6 ч.]. В СПб.: при Имп. Академии наук, 1792. Ч. III: от З до М.
14. *Соловьев В. С.* О лирической поэзии: по поводу последних стихотворений Фета и Полонского // *Соловьев В. С.* Собр. соч.: [в 10 т.] / под ред. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. 2-е изд. СПб.: Просвещение, 1914. Т. 6.
15. *Фет А. А.* О стихотворениях Ф. Тютчева: А. А. Григорьеву // Русское слово. 1859. Февраль. Отд. II: Критика.
16. <*Фет А. А.*> Переписка с Я. П. Полонским, 1846—1892 / вступ. ст. Т. Г. Динесман; публ. и комм. Т. Г. Динесман и М. И. Трепалиной // Литературное наследство. Т. 103: А. А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2008. Кн. 1.
17. *Штакеншнейдер Е. А.* Дневник и записки (1854—1886) / редакция, статья и комм. И. Н. Розанова. М.; Л.: Academia, 1934.

DOI: 10.31860/978-5-918680-445-268-388

К ИСТОРИИ РАННЕГО РУССКОГО СИМВОЛИЗМА. ПЕРЕПИСКА Л. Я. ГУРЕВИЧ С Н. М. МИНСКИМ

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии М. М. Павловой)

Аннотация: В публикации представлена двухсторонняя переписка Л. Я. Гуревич — издательницы журнала «Северный вестник» (1891—1898) и Н. М. Минского — одного из видных поэтов старшего поколения символистов, относящаяся к 1887—1898 гг. (документы хранятся в фондах РГАЛИ и Рукописного отдела ИРЛИ РАН). Эпистолярий отражает сложную историю взаимоотношений корреспондентов: неудавшуюся попытку создания мистического «тройственного» союза (совместно с А. Волынским; 1887—1888), разрыв; возобновление деловых и дружеских контактов в годы сотрудничества Минского в «Северном вестнике». Вводимые в научный оборот документы позволяют сфокусировать внимание на фигуре Л. Гуревич в период ее вхождения в литературу и эстетического самоопределения; осветить неочевидные стороны биографии Н. Минского; расширить круг источников для изучения истории журналистики и раннего русского модернизма.

Ключевые слова: Л. Я. Гуревич, Н. М. Минский, А. Л. Волынский; переписка, история отношений, «Северный вестник» (1891—1898), русская литература конца XIX в.

Abstract: The publication presents a two-way correspondence between L. Ya. Gurevich — the publisher of the magazine “Severny Vestnik” (1891—1898), and N. M. Minsky — one of the largest poets of the older generation of symbolists, dating back to 1887—1898 (the documents are kept in the funds of the RGALI and the Manuscript Department of the IRLI RAS). The correspondence reflects the difficult history of the correspondents’ relationships: the failed attempt to create a mystical “triple” union (with A. Volynsky; 1887—1888); the rupture; the resumption of business and friendly contacts during the years of Minsky’s cooperation in the “Severny Vestnik”. The documents introduced into scientific circulation allow us to focus on the figure of L. Gurevich — the publisher of the first journal of Russian modernism in the years of her formation and aesthetic self-determination; to highlight the non-obvious sides of the biography of N. Minsky; to expand the range of sources for studying the history of journalism and early Russian modernism.

Keywords: L. Ya. Gurevich, N. M. Minsky, A. L. Volynsky; correspondence, history of relations, “Severny Vestnik” (1891—1898), Russian literature of the late 19th century.

Переписка Любови Яковлевны Гуревич (1866—1840) с Николаем Максимовичем Минским (наст. фам. — Виленкин; 1855—1937) отно-

© Павлова М. М., 2024

сится к 1887—1898 гг. — отрезку времени, соединившему в себе две литературные эпохи — пре-символистскую[1] и раннего русского символизма, в становлении которого каждому из них принадлежала не последняя роль. В своей литературной деятельности, мировоззренческой позиции и личных отношениях, что со всей очевидностью эксплицируют публикуемые письма, они предвосхитили жизнетворческие стратегии писателей-символистов следующей формации.

В историю литературы Л. Гуревич, автор ничем не выделявшихся из потока современной беллетристики романа «Плоскогорье» (1897) и сборника «“Седок” и другие рассказы» (1904), вошла как талантливая переводчица, авторитетный критик и театровед; но, прежде всего, как издательница «Северного вестника» (1891—1898) — первого журнала русского модернизма. Историография этого культурного феномена в настоящее время основательно изучена, начиная с давних работ Д. Е. Максимова и П. В. Куприяновского и вплоть до позднейших изысканий Н. А. Богомолова и К. М. Азадовского[2]. Публикуемые письма позволяют сфокусировать внимание непосредственно на фигуре издательницы (в период становления и эстетического самоопределения)[3], а также осветить неочевидные стороны биографии Н. Минского — одного из ведущих поэтов раннего символизма.

---

[1] См.: *Минц З. Г.* «Новые романтики»: к проблеме русского пресимволизма // *Минц З. Г.* Блок и русский символизм: избранные труды: в 3 кн.: СПб.: Искусство — СПб, 2004. Кн. 3: Поэтика русского символизма. С. 162—174.

[2] См.: *Евгеньев-Максимов В.*, *Максимов Д.* Из прошлого русской журналистики. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. С. 85—128; *Куприяновский П. В.* 1) Поэты-символисты в журнале «Северный вестник» // Русская советская поэзия и стиховедение: (материалы межвуз. конф.) / Московский обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской. М.: [б. и.], 1969. С. 125—129; 2) История журнала «Северный Вестник» // Учен. зап. Ивановского пед. ин-та им. Д. А. Фурманова. 1970. Т. 59. С. 51—89. Подробная библиография приведена в кн.: История русской литературы XIX — начала XX века: Библиогр. указ. Общая часть / под ред. К. Д. Муратовой. СПб.: Наука, 1993. С. 402—404; *Богомолов Н. А.* Печать русского символизма: крат. очерк. Saarbrücken, 2012. С. 99—100; в прим. к кн.: *Куприяновский П. В.* «Оглядываюсь на прошлое...»: журнал «Северный вестник» 1890-х годов и его литературная позиция. Воронеж: ИПФ «Воронеж», 2009; из не учтенных там работ назовем: *Павлова М.* «Этот пресловутый плевок в лицо...»: из истории журнала *Северный вестник* // New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz / ed. by Catherine Ciepela and Lazar Fleishman. Stanford, 2014. P. 117—137 (Stanford Slavic Studies; vol. 45); *Богомолов Н. А.* В Ясной Поляне 125 лет тому назад // Русская литература. 2018. № 3. С. 170—180; *Азадовский К. М.* Венский акцент: Федор Сологуб и его переводчик // Там же. 2021. № 1. С. 121—145. *Павлова М. М., Богомолов Н. А.* Из воспоминаний Л. Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья первая // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 8—60. *Павлова М. М.* Из воспоминаний Л. Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья вторая // Там же. № 3 (21). С. 108—154.

[3] Впервые эта тема была затронута в статье Ст. Рабиновича: *Rabinowitz Stanley J.* No Room of Her Own: The Early Life and Career of Liubov' Gurevich // The Russian Review. 1998. № 57. April. P. 236—252.

Письма Л. Гуревич (всего 43) хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома в фонде Н. Минского и З. Венгеровой (РО ИРЛИ, ф. 39, оп. 1, ед. хр. 214), здесь же в фонде Гуревич и журнала «Северный вестник»[4] отложились 11 писем Н. Минского — 1893—1897 гг., в их числе одно 1913 г. (РО ИРЛИ, № 20003); 15 писем Минского 1887—1889 гг. содержатся в личном фонде Гуревич в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 153). Переписка сохранилась не в полном объеме, в ней просматриваются очевидные лакуны (например, отсутствуют корреспонденции за вторую половину 1891-го и 1892 г.).

Взаимоотношения Гуревич и Минского не были ровными и непрерывными, что отразилось на переписке, в которой выделяются два хронологически обособленных периода: первый — период романтической дружбы-влюбленности (1887—1888), когда обмен письмами был наиболее интенсивным; второй (1891—1898) — связанный с сотрудничеством Минского в журнале Гуревич и А. Волынского «Северный вестник».

К ранним корреспонденциям адресантка приложила сопроводительные записки: 1) «Личные письма Н. Минского 1887—1888. Пачка XVIII. Вскрыть не ранее 1935 г.»; 2) «Письма Н. М. Виленкина-Минского, с которым мы были близки одно время осенью 1887 г., когда я только начинала свою литер<атурную> работу, затем разошлись и видались редко до весны 1895 г., когда Минский, заболев острым туберкулезом, уехал под Монте-Карло и, ввиду необходимости срочного отдыха для меня, звал меня туда, как в подходящее климатически место. Вскоре туда приехала и З. А. Венгерова[5], и мы жили в одном отеле — сначала под Монте-Карло, потом в Ospedalletti — около 6 недель, пока я не уехала. Тут мы опять подружились, и я просила Минского по возвращении его в СПб. взять на себя обязанности секретаря “Северного Вестника”, что и осуществилось поздней весной 1895 г. и продолжалось около года. Летом 1895 мы жили с ним и с З. А. Венгеровой вместе на даче в Павловске. Л. Гуревич»[6].

Публикуемый двухсторонний эпистолярий позволяет развернуть этот краткий синопсис, наполнить его событиями и фактами.

Ко времени знакомства с Н. Минским Любовь Гуревич еще только входила в литературу. Дочь известного петербургского педагога

---

[4] Обзор фонда см.: *Гречишкин С. С.* Архив Л. Я. Гуревич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л.: Наука, 1978. С. 3—29.

[5] *Венгерова Зинаида Афанасьевна* (1867—1941) — переводчица, критик и историк западноевропейской литературы; сотрудничала в «Северном вестнике», автор статей о Прерафаэлитском братстве, П. Верлене, Ж. К. Гюисмансе, У. Блейке и мн. др., которые затем вошли в ее двухтомник «Литературные характеристики» (СПб., 1897; 1913); подруга Минского, впоследствии его (третья) жена, официальный брак заключен в 1925 г. в эмиграции в Париже.

[6] РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 153, л. 6.

Я. Г. Гуревича[7] — директора собственной гимназии и реального училища, бестужевка (в 1884—1888 гг. она обучалась на историко-филологическом отделении Высших женских Бестужевских курсов), горячая поборница женской эмансипации, увлекавшаяся «героями подпольной русской революции»[8], «последовательница Конта во всем, что касается знания», как она аттестовала себя в одном из писем к Минскому[9], собиралась продолжить образование в Лейпцигском университете в лаборатории В. Вундта (основателя экспериментальной психологии); ее в равной степени интересовало изучение психологии, философии, истории.

Летом 1887 г. она опубликовала свою первую газетную заметку, посвященную памяти Марии Константиновны Башкирцевой (1858—1884)[10], с творчеством которой ей довелось познакомиться во время пребывания в Париже в 1886 г. Личность рано умершей художницы, одной из предтеч русского декадентства, захватила юную Гуревич. Башкирцева, которую она «возлюбила, как родную душу»[11], стала для нее путеводной звездой, символом независимости и творческой свободы.

В ту пору Минский уже был заметной фигурой в кругу поэтов-восьмидесятников: сотрудник «Северного вестника» А. М. Евреиновой и Н. К. Михайловского (1885—1889) и «Вестника Европы» М. М. Стасюлевича, автор двух поэтических книг (СПб., 1883, тираж уничтожен по распоряжению цензуры; СПб., 1887), ходившей в списках запрещенной поэмы «Гефсиманская ночь» (1884) и нашумевшей статьи «Старинный спор» (1884), вызвавшей осуждение в народническом лагере за отход автора от идеалов гражданственности и апологию «чистого искусства»[12].

---

[7] *Гуревич Яков Григорьевич* (1841—1906) — историк, педагог, благотворитель; с 1883 г. директор учебного заведения, получившего его имя — Гимназия и Реальное училище Гуревича; с 1890 г. редактор журнала «Русская школа»; профессор.

[8] *Гуревич Л.* История «Северного Вестника» // Русская литература XX века / под ред. проф. С.А. Венгерова. М.: изд. т-ва «Мир», 1915. Ч. I. Т. II. С. 236.

[9] См. п. 2, с. 287 наст. изд.

[10] *Башкирцева Мария Константиновна* (1858—1884) — художница, автор дневника; одна из предтеч русского декадентства. Л. Я. Гуревич посвятила ей несколько работ: «Памяти М. Башкирцевой» (Новости и Биржевая газета. 1-е изд. 1887. 11 июля), «М. К. Башкирцева (биографическо-психологический этюд)» (Русское богатство. 1888. № 2. С. 73—122). Гуревич перевела и опубликовала полученный от родственников художницы ее дневник (Северный вестник [далее: *СВ*]. 1892. № 1—12), впоследствии неоднократно переиздававшийся.

[11] *Гуревич Л.* История «Северного Вестника» // Русская литература XX века / под ред. проф. С. А. Венгерова. С. 237.

[12] Статья Минского «Старинный спор» (опубл.: Заря (Киев). 1884. 29 авг. № 193. С. 1) спровоцировала полемику вокруг проблемы «чистого искусства». Михайловский в «Заметках о поэзии и поэтах» (март 1888 г.) порицал Минского и И. Ясинского, инициировавшего полемику, за эстетизм и отказ от идеалов общественного служения (*Михайловский Н. К.* Собр. соч. СПб.: ред. журн. «Русское бо-

Для поколения Гуревич поэт был несомненным авторитетом. «Не понимаю, почему в восьмидесятых годах Надсон так затмил Минского, — вспоминал В. В. Вересаев (ровесник Гуревич). — Надсон, бесспорно, был лиричнее, задушевнее, доступнее Минского. Но Минский был глубже, мужественнее и гораздо полнее отражал настроения эпохи. Особенно в больших своих поэмах: “Белые ночи”, “Песни о родине”, “Гефсиманская ночь”. Минский почему-то не спешил издавать сборника своих стихов, мы их разыскивали в старых книжках “Вестника Европы” и “Русской мысли”»[13].

«Я познакомилась с Минским в 1887 г., — рассказывала Гуревич в письме к Э. Мешингу[14]. — Ему было тогда за тридцать, и репутация его как талантливого поэта была уже очень значительна. Еще в гимназии я переписывала его стихи, запрещенные цензурою и ходившие по рукам в списках[15]: он был известен как поэт-радикал, поэт гражданской и мировой скорби. Я представляла его себе высоким, бледным, грустным... Однажды — мне было тогда 20 лет — я пришла в дом Давыдовой[16], где организован был кружок для чтений рефератов и где собирался tout Petersburg — литературный и музыкальный. Я пришла, чтобы сообщить тему своего реферата. Войдя в комнату, я увидела m-me Д<авыдову>, полулежащую на кушетке, а в ногах у нее маленького господина, наружность которого крайне неприятно поразила ме-

---

гатство», 1897. Т. 6. С. 590—610). Подробнее см.: *Минц З. Г.* Статья Н. Минского «Старинный спор» и ее место в становлении русского символизма // *Минц З. Г.* Блок и русский символизм: избранные труды: в 3 кн. Кн. 3. С. 150—161.

[13] *Вересаев В. В.* Литературные воспоминания // *Вересаев В. В.* Собр. соч.: в 5 т. / подг. текста и прим. В. М. Нольде и Ю. У. Бабушкина. М.: Правда, 1961. Т. 5. С. 264, 267—268 (гл. «В студенческие годы»).

[14] *Мешинг Эдгар Иванович* (Mesching Edgar; 1875—1933) — близкий друг Л. Я. Гуревич (они познакомились в 1898 г. по переписке); из прибалтийских немцев; изучал философию и экономику в Берлинском и Цюрихском университетах; в нач. 1890-х гг. обосновался в Петербурге, служил в качестве корреспондента немецкой газеты «Frankfurt Zeitung», сотрудничал в «St. Petersburger Zeitung» — главной газете российских немцев; в круг его интересов, наряду с политикой, входили литература, искусство, театр. См. о нем: Забытые воспоминания Э. Мешинга о Ф. Сологубе / публ. С. Исакова // Блоковский сборник XVII: Русский модернизм и литература XX века. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006. С. 233—238.

[15] Имеются в виду поэмы — «Последняя исповедь» (1879), опубл. в нелегальной газете «Народная воля» (1879. 1 окт., с посвящением: «казненным»), а также «Гефсиманская ночь» (1884), публикация которой предполагалась в шестой книжке «Вестника Европы» 1884 г., но была запрещена Комитетом духовной цензуры; текст поэмы ходил в бесчисленных списках, впервые (под заглавием «Искушение»): Пушкинский сборник, 1799—1899. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1899.

[16] *Давыдова* (урожд. Горожанская) *Александра Аркадьевна* (1849—1902) — издательница журнала «Мир Божий», жена выдающегося виолончелиста, директора С.-Петербургской консерватории К. Ю. Давыдова, хозяйка народнического салона; в 1885—1889 гг. секретарь «Северного вестника» (в эти годы выходил под редакцией А. М. Евреиновой).

ня: узкие, маслянистые черные глаза, приплюснутый нос, малиновые щеки, черные волосы — как у негра, бородка каким-то неопрятным клочком... Он сейчас же стал очень неприятно смотреть на меня в упор. “Минский!” — сказала Д<авыдова>, представляя его мне. Я едва поверила и не решалась смотреть на него. Д<авыдова> спросила меня, о чем я буду читать. “О Гамлете. У меня есть на него свой взгляд!” — важно заявила я. Минский вдруг рассмеялся: “Вы? О Гамлете? Извините, — сколько Вам лет? 16 исполнилось?..” И он расхохотался, не переставая извиняться. “Во-первых, мне не 16, а уже 20 лет, — ответила я с некоторой досадой, — а во-вторых, — чего ж смеяться?..” — “Извините, я слышал о Вас, но никак не думал, что Вы смотрите таким ребенком...” Я посмотрела на него, подумала, что это — Минский и тоже расхохоталась изо всех сил. Он обиделся и спросил, чего я смеюсь? Я отвечала сквозь смех: “Тому, что Вы — Минский и что Вы — такой! О, вот я не ожидала! Я думала, что Вы — высокий, бледный, а Вы...” И мы хохотали друг над другом.

Через год он пришел ко мне вместе с Ф<лексером>»[17].

Сближение с Минским и его товарищем Акимом Львовичем Волынским[18] (наст. имя — Хаим Лейбович Флексер; 1863—1926) — в те годы начинавшим свою критическую деятельность публикациями в журнале «Восход» А. Е. Ландау и «Северном вестнике»,[19] предопределило жизненный путь Гуревич на ближайшее десятилетие, способствовало расширению ее литературных знакомств, шлифовке эстетических взглядов и культурных предпочтений, которыми она впоследствии руководствовалась в формировании портфеля «Северного вестника».

Первое письмо Минского датировано 29 сент. 1887 г., а уже через несколько дней он писал ей: «Судьба послала мне Ф<лексера> и Вас,

---

[17] Письмо Гуревич к Мешингу от мая 1898 г.: Русские Modernen — Зинаида Гиппиус и Николай Минский (из писем Любови Гуревич к Эдгару Мешингу) / вступ. ст. и комм. М. М. Павловой и С. Рабиновича; подг. текста М. М. Павловой и К. В. Яковлевой // Русская литература. 2010. № 2. С. 112.

[18] Минского и Волынского связывали теплые дружеские отношения, см. письма Минского к Волынскому (1888—1894): РГАЛИ, ф. 95, оп. 1, ед. хр. 39; ответные (1886—1895): РО ИРЛИ, ф. 39, оп. 1, ед. хр. 363. Отдельные фрагменты писем Минского опубл.: Ранние символисты: Н. Минский, А. Добролюбов. Стихотворения и поэмы / вступ. ст., подг. текста, прим. А. А. Кобринского и С. В. Сапожкова. СПб.: Акад. проект, 2005. С. 46—47 и др. (Новая Библиотека поэта), далее сокращенно: *БП*, с указанием страницы.

[19] Ранние статьи Волынского были посвящены еврейской тематике и печатались в русско-еврейских журналах «Рассвет», «Русский еврей» и «Восход»; он был автором и одним из редакторов антологии «Палестина» (СПб., 1884). См: *Векker Б.* Библиография трудов А. Л. Волынского // Памяти Акима Львовича Волынского: сборник под ред. П. Н. Медведева. Л.: Изд. С. П., 1928. С. 83—84. Обзор публикаций этого периода см.: *Толстая Е. Д.* Бедный рыцарь: интеллектуальное странствие Акима Волынского. М.: Мосты культуры, 2013. С. 18—30.

когда я наглухо застывал в своей раковине, в полной уверенности, что померкло для меня солнце любви и месяц дружбы. <...> Даже не понимаю, как бы я теперь мог жить без Ф<лексера> и Вас. С Ф<лексером> я вижусь часто, почти ежедневно, с Вами так часто видеться нельзя» (п. 5).

По инициативе Минского они устроили кружок для совместных занятий философией и обсуждения вопросов современной литературной жизни, собирались два раза в неделю у Гуревич. «Они оба были так различны и оба, казалось, так близки мне, — вспоминала она впоследствии. — Волынский был всего на три года старше меня, но сразу внушил мне особенное уважение своей философской образованностью, беспощадным умом, равнодушием ко всему житейскому, суровым аскетическим образом жизни. <...> Минский, уже не первой молодости, был горячий и зыбкий. Я сразу ощутила его недостатки, но полюбила его ум и талант»[20].

Между членами кружка установились тесные доверительные отношения — Гуревич посылает им обоим страницы из своего интимного дневника, Минский пересказывает Волынскому содержание полученных от нее писем, Волынский читает письма Минского, адресованные ей, и подсказывает содержание ответных (своего рода опыт десакрализации интимного текста — характерный для будущей символистской культуры).

В короткое время интеллектуальный союз трех преобразовался в любовный треугольник. Минский переживал страстную, требовательную влюбленность в Гуревич, протестуя против ее аскетического канона безбрачия (отказа от Эроса). Она же видела в нем духовного наставника («педагога»), отдавая предпочтение Волынскому, который отвечал ей взаимностью, разделяя в душе идеал девства[21]. В те же осенние месяцы 1887 г. начался их многолетний «белый» роман («Я люблю тебя до сумасшествия, — писал он Гуревич, — как свои высшие идеалы, как то свое призванье, на алтарь которого я приношу всего себя со всеми моими надеждами и порывами. Если моя любовь

[20] *Гуревич Л.* История «Северного вестника» // Русская литература XX века / под ред. проф. С. А. Венгерова. М.: изд. т-ва «Мир», 1915. Ч. I. Т. II. С. 238.

[21] История платонической любви-дружбы Волынского и Гуревич запечатлелась в их переписке: РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 104—106. Волынский был женат ранним браком на Теме Угер, от которой имел сына (умер в младенчестве) и дочь (Мэри Акимовна Зеликина, урожд. Флексер; 1887—1953); официальный развод состоялся в 1896 г. О взаимоотношениях Гуревич и Волынского см.: *Павлова М. М.* Из воспоминаний Л. Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья вторая // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 112—115 (запись Л. Я. Гуревич «Милые воспоминания»); в мемуарно-критическом очерке Волынского «Запоздалая друидесса» (1923): *Волынский А. Л.* Русские женщины / предисл., комм., публ. А. Л. Евстигнеевой // Минувшее: исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. Вып. 17. С. 249—250 (впервые: Жизнь искусства. 1924. № 6 (930). С. 17—19).

тебе нужна, то знай, что нет во мне теперь чувства глубже этой любви»[22]).

«Тройственный» или «мистический» союз, как назвал его Минский[23], — самый ранний и непродолжительный триангулярный союз в истории русского модернизма[24], распался. Волынский, осуждавший Минского за разрыв с Гуревич, в то же время писал ей: «...несомненно, что Минский “влюблен” был взаправду. Только отчего же *ты* не полюбила его? Где разгадка любовных капризов? И почему судьбе понадобилось нас соединить узами привязанности — точно наперекор нашим анахоретским тенденциям! Я вижу перст Бога — все идет наперекор воле человека. Ты собираешься жить один-одинешенек, так вот же и нет: на тебе Любу, а Любе на Флексера, и не бывать Вашему одиночеству. Разве это не перст Всевышнего? Но я рад, я счастлив. Не могу себе даже представить, как бы я жил теперь без тебя»[25].

«Conte d’amour» и пережитое Гуревич разочарование в Минском во всех подробностях запечатлелись в переписке с ним 1887—1888 гг. и ее дневниковых записках[26].

Десять лет спустя в письме к Э. Мешингу она подвела черту под этой историей: «Они ходили очень часто, чуть не ежедневно, и я узнала Минского с совершенно другой стороны. На короткое время он поразил мое воображение своим духовным томлением, <*приписка вверху листа:* * Как раз в это время, осенью 1887 г., вышло собрание его стихотворений, в кот<ором> мне было очень близко по духу его стихотв<орение> “Как сон пройдут дела”, новое для меня>; своим едким и в своем роде глубоким умом и своей дерзкой страстностью в отношениях с женщинами. В этой страстности было, однако, какое-то утомление, слова его были одновременно жгучи и рассудочны, слегка риторичны. Я чувствовала в нем “испорченного” человека, которому многие много позволяли. Я пробовала сделать его своим другом, получить от него помощь духовную, п<отому> ч<то> я была страшно взволнована философскими и психологическими вопросами, не зна-

[22] РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 104, л. 131—132.

[23] Идея мистического тройственного союза предположительно восходит к роману О. де Бальзака «Серафита» (1835; в рус. пер.: 1891; в собр. соч. Бальзака вошел в том, озаглавленный «Мистическая книга»); подробно об этом источнике см.: *Блинова О. А.* «Серафита» Оноре де Бальзака и концепт тройственного союза у Гиппиус и Мережковского // Мережковские и Европа / под общ. ред. В. В. Полонского, ред.-сост.: Е. А. Андрущенко, О. А. Блинова, В. М. Введенская. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 151—172. Роман мог быть известен Минскому — в 1879—1880 гг. он жил в Париже в качестве учителя детей банкира бар. Г. О. Гинцбурга.

[24] Тема «тройственных» союзов подробно освещается в монографии О. Матич «Эротическая утопия. Новое религиозное сознание и fin de siècle в России» (М.: Новое лит. обозрение, 2008). С. 202—218 и др.

[25] РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 104, л. 135.

[26] Подробные записи Гуревич за осень 1887 г. о взаимоотношениях с Минским и Волынским см.: Там же, ед. хр. 29, 31.

ла, что делать с собою. <...> Через полгода он прервал знакомство со мною, совершенно недовольный, даже оскорбленный. Другие люди заслонили его от меня. В последнем письме, в котором он говорит о том, что прервет знакомство со мною, он писал про себя характерные слова: “Я, действительно, уродливое приземистое дерево, однако, на этом дереве растут не совсем обыкновенные плоды”[27]. <...> Он сам говорит, что *долго* способен любить только такую женщину, которая презирала бы его за его уродство (ибо — чего уж она стоит если не видит этого уродства?), и в то же время умела бы отравить его пресыщенные нервы, его кровь “вызывающим” поведением. <...> Неприятно и тяжело видеть, как мало благородства у этого талантливого, тонкого, умного человека во всем том, что требует деликатности, искренности и мужества. Увы, он тоже принадлежит к “всеядным”. Настоящий Moderne! Как он жалок во всех случаях, когда нужно разрешить человечный вопрос. Как легко мысль его обращается на “старые” пути, когда нужно найти жизненный выход из того или другого положения»[28].

Содержание переписки 1887—1889 гг. не исчерпывается романтическим сюжетом, в ней также слышны отголоски литературных событий, прежде всего, газетно-журнальной полемики вокруг сборника «Стихотворений» Минского, вышедшего в начале октября 1887 г. Книга была встречена по преимуществу негативными и сдержанными отзывами как со стороны народнической и либерально-демократической печати, так и охранительной[29]. Одни не могли простить Минскому статьи «Старинный спор», другие переводили обсуждение в национальную плоскость — открыто или завуалированно протестовали против нарождавшейся русско-еврейской культуры, проникновения в отечественную литературу «инородческого» элемента.

Обе тенденции в той или иной степени сказались в рецензии А. М. Скабичевского (Новости и Биржевая газета. 1887. 5 нояб. № 304. С. 2). Обозревая книгу Минского, заслуженный критик снисходительно аттестовал его поэтиком-лилипутиком, с «претензией на титанизм» («Да не огорчится г. Минский, если я его считаю не поэтом, а поэтиком. <...> цель — искреннее желание принести г. Минскому посильную пользу с своей стороны: самая же большая услуга, какую я в силах оказать ему, это довести его до истинного самосознания относительно своих сил» и т. д.). В ответ Минский отправил в редакцию газеты «Открытое письмо» с требованием публичного извинения. Фрагмент этого письма Скабичевский привел в следующей статье (Там же. 12 нояб. № 311. С. 2). Продолжая тему «лилипутской» поэзии, он заявил, что Минский, не в пример недавно ушедшему Надсону

[27] Цитата из письма Минского к Гуревич от 22 нояб. 1887 г., см. с. 333 наст. изд.

[28] Русские Modernen — Зинаида Гиппиус и Николай Минский (из писем Любови Гуревич к Эдгару Мешингу). С. 116—117.

[29] Обзор критических откликов см.: *БП.* С. 340—344 (комм. С. В. Сапожкова).

(умер 31 янв. 1887 г.), имевшему некоторое основание со временем стать настоящим поэтом, никогда не приблизится к русскому Пантеону, а в заключение поставил ему на вид участие в дискуссии о задачах науки и искусства, инициированной И. Ясинским в киевской газете «Заря» (июль—август 1884 г.), и статью «Старинный спор»: Минский «...провел ту доблестную идею, что поэты не нуждаются ни в каких науках, потому что искусство куда выше всех наук: ученые только и делают, что изучают наш тленный мир; поэты же творят новые миры; что же касается критиков, то не они создают поэтов, а, напротив, поэты вызывают критиков; и поэтому критики, дерзающие предписывать поэтам какие-либо законы, уподобляются яйцам, учащим куриц. <...> Этот фельетон г. Минского очень пришелся по душе большинству молодых поэтиков, плохо в детстве учащихся и потому не питающих уважения к наукам. <...> все они в точности выполняют завет г. Ясинского и г. Минского: они не только не признают никакого направления, но для них не существует никаких законов, ни эстетических, ни нравственных» и т. д. Филиппики Скабичевского подхватили зоилы из «Гражданина» и «Нового времени»[30]; 13 ноября возмущенный Минский вновь писал ему: «Только что прочем фельетон Буренина: “Теперь г. Скабичевский произнес именно то, что я всегда говорил”. Поздравляю Вас. Тем более что Буренин вполне прав»[31].

В полемику включился Волынский («Два слова о “жидовстве” в русской литературе»: Недельная хроника «Восхода». 1887. № 47. 22 нояб.), немногим позднее Скабичевскому ответил Н. К. Михайловский (Северный вестник. 1888. № 1. Отд. II. С. 120—140). Этот, во многих отношениях знаковый, историко-литературный сюжет заслуживает отдельной публикации[32], здесь мы его разворачивать не имеем возможности (необходимые пояснения даны в комментариях к переписке). Отметим только, что еще до начала полемики Волынский поддержал книгу товарища двумя положительными рецензиями, в которых назвал его библейские поэмы «Вавилонское столпотворение» и «Прокаженный»[33] «лучшими созданиями молодой русской поэзии»[34].

---

[30] Литературное обозрение // Гражданин. 1887. 12 нояб. № 43. С. 3: подпись: *Кр.* — см. прим. 2 к п. 22; *Буренин В.* Критические очерки: Скандал, шарлатанство, психопатия // Новое время. 1887. 13 нояб. № 4206. С. 2. *Буренин Виктор Петрович* (1841—1926) — литературный и театральный критик; ведущий публицист «Нового времени», известный своими фельетонами и пародиями на современных писателей, главным образом, модернистов.

[31] РО ИРЛИ, ф. 282, оп. 2, ед. хр. 136, л. 3.

[32] Подробно см.: *Павлова М. М.* Заложник «Старинного спора»: вокруг «Стихотворений» (1887) Н. Минского // Русская литература. 2024. № 4.

[33] *Волынский А.* Библия в русской поэзии. Этюд второй // Восход. 1887. № 9. С. 64—74; *Б. п.* <*Волынский А.*> Заметки литературные, художественные и др. // Недельная хроника «Восхода». 1887. № 43. 25 окт. С. 1090.

[34] *Волынский А.* Библия в русской поэзии. Этюд второй // Восход. 1887. № 9. С. 74.

В оценке индивидуальной манеры Минского (как ее достоинств, так и недостатков) Волынский выказал глубокое проникновение в его поэтический мир, а выстраивая линию «защиты», продемонстрировал вполне сложившийся взгляд на «старую» критику. В ответ на пасквиль Скабичевского он заявил: «У Минского, с точки зрения господствующих теперь общественных и литературных нравов, два крупных недостатка. Во-первых, он еврей, и, во-вторых, он серьезен. Быть евреем — это у нас теперь большое несчастье. Талант, ум, образование — ничто не извинит вам теперь вашего “происхождения”. Широкие гражданственные и нравственные понятия — это такой вздор, который современный, в особенности петербургский интеллигент презирает со всею возможной искренностью, от всей своей изношенной и выдохшейся души. Скандал, оперетка, легкая музыка трактирного органа, пошлая мазня газетных порнографов — вот чем собственно занимают теперь несчастного русского читателя. И вдруг среди этой серой публики газетных литературщиков появляется человек *еврейского происхождения*, с горячим словом, с умом, воспламененным более или менее возвышенными стремлениями, — как тут не завопить: ату его! Фраза! Караул! Вольтерьянство! <...> Как еврей, Минский — прежде всего индивидуалистичен, и это мешает ему уловить господствующий тон, ходячие тенденции, приспособиться к дирижирующим понятиям и взглядам. Толпа требует, чтобы поэты воспевали ее мимолетные интересы и желания, а Минский на все шаблонные запросы отвечает словами, полными высокого, философского разочарования. <...> По своему душевному и умственному развитию, Минский целою головой выше всей этой кишащей кругом литературной мелкоты, этих Андреевских, Апухтиных[35], ретиво и убежденно воспевающих цыганские нравы и шансонетную добродетель» и т. д.[36]

Гуревич также старалась поддержать Минского: «Не судите о мнении публики по словам Скабичевского: из публики всякий, достойный называться человеком, много перерос г<осподи>на “рецензента”. Нет, довольно о нем, его и его статьи надо предать забвенью, сейчас я изжарю его статью в печке, чтоб она никому не попадалась на глаза» (п. 20, 12 нояб. 1887 г.).

Взгляд Гуревич на стихи Минского со временем менялся: от некритического юношеского чтения «взахлеб» — к более отстраненному и неоднозначному («...удивляет меня: отчего так немногие из этого

[35] *Андреевский* Сергей Аркадьевич (1847—1918) — поэт, литературный критик; юрист по профессии, автор единственного поэтического сборника «Стихотворения» (СПб.: тип. А. С. Суворина, 1886; 2-е изд.: 1898); *Апухтин* Алексей Николаевич (1840—1893) — поэт, прозаик; в 1886 г. выпустил свой первый сборник («Стихотворения»).

[36] *Волынский А.* «Два слова о «жидовстве» в русской литературе»: Недельная хроника «Восхода». 1887. № 47. 22 нояб. С. 1189—1190. Высокую оценку поэтического творчества Минского Волынский повторил в рецензии на 2-е изд. книги: Живописное обозрение. 1888. № 35. С. 142—143.

отдела Ваших стихов так действительно сильны? Почему во многих из них вместо палящей жгучей жажды чувствуется только “унынье и бессилье”»? — п. 10, 21 окт. 1887 г.). Наиболее взвешенную оценку его поэзии она сформулировала в письме к Э. Мешингу 1898 г., когда в арсенале Минского было три поэтических сборника (третий вышел в 1896 г.): «Уже в тот период <1887> он выпустил книжку стихов, в которых были новые, тогда еще совсем чуждые русскому обществу мелодии. В них был философский полет, настоящая Sehnusucht[37] современного человека. За некоторые отдельные стихотворения в этом роде можно было простить ему риторику других стихов, холодность и рассудочность чисто лирических излияний. <...> Уже более 10 лет Минский совершенно порвал связь со своим радикальным и гражданским песнопением и открыто заявил это в одном стихотворении, которое навлекло на него бурю печатных попреков[38]. Во всех его произведениях светится очень тонкая умная мысль, тоска мысли, мечта мысли. В них мало непосредственного чувства и даже его “любовные” стихотворения нельзя назвать лирическими. Некоторые его поэмы, напр<имер> “Свет правды”, полны ярких красок и поэтических описаний, но суть — все-таки в его оригинальной, “мэонической” философии[39]. В мелких произведениях чувствуются, как у истинно-талантливого поэта, все особенности его натуры — этой уродливой натуры, дающей “не совсем обыкновенные плоды”. Безволие, чувственное утомление вместе с легкою возбудимостью, неспособность к каким-либо человечным глубоким привязанностям вместе с истинно-поэтическою свободою от всего буржуазного, огромное самолюбие вместе с сознанием своего уродства»[40].

Интеллектуальный заряд, полученный от дружбы с Минским и, главным образом, с Волынским, подтолкнул Гуревич, с юности мечтавшую о собственном журнале, к активным действиям. В 1890 г. по инициативе Волынского она вошла в группу пайщиков во главе

---

[37] Sehnusucht (*нем.*) — стремление, томление, тоска.

[38] Имеется в виду программное стихотворение Минского «Вакханкой молодой она ко мне вошла...», открывшее вторую книгу стихов (1887): поэт избирает из трех посетивших его Муз (Любовь, служение народу, жажда Истины) — третью. Стихотворение было воспринято демократической критикой (Н. К. Михайловским, Л. Е. Оболенским и др.) как отход автора от народнических идеалов; подробный обзор откликов см. в комм. С. В. Сапожкова: *БП*. С. 340—344.

[39] Опубликованные в «Северном вестнике» религиозно-философская драматическая поэма «Свет правды. Индийская легенда» (1892. № 12), поэмы «Город смерти» (1894. № 11), «Холодные слова. Рождественская фантазия» (1896. № 1), «У отшельника» (1896. № 2) продолжают линию так называемой мэонической поэзии Минского.

[40] Письмо Гуревич к Мешингу от мая 1898 г.: Русские Modernen — Зинаида Гиппиус и Николай Минский (из писем Любови Гуревич к Эдгару Мешингу). С. 117.

с Б. Б. Глинским[41], выкупивших у А. М. Евреиновой «Северный вестник» (5000 руб. на вступительный взнос ей дал отец), а через год, одолжив у дяди по матери Н. И. Ильина[42] 15 000 руб., выкупила доли других пайщиков и приобрела права на исключительное владение журналом, став его единоличной издательницей. «Северный вестник» Гуревич и Волынского (главного идеолога обновленного издания) открыл двери писателям-модернистам, не имевшим собственной площадки и подвергавшимся травле со стороны критиков «толстых» журналов и «Нового времени»; взял курс на знакомство читательской аудитории с новейшими течениями молодой русской и западноевропейской литературы (ближайший круг редакции составили Минский, Д. Мережковский, З. Гиппиус, З. Венгерова, Ф. Сологуб)[43].

Минский был одним из наиболее привечаемых сотрудников «Северного вестника», где гостеприимно печатали его стихи и переводы[44]. (Летом 1891 г., после почти двухлетнего перерыва, возобновилась его переписка с Гуревич.) В отличие от авторов, выражавших возмущение хронической невыплатой и задержкой гонораров, он не предъявлял к редакции претензий, поскольку был в курсе реального положения дела. Приобретая права на издание, неопытная Гуревич унаследовала все имевшиеся на журнале А. М. Евреиновой долги, преумноженные Глинским в короткий период его редакторства (1890—1891), которые выплатить ей было не под силу. «Северный вестник» издавался за счет внутренних ресурсов и денег подписчиков, займов и единовременных пожертвований.

Сочувствие Минского к делу единомышленников способствовало возобновлению товарищеских контактов. В мае 1895 г. по просьбе Гуревич он взял на себя обязанности литературного секретаря «Северного вестника».

---

[41] *Глинский Борис Борисович* (1860—1925) — журналист, публицист, мемуарист; товарищ Волынского по университету; «Северный вестник» был куплен в 1890 г. у А. М. Евреиновой тремя пайщиками (Глинским, Волынским и Гуревич), Глинский в 1890—1891 гг. — редактор «Северного вестника», в 1891 г. вышел из журнала вследствие несогласия с гегемонией Волынского в формировании редакционного «портфеля»; постоянный сотрудник журнала «Исторический вестник», с 1913 г. его редактор.

[42] *Ильин Николай Иванович* (1837—1907) — дядя Л. Я. Гуревич по матери, инженер-полковник, совладелец «Общества Московско-Рязанской железной дороги» — был человеком состоятельным, в 1890-х гг. приобрел усадьбу Быково у И. В. Воронцова-Дашкова; дядя философа И. А. Ильина, приходящегося Гуревич двоюродным братом.

[43] Подробно о переходном периоде (1891—1894) и борьбе Гуревич и Волынского за самоопределение и направление журнала см.: *Куприяновский П. В.* «Оглядываюсь на прошлое...»: журнал «Северный вестник» 1890-х годов и его литературная позиция. С. 36—41.

[44] См.: *Сапожков С. В.* 1) Библиография Н. М. Минского. Часть 1 (Литературный факт. 2019. № 1 (19). С 382—406); Части 2, 3 (Там же. 2021. № 2 (20). С. 333—370); 2) Поэзия и судьба Николая Минского // *БП*. С. 45—50.

Воссоединению предшествовал приезд Гуревич в Монте-Карло, где поэт лечился от туберкулеза (в письме от 25 янв. 1895 г. Венгерова доверительно просила ее: «...Вы говорили мне, что будете на Ривьере, в Ницце, и навестите Минского. Так вот, не смогли ли бы Вы также повидаться с врачом, который лечит его, и узнать от него истинное положение здоровья Николая Максимовича? Вы бы оказали этим большую услугу петербургским знакомым и друзьям Минского. Вы, быть может, знаете д-ра Эльсница[45] в Ницце. От него легче всего было бы узнать, так как он, кажется, видал Минского и к тому же имеет репутацию хорошего врача. <...> Жду от Вас несколько слов об этом»[46]).

Из Монте-Карло Гуревич совместно с Минским и присоединившейся к ним по пути З. Венгеровой предприняла поездку по Италии. Несомненно, она делилась с ними издательскими планами, обсуждала редакторский портфель и курс журнала (тогда же на несколько дней съездила в Париж к матери М. Башкирцевой и привезла переписку художницы с Мопассаном, которая была напечатана в ноябрьском номере «Северного вестника» за 1895 г.). Незадолго до возвращения в Россию, Минский писал Гуревич: «Продолжаю здесь изучать живопись 15 века, читаю о людях того времени и все с бóльшим изумлением открываю общие черты между тем временем и нашим. Вы себе представить не можете, насколько Вы и Аким Львович связаны с ренессансом. И мне кажется, что в этом залог Вашего близкого и большого успеха, в котором я ни на минуту не сомневаюсь» (п. 55; 7 мая 1895 г.).

Положение Минского в журнале было прочным, однако в период его секретарства в редакции произошел инцидент, повлиявший на его дальнейшие отношения с Гуревич; в переписке о происшествии не упоминается (разве что между строк: «скандалы остановили подписку» — п. 63; февраль 1896 г.). О причастности Минского к скандалу, спустя два года, она рассказала в письме к Мешингу: «Однажды случилось, что он по оплошности и неопытности сделал ошибку в литерат<урном> деле, ошибку, за которую сделался ответственным другой, не захотевший снять с себя ответственность и не назвавшей его имени. Он сам тоже сохранил молчание о своей вине. Мы не обменялись по этому поводу ни одним словом, но с тех пор он озлобился против меня и говорил обо мне совсем уж плохие и несправедливые вещи»[47].

---

[45] *Эльсниц Александр Леонтьевич* (*Людвигович*; 1849—1907) — революционер-шестидесятник; с 1871 г. в эмиграции в Швейцарии, примкнул к группе М. А. Бакунина; обучался на медицинском факультете Московского и затем Женевского университетов; впоследствии отошел от революционной деятельности; занимался медицинской практикой, сотрудничал в журналах «Дело», «Вестник Европы» и др.

[46] РО ИРЛИ, № 19841, л. 1.

[47] Русские Modernen — Зинаида Гиппиус и Николай Минский (из писем Любови Гуревич к Эдгару Мешингу). С. 118.

История, о которой идет речь, получила громкую огласку в литературных кругах, усугубив эпатажную репутацию «Северного вестника». 5 февр. 1896 г. в редакцию явился Н. Н. Шелгунов-младший (сын известного писателя)[48] и потребовал к ответу Волынского; получив отказ, он оскорбил Гуревич действием: плюнул ей в лицо. Поводом девиантного поступка послужила некорректная публикация в февральской книжке журнала «Воспоминаний» Н. А. Тучковой-Огаревой[49]: по редакционному недосмотру в ней были раскрыты имена, скрытые мемуаристкой за криптонимами.

Слухи о происшествии молниеносно разошлись по Петербургу. 16 февр. 1896 г. В. Г. Короленко сообщал жене: «В нашем литературном мирке — эпизод из скандальной хроники. В “Северном вестнике” напечатаны в феврале воспоминания Тучковой-Огаревой, и в них разоблачены любовные истории Шелгуновой. Шелгунова теперь жива, ее сыновья все это читают[50], вообще гадость необыкновенная. Один из этих сыновей явился в редакцию и спросил Флексера. Вышла m-lle Гуревич и сказала, что его нет, а она может ответить за него. Тогда Шелгунов плюнул ей в лицо! Конечно, напечатана гадость ужасная, но и этой бедной Гуревич досталось в чужом пиру похмелье <...>»[51].

---

[48] *Шелгунов Николай Николаевич* (1864—1909) — мичман Балтийского флота. В 1885—1886 гг. входил в кружок так называемых «милитаристов», выступавших с программой антитеррористической военной организации; в июне 1887 г. был арестован и приговорен к каторге на 8 лет, которая ввиду «чистосердечного раскаяния» была заменена службой солдатом в строю; в дальнейшем отошел от революционного движения. См.: *Селиванов В.* Моряки-народовольцы. 2-е изд. М.: изд-во Всес. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1931; *Брагинский М. А.* Из воспоминаний о военно-революционной организации (1884—86) // Народовольцы 80-х и 90-х годов: (сб. статей под ред. А. В. Якимовой-Диковской и др.). М.: изд-во Всес. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1929. Отец — *Шелгунов Николай Васильевич* (1824—1891) — известный публицист, писатель, участник революционно-демократического движения 1850—1860-х гг., сподвижник Чернышевского, Писарева, М. Михайлова; в 1861—1863 гг. находился в заключении в Петропавловской крепости.

[49] «Воспоминания» *Натальи Алексеевны Тучковой-Огаревой* (1829—1913) впервые были напечатаны в «Русской старине», главы I—IV: 1890. Кн. X; главы VII—XIV: 1894. Кн. IX, XI, XII. Главы X—XVII были напечатаны в «Северном вестнике» (1896. Кн. II, III, IV); глава «1871 год» в журнале «Печать и революция» (1925. Кн. V—VI). Первое отд. изд.: *Тучкова-Огарева Н. А.* Воспоминания, 1848—1870. М.: изд-во М. и С. Сабашниковых, 1903.

[50] *Шелгунова* (урожд. Михаэлис) *Людмила Петровна* (1832—1901) — переводчица, жена писателя Н. В. Шелгунова, автор книги «Из далекого прошлого» (СПб., 1901); у Шелгуновой было трое детей: Михаил (1861—1897) — сын М. Л. Михайлова, Николай — сын А. А. Серно-Соловьевича, Людмила (1870—1942) — дочь Н. В. Шелгунова, в замуж. Лукина.

[51] Литературное наследство. Т. 107: Журнал «Русское богатство» Н. К. Михайловского: из переписки членов редакции, авторов и современников, 1890—1903 / сост. М. Г. Петрова и М. В. Строганов. М.: ИМЛИ РАН, 2022. Кн. I: 1890—1899. С. 383.

17 февр. 1896 г. А. С. Суворин записал в дневнике: «В “Северном Вестнике” печатает Тучкова-Огарева свои воспоминания. В февральской книжке, стр. 87—89, она рассказывает о Ш. (Шелгуновой), которая бросила мужа, сошлась с С. С. (Серно-Соловьевич), от которого родила сына[52], и этого сына отправила к мужу, потом и С. С. посадила в дом умалишенных. Шелгунова названа буквою Ш., Серно-Соловьевич — С. С., но в выноске — полной фамилией, а потом и титле, стр. 88, тоже полной фамилией. Сама Шелгунова умна, сын ее тоже умен. Он пошел к Л. Я. Гуревич, резко объяснился с ней и плюнул ей в лицо»[53].

Чтобы пресечь пересуды и предотвратить дуэль (один из братьев Гуревич намеревался драться с Шелгуновым), она была вынуждена поместить в «Новом времени» «Письмо в редакцию»[54] с подробным рассказом о происшествии. Гуревич стоически выдержала удар, однако ее не переставали третировать, сводя счеты за направление журнала и статьи ее alter ego — А. Волынского (прежде всего, за серию очерков о журналистике и критике 60-х гг.[55], ударивших по догматическому утилитарному взгляду на литературу корифеев либерально-народнического лагеря). В архиве Гуревич сохранились адресованные ей письма с обвинениями, угрозами и оскорблениями, среди которых немало анонимных, а также (немногочисленные) в поддержку[56] — свидетельство общественной атмосферы 1890-х.

Волынский, весной 1896 г. совместно с Мережковскими совершавший поездку по городам Италии («за Леонардо да Винчи»), в письме к Гуревич советовал заменить Минского К. Льдовым[57]: «Он будет охра-

---

[52] *Серно-Соловьевич Александр Александрович* (1838—1869) — брат Николая Серно-Соловьевича, революционера и публициста, одного из организаторов общества «Земля и воля»; входил в руководство «Земли и воли», в 1862 г. был приговорен к вечному изгнанию и выслан в Европу. Н. Н. Шелгунов — сын Шелгуновой и А. Серно-Соловьевича.

[53] Дневник Алексея Сергеевича Суворина / текст. расшифровка Н. А. Роскиной; подг. текста Д. Рейфилда и О. Е. Макаровой. London: Garnett press; М.: Независимая газета, 1999. С. 205.

[54] Новое время. 1896. 2 марта. № 7187. С. 3; полный текст см.: *Павлова М.* «Этот пресловутый плевок в лицо...»: из истории журнала *Северный вестник*. Р. 128—133.

[55] Статьи Волынского по истории русской критики, печатавшиеся в «Северном вестнике» в 1893—1896 гг. (о В. Г. Белинском, Н. А. Добролюбове, Н. Г. Чернышевском, Д. И. Писареве, журналистике 1860-х гг., В. Майкове, А. Григорьеве, Н. К. Михайловском и др.), вошли в книгу Волынского «Русские критики» (СПб.: тип. М. Меркушева, бывш. Н. Лебедева, 1896). Аналитический очерк о книге см. в монографии Е. Д. Толстой: «Бедный рыцарь: Интеллектуальное странствие Акима Волынского» (с. 135—171).

[56] Подробно: *Павлова М.* «Этот пресловутый плевок в лицо...»: из истории журнала *Северный вестник*. Р. 128—133.

[57] *Константин Льдов* (наст. имя — Витольд-Константин Николаевич Розенблюм; 1862—1937) — поэт, прозаик, переводчик; товарищ и поклонник Л. Гуревич, с 1890 г. ближайший сотрудник «Северного вестника».

нять Вас, как верный пес, а при его давнишней и нелицемерной привязанности ко мне, можно будет без особенного труда извлечь из него для дела ту необходимую пользу, на которую он способен. Он не будет хитрить, издеваться, лгать направо, лгать налево и — при отсутствии <нрзб.> романтического пыла, лениво будет заглядывать в глаза приходящим дамам»; «Пусть Минский красуется на самой вышине "С<еверного> В<естника>", на его Парнасе, но для дела нам прежде всего нужны камни. Нам нужны *безмолвные* секретари, потому что дело наше слабо, шатко и дрожит, как больной нерв, при каждом грубом прикосновении»[58]. — В июне 1896 г. Льдов занял место литературного секретаря журнала.

Впоследствии в заметках и статьях о «Северном вестнике» Гуревич не раз акцентировала значение в ее биографии как событий 1887—1888 гг., так и 1890-х, но по понятным причинам не касалась интимных переживаний, в том числе связанных с причастностью Минского к скандалу в редакции. «Много раз, в разные периоды, мы сходились с ним, как друзья, — поверяла она Мешингу. — В сущности, я к нему очень привязана, очень ценю его особенный ум, немножко злой и язвительный, и вместе с тем, — философски-мечтательный. Это человек, с которым никогда не скучно. Временами мы делались с ним даже очень близки — т. е., он изливал мне всю душу, говоря мне, что я остаюсь для него полной "загадкой", несмотря на простоту и удобопонятность всего, что я говорю»[59].

С прекращением журнала переписка Гуревич и Минского постепенно сошла на нет; однако, судя по позднейшему письму Минского (1913 г.), замыкающему публикуемый эпистолярный корпус, они сохранили товарищеские отношения.

Тексты печатаются по автографам, письма Л. Я. Гуревич к Н. М. Минскому: РО ИРЛИ, ф. 39, оп. 1, ед. хр. 214; письма Н. М. Минского к Л. Я. Гуревич 1891—1901 гг.: РО ИРЛИ, № 20003; письма 1887—1889 гг.: РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 153 (о локализации писем Минского сообщается в притекстовых примечаниях). Бóльшая часть писем сохранилась вместе с конвертами; сведения о конверте сообщаются в примечаниях только в случае смены адреса корреспондента или имеющейся на нем маргиналии. Зачеркнутый текст заключен в прямые скобки. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современной грамматической нормой, за исключением отдельных особенностей пунктуации (в ряде случаев сохраняется авторская расстановка знаков препинания, четыре точки вместо трех в конце предложения) и отдельных устаревших форм словоупотребления, характерных для языка эпохи.

[58] РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 105, л. 80—80 об.

[59] Русские Modernen — Зинаида Гиппиус и Николай Минский (из писем Любови Гуревич к Эдгару Мешингу). С. 118.

ПЕРЕПИСКА Л. Я. ГУРЕВИЧ С Н. М. МИНСКИМ

1. Н. М. Минский — Л. Я. Гуревич

29 сен<тября> <18>87 г.

Многоуважаемая Государыня Любовь Яковлевна,

Г. Флексер сообщил мне, что Вы намерены переделать статью о Б<ашкирцевой>[1]. Если так, я бы Вам посоветовал, не ожидая ответа редакции, завтра же (редакционный день) зайти туда и взять рукопись для исправления, согласно его, редактора указаниям[2]. Это очень важно.

Мне бы хотелось Вас повидать, но днем недосужно. Когда Вас можно видеть вечером?

Н. Виленкин

Адрес: Караванная, 6. Николаю Максимовичу Виленкину

Печ. по: РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 153, л. 28.

[1] См. прим. 9 к вступ. статье. Волынский писал Гуревич: «Многоуважаемая Любовь Яковлевна, / Вам вернули статью из редакции “Вестн<ика> Евр<опы>” — это мне известно. Хотелось бы думать, что эта маленькая неудача Вас нисколько не опечалит. Говорю с наивным убеждением, что самые недостатки Вашей статьи не только ничего не говорят против Ваших литературных способностей, но даже освещают их с самой выгодной стороны. Не нужно обладать особенною ответственностью, чтобы в Вашей статье разглядеть свежие, юные побеги литературного дарования — правда, еще не дисциплинированного, но несомненного. / Вы, вероятно, пожелаете отдать Вашу работу в “Сев<ерный> Вест<ник>” — и вот, пользуясь Вашей любезностью, я хотел бы предложить Вам некоторые изменения и поправки, без которых ей будет угрожать неизбежная опасность. Я бы с большим наслаждением прошелся пером по Вашей статье, или участвовал вместе с Вами в обработке и переделке некоторых ее частей. Вы слишком горячо относитесь к Башкирцевой? и это, думается мне, не дает Вам того спокойствия, которое необходимо при всякой корректурной работе. Если Вы согласны, то я всегда готов к Вашим услугам. / Получили ли Вы мое письмо? / С полным уважением А. Флексер» (РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 104, л. 75).

[2] Имеется в виду литературно-художественный журнал «Вестник Европы» М. М. Стасюлевича, в котором Н. Минский активно сотрудничал в 1880-е гг. (печатался с 1877 г.). В очерке «Милые воспоминания» Гуревич вспоминала: «В 20 лет я написала свою первую статью о Башкирцевой, отнесла ее в “Вестн<ик> Евр<опы>”, — мне отказали, хотя я и теперь считаю, что это было несправедливо. Редакция этого журнала, канцелярский, формальный тон разговора возмутили мою душу. Потом я напечатала статью в другом журнале, менее “почтенном” и притом — не без содействия папы» (*Павлова М. М.* Из воспоминаний Л. Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья вторая. С. 117).

2. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

2-го октября 1887
С. Петербург

Вместо того, чтоб писать дневник по обыкновению, я пишу Вам — так, по какому-то непосредственному чувству, хотя я знаю, что это вовсе не умно с моей стороны, и не тактично, и не «принято». Но до этого — какое дело! Это так редко в жизни — стать лицом к лицу с *ч<е>л<ове>ком*, а не с ходячим ярлыком, сразу, с немногих слов, минуя скорлупу, созданную жизнью на каждом человеке, подойти к самой сущности личности, это так редко, и так хорошо, такой широкой волной врывается жизнь и силы в душу! Я не умею, да и не хочу мириться с условными формами человеческих отношений, мне душно в них! И мне так бесконечно хорошо, когда кто-нибудь относится ко мне.... *так*, *как я сама отношусь к себе*, т. е. так, как Вы относитесь ко мне: с живой любознательностью, с *недоумением*, почти со страхом. Вы представляете себе, что *к себе* можно относиться таким образом?.. Разберите меня, сделайте мне характеристику, если можете, Вы, сразу увидевший в нескольких десятках страниц, мной написанных, этого громадного сфинкса, пугающего минутами меня самою! Когда Вы говорили сегодня, у меня кровь застыла в жилах: так еще никто не говорил обо мне, кроме меня самой, на страницах моего дневника. Быть может, объективный взгляд поймет меня лучше, чем я сама понимаю себя, п<отому> ч<то> я, судя себя, утопаю в океане деталей, мечусь в хаосе крутящихся вихрей ощущений, присущих мне, как известному темпераменту, как данному члену общества, как ребенку — минутами, как много пережившей женщине в то же время... Я живу объективно и субъективно, я живу непосредственно, когда я с людьми, а когда я одна — со дна души моей глядит пугающий меня сфинкс, и мне кажется, что я или умру, или сойду с ума, или — или...? Кто скажет? Мне *страшно*, п<отому> ч<то> я *хочу* жить и сделать эту гложущую меня силу деятельной силой. Она необъятно велика эта сила; она поднимает меня и уносит, по временам — целыми днями, в те сферы, откуда я роняю совершенно готовым прошлогоднего Гамлета[1] или ту страницу, о которой Вы говорили сегодня. С этих вершин расстилаются необъятные горизонты, их не передать в слове, ни даже в музыке. И минутами мне узко в своей человеческой скорлупке, называемой человеческим темпераментом, и мне хочется тогда умереть, и мне кажется, что я действительно умру. Но ведь не одна эта область громадных запросов ч<е>л<овечес>кого духа заставляет напрягать мой мозг почти до боли: я с 17-ти лет строю, строю, строю без конца разные... мировые теории, иногда, потом уже, состроив, я находила их у других, у тех, кому мир возложил венок бессмертия за эти самые теории... Есть и такие теории, которые я потом нигде не встречала, а они так велики; одному-двум из близких друзей, которые не могли ничего

сказать мне в ответ; а потом — я хранила и храню их в глубине души, не говоря никому, потому что никого не считаю достойным *критиковать* их. И все эти постройки, в которые легла половина моей души, — все это — синтезы, которые я *ничем* не могу проверить. И стремление жить для людей и отдать себя людям, я в тоже время прячу от них эту существеннейшую часть своей души... Запросы вечно толпятся в голове моей, такие, на кот<орые> я уже сама не могу ответить, да, вот запросы, о кот<орых> я говорю на этой странице, кот<орые> Вы заметили; это и старое и вечно новое, вечно жгучее... Я что-то чувствую, что-то *предчувствую*, и это такая мука, что мне кажется тогда — я кончу сумасшествием... И мне страшно, п<отому> ч<то> я хочу *жить*. И я живу, живу не за облаками, о нет, для меня со всех сторон жизни звучат голоса, манящие к себе, со всех сторон жизни глядят живые образы, *души* человеческие... Я падаю с неба, на все у меня меняется масштаб; душа человеческая — для меня целый микрокосм, вызывающий бурю запросов *с смутным предчувствием ответа*! И все вопросы, касающиеся человеческой души, так захватывают меня, так близки, так дороги мне, что я готова отдать жизнь свою исследованию этой области вопросов. И если я буду жить, я *убеждена*, что дам в этой области что-нибудь новое, свое и... крупное. Оттого я и еду к Вундту[2]. Мне ясен мой путь в этой области, я последовательница Конта во всем, что касается знания[3], и я буду *работать*, о, я готова работать, работать, работать без конца, терпеливо, настойчиво, упорно, затаив дыханье, чтоб *доказать*, что я для себя сознаю и чувствую. О, какое торжество!... И я радостно иду по этому пути, недавно еще открыв его, начав с азов, с анатомии — п<отому> ч<то> хочу знать *человека*. Мой предмет — психология, но.... ну, да это понятно. Оттого я и сказала Вам, что пойду путем *науки*. Но все это только часть меня, одна *грань*, видная и для тех, кто не глядит глубже. Есть еще та сторона, о кот<орой> я говорила: образ, люди живые, встающие со дна души, и рассказывающие мне всю свою внутреннюю историю так правдиво, так тонко, так убедительно. Они взяты из самой обыкновенной, русской жизни; я смотрю на них, и мне самой так странно: неужели это я создала их, я, полжизни носящаяся в других высших сферах громадного масштаба, такого масштаба, что люди кажутся какими-то инфузориями, и вся жизнь человеческая — плесенью земной коры! И я так люблю этих инфузорий, что каждая мелочь их жизни интересна и полна значения в моих глазах. Когда я говорю с человеком, кот<орого> еще не знаю, я рассказываю себе его историю и его будущее; когда я слежу за какой-ниб<удь> жизненной драмой, я предчувствую ее исход, часто тогда, когда она еще только начинается. Я записываю то, что думаю, и так часто сбывается мое предсказание, что мне страшно минутами... Доктор, лечивший меня и несколько раз говоривший со мной, сказал: «Вы — *ясновидящая* натура...» И часто я повторяю эти слова... Уверяю

Вас, что все это не фантазия моя, а факты: документ у меня под руками: мой дневник.

С раннего детства я ищу своего призванья, ищу, ищу, ищу — это мука! Если б я была здоровой и надеялась бы прожить 85 лет, все уладилось бы к<а>к нельзя лучше. Но было бы глупо ожидать этого блага от судьбы, — я не из таких: Гете мог быть и ученым, и художником, п<отому> ч<то> жил так долго, а жил так долго, п<отому> ч<то> все же умел закрывать глаза на некоторые стороны жизни: вспомните его состояние духа во время революции[4]. А меня самою потянуло б на баррикады; я м<ожет> б<ыть> не позволила бы себе этого шага, но сердце мое билось бы так учащенно, что один этот период отнял бы у меня много лет жизни. Что же мне делать? Боже мой, что же мне с собой делать?.. Вы сказали мне сегодня: кем я буду? А я спрашиваю это у Вас. М<ожет> б<ыть> Вам это все же яснее, чем мне... И однако, когда я задавала этот вопрос людям, близко знавшим меня, и мне отвечали: «будь писательницей — художницей», — я отвечала: «как можно так не понимать меня: ведь это же так мало! А то, лучшее, высшее творчество, это предчувствие вещей, которые *будут открыты* через десятки или сотни лет!... Разве я могу жить только на земле, с маленькими инфузориями людьми!... Какое будущее!» У меня и теперь есть несколько гипотез, доказав которые я перевернула бы все научное мировоззрение нашего времени; и уверяю Вас: я знаю пути, которые ведут к их доказательству. Я едва вступила в область психологии, и уже столько вещей в этой области уясняется для меня, вещей, опрокидывающих прежние теории. Я обращалась к нашим русским профессорам, они говорят: «мы не знаем! Вы к<ак> будто правы, а доказать мы не можем ни старого, ни того, что говорите Вы». — Это факты. Мне нужен эксперимент, мне его здесь не хватает; я еду за границу... Кем же я буду? — спрашиваю я. Мне говорят: «Ученым психологом, б<ыть> м<ожет>». А я отвечаю: о, помилуйте! А этот мир образов, шевелящихся в моей душе, — неужели он умрет вместе со мною? Какое безумие!.. Да эти образы будут мучить меня, будут вечно преследовать меня как Эринии, мешая мне работать в той избранной области!..» Никогда одна наука не удовлетворит меня — никогда, никогда! Как же быть, если *нравственно невозможно выбрать и физически нельзя совместить, п<отому> ч<то> жизнь коротка* и п<отому> ч<то>, раздвояясь на две деятельности (из кот<орых> каждая напоминает жизнь великих людей), — я уже в каждой из них являюсь только половиной самой себя. И чтобы я себе ни представляла в будущем, все самое великое и блестящее из всего, что создает мое воображение, все это не удовлетворяет меня, ничто, ничто не удовлетворяет, и меня мучит тоска. Когда я молодо, поверхностно настроена, я так радостно смотрю в будущее, даже не смотрю (я ничего определенного там не вижу), а простираю к нему руки, и... мне кажется, что я к нему приближаюсь. Этот внутренний голос, зовущий меня, он, как каза-

лось бы, не может обмануть меня. И я *поступала* всегда как ч<е>л<о-ве>к, имеющий *определенную* цель впереди. Если бы кто-нибудь знал, к<ак> много, невыразимо много личного я принесла на алтарь этого будущего, отрекаясь от всего, что могло бы когда-нибудь стиснуть мой полет к нему. Но я говорила себе:

Какое дело до себя
И до других, и до вселенной
Тому, кто следовал, любя,
Куда звал голос сокровенный...[5]

Я прижимала сердце рукой, чтоб оно не билось, и работала... для будущего. И сказать, что, в сущности, я его себе не представляю!.. Мысль, что я могла бы промчаться, к<ак> никому не нужный, хотя сверкающий метеор, заставляет кровь мою застывать в жилах. Любить людей, к<ак> я их люблю (о, это не фраза, вы поверите *мне*, я не могу доказывать!) — и промчаться в своей жизни бесцельно, бессмысленно, бесполезно... Потому что кому нужны в наш век мои синтезы! Они могут откликнуться эхом в душах родственных мне от природы, но к чему это! К этому ли зовет меня «голос сокровенный»... Это не значит, что я опускаю руки и, не будучи в состоянии сделать все, что могу, не делаю ничего. За целые годы дневника, м<ожет> б<ыть> найдется одна-две такие страницы, как это письмо, таких отчаянных страниц. Но когда Вы вчера стали говорить то, что я сама едва решилась ясно выразить, и я почувствовала всю *ужасную* правду Ваших слов, я застывала, трепетала, в глазах у меня темнело и.... я чувствовала в себе в то же время... силу безмерно-великую... Я знаю только одно: чем бы, как бы это все ни разрешилось, чем бы я ни была, я буду только одной сотой того, чем я *бы могла быть*, я была бы уже *не человеком*. Это страшная трагедия, которой нет имени на языке человеческом, и у которой нет благоприятной развязки. И я сознаю это, уже давно.

Во мне еще очень много *недостойного меня*, очень много балласта, загромождающего пути, ведущие из бездн моего духа на свет божий, пути, по которым должны же когда-нибудь выйти в мир, для людей, истины, хранящиеся теперь во мраке моей души. Люди, говорящие обо мне, как говорите Вы, разбирающиеся в том, что я пишу, и указывающие мне дорогу ко всеобщему вниманию — делают для меня так много, что всякие слова благодарности будут бледны и бесцветны. Я могу *написать* очень много *слабого*, безусловно слабого: я еще *не умею* писать; когда я пишу, не один дух, творческий дух, работает во мне, но и другие стороны, не приспособившиеся вполне слушаться своего внутреннего повелителя духа, воображенье, рассудок, язык... Вы это поняли, и я Бог знает, как дорожу Вашей помощью...

P. S. Значит, я написала это письмо? Даже откинув мелочную деликатность, говорящую о том, что чтение письма отнимет у Вас много

времени и т. п., — даже забыв об этом, я не вполне отдаю себе отчет в побуждении, руководившим мною. М<ожет> б<ыть>, потому что у нас нашелся общий интерес: *я*, как *явление, с психологической точки зрения*? Потому что Вы сказали вчера то, что говорю я к<а>к темперамент, как человек о своем *внутреннем* «я» к<а>к творческом духе. Я писала, писала без конца, нескладно, ни о чем другом не заботясь, кроме того, чтобы дать Вам хоть некоторый *материал* для сужденья об этом сфинксе.

Думая об этом письме, теперь более объективно, я чуть-чуть колеблюсь послать его: какой смысл?..

Но, все равно, пошлю. Вы — поэт: Вам не может не быть интересным все, что касается *человека*, а человек, не похожий на других, должен представлять для Вас безусловный очень большой интерес. Я заключила это из того, что Вы вчера говорили.

Еще одно слово: Вы подумали, читая мою первую записку к Флексеру, где я просила Вас не говорить m-me Д<авыдовой>[6] и т. д., — уж не психопатка ли я, воображающая подслушиванье, и прочее. К<а>к я Вам уже сказ<ала> вчера — я гов<орила> об этом с чисто практич<еской> точки зрения, кот<орая> Вам понятна. Если же Вы хотите знать, к<а>к я объясняю то, что меня с 14 лет преследуют людские толки, — извольте, я скажу свое мнение соверш<енно> прямо: я объясняю это тем, что люди чувствуют во мне нечто необыкновенное и это тревожит их буржуазное спокойствие; они сердятся и клевещут. Это старая, вечно новая история! И — уверяю Вас, что я не психопатка! Разве в глазах Стасюлевича!..[7]

Л. Гуревич

Конверт:
Здесь
Его Высокоблагородию
Николаю Максимовичу
Виленкину
Караванная, дом № 6.

[1] Имеется в виду реферат Л. Гуревич о «Гамлете» У. Шекспира, который она читала в кружке молодых литераторов, собиравшемся в салоне А. А. Давыдовой. См. об этом: *Гуревич Л.* История «Северного Вестника» // Русская литература XX века, 1890—1910 / под ред. проф. С. А. Венгерова. С. 238.

[2] *Вундт Вильгельм Максимилиан* (Wilhelm Maximilian Wundt; 1832—1920) — немецкий врач, физиолог, психолог, лингвист; основатель экспериментальной психологии; профессор Лейпцигского университета, в котором основал психологическую лабораторию, впоследствии преобразованную в Институт экспериментальной психологии.

[3] *Конт Огюст* (полное имя: Isidore Marie Auguste François Xavier Comte; 1798—1857) — французский социолог и философ, основоположник позитивизма и социологии как самостоятельной науки; создатель системы «положительной филосо-

фии», основанной на фактическом материале позитивных наук (математики, физики, астрономии, химии, биологии и социологии), изложенной им в шеститомном труде «Курс позитивной философии» (1842).

[4] Имеется в виду не сочувственное отношение И. В. Гёте к Французской революции 1789 г. Л. Гуревич посещала лекции П. И. Вейнберга, редактора первого на русском языке собрания сочинений Гёте ([в 6 т.]: СПб., 1865—1871; 1875—1876; с 1887 г. он преподавал на кафедре всеобщей истории литературы в С.-Петербургском университете, одновременно был директором Реального училища Я. Г. Гуревича.

[5] Цитата из поэмы Н. Минского «Гефсиманская ночь» (1884); поэма была запрещена к печати Комитетом духовной цензуры и ходила в бесчисленных списках, впервые под заглавием «Искушение» опубл.: Пушкинский сборник. СПб., 1899.

[6] См. прим. 15 к вступ. статье.

[7] *Стасюлевич Михаил Матвеевич* (1826—1911) — историк, публицист, в 1866—1908 гг. редактор журнала «Вестник Европы».

3. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

30-го сент<ября> 1887.
С. Петербург, Надеждинская 34, 7.

Милостивый Государь
Николай Максимович,

Искренно благодарю Вас за совет, которому *сию же минуту* последую. Буду *очень* рада Вас видеть в один из следующих вечеров: сегодня в среду, в пятницу, субботу, воскресенье, понедельник.... — когда Вам будет удобнее.

Еще раз благодарю Вас за *все*[1].

Л. Гуревич

[1] Слова, выделенные курсивом, подчеркнуты карандашом, вероятно, Минским; слова «очень» и «все» подчеркнуты три раза.

4. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

2 октября 1887 г.
С. Петербург; Надеждинская, 34, 7.

Многоуважаемый Николай Максимович,

Простите мне крайнюю неделикатность, с которой я злоупотребляю Вашим любезным предложеньем лично поговорить со мной. Я *очень* дорожу Вашим участием к этому делу и буду глубоко благодарна Вам за искреннюю и строгую критику моей работы: это очень помогло бы мне в переделке ее для Северного Вестника[1]. Я *чувствую* многие свои промахи и несовершенства, и м<ожет> б<ыть> через месяц дошла бы до отчетливого сознания их, но дело не терпит отлага-

тельства, и я жажду всякого ясного и резкого сужденья людей, умеющих в то же время оценить поэзию и глубину моей героини. Мое убеждение в силе ее значения для современной молодежи (я сужу не только по себе: ведь мне приходится видеть много молодежи, и я не могу не говорить везде о Б<ашкирцевой>, и не видеть произведенного впечатления), мое убеждение в ее общественном значении и дает мне смелость надоедать Вам своими письмами. На этот раз, дело в том, что я, глубоко дорожа *Вашим* сужденьем, желаю оградить время нашего разговора от всяких помех, от которых трудно обеспечить себя, не зная более точно дня и часа Вашего прихода. Если бы Вы могли уделить мне часок *в субботу, завтра, после 8½ ч.* (до 8½ у меня обязательные занятия), *или в любой час в воскресенье*, это было бы самое лучшее. Если письмо мое застанет Вас дома, Вы, может быть, не откажетесь дать мне указание на время Вашего прихода. Еще раз прошу извиненья за свою неделикатность, но право, мотив ее — желанье воспользоваться Вашими советами вполне беспрепятственно.

Искренно благодарная Вам
Л. Гуревич

---

[1] Имеется в виду статья Л. Гуревич о М. Башкирцевой, см. прим. к п. 1.

5. Н. М. Минский — Л. Я. Гуревич

3 октября <18>87 г.

Право, не знаю, зачем я Вам сажусь писать. Мне нечего сказать Вам, но хочется говорить с Вами. Если ничего не будете иметь против подобной болтовни, стану Вам писать, когда вздумается. Следует назначить день в неделю, т. е. вечер, когда мы собираемся втроем, — таким образом наш кружок создастся незаметно для нас самих. Только вот что. Когда начнутся занятия кружка, — не будут ли нам мешать у Вас? Между тем, собираться не у Вас, кажется, неудобно. Как быть? Мы вчера с Ф<лексером> думали и ни до чего не додумались. Решите Вы. Но собираться можно только раз в неделю, а между тем без Вас и Вашего разговора жизнь как-то тускла. Может быть, я вскоре изменюсь, но пока это так. Мое сердце тянется к Вам, как к чудному источнику света, и мне стыдно говорить это и так приятно чувствовать этот стыд. Судьба послала мне Ф<лексера> и Вас, когда я наглухо застывал в своей раковине, в полной уверенности, что померкло для меня солнце любви и месяц дружбы. Нет, не померкло! Оно опять горит, и я отогреваю свою холодную, озябшую, озлобленную душу. Даже не понимаю, как бы я теперь мог жить без Ф<лексера> и Вас. С Ф<лексером> я вижусь часто, почти ежедневно, с Вами так часто видеться нельзя. Поэтому пишите мне, о чем хотите: о своих друзьях, о том, что, к со-

жалению, есть и о том, чего, к сожалению, нет. Вы говорите, что посещаете концерты. Как бы устроить так, чтоб вместе посещать их? Хотя, кажется, Вы, слушая музыку, забиваетесь за колонну и прячетесь от людей.

Ах, да! Забыл Вам о Вашем письме говорить, которое Вы мне дали с собою вчера вечером. Мне больно, что я Вас заставил страдать. Но что делать? Чтобы услышать звук колокола, надо сильно в него ударить. И в Вашу душу я несколько раз сильно ударил, и всякий раз она отзывалась звуками, все более чистыми и глубокими. Есть и на Вас, и на Ф<лексере> темные пятна (обо мне и говорить нечего!). У Вас, в сущности, одно пятно, но говорить о нем я не хочу, а то опять меня обругаете педагогом. Кстати, никогда не терзайте меня, как Вы это делали вчера вечером, горькими словами, в роде <?> «бездны, вдруг образовавшейся», или «педагогом, становящимся на цыпочки». Я не хочу, чтоб Вы были несправедливы даже шутя — вот разглагольствовали! Принесли старый листок бумаги. Так и быть!

Итак, не будьте никогда несправедливы ко мне и знайте, что всякое жестокое слово бьет меня по сердцу. А я хочу счастия доверия и доброты. Во всем, что Вы вчера говорили, верно одно: что я не в состоянии дать положительного содержания Вашей жизни. Не могу, по правде сказать, да и не хочу. Ваш пустой сосуд, куда бы я мог перелить свою мудрость, будь она у меня. Вы — такое растение, связанное глубокими корнями с природой и людьми. Эти корни пусть и питают Вас. Я могу только дружбой и любовью сочувствовать Вам, как и Вы можете это сделать со мною. Более бессилен сделать человек с человеком. Так что не может быть речи ни о педагоге, ни об ученице. — Довольно пока. — Пишите.

Не смешно ли: я прошу Вас писать, я — негодовавший на Ваши длинные письма!

Читали ли фельетон Ф<лексера>?[1] Пришлите его и свое мнение.

Господи, как было бы хорошо, если бы возможно было видеться с Вами ежедневно!

Печ. по: РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 153, л. 23.

[1] Речь идет о статье А. Волынского «Библия в русской поэзии. Этюд второй» (Восход. 1887. № 9. С. 66—94), в которой на основе анализа поэм Н. Минского «Вавилонское столпотворение» и «Прокаженный» дана общая характеристика его поэтической манеры: «Принадлежа значительнейшими своими вдохновениями лучшим тенденциям той общественной и интеллектуальной полосы, которая в поэтической литературе ведет свое начало от Некрасова, Минский, в то же время, по природе своей не свободен от некоторого гражданского скептицизма, который, пробиваясь в поэтические настроения, нередко белым швом выглядывает из его литературных работ. По своему развитию и душевным задаткам Минский, без сомнения, способен на более или менее значительные философские и нравственные увлечения, его природный ум первый подмечает суету и фальшь многих текущих

тревог и порываний, но... но природа, в своей жестокой и глупой безрассудности, не снабдила поэтического орла достаточно крепкими и сильными крыльями. При всей своей сравнительно большой образованности и заметной остроте "духовного зрения", Минский в своих *творениях* очень редко сходит с почвы текущей действительности, очень редко идет дальше зыбкой и изменчивой рефлексии поверхностной интеллигентной души. Эта-то двойственная природа поэта, при внимательном изучении, отчетливо выступает из лучших его художественных произведений, в которых почти всегда истинно-патетическое течение идей перемежается с холодной риторикой. <...> Так или иначе, мы констатируем тот факт, что Минский всеми лучшими сторонами своего большого, сильного дарования принадлежит настоящему» (с. 72—73).

6. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

5 октября 1887.
С. Петербург
Надеждинская, 34

Я не могла придти, п<отому> ч<то> ждала Флексера, которому назначила этот вечер, к<а>к время, когда я всегда дома. А мне хотелось немедленно ответить на Ваше письмо, ответить вот что: зачем Вы говорите, что я считаю себя «исключительной натурой»? Что значит — исключительная натура? *Я никогда* не думала, что я — *единственная* в своем роде. Что такие бывают, я нисколько не сомневаюсь, я даже сама знаю таких людей, одного из них, и Вы знаете или знали. Только он — неудачник... Я Вам сама говорила, что и я из тех, которые при не особ<енно> благоприятных условиях делаются неудачниками; я знаю себе место с этой, жизненной, обыденной точки зрения. Но для себя я не допускаю такого исхода; для меня только два исхода — смерть или... что-нибудь замечательное. Я только с ужасом повторяла вопрос своего ума, головы: что же, что же это именно? Что выходит из этого *типа* людей, если кроме этого духовного склада, позволяющего при известных условиях озирать великие горизонты, в них есть и другие душевные элементы, способствующие выработке из них чего-нибудь *определенного*. Какие это элементы?.. (В сторону последнюю скромность): страстное отвращение от грубой, материальной стороны жизни и любовь к людям, много раз проверенная на деле, безмерная любовь к людям... И потом — вот страница из моего дневника прошлого года: (начало — односторонне, т. е. писано *по поводу* и касается одной стороны моих размышлений о будущем).

«16 ноября 1886 г.

Я хочу показать людям, что можно жить не для себя, что безупречно — чистое существование и стремление к одной излюбленной светлой цели, что самое суровое и спокойное самоотвержение *возможны*, что Евангелие — не Толстовское[1], а мое, к<а>к я его понимаю, приложимо к жизни. Я хочу быть для людей тем, чего, кого недостает мне

в жизни. Да простит мне Бог мои гордые намерения! Эта гордость будет искупаться невыносимой скорбью каждой минуты моего существования...

«В мире будете иметь скорбь, но мужайтесь: я победил мир» — гов<орит> Христос...[2] Да, я не признаю, что нужно быть о себе низкого мнения, п<отому> ч<то> чем выше, чем заносчивее требования, предъявляемые своему будущему, своей жизни, тем больше требовательность и строгость к себе во всякую данную минуту. Требования моего будущего — громадны. Я хочу *жить* и хочу показать людям, что может сделать ч<е>л<ове>к, ставящий себе большие требования. Я страстно хочу жить и показать, что люди, не мирящиеся с обыкновенной участью, все же созданы для жизни. Мои планы громадны, нет, больше — они необъятны, они не вместимы ни в какую жизнь... Я хочу будить людей и звать их на дело, я ищу помощников, я ищу солдат и офицеров.....

....Вчера, читая Милля[3], я отнесла к себе следующие его слова: «Нервные темпераменты тем именно и характеризуются, что могут сообщать способность к хроническому возбуждению, которое удерживается рядом продолжительных усилий. Это-то и называется *восторженным мужеством*. Из таких людей выходят великие ораторы, пропагандисты, *восторженные провозвестники новых эпох*»[4].

И потом:

«Сильное чувство служит орудием к сильному самообузданию, но оно должно быть воспитано в этом направлении. В этом случае оно образует не только героев импульса, но также укротителей самих себя. Опыт и история показывают, что самые страстные характеры относились с наибольшей *фантастической суровостью* к чувству долга, если их страстная натура была приучена к этому самоподавлению...»[5].

Вместо чувства «долга» я поставила б для себя, в своем миросозерцании «категорический императив» Канта; но не в этом дело... Я *знаю* (не только верю), знаю по опыту, что этот мой внутренний голос оказывался всегда сильнее всего; мне не нужно *счастья*; я помню себя маленькой девочкой, говорящей перед самой собой: «я не хочу счастья! Счастье всегда узко и сладко, я хочу *величия*?..»

Счастье для многих было *искушением*, многие соблазнились его обманчивым призраком; я — *никогда* в него не верила, а когда настало мое искушение; самое большое искушение, какое могло бы предстать мне, я сбросила его со своего пути, и оно на моих глазах разбилось в мелкие дребезги.... Тогда — для меня больше не осталось сомнений в себе.... И б<ыть> м<ожет> это моя сила, лишнее данное, позволяющее выделять меня из общего уровня людей того типа, к которому Вы и я сама причислили меня. Во мне теперь еще два существа: я к<а>к темперамент, еще не достойна своего другого, внутреннего «я», творческого духа. Я думаю, что те люди, одного со мной типа, гибли так часто именно оттого, что не умели возвысить своего темперамента, не

умели обуздать его, избичевать, укротить его, повернуть его на служение внутреннему «я», сделать его только его покорной оболочкой, только проводником и исполнителем его замыслов... Быть может те люди, мне подобные, гибли именно потому, что не умели освободить своего... своего дарования (но это не совсем то — дарование, я не нахожу слова сильнее и правдивее, а оно есть) из рабства безобразных чудовищ, составляющих темперамент, мелких, грязных, отвратительных, но часто могучих чудовищ? И дух их томился, как прикованный Прометей, под властью мелочного гадкого тирана Зевса — томился даже без надежды на будущее, п<отому> ч<то> Прометей был бессмертен, а люди!.. И быть может, я легче освобожу своего Прометея именно потому, что я женщина? И тогда?... Вот я и спрашивала вчера, *что* тогда?

Вы говорите: «я хотел бы поглубже заглянуть в Вашу душу». Я не знаю, что для этого делают. Я пишу Вам, к<а>к видите, много, искренно, непосредственно. Я теперь знаю, почему я пишу: потому что мне почувствовался в Вас тогда помощник, союзник, друг — если это не слишком сильно сказано, — словом, человек, кот<орый> может помочь мне расчистить пути для Прометея с *технической* стороны... Кажется, впрочем, я Вам это уже писала. Когда я писала третьего дня, — то были *стоны и муки* Прометея, скованного цепями реальности, и даже не умеющего прозреть своего будущего. Сегодня — *не знаю почему* (ведь будущее также застлано туманом, и никакая знакомая мне форма деятельности и таланта не является в моих глазах достойным субстратом для моего Прометея!) — но сегодня — это не стоны, о нет! Это радостный мощный крик его при одном сознании, что Зевс не вечен, и это он переживет и след<овательно> восторжествует над ним...

Я знаю, к<а>к мне много труда во всех отношениях, но разве я когда-нибудь боялась труда? Никогда!.. Но мне нужны союзники, п<отому> ч<то> жизнь коротка и надо работать над собой *скорее* и *многостороннее*. Я не всякого (о — таких слишком мало!) могу назвать своим союзником, только того... того, кто *не испугается* тона этих моих писем и поймет, что всякая скромность в моих устах — была бы только недостойным лицемерием. Я знаю один необходимый вид скромности: это та душевная деликатность, кот<орая> не позволяет показывать *себя* людям очень «маленьким», чтоб не подавить их нравственного достоинства. *Эту* скромность я признаю, но потому-то так ужасно мало людей, которым я говорила бы, не прикрывая, хоть отчасти, лица своего покрывалом... Таких людей до того мало, что даже странно! И я говорю так *Вам*, на основании некоторых Ваших фраз в последнем разговоре. Вас не поражает неприятно этот тон моих писем?... —

Если Вы желаете ближе подойти ко мне и узнать и вообще быть моим «союзником», то, право, решительно ничто этому не мешает.

Вы говорите, что у меня нельзя говорить, к<а>к следует: это случайно; я не ожидала Вас в этот день и час; у меня есть моя комната, где никто не смеет мешать мне; а известные дни в неделе, кот<орые> я оставила себе на занятия, никто не может придти ко мне, если я не зову; так, напр<имер>, вечера среды или пятницы. Дать своего дневника в течение всего этого месяца я не могу никому, но если Вам интересно, я могу прочесть Вам некот<орые> страницы, таких довольно много.

Л. Гуревич.

---

[1] Речь идет о «Кратком изложении Евангелия» Л. Толстого (1883) — извлечении из его обширного труда «Соединение и перевод четырех Евангелий» (1880—1881); под загл. «Новое Евангелие» текст широко распространился в рукописях и литографиях, впервые опубл. в английском переводе в кн.: «Christ's Christianity». By count Leo Tolstoï. Translated from the Russian, London, 1885; на русском языке под загл. «Краткое изложение Евангелия» — в издании М. Элпидина: Женева, 1890. Подробно см.: *Толстой Л.* Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 24: Произведения 1880—1884 гг. / подг. текста и комм. Н. Н. Гусева. М.: Гослитиздат, 1957.

[2] Ин 16: 33.

[3] *Милль Джон Стюарт* (англ. John Stuart Mill; 1806—1873) — философ (сторонник «утилитаризма»), социолог, экономист, политический деятель; член Британского парламента от Либеральной партии, боролся за равноправие женщин.

[4] Цитата из феминистского труда Дж. Милля «Подчинение женщины» (The Subjection of women, 1869), в рус. пер. под ред. и с предисл. Г. Е. Благосветлова: *Милль Дж. Ст.* О подчинении женщины. СПб.: тип. А. Моригеровского, 1869. С. 153; вариант заглавия в др. изданиях и др. переводах (1870 г. и позднейших) — «Подчиненность женщины».

[5] Там же. С. 155.

7. Н. М. Минский — Л. Я. Гуревич

Ночью 7—8 октя<бря> <18>87 г.

Нет, пылкий друг, я не гожусь
Пытать умом твой дух пытливый
И охлаждать твои порывы!
Скорей я сам тобой зажгусь,
Твои безумные стремленья
Безумным сердцем полюблю
И со слезами умиленья
Твой вещий бред благословлю...
И пусть не верю я рассудком,
Что ты великое свершишь,
Что в сердце пламенном и чутком
Ты силы высшие таишь, —
Но всякий раз твоим признаньям
С восторгом тайным внемлю я,

Как усыпленная змея
Священным внемлет заклинаньям,
И сам не знаю, отчего
В душе сомненье исчезает
И жало смеха моего
Тебя касаться не дерзает.
И долго после я томлюсь
И слышу голос твой правдивый...
Нет, пылкий друг, я не гожусь
Пытать умом твой дух пытливый!..

Н. Минский

Печ. по: РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 153, л. 27.

8. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

8 октября 1887.

А я сегодня верю и рассудком, яснее и тверже, чем когда-либо! Вчера еще была «мертвая точка»: мне надо было хоть на секунду опереться, удариться о стену, и в этом сотрясении обрести свой центр тяжести. Это был кризис... Я не знаю, не умею объяснить этого, но это правда. Вы увидите. Я не допускаю мысли, что все, что я сделала со своей личной жизнью, было сделано ради какой-то химеры; это была б какая-то болезненная фальшь, а фальши нет во мне. Когда Вы вчера говорили, сначала, в тоне сомнения, я замерла на секунду, и... кризис кончился. Я не умею объяснить этого. Вы видите — Вы для меня много сделали. Теперь я работаю, уже сегодня, к<ак> давно не работала: не лихорадочно, а ясно и здорово, и так хорошо!

«Я страстно хочу жить и показать, что люди, не мирящиеся с обыкновенной жизнью, все же созданы для жизни!..»[1].

Разве не в моей власти «запереть пары», если я верю в будущее? И разве не в тысячу раз легче запереть пары, чем тогда, тогда — вырвать с корнем — ясно и сознательно — все, что есть личного, весь эгоизм. Запереть пары — раз сознав, что их нужно запереть — это так просто! Вы увидите.

Ваши стихи[2] взволновали меня; я не думала...

Л. Гуревич

Конверт:
Здесь
Караванная, д. № 6.
Его Высокоблагородию
Николаю Максимовичу
Виленкину

[1] Автоцитата, см. письмо Л. Гуревич от 5 окт. 1887 г. — п. 6.

[2] Имеется в виду стихотворение Минского «Нет, пылкий друг, я не гожусь...», см. п. 7.

9. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

14 октября 1887
СПб. Надеждинская 34, 7.

Присылаю Вам Гамлета[1], п<отому> ч<то> было бы глупо жеманиться и не давать, раз Вы просите, но в сущности, мне это неприятно. Я не касалась его с прошлого года, а теперь перечла и вижу.... очень многое! Вторая половина с 3-го действия, с половины 3-его д<ействия> — оч<ень> слабо, не цельно, не твердо; вообще возмущает меня самою. Я прощаю себе это только потому, что писала тогда более чем спешно. Теперь я вижу, живо и ясно сознаю многое, что должно лечь в основу 2-ой половины работы, с 3-его акта; летом я непременно переделаю «по-настоящему». Я теперь не боюсь; не буду откладывать на несколько лет, к<ак> гов<орила> еще недавно. Гамлет — занимает меня уже 5 лет, я пережила его всем существом, и если бы я тогда писала этот реферат по-человечески, а не в одну ночь с жаром и головной болью, я могла бы дать гораздо более совершенный результат этой 5-тилетней духовной работы.

Но — если хотите — прочитайте, к<а>к оно есть — это безобразное дитя лихорадочной ночи.

Л. Гуревич

[1] Текст реферата Л. Гуревич «Гамлет» (1887) не сохранился.

10. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

21 октября 1887 г.
СПб.

Большое Вам спасибо за книгу[1]; я сейчас же прочла, и сегодня весь день музыка стихов и мысли, облеченные в форму стройную и легкую, к<ак> греза, носятся в душе моей. Хочется высказать теперь же свое впечатление; живое и непосредственное. Я буду говорить прямо все, что подумается или почувствуется — гармония ли то или диссонанс; не сердитесь на меня: я ненавижу думать о ч<е>л<ове>ке иначе, чем говорить ему, хотя в этой навязчивой прямоте и нет смысла.

Читая сегодня Ваши стихи, я понимала их лучше, чем прежде, и кажется мне, что это благодаря нашему последнему разговору. Я вынесла из него то впечатление, которое может объяснить каждую Вашу строку и которое должна была бы давать, но не вполне дает Ваша «муза — бледная, как приведенье»...[2] Я читала и думала — к<а>к мно-

гие не поймут Вас, того, что составляет note dominante[3] Вашей поэзии; чтоб понять ее, надо самому пережить это огромное жгучее «зачем», обращенное к мирозданью. Кто сам не пережил этого, в том Ваши слова ничего не разбудят и только вызовут недоуменья. Ведь люди ищут забвенья и примиренья с жизнью и, не находя здорового и чистого напитка, который мог бы удовлетворить эту духовную жажду, утоляют ее — кто чем может; они отравляются, губят себя этим, но — жажда утолена, и они даже не понимают ее в других.

Только вот что удивляет меня: отчего так немногие из этого отдела Ваших стихов действительно сильны? Почему во многих из них вместо палящей жгучей жажды чувствуется только «унынье и бессилье»? Или поэт сам, к<а>к другие, пытается залить жажду напитком, туманящим мозг и разрыхляющим душу; — и только в глубине души что-то бьется и протестует, и хочется подняться, простирая руки к небу... и чувствуешь, к<а>к тяжело налегли сверху эти напускные разрыхленные слои души!.. Да, тогда понятно это «унынье и бессилье», понятно, почему

«Без образов, как дым, плывут эти страданья,
Беззвучно, как туман, гнетет эта тоска...»[4]

И к<а>к душа моя протестует против этого!... Да, я не умею объяснить иначе, такой расплывчатости этой, по своей сущности, святой тоски, святого беспокойства. — Я не принадлежу к людям, которые думают, что поэзия не существует без пестрых красок и образов материального мира; о нет! величайшая, вдохновеннейшая поэзия заключается — в моих глазах — в самых бесплотных порывах духа, в самых бесформенных страданиях. В этой поэзии не может и не должно быть пестрого узора или действующих на нервы образов. Но не должно быть и расплывчатости и туманности, к<а>к нет ее в самом этом чувстве жажды — остром, жгучем, прозрачном, как сверкающий алмазами волшебный напиток... В самой тоске может быть сверхчеловеческая сила, выраженье ее может быть криком, от которого дрогнут горы. О, это я понимаю! Но «унынье и бессилье»? Или это знаки времени, «наш век больной»...[5] Но отчего же я не знаю этого унынья и бессилья на опыте? Значит, можно сбросить этот давящий гнет, — или эта грусть, «гнетущая беззвучно, к<а>к туман» рождается из иного источника, чем ясная, жгучая, рыдающая тоска духа — человека, оторвавшегося от своего источника и затерявшегося в материи вселенной? Я хочу понять это, понять Вас, я ищу нити, проходящей через Ваши стихи... Опять — тоска, тоска, — «любить людей — за что?»; «Никого я не люблю, Все мне чужды; чужд я всем; ни о ком я не скорблю, и не радуюсь ни с кем», «Как радости людей и скорби их смешны»...[6] О, неужели?.. Я не понимаю! Люди... — да, они мелки, я это рано поняла и уже давно писала: «на какой постоянный разлад, на какую драму обречено сердце ч<е>л<ове>ка, ненавидящего порок, грязные ч<е>-

л<овечес>кие инстинкты, все дурное и нечистое, и в то же время любящего человечество, это громадное вместилище всевозможных пороков, всевозможных нечистых инстинктов»... «...Люди — дурны, — вот результат прозрения на мир Божий. Люди почти все — стадо животных, злых, эгоистичных, пошлых, бросающих грязью во все, что выше их уровня, что заставляет их б<ыть> м<ожет> почувствовать неприятное сосание невидимого, крохотного червя в душе — зародыша задавленного, неразвившегося зародыша прекрасного и высокого... Люди эгоистичны и злорадны, они живут во тьме, не знают себя, склонны считать себя лучше, чем есть; они платят злом за добро, и сами не замечают этого, люди — гадки. Но есть в них одна черта, свойственная всем без исключения (и бесконечно дорогая мне): это... — потребность залить какую-то внутреннюю жажду, потребность заполнить свою пустоту, не разбирая чем, потребность забыться. Эта черта проходит через историю; она заметна везде, в окружающем, как в художественном произведении. Эта черта — эта жажда забыться делает их на деле еще более гадкими: их пошлость, все их злые качества — делаются из-за этой черты — активными: один — находит наслажденье в том, чтобы мучить, «истязать всякого, кого может; другой — все силы души вмещает в сладострастье...» Не этой ли жаждой объясняется то, что ч<е>л<ове>к — хуже животного? Это не парадокс ума, любящего оригинальность; это то, что чувствует моя душа. Люди — невыразимо гадки именно потому, что душу их гложет неумолимый червь духовного начала и они не знают, — что делать с этими духовными силами, куда приложить их и если даже приложить к как<ому>-ниб<удь> делу, — то в конце концов — «зачем»? Разве это не то же наше «зачем», только не сознанное? И разве это не заставляет меня бесконечно любить людей именно потому, что они — не к<а>к животные, а хуже животных? Чувство безумной, бездонной жалости к этим гадким мелким людям встает в моей душе; и в минуты моего жгучего, чистого «зачем» я люблю грязный род ч<е>л<овечес>кий, к<а>к собратьев по страданью...

Все мне чужды,
Чужд я всем...[7]

— этого я не понимаю! Люди заблудившиеся и страдающие, к<а>к отставшие от своего Отца, перепуганные дети, люди, носители духа, не умеющие постичь умом Отца, перепуганные дети, люди, носители духа, не умеющие найти умом своего Духа в небе, — они должны жаться тесно друг к другу, чувствуя свое родство, свое духовное и кровное родство. Это — и инстинктивно, к<а>к у детей (впрочем, если в душе их уже пробудился первый луч сознания), и сознательно. Конечно, между людьми есть старшие и младшие; мы — из старших, к<а>к же не чувствовать нежной, покровительственной любви к маленьким, беспомощным, не понимающим даже своей пользы братьям? К<а>к

может быть пуста и холодна жизнь?.. Я знаю, правда, что когда я иду в праздник по Невскому, и люди мелькают, мелькают передо мной, пестрые, пошлые, самодовольные — мне мож<ет> сделаться на минуту безвыходно-гадко и пусто; но уже через минуту — я замедляю шаг, я вглядываюсь в них, в эти жалкие мелкие фигурки, и останавливаюсь мысленно на какой-нибудь одной — на любой, и мысленно рассказываю себе ее историю... Сердце сжимается тоской: под маской пошлого самодовольства я узнаю ч<е>л<ове>ка, который хуже животного, и следовательно, уже чувствую в нем брата... —

> «В душе, в людской душе, в прекрасном храме мира,
> Нет больше божества и даже нет кумира...»[8]

— Я думаю, что именно: больше нет «кумира»; божества никогда не было в ч<е>л<овечес>кой душе — божество невместимо огромно для маленькой души маленького ч<е>л<ове>ка; когда ч<е>л<ове>к думал, что имеет божество в своем представлении, то имел всегда только идола: хотя бы этот идол и был частью действительного Бога-Духа — но всегда только частью, облеченной его творческим воображением в ограниченный образ. На что мне такой Бог? Я сама отрекусь от этого идола, кот<орый> люди в своем величайшем, наивнейшем заблуждении называли истинным Богом. Жажда только всегда была, о конечно, — все та же вечная великая жажда, объединяющая человечество и ведущая его к какой-то неведомой цели, не позволяя ему успокоиться и остановиться. Эта жажда конечно и есть голос Бога в ч<е>л<ове>ке, того — неизвестного, непонятного мне, слишком громадного для меня Бога. И для меня — эта чистая жгучая форма духовной жажды, ничем не заливаемой, с презрением отбрасывающей все суррогаты нужного мне божественного напитка, для меня — самая эта жажда, которую я ощущаю в себе и кот<орой> я не вижу в прежних людях в этой, чистой форме — она служит для меня залогом ч<е>л<овечес>кого развития. Вы раз сказали: род ч<е>л<овеческ>ий вырождается. Я не верю этому: когда люди не могут довольствоваться игрушками своего воображения — это значит, что они растут. Когда я гов<орю> себе: я не хочу прежнего ч<е>л<овечес>кого Бога и лучше останусь без живого Бога — п<отому> ч<то> Бог необъятен для моей маленькой души; — я чувствую себя более крупной, чем другие люди, п<отому> ч<то> в эту минуту я чувствую в себе бессмертное бесконечное начало: я чувствую, что там, в глубине, в мастерской моей души — есть хозяин, имеющий понятие о чем-то большем, чем эта маленькая мастерская... Это может быть зародыш нового, будущего человека, более крупного по духу, чем люди — мы, это только зародыш, потому что он даже не в силах раздвинуть стенки моей души и только знает о чем-то большом, не вместимом в мой ограниченный разум, в мою ничтожную душу. Но когда я знаю о чем-то большем, чем я сама, и уже чувствую бесконечное блаженство: я отделяюсь от

толпы людей, я простираю руки к небу, я чувствую себя на границе человеческого, на границе, за кот<орой> открываются для ч<е>л<овечес>кого разума еще недоступные ему теперь, безбрежные горизонты, в бесконечном будущем открывается мне смутная надежда возможности для человека увидеть Бога ближе, чем мы... Голова моя идет кругом, вся душа моя устремлена к бесконечно-далекому будущему..... — это то состояние духа, когда «страдание, скорбь и блаженство и радость срастаются своими вершинами...»[9].

И можно ли после этого тосковать о потерянном лживом образе Бога? Разве Вам доставляют какое-ниб<удь> удовлетворение очень дурные портреты дорогих лиц (духовный образ которых слишком ясен и не дает возможности удержать в воображении их физич<еского> облика; — м<ожет> б<ыть>, впрочем, это субъективно у меня). Я всегда рву или жгу дурные портреты и предпочитаю не иметь ничего в воображенье, только смутный духовный облик в душе. Зачем же нам кумир? И зачем заливать свою жажду ядом, зажигающим мозг и подрывающим силы? Мож<ет> быть потому, что люди не пробовали сохранить во всей ее чистоте эту мучительную, но святую жажду, этот ад и рай вместе взятые? Или почему же?.. Потому, что люди еще не знают, куда привез бы тот белый, чистый конь Платоновской колесницы, о кот<орой> Вы мне рассказывали, и им страшно этих неведомых еще им путей, по кот<орым> помчит он, если обрезать упряжки темного коня и низвергнуть его в бездну.... ....

«Нет, не случайно мы в свет родились!
Где-то земные нестройные клики
В гимн ликованья сольются великий.
Здесь в моем сердце они уж слились!..»[10]

А эта страница, разрешающая гармоническим аккордом ряд раздирающих диссонансов души, — случайно она заключает этот отдел, для гармонического эффекта или она действ<ительно> есть последнее слово поэта?

Я пишу, пишу без конца, потеряв счет страницам. Я еще многого не сказала. Но довольно, остальное — не так важно, или — просто осталось в душе такой гармонией, что нельзя и выразить словами. «Элегия»[11] преследует меня сегодня целый день, — даже не стихи, а музыка, которой можно было бы выразить то, что гов<орят> эти стихи: я не могу писать стихов, никогда не писала их, но все, глубоко потрясающее меня, возбуждает во мне, кроме отклика, — тот или другой род творчества; и музыка поет в моей душе сегодня...

Только одна негармонич<ная> нота в этой вещи: зачем камень осужденья, слова о лицемерии, понять и простить[12] — что мож<ет> б<ыть> иного в таких случаях. Простить — это пустое слово, но понять и простить... — не слова, п<отому> ч<то> это одно и то же,

а ч<е>л<ове>к может понять; немногие представляют себе, как много может все, все понять ч<е>л<ове>к и как много может он простить.... Есть в этом стихотворении две строчки, от которых у меня слезы побежали из глаз; а я, каж<ется>, никогда еще не плакала от стихов; я трудно, мало плачу. Это замечательная вещь — эта «Элегия»... Но простите, что я так много говорю о ней, что я вообще говорю о ней...

Я вообще писала все, что думалось и чувствовалось, не выбирая, ни с чем не сообразуясь.

Еще раз спасибо за книгу.

Л. Гуревич

---

[1] Речь идет о книге Н. Минского «Стихотворения» (СПб.: тип. В. С. Балашева, 1887); вышла в свет около 5 окт. 1887 г.

[2] *«муза — бледная, как приведенье»* — неточная цитата из стихотворения Н. Минского «Вакханкой молодой она ко мне вошла...» (1887); ср.: «Бледна, как приведенье, / Недвижная она стояла и с тоской»...» (*Минский Н.* Стихотворения. СПб., 1887. С. 3; далее сокращенно: *С—1887*).

[3] note dominante (*фр.*) — доминирующая нота.

[4] *«Без образов, как дым... ...гнетет эта тоска...»* — цитата из стихотворения Н. Минского «Напрасно над собой я делаю усилья...» (1885). *С—1887*. С. 57.

[5] *«наш век больной»...* — цитата из стихотворения К. Фофанова «Чем смертоносней влага в чаше...» (впервые: Новое время. 1893. 4 апр. № 6149. С. 2).

[6] *«любить людей — за что?»* — цитата из стихотворения Н. Минского «Дума» («Отрады нет ни в чем. Стрелою мчатся годы...», 1885). *С—1887*. С. 65.

«Никого я не люблю, и не радуюсь ни с кем» — цитата из стихотворения Н. Минского «В минуту скорби» («Полночь бьет... Заснуть пора...», 1885). *С—1887*. С. 60.

«Как радости людей и скорби их смешны» — цитата из стихотворения Н. Минского «Напрасно над собой я делаю усилья...» (1885). *С—1887*. С. 57.

[7] *Все мне чужды, / Чужд я всем...* — цитата из стихотворения Н. Минского «В минуту скорби» («Полночь бьет... Заснуть пора...», 1885). *С—1887*. С. 60.

[8] *«В душе, в людской душе... ...и даже нет кумира...»* — цитата из стихотворения Н. Минского «Наставники мои! О, Пушкин величавый...» (1885). *С—1887*. С. 58.

[9] Перифраза цитаты из Платона, предпосланная Н. Минским в качестве эпиграфа к поэме «Прокаженный» (1885), впервые: Вестник Европы. 1885. № 6. С. 563—565; *С—1887*. С. 117.

[10] Неточная цитата из стихотворения Н. Минского «Песня» («Через пучину житейской невзгоды...», 1886). В тексте: «Люди, мы в свет неслучайно сошлись!». *С—1887*. С. 72.

[11] «Элегия» («Напев любви, ее напев любимый...», б. д.). *С—1887*. С. 129.

[12] Имеются в виду строки из стихотворения «Элегия»: «И те слова и слезы были ложь. / Но я не знал, что сердце лицемерит». *С—1887*. С. 143.

11. Н. М. Минский — Л. Я. Гуревич

27 окт<ября> <18>87 г.[1]

Я с большой грустью прочел Ваше письмо — честное, правдивое, благоразумное. Конечно, каждый человек имеет право дорожить или,

вернее, дорожиться интимной жизнью своей души и никого не впускать в ее «святая святых». Теперь я понимаю, насколько наше предложение было безрассудно. Но Вы сами отчасти или даже виновны, вызвав его. Ваша безрассудная откровенность с людьми почти незнакомыми подействовала на меня заразительно, и мне на минуту показалось, что я полюбил Вашу исступленную душу не совсем обычной любовью. Но я впечатлителен, — и первый расчетливый шаг, первое колебание, первое размышление с вашей стороны, вернуло и мне способность размышлять и рассчитывать. Симпатия — это небесная роса, увлажняющая сухое, себялюбивое, человеческое сердце, и дыхание <?> рассудка превращает ее в иней. Я говорю о симпатии мистической, беспричинной, безрассудной. Вы думаете, что она делится на части, что одному человеку, с которым Вы были дружны пять лет, Вы можете уделить всю симпатию, а другим, которых Вы видели пять раз, следует уделить половину ее, или три четверти, или пять шестых. Мне же кажется, что если смотреть на человека, как на «homo sapiens», то мы и совсем нашей симпатии не стоим, ибо человек — существо злое, порочное и лживое. Но если почуять в нем часть божества, способную своим общением вызвать в нашей душе чувство какого-то святого настроения или экстаза, тогда мы должны ему раскрыть всю нашу душу, без ограничений, невзирая ни на какие условия времени или удобства, или пользы. Первый я бы никому не стал предлагать интимное общение душ, — я охлажден <?> жизнью и привык к одиночеству. Но Ваши письма были для моей отдыхающей <?> души трубным гласом, теперь я вижу свою ошибку. Вы, в самом деле, не безумны. Безумие Ваше длилось, по Вашим словам, шесть недель и прошло, как болезнь. Теперь Вы выздоровели, а быть может, только заболели. Жалею, что моя ошибка даже не послужит для меня уроком: едва ли скоро захочется мне стать с кем бы то ни было в такие отношения, в которые по недоразумению стал с Вами.

Простите тон этого письма. Поверьте, что я не менее ясно, чем Вы сами, понимаю Вашу правоту. Вы поступили честно и разумно, предложив свои условия. К сожалению, дело, которое мы затевали, дело, по нашей и, во всяком случае, по моей мысли, <было> чем-то почти безусловным. Рассчитывая, подобно Вам, я нахожу, что и в самом деле, я слишком много хотел Вам дать.

Но это я говорю от моего имени. Ф<лексер> сегодня будет у Вас и будет говорить о Вашем письме, вероятно, с меньшею горечью.

<Подпись>

Господень светлый храм стоит, для всех открытый,
И замкнута для всех печальная тюрьма.
А мирных жителей все прочие дома
Открыты для одних, и для других закрыты[2].

Печ. по: РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 153, л. 25—26 об.

[1] 27 окт. 1887 г. Гуревич записала: «...Я опять не сплю, т. е. засыпаю на рассвете. Это время меня волнует М<инский> своим безумием. Никто еще не относился ко мне так... В пятницу он неск<олько> раз довел меня почти до волнения: я с непривычки не знаю, не умею держаться ровно и спокойно в ответ на эти слова. Какие слова? Да вот то, что он безумный ч<е>л<ове>к, что он минутами видит во мне свой идеал <...>» (РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 31, л. 76 об.).

[2] Экспромт Н. Минского.

12. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

30 октября 1887.
СПб.

«А он, мятежный, просит бури,
Как будто в буре есть покой...»[1]

Я думала, что Флексер скажет Вам то, что мне нужно было объяснить Вам в ответ на Ваше письмо, но я только что узнала, что эти дни Вы не виделись с ним и потому предпочитаю написать Вам. Ваше письмо вызвало в моей душе целую бурю негодования на Вас: я хотела тогда же написать следующее: «Так, значит, я тоже ошибалась в Вас, значит, Вам нужна была не я, к<а>к личность, а только объект Ваших фантазий, для формулы +lg. ∞[2], для красивых драпировок плаща Сивиллы!.. Если то мое письмо могло вызвать Ваши строки о «мирных жилищах», с кот<орыми> Вы меня сравнили[3], значит, Вы не хотите докопаться до правды, не ищете живой души, а ищете только эффектов. И если Вы не понимаете, что... в конце концов я именно безумный ч<е>л<ове>к на все обыденные мерки и что я хочу этого кружка более Вас самих, если Вы этого не понимаете, то Вы ничего не понимаете и не хотите понять во мне».

Только потом, думая о Вас и о своем письме и стараясь уяснить себе самой мотив этого письма, я поняла, что виновата была я, а не Вы, что письмо мое было, действит<ельно>, смешно и противоречит моей сущности, и что Вы были не обязаны сквозь мое письмо прочесть непосредственный голос моей души. Я, действ<ительно>, «мудрствовала лукаво» в том письме, мне вовсе не надо было давать время обдумывать, мое непосредственное решенье, первое решенье — в конце концов, всегда вернее всяких размышлений. На мои мудрствования тоже были свои причины, вот они: когда я готова уже была сказать свое «да», во мне вдруг встали образы прежних друзей, любящих меня всей душой, интересующихся или интересовавшихся всякой мелочью моей чисто личной, Вам м<ожет> б<ыть> неинтересной жизни. И это — 1) вызывало во мне чувство страданья при мысли о своей невольной и неизбежной измене; — я преданная и верная по натуре; и 2) я невольно измерила Вас на ту, старую, здесь неуместную мерку, т. е. забыла, что Вам, действ<ительно>, даже не может быть <так!> интересны многие мелочи. И мне захотелось сознательно провести

перегородку между тем, что я дам Вам, и тем, что, давая им, я не дам Вам. Все это было совершенно не нужно, все это подразумевалось само собой и потому мое письмо могло произвести эффект только комический и неприятный. Но повторяю — я мудрствовала лукаво. Делить искренность, конечно, нельзя, и написав первое письмо Вам и Ф<лексеру>, я уже сразу изменила всем прежним друзьям, невольно признав их для себя недостаточными. Следовательно, тут и говорить было не о чем; мое письмо было не нужно, и Вы ни в чем не виноваты.

Не скрою, что я впала в неизмеримую тоску от Вашего письма: я почувствовала, что, раз вырвавшись из прежних рамок, я уж больше никогда не войду в них; увидев новых людей, более подходящих ко мне, я ушла от прежних; а эти новые — из-за одного моего письма проглядели в конце концов мою сущность и сами ушли от меня! Мне оставалось проводить Вас полу-негодующим полу-презренным хохотом за Вашу слепоту, — я думала, окончательную. Но Ф<лексер>, знающий Вас лучше меня, уверял меня, что эта слепота вызвана моим же письмом, временная, — и я — желая поверить, — поверила. Не знаю, насколько я была права в этом случае и не поступаю ли я еще более безумно, чем прежде, говоря Вам в ответ на Ваше письмо: для меня кончены счеты с прежними друзьями, одного из них и без того уже не было, остальным я изменяю для кружка.

Очень возможно, что Вы скажете: уже поздно. Вы скажете это, если Вы — солома, легко воспламеняющаяся и скоро потухающая... п<отому> ч<то> больше уже нечему гореть. М<ожет> быть, это так и есть, я Вас не знаю. Но я пишу это письмо, п<отому> ч<то>... каж<ется>, действительно, я безумная.

Л. Гуревич

---

[1] Цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Парус» (1832).

[2] Смысл высказывания не поддается комментарию (логарифм бесконечности — ?); воспроизведены знаки — логарифм (+ lg) и бесконечность (∞).

[3] См. письмо Минского от 27 окт. 1887 г. — п. 11.

13. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

3 ноября 1887.
СПб.

Посылаю Вам книгу, исчерканную заметками, и фельетон Флексера[1], о кот<ором> напишу ему самому и о кот<ором> следовательно не стану писать Вам отдельно. Ему же разовью начатую на полях книги мысль по поводу «Прокаженного»[2]. А Вам отвечу на Ваше письмо.

Вы знаете, — я глубоко впечатлительна ко всякому хорошему слову, и оно падает мне прямо в глубину души, чтобы остаться там навсегда.

Уверяю Вас, что, когда в Вашей душе останется от соприкосновенья со мною только бледное, как призрак, воспоминанье, в моей — каждое Ваше слово и каждая строка Вашего письма будут живы и дороги, к<а>к теперь. «Дурное — забывается, хорошее — никогда», по крайней мере для меня. Каждое слово любви и доверия, каждая новая мысль или образ, заброшенный в мою душу, падают в нее добрым семенем или благотворным дождем. И привыкнув жить сознательно, я всегда знаю, кто какой след оставил по себе в моем развитии, в моей жизни. Имена таких людей пишутся в моей памяти, не к<а>к на аспидной доске[3], с которой легко стираются, а выгравировываются на камне, чтобы сохраниться навсегда. И по мере того, как растет ч<е>л<ове>к, растет и эта скрижаль, и выбивая на ней новые имена, для которых всегда есть место, только лишний раз глядишь на прежние... И услужливая память выдвигает из-за имен живые образы... живые-живые, до боли живые! Длинной вереницей проходят они один за другим, некоторые — загадочно глядя вдаль, другие грустно и приветливо улыбаясь; и на некоторое время снова спускаются в темную глубину моей души... И какую бурю производит появление каждого из них!.. Так у меня; я знаю это по опыту и, говоря кому-нибудь, как теперь Вам: «Я никогда не забуду», — действительно никогда не забываю...

Уже из этого Вы видите, что я далека от отношения к Вам, как к «педагогу»[4]. Разве я не чувствую, как кто относится ко мне, и разве Вы могли бы быть «педагогом»! Вчера ведь — это была шалость; неужели она могла задеть Вас? Я просто школьничала, поддразнивая зараз и отца и Вас, и высказывая в этой запутанной форме мысль, предназначавшуюся для Вас, но не для него... Что мысль тут была — это правда; я сейчас изложу Вам ее прямо, к<а>к уже начала говорить вчера по поводу чтения Бобр<ищева>-Пушкина[5]: зачем Вы опасаетесь, что я пойду по пути, который ни на одну минуту не ослепляет меня? Клянусь Вам — я не собираюсь быть ни «пророком», ничем подобным, не вижу нужды реформировать — ни искусство, ни науку, и только твердо верю, что, будучи человеком разносторонне одаренным, выработаю из себя ч<е>л<ове>ка... необыкновенного. Вы опять скажете: не верю... — Все равно; я не стану убеждать на словах; мы увидим. А теперь скажу только, что во мне есть еще много сторон, которых Вы не знаете и кот<орые> именно и дают мне мое такое твердое и ясное убеждение. Не думайте, что я прячу их; просто — мы знакомы еще слишком короткое время, чтобы успеть развернуть перед Вами весь огромный свиток ч<е>л<овечес>кой души. Еще одно слово по поводу «педагогики»: Вы вчера действ<ительно> неприятно поразили меня своими словами о том, что я еще не жила: эти Ваши слова собств<енно> даже не имели смысла по отнош<ению> ко мне: Вы знаете, что в la fomeuse[6] «интуиция» помогает мне часто постигать вещи, которые знать по опыту я не могу. Ведь Вы уже видели примеры

и еще увидите. А тут это было совсем неуместно: дело шло о любви; не Вам отрицать, что люди любят вполне независимо от возраста, и было бы странно и слишком уж «не психологично» не допускать, что женщина до 21 года может пережить все глубину любви... Я рано начала жить и очень много жила; я никогда еще не встречала женщин 20 лет, переживших столько, сколько я, и уже по одному этому — среди сверстниц — мне нет равных... И потом — я очень много пережила за других; с 17-ти лет я выслушиваю от людей такие признания, такие исповеди, что другому и всю жизнь не придется... Не говорите же мне другой раз, когда я захочу сказать что-нибудь, что я не имею права судить об этом; Вы мож<ет> б<ыть> не поверите, но в сущности я скромная, и никогда у меня даже духа не хватает судить о том, чего я действительно не знаю. Я не обиделась, п<отому> ч<то> «обижаются» именно тогда, когда-таки заденет за правду, но огорчилась, думая, что оч<ень> печальное начало для кружка.

Теперь два слова о кружке: мне очень легко сделать так, чтобы нам не мешали, мешать могут только братья[7], но за искренним заявлением о том, что они мешают, с моей стороны дело не станет. Они знают, что я не люблю, когда мне мешают говорить с близкими людьми, и мешали до сих пор именно потому, что считали вас — т. е. Вас и Ф<лексера> — за «просто знакомых». И с этой точки зрения они были правы. Но сегодня я уже прочла рацею о том, что мы с вами «большие друзья» и что «судить о близости по давности знакомства — просто дико и смешно»... И рассуждения эти не преминули произвести назидательное действие! — Словом — мешать не будут, п<отому> ч<то> отец[8] более чем редко приходит раньше 2х, а до 2х можно сделать много дела!... Словом — затруднений никаких. День предоставляю Вам выбрать: понедельник (грех будет прогоняться заблаговременно), среда или четверг; лучше четверг, потому что, поздно засидевшись в среду, трудно вставать в четверг в 6 ½ утра на Лесгафта[9].

Еще о концертах. Я обожаю музыку, и 10 ежегодных симфонич<еских> концертов представляются мне какими-то звездами на темном фоне... Я живу там всеми фибрами души и ума, у меня грудь разрывается — точно что-то блестящее, сверкающее, жгучее, к<а>к огонь, и огромное, трепещущее в ней... Я, конечно, избегала там людей банальных, чтобы не страдать от дисгармонии, но от людей настоящих я никогда там не пряталась. Напротив — сердце мое переполняется любовью и восторгом, нежностью и доверием во время музыки, и, если люди не составляют контраста с музыкой, они кажутся мне особенно близкими и дорогими... Только, кажется, в этом году музыка будет хуже обыкновенного, п<отому> ч<то>... — это конечно мое личное мнение — Ауэр[10] неважный дирижер. Впрочем, я уже абонирована.

Господи, зачем я не играю! Зачем я не играю! Какое дикое безумие было бросить музыку; ведь я так понимаю ее, и она так бесконечно много дает мне![11]

До свиданья. Выберете день, когда будете приходить ко мне, и известите.

Мое письмо вдвое больше Вашего, хотя написано весьма скоро и обыкновенно...

Люба

Из дневника[12]:..... «Я сказала, что душе моей присуща какая-то высшая тоска. У меня всегда это было. Весенняя ночь с трепещущими звездами и соловьиным пеньем, мягкая, теплая, благоуханная ночь, — лучшее, что есть в природе, и музыка Бетховена — лучшее, что есть в искусстве — всегда вызывает во мне тоску жгучую и сладкую... И мне кажется, что вся я становлюсь легкая, светлая и прозрачная, руки мои невольно хотят подняться кверху — к звездному небу и... мне хочется умереть... Но есть и на земле нечто, заставляющее на минуту забыть о смерти и дающее минуты божественного удовлетворения: это любовь. Есть в любви нечто, сродняющее ее со смертью: и в любви и в смерти ч<е>л<овечес>кий дух выходит за пределы своего «я» — в смерти навеки, в любви — на моменты. И потому любовь заставляет на время забыть о смерти... я говорю о любви просветленной, глубокой, духовной. — Есть души, в которых источник любви и жажды любви — ограничен; разменявшись своим внутренним богатством с какой-нибудь одной душой, они чувствуют себя удовлетворенными; таковы должны быть нормальные ч<е>л<овечес>кие души. У меня душа *ненормальная*; ее жажда, ее способность расширяться — каж<ется> неограниченной; моя потребность в любви так бесконечна, что величайшее, что могут дать мне люди соединенными усилиями — будет едва достаточно, чтобы не тосковать и не думать о смерти... Так — мне все точно кислороду мало... Вот почему я совершенно особенно отношусь к людям, любящим меня. У других женщин это обыкновенно не так, к<а>к у меня: недобрым — «лестно», добрым — «жалко». У меня — о, совсем другое! Душа моя как бы раскрывает свои объятья, радостно, горячо, нежно, и чем больше людей, привязанных ко мне — к моей душе, — тем светлее и радостнее мне живется на свете. Моя душа — не из тех чисто-женских душ, которые, прилепляясь к какой-нибудь другой душе, отказываются от собств<енной> самостоятельности, теряют собственный центр тяжести. Я не могу потерять своей самостоятельности: в лучшем — единственном случае человек может сравниться со мной в своем духовном весе; обыкновенно — другая душа прилепляется к моей, оставляя за мной известное духовное преобладанье... Я говорю обо всем этом по опыту, хотя людей, любящих меня, в сущности мало... Или это только моей ненасытной натуре мало, хотя сравнительно с другими я должна казаться богатой?.. Не знаю, но во всяком случае каждый новый ч<е>л<ове>к, полюбивший меня, наполняет мое сердце такой восторженной нежностью, что — с моими детскими привычками! — не нахожу достаточно нежных слов, чтоб выразить свои чувства».

Конверт:
Здесь
Большая Итальянская, д. 15, кв. 12
Его Высокоблагородию
Николаю Максимовичу
Виленкину

[1] Имеется в виду заметка Волынского (без подписи) в еженедельнике «Недельная хроника “Восхода”» (1887. № 43. 25 окт. С. 1090), в которой он продолжил анонсировать книгу Минского: «В одной из предыдущих книжек “Восхода” мы имели повод выяснить литературную физиономию этого оригинального и даровитого поэта. Здесь отметим только черту, которая, конечно, не ускользнет от внимательного читателя его книги. Обрабатывая сюжеты, далекие по своему содержанию от вопросов, занимающих русское еврейство, автор “Прокаженного” в лучших своих стихотворениях всегда рельефно вырисовывается с стороны своей *племенной* индивидуальности — и неутомимой жаждой оригинальности, и своею вдумчивою серьезностью. Ум трезвый и извилистый виден почти в каждой работе поэта. В произведениях Минского ищите не легких прозрачных форм — не ими красна лежащая пред нами книга. В стихах поэта преобладает вдохновение серьезной мысли, с широко раздвинутыми перспективами, с яркими, светлыми идеалами. Именно такое вдохновение, не рядящееся в пышный убор дешевой риторики, не кутающееся в пустые холодные фразы, решительно выдает еврейское происхождение симпатичного писателя». В этой же библиографической заметке Волынский анонсирует издание первого тома пятитомной «Истории израильского народа» Э. Ренана (1887) — *Renan E.* Histoire du people d’Israël: en 5 tomes. Paris: Lévy, 1887—1893.

[2] В рецензии на книгу Н. Минского Волынский отметил: «“Прокаженный” — это небольшое стихотворение, не проникнутое тем увлечением, которым дышит разобранная нами поэма <«Вавилонское столпотворение». — *М. П.*>, но по глубине мысли и чувства, по простоте и задушевности исполнения соперничающее с лучшими созданиями молодой русской поэзии. <...> Как хорошо, трогательно поэт раскрывает перед нами психику человека, вышедшего из своего лога, чтобы издали посмотреть на храм, к которому ему путь навсегда загражден» (*Волынский А.* Библия в русской поэзии. Этюд второй // Восход. 1887. № 9. С. 74). Письмо Гуревич к Волынскому от 3 ноября 1887 г. о «Прокаженном» не выявлено (см.: РГАЛИ, ф. 95, оп. 2, ед. хр. 4).

[3] Отсылка к стихотворению Н. Минского «Как сон пройдут дела и помыслы людей...» (впервые: *С—87*. С. 189), ср.: «Как с аспидной доски ненужные слова / Рукой неведомой сотрутся».

[4] См. письмо Н. Минского от 3 окт. 1887 г. — п. 5.

[5] *Бобрищев-Пушкин Павел Сергеевич* (1802—1865) — поэт-декабрист; в 1888 г. в журнале «Исторический вестник» (Т. 32, май, июнь; Т 33, июль) были опубликованы воспоминания о нем дочери тобольского прокурора М. Д. Францевой. Вероятно, Гуревич читала их до публикации, в период подготовки текста к печати.

[6] la fomeuse (*фр.*) — так называемая, небезызвестная.

[7] Братья Л. Я. Гуревич — Яков Яковлевич (см. прим. 9 к п. 40) и Григорий Яковлевич (см. прим. 1 к п. 20).

[8] Отец Л. Я. Гуревич — Яков Григорьевич (см. прим. 7 к вступ. статье).

[9] *Лесгафт Петр Францевич* (1837—1909) — биолог, анатом, антрополог, врач, приват-доцент С.-Петербургского университета, общественный деятель; организатор Высших научных курсов подготовки воспитательниц и руководительниц

физического образования; с 1884 г. преподавал анатомию на медицинском факультете С.-Петербургского университета; в 1886—1887 гг. читал лекции на Рождественских женских курсах.

[10] *Ауэр Леопольд (Лев) Семенович* (нем. *Leopold Auer*, венг. *Auer Lipyt*; 1845—1930; с 1918 г. в эмиграции в США) — венгерский и русский скрипач еврейского происхождения, дирижер, композитор, профессор Санкт-Петербургской консерватории; с 1880 г. — дирижер Придворной певческой капеллы; в 1888—1892 гг. дирижировал симфоническими концертами Императорского Русского музыкального общества.

[11] Л. Гуревич сообщала о себе в автобиографической заметке: «Никто из писателей никогда не влиял на меня так могущественно, как Бетховен, особенно его 5-я и 9-я симфонии, которые я одно время могла воспроизводить слуховым воображением, почти наизусть, и которые, можно сказать, формировали мое мироощущение» (*Гуревич Л.* История «Северного Вестника» // Русская литература XX века, 1890—1910 / под ред. проф. С. А. Венгерова. С. 237).

[12] В архиве Л. Гуревич содержатся дневники и мемуарные записи 1882—1898 гг., под заглавием «Записки»: РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 27—32.

14. Н. М. Минский — Л. Я. Гуревич

<18>87 г.
5 ноября ночью.

Спасибо, родная, сердечное, за письмо, еще большее спасибо за подпись «Люба». Прежде я так называл Вас заочно в разговорах с Ф<лексером>. Теперь это имя стало заветное — и я им буду называть Вас только наедине с собою и с Вами — если будет не очень стыдно.

Пишу я Вам сегодня второй раз. Утром начал Вам письмо в таком безрассудном, бесповоротном тоне, что сам испугался. Потом мне принесли газеты — и я прочел фельетон Скабичевского[1] — и душа моя на весь день болезненно сжалась. Презираю я от души эту писаревскую закваску[2] говорить о поэзии и поэтах с разнузданной небрежностью, вывалить в грязи на потеху публики имя поэта. Скабичевский вымарал и меня, и публику, не утаив <?> своего собственного ничтожества. Этот литературный петух перешел мою книгу в брод в одном из самых мелких стихотворений («Засуха»), да и похваляется: смотрите, вот самое светлое место книги — и какое мелкое: мне по колени[3]. В других местах — темнее. Глупый петух! Оттого темнее, что глубже! Я все это отлично сознавал, и все-таки душа моя болезненно сжалась от слов Скабич<евского>, как будто меня обнимал и целовал безобразно-пьяный человек. Стыдно будет со временем этим людям, если у них есть стыд. А впрочем, бог с ними! Чувство брезгливости уже утихло во мне — и опять окружили меня мои чудесные образы, прекрасные и возвышенные, как Вы, моя бледная, вдохновенная Люба! И столь же дерзкие... О, если бы Вы знали, какой великий мир я ношу в груди — и скоро, скоро я создам его могуществом слова. Теперь уверен, что скоро. Мое сердце до сих пор томилось и засыхало

без любви — а теперь я такой торжествующей любовью полюбил Вас[4], Люба, что, говоря это, я только понимаю, но не чувствую странность своей речи: я не могу говорить иначе. Большие, страшные слова с такой силой приливают из глубины души, что бороться нельзя с ними. Пусть они прорвутся и в один миг унесут Ваш и мой покой, и гордость, и стыд. Я и душу Вашу полюбил, и тело Ваше полюбил, полюбив Вас, как сестру, как невесту, как музу, полюбил Вас навсегда, до тех пор, как Вы останетесь тем, что я полюбил, пока Вы не умрете — умирают и при жизни. Странно, как я решаюсь Вам говорить все это. И сердце шепчет мне, и я Вам вслух повторяю, что *так* оно замирает в первый раз. Потому что в первый раз я встречаю живое воплощение своих надежд. Я боялся поверить тому, что знал с первой минуты нашей первой встречи. И если Вы меня полюбили также полно <?> — то я готов сказать судьбе: довольно! заботься о счастье других людей — мне больше не нужно! Нам больше не нужно.

А вдруг я ошибаюсь и предо мной мираж, созданный моей самонадеянностью. И вдруг я узнаю из Вашего письма, что Вы меня любите какой-то удивительно мудрой и «благодатной» любовью, разделенной на градусы <?>[5]. Тогда, дорогая Люба, я Вас навсегда оставлю. И это я сделаю, не подчиняясь чувству досады, от оскорбленной гордости, или ревности, — а потому что с любовью, не полной, не безумной, не восторженной мне делать нечего. Любовь — это яркая звезда нашей жизни, горящая то впереди нас, то позади нас. Часто мы любим, и все-таки любовь кажется нам еще чем-то ожидаемым, не наступившим. Также часто мы любим — и любовь нам кажется чем-то минувшим. Для меня теперь звезда любви горит прямо над головой, в зените жизни. Теперь или никогда наступит для меня мгновение полюбить любовью мистической, более сильной, чем жизнь, и столь же сильной, как Бог и вечность. Полюбите и Вы меня сильнее жизни и славы — и любовь вознесет нас на недосягаемую высоту просветления духовного, и экстаза, и божественной мысли — и тогда наша встреча и наш союз пройдут не бесследно для нас и для людей. А все остальные чувства — посредствующие и посредственные — тягостны. Вот почему я так смело гляжу в грезы вашей души. Если бы возможно было любить мистически любовью не взаимной, я бы не спрашивал и ждал ответ. Но ведь это должно быть мучительно. А я хочу бесконечного счастия. Знайте: Вы мне можете дать бесконечное счастие, но страдать Вы меня заставите немного. Зато этой ночи — уже минувшей — никто не может отнять у меня — ни Вы, ни даже судьба. Благословляю Вас, дорогой больной друг. Я жажду и боюсь Вас увидеть. Ведь теперь я увижу Вас совсем другой — преображенной моей любовью. Я вдруг подумал: что если бы она вошла теперь в мою комнату, бледная, улыбающаяся... У Вас смелые <?> глаза и робкая, порою даже испуганная улыбка. У Вас бесстрастная речь и больной, тоже робкий голос. Когда среди откровенного разговора Вы начинаете читать,

Ваш голос странно меняется: он становится еще тише и звучит грустным вопросом и недоумением, дрожащим и однообразным. И вместе с вопросом в нем слышится восторг. И в такие минуты я вижу Вашу девственную душу, горящую нездешним вдохновением и с удивлением вопрошающую Бога: отчего я так рано просветлена Тобою и долго ли мне осталось жить на земле? И в такие минуты я сам себя спрашиваю: долго ли проживет на земле эта чудная девушка? И отвечаю сам себе: не знаю, но знаю то, что я хочу жить лишь покуда она жива. Как я люблю Вас! Как я люблю Вашу восторженную душу!

Печ. по: РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 153, л. 20, 18—18 об.

[1] *Скабичевский Александр Михайлович* (1838—1910/1911) — литературный критик и историк литературы, близкий либерально-народническому направлению; печатался в «Северном вестнике» А. М. Евреиновой и при новой редакции, опубликовал в журнале обширный очерк «Чем отличается направление в искусстве от партийности. (По поводу сочинений Н. С. Лескова)» (*СВ*. 1894. № 4, 5). Здесь речь идет об его уничижительной рецензии на книгу Минского, вызвавшей между ними острую полемику. Основной, неоднократно повторенный тезис Скабичевского: «Итак, г. Минский не поэт, а поэтик» (*Скабичевский А. М.* Н. М. Минский, стихотворения. СПб. 1887 // Новости и Биржевая газета. 1887. 5 нояб. № 304. С. 2). О возникшем конфликте см. комм. С. В. *Сапожкова: БП.* С. 341—342; *Павлова М. М.* Заложник «Старинного спора»: вокруг «Стихотворений» (1887) Н. Минского // Русская литература. 2024. № 4. См. также п. 21 и прим. к нему.

[2] То есть следуя критическим установкам Д. И. Писарева.

[3] Скабичевский привел в статье полный текст стихотворения «Засуха» («Я помню, летнею порою...»), 1879 (*С-87*. С. 17), предпослав ему пассаж: «Настоящая сфера г. Минского — это антология; для возбуждения поэтического творчества г. Минский нуждается непременно в каком-нибудь внешнем явлении жизни, которое так или иначе поразило бы его и вокруг которого он мог бы сгруппировать целый ряд своих ярких образов и тихих меланхолических раздумий. <...> По крайней мере, в изданной г. Минским книжке лучшими являются именно такого рода произведения. Таково, например, стихотворение “Засуха” <...>».

[4] Вероятно, отсылка к мистической повести И. С. Тургенева «Песнь торжествующей любви» (1881).

[5] Речь идет о письме Л. Гуревич от 3 нояб. 1887 г. — п. 13.

15. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

6 ноября 1887.
СПб.

Перечтите еще раз тот отрывок дневника, который я выписала Вам в прошлом письме: я не могу сказать ничего нового... Если бы я была похожа на других, если я была нормально создана, я бы сказала, что-нибудь менее «темное»; я говорю нечто не входящее в рамки того, к чему люди привыкли; мои чувства не входят в рамки моего

разума; «мудрости и благоразумия» нет во мне и следа, я не делю свои чувства на градусы; но я повторяю только, что больше не могу любить кого-нибудь *одного* и что, если бы *все* любили меня так, к<а>к Вы, я бы выдержала этот поток лавы, эту жизнь в чистом кислороде, выдержала бы, оставшись самой собой, и только, учащенно дыша, повторяла бы: ах, к<а>к хорошо! к<а>к хорошо! Вот это жизнь!..

Вы говорите «если б любовь мистическая могла быть не взаимной...»[1] Она может, она должна быть такой по отношению ко мне. «Это м<ожет> б<ыть> мучительно»[2] — но это лучше всякого счастья. Счастье Вам пускай дают другие; я создана совсем не для счастья — ни для своего собственного, ни для счастья других. Счастье — это пустяки... Если душа Ваша устанет от любви ко мне, уходите и ищите счастья у других, а пока можете, пока хватит сил, любите меня, ни на одну минуту не допуская в себе мысли ни о взаимности, ни о счастье. Не прилагайте ко мне никаких обычных мерок. Подумайте, что я, полюбив первая, любя в течение 6-ти лет со всем пылом, со всей страстью, нежностью и восторгом, на какой только способна моя безудержная натура, — несмотря на это, первая ушла от взаимности и счастья, не допуская для себя никаких обычных рамок жизни и повторяя себе сквозь крики и стоны своей души, что я не могу принадлежать одному, потому что хочу, должна и могу быть для других тем «кого мне не хватает»...

Перечтите тот отрывок дневника, который я прислала Вам в прошлый раз. Поймите, что ко мне нельзя прилагать обыкновенных мерок. Я сама себя не совсем понимаю: я невыносимо мягка, п<отому> ч<то> не могу видеть слез на глазах людей без того, чтобы сердце мое не сжалось рыданьем, а в то же время зная, что невзаимная любовь есть мука и огонь, повторяю Вам: любите, любите, не бойтесь страданья, любите, пока хватит сил любить...

И еще вот что: не подходите никогда ко мне очень близко, владейте собой. Простите за эти слова.

Люба

P. S.

Не говорите, что увидите меня иною, «преображенною», ведь это знач<ит> — преображенною в Ваших глазах, а это значит, что Вы любите не меня, а созданный Вашим воображеньем образ. Не идеализируйте меня, умоляю Вас; не закрывайте глаза на мои недостатки, не прикрашивайте мою наружность, не забывайте, что по наружности я некрасива, а умств<енно> и душевно представляю из себя только воплощенное *стремление* к совершенству, но ничего больше. Я так боюсь принимать и радоваться любви, направленной не на меня, а на поэтическое создание Вашей фантазии!..

Любите меня, но реальную меня, а не идеализированную... Вы уверены, что любите меня?

Вас рассердит эта страница как лишняя, неуместная. Но она идет не из рассудка, а из желанья с полным правом присвоить себе эту любовь и получая Ваши письма уже не делать для себя больше никаких оговорок. Меня смутило то, что я вышла как-то очень поэтична в Вашем изображении.

---

[1] Цитата из письма Минского от 5 нояб. 1887 г. — п. 14.

[2] Там же.

16. Н. М. Минский — Л. Я. Гуревич

7 ноября <18>87

Вы не совсем рассчитали наши силы. Любовь, которой вы велите мне любить Вас, не мука и огонь, а верная смерть через несколько недель, — по крайней мере, я так чувствую. Если бы я не должен был жить и творить, я бы, может быть, не испугался смерти от любви, но теперь я бегу от Вас. Неужели Вы не только телом, но и душой не можете принадлежать одному? Любить Вас и знать, что Вы позволяете еще кому-нибудь говорить Вам о любви своей, — это невыносимо. И сколько противоречий в том? И сколько противоречий в том, что Вы говорили прежде и теперь? Где же Ваша верность?

Безумно любить друг друга, чтобы вместе любить людей, природу и Бога — вот моя мечта. Безумно любить друг друга так, как хотелось бы любить всех людей... Понимаете Вы меня или нет? Я боюсь, что Вы любите только себя и свое тщеславие, может быть, свою славу. Я боюсь, что этому уродцу Вы принесли в жертву свою первую любовь. Вы не единственная, я знал много девушек, боявшихся взаимной любви, как могилы своей свободы и самостоятельности. В этом Ваша сила и бессилие. Кто боится могилы своей свободы, тот не свободен. Разве есть сила в мире, которая могла бы меня отвратить от того, что я считаю своим призванием и долгом? А Вы этого и боитесь. Вам кажется, что, полюбивши взаимно, счастливой любовью, Вы перестанете принадлежать людям. Если это так, Вы достойны сожаленья. Истинно великие сердца черпают во взаимной любви могучую силу. Вы мне кажетесь слабой и больной. Вы хотите дышать искусственным воздухом, чистым кислородом. Какой поразительный образ! Многие, все любят Вас любовью, которая есть мука и огонь, а Вы — холодный идол, раскалившийся чужим огнем, — приговариваете: ах, как хорошо, как хорошо!

Мы совсем разного закала люди. Я получил от Бога известные <?> силы для служения людям — и жажду помножить, удесятерить эти силы через посредство живой любви. В Вас никаких активных сил нет, но взамен есть мучительное, страстное порывание служить лю-

дям, безумное тщеславие, распаленное чтением и нездоровой столичной жизнью, зрелищем чужих побед и лавров. К тому же, Вас гложет страстный темперамент, ушедший во внутрь и ставший роковым недугом. Вы, как ночью подожженное здание, горите со всех концов — бесполезным, зловещим пламенем. Спасти Вас нет возможности — да и зачем? Для этого пришлось бы на Вас вылить целое море житейской прозы и превратить Вас в конце концов в обгорелую, безобразную груду. Вы все-таки освещаете темную ночь жизни — прекрасным, хотя и зловещим светом. И кто знает! В этой жизни, где все бесцельно, Ваша неутомимая жажда, Ваша мистическая тоска, Ваше безумное порывание к спасению людей, — все это также прекрасно и высоко, как свобода, искусство и наука. Искусство и наука — такие же тщетные порывы к бессмертию. Они умрут вместе с людьми, а Ваши порывы умрут вместе с Вами. Если бы Вам удалось хоть отчасти осуществить свои порывы — Ваш внутренний огонь тотчас померк бы. — Не жалейте, что Вы бросили играть. Будь Вы прекрасной музыкантшей, пользующейся успехом, Вам бы музыка таких восторгов не доставила, как теперь. Или тогда бы Вы были бы мертвы для других восторгов.

Но зачем я Вам это говорю? Ведь Вы не можете мне верить, если хотите жить. Мне кажется, я Вам говорю ту правду, которую человек человеку не должен говорить.

Я не только Вам, но и себе разъяснил этим письмом, почему я — Вас полюбил, и почему я должен от Вас бежать, как бежит путешественник, завидев дерево смерти. Для меня Вы — смертельная отрава, для Вас я — безвредный зритель Вашей неиссякаемой тоски. В этом трагедия нашей встречи... Увижу ли я Вас еще? Должен ли я Вас видеть?

Печ. по: РГАЛИ, ф. 131, оп. 1. ед. хр. 153, л. 16—17 об.

17. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

<Между 7 и 9 ноября 1887>

Как могли Вы полюбить меня, если так не понимаете! О, Боже мой; к<а>к мне стало тяжело, душно и грустно от Вашего письма!.. Вы все считаете меня душевно-нездоровой, Вы гов<орите>, что я выросла в городе, нагляделась на славу и проч. ... скучно перечислять... Я живу в природе, с природой и с Богом, и с людьми больше, чем все, кого я знаю; я ненавижу свое тщеславие, как гадкий осадок от прежних мыслей, я не ищу больше славы, я ищу правды и любви, ищу в людях той бесконечной любви, которую чувствую в своей душе. И мне ужасно и холодно жить, п<отому> ч<то> я люблю *всех* больше, чем меня любят. Никто еще не любил меня так сильно, как я умею любить, и мне было холодно в мире, п<отому> ч<то> я постоянно лу-

чеиспускаю свой жар в пустое пространство, и люблю людей *больше, чем им кажется*. И когда я увидела, что нашелся человек, который готов полюбить меня, к<а>к я способна любить, у меня тяжесть свалилась на минуту с души, и я *почувствовала* всем существом, что жить на земле стоит. А то мне все хочется умереть, хотя я и люблю жизнь... И ведь точно я не знаю, что если я умру, то умру бесславной! А мне хочется смерти, а не славы. Тщеславие во мне стало испаряться за последний год; я его так презирала в себе...

Николай Максимович, милый, дорогой, если бы Вы знали, к<а>к неверно Вы меня судите *сегодня*! И как мне больно... К<а>к неверно рисуете Вы меня: холодный идол... Мне хочется горько смеяться и горько плакать. Меня *никто* не любил и не любит, — к<а>к я люблю других; у меня в сердце такой мучительно-огромный запас любви, что она постоянно проливается на тех, кому ее нужно. Вы не знаете, к<а>к я умею любить, Вы не можете поверить, не зная меня, что если бы Вы не уходили от меня, а остались и любили меня, к<а>к горячо я любила бы Вас, к<а>к напряженно горячо, предупредительно я любила бы Вас... Я только не назову этого чувства той любовью, о кот<орой> Вы говорите, п<отому> ч<то> для такой любви мне нужно человека, которому я могла бы молиться, как воплощению всего святого для меня, ч<е>л<ове>ка, которого бы я поставила выше себя во всех отношениях. На Вас я не могу молиться; Вас я могу любить, как равного, как любят некоторые сестры дорогого брата; но при моей безумной, несоразмерной натуре это чувство было б также бесконечно горячо, как все мои чувства, дававшие мне до сих пор одно страданье... И совсем не потому я отреклась от своей первой святой любви, от счастья любви, что я боялась потерять самостоятельность... Зачем Вы оскорбляете меня, ничего не зная.

Я не знаю, что сказать еще; мне так тяжело и больно... «Любить друг друга, чтоб вместе любить людей, природу и Бога»... — такие редкие слова это для меня, так много раз я сама говорила их! И при моей жажде любви, при той бессмертной любви, которой переполнена моя душа, не найти никого, кто *вместе со мной* любил людей, природу, Бога! Почему меня не любят достаточно? Сколько раз я задавала себе этот вопрос с безумной тоской? И почему теперь ч<е>л<ове>к, понявший меня (п<отому> ч<то> Вы полюбили меня постольку, поскольку поняли, и только потому, что поняли), и начавший любить меня, хочет уйти?

Потому только, что тут примешалась страсть! От любви не умирают; особенно от любви, которой отвечают самой нежной любовью и искренностью; на которую способны только такие дикие натуры, к<а>к моя. Умирают — да и то не умирают!... а тяжело и ужасно от страсти, а совсем не от любви. Господи, неужели нужно сказать себе, что в каждом ч<е>л<ове>ке зверь настолько силен, что не позволяет ему пользоваться счастьем любви!... Только тогда так нужно и гово-

рить себе, а не обвинять меня. Если б я не чувствовала в душе бесконечной любви, разве я искала бы этого кислорода! Я ищу его не потому что больна (я оч<ень> здорова по натуре, только у меня в душе *слишком* много *жажды*, и потому мне тяжело жить), я жажду кислороду, п<отому> ч<то> — продолжаю сравнение — во мне самой так много углерода для горенья; и мне хочется гореть, к<а>к я *могу* гореть, без вреда для себя и для других, а не прозябать, к<а>к прозябают другие. Разве это жизнь, как живут другие!

Я сказала: «я знаю, что это огонь, но все-таки любите...» Так ведь я сказала это, называя страсть огнем, но я была уверена, что от этой любви для Вас, *несмотря на огонь*, будет столько самого чистого блаженства, что нужно любить, пока хватит сил... Клянусь Вам, что если б я думала, что это будет для Вас *только* страданье, я бы сумела *вовремя* уйти от Вашей любви... Я знаю и знаю, что не могу полюбить Вас так, как Вы меня любите; но я отказываюсь допустить, чтобы любовь к ч<е>л<ове>ку, который дорог душе по своему духовному складу и который дает в ответ самую глубокую, искреннюю любовь и который дорожит Вашей любовью, к<а>к радостью и согревающим светом своей жизни, чтобы эта любовь могла быть ядом!..

Мне ужасна страсть ко мне (Вы не поймете этого вполне), но я могу закрыть глаза на нее, п<отому> ч<то> не она главное, а любовь; а любовь — это лучшее, что есть в мире. Я думала, что и для других, к<а>к для меня. Если нет — это ужасно. Я Вас не знаю, настолько, решайте за себя сами.

Если... если хотите, придите сегодня, сейчас, вообще сегодня. Если придете, но не сейчас, пришлите сказать; ждать — для меня яд, бесплодная трата сил. Если решите, что лучше нам больше не встречаться, тоже пришлите сказать, в двух словах.

Нет, еще раз, раз навсегда, поймите меня: как *сестра*, я могу любить Вас м<ожет> б<ыть> не меньше, чем Вы меня; *иначе* я могу любить только ч<е>л<ове>ка, на которого могла бы молиться.

Люба

18. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

9 ноября 1887
СПб.

Есть что-то ужасное и трагическое в нашем знакомстве, и мне невыносимо чувствовать этот разлад в душе, разлад между тем, что, по моему мнению, должно было бы быть, и тем, что есть, и даже разлад в самой душе, в самых чувствах. Посмотрите просто на дело, — к<а>к оно должно было б быть: два человека нашли один в другом отклик на то, что составляет самую заветную сторону их духа; казалось бы —

где тут место для трагедии? — Только самое светлое счастье! А между тем в действительности выходит трагедия, самая несомненная: факт тот, что вот уже неделя — я вытолкнута из колеи нормальной жизни, тоска гнетет меня, я не могу спать по ночам, и всякий при встрече со мной спрашивает, не больна ли я: такой у меня вид!.. И в душе моей такой тяжелый разлад, что вся остальная моя душевн<ая> и умств<енная> жизнь отошла на второй план. Этот разлад состоит в противоречии между двумя ощущениями: с одной стороны, я безусловно знаю, что не люблю Вас так, к<а>к могу любить, п<отому> ч<то> ни разу не проснулось в душе моей чувство экстаза, который так присущ мне по натуре; с другой стороны — мысль, что Вы уйдете от меня, наполняет меня холодным ужасом. Я сознаю, что это положение вещей не может, не должно продолжаться: меня возмущает эта напрасная трата жизненных сил, никому не нужная трата... И я страстно ищу нити, которая помогла бы мне разобраться в этом лабиринте. Я собираю свои мысли, хочу взглянуть на все это ясно: — опять, то же противоречие: две души, родственные по своей природе, нашли друг друга в мутном море жизни.... — ведь это же счастье! — И надо разойтись. Зачем? Зачем? Где тут смысл? Не выдумываем ли мы трагедию? Это бывает с людьми и этого не должно быть... Я Вам двадцать раз задавала вчера этот вопрос: зачем Вам надо уйти? Вы не могли ответить — зачем, но говорили только, что уже ушли душевно с той минуты, к<а>к я сказала, что не могу на Вас молиться. И я Вас понимаю; в том-то ведь и дело, что я Вас во всем понимаю, и говоря разные банальности вроде «одуванчика», я ни на минуту не участвую в этом душой, а через ½ минуты, сама возмущаюсь м<ожет> б<ыть> больше Вас...

Я так понимаю Вас во всем, что действительно Вы не найдете другой женщины, которая так понимала бы Вас; ничто из всего, что Вы говорите, не кажется мне новым, я слушаю и только напряженно вспоминаю: где я слышала все это? Когда переживала все, все это, до мелочи... И подумать, что человек этот уйдет и опять надо будет говорить обо всем этом только с собой, п<отому> ч<то> говорить с другими — это только трата слов, ни к чему не приводящая. Минутами так просто и ясно в душе: такое глубокое, светлое чувство встает со дна ее, и губы шепчут: о, милый, родной, зачем расставаться, когда так хорошо вместе... Но экстаза нет, и я ищу — почему нет его, если в Вашей душе проснулся этот экстаз?.. Я думала, думала сегодня об этом ночью и теперь. И вот что стало мне ясно: когда Вы вчера говорили о частице Божества, нисходящей порой в Вашу душу, Вы сделали одно оч<ень> неверное сравнение и, раз сделав его, заковали свою мысль в это сравнение, сузили ее смысл и потому нельзя было ни до чего договориться. Частица Божества (и к<а>к я понимаю, о чем Вы говорите этими словами!) — частица Божества не соловей, прилетающий на ветку; это то, что я в своем втором письме к Вам назвала «Прометеем, закованным в глубине человеческой души»[1], и гов<орила>, что цель

жизни — расковать его. Если, говоря о Вас, позабыть о скрывающемся в Вашей душе Прометее[2], то нельзя будет объяснить, что заставило меня раз навсегда почувствовать в Вас родную душу. Вы сами вчера повторяли то, что я уже раньше писала о Вас в своей тетради, и — без этой частицы Божества Вы были бы не только чужды, но и гадки мне. А между тем я во всякую данную минуту чувствую, что Вы мне близки и дороги. Но полная настоящая любовь мож<ет> возникнуть только там, где нет режущей дисгармонии; форма имеет громадное значение, и *внутренняя оболочка* сущности человека часто решает дело. Внешняя форма для меня не имеет значения — я всегда смотрю на человека *сквозь* наружность; но вот, напр<имер>, для Вас это имеет значение, — так представьте себе, что я была бы горбатая, рябая, с отвратительным лицом... — Вы бы не полюбили меня так, к<а>к теперь; не было бы полноты любви. И Вы, в целом, производите на меня впечатление безобразной дисгармонии — оттого нет экстаза. И оттого частица Божества, вспыхивая и разгораясь, только обжигает Вашу душу и не окрыляет Вас в минуту вдохновения силой могучего слова, а потухает, оставляя только бледное воспоминанье. Вы так разрыхлили, так обессилили свою душу, что она сама не может вынести тяжести своего Прометея, и когда он встает и хочет сорвать оковы, и рассказать миру тайны бытия, Вы сами не можете снести его ослепительно-сверкающего взгляда и не умеете, не можете сделать себя его посредником. Вы сами — враг своего Прометея, и я не уверена, что Вы когда-либо сумеете расковать его. Я не чувствую в Вас никакой силы, никакой духовной мощи, Вы кажетесь мне нравственно разбитым параличом, а любить всецело можно только цельного человека. И трагедия нашей встречи таится в Вас, а не во мне. И это действительная, невыдуманная трагедия, теперь я понимаю это.

Я сказала Вам вчера, что не верю в Вас; но я не хотела этим сказать, что не верю в Вашего Прометея; б<ыть> м<ожет> я опять неудачно выразилась. Я не верю только, чтоб человек, разбитый параличом, мог освободить его, и не допускаю для себя возможности любить такого человека всецело. Я так и говорила Вам: меня отталкивает Ваше бессилие... Когда я получила Ваше письмо — 5 ноября[3] — я была потрясена им: в нем была сила, и мне показалось, на минуту, что любовь разорвет оковы Вашего Прометея. Вы писали мне вчера, что *настоящая любовь дает силу*... Вы были правы: я это знаю лучше Вас, п<отому> ч<то> я любила всем существом, а Вы еще никогда не любили так, как я умею любить. Я смотрю на любовь радостно и ясно (хотя Вы и говорите, что я смотрю на нее нездорово! К<а>к Вы ошибаетесь!) — а Вы делаете из нее болезнь и смерть. И любовь может жить без полноты взаимности: к<а>к может мешать ее силе то, что любимый ч<е>л<ове>к презирает в Вас то, что достойно презренья? Можно страдать нестерпимо от сознания, что не можешь вызвать в любимом ч<е>л<ове>ке полной любви, и в самом этом страданье находить

искупительную силу для своих пороков, и через самое это страданье приблизиться к нему и находить в этом блаженство. Если у человека еще есть силы любить и страдать, ничто для него не потеряно. Но если на самую любовь у него не хватает сил и он состоит из цепи скоропроходящих порывов, — нужно поставить крест над человеком и уйти от него, чтобы не страдать обоим. Я еще так молода, так полна сил, так далека от экстаза, и потому могу только жалеть, но не любить слабого. Есть особенная любовь к слабым и жалким: ее бесконечно много в моем сердце; но любовь к одному человеку должна исходить из другого источника: из любви к прекрасному... А Вы производите во мне чувство дисгармонии и страданья.

Поймите меня глубоко, *сквозь* слова, сегодня я лучше выражаю свои чувства; поймите меня. Станьте на мою точку зрения и решите, если можете: способны ли Вы еще любить и находить силы в любви. Если да — ничего не потеряно: впереди целая жизнь... Если нет, уйдите от меня теперь же, п<отому> ч<то> это ненужное страданье для обоих.

Напишите поскорее.

Люба

---

[1] См. письмо Л. Гуревич от 5 окт. 1887 г. — п. 6.

[2] Один из устойчивых мотивов лирики Минского, см.: «Во сне и наяву» («Погас огонь небесный Прометея!..»), впервые: Слово. 1879. № 12. С. 63—64; «Прометей» («К скале прикованный, за долгий ряд веков...»), впервые: Вестник Европы. 1879. № 4. С. 765; «Конца земной борьбы нам видеть не дано...», впервые: Там же. 1895. № 10. С. 721 (ср.: «Добудь святой огонь! Сам для себя сверши, / Что Прометей свершил для мира!»). Здесь, предположительно, аллюзия на поэму Минского «Счастье Прометея» (*С—87*. С. 121—126).

[3] См. п. 14.

19. Н. М. Минский — Л. Я. Гуревич

11 ноября <1887>

Право, не знаю, как быть. Я себя чувствую эти дни, как тяжкий больной после утомительного исследования врачом. Вы так разбередили мою больную, бессильную, страдающую душу, так метко и беспощадно определили мой недуг. И Вы ждете от меня ответа.... Не знаю, дорогая. Как я могу уйти от Вас и как могу остаться? В чем будет заключаться то и другое? В том ли, что я скажу, что, мол, ухожу или останусь? Или в том, что буду продолжать или перестану бывать у Вас? Но ведь все это — внешнее и случайное. Может ли кто нас разлучить или вполне соединить? Никто. Как прикованные к одной тачке, мы осуждены всегда себя чувствовать близкими и разлученными. Вы правы: причина трагедии во мне — и поэтому для Вас она кончится, для меня — никогда[1].

Встречаться или нет — решайте сами. Как грустно, что вы больны, дорогая. Это грустнее всего.

<последняя фраза вымарана. — *М. П.*>

Печ. по: РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 153, л. 15—15 об.

[1] Волынский писал Гуревич по поводу ламентаций Минского: «Я два раза прочел письмо М<инского>. Удивительно, положительно непостижимо: как это можно, так влюбившись, столь скоро остыть?! В общем, мне письмо показалось довольно банальным, несущественным. Цветы <нрзб.>, но это не свежие, душистые, живые цветы, а какие-то поблекшие, стертый символ, от которых несет бессильем и сочиненностью. Есть даже “эффекты”, из которых “сочиненность” просто торчит! И при всем том, несомненно, что Минский “влюблен” был взаправду» (РГАЛИ, ф. 121, оп. 1, ед. хр. 104, л. 153).

20. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

11 ноября 1887

Если любите, если мое письмо не убило любви (оно убило бы ее, если бы любовь была выдуманная), зачем расставаться? Я говорила о разлуке не на словах, но на деле; но кажется, она не нужна.

Я не могу быть свободна завтра, в четверг, п<отому> ч<то> день рожденья моего брата[1] и нам бы не дали говорить; если хотите меня видеть, приходите в концерт в субботу... 4-ая симфония[2] — ясная, светлая и горячая, к<а>к слезы от радости...

Я абонирована на хорах, вдали от эстрады, справа, второе место с краю (со стороны В № 143). Отыщите там меня. Я буду рада.

Люба

<Приписано сверху:> Не давайте Венгеровой[3] моих писем, они возмутят ее до крайности, и она со своей точки зрения будет права, а Вам будет неприятно.

---

[1] *Гуревич-Ильин Григорий Яковлевич* (1870—1947) — младший брат Л. Я. Гуревич; в 1894 г. окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, в 1900 г. — Военно-медицинскую академию, врач-терапевт, в 1903—1906 гг. в заграничной научной командировке (работал в Германии и во Франции); с 1918 по 1924 г. — профессор кафедры факультативной терапии 1-го Московского государственного университета, основатель и первый заведующий кафедрой госпитальной медицины (1924—1930) медицинского факультета Смоленского университета; автор более 200 научных работ.

[2] В субботу 14 нояб. 1887 г. в зале Дворянского собрания состоялось первое в сезоне симфоническое собрание под управлением Л. С. Ауэра; были исполнены: симфония № 4 Бетховена; концерт для фортепьяно с оркестром № 4 Рубинштейна, вступление к «Парсифалю» Вагнера, концерт для скрипки с оркестром № 1 Ве-

нявского; Увертюра к драме Шекспира «Ромео и Джульетта» Чайковского (Новости и Биржевая газета. 1887. 12 нояб. № 311. С. 3).

[3] См. прим. 4 к вступ. статье.

21. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

12 ноября <18>87 г.[1]

Зачем Вы написали Скабичевскому, да еще в таком искреннем и мягком тоне?[2] Теперь он корчит из себя мученика — героя, возвещающего горькую правду миру под выстрелами обиженных им пигмеев! Разве Вы не понимаете, что, раз такой человек стал на ходули, он уже не сойдет с них и объясняться с ним по-*человечески* нельзя. Это была ужасная психологическая ошибка с Вашей стороны, и мне досадно на Вас за это. У Вас есть одно маленькое стихотворение «Всякому»[3], весьма верно выражающее печальную житейскую истину. Зачем же Вы сами изменили ему и будучи ранены Скабичевским (чего я тоже не понимаю! Неужели Вы, глядя на него сверху вниз, нисколько не дорожа его суждением, — все-таки могли «огорчиться» его словами) — зачем Вы снизошли до объяснения с ним и обнаружили свою рану! И потом Вы взяли такой неосторожный тон в письме: Скабич<евский> виноват не тем, что употребляет слово, огорчающее Вас в качестве «человека, живущего сердцем», а тем, что подходит с глупой *предвзятой* меркой к произведениям современных поэтов, с пошлой тенденцией о «литературном времени»[4].

Не обращайте на него внимания, предоставьте ему прохаживаться на ходулях и декларировать à la скверные немецкие актеры о заряжении пушки его персоной. Это только комично и всем людям, мнением которых Вы б еще могли дорожить, Скабичевский не может не показаться смешным и нелепым. В этом фельетоне он уже так явно, *для всех* явно, хватил через край! Оставьте его в этом дурацком положении, с разинутым для декламации ртом: он конечно ждет еще письма от Вас, ждет к<а>к радость, к<а>к повода еще раз прогуляться по столбцам «Новостей» в этой прекрасной мантии!...

Пришлите мне, пожалуйста, Вашу книгу[5]; я обещала многим дать ее... Не судите о мнении публики по словам Скабичевского: из публики всякий, достойный называться человеком, много перерос г<оспо>на «рецензента». Нет, довольно о нем, его и его статьи надо предать забвенью, сейчас я изжарю его статью в печке, чтоб она никому не попадалась на глаза.

Ведь Вы не будете отвечать ему и даже обращать на него внимания? Скажите, меня это волнует.

Люба

[1] Дата вписана позднее, карандашом, рукой Минского.

[2] Речь идет об открытом письме Минского к Скабичевскому в ответ на его рецензию (полный текст: РО ИРЛИ, ф. 283, оп. 2, ед. хр. 136, л. 1—2), фрагмент письма Скабичевский использовал во второй статье: Литературная хроника: Открытое письмо г. Минского ко мне и мое с ним объяснение по поводу его // Новости и Биржевая газета. 1887. 12 нояб. № 311. С. 2.

[3] «Всякому» (1886), впервые: *С—1887*. С. 177; *БП*. С. 151:

В поединке с судьбой, на житейской арене,
Не забудь, что стоишь на виду у друзей.
Это — зрители битвы твоей,
Ты для них — гладиатор на сцене.

И поэтому, раненный в храбрую грудь,
Обнаружить не смей свою боль и тревогу.
А смертелен удар, — не забудь
Завернуться красивее в тогу!

[4] Гуревич имеет в виду основной мотив статьи Скабичевского: «Наша эпоха не есть эпоха крупных и громких событий и великих людей. Наша эпоха скромная, тихая, воды не замутящая, а главное дело — все в ней, на что ни взгляните, до последней степени миниатюрно, точно как будто это настоящая действительность: в миниатюрных домиках копошатся маленькие козявочки, воображающие, что они представляют собой как есть настоящее человечество, миниатюрные бюрократики, миниатюрные прокурорчики, миниатюрные публицистики, миниатюрные поэтики, миниатюрные критики. <...> Да не посетует на меня г. Минский, если и я, микроскопический фельетонист нашего лилипутского поколения, и на него буду смотреть не как на настоящего поэта, какие и на Западе, и у нас бывали в иные времена, а как на миниатюрного поэта в общем уровне нашего века» (Новости и Биржевая газета. 1887. 5 нояб. № 304. С. 2).

[5] Т. е. книгу Н. Минского «Стихотворения», 1887 г.

22. Н. М. Минский — Л. Я. Гуревич

13 ноября <18>87 г.

Совет Ваш получил я сегодня, когда ответ Скаб<ическому> уже был отправлен[1]. Вижу сам, что вел себя дурацки, — несчастная привычка поступать <?> по первому движению! И знаете, откуда это происходит? Из уверенности, что все в жизни такой вздор, что думать не стоит. Как захотелось, так и поступишь. И часто мне приходится смиряться <?>. Читали Вы вчерашний «Гражданин»?[2]

Все вздор, кроме Вас и мысли к Вам. Мысленно можно к Вам приходить и прижать Вас к сердцу? Можно и в <нрзб.>, я это делаю, дорогая, любимая.

Печ. по: РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 153, л. 14.

[1] Речь идет о втором письме Минского к Скабичевскому, 13 нояб. 1887 г. он ответил ему на незаслуженный упрек: «Перед Вами лежит книга, от первого до последнего слова проникнутая известными политическими идеалами, а Вы с каким-

то слепым упорством твердите свое, потому что я держусь пушкинской традиции во взглядах на назначение поэта» и т. д. (РО ИРЛИ, ф. 282, оп. 2, ед. хр. 136, л. 3).

[2] 12 ноября в «Литературном обозрении» правоохранительной газеты «Гражданин» кн. В. П. Мещерского появилась рецензия на книгу Минского; по мнению рецензента, весь сборник «есть только тенденциозная брань на действительность, на Россию, “стихотворная прокламация”. <...> Он не понимает русского народа и относится к нему с глумлением. <...> Это пишет космополит; раб заученных теорий и личных страстей. <...> Нет, здесь не может быть и речи о законах искусства потому уже, что здесь нет искусства, нет поэзии. <...> Минский — не поэт, его стихи не есть произведение искусства» (Гражданин. 1887. 12 нояб. № 43. С. 3: подпись: *Кр.*).

23. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

Воскресенье 15 ноября 1887
СПб.

Мы вчера не кончили разговора, и я буду его продолжать.

Я вчера сказала, что мы диаметрально противоположные люди несмотря на то, что вопросы, составляющие суть жизни, поставлены у обоих одинаково. О нашем сходстве вообще не стоит говорить: оно достаточно доказано уже тем, что я безусловно во всем понимаю Вас. Но теперь — о наших различиях. Постарайтесь понять меня не узко, не шаблонно, иначе выйдет Бог знает что.

Разница в том, что Вы все-таки нелюбящая натура, а я любящая и преданная. Постараюсь объяснить, что я хочу сказать этим. — Я ведь Вам говорила, что совершенно разделяю Вашу теорию о людях как о символах. Любовь полная, совершенная, единственная, настоящая (не знаю, как еще назвать; все выходит не то, что хочу сказать) — эта любовь конечно есть любовь к символу. Человек без любви к высокому, непостижимому, проявляющейся для людей только в символах, — не настоящий человек, и в настоящей любви элемент высокого, божественного должен стоять на первом плане. Экстаз и страсть — два необходимых полюса такой любви, охватывающей все человеческое существо, одновременно духовное и материальное.

Может быть, я дурно выражаюсь — это как-то грубо в моих словах, но я уверена, что, говоря о любви, мы совершенно понимаем друг друга, думаем и чувствуем совершенно одно и то же. И такая любовь мож<ет> быть только одна. Но кроме любви к внешнему как неземному (не умею выражаться, все выходит гораздо грубее, чем я хочу сказать!) есть еще чисто человеческая любовь, любящая независимо от идеи, которую символизирует известный человек. И в чем бы ни была ее метафизическая сущность, она есть факт, с которым надо считаться, она есть деятельная сила, дающая себя живо чувствовать. Я не умею связать с понятием о любви к символам то чувство, которое заставляет меня страдать чужим страданием и радоваться радостью людей, которых я называю сама ничтожными, слабыми, порочными.

Объясните мне из любви к символам, что заставляет меня тосковать и тревожиться о судьбе людей, которые каж<утся> мне только жалкими. Объясните мне то чувство, которое при виде человека, которого я сама признаю бессильным, ничтожным и неспособным даже любить (я еще на днях высказала это прямо одной из женщин, называющих меня своим единственным другом) — объясните мне чувство, которое заставляет меня страдать до слез в ту минуту, когда сама я высказываю жесткую истину, объясните, почему мне хочется схватить на руки этого человека, обвиться вокруг него всей своей душой, согреть его своим жаром, дать ему часть своих сил, сделать все, все, все, чтоб ему легче и теплее жилось на свете... И это не слова. Моя любовь ко всем бесчисленным любимым мной людям всегда была активной, всегда была живой силой; это я знаю, это я имею право сказать. Да и наконец, за что же нибудь любят меня люди, которые приходят рассказывать мне вещи, которых не решались назвать самим себе. Ни порок — гадкий и грязный, ни бессилие, — ничто не отталкивает меня; это тоже не фраза; я говорю Вам о себе только то, что имею право говорить... Объясните мне эту любовь из любви к символам прекрасного.

Или объясните мне то, что связывает меня с друзьями. Я прежде всего люблю их, жажду их видеть, отзываюсь на каждое страданье так, что иногда... глупо даже, иногда каж<ется> больше, чем сам человек страдает! И радость их делается моей радостью, их успех моим успехом. В мире, где люди дейст<ительно> являются «соперниками на ненавистном пире» — какая сила, кроме могучей силы любви, может превратить зависть в доброжелательство? Я зависть превращала в доброжелательство, зависти нет места в моем сердце. И только потому, что я люблю. И потом, в отношении к друзьям, где любовь стремится стать наиболее полной и стать в то же время и любовью к символу прекрасного, какая сила, кроме силы любви, может заставить нас упорно и пытливо вникать в любимое существо, улавливать его сущность, радуясь всему прекрасному, к<а>к драгоценнейшей находке. Люди — обыкновенные — так спутаны в своей внутр<енней> жизни, так противоречат себе на словах и на деле и в чувствах, так не умеют высказываться, так привыкли прятать свою святыню от недоброжелательных взоров окружающих, что найти ее трудно; и только сердце любящее и преданное сумеет найти путь к этой святыне, открыть в душе друга задавленные ростки прекрасного, указать их ему самому и, согревая его жаром своей любви, дать ему силы поднять голову перед самим собой...

Друг мой, ведь Вы сами все это знаете и писать мож<ет> б<ыть> лишнее, но я хочу напомнить Вам, что не всякая любовь имеет источником любовь к великому и прекрасному, и что любовь в этом обыкновенном смысле есть одна из величайших двигательных сил жизни. И этой любви в Вас недостает. Вы вчера сказали, что терпеть не можете мужчин! Неужели можно *всегда* иметь дело только с мужчинами

и женщинами, и забывать о людях. Такая избитая истина, что мне стыдно повторять ее.

Но теперь вот что еще по поводу любви. Поймите мое отношение к Вам. Экстаза и страсти нет: я Вам писала, почему Вы не можете быть для меня символом того, что одинаково дорого и Вам, и мне. Но поймите, как много есть: поймите, милый, что, быть может, никто в мире не любит Вас так, к<а>к я, п<отому> ч<то> в душе моей неиссякаемый горячий родник любви. Я не сумею передать Вам всех оттенков своего чувства, но если бы Вы умели читать в моей душе, Вам показалось бы на минуту, что Ваша любовь взаимна: люди, менее богатые любовью, назвали бы то, что я чувствую, полнотой любви: так много в ней нежности, бесконечного доверия, бесконечной потребности сделать что-нибудь, чтобы Вам было хорошо... Я начинаю выражаться глупо и по-детски, но... но я не умею выражаться. Вы любите меня иначе, но я не думаю, чтобы Вы любили больше. И как мне хорошо от каждого Вашего ласкового слова! Это может быть только тогда, когда сам любишь нежно и бесконечно горячо.

И когда Вы начинаете говорить, что боитесь любви, я Вас не понимаю и мне тяжело. Вот, что Вы не хотите понять: если б я думала, что Вам лучше уйти от меня, неужели я бы решилась Вас удерживать? Любящее сердце удерживает только тогда, когда чувствует, что способно дать свет и радость. Счастье... этого я не признаю: счастье есть удовлетворенье, а с моей ли вечной тревогой и безумным криком тоски, обращенным к небу, с моей ли натурой искать удовлетворенья или давать его другим!.. Ведь Вы же писали:

— Любовь и скорбь одно и то же,
Но этой скорбью кто скорбел,
Тому всех благ оно дороже[1].

И разве пережить эту скорбь во всей ее полноте, во всей ее жгучей, лучистой красоте не есть лучшее, для чего стоит жить? И этого бояться и отказываться благоразумно от этого источника силы и ясного прозренья на мир? Любовь, настоящая, действительно должна перевернуть все существо человека. Но Вам ли, верящему в своего Прометея, бояться потрясения... Мне кажется, что момент по Евангелию, когда со смертью Христа земля содрогнулась, и камни рассыпались, и могилы разверзлись, и мертвецы вышли из гробов своих — это чудная аллегория для того, что делается в душе человеческой в ту минуту, когда он вырывает свое животное «я» и выходит из пределов самого себя в бесконечной любви к другому: могилы должны раскрыться и все лучшее, что было заложено в душе и что схоронила житейская проза — встанет из недр потрясенного духа. И Прометей сорвет свои оковы....

И когда я говорю Вам: «любите меня, не уходите» — разве Вы не понимаете, что в эту минуту я верю в Вашего Прометея и в Ваши си-

лы, может быть, больше, чем Вы сами. Мож<ет> быть, я ошибаюсь, мож<ет> быть, Вы со своим страхом любви оцениваете себя вернее, чем я... Время покажет. Но только если любовь и ее могучие силы будут для Вас смертельны, Ваш Прометей все равно никогда не освободит себя, и Вам не для чего жить. Ведь Вы согласились со мной, когда я сказала вчера, что не выношу вторых сортов и вторых ролей. А для той роли, к которой Вы стремитесь, надо освободить Прометея...

И когда я говорю Вам: «любите меня, не уходите...» разве Вы не чувствуете в эту минуту, что, не давая «взаимности и счастья», я могу дать столько любви, что и без страсти она будет равна по силе Вашей. Если Вы не верите, то только потому, что недостаточно знаете меня. А я себя знаю.

И еще вот что: Вас смущает моя фраза о «страсти, кот<орая> пугает меня». Поймите, к<а>к просто то, что я хотела сказать: страсть — ну в узком, самом узком смысле, — пугает меня, п<отому> ч<то> я не знаю, что мне делать с ней. На любовь я отвечаю и, следовательно, удовлетворяю ее, а страсть остается, как темная сила, электрическая сила, в ответ на которую я ничего не могу дать, и которая причиняет ч<е>л<ове>ку страданье. И потому — разве не естественно сказать человеку, чтоб он постарался не разжигать ее в себе, не подходя близко. Другая не сказала бы Вам этого, п<отому> ч<то> это «неделикатно», но я бросаю раз навсегда все условное и говорю прямо все, что чувствую.

---

[1] Цитата из поэмы Н. Минского «Гефсиманская ночь» (1884); впервые: Пушкинский сборник. СПб., 1899. С. 34—43. Подробно о допечатной истории и публикации поэмы см. комм. С. В. Сапожкова: *БП*. С. 369—375.

24. Н. М. Минский — Л. Я. Гуревич

<Ноябрь 1887 г.>[1]

Я кажусь себе таким за то, что я не тот человек, на которого Вы могли бы молиться. Но Я бы казался себе достойным презренья, если бы согласился быть временным объектом Вашей любви, до тех пор пока не явится тот, настоящий человек. Вы предлагаете мне нечто унизительное до нелепости! Не принимаю деления любви на любовь и страсть. Слова: «я буду вас любить как сестра» — внушают мне непреодолимое отвращение. Я сам ищу любви чистой и возвышенной. Но табель о рангах в любви вещь нелепая и безнравственная. Просто любимый человек и человек, на которого можно молиться! Точь-в-точь статский советник и действительный статский советник!

Если я буду умирать от страсти к Вам, я все-таки не унижу своего человеческого достоинства!

Полюбить всецело друг друга, чтоб вместе любить всех — или пусть каждый из нас идет своей дорогой.

Печ. по: РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 153, л. 7—7 об.

[1] Датируется по содержанию.

25. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

16 ноября 1887
СПб.

Я думала, что Вы придете сегодня, и ждала, поэтому не отправила письмо, которое написала вчера. Почему Вы не пришли? Уж не потому ли что Вам показалось «неудобно» придти так скоро после субботы?.. Если так, то это позор! Между проч<им>, — не приняли ли в субботу грустно-усталое выражение лица моей Матери[1] за выражение чего-ниб<удь> относящегося к Вам? Это было бы беспредельно-дико и доказывало бы, что Вы плохой физиогномист; но т<ак> к<ак> в субботу по дороге Вы гов<орили> что-то в этом роде, то у меня и теперь закралось предположение, может быть, неверное. Итак — вопрос только в том: не пришли Вы из-за причин внешних или внутренних?.. Если из-за внешних, то во 1) — это оч<ень> позорно, а 2) приходите в среду, ибо в четверг я иду в театр.

Написанное вчера, бесконечное по объему и все-таки не оконченное письмо, прилагаю. — Если не хотите приходить в среду — по каким бы то ни было причинам (т. е. внутренним. О внешних стыдно и говорить), напишите завтра. Вообще — отвечайте завтра же: мне надо распорядиться вечером среды вовремя.

Пришлите «Кассандру»[2].

Сейчас писала Заленской[3] и переписала для нее Ваше «Как сон пройдут дела...»[4]. Люблю эту вещь.

Люба

---

[1] *Гуревич Любовь Ивановна* (урожд. Ильина; 1845—1922) — мать Л. Я. Гуревич.

[2] В библиографии Н. Минского текст с таким заглавием не зафиксирован, см: *Сапожков С. В.* Библиография Н. М. Минского. Часть 1 (Литературный факт. 2019. № 1 (19). С 382—406); Части 2, 3 (Там же. 2021. № 2 (20). С. 333—370). Возможно, речь идет о замысле Минского заняться переводом «Илиады» Гомера (осуществлен в 1896 г.), в которой упоминается троянская царевна Кассандра — самая красивая дочь царя Приама, предсказавшая гибель Трои.

[3] Неустановленное лицо.

[4] Стихотворение Н. Минского «Как сон пройдут дела и помыслы людей...» (1887); впервые: *С—1887*. С. 189.

26. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

<Между 16 и 21 ноября 1887>[1]

Ваш приход в среду в связи с Вашим молчанием до и после среды сбивает меня с толку. Если бы Вы не говорили в субботу, что при отправлении ко мне «каждый раз должны преодолеть известное сопротивление», я бы скромно подождала, пока Вы не придете сами. Но ввиду дикой фантазии, сложившейся в Вашей голове на этот счет, считаю уместным «пригласить» Вас. Если хотите, приходите завтра, в субботу я буду дома в $8^1/_4$. Мне хочется поговорить с Вами; раз сблизившись с человеком, я ощущаю живейшую потребность сравнивать его с собой во всех его взглядах на весь Божий мир. Не знаю, что со мной эти дни: тоска безумная, гложущая, тревожная, с резкой болью в груди — болью, происходящей исключительно от этого настроенья. После периода некоторой оторванности от людей и их страданий, после нескольких дней какого-то заоблачного настроенья и нечеловечески-возвышенных грез, я опять свалилась на землю, опять глаза широко раскрыты на людское страданье и ничтожество, я опять Кассандра... Чувствовать свое бессилие против судьбы, видеть издалека, к<а>к плетутся нити судьбы, которая захватит окружающих, дорогих, милых, знать, что сами они плетут себе эти нити, эту сеть, «не ведая, что творят», и сознавать, что органическая неизбежность явлений, создавшая их такими, каковы они есть,— сильнее моего предостерегающего голоса... ужасная тоска! Любить людей, видеть, к<а>к они страдают от своего бессилия любить, как они замерзают от недостатка внутреннего жара, и знать, что мой огонь не отогреет их, потому что они даже не удерживают в себе этой теплоты! Чувствовать себя несмотря ни на что счастливейшим человеком из всех людей и сознавать свое бессилие сообщить другим часть своих сил, своего счастья! На что дана мне Богом моя способность любви, если эта любовь бессильна дать положительное содержание чьей-нибудь жизни. Один из друзей моих сказал мне раз, что моя роль — «будить в людях святое беспокойство»... Есть на свете несколько людей, в которых я разбудила это беспокойство, которым сообщила свою тревогу. Но бывают ужасные минуты, когда я вижу, что эти люди по природе бессильны, оторвавшись от бессознательно-органической жизни, не умеют подняться на ту высоту, которая позволяет человеку называть себя счастливым вопреки тоске и страданью. Вызвать жажду в человеке, мозг которого не способен даже создать себе мираж — это ужасно. А я совершила на своем веку несколько таких преступлений, и в минуты, когда я вижу результаты дел своих, меня охватывает тоска беспредельная. Я напоминаю себе в эту минуту заклинателя, который вызвал бы из могил бледные тени мертвецов и не имеет способности снова упокоить души... А вина моя состоит в том, что я все предполагаю в людях силу и любовь там, где ее нет, говорю о «зарытых в зем-

лю талантах» там, где их не дано от Бога! О, непростительная ошибка еще детского доверчивого сердца! Скоро ли я буду и сердцем достойна своего «ясновиденья» и не позволю розовым грезам надежды заслонять от меня резкий холодный свет истины!...

Если не придете в субботу, извините.

Люба.

---

[1] Датируется по содержанию.

27. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

Ночью, 21 ноября 1887[1]

Тут нечего не понимать, но у нас на это разные точки зрения: когда любят действительно, то не рассуждают — опасно это или нет для Вашего благополучия и обидно ли это для самолюбия, гордости, назовите, к<а>к хотите. Когда любят, не рассуждают, а любят, страдают, топчут в прах свою гордость, как ненужную тряпку, к<а>к пошлую мишуру, страдают до безумия и, страдая, одновременно проклинают и благословляют свое страданье... Вы никого не любили и не способны любить; — я вижу; а я говорю о любви, потому что знаю, что такое любовь. Вы сказали, что я не пошла бы в Самарканд ухаживать за любимым человеком; не знаю, я не умею решать за себя психологические задачи, п<отому> ч<то> действую обыкновенно непосредственно, к<а>к подсказывает чувство, и не знаю, право, чтобы оно мне подсказало. Но я знаю, что, когда я любила, я не думала о себе и своей гордости, и в чувстве моем была одна гордость: торжествующая гордость бесконечной любви...

Вы этого никогда не испытали, милый, и потому не имеете права рассуждать и говорить о любви к кому бы то ни было. И меня Вы не любите не потому, что Вы ошиблись во мне, и я не та, которой Вы так долго искали (простите за гордую фразу: я именно та, я знаю, что имею право сказать это), а потому что Вы «излюбились» раньше по частям, по мелочам, и на меня не остается силы *нерассуждающей* любви.

Вы стали рассуждать, и я тоже — в ответ, рассуждать о том, как это бывает и должно быть. Это скучно и ничтожно, конечно, сравнительно с любовью нерассуждающей, но Вы стали рассуждать, а не я. Если бы Вы были способны на нерассуждающую любовь... не стану говорить о том, что «могло бы быть, если бы»... Но сила любви есть бесконечно-огромная сила; и я поверила бы в Вашу силу; а теперь Вы кажетесь мне слабым и жалким... Вы стали рассуждать с первого шага, п<отому> ч<то> с первого шага стали говорить о невозможности бесконечной любви при отсутствии взаимности, со второго шага говорили об «уничтожении своего самолюбия», и пошло оно в этом жалком тоне. Так не любят!.. Вы не знаете, как можно любить, как бесконеч-

но, бездонно можно любить, и никогда не узнаете, потому что сами никого так не полюбите и не увидите на другом. Я знаю, что во мне есть эта способность любить, если бы нашелся человек, сумевший бы вызвать во мне *экстаз*; без экстаза у таких людей, как я, не может быть страсти, но экстаз охватывает все существо безраздельно. Не знаю, найдется ли такой человек на белом свете; любить по мелочам я не сумею, и мож<ет> быть потому больше никого не буду любить. Но *такой* человек должен быть могуч и велик. Вы не знаете меня с этой стороны, но я сама сильный человек, и ищу силы, и презираю слабость. И если бы я встретила такого человека, — о, я никогда бы не стала ничего ждать, ничего выжидать, ничего требовать, я любила бы...

Вы не любите, вот и все; но «трагедия» не во мне, а в Вас, не обвиняйте же меня в рассудительности: я б не стала рассуждать на Вашем месте. Да и на своем!.. Вы не знаете, что я пережила за короткое прошедшее время; Вы не поверили бы, если бы заглянули в мою душу. Но Вы не умеете этого, а я не буду больше помогать Вам в этом. К чему?...

Будем друзьями и возьмем друг от друга то, что можно.

Люба

Конверт: Его Высокоблагородию

Николаю Максимовичу Минскому.

Pour lire — pas pour porter dans la poche une journée entière! (*фр.*) — Читать не для того, чтобы целый день носить с собой в кармане.

[1] По-видимому, ответ на несохранившееся письмо Н. Минского.

28. Н. М. Минский — Л. Я. Гуревич

22 ноября <18>87 г.

Пусть, дорогой друг, будет по-Вашему, мне кажется, Вы несколько ко мне несправедливы. В Вашем письме есть фраза, которая меня оправдывает: «Вы стали рассуждать, и я тоже в ответе, коль это бывает и должно быть».

Будьте справедливы ко мне и согласитесь, что не я первый стал рассуждать. Я обратился к Вам с горячим порывом страстного чувства, и Вы своим ответом заморозили меня. Безумием было бы винить Вас — Вы поступили нехорошо, но, во всяком случае, не я первый стал рассуждать. И если бы Ваш ответ был не такой — то зачем говорить о том, что могло бы быть. Та ночь, когда я писал Вам, больше не повторится — и не по моей вине, хотя и не по Вашей. Итак, мы — друзья. Страстный <нрзб.> наш не удовлетворяет, и каждый из нас будет искать родной души, как искал до сих пор. Что я не тот, которого ищет Ваше сердце, вполне верю. Моя душа уродливая и приземистая, хотя на ней иногда вырастают не совсем простые плоды. Бы-

вают души стройные и прекрасные, на которых растут желуди. Но зато встречается душа прекрасная и сладостная, как пальма, как пальма среди пустыни. Что мне сказать о Вас? Как друг, я бы Вам мог многое сказать. Но я решил раз навсегда: никогда не рассуждать с Вами о Вас. Никакими доводами, никаким самовыражением <?>, никаким самоуничижением Вы меня не убедите. Докажите мне своею жизнью, — понимаете, жизнью, а не письмами и дневниками, — докажите, что Вы не намек, не воспоминание, не портрет, а мысль, образ, тень, но не рассуждайте со мною об этом. Знаю, знаю, что Вы подумаете и что скажете. Самолюбие наше — это та мерзкая медуза, у которой сколько членов ни отрывай, они сейчас же вырастают опять в прежнем виде. Это raison de plus[1] безмерности <?> рассуждений.

И так — еще раз — будем друзьями.

Во вторник у Вас едва ли буду. Жду одиночества. Хочу не выходить из дома много дней. Как-то уж очень безотрадно. Сердце доводами не успокоилось. Вы — другое дело. Вы так хорошо рассуждаете о чувствах...

Ты с чувством беседы о чувствах вела,
С душой о душе рассуждала —
И цели достигла: «Любовь» умерла
И «дружбой бессмертною» стала![2]

Печ. по: РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 153, л. 12—13.

[1] raison de plus (*фр.*) — еще один повод.
[2] Эпиграмма Н. Минского.

29. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

23-го ноября <1887>

Я вполне понимаю Вас с Вашей точки зрения и нахожу, что теперь «все обстоит благополучно». Настоящего чувства к Вам с моей стороны не могло быть по двум причинам: 1) п<отому> ч<то> Вы не тот, не настоящий человек; это Вы уже знаете, а 2) п<отому> ч<то> во мне еще жив образ того, первого человека, хотя я больше никогда не увижу его[1]. Не знаю, какой великан должен придти, чтоб вытеснить его из души моей. Я пишу об этом *теперь*, п<отому> ч<то> сейчас, стоя на панихиде и задаваясь вопросом, чья смерть заставила бы меня потерять почву под ногами, заметила совершенно неожиданно, что его. Пишу об этом теперь, чтоб, так сказать, закончить прошедший период наших отношений и прибавить вслух то, что добавилось сегодня в моей душе. Над этим — AMEN.

Теперь вот что: я думаю, что нам будет хорошо, т<ак> сказать, «отдохнуть друг от друга» в течение нескольких недель. Я что-то не

очень верю в Вашу дружбу, т. е. Вашу потребность в ней. Если она имеется, то не пройдет через несколько недель, и Вы придете по собственной инициативе к человеку, который будет рад Вам тогда. А если это только «так», то... <несколько слов вымарано. — *М. П.*>

Поэтому пока прощайте.

Люба

Почему Вы говорите о самолюбии? Вы нисколько не задели мне его; Вы совершенно правы: ничто не обязывает Вас верить *словам* моим. Посмотрите на меня в жизни, в будущем, тогда судите. У меня здоровое самолюбие, и тут ему нечего огорчаться.

<Приписано сверху на первом листе:> P. S. (24-го). Вчера Вы сделали страшное преступление по отношению ко мне и еще одному ч<е>л<ове>ку[2]. Вы знаете, о ком я говорю. Разве можно говорить такие вещи, не будучи уверенным в том, что говоришь! Вы заставили меня пережить очень тяжелую минуту, а его тем более. Это преступленье. Не говорите ему об этой приписке.

---

[1] Неустановленное лицо.

[2] Подразумевается Волынский. 23 нояб. 1887 г. он писал Гуревич: «Зачем Вы настаиваете, чтоб я Вам сказал то, что уже ясно как белый день? Сегодня М<инский> говорил мне, что мы созданы друг для друга, и я опроверг его. Опроверг потому, что мне *хочется* жить ровно для моих книг, аскетом, словом, так, как я живу уже не первый год. Но он приводил мне некоторые доказательства, против которых бессилен мой рассудок. Я замял разговор и пошел домой, убежденный, что застану Ваше письмо. Вы требуете от меня искренности, — но разве уж не все ясно, разве я не сумел прочесть в Ваших письмах того, что инстинктивно искал в них уже с самого начала нашей переписки? <...> В Вас столько качеств, положительных сторон, что полюбить Вас, Люба, так естественно и просто. Но мне не верится, чтобы я мог значить для Вас то же, что Вы для меня. <...> Мне в настоящую минуту хотелось бы не писать, а видеть Вас, смотреть Вам в глаза, которые у Вас всегда так ясны и прозрачны, слушать Вас с вниманием, напряженным до высшей степени и воспламененным Любовью, глубокою и горячею. Вы хотели правду — вот она вся, как есть, без малейших прикрас. <...> Милая девушка, как это будет хорошо, если мое чувство меня не обмануло! Вы знаете, я мечтаю о любви, полной смысла и ума, натруженною серьезнейшими занятиями. Кто знает, быть может М<инский> прав, и мы в самом деле постоянно шли навстречу друг другу...» (РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 104, л. 10).

30. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

28 ноября <18>87 г.
СПб.

Если Вам что-нибудь кажется неясным во всем, что я говорила по поводу Ф<лексера> и Вашего разговора с ним, спросите у него. Мне

бы не хотелось вызывать какие-нибудь пятна недоразумений в Ваших дружеских отношениях с ним, не хотелось бы быть причиной каких-нибудь недомолвок и скрытого неудовольствия. Мне показалось, судя по его словам, что Вы дали ему мысль о возможности любви к нему с моей стороны, что совершенно невозможно[1]; — под этим впечатлением я сделала свою приписку, м<ожет> б<ыть> нелепую. Потом еще он говорил со мной в четверг и стал говорить о моей склонности в данном случае «пожалеть огромной жалостью» и проч. Я сказала: «Что это Вы — точно Минский говорите! Это — вздор и соверш<енно> в его духе». Он засмеялся и сказал: «да, это, действительно, его слова»... Значит, Вы действительно что-то говорили на этот счет. — Но в сущности все это пустяки и нимало больше не тревожит меня. Ф<лексер> удивительно благородный человек, замечательный человек; Ваши слова, чтобы Вы ни говорили обо мне, — ничего не изменят в его отношении ко мне, и я горжусь этим отношением, как редкой, драгоценной находкой...

Какая симфония![2] Музыка оторвала меня от всяких тяжелых мыслей и унесла в море весенних грез и гроз. Для меня весна и ее поэзия, конечно, но душа так полна жизни и силы, что и это печалит... Я слушала музыку и думала о Вас. Весна — и Вы! Такая противоположность..... И однако я думала о весне, и о Вас.

Преданная Вам Люба

---

[1] В это время между Гуревич и Волынским установились отношения, принявшие по обоюдному согласию форму «белого брака» (см. дневниковые записки Гуревич: РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 28, 32; письма к ней Волынского: Там же, ед. хр. 104—105).

[2] 28 нояб. 1887 г. в зале Дворянского собрания состоялся второй симфонический концерт Императорского русского музыкального общества, дирижер Л. С. Ауэр (программа концерта в газете не сообщалась) (см.: Гражданин. 1887. 26 нояб. № 57. С. 4).

31. Н. М. Минский — Л. Я. Гуревич

23 февр<аля> <18>88 г.
Б<ольшая> Итальян<ская> д. 15 кв. 17

Любовь Яковлевна,

Прочтите мою драму — вернее, хронику (написана в 1883 г.)[1] и сообщите свое мнение письменно или через г. Флексера.

Это — оттиск из последней книжки «Вестника»[2].

Преданный Вам Н. Виленкин

Печ. по: РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 153, л. 11.

[1] Пьеса в стихах Н. Минского «Осада Тульчина: историческая драма из эпохи Б. Хмельницкого в 3 д., с прологом», опубл.: Восход. 1888. Кн. 1—2. С. 3—82.

[2] Предположительно — оттиск «Дневника читателя» Н. К. Михайловского (под псевд.: *Н. М.*) из январской книжки «Вестника Европы» за 1888 г. (№ 1. Отд. II. С. 120—140), содержавший отклик на сборник Минского (1887) и язвительную критику рецензии Скабичевского (с. 127—134); см. п. 14 и прим. к нему.

32. Н. М. Минский — Л. Я. Гуревич

12 мая <?> <18>88

Любовь Яковлевна,

Мне стыдно перед Вами бесконечно. Причиной — моя несчастная забывчивость и еще кое-что. Получив от Вас письма, я отложил их в сторону, а потом через месяц хватился, прочел их, хотел Вам написать, да было тяжело писать то, что я хотел. Потом я много раз брался за перо, уже раз изготовил письмо, да изорвал его. Но нужно же, наконец, написать. Вы, конечно, догадываетесь, о чем я буду просить. Прочитав свои письма кряду, я ужаснулся. Как могло случиться, что я, зная себя, писал Вам то, что писал. Вы, в самом деле, заворожили меня на время, и я знаю, чем: надеждой, что Вы меня поймете, что Вы разглядите тот новый мир, который все созидается в моей душе да все никак не выходит из состояния хаоса, что Вы своим ободрением и верой в меня подкрепите мою слабую волю. Этого не случилось, и Вы стали для меня одной из многих, частью толпы, тем, чем я был для Вас с самого начала. Может быть, то, что я пишу теперь, достойно улыбки сожаления. Человек, который носит в душе новый мир, не ищет сочувствия у женщины. Все мы самообольщаемся, больны непомерным самолюбием. Но что делать. Когда люди заблудились в лесу, всякий ищет выхода и надеется, что найдет его.

Но я уклонился в сторону, оседлал своего конька. Любовь Яковлевна, возвратите мне мое слово и извольте сжечь письма! К чему они Вам? Зачем Вам хранить мертвые останки наших странных и грустных отношений?[1] <Нрзб.> Вы — всепомнящая. Но подумайте, быть может, что моя гордость страдает. Хотя бы и так. Но не только гордость, а вся моя душа страдает при мысли, что я писал Вам то, чего никому в жизни не писал и не говорил, а Вы меня не поняли.

Да, хочу остаться при самообмане, что Вы меня не поняли, и предоставляю Вам утешаться правдой, что я сам себя не понимаю.

Если Вы согласитесь на просьбу, Вы, конечно, имеете право просить о возвращении Ваших писем. Но это было бы местью, на что Вы не способны. Я хочу Ваши сохранить. Ведь Вам в них нечего каяться, как я раскаиваюсь в своих. А я бы много дал, чтоб стереть в памяти ту ночь, когда я горел безумной надеждой и думал, что обрел человека.

Нет, видно, суждено мне одиночество. Надо примириться с этим крестом, тем более что полжизни прожито[2]. А Вам желаю счастия, со-

чувствия и, главное, быть понятой <?> и оцененной тем, кто Вас достоин.

Н. Виленкин

---

[1] По поводу этого письма Волынский писал Гуревич: «Минский... что сказать о М<инском>? Письмо его поистине жалко, потому что в сущности, оно так бессильно, что рука не поднимается написать ему слово сильное и твердое. Но беда в том, что в его бессилии лежит задаток чего-то растлевающего и постыдного. <...> Я нахожу, что ты могла бы придать своему письму несколько дидактический тон: ведь если подумать, поведение М<инского> относительно тебя <...> было и легкомысленно, и <нрзб.>, смешно и нелепо. Конечно, надо ему предоставить право сжечь свои письма, надо оставить ему твои — но маленький урок, некоторое назидание тут все-таки не бесполезно. У Минского натура по существу мягкая, пластичная — и слово правды подействует на него благотворно, в этом сомневаться нельзя. Принеси мне, Люба, письмо, которое напишешь ему» (РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 104, л. 156—157).

[2] Вероятно, речь идет о неудавшейся семейной жизни. В 1886 г. Минский развелся со своей первой женой — писательницей *Юлией Безродной* (наст. имя — Юлия Ивановна Яковлева; 1858—1910); с которой состоял в гражданском браке с 1877 г.; в 1882 г. после принятия православия венчался.

33. Н. М. Минский — Л. Я. Гуревич

17 мая <18>88

О, я совсем забыл формальную сторону дела. Возвращаю Вам письма, которые я выманил <?> под честными словами.

Н. Виленкин

Печ. по: РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 153, л. 8.

34. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

<17 мая 1888>[1]

Я хотела было ответить Вам только шуткой: вот, мол, какой стыд, позор, скандал! Человек выманивает свои письма под честным словом возвратить их, а потом выпрашивает назад свою расписку, да еще думает видеть в этом лекарство для своей гордости!.. Вот так логика... Но шутка не передала бы того чувства, которое возбудило во мне чтение Вашего письма. Простите за резкость, но, право, я не ожидала от Вас такого ребячества. Допустим даже, что гордость Ваша страдает, что для Вас позорно, что кто-то так не понял или, наоборот, слишком хорошо понял Вас, но неужели же Вы думаете, что сожженьем писем можно изъять этот печальный инцидент из самой жизни!

Мне, разумеется, ничего не стоит дать Вам это удовлетворение; даже дневник мой не пострадает от этого: страницы, оставшиеся пустыми после того, к<а>к я отпорола от них для Вас эти письма, мне ничего не стоило бы заполнить точнейшей копией с них: моя память — идеальный негатив. Но я не верю глазам своим, читая, что взрослый человек надеется успокоить свою гордость столь невинным аута-дафе почтовых бумажек!.. Впрочем, Вы лучше должны понимать, что может быть для Вас успокоеньем, а с моей стороны за этим, повторяю, дело не станет: даю Вам полное разрешение придумать для этих писем любую казнь, как бы жестока ни была она!!!

В заключение скажу, — оставив в стороне эти трагикомические мотивы, — что я была бы искренно, от души рада, если бы мне пришлось когда-нибудь убедиться, что Ваши поэтические замыслы нашли живую форму для своего выражения: сердечно желаю Вам всего, что может сколько-нибудь способствовать этому. Немножко зная меня, Вы не можете сомневаться в искренности и горячности этого пожелания... Затем — прощайте.

Л. Гуревич

17 мая 1888 г.

---

[1] Датируется по содержанию.

35. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

21 декабря <18>89 г. СПб.

Николай Максимович,

я только что получила Вашу книгу[1], еще не начинала читать ее и пишу только для того, чтоб поблагодарить вас за память. Если бы вы желали слышать мое мнение о вашем детище, я с удовольствием изложу вам его по прочтении книги устно или письменно. Может быть, вы соберетесь как-нибудь зайти? Я пишу эти несколько слов только для того, чтобы не оставлять невыраженным свежего чувства благодарности, которое вырывается во мне вашим вниманием. Отчет о впечатлении — это уже совсем другое дело; с ним торопиться и не следует; я не скажу ничего прежде, чем не прочту до конца. Я не хочу быть поспешной и легкомысленной в своем суждении. Я питаю слишком глубокое благоговение к таким темам; самый вопрос, разбираемый вами, слишком глубоко отзывается в моей душе. Впечатление свое я выскажу вам, конечно, с безусловною искренностью[2]. Если вы того желаете — разумеется!..

Засим, до свидания. Жму вашу руку с искренним пожеланием успеха.

Л. Гуревич

Конверт: Здесь
Его Высокоблагородию
Николаю Максимовичу
Виленкину
Малая Итальянская, д. № <оборвано> кв. 19

[1] Имеется в виду книга Н. Минского «При свете совести: мысли и мечты о цели жизни» (СПб.: Семеновская типо-лит. И. Ефрона, 1890. — 1-е изд.).

[2] Отзыв Гуревич о книге Минского неизвестен; отрицательную рецензию с критикой теории меонизма Минского дал А. Волынский (*СВ*. 1890. № 2. С. 101—106), возникшая между ними полемика на отношениях не отразилась; подробно см. статью С. В. Сапожкова «Поэзия и судьба Николая Минского»: *БП*. С. 45—50. Позднее, в письме к Э. И. Мешингу (1898 г.), Гуревич резюмировала свои впечатления следующим образом: «он выпустил книжку под названием “При свете совести” — состоящую из его исповеди — исповеди “самолюбца”, из фантастического, в высшей степени риторично написанного “Сна” — символического характера, и небольшого философского трактата, в котором отразилась философия Канта и отчасти Шопенгауэра, но в отрицательном превращении: на место кантовского ноумена стал *мэон*. В упрощенном виде мысль его состоит в том, что единство несовместимо с множеством и потому Бог, единое абсолютное бытие, желая “уступить место” живому множеству явлений, распался на них. Абсолютное бытие — <...> превратилось в абсолютное небытие. Но в людях сохраняется нечто от уничтожившегося Бога — тоска по идеальному, тоска по тому, что уже *не* существует *даже в трансцендентном смысле слова*...» (Русские Modernen — Зинаида Гиппиус и Николай Минский (из писем Любови Гуревич к Эдгару Мешингу). С. 112).

36. Н. М. Минский, З. А. Венгерова — Л. Я. Гуревич

7 июля <18>91 г.
Бологое

Любовь Яковлевна,

Я бы охотно исполнил Вашу просьбу, если бы мысль о том, что исполнилось 50 лет со дня смерти Лермонтова[1], показалась мне значительной в каком бы то ни было значении. Только для издателей событие это важно и, очевидно, также для... издательниц. Простите за плохую шутку.

Гораздо более волнует меня мысль о том, что Вы, может быть, приедете к нам на недельку-другую. Я тут видел Лозинского[2] и спрашивал его, позволят ли Вам журнальные дела отлучиться на некоторое время из Петербурга. К удовольствию моему, ответ был положительный.

Душевно Ваш
Н. Виленкин

О дне и часе выезда сообщите заблаговременно письмом[3] — почта не совсем аккуратна. Тогда мы встретим Вас на станции, оттуда до имения несколько верст на лошади.

Печ. по: РО ИРЛИ, № 20003, л. 1—2.

[1] В августовской книжке «Северного вестника» были помещены материалы, приуроченные к 50-летию гибели М. Ю. Лермонтова (15 июля 1841 г.); в первом отделе: Стихотворения Лермонтова. Из 20-й тетради Лермонтовского музея. С предисл. И. М. Болдакова. С. 1—10; Стихотворения К. Льдова: «Пушкин и Лермонтов. 1837—1841» («Два вещих гения являются мне часто...»). С. 88—90; «Памяти Лермонтова» («С тех пор два века миновало...»). С. 118; во втором отделе — статья И. М. Болдакова (под псевд.: *К. Тр-н-кий*) — М. Ю. Лермонтов (по поводу пятидесятилетия со дня его кончины). С. 136—147.

[2] *Лозино-Лозинский Михаил Александрович* (*Любич-Ярмолович*; 1865—1921) — юрист; в 1914—1917 гг. пермский губернатор; один из пайщиков «Северного вестника»; редактировал в журнале юридические, экономические и областные материалы; после несогласованной с ним публикации в журнале повести И. Ясинского «Новая жизнь» (*СВ.* 1891. № 11) вышел из редакции (см.: *Куприяновский П. В.* «Оглядываюсь на прошлое...»: журнал «Северный вестник» 1890-х годов и его литературная позиция. С. 33—34); о конфронтации с Гуревич, обострившейся в 1891 г. из-за притязаний Лозинского на место секретаря журнала, см.: *Павлова М. М.* Из воспоминаний Л. Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья вторая // Литературный факт. 2021. № 3. С. 121—122; 145.

[3] См. ниже письмо З. А. Венгеровой к Л. Я. Гуревич.

Бологое[1]

Любезная Любовь Яковлевна,

Очень жаль, что не удается пристроить pour le moment перевода моих парижских приятелей. После разговора с Вами я им посоветовала перевести немедленно один из «pasteles» Bourget[2] и прислать в редакцию для пробы. Имеете ли Вы теперь что-нибудь против этого?

Что с Вашим обещанием приехать к нам в Бологое? Здесь прелесть как хорошо, и я была бы очень рада провести с Вами несколько времени. Измените на время Вашим обязанностям и внесите оживляющий элемент в нашу деревенскую жизнь. Надеюсь получить утвердительный ответ и, чтобы придать моей просьбе большей убедительности, предоставляю Бологовскому поэту описывать прелести здешней природы.

Ехать Вам лучше всего 11 час<овым> вечерним поездом. Пожалуйста, сообщите днем раньше об отъезде, чтобы мы могли Вас здесь встретить на станции.

До свидания.

Ваша З. Венгерова

[1] Летом Минский гостил в Бологом на даче Венгеровых. С *Семеном Афанасьевичем Венгеровым* (1855—1920), литературным критиком, историком литературы и библиографом, Минского связывали многолетние дружеские отношения, сложившиеся еще в годы студенчества: оба учились на юридическом факультете С.-Петербургского университета.

[2] *Бурже Поль* (*Bourget Paul*; 1852—1935) — французский романист и критик, в 1890-е гг. пользовался популярностью в России, начиная с 1887 г. его произведения публиковались в «Вестнике Европы», «Русской мысли», «Мире Божьем», «Северном вестнике» (роман «Женское счастье»: 1890. № 6—12; пер. М. Комаровской), и др. «Pasteles» («Пастели», 1890) и «Nouveaux Pasteles» («Новые пастели») — сборники рассказов П. Бурже (составили том в Собр. соч.: в 10 т. СПб.: Пантелеев, 1901. Т. 5). З. Венгеровой принадлежит статья о Бурже в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: СПб., 1891. Т. 9. С. 29—30; СПб., 1912. Т. 8. С. 636—639 (Новый энциклопедический словарь). См. ее характеристику: «Б. сделался, по его же собственным словам, “моралистом декадентства”, страстно увлекающимся психологическим анализом, и создал особый род психологического романа, посвященный оранжерейно изысканной психологии общества, пресыщенного культурой» (Т. 8. С. 636); по поводу «Пастелей»: «Последняя книга Бурже “Nouv<eaux> pasteles” заключает несколько рассказов в высшей степени изящных и тонких; особенно поэтичен рассказ “Un Saint” <«Святая»>, где Б. обнаруживает глубокое знание искусства и разных европейских музеев» (Т. 9. С. 30).

37. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

<На бумаге «Северного вестника»>
Спб. 189*1* года *Августа 1* дня[1]

P. S. И как это Вам не стыдно было не отдать мне визита!!
O tempora...[2]

Николай Максимович, я пишу Зинаиде Афанасьевне объяснение моего непостоянства: правда, хотела заехать в Бологое — познакомиться поближе с Зинаидой Афанасьевной, но нет возможности при настоящих условиях. Мой отпуск — какие-нибудь десять дней. Работы — всех видов — гибель[3]. Я пристрастилась к этому делу до невероятности: пресловутая женская «преданность» и «самоотречение». Впрочем, мне не приходится отделиться от себя в этом деле, напротив.

За Ваше равнодушие к годовщине Лермонтова[4] мысленно назвала Вас поэтом fin de siècle! Я, признаться, была душевно растрогана 15-ого июля: годовщина еще говорит моему сердцу и моему воображению.... мож<ет> быть по молодости лет. *Всегда* нельзя мысленно становиться лицом к лицу с поэтом и вникать в его образ: жизнь пестра. Тоже ведь и со всяким отсутствующим и покойным. Но в годовщину, в известные сроки — если хотите точно по заказу, но, в сущности, вовсе не по заказу, внимание сосредоточивается на одном чем-нибудь — на образе далекого ч<е>л<ове>ка, и этот образ становится ярок и близок. Вы скажете, что этот образ близок Вам тогда, когда Вы читаете его стихи. Но это неверно. Стихи — чудно хороши *сами по себе*, независимо от образа поэта. *Личное* чувство к поэту редко пробуждается при чтении его произведений. А годовщина — личное празднование, момент мысленного общения с самим поэтом. И чем он дальше

от нас реально, тем это трогательнее. Мож<ет> б<ыть> это во мне по молодости лет, но Вы меня удивили своим рассудочным отношением к годовщине.

Не найдется ли каких-нибудь стихов *вообще* в Вашем Бологовском портфеле? Пришли их нам сюда. Заленились Вы!..

Если читаете Сев<ерный> Вестн<ик>, то не удивляйтесь тому, что в нем по-прежнему так много скуки и хламу: надо скорее спускать, что поплоше, чтобы расчистить дорогу собств<енным> замыслам в ближайшем будущем[5].

Старый знакомый (лучше новых двух!) Л. Гуревич

---

[1] Здесь и далее в печатных датировках вписанный текст выделен курсивом.

[2] O tempora... <o mores> (*лат.*) — О времена... <о нравы>.

[3] Имеется в виду работа в редакции «Северного вестника».

[4] См. письмо Н. Минского от 7 июля 1891 г. — п. 37 и прим. к нему.

[5] Речь идет об освобождении журнала от «балласта»: продукции народников, литераторов народнической ориентации, так называемых «нейтральных» беллетристов (П. Д. Боборыкина, А. А. Лугового, О. Шапир и др.), подробно о борьбе Гуревич и Волынского за направление журнала см.: *Куприяновский П. В.* «Оглядываюсь на прошлое...»: журнал «Северный вестник» 1890-х годов и его литературная позиция. С. 36—41 (гл. 3 «Период самоопределения журнала (1892—1894)»).

38. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

<На бумаге «Северного вестника»>
Спб., 189*3* года *Дек<абря> 26* дня

Николай Максимович, у меня сегодня свободный вечер и страшно охота забыть хоть на несколько часов о конторе и редакции, — я утомлена до невозможности. Если Вы можете сегодня же привести англичанку[1], то я буду оч<ень> рада. Если не можете привести ее, но придете сами, тоже буду очень рада. Есть большая потребность видеть людей, с которыми не связаны никакие представления о делах, просьбах, отказах, неудовольствиях и т. п. и т. п.!

Только мне очень стыдно, что я не смогу говорить с англичанкой по-английски — я и читать-то *вслух* не умею, и ничего не понимаю, когда *говорят*: я училась сама. Если она заговорит со мною по-английски, то я покраснею и поглупею. Предупредите ее. Хорошо бы, если бы она согласилась изъясняться по-французски — это было бы для меня всего отраднее. Видеть ее и поговорить с ней весьма желаю, хотя, вероятно, при встрече сконфужусь: совсем одичала от «деловых» сношений с людьми. Только сама с собой и умею разговаривать! А видеть людей хочется.

Ответьте, можете ли быть сегодня?

Уважающая Вас
Л. Гуревич

[1] Неустановленное лицо. Вероятно, знакомая З. А. Венгеровой, после окончания Бестужевских курсов (1887) она несколько лет изучала иностранную литературу за границей: с 1888 по 1893 г. жила в Париже, в 1892—1893 гг. наездами в Лондоне, путешествовала по Европе. Летом 1893 г. Венгерова и Минский вместе осматривали Лондон. См. п. 39 и прим. к нему.

39. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

<На бумаге «Северного вестника»>
Спб., 189*3* года *Декабря 27* дня

Многоуважаемый Николай Максимович,

Сегодня, к сожалению, я законтрактована, иду в скучное общество слушать, как будут говорить о либеральных вопросах! Думала было уж не пойти, да не хочу обидеть, и потому — если свободны в среду, пожалуйста, придите с англичанкой. Завтра буду дома только с 10 ч. веч<ера> — для Вас это не поздно, если хотите — приходите поболтать более свободно и просто, чем это возможно с англичанкой, для которой 10 ч., должно быть (не знаю право, европейских обычаев!), это поздно.

Если эта записка застанет Вас дома, пришлите ответ, — каковы Ваши намерения, чтобы я знала, когда мне быть дома. Больно много «визитов» уже у меня накопилось, и во время праздников придется выводить себя в люди: Любовь Яковлевна будет выводить издательницу!

Приятнее было бы попросту поболтать. До свиданья. Принесите, когда придете, портрет Нелли и снимки[1] — если это для Вас не затруднительно.

Л. Гуревич

Конверт:
Николаю Максимовичу
Виленкину
Казанская, д. 5, кв. 36

[1] Вероятно, имеются в виду фотографии актрисы, которой Минский посвятил стихотворение «Нелли. (Надпись к портрету)» («Ее — жемчужину Океаниды знойной...»); впервые: *СВ*. 1894. № 1. С. 212. В сентябре 1893 г. поэт вместе с З. Венгеровой гостил в Лондоне у Сергея и Фанни Степняков-Кравчинских. 16 сентября Венгерова писала подруге: «Поэту <Минскому> счастье везет удивительное: он все здесь видел, не только Burne Jones'a <Берн-Джонса>, но — Нелли, божественную Нелли, случайно вошедшую в вагон, в котором он ехал вместе с Фанниным Сергеем. Он теперь бредит ею, и говорит, что если бы иметь такую Нелли, то можно бросить к черту и мэоны» (Письма Зинаиды Афанасьевны Венгеровой к Софье Григорьевне Балаховской-Пети / Publication, commentaires et notes de Rosina Neginsky // Revue des études slaves. Paris, 1995. T. 67. Fask. 1. S. 220). По разысканиям Р. Нежински, речь идет об «австралийской певице Helen Porter Mitchell Armstrong,

известной под именем Nellie Melba (1866—1931), начавшей свою карьеру певицы в Лондоне в 1866 году и гастролировавшей в Ковент-Гардене периодически с 1888 по 1914 год» (Там же).

40. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

<На бумаге «Северного вестника»>
СПб., 189*4* года *Окт<ября> 22* дня

Дорогой Николай Максимович, сегодня мне передали Ваше поручение через Ак<има>Льв<овича>, т. е. запрос о гонораре[1]. В эту минуту (сегодня и завтра праздник[2], а кроме того — вообще в моей кассе *не* праздник!) — у меня есть только 50 р., кот<орые> я спешу отослать Вам, в том рассуждении, что деньги могут быть Вам нужны хоть в каком бы то ни было количестве немедленно. Скоро я пришлю Вам остальные. 25 р. отосланы уже давно в присланном Вами конверте. Если бы мне жилось легче, я бы уже давно послала Вам гонорар за поэму[3], не дожидаясь Вашего напоминанья. Но, к сожалению, приближаясь к подписке, я почти изнемогаю в борьбе с недостатком необходимых средств. Это очень тяжелая сторона моей жизни, которую мало кто знает во всем ее великолепии. Но это неинтересно. Поговорим о том, что любопытно для всех и для нас с Вами, в частности. Я только за этот м<еся>ц поняла вполне, какое «политическое животное» сидит во мне: общественные события меня беспредельно волнуют. Теперь у нас — среди густых туманов — проносятся какие-то веяния, какие-то ожидания, основанные на некоторых реальных данных[4]. И я так жду чего-нибудь лучшего, чего-нибудь нового, что по ночам каждую минуту просыпаюсь от ожидания. Если бы побольше гласности — вот первое желание. А то ценз<ура> совсем заедает. Не могу Вам сказать, до какой ярости довел меня Ф<еоктисто>в: статья Толстого запрещена, несмотря на ходатайства хорошо поставленного лица[5], и что еще удивительнее и ужаснее — роман Соллогуба <так!> тоже[6]. Я не успокоилась, конечно, на этих запрещениях и распалялась для дальнейшей борьбы: нельзя мириться с абсурдами. Но в это самое время декорации стали застилаться туманом и меняться, и теперь, как я Вам говорю, — я могу только ждать помощи от внешних событий. Последние дни были очень интересны. Я много ходила по улицам, присматривалась к толпе. Я очень жалею, что мне некогда вести дневник — он был бы наполнен интереснейшими наблюдениями. Вести журнал становится теперь вдвойне интересным. Необходимо только чутко следить за жизнью и сохранять в себе твердые и ясные настроения и взгляды. Я очень жалею, что не могу поговорить с Вами лично теперь: я так ищу вокруг себя людей однородного настроения. В редакции, впроч<ем>, я их не вижу: А<ким> Л<ьвович> и Полонский[7] тоже полны каких-то ожиданий. Но большинство людей просто ужас-

ны банальным повторением истрепанных фраз. Ч<е>л<овечес>кая стадность и бесцельная неискренность — ужасны.

Я Вас часто вспоминаю с чувством искренней дружбы и расположения. За последнее время я Вас, мне кажется, как-то поняла душевно и сблизилась с Вами заочно и без всякого Вашего к тому приглашения и без всякой необходимости. Если Вы имеете склонность заглядывать иногда в список своих искренних доброжелателей, запишите туда и мое имя. Я всем сердцем желаю Вам выздоровления[8] и чего-нибудь хорошего в жизни. Стихи Ваши мне очень нравятся, и я много хвалю их в разговорах с другими — они мне нравятся очень *живо*, возбуждают какие-то хорошие токи в душе. Кстати, мой брат Яков (Крюковский)[9], поступивший теперь в гимназию отца воспитателем, пришел в такое удовольствие от Ваших стихов, напечат<анных> в октябр<ьской> кн<ижке> Сев<ерного> В<естника>[10], что читал их пансионерам, все были очень довольны, и потом он пришел ко мне с просьбою дать Ваш адрес: он хотел *пойти* к Вам, познакомиться. Но это было уже после Вашего отъезда! Будьте здоровы и, если не лень, напишите.

Л. Гуревич

<На обрывке листа:>

P. S. Я хотела уже послать Вам 50 р. при этом письме, когда Ак<им> Льв<ович> пришел сказать мне, чтоб деньги я не пересылала, а отдала через него г-же Вилькиной[11]. Так я и сделала, а письмо, пожалуй, нужно все-таки послать Вам, раз оно уж написано?

<Приписано на полях первой страницы справа:> А Вы-таки поселились подле гадостной рулетки! Помните Чуйко и его «системы»?[12]

<Приписано на полях первой страницы слева:> Je pourrais vous écrire boucoup d'intéressent, mais je cranes que cette letter ne soit lue parle garson qui doit l'expidire et parles autres[13].

Конверт: Заказное
Монте-Карло
[Monte-Carlo]
Villa Flore
Meus Nicolas <Minsky>
Г. Н. М. Вил<енкину>
П. ш. 24 окт. 1894 С. Петербург; 10 Nov. Monte-Carlo

[1] В 1894 г. Минский напечатал в «Северном вестнике» стихотворения: «Нелли (Надпись к портрету)» — № 1; «Тень» («Был еще раз день, был вечер, ночь спустилась вслед...») — № 2; «Сорренто» («Прощай, Сорренто! В этот поздний час...») — № 6; «На палубе сырой мелькали мы, как тени...» — № 10; «Мне кажется порой...» — № 12; поэму «Город смерти» — № 11; а также перевод трагедии М. Метерлинка «Слепые» — № 5. С. 228—248.

[2] 21 окт. (3 нояб.) 1894 г. праздновали восшествие на престол императора Николая II.

[3] Имеется в виду гонорар за публикацию поэмы Минского «Город смерти» (*СВ*. 1894. № 11).

[4] Подразумеваются ожидания общественных перемен, связанные с кончиной Александра III (скончался 20 окт. 1894 г. в Ливадии); 30 октября гроб с телом императора для траурной церемонии прощания был привезен в Москву; 1 ноября — в Петербург, в царскую усыпальницу Петропавловской крепости; церемония прощания длилась шесть дней, 7 ноября состоялось погребение.

[5] *Феоктистов Евгений Михайлович* (1828—1898) — историк, публицист, в 1883—1896 гг. начальник Главного управления по делам печати. Сохранились письма Феоктистова к Л. Я. Гуревич: РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 192. Произведения Толстого проходили двойную цензуру — в Цензурном комитете и в Главном управлении по делам печати. Статья «Религия и нравственность» была разрешена к печати лишь в декабре 1894 г., опубликована под загл. «Противоречия эмпирической нравственности», с большими цензурными сокращениями: *СВ*. 1895. № 1. Отд. I. С. 279—296. 10 окт. 1894 г. Гуревич писала Толстому: «Цензура в лице самого Феоктистова запросила Вашу, дорогую мне до бесконечности, статью о религии и нравственности. Феоктистов отказал в том не только мне, но и <А. Ф.> Кони, который ходил к нему и просил его об этом, хотя сам сначала говорил мне, что, по его мнению, эта статья не пройдет. Я ездила советоваться со <Н. Н.> Страховым о том, какие смягчения можно сделать. Он сделал мне своей рукой некоторые сокращения, а на последнем большом листе корректуры написал: “Это все не может пройти. Я ошибся, думая, что тут можно что-нибудь сделать”. Не могу Вам сказать, с какой настойчивостью, с какой горячностью хлопотала. Я имела по этому поводу интересный разговор в цензуре (по характерности — для нашего времени и наших условий жизни), что хотела бы все это записать на память людям. Они признаются, что не знают, “как быть” с Вами, что у них “нет почвы под ногами” и что они “теряют голову”. По их собственным словам, вся Россия все равно, несмотря на их запрещение, читает “Царство божие” и “Тулон”» и т. д. (*Толстой Л. Н.* Переписка с русскими писателями / сост., вступ. ст. и прим. С. А. Розановой // Вопросы литературы. 1960. № 11. С. 92).

[6] *Федор Сологуб* (наст имя — *Федор Кузьмич Тетерников*; 1863—1927) дебютировал в «Северном вестнике» в 1892 г.; в 1894—1897 гг. постоянный автор журнала. Подготовка к печати и публикация романа «Тяжелые сны» (*СВ*. 1895. № 7—12) с самого начала сопровождались цензурными нареканиями. Под давлением Л. Гуревич и Волынского Сологуб был вынужден вынимать из текста целые эпизоды и главы (они были восстановлены в отд. изд.: СПб., 1896; СПб., 1905). Подробно см.: *Сологуб Ф.* Письма к Л. Я. Гуревич и А. Л. Волынскому / публ. И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год. Л.: Наука, 1974. С. 115—122; *Павлова М.* Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М.: Новое лит. обозрение, 2007. С. 117—122. 7 марта 1895 г. Минский писал Сологубу из Монте-Карло: «Судьба Вашего романа мне давно не дает покоя, но я все же не теряю надежду, что увижу его в печати. Теперь Любовь Яковлевна укрепила во мне эту надежду. Дела сложились так, что я скоро вернусь в Петербург. Прочту Ваш роман и решим, что нужно делать» (цит. по: *Rabinowitz Stanley J.* From the Early History of Russian Symbolism: Unpublished Materials on Fedor Sologub, Akim Volynsky, and Lyubov' Gurevich // Oxford Slavonic Papers. New Series. 1994. Vol. XXVII. P. 126).

[7] *Полонский* (Леливо-Полонский) *Леонид Александрович* (1833—1913) — публицист, прозаик; вел раздел «Внутреннее обозрение» в «Вестнике Европы» (1868—1880), «Русской мысли» (1884—1892), в 1893 г. перешел в «Северный вестник», где вел сразу несколько разделов — «Внутреннее обозрение» (с дек. 1893 г.),

«Политическая летопись» (с мая 1894 г.), «Провинциальная печать» (псевд.: *Л. Прозоров*). Был солидарен с Волынским по основным вопросам журнальной политики; однако в 1896 г. после публикации программной статьи Волынского и Гуревич «Идеализм и буржуазность» (*СВ*. 1896. № 1) демонстративно покинул журнал, заявив об этом в печати (Новое время. 1896. 7 марта; Новости и Биржевая газета. 1896. 7 марта). См. о нем: Русские писатели, 1800—1917: биогр. словарь / гл. ред. П. А. Николаев. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. Т. 5: П—С. С. 52—53 (статья Л. Д. Зубарева). См. также прим. к п. 60.

[8] В 1894 г. у Минского диагностировали острую форму туберкулеза, он был вынужден на несколько месяцев уехать лечиться за границу. Поэт обосновался на вилле Флора (Villa Flora) в Монте-Карло (между Ниццей и Ментоной).

[9] *Гуревич Яков Яковлевич* (псевд.: *Я. Крюковский*, *Земский гласный Т*.; 1869—1942) —писатель, педагог; директор Гимназии и Реального училища Гуревича (после смерти отца); преподаватель Санкт-Петербургской педагогической академии; автор около двадцати книг учебного и педагогического направления. Редактор-издатель журнала «Русская школа», печатался в «Северном вестнике», «Освобождении», «Русской жизни», «Тульской жизни» и др. В «Северном вестнике» опубликовал рассказы «Павел Залетный» (1893. № 6), «Беглый» (1894. № 7), «Бог театра» (1896. № 6), повесть «Диана» (1897. № 7, 8), позднее они вошли в авторский сборник «Повести и рассказы» (СПб., 1902).

[10] Имеется в виду стихотворение Минского «На палубе сырой мелькали мы, как тени...» (*СВ*. 1894. № 10. С. 48).

[11] *Вилькина Людмила* (до принятия православия в 1891 г. — *Изабелла*, домашнее имя — Бела) *Николаевна* (1873—1920) — поэтесса, переводчица, жена Минского (официально — с 1905 г.), племянница З. А. Венгеровой.

[12] *Чуйко Владимир Викторович* (1839—1899) — литературный и художественный критик, переводчик, автор книги «Современная русская поэзия в ее представителях» (СПб., 1885), популярных биографий Байрона, Гейне, Золя, Сервантеса и др.

[13] Je pourrais vous écrire boucoup d'intéressent ~ et parles autres (*фр*.) — Я могла бы написать вам много интересного, но опасаюсь, что это письмо прочтет посыльный, который должен его передать, и другие.

41. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

<На бумаге «Северного вестника»>
СПб., 189*4* года *Ноября 10* дня

Дорогой Николай Максимович,

Пишу Вам в день получения Вашего письма, т. е. собственно в ночь, ибо живу я только ночью — днем же меня осаждают мелкие дела, которые тяжелее всякого большого дела. Мне очень жаль, что Вас здесь нет. Мне бы хотелось поговорить с Вами о многом, что теперь переживается, вероятно, всеми, хотя не знаю, в такой ли степени, как здесь, в редакции журнала, в нашей, столь немногочисленной редакции. Не могу Вам сказать, к<а>к хочется говорить с понимающими людьми и, к<а>к оказалось, мало этих понимающих людей. Этот момент раскрыл мне многое. Я вижу теперь, что большинство самых порядочных людей — добродушных индивидуалистов — необычно

снисходительны к подлости. А подлость кишит вокруг нас, к<а>к никогда. Недавно получила письмо от старого Льва, который пишет, что его «приводит в недоумение всеобщее бешенство подлости и дурачества»...[1] И французские газеты ужасны, тем более ужасны, что у них палка висит все-таки не так близко над головою. Но что делают наши, здешние редакторы... я не могу думать об этом без ярости. Подумайте... Вы видели м<ожет>б<ыть> мое имя в некоем списке, знаменовавшем умиленные чувства по адресу покойного. Поверите ли Вы: я сама только *потом* узнала, что состою в списке, что имя мое вместе с названием журнала вырезано на серебряном листке — одном из многих, составляющих венок — смиренное подношение санкт-петерб<ургских> издателей и редакторов[2]. Нашими именами *распорядились* без нашего ведома, и я сама узнала об этом тогда, когда возложение было уже готово, когда все было кончено и ко мне пришли только получить р<убли>. Приношение было заказано на 3000 р. — если бы не распределить на тех, кто не пришли на заседание, то собравшимся пришлось бы слишком дорого... И они разложили и на тех, кто уклонился от собрания, решили, исполнили, выгравировали свои и наши имена (подлое тщеславие при трусости!) и потом, когда все было уже *сделано*, прислали за деньгами... Поистине то, что я вижу вокруг себя, беспредельно ужасно по подлости, рабьей трусости, неудержимому, добровольному холопству... Как *надеяться* при этом? Я не знаю, пока, но я надеюсь. Никогда еще общество не кипело так слухами и ожиданиями. Я надеюсь тоже, страстно надеюсь, возмущаясь вместе с тем, сознанием, что приходится надеяться только на *личностей*, от которых все зависит, а не от общества, которое не заслуживает почти ничего лучшего. Мне смертельно стыдно за людей, и я не могла бы доказать, что есть *основание* на что-либо надеяться. Но единственное, что я могу сказать, это то, что в атмосфере очень много паров и что то или иное, уже по одному этому, должно совершиться, должно двинуться в какую-нибудь сторону. Мне кажется, что *штиль* прошел. Настолько иные времена, мне кажется, — более благоприятного для образования талантов, для формировки крупных людей. И у нас, и в старой Европе близится какая-то новая эра. Вот на что я надеюсь, п<отому> ч<то> неподвижности не бывает в природе...

Соллогуб <так!> так или иначе должен пройти!..[3] Это невероятно было бы. Ром<ан> Мережковск<ого> принят[4]. Червинск<ого> еще не читали[5]. Дела так много, что я буквально целыми ночами не могу спать. В этом году я ставлю *последнюю* отчаянную ставку — у меня больше совсем нет средств ниоткуда. Но я надеюсь и живу надеждой. Это ведь не рулетка!..

<Приписано на полях первого листа:> Прочтите в ноябр<ьском> С<еверном> В<естнике> маленький рассказ *Н. Н.* «Странная история»[6] и напишите мне свое искреннее мнение. Я верю Вашему вкусу.

<Продолжено на полях:> Как жаль, что Вас нет. Вы не верите в свободу, но любите ее больше многих, которые верят в нее. И я люблю ее всею страстью души. Поправляйтесь и возвращайтесь. Желаю Вам этого всем дружески привязанным сердцем.

Перевод на Лион<ский> Кредит[7] я пошлю отдельно от этого письма.

<На отдельном листе:>

P. S. Пишите мне, что вздумаете, без разбору, как хорошему и не склонному к глупым критическим придиркам другу. Пишите мне, что думаете, что читаете, и о самом себе пишите с уверенностью, что имеете во мне не злого, но доброго друга. Чем более душит меня жизнь деловою стороною, к которой у меня никогда не было способностей, и чем больше я развиваю в этой жизни свою механическую волю, тем более чувствуется потребность поговорить иногда попросту, не мудрствуя лукаво. А ведь во всех нас, несмотря на нашу мудреность, привычку к резонерству, есть что-то простое, живое, теплое и нежное. Я думаю, что людям дано Богом или природою очень много сил, сколько мы ни расточаем их, на все хватает. Жизнь хлещет прутьями по лицу, а в сердце рождается какая-то особенная мякоть!!.. чудаки люди!..

Конверт: Заказное
Монте-Карло
[Montecarlo]
Turbie. Villa Flore
Mousieur N. Wilenkine
П. ш.: 10.XI.94, С. Петербург; 26 Dec. 94 Monter-Carlo; 27 Dec. 94. Turbie

[1] Ср. запись в дневнике Л. Толстого за 3 нояб. 1894 г. (по поводу письма Гуревич о «верноподданических» откликах в печати на смерть Александра III): «Письмо от Гурев<ич>, справедливо возмущенное всем бешенством подлости и дурачества» (*Толстой Л. Н.* Собр. соч.: в 22 т. Т. 21: Избранные дневники, 1847—1894. М.: Худож. лит., 1984. С. 520).

[2] В полном списке петербургских редакторов и издателей (всего 72), участвовавших в траурном подношении, опубликованном в газ. «Новости и Биржевая газета» (1894. 4 нояб. № 304. С. 2), под номером 54 значилось имя Л. Я. Гуревич, издательницы «Северного вестника». Публикация сопровождалась описанием: «Серебряный венок, возложенный петербургской печатью на гроб в Бозе почившего Императора Александра III, имеет 1 арш. $6^1/_2$ вершков в вышину и 1 арш. 3 вершка ширины, левая сторона из лавровых ветвей (символ мира), правая дубовых (символ силы). Пальмовые ветви (мирное царствование) пересекают венок на конце и выходят за пределы его. Вензель Его Величества из чистого золота. На вензеле большая Императорская Корона также чистого кованого золота. У подножия венка положен свиток бумаги в траурной кайме с надписью “Печать” и на другом конце свитка — С.П.Б. Перо писателя оксидированного серебра упало на траурный свиток. Массивная серебряная лента прикреплена к подножию венка с надписью: “Императору Александру III, Царю-Миротворцу, Петербургская пе-

чать". На листьях венка написаны издания, от имени которых возлагается венок и имена их редакторов и издателей».

[3] Роман Ф. Сологуба «Тяжелые сны». См. прим. 6 к п. 40.

[4] Роман Д. Мережковского «Смерть богов. Юлиан Отступник» — первая часть трилогии «Христос и Антихрист», впервые под загл. «Отверженный»: *СВ*. 1895. № 1—6.

[5] *Червинский Федор Алексеевич* (1864—1917) — поэт, переводчик, прозаик, драматург; юрист, петербургский присяжный поверенный; товарищ по университету Мережковского, поклонник З. Гиппиус («роман» развернулся в 1893 г., см. запись в интимном дневнике «Contes d'amour»: *Гиппиус З.* Дневники: в 2 т. Т. 1 / под общей ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 1999. С. 36). В начале 1890-х гг. был близок кругу «Северного вестника», где изредка помещал стихи; здесь же напечатал первую стихотворную комедию «В глуши» (1891. № 5); автор единственного сб. «Стихи» (СПб., 1892). Стихотворения Червинского из итальянского цикла («В Помпее», «В Вероне») под общим заголовком «Путевые эскизы» вошли в составленную П. и В. Перцовыми антологию «Молодая поэзия: сборник избранных стихотворений молодых русских поэтов» (СПб.: типо-лит. Б. М. Вольфа, 1895; на обложке имена Бальмонта, Минского, Мережковского, Брюсова). Возможно, речь идет об одном из его рассказов, который был отклонен редакцией. Подробные сведения о нем см.: *Соболев А. Л.* Переписка З. Н. Гиппиус с А. Ф. Червинским // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 61—104; Венеция в русской поэзии: опыт антологии, 1888—1972 / сост.: Александр Соболев, Роман Тименчик. М.: Новое лит. обозрение, 2019. С. 997—999. В «Северном вестнике» за 1895 г. публикаций Червинского не было. 10 июля 1894 г. Минский писал Волынскому: «Проездом из Москвы провел у меня два дня Червинский. Он заканчивает 2-ую часть романа, который пишет уже много лет. Теперь автор второю частью доволен, но хочет переделать первую. Что-то не верю я в этот роман» (РГАЛИ, ф. 95, оп. 1, ед. хр. 391, л. 6).

[6] Л. Гуревич имеет в виду собственный рассказ (под псевд. *Н. Н.*: *СВ*. 1894. № 11. С. 177—180); вошел в авторский сборник «"Седок" и другие рассказы» (СПб.: М. В. Пирожков, 1904. С. 135—140). «Странная история» — психологический этюд: Гуревич фиксирует переживания героя (испуг, ужас, стресс) при виде внезапного помешательства прислуги. В немногочисленных рецензиях на сборник рассказ был упомянут только Ф. Д. Батюшковым, который назвал его «совсем незначительным» и «непонятным» (Мир Божий. 1904. № 11. Отд. II. С. 117).

[7] Имеется в виду гонорар за публикацию поэмы «Город смерти», см. прим. 3 к п. 40 (22 окт. 1894 г.).

42. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

<На бумаге «Северного вестника»>
Спб. 189*4* года *Декабря 5* дня

Пришла домой в 12 ч. и в ожидании Ак<има> Льв<овича>, который сейчас придет заниматься (занятия — все по ночам, часто до свету!), уже отвечаю на Ваше дружеское письмо. Однако, чтобы оно было особенно правдивым, расположу его содержание в том порядке, в каком пошли токи в моем мозгу при получении Вашего письма 15 м<инут> тому назад[1]. Вы вряд ли знаете, как страшно бывает стыдно быть виноватым в денежном отношении. Вот уже несколько вре-

мени, к<а>к мысль о Вас соединяется у меня с терзанием совести по поводу непосланных 57 руб. Безденежье в смысле каких угодно лишений не так ужасно, как безденежье при виде писем от того, кому должен. Эти постоянные мучения совести, в смысле невольных, но сознаваемых провинностей, есть своеобразная школа, в которой можно совершенно переродиться — не знаю, к худшему или к лучшему. И если б Вы знали, какими искушениями пробуют испытывать меня родственники, побуждая отклониться от нашего пути, отказаться от тех самобытных оттенков Сев<ерного> В<естника>, для кот<орых> только и стоит терзаться. Верю в свою духовную правоту, верю страстно, и иначе не могла бы жить так, как живу. Но какое своеобразное сочетание в сознании и бесконечной правоты и бесконечных «гражданских» провинностей и преступлений — гражданских — увы! — в смысле просто имущественном. Простите меня, Николай Максимович, — на этой неделе я пошлю Вам свой долг, подписка начинается, а до сих пор у меня на каждый грош по десяти вполне законных собственных с разных сторон. Но верю, что это кончится, наконец, думаю, что подписка должна быть хорошей и что публика не может не отличить Сев<ерного> В<естника> по тому признаку, что просто в нем работают живые и искренние люди, и притом бесконечно убежденные люди.

Жаль, что нельзя с Вами поговорить хорошенько устно о том, о чем Вы пишете. Писать письма мне стало физически трудно: больше 6 стр<ок> трудно. Очень уж много приходится орудовать пером, ведь на каждой глупой корректуре сидишь с пером, и на кончике трех пальцев, которыми пишешь, выдавились постоянные ямки! Мне бы хотелось поговорить с Вами о том, что Вы пишете о свободе[2]. Еще недавно писала я Толстому мысль, которую все время чувствую: ужас современного положения заключается в том, что люди совершенно различных понятий, взглядов, люди, далекие друг от друга больше чем, может быть, далеки люди XIII и XVIII вв., скованы *общими*, одинаковыми законами, обычаями, условиями[3]. Не ужасно ли? Знаменитое и великолепное равенство перед законом есть страшное неравенство, для многих до безумия мучительное. Подумайте: поймали б тысячу людей — голодных, богатых, озябших, разряженных, объевшихся, больных — и велели бы всем есть по три больших котлеты с картофелем, жаренных в сале!.. Ведь что за ужас. И это всем ясно. А разве одинаковые законы для всех, даже мудрые и добрые, не есть то же самое. Мне кажется, что люди в Европе оттого так и разочаровались в своем строе, что там уже очень тяжело чувствуется эта скованность *разных* людей *одинаковыми* законами. Я не вижу иного спасения, кроме распадения государства и образования групп — хотя бы до бесконечности дробных — из которых каждая определяет — если ей угодно — *свои* законы. Другими словами — Толстой прав. Только дело, мне каж<ется>, не в том, чтоб рекомендовать мужику что-либо, чуждое еще его взглядам, а в том, чтоб дерзать самому, выделиться как мож-

но ярче из известной организации и творить свою волю. А дерзости еще страшно мало в обществе. Увы! последние недели показали, до чего трудно быть уверенным в ближних на счет самой примитивной самостоятельности и смелости... Есть еще что-то в голове на эту тему, но так бы и хотелось устно поговорить.

А пока вот что. Вы спрашивали о Венгеровой. К<а>к раз сегодня я к ней поехала, думала застать ее, провести у нее вечер и попросить ее перевести для С. В. (сокращая и перелагая многое) Автобиографию Annie Besant[4]. (Думаю, что было бы интересно.) Но Венгеровой не оказалось дома, и я вернулась. На днях, я знаю от Ак<има> Льв<овича>, Венгерова читала реферат в нео-филологическом обществе о прерафаэлитах[5]. У меня она была раз, ненадолго, в приемный день. Я бы хотела с ней поближе познакомиться: она такая знающая. Кажется, сообщила Вам добросовестно, что могу и знаю.

Прочтите «Тени» Соллогуба <так!>. Он настоящий талант, и это так хорошо, что Вы нам его открыли[6].

Насчет 1 повести Н. Н. приходится слышать такое разное, что просто смешно. Кто говорит, что это, очевидно, действительное событие, рассказанное очевидцем-героем, что писал это очевидно поживший *старик*. Вы говорите, что это произведение фатовски-дилетантское...[7] А писала ведь это молодая женщина, увидевшая что-то подобное не то во сне, не то в воображении и записавшая эту картинку во всяком случае с большим внутренним вдохновением, и это, *дейст<вительно>, один из многих* ее рассказов. Будут печататься и другие[8]. Пока до свидания. Пишите, и я буду Вам писать. Искренний доброжелатель и приятель

Л. Гуревич

---

[1] Письмо не сохранилось.

[2] Вероятно, речь идет о содержании несохранившегося письма Минского.

[3] Письмо Гуревич к Толстому с таким содержанием неизвестно.

[4] *Безант Анни* (*Annie Besant*; урожд. *Вуд* — *Wood*; 1847—1933) — писательница, феминистка; сторонница независимости Ирландии и Индии; выступала в защиту мальтузианства и атеизма; после 1890 г. — последовательница Е. Блаватской; президент Теософского общества (1907—1933). В «Северном вестнике» была напечатана автобиография А. Безант — «Исповедь» (1895. № 1—4, 10—11) в переводе З. Венгеровой. В предисловии к публикации Венгерова писала: «Подобно дневникам выдающихся людей, живущих жизнью своего века, автобиография Анни Безант представляет собой красноречивую страницу психологии времени. Будущий историк переживаемой нами эпохи не пройдет мимо этой правдивой исповеди, так просто рисующей духовную жизнь выдающейся по уму и душевной силе женщины. Психологический интерес этого “document humain” (человеческого документа. — *М. П.*) может сравниться только с другой женской автобиографией, дневником Марии Башкирцевой, так сильно волновавшим умы несколько лет тому назад. <...> Мария Башкирцева одна из первых отразила новые настроения, совмещающие крайний скептицизм с идеалистическими и отчасти мистическими

порывами; ее дневник был исходным пунктом тех сложных литературных и эстетических движений, которым присвоена условная, ничего не объясняющая кличка декадентства. Та же психологическая подкладка чувствуется во всей деятельности Анни Безант и отражается в ее автобиографии» (с. 215).

[5] Неофилологическое общество при С.-Петербургском (Петроградском) университете (1887—1928) выделилось из Романо-германского отделения Филологического общества при университете (имело два отделения: лингвистическое и педагогическое); выпускало «Записки Неофилологического общества» (СПб., 1888—1915. Вып. 1—8).

Подробный отчет о реферате см. в обзоре: *М. К. <Цебрикова М. К.>* О прерафаэлитизме в английской поэзии и живописи (доклад З. А. Венгеровой, читанный в неофилологическом обществе 25-го ноября) // Новости и Биржевая газета. 1894. 3 дек. № 333. С. 3). В виде статьи текст опубл.: Вестник Европы. 1895. № 3. С. 192—235; в развернутом виде под загл. «Прерафаэлитское движение в Англии»: *СВ*. 1896. № 4. С. 109—130; и в кн. Венгеровой «Литературные характеристики» (СПб.: типо-лит. А. Э. Винеке, 1897. Кн. 1. С. 1—153). В газетном отчете (указ. выпуск) сообщалось: «Многолюдное собрание с видимым удовольствием прослушало интересно написанный доклад. <...> Мережковский, похвалив докладчицу за добросовестное и глубокое изучение вопроса, не согласился с нею в оценке прерафаэлитизма. По его мнению, это — заря вечерняя, тогда как итальянское возрождение времен Джиотто и др. было утреннею зарею, зарею нового дня. Прерафаэлитизм — скорее упадок, decadence. Предшественники Рафаэля были полны наивной веры, у прерафаэлитов все искусственно. Те мало знали, эти знают много, но зато те были искреннее и правдивее. У итальянцев целомудрие и неподдельная красота, у англичан — все лживо. У Астарты Россетти губы вампира, во всей фигуре что-то жестокое, и, если бы Фра Анджелико увидел картины прерафаэлитов, он бы стал открещиваться от них, как от дьявола. По мнению оппонента, прерафаэлитизм стоит в связи с поэзиею Эдгара По, с его учеником Бодлэром и французским символизмом вообще».

[6] Ф. Сологуб вошел в круг сотрудников «Северного вестника» при поддержке Минского. Летом 1891 г. он приезжал в Петербург из Вытегры, где в 1889—1892 гг. преподавал в Учительской семинарии, посетил редакцию журнала и оставил свои стихи. Минский содействовал их публикации в журнале (дебютная публ.: *СВ*. 1892. № 2. С. 250 — стихотворение «Вечер» («Что за прелесть! Смотри...»), 1889). Минскому и Волынскому Сологуб обязан псевдонимом, впервые поэт воспользовался им при публикации стихотворения «Творчество» («Темницы жизни покидая...») (*СВ*. 1893. № 3. С. 52). Рассказ Ф. Сологуба «Тени» (впервые: *СВ*. 1894. № 12; в Собр. соч.: «Свет и тени») «произвел тогда ошеломляющее впечатление на всех» (*Старый энтузиаст <Волынский А. Л.>*. Ф. К. Сологуб // Жизнь искусства. 1923. № 23. С. 10) и принес автору признание в кругу символистов. 7 марта 1895 г. Минский писал Сологубу: «Ваши “Тени” были для меня приятным сюрпризом. Все больше убеждаюсь в мысли, что Вы призваны для большого дела. Главное — продолжайте, как начали, творите не по вне, а по внутри, давайте себя самого, никого не слушайте и не смущайтесь» (*Rabinowitz Stanley J.* From the Early History of Russian Symbolism: Unpublished Materials on Fedor Sologub, Akim Volynsky, and Lyubov' Gurevich // Oxford Slavonic Papers. New Series. 1994. Vol. XXVII. P. 126).

[7] См. прим. 6 к п. 41.

[8] Десять рассказов Л. Гуревич, опубликованных в 1890-е — начале 1900-х гг. в журналах «Северный вестник», «Мир Божий», «Жизнь» и др., вошли в авторский сборник «“Седок” и другие рассказы» (СПб., 1904).

43. Н. М. Минский — Л. Я. Гуревич

<На бумаге: Cercle des Etrangers
de Monaco
Salon de Lecture>

Monte Carlo, le 15 декабря 1894[1]
Turbie, Villa Flora

Дорогая Любовь Яковлевна, забавно, что нам приходится говорить друг с другом о денежных делах. Меня убивает всего более неполучение ответа на мою телеграмму, и я решил, что Вы послали простое письмо и оно пропало. Оказывается, что и у Вас не было денег. Это, конечно, грустно, но было бы сто раз грустнее, если бы Вы, из угождения вкусам публики, хоть на йоту отступили от прежнего направления журнала. Стремиться к успеху вполне естественно, но делать это следует, лишь оставаясь верным самому себе. Приноравливаться к чужим вкусам не только позорно, но и бесполезно. Свое заблуждение священнее чужой правды, а ведь Вы правы. Впрочем, напрасно я все это говорю Вам. Не такая Вы, чтоб идти на компромиссы. И я глубоко верю, что публика скоро поймет Ваш журнал и все то новое и страстно искреннее, что так отличает Сев<ерный> В<естник> среди всей нашей литературы. Бороться осталось немного — скоро будет победа. Знаю, что мое предчувствие не обманывает.

«Тени» Сологуба произвели на меня сильнейшее впечатление. У него не только большой талант, но своеобразный взгляд на жизнь. Из него выйдет русский Эдгар Поэ, только бы не заленился. Психология рассказа N. N. после Ваших слов мне ясна[2]. Об этом хотелось бы с Вами поговорить, но писать затрудняюсь. Часто думаю о Вас, как о писательнице, и признаюсь, Ваш образ в моих глазах двоится. До сих пор не могу забыть впечатления от начала Вашего романа[3], но чувствую, что над Вашей душой что-то тяготеет, и что Ваши крылья еще связаны. Чем? Во всяком случае не только внешними узами. В известном смысле, может быть, и Вы живете в мире теней, вместо мира предметов... Не сердитесь, друг мой, за эти слова. Говорю Вам, по старой памяти, всю правду, все, что думаю...

Если будут какие-либо отзывы о Сологубе, сообщайте мне. Меня крайне интересует его литературная карьера. Господи, как хочется быть в Петербурге со всеми вами, подальше от Монако и французов. Здоровье мое недурно, но боюсь петербургской весны.

Пишите, друг мой, хотя бы и не хотелось взяться за перо. Я очень дорожу Вашими письмами и Вашей дружбой.

<Подпись>

Печ. по: РО ИРЛИ, № 20003, л. 3—4.

[1] 2 дек. 1894 — по ст. ст. (по юлианскому календарю).

[2] Письмо Л. Гуревич к Минскому с пояснениями к рассказу «Странная история» неизвестно.

[3] Речь идет о прологе к роману Л. Гуревич «Плоскогорье» (1896), под загл. «Разлука» опубл.: *СВ*. 1895. № 9; полный текст: *СВ*. 1896. № 9—12; 1897. № 1—4; отд. изд. (с посвящением А. Волынскому): СПб.: тип. М. Меркушева, 1897.

44. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

<Конец декабря 1894>[1]

Дорогой Николай Максимович,

Имею к Вам большую просьбу, бесцеремонную, дружескую, о кот<орой> прошу никому не говорить. Перетащила журнал в Новый год, четвертый моего издательства, и чувствую непреодолимую необходимость в коротком отдыхе. Два года прошло с тех пор, как я уезжала на м<е>с<я>ц из Петербурга, перед тем — еще два года без отдыха — чувствую, что и моя кошачья или не знаю, какого зверя, природа не может обходиться без отдыха. Становится не только трудно, но почти жутко за свою машину, которая вся стонет и скрипит от нечеловеческого напряжения... Ведь и читателям больше приходится отдыхать, передыхать. Но вот я уже начинаю мысленно *доказывать* кому-то — и бесцельной <?> надобности Вам — что имею право на отдых, а Вы-то, пожалуй, и не сомневаетесь в этом, к<а>к другие, как мои кредиторы, кот<орые> при этом случае не упускают случая попрекнуть меня: Ага! захотели отдыхать! Прелестно! Силенки изменили! Небось — взялся за гуж, не говори, что не дюж... и т. д.

Но вы, по счастью, не кредитор мой: я Вам должна только за стихи, да и то уже сказали в конторе, чтоб немедленно послали. Итак, вот что. Хочу убежать из СПб. на 3 недели (больше нельзя) и тянет только на юг, где можно гулять без шубы и без калош, и видеть море и солнце. Хочу поехать на 2 недели в Ниццу. Но меня ужасает дороговизна. Если три недели отдыха могут обойтись мне больше 300 руб., откажусь от Средиземного моря, кот<орое> пленило меня два года тому назад. Я не могу сообразить, сколько это будет стоить, — жить в Ницце, самым упрощенным способом конечно, только чтоб можно было гулять и дышать. Я помню, что тогда прожила бешеные деньги и еще в гадостном отеле, от кот<орого> у меня осталось впечатление, подобное кляксе на других воспоминаниях о юге. Вы там теперь устроились и стали почти туземцем[2], поэтому, вероятно, без особого труда узнаете, на сколько можно прожить в Ницце или в какой-нибудь деревушке (только не в Beaulieu, где Ковалевский[3]) в течение 2—2½ недель. Сколько Вы сами проживаете? Мне потому не у кого узнать здесь, что все здешние знакомые, ездившие за границу, жили там с комфортом, не стесняясь, и мне стыдно (да и «положение» не позволяет) сказать им, что я спрашиваю о скупой, минимальной воз-

можности существовать подле моря и под солнцем. Я поехала бы через Австрию — это кажется дешевле. Колеблюсь между Крымом и Ниццей, помогите выяснить.

При этом — ради Бога не говорите М. Ковалевскому и никому из русских, если бы такое случилось. И сюда никому не пишите. Я надеюсь, что Вы это исполните, а мне напишите поскорее.

Преданная Вам
Л. Гуревич

Вчера у меня была ассамблея, как в прошлом году, когда Вы читали стихи, а Аким Львович полетел из кресла?

---

[1] Датируется по содержанию.

[2] См. прим. 9 к п. 40.

[3] *Ковалевский Максим Максимович* (1851—1916) — историк, юрист, социолог, общественный деятель, член I Государственной думы и Государственного совета; один из основателей (1901) и профессор Русской высшей школы общественных наук в Париже; академик Императорской Академии наук (1914). Ковалевскому принадлежала инициативная роль в возрождении русского масонства, см.: *Серков А. И.* Российские масоны, 1721—2019: биогр. словарь. Век XX: в 4 т. М.: Ганга, 2020. Т. II. С. 179–186; *Старцев В. И.* Тайны русских масонов. СПб.: Д. А. Р. К., 2004. С. 206—215. На вилле Ковалевского Элленорк в Болье в окрестностях Ниццы гостили приезжавшие из России интеллектуалы, в 1892 и 1894 гг. отдыхали Мережковские.

45. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

<На бумаге «Северного вестника»>
Спб. 189*4* года *Декабря 30* дня

Дорогой Николай Максимович,

Пишу Вам под влиянием некоторых впечатлений последних дней, довольно разнородного характера — Вашего письма к Ак<иму> Льв<овичу>[1], вчерашнего обеда в честь Боборыкина, где были все литераторы[2] и где для расположенных к Вам людей было заметно Ваше отсутствие, сегодняшнего собрания шекспировского кружка, где я была в первый раз[3]. Положительно — без всяких к тому ближайших причин — я за эту зиму как-то дружески привязалась к Вам, радуюсь, когда Вас хвалят, раздражаюсь и волнуюсь, когда о Вас говорят не в надлежащем тоне. И сегодня еще, в разговоре с Мережковской[4] после заседания шекспир<овского> кружка, я совершенно непосредственно сказала, что очень дорожу Вами и Вашими мнениями. Кстати, начав говорить Вам искренние слова, сообщу Вам некоторый эпизод маленький, кот<орый>, по-моему, должен быть Вам приятен — мне бы он был приятен. На Рождество был у нас на дому у мамы вечер, танцы, ужин. Было весело, как в ранней молодости. Сидели вместе Ак<им> Льв<ович>, Соллогуб <так!>, еще один студент — кавказец,

чудной, маленький, умный и пылкий, «адепт» Акима Львовича[5]. Он говорил речи, восторженные и нескладные, провозглашал тосты, и в том числе за Вас, сказав, что Вы всегда возбуждали в нем, как поэт, его юношеские восторги, навеивали в его душу прекрасные мечты... И мы все пили за Ваше выздоровление и возвращение с самыми прекрасными чувствами.

Теперь о другом, по поводу Вашего письма. Все еще больно мне думать, что я причинила Вам неприятности на почве гонорара. Не «забавно», как Вы говорите, а больно говорить об этом с знакомым. Тяжело быть издателем, создающим журнал из ничего. Столько унизительного. Но каж<ется>, Вы не поняли меня, когда подумали, что я допускаю мысль о том, что можно погнуться, приклониться на публике, уступить толпе. Нет, это то, что стоит в моей душе абсолютно непоколебимо. Я говорила только, что иногда думается. М<ожет> б<ыть>, я была не права перед совестью, когда *сделалась* издательницей, когда вопреки мнению всех родных, знакомых, вопреки прямому запрещению отца, не дававшего мне даже паспорта, почти «убежала в издательницы». Много раз потом, не тогда, когда меня мучили другие, а именно тогда, когда я чувствовала себя виноватой перед сотрудниками, не посылала денег, почти «крала» их произведения для своего детища, — мне невольно приходило в голову: м<ожет> б<ыть>, я не права в том, что сделалась издательницей. И ведь при этом хорошо помню свои настроения — отчетливое сознание всех ужасов и опасностей, открывавшихся передо мною. Иллюзий не было вначале, не было и *раскаяния* потом, бывают только минуты рассудочных сомнений: имела ли право? Не знаю... Читая как-то Стендаля, я встретила там фразу: «в нем не было в эту минуту того мрачного отчаяния, кот<орое> характеризует все великие страсти с самого момента их возникновения»[6]. И я в первый раз поняла, почему я сделалась издателем: именно мрачное отчаянье уносило меня на своем хребте в этот безбрежный океан, сознание какой-то фатальной необходимости, неизбежности моего поступка, которому сначала ничто, решительно ничто не благоприятствовало и не предвещало успеха... Теперь я понимаю по крайней мере, что у меня есть хоть какие-ниб<удь> данные для успеха, теперь я отчетливо понимаю свои задачи, и мысль активно участвует в том процессе, в котором одна историческая действительность становится другою действительностью, вдохновляет и раскаляет меня порою до какого-то исступления... Но вообще, говоря правду, как я ее сама понимаю, мне кажется все мое собственное поведение и моя судьба чем-то очень странным: точно кто-то свыше *внушил* мне идти по этому пути, и я иду — сомневаясь рассудком в своих силах, вынося минуты невозможных страданий и испытаний, таких ужасных страданий, что в них есть что-то фантастическое по напряжению (никому не интересно слушать повесть чужих страданий, но если б записать все переживанья, то можно было бы удивляться тому, что деятель-

ность *издателя* мож<ет> б<ыть> обставлена такими, почти романтическими явлениями и настроениями... Прозаическая роль издателя!). И, в сущности, тут все объясняется очень просто и даже прозаично: для того, чтобы делать в реальности, в житейской обстановке, то дело, кот<оро>е я делаю, нужно было иметь в запасе «капитал» в 100 000 рублей, а я сделалась издательницей — зная это и, в то же время, не имея ни копейки! Ведь это было б, к<а>к говорит мой отец, крайне *легкомысленно*, если бы не было для меня с самого начала так мрачно и так серьезно. И вот теперь журнал доведен до того, что он, вероятно, будет в этом году окупать себя. Десятки тысяч были затрачены за эти годы, десятки тысяч, *добытые* мною, добытые мною в большинстве случаев от людей, которым я даже вовсе не импонирую, к<а>к деловой ч<е>л<ове>к, и которые часто, дав мне деньги, потом сами удивлялись, чем и к<а>к я сумела вырвать у них то, с чем они расстались так неохотно... Еще остается несколько лет мучительнейшего труда — ведь теперь нужно мало-помалу, не колебля дел, расплачиваться с долгами, упрашивать кредиторов подождать и т. п., и пока улучшать, улучшать и улучшать дело, которое еще бесконечно плохо в сравнении с тем, чем должно и *может* быть. Помощников нет (кроме А<кима> Л<ьвовича>), людей нет, порядочного секретаря нет и трудно достать, — в конторе, в письмах, в корректурах все нужно делать самой, и по совести — эта работа по 16 часов в сутки, *без отдыха летом*, до невозможности трудна и берет сил без счета и конца... Но когда люди говорят мне, что, кажется, мое дело *не стоит* такого труда, я презираю их. *Слово* — ведь это единственное верное орудие тех духовных революций, кот<орые> должен перенести мир, чтоб очиститься. Самостоятельный орган печати... — и до моего издательства и теперь, при всех сосущих меня житейских заботах, — это кажется мне целым царством, которое можно сделать могущественным и обаятельно-влиятельным. Никогда я не раскаюсь в том, что пошла по этому пути, п<отому> ч<то> он вел меня в надлежащем направлении. Но нужно еще много, долго терпеть и работать, не щадя себя и не думая о себе вовсе как о психологической единице. Мы еще не победили, как Вы говорите, нет, еще далеко до этого, мы только кое-кого заинтересовали, не более, но еще не приобрели никакого влияния на умы. Я знаю, я не обманываю себя. Нечто достигнуто — чуткие люди чувствуют это, и начинается какое-то броженье кое-где. Что-то закипает, но мы еще не должны даже и думать о том, что близки к победе. Все в будущем. В том, что так или иначе выражает нашу реальную силу — в подписке — мы идем в гору, систематически из году в год поднимаясь. Но добыть успех честно, без компромиссов, очень трудно, очень долго. И надо еще много терпеть и работать над всяким, самым черновым делом. Иногда приходится заниматься такими делами, что — думается — право, что даровитая и нервная натура ни за что в мире не стала бы этого делать. Иногда по этому признаку судя, я думаю, что

я просто бездарная ломовая лошадь с страшным запасом чисто физической энергии. Поверите ли — я сейчас пишу это письмо после того, как три ночи подряд не ложилась спать перед выпуском новогодней книги: через час, в 8 ч. утра мне надо идти в типографию, и ложиться явно не стоит. Б<ыть> мож<ет>, эти дни и ночи вычтутся из конца моей жизни, я не абсолютно здоровый ч<е>л<ове>к физически, но пока я все это выношу сравнительно легко, хотя и не без усилий воли.

Все это пишу я Вам вот почему. Когда Вы или кто другой говорят мне — зачем я не делаю того, что «дало бы расцвести моей духовной индивидуальности», что было бы личным, более благодарным творчеством, зачем не пишу роман[7], который — клянусь Вам — готов в голове и кот<орый> я могла бы написать в какие-нибудь полгода, — мне так больно, что я теряю всякое самообладание. Отчасти потому, что мой отец не перестает меня пилить на тему о том, что я убиваю себя вместо того, чтобы писать, отчасти оттого, что моя роль часто неимущего денег издателя и страшно тяжела, и ставит меня в какое-то ложно-*униженное* положение, — отчасти, и главное, потому, что ведь мне уж самой жгуче хочется писать, а я еще *не имею права и возможности* даже по 3 часа в день отнимать у дела, п<отому> ч<то> тогда оно расшатается. Это мои испытания, мои искушения, мои демоны: иногда хочется до сумасшествия бросить все и писать, п<отому> ч<то> в голове страшно ясно каждое слово из того, что надо написать, и каждое это слово шевелится в голове и давит, точно всаженная в мозг пуля. А я не могу, п<отому> ч<то> надо писать... векселя: для банка, для типографа, для бумажника, для переплетчика, нужно писать письма, нужно делать тысячу дел, из которых каждое в отдельности глупо, мелко и пошло, а все вместе — не менее велики, чем истинно художественное произведение. Мож<ет> б<ыть>, если бы у меня было еще лучшее физическое здоровье, или просто — если бы журнал издавался при лучших условиях, или просто, если бы нашлись люди, способные помочь мне в этом деле, т<а>к чтобы у нас было не менее работников, чем в других журналах — тогда это было бы только радостью, таким счастьем писать роман. Но теперь я не должна и не смею и думать об этом. Уже если внутренние токи толкнули меня сделаться издательницею без денег и набрать кучу долгов, то я из примитивной порядочности — не говоря ни о чем другом — должна *всю* себя без остатка употребить на то, чтобы расплатиться за свою решимость и за свою любовь к идее того дела, которое я делаю. Пишу вам это длиннейшее письмо, чтобы сказать Вам от всего сердца: если в Вас есть капля дружеского расположения, не искушайте и не мучьте меня. Из простого ч<е>л<овечес>кого эгоизма и самолюбия мне страстно хочется выйти из того состояния, когда все люди относятся ко мне только как к «издателю», ни на что кроме черновой работы не способному. Все, что я слышу от людей, все, что я вижу к себе с их стороны, причиняет очень <обрыв текста, лист утерян. — *М. П.*>

[1] Возможно, имеется в виду письмо Минского к Волынскому от 23 окт. 1894 г. (РГАЛИ, ф. 95, оп. 1, ед. хр. 331), в котором он одобряет его статью «Журналистика шестидесятых годов и Писарев» (*СВ*. 1894. № 10. С. 245—303): «Книжку С<еверного> В<естника> получил. Статья Ваша и нов<ые> заметки доставили мне большое наслаждение. По тону и по наполнению статья эта — громадный шаг вперед. Это не полемика, а история культуры. Характеристика Каткова крайне удачна. Это ночная бабочка, <нрзб.>, попалась на булавку и сидит прочно» (цит. по: Переписка З. Н. Гиппиус с Н. М. Минским / вступ. ст. и прим. С. В. Сапожкова; сост. и подг. текстов А. В. Сысоевой и С. В. Сапожкова // Литературное наследство. Т. 106: Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус: в 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Кн. 1. С. 311). Часть упомянутой статьи посвящена полемике М. Н. Каткова с «Современником» в «Русском вестнике» (1861. № 2).

[2] Торжественный обед в честь П. Д. Боборыкина, устроенный друзьями писателя, состоялся 29 дек. 1894 г.; на обеде присутствовало около 40 чел., в их числе: К. К. Арсеньев, П. И. Вейнберг, Д. В. Григорович, А. А. Потехин, В. Д. Спасович, М. М. Стасюлевич, А. М. Скабичевский, И. Е. Репин и др. «Никакого прямого повода к этому чествованию не было, — сообщала газета, — хорошие друзья и почитатели таланта почтенного писателя просто собрались приветствовать его за товарищеским обедом по случаю его возвращения из-за границы и, может быть, кстати напомнить ему, что его плодотворная деятельность, так пристрастно-глумливо шаржируемая нашей современной декадентской критикой, не проходит незамеченной в тех слоях общества, которым принадлежит решающее слово в оценке литературных заслуг и талантов...» (*Б. п.* Чествование П. Д. Боборыкина // Новости и Биржевая газета. 1894. 30 дек. № 358. С. 7).

[3] Шекспировский кружок в Петербурге был основан в 1874 г. и работал до конца 1890-х гг., его костяк составили юристы, писатели и переводчики: С. С. Андреевский, К. К. Арсеньев, П. Д. Боборыкин, П. И. Вейнберг, Волынский, А. Ф. Кони, Мережковский, Минский, С. И. Смирнова-Сазонова, В. Д. Спасович, кн. А. И. Урусов, В. В. Чуйко, И. И. Ясинский и др. Собрания нередко проходили на квартире одного из организаторов кружка — видного адвоката и писателя *Владимира Даниловича Спасовича* (1829—1906), на Кабинетской ул. Первоначально кружок занимался изучением жизни и творчества Шекспира, позднее французского классицизма, затем Флобера, Бодлера и новейшей («декадентской») литературы: произведений Малларме, Гюисманса, Блуа и др. См.: *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890—1917 годов: Словарь. М., 2004. С. 263; подробно: *Сапожков С. В.* К истории «Шекспировского кружка» в Санкт-Петербурге (по новым материалам) // Вопросы филологии и преподавания филологических дисциплин: сб. науч. и публ. статей, посвященных памяти проф. А. П. Ауэра. Коломна, 2017. Вып. II. С. 207—217.

[4] *Гиппиус-Мережковская Зинаида Николаевна* (1869—1945) — писательница, жена Д. С. Мережковского; ее воспоминания о Шекспировском кружке см.: *Гиппиус З. Н.* Неизвестная проза: В 3 т. Т. 2: Чего не было и что было. СПб.: Росток, 2002. С. 157—158 (очерк «Лик человеческий и лик времени», 1926). О «метафизическом» романе Минского с Гиппиус см. во вступ. статье С. В. Сапожкова: Переписка З. Н. Гиппиус с С. Н. Минским // Литературное наследство. Т. 106. Кн. 1. С. 112—120.

[5] Неустановленное лицо.

[6] Предположительно, переведенная Гуревич фраза — из романа «Красное и черное» *Стендаля* (*Анри Мари Бейля*; 1783—1842); впервые на русском языке в переводе Ан. Н. Чеботаревской: М.: К. Ф. Некрасов, 1915.

[7] Речь идет о романе Л. Гуревич «Плоскогорье» (СПб., 1897).

46. Н. М. Минский — Л. Я. Гуревич

<январь 1895>[1]

Дорогая Любовь Яковлевна,

Почему после моих слов нужно было это письмо? Бог с Вами. Денежные дела не изменят ни на йоту моего отношения к Вам и к журналу. Я никогда не хотел Вам быть так полезен, как теперь. Если смета требует, можете похерить мое жалование и за этот месяц. Вы пишете, что Вам теперь придется самой читать корректуру. Пожалуйста, привлекайте меня и к этому делу. Посылайте все, что хотите, только без стеснения. В товарищеских отношениях нет ни актива, ни пассива. А я, в самом деле, смотрю на журнал, как на близкое, родное дело, и безусловно верю в его миссию. Секретарские обязанности меня ничуть не обременяют и не отнимают много времени. Останусь и впредь, если позволите, Вашим секретарем, на сей раз бесценным. Не взваливайте на себя слишком много работы, — Вы и без того измучены.

О деньгах тужить не привык. Как-нибудь век проживем. Денежных занятий на свете много, а вот журнал, в котором можно писать по душе, всего один. И люди, которым сочувствуешь, тоже все наперечет.

Сердечно Ваш Н. Виленкин

Печ. по: РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 153, л. 1—2.

[1] Датируется по содержанию.
Сверху карандашная помета Гуревич: «Конец 1895 или начало 1896».

47. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

<На бумаге «Северного вестника»>
Спб., 1895 года *Янв<аря> 18* дня

Дорогой Николай Максимович,

Кажется, мне удастся выбраться отсюда в воскресенье — это будет 22. Поеду я на Вену, вероятно, остановлюсь там на сутки для роздыха[1]. Потом возьму круговой билет через Швейцарию, Геную, Ривьеру, Париж. Значит, я подъеду к Монако со стороны Италии. Я Вам телеграфирую, и Вы поступите по-родственному — не правда ли? Придете меня встретить и дать мне мудрые советы. Мне страшно хочется на эти 20 дней отбросить все свою наживную, за волосы притянутую «практичность», свойственную издательской породе, и побыть простым человеком, без особой заботы о том, как бы получше устроиться. Только жить мне будет лучше не родственно, а где-нибудь на чердаке — только чтоб было солнце, солнце, которого я годом не вижу

и которое греет меня-то в воображении, да и то редко, п<отому> ч<то> жить комфортабельно я не хочу, что тогда я опять буду не в ладах со своей совестью — из-за кредиторов. Хочу жить в самой не-издательской комнате, тесно и высоко, только на солнце. А роскошь будет состоять в том, чтоб поехать на Ривьере по горам, в открытом омнибусе с англичанами и даже издали неприятными русскими путешественниками. Еще хочу непременно побывать в театре и в концерте, п<отому> ч<то> я два года не была в театре или концерте, а, кажется, это полагается раз в два года даже издательницам. Последние дни я очень хворала, т<ак> ч<то> мама стала беспокоиться, как я там буду одна. Я ей сказала, чтоб она была спокойна, там Вы, человек любезный и относящийся ко мне, как я полагаю, давно по-родственному. На этом основании мама успокоилась. Это, впрочем, не должно пугать Вас: я отнюдь не намерена особенно удручать Вас заботами о себе. Дня через три я вероятно «отойду», очухаюсь, и Вы сможете быть совершенно спокойны за такого в сущности довольно старого младенца.

А знаете, Аким Львович очень огорчается, *что Вы* ничего не отвечаете на его письмо. Он рассказывал мне свое письмо и ждал получить от Вас в ответ столь же теплое послание, а Вы чего-то такое не пишете[2]. Это решительно нехорошо. Аким Львович Вас трогательно и неизменно любит[3]. Из всех житомирских людей для него имеют серьезное значение, пожалуй, некоторые члены его семьи, которые очень уж его любят и ласкают, и Вы. Все остальное — петербургская фата-моргана, пестрая, и при всем своем разнообразии монотонная. Вы знаете, как мы работаем и живем близко друг от друга — я знаю Акима Львовича лучше, чем родных братьев. Среди ужасающего труда этого года, с целью, убегающею вперед по мере того, к<а>к он идет к ней, с раскаленным до боли сознанием, среди многочисленных врагов и немногих, несерьезных друзей, готовых к легкому предательству по всякому поводу и даже без повода, он имеет время и силы помнить и думать только о немногих. Все остальное существенно постольку, поскольку само приближается к нему для неведомых целей, и исчезает при первом удалении. Среди этого раскаленного и сосредоточенного существования в душе может жить только то, что очень глубоко и сильно. Вот почему я знаю, что А<ким> Л<ьвович> относится к Вам гораздо лучше, чем Вы это знаете, м<ожет> б<ыть>, гораздо глубже, чем Вы привязаны к нему. Ни к кому я его не могу и не имею ни малейшего права дружески ревновать его <так!>, кроме Вас: мне кажется, Вы недостаточно цените и любите гордую, бесконечно замкнутую натуру, с цельною, пламенною единою страстью во всем существе — к тому, что он считает своим призванием, с абсолютным отсутствием мелочных чувств и случайных страстей? Он так презирает все «случайное», что когда ему говорят о том, что люди, которые считаются его друзьями, говорят о нем за глаза по неведомым побуждениям вздорную ложь, он не обращает на это внимания, п<отому> ч<то> хо-

чет любить людей только за то, что в них стоит любви. Или уж просто их презирать или ненавидеть. Я знаю, что Аким Львович Вас трогательно любит и что ничто решительно не может поколебать в нем этого чувства. О себе писать он не умеет, его письма — истинное терзание для меня в его отсутствие, до того они нелепо скомканы. Но на Вашу просьбу написать побольше об Акиме Львовиче — я добросовестно и пространно излагаю все, что умею изложить, и ручаюсь, что весь тон моего сообщения безусловно верен. Относительно его отношения к Вам я тоже ни на йоту не ошибаюсь. Если Вам нужен истинно преданный, нежный и твердый друг, мужчина, то Вы его имеете в лице Акима Львовича. Итак, до свидания! Это довольно весело! 25 р. в Минск посланы. Пришлите (вообще) стихов для Сев<ерного> В<естника>. Преданная Вам

Л. Гуревич

---

[1] В письме к Гуревич от 25 янв. 1895 г. З. Венгерова сообщала: «Сестре в Вене я писала о Вашем приезде, и она будет очень рада быть Вашим гидом» (РО ИРЛИ, № 19841, л. 2). Сестра — *Изабелла Афанасьевна Венгерова* (1877—1956), с 1892 г. обучавшаяся в Венской консерватории; впоследствии известная пианистка.

[2] Письмо Волынского за январь (?) 1895 г. неизвестно. Ответ Минского — п. от 6 февр. 1895 г. опубл.: *БП.* С. 46 (цит.: «Вы — единственный человек, понимающий восторг мысли, и только с Вами я могу говорить о том, что меня волнует. Вы один знаете, как можно любить идею о боге, а об этой любви <твердит?> в последнее время все содержание моей жизни» и т. д.).

[3] В ноябрьском письме к Минскому, вскоре после его отъезда в Монте-Карло, Волынский писал о своих чувствах: «Без Вас мне живется хуже прежнего. Я так привык к Вам за последние годы, что чувствую совершенно невозможным лишенье. Хотелось бы поговорить с Вами о многом, о разных впечатлениях последнего лета, а Вас нет. При этом меня гложет мысль, что Вам, может быть, нездоровится, что Вы совершенно одиноки, нуждаетесь в деньгах. Как Вам плохо живется, Николай Максимович! Судьба наша во многих отношениях схожа, и я понимаю вашу скорбь, тоску — все то, что Вы умеете представить в стихах, что отражается в Ваших глазах. Только что же нам делать? Никто ведь нам не поможет. Все живут для себя — и только. Даже не хочется ни перед кем жаловаться на судьбу. Где тот человек, у ног которого можно было бы выплакать свое горе? А жизнь проходит... Не грустно, дорогой друг? Если для Вас значит что-нибудь моя любовь, скажите себе, что Вы не совсем одиноки. Я с Вами душою всегда и везде. Жму Вашу дорогую мне руку. Ваш АФ.» (РО ИРЛИ, ф. 39, ед. хр. 363, л. 20—21).

48. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

<Февраль 1895>[1]

Милый господин Минский,

перед обедом я получила письмо от мамы, очень успокоительное в смысле журнала[2]. За обедом по этому случаю напилась вина, т<ак> ч<то> теперь мне на душе весело и нежно! Из письма явствует, что

письмо Акима Льв<овича> пропало, ибо оно было послано еще 22-го февраля, а письмо мамы от 24-го февр<аля>, заказное, уже дошло. Ввиду того, что я немножко развеселилась, мне очень хочется развеселить, развлечь, или утишить и Вас. Вот причина сего маленького послания. К<а>к мне хочется увезти Вас в редакцию, чтобы Вы постоянно были с нами и много работали для себя. Я с волнением думаю о том, что скажет доктор. Но что бы он ни сказал, — ведь через некоторое время Вы все равно будете там. И поверьте — не только любовь к моему делу и радостное сознание в прибытии *помощи* заставляет меня так горячо относиться к Вашему участию в деле, но и бесконечное доверие к Вашему уму и вера в Ваш талант, и, наконец, свежая, но живая привязанность к Вам. Хотя бы Вы и не сумели привязаться ко мне, но Вы имеете во мне привязанность нежного, свободного и бодрого друга на все время, пока будете нуждаться в таковом и даже независимо от того — нужно ли и полезно ли это Вам.

Дядька

---

[1] Датируется по содержанию.

[2] Письмо Л. И. Гуревич к Л. Я. Гуревич с таким содержанием в переписке не выявлено (см.: РГАЛИ, ф. 131, оп. 2, ед. хр. 169, 170).

49. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

<20 февраля 1895>[1]
<На бумаге:
Monte Carlo, le CERCLE DES ÉTRANGERS
DE MONACO
Salonde Lecture>

Николай Максимович, я Вас ищу, чтобы немножко поговорить и успокоиться как-нибудь и что-ниб<удь> решить: Новое Время сделало мне новую мерзость[2], которая будет стоить мне 200—300 подписчиков, и я в таком бешенстве, что у меня двоится в глазах[3]. Придите, пожалуйста, ко мне, п<отому> ч<то> иначе я наделаю каких-нибудь дикостей, благо телеграф недалеко.

Л. Г.

Я поднималась к Вам, была поймана <нрзб.>[4], кот<орого> чуть не избила зонтом: нежные женщины бывают иногда омерзительны.

---

[1] Датируется по содержанию.

[2] Речь идет о публикации рассказа Л. Толстого «Хозяин и работник» (*СВ.* 1895. № 3). 20 февр. 1895 г. газ. «Новое время» (№ 6817. С. 2) сообщала, что новая повесть Толстого, «за которую автор денег не берет, немедленно же явится в двух отдельных изданиях в Москве, и оба очень дешевые. Таким образом, “Хозя-

ин и работник" за несколько копеек может быть приобретен всеми желающими прочесть новое произведение Толстого, которое явится в один день с "Северным вестником" в книжных магазинах». Повторный анонс: Там же. 24 февр. № 6821. С. 1. Опасаясь за срыв подписки, Гуревич телеграммой просила Толстого задержать, хотя бы на месяц, одновременный выход его рассказа в других изданиях. Толстой ответил отказом. Подробно о публикации рассказа в «Северном вестнике» см. в переписке Толстого с Волынским и Гуревич: *Толстой Л.* Полн. собр. соч.: в 90 т. Серия третья: Письма. Т. 68—69 / подг. текста и комм. А. С. Петровского. М.: Гослитиздат, 1954; Т. 68: Письма 1895. С. 31—32, 38—40; также в письме Толстого к Н. Н. Страхову от 14 февр. 1895 г. («...рассказ мой наделал много горя. Соф<ье> Анд<реевне> было очень неприятно, что я отдал даром в Сев<ерный> Вест<ник>, и к этому присоединился почти безумный припадок (не имеющий никакого подобия основания) ревности к Гуревич. <...> Она была близка к самоубийству и только теперь 2-й день она опять овладела собой и опомнилась. Вследствие этого она напечатала объявление, что рассказ пойдет в ее издании <...>. Она хотела потребовать с Гур<евич> гонорар и отдать его в литерат<урный> фонд <...>» (Т. 68. С. 32—33). Подробно об обстоятельствах см.: *Толстая С. А.* Дневники. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1: 1862—1900. С. 104—109.

[3] 10 февр. (28 янв.) 1896 г. Гуревич, возмущенная публикацией «Нового времени», писала А. С. Суворину из Монте Карло: «...издали, среди чужих людей и прекрасной сияющей природы, в дни отдыха, с какою-то особенною силою ощущается в душе горечь и брезгливость, вызываемая грубою и злостною заметкой, написанной лицемерным языком — яко бы из заботы о читателе <...>. Эта выходка особенно отвратительна в моих глазах, потому что нарушает добрые желания самого Толстого, который, узнав, что я не здорова и желая облегчить мою издательскую задачу на время моего нездоровья и отдыха, *поспешил* окончить повесть и, по его собств<енным> словам, в первый раз в жизни торопился с работой, чтоб она попала в Сев<ерный> В<естник> к<а>к можно скорее и принесла ему наибольшую пользу. Эта заметка до того груба, что производит впечатление дохлой кошки, которую уличный буян бросает под ноги актеру, выходящему на сцену. В ней есть какая-то бессмысленная, никчемная гадость, — как будто мне кричат: "что! обрадовалась, что Толстой тебе сочувствует и помогает!.. Как бы не так! Нака... выкуси!.. Вот тебе и Толстой!!". <...> По совести говоря — русская пресса представляется мне грязным и топким болотом. И как это ужасно, что даже люди, кот<орые>, к<а>к Вы, имеют все возможности быть независимыми и справедливыми, не поднимают свое дело над общим уровнем» (РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 1111, л. 60—61).

[3] Читается: векиралом — предположительно искаженное (*ит.*) vetturale — извозчик.

50. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

<28 февраля 1895 г.>[1]

<Сверху приписано:> Можете отпустить причмокивающего субъекта, не дочитав послания. Если Вы уже успели поработать и *не боитесь выходить*, лучше зайдите, надев пальто-одеяло.

Николай Максимович, получила телеграмму от Т<олстого>: "Très chagriné impossible faire autrement"[2]. И теперь сознание, что мое пись-

мо не ушло, заставляет мои глаза еще больше провалиться и вообще — кутеж во всем разгаре.

Глупо, но чувствую, что, если бы письмо уже шло, — все было бы сноснее. И нет письма из редакции. А м<ожет> б<ыть> уже есть — у Вас? Тянет меня в СПб. — точно за веревку меня тащат, а печень бушует, не успев войти здесь в свои берега. Помогите мне отдохнуть — я не из железа, и эти непрерывные «кутежи» отнимут пятьдесят лет от моей восьмидесятилетней жизни. Не люблю размазывать историю своих физических недугов, а моя широкоплечесть вводит в заблуждение всех. Но я сама никогда не преувеличиваю своего нездоровья, напротив, мне более свойственно бравировать. Но если бы Вы знали, какие болезни я уже пережила — они оставили на мне следы и задатки новых болезней — Вы бы поняли, почему я прихожу в ярость при мысли, что мне не удастся запастись здесь отдыхом и здоровьем... Ах, друг мой, — Вы видели меня это время «беленькою», Вы видели то, что составляет душу моей души, и я не знаю даже, сумеете ли Вы удержать обо мне свое мнение, видя меня вымазанной российской грязью, из которой я выбиваюсь с каким-то неистовством. Мне бесконечно ясно все, чего я хочу и к чему я иду, и ничто не сломит мою душу, но говоря настоящую, неприкрытую правду, у меня кожа, не совсем подходящая к моим собственным костям: кости могут вынести всякую битву и всякий правеж, а кожа перетирается или загорается. Чувствую, что еще прожить два годика, залечить себя теперь — и все пойдет хорошо, все станет совсем прочно, и я действ<ительно> проживу долго. Но мне необходимо вылечиться, и прежде всего, отдохнуть и успокоиться. Это должно быть моей разумной ближайшей целью. А эта глупая история опять выбросила меня в ту колею, где я расточаю свои силы. Мне нужен друг не менее, чем Вам. Мне нужен друг, кот<орый> не волновался бы, не раздражался бы моими недостатками, который был бы, как *друг*, добрее и снисходительнее, ничего не прибавляя к тем разрушительным огням, которые и без того зажжены во мне природой, Богом и обстоятельствами. В жизни моей нет точки, которая не горела бы, не требовала бы от меня громадных душевных и нервных затрат. Я буду Вам самым преданным, верным и энергичным другом, а Вы помогите мне. Это от Вас зависит, если Вам действ<ительно> нужен друг. Научитесь понимать меня без долгих слов и объяснений с моей стороны. Во мне кипит многое, о чем говорить я не умею. Я гляжу прямо перед собою, я иду по прямому восходящему пути, но окружающие люди и обстоятельства держат меня, зацепившись за мою кожу. Я не бог, я не бог, я бываю сильна, когда нужно и можно *действовать*, только в *поступках*, в *деятельности* единственное мое спасение. Без этого я бы умерла. Это, быть может, тоже своего рода темперамент, кот<орый> сильнее меня. И благодаря тому, что я женщина, у меня чувствительная кожа, и благодаря тому, что люди привыкли ни в чем не щадить меня, рассчитывая на мою

выносливость, или просто из жестокости — я трачу столько физических сил, что мое физическое равновесие нарушается... Я Вам буду самым нежным, заботливым и не эгоистичным другом, п<отому> ч<то> в сердце у меня страшно много любви, но и Вы помогите мне — помогите мне *успокоиться* и будьте снисходительны: это так важно. И поймите то, что за последние дни Вы тоже перестали, каж<ется>, понимать: что меня не надо считать каким-то броненосцем, который устоит 80 лет против *всякой* непогоды... Когда-то Вы написали мне трогательное стихотворение:

«Нет, милый друг, я не берусь
Пытать умом твой ум пытливый
И охлаждать твои порывы...»[3]

Но теперь Вы иной, старше, и я иная. Возьмитесь за это теперь, и Вы увидите, какую мы устроим в редакции чудную обстановку, и атмосферу для самой прекрасной и возвышенной работы. И я буду Вам самый надежный и верный друг. Вот — целое письмо! [Здесь] страшная тоска. И не работается. Мысли хлещут и «кровь полируется». Л. Г.

Конверт: Ville Flore / 27 / M-eur Wilenkine

[1] Датируется по содержанию.

[2] «Très chagriné impossible faire autrement» (*фр.*): Очень огорчен невозможно сделать иначе. — Ответ Толстого на телеграмму Гуревич (28 февр. 1895 г.) с просьбой опубликовать заявление, что право на публикацию «Хозяина и работника» в других изданиях вступит в силу через несколько месяцев после публикации в «Северном вестнике»; опубл.: *Толстой Л.* Полн. собр. соч.: в 90 т. Серия третья: Письма. Т. 68: Письма 1895 / подг. текста и комм. А. С. Петровского. М.: Гослитиздат, 1954. С. 39.

[3] См. п. 7.

51. Н. М. Минский — Л. Я. Гуревич

<Монте-Карло, март 1895>[1]

Бедный друг мой, это ужасно, что вы болеете. Завтра же едем к доктору. Через полчаса буду у Вас, приду с Илиадой[2]. Если у Вас есть рецепт, я сегодня же доставлю Вам лекарство.

Печ. по: РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 153, л. 2, 3.

[1] Прим. Гуревич, карандашом: «От Н. М. Минского, Монте-Карло, март 1895».

[2] «Илиада» Гомера в переводе Н. Минского вышла в свет в 1896 г. в московском издательстве К. Т. Солдатенкова. В отличие от перевода Н. И. Гнедича (1829), который с целью архаизации языка широко использовал славянизмы, Минский осуществил перевод на основе современного русского языка. В. Я. Брюсов 20 мар-

та 1896 г. писал к П. П. Перцову: «Больше всего меня расстроил перевод Илиады. Он *очень плох*. <...> В переводе Гнедича есть стиль, есть цельность. У Минского этого *нет*» (Литературное наследство. Т. 113: Валерий Брюсов и Петр Перцов. Переписка 1894—1911 гг. / сост., вступ. ст., публ. и комм. А. В. Лаврова. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 166).

52. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

<Конец марта (начало апреля) 1895 г.>[1]
Вена
Мартобря[2] неизвестного числа

Дорогой Николай Максимович*,

Пишу из Вены, ощущая еще не остывшее тепло разлуки. Зинаиде Афанасьевне пишу о своем путешествии и не совсем пристойном поведении[3]. Вам же хочу сказать просто несколько нежных слов. Впрочем, мне хотелось бы еще раньше описать Вам, — но не в письме, а на словах, какая была хорошая дорога до Милана. Вы знаете — сначала дорога идет все вдоль реки по высокому берегу, между горами. В долине у речки — фабрики и селения, и сквозь голубоватый туман там мигали красные огоньки. Потом совсем стемнело, местность изменилась, стала ровной, и при мягком свете молодого неполного месяца видны были еще неодетые деревья, нежные и прозрачные...

В Милане я переменила поезд и до Венеции спала. В Венеции разбудили — надо было менять поезд еще раз. Когда я вышла на платформу и спросила: «è Mestri?», a pachino (?) ответил мне: «no, è Venezia, signora»[4], — при звуках *Venezia* в итальянском произношении, мне стало так больно, что я не могу остаться там и видеть еще этого — и еще много других мест, и еще чего-то прекрасного, чего, мож<ет> быть, нет в Венеции, и нигде в мире... До Mestri я смотрела в окно и при слабом, сером расцвете, даже без розовых бликов в небе, видеть лагуны и лодки, похожие на гондолы, и у меня щемило сердце... Потом пошла проза — плохой вагон, теснота и беспокойная дремота. Потом уж пошел всякий вздор, окончившийся приездом в Вену, о чем пишу Зинаиде Афанасьевне...

Ну так вот, когда я ехала до Милана, я вспоминала и думала о Вас. Вы знаете — первую половину дороги думают преимущественно о тех, кого оставляем, вторую — преимущественно о тех, к кому приближаемся. Впрочем, я думала именно о том, что и приближаясь, и приблизясь к тем, к кому я еду и кого беспредельно люблю, я буду чувствовать к Вам эту новую, сильную и нежную привязанность, к<а>к что-то новое, но дорогое, вошедшее в жизнь, к<а>к радость. Дружба — какая бесконечная радость, какое утешение, какая опора, какое сокровище! Если бы Вы лучше еще понимали меня, Вы бы не сомне-

* Я все еще не могу мысленно усвоить, что Вы Николай, да еще Максимович. Надо будет как-нибудь окрестить Вас по-своему! — *прим. Л. Я. Гуревич.*

вались ни на минуту в том, что мне бесконечно *нужна* и дорога Ваша дружба. Когда мне говорят, что во мне много энергии (я очень дорожу похвалой, м<ожет> б<ыть> потому, что не только меня редко хвалят, но мне самой к<а>к-то не приходилось совсем хвалить себя даже в тайне души) — я думаю про себя: увы, во мне гораздо больше нежности и любви, чем энергии, — нежности, нежности без границ, какой-то ни в чем достаточно не изливающейся, какой-то невоплощенной нежности, чего-то, что делает «энергичного» человека уязвимым и глубоко страдающим от всего окружающего, хотя бы в душе было все светло, твердо и просто... Мне право некогда думать о том, для чего собственно я создана и к чему особенно способна, не думаю только, знаю и чувствую, что я больше всего, гораздо больше, чем другие, умею любить — со всеми оттенками различных родов привязанности, но совершенно неограниченно по отношению ко всякому человеку, к которому я привязана. И я думаю, право, что Вам пригодится моя дружба, твердая, к<а>к камень, и нежная без конца. Приезжайте в СПб. Я уверена, что, когда Вы повидаетесь с Ак<имом> Льв<овичем>, Вы увидите, к<а>к он Вас любит, и мы создадим себе свой мир, не похожий на жизнь, мутную и больную, русских литераторов.

Ваш дядька Люба

<Приписано на первом листе сверху слева:> В Тироле, между грудами тающего снега, росли такие чудесные крупные белые и розовые анемоны!

<Приписано на первом листе сверху справа:> Только что получила Ваше письмо, но мое было написано раньше.

Конверт: Заказное
Италия. Генуя.
Г-ну Виленкину
Italia. 10 Via del Prato di S<an> Martino
Pension Laurens
Firenze
Via St. Sebastiani, Albergo della Confidenza
Nobilissimo Signore Nicola Wilenkine

[1] Датируется по содержанию. См. письмо З. Венгеровой к Балаховской-Пети от 3 апр. 1895 г., в котором она, в частности, описывает совместный с Минским и Гуревич отдых в Оспедаллетти (Ospedaletti): «...мы провели вчера какой-то дикий вечер в полу-спиритическом сеансе: блюдечко, на котором мы втроем (Люба, я, Н<иколай> М<аксимович>) держали пальцы, еле касаясь его; пальцы прыгали, как угорелые, по листу бумаги с алфавитом и выстукивали удивительные ответы на все наши вопросы, и вообще поэтические изречения; просто жутко становилось. / Вот видишь, как русские литераторы проводят досуг: между сеансами с блюдечком и поездками на “Карлову гору” (как мы называем Monte-Carlo за tabler’отом, чтобы соседи не понимали). А как мы славно продулись тогда, когда я отправила

тебе mandat. Теперь зато конец: играть не с чем. / Разнообразия здесь у нас мало: в качестве событий фигурировала поездка Любы в Ниццу к матери Башкирцевой. Она вчера вернулась с массой интересных подробностей о Башкирцевой, с любопытными перепискаами Мопассана с Башкирцевой, которая до конца осталась для него псевдонимом, как он ни добивался узнать, кто она. Письма Мопассана крайне интересны — все это конечно будет напечатано в Северном вестнике» (Письма Зинаиды Афанасьевны Венгеровой к Софье Григорьевне Балаховской-Пети / Publication, commentaries et notes de Rosina Neginsky // Revue des études slaves. T. 67. Fask. 1. P. 235). В письме упоминается — Мария Степановна Башкирцева (урожд. Бабанина), мать диаристки. Публикация упомянутых писем состоялась, см.: Переписка Мопассана с Башкирцевой. Перевод с неизданных автографов // *СВ*. 1895. № 11. С. 75—94.

[2] Отсылка к Поприщину — герою повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» (1834).

[3] Письмо не сохранилось.

[4] «è Mestri?", a pachino ... no, è Venezia, signora» (*um.*) — Это Местри? — нет, это Венеция, сеньора. (Mestre (Местре) — пригород Венеции.)

53. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

<На бумаге «Северного вестника»>
Спб. *1895* года *Апреля 7* дня

Дорогой друг,

Пишу наспех, только несколько строк. Я не знаю, что Вы можете думать о моем слишком долгом молчании (хотя ведь Вы не пишете, несмотря на полную свободу и досуг). А между тем я на эту неделю совсем испортилась, с первого же вечера простудилась и попала, к<а>к я и ожидала, в ужасную переделку в смысле разных дел. Простуда сделала из меня какую-то куклу. Охрипло горло, охрипли руки, мозг, чуть что ни душа! Все стало тяжелым, и сознание окружилось каким-то туманом. Это неудивительно: в Вене была чудная весна, до Вильны не было снега, а я запрятала свою шубу, а в СПб. меня встретил резкий бесснежный мороз. В первый день праздника повалил мокрый пухлый снег, тающий и оставляющий на улице грязные пятна. Так встретила меня природа, и я сейчас же испортилась. Трудно стало думать и действовать, хотелось лежать. А дел накопилось столько, что голова идет кругом. Завтра же я должна ехать в Москву. Одно утешение — меня на этот раз как-то очень хорошо встретили, и я невольно подумала, что м<ожет> б<ыть> я была жестоко не права, обвиняя кого-либо в том, что меня не щадили во время моего пребывания за границей. Акима Львовича я нашла больным — у него была сильная инфлуэнца с жаром, и он, изнуренный работой за двоих в редакции (я знаю ей цену на основании лета), был похож на привидение. Но несмотря на это, он оказался таким бодрым, милым и светлым, каким уже давно не был: работа его подходит к концу, и к 21-му он хочет поднести мне с посвящением свою книгу, предназначенную для изда-

ния[1]. Вы должны простить его, мой друг, за то, что он Вам не ответил. Письма — его самое слабое место, особенно серьезные письма к друзьям, я это знаю много лет. Он относится к Вам по-прежнему, и когда Вы приедете сюда, к нам, чего я с нетерпением жду, Вы почувствуете себя среди своих людей. Приезжайте, к<а>к только станет лучше погода — я Вам телеграфирую. Теперь еще ужасно, и испытав на себе всю тяжесть этой гадкой петерб<ургской> серости и холода, я не смею звать Вас сейчас. Я просила Арабажину подождать Вашего приезда, я ей не могла не ответить на вопрос, кто будет ее «преемником»[2]. Мое письмо было достаточно нежно написано, чтобы не оскорбить ее, и мы встретились с ней как нельзя нежнее. Но Боже, до чего она оказалась ужасным секретарем за время моего отсутствия!

Вот что, однако, всего интереснее и серьезнее. Я еще не была у Белы[3]. Я собираюсь к ней сегодня. В Вене мне сказ<али>, что она с сестрой собиралась в конце апреля в Швейцарию с сестрой <так в тексте>[4]. В день же моего приезда (приблизительно) обратилась с письмом к Ак<иму> Льв<овичу>, спрашивая у него Ваш адрес. Ак<им> Л<ьвович> ответил, что не знает. Я увижу ее — и конечно, должна буду сообщить ей Ваш адрес. Если она хочет написать Вам, было бы бесчеловечно препятствовать ей в этом, не правда ли. После свидания с ней напишу Вам специально об этом свидании.

Пишу под говор вокруг меня. Это делает мое письмо каким-то мертвенным. Но Вы мой друг, *не смейте* сомневаться в своем дядьке, который никогда не был поверхностным и легкомысленным в своих отношениях с людьми. Также прошу Вас — уже в более скромном тоне (!) — не забывать Вашего дядьку, не менять о нем мнения и не разжаловать его из дядек в какие-нибудь обыкновенные знакомые!

Напишите непременно скорее. Пишу под стрекотанье Арабаж<иной> и Петрова[5]. Посылаю книги З<инаиде> А<фанасьевне>. Скажите ей от меня, что я ее очень благодарю за знакомство с Fl<ах> и ее сестрой[6]. Ее сестра премилая, премилая и такая умненькая. Пишите же, гадчайший ч<е>л<ове>к!

Ваш дядька Шмуль

<Приписано на первом листе:> Сергей[7] подсунул мне какую-то грязную бумагу, что за гадость! Извините. Пришлите стихи для Се<ерного> В<естника>.

---

[1] Имеется в виду рукопись будущей книги А. Волынского — «Русские критики» (СПб.: тип. М. Меркушева, бывш. Н. Лебедева, 1896).

[2] *Арабажина Наталья Викторовна* (урожд. *Деген*, 1868—1924; в первом браке — жена историка К. И. Арабажина, во втором (гражданском) — кн. М. Н. Волконского) — переводчица (с фр., нем., англ. и др.); в 1892—1899 гг. преподавала французский в Приюте принца П. Г. Ольденбургского, затем в Гимназии и Реальном училище Я. Г. Гуревича; в первой половине 1890-х гг. исполняла должность

секретаря редакции «Северного вестника»; в 1891—1898 гг. опубликовала в журнале ряд переводов (И. Франко, Р. Броутон, Г. Зудермана, Т. Гейнца), в том числе роман Г. Сенкевича «Крестоносцы» (1897. № 2—6; 10—12; 1898. № 1—12).

[3] 11 мая 1895 г. Гуревич писала Л. Н. Вилькиной: «Многоуважаемая Людмила Николаевна, Я была за границей вместе с Н. М. Виленкиным, моим старым знакомым, с которым мы, за время моего пребывания за границей, опять очень сблизились, — как друзья. Он очень много говорил мне о Вас и ввиду того, что все его рассказы о Вас вызвали во мне искреннюю и глубокую симпатию к Вашему образу, Н<иколай> М<аксимович> просил меня, перед отъездом моим, повидать Вас в СПб. и высказать Вам за него все то, что он говорил мне о Вас, в качестве друга, за глаза. Я не решилась бы на такое свидание с Вами, если бы Вы не стали мне заочно близки» (РО ИРЛИ, ф. 39, ед. хр. 851, л. 1).

[4] Мать Л. Н. Вилькиной *Елизавета Афанасьевна Вилькина* (урожд. *Венгерова*) приходилась родной сестрой С. А., З. А. и И. А. Венгеровым. Здесь имеется в виду *Изабелла Афанасьевна Венгерова* (см. прим. 1 к п. 47).

[5] *Петров Митрофан Петрович* (псевд.: *П. К.; Петропавловский М., Ст-валь М., Стиваль М., Струйский М., Хохлов М.*) — публицист, сотрудник «Северного вестника», в 1894—1895 гг. систематически печатал в журнале очерки по вопросам земской политики и российской окраины, редактировал раздел «Внутреннее обозрение». Вследствие ряда рабочих конфликтов с Гуревич в апреле 1896 г. вышел из журнала, см. об этом ее письма к нему: РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 72.

[6] Имеются в виду: близкая приятельница П. Ю. Венгеровой (матери З. А. Венгеровой) — *Луиза (Луиза Марковна) Фокшанеану* (с 1892 г. — *Флакс-Фокшанеану*; 1863—1920), переводчица русских авторов (Н. Минского, Л. Толстого, Чехова) на немецкий язык (сведения взяты из ст.: *Азадовский К. М.* Венский акцент: Федор Сологуб и его переводчик // Русская литература. 2020. № 1. С. 123); сестра Венгеровой — Изабелла (см. прим. 1 к п. 47).

[7] Сотрудник конторы «Северного вестника».

54. Н. М. Минский — Л. Я. Гуревич

Firenze, pension Gintti
Вторник, 7 мая <18>95 г.

Друг мой неверующий, поймете ли Вы, как Вы мне сделали больно своим письмом к З<инаиде> А<фанасьевне>?[1] Меня огорчило не только то, что Вы во мне сомневаетесь, но и то, что Вы способны сомневаться. Когда другие говорят о моей «зыбкости», я знаю, что они не могут говорить иначе, потому что в них самих нет ничего незыблемого и вечного. Но зачем Вы подражаете этим другим, Вы, перед кем мое сердце открыто, кто мне так близок и дорог?

Верьте мне, я почти не понимаю, как можно менять свое отношение к людям, кого хорошо знаешь. Можно вначале не разглядеть человека, и это, к сожалению, со мною часто случается. Но неужели Вы не поняли, что дружба, заключенная между нами этой весной, имела глубокие корни в прошлом, что внутренне признание Вашей силы и правды живет во мне много лет и что только поэтому случайная как будто бы встреча могла привести к таким результатам? Ни изменять,

ни меняться я не могу, разве я перестану когда-нибудь тяготеть <?> к правде и любить красоту. Надеюсь, этого никогда не будет.

Меня ужасает мысль, что, если бы Вы в самом деле усомнились во мне, Вы бы не стали говорить об этом, хотя бы из чувства гордости. Но молю Вас, друг мой, никогда, ни на словах, ни мысленно не подвергайте моей дружбы испытаниям. Верьте мне безусловно, как я Вам буду верить. И не будьте ни холодны, ни тепловаты, ни даже теплы, потому что только огонь дает жизнь, а скрытый огонь Вашей души мне нужен не менее жизни.

Сужу по письму, что Вы в последнее время много хлопотали и волновались. Не спрашиваю, в чем дело, потому что скоро буду с Вами, — жду только денег из Москвы. По получении этого письма телеграфируйте мне о погоде. Постараюсь повидать Белу. Я ей не писал только потому, что был уверен, что Вы давно ее видели.

Продолжаю здесь изучать живопись 15 века, читаю о людях того времени и все с большим изумлением открываю общие черты между тем временем и нашим. Вы себе представить не можете, насколько Вы и Аким Львович связаны с ренессансом. И мне кажется, что в этом залог Вашего близкого и большого успеха, в котором я ни на минуту не сомневаюсь.

До скорого свидания. Навсегда Ваш

Н. Виленкин

В последнее время, благодаря случаю, познакомился с кружком здешних поэтов. Стихи их (Mazzoni, Orvietto, Marrodi)[2] на весах бессмертия не много весят. Сегодня увижу критика. Всеобщий идеал — Кардуччи[3]. Д'Аннунцио[4] более известен как поэт, чем романист. Любопытно то, что итальянцы совсем не понимают значение своего ренессанса и, гоняясь за ясностью, отвергают, как исторические бредни, то, что нам кажется истинной красотой.

Печ. по: РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 153, л. 4—5.

[1] Упомянутое письмо Гуревич к Венгеровой неизвестно. В это время Венгерова находилась в Италии вместе с Минским, однако ранее, 3 апр. 1895 г. (еще во время пребывания вместе с ними Гуревич) она сообщала подруге: «Весьма возможно, что мне придется уехать из Италии, не доехав до Рима, и вернуться в Россию, если так сложатся дела Николая Максимовича. Я приехала сюда для него и знаю, что не могу оставить его именно теперь без себя» (Письма Зинаиды Афанасьевны Венгеровой к Софье Григорьевне Балаховской-Пети / Publication, commentaries et notes de Rosina Neginsky// Revue des études slaves. T. 67. Fask. 1. P. 235).

[2] Итальянские писатели-модернисты, сформировавшиеся под влиянием Дж. Кардуччи: *Маццони Гвидо* (*Mazzoni*; 1859—1943) — поэт, критик; профессор итальянского языка, с 1894 г. преподавал во Флоренции; *Орвиетто Анджело* (*Orvietto*; 1869—?) — писатель; знаток итальянской литературы, журналист, возглавлял журналы «Vita Nuova», «Nazione letteraria», основатель популярного ежене-

дельника «Il Marzocco»; активист Общества истории итальянских евреев; *Марради Джованни* (*Marradi*; 1852—1922) — поэт и литературный критик.

[3] *Кардуччи Джозуэ* (*Carducci*; 1835—1907) — выдающийся итальянский поэт, литературный критик, литературовед.

[4] *Д'Аннунцио Гаэтано* (*D'Annunzio*; 1863—1938) — итальянский писатель, поэт, драматург, политический деятель; в «Северном вестнике» печатались романы д'Аннунцио: «Невинная жертва» (1893. № 5—10), в позднейших изданиях под заглавием «Невинный»; «Торжество смерти» (1894. № 9—12) — оба в переводе М. М. Иванова; повесть «Епископ и К°» в переводе Н. Арабажиной (1894. № 6—7).

55. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

<На бумаге «Северного вестника»>
Спб. 189*5* года *Июля 10* дня

Дорогой Николай Максимович,

Имею к Вам ряд просьб. <Далее — карандашом.> Пожалуйста, исполните, а то я должна была сама для этого поехать в город.

1) Подпишите к печати листы, в кот<орых> будет Антокольский[1] и Дмитриева[2].

2) Напишите открытку Соллогубу <так!> (его дачный адрес в книге на букву С.), что я извиняюсь перед ним за то, что не выслала ему денег: конторщицы не было, и пакеты не были распечатаны[3]. Пусть бы он пришел в среду поговорить о корректуре и взять деньги.

3) Пошлите в типографию прилагаемую тетрадь Соллогуба <так!>[4].

4) Скажите Сергею, чтобы *сегодня же* сходил в богадельню на Охту к старой няне, снес от меня 1 рубль и сказал ей, что я при первой возможности непременно к ней приеду.

5) Скажите конторщице, что я прошу выдать 15 р. Статуеву[5] (последите сами за тем, к<а>к она там пропишет в книге гонораров, ей не приходилось этого делать) и корректорше Гинкен[6] 40 руб.

Простите, что нагружаю Вас поручениями и благодарю Вас горячо за то, что Вы даете мне возможность посидеть хоть немного в Павловске или, что важнее, в романе[7].

Ваш верный друг Л. Г.

<Приписано на первом листе:> Извините, я написала на листке испорченном[8], и переписывать нет сил и времени.

---

[1] *Антокольский Марк Матвеевич* (1840—1902) — скульптор, академик (1871), с 1880 г. профессор Императорской Академии художеств. Речь идет об очерке «Об искусстве. (Посвящаю Э. К. Коцебу)», опубл.: *СВ*. 1895. № 8. С. 1—11.

[2] *Дмитриева Валентина Иововна* (по мужу *Ершова*; 1859—1947) — прозаик, детская писательница; участвовала в деятельности группы, связанной с «Народ-

ной волей»; в 1880 г. за хранение нелегальной литературы подверглась заключению в Петропавловской крепости, освобождена под негласный надзор полиции; позднее — член эсеровской партии; печаталась в «Вестнике Европы», «Русской мысли», «Русском богатстве» и др. В «Северном вестнике» опубликовала повести «Гомочка» (1894. № 8—10) и «Не по правде» (1895. № 6—8).

[3] Письмо неизвестно.

[4] Речь идет о романе Ф. Сологуба «Тяжелые сны», который в июле 1895 г. начали печатать в «Северном вестнике».

[5] *Статуев Ефим Сергеевич* — автор очерка «Из детских воспоминаний крестьянина», опубл.: *СВ*. 1895. № 7. С. 99—114; публикация сопровождена редакционным примечанием: «Печатаемый нами очерк, обративший на себя внимание безыскусственностью языка и свежестью в воспроизведении впечатлений, правда, несколько отрывочных — принадлежит крестьянину Орловской губернии Е. Статуеву. *Ред*.» (с. 99).

[6] Неустановленное лицо. Возможно, *Гинкен Антон Антонович* (псевд.: Г-кен А., Кен А. Г.; 1847—1913) — музыковед.

[7] Лето 1895 г. Л. Я. Гуревич жила на даче в Павловске совместно с З. А. Венгеровой и Н. М. Минским.

[8] Письмо записано карандашом, на обороте — фрагмент рукописи рассказа Л. Гуревич «В снега» (впервые: Мир Божий. 1902. № 10. С. 35—63; вошло в сб. «“Седок” и другие рассказы» (СПб., 1904. С. 216—262).

56. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

<Октябрь 1895 г.>[1]

Спб. Троицкая 9.

Милый Николай Максимович,

Будьте здоровы! Посидите дома, отдохните и кончайте скорее Илиаду![2]

Нет ли у Вас стихов для ноябр<ьской> книжки?[3] Мне оч<ень> хотелось бы, чтобы они были — Вы знаете, что я искренно (тоже хорошее словцо, ставшее почти синонимом противоположного!) люблю Ваши стихотворения. Поищите их хорошенько в ящике готовых вещей или в голове рифм!

Пришлите, пожалуйста.

Во вторник буду у З<инаиды> А<фанасьевны> непременно.

Вчера легла в 7½ ч. утра, встала в 11 ч. и чувствую себя довольно астрально!

Все-таки дядька, хотя и состоящий в отставке!

Конверт редакции «Северного вестника» (Спб., Троицкая 9):

Н. М. Минскому

Колокольная 2

<На обороте:> le grand mystère de 3 déesses (*фр.*)

[1] Датируется предположительно, по косвенным признакам.

[2] См. прим. 2 к п. 52.

[3] В ноябрьской книжке журнала за 1895 г. стихи Минского не публиковались, в октябрьском номере был напечатан цикл «Сердечные мотивы» из трех стихотворений («В душе моей, счастием бедной...»; «Волна»): *СВ*. 1895. 10. С. 214; в декабрьском — «Сонет» («Горы покрылись вуалью...»): *СВ*. 1895. № 12. С. 192.

57. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

<Декабрь 1895>[1]

Спб., Троицкая 9.

Дорогой поэт,

Хоть Вы были так величественны, что нашли мой jour-fixe провинциальным и смешным, и хотя сегодня будет во всяком случае не более весело — почти никого не будет собственно — только Чуйко, Екат. Павл. Султанова[2], мож<ет> б<ыть> Боборыкин, но по весьма естественному чувству, а именно из желания видеть Вас (в сущности, ведь днем я совсем не существую — разве в каком-нибудь «астральном» состоянии!), — зову Вас. Если много работы, зайдите хоть ненадолго[3].

Ваш все-таки* друг

Л. Г.

* Ведь Вы только смутно помните меня, ибо астральное существо — что за человек!

---

[1] Датируется предположительно.

[2] *Леткова* (в браке — *Султанова*) *Екатерина Павловна* (1856—1937) — писательница, переводчица мемуаристка; активистка Литературного фонда; приятельница Л. Гуревич (письма к Гуревич 1892—1912 гг.: РО ИРЛИ, № 20100); подруга П. Д. Боборыкина; в «Северном вестнике» опубликовала рассказы «Любовь Бальзака» (1894. № 4), «Праздники» (1895. № 7) и переводы (с ит.) — роман Матильды Серао (*Matilde Serao*) «Прощай Любовь» (1890. № 9—№ 12), ее же «Маленький роман» (1893. № 4); новеллу Дж. Верги (*Giovanni Verga*) «Недда (Из сицилийской жизни)» (1890. № 6); участвовала в редактировании перевода «Записок» А. О. Смирновой.

[3] Минский посещал журфиксы Гуревич. П. П. Перцов вспоминал: «На одном из таких журфиксов, в декабре 1895 г., Минский прочел свою поэму “Холодные слова”. <...> прочтение поэмы взволновало сердца и возбудило уже совсем не “холодные” прения. Особенно яростно нападал на Минского Льдов — поэт, “по ошибке считавший себя философом”, как я определял его Брюсову» (*Перцов П. П.* Литературные воспоминания 1890—1902 гг. / вступ. ст., сост., подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М.: Новое лит. обозрение, 2002. С. 168); см. также: Литературное наследство. Т. 113: Валерий Брюсов и Петр Перцов. Переписка 1894—1911 гг. С. 145 (письмо к Брюсову от 18 дек. 1895 г.). Поэма «Холодные слова. Рождественская фантазия» была напечатана в январском номере «Северного вестника» (*СВ*. 1896. № 1. Отд. I. С. 1—5). Упоминается *Константин Льдов* (см. прим. 57 к вступ. статье).

58. Н. М. Минский — Л. Я. Гуревич

<Декабрь 1895>[1]

Дорогая Любовь Яковлевна,

Вчера вернулся домой и прочел Вашу записку в половине второго. Жалею (забудьте, что этим словом часто прикрывается равнодушие), искренно жалею, что не привелось видеть Вас вне редакционной суеты. Надеюсь, во вторник провести с Вами вечер у З<инаиды> А<фанасьевны>. Я к Вам отношусь, как прежде, и, если бы Вы нуждались в моей дружбе, Вы бы убедились, что я Вам друг.

Сердечно Ваш
Н. Виленкин

Сегодня и завтра намерен провести дома. Так схватил бронхит, но на сей раз легкий, и скоро надеюсь оправиться. Если есть что-нибудь срочное <?> в редакции, пришлите мне на дом. Как Вам не стыдно попрекать меня моей «величественностью». На меня Яв<орская>[2] и Щ<епкина-Куперник> произвели в первый раз впечатление комически-провинциальное[3]. Причем тут Вы и Ваш жур-фикс? Не подражайте другим, не будьте ко мне несправедливы.

Печ. по: РО ИРЛИ, № 20003, л. 12.

[1] Датируется по содержанию, см. п. 60.

[2] *Яворская Лидия Борисовна* (урожд. *Гюббенет*, в первом браке — *Борисова*, во втором — княгиня *Барятинская*, третьем — *Полок*; 1871—1921) — драматическая актриса. Выступала в московском театре Ф. А. Корша. В 1895 г. по рекомендации А. П. Чехова была приглашена А. С. Сувориным в петербургский Театр Литературно-артистического кружка. В 1896 г. вышла замуж за князя В. В. Барятинского, вместе с ним открыла Новый театр (1903), известный как Театр Яворской.

[3] *Щепкина-Куперник Татьяна Львовна* (1874—1952) — писательница, переводчица, драматург; печаталась в «Северном вестнике». Ср. характеристику З. Венгеровой в письме к Балаховской-Пети от 26 окт. 1895 г.: «Познакомилась я недавно с одной твоей Киевской знакомой — Щепкиной-Куперник. Она для своих лет почти феномен. Она здесь живет с актрисой Яворской, с которой повсюду появляется вместе. Про этих двух “подруг” идут самые грязные и, кажется, совершенно основательные сплетни. Но обе они производят впечатление чего-то пошлого, что нет ничего слишком для них грязного. Яворская — красавица (поразительно похожа на Мережковскую), Щепкина пикантна и на другой вкус может нравиться, они обе очень энергичны, хлопочат <так!> об устройстве “Theatre libre” <Свободного театра> и при помощи содействия им Нового времени, может быть, добьются своего» (Письма Зинаиды Афанасьевны Венгеровой к Софье Григорьевне Балаховской-Пети / publication, commentaires et notes de Rosina Neginsky // Revue des études slaves. T. 67. Fask. 2—3. P. 459). См. также прим. 4 к п. 67.

59. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

<Декабрь 1895>[1]

Спб. Троицкая 9.

Дорогой Николай Максимович,

Днем я ходила по разным местам без калош и так промокла, что за неимением другой обуви должна сидеть дома и греться и сушиться. Я поэтому не могу придти сегодня. Будете ли Вы дома завтра в 4½ дня или часов в $7^{1}/_{2}$ или 8 вечера? Я хочу поговорить с Вами непременно у Вас — здесь нет возможности говорить по-человечески, эта обстановка — с ежеминутным вторжением в жизнь конторы — убивает все человеческие настроения. Меня донельзя волнует, тревожит и огорчает тот сегодн<яшний> короткий и прерванный другими разговор. Вы говорили со мной, как с *чужим* человеком, как человек, защищающий свои права и свое самолюбие, говорили с внешней точки зрения, холодно и резко, о вещи невинной и требовавшей только пятиминутного обмена мыслей и сообщений при сколько-нибудь подходящих обстоятельствах, т. е. при обстановке, не абсолютно угнетающей мой мозг. Вы говорили, к<а>к оскорбленный «сотрудник», тогда как никто Вас таким не считает, и не понимаете, что в *таком деле*, где всякое слово остается неизгладимым, всякий из нас имеет право и даже обязанность задержать на время какие-ниб<удь> строки другого, если пришли какие-ниб<удь> новые сведения, что другой ошибся. Само собою ясно, что об этом нужно было сказать Вам и поговорить — это-то именно и могло быть целью задержания заметки[2], но ведь разговор, возбудивший мое сомнение, велся только в субботу Боборыкиным, и проверка была сделана мною только на понедельник (с тех пор мы не видались). О дне, когда я сказала в типографии, что эту заметку надо отложить, можете навести справки в типогр<афии>: Вы так недоверчивы и раздражительны последнее время!.. Но я хотела погов<орить> с Вами о том, как бы устроить иначе наши редакц<ионные> свидания — чтобы мы имели возможность говорить и вместе разрабатывать действ<ительно> серьезные и ответств<енные> вопросы. Теперь — что-то не то, что надо. Ради Бога, поймите, что Вы — *ошиблись*, говоря со мною в таком тоне и стиле. Я во многом обвиняю себя, к<а>к ч<е>л<ове>ка, стоящего не на высоте своей задачи и своих понятий, но только уж по отношении к Вам я *ни в чем* не виновата, менее же всего в каком-ниб<удь> непочтительном или небрежном отношении к Вам и к Вашим произведениям. Я знаю, что, видя меня в моей подлой *служебной* жизни, в этой безобразной сутолоке, люди перестают даже *помнить* меня, теряют прежнее воспоминание и понятие. Но Вы — так скоро! Недаром я чувствую себя ч<е>л<овеко>м, созидающим собственную теперешнюю жизнь в ее внешних проявле-

ниях — только к<а>к-то из-за могилы... Верно, судьба хочет, чтоб я до дна выпила эту чашу горечи.

Ваша ЛГ

---

[1] Датируется предположительно, по археографическим признакам.

[2] О какой заметке Н. Минского идет речь — неясно.

60. Н. М. Минский — Л. Я. Гуревич

<Ноябрь — Декабрь 1895>

Верно, дорогая Любовь Яковлевна, что все было так, как Вы пишете. Мне бы так легко было отказаться от этой заметки по выслушивании Ваших соображений и так мучительно было узнать неожиданно о ее исчезновении.

Буду рад видеть Вас завтра в $4^1/_2$ и в 8 ч. вечера — как Вам удобнее.

Искренно Ваш

Н. Виленкин

Печ. по: РО ИРЛИ, № 20003, л. 9.

61. Н. М. Минский — Л. Я. Гуревич

<Ноябрь — Декабрь 1895>[1]

Дорогая Любовь Яковлевна,

В ответ на Ваше письмо решил поговорить с Вами. Как жаль, что не застал. Многое в Вашем письме меня удивило и огорчило, а всего более то, что Вы расстроены и думаете, что Вы для меня «безразличная человеческая личность». И мое отношение к А<киму> Л<ьвовичу> далеко не таково, каким оно Вам кажется. Вы в этом отношении меня не понимаете.

Что же касается того, что Вы называете «историей с заметкой», то мне неприятно лишь сознание, что я, очевидно, написал неудачную заметку, которую пришлось править. Ни о чем другом не может быть и речи. Мне показалось, как и Вам, что поправка сделана неудачно, или, может быть, недостаточно решительно. Вот и все. Никакой другой психологии во всем этом не ищите. Объясняю все тем, что Вам в последние дни не по себе. А то, право, не стоит огорчаться из-за таких пустяков.

Впрочем, переговорим завтра.

Ваш Н. М.

Печ. по: РО ИРЛИ, № 20003, л. 10.

[1] Датируется по содержанию.

62. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

1 янв<аря> 1896. Спб., Троицкая 9.

Дорогой Николай Максимович,

Поздравляю Вас с Новым Годом. Желаю Вам... как можно больше вдохновенных минут в жизни и творчестве. Желаю Бэлочке всякого света, всего, что поможет ей окончательно найти себя, развить свои дарования[1]. Посылаю вам свои лучшие благословения...

Мы выпустили книжку. Очень жалко, что не могу ее Вам послать сейчас же (еще не прислали), ибо я горю желанием показать Вам, именно Вам.

Имею к Вам малую просьбу: если это Вам удобно, пришлите мне Библию, кот<орую> Вы у меня брали. Если хотите, потом могу вернуть.

До свиданья!

Когда же Бэлочка придет ко мне?

Преданная Вам

Л. Гуревич

---

[1] 21 сент. 1895 г. З. Венгерова писала С. Г. Балаховской-Пети: «Ты, кажется, интересуешься судьбой Беллы Вилькиной — она играет на клубной сцене. Кроме того, пишет недурные стихи и рассказы — может быть, из этого что-то выйдет. Если что-нибудь будет напечатано, пришлю тебе. В остальном она психопатствует по-прежнему и выглядит как смерть» (Письма Зинаиды Афанасьевны Венгеровой к Софье Григорьевне Балаховской-Пети / publication, commentaries et notes de Rosina Neginsky // Revue des études slaves. T. 67. Fask. 2—3. Paris, 1995. P. 459).

63. Н. М. Минский — Л. Я. Гуревич

1 Янв<аря> <18>96 г.

Дорогая, сердечно любимая Любовь Яковлевна, примите поздравления мои и Белочки. Она благодарит Вас, на днях зайдет. Пришлите, пожалуйста, книжку, как только ее принесут, и подчеркните то, о чем желали бы узнать мое мнение[1]. У меня некоторая радость: вчера, наконец, написал последний стих Илиады![2]

Преданный Вам

Н. Виленкин

Печ. по: РО ИРЛИ, № 20003, л. 5

[1] Вероятно, речь идет о январской книжке «Северного вестника» за 1896 г., которая открывалась программной статьей Гуревич и Волынского «Идеализм и буржуазность» (Отд. I. С. I—VI). Гуревич вспоминала: «Программа журнала в те, первые годы, не была выражена в каком-либо подобии литературного манифеста;

она раскрывалась постепенно в руководящих статьях Волынского. Лишь позднее, в январской книжке 1896 г., мы нашли нужным формулировать некоторые пункты ее с возможной отчетливостью в нашумевшей заметке, написанной совместно Волынским и мною и напечатанной за нашими обеими подписями на первых страницах книги под заглавием “Идеализм и буржуазность”» (*Павлова М. М., Богомолов Н. А.* Из воспоминаний Л. Я. Гуревич о журнале «Северный вестник» // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 19).

[2] См. прим. 2 к п. 52.

64. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

<Февраль 1896>[1]

Милый Николай Максимович,

За эти дни для меня выявились некоторые очень серьезные и неприятные вещи относительно бюджета журнала. Один мой кредитор обанкротился вконец, и ему необходимо будет много выплатить совсем в этом же году, а т. к. скандалы остановили подписку[2], то нужно все напряжение и все ухищрения, чтобы как-нибудь прожить этот ужасный год. Это немедленно отражается на всех моих расчетах. Пока еще не все для меня ясно, но очевидно, что нужно будет жать книги до невозможности и не выходить в отношении гонораров за смету, составляющую $^{2}/_{3}$ прежнего. Я провела несколько прескверных праздничных дней в счетах и пересчетах. Для ближайшей книги вижу вот что: из сметы гонораров на апрельскую книгу остается всего 30 руб. Значит, на освобожденное для Вас место можно было бы пустить только перевод[3]. Рассудите сами, к<а>к знаете, что для Вас полезнее и естественнее и удобнее: подождать с Илиадой до майской книги или взять за эту стоит не обычный и приличный, а половинный гонорар. Я не могу победить обстоятельства относительно этой книги иначе, к<а>к откровенно сообщив Вам результат моих размышлений и счетов.

Дайте ответ через Петю[4] к<а>к можно раньше.

Ваша Л. Гуревич

---

[1] Датируется по содержанию.

[2] 1896 год начался для редакции «Северного вестника» серией скандалов.

1) В февральской книжке «Исторического вестника» Б. Б. Глинский опубликовал фельетон «Болезнь или реклама?», в котором дал обзор январского номера «Северного вестника», аттестовав руководителей и сотрудников журнала в стилистике издевательской карикатуры. Глинский объявил журнал «сумасшедшим домом» — «палатой № 6», рассадником эпидемии безумия, а Гуревич и Волынского хозяевами палаты безумцев — «...клиенты разместились по койкам. Знакомые все лица! Тут “сорокалетний молодой поэт” г. Минский, рядом г-жа Зинаида Венгерова, здесь же беспокойно вертящийся на месте г. Мережковский, бредящий то немецким философом Ницше, то декламирующий красивые, но безумные символические стихи, рядом с ним и объявившая себя “новым человеком” г-жа Гиппиус

(Мережковская), бессвязно лепечущая по адресу г. Волынского: “И вы, и я окружены врагами: тем отраднее встретиться друзьям”; <...> Тут же по обязанностям хозяйства присутствует и содержательница заведения Л. Я. Гуревич, которая, разгуливая по палате под руку с литературным “магом” палаты, исследующим “художественные и поэтические произведения изнутри”, сиречь с г. Волынским, громко выкрикивает: доверчивые русские люди, поддержите мою торговлю клиническим товаром!» и т. п. Вслед за общей характеристикой журнала Глинский дал персональные портреты сотрудников (о Волынском: «маньяк, он злой, завистливый, неблагодарный и трусливый журнальный деятель», «Урия Гип», и т. п.). Статья Глинского в наиболее «эффектных» фрагментах и филиппиках была растиражирована в библиографических и критических обзорах столичных и провинциальных газет.

2) Скандал с Н. Н. Шелгуновым, произошедший в связи с некорректной публикацией в февральской книжке «Северного вестника» части «Воспоминаний» Н. А. Тучковой-Огаревой (Главы X—XVII: *СВ*. 1896, кн. II, III, IV). См. вступ. статью; подробно: *Павлова М.* «Этот пресловутый плевок в лицо...»: из истории журнала «Северный Вестник» // New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz. P. 117—137.

3) Публичный выход из журнала Л. А. Полонского, в знак протеста против курса «Северного вестника», декларированного Волынским и Гуревич в статье-манифесте «Идеализм и буржуазность» (*СВ*. 1896. № 1), см. о нем прим. 7 к п. 41. 8 марта 1896 г. Волынский писал Гуревич: «Вот человек непрошено распинался за меня в печати, расписывался в солидарности и вдруг оказался в какой-то принципиальной вражде с “Сев<ерным> вестником”» (РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 106, л. 80 об.). Вслед за ним после ряда рабочих конфликтов из журнала вышел Петров (см. прим. 5 к п. 53); см. письмо Гуревич к нему от 18 апреля: «...за эту зиму я видела от Вас очень много неприятностей, перечислять которые теперь не буду. Но если Вы, зная, что все силы должны были теперь сосредоточить на журнале (еще очень недавно Вы сами писали об этом, говоря “ведь креплюсь же я”), совершенно лишаете меня Вашей помощи и даже отказываетесь от личного объяснения, я чисто логическим путем должна прийти к убеждению, что все Ваши хорошие слова нужно считать пустыми фразами» и т. д. (РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 72).

[3] Перевод «Илиады» Н. Минского в «Северном вестнике» не печатался (см. прим. 2 к п. 52). В майской книжке журнала была опубликована его статья «Идея Илиады» (№ 5. С. 1—25). Здесь, вероятно, имеется в виду перевод пьесы М. Метерлинка «Аглавена и Селизетта», с предисл. Минского, опубл.: *СВ*. 1897. № 1. Отд. I. С. 57—122. Пьеса была переведена Л. Вилькиной совместно с Минским (в журнальной публикации ее участие не обозначено); впоследствии перевод печатался под двумя именами, см.: *Метерлинк М.* Полн. собр. соч. / в пер. Н. Минского и Л. Вилькиной, под ред. Н. Минского. Пг.: А. Ф. Маркс, 1915. Т. 1—4.

[4] Служащий конторы «Северного вестника».

65. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

<1896>[1]

Спб. Троицкая 9.

Дорогой Николай Максимович,

Не знаете ли Вы случайно, куда направил свой путь г. Мережковский, покинув СПб.? Он написал мне письмо, требующее ответа (ибо

в нем есть вопрос), но, когда оно было получено, его уже не было в СПб.: я послала ответ — сказали, что он уже уехал. Последовательно! Если бы вздумали зайти ко мне сегодня, Надя проведет Вас в мою квартиру, ибо я крепко расхворалась.

Ваша Л. Г.

Поклон Беле.

---

[1] Датируется предположительно.

66. Н. М. Минский — Л. Я. Гуревич

11 февр<аля> <18>97 г.

Дорогая Любовь Яковлевна,

Мне бы весьма хотелось видеть свою поэму в Вашем журнале, но вынужден взять ее назад[1]: ждать без обозначения срока не могу. Пришлю Вам вскоре другие стихи, менее громоздкие, и, надеюсь, им больше посчастливится у Вас[2]. Отъезд мой опять отсрочен недели на две. Карнавала так и не увидим[3]. Можете представить себе отчаянье Белы, тем более что по ее же вине пришлось отложить отъезд. Надеюсь, до тех пор увидеть Вас. Может быть, встретимся завтра на бенефисе Яворской?[4]

Преданный Вам

Н. Виленкин

<Приписано на полях:> Оттиска поэмы мне не нужно: у меня сохранилась копия.

Печ. по: РО ИРЛИ, № 20003, л. 7.

[1] Предположительно речь идет о ранее запрещенной цензурою поэме «Гефсиманская ночь» (1884), которую в 1890-е гг. Минский предлагал различным изданиям; об истории публикации поэмы см. в комм. С. В. Сапожкова: *БП*. С. 370—373.

[2] В 1897 г. Минский напечатал в «Северном вестнике» стихотворения: «Шелест листьев» («Осенняя песня») — № 5. С. 80; «Перед луною равнодушной...»; Сонет («Над морем тишина. Вблизи и в отдаленье...») — № 12. С. 190; статью «Картины и эскизы И. Е. Репина» — № 2. С. 227—229.

[3] Имеется в виду отъезд в Италию, в феврале в Венеции проходит ежегодный карнавал.

[4] 12 янв. 1897 г. в Панаевском театре в бенефис Л. Яворской состоялось первое представление драмы А. Сильвестра и Э. Морана «Изеиль» (в пер. кн. В. В. Барятинского), в заглавной роли выступила Яворская. Сюжет драмы заимствован из легенды об одном из учеников Будды и куртизанке Вазавадатте (в драме ей дано имя Изеиль; роль была написана для Сары Бернар). В письме речь идет о спектакле, состоявшемся 12 февраля; см. газетный отчет: «Талантливая бенефициантка в исполнении этой трудной роли выказала и нервное воодушевление в общем,

и тщательную отделку деталей. Все выдающиеся драматические места были сыграны г-жею Яворской превосходно. <...> Бенефициантке было поднесено много цветов. Вызовы и аплодисменты, начавшиеся с первого же акта, продолжались потом без конца» (Новое время. 1897. 14 февр. № 7532. С. 4).

67. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

<На бумаге «Северного вестника»>

Января 27 дня 189*8* года

Николай Максимович,

После Вашего ухода Аким Львович написал небольшое письмо Мережковскому — такое письмо, какое почти неизбежно нужно написать на его месте[1]. Конечно, и Вы не успокоились бы на каких-нибудь судах чести и т. п. общественных худосочных удовлетворениях, будучи грубо и нагло оскорбленным. Глупость ведь не смягчает наглости. Мережковский вернул письмо нераспечатанным. Мы долго говорили о том, к<а>к подобает людям поступать в таких случаях, но рассуждения — ничто по сравнению с живым чувством негодования и чувства права. Мережковского нужно заставить прочесть письмо — и я хочу это сделать. Хотя я женщина, но мне до этого нет дела. С этой пошлостью можно не считаться. Я пойду к Мережковскому и скажу ему, что он обязан прочесть письмо. Однако я хочу говорить с ним при свидетеле, и я прошу Вас быть таким свидетелем — пойти вместе со мною. Вы будете только свидетелем, ни за что не ответственным, и надеюсь — от такой роли Вы не откажетесь. Я хочу пойти к нему в 10 ч. утра. Прошу Вас зайти за мною — я на Вас рассчитываю.

Я сама скажу, придя, что просила Вас приехать со мною в качестве свидетеля. С Мережковским же я имею право разговаривать и у него на квартире, п<отому> ч<то> приду не оскорблять его, а объясниться с ним: приходится людям объяснять такие вещи — что нельзя обвинять человека и укрыться от его возражения.

Сообщите, могу ли я рассчитывать на Вас к 10 часам?

Ваша Л. Гуревич

---

[1] Переписка Волынского с Мережковским не сохранилось. Предположительно имеется в виду письмо Мережковского с уведомлением о разрыве отношений, содержавшее оскорбительные для Волынского комментарии. В 1897 г. он напечатал в «Северном вестнике» очерк «В поисках за Леонардо да Винчи» — 1897. № 9—12 (отд. изд. под назв. «Леонардо да Винчи»: СПб.: А. Ф. Маркс, 1899), в котором описал совместное с Мережковскими путешествие по городам Италии весной 1896 г. и дал узнаваемые характеристики спутников («старик-энтузиаст» — Мережковский; «юноша» — Гиппиус, любившая гендерные игры, и себя самого — ценителя искусства). 6 нояб. 1897 г. Мережковский писал о причинах разрыва П. П. Перцову: «...Флексер, не спросив меня, не предупредив, исключил мое имя и З<инаиды> Н<иколаевны> из списка сотрудников С<еверного> В<естника> на будущий год,

это после того, как он воспользовался всем моим материалом для статей о Леон<ардо> д<а> Винчи. Смердяковская у него сущность» (Письма Д. С. Мережковского к П. П. Перцову / вступ. заметка, публ. и прим. М. Ю. Кореневой // Русская литература. 1991. № 2. С. 172). По этому же поводу 23 нояб. 1897 г. Перцову писала Гиппиус: «Они <Гуревич и Волынский> нам до сих пор не отдали 200 рублей, да еще Любочка, узнав, что Д<митрий> С<ергеевич> не скрывает этого долга (когда, например, его спрашивают: вам тоже не платит С<еверный> В<естник>?), исключила его, без предупреждения, из числа сотрудников <...> и при этом денег все-таки не отдала. <...> Дела С<еверного> В<естника> ужасно плохи, но этих господ не жаль, честнее закрыть дело, чем таскаться по грязи» (Русская литература. 1991. № 4. С. 128 / публ. М. М. Павловой). Событиям предшествовал произошедший весной 1897 г. разрыв Гиппиус с Волынским (в 1895—1897 гг. они были связаны интимной дружбой), см.: Письма З. Н. Гиппиус к А. Л. Волынскому / публ. А. Л. Евстигнеевой и Н. К. Пушкаревой // Минувшее: исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum, Феникс, 1993. [Т.] 12. С. 333—337; также в дневнике любовных историй Гиппиус «Contes d'amour», запись 30 дек. 1897 г.: *Гиппиус З. Н.* Дневники: в 2 т. Т. 1. С. 56—58.

68. Л. Я. Гуревич — Н. М. Минскому

<1901>[1]

Многоуважаемый
Николай Максимович!

Mercì, за поздравление — которое шлю Вам в свою очередь. Если можете, то, пожалуйста, приходите ко мне в Субботу вечером, я буду очень рада Вас видеть. С тех пор как Вы у меня были, я заболела и начинаю поправляться только теперь. У меня был перитонит, так что я все время лежала.

Страшно скучаю. Жду Вас в Субботу.

Уважающая Вас
Л. Гуревич

Конверт: Здесь
Его Высокоблагородию
Николаю Максимовичу Минскому
Галерная ул., д. № 20, кв. 55.

[1] Датируется по п. ш.: 2.1.1901.

69. Н. М. Минский — Л. Я. Гуревич

15/28 августа 1913
Париж, 32, rue George Sand

Дорогая Любовь Яковлевна,

Вам в скором времени представится прочесть поэму С. Рафаловича[1], которую он хотел бы напечатать в «Русской Мысли»[2]. Автор про-

сит меня обратить Ваше внимание на эту поэму. Делаю это потому, что стихи мне в самом деле понравились, и содержание их показалось глубоким.

Пользуюсь случаем, чтобы дружески пожать Вашу руку.

Искренно преданный Вам

Н. Минский

Печ. по: РО ИРЛИ, № 20003, л. 8.

[1] *Рафалович Сергей Львович* (1875—1944) — поэт, прозаик, драматург, театральный критик; один из поклонников Л. Н. Вилькиной. Вероятно, речь идет о поэме Рафаловича «Судный день», впервые: Русская мысль. 1914. Кн. VI. Отд. I. С. 116—123.

[2] В 1912—1914 гг. Л. Я. Гуревич заведовала беллетристическим отделом журнала «Русская мысль», издававшегося П. Б. Струве.

Библиографический список

1. *Блинова О. А.* «Серафита» Оноре де Бальзака и концепт тройственного союза у Гиппиус и Мережковского // Мережковские и Европа / под общ. ред. В. В. Полонского, ред.-сост.: Е. А. Андрущенко, О. А. Блинова, В. М. Введенская. М.: ИМЛИ РАН, 2023.
2. *Волынский А. Л.* Русские женщины / предисл., комм., публ. А. Л. Евстигнеевой // Минувшее: исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum, Феникс, 1994. Вып. 17.
3. *Гречишкин С. С.* Архив Л. Я. Гуревич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1978.
4. *Гуревич Л.* История «Северного Вестника» // Русская литература XX века / под ред. проф. С. А. Венгерова. М.: Мир, 1915. Ч. I. Т. II.
5. Дневник Алексея Сергеевича Суворина / текст. расшифровка Н. А. Роскиной, подг. текста Д. Рейфилда и О. Е. Макаровой. М.: изд-во «Независимая газета», 1999.
6. *Куприяновский П. В.* «Оглядываюсь на прошлое...»: журнал «Северный вестник» 1890-х годов и его литературная позиция. Воронеж: [б. и.], 2009.
7. *Минц З. Г.* Статья Н. Минского «Старинный спор» и ее место в становлении русского символизма // *Минц З. Г.* Блок и русский символизм: избранные труды: в 3 кн. СПб.: Искусство-СПб, 2004. Кн. 3: Поэтика русского символизма.
8. Ранние символисты: Н. Минский, А. Добролюбов. Стихотворения и поэмы / вступ. ст., подг. текста, прим. А. А. Кобринского и С. В. Сапожкова. СПб.: Акад. проект, 2005. (Новая Библиотека поэта).
9. Русские Modernen — Зинаида Гиппиус и Николай Минский (из писем Любови Гуревич к Эдгару Мешингу) / вступ. ст. и комм. М. М. Павловой и С. Рабиновича; подг. текста М. М. Павловой и К. В. Яковлевой // Русская литература. 2010. № 2.
10. *Толстая Е. Д.* Бедный рыцарь: интеллектуальное странствие Акима Волынского. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2013.

11. *Павлова М. М., Богомолов Н. А.* Из воспоминаний Л. Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья первая // Литературный факт. 2021. № 1 (19).
12. *Павлова М. М.* Из воспоминаний Л. Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья вторая //Там же. 2021. № 3 (21).
13. *Павлова М.* «Этот пресловутый плевок в лицо...»: из истории журнала *Северный вестник* // New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz / ed. by Catherine Ciepela and Lazar Fleishman. Stanford: Dep. of Slavic lang. a. lit., Stanford univ., 2014. (Stanford Slavic Studies; vol. 45).
14. Письма З. Н. Гиппиус к А. Л. Волынскому / публ. А. Л. Евстигнеевой и Н. К. Пушкаревой // Минувшее: исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum, Феникс, 1993. [Т.] 12.
15. Письма Зинаиды Афанасьевны Венгеровой к Софье Григорьевне Балаховской-Пети / publication, commentaires et notes de Rosina Neginsky // Revue des études slaves. Paris, 1995. T.67. Fask. 1; T. 68. Fask. 2—3.
16. *Сапожков С. В.* Библиография Н. М. Минского. Часть 1 // Литературный факт. 2019. № 1 (19); Части 2—3 // Там же. 2021. № 2 (20).
17. *Сапожков С. В.* К истории «Шекспировского кружка» в Санкт-Петербурге (по новым материалам) // Вопросы филологии и преподавания филологических дисциплин: сб. науч. и публ. статей, посвященных памяти проф. А. П. Ауэра. Коломна: Гос. социально-гуманитарный ун-т, 2017. Вып. II.
18. *Сологуб Ф.* Письма к Л. Я. Гуревич и А. Л. Волынскому / публ. И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год. Л.: Наука, 1974.
19. *Rabinowitz Stanley J.* From the Early History of Russian Symbolism: unpublished Materials on Fedor Sologub, Akim Volynsky, and Lyubov' Gurevich // Oxford Slavonic Papers. New Series. 1994. Vol. XXVII. P. 126.
20. *Rabinowitz Stanley J.* No Room of Her Own: The Early Life and Career of Liubov' Gurevich // The Russian Review. 1998. № 57 (April).

DOI: 10.31860/978-5-918680-445-389-407

РАННЯЯ ЛИРИКА ВЛАДИМИРА ГИППИУСА (НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ 1890-х ГОДОВ)

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии В. Н. Быстрова)

Аннотация: Публикация включает в себя неопубликованные стихотворения Владимира Васильевича Гиппиуса 1890-х годов, автографы которых хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ. В предисловии отмечено, что поэт, наряду с А. М. Добролюбовым, И. И. Коневским, ранним В. Я. Брюсовым, принадлежал к плеяде первых русских декадентов. Кратко охарактеризованы, с точки зрения Вл. Гиппиуса, основные каноны «декадентства». В приложении приводятся неоконченные автобиографические заметки Вл. Гиппиуса, касающиеся его раннего детства. Они написаны, как и стихи, во второй половине 1890-х годов. Эти заметки, снабженные комментарием, также публикуются впервые.

Ключевые слова: Владимир Гиппиус, А. М. Добролюбов, декадентство, старшие символисты, автобиографические заметки, детские впечатления.

Abstract: The publication includes unpublished poems by Vladimir Vasilyevich Gippius from the 1890s, whose autographs are kept in the Manuscript Department of the IRLI. In the preface it is noted that the poet, along with A. M. Dobrolyubov, I. I. Konevsky, and the early V. Ya. Bryusov belonged to the galaxy of the first Russian decadents. Briefly described from the point of view of Vl. Gippius, the main canons of “decadence”. The appendix contains Vl. Gippius’s unfinished autobiographical notes. Gippius concerning his early childhood. They were written, like the poems, in the second half of the 1890s. These notes, accompanied by a brief commentary, are also published for the first time.

Keywords: Vladimir Gippius, A. M. Dobrolyubov, decadence, senior symbolists, autobiographical notes, childhood impressions.

Владимир (Вольдемар) Васильевич Гиппиус (псевдонимы: Вл. Бестужев, Вл. Нелединский, Вл. Басманов и др.; 1876—1941) в 1890-е годы относился, наряду с В. Я. Брюсовым, А. М. Добролюбовым, И. И. Коневским, Ф. К. Сологубом и др., к «старшим» символистам, к плеяде первых так называемых русских «декадентов»[1]. В восприятии и пони-

[1] О Вл. Гиппиусе см., в частности: *Лавров А. В.* Гиппиус Владимир Васильевич // Русские писатели, 1800—1917: биогр. словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 565—566; *Гиппиус Вл.* О самом себе / публ. Евгения Биневича // Петро-

© Быстров В. Н., 2024

мании Вл. Гиппиуса декадентство «есть идеализация непосредственного личного восприятия мира, как доктрина художественная — культ самого интуитивного, самого внезапного из искусств — музыки. Знаменитую формулу Верлена о музыке превыше всего мы, конечно, поняли слишком хорошо, когда узнали о ней... <...> Верований не было, была личность, воспринимающая мир для себя, для своих ощущений, слушающая музыку вещей, чтобы услышать и чтобы извлечь из самой себя отвечающую ей музыку. Весь мир только для этой остроты личных переживаний... <...> культ его — мистический нигилизм не в том смысле, как это думали видеть у Льва Толстого, но истинный атеизм в тоске по верованиям и в невозможности преодолеть "грани". И ко всему этому "томлению духа" еще та смута влюбленных отношений, которая тяготеет над всяким юношеским сознанием...»[2]. По словам поэта, «декадентство — крайнее самоутверждение личности, угрюмо-эстетическое, совершенно замкнутое. Это предел всякого самообособления...»[3] Позднее Вл. Гиппиус утверждал, что к концу 1890-х гг. он, не без влияния З. Н. Гиппиус, стал постепенно отходить от мировоззренческих и эстетических канонов, крайностей декадентства. Правда, вернулся к ним на рубеже 1900—1910-х гг.[4]

В стихах начального периода Вл. Гиппиус экспериментировал в поисках новых форм для выражения смутных, изменчивых настроений, зыбких переживаний, порой метафизического характера; в них превалируют мотивы духовной отверженности и одиночества. Он в то время испытал, с одной стороны, ощутимое влияние лирики Фета, а с другой — образцов западных поэтов-модернистов: Ш. Бодлера, М. Метерлинка, Э. По и др.

Лирика Вл. Гиппиуса 1890-х годов была издана главным образом в двух сборниках: «Песни» (СПб., 1897) и «Возвращение: Из книги Завет Вл. Бестужева: (1896—1906 г.)» (СПб.: Цех поэтов, 1912). Кроме того, 5 стихотворений появились в альманахе «Северные цветы на 1901 год» (М., 1901). Существенно, что свой первый сборник после

поль: литературная панорама, 1993—1996. СПб.: изд-во альм. «Петрополь», 1996. С. 119—132; Проза Владимира Гиппиуса 1890-х годов / предисл. и публ. В. Н. Быстрова // Писатели символистского круга: новые материалы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 27—43; *Рыкунина Ю. А.* «Неизвестный поэт»: к проблеме литературной репутации Вл. Гиппиуса // Новый филологический вестник. 2012. № 1 (20). С. 74—86; *Иванова Е.* Вл. Гиппиус: превратности литературной судьбы // Русские поэты XX века: материалы и исследования: Владимир Гиппиус (1876—1941); Василий Гиппиус (1890—1942). М.: Азбуковник, 2024. С. 11—25.

[2] Цит. по: *Гиппиус Владимир.* Александр Добролюбов // Русская литература XX века, 1890—1910 / под ред. проф. С. А. Венгерова. М.: изд. т-ва «Мир», 1914. Т. 1. Кн. III. С. 276, 277.

[3] Там же. С. 277.

[4] См. об этом: *Быстров В. Н.* «Душа, рожденная мечтать...»: (неизданный сборник Вл. В. Гиппиуса «Затменья звезд») // Русский модернизм: Поэтика. Текстология. Историко-литературный контекст. СПб.: Арт бук, 2022. С. 383—385.

его выхода поэт решил не распространять. В январе 1897 г. он признался в письме к В. Я. Брюсову: «Итак, я издал книжку, которую не выпускаю “в свет” (какое ироническое выражение — для книги, для русской книги в особенности!), потому что считаю ее крайне несовершенной; зачем же выступать на трибуну и говорить несовершенное? Не ценят ни совершенного, ни несовершенного. Отсюда — говорить пред толпой несовершенное — уже вовсе не приходится. <...> Книга дело — личное и, конечно, в России совершенно бескорыстное. С книгой выступать — выходить на трибуну»[5].

Осталось немало рукописных ранних текстов, которые Вл. Гиппиус счел нужным не печатать. В данную публикацию включены избранные неопубликованные стихи 1896—1897 гг.

Некоторая невнятность, туманность поэтического языка и образов, характерная для Вл. Гиппиуса, проявилась уже в его раннем творчестве. В своей статье об А. М. Добролюбове он так охарактеризовал эти новые тенденции того времени: «...не ограничивать искусства познаваемым, явным для сознания, определенным, но дозволить непознаваемому, непостижимому в своей сущности быть выраженным непосредственно, без промежуточной среды мышления, внезапно, сразу. “Мысль изреченная есть ложь”... Это и была собственно декадентская эстетика: «говорить о непонятном непонятно»[6]. Так, например, в публикуемых стихах неоднократно возникает образ безымянной героини («Ты», «спутница небес») («Твоих лучей отраден горний свет...»), («Кто-то смотрит на меня... <...> И в лазури кто-то реет...») («Над водою ветер веет...»), («Я знаю, ты взошла цветами... <...> Ты пролетала над полями...») («Я знаю, ты взошла цветами...») и др. В отдельных случаях это был эзотеризм, рассчитанный на восприятие конкретного адресата: («Надпись на книжке», «Сергею Егоровичу Ручу»).

Тексты публикуются в хронологическом порядке по автографам, хранящимся в РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) в архиве Вл. В. Гиппиуса (ф. 77). Приводится верхний слой правки. Некоторые из стихов датируются предположительно.

Надпись на книжке

А. Добролюбову

Знай, неверный жребий кинут,
Поздно! — черный камень вынут —

[5] Цит. по: Русские поэты XX века: материалы и исследования: Владимир Гиппиус (1876—1941); Василий Гиппиус (1890—1942). С. 40, 41 (публ. Е. Ивановой). Далее: *Владимир Гиппиус (1876—1941); Василий Гиппиус (1890—1942)*.

[6] *Гиппиус Владимир.* Александр Добролюбов // Русская литература XX века, 1890—1910 / под ред. проф. С. А. Венгерова. М.: изд. т-ва «Мир», 1914. Т. 1. Кн. III. С. 276.

Верь знаменованью:
Посреди священных башен
Будет купол твой украшен
Храму в осмеянье.
6/I 1896

* * *

Я умираю под пологом вечных снегов,
Умираю от стрел непобедных врагов,
И один — только снежная стая
Надо мною кружит, пролетая.
В белом молчанье — поля,
Смерти заждалась земля.
Смерти!.. ни мрака, ни света...
Враги далеко, и уста без привета...
Верю — великий покой, жду неизведанных снов
И умираю под пологом вечных снегов.
18/I 1896 г.

Сергею Егоровичу Ручу
Ода на 14 марта 1896 года

Перед тобой раскрыта дверь
In deinem zoft[7] — гряди теперь,
Забыв земную скверну —
В пастóра крепко, твердо верь,
Хоть тщетно: Лютер — страшный зверь —
Он съест тебя наверно.
Когда настанет letzter act[8]
И ты пред Ним[9] предстанешь
Без куртки, даже не в штанах,
Как истина, и станешь
Врать мал-мал, помнишь? — на земле,
Ты врал (в овечьей шкуре!).
Злой Лютер съест тебя, зане
Мясник он был в натуре...
Ты скажешь, прикусив язык:
«Мясник» — [не склонен к людоедству!..]

[7] В твою горничную (*нем.*).
[8] последний акт (*нем.*).
[9] *Под текстом прим. Вл. Гиппиуса, обозначенное «звездочкой»*: Лютером — первым немецким Богом, после того, которого они заимствовали у католиков и у жидов.

— А Добролюбовский «Мясник»?..
Какое выбрал средство —
Чтоб утолить свой вкус?! — О вере
Не всякому ты зверю,

А Лютер прямо страшный зверь[10],
Не верю я ему, не верю.
Март 1896

* * *

Твоих лучей отраден горний свет,
И сладость уст светла и благодатна,
Ты — спутница небес, ты — утра первый след, —
Пусть на земных полях стезя твоя невнятна.

И пусть на дольних травах свет стопы твоей,
И на земных цветах цветет твое дыханье:
Твоей стопы благоуханен след,
Над ней светло мое благоуханье.

О, на земных полях иди тропой моей,
Она целует след твой неизменный,
Иди тропой моей! Среди земных полей
Она легла тропой иноплеменной.
8 сентября <1896>

Жажда

Я люблю одинокую жажду,
Неутоленную жажду души, —
И от века в оковах стражду
И погибаю в глуши.

Но не зову избавленья,
И в одиноких цепях
Родились мои песнопенья
С жаждою на устах.

И жажда уста иссушила
И душу, душу певца,
Но в жажде великая сила,
Для нее не зову конца.

[10] *Первоначально было*: Бог Лютер страшный, страшный зверь,

Пусть я в оковах стражду
И погибаю в глуши, —
Я люблю великую жажду —
Неутолимую жажду души!
25 сентября 1896 г.

* * *

Над водою ветер веет,
Над водою зеленеет,
Надо мною в <1 нрзб.> дня
Стая ласточек стрельча́тых —
Тихо — в облаках крылатых
Кто-то смотрит на меня,
И лазурь рукою нежной,
Сеет в неге безмятежной
На поля и на леса
И легко, и ветер веет,
И поляна зеленеет,
И в лазури кто-то реет,
И лазурь на землю сеет,
И уходит в небеса...
Сент<ябрь> <18>96

* * *

Приди, бледная, любимая весна,
Приди, тихое золотое утро,
Освежи мою утомленную голову,
Осени мои поздние сны.

Здравствуй, милое золотое утро!
Белая чайка дальних морей
Забилась крылами в мое ночное окно
И разомкнула мои сонные вежды.

Здравствуй, здравствуй, любимая весна,
Овей благоуханием мое детское ложе,
Освежи светом мои робкие очи
И для песен разомкни мои уста!
7 ноября 1896 г.

* * *

Зажги светильник свой прощальный,
Введи в томительную тьму —

О, дух далекий, дух начальный,
Приблизь к началу своему.
Привет мятежному паденью
И гласу волн во мраке снов.
Увы! проклятье — пробужденью
И блеску нежных облаков.
Подъят светильник твой прощальный —
Иду в томительную тьму —
Дух беспечальный — дух начальный,
О, смерть, к началу твоему!
12/XII-1896 г.

Посвящение

Я к Тайному иду с бессмертною любовью,
С бессмертной радостью в слепых моих очах,
Несознанный[11] мой свет несу в руках смиренных
И верю, путь далек и Тайна — далека.
<1896>

* * *

О, песнь! Я твоя! Ты летишь? — за тобою!
Во мраке, в цепях, — я твоя!
Пусть солнце устало в борьбе с полутьмою, —
Ты сумрак — я снова твоя,
Я пью твои воды, лелею деревья,
Целую пустынный песок...
Чуть вечер, чуть двинулись звезды в кочевья,
Я жду, — заалеет восток!
Ты плачешь? Ты сон... ты угасла улыбкой,
Ты тень, ты сиянье луны,
Ты мчишься на лани крылатой и гибкой,
Ты — зыбь отдаленной волны...
1896

* * *

Я знаю, ты взошла цветами
Над обессиленной землей,
Благоуханными ветрами
Ты пролетала над полями,
Шумя невсхожею травой,

[11] *Было:* Непознанный

И равнодушной синевой
Сияло небо над тобой...

Какое вешнее молчанье,
Какая тихая весна!
Душа открыта и ясна́,
Ни размышленья, ни желанья,
Ни обновленья, ни свиданья,
Разлука, мир и тишина,
Какая тихая весна,
Какое вешнее молчанье!
<18>96

Жалоба

В пустыне неба милая звезда
Зажглась и догорела,
Зашел мой день печальный и несмелый,
И без следа.

Осталось мне мое уединенье,
Остались слезы мне,
Покоя жду и плачу в утомленье,
Без слез и в тишине.

Моление святое повторяю,
Единое, забытое давно,
Я небу сердце бедное вверяю,
А в небесах и пусто и темно.

И что от дней минувших уцелело?
Всё незамечено, и без следа
Окончен день печальный и несмелый,
Погаснула любимая звезда.

Быть может, я, слабея, умираю,
Но суеты, о небо, не хочу,
И жалобу святую лепечу, —
И в жалобе, склоняясь, умираю.
26 марта <18>97 г.

Вечером

За окраиной не смеркается
День не явленный, день иной,

Но всё явственней удаляется
День земной.

Всё томительней сны вечерние
Не отходят, поют, зовут,
Всё больней ранят жесткие тернии,
Только сны утешают вечерние,
Докучает печальный труд.

Утомительны сны утешающие,
Утешенья — не в радость мне,
Я не сплю, и не спят увядающие
Все цветы на моем окне.

Мир вам, кроткие, мир, беспечные,
Увядающие в тишине!
О, помедлите, быстротечные,
Утолите раны сердечные,
Оживающие по весне...

Ах! придет ли день утоления,
День незнаемой чистоты, —
Потемнеет небо весеннее,
Все рассеются сновидения,
И навеки уснут цветы?
4 мая <18>97 г.

* * *

Люблю под солнцем голубую воду
И берег над водой,
И в небе птиц беспечную свободу,
И туч летучий рой,

И по земле убогие селенья,
Печальные стада...
О, край земной! о, скудное смиренье,
О, темная вражда!..
Май <18>97 г.

* * *

В закате тихом фиалок,
В тонком качанье стеблей
Грустно целую улыбку
Первых весенних лучей.

Тихое детское счастье
Грезилось в сумраке снов,
Руки свои отрывала —
Ты от весенних цветов...

Тихо грустили фиалки:
— Дай мне уйти и забыть —
Руки свои отрывала —
— Я не могу не любить

В закате тихом фиалок,
В тонком качанье стеблей
Грустно целую улыбку
Первых весенних лучей...
<1897>

ПРИМЕЧАНИЯ

Надпись на книжке («Знай, неверный жребий кинут... »)

БА — ед. хр. 42, л. 1.

Посвящение. — Александр Михайлович *Добролюбов* (1876—1945?) — поэт-символист. Учился на филологическом факультете С.-Петербургского университета. Весной 1898 г. начал странствовать по Олонецкой губернии, осенью того же года ушел в Соловецкий монастырь. Затем стал проповедником, основал религиозную секту «добролюбовцев», сходную с духоборцами. В 1901 г. был арестован. Имел немало последователей-единоверцев. В 1895 г. издал сборник стихов «Natura naturans. Natura naturata» («Природа порождающая. Природа порожденная»; СПб.: тип. Е. Евдокимова, 1895). В юности — один из ближайших друзей и единомышленников Вл. Гиппиуса. Ср. в воспоминаниях Вл. Гиппиуса «О самом себе»: «При переходе в 6-й класс я познакомился с Добролюбовым, тогда только что поступившим в гимназию, но подружился с ним годом позднее. Кончив гимназию, мы вместе поступили на филологический факультет для занятий всем гуманитарным... <...> Это середина <18>90-х годов, уже эпоха бурного декадентства: два старших класса гимназии и первый год университета. В религии я стал атеистом, эстетика победила религиозность. Политическое безразличие было полное. Мораль отрицалась вся — вполне, без уступок. Это была наша общая с Добролюбовым вера. Надо всем стояла влюбленность в литературу, хотя отрицалась и литература, — потому что в основе было неверие» (*Гиппиус Владимир*. О самом себе // Петрополь: литературная панорама, 1993—1996. СПб.: изд-во

альм. «Петрополь», 1996. С. 120; публ. Евг. Биневича). Нельзя не отметить, что сборник А. М. Добролюбова «Natura naturans. Natura naturata» открывается стихотворением Вл. Гиппиуса «Посвящение» («Белое утро ползет, пробираясь над вялой столицей...»; с. 5). Подробнее об А. М. Добролюбове и его отношениях с Вл. Гиппиусом см.: <*Венгеров С. А.*> А. Добролюбов; *Гиппиус Владимир.* Александр Добролюбов // Русская литература XX века. 1890—1910 / под ред. проф. С. А. Венгерова. М.: изд. т-ва «Мир», 1914. Т. 1. Кн. III. С. 265—271, 272—287; *Иванова Е. В.* Добролюбов Александр Михайлович // Русские писатели, 1800—1917: биогр. словарь. М.: Большая российская энциклопедия; ФИАНИТ, 1992. Т. 2. С. 133—134; *Святловский Г., Терентьев-Катанский А.* Добролюбов Александр Михайлович // Литературный Санкт-Петербург. СПб.: [б. и.], 2015. Т. 1. С. 711—713; *Азадовский К.* Путь Александра Добролюбова // Блоковский сборник. Тарту: изд-во Тартуского ун-та, 1979. Вып. 3. С. 121—146; *Иванова Е. В.* Александр Добролюбов — загадка своего времени // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 191—236; *Рыкунина Ю. А.* Два письма Вл. В. Гиппиуса А. М. Добролюбову 1898 года // Русская литература. 2015. № 2. С. 187—192.

Знай, неверный жребий кинут... — Возможно, стихотворение связано с наметившимся расхождением между Вл. Гиппиусом и А. М. Добролюбовым, когда Гиппиус вышел из редакции журнала «Горные вершины» (издание не состоялось). В статье о Добролюбове он свидетельствовал: «К концу зимы <1896 г. — *В. Б.*> наши отношения стали очень холодны, в начале следующей зимы мы разошлись совсем...» (*Гиппиус Вл.* Александр Добролюбов // Русская литература XX века, 1890—1910. С. 168).

«Я умираю под пологом вечных снегов...»

БА — ед. хр. 42, л. 2.

Первоначальная редакция:

Я умираю под пологом вечных снегов,
Умираю от стрел непобедных врагов,
Надо мной не кружат облака, пролетая,
В белом молчанье поля,
Смерти заждалась земля,
Радость покоя, уста без привета...
Очи не видят ни мрака, ни света...
Знаю — бессмертный покой, жду неизведанных снов
И умираю от стрел непобедных врагов. (Там же. Л. 3)

Умираю от стрел непобедных врагов... — Здесь, вероятно, в значении: либо «непобежденных врагов», либо «непобедимых врагов».

Посвящение («Я к Тайному иду с бессмертною любовью...»)

БА — ед. хр. 42, л. 4.

Я к Тайному иду с бессмертною любовью... — Возможно, подразумевается нелегкий путь к Богу, к истинной вере.

Несознанный мой свет несу в руках смиренных... — Ср. в одном из «стихотворений в прозе» Вл. Гиппиуса, написанном 5 окт. 1895 г.: «Я во мраке, я живу жизнью несознанной, я в не жившем, и, если порой моя скудная мысль поднимется и глянет вперед, — мои очи слепы» (Из ранних «стихотворений в прозе» Владимира Гиппиуса / публ. Т. Игошевой, Ю. Орлицкого // Русские поэты XX века... С. 132).

Сергею Егоровичу Ручу. *Ода на 14 марта 1896 года*

БА с правкой (далее: *БАП*) — ед. хр. 42, л. 6—7 об.

Подзаголовок: «по поводу приобщения его святых Лютеровых тайн и желания моего — выразить сему Лютеру мое нижайшее почтение». Ниже помета: «Сочинил Иноземец и басурман Вольдемар Гиппиус» (л. 6). Подпись под текстом: «Совершенно примиренный с религией Владимир Гиппиус» (л. 7 об.). *Мартин Лютер* (1483—1546) — немецкий христианский богослов, инициатор Реформации и протестантизма (его именем названо одно из направлений протестантизма — лютеранство). Возможно, в этот день С. Е. Руч принял лютеранскую веру. Ср. свидетельство Вл. Гиппиуса, касающееся его собственного вероваания: «Я со вторым братом <А. В. Гиппиусом. — *В. Б.*> перешел в православие из нелюбви к лютеранству, внушенной мне с детства, — уже студентом» (*Гиппиус Вл.* О самом себе. С. 119).

Сергей Егорович (Георгиевич) Руч — выпускник С.-Петербургского ун-та. Автор учебных пособий: «Орфографический словарь с обозначением ударений и указанием корней слов русского происхождения» (СПб.: Центр. типо-лит. М. Я. Минкова, 1900), «Теория словесности» (СПб.: Центр. типо-лит. М. Я. Минкова, 1902); «Учебник логики: составлен применительно к новейшим программам средних учебных заведений» (СПб.: Торговая тип. (Тырина), 1903). С. Е. Ручу Вл. Гиппиус посвятил стихотворение «Ворон» («От затхлого трупа поднялся бездомный, тоскующий ворон...», 1894), вошедшее в сборник «Песни» (с. 39—40).

Без куртки, даже не в штанах, / Как истина... — Подразумевается крылатый фразеологизм «голая истина», т. е. чистая, безусловная, неприкрашенная правда.

Злой Лютер съест тебя, зане / Мясник он был в натуре...<...> — А Добролюбовский «Мясник»?.. — Возможно, подразумевается несо-

хранившееся произведение А. М. Добролюбова, известное некоторым его современникам. Ср., в частности, свидетельство Н. М. Минского: «Однажды он прочел нам поэму в прозе, в которой рассказывалось, как несколько молодых людей пообедали “кубическим куском” жареного человеческого мяса. На все вопросы автор отвечал двусмысленною улыбкой, ничего не имея против того, чтобы мы видели в нем одного из сотрапезников» (Рассвет. 1905. 5 апр. № 82).

...зане... — то есть *поскольку*.

«Твоих лучей отраден горний свет...»

БА 1 — ед. хр. 42, л. 14 об.; *БА 2* — там же, л. 15.

Жажда
(«Я люблю одинокую жажду...»)

БА — ед. хр. 42, л. 17 об.

Ср. стихотворение Пушкина «Пророк» («Духовной жаждою томим...», 1828).

Я люблю одинокую жажду... — Ср. в «стихотворении в прозе» «Посвящение», написанном 30 авг. 1896 г.: «Я поверил иным благоуханиям, иные песнопенья приблизились ко мне, и я, как ты, один на своем зацветающем берегу. / И в часы одинокой жажды я, склонясь, пью те же бледные воды и орошаю их теми же слезами печали, как и ты. <...> Но я одинок на своем цвет<ущ>ем берегу, и я печально пью в час неутолимой жажды... эти весен<ние> воды...» (цит. по: *Владимир Гиппиус (1876—1941); Василий Гиппиус (1890—1942)*. С. 124; публ. Т. Игошевой и Ю. Орлицкого).

«Над водою ветер веет...»

БА — ед. хр. 42, л. 9.

«Приди, бледная, любимая весна...»

БАП — ед. хр. 42, л. 8; *БА 1* — там же, л. 10 об.; *БА 2* — там же, л. 11. Публикуется по тексту *БА 2.*

«Зажги светильник свой прощальный...»

БА — ед. хр. 42, л. 19.

Посвящение
(«Я к Тайному иду с бессмертною любовью...»)

БА — ед. хр. 42, л. 4.

Я к Тайному иду с бессмертною любовью... — Возможно, подразумевается нелегкий путь к Богу, к истинной вере.

Несознанный мой свет несу в руках смиренных... — Ср. в одном из «стихотворений в прозе» Вл. Гиппиуса, написанном 5 октября 1895 г.: «Я во мраке, я живу жизнью несознанной, я в не жившем, и, если порой моя скудная мысль поднимется и глянет вперед, — мои очи слепы» (*Владимир Гиппиус (1876—1941); Василий Гиппиус (1890—1942)*. С. 132; публ. Т. Игошевой и Ю. Орлицкого).

«О песнь! Я твоя! Ты летишь? — за тобою...»

БА — ед. хр. 42, л. 12.

Первоначальная датировка: «1895?» (зачеркнута).

Я твоя! — Возможно, подразумевается душа поэта-певца.

«Я знаю, ты взошла цветами...»

БА — ед. хр. 42, л. 9 об.

Жалоба
(«В пустыне неба милая звезда...»)

БА — ед. хр. 44, л. 9а—9а об.

Вечером
(«За окраиной не смеркается...»)

БА — ед. хр. 44, л. 12а—12а об.

«Люблю под солнцем голубую воду...»

БА — ед. хр. 44, л. 16 об.

Зачеркнутое заглавие: [«Отрывок»].

Ср. сходные мотивы и образы в письме Вл. Гиппиуса к А. М. Добролюбову (июнь 1898 г.): «Правильно, в неизменяемых кругах — в черте видимого — движется единое мироздание — Небо, Земля и вода. Святая денница в Небесах, семя сырое в земле и светлые кущи деревьев, и голубые волны на водах» (цит. по: *Рыкунина Ю А.* Два письма Вл. В. Гиппиуса А. М. Добролюбову 1898 года // Русская литература. 2015. № 2. С. 192).

«В закате тихом фиалок...»

БАП — ед. хр. 45, л. 9—9 об.

Приложение

О СЕБЕ САМОМ

<1.>

Когда вступаешь в то время, когда воспоминания детства отходят и забывается о том, что уже было, но неясно еще, что будет, как будешь жить, думается только о настоящем, задаешь себе всегда вопросы, всегда чего-то хочешь, ищешь, иногда находишь, иногда не находишь — переживаешь всё, что все переживают, а всё считаешь себя не таким, как все, больше всего дышишь, спишь, ешь, пьешь, ходишь, мало думаешь, а больше чувствуешь окружающее, и всё считаешь, что это не главное, что должно быть то, что важнее. О подвигах — не мечтаешь. Верно, они прошли невозвратно, или стали такими, что уже не называются подвигами, задумаешь ли дело, но кажется, что не есть то, что насущнее, жизнь коротка, и будешь делать — пустое дело. Жизнь коротка. Каждый день я вижу, как везут покойников, и мне всегда становится немного скучно, холодно. Не хочется умирать! А жизни всё не чувствуешь. Хотелось бы ее до того почувствовать, [чтобы] но идут дни, первый, второй, третий, образуют недели, недели в месяцы, в годы, а лет немного. Такие чувства приходят именно тогда, когда вступаешь в то время, что — теряется связь с детством, до смерти, может быть, еще так же далеко, как до рождения, в самой жизни! Что же не чувствуешь ее?

2.

Я так вспоминаю свое детство[1]. Много дней, дни за днями, потом вспоминаются и ночи, когда я не спал, когда мне было страшно, всем знакомое чувство, трудно преодолимое ночью, в темноте, иногда в сумерках, а днем смешное. Оно бывает и теперь, но теперь всё не веришь своим чувствам, а тогда верил совершенно. Дни шли за днями, почти как один день, — жизнь, детство. Утром свет еле врывался сквозь щели занавесок в спальню, где спали мать и братья[2], позже другую комнату, где спал только отец[3], утром пили чай, ходили гулять с няней, по большим просторным улицам, в солнечный зимний день, яркий, холодный, или бегали по дорожкам садика в весенние дни — вдоль зеленеющих деревьев, жидко посаженных. Были друзья. Они говорили гадкие слова, которые мы, бегая по саду, и повторяли, не потому, что они гадкие, и так кричали, да и казалось не весть что. Садик упирался в голую кирпичную стену с одним окном за решеткой, из которого глядела женщина с повязанной головой. Все стояли кругом и говорили, что «сумасш<едш>ая», и я смотрел...

Потом шли домой, завтракали. После завтрака отец уходил на службу[4], мать шила... Тянулся день — незаметно, мы ни о чем не дума-

ли. Может быть, братья и думали, я ни о чем не думал, игрушек не любил, иногда читал, но без большого интереса, и без скуки, не было и равнодушия. Разговаривали с няней, играли «в папу и маму, в гости», «в пожарных», и тогда стучали страшно. Тогда приходила мама и говорила, чтобы мы перестали. Мы утихали, потом начинали опять. Опять приходила мама и сердилась на нас, и ее привычное, милое лицо делалось возмущенным и синие глаза блистали... Еще становился на окно и глядел в окно, иногда долго. Видел, как идет одна улица, почти пустая, малолюдная, заворачивает за деревянным забором, идет другая, на углу написано название. Напротив — был тоже угол, там был только каменный дом с красной вывеской: «Трактир»; около трактира было больше народу и останавливались извозчики и возы. Я читал «Трактир» на все лады: риткарт, тиртрак, или отмерял, какая буква средняя и сколько букв по обоим бокам от средней... За деревянным забором лежали, большими складами, дрова, и на свободном месте играли «уличные» дети. И я любил смотреть, как они играют, особенно в снежки, — мне бы не позволили. Начинались сумерки, я слезал с окна, бродил по комнатам, садился на стулья. Смотрел на картины на стенах. Их было две: «Молдаванка» и какие-то женщины, которые купались среди волн. Мы называли ее «Глупые бесстыдницы», и отцу это очень нравилось. Я не совсем понимал одного места в этой картине, потому что она была так сделана. И смотрел на него иногда и понимал его по-своему. Потом рассматривал книги с картинками, которые я теперь уж забыл. Становилось темно. Зажигали свет. Я садился рядом с маминой машиной и смотрел на колесо, которое вертелось так скоро, что не казалось уж колесом, так мелькало, мелькало и нижнее колесо, стучало и мелькало. Я любил так сидеть под лампой и смотреть, как материя проходит под иглой, с так<ими> точными стежками.

Приходил отец, которого мы все дичились и не совсем понимали или смутно любили. Обедали, отец шутил с нами, повторял то же самое каждый день, и нам нравилось больше, чем новое. Нравилось то, что уже наверное знаешь, что будет так. После обеда играли в лото или сидели <у> отца в кабинете и говорили с ним, он говорил больше со мной, я был старше. И я относился к нему как <к> гостю, любимому детьми, я его редко видел. Он не спрашивал меня, чем я жил весь день, и не думал об этом, и мама не спрашивала, но мать была весь день с нами, а его не было. С годами я всё больше понимал его, может быть, тогда, когда во мне пробуждалось отцовское. Наконец вечером пили чай, только дети, с блюдечка, болтали под столом ногами. Потом умывались, ложились спать. Приходили ночные страхи, потом уходили, наступали сны. Сны были яркие, отчетливые, каких никогда не видишь позже, то обычные, то удивительные, всегда спутанные, когда замирает сердце, когда кажется, что летишь, летишь — с башни, и просыпаешься. Потом приходили — и особенные мечты, перед сном,

самые любимые, сладкие, легкие, влекущие — о каких-то нежных девочках, тонких ручках и губах... Их хочется целовать, быть таким же нежным, как они — мечты, которые потом стали грехом.

*<3.>**

Мама учила нас по прописям, и я писал — с трудом удерживал перо в пальцах, чтобы оно не выскользнуло — «Шексна, Обь...»[5], и пословицы, потом читал азбуки с картинками — под картинками были подписи: лев, прялка... Я любил читать.

Приходила тетя Соня[6], которая не была нашей тетей, а просто знакомой. Она входила и сразу начинала говорить — скоро и словно нараспев... И когда видела детей, сразу бросалась целовать и говорить: «Красота моя неописанная». И мне казалось, что эти слова — пахнут конфетой и пудрой. У нее были стриженые вьющиеся волосы, живое лицо, и от ее лица пахло пудрой, и я любил с ней целоваться. Она училась в консерв<атории> и давала уроки музыки. Она ставила нас в кружок и заставляла петь «ах, попалась птичка, стой...»[7], и мы пели очень плохо. Она смеялась и заставляла повторять, и опять смеялась, что не выходит... Потом она говорила с мамой и всё смеялась, что не выходит... Потом читала газету и уходила.

Приезжала еще тетя Алина, это была настоящая тетя, папина сестра[8]. Она была очень хорошенькая, ей было 18 лет. Ей очень хотелось выйти замуж. У нее было много женихов, и она всегда об них думала. Я ее очень любил. Она меня сажала верхом на коленях, и мне было сладко сидеть на коленях... Я раз сказал: «Я женюсь на тете Алине». Мне тогда было пять лет. Она была похожа на тех девочек, которых я видел в мечтах, засыпая.

Еще к нам ходили знакомые отца, его товарищи, которых я не дичился, и любил, когда они приходили, хотя никто из них мне не нравился: было весело, что всё время говорят и смеются. Нас не прогоняли в детскую, и мы сидели со всеми. Один из гостей остался позже других и много пил пиво, и, уходя, хотел поцеловать горничную. Она всё говорила: «что вы, что вы?» И он ее только погладил по шее. Я это запомнил, но не вспомнил тогда о своих ночных мечтах.

Ночные мечты были иногда и страшные. Я вскакивал, открывал глаза, видел свою комнату, наполненную, найденную кем-то, ду́хами, зверями — какими-то продольными полосами, звездами, которые все

---

* *В тексте*: III. *Рядом, на л. 76 об., было*:

3.

Неисчислимы и блаженны
Господней жизни семена,
Цветы земли, огни вселенной —
Небесной мысли глубина.

(Приводится по последнему слою правки.)

кружились — в конце коридора — тигры, тигры... Ух, как страшно, страшно! и я кричал из всей силы...[9]

БАП — РО ИРЛИ, ф. 77, ед. хр. 44, л. 72—78. Б. д.
Текст находится в конце тетради в кожаной обложке, линованные листы которой сшиты холщовыми нитками. Записано фиолетовыми чернилами. В состав данной тетради входят беловые и черновые автографы стихотворений, датированных 1896—1898 гг.
Печатается с исправлением орфографических, грамматических и пунктуационных ошибок.

Можно предположить, что неоконченные автобиографические заметки «О себе самом», касающиеся детства Вл. Гиппиуса, были написаны в конце 1890-х годов. Они явно беллетризованы, в отличие от поздних мемуаров (см.: *Гиппиус Вл.* О самом себе / публ. Евгения Биневича // Петрополь: Литературная панорама, 1993—1996. СПб., 1996. С. 119—132). Это — попытка запечатлеть непосредственные детские чувства и впечатления. Данные воспоминания значимы, поскольку сведений о детских годах Вл. Гиппиуса сохранилось очень мало.

[1] Вл. Гиппиус родился в подмосковных Химках. На втором году жизни переехал с родителями в Петербург.

[2] Мать Вл. Гиппиуса — Елена Францевна Гиппиус (в девичестве Эггерс; ?—1920); его младшие братья — Александр Васильевич (1878—1942), Лев Васильевич (1880—1922) и Василий Васильевич (1890—1942).

[3] Отец Вл. Гиппиуса — Василий (Вильгельм) Иванович Гиппиус (1853—1918).

[4] В. И. Гиппиус — действительный статский советник, помощник управляющего (впоследствии управляющий) Земским отделом Министерства внутренних дел; служил в переселенческом управлении МВД (начальник его с 1896 по 1902 г.). Вл. Гиппиус вспоминал о нем: «Отец оканчивал курс в Петербурге. По окончании университета он стал служить в Земском отделе, — и очень скоро выдвинулся, благодаря своим необыкновенным дарованиям — и только отсутствие связей и, особенно, болезненность прервали его деятельность слишком рано. Его умственные интересы были гораздо шире вопросов не только административных, но и вообще политических... Он имел на меня огромное влияние — вначале» (Там же. С. 119). Ср. также свидетельство об отце Вас. Вас. Гиппиуса в его автобиографии: «Сам он тяготел к литературе, в молодости сотрудничал в журналах, позже переводил Данте и др<угих> поэтов...» (*Владимир Гиппиус (1876—1941); Василий Гиппиус (1890—1942)*. С. 485; публ. И. Кощиенко и Г. Петровой).

[5] *Шексна* — река в Вологодской области, левый приток Волги. *Обь* — река в Западной Сибири, одна из крупнейших в России.

[6] Сведений о ней найти не удалось.

[7] Имеется в виду популярное детское стихотворение «Пойманная птичка» («А, попалась, птичка, стой!..»; 1859). Автор его — Августа Андреевна Пчельникова; наст. фам. Цейдлер, урожд. Рыхлевская; 1830—1891). Этот текст был положен на музыку, в частности, композитором М. Р. Щиглевым (1834—1903).

[8] Сведений о ней найти не удалось.

[9] Ср. детские воспоминания в стихотворении в прозе «Крест моей сестры», написанном в середине 1890-х гг.: «Мне не спится. <...> Глаза смыкаются... и болят. И чудится, на стенке вырастают какие-то чудовища сказочные, страшные, я трясусь всем телом, но чувствуется, что они словно исходят из меня и, медленно ше-

ствуя через комнат<у>, вытягиваются вдоль стенки и меняют цвет, меняют облик. Мне сладко, жутко и боязно... Я не могу оторвать глаза. В ушах отдается стук сердца. / Меня всего трясет... Мне уныло, страшно, остро-мучительно страшно. Я кричу, мама просыпается и бросается к моей кроватке. Я впадаю в беспамятство» (*Владимир Гиппиус (1876—1941); Василий Гиппиус (1890—1942)*. С. 142; публ. Т. Игошевой и Ю. Орлицкого).

Библиографический список

1. *Азадовский К.* Путь Александра Добролюбова // Блоковский сборник. Тарту: изд-во Тартуского ун-та, 1979. Вып. 3.
2. *Быстров В. Н.* «Душа, рожденная мечтать...»: (неизданный сборник Вл. В. Гиппиуса «Затменья звезд») // Русский модернизм: Поэтика. Текстология. Историко-литературный контекст. СПб.: Арт бук, 2022.
3. *Гиппиус Владимир*. Александр Добролюбов // Русская литература XX века, 1890—1910 / под ред. проф. С. А. Венгерова. М.: изд. т-ва «Мир», 1914. Т. 1. Кн. III.
4. *Гиппиус Вл.* О самом себе / публ. Евгения Биневича // Петрополь: литературная панорама, 1993—1996. СПб.: изд-во альм. «Петрополь», 1996.
5. *Иванова Е. В.* Александр Добролюбов — загадка своего времени // Новое литературное обозрение. 1997. № 27.
6. *Иванова Е.* Вл. Гиппиус: превратности литературной судьбы // Русские поэты XX века: материалы и исследования: Владимир Гиппиус (1876—1941); Василий Гиппиус (1890—1942). М.: Азбуковник, 2024.
7. Из ранних «стихотворений в прозе» Владимира Гиппиуса / публ. Т. Игошевой, Ю. Орлицкого // Русские поэты XX века: материалы и исследования: Владимир Гиппиус (1876—1941); Василий Гиппиус (1890—1942). СПб.: Азбуковник, 2024.
8. *Лавров А. В.* Гиппиус Владимир Васильевич // Русские писатели, 1800—1917: биогр. словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1989. Т. 1.
9. Проза Владимира Гиппиуса 1890-х годов / предисл. и публ. В. Н. Быстрова // Писатели символистского круга: новые материалы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
10. *Рыкунина Ю. А.* «Неизвестный поэт»: к проблеме литературной репутации Вл. Гиппиуса // Новый филологический вестник. 2012. № 1 (20).
11. *Рыкунина Ю. А.* Два письма Вл. В. Гиппиуса А. М. Добролюбову 1898 года // Русская литература. 2015. № 2.

DOI: 10.31860/978-5-918680-445-408-444

ПИСЬМА Я. Н. ЖДАНОВИЧА К Л. Б. МОДЗАЛЕВСКОМУ (1928—1946)

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. С. Левшиной)

Аннотация: В научный оборот вводятся письма архивиста, генеалога Я. Н. Ждановича к пушкинисту, историку литературы Л. Б. Модзалевскому. Корреспонденция, охватывающая период с 1928 по 1946 г., способствует лучшему пониманию существовавших между автором и адресатом связей, содержит информацию биографического характера и сведения о взаимоотношениях в кругах петербургской и московской научной интеллигенции 1930—1940-х гг. Кроме того, она заключает в себе воспоминания о братьях Борисе и Вадиме Модзалевских.

Ключевые слова: Я. Н. Жданович, Б. Л. Модзалевский, Л. Б. Модзалевский, Академия наук, Пушкинский Дом, архивное дело.

Abstract: The letters of an archivist, genealogist Ya. N. Zhdanovich to the Pushkin scholar, literary historian L. B. Modzalevsky are introduced into scientific circulation. These letters, covering the period from 1928 to 1946, contribute to a better understanding of the connections that existed between the author and the addressee, contain biographical information and also provide with information about relationship in the circles of Petersburg and Moscow science intelligentsia of 1930—1940s. In addition, they contain memories of the brothers Boris and Vadim Modzalevsky.

Keywords: Ya. N. Zhdanovich, B. L. Modzalevsky, L. B. Modzalevsky, the Academy of Sciences, the Pushkin House, archive affair.

Настоящая публикация завершает введение в научный оборот хранящегося в Рукописном отделе Пушкинского Дома комплекса материалов, связанных с именем архивиста, генеалога Якова Николаевича Ждановича (1885 или 1886—1953)[1]. Он был учеником, коллегой Бо-

[1] Ранее были опубликованы: Воспоминания Я. Н. Ждановича о Б. Л. и В. Л. Модзалевских / публ. Е. С. Левшиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. С. 154—180; «Аристократ Духа»: из воспоминаний Я. Н. Ждановича о Б. Л. Модзалевском в 1905—1928 гг. / вступ. ст., подг. текста и комм. Е. С. Левшиной // Литературный архив советской эпохи: сб. ст. и публ. СПб.: Полиграф, 2022. Кн. 3. С. 566—623; Письма Я. Н. Ждановича к Б. Л. Модзалевскому (1911—1924) / вступ. ст., подг. текста и комм. Е. С. Левши-

© Левшина Е. С., 2024

риса Львовича Модзалевского (1874—1928) по архивной работе в Петербурге, свидетелем его частной жизни, близким по духу и убеждениям другом. Содержание воспоминаний Я. Н. Ждановича не только вызывает восхищение неутомимым тружеником, скрупулезным исследователем, создателем Пушкинского Дома Б. Л. Модзалевским, но и дает читателю возможность открыть для себя внутреннюю красоту этого «особенного человека, обладавшего особенными качествами», почувствовать его обаяние и, обратившись к портрету, воочию увидеть свет «лучистых глаз» из-за стекол очков в золотой оправе. Нельзя при этом забывать, какую важную роль в появлении «памяток» Ждановича разных лет сыграл Лев Борисович Модзалевский (1902—1948). Ведь именно для него — «милого Лёвушки», — спустя десятилетия после смерти друга, была «отперта душа», и события прошлого — дорогие сердцу, тяжелые, часто мучительные — навсегда запечатлелись на бумаге[2].

Публикуемые письма Я. Н. Ждановича к Л. Б. Модзалевскому охватывают период с 1928 по 1946 г. Они способствуют лучшему пониманию существовавших между автором и адресатом связей, содержат сведения биографического характера и яркие штрихи к картине взаимоотношений, царивших в кругах петербургской и московской научной интеллигенции 1930—1940-х гг. Наконец, они заключают в себе замечательные по своей пронзительности и проникновенности зарисовки о братьях Борисе и Вадиме Модзалевских.

Знакомство Якова Николаевича со Львом Борисовичем, как и со многими другими членами семьи Модзалевских, состоялось, вероятно, в конце 1909 или начале 1910 г. в Петербурге, когда Жданович уже работал вместе с Борисом Львовичем в Архиве Конференции Академии наук. Он быстро сблизился со старшим товарищем и наставником, стал желанным гостем в доме Модзалевских, в 1911 г. даже некоторое время жил в их квартире, ночуя в кабинете Бориса Львовича[3]. Нужно полагать, что отношения Ждановича с детьми — Александрой (1899—1971), Львом (1902—1948) и Вадимом (1907—1941) Модзалевскими — были обычными, и общались они с Яковом Николаевичем так, как могли взаимодействовать дети со взрослым — другом семьи. После отъезда Я. Н. Ждановича в начале лета 1914 г. в Чернигов его связь с Борисом Львовичем практически полностью прервалась:

ной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2022 год. СПб.: Полиграф, 2022. С. 198—238.

[2] В личном фонде Л. Б. Модзалевского хранится рукописный черновик его телеграммы к Я. Н. Ждановичу из Казани от 31 дек. 1943 г.:

«Москва Чернышевского 2/1 квартира 17 Ждановичу

Поздравляю Новым годом Вернулся благополучно Жажду воспоминаний пишу обнимаю Модзалевский» (РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 3, ед. хр. 65, л. 1).

[3] См., например: «Аристократ Духа»: из воспоминаний Я. Н. Ждановича о Б. Л. Модзалевском в 1905—1928 гг. С. 580, 583.

не считая непродолжительного свидания в январе 1917 г. в Петрограде, друзья встретились лишь в декабре 1926 г. в Москве[4]. Правда, переписка, прекратившаяся в 1917 г., возобновилась в 1922-м, и корреспонденты изредка и коротко сообщали друг другу о семейных делах[5], но, конечно, Ждановичтолько со слов Бориса Львовича мог знать о чертах характера и интересах подрастающих детей.

Весть о внезапной смерти Б. Л. Модзалевского обрушилась на Якова Николаевича со страницы газеты и невероятно потрясла его: «Огромная часть моей личной жизни живым куском была оторвана от меня. Ужасная боль стиснула мое сердце и мою душу; я заметался, но... не заплакал. Мне некому было высказать своего горя, и я послал, как всегда посылают, телеграмму семье, нарочито приписав к своему имени фамилию Н. Ф. Бельчикова[6]. Чтобы подчеркнуть, что оплакиваю *ученого*»[7]. Немного позже, в начале мая 1928 г., Яков Николаевич все же отправил письмо Л. Б. Модзалевскому — вероятно, не хватало сил сдерживаться и переживать утрату одному. Кроме того, в душе «Лёвушки», которого «последнее время» Борис Львович «особенно любил» и которым «даже гордился»[8], Ждановича, по его собственному признанию, хотел бы найти черты отца. Этим посланием открывается настоящая публикация.

Ответом на вопрос, встретил ли Яков Николаевич в лице Льва Борисовича родственную душу, которая смогла в последующие годы если не утолить, то скрасить его душевное сиротство, возникшее после смертей друзей — Георгия Нарбута, Вадима и Бориса Модзалевских, — служат представленные письма Ждановича и неразрывно связанное с ними, заключительное, — к вдове Л. Б. Модзалевского Евгении Алексеевне. Человеку, читающему это послание и знающему о сдержанном на внешнее выражение чувств характере автора, его текст сперва может показаться высокопарным. Однако оно — крик, вырвавшийся из самой глубины, когда все любимые ушли в небытие, а на долю «задержавшегося» осталась память о них и жизнь в прошлом. «Не разделенное горе жжет сильнее. Надо крикнуть. А может быть, и прав Шекспир: “Кто любит — тот кричит”»[9]. Невозможно представить, сколько сил и самообладания понадобилось Якову Николаевичу, чтобы написать Евгении Алексеевне — поддержать ее и отдать «последнее целование» другу, столько раз уже совершавшееся им прежде.

---

[4] Подробнее см.: «Аристократ Духа»: из воспоминаний Я. Н. Ждановича о Б. Л. Модзалевском в 1905—1928 гг. С. 589—592.

[5] См.: Письма Я. Н. Ждановича к Б. Л. Модзалевскому (1911—1924). С. 224—237.

[6] О Н. Ф. Бельчикове см. прим. 2 к п. 4.

[7] «Аристократ Духа»: из воспоминаний Я. Н. Ждановича о Б. Л. Модзалевском в 1905—1928 гг. С. 594.

[8] Там же. С. 576.

[9] Там же. С. 593.

Отложившаяся в фонде Л. Б. Модзалевского корреспонденция Ждановича делится на две неравные по объему группы. Записка и письмо 1930-х гг. носят деловой характер. В это время Яков Николаевич был востребованным специалистом-архивистом: в 1923—1931 гг. он работал в Центрархиве РСФСР, а в 1936—1941 гг. — в Институте мировой литературы им. Горького. Занимая в последнем должность научного сотрудника Сектора рукописей, он оказывал содействие Льву Борисовичу, в частности, сообщив об автографах А. С. Пушкина и других интересовавших его материалах, находившихся в ИМЛИ. Очевидно, возобновление знакомства Ждановича и Модзалевского произошло в начале 1930-х гг., во время одной из командировок последнего в столицу.

Тематически к указанным посланиям примыкает письмо от 10 и 13 апр. 1946 г., в котором Жданович сообщал о намерении подготовить «докладную записку» о Льве Николаевиче Модзалевском (1837—1896) — деде адресата. В начале того же года он безуспешно просил Льва Борисовича предоставить необходимые для нее сведения. Загруженный служебными делами, работой над докторской диссертацией Модзалевский едва ли мог помочь. Между тем, Яков Николаевич, давно «выпавший» из советской архивной системы, уже не имевший связей, искал «авторитетное лицо», которое могло бы представить его записку для дальнейшей организации памятных мероприятий. Однако задуманное осуществить, видимо, не удалось.

Относящиеся ко второй группе письма Ждановича были написаны, в основном, в годы Великой Отечественной войны, и, конечно, пережитое членами семей обоих корреспондентов наложило отпечаток на их содержание. С начала блокады Ленинграда Яков Николаевич не имел сведений о Модзалевских, и переписка со Львом Борисовичем возобновилась только в марте 1943 г. К этому времени здоровье Ждановича сильно пошатнулось, он очень постарел, даже одряхлел физически; но жизнь теплилась в нем, он стойко переносил бытовые трудности и все чаще мысленно обращался к давно прошедшим дням[10]. Предположительно, в конце 1944 и в апреле 1945 г. Яков Николаевич записал, наконец, воспоминания — сначала о Борисе Львовиче, потом о его младшем брате Вадиме. Два письма к Модзалевскому указанных годов своей интонацией удивительно схожи с этими «памятками» и являются как будто дополнением к ним. Одно из них — от 13 августа 1945 г. — заслуживает отдельного внимания: в нем во всем блеске представлены необычайная эрудированность, острый ум Ждановича, его прекрасная память, владение богатой и выразительной письменной речью. Учитель Якова Николаевича — честный и исчерпывающий исследователь Борис Львович Модзалевский мог бы гордиться своим учеником!

[10] Подробнее см.: Там же. С. 573—574.

Одиннадцать писем Я. Н. Ждановича публикуются по автографам, хранящимся в РО ИРЛИ (ф. 187, оп. 3, ед. хр. 188, 22 л.); пунктуация и орфография в документах, за редкими исключениями, приведены в соответствие с современными нормами; авторские сокращения раскрыты в угловых скобках, пропущенные автором слова восполнены аналогичным способом; авторские подчеркивания даны курсивом; зачеркнутый автором текст приведен в квадратных скобках; сохранено авторское написание некоторых слов с прописной буквы; явные ошибки и описки исправлены без пояснений. По аналогичным принципам опубликовано письмо Я. Н. Ждановича к Е. А. Модзалевской (ф. 187, оп. 4, № 67, 3 л.; текст приводится в Приложении).

Выражаем глубокую признательность памяти Наталии Андреевны Жданович (1951—2018) — внучки Я. Н. Ждановича — и приносим искреннюю благодарность за помощь коллегам из Рукописного отдела Пушкинского Дома: Татьяне Ивановне Краснобородько и Лидии Константиновне Хитрово.

ПИСЬМА Я. Н. ЖДАНОВИЧА К Л. Б. МОДЗАЛЕВСКОМУ

1

<Москва>, 4 мая 1928 г.

4 мая 1928 г.[1]

Дорогой Лев Борисович, милый мой «Лёвушка»! Не написал Вам сразу, собственно, потому, что на другой день уехал в Тулу[2], успел написать Варваре Николаевне[3]. Во-вторых, я убежден, что Вы чувствуете мою скорбь, ноющую боль в моем сердце и в моей душе. То же я пережил после смерти Вадима Львовича[4], может быть, несколько резче, т<ак> к<ак> не с кем было поделиться (я узнал в Крыму)[5]. Но Ваш папа был мне больше, нежели друг. Я знал и чувствовал во все тяжелые минуты иногда чрезвычайно тяжелых работ, что там, на В<асильевском> о<строве>, сидит в своем кабинете Он... когда-либо с ним увижусь, встречусь и расскажу и тяжелое, и комичное, печальное и радостное. Сознание, что Он там сидит, часто мне давало много сил. Я не умею высказывать своих чувств к любимым и не люблю этого (такой у меня скверный характер), но нередко у меня внутри была потребность черкнуть пару ласковых слов Ему, чтобы самому стало легче от этой близости. Как давно-давно я Вас не видел (14 лет), увидимся ли когда...[6] Как мне хотелось бы найти в Вашей душе черты Вашего папы. Крепко целую Вас, Шуру и Вадю[7].

Искренне Вас любящий

Я. Жданович

[1] Письмо было написано в связи с кончиной Б. Л. Модзалевского 3 апр. 1928 г. в Ленинграде.

[2] В 1923—1931 гг. Я. Н. Жданович работал в системе Центрархива РСФСР старшим архивистом-консультантом. Особенно много внимания уделялось им научному консультированию в центральных и местных архивах, что влекло за собой частые разъезды. Согласно сведениям из личного дела, Я. Н. Жданович находился в служебной командировке в Тулу с 9 по 14 апр. 1928 г. См.: ГАРФ, р-5325, оп. 12, № 660, л. 1.

[3] *Модзалевская* (урожд. Гувениус, в 1-м браке Висковатова) *Варвара Николаевна* (1871—1937) — вторая жена Б. Л. Модзалевского (с 1910 г.). С 1915 г. работала в Пушкинском Доме по вольному найму, в 1919 (или 1920)—1926 гг. состояла в штате — научным сотрудником II разряда.

[4] *Модзалевский Вадим Львович* (1882—1920) — военный инженер, архивист, генеалог; младший брат Б. Л. Модзалевского, близкий друг Я. Н. Ждановича. О нем см.: *Модзалевская Т. Л.* 1) Вадим Львович Модзалевский (1882—1920). СПб.: Любавич, 2011. 128 с.; 2) Модзалевские: история семей пяти поколений. СПб.: Лема, 2021. С. 102—115; *Томозов В. В.* К юбилею В. Л. Модзалевского // Известия Русского генеалогического общества. СПб.: [б. и.], 1995. Вып. 4. С. 44—51.

[5] В начале 1919 — летом 1921 г. Я. Н. Жданович с супругой Анной Александровной (урожд. Линдфорс; 1885—1937) и ее старшей сестрой Зинаидой Александровной (1868—1919) жили в Крыму, территория которого в 1919—1920 гг. стала ареной противостояния Красной и Белой армий. Летом 1918 г. Я. Н. Жданович получил предложение работать под началом председателя Комиссии по охране художественных сокровищ Крыма Н. Д. Милиоти (1874—1962) и «подготовить организацию аппарата Охраны Южного побережья Крыма по уходе белых». В апреле 1919 г. Жданович занял должность правителя дел художественного эмиссара Крыма и заведовал охраной Южного побережья Крыма, на участке Алушта — Ялта — Байдарские ворота и селение Кокозы. После возвращения белых в июне 1919 г. он зарабатывал на жизнь, читая лекции по истории искусства в Кружке художников, а также ходил по аукционам и «за поденную плату» выкрикивал стоимость продаваемых предметов. С приходом Красной армии в конце 1920 г. секция по охране памятников старины и искусства при отделе народного образования Крымревкома (Крымохрис) поручила ему заведование охраной дворцов и музеев Южного побережья Крыма при Ялтинском наробразе, а также работу по оборудованию Народных музеев искусств в Ялте, Ливадии и Алупке; кроме того, до отъезда в Киев Я. Н. Жданович «состоял уполномоченным Крымнаробраза и Крымохриса в качестве эксперта при Крымвнешторге». См.: ГАРФ, р-5325, оп. 12, № 660, л. 20, 35—35 об., 106 об.—110.

[6] В 1909—1914 гг. Я. Н. Жданович работал в Петербурге, был учеником и соратником Б. Л. Модзалевского, а также близким свидетелем его частной, семейной жизни. Жданович уехал в Чернигов в конце мая или начале июня 1914 г. «на каникулы», однако начавшаяся Первая мировая война не позволила ему вернуться.

[7] Имеются в виду дети Б. Л. Модзалевского от первого брака с Е. В. Модзалевской (урожд. Решеткина; 1873—1941): *Александра Борисовна* (в замуж. Брюн; 1899—1971) и *Вадим Борисович* (1907—1941) — старшая сестра и младший брат Л. Б. Модзалевского. Подробнее о них см.: *Модзалевская Т. Л.* Модзалевские: история семей пяти поколений. С. 129—132, 155—156.

2

Москва, 5 июля 1933 г.

Еще раз крепко целую Вас, милый Лёвушка! Спасибо, что помните старика. О многом хотелось вспомнить, но время коротко, в обрез[1].

Сел в вагон Трама[2], взглянул на вас и вспомнил фамилию Малиновского. Не было ли такого академика или директора... В его имени архиве, кажись, и находятся письма Дашковой президента[3].

Всего доброго, целую

Я. Жданович

5.VII.1933[4]
Москва[5]

<На обороте письма рукой Л. Б. Модзалевского (?) простым карандашом и чернилами записаны адреса и телефоны>:

«Ст<арый> Петергоф Кингиссепск<ая> ул. д. 18»;
«3 Советская д. 7 кв. 1 *Емельянов*»;
«телефон 2-55-25 вызвать Елену Ник<олаевну> из Технич<еской> Библиот<еки> Зимн<его>»;
«*С. А. Рейсер*. Ул. Дзержинского д. 5 кв. 6»[6];
«тел<ефон> Б. М. Эйхенбаум 4-35-18 Рая Борисовна»[7];
«166-44 Academia»[8];
«140-18 Александр Александр<ович> Иванов»;
«Учр<еждение> *Средволгострой*»[9].

---

[1] Очевидно, письмо было написано Я. Н. Ждановичем после личной встречи с Л. Б. Модзалевским в один из приездов последнего в Москву.

[2] Имеется в виду трамвай. По одной из версий, слово «трамвай» происходит от фамилии английского инженера-строителя, промышленника *Бенджамина Аутрама* (Benjamin Outram; 1764—1805) и слова *way* — «дорога» (*англ. яз.*); т. е. «трамвай» — букв. «дорога Трама».

[3] Возможно, имеется в виду *Малиновский Алексей Федорович* (1762—1840) — тайный советник (1819); археограф, архивист, переводчик; член-учредитель Общества истории и древностей российских (1804) и его председатель в 1831—1835 гг. В 1814—1840 гг. был главным управляющим Московским архивом Коллегии иностранных дел (с 1832 г. — Московский главный архив Министерства иностранных дел). *Дашкова* (урожд. Воронцова) *Екатерина Романовна* (1743—1810) — княгиня; директор Императорской Академии наук, инициатор создания и председатель Российской академии (1783—1796). А. Ф. Малиновский был женат (с 1812 г.) на внучатой племяннице и воспитаннице Е. Р. Дашковой *Исленьевой Анне Петровне* (1770—1847), которая жила в ее доме более десяти лет и вела всю деловую переписку; вероятно, в доме Е. Р. Дашковой А. Ф. Малиновский познакомился с будущей женой. Письма Е. Р. Дашковой к А. П. Исленьевой, А. Ф. Малиновскому, которые, однако, были написаны после лишения Е. Р. Дашковой всех должностей (1796—1806), см.: РГАДА, ф. 188, д. 363, л. 9—62. Подробнее об отношениях Е. Р. Дашковой с семьей Малиновских см.: *Долгова С. Р.* Княгиня Е. Р. Дашкова и семья Малиновских. М.: Древлехранилище, 2002. 247 с.

[4] Письмо написано простым карандашом. На обороте письма рукой Я. Н. Ждановича также карандашом приписано: «Льву Борисовичу Модзалевскому».

[5] Слово «Москва» приписано фиолетовыми чернилами рукой Л. Б. Модзалевского; в нижнем правом углу также его рукой фиолетовым карандашом приписано: «июль 1 2».

[6] *Рейсер Соломон Абрамович* (1905—1989) — библиограф, литературовед, текстолог; доктор филологических наук (1956); специализировался по истории русской литературы 2-й половины XIX в., истории революционного движения и общественной мысли; с 1930 г. преподавал в Комвузе (1930—1931), в Ленинградском областном учительском институте (1930—1940) и др.; работал в ИРЛИ (1935—1936), в ГПБ (1931—1942, 1944—1946). Ул. Дзержинского в Ленинграде — в 1991 г. возвращено историческое название — ул. Гороховая.

[7] *Эйхенбаум Борис Михайлович* (1886—1959) — литературовед; доктор филологических наук (1936); занимался историей русской литературы конца XVIII — начала XX в. В 1926—1929 гг. был сверхштатным, в 1935—1946, 1956—1959 гг. — штатным научным сотрудником ИРЛИ. С 1911 г. был женат на *Раисе Борисовне Эйхенбаум* (урожд. Брауде; 1890—1946). Наравне с отцом и С. А. Венгеровым (1855—1920), Л. Б. Модзалевский считал своими учителями Б. М. Эйхенбаума и Ю. Г. Оксмана (1895—1970); в их исследовательских семинарах он стал участвовать после 1922 г. См.: *Хитрово Л. К.* Л. Б. Модзалевский: материалы к биографии по документам личного архива в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб.: Родник, 2020. С. 9—12.

[8] *«Academia»* — первоначально — издательство философского общества при Петроградском университете, основанное в 1921 г.; в 1929 г. переехало из Ленинграда в Москву и стало акционерным обществом, в 1938 г. окончательно слилось с Гослитиздатом. Данным издательством были выпущены подготовленные Л. Б. Модзалевским труды: 1) Рукописи Пушкина в собрании Государственной публичной библиотеки в Ленинграде: Труды Пушкинского дома Академии наук СССР и Пушкинского комитета Государственного ин-та истории искусств / сост. Л. Б. Модзалевский. Л.: Academia, 1929. 51 с.; 2) *Пушкин*. Письма. Т. 3: 1831—1833 / под ред. и с прим. Л. Б. Модзалевского. Л.: Academia, 1935. 721 с.

[9] *Средволгострой* — специальное управление, созданное в 1932 г. в связи с сооружением трех больших гидростанций на Средне-Волжской системе. Подробнее см.: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о строительстве гидростанции на Волге от 23 марта 1932 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. 1932. Отд. 1. № 21. Ст. 127.

3

<Москва>, 7 сентября 1937 г.

Милый Лёва!

Из заслуживающего внимания у нас[1] известные тебе:
1. «Ответ х + у <так!>» («Нет! Не черкешенка она») даты нет. (1826?)[2].
2. Письмо к родителям — 3.V.1830 г.[3]

К нему:

3) Родзянко А. Г. и Керн А. П.[4]
4) Бенкендорфа А. Х. 15.IV.1836 № 2366[5].

5) *Мартоса П.* («В № 3 “Современника” есть престранная статья...» и т. д.)[6]. Записано мною это письмо якобы «с пометками Пушкина», таким его считают здесь; но это от лукавого и кружения голов, исправлено одно только слово самим Мартосом, поэтому и запись о «заметках П<ушкина>» я взял в скобки прямые и с ? знаком. Меня больше интересует вопрос: кто сей Мартос? И как его по батюшке величали? У Вади его, очевидно, нет, а календарей у нас нет, чтобы покопаться. Найти отчество не трудно; думаю, что служил он в Севастополе или в Одессе (письмо из Одессы), или в Бессарабии. Если знаешь отчество, сообщи мне.

6) Списки стихотв<орений> 1824 г.[7]

7) То же, 8-я глава «Евг<ения> Онег<ина>» (очень вкусно[8] оформлено) 1833 г.[9]

О Пушкине

8) Расписка Нат<альи> Рылеевой, данная Оресту Мих<айловичу> Сомову в том, что через него получено «от Ал<ександра> Серг<еевича> Пушкина денег шестьсот рублей, возвращенные им за взятые обратно его стихотворения, кои должны были помещены быть в альманахе “Звездочка”»[10]. Из этих денег Сомов «по поручению моему» доставил триста руб<лей> Праск<овье> Мих<айловне> Бестужевой, «ей следуемых на часть сына Александра Алек<са>ндров<ича>»[11], а другую половину «по моему назначению» Сомов доставил девице Анне Фед<оровне> Федоровой[12]. И т. д. Датирована 30.VIII.1827 г.

Я думаю, будет лучше, если ты сошлешься на то, что известно: архив Брюсова поступил в Ин<ститу>т им. Горького[13], — и попросишь выслать для редакции[14] *фотокопии* нужных тебе документов. Лишних не оказалось, а мастер занят.

Всем привет, крепко тебя обнимаю.

Подпись

7.IX.37

---

[1] С 1936 по 1939 г. Я. Н. Жданович служил старшим, с 1939 по 1941 г. — младшим научным сотрудником Сектора рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького (ИМЛИ); он заведовал архивом № 1 (дореволюционными рукописями) и занимался обработкой эпистолярного наследия писателей XIX—XX вв.

[2] Имеется в виду стихотворение А. С. Пушкина «Ответ Ф. Т<уманскому>» (1826). Место хранения в наст. время: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 897.

[3] Речь идет об автографе письма А. С. Пушкина к Н. О., С. Л. и О. С. Пушкиным от 3 мая 1830 г. Н. О. Пушкина подарила его А. И. Васильчиковой (о ней см. прим. 7 к п. 9), и автограф хранился в альбоме последней. Альбом был приобретен для рукописного собрания ИМЛИ в 1930-е гг. Автограф был изъят из альбома еще в ИМЛИ, хранился под отдельным шифром; в сентябре 1938 г. был передан по акту в довоенный Государственный музей им. А. С. Пушкина (Москва), оттуда в 1948 г. — в Пушкинский Дом. В наст. время: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 1385.

[4] Письмо А. Г. Родзянко и А. П. Керн к А. С. Пушкину от 10 мая 1825 г.; в наст. время: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 2, ед. хр. 179. *Родзянко Аркадий Гаврилович* (1793—1846) — капитан в отставке; поэт; был членом общества «Зеленая лампа», сотрудничал в альманахах «Полярная звезда», «Невский альманах» и др.; был знакомым А. П. Керн, ее соседом по имению в Полтавской губ.

[5] Письмо А. Х. Бенкендорфа к А. С. Пушкину от 15 апр. 1836 г.; в наст. время: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 2, ед. хр. 22.

[6] Письмо П. И. Мартоса к А. С. Пушкину от 13 окт. 1836 г.; в наст. время: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 2, ед. хр. 179. *Мартос Петр Иванович* (1811 — ок. 1880) — отставной штабс-ротмистр; помещик Лохвицкого уезда Полтавской губ. В 1822—1827 гг. воспитывался в пансионе при Гимназии высших наук кн. Безбородко, учениками которой в то время были также Н. В. Гоголь, Н. В. Кукольник и др., но курса не окончил и в 1827 г. поступил унтер-офицером в уланский полк. В 1839—1840 гг. в Петербурге познакомился и общался с Т. Г. Шевченко, издал на свои средства его поэтический сборник «Кобзарь» (1840), оставил воспоминания о поэте. Подробнее см.: *Мартос П. И.* Эпизоды из жизни Шевченка // Воспоминания о Тарасе Шевченко. Киев: Днипро, 1988. С. 78—81, 480—482.

[7] В наст. время: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 8, ед. хр. 81.

[8] Жданович использует излюбленный эпитет Бориса Львовича, которым тот наделял интересные архивные первоисточники, памятники прошлого, качественный научный труд с «изюминкой». См.: «Аристократ Духа»: из воспоминаний Я. Н. Ждановича о Б. Л. Модзалевском в 1905—1928 гг. С. 578, 581, 584, 587.

[9] В наст. время: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 5, ед. хр. 97.

[10] Расписка Н. М. Рылеевой О. М. Сомову от 30 авг. 1827 г.; в наст. время: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 3, ед. хр. 144. *Рылеева* (урожд. Тевяшева) *Наталья Михайловна* (1800—1853) — жена поэта, декабриста К. Ф. Рылеева. *Сомов Орест Михайлович* (1793—1833) — литературный критик, писатель журналист; вместе с А. А. Дельвигом издавал альманах «Северные цветы» (1825—1832), участвовал в издании «Литературной газеты» (1830—1831). «Звездочка» — литературный альманах, который, по замыслу ее редакторов и издателей К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева-Марлинского, должен был продолжать альманах «Полярная звезда», но после восстания декабристов его выход в свет стал невозможен; О. М. Сомов был ближайшим помощником издателей «Звездочки».

[11] *Бестужева Прасковья Михайловна* (1775—1846) — мать писателя, публициста, декабриста *Александра Александровича Бестужева-Марлинского* (1797—1837).

[12] Имеется в виду *Крылова Анна Федоровна* (до 1795—1858) — незаконнорожденная дочь Ф. А. Рылеева, сводная сестра К. Ф. Рылеева; после окончания пансиона была вынуждена сама обеспечивать себя и зарабатывала на жизнь частными уроками. Подробнее о ней см.: *Готовцева А. Г., Киянская О. И.* Правитель дел: к истории литературной, финансовой и конспиративной деятельности К. Ф. Рылеева. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 72—84.

[13] Имеется в виду *Брюсов Валерий Яковлевич* (1873—1924); в наст. время его архив в ИМЛИ — ф. 13. Возможно, Л. Б. Модзалевского интересовали материалы, связанные с деятельностью В. Я. Брюсова по изданию Полн. собр. соч. А. С. Пушкина (1913—1923).

[14] С 1925 по 1948 г. Л. Б. Модзалевский непрерывно работал в Архиве Академии наук; с 1933 г. он был введен в состав Пушкинской комиссии, а в декабре того же года стал сотрудником Института русской литературы и первым штатным хранителем Пушкинского фонда. В 1937 г. увидело свет издание: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме: науч. описание / сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1937. 392 с. Подготовка данного

описания шла параллельно с работой над академическим изданием сочинений А. С. Пушкина, которая велась с 1933 г. при участии всех виднейших ученых-пушкинистов. Оно было осуществлено издательством Академии наук СССР в 1937—1949 гг. в 16 томах; дополнительный семнадцатый том (не имеющий нумерации) был издан в 1959 г.

4

Москва, 10 марта 1943 г.

10.III.1943

Очень меня тревожила последние полтора года судьба твоя и твоей семьи, милый Лёвушка[1]! Вернулся из эвакуации Н. Ф. Бельчиков[2] и помог мне узнать о тебе, причем добавил печальную весть, что ты потерял «кого-то из близких»[3]. Напиши о себе все подробно; вот уж два года живу мысленно с твоим папой, как жили когда-то.

В сентябре 1941 г. я оставил работу, отказавшись ехать с материалами в Томск, и не жалею о том: я и ранее был на инвалидном положении, а война подкосила меня изрядно[4]. Год назад мучил меня аневризм аорты, сейчас легче, и мучает только общий артериосклероз, заставляя по ночам и днем корчиться в судоргах <так!>. Живу на теплой водичке с солью, иногда кофе, очень-очень редко удается сварить тарелку супа, и 400 гр<аммов> хлеба в сутки. На это все хватает моей 99-<ти>р<ублевой> пенсии, и никакие капиталы большего размера мне все равно не помогли бы: рынок чудовищно дорог, да и ехать на него мне трудно.

Андрюша мой[5] бросил 9 класс школы и в ноябре 1941 г. ушел в партизанский отряд[6]; он навестил меня прошедшей осенью: работал под Псковом и Витебском, взорвал 6 эшелонов, портил шоссейные мосты; как-то его окружили, он отстрелялся из «бесшумки», уложил пятерых и удрал. Сейчас он работает разведчиком под Вязьмой. Из мальчугана превратился в взрослого мужчину (летом ему будет 18 л<ет>), выше меня ростом и очень красив стал; все от него в восторге; товарищей своих, таких же молодых, приводил часто ко мне, и все такие же красавцы. Дочь Наташа оставила учебу на историч<еском> ф<акульте>те МГУ и работает медсестрой[7]. Я тихонько догораю, истощав ужасно и ослабев.

В 1812 г. архивы учреждений ведомства м<инистерст>ва Двора ездили также в Казань пароходами или баржами[8]; это я помню по «ведомостям и описям», сохранившимся в архиве Академии художеств[9]. В чем заключается твоя работа в Архиве[10], кто сейчас завед<ует> Архивом Академии[11]? Московский зав<едующий> (1941 г.) мурло изрядный, в архивном деле ничего не смыслил[12]. Ну, прощай, милый Лёвушка, будь здоров и благополучен. С папой я живу сейчас как с живым, а Вадю[13] почему-то редко вспоминаю.

Обнимаю тебя крепко

Як. Жданович

<Адрес на конверте[14]*:>*

г. Казань
Академия наук СССР. Архив.
Льву Борисовичу Модзалевскому
Москва. Ул. Чернышев<ского> (б<ывшая> Покровка) д. 2/1 кв. 17[15].
Ждановичъ Я. Н.

---

[1] С 1937 г. Л. Б. Модзалевский был женат вторым браком на *Евгении Алексеевне Модзалевской* (урожд. Фаворская, в 1-м браке Брюн; 1909—1983); в браке родились дочери *Татьяна* (р. 1937) и *Людмила* (1941—1942). В семью Модзалевских также вошли дети Е. А. Модзалевской от первого брака: *Елена Сергеевна* (в замуж. Станкевич; 1931—2013) и *Ипполит Сергеевич* (1933—2021) *Брюны*. До августа 1941 г. семья жила в с. Красный Бор (ж/д станция Поповка), в доме Варвары Николаевны Фаворской (1890—1968); родители работали в Ленинграде, поэтому бóльшую часть времени за детьми присматривала бабушка. Связь с отцом поддерживали дети Л. Б. Модзалевского от первого брака с *Натальей Николаевной Модзалевской* (урожд. Граве; 1905—1989): *Борис* (1926—2005), *Николай* (1928—2013) и *Марина* (1934—2016). Подробнее см.: *Модзалевская Т. Л.* Модзалевские: история семей пяти поколений. С. 47—54, 138—141.

[2] *Бельчиков Николай Федорович* (1890—1979) — историк литературы, исследователь творчества А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Т. Г. Шевченко, Н. Г. Чернышевского и др.; засл. деятель науки РСФСР (1947), чл.-корр. АН СССР (1953). В 1930—1937 гг. — в ИРЛИ, старший научный специалист и секретарь Пушкинской комиссии в Москве; в 1949—1955 гг. — директор Пушкинского Дома. С 1939 по 1945 г. — профессор и заведующий кафедрой русской литературы Московского гос. педагогического института; осенью 1941 г. был эвакуирован в Алма-Ату, где преподавал также в Казахском педагогическом институте им. Абая. Вместе с женой недолгое время занимал соседнюю с семьей Я. Н. Ждановича комнату в бельэтаже бывшего здания Московского архива Министерства юстиции (Б. Пироговская ул., д. 17). Сами Ждановичи жили там с 1924 по 1938 г.; осенью 1938 г. они перебрались в «большой флигель», расположенный во дворе главного здания (принадлежавшего тогда Центрархиву). 11 июня 1941 г. Я. Н. Ждановичъ вместе с детьми переехал на ул. Чернышевского — в комнату большой, многонаселенной коммунальной квартиры, которая стала его последним московским домом. Подробнее см.: Семейный архив Н. А. Ждановичъ и Т. А. Дергачевой (*Ждановичъ Н. Я.* Наш дом).

[3] Младшая дочь Л. Б. и Е. А. Модзалевских Людмила скончалась в блокадном Ленинграде 4 авг. 1942 г. См.: *Модзалевская Т. Л.* Наша блокада: семья Модзалевских в военные годы (1941—1945): документы, письма, дневники. СПб.: Лема, 2014. С. 39—41, 59.

[4] В августе 1941 г. Я. Н. Ждановичъ отказался эвакуироваться вместе с ИМЛИ, не считая возможным оставить детей в Москве одних. Еще в 1939 г. он получил вторую группу инвалидности из-за проблем с сердцем, но, чтобы продолжать работать, попросил третью группу; во время войны получал иждивенческие продуктовые карточки, так как не смог устроиться работать по специальности — везде были нужны рабочие руки. См.: Семейный архив Н. А. Ждановичъ и Т. А. Дергачевой (*Ждановичъ Н. Я.* Наш дом); *Ждановичъ А. Я.* Холодное утро. СПб.: Logos, 2005. С. 88, 92.

[5] *Жданович Андрей Яковлевич* (1924—2009) — сын Я. Н. Ждановича, ставший впоследствии военным моряком, художником, писателем. Окончил ВВМУ им. М. В. Фрунзе (1944—1948); участник Великой Отечественной войны; курсантом училища участвовал в Параде Победы в Москве 24 июня 1945 г.; в 1948—1954 гг. служил на Балтийском флоте; с 1954 г. занимал различные должности в ВВМУ им. М. В. Фрунзе; в 1972 г. был демобилизован, работал архитектором-реставратором в Государственном институте по проектированию театрально-зрелищных предприятий (Гипротеатр) и художником в «Союзаттракционе»; разрабатывал реставрационные проекты в Ростове Великом (1973—1974); автор эскизов юбилейных значков, множества гравюр, а также художественно-документальных повестей «Холодное утро» (СПб.: Logos, 2005), «Фарватер» (СПб.: [б. и.], 2007) и книги «Секрет продвижения: маленькие рассказы о нетипичном» (СПб.: Версия, 2004).

[6] Оставив школу, в ноябре 1941 г. А. Я. Жданович ушел добровольцем на фронт по призыву ВЛКСМ. Был рядовым бойцом в/ч 9903 — спецчасти для выполнения заданий особого назначения разведотдела штаба Западного фронта. Бойцами этой части также были Герои Советского Союза Зоя Космодемьянская, Лиза Чайкина, К. С. Заслонов. Воспоминания А. Я. Ждановича о детских годах, проведенных на Пироговке, о первых месяцах войны в Москве, о диверсионной работе в тылу врага и однополчанах легли в основу сюжета его повести «Холодное утро». Написанная в 1960-е гг. повесть была впервые издана лишь в 1990 г. (Л.: Советский писатель).

[7] *Жданович Наталья Яковлевна* (1919—2003) — дочь Я. Н. Ждановича; в 1940—1941, 1944—1949 гг. — студентка исторического факультета МГУ. Следуя примеру сестер отца и матери, которые были сестрами милосердия в Русско-японскую и Первую мировую войны, в сентябре 1942 г. окончила курсы медсестер запаса Красного креста и Красного полумесяца с отрывом от производства при Красногвардейском РОКК в Москве; в ожидании повестки из военкомата для отправки на фронт, с октября 1942 по сентябрь 1944 г. работала медсестрой в хирургическом отделении Эвакогоспиталя 4633. По окончании университета поступила на работу в справочную ТАСС; после выхода на пенсию работала заведующей одной из библиотек ТАСС.

[8] В 1812 г., в случае прямой угрозы столице со стороны армии Наполеона, из Петербурга предполагалось вывезти государственные учреждения, архивы, дворцовые и музейные ценности. Об этом см.: *Искюль С.* В Петербурге перед лицом опасности, 1812 // Звезда. 2015. № 5. С. 175—220.

[9] В 1913—1914 гг. Я. Н. Жданович исполнял, по приглашению Н. Н. Врангеля, обязанности секретаря Комиссии и редакции юбилейного сборника «История Императорской Академии художеств за 150 лет». Помимо своих прямых обязанностей Жданович занимался тематической разработкой архивов художественных классов при Московском университете, академических классов в фонде Архива Конференции, Министерства Двора, Эрмитажа, Конференции Академии художеств, дополняя, по возможности, материалы библиографическими сведениями. В частности, для сотрудников редакции сборника им были составлены списки и краткие обзоры содержания дел последнего архива с 1764 по 1837 г. См.: Семейный архив Н. А. Ждановичи и Т. А. Дергачевой (*Жданович Я. Н.* <Отрывки из автобиографий>).

[10] Из содержания этого и следующего писем следует, что Я. Н. Жданович долгое время не имел известий о семье Модзалевских, следовательно, не мог знать о том, что после эвакуации в Казань, с конца июля 1942 г., Л. Б. Модзалевский с женой и тещей жили в Елабуге, где ученый заведовал кафедрой истории русской

литературы Воронежского гос. университета, читал курс лекций и руководил исследовательским семинаром по литературе XVIII в. Вероятно, сведения о его местонахождении были получены Ждановичем от вернувшегося в Москву Бельчикова. В Казань Модзалевский был переведен в апреле 1943 г. В июне он был избран секретарем Музейной и Архивной Комиссии АН СССР, а в июле 1943 г. получил должность старшего научного сотрудника и назначение заведующим Рукописного отдела Пушкинского Дома. Подробнее о деятельности Модзалевского в 1943 г. см.: *Хитрово Л. К.* Л. Б. Модзалевский: материалы к биографии по документам личного архива в Рукописном отделе Пушкинского Дома. С. 17—18, 20—42.

[11] Директором Архива Академии наук СССР (Ленинград) в 1929—1963 гг. был *Князев Георгий Алексеевич* (1887—1969) — историк, архивист, археограф; доктор исторических наук (1960).

[12] Заведующим Московским отделением Архива Академии наук СССР в 1939—1956 гг. был *Гетман Филипп Дмитриевич* (1897—1992?) — архивист; в 1929 г. он окончил Институт народного хозяйства им. Плеханова, с 1936 г. — ученый архивист Московского отделения АН СССР. Подробнее о нем см.: Гетман Филипп Дмитриевич // Архив Российской академии наук. Санкт-Петербургский филиал. [Электронный ресурс] URL: http://db.ranar.spb.ru/ru/person/id/26288/ (дата обращения: 01.03.2024).

[13] Вадима Львовича Модзалевского. См. прим. 4 к п. 1.

[14] Штемпели: «Москва Почтамт. 10.3.43»; «Казань 10 ТАССР Казан. 10 15.3.43»; «Просмотрено Военной Цензурой Москва 648».

[15] Последний московский адрес Ждановича.

5

Москва, 25 апреля 1943 г.

25.IV.1943 г.

Получил твою открытку, милый Лёвушка, которая меня согрела и умилила очень. Так дохнуло родным, твоим папой, прошлым. Тебе не понятно одиночество, когда все друзья уходят и ты совершенно в прошлом. Я чувствую твою душевную искреннюю ласку; но ведь это нежный аромат любимых астр и хризантем еще более возбуждает тоску по отцветшим левкоям и еще раньше отцветшим весенним нарциссам. Вадя был моим другом и товарищем; он вложил отчасти [любовь мою] в душу мою любовь к Украине, — которую я обожал с детства за красоту ее природы[1], — и ее историческому прошлому. Папа был другом, дал мне возможность понять и полюбить архивы, в которых и для которых я проработал всю мою жизнь. Мне было всегда хорошо и весело в обществе Вади, но такой дружеской ласки, какую всегда мне давал твой папа, я не получал ни от одного друга и близкого человека. Сегодня Пасха, он любил этот праздник, и я всегда невольно его вспоминаю, когда слышу пасхальные мотивы... точно так же вспоминаю, как весну моего детства и юности, как запах весенней земли.

В твоей открытке много тяжелого и грустного, что неизбежно бывает в жизни каждого. Для меня эта открытка была большим сюрпризом, т<ак> к<ак> я, наконец, узнал о твоей судьбе. Я радуюсь, что ты

уцелел в этой буре, радуюсь, что ты имеешь кафедру ист<орико>-лит<ературную>[2]. И мне грустно, что радуюсь только я, радуюсь в одиночестве моем и не делюсь радостью с твоим отцом. Дело в том, что в 1924 г., если не ошибаюсь в дате, папа писал мне, что на Вадю (сына) он давно махнул рукой, а ты его радуешь, что он заметил в тебе крен в сторону литературоведа, но что он пока приглядывается к тебе и помалкивает. Писал, что ты занялся как бы даже всерьез Кузьмой <так!> Прутковым и просил помочь добыть для тебя материалы[3].

А ведь у него лично с его отцом было иначе. Лев Николаевич[4], написавший прекрасный труд по ист<ории> педагогики[5], воспитавший Ник<олая> Мих<айловича>[6], Георгия Мих<айловича>[7] (нумизмата), наконец, сыновей двух историков[8], очень не желал видеть в твоем отце историка и был огорчен, когда папа ушел к Майкову[9], Саитову[10] и т. д.

Вот пишу я тебе и слышу голос папы: «Вы, Жакоба[11], еще остались на земле в одиночестве» (Вадя сказал бы: «Ты застрял там...»), — порадуйтесь же вместо меня и крепко обнимите при встрече моего Лёвушку и поблагодарите его крепко от меня». Бельчиков сказывал мне, что ты совершенно сед... Горя и страха, стало быть, перенес не мало, я же боялся худшего. Надо еще потерпеть немного, все пройдет, все уляжется, и дай Господь тебе зажить спокойной трудовой жизнью.

Пишу тебе как-то сумбурно и перечитывать не стану, что написал, и писать скверно при коптилке, скверным пером... Встретимся ли когда — не знаю. Вот и Льва Анат<ольевича>[12] нет, и Марии Влад<имировны>[13]. А где сейчас тетя Людмила[14] и тетя Нина[15]? В чем заключается твоя работа в А<кадемии> н<аук>?

Опыт и практику твоей работы в Вор<онежском> ун<иверсите>те надо как-то закрепить и в будущем.

Бельчиков шлет тебе привет; он сейчас пишет отзыв о работах Леб<едева>-Полянского, которого проводят в академики[16].

Всего тебе доброго, милый Левушка, крепко тебя целую. Старика не забывай.

Подпись

<Адрес на конверте[17]:>

г. Елабуга, Татарской АССР
Ул. Азина, д. № 109.
Льву Борисовичу Модзалевскому
Москва. Ул. Черныш<евского> 2/1 кв. 17.
Жданович

---

[1] Я. Н. Жданович родился и провел детство в имении Ждановичей Хреновка (Мощонская волость Городнянского уезда Черниговской губ.); с конца XVII в. оно принадлежало предкам Ждановичей — представителям дворянского рода Бо-

роздны. В наст. время — село в Сновском (до 2016 г. — Щорском) р-не Черниговской обл. (Украина).

[2] См. прим. 10 к п. 4.

[3] О работах Л. Б. Модзалевского, посвященных творчеству А. К. Толстого, см.: *Хитрово Л. К.* Л. Б. Модзалевский: материалы к биографии по документам личного архива в Рукописном отделе Пушкинского Дома. С. 9—10.

[4] *Модзалевский Лев Николаевич* (1837—1896) — педагог, публицист, автор трудов по истории педагогики; отец Б. Л. Модзалевского. О нем см.: *Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник. СПб.: типо-лит. «С. В. Кульженко», 1912. Т. 3: Л—О. С. 809—812; *Модзалевская Т. Л.* Лев Николаевич Модзалевский. СПб.: Лема, 2016. 116 с.; Письма А. Н. Модзалевского к Б. Л. Модзалевскому / публ. Т. Г. Ивановой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 457—478.

[5] Имеется в виду: *Модзалевский Л. Н.* Очерк истории воспитания и образования с древнейших времен до наших дней / сост. (по Шмидту, Раумеру и др.) Л. Модзалевский. СПб.: в тип. Ф. С. Сущинского, 1866—1867. Вып. I—III.

[6] *Николай Михайлович, вел. кн.* (1859—1919) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант; энтомолог, историк; почетный член Императорской Академии наук (с 1898 г.), почетный Президент русского энтомологического общества (с 1881 г.), председатель Русского географического общества (1892—1917), председатель Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (1909—1917), председатель Русского исторического общества (1910—1917).

[7] *Георгий Михайлович, вел. кн.* (1863—1919) — генерал-адъютант; нумизмат, к 1917 г. обладал редкой по ценности и численности коллекцией монет; в 1898—1917 гг. — председатель Русского генеалогического общества. Отец Б. Л. Модзалевского Лев Николаевич в 1867—1872 гг. состоял в должности наставника-наблюдателя за преподаванием при детях вел. кн. Михаила Николаевича в Тифлисе, т. е. вел. кн. Николай Михайлович и Георгий Михайлович были его подопечными.

[8] Имеются в виду Борис Львович и Вадим Львович Модзалевские.

[9] *Майков Леонид Николаевич* (1839—1900) — историк русской литературы, этнограф, фольклорист; академик (с 1891 г.), вице-президент Академии наук (с 1893 г.); состоял председателем Фонда императора Николая II для вспомоществования писателям и ученым. Под его руководством в апреле-мае 1899 г. Б. Л. Модзалевский организовывал Пушкинскую юбилейную выставку в Академии наук; были изданы каталог и альбом выставки.

[10] *Саитов Владимир Иванович* (1849—1938) — историк литературы, пушкинист, библиограф; чл.-корр. Академии наук (1906). В 1883—1893, 1899—1928 гг. служил в Публичной библиотеке; в 1913—1919 гг. был секретарем Императорского Русского исторического общества. Вместе с Б. Л. Модзалевским готовил к изданию «Московский некрополь». См.: Московский некрополь. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1907—1908. Т. I: (А—I). XXIII, 517 с.; Т. 2: (К—П). 486 с.; Т. 3: (Р—Ф). 432 с. В воспоминаниях 1944 г. Я. Н. Жданович рассказывал, что в молодости Б. Л. Модзалевский был очень привязан к В. И. Саитову, который, в свою очередь, даже написал духовное завещание в пользу своего ученика. Об их непростых отношениях см.: «Аристократ Духа»: из воспоминаний Я. Н. Ждановича о Б. Л. Модзалевском в 1905—1928 гг. С. 597—599.

[11] *Жакоба* — так называли Ждановича близкие друзья, в том числе Б. Л. Модзалевский.

[12] *Брюн де-Сент-Ипполит Лев Анатольевич* (1874—1941) — коллежский секретарь; агроном; муж *Людмилы Львовны Брюн* (урожд. Модзалевская, в 1-м браке Висковатова; 1872—1950) — старшей сестры Б. Л. Модзалевского. До революции

владел домом (усадьбой Турово), построенным на землях пустоши Дор (в 3 км южнее г. Луга, за р. Обла; ныне по этим местам проходит федеральная автодорога Р-23 «Псков»); работал по специальности — агрономом. Умер в блокадном Ленинграде. Подробнее о нем см.: *Модзалевская Т. Л.* Модзалевские: история семей пяти поколений. С. 42—43.

[13] *Модзалевская* (урожд. Лаврентьева) *Мария Владимировна* (1883—1842) — супруга (с 1902 г.) *Всеволода Львовича Модзалевского* (1879—1936) — морского офицера; младшего брата Б. Л. Модзалевского.

[14] Имеется в виду Л. Л. Брюн. Была вывезена из блокадного Ленинграда в 1942 г. в Архангельск вместе с дочерьми: *Натальей Львовной* (1905—1969), *Ниной Львовной* (в замуж. Бартон; 1909—1973), — и внучкой *Эрикой Роевной Бартон* (р. 1935). После ареста дочерей — в 1946 и 1947 гг. соответственно — Л. Л. Брюн осталась с внучкой в Архангельске. После гибели Л. Б. Модзалевского его семья забрала Л. Л. Брюн в Ленинград. Подробнее см.: *Модзалевская Т. Л.* Модзалевские: история семей пяти поколений. С. 41—44.

[15] Имеется в виду *Энкель* (урожд. Модзалевская) *Нина Львовна* (1884—1959) — младшая сестра Б. Л. Модзалевского. В 1904—1915 гг. была замужем за инженером-технологом М. А. Энкелем (1881—1946); после революции жила в Москве; в 1921 г. стала женой В. Г. Лаврентьева (1889? — 1961?), который в 1939 г. был арестован и осужден.

[16] *Лебедев-Полянский* (наст. фам. Лебедев; псевд. Валериан Полянский) *Павел Иванович* (1882—1948) — участник революционного движения, литературовед, литературный критик; чл.-корр. (1939), академик АН СССР (1946). В 1937—1948 гг. был директором ИРЛИ.

[17] Штемпели: «Москва Почтамт. 5 эксп. <нрзб.>»; «Елабуга ТАССР <нрзб.>. 18.5.43»; «Просмотрено Военной Цензурой Москва 61».

6

Москва, 27 июля 1943 г.

Открытое письмо

27.VII.1943 г.

Милый мой Лёвушка! Более месяца тому назад получил твою открытку, свез и отдал Нине Львовне[1]. Ответить не было досуга: обременен бытовыми невзгодами и все ждал, как разрешится судьба моего Андрея[2]. Затем адрес-то остался у Нины Львовны? Нашел казанский адрес и снова отложил, да вот и сообразил: ведь писал же тебе я в Елабугу до той открытки, что тете Нине отдал? Наконец, нашел... Как живешь, родной мой, и успехи твои? Чувствую, что работы у тебя *пропасть*. Интересует меня, устроился ли ты, наконец, так, чтобы жить всем вместе семьею[3]? Часто тебя вспоминаю, когда думы переносятся в прошлое, и передо мной проходит жизнь то папы твоего, то Вади. Недавно перенесся в кондитерскую быв<шую> Покка[4] в Харькове, в которой угощал Володю Г<ершельмана>[5] мороженым, сидели часа четыре, и он мне рассказал подробно о своей жизни с Вадей, когда я не был с ним знаком еще. Особенно врезалась в память свадьба его с Шурой[6]. Эх, Вадя, Вадя... Ведь это он главный инициатор Укр<аинской> Ак<адемии> наук и... добился. Он под руководством акад<е-

мика> Вернадского[7] и устав составлял, а сам был в стороне...[8] Не веришь? Спроси у Вернадского, если тот вспомнить пожелает; работал и день, и ночь, это было его утешением, когда пришлось перенести свою кровать из спальни в кабинет, а в спальню внести кровать светлой памяти Егора[9]. Не перенес он смерти Егора. Ужасной трагедией душевной кончилась жизнь этого обаятельного человека. Целую

Подпись

<*Адрес на почтовой карточке*[10]*:*>

г. Елабуга (Татарской АССР)
Ул. Азина, д. 109.
Льву Борисовичу Модзалевскому
Адр<ес> отпр<авителя:> Москва. Ул. Чернышевского 2/1 кв. 17
Жданович

---

[1] Н. Л. Энкель.

[2] 3 марта 1943 г. А. Я. Жданович, служивший с декабря 1942 г. в дивизионной разведке, был ранен в грудь в ночном поиске, прооперирован и отправлен в госпиталь на Урал; однако, не желая ехать на восток, все дальше от дома и фронта, он самовольно покинул эшелон в Москве и вынужден был устраиваться в госпиталь в родном городе; безуспешно пытался найти воинскую часть, в которую был направлен после излечения; в конечном итоге был направлен Московским горкомом комсомола в Бакинское военно-морское подготовительное училище. См.: *Жданович А. Я.* Холодное утро. С. 328—360.

[3] В начале войны все дети Л. Б. Модзалевского, кроме новорожденной Людмилы, были эвакуированы из Ленинграда: Елена, Ипполит и Татьяна в конце концов оказались в детском доме-интернате в с. Степное (Кочкарский р-н Челябинской обл.), а дети от брака с Н. Н. Модзалевской попали в интернат для сотрудников Академии наук в г. Тетюши Татарской АССР, откуда летом 1942 г. Л. Б. Модзалевский забрал старшего сына Бориса, который в ноябре 1943 г. был призван в армию. С апреля 1943 г. Л. Б. Модзалевский находился в Казани, в то время как его жена осталась учиться в Елабуге, в эвакуированном Воронежском университете; в 1944 г. она также переехала в Казань; тогда из детских домов смогли забрать и всех детей. Подробнее см.: *Модзалевская Т. Л.* Модзалевские: история семей пяти поколений. С. 140, 144—145.

[4] *Пок Иустин Иванович* (Justine Louis Poké; ок. 1850 — после 1909) — французский подданный, прибывший в конце 1860-х гг. в Харьков; кондитер. С конца 1880-х гг. — владелец кафе-кондитерской на Московской ул., 12 — одного из самых известных заведений подобного рода в городе, которое было также популярным местом встреч творческой интеллигенции; позже были открыты кафе-кондитерские на Сумской и Екатеринославской ул. В 1920-е гг. заведения перешли к торговой марке «Красный кондитер». См.: *Парамонов А.* Улицы старого Харькова // iknigi.net [Электронный ресурс] URL: https://iknigi.net/avtor-andrey-paramonov/181784-ulicy-starogo-harkova-andrey-paramonov/read/page-5.html (дата обращения: 24.03.2024).

[5] *Гершельман Владимир Константинович* (1880—1934) — военный инженер, генеалог, историк-любитель; друг семьи Модзалевских, особенно близок был с Вадимом Львовичем, с которым вместе учился в Николаевском инженерном воен-

ном училище. Окончил Петровский Полтавский кадетский корпус (1899), Николаевское инженерное военное училище (1902), Николаевскую военную академию (1911). Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах, дослужившись до чина полковника (1917). Добровольно вступил в ряды Красной Армии (1918), включен в списки Генштаба РККА; в 1919—1926 гг. занимал должности в штабах ряда военных округов. В 1931 г. был арестован и приговорен к пяти годам исправительно-трудовых работ. О нем см.: Письма В. К. Гершельмана к Б. Л. Модзалевскому / публ. Н. Ю. Заварзиной и И. В. Сахарова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 533—534.

[6] *Модзалевская* (урожд. Гаева) *Александра Лаврентьевна* (1886 — после 1911) — старшая дочь квартирной хозяйки, у которой В. Л. Модзалевский снимал комнату в «Зверинце» — предместье Киева; первая жена В. Л. Модзалевского.

[7] *Вернадский Владимир Иванович* (1863—1945) — историк науки, геолог, минералог, кристаллограф, основатель геохимии, биогеохимии, радиогеологии, основоположник учения о ноосфере; адъюнкт (1906), экстраординарный академик (1908), академик (1912). В 1905—1918 гг. — член ЦК партии кадетов, был членом Государственного Совета (1906—1911). В ноябре 1917 г. ввиду угрозы ареста уехал из Петрограда и до весны 1920 г. жил на Украине (Полтава, Киев) и в Крыму. В мае 1918 г. возглавил в правительстве гетмана П. П. Скоропадского Комиссии по созданию Украинской Академии наук, по основанию академической Библиотеки, по высшим учебным заведениям и ученым учреждениям; под его руководством работал В. Л. Модзалевский. В октябре 1918—1919 гг. В. И. Вернадский возглавлял УАН; в октябре 1920 — начале 1921 г. был ректором Таврического университета в Симферополе. В апреле 1921 г. был избран директором Геологического и Минералогического музея Академии наук.

[8] В апреле 1918 г. В. Л. Модзалевский переехал из Чернигова в Киев. В 1918—1919 гг. он заведовал архивно-библиотечным отделом Министерства просвещения в правительстве гетмана П. П. Скоропадского, занимал должности начальника архивного управления и Всеукраинского главного архива как член культурно-просветительской комиссии при украинской всемирной делегации, под руководством В. И. Вернадского составлял проект устава Украинской Академии наук, занимая должность секретаря Комиссии для выработки законопроекта об основании УАН, был членом Комиссии по рассмотрению вопросов о гербе и печати Украинского государства, Киевского софийского комитета, Археографической комиссии при 1-м отделе УАН.

[9] Речь идет о семейной драме В. Л. Модзалевского. В апреле 1918 г. В. Л. Модзалевский вместе со второй женой Наталией Лаврентьевной (урожд. Гаева) приехали из Чернигова в Киев и поселились в квартире художника-графика, близкого друга В. Л. Модзалевского Георгия Ивановича Нарбута в д. № 11/9 на углу Георгиевского пер. и Стрелецкой ул. (дом не сохранился). Вскоре после этого Г. И. Нарбут оставил жену В. П. Кирьякову и стал неофициальным мужем Н. Л. Модзалевской, возложив на нее обязанности по воспитанию своих детей, Даниила и Марины; официально брак был оформлен осенью 1918 г. Я. Н. Жданович в воспоминаниях кратко описал неестественную и невыносимую для В. Л. Модзалевского ситуацию: «Тася — неофициальная жена Нарбута. Вадя в отставке, но оставлен при семье. Вадя в качестве шпиона за Верой Павловной. Вадя приставлен к детям Нарбута не допускать к ним мать. Тася в роли жены. Тася в роли матери детей Нарбута. “Я — ваша мама, то была ваша гувернантка”». По настоятельным просьбам Г. И. Нарбута и В. Л. Модзалевского Я. Н. Жданович был шафером на свадьбе Нарбута с Н. Л. Модзалевской. См.: *Жданович Я. Н.* <Воспоминания о Б. Л. Модзалевском. 1944> // РО ИРЛИ, ф. 184.

[10] Штемпели: «Москва <нрзб.>»; «Елабуга ТАССР Елабуга. 7.8.43»; «Просмотрено Военной Цензурой 18565».

7

<Москва>, 30 сентября 1944 г.

30.IX.1944

Однажды я шел по Среднему проспекту В<асильевского> о<строва>. Был седьмой час вечера, солнце освещало еще желтеющую листву деревьев, было тепло точь-в-точь как вчера. Навстречу мне шла трогательная парочка «подручку»: Борис Львович и Варвара Николаевна (Ва́вочка). «Вы куда?» — «Домой, а Вы?» — «Мы гуляем. Какой прелестный вечер — бабье лето — сегодня Милуша[1] именинница, и я иду с Варюшей к О-Бон-Гу[2], кушать пирожные... Идемте вместе». — «Вы какие больше любите пирожные?» — спросила Варвара Николаевна. — «Я? Всякие». — «Ну, а все же», — допытывался Борис Львович. — «Наполеон». — «Я тоже очень люблю “Наполеон”...» — «Я — трубочки со сливками», — перебивала Варвара Николаевна. — «Отлично. Завтра всесветные бабьи именины[3], торты и пирожные (да какие!) кладут еще с вечера. Завтра к ним не подступишь. Ты какое выбираешь, Варюша?» — «С виноградом... нет, все же трубочку».

— Мы можем скушать сегодня по два пирожных, ты возьмешь себе трубочку и с виноградом, я с Жакобой «Наполеон» и... и... Вы какое возьмете еще, Жакоба? — «Микадо»[4].

— Я тоже хочу «Наполеон» и «Микадо», — перебивает Варвара Николаевна...

«Но тогда уже будет по четыре, заболит животик...» — «Ну ладно, я не возьму с виноградом...» — «Значит, съедим по три?» — «Ну, так и быть, по три. Жакоба, Вы какое еще возьмете, будем есть сегодня по три, сегодня Милушин день. Выбрали? Я иду в кассу, сколько всего, девять?»

— Сорок пять копеек, — говорит Варвара Николаевна. Борис Львович возвращается от кассы, берет Варвару Николаевну под руку и идет к выходу:

— Покушали?

— Ах, какие чудные сегодня пирожные, — отвечает Варвара Николаевна.

Я изумлен. Останавливаю, говорю, что плачу деньги я и угощаю я...

— Нет, нет, — отвечает Борис Львович, — мы уже скушали по три, больше не можем, заболит живот.

— Да постойте, — кричу я, — я плачу́... Но парочка выскочила из кондитерской.

— Мы каждый день, почти каждый день едим пирожные, — говорит Варвара Николаевна, — «вприглядку», так они гораздо вкуснее.

* * *

Вчера я случайно пересматривал перечень трудов твоего милого папы. Даже в мою конуру заглядывало солнце[5]. Был Людмилин день, и я вспомнил живого человека, обладавшего прекраснейшей душою. Я вспомнил, что он действительно очень любил пирожные и очень часто, как он уверял меня, ел их «вприглядку». У него было много ртов, а потому он позволял себе только один ежедневный расход: две копейки на вечёрку-биржёвку <так!>[6] у ограды какого-то сквера (сейчас позабыл, где), возвращаясь по дороге из Академии. Я сейчас получил твою открытку и крепко тебя обнимаю за твой «труд». Твоего дивного папы нет, и знай, что я тебя сильно люблю. Я буду очень рад, если ты сдержишь свое слово и в ноябре позвонишь мне. А у Мст<ислава> Ал<ександровича>[7] я так и не был. Все болел, или что-либо всегда мешало в четверг: то флюс, то ячмень на глазу, то боли в сердце... И я очень сожалею, что не смогу никак собраться. А тебя крепко целую.

Подпись

<Адрес на конверте[8]:>

Ленинград.
Вас<ильевский> остр<ов>. Тучкова наб. д. 2,
Институт литературы Академии наук СССР[9]
Льву Борисовичу Модзалевскому

---

[1] 16 (29) сентября — день памяти св. мученицы кн. Людмилы Чешской. «Милуша», видимо, — Л. Л. Брюн.

[2] Имеется в виду: «Au bon goût» — кондитерская, располагавшаяся по адресу: 1-я линия Васильевского острова, д. 36, в том числе в 1909—1914 гг., когда Я. Н. Жданович работал в Санкт-Петербурге. Возможно, описываемая встреча имела место в 1912 г. — Я. Н. Жданович тогда проживал по адресу: 5-я линия Васильевского острова, д. 34, — и его путь домой мог пролегать по Среднему проспекту.

[3] 17 (30) сентября — день памяти свв. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии, который в народе назывался «всесветные бабьи именины» — т. е. всеобщий женский праздник; в этот день женщины не занимались тяжелым трудом, могли пожаловаться и поплакать о своей судьбе.

[4] Микадо — одно из классических пирожных, представляющее собой несколько рядов тонких коржей, прослоенных кремом.

[5] По воспоминаниям Н. Я. и А. Я. Ждановичей, их комната на Покровке находилась в бельэтаже, окна почти упирались в стену пятиэтажного дома, поэтому в ней и в мирное время почти всегда приходилось включать свет. В годы войны жилище превратилось в «темный карцер» — стекла, выбитые взрывной волной, Я. Н. Жданович собственноручно заколачивал фанерой, электричества часто не было — жили в основном при свете лампы-коптилки. См.: Семейный архив Н. А. Ждановича и Т. А. Дергачевой (*Жданович Н. Я.* Наш дом); *Жданович А. Я.* Холодное утро. С. 88, 92.

[6] Имеются в виду «Биржевые ведомости» — ежедневная коммерческая, политическая, литературная газета, издававшаяся с 1861 г. в Санкт-Петербурге; с 1902 г.

выходила дважды в день — утром и вечером; ее редакторами и издателями были С. М. Проппер, В. А. Бонди, И. И. Ясинский и др.

[7] Имеется в виду *Цявловский Мстислав Александрович* (1883—1947) — литературовед, пушкинист, доктор филологических наук (1940); один из организаторов работ по изучению жизни и творчества А. С. Пушкина; участвовал во всех значительных изданиях сочинений поэта, в том числе был одним из разработчиков принципов издания академического Полн. собр. соч. А. С. Пушкина в 16 т., членом его редакционного комитета. В октябре 1941 г. с эшелоном Союза писателей Цявловские уехали из Москвы в Ташкент, где М. А. Цявловский читал лекции по истории русской литературы XIX в. в эвакуированном ИМЛИ; в Москву супруги вернулись вместе с институтом 15 июня 1943 г. По воспоминаниям Н. Я. Жданович, ее отец начал «бывать» у ученого во время Великой Отечественной войны — т. е. не раньше лета 1943 г. См.: Семейный архив Н. А. Жданович и Т. А. Дергачевой (*Жданович Н. Я.* Наш дом); *Цявловский М.* Записки пушкиниста / вступ. ст. К. П. Богаевской // Пути в незнаемое: писатели рассказывают о науке. М.: Сов. писатель, 1990. Вып. 2. С. 521.

[8] Штемпели: «СССР <нрзб.> Ленинград 164. <нрзб.> 10.44.17»; «Просмотрено Военной Цензурой 18619».

[9] В мае 1944 г. Л. Б. Модзалевский возвратился из Казани в Ленинград и приступил к организации работы Рукописного отдела ИРЛИ; в город вернулись и Е. А. Модзалевская с детьми и матерью В. Н. Фаворской.

8

<Москва>, 11 мая 1945 г.

11.V.1945

Сегодня день рождения молодого месяца, а в эфире ужасно подло, главное холодно. Ты мне не звонишь, тем более я стесняюсь звонить к Ц<явловскому>. Впрочем, позавчера или вчера решился-таки — ты уехал за билетом[1].

Ты не всегда бываешь благоразумным, и это меня удручает очень; просто жаль и досадно... потому что глупо.

Милый Лёвушка, все-таки, если ты еще не умер — черкни мне, в чем же дело? Эскулапы сказывают, что легкие у тебя в порядке, и я очень благодарен эскулапам; но я все же очень прошу тебя проследить и за эскулапами, и за легкими, просветись[2], чтобы отбросить одно возможное. Не думаю, что бывшее воспаление среднего уха может держать с<уб>фебрильную температуру. Просвечивание может отбросить и подозрение на сердечные изменения, тогда путем Роэ[3] все же можно доползти и до главного очага. И еще просьба: если останешься живым и оправишься, как ты сказывал мне, от бани, — все же время от времени проследи утреннюю, дневную и вечернюю температуру. Я знаю, к работе ты горяч, но все же по температуре можно [будет] легче привести тебя в сознание и чувства. Ты не сердись на меня, родной мой, и постарайся в точности выполнить мою просьбу. Ведь твои же просьбы я выполняю?

Ну, будь здоров, милый, и напиши мне, в чем дело.

Подпись

<Адрес на письме-треугольнике[4]:>

Ленинград
Вас<ильевский> остров. Тучкова наб. д. № 2,
Институт литературы Академии наук СССР
Льву Борисовичу Модзалевскому

---

[1] Письмо написано во время приезда Л. Б. Модзалевского по рабочим делам в Москву, когда он остановился в квартире Цявловских.

[2] Имеется в виду рентгенография грудной клетки.

[3] Анализ крови на РОЭ, т. е. на реакцию оседания эритроцитов.

[4] Штемпели: «СССР Ленинград В<асиле>островский 17.5.45.16»; «СССР Ленинград 164. 17.5.45.16»; «Просмотрено Военной Цензурой 17895».

9

<Москва>, 13 августа 1945 г.

13.VIII.1945.

Скверное перо, отвратительные чернила и несносная бумага, и я пишу профессору карандашом[1]. Это и неприлично, и не учтиво обременять глаза друга; но я знаю, что ты незлоблив. Ты просил меня писать тебе клочки воспоминаний, но сколько не собирался — не мог. Как сяду писать, поставлю кляксу, вспомню финляндскую бумагу[2] или Паскевича № 5[3], — тотчас же бросаю.

Вчера я зашел к приятелю и земляку моему — черниговцу Л. Н. В. юрист<у>[4]. Когда-то я познакомил его с Вадей, и он погиб. Я думал, что революция, погубившая собранную им коллекцию уников, его излечит, но бедный В. погиб окончательно, бесповоротно. В его двух комнатах в Москве тесно и нет воздуха от сотен, а может и тысячи уников и раритетов... Слава Аллаху — рукописей не любит, и их нет. Я люблю сидеть на его диване красного дерева, гарнитур которого он купил у Вади по его переезде в Киев.[5] На днях он поймал прекрасную миниатюру знаменитого Архарова, заплатил в магазине 750 р<ублей>. Я рассказал ему, что Архаров был женат на Римской-Корсаковой[6] (теперь он сходит с ума, ищет ее портрет), что у него была дочь за Васильчиковым[7]; что у сына Васильчикова[8] был репетитором Н. В. Гоголь; две дочери вышли замуж за Баранова и кн<язя> Черкасского[9]. Я уверен, что миниатюра перешла в род Васильчиковых, а затем попала к дочкам Барановых (Черкасский был бездетным) — Лопухиным[10] или вернее, к крестнице внучке Екат<ерине> Павл<овне> Хрептович-Бутеневой[11]. Что последняя, когда бежала за границу, передала сестре Александре Павловне[12] вместе с знаменитым альбомом автографов, который мне посчастливилось купить для Инс<титу>та за 15 т<ысяч> рублей (неопубликованное письмо Пушкина к родным, «Ашик-Кериб» Лермонтова[13], неизвестные письма и известные рукописи Гоголя и сотни других)[14]. Ее дочка Анна Серг<еевна> за кн<язем> Голицы-

ным, что живет в Дмитрове[15]. Мамаша Анны Серг<еевны>[16] умерла в 1934 г. Мне ужасно обидно, что эта «неизвестная» миниатюра очутилась в магазине вырванной из целой коллекции Архаровых (брата)[17], Васильчиковых, Лопухиных, Черкасских, Барановых, Бутеневых, Голицыных. Черкасский ведь умер уполн<омоченным> Красного Креста в 1878 г. на войне в Румынии[18], его портрет написан не то Крамским или другим знаменитым художником[19], о чем я читал в письмах (неизданных) Черкасского. Часть из этой коллекции была издана Ник<олаем> Мих<айловичем>[20]. Четыре портрета [и две акварели] из этой коллекции и, кстати, две акварели Лермонтова, я просил Марию Антоновну Вас. (она была за Родзянко)[21], красавицу, с которой подружился в Ялте, свезти к твоему папе для Пушкинского дома. В 1925 г. она приезжала в Москву, была у меня, но, к сожалению, мы жили на даче во Влахернской[22], но из оставленной записки понял, что она поехала в Ленинград. Но где же портреты славянофилов, друзей кн<язя> Черкасского (тоже славянофил)[23]. Милый мой! В альбоме Васильчиковой оказался локон волос Гоголя, который срезал Черкасский с мертвой головы. Я заделал его в нумерацию инвентаря рукописей... Мне орали: выбросить эту дрянь, а сейчас кричавшие и ненавидевшие меня там боги, в их руках весь архив. Если не выбросили после меня — выцарапай локон Гоголя в Пушкинский Дом[24], ведь там я видел и локон Пушкина[25].

Сидели мы с Л. Н. и вспоминали Вадю. Кратко и запишу этот разговор.

«Когда он умирал, я был в Киеве. Он прислал за мной. Я боялся пойти к нему, т<ак> к<ак> он умирал от дизентерии, боялся заразиться, все же не мог не пойти. Оказывается, он позвал меня написать ему духовную. Мне было чудно, что он диктует о Гари Луж<ского> уезда[26] и других предметах, которые не выполнимы, что он верит в то, что его воля будет исполнена. Все, конечно, завещано этой вульгарной Тасе[27]. Когда дошли до библиотеки, я удивился ужасно: как-так? Он мне ответил: да, это факт... Она сейчас приехала ко мне в Киев, я живу здесь, но у меня другая семья, жду ребенка[28]. Нат<алия> Лав<рентьевна> ревнует и устраивает мне сцены, и никак не может примириться с тем, что у меня другая семья. Егор Нарбут умер[29], она снова на старом месте, но ребенок будущий, очевидно, связывал, и он отдавал в завещании все ей, лишь бы отвязалась». Самое ужасное, что осталось в воспоминании Л. Н., это то, что у постели умирающего она кокетничала, строила ему (Л. Н.) глазки, делала всевозможные намеки, что ужасно неприятно действовало на умиравшего. Когда он умер, она несколько раз подъезжала к нему, видимо, считая его состоятельным человеком. Вот коротко передаю его рассказ. Со смерти Вади я встречал его тысячу раз и впервые это услыхал только вчера. Я вспомнил, что, действительно, духовная была составлена Л. Н. Я читал духовную... Как я не вспомнил этого раньше, к<а>к это могло вылететь

из моей головы? Ведь это ужасно, Лёвушка! Если бы этот рассказ Л. Н. я услыхал в 1921, 22, 23, даже 25 году и даже 26, 27 годах, я мог бы разыскать «другую семью» Вади. Я, со слов Брике[30], о котором говорил тебе, помню, будто у нее был мальчик, а может теперь я все путаю... Но тогда меня спутали академики и друзья Вади: «Мало ли от кого ждет эта баба ребенка, просто шантажирует после смерти, нам он ничего не говорил о ней». Ужасно то, что я не наводил Л. Н. на духовную, на его последнюю встречу с умирающим и тем более ни словом не намекнул о его связи. Он сам мне выпалил в своем рассказе: «Теперь у меня другая семья, жду ребенка». Я более всего сожалею, что судьба не довела меня быть при его смерти, разлучила нас за полтора года. Теперь я знаю твердо, что будь я в Киеве — не было бы и духовной в пользу Н<аталии> Л<аврентьевны>, и я опекал бы его ребенка, которого ввел бы в семью твоего папы. А теперь мы ничего не знаем, даже имени его семьи. Л. Н., конечно, не помнит, сохранился ли архив Вади в киев<ской> Акад<емии> наук[31], вряд ли в архиве могла сохраниться духовная — она была в руках у Н<аталии> Л<аврентьевны>.[32]

Мне хотелось бы, чтобы при случае, когда будешь в Москве, ты посидел бы на диване или в кресле Вади... Кажется, эта мебель красного дерева была у него и на Вас<ильевском> острове, ты вспомни. Но когда теперь занесет нелегкая тебя в Москву!

* * *

В сентябре этого года исполнится ровно 40 лет, как я впервые пришел на дачу на Зверинце познакомиться с Вадей[33].

Каштановые и ореховые густые деревья, глубокая тень после яркого солнца улицы; форменные брюки и белая рубашка с украинской голубого цвета вышивкой, синий пояс (после смерти сносил этот пояс я)[34]. Прелестная голова, прелестное лицо, очаровательные глаза...

А потом будет его работа, в которую он был влюблен; его игра на рояле «Князь Игорь» (дудошники) «Князь Игорь»[35].

Потом позже, через месяц, знакомство и первая встреча с твоим папой[36]; потом целая эпоха... Сейчас только карточка с кошечкой[37], диван и кресла у Л. Н. В. и больше ничего, даже могилы его для нас нет, она утеряна[38].

Ну, а тебя я крепко обнимаю и целую! Супруге[39] шлю привет, желаю ей здоровья, бодрости и много детей. В последнем порукой пусть будет почтовая марка[40]. Привет и всем твоим славным ребятам[41]. Целую

Подпись

<Адрес на письме-треугольнике[42]:>
Ленинград
Васильевский остр<ов>.
Тучкова наб. д. 2,
Институт литературы Академии наук СССР
Льву Борисовичу Модзалевскому

[1] Письмо, за исключением адреса, написано простым карандашом.

[2] В конце XIX — начале XX в. на территории Великого княжества Финляндского работали различные предприятия по производству бумажной продукции: «АО И. К. Френкель и сын» (г. Таммерфорс — совр. г. Тампере), «Таммерфосское АО», бумажная фабрика «Торнатор» (г. Выборг), «АО “Нокиа”», картонные фабрики «Кюммене», «Лиллиус и Херуберг».

[3] Бумага, производившаяся на Добрушской писчебумажной фабрике кн. Паскевича (совр. Белоруссия).

[4] Возможно, *Вихман Лев Николаевич* (1880 — ок. 1958) — юрист; окончил юридический факультет Университета св. Владимира (1903), в 1903—1908 гг. служил помощником присяжного поверенного, с 1909 г. — присяжным поверенным Черниговского окружного суда; с 1918 г. работал юрисконсультом в разных учреждениях, в том числе с 1922 г. — в Москве: в ВСНХ СССР, Московском уездном исполнительном комитете советов; с 1929 г. — член Московской коллегии защитников. Был женат на представительнице малороссийского дворянского рода *Марии Владимировне Покорской-Жоравко* (1880 — после 1962) — учительнице, занимавшейся статистическим учетом; сын — *Георгий Львович Вихман* (1902—1977) — инженер, специалист в области нефтяного машиностроения, лауреат Ленинской премии (1963). В 1920—1930-е гг. Л. Н. Вихман проживал в центре Москвы по адресу: Лопухинский пер., д. 1, кв. 16. На сегодняшний день следов его коллекции, за исключением, возможно, миниатюрного портрета И. П. Архарова, обнаружить не удалось (см. прим. 6 к наст. п.).

[5] Я. Н. Жданович так описывал обстановку отдельного флигеля здания черниговского Дворянского собрания, который занимал В. Л. Модзалевский: «Все комнаты были обставлены прекрасной мебелью — старинной, красного дерева или карельской березы. Стены увешаны картинами, гравюрами, миниатюрами. Огромного размера кабинет в три окна фасада на улицу был уютен и производил впечатление тесного; зимою здесь всегда топился камин. При входе в кабинет сразу нельзя было сообразить: кабинет ли это или музей, или антикварный магазин. Все стены до отказа были увешаны портретами. Шкафы красного дерева уставлены старинным серебром, фарфором, стеклом. Стоял даже стенд с миниатюрными портретами. Огромный стол красного дерева был завален книгами и работами Вадима. Библиотека помещалась в прекрасных шкафах и на полках в “передних” комнатах» (*Жданович Я. Н.* <Воспоминания о Б. Л. Модзалевском. 1944>). В. Л. Модзалевский переехал из Чернигова в Киев в апреле 1918 г.

[6] *Архаров Иван Петрович* (1744—1815) — генерал от инфантерии, московский военный генерал-губернатор (1796—1797); был женат вторым браком (с 1790 г.) на *Екатерине Александровне Архаровой* (урожд. *Римская-Корсакова*; 1755—1836). Возможно, миниатюрный портрет И. П. Архарова, о котором идет речь, в наст. время хранится в Музее-усадьбе «Останкино». См.: Arhivogram [Электронный ресурс] URL: https://archivogram.top/30240795-portret_ivana_petrovicha_arharova_miniatyura (дата обращения: 17.03.2024). В собрании Гос. Третьяковской галереи находится портрет Е. А. Архаровой кисти В. Л. Боровиковского (Ж-717). См.: Виртуальная галерея // Моя Третьяковка [Электронный ресурс] URL: https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/22105 (дата обращения: 16.03.2024).

[7] *Васильчикова* (урожд. Архарова) *Александра Ивановна* (1795—1855) — младшая дочь И. П. Архарова от второго брака. Была замужем за *Алексеем Васильевичем Васильчиковым* (1776—1854) — действительным статским советником, сенатором; дипломатом. Ее миниатюрный портрет в наст. время хранится в Гос. Историческом музее (И V 1186, ГИМ 67871). См.: Гос. каталог Музейного фонда РФ [Элек-

тронный ресурс] URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=41075495 (дата обращения: 17.03.2024).

[8] *Васильчиков Василий Алексеевич* (1825—1861) — старший сын А. В. и А. И. Васильчиковых, с детства страдавший слабоумием; несколько месяцев 1831 г., в Павловске, его гувернером был Н. В. Гоголь. См. подробнее: *Вересаев В. В.* Гоголь в жизни: систематический свод подлинных свидетельств современников. Л.: Academia, 1933. С. 100—102.

[9] *Баранова* (урожд. Васильчикова) *Анна Алексеевна* (1823—1890) — старшая дочь А. В. и А. И. Васильчиковых; была замужем (с 1845 г.) за *Павлом Трофимовичем Барановым* (1814—1864) — графом (с 1846 г.); генерал-лейтенантом, тверским губернатором в 1857—1862 гг.; в браке родились двое сыновей и четыре дочери. *Черкасская* (урожд. Васильчикова) *Екатерина Алексеевна* (1825—1888) — была замужем (с 1850 г.) за *Владимиром Александровичем Черкасским* (1824—1878) — князем; общественным и политическим деятелем, славянофилом, активным участником подготовки крестьянской реформы 1861 г.

[10] *Лопухина* (урожд. Баранова) *Александра Павловна* (1854—1934) — дочь П. Т. и А. А. Барановых; фрейлина (1872); умерла в эмиграции; была замужем (с 1878 г.) за *Сергеем Алексеевичем Лопухиным* (1853—1911) — тайным советником, сенатором (1907); С. А. Лопухин был участником Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., после нее перешел в судебное ведомство; поддерживал дружеские отношения с Л. Н. Толстым. В конце 1905 г. являлся кандидатом на пост министра юстиции в кабинете графа С. Ю. Витте, однако не получил его.

[11] *Хрептович-Бутенева* (урожд. Баранова) *Екатерина Павловна* (1858—1945) — дочь П. Т. и А. А. Барановых, фрейлина (1876); была замужем за *Константином Аполлинарьевичем Бутеневым* (1848—1933) — лейтенантом военно-морского флота в отставке, публицистом, переводчиком, автором исторических сочинений; в 1899 г. он получил титул графа и право носить двойную фамилию *Хрептович-Бутенев*; оба супруга умерли в эмиграции. Подробнее о семье Хрептовичей-Бутеневых и их потомках см.: *Бутенев М. А.* История старой русской дворянской семьи: хроника семьи Бутеневых. М.: Паломник, 2002. 223 с.

[12] А. П. Лопухиной. См. прим. 10.

[13] *Лермонтов М. Ю.* Ашик-Кериб: турецкая сказка. В наст. время: РО ИРЛИ, ф. 524, оп. 1, ед. хр. 53, л. 1—6 об. Рукопись была передана из ИМЛИ в 1951 г.

[14] Имеется в виду альбом А. И. Васильчиковой. См. прим. 3 к п. 3.

[15] *Голицына* (урожд. Лопухина) *Анна Сергеевна* (1880—1972) — старшая дочь С. А. и А. П. Лопухиных; была замужем за *Михаилом Владимировичем Голицыным* (1873—1942) — князем; старшим сыном московского губернатора В. М. Голицына, общественным и политическим деятелем. М. В. Голицын окончил Поливановскую гимназию, затем юридический факультет Московского университета; был управителем принадлежавшего его дяде А. М. Голицыну имения Бучалки Епифанского уезда Тульской губ. (в наст. время — Кимовский р-н Тульской обл.), где неоднократно избирался уездным предводителем дворянства (1895—1911 или 1897—1906); в начале 1900-х гг. вместе с отцом активно выступал за принудительное отчуждение помещичьих земель в губернии, занимался делами земства. После 1917 г. подрабатывал в Богородицком уездном отделе образования и отделе народного здравоохранения. Голицыны переехали в г. Дмитров в начале 1930-х гг.

[16] А. П. Лопухина.

[17] *...Архаровых (брата)...* — Я. Н. Жданович подчеркивает, что речь идет об И. П. Архарове (см. прим. 6 к наст. п.), а не о его старшем брате *Николае Петровиче Архарове* (1742—1814) — генерале от инфантерии (1796); московском обер-по-

лицмейстере (1775—1779), московском (1880—1884) и петербургском (1796—1797) генерал-губернаторе.

[18] В. А. Черкасский умер 19 февр. 1878 г. в пригороде Стамбула Сан-Стефано — в день и в месте подписания Сан-Стефанского мирного договора, завершившего Русско-турецкую войну 1877—1878 гг.

[19] В наст. время портрет кн. В. А. Черкасского кисти И. Н. Крамского (1879) хранится в коллекции отдела изобразительных материалов Гос. Исторического музея (И I 2113, ГИМ 72303). См.: Экспонаты // Государственный Исторический музей. [Электронный ресурс] URL: http://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/3009365?page=11&sort=110&fund=12&index=1007 (дата обращения: 23.02.2024). В Рукописном отделе Пушкинского Дома отложились два письма художника к кн. Е. А. Черкасской (30 окт. и 6 нояб. 1880 г.), касающиеся отправки ей двух портретов (большого и маленького) В. А. Черкасского. См.: РО ИРЛИ, р. III, оп. 2, ед. хр. 1919 и 1920, 4 л.

[20] Речь идет о семейном собрании Васильчиковых, из имения Кораллово (Московская губ.). Несколько портретов из этого собрания вошли в многотомное издание вел. кн. Николая Михайловича (СПб., 1905—1909. Т. I—V), например, уже упомянутый портрет Е. А. Архаровой кисти Боровиковского, миниатюрные портреты Е. А., Н. П. и И. П. Архаровых, А. В. и А. И. Васильчиковых и др. См.: Русские портреты XVIII и XIX столетий. СПб.: Экспед. загот. гос. бумаг, 1905. Т. I. №№ 9, 59—61. С. LV; СПб., 1907. Т. III. №№ 206—207. С. С. В составлении текстов биографических очерков, помещенных в издание, принимал участие и Б. Л. Модзалевский.

[21] Возможно, Я. Н. Жданович ошибся в имени, и речь идет о *Родзянко* (урожд. Новосильцова) *Тамаре Антоновне* (1881—1938) — фрейлине двора (1901), дочери генерала А. В. Новосильцова (1850—1923); в 1-м браке она была замужем за полковником *Павлом Павловичем Родзянко* (1880—1965; племянник председателя Государственной Думы М. В. Родзянко; умер в эмиграции). Была арестована в Ленинграде в 1935 г. и осуждена как «социально опасный элемент» на 5 лет ссылки; срок отбывала в Куйбышеве, где была повторно арестована в 1937 г. и приговорена к высшей мере наказания; расстреляна в 1938 г. См.: Бессмертный барак. [Электронный ресурс] URL: https://bessmertnybarak.ru/books/person/51610/ (дата обращения: 23.02.2024).

[22] Влахернская — ж/д станция в 12 км от г. Дмитрова, открытая в 1901 г. и получившая название по Спасо-Влахернскому монастырю; в 1936 г. была переименована в платформу «Турист»; в наст. время — остановочный пункт в пос. Деденево Дмитровского гор. округа Московской обл.

[23] В. А. Черкасский сблизился со славянофилами в начале 1850-х гг. в Москве; его жена разделяла и активно проводила в жизнь соответствующие взгляды. В наст. время в коллекции отдела изобразительных материалов ГИМ хранится портрет Ю. Ф. Самарина кисти И. Н. Крамского (1877; И I 2090, ГИМ 72291). См.: Экспонаты // Государственный Исторический музей. [Электронный ресурс] URL: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/3009109?query=%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9&index=37 (дата обращения: 23.02.2024). В Гос. Третьяковской галерее хранятся выполненные художником портреты С. Т. Аксакова (1878; Инв. 673) и П. И. Мельникова (1876; Инв. 667), на которого оказали влияние взгляды славянофилов.

[24] В наст. время в постоянной экспозиции Литературного музея ИРЛИ находится локон волос Н. В. Гоголя (светло-коричневого цвета, в овальной бронзовой рамке), который был передан из ИМЛИ (из коллекции А. С. Голицыной) в 1951 г.

[25] В наст. время в постоянной экспозиции Мемориального музея-квартиры А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 12) находится локон волос А. С. Пушкина, срезанный с его головы по просьбе И. С. Тургенева.

[26] Гари (Ивановское) — деревня, родовое имение Модзалевских в Узьминской волости Гдовского уезда Петербургской губ., располагалась в примерно 85 км от уездного города, на дороге между деревнями Узьмино и Зовка; ныне не существует; деревня состояла в приходе церкви свт. Николая Чудотворца (Быстреевский погост). В наст. время территория прежнего Быстреевского погоста большей частью входит в состав Струго-Красненского района Псковской обл. Церковь сохранилась, действует, находится в д. Гаврилова Гора Марьинской волости; у северной стены церкви похоронен Л. Н. Модзалевский вместе со своими родителями, братьями и сестрами.

[27] Н. Л. Модзалевская, вторая жена В. Л. Модзалевского.

[28] Речь идет о *Прокопчуковой Ефросинье Онуфриевне*

[29] *Нарбут Георгий Иванович* (1886—1920) — художник-график; близкий друг Я. Н. Ждановича и В. Л. Модзалевского, с которыми познакомился в Петербурге в 1912—1913 гг. Помогал Я. Н. Ждановичу в оформлении отдела «Малороссия» Ломоносовской выставки. В 1913—1914 гг. работал в редакции журнала С. Н. Тройницкого «Гербовед». После Февральской революции стал членом Особого совещания по делам искусств при Временном правительстве. Переехав в Киев, стал одним из инициаторов основания в 1917 г. Украинской Академии искусств и профессором графики в ней, с 1918 г. — ее ректором. Умер 23 мая 1920 г. в Киеве. См. о нем: *Белецкий П. А.* Георгий Иванович Нарбут. Л.: Искусство, 1985. 238 с.

[30] *Брике Иван Андреевич* — до революции служил мажордомом у В. А. Мусина-Пушкина — черниговского губернского предводителя дворянства (1915—1917). Я. Н. Жданович в воспоминаниях назвал его «мой завхоз», так как в 1922 г., работая в Черниговском Губархе, жил в квартире В. Л. Модзалевского. См.: *Жданович Я. Н.* <Воспоминания о Б. Л. Модзалевском. 1944>.

[31] В наст. время личный архив В. Л. Модзалевского хранится в Центральном государственном архиве Украины (ф. 856) и в Институте рукописи Национальной библиотеки им. В. И. Вернадского (ф. XII; ф. I, № 6528, 11967—12222; ф. II, № 15591—19007, 24918—24947, 27507, 27537—27574, 27645—27697; ф. III, № 31838—35282). См.: Особові архівні фонди Інституту рукопису: путівник / Національна академія наук України, Національна бібліотека України ім. В. І. Вернадського, Інститут рукопису. Київ, 2002. С. 371—375.

[32] В Институте рукописи Национальной библиотеки им. В. И. Вернадского отложился более ранний вариант завещания В. Л. Модзалевского, датированный 2 нояб. 1911 г. На момент составления этого документа В. Л. Модзалевский еще не добился развода от первой жены — Александры Лаврентьевны, но уже состоял в фактическом браке с ее младшей сестрой Наталией. Очевидно, данное завещание должно было защитить интересы Вадима Львовича и его новой супруги. Один из пунктов гласил: «4) Библиотеку мою, касающуюся истории Малороссии и генеалогии, завещаю передать после моей смерти в дар Музею Украинских древностей В. В. Тарновского Черниговского Губернского Земства; остальную же часть завещаю моей жене Наталии Лаврентьевне Гаевой (Гаевской), с тем, что она может распорядиться ею по своему усмотрению» (цит. по: *Кривошея О. В.* Духовний заповіт Вадима Львовича Модзалевського як джерело до духовної історії інтелігенції // Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету ім. М. Коцюбинського. Серія Історія: збірник наукових праць. 2008. Вип. XIV. С. 31). В 1920 г. ситуация повторилась: завещание было призвано удовлетворить притязания Н. Л. Модзалевской; однако по поводу судьбы библиотеки и архива

ученого Я. Н. Жданович конспективно писал в 1944 г. следующее: «Духовное завещание, оставленное Вадимом. Сонаследница, которой отписана стоимость всей его библиотеки и архива. Черниговская крестьянка N. Ее претензия к Академии наук; она ожидает ребенка. “Сын Вадима Львовича”. Непризнание его киевскими учеными. Получает деньги от Академии, купившей библиотеку и архив». Таким образом, Вадим Львович стремился обеспечить будущее своего ребенка, завещав его матери, Е. О. Прокопчуковой, деньги от продажи своих бумаг и обширного книжного собрания. В 1921 г., вернувшись в Киев, Я. Н. Жданович, ради памяти любимого друга, отстаивал финансовые интересы Н. Л. Модзалевской, несмотря на стойкую к ней неприязнь. Он писал Л. Б. Модзалевскому, что после смерти его дяди «вся квартира, со всем содержимым имуществом, на Георгиевском <была> “национализирована”». И далее: «Отстаиваю права Таси на часть имущества ее и Вади. Отстоял все серебро, современное и старинное, и ее вещи. Холодное отношение ко мне киевских ученых: “Но мы все считаемся с Вашей прямотой и расцениваем Ваш поступок как любовь к Вадиму Львовичу, что никто из нас сделать не мог. В память Вадима можно сделать даже эту гадость, мы Вас не осуждаем, но досадуем, что ей повезло с Вашим приездом”. Я увожу семью и Тасю в м<iсто> Любечь, Черн<иговской> губ<ернии>, через два м<еся>ца ее выгоняю» (*Жданович Я. Н.* <Воспоминания о Б. Л. Модзалевском. 1944>).

[33] Знакомство Я. Н. Ждановича и В. Л. Модзалевского состоялось в сентябре 1905 г. Подробнее см.: *Модзалевская Т. Л.* 1) Вадим Львович Модзалевский (1882—1920). С. 11—12, 15, 19; 2) Борис Львович Модзалевский (1874—1928). СПб.: Лема, 2012. С. 47. «Зверинец» — историческая местность на территории Печерского района г. Киева; в начале XX в. — предместье Киева с городскими строениями, в которых квартировали саперные и понтонные полки, летом жили бедные чиновники и офицеры-саперы; там же было расположено учебное саперное поле с фортификационными укреплениями. В. Л. Модзалевский жил в «Зверинце» в 1903—1905 гг.

[34] Ср.: «...Передо мной стоял мужчина в офицерских штанах, поверх которых была надета белая украинская сорочка, шитая голубым узором и повязанная синим шнуром с кистями... Глаза Вадима кротко улыбались, прекрасные, голубые и яркие на фоне каштановых волос на голове и бороды» (цит. по: *Модзалевская Т. Л.* Вадим Львович Модзалевский (1882—1920). С. 11). Голубой гладью рубашки В. Л. Модзалевскому вышивала его первая жена Александра Лаврентьевна.

[35] «Князь Игорь» — опера А. П. Бородина в 4-х действиях с прологом; после смерти композитора в 1887 г. по его записям работу над неоконченной оперой завершили А. К. Глазунов и Н. А. Римский-Корсаков (1890). Под «дудошниками» имеется в виду: «Песня гудочников, сцена и хор» (действ. IV).

[36] Знакомство с Б. Л. Модзалевским состоялось поздней осенью 1905 г.

[37] Фотография В. Л. Модзалевского, о которой идет речь, была сделана в 1915 г. Я. Н. Жданович подарил ее Л. Б. Модзалевскому в 1945 г. На ней имеется дарственная надпись: «Аристократ духа, старой Украины неистовый страж. Племяннику от друга в память встречи. 5.V.1945 г. <Подпись>». В наст. время данная фотография хранится в архиве Т. Л. Модзалевской; была опубликована: *Модзалевская Т. Л.* Вадим Львович Модзалевский (1882—1920). С. 124.

[38] В. Л. Модзалевский был похоронен на Байковом кладбище г. Киева; могила утрачена.

[39] Имеется в виду *Модзалевская* (урожд. Фаворская, в 1-м браке Брюн) *Евгения Алексеевна* (1909—1983) — геолог, канд. геолого-минерал. наук (1951); вторая жена Л. Б. Модзалевского. Находясь в эвакуации в Елабуге, поступила на почвенно-геологический факультет Воронежского гос. университета, затем перевелась

в Казанский университет и завершила высшее образование в Ленинградском университете; была оставлена в его аспирантуре на кафедре палеонтологии. После защиты диссертации стала старшим научным сотрудником отдела стратиграфии и палеонтологии Всесоюзного научно-исследовательского геологического института (ВСЕГЕИ). О ней подробнее см.: *Модзалевская Т. Л.* Модзалевские: история семей пяти поколений. С. 144—153.

[40] Почтовая марка утрачена.

[41] О детях Л. Б. Модзалевского см. прим. 1 к п. 4.

[42] Штемпели: «СССР Москва Почтамт 9 эксп. <нрзб.>45.19»; «СССР Ленинград <нрзб.> 15.9.<45>»; «Просмотрено Военной Цензурой 15355».

10

<Москва>, 10, 13 апреля 1946 г.

10.IV.1946

Здравствуй, милый, дорогой! Наконец, получил твое письмо, в конверте, во как! Прежде всего, долго дозванивался Обнорскому[1], а затем выяснил, что он и вовсе не живет в гост<инице> «Москва», а где-то в Москве-городе столице, но где же? Вот поди же! Эх, коли бы ты быстро умел отвечать. Дело в том, что я затеваю составить докладную записку о Льве Ник<олаевиче>[2], литературу, библиографию поднимать нет времени... Не назвал бы ты мне видных известных воспитанников и учеников Л<ьва> Н<иколаевича>, помимо, конечно, Ник<олая> Мих<айловича>[3], твоего отца, Георг<ия> Мих<айловича>[4], Вади и даже Нины Львовны[5]. Наверное, имена есть, а я (халява́), их и не знаю. Нужно спешить и успею ли я что сделать, чтобы зацепиться в Педаке <так!>[6]. Звонил Татьяне Григорьевне[7] (у них новый телефон). Мст<ислав> Ал<ександрович>[8] чувствует себя отлично и поправляется; по ее словам, все страшное прошло. Мне лично трудно поверить тому, что метастазы вдруг не выскочат в другом месте. Очень грустно и все же страшновато.

* * *

13.IV.1946.

Задержал на 3 дня это письмо, разыскивал Обнорского, но ни черта у меня не вышло. Время прошло и ни черта не сделано, с января ты молчал. Сведений об учениках Л<ьва> Н<иколаевича> не присылай, буду обходиться без них. Я думаю написать на днях докладную записку, а подаст ее авторитетное лицо, совершенно почтенное и со мною абсолютно не схожее. Н<ина> Л<ьвовна> обещает найти такового. Что выйдет — не знаю. Сделаю все, что могу, дабы совесть была чиста. Хотя шахматист ты изрядный и даже моего Андрея[9] обставляешь, который знает шахматы только немногим хуже дырявого сапога, — все же ты паршивый игрок, всю зиму вертел мне пуговку и только сейчас спасовал... А разгона во времени у меня нет и связи все давно оборваны. Ругаться нечего, надо что-то делать.

* * *

Когда будешь в Москве? Говорю тебе — Ц<явловско>го мне жаль, я мало знаком с ним и мало его знаю. Но он в моем представлении (между нами говоря), вроде князя Гремина[10], хотя и не изувечен, и грудь не покрыл свою звездами и лентами, и даже, хотя его и не ласкает двор, и ростом низок, но так-таки Гремин с «высоким» басом. У Гремина низкий бас, профундо, а он вроде баритона... Господь мне прости! Его сын[11] был большим другом Н<иколая> Ф<едорови>ча[12], и я замечал всегда, что Н<иколай> Ф<едорович> не любит папашу... И ему Господь судья! Целую тебя крепко

<Подпись>[13]

<Адрес на конверте[14]:>

Ленинград
Вас<ильевский> остров 1-я линия д. № 44 кв. 6
Льву Борисовичу Модзалевскому

---

[1] *Обнорский Сергей Петрович* (1888—1962) — филолог-лингвист, языковед; действительный член АН СССР (1939) и Академии педагогических наук РСФСР (1943). С 1915 по 1944 г. (с перерывами) преподавал в Петроградском (Ленинградском) университете; был инициатором создания Института русского языка АН СССР (г. Москва), где сначала являлся заместителем директора (1943), а затем директором (1944—1950).

[2] Возможно, это намерение Я. Н. Ждановича было связано с предстоящим 24 (12-го по ст. стилю) мая 1946 г. памятным днем — 50-летием со дня кончины Л. Н. Модзалевского — деда Л. Б. Модзалевского.

[3] *Николай Михайлович, вел. кн.* — см. прим. 6 к п. 5.

[4] *Георгий Михайлович, вел. кн.* — см. прим. 7 к п. 5.

[5] Н. Л. Энкель, тетя Л. Б. Модзалевского.

[6] Возможно, имеется в виду Московский гос. педагогический институт им. В. И. Ленина (в наст. время — Московский педагогический государственный университет).

[7] *Цявловская* (урожд. Зенгер) *Татьяна Григорьевна* (1897—1978) — литературовед, специалист по творчеству А. С. Пушкина; ученица, вторая жена (с 1930 г.) М. А. Цявловского.

[8] М. А. Цявловский.

[9] А. Я. Жданович, сын Я. Н. Ждановича. См. прим. 5 к п. 4.

[10] *Князь Гремин* — действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин», написанной на либретто композитора и К. С. Шиловского; премьера состоялась в 1879 г. в Москве. Князь — «ветеран русских войн, благосклонно принятый царским двором», супруг Татьяны.

[11] Имеется в виду *Цявловский Андрей Мстиславович* (1906—1926) — студент-востоковед; сын М. А. Цявловского от первого брака; трагически погиб — утонул во время купания в Москва-реке.

[12] Вероятно, Н. Ф. Бельчиков.

[13] Письмо написано простым карандашом.

[14] Штемпели: «СССР Москва Почтамт. 14.4.46.11»; «СССР Ленинград <нрзб.>. 17.4.46.20»; «Ленинград Почтамт 1 экспед. 17.4.46.17».

11

<Москва>, 3 мая 1946 г.

3.V.1946

Поздравляю тебя, милый мой, с прошедшими и наступающим праздниками: Пасхой[1], маем, победой. Посылаю тебе привет, поцелуй и книжку о Массанове[2] — может и пригодится. У меня зубы болят, в правом ухе ноет, а на душе каша... Как будто бы я виноват, что с юбилеем ничего не выходит[3].

Андрей[4] говорит, что ты хороший дядя, а этого мне только и надо. Он торопится в часть к отъезду и дает мне возможность скорее тебя облобызать[5]. Привет всем твоим. Пиши

<Подпись>[6]

---

[1] В 1946 г. православная Пасха пришлась на 21 апреля.

[2] *Масанов Иван Филиппович* (1874—1945) — историк, библиограф; составитель «Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей»; в 1946 г. был опубликован сборник статей: Иван Филиппович Масанов, 1874—1945: сб. статей. М.: изд-во и тип. изд-ва Всесоюз. кн. палаты, 1946. 29 с.

[3] Видимо, речь идет о 50-й годовщине смерти Л. Н. Модзалевского.

[4] Имеется в виду А. Я. Жданович. С 1944 по 1948 г. он учился в ВВМУ им. Фрунзе в Ленинграде; приехав в город из Баку, познакомился с семьей Л. Б. Модзалевского, часто бывал у них в доме — в комнатах коммунальной квартиры, на углу 1-й линии и Среднего проспекта Васильевского острова (1-я линия, д. № 44, кв. 6). Я. Н. Жданович попросил Л. Б. Модзалевского опекать сына, у которого не было знакомых в Ленинграде. См.: *Модзалевская Т. Л.* Лев Борисович Модзалевский (1902—1948): страницы жизни. СПб.: [б. и.], 2009. С. 51, 58.

[5] Очевидно, Я. Н. Жданович передал данное письмо Л. Б. Модзалевскому с сыном Андреем, который находился в отпуске в Москве и должен был возвратиться обратно в Ленинград.

[6] Письмо написано простым карандашом.

Приложение

Я. Н. Жданович — Е. А. Модзалевской

<Москва>, 1 июля 1948 г.

1.VII.1948 г.

Прошло четыре дня, — для меня всего только два дня, — ужасного потрясения, жуткой тоски и ноющей боли. Как налетевший шквал в ясную светлую и радостную минуту жизни в одно мгновенье разрушил Все окружающее, загасил свет, вырвал из Жизни Лёву[1].

Ужасно просыпаться, — после оцепенения сна приходит в память сознания мысль о том, что Лёвы больше нет. Лёвы!! большого с седой уже головою, с голубыми хорошими ясными глазами, которого я поднимал еще маленьким ребенком и носил на руках своих; крепкого

и честного труженика с силой воли переутомляющейся пчелы и могучего муравья. Я переживал уже канун четверти века его блестящих научных трудов и ждал трепетно дня его новой жизни, самостоятельной большой работы в должности директора будущего Пушкинского музея в 1949 г.[2] — это было нашей обоюдной мечтою: Лёва на свободе, выбравшийся из паутины тарантула, высасывавшего из него соки[3]. Мои мечты рухнули!

Мне больно сознавать, что наука потеряла честного, талантливого, умного труженика.

Мне больно сознавать, что Все, кто знал его, с кем он встречался, потеряли человека, которого искренне любили, и я гордился им в душе моей, что он твердо шагает по стопам честного и светлого сейчас облика моего незабываемого любимого друга — Бориса Львовича и его брата Вади, которого мы называли иногда Христом. Мне больно осознать, что он покинул не по своей воле прекрасную семью свою, с которой я знаком по его рассказам и со слов моего Андрюши. Нет среди нее Лёвы. Гнездо осиротело, пусто. Оно было продолжением гнезда, которое свил своими руками любвеобильный труженик Борис с его уютом и его традициями. Я утешал свою потерю Бориса пятнадцать лет тому назад тем, что он умер счастливым: его работу продолжит Лёва, его традиции останутся незыблемы, его знания потекут из молодого, сформировавшегося уже источника. Потерю Вадима я не мог утешить, ибо он канул в вечность одиноким, и имя его вторично умерло под спудом архива, он исчез и забыт навсегда, его помнят лишь очень немногие оставшиеся в живых еще его друзья.

Мне мучительно больно, что Лёва покинул не по своей воле это гнездо так рано, не успев оставить вместо себя продолжателя и творца своих мыслей и чувств.

* * *

Но я твердо уверен в том, что свитое трудолюбивыми руками Бориса и Лёвы гнездо не сдуют шквалы ветров жизни, и оно останется крепким на многие годы. Я знаю, что образ прекрасного отца останется на всю жизнь в душах его детей, и они будут выразителями и продолжателями жизни и чувств прекрасного Лёвы, которого уже нет среди нас. Я знаю, что все, накопленное Лёвой, останется нерушимым и неприкосновенным; все духовное, что осталось от него, будет продолжать жить, расти и крепнуть; все вещественное замрет на какой-то промежуток времени и вдруг проснется, когда меня уже не будет в живых, воскреснет и будет продолжать жить в трудах нового поколения Льва Николаевича, Бориса Львовича и Льва Борисовича. Я интуитивно верю в это твердо и глубоко, ибо в осиротевшей семье остались Вы, милая Евгения Алексеевна, и, быть может, в самых жестоких условиях трудовой жизни Вы, бодрая и крепкая духовно, стиснув зубы на все невзгоды, выведете на проторенную дорогу новое прекрас-

ное поколение чудесного Лёвы... Для этого стоит жить, трудиться, терпеть невзгоды, если они придут, и своими собственными руками создать продолжателей Духа и традиций честного, всеми нами любимого, прекрасного человека. Не жалеть сил своих и энергии, быть энтузиасткой поставленной себе задачи. Дай Вам Господь сил и бодрости духа справиться с нею.

Крепко обнимаю Вас и детей. Будьте бодры и верьте. Поклонитесь низко от меня праху моего любимого друга.

Яков Ждановичᵉ[4]

<Адрес на конверте[5]:>

Ленинград 41
Ул. Халтурина д. 27 кв. 25.
Евгении Алексеевне Модзалевской

---

[1] Л. Б. Модзалевский трагически погиб при невыясненных обстоятельствах 26 июня 1948 г., направляясь поездом в командировку в Москву.

[2] О проекте «По организации Всесоюзного музея А. С. Пушкина и восстановлению музейных памятников г. Пушкина в связи со 150-летием со дня рождения А. С. Пушкина» (1945 г.) см.: *Краснобородько Т. И., Турчаненко В. В.* Пушкинский Дом и процесс концентрации в СССР рукописей Пушкина (1930—1940-е годы): по архивным источникам // Русская литература. 2023. № 3. С. 27—29.

[3] Вероятно, под освобождением «из паутины тарантула» подразумевалось стремление Л. Б. Модзалевского выйти из непосредственного подчинения директору Архива Академии наук Г. А. Князеву. По словам Т. Л. Модзалевской, после защиты докторской диссертации в 1947 г. ее отец «ушел из Архива АН СССР, так как методы административного присвоения Г. А. Князевым первого авторства в его работах стали для него неприемлемы» (*Модзалевская Т. Л.* Лев Борисович Модзалевский. С. 57—58). В действительности Л. Б. Модзалевский оставался сотрудником как Пушкинского Дома, так и Архива вплоть до своей смерти. Однако в его личном фонде отложились заявление об увольнении из Архива «вследствие невыносимой обстановки», создавшейся для его научной работы, датированное 17 окт. 1945 г., и заявление на имя президента АН СССР С. И. Вавилова с просьбой о переходе в штат Института литературы от 28 авг. 1946 г. (см.: ф. 187, оп. 2, ед. хр. 88, л. 60, 68—68 об.).

[4] Письмо написано простым карандашом.

[5] Штемпели: «*б* Ленинград *б* 41 274819 <нрзб.> 274816»; «Москва <нрзб.> Почтамт <нрзб.>».

Библиографический список

1. «Аристократ Духа»: из воспоминаний Я. Н. Ждановича о Б. Л. Модзалевском в 1905—1928 гг. / вступ. ст., подг. текста и комм. Е. С. Левшиной // Литературный архив советской эпохи: сб. ст. и публ. СПб.: Полиграф, 2022. Кн. 3.
2. *Белецкий П. А.* Георгий Иванович Нарбут. Л.: Искусство, 1985.
3. *Бутенев М. А.* История старой русской дворянской семьи: хроника семьи Бутеневых. М.: Паломник, 2002.

4. *Вересаев В. В.* Гоголь в жизни: систематический свод подлинных свидетельств современников. Л.: Academia, 1933.
5. Воспоминания Я. Н. Ждановича о Б. Л. и В. Л. Модзалевских / публ. Е. С. Левшиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016.
6. *Готовцева А. Г., Киянская О. И.* Правитель дел: к истории литературной, финансовой и конспиративной деятельности К. Ф. Рылеева. СПб.: Нестор-История, 2010.
7. *Долгова С. Р.* Княгиня Е. Р. Дашкова и семья Малиновских. М.: Древлехранилище, 2002.
8. *Жданович А. Я.* Холодное утро. СПб.: Logos, 2005.
9. Иван Филиппович Масанов, 1874—1945: сб. статей. М.: изд-во и тип. изд-ва Всесоюз. кн. палаты, 1946.
10. *Искюль С.* В Петербурге перед лицом опасности. 1812 // Звезда. 2015. № 5.
11. *Краснобородько Т. И., Турчаненко В. В.* Пушкинский Дом и процесс концентрации в СССР рукописей Пушкина (1930—1940-е годы): по архивным источникам // Русская литература. 2023. № 3.
12. *Мартос П. И.* Эпизоды из жизни Шевченка // Воспоминания о Тарасе Шевченко. Киев: Днипро, 1988.
13. *Модзалевская Т. Л.* Борис Львович Модзалевский (1874—1928). СПб.: Лема, 2012.
14. *Модзалевская Т. Л.* Вадим Львович Модзалевский (1882—1920). СПб.: Любавич, 2011.
15. *Модзалевская Т. Л.* Лев Борисович Модзалевский (1902—1948): страницы жизни. СПб.: [б. и.], 2009.
16. *Модзалевская Т. Л.* Лев Николаевич Модзалевский. СПб.: Лема, 2016.
17. *Модзалевская Т. Л.* Модзалевские: история семей пяти поколений. СПб.: Лема, 2021.
18. *Модзалевская Т. Л.* Наша блокада: семья Модзалевских в военные годы (1941—1945): документы, письма, дневники. СПб.: Лема, 2014.
19. *Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник. СПб.: типо-лит. «С. В. Кульженко», 1912. Т. 3: Л—О.
20. *Модзалевский Л. Н.* Очерк истории воспитания и образования с древнейших времен до наших дней / сост. (по Шмидту, Раумеру и др.) Л. Модзалевский. СПб.: в тип. Ф. С. Сущинского, 1866—1867. Вып. I—III.
21. Письма А. Н. Модзалевского к Б. Л. Модзалевскому / публ. Т. Г. Ивановой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.
22. Письма В. К. Гершельмана к Б. Л. Модзалевскому / публ Н. Ю. Заварзиной и И. В. Сахарова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.
23. Письма Я. Н. Ждановича к Б. Л. Модзалевскому (1911—1924) / вступ. ст., подг. текста и комм. Е. С. Левшиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2022 год. СПб.: Полиграф, 2022.
24. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о строительстве гидростанции на Волге от 23 марта 1932 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. 1932. Отд. 1. № 21. Ст. 127.

25. Русские портреты XVIII и XIX столетий. СПб.: Экспед. загот. гос. бумаг, 1905. Т. I. №№ 9, 59—61; СПб., 1907. Т. III №№ 206—207.
26. *Томозов В. В.* К юбилею В. Л. Модзалевского // Известия Русского генеалогического общества. СПб.: [б. и.], 1995. Вып. 4.
27. *Хитрово Л. К.* Л. Б. Модзалевский: материалы к биографии по документам личного архива в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб.: Родник, 2020.
28. *Цявловский М.* Записки пушкиниста / вступ. ст. К. П. Богаевской // Пути в незнаемое: писатели рассказывают о науке. М.: Сов. писатель, 1990. Вып. 2.
29. *Кривошея О. В.* Духовний заповіт Вадима Львовича Модзалевського як джерело до духовної історії інтелігенції // Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету ім. М. Коцюбинського. Серія Історія: збірник наукових праць. 2008. Вип. XIV.
30. Особові архівні фонди Інституту рукопису: Путівник / Національна академія наук України. Національна бібліотека України ім. В. І. Вернадського. Інститут рукопису. Київ, 2002.

Электронные ресурсы

31. Arhivogram [Электронный ресурс] URL: https://archivogram.top/30240795-portret_ivana_petrovicha_arharova_miniatyura (дата обращения: 17.03.2024)
32. Бессмертный барак [Электронный ресурс] URL: https://bessmertnybarak.ru/books/person/51610/ (дата обращения: 23.02.2024).
33. Виртуальная галерея // Моя Третьяковка [Электронный ресурс] URL: https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/22105 (дата обращения: 16.03.2024).
34. Гетман Филипп Дмитриевич // Архив Российской академии наук. Санкт-Петербургский филиал [Электронный ресурс] URL: http://db.ranar.spb.ru/ru/person/id/26288/ (дата обращения: 01.03.2024).
35. Гос. каталог Музейного фонда РФ [Электронный ресурс] URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=41075495 (дата обращения: 17.03.2024).
36. *Парамонов А.* Улицы старого Харькова // iknigi.net [Электронный ресурс] URL: https://iknigi.net/avtor-andrey-paramonov/181784-ulicy-starogo-harkova-andrey-paramonov/read/page-5.html (дата обращения: 24.03.2024).
37. Экспонаты // Государственный Исторический музей. [Электронный ресурс] URL: http://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/3009365?page=11&sort=110&fund=12&index=1007, https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/3009109?query=%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9&index=37 (дата обращения: 23.02.2024).

DOI: 10.31860/978-5-918680-445-445-465

Т. Г. ГНЕДИЧ. «МИСТЕРИЯ»: ПОСЛЕДНЯЯ РЕДАКЦИЯ

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. В. Виноградовой)

Аннотация: В данной работе рассматривается история написания драматического произведения Т. Г. Гнедич «Мистерия», которое она начала в 1932 г. в Ленинграде. Во время блокады писательница продолжала работать над своей «Мистерией»; семь лет спустя вернулась к ней снова, во время пребывания в исправительно-трудовом лагере в г. Барнауле. В 1962 г. Т. Г. Гнедич готовила к печати сборник своих произведений и вновь отредактировала «Мистерию», но не смогла опубликовать. Исследуются разные редакции произведения, хранящиеся в архиве Пушкинского Дома. Воссоздается творческая история произведения, тесно связанная с жизнью автора, пережившего блокаду, тюремное заключение и ссылку. «Мистерия» публикуется в окончательной редакции 1962 г.

Ключевые слова: Т. Г. Гнедич, Ленинград, Исаакиевский собор, музеи, город, Большой дом, монолит, революция, офицеры, поэт, огонь, взрывы.

Abstract: The article deals presents the history of wrighting a dramatic canvas «Mistery» by T. G. Gnedich, which she led in 1939 in Leningrad. During the blockade, the writer continued to work on her «Mystery»; seven years later she returned to it again, during her stay in a forced labor camp in Barnaul. In 1962 T. G. Gnedich was preparing a collection of her works for publication and again edited «Mystery», but was unable to publish it. Various editions of the work stored in the archive of the Pushkin House are examined. The creative history of the work is being reconstructed, closely connected with the life of the author, who survived the blockade , imprisonment and exile. «Mystery» is published in its final edition of 1962.

Keywords: T. G. Gnedich, Leningrad, Isaakievsky cathedral, the city, museums, the Grate house, revolution, officers, poet, fire, explosions.

Татьяна Григорьевна Гнедич, переводчица, поэт (1907—1976), в свои письма подругам часто вкладывала «литературные приложения»: биографические заметки, переводы и собственные стихотворения. Некоторые из них позднее становились известными, так как автор читала их наизусть в своих выступлениях, и публиковались в различных изданиях. Но многие долго оставались неопубликованными, хотя сама Т. Г. Гнедич тщательно готовила их к печати. Такова судьба уди-

© Виноградова Е. В., 2024

вительного, необычного произведения — «Мистерии», драматической фантазии, которая родилась в 1930-е годы в Ленинграде, переписывалась во время блокады, редактировалась в заключении на Алтае[1] и затем снова в Ленинграде, в 1962 г.

Впервые о своей «Мистерии» автор упоминает 20 февр. 1939 г. в письме к московской знакомой, В. П. Байер: «К сожалению, я настолько занята, что не могу написать Вам хорошего письма, а посему перехожу прямо к "торту". Во-первых, прилагаю при сем 2 первые картины (а всего их 5) моей "Мистерии", которую Вы, как будто, не знаете. А так как это по тематике торт несколько странный — как бы вроде говяжий — то добавляю еще печенье — в виде отрывков из перевода "Vision of Judgment"[2], которые я читаю 25/II публично»[3]. Далее следовал текст перевода Байрона и была приложена маленькая самодельная книжечка, сшитая в размер конверта, с заглавием: «Мистерия о том, чего не будет (в помеси с неудачным киносценарием)»[4]. Текст «Мистерии» предваряли два эпиграфа: строка «Свистопляска ящеров бесхвостых» из поэмы А. А. Прокофьева «Победа»[5] и «...Кассандры злое призвание» — из поэмы Гомера «Илиада»; также было написано «раболепное» посвящение Бернарду Шоу. Эта рукописная книжечка — самый ранний вариант «Мистерии» из четырех, хранящихся в архиве Гнедич в Пушкинском Доме.

Второй вариант «Мистерии» представляет собой уже машинописный текст не пяти, а шести драматических картин, напечатанный на половинках листов желтоватой «оберточной» бумаги не ранее августа 1942 г., с несколькими копиями[6]. Именно в это время Татьяна Григорьевна, пережив самое тяжелое время блокады, переехала в Дом писателей на ул. Воинова и в июне 1942 г. уже выступила с чтением своих стихов и переводов. На первом листе блокадной «Мистерии» было то же заглавие, что и в первом варианте, «Мистерия о том, чего не будет (в помеси с неудачным киносценарием)», но посвящение снято и сверху напечатано вразрядку «предчувствия». О блокадном вариан-

[1] Напомним, что Т. Г. Гнедич была арестована в декабре 1944 г. по сфабрикованным обвинениям по ст. 58-10 «покушение на измену Родине», «шпионаж» и др. статьям, два года находилась во внутренней тюрьме НКВД, «Шпалерке», с 1947 по 1954 г. отбывала срок заключения в лагерях — в пос. Новолисино Ленинградской обл., в Бокситогорске, в пос. Топчиха Алтайского края и др. В 1956 г. реабилитирована.

[2] «Видение Суда» (*англ.*), сатирическая поэма Дж. Байрона (1822).

[3] РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, ед. хр. 124, л. 63.

[4] Там же, л. 67—74.

[5] *Прокофьев Александр Андреевич* (1900—1971) — поэт, общественный деятель, с 1945 по 1948 и с 1955 по 1965 г. отв. секретарь Ленинградского отделения Союза писателей СССР. Поэма о Гражданской войне «Победа» написана им в 1932 г.

[6] РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, ед. хр. 24.

те «Мистерии» стоит рассказать подробнее, так как у него есть своя интересная история. Видимо, одну из копий этого произведения Т. Г. Гнедич во время блокады подарила А. П. Могилянскому, как он написал в 1991 г.[7] Александр Петрович вспоминал о том, как 14 апреля 1943 г. он случайно, на улице, познакомился с Т. Г. Гнедич, как они потом обменивались редкими книгами, и 22 мая того же года Гнедич преподнесла ему свою «Мистерию», «как раз ею законченную»[8]. Могилянский не рассказал, как продолжилось знакомство: до ареста Татьяны Григорьевны в декабре 1944 г. они работали рядом — он в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, а она — в Педагогическом институте им. А. И. Герцена, на кафедре иностранных языков. Осталось неизвестным также, встречались ли они в 1950—1960-е гг., когда Гнедич вернулась из заключения и стала знаменитой благодаря своему переводу поэмы «Дон Жуан» Байрона. Единственное, о чем еще сообщил Могилянский, — то, что подаренный ему экземпляр «Мистерии» был им передан в Государственный Центральный архив-музей УССР (почему-то не в Публичную библиотеку или Пушкинский Дом, где он работал).

После прочтения статьи А. П. Могилянского невольно возникает вопрос, как могла Татьяна Григорьевна подарить малознакомому человеку произведение с персонажами, о которых в советское время опасно было упоминать: царицей Александрой Федоровной, убитым ее сыном, Богородицей, служителями церкви, оживающими православными храмами? Возможно, если бы Гнедич знала, что Могилянский до войны работал следователем НКВД, она бы не сделала такого подарка. С этой организацией она столкнулась не только в 1944 г. после своего ареста, а намного раньше, в 1934 г, после убийства С. М. Кирова, когда была арестована ее подруга по университету Р. М. Медведь (жена расстрелянного в 1937 г. Ф. Д. Медведя, начальника УНКВД Ленинградской обл.). Тревога и ужас от происходящих событий выразились у Т. Г. Гнедич в стихотворении «1 декабря 1934 г.», а выстрел в Кирова казался «выстрелом в Город, предвестием будущих тюрем и убийств»[9]. Наверное, именно поэтому в начале первой картины «Мистерии» показываются не только силуэты Исаакиевского собора

---

[7] *Могилянский Александр Петрович* (1909—2001) — литературовед, доктор филологических наук. В Ленинград приехал в 1927 г. из Киева, экстерном окончил факультет языка и мышления («ямфак») ЛГУ; в довоенное время работал делопроизводителем в Академии наук, следователем и графологом НКВД. Во время Великой Отечественной войны находился в блокадном Ленинграде в резерве отдельной саперной роты, учился в аспирантуре; с декабря 1942 по 1956 г. работал в Публичной библиотеке, с 1956 по 1966 г. — в Пушкинском Доме, специалист по литературе XVIII и начала XIX в.

[8] *Могилянский А. П.* О «Мистерии» Татьяны Гнедич // Аврора. 1991. № 2. С. 114—115.

[9] См.: *Беневич Г. И.* Свидетельство Т. Г. Гнедич // Звезда. 2022. № 2. С. 36.

и Петропавловской крепости, но и постоянно присутствует здание «большого дома», построенного в 1933 г.

Третий вариант «Мистерии», сохранившийся в архиве Т. Г. Гнедич, — текст, вписанный ею в маленькую самодельную книжечку во время пребывания в заключении, в начале 1950-х гг. В такие книжечки, сшитые из тетрадных листков (ставшие теперь раритетом), записывались стихотворения разных лет; на первой странице красная галочка — так Татьяна Григорьевна позже помечала лагерные записи[10]. Писательница Руфь Александровна Зернова, бывшая заключенная, находившаяся в одном лагере с Гнедич в Бокситогорске, позже вспоминала: «Но поразила меня ее юношеская трагедия, не знаю, была ли она записана. Она не прочла мне ее — просто пересказала, и только один раз: мистическая трагедия, где речь шла о революции, ее грядущих благодеяниях — о равенстве и свободе (братства, по-моему, не было) — и о вполне реальных, уже свершившихся — не знаю, как сказать: злодеяниях? злодействах? <...> Какие-то верховные силы судят русскую революцию, и хоры ведут классовый спор, <...> а в разгаре спора поднимается откуда-то из бездны царица Александра Федоровна с окровавленным ребенком на руках... Кажется, она ничего не говорит — только показывает ребенка. Меня это ошеломило. <...> Помнится, трагедия эта должна была быть в стихах, но самих стихов не читала мне Татьяна Григорьевна — только рассказывала»[11]. О том, что текст «Мистерии» не только записывался набело во время пребывания в лагерях, но и переделывался, говорит клочок с набросками фрагмента 5-й картины, который служил закладкой в другой лагерной тетради. Дело в том, что Татьяна Григорьевна, начиная с пребывания в ИТЛ пос. Новолисино, участвовала в самодеятельности: писала сценарии пьес, которые потом репетировались заключенными. В архиве писательницы сохранилось несколько самодельных тетрадей с такими пьесами в стихах, одна из них — «Василий Теркин» по поэме А. Т. Твардовского, с пометами и правкой Гнедич. Именно в эту, большую, в отличие от других, тетрадь, и была вложена закладка-клочок с фрагментом «Мистерии»[12], что помогло установить примерную датировку написания ее лагерного варианта.

Доказательством того, что Татьяна Григорьевна на протяжении долгих лет не расставалась с мыслью опубликовать свою «Мистерию», служит последний, четвертый вариант произведения, напечатанный на машинке в то же самое время, когда шла подготовка сценария спектакля «Дон Жуан» режиссера Н. П. Акимова в Ленинградском театре комедии, т. е. с января по март 1962 г. Гнедич в письме своему

[10] РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, ед. хр. 5.

[11] *Зернова Р. А.* Татьяна Григорьевна // Это было при нас. Иерусалим: Lexicon Publishing House, 1988. С. 105—107.

[12] РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, ед. хр. 24, л. 67.

двоюродному брату Константину Ливанскому 21 марта 1962 г. сообщает: «Я уже закончила свою часть работы — некоторую переделку октав, которые будут прямой речью»[13]. Переделанные для спектакля фрагменты «Дон Жуана» были напечатаны жирным шрифтом, и в правом верхнем углу на каждом листе стояла помета: «Т. Гнедич. Дон Жуан». Точно таким же шрифтом был напечатан последний вариант «Мистерии», с пометой в правом верхнем углу на каждом листке: «Т. Гнедич. Мистерия»[14]. Это значит, что работа шла параллельно: Татьяна Григорьевна торопилась после окончания работы над спектаклем сдать в издательство материалы к сборнику своих сочинений. Редактором был назначен Павел Григорьевич Антокольский, о встрече с которым в Москве в марте 1964 г. писательница рассказала в своем дневнике[15]. Здесь описан подробный разбор Антокольским ее стихотворений, но о «Мистерии» речи не было, и отредактированный новый вариант этого произведения так и остался неопубликованным.

Все варианты «Мистерии», находящиеся в архиве Гнедич, которые были написаны автором с разницей примерно 10 лет (1932, 1943, 1952, 1964), различаются, и каждый из них несет на себе печать своего времени. Первая картина, написанная в начале 1930-х гг. под впечатлением от событий в Германии, когда к власти пришел фашизм (недаром в первом варианте эпиграф «Кассандры злое призвание» — как предвидение) открывается перечислением главных архитектурных памятников Ленинграда, которые могут погибнуть: Исаакиевский собор, Петропавловская крепость, силуэт Большого дома. В лагерном, послевоенном, варианте, силуэта Исаакия нет, и дан более четкий и просматриваемый ракурс: «даль включала Петропавловку, силуэты Выборгской стороны и контур Большого Дома...». Нельзя не заметить, что во всех четырех вариантах присутствует силуэт ГПУ в описании города: на протяжении многих лет, наравне с Исаакием и Петропавловкой, о нем знал каждый ленинградец, как во время революции — о здании ЧК на Гороховой улице. В блокадном варианте, опубликованном А. П. Могилянским, перед первой картиной имеется подзаголовок: «1942—43 гг. Ленинград» и посвящается не только Бернарду Шоу, но и Генриху Гейне. В дальнейшем Т. Г. Гнедич этот подзаголовок и посвящение Гейне сняла.

Вторая картина «Мистерии» возвращает читателя к временам Гражданской войны, когда Петроград мог быть взят войсками Юде-

[13] Там же, ед. хр. 138, л. 12.

[14] Там же, ед. хр. 18.

[15] См.: *Гнедич Т. Г.* Подробнейшее описание пребывания в Москве «Дон Жуана» с 9 марта 1964 по 13 марта того же года — включительно / публ. Е. В. Виноградовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018—2019 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. С. 605—608.

нича. Сатирически описывается молебен в честь победы над красными войсками, дамы в старомодных шляпках, генерал типа «кукрыниксовского Юденича», глуповатый «душка-офицер», жуликоватый Кит Китыч. Эта картина сохранена автором без изменений во всех вариантах, за исключением мелких синтаксических поправок.

Третья картина описывает встречу в ресторане вернувшихся в Россию эмигрантов. В блокадном варианте они встречаются в ресторане «Петроград»[16] на Каменноостровском пр., и оркестр играет симфонию П. И. Чайковского «1812 год». В лагерном и последнем вариантах действие происходит просто в «пригородном ресторане», и у офицеров грим «в манере раннего Вертинского». (Татьяна Григорьевна могла видеть выступления Вертинского в Одессе, где жила с родителями с 1915 по 1921 г., а пластинки с его песнями, которые не запрещались, могли быть и в лагере.) Других изменений в тексте автор не делал.

Четвертая картина «Мистерии» — уже 1930-е годы, снова едкая сатира на общество дам и офицеров, среди которых встречаются литературные персонажи — Стива Облонский, Лопахин, графиня Тугоуховская и др. Эти люди из прошлого снова у власти, и им теперь принадлежат великие советские ГЭС (Днепрострой, Свирьстрой, Волховстрой), но они остаются прежними — занимаются теософией, слушают поэта, похожего на Блока. В блокадном варианте поэт вдруг начинает кричать: «Да здравствует Ленин!», «Да здравствует Сталин!». Любопытно отметить, как со временем меняется этот текст. В лагерном варианте фразы с Лениным уже нет, но поэт прославляет «всемирную пролетарскую революцию» и Сталина. В варианте 1962 г. прославление Сталина снято, и поэт кричит «Смерть капитализму!». Трудно понять, зачем Т. Г. Гнедич издевается над Блоком, если всегда его любила и в память о нем назвала свою поэму «После Возмездия». В блокадном варианте, который не попал в окончательную редакцию, на сцене появляется профессор, сообщающий: «Под влиянием тяжелых потрясений крупный поэт заболел тяжелой формой психического расстройства!» Может быть, в такой завуалированной форме автор хотел дать понять, что только психически больные с надрывом прославляют Ленина и Сталина? В блокадном варианте к поэту бросается публика с криками «Валерьяны! Солей!», и его «медленно уводят», в лагерном — вокруг него «смыкаются черные платья и фраки» и «переносят что-то тяжелое».

В пятой картине мы видим настоящее театральное действо с самыми разными, быстро сменяющимися персонажами: тут и пленные с комсомольскими значками, и шествие монашек, вспоминающих

[16] На Каменноостровском проспекте такого ресторана никогда не было; рестораны «Петроград» были в Париже и Афинах, открывались русскими эмигрантами.

старца Питирима с Соловков, и дерущиеся парни разных национальностей, а в конце — ожившая императрица Александра Федоровна с царевичем на руках и видение Богородицы. В блокадном варианте «Васнецовская Богородица из Владимирского собора Киева» держит на руках Димитрия-убиенного в пионерском галстуке, в лагерном варианте — он уже юноша с комсомольским значком. Кончается все тем, что видение Богородицы медленно угасает, слышится топот конницы, и все персонажи предыдущих картин в страхе убегают, а вместе с ними перекатывающаяся свастика. Блокадный текст пятой картины — самый большой и подробный из всех вариантов, там множество ярких метафор, но этот текст в окончательной редакции значительно сокращен. Видимо, Т. Г. Гнедич решила оставить только самое главное, подтверждающее ее мысль о современной ей России: все перевернуто, все перемешано, Богородица так и не смогла помочь царице Александре Федоровне, а царевичам придется надевать пионерские галстуки и комсомольские значки.

В блокадном варианте есть еще одна, шестая картина, отсутствующая в лагерном и последнем варианте. Она маленькая, как бы являющая собой банальный положительный конец всего театрального действия: разрушенные здания на первом плане, мчащаяся машина с генералом, которую уничтожает пулеметная очередь из леса. «Вселенское Лицо», олицетворяющее зло войны, убито, мальчик-подросток в ушанке снимает с него железный крест, улыбается зрителям. Под пение птиц занавес закрывается. Этот напыщенный конец (как во многих театральных постановках и кинофильмах военного времени), вероятно, был предназначен автором для возможной постановки пьесы на сцене во время войны или послевоенное время — недаром блокадный вариант перепечатывался несколько раз — и был упразднен в окончательной редакции.

Публикуемый текст «Мистерии» в пяти картинах воспроизводится по машинописи Т. Г. Гнедич[17]. Шестая картина дается как приложение, она перепечатана с одного из машинописных текстов Гнедич блокадного времени. Орфография приведена в соответствие с современными нормами, синтаксис Т. Г. Гнедич сохранен.

[17] РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, ед. хр. 18.

Т. Гнедич

1933 г.
Мистерия
о том, чего не будет
(в помеси с неосуществимым киносценарием)

Почтительно посвящается Бернарду Шоу

1932—1933

Картина 1

Ночь. Смутный вид Ленинграда вдали. Желательно в таком ракурсе, чтобы даль включала Петропавловку, силуэт Выборгской стороны и контур Большого Дома.

Вспышки огня и взрывы.

При каждой новой вспышке возникают все новые и новые ансамбли города. В мутно-красных кратких заревах вспыхивают

силуэт Адмиралтейства,

Дворцовая площадь с необычно огромной Александровской колонной,

Сенатская площадь с памятником.

У зрителя создается впечатление, что это мигают чьи-то воспаленные глаза и что видит все это не он, а те, мигающие глаза...

Зрителю начинает казаться, что слова «нарыв» и «солипсизм»[1] значат одно и то же... «Паук» тоже синоним...

Вспышки и взрывы учащаются.

На переднем плане справа вырисовывается все время стоявшая тут огромная грузная фигура в европейской военной форме.

Неведомо откуда выбегает нервный молодой человек.

Бросается к монолиту и кричит речитативом, ломая руки и закидываясь, как Саломея[2]:

«Ваше превосходительство! Пощадите музеи!!

Давайте “химические”, но уймите “фугасные”!

Истребляйте чернь! Вытравляйте идеи!

Но храните Прекрасное!!! Храните Прекрасное!!!»

Монолит не двигается. Новые вспышки огня и взрывы.

При одной из вспышек видна качающаяся Александровская колонна.

Молодой человек выбегает снова. Кричит еще истеричнее, толчками, дергая монолит за рукав:

«Ваше Превосходительство!!! Пощадите музеи!!!
Давайте “химические”, но уймите “фугасные”!!!

Истребляйте чернь! Вытравляйте идеи!!
Но храните Прекрасное!!! Храните Прекрасное!!!

Ах!!! Это просто сплошная рана!
Это какое-то дикое страдание!!!
Ваше Превосходительство!!! Это — Монферраном!!!
Это Растрелли построенные здания!!!

Ваше Превосходительство!!! Город Музей!!!
Не допускайте подобной жути!!!»

Слышен скрип шарнир. Фигура в европейской военной форме сонно поворачивается:

«What is he talking about I say?!»

Некто Почтительный отвечает с готовностью: —

«It's about Beauty, Sir, about Beauty!»[3]

(фигура сонно произносит: Ah!!..)

Новые вспышки. Вдали черной махиной встает Исаакий и удивленно поднимает плечи...

Черный грохот покрывает все... В небе скрещиваются два прожектора и лупят друг друга, как пьяные грузчики...

Картина II

Ясный день. Исаакий украшен русскими национальными флагами. Дымно-серый, он четко рисуется на ярко-голубом небе и почему-то напоминает карусель.

На паперти среди колонн — нарядная толпа. Слева, на переднем плане, группа дам «бальзаковского возраста» с очень пышными бюстами, в белых платьях и огромных белых шляпах с широкими полями. Справа — группа блистающих мундирами военных. Впереди — генерал с очень густыми бровями и орлиным носом (тип кукрыниксовского Юденича[4]). Рядом с ним елейный митрополит в полном облачении.

Тут же столик, на котором гора крестов и медалей.

Явно готовятся к торжественной раздаче наград.

Дамы в волнении.

Все сдержанно шепчутся.

Митрополит делает шаг вперед и начинает елейным голосом:

— Возблагодарим Господа и паки возликуем,
Яко потухло антихристово светило!
Припадем ко стопам и возопием «Аллилуйя»,
Яко восстала из праха благолепная сила!

Облобызаем друг друга лобызанием братским,
Все, томившиеся в антихристовом плене!

Ибо настал конец ликованиям святотатским,
Ибо пред истинным Владыкою склоняем колени!

Да приидет Царствие Твое, Господи Боже!
Да покарает меч твой, архистратиге Михаиле!
Да не останется на земле (и под землею тоже!)
Ничего супротивного Благолепной Силе!

Радуйся, небесного Воинства ополчение!
Радуйтесь, Российские князья и страстотерпицы,
Радуйся, подлинного Россиянина сердце!!!

Группа дам с пышными бюстами проявляет признаки экстаза. Одна из них восклицает:

— Мария Ипполитовна! Смотрите!!! Смотрите!!! На хоругвях улыбаются лики!

Вторая:

— Нет! Что умиляет в речи Владыки, так это подлинное национальное наитие!!

Третья:

— Ах!! Присутствовать при историческом событии — это момент поистине великий!!!

Четвертая (вбегая торопливо):

— Лилии!! Лилии самое главное!!! Надо побольше белого цвета!!! Анастасия Павловна! Анастасия Павловна!!! — обращаясь к бравому рядовому с малиновым носом:

— Солдатик!! Не видали барыню с букетом?!

«Солдатик» хрипло отвечает: — Никак нет-с!!

Тем временем митрополит начинает церемонию раздачи наград.

Награждаемые подходят гуськом. Каждого владыка мажет миром, а кукрыниксовский генерал вручает медаль.

Среди подходящих к столику — Кит Китыч в маскарадном костюме «крестьянина-трудовика». Он нервничает и оглядывается по сторонам, видимо, чего-то ожидая. К генералу подбегает размалеванный «душка офицер», щелкает шпорами:

— Ваше превосходительство! Разрешите донести:
Зажиточные крестьяне деревни Межполье
Приветствуют Вас хлебом и солью
И благословляют на новом пути!

Кит Китыч еще более нервничает, ерзает головой, «душка-офицер» глядит на него вопросительно.

Легкое замешательство.

Вдруг, пробиваясь сквозь ряды публики, появляется мальчишка в красной рубашке с караваем на серебряном блюде. Запыхавшись, подбегает к Киту Китычу, передает ему блюдо. Кит Китыч ловко, ста-

раясь сделать это незаметно, лягает его сапогом. Мальчишка, взвизгнув, отскакивает.

Кит Китыч подносит хлеб-соль генералу. Владыка мажет его миром.

Все движения замедляются.

Небо становится еще голубей, флаги, хоругви, аксельбанты — еще ярче.

Краски достигают предельной аляповатости.

Все застывает, как на картинке.

На передний план выходят два чахлых юноши в форме кадетов царского времени. Несут рулон бумаги.

Разворачивают его и прикрепляют к полу. На рулоне надпись:

«Торжественное Молебствіе въ Исаакіевскомъ Соборѣ.

Сборъ — въ пользу пострадавших от красного террора.

Цѣна — 1 рубль 25 копѣекъ».

Картина III

Пригородный ресторан.

Зал украшен в тенденциозно-славянском стиле: солонки, полотенца, поставцы. Однако среди столиков — чахлые пальмы.

За столиками пьют офицеры и худощавые девицы с аристократической внешностью.

У офицеров грим в манере раннего Вертинского.

Девицы эмансипированно кокетничают. Сдержанно шумит разговор. Все чаще — патетические возгласы.

— Ах! Милые звезды! Ах! Степи родные!
Бескрайних полей неоглядная синь!
Так вот она снова — Россия!! Россия!!!
Всей жизни моей «Аминь»!!!

— А помните Париж? И долгие споры!
И буйные ночи!!! И годы «в такси»?
Помните? Вы говорили: «НЕ СКОРО!»,
А я говорил: «НЕ ЗНАЕТЕ РУСИ!!!»

— Господа!!! Неужели?! Я верить боюсь!
Как сладко пахнут березки и елочки!
Господа! Так вот она — наша Русь:
Все та же! Все та же — до последней метелочки!!!

Все те же поля!!! Все та же луна!!!
Все те же тройки буйства цыганского!!!
Так я — на Родине?! Так это она?
Господа!!! Не могу!!! Душа зажжена!!!
Я плачу!!! Шампанского мне!!! Шампанского!!!

Одна из девиц говорит, прищурясь:

— Поручик! Присмотритесь к нашему курьеру:
Я, быть может, ошиблась — есть «против» и «за»...
Но... Эти рассчитанные манеры...
И глаза... совсем НЕ курьера глаза...

К столику слева, за которым старательно «уписывает» куренка Некто Важный, раболепно подбирается человечек в пиджачке. Говорит, сильно сутулясь:

— Осмелюсь доложить: работал на предприятии,
Знаю в лицо главарей и заправил...
Если не возразите против такого вероятия,
Очень усердно бы послужил!!!

«Некто важный» продолжает куренка. Человечек в пиджачке повторяет еще более угодливо, но настойчиво:

— Осмелюсь доложить: работал на предприятии!
Знаю в лицо главарей и заправил!!
Если не возразите против такого вероятия,
Очень усердно бы послужил!!

Некто важный вдруг как бы пробуждается. Расправляет бакенбарды. Встает. Хлопает субъекта по плечу:

— Вот это душа! Вот это удружил!
Подумаешь: сердца-то у народа какие!
Спасибо, любезный! Спасибо, милый!
Не я благодарю — благодарит Р О С С И Я!!!

Обращаясь к официанту:

— Э-э... угостите-ка — э-э— этого патриота... штофиком! **Я** плачу!!

Оркестр начинает играть аляповатый туш.

Занавес медленно опускается, поддерживаемый для солидности официантами.

Картина IV

Раут.

Большая, великолепная комната: роскошные, блестящие пальмы. В правом углу — концертный рояль. Высокие окна.

Великолепно блестит паркет.

Несколько минут комната пуста. Потом начинает наполняться.

Гости входят группами, и в каждой группе — 5—6 человек на одно лицо.

Есть группа людей с лицами Родзянко... с лицами Рябушинского[5], офицеры с гримом печального Пьеро... Есть несколько масок Тугоуховской... несколько масок Скалозуба.

Среди них выделяется высокая дама с прической седой курицы-кохинхинки[6] и с теософским значком на черном платье.

Отрывки разговоров:

— Я, так сказать, отечеству в назидание
Еще армии Его Величества
георгиевский кавалер и герой,
Я предлагаю благородному собранию:
Взорвать
Днепрострой!
Волховстрой!
И Свирьстрой![7]
Как... отвратительные воспоминания!..
.....

Другой голос:

— Что он городит, этот чурбан?
Что он болтает?! Эта скотина!!!
Взорвать! Такие золотые погреба!!!
Такие возможности!!! Такие плотины!!!

Разные голоса:

— Осматривали? Нет?!
— Признаться, я — пасс...
— Очень хвалили и оччень удивлялись!
Ведь это вышло — «товарищи» для нас,
Для нас с Вами — хэ-хэ! — по-ста-ра-лись!!!
.....
— Вчера мы «занимались» у Болховской![8]
Удивительно ценное было собрание:
С нами беседовал Димитрий Донской
И назначил каждому послушание!..
.....
— Ах!! мне положительно некуда деться!
Ах! Эти расправы выжигают сердце —
В них какой-то сладкий и терпкий экстаз!!!
Красные крылья Святого Духа!
Страшные крылья Святого Духа!
Отче Николае!!! Дай оплеуху,
Но — моли Бога о нас!!!
.....
— Подойдите ближе! Мне очень страшно!!
У вас у всех ужаснейший грим:
Вы читали газету — как будто вчерашнюю:
Там — про обычное... Про всегдашнее...
Нет... пожалуйста, помолчим!
Из дурачков я — самый наименьшенький:
И юродивых-то не встречал...

Пьют шампанское... Смеются женщинки...
А Христа-то — видели?!
В «белом-то венчике»?
Как он метался!! Как он кричал!!

На передний план выходит бледный, осунувшийся человек, сутулый, в черном пиджаке. Останавливается в нерешительности. Около него часть гостей сразу располагается почтительным полукругом. Он озирается и вдруг начинает декламировать, очень сильно скандируя, почти кривляясь:

— Нет! Это страшный бред! Я задыхаюсь болью!
Я не могу дышать!
Я мыслить не могу!
Жестокий менингит великого безволья
Как олово горит в расплавленном мозгу!
.....

К нему торопливо собираются со всех углов комнаты.

Шепот:

— Экспромт!! Экспромт!!

Дама с теософским значком и с прической седой курицы-кохинхинки достает изящный блокнот в оправе из золота и слоновой кости. Приготовляется записывать.

Человек в черном пиджаке сразу останавливается, озирается и вдруг говорит очень резко и грубо:

— Ну?! Чего вы сбежались?
Что вам нужно??
Вы думаете, что я буду декламировать?!
Нет! Я не буду декламировать!!!
Слышите?! Уходите!! Не буду!!

Потом вдруг истерически вздрагивает:

— Нет, постойте!! На-те вам!
Я БУДУ декламировать.
Вот!!

Становится в позу и кричит пронзительно:

— Да здравствует всемирная Пролетарская Революция!

Смерть капитализму!!!

Вокруг него тотчас же смыкаются черные платья и фраки.

Отрывистые фразы: «Припадок!!! Припадок!!!»

«Какое несчастье!!!»

Слышно шарканье ног.

Можно понять, что куда-то бережно переносят что-то тяжелое. Толпа скрывается в дверях.

Комната пуста.

Блестит паркет, крышка рояля и листья великолепных пальм.

За цельными стеклами высоких окон стоит большое, тихое зарево.

Чей-то невидимый нервный голос говорит:

— Это совсем не оригинально и совсем не ново: точно такая же картина есть где-то у Леонида Андреева[9]!!

(Зарево молча утвердительно мигает.)

Невидимый голос говорит еще тревожней:

— И отчего это не опущены шторы?
Человек!!! Да опустите же шторы!!

Тяжелые шторы начинают медленно опускаться.

Вместе с ними опускается и занавес.

Картина V

Улица. Домов нет, а вместо домов рядами, одна около другой стоят церкви из разных городов. (Есть среди них и уничтоженные.)

Вдоль улицы — жидкая шпалера в пестрых, театрально-ярких костюмах, нарочито национальных. Сильный грим.

Слышен далекий гул шагов.

Он приближается.

На улице показывается толпа под конвоем.

Медленно, совершенно безмолвно движутся ряды в комсомольских «юнгштурмовках».

Шествие удаляется.

Внезапно раздается пискливый голос старухи:

— Прости Господи мое прегрешение,
Что смотрела на антихристово стадо!
Ох! Господи!! Одно искушение:
Ну чего бы, кажется, людям надо?

Жили бы тихо, ходили бы в храмы,
А то ведь — нет!! Давай куролесить!
А что им сделают-то — этим самым?
Мало! Мало! Надо бы повесить!!

И матери ведь есть у них, у проклятых,
В моих уж летах, Господи прости!
Ну что же делать?! Сама виновата:
Не смогла удержать — не мечтай спасти!

У меня вот, слава Всевышнему — ни дочки, ни сына:
Сподобил Господь остаться девицей!
Как Святая Дева, прости Господи, невинна,
Да и плакать ни о ком, слава Богу, не случится!!

Из одной церкви выходит процессия монашек со свечами в руках. Впереди — стройная худощавая монашка с лицом красавицы, вынутой из земли через 3—4 дня после похорон. На тонком, очень правильном иссохшем лице — зеленовато-лиловые пятна. Зритель настойчиво ощущает в ее лице какое-то сходство, но не может вспомнить — с кем.

Процессия поет очень стройно, очень звонкими голосами.

«Господу Богу помолимся,
Древнюю быль возвестим:
Так в Соловках нам рассказывал
Старый честной Питирим...[10]

Боже, помилуй нас, грешных,
В горний прими нас храм!
В ад ниспошли кромешный
Всех непокорных нам!

Ангелов светлые ризы!
Силы святых полков!
Меч, обращенный книзу,
В самую гущу врагов!

Меч, поражающий сердце
Силой несмертных рук!
Меч, истязающий дерзких
Болью Великих Мук!!

Вымости в ад кромешный
Их черепами пути!
Господи! Вспомни нас, грешных!
Господи! Отомсти!»

Процессия обходит каждую церковь, извиваясь, как хвост большой змеи. Пение затихает в отдалении.

Среди шпалеры в национальных костюмах — движение.

Краснорожий парень в вышитой рубашке с гитарой в руках затягивает:

«Моя мила платье мыла,
Я в реке купалсии!
Моя мила потонула:
Как я испугалсии!!!»

Поет с гиканьем и выкриками, с каждой частушкой убыстряя темп:

«У папани был жилет,
Было восемь меринов:
Сел папаня в Соловки,
Как кулак проверенный!!!

Эх-эх!! Вашескродь[11]!
Дайте нам питейных!
Разрешите погромить
Хочь бы беспартейных![12]»

Украинец с гримом казака из репинских «Запорожцев»[13] затягивает гнусаво:

«Ще не вмерла Ук-ра-и-на...»

Парень двигает его плечом:

«Ты чего орешь, хохлацкое рыло?!
Чтобы глотка твоя засохла!!
Подожди! Чтоб тебе неповадно было,
Я тебе покажу “чи сдохла, чи нэ сдохла!”

Хохол дает ему сдачи. Завязывается драка[14]. Хохлушка с сильным гримом оперной Солохи[15] бросается их разнимать.

Голосит:

«А чого ты лізэш до його, нэбожэ?!
Чи тобі бійка щэ нэ обрідла?!
Ото настала лыха годына!!!
Мы тобі, проклятущий москаль, нэ быдло —
Мы — самостійна, вільна Вкраына!»

В драку вмешивается поляк в костюме и гриме персонажа из «Жизни за царя»[16]. Откуда-то появляются царские полицейские. На сцене стоит пыль столбом. Монашки с визгом бегут в разные стороны. Некоторые церкви сдвигаются с мест и начинают колокольнями бодать дерущихся. Квартальные силятся затянуть занавес. Хриплыми голосами кричат:

«Затягивай!! затягивай!»

«С того боку!!!»

«Тяни!!! Тяни!!!»

Занавес скрипит, но не поддается. Сцена потасовки скрывается в облаках густой пыли.

Несколько минут ничего не видно.

Затем пыль начинает рассеиваться. Появляется огромная степь в тусклом свете сумерек.

На переднем плане на коленях стоит монашка и бьет поклоны судорожно и отчаянно.

В тусклом свете сумерек можно разглядеть ее лицо с зеленоватыми пятнами. Оно стало тоньше, и окончательно обозначилось, что это — лицо царицы Александры Федоровны.

На небе над степью медленно проступает видение васнецовской Богоматери, идущей по облакам[17].

Александра отчаянным жестом протягивает к идущей что-то ослепительно белое, блестящее ярко-алой кровью.

Как бы в ответ на это видение становится все ярче.

Справа и слева от Богоматери проступают две фигуры, слева — девушки с обликом нестеровской святой Варвары[18], но в полушубке и шапке с алой звездочкой.

Справа — юноши с обликом нестеровского царевича Димитрия Убиенного[19], но в юнгштурмовке и с комсомольским значком на груди.

Александра продолжает свои заклинания. Ее лицо заостряется, как лицо колдуньи.

Вдруг Богородица делает отстраняющий жест рукой, отворачивается и быстро проходит мимо.

Видение начинает угасать.

Царица застывает в беспомощном земном поклоне.

Тишина.

Вдали возникает топот бегущих ног и топот копыт.

Первыми выбегают «Кит Китыч» и квартальные.

Бегут в необъяснимом страхе.

За ними бегут в беспорядке все персонажи предыдущих картин: кукрыниксовский генерал, монашки, дамы в белых платьях, кадеты, «Солоха», парень с гармонью; сзади всех бежит субъект в пиджаке с чемоданом и с велосипедом под мышкой.

Вслед за ним бежит, переваливаясь с ножки на ножку, как «перекати-поле», — свастика.

Когда они исчезают, становится оглушительно слышен топот конницы.

Впереди скачет Петр с протянутой рукой[20].

За ним — Суворов, Чапаев, Скобелев, Орлов — герои всех эпох. Конница, громыхая, словно вылитая из бронзы, проносится мимо.

Степь остается пустынной.

В небе все ярче и ярче разгорается заря.

Картина VI

Сцена в полной темноте. Из темноты постепенно выступают контуры леса. Причудливо-туманные, они напоминают силуэты разрушенных зданий, торчащие трубы, искривленные подъемные краны.

Некоторое время на сцене царит тишина.

Пока зрителю не становится жутко.

Тогда вдали возникает глухое завывание сирены, от которого зрителю становится еще более жутко.

Среди стволов появляется голубоватый свет. Яснеет дорога.

По дороге несется автомашина.

Из кабины водителя — широкий голубовато-серый луч настойчиво обшаривает лес.

Машина останавливается.

Из кабины шофера высовывается Вселенское Лицо и пристально всматривается в темноту леса.

Лес неподвижен.

Вдруг где-то справа — в кустах — возникает стрекот пулемета. Одновременно темнота неба среди стволов озаряется бледным сияньем рассвета.

Рассвет быстро растет и ширится.

В его сиянии меняется лес: теряет причудливые контуры, ветви становятся гибкими, живыми.

Начинают перекликаться птицы.

Стрекот пулемета не заглушает их — наоборот, самый этот стрекот пулемета кажется чем-то вроде пения кузнечика.

Голубой луч, идущий из кабины водителя, начинает тревожиться. Он мечется, вздрагивает, мигает.

Пение птиц усиливается.

По вершинам проходит свежий ветер. Лес шумит.

Внезапно справа от зарослей взвивается граната. Описав крутую траекторию, она дает вспышку над машиной. Эта вспышка совпадает с моментом, когда среди стволов ярко встает солнце. Луч смерти сразу потухает.

Из зарослей, откуда была брошена граната, выскакивает мальчишка лет 14-ти. На нем полушубок нараспашку, на поясе — гранаты и «парабеллум». Шапка-ушанка явственно велика ему.

Он подбегает к машине и, распахнув дверцу, наклоняется над откинувшимся навзничь трупом водителя в генеральской форме. С трудом он поворачивает грузное тело и отцепляет от мундира железный крест. Отцепив крест, мальчик выпрямляется во весь рост, стоя на автомашине и вертя в руке железный крест, весело улыбается зрителям.

Ушанка сдвинута на затылок.

Раскосые глаза весело блестят.

Ветер треплет над ним зеленые весенние ветви берез.

Птицы звонко поют.

Занавес очень спокойно и очень просто

закрывается (с боков).

---

[1] *Солипсизм* — философская доктрина, согласно которой только собственное индивидуальное сознание признается единственной и несомненной реальностью, отрицая объективную реальность окружающего мира.

[2] *Саломея* — библейский персонаж, дочь царя Ирода, погубившая Иоанна Крестителя. Гнедич имеет в виду многочисленные картины мировой живописи, изображающие танец Саломеи на пиру у Ирода.

[3] О чем он говорит? — О прекрасном, сэр, о прекрасном! (*англ.*)

[4] *Кукрыниксы* — объединение советских художников-карикатуристов (*М. И. Куприянов*, *П. К. Крылов* и *Н. М. Соколов*), первая выставка которого проходила в 1932 г. В различных журналах публиковались злые шаржи на генералов царской России: Врангеля, Юденича, Деникина, а также Нестора Махно. Эти карикатуры сопровождались четверостишиями Демьяна Бедного.

[5] Упоминаются *Родзянко Михаил Владимирович* (1859—1924) — председатель Государственной Думы России в 1917 г., и *Рябушинский Павел Павлович* (1871—1924) — российский предприниматель, банкир.

[6] *Кохинхинка* — мясная порода кур родом из Вьетнама (от назв. местности Кохинхин).

[7] Речь идет о великих советских стройках 1920-х гг. *Днепрострой* — крупнейшая организация СССР, созданная в 1927 г. для строительства Днепровской ГЭС (1927—1932). *Волховстрой* — строительство Волховской ГЭС на правом берегу реки Волхов (введена в строй в 1926 г.). *Свирьстрой* — Нижнесвирская ГЭС (ныне территория Подпорожья Ленинградской обл.), строилась с 1927 по 1931 гг. с привлечением заключенных.

[8] *Вчера мы «занимались» у Болховской!* — фамилия вымышленная. Скорее всего, подразумевается *Блаватская Елена Петровна* (1831—1891) — религиозный философ, публицист, ясновидица.

[9] Имеется в виду роман Л. Н. Андреева «Дневник Сатаны» (1919).

[10] Измененная цитата из поэмы «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова (глава «Пир на весь мир», рассказ Ионушки «О двух великих грешниках»):

«Господу богу помолимся,
Древнюю быль возвестим,
Мне в Соловках ее сказывал
Инок, отец Питирим».

(*Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Л.: Наука, 1982. Т. 5. С. 207.)

[11] *Вашескродь* — сокращенное «Ваше высокоблагородие».

[12] На обрывке, вложенном в качестве закладки в тетрадь со сценарием «Василия Теркина» (см. преамбулу): «парень в красной рубашке поет

Эх-ма вашескродь —
Подобрали вчистую —
Не оставили для нас
Даже коммунисток!»

[13] Упоминается картина И. Е. Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» (1891).

[14] *Вариант на оборванном куске бумаги (см. прим. 12):*

«Начинается дикая потасовка между публикой в национальных костюмах. Слышны сдавленные крики: «не пана (венгра), не ляха, ни жида! хай живе! пся крев!». Монахи и монашки бегут в церкви. Выскакивают несколько полицейских и бегают по сцене, стараясь затянуть занавес. Занавес не поддается. Квартальные... сдавленными...» *Текст обрывается.*

[15] *Оперная Солоха* — героиня оперы П. И. Чайковского «Черевички» (1887) и оперы Н. В. Римского-Корсакова «Ночь перед Рождеством» (1895).

[16] *«Жизнь за царя»* — опера М. И. Глинки (1836).

[17] *«Васнецовская Богоматерь, идущая по облакам»* — образ Богородицы В. М. Васнецова, написанный им на алтарной стене во Владимирском соборе в Киеве, где художник работал с 1885 по 1896 г.

[18] *Образ великомученицы св. Варвары* был запечатлен художником М. В. Нестеровым (1862—1942) на фреске во Владимирском соборе в Киеве (1894).

[19] *Картину М. В. Нестерова «Димитрий-царевич убиенный»* (1899) автор «Мистерии» могла видеть в Русском музее в Ленинграде.

[20] Имеется в виду *Петр I*, император Всероссийский (1672—1725).

Библиографический список

1. *Беневич Г. И.* Свидетельство Т. Г. Гнедич // Звезда. 2022. № 2.
2. *Гнедич Т. Г.* Подробнейшее описание пребывания в Москве «Дон Жуана» с 9 марта 1964 по 13 марта того же года — включительно / публ., вступ. ст. и прим. Е. В. Виноградовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018—2019 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019.
3. *Зернова Р. А.* Татьяна Григорьевна // Это было при нас. Иерусалим: Lexicon Publishing House, 1988.
4. *Могилянский А. П.* О «Мистерии» Татьяны Гнедич // Аврора. 1991. № 2.
5. *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Л.: Наука, 1982. Т. 5.

DOI: 10.31860/978-5-918680-445-466-498

Б. В. Шергин

ДНЕВНИК 1942 ГОДА (8 ИЮНЯ — 20 НОЯБРЯ)

Часть II[1]

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. Ш. Галимовой, М. В. Никитиной)

Аннотация: Настоящая публикация является продолжением начатого в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2023 год» издания дневника русского писателя, сказителя, фольклориста, художника Бориса Викторовича Шергина (1893—1973) за 1942 год, а также предыдущих публикаций его дневниковых записей за разные годы. Дневники Шергина отражают прежде всего его религиозные переживания, стремление жить по евангельским заповедям и по учению Церкви. Каждый день года проживается Шергиным по церковному календарю и связан с теми или иными евангельскими событиями или памятью святых.

Ключевые слова: Борис Шергин, вера, христианство, святость, Церковь, традиция.

Abstract: This publication is a continuation of the publication of the diary of the Russian writer, storyteller, folklorist, artist Boris Viktorovich Shergin (1893—1973) for 1942, begun in the "Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2023," as well as previous publications of his diary entries for different years. Shergin's diaries reflect, first of all, his religious experiences, his desire to live according to the Gospel commandments and the teachings of the Church. Every day of the year is lived by Shergin according to the church calendar and is associated with one or another gospel event or the memory of saints.

Keywords: Boris Shergin, faith, Christianity, holiness, Church, tradition.

На 8 июня[1]

Горит лампада, благоухают фиалки, и мысль влечет память чудного ученика Сергиева Кирилла Белозерского[2]. Заутра святая память его.

[1] Публикуемые дневники хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 278, оп. 1, ед. хр. 233). Дневник Б. В. Шергина за 1942 год содержит записи с 21 января по 20 ноября. Материал настоящей публикации — вторая часть записей 1942 года (с 8 июня по 20 ноября). Первая часть записей: Б. В. Шергин. Дневник 1942 года (21 января — 13 мая). Часть I / вступ. ст., подг. текста и комм. Е. Ш. Галимовой и М. В. Никитиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2023 год. СПб.: Полиграф, 2023. Там же сведения о предыдущих публикациях дневников Б. В. Шергина.

© Галимова Е. Ш., Никитина М. В., 2024

Силе и угодью каждого Божиего дня надо внимать. Памяти и праздники святых — то великая сокровищница Церкви. Всяк имеяй уши, чтобы слышать неизреченную музыку неба, всяк, любящий ароматы роз, как пчела, падая по цветам, по дням года, приникая то к одному, то к другому дню, где кому любее, где кому краше, великую, ни с какими сладостями мира несравнимую духовную сладость медвяную обоняет и вкушает, веселясь. Твое сердце изберет вот эти дни, памяти вот этих излюбленных святых, мне вот эти и эти дни особливо пречудны и заветны. Год церковный — сад благоуханный. Там вечная весна цветет и благоухает. Святые Божии угодники, благоуханные цветы рая. О, сколько их, этих цветов, красоту и аромат которых не обсказать человеческим словом! Восторгаешься этим цветам, дивишься на те, любуешься еще и еще.

Роза — царица цветов. С породами сих царственных по красоте и благоуханию цветов, с породами, к породам роз применю великих святых. Святые мученики, кровью своею багряницу прекрасную Церкви исткавшие, — алые розы. Великие святители — Василие[3], Григорие[4], Никола[5], Кирилл[6] — розы белые. Но Хрисостомос Иоанн[7] — алая роза. Розы красные, и белые, и желтые — апостолы Христовы. Прекрасные лилии в церковном[8] саду Христовом — преподобные, святые иноки. Но и с фиалками, с этими столь несравненно благоуханными цветами, сравню святых иноков. Фиалка уединенная, скромная по цветку, ее не сразу и заметишь в тени дерев. Но, пришедшу на запад солнцу[9], этот скромный внешне цветок возносит к небу аромат пречудный, несказанный. В аромате фиалки что-то напоминающее ладан. Воистину, это фимиам, которым кадят херувимы у престола Божия. Обоняя в ночи благоухание фиалки, мыслишь инока, пустынника, возносящего в тишине ночи молитвы Отцу Небесному. «Яко кадило пред Тобою»[10] этот чудный цветок. Говорят: скромный цветок. Но как напоминает свечу церковную этот стройный цветок. И цветение сих как бы восковых лепестков схоже и с жемчугом, и с парчой. Букет фиалок схож еще: будто целый облак белокрылых ангелочков опустился на стебельки.

Помянул, что, ежели можешь, так приникни к каждому дню. Или, хоть в кой день возможно, упразднись поне[11] на мал час и внемли музыке дня, послушай аромат дня.

День святого Кирилла Белозерского.

Вот ведь, на старуху поруха, — действительно, скоро я старик, а мимо меня проходила сия святая память. Так бы и сейгод опустил день святый. Но в канун брателко[12] принес чудесных фиалок. И к ночи оне как бы фимиамом наполнили комнату. А день был воскресный, и лампада всё теплилась. Брателко говорит: «Завтра какой-нибудь праздник!» Поглядели в книгу — святого Кирилла преподобного Белозер-

ского... И вот, впервые за всю жизнь, этот день вошел в сердце как праздник.

Един от учеников Великого Сергия, едина от звезд северной Фиваиды, един из самых почитаемых святых Руси Святой, и так любящей святых иноков.

Видишь Север наш, светлый, привольный. Видишь великое Белоозеро. Криле ветреные подымают волны; волны бегут без конца, ряды за рядами, кричат и носятся чайки. Сизые волны, кружево белое пены, белые стены древней обители. Святое озеро! На его брегах кроме знаменитой Кирилловой обители и Ферапонтов святой монастырь, собор которого украшен рукою великого художника Дионисия. На Белоозере и еще одна обитель — знаменитая Нилова Сорская пустынь, монастырь начальника скитского жития на Руси[13].

Свежий, бодрый ветер веет оттуда! Неустанно звенит оттуда гусль, зовущая на подвиг, зовущая вслед этим рыцарям чудным XIV, XV веков, ученикам ангела России Сергия.

Кирилл Белозерский, Александр Свирский[14], Нил Сорский, преп<одобный> Ферапонт[15], преп<одобный> Мартиниан[16]... О, дивная северная Фиваида! Земля новгородская, олонецкие озера, просторы Насон-града[17], Вологды, тихославная Двинская земля, Соловки... Сия-река. Поморие. О, каков цвет благоуханен, каков плод пресладок принесло христианство на Руси. XIV век, век XV. Вершины русской культуры духовной — сонм святых — и художественной: зодчество, живопись — Феофан, Рублев, Дионисий. В эти два века, озаренные живою еще, непосредственною еще и ликующею памятью ангела-рыцаря Руси, великого Сергия, в эти века, облагоуханные рыцарственными подвигами святых Сергиевых учеников, культура духовная на Руси конгениальна была, равночестна была культуре художественной.

Святый Кирилл подвизался на Севере. Там, в обители его, и святое его тело лежит. Но он пострижен здесь, на Москве. Здесь на Старом Симонове тружался он в поварне и хлебне. Здесь навещал Кирилла богоносный Сергий игумен. А потом чудное видение показало Кириллу прекрасное место в северных странах. Святый вместе с другом своим уходят на Север... Взошед на гору у Бела озера, узнали наконец место, показанное видением. Кирилл ставит крест и хижину. Таково начало пречестныя обители Успенья на Белом озере.

За отца духовного, за руководителя имели преподобного ряд князей. Сохранились в подлинниках (конец XIV — нач<ало> XV века) писания преп<одобного> Кирилла.

Духовная сохранилась преподобного. Ученик «истиннаго ученика Святыя Троицы» так начинает: «Во имя Святыя Живоначальныя Троицы... Се аз чернечищо грешный Кирило игумен предаю монастырь, труд свой и своей братьи, Богу и Святей Богородице...»

Вот пишет святый великому князю Василию Дмитриевичу[18] о примирении с другими князьями: «Вот как на кораблях, княже, если ря-

довой гребец не уладит, мал вред плывущим. А если кормщик солжет — покривит, всему кораблю гибель. А ты, сыну мой, кормчий. ... Не гордись, сыну, не возвышайся, не шатайся суетным шатанием, не слушай льстецов. Ни царство, ни княжение не спасет тебя, господине, от суда Божия».

К князю Андрею Димитревичу[19] этот чернец из дебрей Белозерских, который одеяние ношаше «всегда рубищное и многошвенное», пишет (1408 или 1415 год): «Пусть твои судьи судят праведный суд. Чтобы не было в твоей вотчине поклепов, подметов. Судьи твои не брали бы посулов. Не оправдывай сильного, не правь брата ради свойства, не укрывай друга ради любви. Проклят всяк неправо судящий... Внимай, господине, чтобы корчмы в твоих градах не было, то велика пагуба народу пьянство. Крестьяне себя пропивают. Росту брать за долги не допускай, мыт[20] и купы[21] — дело неправедное. А крестьянам, княже, сам управу давай, сам вникай и внимай, то тебе Бог за велико добро вменит.

И еще, господине: поститься вы тамо не можете, молиться ленитесь. И в то место, княже, умилися о скорбных, о заточниках, об озлобленных, о нужных, трясущихся зимою; буди рука твоя проста, твори святую милостинку. То вам в поста место и молитвы...»

Князь Георгий Дмитриевич[22] настоятелю <запись обрывается>.

16 июня

Христос воскресе! Живоносные, чудотворные слова! Давно прошел праздник, скоро Петров день, а встретил, прочитывая письма святителя Филарета, это приветствие, это целование, и сквозь тяготу болезненности, сквозь печаль и отупение мое всколыхнулось нечто в убогой душе. Я-то ослаб, отяжелел, опал, а сердце, а душа-та без меня та́и[23] знает, где ее счастье, в чем ее здоровье, ее опора, ее утверждение, ее надежда.

Христос воскресе!.. Действительно, уж надо лежать невсклонно, чтоб только в праздники поздравиться да опять и забыть это слово до следующего года. Христос воскресе. Ведь это радость навеки... В святых книгах сказано, как вознегодовала природа о падении человека. Стена встала между человеком и природой, ров велик утвердися за грех человека. Грешный, павший, отяжелевший, огрузший, опустившийся из-за грехов род человеческий перестал понимать душу природы, язык всей твари Божьей. Природа замкнулась для человека. Но воскрес Христос, совоскресив падшего человека. И «днесь всяка тварь веселится и радуется»[24]. «Да празднует убо вся тварь восстание Христово...»[25] Пасха таинственная[26]. Таинственно обновлена и вся тварь.

Вот выписка из древней русской книги толкований на пророка Исайю[27]: «Сущее: горы и холмы изменятся, чающе вас в радости. И вся древеса дубравная восплещут ветвьми. Толкование: зде показуется

обновление всей твари распятием Христовым, и погребением, и воскресением Его. Егда сотворил Бог небо и землю, и рай во Едеме насадил, и Адама сотворил, тогда, испервa, до преступления бысть вся земля, аки рай Божий, от едемскаго рая облагоухалась. И вся тварь в радости служаше первозданному Адаму. Егда же заповедь преступи, вознегодова вся тварь на преступника. Не восхоте человеку служити. Вся тварь восплакала и возрыдала. Цветы, крины сельные и древеса дубравные оскорбишася, видев человека, отвратившася от света, и от благоухания, и от ласки Отчей, а возлюбивша тьму, и смрад, и рабство греху. Поддадеся человек гордости дьяволей, восхоте аки Бог быти, ино дьявол не спит: вознесе падший ум высоко, да опустил низко. Оттоле ползает ум мира сего в тине и блате. Долу низвержен диавол и уму человеческому не дает поднятися горе.

...Убо видев человека потемневша и образ Божий в себе исказивша, вся тварь враждою дохну́ на оскорбителя. Оттоле звери и птицы ужасаются человека, а гады сокрушити его хотят. Море, и реки, и вся воды потопити изволяют человека. К ним же Владыка рече благолепным гласом: “Потерпите, дондеже паки обновлю падший Мой образ”... Оттоле неохотно повинуется тварь суете человеческой. Не волею, но за послушание Владыке Господу повинуется о надежде, яко и сама тварь свободится от работы тления в свободу славы чад Божиих (Павел пишет).

И Златоуст в Маргарите по вышереченному рассуждает: “Егда же исполнися время и приближися спасение наше, Сын Божий вочеловечився, пострадал, распныйся нас ради и воскресе из гроба, расторг узы Адамли, Господи, слава Ти! Воскресением же и всю тварь обновил и с человеком примирил”».

Апостол Павел глаголет: “вся Христос примирил собою, аще земная, аще небесная. Христос всему обновлению начаток, во всем первенствуя”. Внимай Павлу: везде глава Христос, еже есть начаток, и из гроба от мертвых первый восстал, потом же и всех совоскресив с собою. Везде Христос, воскресый из мертвых, первенствует и в земном строении, и в небесном. Зане всяко исполнение во Христе. Слава Обновителю жизни нашей, в нашу плоть облекшуся и собою вся на земле примиривше. Истлевшее наше естество древнею добро́тою (красотою) украсил и с нами всю тварь паки воскресением своим примирил. Оттоле вся тварь о воскресении радуется, яко Христос воскресе, и ад пленися, и древней лик Адамов просветися. Богу нашему слава в веки веком. Аминь» (Русск. историч. биб-ка. Т. XXXIX. Акад. наук. стр. 824—826)[28].

Христос воскрес и обновил в нас падшего Адама. Живоносное, благодатное семя насеяно в тебя и в меня Христовым воскресением. От этого семени рождается в нас новый внутренний человек. Мы должны возрастить и воспитать в себе внутреннего человека, внутреннюю духовную жизнь. Господь вывел Адама из ада. И в тебе, и во

мне властен Он вывести из ада отчаяния моего и твоего внутреннего человека. Тогда еще на земле наступит как рай Христов. Велик труд о сем, но сладка награда. Тогда будет тебе «звездная книга, с тобою говорить будет морская волна»[29]. Будешь понимать дольней лозы прозябанье[30]. В пении птиц, в веянии ветра, в шелесте трав и дерев, в журчании вод — всюду услышишь: Христос воскрес! Весна: идешь в поле, сеют рожь, сеют пшеницу. Какое чудо жизни: сеется не в честь, восстает во славе[31]. «Истинно, истинно говорю вам, если пшеничное зерно, падши на землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода»[32]. Всё о радости, которую никтоже возьмет от нас.

Природа близка к Воскресшему Примирителю. Это видят, это слышат и знают праведные люди, святые иноки. Внутренние очи их видят невидимое, закрытое нашему плотскому глазу, слышат то, к чему глухо наше телесное слы́шанье. О. Амвросий Оптинский[33], еще будучи в миру, шел по берегу ручья. И вот лазурь неба показалася юноше еще более прекрасной, а листва дерев, и цветы, и травы еще более благоуханными, и вдруг он явственно услышал в говоре ручья, в переливах водных струй слова: «Хвалите Бога, любите Бога! Хвалите Бога, любите Бога!»

И в жизни подвизающихся о Христе и в наше время нередки такие примеры...

И вот, даже болтаясь или валяясь около этого благодатного мира, не войдя в него (одежды не имам да вниду!)[34], возле ограды шатаясь, иногда воровски, как тать, пытаясь перелезть ее, зная, что не вправе зайти воротами, вот и в таком босяцком положении «чуешь смущенной душой»[35] преславная. Нищий и копеечке рад. Ну, Христова копеечка дорогого стоит.

Сейгод в Христову ночь я с брателком поссорился и к заутрени опоздал. А побрел один по переулку. А темно, а вода. Горе взяло. Ино человек из-за угла, чуть не столкнулись. А человек и сказал: «Христос воскресе!» Точно мне тысячу рублей в руку положил... Я опомнился да уж в спину ему крикнул: «Воистину воскресе! Воистину воскресе!» И сердце отошло, как весной трава из-под снегу выскочит.

Городом, домами этими бредешь, учреждениями, люди бегут, бегут — гонит их суета и нужда. О, Владыка, восстани в нас, падшим нам подая воскресение[36].

Асфальтом-то слепым мимо слепых домов бредешь, сдумаешь иное: где тут Христос? Ни[37] близко! Нет, близко!! Воскресый из мертвых, вот Он проходит Божиим миром, аще город, аще поле, нигде ему не загорожено. Вот, гляди: город, кирпич, асфальт, железо, а ласточки как свирели свистят, не гнушаются камня, а зелень в садах, в переулках, как нежна и цветна, а небо — не та ли же лазурь, не те ли облака над городом, что над полями. А в ночь не те ли же звезды сияют. А зори вечерние не тот ли же «Свете тихий святыя славы»[38]. И не при той

же ли заре утренней, что тихо и светло встает над городом, поют в пустынях: «Слава Тебе, показавшему нам свет!»[39] ...Везде Господь! Везде Христос воскрес. А главное — в нашем сердце! Здесь воскресение Христово в первых да будет...

3 июля, четверг

Горе человеку, живущему по своим волям, плывущему без руля и без ветрил. Горе мне, живущему без правил, без порядка, без чина, без устава. Я сам себе правило, сам себе устав, сам себе порядок. И получается, что живу бесчинно, беспутно, беспорядочно. Всякие ветры меня поревают[40]. И не то что один день я как бы мирен, а другой день разорен. Нет, в один день, то переменяясь, а то и враз дуют на меня ветры со всех румбов. Люблю в себе состояние, вернее, настроение мирное, люблю чувствовать, что около веселия духовного хожу, около радости некия. Люблю записать эти настроения...

Ведь и болезнь, и думы тяжелые, безнадежные, как-то рассеиваются, бледнеют. И заживает в тебе человек новый. Какое это радостное состояние!.. Но вот вчера было и до вечера, скажем, состоянье мирное. А сегодня я уныл, дряхл душою, сегодня дух мой болен, совсем как вот тело болеет и хочет лежать.

И уж ничто не помогло, никакие мои «тонические». Ни чай крепкий, ни кофе, ни кофеин, ни пирамидон. Только розняло всего на части, распался весь. А дух, как лежал, сложив бессильно крылья, так и остался лежать. (Хочется добавить: на дне курятника. Ибо я не храм для духа, а курятник.)

Истинно, я суденко разбитое, кверху дном в море носимое, истинно, я лист, от дерева оторванный, под ногами у прохожих валяющийся... Нет у меня правила, нет в жизни порядка, нет ограничений (значит, нет и свободы), нет закона, некого слушать, некому велеть, некому приказать...

Что хочу, то и делаю, а не хочу, ничего не делаю. Возьму книгу Божию, отложу — нет настроения, возьму лестовку — бесплодное занятие, лучше записать что доброе. А доброе на ум не идет... С вечера налажусь к обедне встать — просплю: голова болит, ехать далеко, в какой храм, не знаю. Там пение концертное, там поп неумен, там покойники всегда.

...Опять, иное, к доктору надо: день уйдет. И дела бывают. Думаешь: ужо к вечеру «упразднюсь». А вечером в недосуге ночь подкатит, лечь надо и своим покой дать.

Не молюсь: успеется, нет настроения. Не пощусь: сложно учинить, устроить, как будешь наособицу...

А раз никого не боюсь, никого не слушаю (не считаю себя обязанным никого слушать), ничему не следую, никаких регламентов не знаю (ведь никто мне никаких правил не дал, устава не предписал, ни-

кому ни в чем я не обещался), дак я и влачу часы и дни жизни по случайным настроениям.

Конечно, при крещении дано обещание жить по уставам святыя Церкви. Конечно, и мирянин обязан соблюдать посты, содержать поне малое молитвенное правило, жить по заповедям.

Но... мир упал в слабость, кто в миру постится, где в миру найдешь семьи, живущие по уставу церкви? В мире все живут в слабостях, в страстях, доброе и злое смешано, спутано. Мирские люди, и хорошие, младенчествуют умом. В страшных твоих испытаниях они беспомощнее тебя. Несчастья давят их. Мирские люди живут как мотыльки, около них гибнут, и они гибнут, и все танцуют, танцуют в чаду, в хмелю каком-то, стараясь не думать о неизбежных болезнях, уходе близких, бедах, смерти... Проходит столь краткая пора молодости, когда всё кажется в розовом свете, настают годы, для большинства безрадостные. Плачут бедные, плачут достаточные, плачут семейные, плачут одинокие. Суетятся, мятутся, бьются, копят, собирают, оставляют, враждуют, завидуют, ненавидят, блудят... А в общем, как говорил о. Амвросий Оптинский, «к людям надо относиться как к детям». А вернее, как к больным (обходиться, как с больными).

...Вот что такое мир. Какая он помощь, какая он опора. Пока ты здоров, пока у тебя кровь играет, пока готов ты развлекать «общество», зубоскаля день и ночь, пока угождаешь ты этому глупому жестокому чудовищу — миру, он приемлет тебя. А чуть по болезни или ради горя перестал ты чесать пятки «миру», он тебя бросит ту же минуту, как негодную ветошь: подыхай. Отойди от мира на пядень, мир отскочит от тебя на сажень.

Вот что есть мир! Кому он дорог, безумен тот, кто его ценит, кто, упав в неизбежные для человека болезни, скорби, беды, пытается у мира найти объяснение и утешение. Все науки, философии, доктрины, все пути-дороги, что указывает мир ищущим смысл жизни, смысл страдания, ведут в тупики, в тину, в болото, в яму. В итоге всех наук, всех учений, философий, в итоге всех учений, в конце всех жизненных путей, коими ведет безбожный мир сей, — плач и скрежет зубов. Я узнал цену миру сему, упавши в болезни и нужду. Но вот, в *наши дни* уж и безумный видит, и ребенок чувствует весь смрад, весь срам, всю ложь, всю подлость, всю преступность, всё свирепство мира сего, в наше время перестал мир прикрывать срамную, растленную, гнилую, трупную свою сущность. Мы все воочию видим, что все эти идолы *социальных* учений, всё, чем и у *нас* многие начали увлекаться еще с 40-х годов, а особенно в 60-е, и что привело к гниению, смраду и аду, всё это блуд, смрад, гнусь, яма бездонная, смерть, самоубийство, преступление. Пока смрадные извержения *учителей* и *вождей* века сего хранились там, где им быть полагается — в ретирадах[41], еще можно было <1 нрзб.> тупоголовым тупицам превозносить, хвалить, расписывать.

Ну а как *пропаганда* достигла своего и десятками лет зревшие гнойные нарывы наконец лопнули, дак уж и нос захватя, дышать нельзя. Уж видно, что всё это гной, кал, падаль. Ино то уж ладно, что так случилось. *Идеалы* давнишние *«передового прогрессивного»* человечества себя показали во всей красе. Это *коммунизм, социализм*, это *цепь* подлых насилий, это *голод*, *война*, это *газы*, это *бомбы*, это *СССР — тюрьма народов*.

Мне кажется, *«передовое* и *прогрессивное человечество»* само ужаснулось, воочию узрев воплощение своих идеалов: *прогресса*, цивилизации и т. д. и т. п. И о сем до зде[42]. Тяжело проходить мимо давних запущенных уборных. Неинтересное занятие — доказывать, что от них смердит, особенно людям, потерявшим обоняние, не различающим смрада от благоухания.

А к благоуханию-то охота вернуться.

Сад без ограды скоро вытопчет скотина. Река в крутых берегах сильно, и напористо, и круто течет, разлившись по равнине, не имея опоры и упора в берегах, река мельчает, заболачивается, становится тинистой, иловатой. Шуба нагольная, непокрытая портится сыростью. Стены без крыши — не дом, корабль без руля — игралище ветров, книга непереплетенная, без застежек, скоро истреплется и развалится. Стадо без пастуха будет голодно и растеряется, благовонное масло должно храниться в уготованном сосуде, чтобы оно не выдохлось, не вытекло.

Принятие на себя *иноческого* чина, пребывание в *монашестве*, приятие обетов *иноческих* — вот что оживит мышцы, укрепит костяк расслабленного нашего тела.

27 июля, воскресенье[43]

Ни радость вечна, ни печаль бесконечна. Давно ли, давно ли весну следил, к весне прилежал, ловил весенние настроения, а се вот осенние скоро праздники — и 1 августа, и Преображение, и Успение. Давно ли, кажись, полз я старым переулком, и меня обгоняли ручьи вешней воды, давно ли, шедшу мне к преждеосвященной, под ногой хрупал ледок... И вот уж скоро «мелькнет желтый лист на зелени дерев»[44]. Так вот у меня и жизнь прошла. Давно ли, кажись, молодость была, и как быстро, как незаметно пришла осень.

Брати́ло еще на дачу собирается, но уж Ильин день прошел, и Борис и Глеб прошли, и лето на выходе.

Сейгод пышна зелень в городе. Я тягости лета в городе не ощущаю. В подвале не жарко. Брателко бьется за меня, мне всё под нос принесет. Я теперь к ночи разве выползу на улицу. Изредка туда, «к себе», к Петру и Павлу ползу. Хоть не пыльно и не вонюче нынче лето в Москве (дожди перепадают, машин мало), а всё в день плоско как-то улицами... Хотя неба, неба се лето много над городом, чистого неба.

И думаешь: что там деревня, не эти ли же серебряные облака, не сия ли лазурь и там, над полями.

А вечером люблю я, как начнут свиристеть ласточки. И оне природу в Городе водворяют. Как, вот, дождь летний, омывающий камни Города. В дождь омываются старые плиты города, древние фасады. А омытый дождем булыжник старых переулков кажется гармонично тканым ковром. Каждый камень омытый кажет свой цвет. А слепой асфальт темнеет, и асфальтовые тротуары возле домов кажутся канавами черной стоячей воды.

Люблю плиты, что бегут еще возле домов в старых московских переулках. Они сродни столь поэтическим плитам старых кладбищ. Вяло и плоско тянется слепая, глухая, немая корка пыльного асфальта. А эти плиты как живая меняющаяся речь, как ручьи каменные обегают старые дома. Некогда оне были уложены ровно. Теперь видим их под углом одна к другой, иные треснули, покрошились с краев. Но какой у них чудесный цвет, серебряно-седой на солнце, а в дождь одна плита видится перламутровой, другая — из слоновой кости. Шагами многих, многих поколений отшлифованы эти плиты. Дождевые капли бесчисленных дождей. Ступаешь по этим прямоугольникам (ступаешь так надежно, — они так глубоко сидят в земле, словно растут из нее), ступаешь, словно считаешь их, словно страницы каменной книги города читаешь... Полированными желобами, вымоинами, выбоинами, узорными трещинами, царапинами много, много успеют тебе рассказать эти старые плиты старых, старых переулков. Столько не скажет иная эпитафия в стихах...

В Петров день шел я «своим» Подкопаевским переулком. Полдень, а тут тихо (и дивишься: в Москве ли ты?!). Старые дома рады солнышку. Эти вот подслепые лица подставили солнышку, уставились радужными бельмами, и смигнуть им неохота, так и дремлют. А ряд приятелей и сверстников ихних зады с надворья солнышку греть предоставил. Там старые крыльца, галдарейки, неожиданные мезонины, нужники. (В Москве часто так. Идет скучная улица. Обаналенные, обезличенные сплошные фасады. А вошел во двор — и увидишь сказку: старинные «глаголь» или «покой» корпусов еще барочных. Рокайлистые наличники окон, белое по синему, высокая, нахлобученная крыша с люнетами слуховых окон. А как много александровских, екатерининских, николаевских дворов-ансамблей. Красивые подъезды, внутри красивые вестибюли, широкие марши лестниц, изящно, у места поданные оконца. И это в рядовых домах, в глухих переулках. И опять высокие черные крыши, с чердаками обширными, поместительными. Теперь жмутся, выгоняя сантиметры, а прежде ширилась усадьба во весь квартал, ширился дом на усадьбе... С садом, с огородом...)

Ино я о переулке «своем» Подкопаевском заговорил да на широкую улицу свернул. А опять в переулок свернем... Видно, никто не ездит тут. Сквозь булыжник проросла трава, а возле домов, у подножия

домов и оград, словно чистыми изумрудными плюшевыми дорожками здесь постлано... И середи улицы сидит младенец голенький, в одной распашоночке, и пытается сплести себе венок, накладывая на головенку весенние цветочки. А в нише старого дома сидит и шьет его мать, и во весь переулок слышна ее песенка. Была такая здесь тишина, что песню молодой матери слышал с одной стороны переулка старый Никола Подкопай, рассевшийся на серых плитах туда вниз, к Солянке, а с другого конца переулка слушал песню грузный и великолепный некогда дворец Найденовых[45].

Я и зимой, и в весну, и теперь в лето брожу этим переулком к службе. Приду домой да рассказываю, что в «центре» улочка, а посереди ее на травке дитя сидит и веночек плетет. А мать шьет, сидя в амбразуре-оконце древнего дома и не боится, что дитя ее раздавит телега или машина. Еще рассказываю я брату и племяннику, что на вечерней заре и «государь мой дедушка», и порядовные ему дома справа и слева, что утром греют широкие зады, храня в тени породистые переда-фасады, чтобы не выгорели, да не вылиняли, да не выцвели, теперь, на вечерней заре, подставляют закату старые свои лики. Озаренные тихим светом вечерней славы неба, похожи эти дома на старых стариков, стоящих у вечерни и под пение «Свете тихий» умиленно взирающих на иконостас, залитый сиянием свеч.

Я сказываю, а братико в эту пору из очереди прибежал, в столовую бежать посуду собирает за обедом... Он послушает да горестно взвопит: «Нету, нету такой улочки, и цветов там, травки там нет, и дома эти рассыпаны, и свет тихий погас...»

3 августа, воскресенье

Как хочется, о, как хочется, чтобы если не радость, то хотя б мирность-то эта подольше во мне почивала. Утлая я посудина, и редки таковые дни и часы... Смолоду, бывало (а и не так давно!), светлое настроение не раз охватит, когда стоишь обедню, тут у нас в Кленниках служащу отцу Сергию[46]. Великое дело — благоговейный иерей. Да и восприимчивость молодости... Храм Феофании[47] на базаре стоит. Округ и трамвай, и киоски и *радио* близ поставили псы. Но вот мира состояние некоторое за обеднею стоя ощущал. И настроение или желание молитвы приходило. Я такой разболтанный, несосредоточенный, мне всё мешает за богослужением, возмущают концерты, к тому же б<ольшей> ч<астью> неважно исполняемые хором, приглашаемым в праздники. В будни досаду наводят козлетоны дьячков и пронзительные выпевания баб. Толкнет ли кто, разговаривает ли кто, всякий шум, нестройность во время богослужения (теперь ведь в одном приделе обедня, в другом отпев, в третьем крестят, у свечных ящиков бабы дерутся и кричат, разбирая поминальники, и т. п.), а в *Елохове* постоянный шум извне. Всё это мешает сосредоточиться. (При этом и компромиссность *блаженнейшего* в свое время весьма соблазняла.)

Всё это сбивает «настроение», и без того слабое, маломощное. И всё же слова *литургии* настолько они сами в себе живоначальны, чудодейственны, божественны, что покрывают и нестройность обстановки богослужения, и внутреннюю нестройность человека. Литургийные возгласы от иерея или епископа, ответствия хора настолько пречудны и пренебесны по сути своей, что неудачное оформление этих словес певцом или певцами не может угасить силу их. И вот и в «избранной» церквице Петра и Павла стою равнодушен, не могу себя собрать, а вот сегодня, слава Богу, и у большого многолюдства, где не без сутолоки, как-то хотелось молиться. И хотя опытом я себе дознал, что не надо по окончании литургии, не надо бродить мне по обширному храму, не надо рассеиваться мне ненужным, а надо, как тот инок (из Патерика), уносить с собою «молчание» святыя литургии. Надо «бежать», как он, куда-то. Хоть на полчаса... В этом отношении блаженна оная церквица Петра и Павла. Идешь туда тихим переулком, и если мир каков стяжал в душу, то и обратно можно нести его, как свечечку. Но была бы способность стяжать этот мир, эту радость, это утешение от Божией службы.

Самочинно я попривык идучи, иное и трамом едучи, повторять молитвы. Но, во-первых, я, м<ожет> б<ыть>, делаю не то, что надо. Во-вторых, настолько убога мера моя, что разве губы лепечут, а душа и сердце молчат. Вялое, расслабленное тело, болезни, всякая житейская неустроенность, болезнь брата, моя беспомощность гнетут меня, тревожат, беспокоят. И хожу, и сижу, всё как неприкаянный. И дома никому нет от меня спокоя.

...Трудно мне сосредоточиться в храме. И вот я что полюбил. Как, бывало, в деревне в лес, на обрыв выйдешь, и тишина, иное, сойдет на душу... Се лето живя в городе, люблю я зарю вечернюю: тот же ведь это «свет тихий», что и там, скажем, у преподобного Сергия в Хотькове, светит в мое окошечко «пришедшу на запад солнцу». Сейчас август начался, ночи темные, звезды ярче сияют. И вот, как потише станет, закроются ставни глухо, и... одно только небо видишь над глухими, темными громадами домов. Дома, как утесы, как берега сумрачные, а небо, как протоки морские, как море меж великих камней, углами да хоботами. Вечером и ночью уж не пялят теперь дома тысячи своих бельм в темноту. С сумерками притаятся дома, таясь и страшась «вещи во тьме преходящей, страха нощнаго»[48]. Как дети, рано ложатся теперь дома. Сразу с головой глухо заокутываются одеялом. Хоть не спит, а крепко смежит тысячи своих глаз город. И, как только смежит глаза город, откроются очи неба.

Знаю, в Евангелии слово Твое чту, в шуме тихом дерев, в музыке, в гармонии природы Тебя вижу. И Ты со мной в ласке, в заботе, в любви — братика моего блюдешь в его заботе обо мне, в его жалости ко мне. Всё Ты говоришь: «Это Я».

5 августа, Преображение, канун

Люблю этот праздник, Спасово боголепное Преображение. По воспоминаниям детства, таким отдельным от последующей жизни, столь несхожей с жизнью там, на далекой родине. Север наш озарен светом Христова Преображения. На Соловках был престол, на Валааме престол. В Заостровье у нас не Преображенье ли? И в Соломбале Преображенский собор...

Любы эти воспоминания о празднике Христовом там, на родине. Но ведь всюду светит Христос, Отчее сияние. Всюду, на всю вселенную, на все времена свет Преображения.

6 августа, среда, Преображение

Стоял у литургии (архиерейская была служба в *Елохове*), и вот что отстоялось в святый этот праздник от литургии в душе: как праздник велик, как литургия божественна, и как я мал, слаб, бессилен, немощен. Небо литургии звездами похвалы Преображению Господню сегодня украшено. То тропарь, то стихиры, то кондак. И — «величай, душе моя, на Фаворе преобразившегося Господа» — многократно выпеваемое. Чуден и жизнеподателен свет Христов.

...Лик Его был светел, как солнце, и одежды белы, как снег[49]...

И нет в мире ничего светлее Христова лика. Того ради и зовем Ему всегда: «Просвети лице Твое на ны, Христе, Свете истинный, да знаменается на нас свет лица Твоего»[50]... Христос свет, и вера Христова свет. И чудо Божие, оставленное еще на земле, — Божественная литургия, она крылья подает нам: давай, полетим... Горé имеим сердца — зовет литургия. Всякое ныне житейское отложим попечение... Иже херувимы, тайно образующе[51]... Выше да выше сердце-то возносит святая обедня. Все чинопоследования служебны перед нею. Каноны, молебны, — святых славим, иконы почитаем. О здравии родственников бесчисленных поминаем. Божественная литургия орлиные криле сразу подает, сразу взмоет душа-та в златую высь небесную. Вот литургия оглашенных, всё Христа Света единого единственного, единую благость, единую жизнь нашу, Христа Всемилующего, неизменяемого, всё Христа, всё Христу Свету поем: «Единородный Сыне... Придите, поклонимся и припадем. Спаси ны, Сыне Божий». И по Христове Евангелии с херувимами нас ставит в ряд Церковь Христова, обедня честная[52]. И дальше что ни возглашение, всё как молний блистание. И уж Его самого воушию слышим: «Примите, ядите, пийте от нея вси...»[53] И — небо отверзается: «Твоя от Твоих»[54], — иерей возглашает... Всё пречудно и страшно...

А сегодня, говорю, какими алмазами украшена святая литургия! Чудные стихи антифонов, многократно припеваемые, сначала: «Молитвами Богородицы, Спасе, спаси нас. Осветиша молния Твоя вселенную, подвижеся и трепетна земля... Горы Сионския, ребра Севе-

ра — град Царя великаго. — Спаси ны, Сыне Божий, преобразивыйся на горе поющия ти, аллилуйя». А стихи 3-го антифона как расцветшею розою проложены пением тропаря: «Преобразился еси на горе, Христе Боже... Господи, кто обитает в жилище Твоем, или кто вселится в гору святую Твою»[55] и тропарь.

В праздник входишь в храм, и уж готов тебе пир, сладчайшее угощение, яства сахарные и пития медвяные всегда готовы тебе у матери Церкви. Одна Церковь знает, в чем счастье человеческое. Одна только Церковь Христова укажет тебе, к чему надо прилепиться душой, чтоб жить счастливым в сей страшной юдоли. Вот сегодня Церковь Христова, матерински объемля нас, поет многократно, поет и нам велит петь: «Величай, душе моя, на Фаворе преобразившагося Господа».

Благо тому, кто здоровье-то телесное, телесные-ти силы не расточил, как я дотла расточил их в молодости. А вот теперь стою у святой литургии в такой праздник. Слышу: «Горé имеим сердца». Хочу махнуть крылом-то пошире, хочу взять повыше, а не тут-то было. Охота бы взять соколóм, а гузно-то кошелем. Огруз, отяжелел, слаб, малосилен. Как лошадь опоенная. Сколько кнутом ни стегай, она только топчется на месте, а уж не побежит вскачь.

Ретиво я работал греху, уйдя в страну далече из дома отчего. Все силы душевные греху отдал, всё вдохновение впусте истощил. Теперь, как пропали силы те, притащился в дом отчий, а уж приходится тут жить дармоедом. Уж не оставил я сил Отцу-то, дому-то Отчему поработать. После обедни простая на вид, обыкновенная такая женщина воскликнула, прижав худые, загорелые, рабочие руки к груди: «Господи, какая радость вот тут! Господи! Какие мы счастливые!» И как расцвело некрасивое ее, немолодое загорелое лицо...

А я стою «уши врозь, дугою ноги, и как будто стоя сплю...»[56]

А это правильно я догадался не бродить по службе по храму, а отойти, унеся в себе, с собою, что в силах был от святыя службы взять... Кругом храма там трамвай немолчно лязгает, радио воет, публика бежит или стоит в очередях. К алтарной стене прильнул садик. Трава, деревца молодые... небо лазурное с облаками; перекрытия и купола величественного храма. Отвернешься от базара, видишь только стену храма высокую, веточки нежные, лазурь небесную и облака над домом Божьим. И думаешь: «Слава Богу о всем».

Сказано: лучше одно «Господи, помилуй» в соборе, нежели сто молитв у себя дома. Конечно: великое дело соборное моление. «Брат от брата помогаем, яко град тверд»[57]. Но при моей душевной неурядице, при моей разболтанности, несобранности я и о людях тоже думаю. Мне кажется, что каждый стоит сам по себе. Мужчины стоят вперемешку с женщинами, устава о крестном знамении и о поклонах не соблюдают. Кто пал, кто встал... Правда, в наши дни не только враждебно настроенные, но и равнодушные не пойдут в храм, но и настроенность у стоящих в храме быстро срывается малейшей причиной. Но, конеч-

но, это исключительно моя вина, моя беда, что я-то настроенность свою и у святой литургии стоя, и в Христов праздник быстро и часто роняю и с трудом подымаю. Середь храма встану — толкают, и всё развлекательно: свет со всех сторон, людно со всех сторон, священнослужители бритоусые, хор под ухом концерты выделывает, сопрано визжат, ежеминутно свечечкой стучат в плечо... За углом место выбрал, понравилось: хоть не видно, да слышно, не толкают. Знай слушай службу. Ни ты людям, ни тебе люди не мешают. Можно ослониться о перила киота, ино ногам не так трудно. Калечные ноги не так одолевают. А то ведь постоишь малость да и начнешь кряхтеть: кабы присесть, а присесть всегда негде. А тут, говорю, можно о перила облокотиться. Слушай да слагай Божье слово внутрь себя. Дак опять от усталости ли, от лени ли восприятие-то быстро притупляется. Иное ведь сердце — земля, а иное — песок. А я — тина, болото.

Огруз, говорю, отупел. Быстро утомляюсь на людях, даже в храме, вот излишние вычуры и галантерейные украшения иконостасов, киот как бы мешают, концертные сопрано хора разбивают. Ладно ли это, что я вот и тихими переулками идя к Петру и Павлу, больше, м<ожет> б<ыть>, острее Страстную и Светлую недели ощущал, нежели в храме у службы. И сейчас с каким-то отдохновением вспоминаю, как я сидел в садике у стены храма и глядел на голубизну неба над куполами... И как хорошо бывает в тиши ночной вздохнуть, смотря звездное небо, внимая тишине...

7 августа, четверг

В саду церковном круглый год цветы благоухают, пресладкие спеют ягоды. Иная седмица подойдет, как звездами усыпана лю́быми тебе памятями. Вчера боголепное было Преображение (престол на Соловках, на Валааме). Сегодня, 7-го, обретение мощей святителя Митрофана Воронежского и преставление иеросхимонаха Оптинского Антония, игумена Малоярославецкого. А завтра Зосиме и Савватию Соловецким память.

Книгою писем о. Антония долго я жил. Светлый, ясный ум, сердце милующее, необыкновенная доброта, ласковость, чудесный, добротный такой и важный по-старинному и в то же время домашне уютный язык писем Антония неподражаем. Читаешь и чувствуешь аромат старинных низеньких комнат с вымытыми полами, мебелью времен дщери Петровой; цветы на оконцах, Божие милосердие по углам и стенам[58]. А у о. Антония еще книги, книги... В оконца келлии сквозь листы герани, фуксий видна белая монастырская стена, старые яблони... Язык писем, дух, аромат писем о. Антония воскрешает целый мир, удивительный быт России до половины XIX века. У себя на родине, в старом далеком городе, я в XX столетии застал этот быт. Письма о. Антония б<ольшей> ч<астью> к его детям духовным. Писаны

в 40-х — 60-х годах XIX столетия. Но до чего же всё в них для меня живо, светло, весело, приветливо, благоуханно...

Вырванный из любимой обители на подвиг игуменства в М. Ярославец о. Антоний вернулся в любимую пустыню в 1859 году, где и жил «на покое» до кончины своей в 1865 году (7 авг.). Он болел ногами; отекшие, изъязвленные ноги еле позволяли ему двигаться. Но как же он всегда был благодушен, светел, любвеобилен. Последние годы как бревна лежали его раздутые ноги, отекал живот, он не мог сам ворочаться на койке. Келейник с содроганием перевязывал неизлечимые, ужасные раны ног. Но какое светлое сияние излучал благостный лик старца, какой тихий свет струился из его очей. За год до кончины старец всем отворил двери своей келлии, хотя страдания его усилились. «Где печет наше красное восхожее солнышко? — спрашивали приходящие в обитель богомольцы. — Где сидит дорогой наш батюшка?» А батюшка, тяжело дыша, обливаясь потом от мучительных болей, всех принимал простертыми объятиями. Старец Антоний Оптинский был страдалец (как страдалец был и о. Амвросий, да ведь и о. Лев-Леонид[59] не мог ходить, и о. Макарий[60] был косолап и был заика), но он забывал свои страдания, днем утешая в страдании других, ночью молясь Распятому, взирая на Его язвы.

Вот какие старцы жили в русских обителях в XIX веке. И таких старцев был целый сонм не в древности, а в XIX веке! Были и жившие в дебрях, в расселинах земных, молчальники, неведомые миру. Были жившие в монастырских корпусах, в кельях с занавесками, с стульями, с геранями на оконцах. Но благоухание святыни, но подвижничество сияло и в монастырских корпусах таково ж, как и в землянках.

25 августа, среда

Прошли дни Богородичны.

...Дни... Как хорошо. Пятница, суббота и воскресенье о Ней были. Словно тихая музыка звучала над Ея благоуханным гробом. Роза таинственная, лилия небесная — поет о Ней Церковь. И храм благоухал в цветах. Ароматы цветов, сияние свеч, струи фимиама и гроб. Гроб Матери Жизни... И «гефсиманский чин» Ея погребения[61]. Гроб Богоматери... Погребение Божией Матери. Стоял в хороме этот чин, и текли слезы от жалости какой-то острой и светлой. Что более живо, чем имя Матери Жизни? Чей кроткий прекрасный лик смотрит на нас с иконы в храме или дома? Кому мы утром рано и вечером поздно поем, с кем беседуем, хоть на минуту подойдя к иконам, кому вздыхаем, на кого взор возведем? Всё к Ней, всегда о Ней, Матери Божией.

И каково же сердцу слышать рыдательные стихиры, надгробные стихиры Богоматери.

«Егда сниде к смерти, Живота безсмертнаго Мати»...

Царица Небесная, Владычица — образ, окованный в ризах. И другой образ Ея, нежный, живой. Древний, древний, потемневший от

скорбей рода человеческого лик Ея на святых Ея достопоклоняемых иконах. Уж и не различить лика-то, темен от древности, токмо риза сребропозлащенная сияет.

Апостолы, «как лист по ветру», принесены были к смертному Ея ложу проститься с Матерью Жизни. И вот мы, через века, забыв время и пространство, вот и мы стоим сегодня у Ея гроба, растолкали толпу веков и припали к Ея гробу. Исчезло время, растаяли века и времена. В Боге всё вечно, всё теперь, всё здесь. Перед сердцем твоим горящим расступилась толпа веков, рухнули неохватные стены истории. И ты видишь Ее, только что очи смежившую. Рыданиями прерывают пение свое апостолы. Звенит кадило в руке Петра. Тихо поет он, покойно его старческое лицо. Пускай бегут слезы, не морщится лицо галилейского рыбака. Он сам скоро пойдет в тот свет, куда отошла Мать Того, кого Петр возлюбил паче всех.

Но что же ты рыдаешь, припав к Ея стопам, что же ты так страстно рыдаешь, божественный Павел? Ты поэт, ты философ. Петр и Павел, что вы плачете?

— Я не плачу, — говорит Петр, а слезы всё текут. — Апостол любви Иван плачет, Она жила у него, Павел плачет, сердце Павлово, вселенная плачет, провожая Ее. А я не плачу, я сюда на крилах ветра летел, это от ветра слезы видишь у старика. Я одинова плакивал, помнишь, когда алектор трижды возгласил[62]...

И опять звенит кадило и голос Петра:

— Благословенная Владычице, просвети нас светом Сына Своего.

С Петром что не разговаривать. Он день лазурный. Солнце ты, Петр. Что тебя не хвалить в лицо, тебя мир хвалит, на тебе Церковь, ты камень вечный, надежно с тобой. И просто с тобой. Сто́ит к тебе приступиться, а там грейся в твоих лучах. Может, и стукнешь в сердцах, рука у тебя твердая.

Ино мне вот еще куда надо — к Павловым стопам сунуться. Павел это брада темная, лик бледный, горбонос, лыс Павел, как не узнать... Вон, вишь, на иконе пророки и святители, Византия Павла узнала, греки, Африка узнала, V, X, XV века, Рим... Киев, Русь — все его узнали, Павла великого, Павла божественного. Два тысячелетия ежедень его слышим. А вот и свиделись на погребении Богородицы. Как ночь со звездами коснулась ног Пречистой, Павел, Павел, уста Христовы, Павел огонь, Павел вдохновение, Павел мудрый, Павел рыдает, провожая Матерь Жизни.

То место облобызал, где стопы его, мир обошедшие, стояли. И сын грома[63].

29 сентября, понедельник

Ореол одиночества озаряет личность препод<обного> Савватия Соловецкого. Иной характер имела жизнь и деятельность двух других

главных святых Соловецких — Германа и Зосимы. Герман не сидит долго на одном месте. Он всю жизнь устраивает, хлопочет, беспокоится о тех, к кому прилепился сердцем. Он и умер в дороге, возвращаясь из Новгорода, куда ездил хлопотать за свою обитель. Препод<обный> Зосима — это матка в улье. Он, как только ступил ногою на остров, сразу начал строить обитель, сам ронил лес, сам строил кельи. Богатый, но пустынный, дикий край. В дебрях, в тундрах кочевали финские племена. Белое море, великие реки. «Пусть это всё будет Святая Русь», — говорит Зосима и строит на диком Севере оплот культуры христианской, культуры русской. Великая Русь, стряхнув татар, начала расправлять члены, собираться с силами, осматриваться. Великая северная страна от Урала до Скандинавии предопределена была великому, могучему народу, естественно она входила в состав великого государства. Воссияла на Севере Соловецкая обитель, и великий край получил душу, стал частью могучего организма, Север стал частью Святой Руси. Север оживился духовно. В дебрях исполинской страны, еще полуфинской, засиял маяк древнерусской культуры, по существу европейской и христианской.

Таково дело, таков подвиг народный и государственный преподобного Зосимы, помимо того, что лично это был святой подвижник. Зосима, как и преп<одобный> Савватий, был ярким светилом того великого созвездия преподобных иноков XIV—XV веков, во главе которого сияет ангел России преп<одобный> Сергий.

Препод<обный> Савватий был великий пустынник, безмолвник, отшельник. Он «един, уединенный», всю жизнь бегал славы, бегал лица человеческого, молвы человеческой, дел мирских, всегда связанных с суетой. Преп<одобный> Савватий всю жизнь «настоящего града не имел, грядущий взыскуя»[64]. Савватий видится как одинокая горная вершина, сияющая неприступною вершиною вечных снегов. Благоговейно, издали любуешься на эту пренебесную вершину. «Горé имеим сердца», — доносит оттуда ветер литургийный возглас.

Преподобный Савватий...

Великий...

Он всю жизнь бежал от мира, от всего, яже в мире[65]. Он бежал и от благоговейной любви собратий иноков. Савватий остается одиноким, как горная вершина. Но как она близка к Богу! Сколько бы раз ни возвращался думою к этой горной вершине, далекой от мира, всегда вместе с этой думой о святом точно слышишь пение херувимской песни: «Всяку ныне житейскую отвержем печаль»[66]. Воистину ангел земной был преподобный и богоносный отец наш Савватий, начальник Соловецкий.

Герман, сопостник Савватиев, проведший с ним несколько лет, Герман, любящий, ревностный, благоговеющий к великому сопостнику своему, очевидно, жаждал, чтобы столь яркий светильник, как преп<одобный> Савватий, еще при жизни, еще здесь, в теле, на земле

был наставником, руководителем монахов. Герман, очевидно, мечтал об устроении обители под началом такого великого подвижника. Герману хотелось как-то успокоить и маститую уже старость Савватия. А ведь им никто не помогал. Девять месяцев в году остров отрезан от матерой земли, от людей. Герман хотел, чтобы у старца было теплое жилище, одежда, пища. А на острове — они двое. И вот в лето 1435 Герман «нужных ради потреб» выплыл на матерый берег. Но великий старец в это же лето был потребован к почести высшего звания. Не дождавшись Германа, «един уединенный» Савватий уже в глубокую осень тоже переплывает морскую пучину, чтоб, встретив священника, причаститься св<ятых> тайн и почить здесь же в прибрежной часовне.

В «Патерике скитском»[67], где собран сладчайший мед от житий древних преподобных отец, говорится, что некий инок жаждал знать, который из двух великих отцов — странноприимец Макарий или анахорет Арсений более угодил Богу. И этот испытующий инок имел видение. Сначала проплывает перед ним корабль Макариев. Он полон ангелов и цветов, слышна сладчайшая музыка, сладкое пение. Ангелы обсели Макария, как венки благоухающих цветов, ангелы беседуют с Макарием, кормят его райскою пищею...

Этот нарядный корабль проплывает. В мире восстает великая тишина. Тишина торжественная, неизреченная. И вот проходит корабль Арсениев. И в нем только Арсений и с ним Дух Святый, Царь Небесный Утешитель... И в тишине великой пренебесной, в тишине надмирной светом неизреченным закрылось видение второго корабля.

Сюда можно применить и Соловецких святых. Первый корабль, корабль Зосимы игумена, собравшего «монахов множество», а второй корабль — корабль пустынника Савватия.

1 октября, среда

Покров Божией Матери... «Тя бо виде святый Андрей на воздусе»[68].

Вне Церкви всё пусто, всё мертво, всё ничто, всё страшно. И сами богоотрицатели, отымая от небес Бога, не знают, что же там, путаются в стратосферах, а дальше... Что же дальше могут знать комары убогие, пискающие над болотом и воображающие, что тут и весь мир...

Ученые предлагают нам «астрономические цифры», вычислены у них расстояния межпланетные. Дух у них у самих захватывают эти неописуемые цифры. Но если спросить их: а за этими планетами что? А откуда началось это всё, звездные эти миры? — Они де всегда были. — А до «всегда» что было? А конец будет? Или вечно эти звезды — планеты и миры будут стоять? — Изменятся и снова начнутся! — Значит, вечно?

В том-то и дело, что не дано человеческому уму многого постигать. К счастью для большинства безбожников, они, как и подобает

скотине, никогда не задаются вопросами: когда мир начался? когда мир кончится? Безбожникам не кажется знаменательным бессилие человеческого ума в этих столь важных вопросах, вопросах о начале мира и конце мира. И каждый честный ученый здесь говорит: scio, quid nescio[69].

Два пути тут: либо остолбевать перед этой беспредельной пустотою, обалдевать перед нерешимостью этих вопросов (истинные дети сатаны здесь скаредно предпочтут сойти с ума, чем признать Творца Бога).

Стяжи любовь к вере и к Церкви. Полюбив веру и Церковь Христову, зайдя в ограду церковную, живи с Церковью. Узнавай, испытывай; бесчисленные, бесценные, животворящие, чудотворные, неистощимые сокровища Церкви да не будут для тебя втуне. Твори дела веры, дыши воздухом Церкви Христовой. Что касается личной жизни, то... Ведь ты видишь, что мир сей — юдоль плача, юдоль скорби. Льются слезы, мир утонул в злобе. Злобу, смерть, несчастье, мрак, ложь, пустоту, отчаянье принесли в мир *вожди слепые*. Проклятые учения их завели род человеческий в тупик, в яму, в смерть самоубийственную. Ограбленные духовно и телесно люди не видят, где свет. Плачут дети, плачут старики. Этим людям укажи путь в церковь Христову! Иди к ним с именем Христа на устах. И вот тут ты и сам узнаешь, какое счастье вера Христова. Нищий, плачущий, изгнанный, обруганный, отчаянный, но алчущий и жаждущий найти Бога, вот тут-то ты и возопишь с Андреем: «Обретохом желаемого!»[70] Сам Христос заверил: жаждай и алкай Меня и получишь насыщение блаженное[71]. Твое дело жаждать и алкать, искать Христа твое дело. А уж дальше Господь свое дело сотворит. Кто к Богу, к тому и Бог.

Христа надо взыскать, Бога надо заработать в душу.

Великое, пречудное доказательство бытия Божия — звездное небо над нами. Природа, вселенная — всё это чудная книга, дивным языком поведывающая нам о Боге. Но сначала подвигом добрым, подвигом скорбным и трудным, подвигом, м<ожет> б<ыть>, многолетним стяжи себе Бога в сердце. Первее всего получи Бога в сердце свое. Этим получишь внутрь себя и Царствие Божие. (Т. е. славу свою, т. е. счастье свое, мир и радость неотымаемую.) Тут уж и на всё твои глаза откроются. Поймешь, что атмосферами и стратосферами могут всерьез интересоваться разве студенты первого курса. Наука (в ее современном состоянии) никак не поможет. Никак не утешит мир, забывший Бога.

Все эти, ныне провонявшие, как мертвый пес, *социализмы* и *коммунизмы*, примененные наконец на практике и показавшие, что никакая чума, никакая проказа, никакой мор ничто в сравнении с этими «теориями», казавшимися многим поколениям столь обольстительными, все эти *-измы* исчерпывающе и до конца показали свою гнусную, смрадную, человекоубийственную, сатанинскую харю. Люди оскотинились, остервенились, озверели. Ложь, обман, жадность, зависть, на-

силие, подлость, несытая злоба, преступления — вот в чем от края до края утонула несчастная Германия. Но даже (что невозможно) если бы фашистам удалось устроить материальное благополучие в стране, где они захватили власть, всё равно без Бога счастья бы не было. Без Бога и сытые люди были бы ходячими мертвецами. Счастья бы не было.

Кому это надо: кислород да водород, космическая пыль да межпланетные пространства. Всё это пыль, и никому от этого не тепло. Это всё чужбина скаредная и окаянная. Это всё болезнь, это нищета, это плен самый страшный. Бежим из этой мертвящей пустыни, из этих проклятых пустырей, из этого ада безбожия, где один только плач и скрежет зубов.

Убежим в дом Отчий, уйдем под лазурное небо Церкви Христовой. Здесь с овчинку покажутся тебе ихние стратосферы. Здесь, под благодатным небом Церкви Христовой, недосуг тебе будет заниматься «безвоздушными пространствами». Хай, гам, лязг, шум всяких погремушек (лженаука и т. п.) будет отходить от тебя всё дальше и дальше. Душа твоя (а душа человеческая по природе христианка) начнет наконец (Христу помогающу) вспоминать звуки небес, вспомнит объятия и песнь ангела, несшего ее в этот мир печали и слез. Да, звуков небес не могут заменить скучные песни земли. Но слух к слышанию звуков небес отверзает на земле вера Христова.

Вот дивный пример: святый Андрей Юродивый[72]. Еще юношей он вспомнил звуки небес и страстно о них стосковался. Босой, нагой, юродствующий, бездомный, лишь в мороз залезавший в собачью конуру, чтоб погреться, Андрей был страшен и дик для мира, среди которого жил.

...Вот Андрей стоит середи базара, его толкают разносчики, стегает кнутом возница, в него кидают грязью дети. Он никого не видит и не чувствует здесь. Он внимает чудной музыке, он слышит песнь славы Господней, звуки небес. И кто как не он, полный «желания чудного»[73], кто как не он, ради этого «желания чудного» презревший всякое земное довольство, кто как не он, блаженный и преблаженный, достоин был в небеси подобной церкви Влахернской услышать херувимское пение и увидеть Едину Всепетую, Едину Благословенную, покрывающую мир своим омофором[74]. Мир, вселенная покрыты омофором Богоматери, а «стратосферы» — пустые.

2 октября, четверг

Ежели бы каждый день прочитывать, вживаясь в Минею четью, дак и вовсе будней бы у нас не было. А ежели б время и обстановка позволяли Минею служебную петь ежедневно, то праздник бы ежедневно у нас был... Каждый день в Церкви «помазанный», каждый день благоуханный.

Прежде на всё хватало времени у людей. И на молитву, и на работу. Я знал семью: отец или сын находили время за семейным столом ежедневно вычитывать Пролог, а часто и Четью минею. Семья была рабочая.

...Повинуясь *растлевающей пропаганде*, люди стали леностны к Богу. Канун праздника гуляли, в праздник спали. Интеллигенция раз в год заглядывала в храм: в Христову заутреню для настроения постоят у церкви. Тогда ослабших, равнодушных к Богу попробовал взнуздать сатана. Раньше, видите ли, «скучно» было жить. Нечем было «заполнить» жизнь. Люди не знали, как «убить» время. Дьявол как обуздал всех, да охомутал, да как начал понукивать, да как начал кнутом погонять, шибче да шибче... Ну и забыли мы, что значит «скучно» жить да «некуда время убить». Праздников не почитали, говорит сатана, долой праздники! Сквозь будни. К церковным службам лень было ходить, непонятно там всё? *Ломай* хоромы, нет вам ни служб, ни таинств. *Монахи* ведь были «развратники и дармоеды», попы ведь «драли с живого и с мертвого». Вот и нет вам ни монахов, ни попов. Да уж теперь бы и захотел, дак не до церковной службы, не до молитвы. Мало не весь род *русский* за своего *врага* лютого, за своего *кровососа* и *душегуба кровь проливает*. А в городах остатние люди с *голоду умирают*. И уж ни охнуть, ни вздохнуть. Враг на шее сидит с погонялкой. Знай, бежи, бежи, бежи!

...Мне же благо есть прилеплятися Богови, возвещати заутра милость Его[75].

6 октября, понедельник

...Всё так: начнешь писать, вздумаешь мысль какову изложить в назидание, да и не поспеешь. Нету времени свободного. Брат то с дровишками колотится, то на «буржуйку» кирпичи носит, то глину добывает (всё на себе, всё на своем горбу); Миша[76] печку изваял. С крыш бомбежкой железа нанесло, из него трубы гнет... Брат скомнет[77], где б листу капустного достать.

И я около них. То у посуды, у уборки... И взаимодавцы восстают: Литфонд судом грозит: «Ты должен, верни ссуду, та нужна недостаточным...» У нищего суму отымают... Ведь «недостаточные» получили светлые квартиры, настроили дач, а я так и ослеп, в яме сидя. Теперь «недостаточным» на вина не хватает, дак с меня взыскать грозят «судебным порядком». Пусть описывают: у меня ни кровати, ни одеяла, ни в чем выйти на улицу.

...Час спустя... Начал, пишучи, кунявить, на судьбу жалобиться, что де у иных дачи да квартиры, а у тебя нет, что (уж ты ли не достоин!!!) а живешь не взыскан... И бросил жаловаться, и взял Минею. Напал на житие св. Гурия, архиепископа Казанского[78]. Как он невинен «в ров» был брошен и два года в яме сидел, а не пороптал, и Бог сам ему двери

отворил... Великая помощь, вразумление великое, назидание блаженное нам жития святых. И то малоумно с моей стороны, что память того или иного угодника, праздник тот или иной я как бы украшением, орнаментацией дня считаю. Не могу я, очевидно, избавиться от того, чтобы откуда-то со стороны любоваться днем церковным. Эстетствуя, любуюсь... А жизнь такова, что не до эстетства! *Война*, смерть кругом, болезни... (сегодня сороковой день Марье Васильевне, «невесте». Как не бывала!) и голод, голод, голод. Брателко в куски рвется, всячески свыше сил бьется, добывая, а я в эмпиреях пребываю.

...Не орнамент, не украшение дня память святого (а вернее, нескольких святых ежедневно). И житие каждого, о, какое вразумление, какой свет!

<Без даты>

Хоть не спит, а крепко смежит тысячи своих глаз город. И как только смежит глаза город, откроются очи неба. Бывало, домы эти пучат бельма в темноту и мешают видеть небо и звезды. Теперь одни звезды смотрят в темноте. К ночи умолкает город, но говорит небо. Вот тужил, что в церкви то то, то другое сбивает настроение. В оной церкви нерукотворенной ничто не мешает, ничего не видишь, кроме чертога Твоего, Господи, украшенного звездами. Ничего, кроме тихого сияния вечных.

Каждый день в церковь не побежишь, дома некогда бывает, как в тщете улучить минутку, чтоб воздохнуть к Создателю. А вот в пустынный двор к ночи выйдешь, по сторонам стены протянуты, но простерто небо Господне над тобою. В тучах оно или в звездах, подымешь лицо к небу и воздохнешь. Ни стены, ни потолки, ничто не загораживает, не отгораживает от оного света. Ветер пронесется, и опять тихо.

Уж никого нет, кроме тебя да Сущего на небеси... Ты да Бог только и есть в мире.

Накатится облако, низко станет небо. «Преклонь небеса, и сниде на землю»[79]. Думается, низко облака легкие плывут и близко, низко небо, близко помышление Сына Божия, близко Он приходит к нам, Его призывающим. В лесу, в полях, вот так глядя в небо, когда город утихнет, хорошо вот так беседовать с Ним, поминать Его, Света, близ сущего, и беседовать с Ним, говорить Ему о любви своей к Нему, красоте светлой, хвалить Его.

Церковь Христова свидетельствует тысячами благословенных книжных<?> святых житий, что близ Он призывающим Его. И я знаю, что слышит Он меня.

Двое у меня в мире, две любви крайнейшие<?>, два света светят, и брателко на сем свете, но и он Им, светом, дан. И брателком пречудно Он говорит мне: «Это Я». Вот, Господи Иисусе Христе, свет мой

и жизнь моя, во всем Тебя величить<?> дерзаю. Ты везде, Отче Создатель и Устроитель, во всем. У литургии прямо Твой глас слышу: «Пийте, ядите». Мы Твои люди.

14 октября, вторник

10-го октября и 11-го октября светлая, светлая память задевала голубиным крылом. Преставление Оптинского старца Амвросия и на другой день Льва — Леонида. Дни-то оба в молве, в бою прошли. Печурку Миша стяпал, я убирался — грешил. А откуда-то всё навевало звоны тихие и пение.

Запоздал с доставкой материала для *военной* комиссии, модею[80] над этим, над этой пылью, а в голове, а где-то в душевных загнетах всё песня звенит. Вижу никогда не виданную пустыню Оптину. Лес вижу и благоуханье дерев, и цветов, и трав ощущаю...

Так вот лежали эти книги об Оптиной, и кабыть не до них было. (Что нищему до чужих богатств...) А вот наступили светлых два дня святой памяти, повеяло ароматом цветов неувядаемых оной блаженной пустыни, и взялся за книгу. Стал вычитывать о Льве, об Амвросии, об авве Макарии[81]. Сто лет назад отыде мира сего старец Лев. А читая о нем непространное описание в «Истории Оптиной пустыни», многократно закрывал я книгу сколько от утомления глаз, другастолько от полноты возникающей умному взору картины... Леонид, ученик его о. Макарий, скит, пасека, келлия старца, притекающий к нему народ... Он сам, страдая водянкой, сидит на кроватке, вяжет поясок... В темном углу лампады. А за оконцем тонут в кустах малинника, и крыжовника, и смородинника, в зарослях шиповника, душмяна, мяты тонут ульи. Жужжат пчелы, порхают мотыльки. Жаркое благоуханье трав и цветов дышет внутрь келлии старца...

Ученик и преемник учеников блаженнаго Паисия[82], целый ряд обителей на своем веку успел озарить светом старчества богоносный старец Леонид, но прежде чем отойти к оному немерцающему вечному свету, прежде исхода своего светит он святой, взыскующей небесного града Руси отсюда, из Оптиной пустыни. Отходя сего света, передает пасхальную свечу старчества другому ангелу земному, небесному же человеку, кроткому голубю, но и орлу небопарному — отцу Макарию. А Макарий эту свещу негасимую вручает выпестованному им Амвросию. И так до нашего времени. И я знаю, вижу детей духовных Оптинских старцев. И опять напомяну: вот у меня на стене висит образ, что находился в Казанском соборе Оптиной пустыни, в приделе близ гробов о. Моисея и Антония[83].

Жив Господь. Церковь Христова вечно юнеет. Вечно юнеет, вечно возрождается и живет всё, что в Церкви. Эти сто годов, что отделяют меня от времени земной жизни о. Леонида, не более существенны, чем туман, что был ночью сегодня, а утром исчез. Нету этих ста годов.

Я вот ступаю по той траве, по которой старец Леонид ходит, я (с иноком Парфением[84]) в сенцах стою, смущаясь войти в келью. Я не знаю, как меня отче встретит, пришельца из XX века... Передо мною низенькая, чтоб зимою не уходило тепло, тяжелая дверь, обитая парусиной по войлоку. Эта низенькая тяжелая дверь с высоким (чтобы холодом не тянуло с полу зимою)[85], эта дверь, дубовая, видно, за железную скобу которой я дергаю с усилием, и есть сто лет, отдалившие меня от старца, которого хочет любить сердце мое...

Я с усилием отворил дверь. И вот уж стою в келлии о. Леонида. Он сидит на кроваточке и смотрит радостно.

— Отченько мой! А где же эти сто лет?! Я из страшных годов века XX, а ты скончался в сороковые года века XIX!

А он поет: «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав».

...Да, всё антихристианство, всё безбожие, всё, что дало столь зловонные, воистину адские плоды в наше время, быстро зарождается и быстро червивеет. Не успеет зародиться, а уж тленье смрадное погани этой видим. А что Божие, что Христово, то вечно, то присно юнеет.

...Душегубное, человекоубийственное семя, проросшее еще в XIX столетии, дурманившее ряд поколений, принесло наконец странный и скаредный плод. И уж валится поганая древесина оная, оные чертовы яблоки принесшая. И дивимся, чихая от гнили, на чем только что держалося. Одна ведь пыль да гниль. Развалился наконец гроб повапленный. И сами поклонники просмердевшего гроба видят ныне одни трухлявые кости. И уж мертвецы хоронят своих мертвецов, — уж пал и в их глазах их кумир. Ино пусть кол осинов потолще падали оной, на весь свет провонявшей вобьют. Конец им: уж и дьявол им перестал помогать...

Но оставим этот поганый овраг с мертвыми фашистскими вожами. Их свои ж рады скорее загрести.

Станем на запад хребтом, ко встоку лицом. *Власть* оных гнилых мертвецов безбожников<?> — это только угол, в который ткнула носом несчастный германский народ десница Промыслителя. Ткнула, чтобы расчухали наконец, чем пахнут и что такое эти все кумиры *революций*. А мы подальше отойдем от фашистского нужника. Его уж доламывают и скоро засыплют.

...Нива моя, нива, нива золотая! Зреешь ты на солнце, колос наливая. Над тобою с песней жаворонок вьётся[86]... Божья нива на земле — Церковь Христова! Здесь всё вечно, всегда здесь весна.

Жизнь во Христе, жизнь с Церковью — это живоносная, животворящая, жизнеподательная река, текущая еще в сей земной юдоли. Велика, необъятна, неоглядна эта река воды живой. Течет церковна она река в море сияющей вечности. Что нам до смрадного болота, до смердящих *революционных* учений.

Сияющее небо Господне отражается в Божьей оной реке. Тамо корабли прекрасные плывут. Се корабль Леонида отца, се Макария, се Амвросия. Хвали, душе моя, Господа! Восхвалю Бога в животе моем[87].

И паки реку: Церковь Христова — нива золотая на земле. Хлеб чист и животворящ приносит она роду человеческому. Кормят этим хлебом Христовым отцы наши старцы. Хлеб чист и сладок. Да еще медку отцы Леонид, да Макарий, да Амвросий положат на хлебушек оный со своей пасеки.

21 октября, вторник

Осень сейгод теплая. Снегу в Москве не видал. Дожди перепадают. Все колотятся с капустой. Тоська бочку насолил. Но о картошке нечего и думать. Цены от 70 до 40 р. килограмм. Иное весь день около печурки бьешься. Плитки воспрещены. Дивно, как у Тоськи сил хватает. Я по водку сходил, постоял там в череду, весь порвался. Без очереди меня брателко сунул. А я и денег не вижу сосчитать. У меня и голова заболела, я еще вчера, ставячи самовары, простыл (дым не идет в трубы, кои несколько лет не чищены. По-черному топим почти все комнаты. Двери настежь в сени. Из сеней на улицу. Меня и прохватило).

Привезли винишка домой, братец не раздеваясь полетел в аптеку. Принес 10 грамм вит<амина> «Д», подсолн<ечного> масла и глюкозы к чаю. Поев щец, поволок бутылку менять на еду. 10 вечера, его всё нет еще. И на чем держится. Хлеба по ломтику к выти достается.

Тревога за братишка, моего кормильца, и печальника, и заботника, тревога о голодной зиме, все недосуги, суета хозяйственная (дрова, посуда, уборка), чувство моей непрактичности, беспомощности, никчемности, угнетающая душу слабость зренья, — это всё мятет и борет меня, ничем я не помогаю семье. И мне даже странно и в теперешней убойной бытовой обстановке горестно <запись обрывается>.

20 ноября, четверг

Летят дни. Бежит время. Всё хотел настроения осени запечатлеть. А се уж и снеги белы давно пали. В снегах Москва. От всенощной брел переулками: будто и не Москва. Тишина... Ползешь сугробами, и дорога-та худо укатана.

Небеса черны́, земля бела́. Темнеют по сторонам сумрачные дома. Редко где свет сквозь ставню. Тихие, белые, безлюдные переулки. А время всего 7 вечера. Начинают вечерню в 4½. В темном небе мерцают тревожно, как зарницы. Брел любимыми переулочками, устану, постою. Вспоминал, как на Страстной ходил тут. Ручьи бежали вперегонку. Примечал, как обсыхала полуденная сторона улочки, а на другой еще упрямо лежал лед. Потом бродил тут летом. Теплый день, изумрудная травка, ребенок в веночке середи дороги играет, мать поет, сидя в глубокой амбразуре старого дома. А сегодня «Христос рожда-

ется» пропели[88]. Как ждал народ, как встрепенулся, перекрестился и дружно подхватил: «Христос с небес, срящите».

Выжат я, опустошен, избит жизнью. Уж косно внимает сердце службам церковным. Стоишь больше как деревянный. Страхом всё отбило... А ползешь потом домой, да улочки в снегах, да тишина безлюдная, будто где в каком старом, давнем городе.

С железной, для зимы, тросткой хожу. Подумают: старик идет. Согнусь да ширкаю ногами-то...

«Христос раждается», Рождество через месяц... Детство вспоминал. Каким событием было там, тогда, в родном городе: «Сегодня "Христос раждается" запоют»... Как сладко, бывало, забьются сердца, услышав заветное: «Христос раждается». Ведь, значит, скоро Рождество.

...И вот *теперь*: неживые, опустошенные, искалеченные, отчаянные, пропащие, растоптанные, обреченные, дотла замученные люди, мы еще грабимся костенеющими руками, грабимся хоть за воспоминания детства. *Умирая* с *голоду*, прежде чем загнуться, всё еще хватаемся жадно за Рождество. Пусть проморожена комнатенка, пусть свекольный бот на воде вм<есто> обеда сегодня[89]. Пусть брателко купил кусок *сахара* на улице и у него взяли *документы*, и сидим, трясясь, а я *колочусь* головой о стол, как никого нет... Пусть смерть близка. Сегодня пропето «Христос раждается». И хочется ухватить эти, как далекая музыка налетающие благоуханные воспоминания. Хочется ухватить их и на крыльях их унестись в блаженный мир, в ту страну, где ждут праздника, где сердца *детей* замирают в предвкушении елки. Ведь уж «три царя из стран далеких»[90] пустились в путь. Издалека они идут, чтобы вовремя вместе с нами припасть к яслям.

...Вот так, бывало, в родном городе идешь в эту пору от всенощной, а то оттуда, то отсюда навевает теплым ароматом пряников. Это пряничники «козули» к празднику пекут. Скоро Рождество. Радуйся, велю<?>, печали сопротивно. Мы сами себя ослабили, сами себя разорили, сами себя уничижили, обессилили, мы уж не можем взять вечного оного богатства, Рожества Христова. Рожество как корабль многоносный заподходит скоро к нашему берегу, а мы отупели, нам уж не вместить. Мы как собачки голодные. Что нам царственные дары, мы ловим кусочки гнилые у помойных ям.

---

[1] В рукописи даты, а во многих случаях и другие числа, записаны кириллицей. Даты в дневнике даны по старому стилю. Для Шергина это важно, так как он продолжал жить по православному дореволюционному календарю. Также Шергин частично сохраняет дореволюционную орфографию, используя и десятеричное, яти, еры, иногда пишет в окончаниях прилагательных «-аго», а не «-ого», употребляет дореформенное написание притяжательного местоимения «ея» вместо «ее», однако делает это непоследовательно, часто используя современные грамматические формы и орфографию. При подготовке дневников к публикации архаические формы сохранены лишь в принципиально важных случаях (в прямых и косвенных цитатах, в церковной лексике и др.).

[2] Преподобный *Кирилл Белозерский* (Белоезерский) (1337—1427) — основатель Кирилло-Белозерского монастыря (1397), ученик преподобного Сергия Радонежского, память совершается 9 июня (ст. ст.).

[3] *Святитель Василий Великий* (329/330—379), епископ Кесарии Каппадокийской, один из трех Вселенских святителей, автор последования Божественной Литургии.

[4] *Святитель Григорий Богослов* (325/330—389/390), архиепископ Константинопольский, богослов, один из трех Вселенских святителей, близкий друг и сподвижник Василия Великого.

[5] *Святитель Николай* († 342), архиепископ Мир Ликийских, чудотворец.

[6] *Святитель Кирилл Александрийский* (376—444), архиепископ Александрийский, отец и учитель Церкви, автор большого количества трудов, посвященных библейской экзегезе, апологетике и догматике.

[7] *Хрисостомос Иоанн* — Иоанн Златоуст (*Хризостомос, Хризостом;* Златоустый — *греч.* Χρυσόστομος; ок. 347—407) — один из трех Вселенских святителей и учителей.

[8] Между предлогом «в» и словом «саду» в рукописи помещен миниатюрный рисунок православного храма; предположительно фразу следует читать именно так: «в церковном саду Христовом».

[9] *...пришедшу на запад солнцу...* — Шергин часто приводит в своих дневниках эти слова из песнопения богослужения вечерни «Свете тихий» (дореформенном, дониконовском написании — «пришедшу солнцу на запад»; в пореформенном — «пришедше на запад солнца»), как и другие строки из этого древнего гимна Спасителю.

[10] *«Яко кадило пред Тобою»...* — «Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою, воздеяние руку моею, жертва вечерняя» — начальные строки 140 псалма, исполняющегося в православных храмах на вечерне, а во время Великого поста — также на литургии Преждеосвященных Даров.

[11] *Поне* — по крайней мере, хотя (ц.-сл.).

[12] *Брателко* — так Шергин называл *Анатолия Викторовича Крога* (1895?—1959), по неподтвержденным сведениям, — дальнего родственника Шергина по материнской линии.

[13] Нило-Сорская пустынь основана в конце XV века в 16 км от Кирилло-Белозерского монастыря преподобным Нилом Сорским (1433—1508), основателем скитского жительства на Руси.

[14] *Александр Свирский* — игумен основанного им в конце XV века Александро-Свирского монастыря, преподобный (1448—1533).

[15] *Ферапонт Белозерский, Ферапонт Можайский* (в миру Феодор Поскочин; 1337—1426) — преподобный, почитается как чудотворец. Основатель Белозерского Ферапонтова и Лужецкого Ферапонтова монастырей.

[16] *Мартиниан Белозерский* (в миру Михаил Стомонахов; ок. 1400—1483) — преподобный, ученик преподобного Кирилла Белозерского; основатель Вожеозерского Спасского монастыря, игумен Ферапонтова и Троице-Сергиева монастырей.

[17] *Насон-град* (Насон-город, Иасон-город) — по легенде, одно из названий Вологодского кремля и города Вологды.

[18] *Василий Дмитриевич* (1371—1425), великий князь московский и владимирский (с 1389 г.), старший сын Дмитрия Донского.

[19] *Андрей Дмитриевич* (1382—1432) — князь можайский и белозерский (примерно с 1400 г.), сын Дмитрия Донского.

[20] *Мыт* — одна из древнейших русских пошлин, которая взималась за провоз товаров, проезд людей через заставы у городов и крупных селений.

[21] *Купа* — в Древней Руси денежная или натуральная ссуда, выданная кому-либо в долг ростовщиком или землевладельцем на том условии, что для ее возврата должник на какое-то время попадает в зависимость от своего кредитора и работает на него. В случае неуплаты долга заимодавец имел право сделать несостоятельного должника своим холопом.

[22] *Георгий (Юрий) Дмитриевич* (1374—1434) — князь звенигородский и галицкий (с 1389 г.), великий князь Московский (1433 и 1434), сын Дмитрия Донского.

[23] *Та́и* — тайно, скрытно, незаметно *(ц.-сл.)*.

[24] *...«днесь всяка тварь веселится и радуется».* — «Днесь всяка тварь веселится и радуется, яко Христос воскресе и ад пленися» (запев на 9 песни утрени Пасхального канона).

[25] *«Да празднует убо вся тварь восстание Христово...»* — «Ныне вся исполнишася света, небо же и земля, и преисподняя: да празднует убо вся тварь восстание Христово, в немже утверждается» (Пасхальный тропарь).

[26] *Пасха таинственная.* — См.: стихиры Пасхи: «Пасха священная нам днесь показася; Пасха нова святая; Пасха таинственная...»

[27] Шергин ниже пространно (но не дословно) цитирует «Книгу толкований и нравоучений» (толкование на 55 и 12 главы Книги пророка Исаии) протопопа Аввакума, созданную в 1670-е гг. в земляной тюрьме Пустозерского острога.

[28] *...(Русск. историч. биб-ка. Т. XXXIX. Акад. наук. стр. 524—526).* — В 39-м томе (1927 г.) «Русской исторической библиотеки», издававшейся Археографической комиссией АН СССР, опубликованы сочинения протопопа Аввакума, в том числе «Книга толкований и нравоучений», которую Шергин цитирует.

[29] *Тогда будет тебе «звездная книга, с тобою говорить будет морская волна».* — Отсылка к стихотворению Е. А. Баратынского «На смерть Гете» (1833): «Была ему звездная книга ясна / И с ним говорила морская волна».

[30] *...дольней лозы прозябанье.* — Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Пророк» (1826).

[31] *...сеется не в честь, восстает во славе.* — «Такожде и воскресение мертвых... сеется не в честь, востает в славе» (1 Кор 15: 43).

[32] Ин 12: 24.

[33] *Преподобный Амвросий Оптинский* (в миру Александр Михайлович Гренков; 1812—1891) — старец Оптиной пустыни.

[34] *...(одежды не имам да вниду!)...* — См. песнопение (эксапостиларий) исполняющееся на утрени в первые четыре дня Страстной седмицы: «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду в онь: просвети одеяние души моея, Светодавче, и спаси мя».

[35] *...«чуешь смущенной душой»...* — Цитата из двустишия А. С. Пушкина «На перевод Илиады» (1930): «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи; / Старца великого тень чую смущенной душой».

[36] *О, Владыка, восстани в нас, падшим нам подая воскресение.* — См. икос 6 песни Пасхального канона («Иже прежде солнца...»): «...и с плачем возопием, о Владыко востани, Иже падшим подая воскресение».

[37] «Ни» в церковнославянском языке иногда употребляется в значении «нет».

[38] *...«Свете тихий святыя славы».* — Начальные слова песнопения вечерни (см. прим. 10).

[39] *...«Слава Тебе, показавшему нам свет!»* — возглас иерея, предваряющий Великое славословие на утрени.

[40] *Пореваáть* — устремляться порывами, ринуться; побуждать или двигать напором, водой, ветром, ринуть. Корабль, пореваемый ветрами, побуждаемый, помыкаемый (см.: *Даль В. И.* Словарь живого великорусского языка).

[41] *Ретирада* — одно из значений (*устар.*) — отхожее место, туалет.

[42] *И о сем до зде.* — Об этом достаточно, сказанного достаточно, довольно (*др.-рус.*). Слова, которыми нередко заканчивалась часть повествования в древнерусских житиях, поучениях, посланиях.

[43] Текст дневниковой записи за 27 июля 1942 г. был опубликован в 3-м томе Собрания сочинений Б. В. Шергина (М.: издат. центр «Москвоведение», 2014. С. 47—48), однако при вычитке его по оригиналу, хранящемуся в РО ИРЛИ, было сделано немало уточнений, поэтому мы сочли целесообразным опубликовать эту запись в исправленном варианте.

[44] *...«мелькнет желтый лист на зелени дерев».* — Неточно процитирована начальная строка стихотворения Н. П. Грекова «Приметы осени» (1855): «Мелькает желтый лист на зелени дерев».

[45] *Дворец Найденовых* — вероятно, Шергин имел в виду так называемые палаты Шуйских — жилой дом с палатами XVII в., находящийся на противоположном от Никольской церкви конце Подкопаевского переулка.

[46] *...в Кленниках служащу отцу Сергию.* — *Священномученик Сергий Мечёв* (1892—1942) служил в московской церкви Святителя Николая в Кленниках на Маросейке с 1919 г. После смерти отца, преподобного Алексия Мечёва, был с 1923 г. до ареста в 1929 г. настоятелем храма. Расстрелян 6 января 1942 г., канонизирован в 2000 г.

[47] *Храм Феофании...* — Шергин имеет в виду Богоявленский кафедральный собор в Елохове (теофания, феофания — богоявление, *греч.*).

[48] *...«вещи во тьме преходящей, страха нощнаго».* — Ср.: «Не убоишися от страха нощнаго, от стрелы летящия во дни, от вещи во тме преходящия, от сряща, и беса полуденнаго» (Пс 90: 5—6).

[49] *...Лик Его был светел, как солнце, и одежды белы, как снег...* — См.: «и преобразился пред ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет» (Мф 17: 2).

[50] *...«Просвети лице Твое на ны, Христе, Свете истинный, да знаменается на нас свет лица Твоего»...* — См.: «Боже, ущедри ны и благослови ны, просвети лице Твое на ны и помилуй ны» (Пс 66: 2); «Знаменася на нас свет лица Твоего, Господи» (Пс 4: 7); «Боже, ущедри ны и благослови ны, просвети лице Твое на ны и помилуй ны. Христе́, Све́те истинный, просвещаяй и освяща́яй всякаго человека, гряду́щаго в мир, да зна́менается на нас свет лица Твоего» (возгласы священника из богослужения Первого часа).

[51] *Горе́ имеим сердца — зовет литургия. Всякое ныне житейское отложим попечение... Иже херувимы, тайно образующее...* — Шергин приводит возгласы и песнопения Божественной Литургии.

[52] *И по Христове Евангелии с херувимами нас ставит в ряд Церковь Христова, обедня честная.* — В Херувимской песне, которая звучит на литургии после чтения Евангелия и ектений, молящиеся уподобляются херувимам.

[53] *...«Примите, ядите, пийти от нея вси...»* — См. установительные слова Евхаристического канона: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов. Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за вы и за многия изливаемая, во оставление грехов».

[54] *...«Твоя от Твоих»...* — Возглас священника после установительных слов: «Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся»; в алтаре происходит возношение Даров.

[55] *...«Молитвами Богородицы, Спасе ~ преобразивыйся на горе поющия ти, аллилуйя» ~ «Преобразился еси на горе, Христе Боже... ~ в гору святую Твою»...* — Шергин фрагментарно цитирует 1-й, 2-й и 3-й антифоны, исполняющиеся на Литургии в праздник Преображения Господня.

[56] *...«уши врозь, дугою ноги, и как будто стоя сплю...»* — Шергин цитирует стихотворение А. Н. Майкова «Сенокос» (1856). Ср.: «В ожиданьи конь убогий / Точно вкопанный, стоит... / Уши врозь, дугою ноги / И как будто стоя спит...»

[57] *«Брат от брата помогаем, яко град тверд».* — См.: «Брат от брата помогаемь, яко град тверд и высок, укрепляется же якоже основаное царство» (Притч 18: 19).

[58] *...Божие милосердие по углам и стенам.* — «Божьим милосердием» на Руси называли домовые иконы.

[59] *о. Лев-Леонид* — преподобный *Лев (Леонид) Оптинский* (в миру *Лев Данилович Наголкин*; 1768—1841), основатель старчества в Оптиной пустыни.

[60] *о. Макарий* — преподобный *Макарий Оптинский* (в миру *Михаил Николаевич Иванов*; 1788—1860), старец Оптиной пустыни.

[61] *...«гефсиманский чин» Ея погребения.* — Чин Погребения Пресвятой Богородицы — особое богослужение в православной Церкви, во время которого вспоминается успение и погребение в Гефсимании Божией Матери.

[62] Об отречении апостола Петра см.: Мф 26: 69—75; Мк 14: 66—72; Лк 22: 55—62; Ин 18: 15—18, 25—27.

[63] *...сын грома.* — Апостол Иоанн Богослов. Иоанна и его старшего брата Иакова, сыновей Зеведеевых, Христос прозвал «сынами грома» (Воанергес) (см.: Мк 3: 17).

[64] *...«настоящего града не имел, грядущий взыскуя».* — См.: «не имамы бо зде пребывающаго града, но грядущаго взыскуем <не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего>» (Евр 13: 14).

[65] *...бежал от мира, от всего, яже в мире.* — См. заповедь: «Не любите мира, ни яже в мире» (1 Ин 2: 15).

[66] *...«Всяку ныне житейскую отвержем печаль».* — Шергин приводит строку из дониконовского церковнославянского перевода Херувимской песни, сохранившегося в старообрядческом богослужении.

[67] Скитский патерик, составленный в V—VI вв., описывает жизнь и аскетические подвиги египетского монашества.

[68] *«Тя бо виде святый Андрей на воздусе».* — Из величания Покрову Пресвятой Богородицы.

[69] *...scio, quid nescio.* — Правильно: scio me nescire — я знаю, что ничего не знаю (я знаю только то, что ничего не знаю). Это изречение приписывается древнегреческому философу Сократу (по другим сведениям — Демокриту).

[70] *...«Обретохом желаемого!»* — Из кондака апостолу Андрею Первозванному: «Мужества тезоименитаго Богоглагольника и Церкве возследователя верховнаго, Петрова сродника восхвалим, зане якоже древле сему, и ныне нам воззва: приидите, обретохом Желаемаго». См. также слова апостола Андрея Первозванного о Иисусе Христе, обращенные к брату Симону Петру (Ин 1: 40—41).

[71] *Сам Христос заверил: жаждай и алкай Меня и получишь насыщение блаженное.* — Ср.: «Иисус же сказал им: Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда» (Ин 6: 35); «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (Мф 5: 6).

[72] *Святой Андрей Юродивый* — блаженный Андрей Константинопольский, Христа ради юродивый, который был славянином и жил в X в. в Константинополе.

[73] *...звуков небес не могут заменить скучные песни земли ~ «желания чудного»...* — Отсылка к заключительной строфе стихотворения М. Ю. Лермонтова «Ангел» (1831): «И долго на свете томилась она, / Желанием чудным полна; / И звуков небес заменить не могли / Ей скучные песни земли».

[74] В праздник Покрова Пресвятой Богородицы вспоминается чудо явления Богородицы блж. Андрею и его ученику Епифанию. Описание этого видения приводится в житии Андрея Юродивого. Во время молитвы во Влахернском храме святой Андрей сподобился узреть Пресвятую Богородицу, покрывающую молящихся Своим омофором.

[75] *Мне же благо есть прилеплятися Богови, возвещати заутра милость Его.* — См.: «Мне же прилеплятися Богови благо есть» (Пс 72: 28); «Возвещати заутра милость Твою» (Пс 91: 3).

[76] *Миша* — Михаил Андреевич Барыкин, воспитанник Шергина, которого он называл «богоданным племянником».

[77] *Скомнет* — ско́мнуть (*диал.*); здесь: страдать, переживать, беспокоиться, вздыхать.

[78] *Святитель Гурий* (в миру *Григорий Григорьевич Руготин*; ок. 1500—1563), первый архиепископ Казанский и Свияжский.

[79] *«Преклонь небеса, и сниде на землю».* — Ср.: «И приклони небеса, и сниде, и мрак под ногама Его» (Пс 17: 10).

[80] *Модею* — моде́ть (*диал.*); здесь: корпеть, копаться над чем-нибудь; слишком долго и медленно что-то делать (*диал.*).

[81] *Авва Макарий* — преподобный Макарий Оптинский (см. прим. 60).

[82] *Преподобный Паисий* (Величковский; 1722—1794) — один из выдающихся отечественных афонских подвижников, родоначальник духовного возрождения в XVIII в. православия, прежде всего — исихастских традиций православного монашества и старчества.

[83] *Преподобный Моисей Оптинский* (в миру *Тимофей Иванович Путилов*; 1782—1862) — схиархимандрит, настоятель и старец Оптиной пустыни. *Преподобный Антоний Оптинский* (в миру *Александр Иванович Путилов*; 1795—1865) — старец Оптиной пустыни.

[84] *Схиигумен Парфений* (в миру *Петр Агеев* или *Андреев*; 1806—1878) — настоятель Николо-Берлюковской пустыни и основатель миссионерского Гуслицкого Спасо-Преображенского монастыря, духовный писатель, миссионер. Инок Парфений в сентябре 1841 г. был в Оптиной у старца Леонида, о чем он подробно рассказывает в своей книге «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле» (1855).

[85] Пропущено слово *порогом*.

[86] *Нива моя, нива, нива золотая! ~ Над тобою с песней жаворонок вьется...* — Строки из стихотворения Ю. В. Жадовской «Нива» (1847).

[87] *Хвали, душе моя, Господа! Восхвалю Бога в животе моем.* — См.: «Хвали, душе моя, Господа: восхвалю Господа в животе моем, пою Богу моему, дондеже есмь» (Пс 145: 1—2).

[88] *...«Христос раждается» пропели. — Начиная с праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы, с* 4 декабря (21 ноября), в православных храмах *на утрени установлено воспевать ирмосы рождественского канона, который по начальным словам ирмоса первой песни называют «Христос раждается» (*«Христос раждается — славите, / Христос с Небес — срящите. / Христос на земли — возноситеся. / Пойте Господеви, вся земля, / и веселием воспойте, людие, / яко прославися»).

[89] Слова «*на воде вм. обеда сегодня*» в рукописи зачеркнуты.

[90] *...«три царя из стран далеких»...* — Слова из рождественской колядки. В дневнике за 1943 г. (запись от 22 декабря) Шергин приводит полный текст этого запомнившегося ему с детства песнопения.

Библиографический список

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Гослитиздат, 1935.
2. Памятники истории старообрядчества XVII в. Л.: изд. АН СССР, 1927. Кн. I (Русская историческая библиотека; т. 39).
3. *Парфений* [*Агеев*]. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святыя горы Афонския инока Парфения: в 4 ч. М.: в тип. А. Семена, 1855.
4. *Шергин Б. В.* Дневник 1942 года (21 января — 13 мая). Часть I / вступ. ст., подг. текста и комм. Е. Ш. Галимовой и М. В. Никитиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2023 год. СПб.: Полиграф, 2023.
5. *Шергин Б. В.* Собр. соч.: [в 4 т.] / сост. Ю. М. Шульман. М.: издат. центр «Москвоведение», 2014. Т. 3.

DOI: 10.31860/978-5-918680-445-499-502

К 100-летию со дня рождения В. П. Астафьева

К 100-летию со дня рождения Б. Ш. Окуджавы

В. П. АСТАФЬЕВ. ПЕСНЬ ПОЭТА ДЛЯ ВЕЧНОСТИ

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. В. Виноградовой)

Аннотация: Публикуется заметка В. П. Астафьева, написанная после смерти Б. Ш. Окуджавы в июне 1997 г., черновой автограф которой сохранился в архиве Астафьева. По авторизованной машинописи из этого же архива воспроизводится стихотворение Окуджавы 1990 г., посвященное Астафьеву.

Ключевые слова: В. П. Астафьев, Б. Ш. Окуджава, стихотворение, архив, песни, признание, война, поэт, интеллигенция.

Abstract: The article deals a note by V. P. Astafiev, written after the death of B. Sh. Okudzhava in 1997, whose draft autograph has been preserved in Astafiev's archive. According to authorized typing from the same archive, Okudzhava's poem of 1990 dedicated to Astafiev is reproduced.

Key words: V. P. Astafiev, B. Sh. Okudzhava, poem, archive, the songs, recognition, the war, poet, intelligentsia.

Виктор Петрович Астафьев. Булат Шалвович Окуджава.

Тридцать лет назад эти два имени были знакомы почти каждому советскому человеку. Читались произведения Астафьева, бурно обсуждались; люди плакали, слушая песни Окуджавы, а достать билеты на его концерты считалось сказочной удачей... Советский Союз давно распался, и уже нет с нами этих двух замечательных людей, но мы по-прежнему любим песни Окуджавы и вновь переживаем за судьбы героев Астафьева.

Эти два человека хорошо знали друг друга. Дружили ли они? Скорее нет. Уважали друг друга? Несомненно. У них было много общего: трудное детство без родителей, война, фронтовая молодость, трудный творческий путь к признанию и славе, «Русский букер», и в 1990-е — одинаковая непримиримая политическая позиция. Между ними была симпатия, иначе не написал бы Булат Шалвович стихотворение «Подмосковная фантазия», посвященное Астафьеву. Авторизованная маши-

© Виноградова Е. В., 2024

нопись этого стихотворения сохранилась в архиве Астафьева в Пушкинском Доме.

ПОДМОСКОВНАЯ ФАНТАЗИЯ

Виктору Астафьеву

Ворон над Переделкином черную глотку рвет;
Он как персонаж из песни над головой кружится.
Я клювом назвать не осмеливаюсь его вдохновенный рот,
складками обрамленный скорбными, как у провидца.

И, видя глаз прозорливый и слушая речи его,
исполненные предчувствий, отчаяния и желчи,
Я птицей назвать не осмеливаюсь крылатое существо:
как будто оно обвиняет, а мне оправдаться нечем.

Когда бы я был поэтом — я бы нашел слова
точные и единственные, не мучаясь, не морочась,
соответствующие склонностям этого существа
и скромным моим представлениям о силе его пророчеств.

Но я всего стихотворец: так создан и так живу
в пристрастии к строчке и рифме, в безумии этом нелепом,
я вижу крылья, присущие этому существу,
но не пойму души его, ниспосланной ему небом.

Я выгляжу праздным и временным в застывших его глазах,
когда он белое облако рассекает крылом небрежным.
Я царствую в Переделкино — он царствует в небесах,
и в этом его преимущество передо мною, грешным.

Ворон над Переделкином черную глотку рвет,
и что-то он все пророчит мне, будто бы ненароком,
и, судя по интонациям, он знает все наперед...
Но тут уж мое преимущество перед лесным пророком.

1990 Б. Окуджава[1]

Стихотворение было ранее опубликовано[2], но во всех печатных сборниках третья строчка пятой строфы выглядит по-другому: «Я царствую здесь, в малиннике, — он царствует в небесах»[3], и в конце стихотворения был изменен синтаксис, что несколько искажало его смысл.

[1] РО ИРЛИ, ф. 805, оп. 2. В настоящее время фонд находится в научно-технической обработке.

[2] См.: *Окуджава Б.* Ваше благородие, госпожа удача. М.: Эксмо, 2002. С. 335—336.

[3] В первой журнальной публикации стихотворения (под назв. «Московская фантазия») эта строка звучала иначе: «Я здесь прозябаю... в малиннике, он царствует в небесах» (*Окуджава Б.* Пока я на волю отпущен... // Дружба народов. 1991. № 4. С. 3).

В архиве В. П. Астафьева сохранилась также небольшая его статья (некролог?), посвященная Б. Ш. Окуджаве. Приводим ее текст по автографу Виктора Петровича.

Песнь поэта для вечности. 15 июня 1997 г.

Нынешней весной здесь, в моем родном селе, умер мой двоюродный брат — бывший пулеметчик. Он по ранению был отправлен домой и вплоть до пенсии работал на сплаве и лесозаготовках. Осталась от него в наследство жене старая изба, в которой половицы проваливаются в подполье, черно-белый телевизор и гардероб, сработанный инвалидами войны в здешней столярке еще в сорок седьмом году. Руки, ноги его корежил страшный ревматизм. Однажды навестив его с бутылкой водки, я выслушал его рассказ о доле советского рабочего и понял, что ни в одной колонии, ни одного негра так не обирали, не обижали, не издевались над ним, как над этим безобидным мужиком, инвалидом войны, кровь, здоровье, силушку свою без остатка положившим на алтарь отечества.

Он был моложе меня на восемь дней и, стало быть, ровесник покойному поэту Булату Окуджаве. Я верю, там, в небесах, души их, душа бессловесного труженика и душа поэта, сострадающего всем обездоленным, мирным жителям земли русской, непременно встретятся и воедино сольются, и будет им, старым солдатам, покойно и хорошо, никто их больше не потревожит, не намучит, ни боль от старых ран, ни слезы, поскольку жизнь там бесконечна и светла. И нет у Бога в небесах войны, зла, борьбы, и все души, направленные на песнь и любовь, пусть будут хотя бы там братские, Богом на божье настроенные.

Я не очень коротко знал Булата, был вместе с ним в одной творческой поездке по Болгарии, в Москве мимоходом встречался. Он был ко мне приветлив, обнимет, лбом в лоб накоротке тянется: «Жив, ну и слава Богу. О здоровье не спрашиваю, наше здоровье уже не в наших руках». Однажды прислал он мне большую, хорошо изданную книгу со своими песнями и нотами к ним. Я был не только удивлен, но и потрясен тем, что половина песен из этой книжки уже считается народными.

Его проводили и оплакали многие друзья, товарищи, почитатели таланта, но более всех, искреннее всех горевала о нем провинциальная интеллигенция — учителя, врачи, сельские газетчики, жители и служители городских окраин, где еще помнят и чтят не только родство, но и певца, посланного Богом для утешения и прославления вечно о чем-то тоскующей российской души.

Многих поглотила бездна и сомкнулась над ними. Над творцом небо всегда весенне-голубое, и оттого в радостном, добром небе не видно прорванного места, но есть певцы, над которыми долгие, долгие

годы, иногда вечность, — бездна бессильна, не может она, разъятая, <заживить> земную рану, утешить человеческую боль.

Голос нашего современника, певца и поэта, все слышен нам, все звучит над нами и в нас. Пусть веселой будет песнь Булата, пусть и за смертью она утешает и делает нас, людей, лучше, пусть песнь добра и сострадания, им воззванная и пропетая, торжествует на земле, пусть люди поклоняются поэтам, восславляющим мир и любовь, а не вождям и политиканам, сеющим смуту, смерть, творящим нечестивое дело.

В. Астафьев[4]

В этой статье Виктор Петрович упомянул о совместной с Окуджавой поездке в Болгарию. В память об этой поездке, состоявшейся в 1987 г., в архиве писателя сохранилось несколько групповых фотографий: В. П. Астафьев с Б. Ш. Окуджавой и А. Г. Битовым в гостях; Б. Ш. Окуджава на скамейке с др. лицами и т. д.

Виктор Астафьев пережил Булата Окуджаву на 4 года. В 1997—1998 гг. в Красноярске вышло из печати 15-томное собрание сочинений Астафьева, над которым он тщательно работал предыдущие годы. Написать задуманную им третью часть романа «Прокляты и убиты» он уже не смог: не было сил.

Виктор Петрович Астафьев... Булат Шалвович Окуджава... Почему эти имена до сих пор так дороги нам? «Песнь поэта — для вечности», а их произведения — не на время, а навсегда. В них есть та самая «энергия вечности». Вечная им память!

Библиографический список

1. *Окуджава Б.* Ваше благородие, госпожа удача. М.; Эксмо, 2002.
2. *Окуджава Б.* Пока я на волю отпущен... // Дружба народов. 1991. № 4.

[4] РО ИРЛИ, ф. 805, оп. 1, ед. хр. 83, л. 4.

DOI: 10.31860/978-5-918680-445-503-534

К 85-летию со дня рождения В. А. Гаврилина

«БЛИЖЕ ТЕБЯ ПО ДУХУ У МЕНЯ НИКОГО НЕТ» (ПИСЬМА В. И. БЕЛОВА К В. А. ГАВРИЛИНУ)

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Л. В. Герашко)

Аннотация: Впервые публикуются письма классика русской литературы советской эпохи В. И. Белова к композитору В. А. Гаврилину за 1976—1994 гг., которые являются ценным биографическим источником и помогают лучше понять характер их взаимоотношений. Основная тема писем — искусство и процессы общественной жизни. Выдающихся представителей русской культуры сближало многое: корреспондент и адресат родились на Вологодской земле, их творчество глубоко напитано народной этикой и фольклором, для обоих характерны размышления об уходящем укладе жизни, породившем тип русского человека, способного на воинский подвиг и самоотверженный, терпеливый труд.

Ключевые слова: Василий Белов, Валерий Гаврилин, «Перезвоны», музыка, фольклор, культурно-общественные проблемы, Вологодская земля.

Abstract: For the first time, letters of V. I. Belov, the classic of Russian literature of the Soviet era, to the composer V. A. Gavrilin from the period of 1976—1994 are published, which represent a valuable biographical source and help to better understand the nature of their relationship. The subject matter of the letters is art and the processes of social life. Outstanding representatives of Russian culture had many things in common: the correspondent and the addressee were both born upon the Vologda soil, their work is deeply imbued with folk ethics and folklore, both are characterized by reflections on the passing way of life, which gave rise to the type of Russian person capable of military feats and selfless, patient work.

Keywords: Vasily Belov, Valery Gavrilin, «Perezvony», music, folklore, social problems, Vologda Region.

В Рукописном отделе Пушкинского Дома, в фонде композитора Валерия Александровича Гаврилина (1939—1999), хранятся двенадцать писем и телеграмма к нему писателя Василия Ивановича Белова (1932—2012) за 1976—1994 гг.[1] Ответные письма Гаврилина, по всей видимости, не сохранились: их нет ни в Российской государственной

[1] РО ИРЛИ, ф. 862 (В. А. Гаврилин). Находится в научно-технической обработке. Далее указывается номер фонда, без указания номеров оп. и ед. хр.

© Герашко Л. В., 2024

библиотеке, куда вдова писателя О. С. Белова передала его архив, ни в коллекционном фонде «Центра писателя В. И. Белова» в Вологде.

В фонде В. И. Белова в РГБ находятся два письма В. А. Гаврилина к нему за 1977 и 1989 гг.[2], которые не являются ответами ни на одно из ныне публикуемых. Известно еще одно письмо, относящееся к 1989 г., которое В. Белов передал в Государственный архив Вологодской области[3]. Общение писателя и композитора, конечно, не исчерпывается пятнадцатью письмами за почти двадцатилетний период: были личные встречи, телефонные звонки, а также другие письма, которые до нас не дошли.

Творческая встреча Василия Белова с Валерием Гаврилиным состоялась раньше чем личная: в 1973 г. в Псковском драматическом театре режиссером Б. Гутиным[4] была поставлена первая пьеса Белова «Над светлой водой»[5], посвященная последним жителям предназначенной к сносу «неперспективной» деревни Каменка. Музыку по просьбе режиссера написал Гаврилин. Он работал над музыкальным оформлением спектакля неподалеку, в Опочке, где находился летом с семьей на отдыхе. Старинный город, связанный с именем Пушкина, расположенный вокруг древнего вала и утопающий в зелени старых деревьев, полюбился будущему композитору еще в студенческие годы, когда он впервые приехал туда в составе экспедиции Ленинградской консерватории под руководством известного музыковеда-фольклориста Натальи Львовны Котиковой (1905—1981).

На предпремьерном просмотре спектакля Гаврилин не присутствовал. В конце июля Гутин писал ему:

> «Вчера была сдача, приезжал Василий Белов. Прошло всё хорошо, хвалили, и особенно тебя. Белов очень огорчился, что тебя не застал. Музыка твоя ему очень понравилась, и вообще он очень хочет с тобой познакомиться»[6].

---

[2] РГБ. Ф. 889 (В. И. Белов), карт. 24, ед. хр. 15. 2 л. Впервые опубл.: *Белов В. И.* Голос, рожденный под Вологдой // Наш современник. 2004. № 9. С. 49, 58 (далее: *Белов В. И.* Голос, рожденный под Вологдой). Факсимильное воспроизведение: *Суров М. В.* Белов: Штрихи великой жизни. Вологда: Полиграф—Книга, 2007. С. 594, 596 (далее: *Суров М. В.*).

[3] Факсимиле письма опубл.: *Суров М. В.* С. 684.

[4] *Гутин Борис (Борух)* (р. 1941) — режиссер, работавший в российских провинциальных драматических театрах. С 1991 г. — в Израиле.

[5] Премьера спектакля состоялась 5 сент. 1973 г. В своей повести о В. Гаврилине Белов ошибочно указывает дату первой встречи с его музыкой — 26 дек. 1978 г., на концерте в БКЗ Октябрьский в Ленинграде, где исполнялись «Скоморохи» (см.: *Белов В. И.* Голос, рожденный под Вологдой. С. 49).

[6] Цит. по изд.: *Гаврилина Н. Е.* Наша жизнь (по дневникам и не только). СПб.: Композитор Санкт-Петербург, 2014. С. 172 (далее: *Гаврилина Н. Е.*). Письмо находится в архиве композитора (РО ИРЛИ, ф. 862). Пьеса В. Белова «Над светлой водой» с музыкой В. Гаврилина была поставлена также в Вологодском государственном драматическом театре в 1974 г.

Хотел познакомиться с Беловым и Гаврилин. Так, 30 янв. 1972 г. он звонил жене, Наталии Евгеньевне[7], из Вологды, куда уехал из Ленинграда на неделю:

«Василия Белова в Вологде нет. И книг его тоже. Жаль!»[8]

Личное знакомство, по свидетельству Н. Е. Гаврилиной, состоялось позже, в марте 1974 г., когда они с мужем приехали в Вологду на день рождения Т. Д. Томашевской[9].

К этому времени Василий Белов уже был автором «Плотницких рассказов», повести «Привычное дело», романа «Кануны» — первой книги будущей трилогии[10], повествующей об уничтожении крестьянства, разрушении традиционного уклада жизни русской деревни, вызвавшей большой общественный резонанс. Наряду с серьезными историческими и политическими вопросами, которые поднимались в книгах, обращал на себя внимание и великолепный язык прозы Белова, поставивший его со временем в один ряд с классиками русской литературы.

Валерий Гаврилин к моменту личного знакомства с писателем уже был членом Союза композиторов, автором «Русской тетради»[11], за которую в 1967 г. получил Государственную премию им. М. И. Глинки. Выдающийся композитор нашего времени Г. В. Свиридов вспоминал:

«Уже первое произведение Гаврилина, которое я услышал — вокальный цикл “Русская тетрадь”, меня поразил. Вспоминаю, как после концерта я шел поздравить композитора, с которым еще не был тогда знаком,

---

[7] *Гаврилина* (урожд. Штейнберг) *Наталия Евгеньевна* (1930—2024) — педагог-воспитатель, преподаватель истории в школе. Об истории знакомства и семейной жизни с В. А. Гаврилиным см.: *Гаврилина Н. Е.*

[8] *Гаврилина Н. Е.* С. 159.

[9] *Томашевская Татьяна Дмитриевна* (1926—2019) — первая учительница музыки В. А. Гаврилина. В 1951 г. произошла их первая встреча на репетиции хора Октябрьского детского дома в Вологде, воспитанником которого с 1950 г. был Гаврилин. Т. Д. Томашевская сыграла важную роль в получении им дальнейшего музыкального образования. Композитор поддерживал дружеские отношения с ней до конца жизни. Во время частых приездов в Вологду всегда останавливался у Татьяны Дмитриевны и ее мужа Николая Дмитриевича Петушкова, в прошлом артиста Вологодской филармонии. Подробнее см.: *Томашевская Т. Д.* Так быстро пролетело время // «Этот удивительный Гаврилин...» / сост. Н. Е. Гаврилина. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Композитор Санкт-Петербург, 2008. С. 16—50. Далее: «Этот удивительный Гаврилин...».

[10] «Кануны» (1976), «Год великого перелома» (1994), «Час шестый» (1998).

[11] В. Гаврилин посвятил «Русскую тетрадь» Руслану Парменову — ленинградскому десятикласснику, умершему от болезни. История жизни, которая прервалась едва начавшись, привела композитора к мысли написать о девушке, которая должна была встретить его и полюбить. Он «решил написать о несостоявшейся любви от лица этой девушки, хотел написать поэму о любви и смерти». Об этом см.: *Гаврилина Н. Е.* С. 81.

и, перед тем как войти в артистическую комнату, встретил выходящего оттуда Шостаковича. Я спросил его: “Ну как, Дмитрий Дмитриевич?” Он только развел руками. И я увидел на глазах у него слезы»[12].

В 1967 г. из музыки к спектаклю «Через сто лет в березовой роще»[13] возникла первая редакция оратории-действа «Скоморохи», а в 1972 г. была написана вокально-симфоническая поэма «Военные письма»[14] на слова А. Шульгиной[15], которые подтвердили, что успех «Русской тетради» не был случайным и в стране появился редкий по своей самобытности большой талант. Суть творческого метода В. Гаврилина определил хорошо знавший его музыковед И. И. Земцовский[16]. Он писал:

«В “Русской тетради” не процитирован ни один фольклорный напев. И в то же время весь ее музыкальный язык <...> пропитан национально русскими интонациями как песенными, так и речевыми. Это свидетельствует о глубоком постижении Гаврилиным музыкальной речи народа, об умении свободно и талантливо изъясняться в искусстве, не копируя, а претворяя эту речь» [17].

Валерия Гаврилина и Василия Белова объединяло многое: любовь к малой родине — Вологодчине, ее природе и людям, голодное военное и послевоенное детство. Отцы обоих погибли на фронте. Нет сомнений, что как по рождению, так и через приобщение к живой фольклорной стихии и народной этике — они являются носителями многовековой культуры Русского Севера. Эта земля, не знавшая татаро-монгольского ига и крепостного права, всегда рождала сильных духом, творчески одаренных людей. Многие из них были наделены даром огненного, увлекающего слова, как св. Иоанн Кронштадтский,

---

[12] Цит. по кн.: *Гаврилина Н. Е.* С. 76.

[13] См. прим. 1 и 2 к п. 2.

[14] «Военные письма» также родились из музыки к спектаклю — по повести В. Тендрякова «Три мешка сорной пшеницы», поставленному в Большом драматическом театре в Ленинграде (1974 г., реж. Г. А. Товстоногов).

[15] *Шульгина* (в замуж. Михайлова) *Альбина Александровна* (1937—2009) — поэтесса, сценарист, драматург, автор слов ко многим произведениям В. Гаврилина, в том числе к «Военным письмам». Первая совместная работа — песня «Сшей мне белое платье, мама» для фильма «В день свадьбы» (1969 г., реж. В. В. Михайлов). Воспоминания А. Шульгиной о В. Гаврилине см.: «Этот удивительный Гаврилин...». С. 441—449.

[16] *Земцовский Изалий Иосифович* (р. 1936) — музыковед-фольклорист, как и В. А. Гаврилин, ученик Ф. А. Рубцова, с 1960 по 1969 г. — сотрудник сектора музыки Института театра, музыки и кинематографии (ЛГИТМИК). С И. И. Земцовским В. А. Гаврилин в 1968 г. ездил в фольклорную экспедицию в Вологодскую обл.

[17] *Земцовский И.* Русское в «Русской тетради» В. Гаврилина // *Земцовский И.* Фольклор и композитор: теоретические этюды о русской советской музыке. Л.; М.: Сов. композитор, 1978. С. 102—117.

протопоп Аввакум или наш современник Федор Абрамов; иные, как М. Д. Кривополенова[18], Б. В. Шергин и другие — безвестные — творцы песен, сказок, былин из поколения в поколение сплетали ткань изысканной, сложной духовной культуры. Имена композитора Гаврилина и писателя Белова стоят бок о бок в этом ряду.

Мировоззрение Валерия Гаврилина и Василия Белова, как и всех их сверстников, формировалось с детства в рамках советской идеологии. Из нее они взяли лучшее — бескорыстие, патриотизм, чувство личной ответственности за все происходящее в стране[19]. Они оба прошли долгий путь, освобождаясь по мере своего духовного становления от жестких рамок атеистического и материалистического императива, противопоставления России советской и дореволюционной. Углубление в отечественную историю, поиски своей корневой системы заставляли переосмысливать и переоценивать все, что под всеохватным идеологическим воздействием изначально принималось на веру.

О том, что писателя и композитора соединяла дружба и общность мировоззрения, не раз упоминали как мемуаристы, так и исследователи[20], но отдельные фрагменты писем Василия Белова дают возможность глубже понять характер этих отношений, которые, при неизменном взаимном тяготении двух художников, увлеченности творчеством друг друга, не были ровными на протяжении их общения.

Содержание писем достаточно многообразно. В них упоминаются родные для обоих места Вологодчины, поездки, общие знакомые, факты писательской и театральной жизни, общественной деятельности Белова, но главной их темой, без сомнения, является музыка. Белов не раз выражал сожаление о том, что его юношеская попытка посту-

---

[18] *Кривополенова Мария Дмитриевна* (1843—1924), по прозвищу Махонька, — крестьянка дер. Шатогорка Пинежского уезда Архангельской губ., прославленная сказительница, песенница и сказочница. Ф. А. Абрамов, готовя материалы для своей «Чистой книги», собрал на Пинеге все свидетельства о Махоньке. По рассказу Н. Е. Гаврилиной, они с Валерием Александровичем посетили вдову писателя Л. В. Абрамову-Крутикову, чтобы познакомиться с этими материалами.

[19] Воспитательный процесс, конечно, не ограничивался школьными рамками. Так, например, В. А. Гаврилин через всю жизнь пронес любовь и благодарность своей крестной — перхурьевской крестьянке Асклиаде Алексеевне Кондратьевой, заложившей в его душе основы христианской нравственности. Разумеется также, что патриотизм, демократизм и пр. не являются порождением советского строя: речь идет об особом, советском «изводе» этих качеств, подразумевающем разрыв с исторической Россией.

[20] См., напр.: *Трикоз Э. Л.* «Как замечательно, что есть такое чудо, как Вы». Рассказываем о дружбе Валерия Гаврилина и Василия Белова // [Электронный ресурс] URL: https:// m.vk.com/@publicderevenskaiaproza-kak-zamechatelno-chto-est-takoe-chudo-kak-vy-o-druzhbe-valer (дата обращения: 11.06.2024); *Бекедин П. В.* Творчество В. И. Белова и В. Г. Распутина в восприятии композитора В. А. Гаврилина // Писатели русской традиционной школы второй половины XX века в контексте современности: сб. статей / отв. ред. В. П. Муромский, Ю. А. Дворяшин. Сургут: РИО СурГПУ, 2009. С. 74—83.

пить в Вологодское музыкальное училище не увенчалась успехом[21]. Тягу к музыке он ощущал всегда, самостоятельно научился играть на гармони, да и сам процесс слушания для него был подобен священнодействию[22]:

> «...я так люблю музыку, что не могу ее слушать в публичном месте. Но где найдешь место такое, чтобы и одному быть и музыка чтоб?.. Не представляю, как ее создавать, если нет возможности даже слушать» (п. 10).

Свидетельством трепетного отношения писателя к музыке являются его художественные тексты. На их пространстве рассыпаны во множестве описания игры героев на гармони, танцев, исполнения частушек, обрядовых и лирических песен. Есть и другое: музыкой пронизана сама проза Белова в лирических эпизодах, особенно в описаниях природы. Для примера можно привести прекрасный гимн живому, одухотворенному дому его старшего друга и наставника поэта Александра Яшина (1913—1968) — рассказ «Бобришный угор». Музыкально по ощущению описание смены зари вечерней на утреннюю над бревнами возле дома Ивана Африкановича в повести «Привычное дело»[23].

Валерий Гаврилин, размышляя о художественном методе Белова, сделал тонкое наблюдение:

> «...У него нет сюжета, ситуации в качестве решающей силы. Главная сила — в смысле слова, в темпах фраз, предложений, в их комбинации, в чередовании слов по окраске и т. д. Именно отсюда, и так вырастает литературный образ его творений»[24].

Композитор, чуткий к красоте и музыкальности языка художественной прозы, горячо откликнулся на присланный ему Беловым роман «Кануны» в первом из трех дошедших до нас писем:

---

[21] См.: *Белов В. И.* Голос, рожденный под Вологдой. С. 26.

[22] Во вступ. статье ссылки на номера цитируемых писем приводятся в скобках после цитаты.

[23] Этот эпизод созвучен «Вечерней музыке» В. Гаврилина (номер из вокально-хоровой симфонии-действа «Перезвоны. По прочтении В. Шукшина»). Ср. описание воздействия на музыку Гаврилина «тихой прелести» вологодской северной природы у В. Белова: «Зеленый лужок, речка, родное крылечко и вид на озеро Кубенское из алтарной части бывшего Афанасьевского храма оставили Валерию Гаврилину самые сильные воспоминания. <...> А как часто мечтал он пройтись по зеленой тропинке, где трава еще не вытоптана, а по бокам слева и справа не крапива, а лазоревые свежие незабудки. Да чтоб синело родное озеро или белела бескрайняя снежная ледяная равнина, по которой он ездил с матерью в легких детдомовских санках. Разве не пропиталась этими снежными и водными запахами вся его музыка?» (*Белов В. И.* Голос, рожденный под Вологдой. С. 27—28).

[24] *Гаврилин В.* О Музыке и не только... : записи разных лет / сост. Н. Е. Гаврилина и В. Г. Максимов. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Композитор Санкт-Петербург, 2003. С. 174. Далее: *Гаврилин В. А.* О Музыке и не только...

«15 июля 1977 г., Опочка.

Дорогой Василий Иванович!

Большущее-пребольшущее спасибище за книгу[25]! Я весь разволнован и полон всяческих восторгов — прочел два раза кряду.

Как замечательно, что есть такое чудо, как Вы. Жизнь начинает нравиться, все ясным кажется и самому работать и стараться хочется.

Любящий Вас В. Гаврилин»[26].

Спустя несколько лет в дарственной надписи В. И. Белову на пластинке с записью вокального цикла «Военные письма» он вновь выделил именно это — лирическое — начало в его творчестве:

«Самому нежному русскому писателю, любимому Василию Ивановичу Белову с нежностью, восхищением и поклонением, с благодарностью за светлое время, проведенное с его книгами — за время, украсившее жизнь вологодского человека Валерия Гаврилина, одного из миллионов его читателей и почитателей. Май, 1985 г.»[27].

Тем не менее, в публикуемых письмах Белова к Валерию Гаврилину музыкальная тема начинается почти с конфликта: 30 янв. 1978 г. он пишет о своем противоречивом впечатлении от концерта, на котором исполнялись гаврилинские «Скоморохи»:

«Когда были написаны “Скоморохи”? И что это за Коростылев? Впрочем, не слишком ли много вопросов. Горько бывает на сердце»[28] (п. 2).

Из сказанного видно, что эти размышления вызваны не яркой, талантливой музыкой Гаврилина, а отношением автора текста оратории В. Н. Коростылева и, соответственно, разделяющего с ним ответственность автора музыки к русской истории, к ее болезненным узловым моментам, которые, по мнению писателя, требовали бережного и уважительного отношения[29].

[25] *Василий Белов.* Кануны. М.: Современник, 1976. На экземпляре, хранящемся в архиве композитора (РО ИРЛИ, ф. 862), дарственная надпись: «Валерию Гаврилину / и его семейству / на память / от его самого, самого земляка / с любовью / Белов / 5 мая 1977 г.».

[26] *Белов В. И.* Голос, рожденный под Вологдой. С. 49.

[27] Шифр в коллекционном фонде «Центра писателя В. И. Белова в Вологде»: ДПИ-276 КБИАХМ МКБ КП-4449 №ГК-10938412. СССР, г. Ленинград. Всесоюзная фирма грампластинок «Мелодия». Грампластинка «Валерий Гаврилин. Военные письма, вокально-симфоническая поэма на стихи Альбины Шульгиной». 1983 г.

[28] См. прим. 1 и 2 к п. 2.

[29] Позднее Белов высказался более определенно. Его возмущение вызвал, в первую очередь, текст той части оратории, которая называется «Про царское убиение». Писатель счел ее кощунственной, поскольку скоморохи у Коростылева в глумливой форме комментируют убийство царской семьи. Понадобилось много времени и появление хоровой симфонии «Перезвоны», чтобы рассеялось тяжелое впечатление от произведения. Он писал: «“Скоморохи” с их непристойностями

Для Гаврилина же скоморохи были, в первую очередь, артистами — носителями смеховой культуры Древней Руси, собирательным образом народа с его чаянием воли и вечным противостоянием власти. Композитор дорожил этим своим сочинением, постоянно возвращался к нему, дописывая и совершенствуя, на протяжении тридцати лет[30].

В следующем письме от 19 янв. 1979 г. Белов, желая порадовать Валерия Александровича музыкой, записанной в родных местах, сообщает, что посылает ему запись гармошечных наигрышей[31], отмечая, что играет на гармони не хуже исполнителя (п. 3).

19 янв. 1985 г. выражает неподдельную радость по поводу впервые услышанного им сочинения Гаврилина, которое по праву заняло центральное место в его творчестве:

> «...поздравляю со славной победой — “Перезвоны”[32] приближают тебя к гениальному Мусоргскому» (п. 5).

Вскоре В. И. Белов опубликовал свой отклик на хоровую симфонию-действо:

> «В “Перезвонах” я слышу голос народной жизни во всем ее разнообразии и богатстве. Слышу отзвуки древних языческих заклинаний, причетов, свадебных и праздничных песнопений, чуется в них ярмарочное многоцветье и мощь колокольных благовестов. А на какой пронизывающей художественной высоте оказалась в этом произведении наша северная частушка!»[33].

В августовском письме 1985 года писатель делится новыми впечатлениями от этой музыки:

> «На днях видел Минина[34], слушал кое-что из «Перезвонов»... Или стал сентиментален, или... Одним словом, ком стоял в горле. Минину хотелось поклониться в ноги...» (п. 7).

в адрес царицы и российского монарха, Григория Распутина и т. д. — это был не его путь. В те годы я, конечно, не осмелился бы открыто критиковать эту эстетику, но опасность злой политической сатиры чуял и кожей, и сердцем» (*Белов В. И.* Голос, рожденный под Вологдой. С. 49—50, 67).

[30] Подробно о создании В. А. Гаврилиным оратории «Скоморохи» см.: *Супоницкая К. А.* Валерий Гаврилин. М.: Мол. гвардия, 2018. С. 225—239.

[31] См. прим. 1 к п. 3.

[32] Написанная композитором в 1981—1982 гг. хоровая симфония-действо «Перезвоны. По прочтении В. Шукшина», была впервые исполнена в Ленинграде, в Большом зале филармонии, 17 янв. 1984 г. Московским камерным хором под управлением В. Н. Минина. 12 февр. этого года премьерное исполнение прошло в Большом зале Московской консерватории. В 1985 г. Гаврилину за это сочинение было присвоено звание народного артиста РСФСР и присуждена Государственная премия СССР.

[33] *Белов В.* Из народных глубин // *Белов В. И.* Раздумья на родине: очерки и статьи. 2-е изд., доп. М.: Современник, 1989. С. 263—270.

[34] Сочинение посвящено автором В. Н. Минину.

Сделанный им вывод решителен и категоричен:

> «Запомни одно: какой бы ты ни был композитор (небольшой, средний, великий — разберутся потом и без нас), какой бы ты ни был, но ты сейчас первый композитор России. Лучше тебя нет пока, а когда будут, мы сразу это заметим» (п. 6).

Это мнение писателя осталось неизменным. На закате жизни он писал, что Гаврилин является «одним из самых крупных и самобытных композиторов нового времени, имя которого стало гордостью отечественной музыки»[35].

В это же время в переписке возникает тема другого сочинения, которое, как и «Перезвоны», должно было иметь подзаголовок «по прочтении»: в не дошедшем до нас письме Гаврилин, по-видимому, просил разрешения написать музыку «по прочтении Белова»[36]. Подобные замыслы не были единичными. Композитор намеревался создать еще несколько произведений, посвященных его любимым современным писателям. Он делает очень важное признание:

> «Литература — большое подспорье в моей работе и источник изучения жизни и характера народа. Я люблю русскую литературу и читаю все, начиная с Ломоносова и кончая Лесковым, Успенским и Буниным. Из советских авторов неоценимо для меня творчество Александра Твардовского, Василия Белова, Виктора Астафьева, Валентина Распутина, Василия Шукшина. Помимо чисто эстетического удовольствия, я нахожу большую моральную поддержку в самом факте существования этих писателей и этой литературы. Это близкие мне по духу люди, мои единомышленники. У нас сходное мироощущение. Они для меня свои даже интонационно, с точки зрения художественного приема. Я в себе нахожу столь же острое ощущение поэзии русской природы, русской деревни. И у меня такая же тревога за то чистое, целомудренное, <...> что уходит сейчас в прошлое вместе со старым сельским укладом. <...> Я думаю, что похожие чувства переживает и Василий Белов, с которым меня связывают дружеские отношения. <...> И вот у меня есть мечта дать музыкальное прочтение этих писателей — наподобие “Перезвонов”»[37].

Творчество Валерия Гаврилина было откровенно литературоцентричным, однако это была литературоцентричность особого рода. По-видимому, поэзия или проза должны были затронуть какие-то струны в душе композитора, отозваться в нем, чтобы лечь на музыку. И дело было не в сюжете или теме, а особой лирической мелодии, которая

---

[35] *Белов В. И.* Голос, рожденный под Вологдой. С. 65.

[36] Как следует из письма, разговор об этом заходил не в первый раз. Гаврилин не упомянул о каком-либо конкретном произведении Белова. Опорой для сочинения мог послужить «музыкальный» образ писателя, сложившийся по прочтении многих его сочинений, впечатление от его личности.

[37] *Гаврилин В.* Слушая сердцем...: Статьи. Выступления. Интервью. Изд. 2-е, испр. СПб.: Композитор Санкт-Петербург, 2012. С. 198. Далее: *Гаврилин В.* Слушая сердцем...

давала некий сплав музыки и слова[38]. Почти все известные сочинения Гаврилина, включая балеты, отталкиваются от произведений русских поэтов, писателей или написаны на собственные либретто[39]. Кроме того, такие режиссеры, как Г. А. Товстоногов, М. А. Ульянов, Л. А. Додин, называли Гаврилина человеком театра, подчеркивая необычайную органичность его музыки к спектаклям.

Именно с музыкой для театра связана следующая «сквозная» тема в письмах В. Белова. 25 декабря 1986 г. он обращается к композитору:

> «Кажется, я послал тебе сказку “Кощей Бессмертный”[40]. Ее ставят у нас сейчас в Драмтеатре, и режиссер[41] просил меня связаться с тобой. Не подсобишь ли ему в музыкальном смысле? Я тоже присоединяюсь к его просьбе. Поскреби по сусекам, дай что есть. А может, и вдохновишься, напишешь новое» (п. 9).

Эту просьбу писателя Гаврилин по какой-то причине не выполнил, так же как в следующем, 1987 г., уклонился от написания музыки к другой пьесе — «Князь Александр Невский», о чем его настойчиво просил Белов:

> «Спектакль по моей пьесе (читал ли ты ее?) намечено выпустить весной к 9 мая. Ясно, что он будет (отпущено 50 т<ысяч> рублей). Но каким будет? Ради Бога, оформи его в музыкальном смысле! Если времени тебе покажется мало, может, возьмешь и используешь несколько тем из “Перезвонов”? Одна “молитва” чего стоит...» (п. 11).

Просьбы В. Белова написать музыку к его пьесам переходят из письма в письмо, но остаются безответными. Спектакль «Над светлой водой» оказался единственной встречей писателя и композитора на театральных подмостках. Ответом на вопрос, почему Гаврилин не ответил согласием другу, могли бы стать слова Л. Додина:

> «У него было безукоризненное чувство театра и безукоризненное чувство необходимости музыки. Он мог прийти на репетицию и сказать: “Не надо здесь музыки, убери, здесь я не нужен”»[42].

---

[38] Ср. с высказанной В. Гаврилиным мыслью о соединении музыки и слова у Свиридова: «Г. Свиридов — единственный после М. Глинки композитор, в котором живет ощущение слова — не смысла слова, а именно красоты звучания русского слова, которое становится неделимым с звучанием музыки» (*Гаврилин В.* О музыке и не только... С. 173).

[39] В архиве композитора хранятся сделанные им наброски сценариев и записи текстов ко многим неосуществленным вокально-драматическим и театральным произведениям.

[40] В фонде В. А. Гаврилина (РО ИРЛИ, ф. 862) не обнаружена.

[41] См. прим. 3 к п. 9.

[42] Цит. по: «Синее море, белый пароход Валерия Гаврилина»: документальный фильм к 70-летию композитора / реж. Т. Андреева. ГТРК «Санкт-Петербург», 2009. Далее: — «Синее море, белый пароход Валерия Гаврилина».

Об этом же свидетельствовала и Н. Е. Гаврилина, вспоминая, как в телефонных разговорах композитор убеждал автора, что его музыка в пьесах не нужна. Первая имела черты политической сатиры, вторая была историческим полотном, где Александр Невский представлен как государственный деятель. Музыкальная интенция сочинений Гаврилина была иной: через судьбу одного человека или небольшого круга людей, сочувствие и любовь к ним, восходить к общечеловеческому. Он сам лучше всех сформулировал свое кредо:

> «Музыка, сердце мое, жизнь моя, не учи людей ЖИТЬ, учи любить, страдать...»[43]

В пьесах Белова в какой-то мере присутствовало дидактическое начало — обличение пороков современного общества, стремление дать высокий образец для подражания в образе благоверного князя[44], в его политической и религиозной позиции. В борьбе за национальное начало, право русского народа на самобытность, писатель искал помощи и поддержки друга, в котором видел своего единомышленника, но Гаврилин не мог изменить себе как художнику[45].

Есть еще одно, о чем необходимо сказать: в письмах Василия Белова постоянно звучит тема желания и невозможности встретиться с Гаврилиным:

> «...“общественность” Вологды уберегала тебя от меня, когда я был в больнице. Потом я писал письмо — ответа не получил. Звонил — не дозвонился. Много раз. В Новый год послал телеграмму — она вернулась обратно. Что-то или кто-то упорно не хочет, чтобы мы встретились. А может и сам ты уже не хочешь?» (п. 5).

---

[43] *Гаврилин В. А.* О Музыке и не только... С. 30.

[44] Ср. у Белова: «Почему я взялся за пьесу о Невском? Драматургия привлекла меня широкими возможностями сказать все, что думаешь. В русской истории Александр Невский — одна из самых трагических, но одновременно и героических фигур. Эпоха, в которую жил и действовал великий князь, положение, в котором тогда находилась Русь, в чем-то схожие с нашим временем. Европа предательски вела себя по отношению к Руси, с севера и запада нас жали рыцари, с юга — татары. В тех условиях, чтобы не только выстоять, но и одержать победу над врагом, от князя требовались огромное мужество, талант государственного деятеля. <...> Подчеркну особо: пьесой я хотел привлечь внимание нынешней молодежи не только к фигуре Александра Невского, но прежде всего — к истории Отечества. К сожалению, многие знают ее плохо, по-школьному поверхностно» (цит. по: *Данилевич Елена.* Предвестник распада СССР? В петербургском театре вспомнили пьесу о Невском // Аргументы и факты. 2021. 27 дек. [Электронный ресурс] URL: spb.aif.ru. (дата обращения: 03.07.2024)).

[45] Наряду с этим Н. Е. Гаврилина вспоминала, как однажды летом, по инициативе Валерия Александровича, они всей семьей переписывали полюбившуюся кинопьесу Белова «Целуются зори» (М.: Мол. гвардия, 1975) с экземпляра из опочецкой районной библиотеки, который не решились «зачитать». Об этом см.: *Гаврилина Н. Е.* С. 173.

Впоследствии Белов, возможно, не вполне справедливо, назвал причину, по которой они не могли видеться или разговаривать чаще: он полагал, что жена композитора, заботясь о его здоровье, делала его недоступным для друзей:

> «Но почему она пыталась ограничить общение Гаврилина по телефону с людьми, которые доставляли радость — с Чернушенко[46], Мининым? Некоторых людей Наталья Евгеньевна, очевидно, просто терпеть не могла, а Валерию Александровичу они были необходимы. И как исполнители, и как друзья, как собеседники»[47].

Этот упрек побудил Н. Е. Гаврилину привести в книге воспоминаний выдержку из своего дневника за 1975 г., когда во время долговременной и напряженной музыкальной работы композитору пришлось наладить свой распорядок дня:

> «На улицу выходит только для того, чтобы сочинять, — на ходу всегда хорошо сочиняется. Потом обед. Все телефонные звонки теперь принимаются только с двух до трех дня, в другое время строгий наказ его не звать. Некоторые знакомые отнесли это за счет того, что два Цербера — Наташа и Ольга Яковлевна[48] — не допускают их до его "персоны". Им было невдомек, что мы выполняем его требование. Он мне говорит: "Мне так трудно входить в прежнее состояние!" Все наши знакомые — мои и мамины — предупреждены, чтобы нам в эти "священные" часы не звонили. Ну и доставалось же нам, если кто-то из них забывал об этом, и раздавался звонок в "обеденное гаврилинское время"! И теперь в нашем доме установился строгий распорядок»[49].

Установленный режим жизни в доме Гаврилиных закрепился. Впоследствии, когда Валерий Александрович перенес два инфаркта, введенные ограничения стали уже необходимостью.

Наталия Евгеньевна вполне сознавала, с каким человеком, каким художником свела ее судьба. При жизни она во всем руководствовалась интересами мужа, а после смерти композитора посвятила свою жизнь увековечению его памяти: разобрала архив и передала его в Пушкинский Дом; поддерживала и снабжала архивными материала-

---

[46] *Чернушенко Владислав Александрович* (р. 1936) — дирижер, хормейстер, музыкальный педагог. С 1974 г. — художественный руководитель и главный дирижер Ленинградской (Санкт-Петербургской) академической Капеллы. Бессменно руководит этим коллективом уже более 40 лет. Друг Г. В. Свиридова и В. А. Гаврилина, исполнитель и интерпретатор их произведений.

[47] См.: *Белов В. И.* Голос, рожденный под Вологдой. С. 67.

По свидетельству С. Э. Таировой, близкого друга семьи Гаврилиных, этого же мнения придерживались композиторы С. П. Баневич, С. Л. Слонимский, Б. И. Тищенко, а также другие знакомые, которые пытались «прорвать заслон».

[48] *Штейнберг Ольга Яковлевна* (1906—1993) — режиссер самодеятельных театров, мать Н. Е. Гаврилиной.

[49] *Гаврилина Н. Е.* С. 182.

ми авторов книг и диссертаций, посвященных творчеству В. А. Гаврилина, опекала музеи композитора в Вологде, в деревне Перхурьево, выступала в школах и других учебных заведениях, носящих его имя. Она, совместно с поэтом В. Г. Максимовым, упорядочила и подготовила к изданию разрозненные записи В. Гаврилина за много лет[50], составила сборник воспоминаний о нем «Этот удивительный Гаврилин...», доработала и закончила книгу со статьями, очерками и интервью композитора «Слушая сердцем», которую не успел завершить его безвременно скончавшийся друг — музыковед А. Т. Тевосян[51], и сделала все для того, чтобы его незаконченная монография о В. Гаврилине[52] увидела свет.

В дневнике Наталии Евгеньевны есть запись от 8 октября 1986 г.:

> «Наконец-то Валерий увиделся с Василием Беловым. Он был в Ленинграде, зашел к нам. Это было утром. Как сказал Валерий, “от Васи исходят положительные эмоции”. Белов звал в Вологду, да мы и сами были бы рады, но...»[53]

Когда 28 янв. 1998 г. композитор скончался в результате третьего инфаркта, Василий Белов счел долгом написать о своем друге[54]. Он подал заявку на книгу в серии «Жизнь замечательных людей»[55] и начал собирать материалы. В этом ему помогал на первых порах вологодский писатель и журналист А. С. Алексичев. Впоследствии их творческое содружество распалось, о чем написано в остро полемической по характеру книге[56] последнего, где, в частности, подробно описаны шаги, которые В. Белов предпринимал для собирания воспоминаний

---

[50] *Гаврилин В.* О Музыке и не только... Записи разрозненные разных лет / сост. Н. Е. Гаврилина и В. Г. Максимов. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Композитор Санкт-Петербург, 2003. 344 с.

[51] *Тевосян Александр Татевосович* (1943—2001) — с 1973 по 1976 г. артист хора Минина, затем преподаватель Московской консерватории, сотрудник музея Глинки, ведущий музыкальных программ на радио, проректор по научной работе Академии хорового искусства, входил в круг ближайших друзей В. А. Гаврилина.

[52] *Тевосян А. Т.* Перезвоны: жизнь, творчество, взгляды Валерия Гаврилина / отв. ред. Г. Г. Белов; ред.-сост. Я. Л. Бутовский, Н. Е. Гаврилина. СПб.: Композитор Санкт-Петербург, 2009. 616 с.

[53] *Гаврилина Н. Е.* С. 360.

[54] В. И. Белов посвятил В. А. Гаврилину следующие произведения: стихотворение «Нет! Я не падал на колени...» (1968), очерк «Из народных глубин» (1985), «Боль за судьбу России» — предисловие к публикации отрывков из книги В. Гаврилина «О Музыке и не только...» (2002), «Голос, рожденный под Вологдой: повесть о композиторе Валерии Гаврилине» (2004).

[55] План заявки сохранился в фонде писателя в РГБ: ОР РГБ, ф. 889, карт. 29, ед. хр. 2. 1 л. На полоске бумаги запись: «Каждую главку составить из: I. Семейная хроника; II. Музыка и поэзия; III. Музыка и живопись; IV. Музыка и быт».

[56] *Алексичев А.* Сухая гроза: размышления о творчестве Василия Белова и Валерия Гаврилина. Вологда: Арника, 2022. 280 с. А. С. Алексичев является также

знакомых и земляков В. Гаврилина. Замысел писателя, к сожалению, изначально был обречен на неудачу: книгу о композиторе-новаторе должен был написать автор, профессионально разбирающийся в вопросах музыкального творчества, что и случилось позже, когда эту непростую задачу достойно выполнила доцент Московской консерватории Ксения Аркадьевна Супоницкая[57].

Собранные материалы, выношенные мысли об авторе «Перезвонов» Василий Белов обобщил в уже упоминавшемся его сочинении «Голос, рожденный под Вологдой: Повесть о композиторе Валерии Гаврилине»[58]. В своей повести, помимо изложения творчески переосмысленной биографии композитора, писатель очень много рассуждает о музыке, а также приводит письма музыковеда О. А. Вискова[59], к которому он обратился с просьбой дать оценку такого явления, как музыка Гаврилина в отечественной культуре.

Еще один ответ В. Белову на его вопросы о личности и творчестве композитора хранится в коллекционном фонде «Центра писателя В. И. Белова». Это собственноручно переписанное Василием Ивановичем письмо от 18 марта 2002 г. близкого ему по духу псковского критика и литературоведа В. Я. Курбатова (1939—2021)[60], состоявшего в дружеских отношениях также с В. П. Астафьевым, В. Г. Распутиным и другими писателями их круга. Курбатов размышляет о Валерии Гаврилине и одном из его самых близких друзей, художнике-графике Юрии Ивановиче Селиверстове (1940—1990). Этот текст не был включен Беловым в повесть, однако чуткому критику удалось убедительно показать самобытность творчества композитора и уяснить истоки этой самобытности:

> «...Мы (я тут бесстыдно подверстываюсь к великим покойным художникам) шли к своему единству (а я еще и не пришел) с испуганной оглядкой на мировую культуру <...>. Все хотелось не отстать, не уронить русское имя, не уступить. Почему, скажем, у Гаврилина “Немецкая тетрадь” является раньше “Русской”, а Юра суетится с сюрреализмом до “Слова о полку”[61]. Этот дребезг внутри остается долго слышным. У Юры чуть не до конца. А вот Валерий Александрович преодолевает так мощно и на-

---

автором романа-эссе в 2 частях «На роду написано: Валерий Гаврилин в череде великих русских композиторов» (Вологда: Арника, 2018—2020. Ч. I—II).

[57] *Супоницкая К. А.* Валерий Гаврилин. М.: Мол. гвардия, 2018. 527 с.

[58] См.: *Белов В. И.* Голос, рожденный под Вологдой. С. 15—68.

[59] *Висков Антон Олегович* (р. 1965) — композитор, музыкальный просветитель и публицист, музыковед-текстолог.

[60] Благодарю за сообщение об этом письме вологодского журналиста, автора многих статей о композиторе и интервью с ним Н. С. Серову, а также генерального директора Кирилло-Белозерского музея-заповедника М. Н. Шаромазова и директора Музея-квартиры Белова О. Н. Анфимову за предоставление копии письма.

[61] Иллюстрации Ю. И. Селиверстова к «Слову о полку Игореве» см.: *Косоруков А.* Гений без имени. М.: Современник, 1987. 288 с.

всегда, что к последней работе почти смолкает. <...> По мне В<алерий> А<лександрович> был по-русски глубже Свиридова. Это видно в записках в книге[62], а паче того в музыке. Тут он прививался прямо к Мусоргскому, который стоит один-одинешенек и могучая кучка только лепится к нему. Когда Гаврилин говорил, что его (Гаврилина) музыка — это блеяние и мычание козлят и телят за печкой, с которыми он и ел и спал, пока их не уносили, это правда. Он слышал прамузыку русской жизни и искал потом ходов к ней и освобождался от Шостаковича, от всей великой музыки, чтобы удержать ТО — Мусоргское[63].

Я все жду, когда и кто из великих музыкантов напишет о нем — Минин? Чернушенко? Тут почти тайна и пропасть. Но скорее появится тысяча новых работ о Шнитке[64] и Губайдулиной[65], чем одна о значении Гаврилина.

Мне кажется, он уходил страшно одиноким и теперь и там у него только и собеседников, что Шергин и Кривополенова[66]. Он, наконец, спокоен, ибо в родном и среди родных»[67].

Не раз в своих высказываниях о В. Гаврилине Белов называет его жизнь трагической[68]. Он обосновывает свое мнение, в частности, тем,

---

[62] Имеется в виду: *Гаврилин В. А.* О Музыке и не только...

[63] Ср. у В. Гаврилина: «Главная особенность народной музыки — отсутствие повторяющихся построений внутри формы. Поэтому композиторы, берущиеся за разработку народно-музыкального материала и пользующиеся бытующими в профессиональной муз<ыкальной> культуре средствами, неизбежно вступают в конфликт с материалом, задавая ему неестественные, натянутые, фальшивые качества. Избежал этого по сегодняшний день один только автор — М. Мусоргский, который не пользовался (или очень мало пользовался) общецеховой композиторской техникой (отчего считали, что техники у него никакой нет)» (*Гаврилин В.* О Музыке и не только... С. 157).

[64] *Шнитке Альфред Гарриевич* (1934—1998) — композитор, музыковед, музыкальный педагог.

[65] *Губайдулина София Асгатовна* (р. 1931) — композитор, с 1991 г. живет в Германии. В 1969—1970 гг. она работала в Московской экспериментальной студии электронной музыки в музее имени А. Н. Скрябина. В 1979 г. на VI съезде композиторов в докладе Т. Н. Хренникова музыка Губайдулиной подверглась критике, и она попала в «черный список» семи отечественных композиторов и в течение ряда лет не могла выступать на радио и телевидении.

[66] Ср. у В. Гаврилина: «...для меня идеал артиста — Марья Дмитриевна Кривополенова. Это народная певица и музыкантша <...> Я много про нее читал. <...> Простая старушка, очень скромно одетая, ездила по всей стране и своим пением делала то, что не мог делать великий Шаляпин. Она вызывала не восторг, а озарение и бесконечную любовь к ближнему, она поднимала в людях дух. Она была совершенной бессребреницей. Все, что ей выплачивали, она тут же раздавала, возвращалась к себе на Пинегу и снова становилась странствующей певицей» (*Гаврилин В. А.* Слушая сердцем... С. 334—335).

[67] Архивный шифр письма в коллекционном фонде Центра В. И. Белова: КБИАХМ МКБ КП-4083/16 А-2278.

[68] См.: *Белов В.* «Боль за судьбу России»: [предисл. к публ. отрывка из кн. В. Гаврилина «О Музыке и не только» (СПб., 2001)] // Наш современник. 2002.

что будущий композитор был военным сиротой и при живой матери воспитывался в детском доме[69]. Соглашаясь с писателем, следует добавить, что трагической была и творческая судьба его друга: получивший раннее признание, почетные звания и награды за свою музыку, он действительно был одиноким в композиторской среде. Единственной опорой и творческим единомышленником был для него Георгий Васильевич Свиридов. Кроме того, многие его сочинения остались не записанными и бесследно исчезли[70]. Режиссер Лев Додин по-своему сформулировал трагедию Гаврилина:

> «Он переживал. Это была, во многом, трагедия ясного и прозрачного мелодиста в эпоху, когда все мелодии ломались, разрушались и простая мелодия, даже самая драматическая, не была слышна. Нужен был, обязательно, излом, разлом и вылом. Это его мучило, он, по-своему, хотел выразить время»[71].

В годы перестройки[72] источником тяжелых переживаний для В. Гаврилина стали такие явления, как коммерциализация искусства и массовая эмиграция деятелей культуры. Сначала резко сократилась, а затем практически исчезла государственная поддержка музыкального исполнительства. Например, композитор, для того чтобы отрепетировать, исполнить и, тем более, записать свое произведение, должен был оплатить работу музыкантов, дирижера, аренду зала и студии звукозаписи. К этому времени относится письмо к В. Белову от 8 сентября 1989 г.:

> «Мой любимый писатель и друг! Любезный Василий Иванович!
>
> Прими в подарок эти музыкальные консервы[73].
>
> Рад бы еще что-нибудь, да на “Мелодии”[74] меня не консервируют уже много лет, а артисты, как известные существа с тонущего корабля, бросились спасаться по Европам и Америкам.

№ 1. С. 23; *Белов В. И.* Голос, рожденный под Вологдой. С. 61; интервью, данное В. Беловым для фильма «Синее море, белый пароход Валерия Гаврилина».

[69] *Гаврилина Клавдия Михайловна* (1902—1978) была осуждена по доносу в 1950 г. Находилась в заключении, реабилитирована после смерти И. В. Сталина в 1953 г.

[70] В. Гаврилин говорил, что музыку в стол не пишут, и не записывал на нотную бумагу полностью сложившиеся в голове сочинения, исполнить которые не было надежды.

[71] «Синее море, белый пароход Валерия Гаврилина».

[72] *Перестройка* — общее название, используемое для обозначения кардинальных перемен в экономической и политической структуре СССР, инициированных генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым в 1987—1991 гг.

[73] В. Белов впоследствии не мог припомнить, какое свое сочинение прислал ему В. Гаврилин. Речь в письме шла не о пластинке, а о магнитофонной кассете (см.: *Белов В. И.* Голос, рожденный под Вологдой. С. 58).

[74] *«Мелодия»* — советская и российская фирма звукозаписи, основанная в 1964 г. До второй половины 1980-х гг. являлась единственной в стране государ-

Что с нами будет!??
С Любовью твой В. Гаврилин»[75].

В. И. Белов и В. А. Гаврилин тяжело переживали процессы, предшествующие распаду страны, пытаясь в меру сил противостоять разрушительным тенденциям. В частности, Белов, избранный в 1989 г. депутатом Верховного Совета СССР[76], постоянно старался использовать эту высокую трибуну, чтобы говорить об острых проблемах в сфере экономики и культуры, в частности, старался привлечь внимание депутатов к судьбе русского Нечерноземья, тяжело пострадавшего в результате государственной политики ликвидации неперспективных деревень[77]. К этому времени относится последнее известное нам письмо к нему Валерия Гаврилина:

«Дорогой Василий Иванович!
Прими вместе со всеми твоими близкими самые горячие поздравления с Рождеством и Новым Годом. Я восхищаюсь твоим творчеством, страдаю за твою мучительную работу. Пусть год грядущий не унесет от тебя слишком много здоровья, а лучше — пусть прибавит. Крепко обнимаю тебя. С любовью твой В. Гаврилин»[78].

В письмах к композитору В. И. Белов не раз касался своей общественно-политической деятельности, например, в письме от 11 авг. 1985 г. он сообщает, что едет в Москву, чтобы принять участие в заседании Оргкомитета по учреждению Всесоюзного добровольного общества по борьбе за трезвость (п. 7). Некоторые факты, о которых упоминает Белов, по всей видимости, были уже знакомы его адресату. Так, 12 февр. 1988 г. он спрашивает:

«Не писал ли я тебе, что нашу (мой текст) статью, вернее письмо в “Правду”, кто-то начисто переписал и потом тиснули за нашими подписями? Я к этой публикации не имею никакого отношения» (п. 12).

ственной организацией по массовому производству и распространению фонограмм.

[75] Впервые опубл. с ошибочно указанной датой (1969 г.): *Белов В. И.* Голос, рожденный под Вологдой. С. 58.

[76] В. И. Белов был членом Верховного Совета с 1989 по 1991 г.

[77] В результате политики государства, в 1959—1980 гг. направленной на оптимизацию структуры сельских поселений, количество деревень, объявленных неперспективными, только в Российской Федерации сократилось на 60 процентов. Реформа, задуманная для того, чтобы прекратить отток сельского населения в города, привела к обратному результату, причем спровоцированный ею процесс обезлюживания сельской местности не прекратился с отменой этой политики. В борьбу с непродуманной и широкомасштабной кампанией включились В. И. Белов, Ф. А. Абрамов, В. Г. Распутин и другие представители общественности.

[78] *Суров М. В.* С. 684. Датировка письма (1989 г.) принадлежит В. И. Белову.

Статья Белова, подписанная также Ю. В. Бондаревым и В. Г. Распутиным, была посвящена критике нашумевшего фильма латвийского режиссера Юриса Подниекса «Легко ли быть молодым» (1986) о проблемах советской молодежи. Василий Белов увидел выраженные в нем опасные тенденции, уже распространившиеся в обществе, — противопоставление молодого поколения старшему, призыв заменить традиционное уважение к труду, воспитание ответственности перед семьей и родиной на культ отдыха и развлечений.

Валерий Гаврилин в последние годы жизни пытался вложить свои мысли о России в большое сочинение, посвященное его земляку, поэту Николаю Рубцову, которое, к сожалению, осталось незавершенным. Н. Е. Гаврилина и А. А. Белинский[79] оказались единственными слушателями исполнения на рояле изумительного по красоте «рубцовского» вальса — не записанного и утраченного[80].

В это тяжелое для него время композитор написал на листке бумаги:

«Я живу на своей родине, я охраняю и сохраняю ее музыку»[81].

Именно музыке их общей с В. А. Гаврилиным малой родины посвящено последнее письмо к нему В. И. Белова, датированное (после шестилетнего перерыва) 5 декабря 1994 г.:

«Посылаю мелодии, кои царили около Кубенского озера и в Тимонихе»[82].

Последняя встреча друзей состоялась 7 апреля 1997 г. в Вологде, куда Гаврилины приезжали на два концерта, в одном из которых исполнялись первая и вторая «Немецкая тетрадь» композитора[83]. Оба вечера прошли с огромным успехом. Василий Иванович, присутствовавший на концертах, провожал на вокзале Валерия Александровича, Наталию Евгеньевну и пианистку Нелли Александровну Тульчинскую. По свидетельству журналистки Натальи Сергеевны Серовой, уже в вагоне, перед отходом поезда, друзья горячо обнялись.

Вспоминается строка из письма В. И. Белова от 25 декабря 1986 г.:

«Обнимаю тебя, друг мой, ближе тебя по духу у меня никого нет»[84].

---

[79] *Белинский Александр Аркадьевич* (1928—2014) — театральный режиссер, сценарист. Автор сценария фильмов-балетов на музыку В. Гаврилина «Анюта» (совм. с В. Васильевым; 1982) и «Дом у дороги» (1984).

[80] Наталия Евгеньевна вспоминала, что пыталась сделать запись на магнитофон, но Валерий Александрович ей не разрешил.

[81] *Гаврилин В.* О Музыке и не только... С. 328.

[82] См. п. 13.

[83] Оба произведения прозвучали в исполнении певца Игоря Гаврилова (р. 1965); аккомпаниатор — Н. А. Тульчинская. «Первая немецкая тетрадь» (1961) положила начало крупным сочинениям В. А. Гаврилина для голоса и заставила говорить о нем как о талантливом и многообещающем композиторе.

[84] См. п. 9.

Приношу глубокую благодарность людям, без благожелательного участия которых эта публикация не могла бы появиться: Н. Е. Гаврилиной, О. С. Беловой, О. Н. Анфимовой, А. С. Белоненко, Н. С. Серовой, С. Э. Таировой, М. Н. Шаромазову, сотрудникам Пушкинского Дома Н. П. Генераловой, Н. А. Прозоровой, Л. К. Хитрово, Т. С. Царьковой.

Тексты писем публикуются по автографам (ф. 862; научно-техническая обработка не завершена). Орфография исправлена без пояснений; пунктуация приближена к современным правилам. Сокращения раскрыты в угловых скобках; подчеркнутые или выделенные автором слова передаются аналогичным образом. Дата и место написания выносится в начало письма. Письма датированы автором, в случае необходимости дата уточнялась по штемпелю на конверте. Дополнительные сведения даются в конце письма в угловых скобках.

1

16 февраля 1976 г.
Вологда.

Дорогой Валерий!

Посылаю поклон из Вологды. Желаю быстрого и четкого выздоровления, поездку в Кадников[1] отложили до теплой поры.

Кланяюсь почтительно семье.
Белов.

<На конверте:>

<*Куда*>: г. Ленинград, Озерный переулок, д. 2, кв. 41. В. Гаврилину.

<*Откуда*>: 160000 Вологда, Октябрьская ул. 23—20. Белов.

<*Почтовые штемпели*>: Вологда, 17.02.76, Ленинград, 20.02.76.

<В нижней части конверта, на лицевой стороне, рукой Н. Е. Гаврилиной: «16 нояб<ря> 76».>

<Письмо написано на открытке с видом Евфимиевской церкви Кирилло-Белозерского монастыря.>

[1] Кадников — город в Сокольском р-не Вологодской обл., в котором находился детский дом, где директором недолгое время работала мать композитора *Клавдия Михайловна Гаврилина* (1902—1978). У В. Белова с Кадниковым также были связаны воспоминания детства и юности.

2

30 января 1978 г.

Дорогой Валерий, я окликал Вас в Октябрьском зале[1], но Вы не услышали... (дело было внизу, около туалета).

Хотелось поговорить.
От концерта у меня осталось очень противоречивое ощущение.
Когда были написаны «Скоморохи»? И что это за Коростылев[2]?
Впрочем, не слишком ли много вопросов. Горько бывает на сердце.
Надеюсь, Вы здоровы и вдохновение не покинуло Вас.
Белов.

<Письмо написано на открытке с видом Большой Мереженной башни Кирилло-Белозерского монастыря. Конверт отсутствует.>

[1] 19 января 1978 г. в Ленинграде, в Большом концертном зале «Октябрьский», состоялась премьера оратории для солиста, хора и оркестра «Скоморохи» В. А. Гаврилина (вторая редакция). Музыка, положенная в основу сочинения, была написана для спектакля Ленинградского театра имени Ленсовета по пьесе В. Н. Коростылева «Через сто лет в Березовой роще» (1966). Спектакль был снят с репертуара после трех представлений из-за его политической остроты. Впоследствии музыкальные номера составили ораторию «Скоморохи», которая дополнялась и перерабатывалась композитором на протяжении тридцати лет. Первая редакция «Скоморохов» была написана в 1967 г., последняя, третья, — в 1986-м.

[2] *Коростылев Вадим Николаевич* (1923—1997) — поэт-песенник, писатель, драматург, сценарист. Знакомство В. А. Гаврилина с В. Н. Коростылевым произошло в 1966 г. в театре имени Ленсовета во время постановки пьесы Коростылева «Через сто лет в Березовой роще» и продолжалось до конца жизни писателя. В архиве В. А. Гаврилина сохранились письма и книги В. Н. Коростылева с его дарственными надписями.

3

19 <января?> 1979 г.

Дорогой Валерий,
это играю не я[1], но и я почти так. Немного похуже. А под частушки даже лучше. Послушай и вспомни Кадников[2]. Привет от Саши Романова[3]. Я написал сказку с Лешим, Водяным и т. д. десятистопным ямбом[4]. Если хочешь — пришлю.

Желаю тебе физической бодрости и вдохновения на каждую неделю 79 г.!

Извини за плохой почерк, рука в гипсе.

Обнимаю. Семье кланяюсь.

Белов.
Сохрани пленочку, в феврале приеду, заберу. Будет предлог встретиться.

<Письмо написано на открытке с видами Кирилло-Белозерского историко-архитектурного заповедника. Конверт отсутствует.>

[1] По сообщению вологодского писателя и журналиста А. С. Алексичева, речь идет о записи на магнитофонную пленку игры на гармони баяниста, аккомпаниатора Дома культуры г. Кадникова, самодеятельного композитора Вячеслава Павловича Гичина (р. 1938). Известно, что В. И. Белов хорошо играл на гармони. Первый инструмент ему, одиннадцатилетнему, купила мать в 1943 г. Эту гармонь писатель хранил как сокровище. Об этом см.: *Белов В. И.* Голос, рожденный под Вологдой. С. 25.

[2] В. И. Белов предлагает вспомнить Кадников гаврилинского детства, поскольку по свидетельству вологжан — друга семьи Гаврилиных журналиста Н. С. Серовой и писателя А. С. Алексичева — совместная поездка Белова и Гаврилина в Кадников не состоялась. В Кадникове композитор побывал дважды — с Наталией Евгеньевной, женой, и ее родственниками Н. Я. и Я. Л. Бутовскими, а затем с Н. Е. Гаврилиной и своей первой учительницей музыки — Т. Д. Томашевской.

[3] *Романов Александр Александрович* (1930—1999) — вологодский поэт, писатель и мемуарист, продолжатель крестьянской линии в русской поэзии, близкий друг В. И. Белова. На протяжении одиннадцати лет был секретарем Вологодского отделения Союза советских писателей. 22 мая 1968 г. А. А. Романов написал В. А. Гаврилину и переслал ему два своих поэтических сборника. В том же году в интервью газ. «Вологодский комсомолец» композитор, отвечая на вопрос корреспондента о связях с Вологодчиной, сказал: «...мне очень дорого знакомство с поэтическими сборниками Александра Романова “Посвящение в родню” и “Красное застолье”. По мотивам его поэмы “Тревога” я написал одну вещь, знаете, даже сам не могу определить ее жанр» (*Гаврилин В.* Слушая сердцем... С. 45).

[4] Пьеса-сказка «Бессмертный Кощей» написана в 1978 г., опубл.: Театр. 1981. № 7. С. 177—191.

4

Декабрь 1984 г.

Телеграмма:

Ленинград Д-14.
Озерный переулок, д. 2, кв. 41.
Гаврилину.
Валерий желаю в Новом Году нового вдохновения и новой силы надеюсь что в 1985 году мы наконец встретимся.
Белов.

<Помета Н. Е. Гаврилиной: «Отв<ечено>».>

5

19 января 1985 г.
Вологда

Дорогой Валерий,
«общественность» Вологды уберегала тебя от меня, когда я был в больнице. Потом я писал письмо — ответа не получил. Звонил — не дозвонился. Много раз.

В Новый год послал телеграмму — она вернулась обратно.

Что-то или кто-то упорно не хочет, чтобы мы встретились. А может, и сам ты уже не хочешь?

Так или иначе, поздравляю со славной победой — «Перезвоны» приближают тебя к гениальному Мусоргскому. (Я слушал с магнитофона.)

Рано или поздно они отодвинут в сторону всю шелуху, которую создают по плану музыкального одурманивания казенные композиторы.

Желаю тебе здоровья и вдохновения.

В. Белов.

<На конверте:>

<*Куда*>: г. Ленинград, Д-28, ул. Пестеля, дом 12/22, кв. 71, Валерию Гаврилину.

<Почтовые штемпели>: Вологда, 20.01.85, Ленинград, 24.01.85.

<На оборотной стороне конверта, рукой Н. Е. Гаврилиной: «19 янв<аря> 85».>

6

17 июня 1985 г.

Дорогой Валерий,

твое письмо[1] и поддержало меня и обрадовало — спасибо, братец!

Приезжай, потолкуем обо всем, поездим около синего озера по твоим пепелищам[2] (у меня УАЗ[3], проедем везде).

Да, ты прав, ощущение такое, что все гибнет и все гибнут, причем весело. Но ничего, выживем. Наше дело трудиться, как трудится рядовая пчела. Ты должен там, в Питере, выстоять: и против болезней и против тех, кто поет в уши.

Запомни одно: какой бы ты ни был композитор (небольшой, средний, великий — разберутся потом и без нас), какой бы ты ни был, но ты сейчас первый композитор России. Лучше тебя нет пока, а когда будут, мы сразу это заметим.

Ну и делай отсюда выводы!

Извини за такое менторство. Честно говоря, многие ждут от тебя оперу, но это и от Бога зависит, и от тебя, потому я ничего не говорил! Молчу.

Что касается музыки «По прочтении Белова»[4] — какой разговор? Пиши. Буду рад. (Я ведь и тогда был не против, меня смущала только жанровая направленность.)

Посылаю тебе трехтомник[5], авось не выкрадут на почте. Сообщи, получил ли.

Семейству кланяюсь.

Белов.

<На конверте:>

<*Куда*>: г. Ленинград, Д-28, ул. Пестеля, дом 12/22, кв. 71, В. Гаврилину.

<*Откуда*>: 160001 Вологда, ул. Мальцева, 19—26. Белов В. И.

<*Почтовые штемпели*>: Вологда, 18.05.85, Ленинград, 21.05.85.

<Рукой Н. Е. Гаврилиной на лицевой стороне: «Отв<ечено> 5.7.85»; на оборотной стороне: «17 июня 85».>

[1] Письмо В. А. Гаврилина не сохранилось.

[2] Речь идет о селах Вознесенье, Кубенское и деревне Перхурьево на берегу Кубенского озера в Вологодской обл., с которыми было связано детство В. А. Гаврилина.

[3] Автомобиль Ульяновского автомобильного завода.

[4] Замысел этого произведения, равно как и других, посвященных писателям Н. Рубцову, В. Распутину и В. Астафьеву, не был осуществлен. Хоровая симфония-действо «Пастух и пастушка» по В. Астафьеву была полностью сочинена, но не записана Гаврилиным, поскольку композитор счел, что она может восприниматься как перепевы «Военных писем». Об этом см.: *Гаврилина Н. Е.* С. 190—191.

[5] *Белов В. И.* Избранные произведения: в 3 т. М.: Современник, 1983—1984. Книги хранятся в фонде В. А. Гаврилина в РО ИРЛИ (ф. 862). На форзаце т. 1 дарственная надпись В. И. Белова: «Валерию Гаврилину от автора. / Желаю тебе здоровья и вдохновения! / С любовью к твоему таланту / Белов. / 17 VI 85».

7

11 августа 1985 г.

Дорогой Валерий,

я занялся антиалкогольной политикой. (Жалко: погибло после войны от этого больше чем в войну. Все мои сверстники, с которыми провел детство — давно в могилах.)[1]

Сегодня еду в Москву на Оргкомитет по созданию Общества[2].

15-го собираюсь к матери[3] в деревню[4]. И буду там, пока ты не приедешь. (Жена[5] узнает от Татьяны Дмитриевны[6] и тотчас мне позвонит). А может, тебе захочется ко мне в деревню? Это 60 км от Харовска и 130 от Сокола. Было б прекрасно.

На днях видел Минина[7], слушал кое-что из «Перезвонов»... Или стал сентиментален, или... Одним словом, ком стоял в горле. Минину хотелось поклониться в ноги...

Я согласен: опасность есть. Соединить литературу и музыку непросто. И все же, и все же... Грех тебе держать ноты трех опер взаперти! Надо скорее их на волю! Будем думать, что можно сделать. Либретто будет[8]! Если не сможем сами, подключим других. Сообщи, каковы у тебя связи с Большим театром. Танцует ли Васильев[9]? Я знаю там одного Журайтиса[10]. Но — пойдем и к Демичеву[11] сходим — была бы партитура... Береги здоровье, обнимаю.

Поклон семейству.

Белов.

Татьяне Дмитриевне[12] я чего-то не могу дозвониться...

<На конверте:>

<*Куда*>: г. Ленинград, ул. Пестеля, дом 12, кв. 71, В. Гаврилину.

<*Откуда*>: Белов. Вологда.

<*Почтовые штемпели*>: Вологда, 12.08.85, Ленинград, 16.08.85.

<Рукой Н. Е. Гаврилиной на обороте: «11 авг<уста> 85».>

[1] Антиалкогольной борьбе В. И. Белов отдал много сил, в том числе своими выступлениями в публицистическом жанре. См., например: *Белов В. И.* Лад нашей жизни / беседу вел Ю. Николаев // Советская Россия. 1985. 9 июня. № 132. С. 2, под рубрикой «О трезвости без оговорок».

[2] Всесоюзное добровольное общество по борьбе за трезвость, учредительная конференция которого состоялась в Москве, в Кремлевском дворце съездов 25 сент. 1985 г.

[3] *Белова* (урожд. Коклюшкина) *Анфиса Ивановна* (1905—1992) — мать В. И. Белова, родилась в деревне Тимониха.

[4] Тимониха Харовского района Вологодской обл. — родная деревня В. И. Белова. См. также прим. 5 к п. 8.

[5] *Белова* (урожд. Забродина) *Ольга Сергеевна* (р. 1935) — жена В. И. Белова, потомственный педагог, более тридцати лет преподавала русский язык и литературу в Грязовецкой школе Вологодской обл. и школе № 2 г. Вологды. Свадьба О. С. и В. И. Беловых состоялась в феврале 1958 г.

[6] См. прим. 11 к вступ. статье.

[7] *Минин Владимир Николаевич* (р. 1929) — хормейстер, дирижер, создатель и бессменный руководитель Московского государственного академического камерного хора, народный артист СССР. Ему В. А. Гаврилин доверил исполнение своей хоровой симфонии-действа «Перезвоны». Премьера состоялась 17 янв. 1984 г. в Большом зале Ленинградской филармонии; произведение автор посвятил В. Н. Минину.

[8] Неизвестно, о каких именно операх Гаврилин рассказывал Белову. Из многих неосуществленных оперных замыслов композитора, связанных с сюжетами литературных произведений, речь могла идти о следующих сочинениях: «Пещное действо» на сюжет первых глав Книги пророка Даниила; хоровая симфония-действо «Пастух и пастушка: по прочтении Виктора Астафьева», вокально-симфоническое действо «По прочтении Н. М. Рубцова».

В одном из интервью, где Гаврилина спросили о его работе в оперном жанре, он назвал три своих произведения: «Повесть о скрипаче Ванюше, или Утешение» по Г. И. Успенскому («Разоренье: Очерки провинциальной жизни»), а также две оперы на гоголевские сюжеты — «Ревизор» и «Шинель». Замысел последней вырос из музыки к спектаклю «Шинель» в Ленинградском театре музыкальной комедии (либретто Я. Гордина, реж. В. Воробьев). Музыки было уже написано много, но она не ложилась на текст либреттиста. Возможно, после отказа композитора работать над спектаклем, возник замысел оперы на этот сюжет и понадобился новый либреттист. См.: *Супоницкая К. А.* Валерий Гаврилин. С. 323—325.

[9] *Васильев Владимир Викторович* (р. 1940) — солист балета Большого театра, балетмейстер, педагог, народный артист СССР. Балетмейстер-постановщик и исполнитель ведущих партий в балетах В. А. Гаврилина «Анюта» и «Дом у дороги».

[10] *Жюрайтис Альгис Марцелович* (1928—1998) — симфонический и оперный дирижер; с 1960 г. — дирижер Большого театра, народный артист РСФСР.

[11] *Демичев Петр Нилович* (1917—2010) — советский государственный и партийный деятель. С 1964 по 1988 г. министр культуры СССР.

[12] Т. Д. Томашевской.

8

12 февраля 1986 г.[1]

Дорогой Валерий!

Я написал письмо Георгию Васильевичу[2], но адреса не оказалось, один телефон.

Перешли, пожалуйста, письмо ему, пусть оно сделает такой крюк...

Коротаев[3] передал медицинскую технику — спасибо, спасибо! (Не знаю, чем отдарюсь). Освоить еще не успел, т<ак> к<ак> в тот же день уезжал в деревню. Тут я топлю печи, раскидываю снег и собираю раскиданные мысли, хожу в баню через три дня и слушаю последних мужиков вместо последних известий... Хорошо, но печально. Но работать и тут не дают: через пять дней нагрянет сюда корр<еспондент> телевидения из ФРГ Пляйтген (который снимал Брежнева с Рейганом)[4]. Хорошо бы его не допустили до Тимонихи[5], я бы лишний денек провел по-божески, а не по-дьявольски.

Каков Минин в новогоднем ТВ «Огоньке»! Я-то думал...

Черкни, ежели будет настроение. Мой адрес: Харовский р-н Вологодской обл., п/о Азла, д. Тимониха.

Буду здесь пока, потом поеду в Москву дня на три.

Обнимаю.

Белов.

Передай от меня поклон жене и сыну[6] с невесткой[7] и внуку[8].

У меня тут гармонь и балалайка, на которой мечтаю научиться. Еще делаю сам рожок.

Если хочешь — куплю дом[9]. В обмен на медицинскую технику. Наталья наверно не согласится, т<ак> к<ак> от Вологды 172 км... На «Ниве» (я продал УАЗ и купил «Ниву») четыре часа езды.

<На конверте:>

<*Куда*>: г. Ленинград, Д-28, ул. Пестеля, дом 12/22, кв. 71, Гаврилину Валерию Александровичу.

<*Откуда*>: Вологодская обл., Харовский р-н, п/о Азла, д.еТимониха, Белов В. И.

<*Почтовые штемпели*>: Вологда, 13.02.87, Ленинград, 17.02.87.

<Рукой Н. Е. Гаврилиной: «Отв<ечено>, послано Г. В. Свиридову 21 февраля»; на обороте: «12 февр<аля> 86».>

[1] Письмо датировано В. И. Беловым: «12. II. 86 г.». Штемпели на конверте — 13 и 17 февр. 1987 г.

[2] *Свиридов Георгий Васильевич* (1915—1998) — композитор, общественный деятель. В архиве Г. В. Свиридова (РГАЛИ, ф. 3333, оп. 1, д. 134) письмо не сохранилось. Есть другие два письма В. И. Белова Г. В. Свиридову: от 4 нояб. 1982 г. и 16 дек. 1987 г., а также телеграмма от 16 дек. 1974 г. Благодарю племянника композитора, директора «Центра по изучению творческого наследия Г. В. Свиридова (Свиридовский институт)» А. С. Белоненко за возможность ознакомиться с письмами.

[3] *Коротаев Виктор Вениаминович* (1939—1997) — поэт, прозаик, журналист, издатель. В 1973—1978 гг. возглавлял Вологодскую писательскую организацию.

[4] *Пляйтген Фриц Фердинанд* (Pleitgen; 1938—2022) — немецкий журналист. В 1982—1987 гг. — председатель ARD (сообщество государственных вещательных организаций ФРГ) в Вашингтоне, первый иностранный журналист, взявший интервью у Л. И. Брежнева в 1977 г. В письме ошибка: после начала нового витка холодной войны, в связи с вводом советских войск в Афганистан, Л. И. Брежнев и президент США Р. Рейган не встречались.

[5] Тимониха — родная деревня В. И. Белова в Харовском районе Вологодской области, которая во время жизни его в Вологде и Москве была для него местом отдыха и творческой работы.

[6] *Гаврилин Андрей Валерьевич* (р. 1960) — инженер, сын В. А. и Н. Е. Гаврилиных.

[7] *Гаврилина Ирина Павловна* (р. 1960) — жена А. В. Гаврилина.

[8] Ошибочно: в то время единственной внучкой Гаврилиных была Настя (р. 1983) — дочь их сына Андрея.

[9] В это время и позже, в 1997 г., Гаврилины обдумывали возможность переезда на постоянное место жительства в Вологду. См. запись от 8 окт. 1986 г. (*Гаврилина Н. Е.* С. 360), а также письмо Н. Е. Гаврилиной к Т. Д. Томашевской от 15 апр. 1997 г. (Там же. С. 504).

9

25 декабря 1986 г.

Дорогой Валерий,
поздравляю тебя и Наталью с Новым 1987 годом!

Летят они — эти годы — как пташки...

Сыну, невестке и внуку[1] тоже передай от меня поклон.

Кажется, я послал тебе сказку «Кощей Бессмертный»[2]. Ее ставят у нас сейчас в Драмтеатре, и режиссер[3] просил меня связаться с тобой. Не подсобишь ли ему в музыкальном смысле?

Я тоже присоединяюсь к его просьбе. Поскреби по сусекам, дай что есть. А может, и вдохновишься, напишешь новое.

Меня рекламируют в «Правде», в «Известиях» и т. д.[4] Вот какая честь!

Обнимаю тебя, друг мой, ближе тебя по духу у меня никого нет.

Сообщи, каково здоровье.

Белов.

Недавно, в деревне слушал сцену из «Русалки» и плакал. Что это? Или старею, или просто гениальная музыка: «говорю тебе, я ворон!»

Шаляпин — последний гений России...

<На конверте:>

<*Куда*>: г. Ленинград, Д-28, ул. Пестеля, дом 12/22, кв. 71, Гаврилину В. А.
<*Откуда*>: 160001 Вологда, ул. Мальцева, 19—26. Белов.
<*Почтовый штемпель*>: Ленинград, 30.12.86.
<Рукой Н. Е. Гаврилиной на оборотной стороне: «25 дек<абря> 86».>

[1] См. прим. 6, 7 и 8 к п. 8.

[2] В фонде В. А. Гаврилина (РО ИРЛИ, ф. 862) не обнаружена.

[3] *Семенов Алексей Васильевич* (1927—2001) — театральный актер и режиссер, народный артист РСФСР. С 1960 г. до конца жизни работал в Вологодском драматическом театре, поставил свыше 60 спектаклей. Премьера пьесы «Бессмертный Кощей» (1981) в его постановке состоялась в ноябре 1987 г., музыкальное оформление выполнено зав. музыкальным отделом Вологодского драматического театра, композитором Диной Федоровной Бортник — автором музыки ко многим его спектаклям. Судя по всему, Гаврилин отказался выполнить просьбу, поскольку политически заостренный, сатирический характер пьесы был ему неблизок.

[4] Возможно, речь в письме идет о статьях в газетах «Правда» и «Известия» с критикой романа Белова «Все впереди», первая публикация которого состоялась в журнале «Наш современник» (1986. № 7—8): *Кучкина О.* Странная литература: заметки критика // Правда. 1986. 2 нояб. № 306. С. 3; *Лакшин В.* По правде говоря: романы, о которых спорят: [Ч. Айтматов «Плаха», В. Белов «Все впереди»] // Известия. 1986. 2 дек. № 337. С. 3; 3 дек. № 338. С. 3. Роман вызвал бурную полемику, отклики на него были порою очень резкие, поэтому о «рекламе» писатель говорит с иронией.

10

23 июня 1987 г.
Из Вологды

Дорогой Валерий,
я так люблю музыку, что не могу ее слушать в публичном месте. Но где найдешь место такое, чтобы и одному быть и музыка чтоб?.. Не представляю, как ее создавать, если нет возможности даже слушать.

Если не сможешь оформить (музыкально) мой спектакль у Горбачева[1] (по «Александру Невскому»), то помоги найти замену тебе[2]. Прошу!

Семейству поклон.

Обнимаю.

Белов.

<На конверте:>

<*Куда*>: г. Ленинград, Д-28, ул. Пестеля, дом 12/22, кв. 71, В. Гаврилину.
<*Откуда*>: 160001 Вологда, ул. Октябрьская, 10—4. Белов.
<*Почтовые штемпели*>: Вологда, 23.06.87, Ленинград, 30.06.87.
<Рукой <В. Г. Максимова> на лицевой стороне: «О “Ал<ександре> Невском”»; рукой Н. Е. Гаврилиной на оборотной стороне: «23 июня 87».>

[1] *Горбачев Игорь Олегович* (1927—2003) — актер театра и кино, театральный режиссер, педагог. С 1975 по 1991 г. — художественный руководитель Ленинградского театра драмы имени А. С. Пушкина, народный артист СССР.

[2] Премьера спектакля «Александр Невский» по пьесе В. Белова «Князь Александр Невский» (1987) состоялась 6 дек. 1990 г. (реж. В. А. Голуб). Исполнитель главной роли — Н. В. Буров. Музыку к спектаклю написал заслуженный деятель искусств РСФСР композитор В. И. Кладницкий. Не осталось свидетельств, имел ли отношение к его приглашению В. А. Гаврилин. Спектакль получил широкий общественный резонанс и прошел 25 раз в сезоны 1990/1991 и 1991/1992 гг. и еще раз в 1995 г.

11

8 сентября 1987 г.
Ленинград

Дорогой Валерий!

Ты на даче, надеюсь, у вас все хорошо. Кланяюсь всему твоему семейству.

Я приехал по вызову театра. Спектакль по моей пьесе[1] (читал ли ты ее?) намечено выпустить весной к 9 мая. Ясно, что он будет (отпущено 50 т<ысяч> рублей). Но каким будет?

Ради Бога, оформи его в музыкальном смысле! Если времени тебе покажется мало, может возьмешь и используешь несколько тем из «Перезвонов»? Одна «молитва» чего стоит...

«Невский» мне дорог, выручи меня еще раз. Для заключения соглашения надо позвонить зам<естителю> директора Бобылькову Андрею Аркадьевичу[2], телефон: 311-17-31. Т<елефон> — это секретарь Зоя Ивановна[3], она всех знает; т<елефон> 315-40-87 — это секретарь Люба[4] (у Горбачева), она тоже всех знает и скажет что и как.

Если ты откажешься (что было бы ужасно!), тоже срочно позвони в театр и мне черкни в Вологду несколько слов.

Обнимаю!

Белов.

<В фирменном конверте и на бланке гостиницы «Ленинград».>
<На конверте:>

<*Куда*>: Ленинград, Д-28, ул. Пестеля, дом 12/22, квартира 71, Гаврилину В. А.
<*Откуда*>: 194300 Ленинград, Выборгская набережная, 5/2. Гостиница «Ленинград». № 665. Белов В. И.
<*Почтовый штемпель*>: Ленинград, 14.09.87.
<Рукой Н. Е. Гаврилиной на лицевой стороне: «Отв<ечено>».>

[1] «Александр Невский»

[2] *Бобыльков Андрей Аркадьевич* (р. 1927) — актер, режиссер, театровед, журналист, педагог.

[3] Дополнительные сведения не найдены.
[4] Люба — *Любовь Зеленцова*, последний секретарь И. О. Горбачева.

12

12 февраля 1988 г.
Вологда

Дорогой Валерий,
сижу (лежу) в больнице и вздумал тебе написать. Ребята-киношники говорят, что ты отвечаешь на каждое письмо. Неужто так? Мне стало стыдно: я отвечаю только на одно из десятка. Если не меньше того.

Меня вытащили из больницы, и я поговорил немного о тебе, но чувствую, что бездарно поговорил[1]. Не в ударе был. (Наверняка у Татьяны Дмитриевны[2] получилось бы лучше.)

Пластинку получил[3], жена слушала, а я еще нет. Жду хорошего состояния и удобного момента, чтобы послушать, — музыка для меня связана с уединением. Мне стыдно слушать в присутствии кого-либо, как стыдно писать, если кто-то знает, что я сижу с бумагой. (Даже маму я пытаюсь обманывать, говорю ей, что я ничего не пишу, а только читаю.)

Когда приедете в Вологду?

Когда и где можно послушать Минина?

Я приеду в Ленинград, как только в театре начнут репетировать «Невского» (если вообще начнут).

По твоему совету послал пьесу М. Ульянову[4]. Он думал два месяца, что мне ответить, и, наконец, придумал. Пишет, что у театра крыша худая, вынуждены отказать.

Нет, братец, этот вариант не лучше ленинградского.

Сообщи о своем здоровье и общем состоянии духа.

Не писал ли я тебе, что нашу (мой текст) статью, вернее, письмо в «Правду»[5], кто-то начисто переписал и потом тиснули за нашими подписями? Я к этой публикации не имею никакого отношения. (Могу послать тебе подлинный текст.)[6]

Миллионы читателей обманули, приписав мне не мои слова. И жаловаться некому! Афанасьев[7] извинился, но что толку? Он извинился не публично.

Черт с ними. И мне поделом.

Будь же здоров и весел, чтобы трудиться!

Наталье, сыну, невестке и внуку[8] — привет!

Белов.

Конверт отсутствует, письмо вложено в сложенный пополам лист бумаги. Пометы рукой Н. Е. Гаврилиной: «Отв<ечено>», «12 нояб<ря> 88» и рукой <В. Г. Максимова>: «От В. Белова».

[1] Белов имеет в виду интервью, которое вошло в документальный фильм «Жила-была мечта» (Ленинградский комитет Гостелерадио, 1988), посвященный В. Гаврилину.

[2] Т. Д. Томашевская. См. прим. 11 к вступ. статье.

[3] Композитор подарил Белову альбом из двух пластинок: «В. Гаврилин. “Перезвоны”: по прочтении В. Шукшина. Симфония-действо для солистов, хора, гобоя и ударных», пластинки № 1 и № 2, выпущенные Всесоюзной фирмой грампластинок «Мелодия» (Апрелевский завод грампластинок) в 1988 г. Два комплекта без дарственных надписей в настоящее время хранятся в Центре писателя В. И. Белова в Вологде. Кроме этих, имеется еще одна грампластинка: «Валерий Гаврилин (1939 г.). Военные письма, вокально-симфоническая поэма на стихи Альбины Шульгиной». 1983 г. СССР, г. Ленинград. Всесоюзная фирма грампластинок «Мелодия», Ленинградский завод грампластинок. На конверте с лицевой стороны — дарственная надпись композитора: «Самому нежному русскому писателю, / любимому Василию Ивановичу Белову / с нежностью, восхищением и поклонением, / с благодарностью за светлое время, / проведенное с его книгами / — за время, украсившее жизнь вологодского человека Валерия Гаврилина, / одного из миллионов его читателей и почитателей. / Май, 1985 г.».

[4] *Ульянов Михаил Александрович* (1927—2007) — актер театра и кино, режиссер, общественный деятель. С 1987 г. до конца жизни — художественный руководитель Московского государственного академического театра имени Евг. Вахтангова. В. А. Гаврилин познакомился с ним во время постановки спектакля «Степан Разин» по кинопьесе В. М. Шукшина «Я пришел дать вам волю» (премьера состоялась 17 янв. 1979 г.).

[5] Письмо в газету «Правда», написанное В. И. Беловым, подписано также Ю. В. Бондаревым и В. Г. Распутиным. Было опубликовано в искаженном и сокращенном виде: *Бондарев Ю., Белов В., Распутин В.* «Легко ли быть молодым?»: приглашаем к разговору // Правда. 1987. 10 нояб. № 314. С. 6.

[6] Полный текст письма В. И. Белов опубликовал впоследствии. См.: *Белов В. И.* Письмо в «Правду» // *Белов В. И.* Раздумья на родине: очерки и статьи. 2-е изд., доп. М.: Современник, 1989. С. 171—175. В нем рассматриваются стратегические задачи воспитания молодежи, оно содержит критический разбор документального фильма 1986 г. латвийского режиссера Юриса Подниекса «Легко ли быть молодым?», в котором рассказывается о проблемах советской молодежи времени начала перестройки.

[7] *Афанасьев Виктор Григорьевич* (1922—1994) — ученый-обществовед, философ, журналист, общественный деятель. Академик АН СССР (1981, РАН с 1991), главный редактор газеты «Правда» (1976—1989) и журнала «Коммунист» (1974—1976), председатель Союза журналистов СССР (1976—1990).

[8] См. прим. 6, 7, 8 к п. 8.

13

5 декабря 1994 г.

Дорогой Валерий!

Знать не судьба повидаться было...

Посылаю мелодии, кои царили около Кубенского озера и в Тимонихе. Эх знал бы ты, как обрыдал шаманские ритмы!

С Рождеством!

<На открытке из серии «Чукотка» с изображением белых медведей. Конверт отсутствует.>

Библиографический список

1. *Алексичев А. С.* На роду написано: Валерий Гаврилин в череде великих русских композиторов: роман-эссе: в 2 ч. Вологда: Арника, 2020.
2. *Бекедин П. В.* Творчество В. И. Белова и В. Г. Распутина в восприятии композитора В. А. Гаврилина // Писатели русской традиционной школы второй половины XX века в контексте современности: сб. статей / отв. ред. В. П. Муромский, Ю. А. Дворяшин. Сургут: РИО СурГПУ, 2009.
3. *Белов В. И.* «Боль за судьбу России»: [предисл. к публ. отр. из кн. В. Гаврилина «О Музыке и не только...» (СПб., 2001)] // Наш современник. 2002. № 1.
4. *Белов В. И.* Голос, рожденный под Вологдой // Наш современник. 2004. № 9.
5. *Белов В.* Из народных глубин // Красный Север. 1985. 10 мая. № 107. С. 4.
6. *Белов В. И.* Раздумья на родине: очерки и ст. 2-е изд., доп. М.: Современник, 1989.
7. *Белов В. И.* Целуются зори... М.: Мол. гвардия, 1975.
8. *Гаврилин В.* О Музыке и не только...: записи разрозненные разных лет / сост. Н. Е. Гаврилина и В. Г. Максимов. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Композитор Санкт-Петербург, 2003.
9. *Гаврилин В.* Слушая сердцем...: Статьи. Выступления. Интервью. Изд. 2-е, испр. СПб.: Композитор Санкт-Петербург, 2012.
10. *Гаврилина Н. Е.* Наша жизнь (по дневникам и не только). СПб.: Композитор Санкт-Петербург, 2014.
11. *Данилевич Елена.* Предвестник распада СССР? В петербургском театре вспомнили пьесу о Невском // Аргументы и факты. 2021. 27 дек. [Электронный ресурс] URL: spb.aif.ru. (дата обращения: 03.07.2024).
12. *Земцовский И.* Русское в «Русской тетради» В. Гаврилина // *Земцовский И.* Фольклор и композитор: теоретические этюды о русской советской музыке. Л.; М.: Сов. композитор, 1978.
13. *Супоницкая К. А.* Валерий Гаврилин. М.: Мол. гвардия, 2018. (Жизнь замечательных людей; вып. 1754).
14. *Суров М. В.* Белов: штрихи великой жизни. Вологда: Полиграф—Книга, 2007.
15. *Тевосян А. Т.* Перезвоны: жизнь, творчество, взгляды Валерия Гаврилина / отв. ред. Г. Г. Белов; ред.-сост.: Я. Л. Бутовский, Н. Е. Гаврилина. СПб.: Композитор Санкт-Петербург, 2009.
16. *Томашевская Т. Д.* Так быстро пролетело время // «Этот удивительный Гаврилин...» / сост. Н. Е. Гаврилина. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Композитор Санкт-Петербург, 2008. С. 16—50.
17. *Трикоз Э. Л.* «Как замечательно, что есть такое чудо, как Вы». Рассказываем о дружбе Валерия Гаврилина и Василия Белова. [Электронный

ресурс] URL: https://m.vk.com/@publicderevenskaiaproza-kak-zamechatelno-chto-est-takoe-chudo-kak-vy-o-druzhbe-valer (дата обращения: 11.06.2024).
18. *Шульгина А. А.* Валера // «Этот удивительный Гаврилин...» / сост. Н. Е. Гаврилина. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Композитор Санкт-Петербург, 2008.
19. «Этот удивительный Гаврилин...» / сост. Н. Е. Гаврилина. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Композитор Санкт-Петербург, 2008.

III. ТЕКСТОЛОГИЯ

DOI: 10.31860/978-5-918680-445-537-569

К 460-летию со дня рождения У. Шекспира

ФРАГМЕНТЫ «УСМИРЕНИЯ СВОЕНРАВНОЙ» У. ШЕКСПИРА В ПЕРЕВОДЕ А. Н. ОСТРОВСКОГО ИЗ ФОНДОВ ПУШКИНСКОГО ДОМА

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н. К. Ильиной)

Аннотация: В статье анализируются 2 черновых фрагмента и фрагмент писарской копии перевода А. Н. Островским комедии У. Шекспира «Усмирение своенравной», хранящиеся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Проводится сравнение черновых фрагментов с текстом подлинника, а также с переводом комедии, напечатанным в журнале «Современник». Особое внимание обращается на эквилинеарность подлинника и перевода, стихотворный размер и переносы.

Ключевые слова: У. Шекспир, «Усмирение своенравной», перевод А. Н. Островского, черновые фрагменты, «Современник».

Abstract: The article analyzes 2 draft fragments and a copy fragment of A. N. Ostrovsky's translation of W. Shakespeare's comedy «The Taming of the Shrew» which are kept in the Department of Manuscripts of the Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. The draft copies are compared to Shakespeare's text as well as to Ostrovsky's translation of the comedy printed in «The Contemporary» magazine. Special attention is paid to equal lines, enjambment and metre of the original and the translation.

Keywords: W. Shakespeare, «The Taming of the Shrew», A. N. Ostrovsky's translation, draft fragments, «The Contemporary».

Хранящиеся в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) фрагменты перевода комедии У. Шекспира «Усмирение своенравной»[1] представляют собой отрывки из первых двух сцен первого действия. Это автографы, выполненные карандашом. Третий фрагмент содержит вторую сцену пятого действия; он исполнен чернилами, почерк отличен от авторского, Островскому принадлежит единственная карандашная поправка, сделанная в самом конце этой рукописи. Возможно, это писарская копия для публикации в журнале «Современ-

[1] РО ИРЛИ, ф. 218, оп. 1, ед. хр. 15, л. 1—9.

© Ильина Н. К., 2024

ник», так как фраза, добавленная Островским в последней реплике Петручио, вошла в перевод комедии, впервые напечатанный в этом журнале в 1865 г. Однако исправления, внесенные чернилами, принадлежат переписчику и касаются в основном имен персонажей, первоначально переписанных неверно.

Поскольку А. Н. Островский осуществил прозаический перевод комедии У. Шекспира «The Taming of the Shrew» еще в 1850 г. под названием «Укрощение злой жены»[2], он воспользовался им как подстрочником для работы над стихотворным, а точнее, прозиметрическим переводом комедии в 1865 г. «Точность первого перевода позволила Островскому без всяких изменений перенести в свой поэтический перевод прозаические реплики и монологи шекспировского текста»[3], — отмечали В. И. Маликов и Н. Б. Томашевский, высоко оценивая результаты работы Островского-переводчика. Однако в сохранившихся фрагментах почти нет прозаического текста. Анализ черновых набросков показывает, что Островский все внимание сосредоточил на стихотворной части пьесы и пропускал реплики персонажей, которые Шекспир писал прозой, оставляя пустое место или помету «проза» рядом с именем персонажа.

Еще в процессе работы сначала над прозаическим, а затем над стихотворным переводом комедии сложились переводческие принципы Островского: сохранять близость к оригиналу в выборе лексики, при этом стараться сделать так, чтобы речь персонажей естественно звучала на родном языке. В стихотворных пьесах близость к оригиналу предполагала также эквилинеарность и сохранение размера подлинника, а родной язык диктовал выбор лексических единиц, наиболее подходящих для передачи смысла переводимого текста и характеристик персонажей.

Подробно анализируя перевод комедии «Усмирение своенравной», знаток творчества Шекспира М. М. Морозов отмечал, с какой легкостью удавалось Островскому соблюдать заданное в подлиннике количество строк, а также находить лексические средства, передающие своеобразную интонацию речи персонажей. Морозову также принадлежит наблюдение о большем количестве переносов в стихотворных строках перевода по сравнению с подлинником, так как Островский стремился приблизить стих к разговорной речи[4].

---

[2] *Шекспир В.* Укрощение злой жены: [рукопись]: комедия в 5 д., переведенная и приноровленная для сцены Александром Островским в 3 д., ценз. 1850 (Санкт-Петербургская государственная Театральная библиотека. Отдел рукописей и редких книг, № 58228).

[3] *Маликов В., Томашевский Н.* Островский-переводчик (1850—1886) // *Островский А. Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. М.: Искусство, 1978. Т. 9: Переводы и переделки. С. 606.

[4] См.: *Морозов М. М.* А. Н. Островский — переводчик Шекспира // *Морозов М. М.* Избранные статьи и переводы. М.: ГИХЛ, 1954.

В первом фрагменте Люченцио и его слуга Транио, только что прибывшие в Падую, видят семейство Баптисты Минолы и слышат, как дерзко разговаривает старшая дочь Баптисты, Катарина, с одним из претендентов на руку ее сестры Бьянки. Из-за несносного характера Катарина не имеет надежды выйти замуж, но отец не хочет выдавать младшую дочь раньше старшей и своей родительской властью ограждает Бьянку от общества молодых людей. Люченцио также попадает под обаяние кроткой красавицы, и они с Транио планируют, как завоевать ее любовь. В этом фрагменте 161 полная строка, что на 4 строчки длиннее соответствующего отрывка подлинника, однако окончательный вариант этого фрагмента, напечатанный в журнале «Современник», короче подлинника на 12 строк.

Из первого фрагмента 12% строк перешли в окончательный вариант перевода без изменений, минимальным изменениям подверглись 22% строк. Таким образом, третья часть преобразованного в стихи прозаического подстрочника отвечала высоким требованиям, которые Островский-переводчик предъявлял к качеству своего труда.

Из 161 строки 45 строк (24%) имеют перенос. В напечатанном переводе этого отрывка переносов меньше: 35 строк (22%). В шекспировском тексте на этот эпизод приходится всего 14 строк с переносами (около 9%). Большее число переносов в переводе по сравнению с подлинником объясняется стремлением переводчика придать тексту комедии характер живой разговорной речи, что было типично и для пьес самого Островского.

Второй фрагмент представляет собой параллель первому эпизоду: Петручио и его слуга Грумио прибывают в Падую и ссорятся у дома Хортензио из-за недоразумения, вызванного игрой слов (to knock — колотить в дверь и колотить кого-то), на которую Шекспир был непревзойденный мастер. Кроме намерения повидать друга и мир посмотреть Петручио имеет и другую цель, сугубо практическую, — подыскать богатую невесту. Он не беден, но во всем ищет выгоду, поэтому намерен взять в жены богатую Катарину, если женихи ее сестры также заключат соглашение в его пользу на выгодных для него условиях.

Во втором фрагменте 156 полных строк и столько же строк в соответствующем отрывке, напечатанном в журнале «Современник». Шекспировский текст на 8 строк короче. 23 строки из чернового отрывка (примерно 15%) перешли без изменений в окончательный вариант. Минимальным изменениям подверглись 36 строк (23%).

Следует отметить, что и в подлиннике, и в напечатанном отрывке количество переносов больше, чем в черновом варианте: в подлиннике 34 строки содержат перенос (22%), в напечатанном переводе 42 случая переносов (27%), в черновом фрагменте 30 переносов или 19%. Островский идет на увеличение строк с переносами, чтобы сделать эмоциональную речь персонажей ярче и динамичнее.

Вот начало 2-й сцены:

Петруч<ио>:	Петручио
На время я с Вероною прощаюсь Чтоб в Падуе с друзьями повидаться Особенно с моим вернейшим другом Гортензио[5]. Должно быть этот дом [его] Его. Валяй-ка, Грумио, у двери[6].	С Вероной я прощаюсь: повидаться С друзьями в Падуе хочу, всех больше С моим любезным закадычным другом Гортензио. Кажись, что этот дом Его. Валяй-ко, Грумио, у двери[7].

В черновом фрагменте 2 переноса, речь героя более спокойна и выдержана. В напечатанном отрывке 4 строки из 5 имеют перенос, что сразу делает речь резкой и напористой, под стать характеру Петручио.

Точный перевод 1850 г. позволил Островскому сосредоточиться на создании близкого оригиналу перевода, и поправки в рукописных черновых фрагментах связаны чаще не с поиском нужного слова, а с построением фраз для получения эквилинеарного перевода. С этой задачей он блестяще справился. В обоих черновых фрагментах 317 полных строк, а в напечатанном тексте — 301 строка; в подлиннике длина этих же отрывков — 305 строк. Таким образом, Островскому удалось вместить переводимый текст в сопоставимое количество строк, несмотря на явное преобладание более длинных слов в русском языке по сравнению с английским.

В первом фрагменте рядом с репликой персонажа несколько раз встречается разметка стихотворного размера, так как перевод должен был соответствовать подлиннику. Островский высчитывал количество слогов в строке английского текста, затем в черновике отмечал их прерывистой чертой или вертикальными черточками между строками, а также над или под репликой персонажа:

1) Baptista

And so, farewell. Katherina, you may stay;
For I have more to commune with Bianca[8].

Бапт<иста>

⏑—/⏑—/⏑—/⏑—/⏑—[9]
Прощайте! Ты остаться можешь здесь
Екатерина. Я пойду к Бианке[10].

[5] Имя персонажа в дальнейшем — Хортензио.

[6] РО ИРЛИ, ф. 218 (А. Н. Островский), оп. 1, ед. хр. 15, л. 4.

[7] *Островский А. Н.* Усмирение своенравной // Современник. 1865. № 11—12, отд. I. С. 44.

[8] The Taming of the Shrew // The Arden Shakespeare / ed. by Brian Morris. London; New York: Methuen, 1981. P. 176. (Далее: The Taming of the Shrew.)

[9] Ударный слог обозначен черточкой, безударный слог — значком ⏑. Стопы в строке отделены косыми вертикальными чертами.

[10] РО ИРЛИ, ф. 218, оп. 1, ед. хр. 15, л. 2 об.

2) Lucentio

Sacred and sweet was all I saw in her.

Tranio

Nay, then ‘tis time to stir him from his trance[11].

Люч<енцио>

Божественно, прелестно было все,
Что я в ней видел.

Тран<ио>

″ / ″ / ″ / ″ / ″ / [12] — Нет, пора уж вывесть
Его из состояния такого[13].

3) Tranio

Keep house and ply his book, welcome his friends,
Visit his countrymen, and banquet them?[14]

Тран<ио>

Хозяйничать и угощать друзей
– – / – – / – – / – – / – – [15]
И земляков, кто будет посещать?[16]

4) Lucentio

I have it, Tranio.

Tranio

Master, for my hand,
Both our inventions meet and jump in one[17].

Люч<енцио>

И я нашел.

Тран<ио>

Ну кажется мы оба
Придумали одно и то же с вами[18].
— — — — — — — — — — — [19]

---

[11] The Taming of the Shrew. P. 180.

[12] Слоги обозначены короткими вертикальными черточками, косыми вертикальными чертами отделены стопы в строке.

[13] РО ИРЛИ, ф. 218, оп. 1, ед. хр. 15, л. 3 об.

[14] The Taming of the Shrew. P. 181.

[15] Короткими черточками обозначены слоги, косыми вертикальными чертами отделены стопы в строке.

[16] РО ИРЛИ, ф. 218, оп. 1, ед. хр. 15, л. 3.

[17] The Taming of the Shrew. P. 180.

[18] Ниже прерывистой чертой обозначено количество слогов в строке.

[19] РО ИРЛИ, ф. 218, оп. 1, ед. хр. 15, л. 3 об.

Чаще всего встречается пятистопный ямб с женским или мужским окончаниями. Островский выдерживает этот размер, с удивительным мастерством сохраняя лексическую точность перевода, если этому не препятствуют накладываемые русским языком ограничения. В следующей реплике Люченчио, например, переводчику не удается сохранить метафору из-за несовпадения семантического поля лексемы «глаз» в английском и русском языках: словосочетание «раненый глаз» у русских вызывает, скорее, ассоциации с физическим повреждением, нежели с душевной раной. Отсюда правомерная замена на равнозначный образ «раненого сердца»:

5) Lucentio

And let me be a slave t' achieve that maid
Whose sudden sight hath thrall'd my wounded eye[20].

Люч<енцио>

Я буду раб для той которой взор,
Очаровал мне раненое сердце[21].

Еще одно отступление от точного значения слова в первом фрагменте связано со значением глагола «to charm» — заклинать; заговаривать от чего-то. Словосочетание «charm the tongue» означает «заставить молчать, помалкивать». Люченцио намерен заставить слугу Бионделло молчать об их с Транио планах: «But I will charm him first to keep his tongue»[22]. Островский перевел нейтрально: «Я прикажу ему держать язык покрепче»[23]. В журнале «Современник» и в последующих изданиях перевода комедии уже нет безапелляционного «Я прикажу ему». Люченцио произносит: «Но пусть язык свой держит за зубами»[24]. И все же обыденное значение фразеологизма «charm the tongue» на русском языке не устраивало Островского, и в 4-м издании полного собрания произведений У. Шекспира в переводе русских писателей он возвращается к буквальному значению словосочетания: «Поворожу, так будет молчалив!»[25]

Лишь один раз в этом фрагменте языковое чутье изменило Островскому, когда глагол «to assist» (помогать) был заменен глаголом «спасать»:

---

[20] The Taming of the Shrew. P. 182.

[21] РО ИРЛИ, ф. 218, оп. 1, ед. хр. 15, л. 3.

[22] The Taming of the Shrew. P. 181.

[23] РО ИРЛИ, ф. 218, оп. 1, ед. хр. 15, л. 3.

[24] *Островский А. Н.* Усмирение своенравной // Современник. 1865. № 11—12, отд. I. С. 42.

[25] *Островский А. Н.* Усмирение своенравной // *Шекспир У.* Полн. собр. произведений в переводе русских писателей: в 2 т. / под ред. Н. В. Гербеля. Изд. 4-е. СПб.: изд. Н. А. Некрасова и Н. В. Гербеля, 1887. Т. 1. С. 470.

Lucentio

Assist me, Tranio, for I know thou wilt[26].

Люч<енцио>

Спаси меня! Я знаю, что ты хочешь![27]

Глагол «спасать» предполагает избавление от мук или опасности, но Люченцио уже объявил, что хочет добиться любви Бьянки и не собирается избавляться от чувства к ней, призывая слугу содействовать ему в его намерении. Пересматривая перевод в 1886 г. для нового издания, Островский исправил эту неточность: «И помогай: ты хочешь помогать»[28].

Во втором фрагменте исправлений, зачеркнутых слов и фраз меньше, словно Островский проникся духом Шекспира и хорошо понимал его. Характеры персонажей наделены индивидуальными чертами, проявляющимися в их речи: Петручио деятелен и энергичен, он не терпит бездействия и пустой болтовни, его слуга Грумио рассудителен и, хорошо зная своего хозяина, часто настроен к нему критически; Хортензио, в первой сцене казавшийся заносчивым, проявляет заботу и миролюбие по отношению к другу и его слуге.

Следует отметить, однако, что в этом отрывке есть неточность в переводе смысла реплики Хортензио, который объявил другим заинтересованным претендентам на руку Бьянки о намерении Петручио сватать своенравную Катарину на выгодных для него условиях:

Hortensio

Here is a gentleman whom by chance I met,
Upon agreement from us to his liking,
Will undertake to woo curst Katherine,
Yea, and to marry her, if her dowry please[29].
(Вот джентльмен, которого я встретил случайно,
Мы заключим соглашение к его удовольствию,
И он посватается к проклятой Катарине,
Да, и женится на ней, если его устроит ее приданое).

Хорт<ензио>

Вот дворянин мы встретились случайно
И он для нас и по своей охоте
Согласен взять Екатерину замуж
Коли найдет приданое хорошим[30].

---

[26] The Taming of the Shrew. P. 179.

[27] РО ИРЛИ, ф. 218, оп. 1, ед. хр. 15, л. 2.

[28] *Островский А. Н.* Усмирение своенравной // *Шекспир У.* Полн. собр. произведений в переводе русских писателей: в 2 т. / под ред. Н. В. Гербеля. Изд. 4-е. СПб.: изд. Н. А. Некрасова и Н. В. Гербеля, 1887. Т. 1. С. 469.

[29] The Taming of the Shrew. P. 192.

[30] РО ИРЛИ, ф. 218, оп. 1, ед. хр. 15, л. 7 об.

В тексте пьесы несколько раз упоминается, что женихи Бьянки согласны оплатить свадебные издержки Петручио и Катарины, а Гремио даже готов был подарить «лучшую лошадь в Падуе тому, кто осмелился бы выехать на это сватовство, кто решился бы жениться на ней, разделить с нею ложе и избавить от нее этот дом»[31]. Принимая во внимание практичность Петручио и его цель — выгодно жениться, — вряд ли женихам стоило рассчитывать на его альтруизм («И он для нас и по своей охоте / Согласен взять Екатерину замуж»), и Шекспир подчеркивает, что и Хортензио, и Гремио, и Транио, изображающий жениха, понимают это и готовы участвовать в сделке.

Еще в первом фрагменте намечен перевод прозаической реплики Гремио, в которой Шекспир использовал несколько фразеологических оборотов, но целью Островского была передача стихотворного текста, а потому он лишь обозначил прием, но не развил его: «Their love is not so great but we may blow our nails together»[32]. «Их любовь еще невелика. Но мы можем подождать»[33]. Словосочетание «to blow one's nails» означает «терпеливо ждать». Нейтральный перевод Островского в черновом фрагменте в окончательном варианте уступил место буквальному, но по-русски более образному переводу: «Любовь наша не так горяча..., чтобы нам дуть на пальцы»[34]. В подлиннике словосочетание «их любовь», то есть любовь женщин, признается не всеми исследователями. В некоторых изданиях Шекспира вместо «Their love» читаем «There! Love...», где первое слово становится междометием. Вероятно, поэтому Островский позволил себе трактовать начало фразы так, как ему казалось логичнее.

В самом конце второго фрагмента Петручио подтверждает намерение связать свою судьбу с Катариной, используя английский фразеологизм «Will I live?», что означает «конечно». Островский опять избегает безликого «конечно», оставив в переводе запоминающийся вопрос «Хочу ль я жить?»[35]. В напечатанном переводе комедии он идет дальше, прибавив к вопросу глагол «спросите». В издании Мартынова 1886 г. фраза приобретает полноценное оформление, став строкой пятистопного ямба: «Хочу ль я жить — спросите у меня»[36].

Третий фрагмент по объему больше предшествующих и насчитывает 191 полную строку, что на 7 строк короче подлинника; в напечатанной сцене 188 строк, а переносов вдвое больше: 30 против 15-ти

---

[31] *Островский А. Н.* Усмирение своенравной // Современник. 1865. № 11—12, отд. I. С. 40.

[32] The Taming of the Shrew. P. 177.

[33] РО ИРЛИ, ф. 218, оп. 1, ед. хр. 15, л. 2 об.

[34] *Островский А. Н.* Усмирение своенравной // Современник. 1865. № 11—12, отд. I. С. 39.

[35] РО ИРЛИ, ф. 218, оп. 1, ед. хр. 15, л. 7 об.

[36] *Островский А. Н.* Полн. собр. соч.: Драматические переводы: в 2 т. М.: изд. Н. Г. Мартынова, 1886. Т. 2. С. 28.

в подлиннике. В этой копии нет отличий от перевода, напечатанного в «Современнике», за исключением некоторых знаков препинания, но почти все имена героев искажены: Петрукио вместо Петручио, Люцензио или Люцентио вместо Люченцио, Трамио вместо Транио и т. д., и, хотя в некоторых случаях имена исправлены тем же почерком, но не везде, словно переписчик торопился или был невнимателен. Скорее всего, указание исправить написание имен персонажей дал сам А. Н. Островский, просматривавший эту копию, так как важная правка в заключительной реплике Петручио, фраза «Наше взяло», внесена его рукой. «Это “наше взяло” (внесено, кстати сказать, Островским уже при окончательной отделке текста) верно передает интонацию задорного Петручио»[37], — пишет М. М. Морозов. Фраза ставит точку в осуществлении замысла всей комедии и утверждает победу героя:

«Сегодня выиграл я с вас немало
Затем покойной ночи. Наше взяло»[38].

Однако Островскому приходится пожертвовать игрой слов. Петручио обращается к Люченцио со словами:

«‘Twas I won the wager, though you hit the white;
And being a winner, God give you good night!»[39]
(Заклад выиграл я, хотя вы попали в белый круг мишени,
И, как победитель, я прошу у Господа для вас покойной ночи!)

Попасть в белый кружок на мишени («hit the white») означает попасть в цель, но при стрельбе из лука во времена Шекспира гораздо большим достоинством было расщепить деревянный штифт в самом центре этого белого кружка («cleave the pin»)[40]. Значение реплики в том, что Люченцио попал в цель, заполучив Бьянку (игра слов связана с итальянским значением имени Бьянки — белая), а Петручио поразил центр мишени — укротил строптивый нрав Катарины.

В начале третьего фрагмента переписчик сделал еще одну поправку чернилами, изменив слово «бал» на слово «пир» в реплике Люченцио: «Мы в заключенье нашего обеда / Устроим [бал] пир»[41]. В первом напечатанном переводе комедии использовано слово «бал», что не соответствует точному переводу слова «a banquet» (пир, торжественный обед), но логически более точно передает смысл реплики Люченцио. Однако уже в следующем году в первом издании полного собрания драматических произведений У. Шекспира в переводе русских писателей стремление переводчика следовать лексической

[37] *Морозов М. М.* Комментарий к переводу «Усмирение своенравной» // *Островский А. Н.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М.: Гослитиздат, 1952. Т. XI. С. 376.

[38] РО ИРЛИ, ф. 218, оп. 1, ед. хр. 15, л. 9 об.

[39] The Taming of the Shrew. P. 297—298.

[40] Ibid. Notes. P. 297—298.

[41] РО ИРЛИ, ф. 218, оп. 1, ед. хр. 15, л. 7.

точности возобладало, и появилось слово «пир»[42]. Скорее всего, исправление появилось уже после того, как комедия была напечатана в «Современнике».

В целом надо отметить, что перевод анализируемых фрагментов, хоть и является первоначальным переложением прозы в стихи, все же сохраняет общий рисунок окончательного перевода, который появился в журнале «Современник» в 1865 г.

У. ШЕКСПИР
«УСМИРЕНИЕ СВОЕНРАВНОЙ»

Перевод А. Н. Островского[1]

ФРАГМЕНТ № 1

Действие I, сцена I

Х о р т<е н з и о>

Для женихов, синьора, но не ваших[2].
Вот если б были вы покротче, полюбезней[3]

Е к а т<е р и н а>

О! вы, синьор, меня не опасайтесь!
Екатерина и[4] не думала о вас[5].
А если б думала[6], она давно бы[7]
Успела голову вам стулом причесать
И как шуту, вам рожу расписать.

Х о р т<е н з и о>

Избавь нас, Господи от демона такого

Г р е м<и о>

О Господи, и я о том прошу...

Т р а н<и о>
(*тихо Люченц<ио>*)

Смотрите мой синьор! да это презабавно,
Она иль дура иль как дьявол своенравна.

Л ю ч<е н ц и о>

За то в безмолвии другой я вижу ясно
Все добродетели души ее прекрасной.

---

[42] *Островский А. Н.* Усмирение своенравной // *Шекспир У.* Полн. собр. драматических произведений в переводе русских писателей: в 2 т. СПб.: изд. Н. А. Некрасова и Н. В. Гербеля, 1866. Т. 2. С. 274.

Т р а н<и о>

Вы правы[8], сударь, но любуйтесь[9] молча[10].

Б а п т<и с т а>

И вот, чтоб доказать вам самым делом
Что говорил я вам[11] — ступай Бианка
В свои покои[12], но не огорчайся
Я все таки тебя[13] моя[14] Бианка[15]
Люблю по-прежнему дитя мое[16]

Е к а т<е р и н а>

(трет глаза, нос, уши)[17]

Овечка кроткая! расплакалась она бы,
Когда бы только знала из чего!

Б и а н<к а>

Сестрица, радуйся моей печали!
Я повинуюся вам, батюшка, охотно!
Мне общество заменят лютня, книги —
я[18] в одиночестве[19] займуся ими[20].

Л ю ч<е н ц и о>

Послушай, Транио, она[21] Минерва.

Х о р т<е н з и о>

Ужели вы поступите так странно?[22]
Синьор[23] мне[24] больно, что моя любовь
Бианку огорченью подвергает.

Г р е м<и о>

Как? Запереть ее хотите вы?
И[25] за кого ж за демона из ада!
Наказывать за злой язык другой!

Б а п т<и с т а>

Довольно господа[26] уж я решился[27].
Ступай Бианка —

(*уходит)*

Я знаю, что она с большой охотой
Поэзией и музыкой займется.
Учить[28] найду учителей способных
Образовать их юность! если вы
Синьор Хорт<ензьо> или вы синьор
Имеете кого-нибудь в виду
Пришлите. Знающего человека
Возьму и ничего не пожалею

Чтоб только дочерей образовать[29].
Прощайте! Ты остаться можешь здесь[30]
Екатерина. Я пойду к Бианке.

Е к а т<е р и н а>

А почему б мне также не уйти
Как! временем моим располагать!
Как будто я[31] не знаю, что мне делать
Или чего не делать! <Нрзб.> —

Г р е м<и о> [32]

Их любовь еще невелика. Но мы можем подождать[33].

Т р а н<и о>

<...>

Л ю ч<е н ц и о>

О Транио! пока не испытал,
Я думал сам, что это невозможно.
И вот пока стоял я беззаботно,
Я в беззаботности могущество любви
Почувствовал. Я выскажу тебе
Все откровенно. Ты[34] ведь[35] также[36] скромен[37]
Как королевы Карф<агена> Анна
О, Траньо, я горю, я тлею, я погибну
Коль не добуду этой кроткой девы
Советуй[38] мне![39] Я знаю, что ты можешь!
Спаси меня! Я знаю, что ты хочешь!

Т р а н<и о>

Синьор, теперь не время мне бранить вас
Любви никак не выбранить из сердца!
Когда любовь затронула так сильно,
Одно сказать мне остается вам:
Redime te captum, quam queas minimo[40].

Л ю ч<е н ц и о>

Спасибо, друг![41] Мне это приятно.
Меня ты успокоил совершенно.
Я вижу. Твой совет благоразумен.

Т р а н<и о>

Так долго вы глядели на нее,
Что главного-то верно не видали

Л ю ч<е н ц и о> [42]

О, я в лице ее ту прелесть видел,
Какой дочь Агенора покорила

Юпитера, когда он берег критский
Коленами своими лобызал.

Т р а н < и о >

А больше ничего вы не видали[43].
Как старшая такой шум подняла,
Что уху смертного и не стерпеть[44].

Л ю ч < е н ц и о >

О Транио я видел как у ней
Коралловые двигалися губки
Я чувствовал как воздух наполнялся
Благоуханием дыханья ее[45].
Божественно, прелестно было все,
Что я в ней видел.

(С укором)[46]

Т р а н < и о > [47]

— Нет, пора уж вывесть
Его из состояния такого[48].
Я вас прошу синьор очнитесь, если
Вы любите ее, так лучше вы
На то все мысли ваши обратите
Чтобы добыть ее. А вот в чем дело
Сестра ее так дьявольски строптива,
Что до тех пор, пока ее не сбудут,
Любезной вашей также в девках быть.
А для того, чтобы не докучали
Ей женихи, так заперли ее.

Л ю ч < е н ц и о >

О Транио! какой отец жестокий!
Ты, впрочем слышал[49] что он хочет ей
Искусного учителя найти? —

Т р а н < и о >

Я слышал и составил уже план

Л ю ч < е н ц и о >

И я нашел.

Т р а н < и о >

Ну кажется мы оба
Придумали одно и то же с вами[50].

Л ю ч < е н ц и о >

Скажи мне свой.

Тран<ио>

Да вы хотите быть[51]
учителем, в наставники пойти
Хотите вы. Вот замысел у вас.

Люч<енцио>

Так, Транио. Но можно ль это сделать.

Тран<ио>

Нельзя. Кто вашу роль возьмет, кто будет
Винченцьо сыном?[52] Кто учиться будет,
Хозяйничать и угощать друзей[53]
И земляков, кто будет посещать?

Люч<енцио>

Ну basta![54] Успокойся. Мы ведь здесь
Еще нигде ни разу не бывали
А по лицу никто не различит
Слуги от барина, а потому
Ты за меня и будешь господином;
Слугами, домом управляй, а я
Уж буду чем-нибудь другим. Пизанцем,
иль флорентинцем. Так быть по сему!
Сейчас же Транио[55] снимай свой плащ.
На мой, и шляпу. Если ж[56] Биондело[57]
Приедет, пусть тебе он служит, только
Я прикажу ему держать язык покрепче.

Тран<ио>

Ну будь по вашему. Коль вы хотите,
Синьор, я должен вам повиноваться.
«Служи ему», сказал мне ваш отец
Когда нас с вами отпускал в дорогу.
Конечно он сказал не в этом смысле
Но[58] я то очень рад, <что> сделаюсь Люченцьо
А от того, что я люблю Люченцьо.

Люч<енцио>

Будь потому, что и Люченцьо любит
Я буду раб для той которой взор,
Очаровал мне раненое сердце

(вход<ит> Биондел<ло>)

Вот и подлец. Ты это шельма где был?

Б и о н д <е л л о>

Где был? А это что? А где вы сами?
Вы у него иль он у вас украл
Иль обобрали вы друг друга, что ли?
Скажите, что за новости синьор?

Л ю ч <е н ц и о>

Да ты не[59] разговаривай, дурак[60].
Шутить[61] не время тут и потому[62]
Со временем сообразуй манеры.
Вот Траньо взял мой плащ и вид
Чтобы спасти мне жизнь, я чтобы
Спастись надел его. Лишь только я
Сюда приехал[63], в драке здесь убил[64]
Я человека и боюсь, что узнан.
Служи ему[65], а я между тем скроюсь.
Ты понимаешь?

Б и о н д <е л л о>

Нет не понимаю.

Л ю ч <е н ц и о>

Чтоб не было ни слова здесь о нем.
Теперь в Люченцио он превратился.

Б и о н д <е л л о>

Тем лучше для него. Я сам не прочь бы.

Т р а н <и о>

И я не прочь, лишь только бы удачно
Нам дочь Баптисты младшую добыть.
Послушай я не для себя прошу
А вот для барина, со мной как можно
Ты в обществе учтивей быть старайся.
Наедине[66] я Транио, при людях
Я Господин твой, я Люченцио —

Л ю ч <е н ц и о>

Идем! Нет стой еще есть одно дело
Явись средь женихов, зачем ты спросишь
Скажу тебе, что у меня на то
Достаточная очень есть причина —

ФРАГМЕНТ № 2

Действие I, сцена II

П е т р у ч <и о>:

На время я с Вероною простился
Чтоб в Падуе с друзьями повидаться
Особенно с моим вернейшим другом
Гортензио. Должно быть этот дом[67]
Его. Валяй-ка, Грумио, у двери.

Г р у м <и о>

Валять, синьор, кого же мне валять-то
Да разве кто обидел вашу милость.

П е т р <у ч и о>

Мерзавец ты не понимаешь чтоль[68] меня.

Г р у м <и о>

Как сударь! Как же сударь. Кто же я,
Чтоб колотить вас, сударь! Как же это!

П е т р <у ч и о>

Мерзавец колоти[69] сей час[70] да шибче
Иль береги свою холопью рожу.

Г р у м <и о>

Ну драться хочет! Тронь-ко вас[71], поди
А после то что будет знаю я!

П е т р <у ч и о>

О черт возьми! Дождусь ли я когда!
Так я тебя теперь заставлю петь
Я научу тебя и Sol и Fa.

Г р у м <и о>

Ой помогите! Барин мой взбесился!

П е т р <у ч и о>

Ты колоти когда велят, бездельник!

(Вход<ит> Х о р т <е н з и о>.)

Что тут! В чем дело?[72]
Друг старый Грумио, добрый друг Петручио
Ну как вы там в Вероне? (поживали)

П е т р <у ч и о>

<...>

Х о р т<е н з и о>

Ты успокойся, мы сей час вас помирим.

Г р у м<и о>[73]

<...>

П е т р<у ч и о>

Бездельник! Я, Хортензио, велел,
Чтоб этот шут стучал у вашей двери
И что ж! Никак не мог добиться от него.

Г р у м<и о>

Чтоб я стучался в дверь! О небеса!
Не вы ли мне сказали это ясно:
Валяй ко Грумио меня валяй
Да колоти бездельник хорошенько!
А говорите в дверь стучать велели.

П е т р<у ч и о>

Молчи безд<ельник> или убирайся!

Х о р т<е н з и о>

Петручио, полно! Я за Грумио.
Как это вы повздорили так странно!
Скажите мне теперь! Мой друг, какой
Счастливый ветер из Вероны[74] старой[75]
К нам в Падую сюда занес вас?[76]

П е т р<у ч и о>

Тот ветер, что разносит молодежь
Искать Фортуны, вдалеке от дома,
Где опытности много не добудет.
Короче, друг Хортензьо, вот в чем дело:
Отец мой умер, в этот лабиринт
Я кинулся искать жену и счастья.
В моем[77] кармане[78] кроны есть[79] и[80] дома
Добра довольно[81] у меня и вот
Я отправляюсь света посмотреть.

Х о р т<е н з и о>

А что, Петручио, если я тебе
Сыскал жену[82] и злую и дурную
Ты[83] чай спасибо[84] за нее[85] не скажешь
она богата очень[86],
Но впрочем я с тобою дружен так,
Что пожелать тебе ее не смею.

П е т р<у ч и о>

Хортензио не нужно много слов
Между друзьями. Если знаешь
Ты[87] для меня[88] богатую невесту,
Богатство[89] ведь[90] единственная песня
На свадебном моем пиру, тогда
Флоренция любовницы будь гаже,
Стара будь как сибилла, как Ксантиппа
Сократова будь зла[91], готов жениться[92].
Пожалуй будь сурова так, <как> море.

Х о р т<е н з и о>

Петручьо, так как мы зашли далеко
Я буду продолжать, что начал в шутку.
Петруч<ьо> я могу тебе посватать
Тебе жену с богатством[93] молодую[94]
Хорошенькую и с образованьем
Приличным; в ней один лишь недостаток
Но стоит многих, — дьявольски сердита
Сварлива зла, да так что будь я беден
И то я не посватаюсь за ней
Давай мне целый золотой рудник

П е т р<у ч и о>

Ты силы золота не знаешь друг мой!
Скажи мне как зовут ее отца!
Я все таки посватаюсь за ней
Греми она как гром в осенней туче.

Х о р т<е н з и о>

Отец ее Баптист Минолла, добрый
Учтивый дворянин. А ее имя
Екатерина в Падуе во всей
Известная бранчивым языком.

П е т р<у ч и о>

Отца я знаю а ее не знаю
С моим отцом был хорошо знаком он
Я не засну Гортензьо до тех пор
Пока с ней не увижусь[95]. Потому[96]
Вы извините я оставлю вас[97]
Или меня проводите вы сами.

Х о р т<е н з и о> [98]

Постой Петручьо я пойду с тобой[99].
Баптиста стережет[100] мое богатство[101]

Мой бриллиант прекрасную Бианку,
Которую скрывает от меня
И от соперников моей любви.

Г р у м <и о>

Проклятая Екатерина! Это
Для девушки прозвание жалко

Х о р т <е н з и о>

Теперь Петручьо окажи услугу.
Я переденусь в платье поскромнее.
Ты старому меня представь Баптисте
Как опытного музыканта для Бианки
И этой хитростью мне будет можно
Искать любви ее и волочиться
Не возбуждая подозрения ни в ком.

(вход<ят> Г р е м <и о> и переод<етый> Л ю ч <е н ц и о> с книгами под мышкой)

Г р у м <и о>[102]

<...>

Х о р т <е н з и о>

Молчи ты Грумьо. Это мой соперник
Петручьо отойдем к сторонке

Г р у м <и о>

Молокосос ведь, а еще влюблен: (он —

Г р е м <и о>

Прекрасно! Я прочел весь этот список.
Отдайте их переплести получше
И чтобы все любовные романы.
Об этом непременно позаботьтесь,
И ничего другого не читайте.
Кроме того что вам Баптиста даст
Вы мною также будете довольны
Бумаги надушите хорошенько
За тем, что та, которая возьмет их
Приятней самого благодеянья.
Что вы читать начнете.

Л ю ч <е н ц и о>

Что б ни начал
Я буду действовать за вас, поверьте
Как покровителя, и почти так же

Как будто бы вы сами были тут
И лучше, если вы не из ученых.

Г р е м<и о>

Ученость! О! Что это ты за вещь!

Г р у м<и о>

Кулик! Кулик! О, что ты за осел!

П е т р<у ч и о>

Молчи негодный

Х о р т<е н з и о>

Грумио молчи!
Синьору Грем<ио> мое почтенье!

Г р е м<и о>

И я рад видеть вас синьор Хортензьо.
А знаете куда иду? К Баптисте. —
Я обещал ему, что постараюсь
Учителя Бианке отыскать.
И к счастию[103] попадается мне он[104]
Он[105] человек ученый и читает
Поэтов и другие также книги
И книги все хорошие поверьте.

Х о р т<е н з и о>

Прекрасно! Вот и я случайно встретил
Приятеля, который обещал
Найти другова[106] музыке учить.
И так синьор, я также услужу
Прекрасной столь любимой мной Бианке.

Г р е м<и о>

Любимой мной, дела мои докажут

Г р у м<и о>

И кошелек его докажет это

Х о р т<е н з и о>

Теперь не время хвастаться любовью.
Послушайте меня. Если хотите
Скажу вам новость важную для нас
Вот дворянин мы встретились случайно
И он для нас и по своей охоте
Согласен взять Екатерину замуж
Коли найдет приданое хорошим

Грем<ио>

Да хорошо, когда б он это сделал
А сказывали вы об недостатках

Петр<учио>

Я слышал злая бешеная девка
И если только я беды не вижу

Грем<ио>

Вот это хорошо! А он откуда?

Петр<учио>

Я родился в Вероне. Сын Антоньо.
Отец мой умер; но живет богатство
И я надеюсь жить хорошо и долго.

Грем<ио>

С такой женою. Это очень странно.
Но если вкус у вас такой, так с Богом
Я ваш помощник. Нет вы в самом деле
Хотите свататься за эту кошку

Петр<учио>

Хочу ль я жить

ФРАГМЕНТ № 3

Действие V, сцена II

Комната в доме Люченцио. Посредине накрытый стол. Входят Люченцио[107], Бьянка, Петручио[108], Катарина, Баптиста, Винченцио[109], Гремио, педант, Гортензио[110] и жена его; Транио[111], Бионделло[112], Грумио и другие служители.

Люченцио

Ну вот, мы после долгих несогласий,
Слились в созвучие; война проходит,
И мы смеемся миновавшим страхам.
Проси же, Бьянка, моего отца,
Я твоего просить с почтеньем буду.
Петручьо брат, сестрица Катарина,
Синьор Гортензио и вы синьора,
Я очень рад, пируйте, веселитесь!
Мы в заключенье этого обеда

Устроим[113] пир[114]. Я вас прошу садиться!
Здесь можно и болтать и кушать вместе.

(Все садятся.)

Петручио

И все сидеть да есть, сидеть да есть.

Баптиста

Известна Падуя гостеприимством.

Петручио

Все в Падуе приветливы — я знаю.

Гортензио

Для нас бы хорошо, кабы это правда.

Петручио

Клянусь! Гортензьо за жену боится!

Жена Гортензио

Нет, я, синьор, совсем не боязлива.

Петручио

Понятливы, а поняли не так.
Хочу сказать: Гортензьо вас боится.

Жена Гортензио

Кто угорел, пред тем весь свет кружится.

Петручио

Кругло отвечено.

Катарина

Вы что сказали?

Жена Гортензио

Сказала я, что поняла его.

Петручио

Вы поняли меня? Ну и прекрасно.
Гортензио мы поняли друг друга.

Гортензио

Твои слова, конечно, поняла.

Петручио

Поправился. Его вы поцелуйте!

Катарина

«Кто угорел, пред тем и все кружится».
Я вас прошу мне это объяснить.

Жена Гортензио

Ваш муж от вашей злости закружился.
И тужит о моем, что он женился.
Вот мысль мою вы знаете теперь.

Катарина

Мысль жалкая.

Жена Гортензио

Я думала о вас.

Катарина

Конечно, я жалка в сравнении с вами.

Петручио

Смелее, Катя!

Гортензио
(жене)

Милая, смелей.

Петручио

Держу сто марок, Катя верх возьмет[115].

Гортензио

Ну, нет, синьор[116], уж это <наше> дело[117].

Петручио

Ты деловой[118]. Так за[119] твое здоровье!

(пьет)

Баптиста

Что Гремио, каково они болтают?

Гремио

Ну да, они бодаются отлично.

Бьянка

Бодаются! Уж вы себе оставьте
Рогатыя[120] способности свои.

Винченцио

Ай молодая! И она проснулась.

Бьянка

Но без испуга; я опять засну.

Петручио

Мы не дадим! Вы начали, так ждите,
Что и на вас две-три насмешки будут.

Бьянка

Ну если вы в меня стрелять хотите
Как в птицу, я перелечу в кусты;
Вот и ловите, Господа, прощайте!

(Уходят: Бьянка, Катарина, жена Гортензио)

Петручио

Не дождалась ответа. Синьор Траньо
По этой птичке метился, да мимо.
Здоровье всех, кто промахи дает.

Транио

Я был собакой своего синьора,
А гончие для господина ловят.

Петручио

Сравненье складное, хоть и собачье.

Транио

Вам хорошо, вы для себя старались
А ваша дичь, синьор, вас только водит.

Баптиста

Ого, Петручьо! Он в тебя попал.

Люченцио[121]

Ну, Транио, спасибо за насмешку.

Гортензио

Ну, признавайся, он тебя задел.

Петручио

Я признаюсь, что он задел немного.
Но в десять раз закладую, — задела
Меня стрела, а вас насквозь пробила.

Баптиста

Но, к моему прискорбью, сын Петручьо
Мне кажется, твоя жена всех злее.

Петручио

Так нет же, говорю. Я докажу вам;
Попробуйте, за женами пошлите,
Пусть каждый за своей, и тот, чья прежде
Послушает и выдет[122], пусть берет
Заклад, который мы сейчас назначим.

Гортензио

Согласен я. Какой заклад?

Лученцио

Крон двадцать.

Петручио

Как двадцать крон! Да я держу по стольку
За сокола и за мою собаку,
А за жену я в двадцать раз держу.

Лученцио

Ну сто?

Гортензио

Пожалуй.

Петручио

Ну, идет, идет.

Гортензио

А кто начнет?

Лученцио

Да я. Эй Биондело!
Скажи жене, чтобы сюда явилась[123].

Биондело

Иду!

Баптиста

Я в половине, что придет.

Лученцио

Зачем делиться! Я один отвечу.

Биондело возвращается.

Что нового?

Биондело

Синьора вам велела
Сказать, что занята и быть не может.

Петручио

Вот так-то! «Занята и быть не может!» Ответ ли это?

Гремио

Да, и прелюбезный.
Смотрите, вам, синьор, ответят хуже.

Петручио

Ну нет: я думаю, что будет лучше.

Гортензио
(к Биондello[124]).

Поди проси жену мою придти
Ко мне сейчас!

Петручио

Ага! «Поди проси!»
Ну как ей не придти!

Гортензио

Ну да; а вашу
И просьбами-то даже не упросишь.

Биондello возвращается.

Ну, где жена?

Биондello

Она сказать велела,
Что шутите, что не пойдет она
И просит вас пожаловать самих.

Петручио

Что дальше, хуже. Как! Идти не хочет!
Да это низко! Это нестерпимо!
Поди же, Грумьо, и скажи жене,
Что я приказываю ей явиться.

(Грумио уходит.)

Гортензио

Ответ я знаю.

Петручио

Ну?

Гортензио

«Я не пойду».

Петручио

Тем будет хуже для меня, и все тут.

Входит Катарина.

Баптиста

Владычица! Она идет сюда!

Катарина

Что нужно вам, синьор? Зачем вы звали?

Петручио

А где ж сестра? и где жена Гортензьо?

Катарина

Они сидят, болтают у камина.

Петручио

Поди веди их; если ж не хотят
Тогда гони к мужьям, чем ни попало.
Ступай и посылай их непременно.

(Катарина уходит.)

Люченцио

Вот чудо! Если чуда нужно вам.

Гортензио

Да, чудо! Только, что оно пророчит?

Петручио

Пророчит мир, любовь и тишину,
Покорность и почтительный порядок.
Ну словом, все, что счастием зовут.

Баптиста

Так будь же счастлив, добрый[125] мой Петручьо!
Ты выиграл заклад, а я прибавлю
К закладным деньгам двадцать тысяч крон
Другая дочь, — приданое другое,
Она не та, — совсем другая стала.

Петручио

Я два раза бы выиграл заклад.
Хотите вам еще раз покажу я,
Какой она покорной, кроткой стала?

Катарина возвращается с Бьянкой и женой Гортензио.

А вот ведет и ваших жен, как пленниц
Красноречивых женских убеждений.
Послушай, Катя! Шапочка такая
Нейдет к тебе. Брось под ноги ее!

(Катарина бросает.)

Жена Гортензио

О господи! храни меня, покуда
Не сделаю подобного безумства.

Бьянка

Фи! Стыдно! Что за глупая покорность!

Лученцио

Уж лучше б ты была глупа покорна!
От умной непокорности твоей
Я проиграл за ужином сто крон.

Бьянка

Так глупы вы, надеясь на покорность.

Петручио

Тебе я поручаю Катарина
Растолковать им, своенравным женам
Обязанности их к своим мужьям.

Жена Гортензио

Оставьте! Нам проповедей не нужно.

Петручио

Ну, Катя, прямо начинай с нее!

Жена Гортензио

Не станет.

Петручио

Станет. Начинай с нее.

Катарина

Фи! стыд! Разгладь наморщенные брови,
И гневных взглядов не бросай на мужа
И господина, он твой повелитель.
Твой гнев чернит красу твою, как холод
Чернит луга и затемняет славу,
Как вихорь почки. Дурно! Неприлично!
Во гневе женщина — источник мутный,
Лишенный красоты и чистоты,

И как бы жажда ни была велика
У человека, — он его минует.
Твой муж, твой господин; он твой хранитель,
Он жизнь твоя, твоя глава, твой царь;
Он о твоем печется содержаньи
Он переносит тягости труда
На суше, в море, в бурю, в непогоду
А ты в тепле, в покое, безопасна —
И никакой не требует он дани,
А лишь любви, покорности и ласки:
Ничтожна плата за его труды!
Как подданный перед своим монархом,
Так и жена должна быть перед мужем.
Но если же упряма, своенравна,
Сурова, зла и непокорна воле,
Тогда она преступный возмутитель;
Изменница пред любящим владыкой.
Стыжусь за глупость вашу; вам бороться!
Тогда как вы должны молить о мире.
Хотите властвовать! А ваше дело, —
Услуживать, любить, повиноваться. —
Зачем же тело наше нежно, слабо,
Так неспособно выносить труды?
Не для того ль, чтобы сердца и души
С наружностью согласовались нашей.
Оставьте дерзость и безумство, черви!
Мой дух был так же точно непреклонен,
Такое ж сердце было, как у вас
И больше вас имела я причины
На дерзость дерзостью ответить мужу
Но я увидела, что копья наши
Соломинки, что сила наша — слабость
Безмерная; чем выше мы, тем ниже.
Смирите гордость, толку мало в ней!
Склоните головы к ногам мужей!
Скажи мой муж — и я пред ним готова
Свою покорность доказать вам снова.

Петручио

Целуй меня! Вот это так жена!

Люченцио

Ты счастлив, друг: она усмирена

Винченцио

Как весело, что дети так покорны,

Л ю ч е н ц и о

Как горько нам, что жены так упорны.

П е т р у ч и о

Пойдем-ко спать, мы здесь позаболтались.
Женаты трое, — двое уж попались
Сегодня выиграл я с вас немало
Затем покойной ночи. Наше взяло[126].

Г о р т е н з и о

Ступай! Перед тобой капризница смирилась.

Л ю ч е н ц и о

Вот чудо, как она переменилась.

Конец

---

[1] Фрагмент // РО ИРЛИ, ф. 218, оп. 1, ед 15, л. 1—9.

[2] *Над строкой вписан вариант:* покупателей плохой товар

[3] *Наличие или отсутствие знаков препинания здесь и далее соответствует автографу А. Н. Островского.*

[4] *Слова:* Екатерина и — *вписаны над строкой. Было:* [Я никогда]

[5] *Фраза:* такая мысль не занимала ее сердца — *записана на полях л. 1 в круглых скобках.*

[6] *Далее:* [тогда, поверьте, / Что первою ее заботой было]

[7] *Слова:* она давно бы — *вписаны над строкой.*

[8] *Далее:* [мой синьор: молчите, смотрите и любуйтесь!]

[9] *Слова:* сударь, но любуйтесь — *вписаны под строкой.*

[10] *Слово исправлено из первоначального:* молчите

[11] *Слова:* я вам — *вписаны над строкой.*

[12] *Слова:* в свои покои — *вписаны над строкой. Было:* [В комнату]

[13] *Слова:* я все-таки тебя — *вписаны над строкой. Было начато:* [Дитя]

[14] *Слово исправлено из первоначального:* мое

[15] *Далее:* [будь в надежде / Тебя любить я буду как и прежде]

[16] *Слова:* люблю по-прежнему, дитя мое — *вписаны под строкой.*

[17] *Слова:* трет глаза, нос, уши — *записаны на полях л. 1 в круглых скобках. У Шекспира ремарка отсутствует.*

[18] *Было начато:* [И книги ими]

[19] *Слова:* в одиночестве — *вписаны над строкой.*

[20] *Сверху цифрами указан новый порядок слов. Было:* [ими] я займуся

[21] *Далее:* [сама]

[22] *Фраза:* Ужели вы поступите так странно? — *вписана под строкой. Было:* [Нам это удивительно синьор!]

Над строкой записан вариант, оставшийся незачеркнутым: Синьор Бапт<и-ста> неужели вы так странно?

[23] *Слово вписано над строкой.*

[24] *Далее:* [очень]

[25] *Было начато:* [Наказ]

[26] *Далее:* [мое решенье твердо]

[27] *Слова*: уж я решился — *вписаны над строкой.*

[28] *Было начато:* [Учителей]

[29] *Фрагмент:* Я знаю ~ дочерей образовать — *записан на полях л. 1 об.*

[30] *Схема ямбического размера вписана под строкой:* ⏑–/⏑–/⏑–/⏑–/⏑–

[31] *Далее:* [сама]

[32] *Было начато:* [Т р а н<и о>]

Из всей реплики Гремио переведены 2 предложения. Слева помета: проза

[33] *Слово исправлено из первоначального:* ждать.

[34] *Далее:* [мне]

[35] *Слово вписано над строкой.*

[36] *Далее:* [верен]

[37] *Слово вписано над строкой. Далее:* [Верен мне как Анна королеве / Карфагенской. Траньо я сгораю, / я тлею, я погибну]

[38] *Далее:* [Транио]

[39] *Слово вписано над строкой.*

[40] Выкупи себя из плена как можно дешевле (*лат*).

[41] *Далее:* [Меня ты успокоил]

[42] *Количество слогов в строке отмечено прерывистой чертой под именем персонажа:* – – – – – – – – – – – –

[43] *Справа на полях поставлен знак вопроса. Далее:* [Какую бурю подняла другая]

[44] *Количество слогов в строке отмечено прерывистой чертой над именем персонажа:* – – – – – – – – – – –

[45] *Сверху цифрами указан новый порядок слов. Было:* ее дыханья

[46] *Слова в скобках неразборчивы, возможно:* (с укором). *В подлиннике ремарка отсутствует.*

[47] *Схема стихотворного размера записана перед строкой:* ″ / ″ / ″ / ″ / ″ /

[48] *Далее:* [Прошу синьор]

[49] *Далее:* [ведь]

[50] *Количество слогов в строке отмечено прерывистой чертой под репликой персонажа:* – – – – – – – – – – – –

[51] *Слово вписано над строкой. Далее:* [выдать / Себя]

[52] *Далее:* [здесь]

[53] *Схема стихотворного размера вписана между строк:* – – / – – / – – / – – / – –

[54] Хватит! (*исп.*).

[55] *Далее:* [возм]

[56] *Далее:* [приедет]

[57] *Слово вписано над строкой.*

[58] *Далее:* [так и быть я]

[59] *Далее:* [рассуждай]

[60] *Далее:* [Теперь не время / Дурачиться]

[61] *Далее:* [теперь]

[62] *Далее:* [ты смотри]

[63] *Далее:* [как]

[64] *Сверху цифрами указан новый порядок слов. Было:* убил здесь в драке

[65] *Было начато:* [Ему как мне]

[66] *Далее:* [с тобой]

[67] *Далее:* [его]

[68] *Слово написано слитно.*

[69] *Далее:* [у этой двери]

[70] *Слово вписано над строкой раздельно.*
[71] *Слово вписано над строкой.*
[72] *Далее:* [А да это ты]
[73] *Под именем персонажа помета:* проза
[74] *Далее:* [древней]
[75] *Слово вписано над строкой.*
[76] *Сверху цифрами указан новый порядок слов. Было:* Вас в Падую сюда занес к нам.
[77] *Слово вписано над строкой.*
[78] *Далее:* [у меня]
[79] *Сверху цифрами указан новый порядок слов. Было:* есть кроны
[80] *Союз вписан над строкой.*
[81] *Далее:* [тоже]
[82] *Слова:* сыскал жену — *вписаны над строкой. Было:* [Посватаю]
[83] *Было начато:* [Жену]
[84] *Далее:* [мне]
[85] *Слова:* за нее — *вписаны над строкой.*
[86] *Было начато:* [Скажу еще]
[87] *Далее:* [где-нибудь]
[88] *Слова:* для меня — *вписаны над строкой.*
[89] *Далее:* [же]
[90] *Слово вписано над строкой. На полях справа стоит цифра* 12. *В реплике Петручио 12 строк, Островский перевел 9, следовательно, он намеревался вернуться к этой реплике, чтобы закончить перевод.*
[91] *Далее:* [женюсь на ней]
[92] *Слова:* готов жениться — *вписаны над строкой.*
[93] *Далее:* [и при этом]
[94] *Слово вписано над строкой.*
[95] *Далее:* [Извините]
[96] *Слово вписано над строкой.*
[97] *Фраза:* Вы извините я оставлю вас — *вписана над строкой. Было:* [Что я оставлю вас]
[98] *Реплика:* Постой Петручьо ~ моей любви — *ошибочно отдана Грумио.*
[99] *Было начато:* [Петруч<ио>]
Далее: [Баптиста]
[100] *Слова:* Баптиста стережет — *вписаны над строкой.*
[101] *Далее:* [держит взаперти]
[102] *Справа от имени персонажа помета:* (прозой
[103] *Далее:* [судьба меня свела]
[104] *Слова:* попадается мне он — *вписаны над строкой.*
[105] *Было начато:* [вот]
[106] *Слово оставлено в том виде, как его написал Островский.*
[107] *Здесь и далее в рукописи имя персонажа указано неточно:* Люцентио
[108] *Здесь и далее в рукописи имя персонажа указано неточно:* Петрукио
[109] *Здесь и далее в рукописи имя персонажа указано неточно:* Винцензио
[110] *В данной копии имя персонажа* — Гортензио
[111] *В имени персонажа допущена описка:* Трамио
[112] *Здесь и далее в рукописи имя персонажа указано неточно:* Бионцелло
[113] *Далее:* [бал]
[114] *Слово вписано чернилами над строкой рукой переписчика. В подлиннике слово:* a banquet — пир, *на самом деле имеется в виду десерт: вино, фрукты, сладости.*

[115] *Слова*: верх возьмет — *вписаны над строкой. Было:* переспорит.
[116] *Слово вписано над строкой.*
[117] *Слово вписано над строкой. Было:* [синьор, оставьте!]
[118] *Слово исправлено из первоначального*: дело [говоришь].
[119] *Слова*: Так за — *вписаны над строкой.*
[120] *Слово исправлено из первоначального*: Бодатыя
[121] *В имени персонажа допущена описка*: Лученцио
[122] *Слово оставлено в том виде, как его написал Островский.*
[123] *Сверху цифрами указан новый порядок слов. Было:* явилась сюда.
[124] *В имени персонажа допущена описка:* Бионцелли
[125] *Слово исправлено из первоначального:* добрейший
[126] *Фраза вписана карандашом рукой Островского.*

Библиографический список

1. *Островский А. Н.* 1) «Усмирение своенравной». Комедия Шекспира. Перевод. Рукой А. Н. Островского, карандашом; 2) «Усмирение своенравной» (акт V, сцена 2-я). Неизвестным почерком, с поправками А. Н. Островского. <1865 г.> // РО ИРЛИ, ф. 218 (А. Н. Островский), оп. 1, ед. хр. 15.
2. *Островский А. Н.* Усмирение своенравной // Современник. 1865. № 11—12, отд. I.
3. *Островский А. Н.* Усмирение своенравной // *Шекспир У.* Полн. собр. драматических произведений в переводе русских писателей: в 2 т. СПб.: изд. Н. А. Некрасова и Н. В. Гербеля, 1866. Т. 2.
4. *Островский А. Н.* Полн. собр. соч.: Драматические переводы: в 2 т. М.: изд. Н. Г. Мартынова, 1886. Т. 2.
5. *Островский А. Н.* Усмирение своенравной // *Шекспир У.* Полн. собр. произведений в переводе русских писателей: в 2 т. / под ред. Н. В. Гербеля. Изд. 4-е. СПб.: изд. Н. А. Некрасова и Н. В. Гербеля, 1887. Т. 1.
6. *Маликов В., Томашевский Н.* Островский-переводчик (1850—1886) // *Островский А. Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. М.: Искусство, 1978. Т. 9: Переводы и переделки.
7. *Морозов М. М.* А. Н. Островский — переводчик Шекспира // *Морозов М. М.* Избранные статьи и переводы. М.: ГИХЛ, 1954.
8. *Морозов М. М.* Комментарий к переводу «Усмирение своенравной» // *Островский А. Н.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М.: Гослитиздат, 1952. Т. XI.
9. *Шекспир В.* Укрощение злой жены: [рукопись]: комедия в 5 д., переведенная и приноровленная для сцены Александром Островским в 3 д., ценз. 1850 // Санкт-Петербургская государственная Театральная библиотека. Отдел рукописей и редких книг, № 58228.
10. The Taming of the Shrew // The Arden Shakespeare / ed. by Brian Morris. London; New York: Methuen, 1981.

IV. ИНФОРМАЦИЯ

DOI: 10.31860/978-5-918680-445-573-603

ОБЗОР ЛИЧНОГО АРХИВА Л. Б. МОДЗАЛЕВСКОГО
Фонд 187. описи 1—6

Лев Борисович Модзалевский — литературовед, историк-архивист, палеограф, текстолог, генеалог, библиограф, специалист по истории русской науки и культуры XVIII—XIX вв. — родился 27 июля 1902 г. в Петербурге в семье супругов Модзалевских: Бориса Львовича Модзалевского (1874, апр. 20 — 1928, мая 2) и Екатерины Васильевны, урожденной Решеткиной (1873—1941, в середине сент. погибла в Павловске (Слуцк) при артобстреле).

Потомственный дворянин Б. Л. Модзалевский служил в это время делопроизводителем Академической Комиссии по изданию сочинений А. С. Пушкина при Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. Позднее он стал одним из основателей Пушкинского Дома и членом-корреспондентом Академии наук (в 1918 г.).

В 1910—1916 гг. Лев, начиная с приготовительного по 5-й класс, учился в знаменитой С.-Петербургской мужской классической гимназии К. И. Мая. К началу нового 1917—1918 учебного года он по настоянию отца выехал в Саратовскую губернию и учился в 6-м классе Хвалынской мужской гимназии. В 1919 г. 17-летний Л. Б. Модзалевский возвратился в Петроград, завершил среднее образование в Единой трудовой школе 2-й ступени (бывшая гимназия К. И. Мая) и поступил в Петроградский государственный университет на историко-филологический факультет, но в первый же год обучения был отчислен из-за не сданных в сессию экзаменов. В 1922 г. восстановился на факультет Общественных наук по славяно-русской секции Отделения языковедения и литературы Петроградского (впоследствии Ленинградский) государственного университета. Окончив его в 1925 г., стал (с 1 янв. 1926 г.) сверхштатным аспирантом секции Новой и новейшей литературы Научно-исследовательского института сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ) при Ленинградском государственном университете. Под руководством Ю. Г. Оксмана собирал подготовительный материал для кандидатской диссертации «Творчество А. А. Перовского (Антония Погорельского). Эпизод из истории русского романтизма 30-х годов XIX века», участвовал в работах секционных групп ИЛЯЗВ, составлял указатель к литера-

© Хитрово Л. К., 2024

турным альманахам 1820—1837 гг. Но 19 янв. 1927 г. его отчислили из аспирантуры из-за несданного экзамена по марксисткой методологии.

Служебную деятельность Л. Б. Модзалевский начал еще во время обучения в университете. С 1919 г. он работал: научным сотрудником в Книгохранилище академических изданий АН СССР (до 1921 г.), секретарем и делопроизводителем Строительной Комиссии (до 1925 г.). После окончания университета (с 15 дек. 1925 г. по 26 июня 1948 г.) служил в Архиве АН СССР: помощником архивиста, ученым архивистом, старшим ученым архивистом, старшим специалистом, старшим научным сотрудником.

Окончив университет, Лев Борисович женился на Наталии Николаевне, урожд. Граве (1905, мая 4 — 1989, февр. 19). В этом браке было трое детей: Борис (1926, нояб. 21 — 2005, авг. 24); Николай (1928, сент. 13 — 2013, дек. 17); Марина (1934, окт. 11 — 2016, июля 10). Через 12 лет первый брак Л. Б. Модзалевского распался.

Второй женой Льва Борисовича (с 1 марта 1937 г.) стала Евгения Алексеевна, урожд. Фаворская, в первом браке Брюн (1909, нояб. 25 — 1983, дек. 18). От этого брака родились две дочери: Татьяна (1937, нояб. 7) и Людмила (1941, апр. 21 — 1942, авг. 31). Также Л. Б. Модзалевский воспитывал двоих детей Евгении Алексеевны от первого брака с Сергеем Львовичем Брюном (1912—1934): Брюн Елену Сергеевну (7 авг. 1931 г.) и Брюн Ипполита Сергеевича (6 сент. 1933 г.).

С 18 апр. 1928 г. Лев Борисович одновременно с работой в Архиве стал сверхштатным научным сотрудником Пушкинского Дома. В 1933 г. по решению Президиума АН был введен в состав Пушкинской Комиссии (в 1945—1946 гг. был ее секретарем). В том же году постановлением Президиума Академии наук Пушкинскую Комиссию официально причислили к Институту русской литературы (в 1935—1939 гг. именовался Институт литературы). Таким образом, Л. Б. Модзалевский, продолжая работу в Архиве АН СССР, получил по совместительству должность научного сотрудника Пушкинского Дома. Он фактически стал первым штатным хранителем Пушкинского фонда РО ИРЛИ. Позднее (с мая 1939 г. по 1 июня 1940 г.) по условиям договора, заключенного с дирекцией ИРЛИ, Лев Борисович заведовал рукописным фондом Н. В. Гоголя, кабинетом М. Ю. Лермонтова и его рукописным фондом.

25 окт. 1935 г. по постановлению Президиума АН СССР Модзалевскому по совокупности научных работ в области истории науки и литературы была присуждена ученая степень кандидата филологических наук без защиты диссертации.

В 1939 г. его избрали членом Комиссии по истории Академии наук.

С 12 окт. 1941 г. он временно был уволен из ИРЛИ в связи с сокращением штатов.

В начале Великой Отечественной войны, согласно решению членов Президиума АН СССР, Лев Борисович дважды (28 июля и 9 авг. 1941 г.) был командирован в Пулково для эвакуации архива Главной астрономической обсерватории АН СССР в Архив АН СССР.

9 июля 1942 г. после первой блокадной зимы Л. Б. и Е. А. Модзалевские, В. Н. Фаворская (мать Евгении Алексеевны) и сестра Н. Н. Модзалевской, Е. Н. Ващенко, по полученным удостоверениям должны были эвакуироваться из Ленинграда в Казань. Но по обстоятельствам военного времени их планы вынужденно изменились. Супруги Модзалевские и их родственники выехали не в Казань, а в Елабугу. Там располагался эвакуированный из Ленинграда Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР, штатной сотрудницей которого (с ноября 1940 г.) стала Евг. А. Модзалевская.

В это время Л. Б. Модзалевский по личной договоренности с вице-президентом Академии наук СССР Л. А. Орбели находился в Елабуге в командировке по семейным обстоятельствам. Там в течение 1942—1943 учебного года он заведовал кафедрой истории русской литературы в эвакуированном Воронежском государственном университете, читал курс лекций и руководил исследовательским семинаром.

Весной 1943 г. он оставил преподавательскую деятельность в Елабуге и выехал в Казань.

В Казани Лев Борисович, в связи с предстоящим 150-летним юбилеем со дня рождения Н. И. Лобачевского, по распоряжению акад. С. И. Вавилова приступил к руководству группой сотрудников по выявлению архивных биографических документов российского математика для подготовки посвященного этому событию издания. В 1948 г. в ряду других юбилейных работ вышла в свет книга: Материалы для биографии Н. И. Лобачевского / собрал и редактировал Л. Б. Модзалевский. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1948 (Труды Комиссии по истории физико-математических наук под ред. С. И. Вавилова).

С 15 июня 1943 г. по май 1944 г. по распоряжению Распорядительного совещания Президиума АН СССР Модзалевский исполнял обязанности ученого секретаря Музейной и Архивной Комиссии при Президиуме АН СССР.

С 1 июля того же 1943 г. он получил должность старшего научного сотрудника и был назначен заведующим Рукописным отделом Пушкинского Дома.

В мае 1944 г. возвратился в Ленинград. 26 февр. 1945 г. доставил в Ленинград из Казани автографы русских писателей XVIII—XIX вв. из фондов Института русской литературы.

С 1 мая 1946 г. Лев Борисович по собственному желанию оставил заведование Рукописным отделом, чтобы завершить диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук. 28 мая 1947 г. в Пушкинском Доме он успешно защитил докторскую диссертацию «Ломоносов и его литературные отношения в Академии наук

(из истории русской литературы и просвещения середины XVIII века)».

В 1948 г. Модзалевский закончил подготовку к печати первого комментированного научно-критического свода научной переписки М. В. Ломоносова за 1727—1765 гг. и подготовил первый том его полного собрания сочинений

26 июня 1948 г. Л. Б. Модзалевский трагически погиб от болевого шока во время служебной командировки, выпав из поезда при невыясненных обстоятельствах, рядом с железнодорожной станцией Вышний Волочек Калининской области (в наст. время — Тверская). Лев Борисович направлялся из Ленинграда в Москву, где должен был получить (в соответствии с Постановлением Президиума АН от 2 июня 1948 г.) из Литературного музея А. С. Пушкина при ИМЛИ АН СССР (учрежден в 1938 г.) автографы поэта. Похоронен ученый 30 июня 1948 г. в Ленинграде на Кленовом участке Волкова кладбища.

Л. Б. Модзалевский — автор более 120 научных трудов по истории русской науки и литературы XVIII—XIX вв.: монографии «Ломоносов и его литературные отношения в Академии наук (из истории русской литературы и просвещения середины XVIII века)» (опубл. посмертно: СПб.: Нестор-История, 2011), книг, статей, публикаций, описаний и обзоров архивных документов; составитель картотеки с биографическими, библиографическими и генеалогическими сведениями о деятелях литературы и общественно-политического движения XVIII—XIX вв. (имеет 4 раздела: 1. «Personalia», продолжение картотеки Б. Л. Модзалевского; 2. Пушкин и пушкиниана; 3. Жуковский; 4. Альманахи); редактор и комментатор отдельных томов собраний сочинений А. С. Пушкина, М. В. Ломоносова, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, А. Н. Радищева, Н. Г. Чернышевского; серийного издания «Труды Архива АН СССР» (1933—1940, вып. 1—5); организатор, автор и редактор «Бюллетеней Рукописного отдела Института литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР» и др.

Награжден медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», орденом «Знак Почета».

Основные труды Л. Б. Модзалевского

1. Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде / сост. Л. Б. Модзалевский. Л.: Academia, 1929 (Рукописи Пушкина в библиотеках, музеях и архивохранилищах СССР: краткое описание; вып. 1 / под ред. Н. В. Измайлова и Ю. Г. Оксмана (Труды Пушкинского Дома АН СССР и Пушкинского комитета Гос. ин-та истории искусств)).
2. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: научное описание / сост. Л. Б. Модзалевский, Б. В. Томашевский. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1937.

3. Рукописи Ломоносова в АН СССР: научное описание / под ред. Г. А. Князева, сост. Л. Б. Модзалевский, авт. предисл. Б. Н. Меншуткин. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1937 (Труды Архива АН СССР; вып. 3).
4. Материалы для биографии Н. И. Лобачевского / собрал и редактировал Л. Б. Модзалевский. М.; Л.: изд-во и 1-я тип. АН СССР, 1948.
5. М. В. Ломоносов и его литературные отношения в Академии наук (из истории русской литературы и просвещения середины XVIII века) / отв. ред., сост., авт. вступ. ст. И. В. Тункина; послесл. Н. Ю. Алексеевой; СПб. фил. Архива РАН. СПб.: Нестор-История, 2011 (Ad Fontes: материалы и исследования по истории науки; вып. 1).

Список использованной литературы

1. *Редакция.* Памяти Л. Б. Модзалевского (1902—1948) // Бюллетени Рукописного отдела. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1950. Вып. 2.
2. *Модзалевская Т. Л.* Л. Б. Модзалевский (1902—1948): страницы жизни. СПб.: [б. и.], 2009.
3. *Тункина И. В.* К изданию монографии Л. Б. Модзалевского о М. В. Ломоносове // М. В. Ломоносов и его литературные отношения в Академии наук (из истории русской литературы и просвещения середины XVIII века) / отв. ред., сост., авт. вступ. ст. И. В. Тункина; послесл. Н. Ю. Алексеевой; СПб. фил. Архива РАН. СПб.: Нестор-История, 2011 (Ad Fontes: материалы и исследования по истории науки; вып. 1).
4. *Хитрово Л. К.* Л. Б. Модзалевский: материалы к биографии по документам личного архива в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб.: Родник, 2020.

ИСТОРИЯ ПОСТУПЛЕНИЯ

В РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН личный фонд Л. Б. Модзалевского (№ 187) сформирован из 6 поступлений.

В 1929 г. Лев Борисович передал в дар Пушкинскому Дому свою коллекцию историко-литературных документов XVIII — начала XX в. (см.: карточку фонда № 187, заполненную 3 июня 1938 г. Л. Б. Модзалевским)[1].

Основная же часть материалов личного архива Л. Б. Модзалевского была получена 17 нояб. 1962 г. из Архива АН СССР по распоряжению его директора Г. А. Князева от 29 окт. 1962 г. (см.: Кн. пост. за 1962 г., № 75). Это поступление состояло из научных работ Льва Борисовича и подготовительных материалов к ним; его документов к биографии и по деятельности, а также материалов родственников. До передачи в Пушкинский Дом они находились в Ленинградском отделении (далее — ЛО) Архива Академии наук СССР на временном

1 См. подробнее: *Хитрово Л. К.* О начале формирования личного архива Л. Б. Модзалевского в РО Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отд. Пушкинского Дома на 2022 год. СПб.: Полиграф, 2022. С. 711—18.

хранении, куда их передал ученый в начале июля 1942 г. перед своей эвакуацией из блокадного Ленинграда.

29 июня 1957 г. Пушкинский Дом за 10 000 рублей приобрел у жены Л. Б. Модзалевского, Евгении Алексеевны Модзалевской, биобиблиографическую картотеку ученого, состоявшую из 4-х разделов: 1. «Personalia», продолжение картотеки Б. Л. Модзалевского; 2. Пушкин и пушкиниана; 3. Жуковский; 4. Альманахи (см.: Кн. пост. за 1957 г., № 41).

Картотека Л. Б. Модзалевского в состав личного архива ученого не включена, она отнесена к разряду VI: Картотеки Рукописного отдела ИРЛИ РАН.

Позднее от Татьяны Львовны Модзалевской, дочери Л. Б. и Евг. А. Модзалевских, были получены два дополнения к фонду 187.

24 мая 1985 г. Т. Л. Модзалевская передала письма разных лиц, адресованные ее отцу (см.: Кн. пост. за 1985 г., № 40).

2 июля 2010 г. от Т. Л. Модзалевской были получены работы Льва Борисовича по генеалогии и письма разных лиц, адресованные Е. А. Модзалевской (см.: Кн. пост. за 2010 г., № 41).

К настоящему времени архив Л. Б. Модзалевского в Рукописном отделе Пушкинского Дома состоит из **1193 ед. хр. за 1791—1956; 1991; 2005 гг**. Они систематизированы по 6 (шести) описям.

Опись № 1: в результате НТО описи № 1 «**Научные труды и подготовительные материалы к ним**» сформировано 192 ед. хр. (в т. ч. 83а) за 1820; 1900—1948 гг., которые систематизированы по 8 разделам в тематико-хронологическом порядке.

Раздел 1 «Работы и подготовительные материалы к ним об А. К. Толстом» состоит из 13 ед. хр. под №№ 1—13 за 1820; 1922—1937 гг. Среди них: подготовительные материалы к несостоявшемуся изданию: «Граф А. К. Толстой. Материалы для его биографии. Собрал и подготовил к печати Л. Б. Модзалевский» (1922—1928 гг.); «Юмористические произведения гр. А. К. Толстого в письмах к Адлербергу Николаю Владимировичу» (1924; 1936—1937 гг.); подготовительные материалы к <Собранию произведений и писем гр. А. К. Толстого>: списки (4) автографов, находящихся в разных архивохранилищах (1922—1928); «Автографы гр. А. К. Толстого, находящиеся в Пушкинском Доме при Российской Академии наук к 21 марта 1923 года», копии текстов стихов с вариантами и описанием бумаги — рукой Л. Б. Модзалевского и др.

Раздел 2 «Работы и подготовительные материалы к ним об А. С. Пушкине» состоит из 57 ед. хр. под №№ 14—70 за 1920—1948 гг. В нем 5 подразделов.

Подраздел 2.1 «Научные описания и подготовительные материалы к ним» состоит из 10 ед. хр. под №№ 14—23 за 1928—1937 гг. Среди них: «Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной

Библиотеки в Ленинграде. Краткое описание», наборная рукопись — рукой Л. Б. Модзалевского, машинопись с поправками и дополнениями Н. В. Измайлова (1928 г., дек. — 1929); «Фонд № 244. Автографы А. С. Пушкина в архиве А. С. Пушкина Рукописного отдела ИРЛИ (Пушкинского Дома) АН СССР», архивная опись, машинопись с многочисленными дополнениями — рукой Л. Б. Модзалевского, с пометой: «экз. Л. Б. Модзалевского», 1932, авг.; «Краткое описание рисунков Пушкина, хранящихся в Институте литературы (Пушкинском Доме) Академии наук СССР», автограф на карточках; машинопись, 1936, и др.

В подразделе 2.2 под №№ 24—32 за 1928—1948 гг. находятся ед. хр. с «Подготовительными материалами к изданиям сочинений и писем А. С. Пушкина». Среди них: **под № 27**: Подготовительные материалы к изд. «Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. Подготов. к печати и комментировали М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер при участии Д. П. Якубовича. М.; Л.: «Academia», 1935. Ч. I. Изучение языков и переводы. Автограф, машинопись, отд. листы — рукой Н. В. Измайлова; на лл. 18—18 об. — **перевод А. А. Ахматовой** стихотворения У. Вордсворта «The Exscursion» («Экскурсия»), 24 начальные строки; автограф; на лл. 19, 20 — **перевод А. А. Ахматовой** поэмы Б. Корнуола «Марциан Колонна», часть III, строфа VII (2 варианта), автограф. Здесь же: подборка текстов под заголовком: «Рукою Пушкина. Остатки неиспользованные» и др. Здесь же: Ю. Г. Оксман <Поправки к подготовленному изданию>, машинопись (1932—1935); **под № 30**: Пушкин. Полное собр. соч. В 16 т. Т. 1. «Тень Баркова». Лицейская баллада <1810 г.>. Текст. Копия — рукой Л. Б. Модзалевского с копии, подготовленной М. А. Цявловским для специального приложения к изд.: Пушкин. Полн. собр. соч. В 16 т. Т. 1. М.; Л.: АН СССР (1937—1948; изд. не осущ.).

Подраздел 2.3 «Статьи о Пушкине» содержит 11 ед. хр. под №№ 33—43 за 1927—1932 гг. Среди них: **под № 36**: Л. Б. Модзалевский, В. А. Мануйлов «Пушкинская летопись за 1933 год» (Решения, принятые на Конференции пушкинистов), статья, машинопись (1934 г.).

Подраздел 2.4 «Публикации о Пушкине» состоит из 14 ед. хр. под №№ 44—57 за 1929—1949 гг.

В **подраздел 2.5** «Подготовительные материалы к работам разных лет об А. С. Пушкине» включено 12 ед. хр. под №№ 58—70 за 1930—1938 гг. Среди них **под № 58**: Подготовительные материалы к несостоявшемуся сборнику «П. Е. Щеголев. Пушкин. Избранные исследования и статьи». Т. 3. Под ред. Л. Б. Модзалевского. Гослитиздат. 1938»: оглавление, предисловие, подборка текстов статей, комментарий. Ранний вариант: статьи I—IX, автограф, машинопись с правкой и вставками; часть листов — рукой других лиц (1936, дек. 15 — 1938). **Под № 61**: Подборка материалов с записью рукой Л. Б. Модзалевско-

го: «Материалы, собранные мною к “Будням Пушкина” (черновики) для П. Е. Щеголева», копии документов, выписки из разных архивных и печатных источников; автограф, машинопись; часть листов — рукой разных лиц (<конец 1920-х> — 1931).

Раздел 3 «Работы о М. В. Ломоносове и подготовительные материалы к ним» включает ед. хр. под №№ 71—91 (в т. ч. 83а) за 1932—1948 гг.

В начале этого раздела **под №№ 71—73** за 1932—1947 гг. расположены материалы к диссертации Л. Б. Модзалевского на соискание ученой степени доктора филологических наук «Ломоносов и его литературные отношения в Академии наук (из истории русской литературы и просвещения середины XVIII века)».

Далее **под №№ 74—83 (в т. ч. 83 а)** следует комплекс подготовительных материалов к изд.: Ломоносов М. В. Полное собр. соч. Т. VIII. Переписка. 1737—1765 гг. / подг. к печати и комм. Л. Б. Модзалевского, под ред. акад. С. И. Вавилова. М.; Л., 1948: 10 ед. хр. под №№ 74—83, в т. ч. № 83а за 1928—1948 гг.

В конце раздела расположена группа документов со статьями и публикациями о М. В. Ломоносове. В ней 8 ед. хр. под №№ 84—91 за 1936—1948 гг. Среди них **под № 84**: «Ломоносовский архив», статья, автограф с записью Л. Б. Модзалевского: «осталась не опубликована», 1940, марта 18.

В разделе 4 под №№ 92—103 за 1943—1948 гг. содержатся ед. хр. с «Работами о Н. И. Лобачевском и подготовительными материалами к ним». Среди них **под № 102**: «Новые материалы о Н. И. Лобачевском (информация для специалистов о подготовленном к печати “Сборнике материалов для биографии Н. И. Лобачевского”)», доклад, 1946 г., маш. с авторской правкой, 40 лл.; **под № 103**: «Новое о Лобачевском», статья, маш. с авторской правкой, 1946 г., 8 лл.

В разделе *5* под **№№ 104—127** за 1920—1937 гг. находятся ед. хр. с «Работами по генеалогии и подготовительными материалами к ним». Среди них: под **№№ 104—106:** «Материалы к родословной рода дворян Граве». В самодельной тетради, автограф. На отд. листах вклеены вырезки из газет с некрологами, биографическими сведениям о представителях рода Граве и др.»;

под № 108: «Азанчевские Смоленской губ., Бутлеровы, Граве Казанской губ., Красно-Милашевичи Смоленской губ. (см.: А. Ремизов «Россия в письменах»), Жемчужниковы» и др. Генеалогические схемы, выписки из разных архивных и печатных источников с биографическими сведениями, автограф, 1920-е гг.;

под № 117: «Римские-Корсаковы», генеалогические поколенные росписи, схемы, автограф, 1920-е гг.;

под № 125: «Гончаровы: Афанасий Абрамович, Николай Афанасьевич, Наталия Николаевна и др.». Биографические сведения, свод-

ная роспись генеалогического древа, генеалогические схемы, автограф, 1930-е гг.

Раздел 6 «Рецензии, отзывы на работы других лиц» включает 16 ед. хр. под №№ 128—143 за 1930—1947 гг.

Среди них: **под № 128:** «Рецензия на кн.: М. Д. Беляев. "Н. Н. Пушкина в портретах и отзывах современников". Не вышла в свет», черновой автограф, 1930 г.; **под № 136**: «Отзыв о работе "Рукописи М. Ю. Лермонтова. Каталог". Составила А. Н. Михайлова, под ред. Б. М. Эйхенбаума», автограф, машинопись, 1941 г.; **под № 138**: «Отзыв о работе А. С. Ляпуновой "Тематический указатель музыкальных произведений и рукописей М. А. Балакирева"», автограф, машинопись, 1946 г., февр. 8;

под № 141: «Отзыв о подготовленном к печати издании (для малой серии "Библиотеки поэта": "А. Сумароков. Стихотворения. Ред. текста, вступ. статья и примеч. Гр. Гуковского")», автограф, машинопись, 1947, июля, 19, 6 лл.

Раздел 7 «Лекции, выступления, сообщения» составили 9 ед. хр. под №№ 144—152 за 1930—1948 гг.

Среди них: **под № 144**: «Книжные знаки из библиотеки А. С. Пушкина», сообщение на заседании Ленинградского общества библиофилов. Секция экслибрисов, автограф.

Здесь же: подготовительные материалы к нему, 1930 г., окт. 15, автограф;

под № 145: «Малоизвестные книжные знаки из собрания Б. Л. Модзалевского», сообщение на заседании Ленинградского общества библиофилов. Секция экслибрисов. Автограф. Здесь же: подготовительные материалы к нему. 1930 г.;

под № 146: «К вопросу о составлении библиографии по истории Академии наук СССР», сообщение, автограф, 1938 г.;

под №№ 147—149: «История русской литературы XVIII века», лекции, прочитанные на II курсе историко-филологического факультета Воронежского государственного ун-та в Елабуге, автограф, 1943, дек. — 1943, сент.

Раздел 8 «Работы на разные темы, подготовительные материалы к ним и др.» состоит из 39 ед. хр. под №№ 153—191 за 1920—1948 гг. В нем 2 подраздела.

Подраздел 8.1 включает 28 ед. хр. под №№ 153—180 с материалами работ разных жанров на разные темы за 1924—1948 гг.

Среди них: **под № 164**: <И. А. Гончаров — рецензент сочинений, представленных на соискание премии, учрежденной А. С. Уваровым>, статья, черновой автограф. Здесь же: выписки из дел Архива АН СССР по Уваровскому конкурсу «Русские драматические сочинения» 1858—1862 гг. — копии рукой Н. А. Карпова, <1930-е гг.>;

под № 169: «Материалы для библиографии "Переписка А. П. Сумарокова": "Письма А. П. Сумарокова к разным лицам", "Письма

к Сумарокову", "Доношения и другие официальные документы Сумарокова"», автограф, на карточках, <1930—1943 гг.>.

Подраздел 8.2 составили 9 ед. хр. под №№ 181—189 с подготовительные материалами к работам на разные темы за 1920—1942 гг.

В конце раздела 8 под **№№ 190—191** находятся 2 ед. хр., которые в 1920—1940-е гг. были сформированы фондообразователем: «Собрание facsimile с автографов русских писателей».

Опись № 2: в результате НТО описи № 2 **«Материалы к биографии и по деятельности Л. Б. Модзалевского»** сформировано 164 ед. хр. за 1907 — 1950; 1987 гг., которые систематизированы по 2 разделам.

Раздел 1 «Материалы к биографии Л. Б. Модзалевского» состоит из ед. хр. под №№ 1—83 за 1907—1950; 1987 гг., которые систематизированы по семи подразделам. В них ед. хр. расположены в тематико-хронологическом порядке.

В **подразделе 1.1** находятся 15 ед. хр. с личными документами ученого за 1913—1948 гг.: **под № 1:** выпись из метрической книги Входоиерусалимской Знаменской церкви Санкт-Петербурга о рождении и крещении Льва Борисовича; **под № 2**: свидетельство Петроградского дворянского депутатского собрания о причислении его к роду отца и внесении во 2 часть Дворянской родословной книги; **под № 3**: копия трудовой книжки за 1919—1942 гг.; **под № 6**: уведомление Президиума Академии наук СССР (от 11 нояб. 1935 г.) о присуждении Л. Б Модзалевскому ученой степени кандидата литературоведения (без защиты диссертации по совокупности научных работ); документы по защите докторской диссертации «Ломоносов и его литературные отношения в Академии наук (из истории русской литературы и просвещения середины XVIII века)», состоявшейся 28 мая 1947 г. в Пушкинском Доме и др.; **под № 10**: удостоверения (2) к медалям: «За участие в героической обороне Ленинграда» (выдано 23 июня 1945 г.), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (выдано 4 февр. 1946 г.).

В **подразделе 1.2** под №№ 16—20 за 1924—1947 гг. находятся ед. хр. с «Автобиографическими документами» Л. Б. Модзалевского. Среди них: автобиографии ученого (1925—1945 гг.); составленные им списки научных трудов (1924—1947 гг.); три календаря-справочника Академии наук СССР за 1935—1942 гг. с записями Льва Борисовича личного характера и др.

Подраздел 1.3 «Документы об учебе» Л. Б. Модзалевского состоит из 14 ед. хр. под №№ 21—34 за 1907—1927; 1948 гг. В начале подраздела **под №№ 21, 22** находятся ед. хр. с его детскими рисунками (1907—1915 гг.) и сочинениями Льва Борисовича (1910—1913 гг.): «Мое мнение о Пушкине», «Мое мнение о Ломоносове», «Преступление и наказание», «Дурик и тень», «Толстый генерал». Далее **под**

№№ 23—34 следуют ед. хр. с документами об учебе Л. Б. Модзалевского в 1911—1927 гг.: в С.-Петербургской мужской гимназии К. И. Мая; в Хвалынской мужской гимназии; в Единой трудовой школе II ступени, в Петроградском (позднее в Ленинградском) государственном университете; в аспирантуре Научно-исследовательского института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока при ЛГУ (отчислен из-за несданного экзамена по марксисткой методологии) и др.

В **подраздел 1.4** включены 2 ед. хр. с юбилейно-поздравительными материалами ученого под №№ 35—36 за 1925—1939 гг.

Подраздел 1.5 состоит из 8 ед. хр. с документами имущественно-хозяйственного и бытового характера под №№ 37—44 за 1926—1948 гг. Среди них: **под № 38:** акт на имущество, оставшееся после смерти Б. Л. Модзалевского (составлен Л. Б. Модзалевским и Ф. М. Курдой); **под № 39:** договор купли-продажи о приобретении Академией наук СССР для Пушкинского Дома за 10 000 рублей от Л. Б. Модзалевского (и других наследников Б. Л. Модзалевского): картотеки «Personalia» библиографического характера и его научной книжной коллекции, подлинник, 1929, февр. 1; **под № 41:** «Опись портретов, предлагаемых Л. Б. Модзалевским к приобретению. Знакомые М. Ю. Лермонтова», подлинник, <1930-е гг.>; **под № 43**: документы об эвакуации из блокадного Ленинграда (1942—1944 гг.), подлинники, копии; и др.

В **подразделе 1.6** «Документы о фондообразователе» находятся 19 ед. хр. под №№ 45—63 за 1903—1950; 1987 гг. Среди них: рецензии, заметки, сообщения о научных работах Л. Б. Модзалевского, машинопись, вырезки из разных периодических изданий; отзывы на работы Л. Б. Модзалевского: Г. А. Гуковского, Н. В. Измайлова, Л. Б. Каменева (псевд.; наст. фам. Розенфельд), Г. А. Князева, И. Ю. Крачковского, Б. В. Томашевского, П. Е. Щеголева, Д. П. Якубовича и др.; письма, телеграммы разных лиц и организаций, адресованные Евг. А. Модзалевской и другим родственникам в связи со смертью Л. Б. Модзалевского; некрологи, вырезки из разных газет; документы Евг. А. Модзалевской о продаже библиотеки Б. Л. и Л. Б. Модзалевских: опись книг, составленная судебным исполнителем Татышевой; счета из Центральной книжной лавки писателей (ЛО), переписка с дирекцией Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР о покупке библиотеки Л. Б. Модзалевского и др.

В **подраздел 1.7 под №№ 64—79** включены ед. хр. с фотопортретами ученого и его фотографиями в группе с современниками за 1902—1947 гг. В конце подраздела **под №№ 80—83** расположены фотопортреты с дарительными надписями Л. Б. Модзалевскому: Б. В. Томашевского (1; за 1939 г.), П. Н. Беркова (1; за 1947 г.); Б. В. Пестинского (4; за 1912—1930 гг.), С. Я. Гессена (2; за <1930-е>—1937 гг.) на втором из них с записью на обороте — рукой Л. Б. Модзалевского:

«скончался при трагических обстоятельствах (попал под автобус 25 января 1937 г.)»; а также фотоальбом, составленный С. А. Рейсером: «Поездка в Пушкинский Заповедник, с. Михайловское, 5—7 июня 1935 г.» с видовыми, групповыми фотографиями сотрудников Музея-заповедника А. С. Пушкина и приехавших в Михайловское пушкинистов (22 фото).

Раздел 2 «Документы по деятельности Л. Б. Модзалевского» состоит из 81 ед. хр. под №№ 84—164 за 1920; 1929—1948 гг., которые систематизированы по 8 подразделам в тематико-хронологическом порядке.

Подраздел 2.1 состоит из 4 ед. хр. **под №№ 84—87** с документами по деятельности Модзалевского в ИЛИ (впоследствии ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР) за 1920; 1929—1948 гг. Среди них под **№№ 84—85** ед. хр. с удостоверением сотрудника, распоряжениями дирекции, служебными отзывами и характеристиками; повестками, программами заседаний, командировочными удостоверениями, отношениями для работы в других учреждениях и организациях; документами по деятельности в Лермонтовской группе ИЛИ АН СССР; **под № 86**: трудовой договор на заведование фондами Пушкина, Лермонтова, на руководство Лермонтовским кабинетом; **под № 87**: «Записка по разработке плана издания дневников и переписки А. И. Тургенева (Из архива братьев Тургеневых) в Рукописном отделе Пушкинского Дома», автограф, машинопись, 1945, нояб. 21.

В подразделе 2.2 находятся 3 ед. хр. под №№ 88—90 за 1925—1948 гг. с материалами по деятельности Льва Борисовича в Архиве АН СССР и в Комиссии по истории АН СССР: справки, распоряжения, характеристики, повестки на заседания, командировочные удостоверения, издательские планы и отчеты; заявление на увольнение с работы в Архиве АН СССР; постановление Президиума АН СССР об утверждении членом Комиссии по истории АН СССР, материалы по деятельности в Юбилейной комиссии по подготовке к 150-летию со дня рождения Н. И. Лобачевского и др.

В подраздел 2.3 включены ед. хр. **под №№ 91—101** за 1943—1945 гг. 11 ед. хр. с документами по деятельности Л. Б. Модзалевского в Музейной и Архивной комиссии при Президиуме АН СССР: выписка из Протокола № 6 от 15 июня 1943 г. Распорядительного заседания Президиума АН СССР об утверждении состава Комиссии и назначением Л. Б. Модзалевского ее ученым секретарем; командировочные удостоверения, акты, отчеты, докладные записки Л. Б. Модзалевского об инспекционных командировках по обследованию состояния и условий хранения эвакуированных ценностей, принадлежавших АН СССР. Среди них **под № 94**: переписка Л. Б. Модзалевского с Н. С. Державиным, академиком, зам. председателя Музейной и Архивной комиссии; под **№ 95:** переписка Л. Б. Модзалевского с В. А. Мануйловым, ответственным хранителем неэвакуированных фондов Пушкинского Дома;

под № 96: переписка Л. Б. Модзалевского с Л. М. Добровольским, уполномоченным АН СССР по управлению и хранению архивных и музейных фондов, эвакуированных из Пушкинского Дома в Новосибирск; **под № 97:** переписка Л. Б. Модзалевского с В. А. Ждановым, уполномоченным Государственного музея Л. Н. Толстого по управлению и хранению архивных и музейных фондов, эвакуированных в Томск; **под № 98**: переписка Л. Б. Модзалевского с В. М. Дьяковым, уполномоченным АН СССР по управлению и хранению архивных и музейных фондов, эвакуированных в Казань, и др.

В подразделе 2.4 под **№№ 102—123** за 1920—1948 гг. находятся ед. хр. с документами Л. Б. Модзалевского по деятельности в других Обществах и Комиссиях: материалы по его деятельности в Ленинградском обществе библиофилов (впоследствии Общество коллекционеров) за 1920—1948 гг.; в Пушкинском обществе за 1922; 1930—1948 гг., среди них **под № 103**: заявление членов Пушкинского общества председателю, В. А. Мичуриной-Самойловой, о ненадлежащей подготовке к проведению Всесоюзного празднования 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина; материалы по деятельности в Ленинградском обществе библиофилов (впоследствии Общество «Старый Петербург — Новый Ленинград») за 1928—1935 гг., среди них **под № 105**: приглашение Президиума Комиссии по изучению кладбищ на открытие 23 дек. 1928 г. мемориальной доски на стене Георгиевской церкви кладбища Большой Охты в ознаменование 100-летия кончины няни А. С. Пушкина Арины Родионовны; материалы по деятельности в Пушкинской комиссии (в 1933—1947 гг.), среди них **под № 109**: пригласительный билет Ленинградской областной Пушкинской комиссии на закладку памятника А. С. Пушкину на Биржевой площади (10 февр. 1937 г.); объявление об организации конкурса Пушкинской комиссии при ЛО Союза художников и Ленинградском Товариществе художников ЛЕНИЗО (председатель — заслуженный деятель искусств К. С. Петров-Водкин) на художественные произведения, посвященные пушкинским темам, и др.

Подраздел 2.5 состоит из ед. хр. **под № 124** с материалами по педагогической деятельности Льва Борисовича за 1942—1947 гг. в Воронежском государственном университете, который в годы войны был эвакуирован в Елабугу: удостоверение, справка о работе на кафедре русской литературы, протоколы заседаний кафедры филологии, объединенных заседаний кафедры русской, всеобщей литературы и языкознания; отчет о работе историко-филологического факультета за 1942—1943 г. и др.

В подразделе 2.6 под №№ 125—154 за 1929—1948 гг. в хронологическом порядке находятся ед. хр. с договорами, соглашениями на издания научных работ Л. Б. Модзалевского. Среди них: **под № 134**: договор с киностудией «Ленфильм» о консультации по историческому пушкинскому материалу для кинофильма «Юность поэта» и кон-

сультации по снимаемому в киностудии материалу картины, подлинник, 1936, окт. 5 — 1937, февр. 1; **под № 143**: договор с издательством АН СССР на редактирование текста и вариантов стихотворений 1832—1841 гг. для II тома академического издания собрания сочинений М. Ю. Лермонтова и составления комментариев, подлинник. Здесь же: список редактируемых им стихотворений, подлинники, 1939, июня 10 — дек. 29; **под № 148:** Трудовое соглашение с Музеем городской скульптуры о составлении характеристик научной деятельности ученых, останки которых захоронены на кладбищах г. Ленинграда, подлинник. Здесь же: составленный Л. Б. Модзалевским список лиц, умерших в 1941—1943 гг.

В подразделе 2.7 содержатся 3 ед. хр. под №№ 155—157 с документами 1929—1948 гг. по редакционной деятельности Л. Б. Модзалевского. Среди них **под № 156**: протокол редакционного совещания по изданию сочинений А. С. Пушкина под председательством А. В. Луначарского (от 27 янв. 1931 г.), на котором присутствовали: М. Я. Цявловский, Б. В. Томашевский, Ю. Г. Оксман, Д. П. Якубович, Ю. Н. Тынянов, П. Е. Щеголев, З. А. Сергеева, секретарь — Л. Б. Модзалевский; с приложением к нему Записки «Положение работ по изданию сочинений Пушкина к моменту кончины П. Е. Щеголева», машинописная копия.

В конце описи находится **подраздел 2.8**. В нем в хронологическом порядке под №№ 159—164 расположены 6 ед хр. с письмами различных издательств, редакций журналов, газет и др. за 1931—1947 гг. с просьбами к Л. Б. Модзалевскому о сотрудничестве. Среди них **под № 161**: Письма (3) из Всесоюзной книжной палаты о материалах «Русского биографического словаря», подлинники за 1938, сент. 13 — дек. 3.

Опись № 3 «Переписка Л. Б. Модзалевского» состоит из 383 ед. хр. за 1905—1948 гг., которые систематизированы по двум разделам.

В **раздел 3.1** «Переписка с родственниками» включены ед. хр. **под №№ 1—53** за 1905—1948 гг. Он имеет два подраздела.

В **подразделе 3.1.1** под №№ 1—16 в алфавитном порядке фамилий корреспондентов расположены ед. хр. с письмами Л. Б. Модзалевского к родственникам за 1912—1948 гг.

В **подразделе 3.1.2** под №№ 17—53 в алфавитном порядке фамилий корреспондентов находятся письма родственников к Л. Б. Модзалевскому за 1905—1948 гг.

В Раздел 3.2 «Переписка Л. Б. Модзалевского с другими лицами» включены ед. хр. под №№ 54—383 за 1924—1948 гг.

В подразделе 3.2.1 в алфавитном порядке фамилий адресатов Модзалевского расположены ед. хр. с «Письмами Льва Борисовича к другим лицам» под №№ 54—79 за 1925—1948 гг. В **подразделе 3.2.2** — в алфавите фамилий его корреспондентов находятся ед. хр.

с «Письмами других лиц к Л. Б. Модзалевскому» под №№ 80—383 за 1924—1948 гг.

Опись № 4: «Материалы родственников Л. Б. Модзалевского и других лиц: материалы Н. Н. Модзалевской (урожд. Граве), 1-й жены; материалы детей Н. Н. и Л. Б. Модзалевских; материалы Модзалевской (урожд. Фаворской, в 1-м браке Брюн) Евгении Алексеевны, 2-й жены; материалы детей Е. А. и Л. Б. Модзалевских; материалы Фаворской (урожд. Додоновой) Варвары Николаевны, тещи; материалы Модзалевской (урожд. Гувениус (Говениус), в 1-м браке Висковатовой) Варвары Николаевны, мачехи; материалы других лиц (1904—1958 гг.)»

Биографические сведения о родственниках Л. Б. Модзалевского.

1. Модзалевская (урожд. Граве) Наталия Николаевна, первая жена Л. Б. Модзалевского, родилась 4 мая 1905 г. в Санкт-Петербурге в семье действительного статского советника, обер-прокурора 1-го Департамента Сената, Николая Владимировича Граве (1869, сент. 14 — 1931, авг. 22) и его жены, Наталии Александровны (урожд. Шахматовой; 1880, марта 17 — 1921, марта 3), троюродной сестры академика А. А. Шахматова[2].

По окончании (в 1922 г.) женской Демидовской гимназии в Петербурге, в 1923—1924 гг. она, обучаясь на английском отделении Фонетического института, вынужденно подрабатывала сначала в кондитерской «Крин», позднее была сверхштатным сотрудником библиотеки Пушкинского Дома. В 1930-х гг. Наталия Николаевна работала во Всесоюзном научно-исследовательском проектном Институте механической обработки полезных ископаемых библиографом и библиотекарем в Ленинградском юридическом институте. В 1942—1945 гг. была научным сотрудником Архива АН СССР; в 1946—1960 гг. стала лаборантом кафедры истории государства и права Ленинградского государственного университета.

С 29 сент. 1925 г. по 1 апр. 1937 г. состояла в браке со Львом Борисовичем Модзалевским, в котором родились трое детей: Борис, Николай и Марина.

Наталия Николаевна Модзалевская награждена медалями: «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «В память 250-летия Ленинграда», «XL лет по-

[2] Здесь и далее биографические сведения о родственниках Л. Б. Модзалевского даются на основе изд.: *Модзалевская Т. Л.* Л. Б. Модзалевский (1902—1948): страницы жизни. СПб.: [б. и.], 2009. 112 с.; *Модзалевская Т. Л.* Наша блокада: семья Модзалевских в военные годы (1941—1945): документы, письма, дневники. СПб.: Лема, 2014. 94 с.; *Модзалевская Т. Л.* Модзалевские-Ребиндеры: история семей и родственные связи. СПб.: Лема, 2018. 138 с. *Модзалевская Т. Л.* Модзалевские: история семей пяти поколений. СПб.: Лема, 2021. 177 с., ил. Документы личного архива Л. Б. Модзалевского; «Дело фонда № 187», лл. 70—71.

беды в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Умерла в Ленинграде 22 февр. 1989 г. Похоронена на Волковом кладбище.

2. Модзалевский Борис Львович, старший сын Л. Б. и Н. Н. Модзалевских, родился 21 нояб. 1926 г. в Ленинграде. С 1935 г. учился в Ленинградской средней школе № 8 Василеостровского района. После эвакуации (с 5 июля 1941 г.) продолжал обучение в г. Тетюше Татарской АССР; в Елабуге (с октября 1942 г.); в Казани (с июля 1943 г.), где находился вместе с родителями. По окончании 9-го класса, 13 ноября 1943 г., был мобилизован и направлен в школу летчиков ВВС ВМФ. С августа 1945 г. в звании младшего лейтенанта нес службу в строевой части ВВС Черноморского флота. Имел боевой вылет, но после неудачного приземления был комиссован. Завершал среднее образование в вечерней школе Ленинграда и тогда же временно работал в Пушкинском Доме. 27 авг. 1949 г. поступил на физический факультет Ленинградского университета. С 4-го курса перешел на 2-й курс Военно-воздушной академии им. А. Ф. Можайского, по ее окончании в марте 1957 г. был направлен в НИИ им. В. П. Чкалова. Стал ведущим инженером-испытателем военной части в Казахстане. Участвовал в пусках крылатой ракеты «Буря», сконструированной С. А. Лавочкиным. С 1959 г. работал старшим инженером-испытателем отделения вычислительного центра на машинах ЭЦВМ «Урал-1» и «М-20» в г. Ахтубинске Астраханской области. В 1964 г. после окончания курсов программистов получил должность старшего научного сотрудника в НИИ им. В. П. Чкалова. В 1968 г. как инженер-испытатель в бригаде М. Л. Попович (1931—2017) на самолете АН-22 «Антей» занимался налаживанием радиотехнической аппаратуры новейшей авиационной техники. За успешную работу получил звание инженера-подполковника. После увольнения в запас (с 1972 г.) и до конца жизни проживал в Ленинграде.

Был награжден медалью «За боевые заслуги». В 2005 г. незадолго до смерти ему присвоили звание полковника.

Умер Б. Л. Модзалевский в Петербурге 24 сент. 2005 г. Похоронен на Волковом кладбище рядом с могилой отца.

3. Модзалевский Николай Львович, младший сын Л. Б. и Н. Н. Модзалевских, родился в Ленинграде 13 сент. 1928 г. С июля 1941 г. до 1944 г. находился в эвакуации в детском доме-интернате г. Тетюша Татарской АССР. Окончив среднюю школу, учился в Ульяновском военном училище связи им. Г. К. Орджоникидзе и в Ростовском высшем артиллерийском инженерном училище им. Главного маршала артиллерии М. И. Неделина. Затем служил в ракетных войсках. С 1975 г. после увольнения в запас в звании инженера-подполковника жил в Ленинграде.

С 1990-х гг. он собирал документы по истории родословной своих родителей: Модзалевских, Граве и о представителях родственных им фамилий.

Награжден медалями «За безупречную службу в Вооруженных Силах СССР» всех трех степеней.

Умер Н. Л. Модзалевский в Санкт-Петербурге 17 дек. 2013 г. Похоронен на Смоленском кладбище в могиле своего деда, Б. Л. Модзалевского.

4. Модзалевская Марина Львовна — дочь Л. Б. и Н. Н. Модзалевских — родилась в Ленинграде 11 нояб. 1934 г. Во время Великой Отечественной войны вместе с братьями Борисом и Николаем находилась в эвакуации в детском доме-интернате г. Тетюши Татарской АССР, затем в Казани. По возвращении в Ленинград окончила школу и физический факультет Ленинградского государственного университета. Работала в Котлотурбинном институте им. И. И. Ползунова инженером-теплотехником, защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук.

В 1956 г. Марина Львовна вышла замуж за Алексея Николаевича Лансере (1916, июня 23 — 2003, марта 6), который был сыном профессора архитектуры Н. Е. Лансере (1879—1942). Скончалась М. Л. Модзалевская 10 июня 2016 г. Похоронена на Серафимовском кладбище.

5. Модзалевская (урожд. Фаворская, в 1-м браке Брюн) Евгения Алексеевна — вторая жена Л. Б. Модзалевского — родилась в польском городе Бяла-Подляска Седлецкой губернии 25 нояб. 1909 г. в семье дворянина Алексея Ивановича (1883—1921) и Варвары Николаевны Фаворских (см. подробнее о ней биографическую справку № 10). В это время ее отец служил подпоручиком 2-й Артиллерийской бригады. В 1914 г. семья Фаворских вынуждена была покинуть Польшу и выехать в Россию. Сначала они поселились в Брянске, затем переехали в Москву, куда контуженный отец прибыл с фронта в лазарет. Пройдя курс лечения в Грузии, Фаворский до Октябрьского переворота 1917 г. служил в дагестанском городе Темир-Хан-Шуру командиром 3-й Артиллерийской батареи города (в настоящее время г. Буйнакск, Дагестан). После расформирования царской армии, чтобы прокормить семью, он вынужден был работать там чертежником, следователем окружного суда, начальником оперативного отдела Дагестанского военного округа. В Темир-Хан-Шуру Евгения училась в Пушкинской школе. В ней рисование преподавал художник Е. Е. Лансере (1875—1946), который одобрительно отзывался о способностях своей ученицы. В конце 1919 г. Алексей Иванович был арестован и сослан в Холмогорский лагерь, где скончался 5 сент. 1921 г.

После смерти отца Евгения, покинув Дагестан, выехала в Россию. Поселилась в Луге под Петроградом. По окончании (в 1928 г.) средней школы поступала в Академию художеств, но не была принята из-за своего социального происхождения, поэтому вынуждена была работать конторщицей, счетоводом в разных ленинградских учреждениях.

В 1930 г. вышла замуж за Сергея Львовича Брюна (1912—1934), который приходился двоюродным братом Л. Б. Модзалевскому, так

как был сыном тетки Л. Б. Модзалевского, Брюн Людмилы Львовны (урожд. Модзалевской, в 1-м браке Висковатовой; 1872—1950), и Льва Анатольевича Брюна (1874—1941).

После рождения в Ленинграде 7 окт. 1931 г. дочери Елены Евгения Алексеевна уехала с мужем на строительство Беломоро-Балтийского канала, где Сергей Львович работал вольнонаемным геологом. В Медвежьегорске 6 сент. 1933 г. в семье родился сын Ипполит. После смерти мужа вернулась в Ленинград. Работала в Ленинградском бюро Беломоро-Балтийского комбината техником-чертежником. Окончив в 1935 г. Курсы повышения квалификации геологов и гидрологов при филиале Энергетического института, стала старшим техником геолого-изыскательского отдела. В 1938—1940 гг. в той же должности работала сначала в Ленинградском проектно-изыскательском бюро лесного отдела ГУЛАГ НКВД. Позднее — в Ленинградском бюро Соликамского гидроузла НКВД. 2 апр. 1937 г. Е. А. Брюн вышла замуж за Л. Б. Модзалевского. В ноябре 1940 г. она стала сотрудником Института истории материальной культуры им. И. Я. Марра АН СССР, который в 1942 г. был эвакуирован в Елабугу. В первых же числах ноября 1942 г. выехавшую из блокадного Ленинграда в Елабугу Е. А. Модзалевскую как топографа включили в Волжский отряд экспедиции особого назначения под руководством зам. директора Института истории материальной культуры им. И. Я. Марра АН СССР, Сергея Николаевича Бибикова. Впоследствии он стал доктором исторических наук (с 1953 г.), членом-корреспондентом Центрального археологического института в Берлине, директором Института археологии АН СССР (1955—1968 гг.). Старшим специалистом Волжского отряда был доктор археологии (с 1934 г.), заведующий Сектором палеолита и неолита (1938—1950 гг.) Института истории материальной культуры им. И. Я. Марра АН СССР, академик АН УССР (с 1945 г.) — П. П. Ефименко.

В трудных зимних условиях 1942—1943 гг. они проводили специальные научные исследования на территории Татарской АССР по заданию Наркомата обороны СССР и Президиума АН СССР.

За проведенную работу и спешную обработку полученных данных коллектив Волжского отряда получил от руководства благодарность.

В Елабуге Евг. А. Модзалевская поступила в Воронежский государственный университет на почвенно-геологический факультет. В 1944 г. в связи с переездом в Казань, по месту службы мужа, была переведена в Казанский университет. Возвратившись из эвакуации, завершила (в 1947 г.) высшее образование в Ленинграде и была оставлена в аспирантуре университета на кафедре палеонтологии.

После защиты (7 июня 1951 г.) диссертации на соискание ученой степени кандидата геолого-минералогических наук «Мшанки Trepostomata ордовика Прибалтики и их стратиграфическое значение» стала старшим научным сотрудником отдела стратиграфии и палеонтологии Всесоюзного (ныне Всероссийского) научно-исследователь-

ского геологического института (ВСЕГЕИ), где проработала до выхода на пенсию.

Умерла Е. А. Модзалевская 18 дек. 1983 г. Похоронена на Серафимовском кладбище.

6. Брюн (в замуж. Станкевич) Елена Сергеевна — дочь Евг. А. Модзалевской (в 1-м браке Брюн) и С. Л. Брюна — родилась 7 окт. 1931 г. в Ленинграде. С 31 июня 1941 г. по сентябрь 1943 г. находилась в эвакуации, в детском доме-интернате № 16, в селе Степное Кочкарского района Челябинской области и училась в начальной школе. После реэвакуации окончила среднюю школу и геологический факультет Ленинградского университета (в 1954 г.) и аспирантуру (в 1957 г.) по специальности «палеонтология и стратиграфия». Изучала юрские аммониты, собранные на Северном Кавказе. Работала в Музее им. А. П. Карпинского, после его расформирования — в Институте озероведения РАН.

В 1955 г. вышла замуж за Евгения Константиновича Станкевича, сотрудника отдела петрографии ВСЕГЕИ. В последние годы жила в Сестрорецке. Умерла Е. Н. Станкевич 20 января 2013 г. Похоронена на кладбище поселка Песочный Ленинградской области.

7. Брюн Ипполит Сергеевич, сын Евг. А. Модзалевской (в 1-м браке Брюн) и С. Л. Брюна, родился 6 сентября 1933 г. в г. Медвежьегорске. После смерти отца проживал в Ленинграде. С 31 июля 1941 г. по сентябрь 1943 г. находился в эвакуации в селе Степное Кочкарского района Челябинской области. Учился в начальной школе при детском доме-интернате № 16, затем в Казани. После реэвакуации завершив среднее образование, обучался на кафедре исторической геологии Ленинградского университета. В 1960—1964 гг. был сотрудником отдела Дальнего Востока Всесоюзного геологического института, изучал пермские отложения на о. Сахалин. В 1964—1969 гг. возглавлял работу исследовательской группы «Пермские образования Русской платформы» в 5-м геологическом управлении. С 1969 г. в Центральном научно-исследовательском институте гидротехники им. Б. Е. Веденеева руководил группой в лаборатории инженерной геологии. С 1992 г. стал сотрудником фирмы «Стандарт-коллекция».

Женат (с 1955 г.) на Маковецкой Татьяне Львовне. 12 марта 1964 г. у них родилась дочь Ирина.

8. Модзалевская Татьяна Львовна, старшая дочь Л. Б. и Евг. А. Модзалевских, родилась 7 нояб. 1937 г. в Ленинграде. С 31 июля 1941 г. до сентября 1943 г. вместе со своими сводными сестрой и братом Е. С. и Ип. С. Брюнами находилась в эвакуации в детском доме-интернате № 16, в селе Степное Кочкарского района Челябинской области, затем с родителями в Казани. После возвращения в Ленинград получила среднее образование, поступила в Гидрометеорологический институт. С четвертого курса училась в Горном институте. С 1957 г. одновременно работала во Всесоюзном (ныне Всероссийском) геологическом ин-

ституте. Получив диплом горного инженера-геолога, занималась палеонтологией и стратиграфией.

Т. Л. Модзалевская — специалист по изучению материалов, собранных в геологических экспедициях на севере Сибири, Сетте-Дабане, Приполярном Урале, в Подолии (юго-запад Украины), в Средней Азии и Казахстане.

Автор более 140 статей, монографий (3), относящихся к изучению биостратиграфии различных регионов России (Таймыр, Большеземельская тундра, Арктические острова, Вайгач, Новая Земля, Северная Земля, Новосибирские о-ва, о-в Котельный) и прилегающих к ним территорий.

Помимо научных работ Татьяна Львовна выпустила в свет целый ряд биографических книг, посвященных представителям нескольких поколений рода Модзалевских и родственным им фамилиям, которые внесли ценный вклад в развитие разных областей науки, культуры России и Украины.

В 1962 г. она стала женой Сергея Ивановича Стрельникова, который родился 30 сент. 1938 г. в семье профессора, доктора биологических наук Ивана Дмитриевича Стрельникова (1897—1981).

9. Модзалевская Людмила Львовна, младшая дочь Л. Б. и Евг. А. Модзалевских, родилась в Ленинграде 21 апр. 1941 г. Умерла 4 авг. 1942 г. в блокадном Ленинграде.

10. Фаворская (урожд. Додонова) Варвара Николаевна, теща Л. Б. Модзалевского, родилась в Петербурге 5 апр. 1890 г. в семье Додонова Николая Васильевича (1862—1919), комиссара по крестьянским делам, и его жены — Прасковьи Сергеевны (урожд. Богданович; годы жизни не установлены). В 17 лет вышла замуж за Алексея Ивановича Фаворского (1883, июня 2 — 1921, мая 9), который служил артиллеристом сначала в Польше, позднее в Дагестане. В семье было трое детей: старшая дочь Ксения (1908—1986), младшая Евгения (о ней см. подробнее в биографической справке № 5) и сын Леленька (родился 23 февр. 1914 г.; полное имя не установлено, скончался в малолетнем возрасте).

По окончании школы Варвара Николаевна служила в 1919—1923 гг. в Народном комитете просвещения и в Районном отделении образования Дагестана. Переехав в Петроград, с середины 1920-х гг. по 1930 г. работала письмоводителем Вутковского лесничества Ленинградской губернии, делопроизводителем при инспекторе лесов Лужского уезда, счетоводом Ульяновского лесничества Ленинградского округа. Пережив первую блокадную зиму в Ленинграде, она вместе с Л. Б. и Евг. А. Модзалевскими была эвакуирована в Елабугу. Последние годы ее жизни прошли в Ленинграде в семье Модзалевских. Скончалась В. Н. Фаворская 8 мая 1968 г. Похоронена на Серафимовском кладбище.

11. Модзалевская (урожд. Гувениус (Говениус); в 1-м браке Висковатова) Варвара Николаевна, мачеха Л. Б. Модзалевского, родилась в Петербурге 17 дек. 1871 г.

В 1891 г. окончила Коломенскую гимназию, затем педагогические курсы при Фребелевском обществе и курсы обучения глухонемых. Получила диплом домашней учительницы. С 1915 г. по вольному найму работала в Пушкинском Доме. С 1 июля 1919 г. (по другим сведениям — с 1 июня 1920 г.) до окт. 1926 г. состояла в штате Пушкинского Дома научным сотрудником II разряда.

12 июня (31 мая ст. стиля) 1919 г. вышла замуж за Б. Л. Модзалевского. Занималась воспитанием и обучением его старших детей от первого брака с Екатериной Васильевной Решеткиной.

Умерла 2 нояб. 1937 г. Ленинграде. Похоронена на Смоленском кладбище, в могиле мужа, Б. Л. Модзалевского.

В результате НТО **описи № 4 «Материалы родственников Л. Б. Модзалевского и других лиц»** сформировано 151 ед. хр. за 1904—1956; 2005 гг., которые систематизированы по 7 разделам.

В **первом разделе** под №№ 1—16 содержатся ед. хр. с материалами Н. Н. Модзалевской (урожд. Граве), первой жены Л. Б. Модзалевского, за 1915—1944 гг. В нем два подраздела. **В 1-м подразделе** в хронологическом порядке находятся биографические материалы Наталии Николаевны за 1915—1926 гг.: документы по обучению в Демидовской женской гимназии (1915—1918 гг.), анкета со сведениями об образовании и семейном положении (1918 г.), а также удостоверение о работе в Пушкинском Доме (1926 г.).

В начале **2-го подраздела** «Переписка Н. Н. Модзалевской с разными лицами» под №№ 4—12 за 1915—1944 гг. расположены по алфавиту фамилий адресатов ед. хр. с письмами Наталии Николаевны к разным лицам. Среди них **под №№ 7, 10, 12** находятся ее письма из блокадного Ленинграда, адресованные детям: Борису, Николаю и Марине Львовичам Модзалевским в детский дом-интернат АН СССР Татарской АССР и др. За ними **под №№ 13—16** за 1921—1942 гг. в алфавитном порядке находятся ед. хр. с письмами корреспондентов Н. Н. Модзалевской: Б. Л. Модзалевского, старшего сына (13 п., 1936, нояб. — дек. 10, из Ленинграда в Ленинград); Н. Л. Модзалевского, младшего сына (1 п., 1942 г. из детского дома-интерната АН СССР в Татарской АССР — в Ленинград).

Второй раздел «Материалы детей Н. Н. и Л. Б. Модзалевских» **под №№ 17—42** за 1926—1950; 2005 гг. состоит из трех подразделов. В подраздел 2.1 включены ед. хр. **под №№ 17—32** с документами старшего сына Л. Б. и Н. Н. Модзалевских — Бориса Львовича Модзалевского — за 1926—1946; 2005 гг.

В начале **подраздела 2.1** в хронологическом порядке **под №№ 17—20** расположены ед. хр. с биографическими материалами Бориса: ав-

тобиографиями, анкетными сведениями, справками по обучению в средней школе (1935 г.), рекомендательными письмами С. И. Вавилова и члена президиума АН СССР Н. С. Державина (1943, июля 19 — авг. 1) с просьбой о приеме Бориса в Ленинградскую военно-воздушную академию или в Военно-морское училище им. М. В. Фрунзе и др.

В конце подраздела 2.1 **под № 20** находится фотопортрет Б. Л. Модзалевского за 2005 г.

В **двух подподразделах 2.1.2.1 и 2.1.2.2** по алфавитам фамилий адресатов и корреспондентов расположены ед. хр. старшего сына Л. Б. Модзалевского с разными лицами за 1926—1950 гг. Среди адресатов Бориса за 1934—1950 гг. были: мачеха отца — В. Н. Модзалевская (16 п., детские рисунки; 1934, июня 16 — 1936, нояб. 27, из Луги, из Ленинграда — в Ленинград); 2-я жена отца — Евг. А. Модзалевская (3 п.; 1948, июня 7 — 1950, авг. 10, из Крымской обл. ст. Сарабуз, из Ленинграда — в Ленинград); брат Николай (4 п.; 1942, нояб. 7 — 1943, июня 10, в детский дом-интернат АН СССР, г. Тетюши, Татарской АССР — из Елабуги). Борису писали: его первая жена, Ирина (1 п.; 1948, мая 28, из Крымской обл. — в Крымскую обл.); А. Б. Модзалевская, старшая сестра отца (1 п., 1 тел.; 1942, нояб. 20; б. г., июня 3); Н. Л. Модзалевский, брат (2 п.; 1943, февр. 5 — мая 31, из детского дома-интерната АН СССР — в Елабугу); и др.

Подраздел 2.2 под **№№ 33—38** составляют материалы за 1940—1946 гг. Николая Львовича, младшего сына Л. Б. и Н. Н. Модзалевских. В нем в **подподразделе 2.2.1 под № 33** за ед. хр. с автобиографией Николая (1946 г.) следует ед. хр. под № 34 с другими его биографическими материалами за 1940, марта 1 — 1944, июня 27: детское сочинение Николая «Сказка о великане», рисунки; документы по обучению в средней школе в Ленинграде, в г. Тетюше и в Казани.

В **подразделе 2.2.2** «Письма разных лиц к Н. Л. Модзалевскому» под **№№ 35—38** находятся в алфавитном порядке фамилий корреспондентов. Корреспондентами Николая были: сводные брат и сестра — Брюны Ипполит и Елена Сергеевичи, находившиеся в детском доме-интернате (от Главгидростоя НКВД), в селе Степное Кочкарского района Челябинской области; двоюродный брат, сын А. Б. Модзалевской (в замуж. Брюн), старшей сестры Л. Б. Модзалевского, — Георгий Алексеевич Брюн, служивший в действующей армии; Ващенко Елена Николаевна, тетка (родная сестра матери), учившаяся в эвакуированном Воронежском университете в Елабуге.

В **подразделе 2.3** «Письма разных лиц к Марине Львовне, дочери Н. Н. и Л. Б. Модзалевских» под **№№ 39—42** находятся 4 ед. хр. за 1942—1945 гг. с адресованными к ней письмами в детский дом-интернат АН СССР г. Тетюши Татарской АССР: от М. Ф. Князевой (1 п., 1942, июля 11, из Ленинграда); от тетки, Е. Н. Ващенко (2 п., 1942, дек. 9 — 1943, авг. 26, из Елабуги); от Ирины Гуреевой (1 п., 1943, но-

яб. 23, из села Новая пристань, станция Сулея, бюро № 7 НКВД — в Казань), однокашницы по обучению в школе при детском доме-интернате АН СССР; и от Галины Диль, подруги по обучению в школе г. Казани (1 п., 1945 г., янв. 24, из Казани — в Ленинград).

Раздел 3 «Материалы Модзалевской (урожд. Фаворской, в 1-м браке Брюн), 2-й жены Л. Б. Модзалевского» состоит из ед. хр. под **№№ 43—81** за 1930—1956 гг.

В начале **подраздела 3.1** «Материалы к биографии Е. А. Модзалевской» за 1930—1959 гг. **№№ 43—52** за 1931—1954 гг. расположены: автобиография, записи биографического характера Евгении Алексеевны (1940—1942 гг.) и свидетельство о браке (1931 г., февр. 15) с первым мужем, С. Л. Брюном. Среди других документов этого подраздела, которые далее следуют в хронологическом порядке, находится под **№ 48** ед. хр. со служебной «Запиской», составленной 5 авг. 1945 г. начальником Волжского отряда экспедиции особого назначения, С. Н. Бибиковым.

Она была направлена в военкомат Василеостровского района г. Ленинграда с представлением к награждению медалью «За победу над Германией» коллектива экспедиционного отряда (в том числе и лаборанта-топографа Евг. А. Модзалевской). Отряд провел успешную работу по особому заданию Наркомитета обороны СССР и Президиума АН СССР в трудных зимних условиях 1942—1943 гг. на территории Татарской АССР.

За ней расположены ед. хр. под **№№ 49—50** с документами Модзалевской по обучению в аспирантуре Ленинградского университета за 1949—1951 гг. и ее защите диссертации (7 июня 1951 г.) на звание кандидата геолого-минералогических наук на тему: «Мшанки Trepostomanata ордовика Прибалтики и их стратиграфическое значение».

В конце подраздела 3.1 под **№№ 51—52** находятся ед. хр. с хозяйственно-бытовыми материалами Евгении Алексеевны за 1943—1954 гг. и ее фотопортрет (2 экз.), подлинник (1943 г., марта 30).

В **подраздел 3.2** включена «Переписка Евг. А. Модзалевской с разными лицами» под **№№ 53—81** за 1937—1956 гг. В нем ед. хр. традиционно расположены по двум алфавитам: по фамилиям адресатов Модзалевской за 1937—1950 гг. и по фамилиям ее корреспондентов за 1930—1950-е гг. Сохранилось три письма Евгении Алексеевны. Одно из них адресовано П. Н. Беркову (1950-х гг.), два других — свекрови, В. Н. Модзалевской (урожд. Гувениус) за 1930-е гг.

Среди корреспондентов Евг. А. Модзалевской были: А. И. Бонди, жена пушкиниста С. М. Бонди; архивист, генеалог Я. Н. Жданович; сотрудница ЛО Архива АН СССР Е. С. Кулябко; помощник директора Пушкинского Дома М. М. Калаушин, который в 1942 г., находясь в эвакуации в Ташкенте, настойчиво советовал Модзалевским переехать туда из Елабуги; пушкинист Т. Г. Цявловская.

Получала Евгения Алексеевна письма и от близких родственников: от сестры, К. Е. Кочетковой (урожд. Фаворской), из Тикси; от дочери Елены и сына Ипполита из детского дома-интерната; от внучатой племянницы, Н. Е. Зиминой, из Воркуты. Сюда в 1946 г., по надуманному обвинению в шпионаже в пользу англичан, она была выслана из Архангельска вместе с матерью, Наталией Львовной Брюн, работавшей там переводчицей в англо-советской миссии по приему судов и конвоев, и др.

В раздел 4 «Материалы детей Л. Б. и Евг. А. Модзалевских» под №№ 82, 83 включены ед. хр. с материалами Татьяны Львовны и Людмилы Львовны, дочерей Л. Б. и Евг. А. Модзалевских, за 1942—1943 гг. В нем находятся детские рисунки военных лет их старшей дочери Татьяны; а также медицинские документы младшей дочери Людмилы (1941, апр. 21 — 1942, июля 11), скончавшейся в младенчестве в блокадном Ленинграде 31 авг. 1942 г.

В разделе *5* находятся **«Материалы Фаворской (урожд. Додоновой) Варвары Николаевы, тещи Л. Б. Модзалевского» под №№ 84—86** за 1927—1949 гг. В подразделе 5.1 «Материалы к биографии В. Н. Фаворской» **под № 84** расположена ед. хр. с жилищно-бытовыми документами Варвары Николаевны за 1927—1949 гг. За ней следует **подраздел *5.2*** «Письма разных лиц к В. Н. Фаворской» **под № *85*** за 1940—1946 гг.: Л. Л. Брюн (урожд. Модзалевская), тетка и теща Л. Б. Модзалевского: 4 п., 1941, нояб. 12 — 1946, марта 28; б. д., в Ленинград; и **под № 86** ед. хр.: К. Е. Кочетковой (урожд. Фаворская, дочь В. Н. Фаворской): 5 тел., 1940, июля 2 — <1943> гг., в связи с ее возвращением с полярной станции на Тикси в Ленинград.

Раздел 6 «Материалы Модзалевской (урожд. Гувениус, в 1-м браке Висковатовой) Варвары Николаевны», мачехи Л. Б. Модзалевского содержит 16 ед. хр. за 1912—1938 гг. под **№№ 87—102**. В **подразделе 6.1 под №№ 87, 88** находятся ед. хр. с биографическими документами Варвары Николаевны за 1928—1938 гг.: пенсионная книжка; письма и телеграммы к родственникам в связи с ее смертью; квитанции похоронной конторы Смоленского кладбища и др.

В **подразделе 6.2** «Письма разных лиц к В. Н. Модзалевской» **под №№ 89—102** за 1912—1937 гг. расположены в алфавите фамилий корреспондентов письма родственников и знакомых, адресованные В. Н. Модзалевской. Среди них: М. Ф. Князева, 8 п., 1 тел., 1936, сент. 2 — 1937, февр. 8; из Москвы — в Ленинград; З. Ланская, 1 п. на открытке: Вильна. Памятник А. С. Пушкину. (№ 3-е изд. № 2127), 1933, дек. 12, в Ленинград; В. Б. Модзалевский, брат Л. Б. Модзалевского, 1 п., 1932, апр. 2, из Мурманска — в Ленинград; и др.

Раздел 7 «Материалы других лиц» составляют 49 ед. хр. под **№№ 103—151** за 1904—1948 гг. В нем три подраздела. В **подразделе 7.1** — в хронологическом порядке под **№№ 103—106** — находятся

ед. хр. С биографическими документами И. И. Векслера (1945 г.), Ш. Б. Лифа (1942 г.), З. Н. Пушкаревой (1947 г.), а также машинописная копия за подписями П. Н. Миллера и П. П. Устинова «Протокола посещения и осмотра усадьбы “Яропольцы” Волоколамского уезда Московской губернии представителями организаций города Москвы 16—17 июня 1928 г., организованного Пушкинской комиссией секции “Старая Москва” и Обществом изучения Московской губернии».

В подразделе 7.2 в алфавитном порядке расположены **под №№ 107—139** 33 ед. хр. с творческими материалами других лиц за 1904—1948 гг. Среди них: А. И. Бонди «Отражение творчества Ч. Диккенса в русской литературе», канд. диссертация, машинопись, 1940—1943 гг.; В. В. Гиппиус «История русской литературы», лекции для VI—VIII классов 47-й Женской гимназии М. Н. Стоюниной, записанные М. Слободзинской, гектограф, 1908—1909 гг.; А. Л. Слонимский, киносценарий по одноименному роману А. С. Пушкина «Дубровский» (режиссер фильма — А. В. Ивановский), машинопись, 1936 г.; Н. В. Измайлов «Работа для издания “Письма Пушкина” (т. III и IV, 1831—1837 годы)», записка, машинопись, 1931, мая 4; М. С. Цявловский «Библиография воспоминаний о Пушкине», машинопись, <1930 гг.>; и др.

В подразделе 7.3 по алфавиту фамилий адресатов **под №№ 140—151** следуют ед. хр. с письмами разных лиц к разным лицам за 1929—1948 гг. Среди них **под № 141**: Н. Ф. Бельчиков к Ю. Г. Оксману, 1 п., 1929 г., сент. 9; **под № 151**: Д. П. Якубович к М. А. Цявловскому, 1 п., 1938 г. сент. 27; и др.

В результате НТО описи **№ 5: «Документы родственников Н. Н. Модзалевской (урожд. Граве), 1-й жены Л. Б. Модзалевского»** сформировано 162 ед. хр. за 1804—1940; 1991 гг. Они систематизированы по схеме родословия и включены в 4 раздела: материалы Граве Ивана Семеновича, прадеда; материалы Граве Владимира Ивановича, деда; материалы Граве Николая Владимировича, отца, и его родственников; материалы родственников Н. Н. Модзалевской по побочной линии, 162 ед. хр. за 1804—1940; 1991 гг.[3]

1. **Граве Иван Семенович** (1789, янв. 20, Тамбовская губ. — 1839, июня, 6) — прадед Н. Н. Модзалевской, сын Граве Семена Даниловича, исправника нижнего земского суда города Елатьма Тамбовского наместничества, и его жены Граве Анны Алексеевны. И. С. Граве служил в артиллерийских войсках. В 1812 г. был участником Смоленского и Бородинского сражений. После ранения переведен в Ведомство путей сообщения. В середине 1830-х гг. — возглавлял отделение Цинского судоходства. В 1836—1838 гг. служил инспектором изысканий Брест-Литовского шоссе. Был женат на Анне Никаноровне Богдано-

[3] Биографические сведения о родственниках Н. Н. Модзалевской даются на основе работы Л. Б. Модзалевского «Материалы к родословной рода дворян Граве», находящейся в РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 1, ед. хр. 104.

вой. Имел семерых детей (см.: 1. Материалы Граве Ивана Семеновича, прадеда Н. Н. Модзалевской (1804—1836; 1856)).

2. **Граве Владимир Иванович** (1817, марта 8 — 1892, февр. 27), дед Н. Н. Модзалевской; тайный советник, полковник железнодорожных войск. В 1837 г. окончил Институт Корпуса инженеров путей сообщения с чином прапорщика. Был оставлен при Институте, позднее руководил работами в Лисинском учебном лесничестве при Министерстве государственных имуществ. В 1840—1850-х гг. возглавлял строительство Николаевской железной дороги и разводного моста через реку Волхов, а также участка железной дороги от Петербурга до Гатчины. В 1863 г. восстанавливал в Северно-Западном крае и в Царстве Польском прерванное мятежниками сообщение по железной дороге Петербург — Варшава. Был трижды женат: в первом браке на Екатерине Васильевне Каховской, во втором — на Юлии Павловне Женетт, в третьем — на Надежде Трофимовне Морозовой (см.: 2. Материалы Граве Владимира Ивановича, деда Н. Н. Модзалевской, полковника железнодорожных войск, и его родственников; 1805—1940; 1991).

3. **Граве Николай Владимирович** (1844, дек. 3 — 1901, апр. 8, Царское Село), старший сын В. И. Граве от 1-го брака с Е. В. Каховской; сводный дядя Н. Н. Модзалевской; коллежский советник (см.: 2.4.1. Материалы детей В. И. Граве от 1-го брака с Е. В. Граве (урожд. Каховской; 1862—1875)).

4. **Граве Владимир Владимирович** (1850, марта 16 — 1917, мая 23, Петербург), младший сын В. И. Граве от 1-го брака с Е. В. Каховской; сводный дядя Н. Н. Модзалевской. Окончил Императорское Училище правоведения с чином коллежского секретаря. Член Санкт-Петербургской судебной палаты, член Санкт-Петербургского суда, отставной действительный статский советник. Был женат на Анне (Нине) Николаевне Суровцевой (см.: 2.4.1. Материалы детей В. И. Граве от 1-го брака с Е. В. Граве (урожд. Каховской; 1862—1875)).

5. **Граве Владимир Владимирович** (1863, авг. 25 — 1927, окт. 13/26, Ленинград), старший сын В. И. Граве от 3-го брака с Н. Т. Морозовой; родной дядя Н. Н. Модзалевской. По окончании Николаевского кадетского корпуса служил (с 1885 г.) в Николаевском кавалерийском училище, позднее — в лейб-гвардии Кирасирском полку и в штабе войск гвардии С.-Петербургского военного округа. С 1910 г. принят на должность библиотекаря Николаевского кавалерийского училища по вольному найму. В 1917 г. член Совета Георгиевского комитета. Был женат на Антоновой Христине Георгиевне (см.: 2.4.2. Материалы родных дяди и тетки Н. Н. Модзалевской; детей В. И. Граве от 3-го брака с Н. Т. Морозовой (1875—1919)).

6. **Граве (в замуж. Изыльметьева) Мария Владимировна** (1865, февр. 19 — 1941, дек. 8.), дочь В. И. Граве от 3-го брака с Н. Т. Морозовой, родная тетка Н. Н. Модзалевской. Жена (с 1 нояб. 1892 г.)

Изыльметьева Владимира Федоровича, выпускника Николаевского кавалерийского училища, впоследствии полковника артиллерии (см.: 2.4.2. Материалы родных дяди и тетки Н. Н. Модзалевской; детей В. И. Граве от 3-го брака с Н. Т. Морозовой; 1875—1919).

7. **Граве Николай Владимирович** (1869, авг. 14 — 1931, авг. 22, Ленинград), младший сын В. И. Граве от 3-го брака с Н. Т. Морозовой; отец Н. Н. Модзалевской. По окончании Императорского Училища правоведения с чином губернского секретаря служил в Департаменте герольдии Правительствующего Сената. Впоследствии действительный статский советник, исполнял обязанности обер-прокурора I-го Департамента Сената. В 1920-х гг. — научный сотрудник академической Комиссии «Наука в России» (впоследствии «Наука и научные работники в СССР»). Снят с работы без права службы. Был женат с 1904 г. на Наталии Александровне Шахматовой. Имел двух дочерей: старшая — Наталия Николаевна (1905, апр. 5 — 1989, февр. 19), впоследствии первая жена Л. Б. Модзалевского; младшая — Елена Николаевна, в замужестве Ващенко (см.: 3. Материалы Граве Николая Владимировича, отца Н. Н. Модзалевской и его родственников; 1875—1930).

8. **Граве Николай Иванович** (1815, июля 16 — 1844, нояб. 27, Петербург), старший брат В. И. Граве, двоюродный дед Н. Н. Модзалевской. Воспитанник Университетского Благородного пансиона. В 1838 г. — кандидат прав юридического факультета С.-Петербургского университета (см.: 2.5. Материалы двоюродных дедов и дядей Н. Н. Модзалевской, братьев и племянников В. И. Граве; 1830—1940).

9. **Граве Семен Иванович** (1818, марта 24 — 1883, дек. 23, Петербург), средний брат В. И. Граве, двоюродный дед Н. Н. Модзалевской. Окончил Институт Корпуса инженеров путей сообщения. Впоследствии — действительный статский советник. Участвовал в строительстве Николаевской железной дороги. Холост (см.: 2.5. Материалы двоюродных дедов и дядей Н. Н. Модзалевской, братьев и племянников В. И. Граве; 1830—1940).

10. **Граве Аполлон Иванович** (1820, дек. 10. — 1891, окт. 8, Петербург), младший брат В. И. Граве, двоюродный дед Н. Н. Модзалевской. Окончил Институт Корпуса инженеров путей сообщения. Впоследствии — надворный советник, коллежский советник, почетный мировой судья Елатомского уезда Тамбовской губ. Трижды женат (см.: 2.5. Материалы двоюродных дедов и дядей Н. Н. Модзалевской, братьев и племянников В. И. Граве; 1830—1940).

11. **Граве Платон Иванович** (1820 — 1885, окт. 8, Казань), младший брат В. И. Граве, двоюродный дед Н. Н. Модзалевской. Окончил Институт Корпуса инженеров путей сообщения. Впоследствии — полковник того же Корпуса, член Казанской губернской строительной и дорожной комиссии, отставной статский советник. Женат с 1854 г. на Булыгиной Екатерине Николаевне (см.: 2.5. Материалы двоюрод-

ных дедов и дядей Н. Н. Модзалевской, братьев и племянников В. И. Граве; 1830—1940).

12. **Граве Николай Платонович** (1855, июля 22, Казань — 1902, июль 15, Казанская губ.), сын П. И. Граве, двоюродный дядя Н. Н. Модзалевской. Окончил Императорский Александровский лицей с чином губернского секретаря, впоследствии коллежский секретарь, Чебоксарско-Козьмодемьяновский предводитель дворянства Казанской губернии, действительный статский советник (см.: 2.5. Материалы двоюродных дедов и дядей Н. Н. Модзалевской, братьев и племянников В. И. Граве; 1830—1940).

13. **Граве Иван Платонович** (1874, нояб. 25, Казань — 1960, марта 3, Москва), сын П. И. Граве, двоюродный дядя Н. Н. Модзалевской. Полковник Российской императорской армии, генерал-майор инженерно-технической службы. Основатель отечественной школы баллистики, профессор, доктор технических наук, действительный член Академии артиллерийских наук, изобретатель ракет, начальник учебного отдела и начальник кафедры Артиллерийской академии РККА. Лауреат Сталинской премии (см.: 2.5. Материалы двоюродных дедов и дядей Н. Н. Модзалевской, братьев и племянников В. И. Граве; 1830—1940).

14. **Граве Дмитрий Александрович** (1863, июля 9, Кириллов Новгородской губ. — 1939, дек. 12, Киев), сын А. И. Граве (младшего брата В. И. Граве) и Варвары Леонидовны; двоюродный дядя Н. Н. Модзалевской. Российский и советский математик, академик АН УССР (1919), почетный член АН СССР (1929) (см.: 2.5. Материалы двоюродных дедов и дядей Н. Н. Модзалевской, братьев и племянников В. И. Граве; 1830—1940).

15. **Граве (урожд. Шахматова) Наталия Александровна** (1880, марта 17 — 1921, марта 3, Петроград), дочь Саратовского уездного предводителя дворянства, действительного статского советника Шахматова Александра Ивановича (1820 — 1896, окт. 7) и второй его жены Пелагеи Николаевны (урожд. Всеволожской; 1850 — 1919, февр. 4/17), мать Н. Н. Модзалевской. Окончила Саратовскую женскую гимназию, имела свидетельство домашней учительницы (см.: 3.3. Материалы Граве (урожд. Шахматовой) Наталии Александровны, матери Н. Н. Модзалевской; 1888—1922).

16. **Граве (в замуж. Ващенко) Елена Николаевна** (1906, июня 29, Гатчина — 1985, марта 2, Ленинград), младшая дочь Н. В. и Н. А. Граве, сестра Н. Н. Модзалевской. Окончила женскую Демидовскую гимназию в Петербурге, курсы иностранных языков; в 1947 г. — Ленинградский государственный университет. Работала геологом. Дважды была замужем: в 1-м браке за инженером С. С. Ващенко, во 2-м — за военным инженером Н. Ю. Шахматовым. Оба брака бездетны (см.: 3.4. Биографические документы и др. Граве (в 1-м браке Ващенко) Елены Николаевны, сестры Н. Н. Модзалевской; 1917—1927).

17. **Граве Владимир Иванович** (1790—1856, авг. 28), сын Ивана Христиановича Граве (1747—1820), секунд-майора, инструктора таможни Изяславской губ., родственника Н. Н. Модзалевской по побочной линии. В 1807—1834 гг. состоял на военной и гражданской службе: гусаром, управляющим Скопинским конным заводом; участвовал в военных кампаниях 1812—1815 гг.; имел должность губернского штаб-офицера в Одессе. Умер в чине генерал-майора Одесского корпуса жандармов. Был женат на Вегелиной Юлии Ивановне, имел четырех сыновей и четырех дочерей (см.: 4. Материалы родственников Н. Н. Модзалевской по побочной линии; 1830—1890).

18. **Граве Константин Владимирович** (1831, янв. 6 — 1900, янв. 1, Казань), сын В. И. Граве, генерал-майора Одесского корпуса жандармов, родственника Н. Н. Модзалевской по побочной линии. Закончил Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Служил в Московском и Финляндском лейб-гвардии полках, Серпуховском пехотном полку, генерал-майор (см.: 4. Материалы родственников Н. Н. Модзалевской по побочной линии; 1830—1890).

19. **Граве Владимир Владимирович** (1829 — 1893, июля 19), сын В. И. Граве, генерал-майора Одесского корпуса жандармов, родственника Н. Н. Модзалевской по побочной линии. Окончив Императорское Училище правоведения с чином коллежского секретаря, был определен во 2-й Департамент Правительствующего Сената. В 1850—1860-х гг. председатель Новгородского окружного суда, член Саратовской судебной палаты, председатель Сумского и Таганрогского окружных судов, действительный статский советник. Был женат на Юшневской Елене Семеновне (см.: 4. Материалы родственников Н. Н. Модзалевской по побочной линии; 1830—1890).

20. **Граве (урожд. Юшневская) Елена Семеновна** (1836, февр. 9 — ?), дочь декабриста Семена Петровича Юшневского и Идалии Акимовны, урожд. Вреец. Родственница Н. Н. Модзалевской по побочной линии. Воспитывалась в Киевском институте благородных девиц (см.: 4. Материалы родственников Н. Н. Модзалевской по побочной линии; 1830—1890).

21. **Граве Николай Владимирович** (1836, авг. 17 — 1908, февр. 28, Петербург), сын В. И. Граве, генерал-майора Одесского корпуса жандармов, родственник Н. Н. Модзалевской по побочной линии. Окончил Императорское Училище правоведения с первой золотой медалью и с чином титулярного советника. Впоследствии — действительный тайный советник и почетный мировой судья Санкт-Петербургского уезда. Был женат на Истоминой Ольге Константиновне, дочери адмирала К. И. Истомина и племяннице героя обороны Севастополя В. И. Истомина (см.: 4. Материалы родственников Н. Н. Модзалевской по побочной линии; 1830—1890).

В результате НТО описи № 5 «Документы родственников Н. Н. Модзалевской (урожд. Граве), 1-й жены Л. Б. Модзалевского» личного

архива Л. Б. Модзалевского (Ф. 187) сформировано 162 ед. хр. за 1804—1940 гг.; 1991 гг. Они включены в одну опись и систематизированы по схеме родословия, которая имеет 4 раздела.

Раздел 1 «Материалы Граве Ивана Семеновича, прадеда Н. Н. Модзалевской» состоит из 9 ед. хр. с биографическими документами за 1804—1836; 1856 гг. Они расположены в хронологическом порядке.

В **раздел 2** «Материалы Граве Владимира Ивановича, деда Н. Н. Модзалевской, полковника железнодорожных войск и его родственников» включены 74 ед. хр. за 1820—1940 гг. Он состоит из пяти подразделов.

Основную часть **подраздела 2.1** «Документы к биографии и по деятельности В. И. Граве» за 1835—1891 гг. составляют ед. хр. с биографическими материалами, расположенными по хронологии. В конец подраздела за *** отнесены 2 ед. хр. с портретами В. И. Граве <1860-х> и <1890-х> гг. и единица хранения с материалами по его деятельности в Министерстве путей сообщения.

Подраздел 2.2 «Переписка В. И. Граве за 1872—1900 гг.» состоит из писем В. И. Граве (**подподраздел 2.2.1**) и писем к В. И. Граве (**подподраздел 2.2.2**). В каждом подподразделе ед. хр. расположены по алфавиту имен адресатов и корреспондентов В. И. Граве.

Подраздел 2.3 «Материалы жен В. И. Граве» состоит из четырех ед. хр. за 1820—1904 гг. В нем за письмом Е. В. Граве (урожд. Каховской, 1-й жены В. И. Граве) к дочери Е. Н. Граве следуют ед. хр., относящиеся к третьей жене В. И. Граве: фотопортрет Н. Т. Граве (урожд. Морозовой), а также письма (2) разных лиц, адресованные Н. Т. Граве.

Подраздел 2.4 «Материалы детей В. И. Граве» с 12 ед. хр. за 1862—1905 гг. состоит из двух подподразделов.

Подподраздел 2.4.1 «Материалы сводных дядей Н. Н. Модзалевской; детей В. И. Граве от 1-го брака с Е. В. Граве (урожд. Каховской)» содержит 2 ед. хр. за 1862—1875 гг. **Подподраздел 2.4.2** «Материалы родных дяди и тетки Н. Н. Модзалевской; детей В. И. Граве от 3-го брака с Н. Т. Морозовой» состоит из 10 ед. хр. за 1887—1905 гг. с биографическими материалами и письмами.

Подраздел 2.5 «Материалы двоюродных дедов и дядей Н. Н. Модзалевской, братьев и племянников В. И. Граве» за 1840—1940 гг. с 5 ед. хр. — фотопортретами и письмами — Николая, Семена, Аполлона и Платона Ивановичей, родных братьев В. И. Граве, и 3 ед. хр., относящимися к Николаю и Ивану Платоновичам и Дмитрию Александровичу (сын Александра Ивановича Граве).

Раздел 3 «Материалы Граве Николая Владимировича, отца Н. Н. Модзалевской и его родственников» (1820—1945 гг.) состоит из четырех подразделов.

В **подразделе 3.1** «Статьи и документы к биографии Н. В. Граве» (1880—1925 гг.) за ед. хр. со статьями Н. В. Граве в хронологическом

порядке следуют 8 ед. хр. с разнообразными биографическими материалами.

В **подраздел 3.2** «Переписка Н. В. Граве с разными лицами» включены 39 ед. хр. за 1878—1924 гг. Он состоит из писем Н. В. Граве (**подподраздел 3.2.1**) и писем к Н. В. Граве (**подподраздел 3.2.2**). В каждом подподразделе ед. хр. расположены по алфавиту адресатов и корреспондентов.

Подраздел 3.3 «Материалы Граве (урожд. Шахматовой) Наталии Александровны, матери Н. Н. Модзалевской» состоит из двух подподразделов, в которые включены 20 ед. хр. за 1888—1922 гг.

В **подподразделе 3.3.1** «Документы к биографии» 9 ед. хр. за 1888—1922 гг. расположены в хронологическом порядке.

Подподраздел 3.3.2 «Переписка Н. А. Граве (урожд. Шахматовой)» за 1895—1921 гг. состоит из 2 ед. хр. с письмами Н. А. Граве к разным лицам за 1895—1900 гг. (**3.3.2.1**) и 6 ед. хр. с письмами разных лиц к Н. А. Граве за 1900—1921 гг. (**3.3.2.2**). В них ед. хр. расположены по алфавиту имен адресатов и корреспондентов.

В **подразделе 3.4** «Биографические документы и письмо Граве (в 1-м браке Ващенко) Елены Николаевны, сестры Н. Н. Модзалевской», за 1917—1927 гг. находятся 4 ед. хр. В нем за 3 ед. хр. с биографическими документами следует ед. хр. с письмом Е. Н. Граве к неуст. лицу.

В **раздел 4** «Материалы родственников Н. Н. Модзалевской по побочной линии» включены 7 ед. хр. за 1830—1890 гг. В нем за фотопортретом генерал-майора Одесского Корпуса жандармов В. И. Граве (1830-х гг.) находятся в хронологическом порядке разнохарактерные биографические документы его сына Владимира (за 1830—1870 гг.); фотография В. В. Граве в группе воспитанников гимназии во время их пребывания в Старой Руссе (1881 г.) и фотопортрет (1870-е гг.) его жены — Е. С. Граве (урожд. Юшневской).

В конце раздела расположены фотопортреты младших сыновей В. И. Граве — Константина (1868 г.) и Николая (1890-х гг.)

Опись 6. «Коллекции историко-литературных документов XVIII — начала XX вв.» Л. Б. Модзалевского №№ 1—158 (в т. ч. 44а)[4].

Л. К. Хитрово

---

[4] См. подробно публ.: *Хитрово Л. К.* О начале формирования личного архива Л. Б. Модзалевского в РО Пушкинского Дома: коллекция историко-литературных и общественно-политических документов XVIII — начала XX в. Л. Б. Модзалевского (Ф. 187. Опись 6) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2022 год. СПб.: Полиграф, 2022. С. 711—718.

DOI: 10.31860/978-5-918680-445-604-607

МАТЕРИАЛЫ Б. С. КУЗИНА В СОБРАНИИ М. С. ЛЕСМАНА
Фонд 840. Опись 28

Борис Сергеевич Кузин родился 28 апреля (11 мая) 1903 г. в Москве. Его отец, Сергей Григорьевич, увлекавшийся энтомологией, работал бухгалтером; мать — Ольга Бернардовна — посвятила себя семье и прекрасно играла на фортепиано. В семье было шестеро детей. Ранние детские годы Бориса прошли в Москве. В 1910 г., после смерти старшей дочери, Кузины перебрались в Подмосковье. В 1913 г. Борис поступил в знаменитую Малаховскую гимназию, где помимо европейских языков изучал латинский. В гимназические годы он, вслед за отцом, увлекся энтомологией: собирал и систематизировал насекомых.

В 1919 г. от сыпного тифа умер отец Кузина. В 1920 г. Борис, окончив гимназию, поступил в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета. Будучи студентом, он занимался научными исследованиями и одновременно был вынужден работать, чтобы оказать материальную поддержку семье. В 1924 г. после окончания курса по специальности «зоология описательная» ему предложили остаться в Зоологическом музее МГУ. В 1925—1935 гг. он одновременно работал в должности старшего научного сотрудника в Государственном Тимирязевском институте, в Институте зоологии при МГУ и Зоологическом музее МГУ, занимался энтомологией, систематикой жуков и клещей и гидробиологией.

Летом 1930 г., находясь по работе в Ереване, Кузин познакомился с О. Э. Мандельштамом, которому в это время туда же помог получить творческую командировку Н. И. Бухарин. Знакомство Кузина с О. Э. и Н. Я. Мандельштамами переросло в тесное дружеское общение, продолжившееся в Москве. В 1930 и 1933 гг. оно дважды нарушалось на короткое время арестами Бориса Сергеевича по обвинению в контрреволюционной агитации, а в 1934 г. контакты были прерваны ссылкой Осипа Эмильевича в Чердынь и затем в Воронеж. 20 июня 1935 г. особым совещанием при НКВД СССР Кузин также был осужден по 58-й статье на три года лишения свободы. Заключение он отбывал в казахстанском лагере, а затем почти шестнадцать лет, до 1953 г., провел в ссылке в тех же местах.

После освобождения из лагеря Борис Сергеевич работал на опытной сельскохозяйственной станции Шортанды (Северный Казахстан),

© Аксененко Е. М., 2024

где жил до 1944 г. Еще в начале 1930-х гг. Кузин познакомился в Москве с А. В. Апостоловой, переписка с которой продолжалась во время его ссылки. В 1939 г. Ариадна Валерьевна приехала к Борису Сергеевичу, и с этого года день 4 апреля они считали днем своей свадьбы. В дальнейшем им приходилось надолго расставаться, продолжая общение в переписке.

В 1944 г. Кузин, защитив диссертацию по теме «Акмолинская зерновая совка и борьба с ней», получил степень кандидата сельскохозяйственных наук. Затем он переехал в Алма-Ату, где работал на Республиканской станции защиты растений Казахского филиала ВАСХНИЛ. Здесь в 1951 г. он стал доктором биологических наук, защитив диссертацию по теме «Жуки-нарывники Казахстана».

Осенью 1952 г. Борис Сергеевич получил приглашение из пос. Борок Некоузского р-на Ярославской области от директора биологической станции, знаменитого исследователя Арктики И. Д. Папанина, который вызвал из Алма-Аты Кузина, как ценного специалиста, на должность энтомолога. В середине июля 1953 г. Кузин приехал в Борок и сразу стал выполнять обязанности заместителя директора по науке. Через три года станция была реорганизована в Институт биологии водохранилищ АН СССР, который в 1962 г. переименован в Институт биологии внутренних вод АН СССР[1]. Последние двадцать три года своей жизни Кузин прожил в Бороке, оставаясь на посту научного руководителя Института.

В 1960-х гг. произошла встреча и возобновилась дружба Б. С. Кузина с назначенным в приход находящегося в 47 км от Борока села Верхне-Никульское архимандритом Павлом (Груздевым), с которым он познакомился и подружился в лагере. Последние годы жизни Борис Сергеевич тяжело болел (здоровье было подорвано лагерем), но, уйдя в 1970 г. на пенсию, он не покинул любимый им Борок, ещё три года оставаясь в Институте консультантом. Умер Б. С. Кузин 26 апреля 1973 г., и был похоронен на кладбище при Троицкой церкви с. Верхне-Никульского на берегу реки Ильд.

С юности и вплоть до последних дней жизни Борис Сергеевич занимался литературным творчеством: писал стихи, прозаические произведения (преимущественно в жанре эссе), письма, которыми восхищался один из его адресатов — Л. Н. Гумилев. Долгое время имя Б. С. Кузина упоминалось литературоведами только в связи с О. Э. Мандельштамом, а его собственное литературное творчество (1930-е—1973 гг.) было известно только узкому кругу знакомых. Через четверть века после смерти ученого в 1999 г. в петербургском издательстве «Инапресс» вышла книга, подготовленная сотрудниками Российской национальной библиотеки Н. И. Крайневой и Е. А. Пережогиной по мате-

[1] Ныне учреждение Российской академии наук Институт биологии внутренних вод им. И. Д. Папанина РАН.

риалах поступившего в Отдел рукописей архива Бориса Сергеевича. В книгу вошли воспоминания, прозаические и поэтические сочинения самых различных жанров — от этико-философских эссе и лирических стихотворений до сатирических памфлетов и «смешных и неприличных» стихов, письма и дневниковые записи, а также 192 письма Н. Я. Мандельштам к Б. С. Кузину. В издание не были включены научно-естественные труды автора.

Материалы архива Б. С. Кузина в собрании М. С. Лесмана состоят из двух поступлений в Рукописный отдел ИРЛИ РАН от его вдовы Н. Г. Князевой: в 2007 г. были переданы поэтические переводы Кузина и выдержки из его писем к Н. Н. Каннегисер (Кн. пост. 2007, № 7) и в 2009 г. — научные статьи, воспоминания, стихи и фотоматериалы (Кн. пост. 2009, № 51). Источник поступления материалов в коллекцию библиофила установить не удалось. Описание этого комплекса документов отсутствует в аннотированном каталоге «Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана / сост.: М. С. Лесман, Н. Г. Князева, Н. Г. Захаренко и др. М.: Книга, 1989».

Других документов Б. С. Кузина в Рукописном отделе Пушкинского Дома не выявлено. Личные фонды ученого имеются в архивохранилищах: РНБ, ф. 1252, оп. 1—2, 195 ед. хр., 1870-е—1982; Архив РАН, ф. 1077, 40 ед. хр., 1920-е—1973.

В результате НТО оп. 28 — «Кузин Борис Сергеевич (1903—1973), ученый, биолог-теоретик, поэт, переводчик, эссеист, мемуарист, друг О. Э. Мандельштама. Научные труды; творческие материалы; биографические документы; письма Н. Н. Каннегисер к нему в собрании М. С. Лесмана (1920-е — 1973)» — сформировано 53 ед. хр. Они включены в одну опись и систематизированы по четырем разделам.

Раздел 1 «Научные труды» включает 9 ед. хр. с работами Б. С. Кузина по систематике в области биологии за 1948 — не позднее апреля 1973 г. В начале раздела находится датированная единица хранения с неполным текстом доклада «Эволюционное учение в системе биологических наук» (1948). За ней следуют 3 ед. хр. со статьей, фрагментом статьи и заметкой ученого, предположительно датированными 1940-ми гг., и 4 ед. хр. с заметками (одна без окончания), предположительно датированными 1950-ми гг. Внутри каждой группы материалы расположены в алфавите названий. Завершает раздел статья «Упадок систематики» (1960-е — не позднее апреля 1973).

Раздел 2 «Творческие материалы» (1935—1973) состоит из трех подразделов.

В подраздел 2.1 вошли 3 ед. хр. со стихотворениями и переводами. Открывает раздел единица хранения с машинописной подборкой из 76 стихотворений с крайними датами — сентябрь 1935 — <9> марта 1973 г. Далее следуют единица хранения с машинописным стихотворным сборником «Смешные и неприличные стихи» и единица хранения с автографами параллельного перевода Б. С. Кузина 28 песен из «Ма-

лого завещания» Ф. Вийона — обе датируются периодом с 1930-х — не позднее апреля 1973 г.

Подраздел 2.2 «Эссе, пародия, юмористические миниатюры и рассказы» состоит из 29 ед. хр. с прозаическими произведениями Б. С. Кузина. В начале подраздела в одном хронологическом ряду расположены 18 ед. хр. за 1957 — 26 февраля 1973 г., за ними в алфавите названий следуют 11 ед. хр. с предположительным временем создания — с 1950-х и не позднее апреля 1973 г.

В подраздел 2.3 вошли воспоминания Б. С. Кузина. В начале раздела стоит единица хранения с машинописью воспоминаний Б. С. Кузина «Об О. Э. Мандельштаме» с авторской правкой и вставками на французском языке, датированная октябрем 1970 г. Далее идут 6 ед. хр. с мемуарами автобиографического характера, первые две из них за 1965—1972 гг. расположены в хронологической последовательности, затем следуют 4 ед. хр. в алфавите названий, приблизительно датированные 1960-ми — не позднее апреля 1973 г.

Раздел 3 содержит 4 ед. хр. с биографическими документами: написанными младшей сестрой, Ольгой Сергеевной Кузиной, краткой биографией Б. С. Кузина и воспоминаниями о нем, и машинописным списком рукописей ученого с пометами и рукописными вставками, сделанными, предположительно, ее рукой. Раздел завершает единица хранения с переснимками двух фотопортретов ученого середины 1920-х и 1960-х гг.

В раздел 4 включена единица хранения с машинописными копиями фрагментов из писем Б. С. Кузина к Н. Н. Каннегисер с крайними датами — 30 ноября 1970 — 21 декабря 1972 г.

Среди материалов описи имеются неучтенные в указанном выше издании, дополняющие и расширяющие представление о Б. С. Кузине как поэте и эссеисте. В описи приводятся данные об опубликованности материалов.

Список использованной литературы

1. *Кузин Б. С.* Воспоминания. Произведения. Переписка / сост., предисл., подг. текстов, прим. и комм. Н. И. Крайневой и Е. А. Пережогиной. СПб.: Инапресс, 1999. 800 с.
2. *Крайнева Н. И., Пережогина Е. А.* «А жизнь мне была дана прекрасная...» // Московский журнал: история государства Российского. 2005. № 9. С. 14—22.

Е. М. Аксененко

DOI: 10.31860/978-5-918680-445-608-611

МАТЕРИАЛЫ М. А. ЛЕВАШОВА В СОБРАНИИ М. С. ЛЕСМАНА
Фонд 840. Опись 30

Биография поэта и прозаика, детского писателя Мстислава Александровича Левашова на сегодняшний день не была предметом специального научного исследования. К настоящему времени в печатных источниках можно найти лишь отдельные сведения о его жизни и творчестве. Родился Мстислав Александрович 1 апр. 1912 г. в Москве в семье художника. В 1932 г. поступил в Московский заочный институт советского права (ныне: МГЮА[1]) по направлению от Московского электромеханического завода им. В. И. Ленина, где он работал в это время слесарем. С 1934 г. начал писать стихи.

1 апр. 1935 г. Левашов был арестован по обвинению в контрреволюционной агитации и подделке документов, 28 октября осужден по статье 58-10, 182 УК РСФСР, но дело было прекращено. В 1937 г. он окончил юридический институт (ВЮЗИ) и затем, по некоторым данным, учился в аспирантуре.

Во время Великой Отечественной войны работал военным корреспондентом в армейской и партизанской печати, писал очерки, статьи, выступления. Печататься начал с 1941 г. Хотя критика относила Левашова вместе с М. К. Лукониным к начинающим поэтам, но отмечала, что «разбор их произведений был бы небезынтересен». Автор обзора писал: «В отношении художественном они поэты еще незрелые <...>. Но в их стихах виден человек со своей определенной индивидуальностью, со стремлением к самостоятельности»[2].

В 1940-е гг. определяется интерес Левашова к детской тематике. Издаются отдельные стихотворения в книжках-раскладках: «Пушка» (<Вильнюс>: Вильнюсский горком ЛКСМ Литвы, 1945), «Наш отряд» ([Вильнюс]: Вильнюсский горком ЛКСМ Литвы, 1945), «Скворец» (М.: Полигр.-картонаж. ф-ка Фрунз. райпромтреста, 1947), «Пернатые друзья» (М.: Полигр.-картонаж. ф-ка Фрунз. райпромтреста, 1947), выходят сборники стихов, стихотворных переложений народ-

[1] Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина; в 1937 г. — Всесоюзный юридический заочный институт (ВЮЗИ).

[2] *Трощенко Е.* Поэзия молодых // Литература и искусство. 1943. 11 сент. № 37. С. 3.

© Аксененко Е. М., 2024

ных сказок и рассказов о животных для детей младшего возраста: «Туристы» ([Вильнюс]: Вильнюсский горком ЛКСМ Литвы, 1945), «Учил Суворов» (М.: Сов. художник, 1946), «Сова» (М.: Сов. художник, 1947), «Пернатые строители» (Краснодар: Краев. кн-во, 1947), «Ветерок» (Краснодар: Краев. кн-во, типолит. изд-ва «Советская Кубань», 1947) и др.

С послевоенного времени Левашов начинает писать рассказы и повести для детей среднего и старшего школьного возраста. Писатель вел активный образ жизни, много путешествовал. В аннотации к сборнику избранных стихов, песен и рассказов М. А. Левашова, изданного к тридцатилетию его творческой деятельности, отмечалось, что автор создавал свои произведения «не в тихом рабочем кабинете. Он их писал в матросском кубрике, на сейнере, добывающем сайру в далеком Тихом океане, на привалах в диких горах Хакассии и Тувы, где он участвовал вместе с экспедицией по розыску полезных ископаемых, в горах Памира, в пустыне Кызылкум, где наши люди добывают из глубин несметные богатства: газ и нефть, воду и золото»[3].

Композиторами Ю. С. Бирюковым, Г. Н. Поповым и др. создавались песни на стихи Левашова**.** Его перу принадлежит текст широко известной детской песенки про медведя:

По проселочной дороге
Шел медведь к своей берлоге
И, шагая через мост,
Наступил лесе на хвост.
Подняла лисица крик,
Зашумел темный лес,
И медведь с испугу вмиг
На сосну большую влез... и т. д.

В 1960-е гг. вышло несколько сборников, посвященных любимой теме Левашова — авиации, и ее героям — летчикам: «Летная погода: [рассказы]» (Ташкент: Ёш гвардия, 1962); «Крылатые сердца: [очерки о летчиках]» (М.: Сов. Россия, 1963); «Трудная посадка: [рассказы]» (Ташкент: Ёш гвардия, 1963) и др. В это время он издает сборники стихов «Таежный друг» (М.: Сов. писатель, 1960), «Под крылом — тайга» (М.: Сов. Россия, 1963), «Грозовая высота» (М.: Сов. писатель, 1965), а также пишет документальную повесть «Комендант Берлина» (М.: Сов. Россия, 1965).

Сборник «Под крылом — тайга» получил восторженный читательский отклик, что побудило автора обзора читательских писем познакомиться с поэзией Левашова: «И я благодарен автору письма, — писал обозреватель, — за то, что он указал мне на хорошего, серьезного поэта с натурой путешественника, которого притягивают к себе ха-

[3] *Левашов М. А.* Знамя вручают смелым: стихи, песни, рассказы. М.: Молодая гвардия, 1964. С. 2.

рактеры мужественные и нелегкий труд — рыбаков студеных морей, разведчиков знойных пустынь и романтиков, осваивающих просторы далекого Севера»[4]. Эта фундаментальная особенность биографии и творчества Левашова вводит его в круг подобных ему детских писателей-натуралистов и путешественников, что отмечалось в статье Г. В. Рой и Е. Н. Ереминой[5].

В начале 1970-х гг. Мстислав Александрович написал книги для взрослой аудитории: «Талгарский полк: [1073-й полк Панфиловской дивизии]» (Алма-Ата: Казахстан, 1972) и «Будни живописца: страницы жизни засл. деят. искусств РСФСР А. Н. Комарова» (М.: Моск. рабочий, 1972).

Писатель четверть века дружил с С. М. Городецким, а В. А. Рождественского считал своим учителем и другом. Рекомендации в члены Союза советских писателей Левашову давали Н. Н. Асеев, С. М. Городецкий, М. В. Исаковский, С. В. Михалков, Л. Н. Сейфуллина.

Сборники стихов и рассказов Левашова иллюстрировали художники В. А. Ватагин, В. Г. Егоров, К. М. Молчанов и др.

Умер писатель 2 окт. 1974 г. в Москве.

Материалы из архива М. А. Левашова были переданы в Рукописный отдел ИРЛИ РАН в 1998 г. в составе очередного поступления документов из собрания М. С. Лесмана его вдовой Н. Г. Князевой (Кн. пост. 1998, № 37б). В аннотированный каталог «Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана / сост.: М. С. Лесман, Н. Г. Князева, Н. Г. Захаренко и др. М.: Книга, 1989» описание этого комплекса документов не вошло.

Другими документами М. А. Левашова Рукописный отдел Пушкинского Дома не располагает.

Личные фонды М. А. Левашова имеются в архивохранилищах: РГАЛИ, ф. 2213, 299 ед. хр., 1923—1974 гг.; ГМИРЛИ, ф. 117, 73 ед. хр., 1942—1958 гг.

В результате НТО оп. 30 — «Левашов Мстислав Александрович (1912—1974), поэт, прозаик. Творческие материалы (стихотворения, рассказы, очерки); запись бытового характера и др. в собрании М. С. Лесмана (1955 — не позднее 1974)» — сформировано 48 ед. хр., включенных в одну опись, состоящую из двух разделов.

Раздел 1 «Творческие материалы (стихотворения, рассказы, очерки)» содержит 46 ед. хр. с автографами и, преимущественно, авторизованной машинописью произведений М. А. Левашова, расположенных по хронологическому принципу. В начале раздела находится единица хранения с ранним стихотворением 1955 г. За ней следуют 45 ед. хр. с рассказами и двумя очерками. Сначала в хронологическом порядке идут 23 ед. хр., две из которых имеют даты — 23 января

[4] *Макаров А.* Читая письма... // Литературная газета. 1963. 14 дек. №. 149. С. 3.

[5] *Рой Г., Еремина Е.* Ты по стране идешь... // В мире книг. 1964. № 6. С. 28—31.

и 24 апреля 1959 г., а остальные датируются годом публикации. Единицы хранения с произведениями, изданными в одном году, расположены в алфавите названий. Далее в той же последовательности идет 21 ед. хр. с приблизительным временем создания 1950—1960-е гг. Затем следует единица хранения с фрагментами неустановленных рассказов. На обороте листов некоторых единиц хранения встречаются стихотворения Левашова, его рассказы или их фрагменты, рисунки автора, наличие которых отмечено в примечаниях к заголовкам единиц хранения.

В раздел 2 вынесена единица хранения с записью бытового характера и газетная вырезка со стихотворением Л. Степанова «Чтоб солнцем Отчизна была залита...» 1955 г.

Список использованной литературы

1. Советские детские писатели: биобиблиогр. словарь (1917—1957) / сост.: А. М. Витман, Л. Г. Оськина. М.: Детгиз, 1961. 431 с. Указ. псевдонимов: с. 426—430.
2. *Азовский А. А.* Голубые окошечки памяти: избранные страницы книги «Дороги непутевые мои» (окончание) // Урал. 2004. № 4. С. 157—190.

Е. М. Аксененко

DOI: 10.31860/978-5-918680-445-612-618

ФРАНКОВСКИЙ АДРИАН АНТОНОВИЧ
Фонд 132

Адриан Антонович Франковский родился 16 февр. 1888 г. в с. Лобачев Киевской губернии. Его отец, Антон (Антоний) Флорович Франковский — «врач, почетный гражданин», священник[1], мать, Зинаида Григорьевна, — «из мещан». Имел двух братьев: Вианора (1889—1949) — сотрудника Киевского института научно-судебной экспертизы, впоследствии (с 1937 г.) заведующего кафедрой физики в Киевском политехническом институте, и С. А. Франковского — о нем сведений не сохранилось. Сестра Евгения (в замужестве Стеценко; 1885—1958) окончила Киевское женское духовное училище, была замужем за священником Кириллом Григорьевичем Стеценко (1882—1922), композитором, дирижером, музыкальным критиком, основоположником украинской национальной церковной музыки.

В 1906 г. Франковский окончил в Киеве гимназию и переехал в Санкт-Петербург. Один семестр отучился в Электротехническом институте Императора Александра III, затем в 1907 г. поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Во время обучения в 1908—1909 гг. получал стипендию имени Н. Ф. Бунакова от «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым» (Литфонда). В 1910 г. вышел его первый перевод с немецкого языка — книги А. Мессера «Введение в теорию познания»[2]. Был близок профессору А. И. Введенскому. Кандидатское сочинение, написанное на 4-м курсе, было посвящено теме «Сознание вообще у Канта и Виндельбанда».

После окончания университета с дипломом 1-й степени в 1911 г. был оставлен при кафедре философии. В течение двух лет исполнял обязанности хранителя психологического кабинета при университете и выполнил несколько работ по экспериментальной психологии.

С 1912 по 1917 г. был преподавателем в различных средних учебных заведениях города: Пятой мужской гимназии, частной женской

[1] Подтверждается сохранившимся в архиве письмом отца от 17 июля 1914 г., подписанным «Твой отец священ<ник> А. Франковский». См.: РО ИРЛИ, ф. 132, оп. 3, ед. хр. 26, л. 5 об.

[2] Выходные данные: СПб.: О. Богданов, 1910.

© Кощиенко И. В., 2024

гимназии Н. Н. Зворской, Мариинской женской гимназии. В эти годы А. А. Франковский перевел Х. Зигварта «Основные вопросы этики», Р. фон Шуберта-Зальдена «О бессознательном в сознании»[3]. Также областью его увлечения в это время являлась древняя философия (преимущественно, философия Платона) и психология.

В начале Первой мировой войны был освобожден от призыва на действительную службу. На основании письма Б. А. Кржевского летом 1916 г. Франковский находился в Хвалынске Саратовской губернии, где познакомился с К. С. Петровым-Водкиным[4].

С сентября 1917 г. читал лекции в Петроградском учительском институте[5] сначала по психологии и педагогике, а затем — по философии и логике.

В начале 1919 г. был приглашен в Нижегородский государственный университет и 10 мая зачислен преподавателем по кафедре философии. 23 октября того же года, взяв отпуск без сохранения жалованья для держания магистерских экзаменов в Петрограде, не вернулся обратно в Нижний Новгород[6]. До 1923 г. продолжил преподавать во II Педагогическом институте. В фонде отложился документ 1935 г. «Приглашение на заседание кафедры западноевропейской литературы в Историко-Лингвистическом институте» (ЛИФЛИ)[7], что дает основание предполагать, что Франковский мог продолжать преподавательскую деятельность и в 1930-е гг. в ЛИФЛИ либо читать спецкурсы.

В 1921—1923 гг. Франковский состоял членом и секретарем возрожденного Философского общества при Петроградском университете. В 1922 г. участвовал в издававшемся обществом журнале «Мысль», опубликовав в № 1 статью «Философское общество при Петроградском университете», а в № 2 и 3 — «Обзор немецкой философской литературы 1914—1921 гг.».

Был редактором и одним из переводчиков труда О. Шпенглера «Закат Европы» (1923); при его участии также вышли переводы новейших трудов А. Бергсона «Длительность и одновременность: (По поводу теории Эйнштейна)» (1923) и З. Фрейда «Я и оно» (1924). В 1925—1928 гг. посещал в Ленинграде «Кантовский семинар» М. М. Бахтина.

С самого создания издательства «Academia» при Философском обществе в 1921 г. и до его закрытия в 1929 г. был одним из его ключевых сотрудников — членом правления, штатным редактором, переводчиком, автором предисловий и комментариев. Владел древними языка-

[3] Опубликованы в сборнике «Новые идеи в философии» (СПб.: Образование, 1914).

[4] РО ИРЛИ, ф. 132, оп. 3, ед. хр. 15, л. 1.

[5] Петроградский учительский институт с 1918 г. был преобразован во II Высший Петроградский педагогический институт им. Н. А. Некрасова.

[6] Центральный архив Нижегородской области, ф. 377, оп. 2, д. 1267, л. 1.

[7] РО ИРЛИ, ф. 132, оп. 2, ед. хр. 103.

ми (латинским и греческим), а также немецким, французским и английским. Его работа в издательстве началась с участия в качестве редактора переводов и комментатора в Полном собрании сочинений Платона в новом переводе под редакцией С. А. Жебелева, Л. П. Карсавина и Э. Л. Радлова (из планировавшихся пятнадцати томов вышло шесть, 1922—1929 гг.). Франковский как переводчик принимал активное участие в серии "Сокровища мировой литературы", выходившего в последние годы ленинградского периода «Academia». В 1929 г. издательство прекратило свою работу в Ленинграде: оно оказалось втянутым в судебные разбирательства с директором издательства А. А. Кроленко, который был обвинен в злоупотреблениях служебным положением, растратах, в незаконных торговых операциях с иностранными издательскими фирмами. По воспоминаниям Кроленко, Франковский был привлечен к суду в рамках этого дела[8].

С переводом издательства «Academia» в Москву Франковский продолжал сотрудничать по договорам с ним (до его закрытия в 1937 г.) и с «Гослитиздатом».

Параллельно работал в ленинградском кооперативном издательстве «Время» (до его закрытия в 1934 г.), где был членом редакционного совета, переводил и редактировал Р. Роллана и А. Жида, участвовал в переиздании своего перевода первого тома эпопеи Пруста, впервые вышедшего в «Academia»; писал внутренние рецензии на иностранные книги, в том числе на романы «И восходит солнце» Э. Хемингуэя, «Феликс Хольт» Дж. Элиот, «Венские гармонии» Ж. Кассу и другие произведения[9].

А. А. Франковский был человеком очень эрудированным, обладал большими знаниями в области науки, истории, литературы. Качество его переводов научных книг было на высоком уровне. Когда же Франковский стал переводить художественную литературу, он проявил особые талантливость и мастерство. Переводы А. А. Франковского отличаются не только точностью, но и умением уловить стиль переводимого им произведения[10]; особой высоты он достиг в переводах М. Пруста и Л. Стерна.

В середине 1920-х — 1930-е гг. главным объектом переводов стала современная французская проза (А. де Ренье, М. Пруст, Ж. Ромен, А. Жид). В конце 1930-х — начале 1940-х — английская проза и драматургия XVIII века: Д. Дефо, Дж. Свифт, Л. Стерн, Г. Фильдинг и др.

О личной жизни Франковского известно немного, поскольку он был человек одинокий и сложно сходился с людьми. М. А. Кузмин в описании редакционных собраний переводчиков шутливо охаракте-

[8] ОР РНБ, ф. 1120, ед. хр. 652.

[9] См.: РО ИРЛИ, ф. 42 (Издательство «Время»).

[10] *Маликова М. Э.* К описанию «Филологического перевода» в 1930-е гг.: А. А. Франковский — переводчик английского романа XVIII в. // Studia Litterarum: лит. исследования. М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2017. Т. 2. С. 10—45.

ризовал Франковского строчкой: «Домашний скептик молчалив»[11], но, по воспоминаниям коллег, в спорах научного, исторического, литературного характера он увлеченно отстаивал свое мнение и был эмоционален[12]. В связи со своей работой в издательстве «Academia» он был знаком со всем литературным Ленинградом. В круг его делового общения входили Б. А. Грифцов, И. А. Кашкин, Б. А. Кржевский, М. А. Кузмин, К. И. Чуковский.

Свидетельством активной социальной жизни Франковского являются сохранившиеся в архиве многочисленные приглашения на различные мероприятия в ленинградский Дом писателя им В. В. Маяковского.

Женат не был. Был близко знаком с Марией Сергеевной Сергеевой — педагогом дошкольного воспитания, и Натальей Яковлевной Лариной — научным сотрудником ленинградского Этнографического музея, жившей по соседству (комната А. А. Франковского в коммунальной квартире располагалась по адресу: ул. Маяковского (до 1936 г. — Надеждинская), д. 27, кв. 18). Обе женщины были замужем и имели детей.

В 1941 г. он оставался в блокадном Ленинграде. Переводчик сильно голодал. Погиб в первую блокадную зиму. Сведения о последних днях Франковского известны по записи в блокадном дневнике востоковеда-ираниста А. Н. Болдырева и сотрудницы издательства «Academia» Л. А. Рождественской: умер в квартире Б. М. Энгельгардта, поскольку до своей квартиры не было сил дойти[13]. Похоронен, с большой долей вероятности, в общей могиле на Большеохтинском кладбище.

Архив Адриана Антоновича Франковского был передан в Рукописный отдел Пушкинского Дома из архива Академии наук 14 окт. 1942 г. (Книга поступлений за 1942 г., пост. № 9). Фонду был присвоен № 132.

К началу научно-технической обработки в 2023 г. творческая часть архива была предварительно разобрана М. Э. Маликовой[14], остальная — находилась в россыпи. Материалы, в первую очередь творче-

---

[11] «Шуточные стихи М. А. Кузмина с комментарием современницы»: выдержки из мемуаров Л. А. Рождественской / подг. текста и прим. Н. И. Крайневой и Н. А. Богомолова; вступ. заметка Н. А. Богомолова // Новое литературное обозрение. 1999. № 2. С. 195.

[12] Там же. С. 201.

[13] *Болдырев А. Н.* Осадная Запись: блокадный дневник / подг. к печати В. С. Гарбузова, И. М. Стеблин-Каменский. СПб.: Фонд регион. развития Санкт-Петербурга и др., 1998. С. 56—57.

[14] *Маликова М. Э.* О переводчике Адриане Антоновиче Франковском по материалам его архива // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 37—100.

ские, представлены практически в полном объеме и в хорошей степени сохранности.

Документы А. А. Франковского в небольшом количестве содержатся в фондах Рукописного отдела: издательства «Время» (ф. 42), «Всероссийского союза писателей» (ф. 291), Б. М. Энгельгардта (ф. 700; не обработан). Материалы переводчика также имеются в РНБ, ЦГИА СПб, ЦГАЛИ СПб и РГАЛИ.

В результате научно-технической обработки личного фонда сформировано 375 ед. хр. за 1890-е — 1941 гг. Они систематизированы по трем описям.

Опись № 1 «Творческие материалы и подготовительные материалы к ним» содержит 201 единицу хранения и разделена на пять разделов.

Раздел 1 «Переводы А. А. Франковского и подготовительные материалы к ним» является самым крупным и включает переводы с древнегреческого, английского, французского и немецкого языков. Раздел систематизирован по алфавиту переводимых авторов, каждый комплекс материалов, относящихся к переводу того или иного автора, — по хронологии перевода или его публикации. В этой же группе располагаются при их наличии предисловие переводчика, его примечания и подготовительные материалы к переводу, включены и подготовительные материалы к несохранившимся или несостоявшимся переводам иных его произведений. В подраздел «Подготовительные материалы к разным переводам» вошли материалы (наброски, выписки, тексты) к неосуществленным или несохранившимся переводам разных авторов. Они расположены в хронологическом порядке.

В разделе 2 «Переводы под редакцией А. А. Франковского» материалы представлены по алфавиту авторов, чьи переводы выполнены другими лицами. Франковский работал с переводами М. Кузмина, Н. Рыковой, Б. Кржевского, С. Жебелева и других. Переводы Платона, подготовленные для собрания его сочинений издательством «Academia» в 1920-е гг. под общей редакцией Франковского, представляют комплекс документов из 10 ед. хр. В него вошли не только разные варианты перевода «Государства» с редакторскими замечаниями, но и примечания переводчика С. А. Жебелева к части своего перевода.

В разделе 3 «Предисловия, примечания А. А. Франковского к переводам других переводчиков» содержатся три единицы хранения с материалами для изданий А. Ренье, А Жида и Платона в переводах Ф. Сологуба, М. Лозинского и Н. Томасова соответственно.

В разделе 4 «Лекции А. А. Франковского и подготовительные материалы к ним» содержатся лекции по истории, логике, психологии и педагогике, подробные планы лекций, программы учебных курсов, экзаменационные билеты. Практически все материалы датированы приблизительно, поэтому расположены тематическими группами по преподаваемым предметам, внутри группы материалы выстроены по

хронологии. В конце раздела представлены подготовительные материалы к лекциям: выписки и конспекты литературы.

Раздел 5 «Статьи, заметки, эссе, доклады, отзыв» включает соответствующие творческие материалы, систематизированные по хронологии.

Опись № 2 «Документы к биографии А. А. Франковского; документы по деятельности» содержит 104 единицы хранения и разделена на два раздела.

Раздел 1 «Документы к биографии А. А. Франковского» имеет пять подразделов.

В подразделе 1.1 «Личные документы» материалы расположены в следующем порядке: удостоверение об освобождении от воинской повинности, членские билеты, анкета, визитная карточка, затем в хронологии документы, связанные с Союзом советских писателей, «Литфондом СССР», «Горкомом писателей», Домом писателя им. Маяковского: пригласительные билеты, объявления, извещения.

В подразделе 1.2 «Дневниковые записи, записные книжки, подборки газетных вырезок» находятся две ед. хр. с дневниковыми записями, а также пять записных книжек с записями хозяйственно-бытового характера. Завершают подраздел шесть единиц хранения с подборками газетных вырезок. Материалы внутри тематических групп систематизированы в хронологическом порядке.

В подраздел 1.3 «Документы об учебе и самообразовании А. А. Франковского» вошли ученические тетради периода обучения в Санкт-Петербургском университете с правилами и конспектами по английскому языку, философии; рефераты, конспекты лекций А. И. Введенского, Н. О. Лосского, Б. А. Тураева и др. преподавателей. Одна ед. хр. предположительно отнесена к периоду обучения в киевской гимназии, еще одна — к периоду совершенствования знаний английского языка уже после 1918 г.

Подраздел 1.4 «Хозяйственно-имущественные документы» составляют документы о назначенных А. А. Франковскому стипендиях, пособиях, справки о зарплате, счета, а также медицинские документы, связанные с прохождением лечения, медосмотров. Материалы систематизированы по тематическому признаку. В каждой группе материалов соблюдена хронология.

В небольшом подразделе 1.5 «Фотографии» представлены портреты А. А. Франковского: индивидуальные и в группе с разными лицами, а также фотографии с дарительными надписями А. А. Франковскому киевских однокурсников. Материалы внутри этих тематических единиц хранения расположены по хронологии.

Раздел 2 «Документы и переписка по деятельности» имеет три подраздела.

В подразделе 2.1 «Документы по редакторской и переводческой деятельности» представлены договоры с издательствами «Academia»,

«Гослитиздат», «Художественная литература», «Время», «Искусство», журналом «Интернациональная литература»; предложение и заявление Франковского в правление «Academia», его характеристика переводчиков издательства и др. Документы располагаются в хронологическом порядке.

Подраздел 2.2 «Переписка с издательствами и редакциями журналов» содержит переписку с издательствами «Academia», «Гослитиздат», «Художественная литература», «Время», «Искусство», журналами «Интернациональная литература», «Костер» по поводу его переводов или их публикации. Сначала располагаются черновики писем А. Франковского, которые адресованы редакторам А. Н. Горлину, Л. М. Болотину, М. О. Гершензону, Н. Д. Ковбасу и др. Единицы хранения выстроены в алфавите учреждений. Внутри каждой группы того или иного учреждения документы располагаются по хронологии.

Подраздел 2.3 «Документы по педагогической деятельности» составляют документы, связанные с работой во II Петроградском педагогическом институте и в Историко-лингвистическом институте (ЛИФЛИ) и расположенные по хронологии. За *** вынесена единица хранения с заявлениями на имя Франковского в период его деятельности в «ПетроКУБУ» (Комиссии по улучшению быта ученых) как уполномоченного от Правления Дома ученых. Хронологически она совпадает со временем педагогической деятельности Франковского.

Опись № 3 «Переписка А. А. Франковского с разными лицами; материалы родственников и других лиц» содержит 70 единиц хранения и состоит из двух разделов.

В разделе 1 содержатся письма А. А. Франковского и письма к нему родных, друзей и коллег. Единицы хранения выстроены в алфавите адресатов и корреспондентов. В конце раздела содержатся дарительные надписи А. А. Франковскому: две единицы хранения расположены в алфавите авторов.

Раздел 2 «Материалы родственников и других лиц» открывают фотографии отца и брата А. Франковского, затем следуют документы разных лиц, систематизированные по авторскому признаку и представленные в алфавите персоналий. Среди материалов: переводы Л. П. Карсавина, Б. А. Кржевского, М. А. Кузмина, Н. Я. Рыковой и др.

И. В. Кощиенко

DOI: 10.31860/978-5-918680-445-619-621

ШЕФНЕР ВАДИМ СЕРГЕЕВИЧ
Фонд 752

Вадим Сергеевич Шефнер — поэт, прозаик, фантаст, военный корреспондент, журналист. Участник Великой Отечественной войны.

Родился 12 янв. 1915 г. (по старому стилю — 30 дек. 1914 г.) в Петрограде. Отец — Сергей Алексеевич Шефнер, капитан гвардии (1881—1923), мать — Евгения Владимировна фон Линдестрём (1889—1942). Дед —генерал-лейтенант А. К. Шефнер, адмирал флота, первооткрыватель и основатель порта Владивосток.

В 1921 г. семья переехала в Старую Руссу к месту службы отца. После его смерти В. Шефнер жил при детском доме в Старой Руссе, в котором работала его мать. В 1924 г. семья вернулась в Петроград.

В 1931 г. окончил среднюю школу, в 1935 г. — школу фабрично-заводского ученичества при учебно-химическом комбинате, а в 1937 г. — рабочий факультет при Ленинградском государственном университете. За это время В. Шефнер сменил несколько профессий: кочегара по обжигу фарфора на заводе электроизоляционного фарфора «Пролетарий», инструктора по физкультуре, формовщика в литейном цехе, подносчика кирпича на стройке, чертежника-архивариуса на оптико-механическом заводе, сотрудника библиотеки.

Первое стихотворение — «Баллада о кочегаре» — было опубликовано в 1933 г. в журнале «Резец». В середине 1930-х гг. Вадим Сергеевич посещал литобъединение при газете «Смена», где печатал свои стихи. С 1938 г. занимался в литературной группе «Молодое объединение» при Ленинградском Союзе писателей (руководитель — Александр Гитович, в студии также участвовали Ю. Н. Тынянов, А. А. Ахматова, Н. А. Заболоцкий, М. М. Зощенко). В 1940 г. вышел первый стихотворный сборник Шефнера «Светлый берег» и был опубликован его первый рассказ, а сам автор стал членом Союза писателей СССР.

В первые месяцы Великой Отечественной войны Шефнер служил рядовым в батальоне аэродромного обслуживания под Ленинградом, с 1942 г. — фронтовым корреспондентом газеты Ленинградского фронта «Знамя победы». Завершил военную службу в звании старшего лейтенанта, был награжден орденами Красной Звезды, «Отечественной войны» 2-й степени, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и медалью «За оборону Ленинграда».

© Кощиенко И. В., 2024

В 1943 г. в Ленинграде вышла вторая книга стихов «Защита». В этот же период он создал свое наиболее крупное поэтическое произведение — поэму «Встреча в пригороде» (1945).

Первый сборник прозы — «Облака над дорогой» — был издан в 1957 г. Своим самым значительным прозаическим произведением Шефнер считал повесть «Сестра печали», в которой герои проходят через испытание войной и блокадой. Повесть создавалась в период с 1963 по 1968 г. С 1960-х гг. Шефнер работал также в жанре фантастики. В 1973—1975 гг. создал основанную на воспоминаниях повесть «Имя для птицы, или Чаепитие на желтой веранде», продолжением которой стала книга «Бархатный путь. Летопись», опубликованная в 1999 г.

В 1960—1980-х гг. плодотворно продолжалось и поэтическое творчество Шефнера: были изданы сборники «Знаки Земли» (1961), «Своды» (1967), «Запас высоты» (1970), «Сторона отправления» (1979), «Северный склон» (1980), «Вторая память» (1981), «Личная верность» (1984), «В этом веке» (1983)[1]. Книга стихотворений «Годы и миги» (1983) удостоена в 1985 г. Государственной премии РСФСР им. М. Горького, а в 1997 г. поэтическое творчество Шефнера было оценено присуждением ему Пушкинской премии. Он избирался делегатом трех Всесоюзных съездов писателей СССР.

Скончался 5 янв. 2002 г., похоронен на Кузьмоловском кладбище рядом с женой, Екатериной Павловной Григорьевой (1922—2000), с которой прожил почти 60 лет (с 1942 г.). В браке родился сын Дмитрий (1946—2021).

Архивные материалы поступили в Пушкинский Дом от В. С. Шефнера в 1974 г. (см.: Кн. пост. 1974 г., № 76). Тогда же экспертной комиссией РО было принято решение о создании фонда № 752, куда вошли творческие и подготовительные материалы к повести «Сестра печали» и стихотворения. Единственное дополнение к фонду — письма В. С. Шефнера — поступило в 2016 г. от читательницы М. В. Алхимовой (см.: Кн. пост. 2016 г., № 2).

Немногочисленные материалы **В. С. Шефнера**, в основном письма, имеются в фондах Рукописного отдела: М. П. Берновича (ф. 600), Б. А. Леонтьева (ф. 471) и А. А. Прокофьева (ф. 726).

Основную часть своих материалов В. С. Шефнер при жизни передал в ЦГАЛИ (г. Санкт-Петербург). В фонде № Р-449 **(1900—2007) числится 7 ед. хр. (1970—1981 гг.).** Документы и творческие мате-

[1] См.: подробнее: 1) *Кузьмичев И. С.* Вадим Шефнер: очерк творчества. Л.: Сов. писатель, 1968; 2) *Резников Л. Я.* Тревожная любовь к человеку // Нева. 1971. № 10. С. 179—184; 3) *Македонов А. В.* Вадим Шефнер // Портреты и проблемы: статьи о писателях-современниках: сборник. Л.: Худож. лит., 1977. С. 260—293; 4) *Кузьмичев И. С.* Мечтатели и странники. Л.: Сов. писатель, 1992. С. 312—338; 5) *Кузьмичев И. С.* Те, кого знал: ленинградские силуэты: сборник. СПб.: Журнал «Звезда», 2021.

риалы поэта также имеются в РНБ, РГБ и РГАЛИ. Часть семейного архива хранится у родственников в Петербурге.

Научно-техническая обработка архива производилась из россыпи. Материалы представлены в хорошей степени сохранности. В результате научно-технической обработки сформировано 17 ед. хр. за 1963—1993 гг. Они включены в одну опись с двумя разделами: раздел 1 «Творческие материалы и подготовительные материалы к ним», раздел 2 «Письма В. С. Шефнера к разным лицам».

Раздел 1 включает творческие материалы, касающиеся повести «Сестра печали»: ее первую и вторую редакции, черновые автографы, а также подготовительные материалы и наброски, на оборотах которых сохранились более шестидесяти машинописных стихотворений автора и отрывок из поэмы «Встреча в пригороде».

В разделе 2 «Письма В. С. Шефнера к разным лицам» содержатся письма к читательницам за 1983—1993 гг. Единицы хранения выстроены в алфавите адресатов.

И. В. Кощиенко

DOI: 10.31860/978-5-918680-445-622-627

КУДРЯВЦЕВ ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ
Фонд 993. Опись 2

Коллекция книг и периодических изданий по истории русской советской литературы 1920—1930-х годов, собранная В. Б. Кудрявцевым (1898; 1918—1939; 1974)

Владимир Борисович Кудрявцев родился 4 авг. 1947 г. в Ленинграде, в семье служащих. В 1950-е гг. семья перебралась в поселок Пяльма Пудожского района Карело-Финской ССР. По окончании в 1967 г. Петрозаводского медицинского училища с дипломом фельдшера, работал в доме престарелых в пос. Великая Губа Медвежьегорского района КАССР, ассистентом анестезиолога в Республиканской больнице Петрозаводска.

В 1980 г. окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова (заочное отделение) и многие годы преподавал русский язык и литературу сначала в вечерней школе рабочей молодежи при Ленинградском оптико-механическом объединении им. В. И. Ленина (ЛОМО), затем в одной из вечерних школ Ленинграда.

Работая учителем, параллельно занимался научными изысканиями в области отечественной литературы и литературы Русского Зарубежья. Первой работой стало исследование по истории советских литературных объединений 1920-х — начала 1930-х гг. «Писательские организации и группировки. Сборник материалов и документов. 1917—1932», подготовленное совместно с венгерским литературоведом-русистом Михаем Варгой в середине 1980-х гг. Книга должна была выйти в Венгрии как первый том десятитомной серии «Литературное движение в Советской России. 1917—1934», инициированной М. Варгой. Проект разработан М. Варгой при участии В. Б. Кудрявцева. Следующие тома предполагалось посвятить литературной периодике и книгоиздательствам, литературоведческим группировкам, литературному быту 1920-х гг., объединениям российской провинции, национальных республик. Академик Д. С. Лихачев дал согласие курировать серию.

Авторы-составители отказались от принятой в 1920-е гг. классификации литературных объединений по трем «отрядам»: пролетар-

© Кукушкина Т. А., 2024

ские, крестьянские, попутнические — как непродуктивной для издания такого типа. Структура рукописи строилась по единообразной схеме, включающей историко-литературную характеристику каждого объединения, информацию о целях и задачах, руководстве, участниках, документальные материалы, раскрывающие литературно-общественное направление объединений — устав, декларации, манифесты, резолюции, библиографию. Вводная статья содержит подборку официальных документов, касающихся политики партии в области литературы, авторского права, цензуры. Основной корпус снабжен многочисленными приложениями, каждое из которых могло бы стать предметом отдельного исследования. В частности, подборка одиночных деклараций, подборка высказываний, озаглавленная «Литераторы о пользе творческих объединений».

Деятельность многочисленных группировок 1920-х гг., определявших литературное движение этого времени, долгое время в силу исторических причин не входила в поле зрения отечественных исследователей. Книга явилась первым и на сегодняшний день единственным опытом научно-выверенного комплексного исследования институций послереволюционного десятилетия, действовавших в Москве и Петрограде / Ленинграде, от микроколлективов до организаций всероссийского масштаба, созданных по цеховому принципу. В период перестройки в СССР венгерское издательство расторгло договор с авторами, переговоры о совместном советско-венгерском издании всей серии не привели к конкретному результату, хотя два ведущих академических института, ИМЛИ и ИРЛИ, куда обращались авторы книги, поддержали проект. Ценнейший фундаментальный справочник энциклопедического характера, снабженный предисловием Д. С. Лихачева, не нашел своего издателя, но и по сей день не утратил научной значимости.

Основная часть тома подготовлена В. Б. Кудрявцевым, почти с чистого листа, при закрытых тогда архивах и спецхранах. Характеризуя его вклад, М. Варга позже писал Д. С. Лихачеву: «Относительно В. Б. Кудрявцева хочу заметить, что Владимир Борисович как преподаватель словесности в школе для взрослых есть в то же время и прекрасный филолог, отдавший более 10-и лет весьма интенсивному изучению литературной жизни первых десятилетий советской эпохи, а о 20-х годах он сейчас, пожалуй, знает больше, чем любая университетская кафедра истории советской литературы в стране. Если бы я был директором ИРЛИ, я бы его не задумываясь взял в Институт, потому что, на мой взгляд, именно такие люди, как он, смогли бы сдвинуть дело изучения советского периода уже сейчас с мертвой точки»[1]. А в письме Владимиру Борисовичу называл этот труд «красивой, точной, почти ювелирной филологической работой».

[1] РО ИРЛИ, ф. 933; копия.

В. Б. Кудрявцева связывали с Пушкинским Домом и его сотрудниками многолетние научные отношения. В начале 1990-х гг. вместе с К. Ю. Лаппо-Данилевским и Р. И. Вильдановой он участвовал в подготовке третьего издания классического труда Г. П. Струве «Русская литература в изгнании», получившего широкое научное признание[2]. В связи с подготовкой обширного корпуса приложений к этому труду и начались занятия В. Б. Кудрявцева литературой русской эмиграции.

В соавторстве с сотрудницей Рукописного отдела Пушкинского Дома Л. В. Герашко В. Б. Кудрявцев подготовил к печати описание книг, журналов и брошюр (свыше тысячи трехсот наименований) из собраний библиографа кн. А. П. Мещерского и профессора П. М. Бицилли, относящихся к первой волне русской эмиграции[3].

Главным итогом многолетних кропотливых научно-библиографических изысканий В. Б. Кудрявцева явился фундаментальный аннотированный справочник, содержащий информацию о коллективных изданиях Русского Зарубежья за 1918—1941 гг.[4], значение которого для изучения культуры русского исхода XX столетия трудно переоценить. Объемный том энциклопедического формата (936 с.) содержит тщательно выверенные сведения о газетах, журналах, коллективных авторских сборниках гуманитарной направленности, выходивших в центрах русской эмиграции на пяти континентах, иногда не учтенные ни в одном из каталогов как отечественных, так и зарубежных библиотек. Снабженные фрагментами редакционных статей и программных заявлений, словарные статьи сообщают исчерпывающие сведения о временных рамках изданий, изменениях в составе редакций, количестве вышедших томов, идейном направлении, целях и задачах. Основной корпус книги сопровожден многочисленными справочными указателями, представляющими самостоятельную научную ценность. «Современным подвигом библиографа» назвала этот труд, выполненный одним человеком, рецензент книги М. Пупшева (Москва. 2013. № 2. С. 219—220).

В 2015 г. в Рукописном отделе Пушкинского Дома был создан и периодически пополнялся персональный фонд В. Б. Кудрявцева № 933 (см. Кн. пост. 2015 г., № 23, 31, 43; Кн. пост. 2016 г., № 7, 26; Кн. пост.

---

[2] *Струве Г. П.* Русская литература в изгнании. 3-е изд, испр. и доп.; *Вильданова Р. И., Кудрявцев В. Б., Лаппо-Данилевский К. Ю.* Краткий биографический словарь русского Зарубежья / общая ред. В. Б. Кудрявцева и К. Ю. Лаппо-Данилевского; сост. и вступ. ст. К. Ю. Лаппо-Данилевского. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996.

[3] *Герашко Л. В., Кудрявцев В. Б.* Фонд профессора П. М. Бицилли в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 57—222.

[4] *Кудрявцев В. Б.* Периодические и непериодические коллективные издания Русского зарубежья (1918—1941): журналистика, литература, искусство, гуманитарные науки, педагогика, религия, военная казачья печать: опыт расширенного справочника: в 2 ч. М.: Русский путь, 2011. Ч. 1.

2018 г., № 3; Кн. пост. 2019 г., № 23), открывший новый ракурс на истинный масштаб научной личности неустанного «старателя», посвятившего свою жизнь изучению деятельности коллективных литературных сообществ XX века.

В состав фонда вошли материалы по истории литературного движения 1920-х — начала 1930-х гг.: рукописи неизданных работ В. Б. Кудрявцева об отечественных и зарубежных литературных объединениях («Писательские организации и группировки. Сборник материалов и документов. 1917—1932»; «Словарь литературных объединений Москвы и Петрограда / Ленинграда. 1918—1934», подготовленный в соавторстве с московскими исследователями А. Ю. Галушкиным и К. М. Поливановым; авторская работа конца 1990-х гг. — справочник «Литературные объединения Русского Зарубежья. 1918—1939» с аннотированным указателем участников объединений, имен и псевдонимов, изданий, библиографией); подборки документальных материалов по темам: литературная политика, печать, цензура, авторское право, литературные направления, союзы, группировки (фото- и ксерокопии, машинописные копии журнальных и газетных статей), постановления, декларации, программы и объявления литературных группировок, критические статьи о них и пр.; документы к биографии и по деятельности В. Б. Кудрявцева; переписка с исследователями М. Варгой, А. Ю. Галушкиным, М. Шрубой, ИМЛИ, ИРЛИ, БАН, РНБ; фотографии. Эти материалы составят опись № 1 фонда № 933.

Владимир Борисович передал в Рукописный отдел Пушкинского Дома десятки книг литературоведов и критиков 1920—1930-х гг. по истории литературного процесса этого времени, художественные альманахи, сборники, периодические издания, являющиеся библиографической редкостью. Почти все они в советское время находились в спецхране, многие были изъяты из библиотек. Эта тематическая книжная коллекция была дополнена книгами из собрания исследователя после его кончины (Кн. пост. 2022 г., № 23) и представлена в настоящей описи № 2 фонда № 933.

Тогда же из домашней библиотеки В. Б. Кудрявцева поступили справочники по отечественной литературе и истории, литературе Русского Зарубежья: энциклопедии, энциклопедические словари, биобиблиографические указатели и др. (Кн. пост. 2022 г., № 23). Решением ЭПК РО они переданы в Читальный зал отдела в качестве вспомогательной справочной библиотеки. Каталог включает 197 наименований.

Опись № 2 включает 106 единиц хранения, систематизированных в пяти разделах. В первом разделе размещены альманахи и сборники литературных групп за 1924—1930 гг. (в алфавите названий сборников): «Атака: литературно-художественный альманах № 2» (М.; Иваново-Вознесенск: Госиздат, 1930), «Ровесники: сборник 7 содружества писателей революции “Перевал”» (М.; Л.: Земля и фабрика, 1930),

«Содружество»: литературный альманах (Л.: Прибой, 1927) и ряд других.

Во втором разделе — «Книги разных авторов о литературном процессе 1920—1930-х гг.» — единицы хранения расположены в алфавите фамилий авторов. Здесь представлены работы А. А. Богданова, А. К. Воронского, Г. Е. Горбачева, В. М. Жирмунского, Р. В. Иванова-Разумника, П. С. Когана, В. П. Полонского, первое издание книги В. М. Саянова «Современные литературные группировки» ([Л.]: Прибой, 1928). В конце раздела знаком «звездочка» (***) отделены три книги зарубежных авторов. Отметим здесь подготовленную М. Варгой хрестоматию «Сборник русских советских критических текстов (1917—1934)», изданную в 1974 г. в Будапеште на русском языке. Она составлена из высказываний руководителей партии и советского государства, критиков, литературоведов, писателей по вопросам литературного процесса в России.

Авторы книг в основном указаны на обложках с одним инициалом; в описи имена и отчества раскрыты без угловых скобок.

В третьем разделе — «Коллективные сборники о литературном процессе 1920—1930-х гг.» — единицы хранения помещены в алфавите названий сборников. Среди них — сборник статей М. Н. Покровского, Н. Л. Мещерякова, А. К. Воронского, Вяч. Полонского «Интеллигенция и революция» ([М.]: Дом печати, [1922]), «К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе» (М.: Красная новь; Главполитпросвет, 1924), ксерокопия с книги «Каталог книг, вышедших вне России по июнь 1924» (сост. М. П. Кадиш и В. А. Гольденберг; [Берлин]: издание Союза русских издателей и книгопродавцев в Германии, [1924]), «Творческие группировки пролетарских писателей» (М.; Л.: ГИХЛ, 1932). В ряде случаев описания сборников сопровождены аннотациями обработчика, заключенными в квадратные скобки.

В четвертый раздел — «Периодические издания 1920—1930-х гг.» — включены газеты, журналы, временники, ежегодники (в алфавите названий изданий), в том числе — «Мастерская Передвижного общедоступного театра: записки театра» (1918. Вып. 12, 15; 1919. Вып. 22—23); «Начала»: журнал истории литературы и истории общественности (1921. № 1; под ред. С. Ф. Ольденбурга, С. Ф. Платонова, Э. Р. Радлова, А. С. Николаева); литературно-художественный и научный журнал петроградского Пролеткульта «Перевал» (1922. № 1).

В пятом разделе размещены сборники партийных документов, определявших социально-политический, экономический уклад и культурную жизнь в СССР: стенограммы съездов РКП(б) / ВКП(б), конференций Ленинградской губернской организации РКП(б) в 1924 и 1925 гг., Первого Пленума Оргкомитета Союза советских писателей, Первого съезда Союза советских писателей (по хронологии).

Во всех разделах курсивом зафиксированы пометы, надписи, штампы на книгах.

На протяжении многих лет Владимир Борисович безвозмездно передавал книги из своего собрания также и в Библиотеку Пушкинского Дома (более тысячи), пополняя лакуны ее фондов справочными, библиографическими, периодическими изданиями.

Т. А. Кукушкина

DOI: 10.31860/978-5-918680-445-628-640

ОБЗОР АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ XVI—XXI вв., ПОСТУПИВШИХ В РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН в 2021 г.

За принесение в дар архивных материалов Рукописному отделу Института русской литературы выражаем глубокую благодарность Г. Н. Антонову, В. Г. Аптер, Е. И. Бельковой, М. В. Бокариус, Н. Г. Буровой, М. С. Бывшеву, З. Б. Ванагу, И. Я. Депману, А. Ф. Домашеву, Н. Е. Гаврилиной, Ю. Е. Галаниной, В. П. Голубеву, Е. Н. Ермак, Р. Г. Жуйковой, А. Н. Захарову, Н. А. Звягиной, Т. Г. Ивановой, В. Г. Исаченко, В. М. Князевой, В. А. Котельникову, П. А. Котетишвили, Н. Д. Кочетковой, М. В. Кужлеву, Н. Н. Лавровой, Н. А. Летовой, Н. Р. Либерман, О. А. Лутковской, А. Г. Мецу, Н. С. Миковой, В. Э. Молодякову, Н. Н. Мотовилову, К. Д. Муратовой, Е. Р. Обатниной, Е. О. Пудовкиной, Н. Р. Ребер, В. Н. Сажину, П. А. Тарасову, О. Д. Трушину, Б. Я. Фрезинскому, П. Н. Чейгину, Ж. Шерону, А. Г. Щеголевой.

Новые фонды

Голубев Валентин Павлович (р. 1948) — поэт, переводчик, член Союза писателей СССР, позднее — Союза писателей России. **Фонд 962**.

Грудинина Наталья Иосифовна (1918—1999) — поэтесса-фронтовик, переводчица северных поэтов, общественный деятель. **Фонд 960**.

Домашёв Анатолий Филиппович (р. 1938) — поэт, кораблестроитель, друг поэта и художника А. С. Морева. **Фонд 961**.

Издательство «Теа-кино-печать» (1925—1930) — театральное и кинематографическое издательство СССР. **Фонд 958**.

«Коллекция материалов по творчеству братьев Стругацких, собранная Ю. Г. Флейшманом». Флейшман Юрий Гершович (1961—2020) — критик, библиограф научной фантастики. **Фонд 963**.

«Коллекция редких изданий». Р. I, **опись 53**.

Кутейников Василий Артемьевич (1879—1920) — чиновник, поэт. **Фонд 959**.

© Кощиенко И. В., 2024

Набоковы: Владимир Владимирович (1899—1977) — писатель, переводчик, энтомолог, литературовед; Вера Евсеевна (1902—1991) — жена В. В. Набокова, переводчица, редактор; Дмитрий Владимирович (1934—2012) — сын В. В. Набокова, оперный певец, переводчик. Семейный **фонд 964**.

«Некрасовская группа ИРЛИ»: корректуры томов ПСС, рабочие материалы группы, переписка с некрасоведами, фотокопии архивных документов, картотеки. Фонд 202 (Некрасов Н. А.), **опись 4**.

Пудовкина Елена Олеговна (р. 1950) — поэт, журналист, постоянный автор ленинградского Самиздата. **Фонд 965**.

Дополнения к обработанным фондам

Блок Александр Александрович (1880—1921) — поэт, публицист, драматург, переводчик и литературный критик. **Фонд 654**.

Письмо неустановленному лицу, с обращением «Михаил Александрович» (1911). Фотокопия автографа.

Блок Георгий Петрович (1888—1962) — литературовед, переводчик, писатель. **Фонд 645**.

Фотография дома А. А. Фета в Москве, сделанная Г. П. Блоком. Атрибутирована. Подлинник (б. д.).

Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924) — поэт, драматург, переводчик, критик и журналист. **Фонд 444**.

«Мне надо, чтоб сердце другое...», «Молитва», «Летний вечер пышен...», «Тают, тают льдины». Стихотворения (1893—1896). Фотокопии автографов.

Письма (2) неустановленному лицу, с обращением «Маня», с приложением «Акростиха», посвященного ей (1894, 1895). Фотокопии автографов.

Булгаков Михаил Афанасьевич (1891—1940) — писатель, врач, драматург, театральный режиссер и актер. **Фонд 369**.

Неустановленный автор. Шуточное стихотворение по поводу постановки пьесы М. Булгакова «Дни Турбиных». Автограф (<после 1926>).

Волошин Максимилиан Александрович (1877—1932) — поэт, художник. **Фонд 562**.

«Инок Епифаний». Поэма. Машинописная копия со вставками неустановленного лица (1929).

Державин Константин Николаевич (1903—1956) — литературовед, переводчик, сценарист, критик. **Фонд 859**.

«Комедия А. Н. Островского “Лес”. К постановке в Ленинградском Государственном ордена Трудового Красного Знамени Академическом театре Драмы им. А. С. Пушкина». Статья. Типогр. экз. (Л., 1940).

Куприн Александр Иванович (1870—1938) — писатель, переводчик. **Фонд 242**.

Стандровский Дмитрий Иванович. Письмо в библиотеку Пушкинского Дома с информацией о прототипе героя повести А. И. Куприна «Поединок» (1972).

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) — поэт, прозаик, драматург, художник. **Фонд 524**.

Гринев П. Д. Письмо В. А. Рышкову (1914), с просьбой о назначении пособия Эмилии Михайловне Лермонтовой, внучке четвероюродного брата М. Ю. Лермонтова. С приложением копий архивных документов Донской Духовной консистории, подтверждающих родство М. М. Лермонтова, отца Э. М. Лермонтовой, с поэтом (1912). На письме П. Д. Гринева рукой Б. Л. Модзалевского генеалогическая роспись родственников поэта с 1708 г.

Письмо В. А. Рышкова в Постоянную комиссию по выдаче пособий нуждающимся литераторам и ученым (1914).

Максимов Георгий Сергеевич (1876—1955) — гидрограф-геодезист, профессор, сын литератора-этнографа С. В. Максимова. **Фонд 565**.

Портрет. Фотография. Подлинник (1960).

Малышев Владимир Иванович (1910—1976) — доктор филологических наук, знаток и собиратель древних рукописей, организатор археографических экспедиций, основатель Древлехранилища Пушкинского Дома. **Фонд 494**.

Конспект о рукописной традиции Печоры. Автограф (1934—1937).

Панченко А. М. Дневник экспедиции на Печору (1956). Автограф, с рукописными комментариями В. И. Малышева.

Некрасов Николай Алексеевич (1821—1878) — поэт, писатель, критик, издатель. **Фонд 202**.

«Некрасовский словарь»: часть первая «Произведения Н. А. Некрасова», часть четвертая «Окружение Н. А. Некрасова». Принтерный вывод (2021) и электронный вариант.

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — поэт, писатель, критик, издатель. **Фонд 244**.

Сафьяновые папки: «Альбом Е. А. Энгельгардта», «Сказка о золотом петушке», «Письма Пушкина» (XIX в.). С фотографиями К. К. Буллы.

Сафьяновая папка Пушкинского лицейского общества «Письма Пушкина к А. Х. Бенкендорфу».

Альбом П. Е. Рейнбота с факсимиле автографов А. С. Пушкина (<нач. XX в. — до 1917>).

Раевский Николай Алексеевич (1894—1988) — писатель, переводчик, пушкинист, литературовед. **Фонд 374**.

Докладная записка заключенного Н. А. Раевского начальнику Исправительно-трудового лагеря № 22 с описанием своей исследовательской работы по творчеству и биографии А. С. Пушкина. Компьютерный набор архивного документа (2018; из архива УФСИН Красноярского края). Принтерный вывод с комментарием Г. Н. Антонова (2021).

Портреты его одиночные (11), в группе с братом, сестрой, знакомыми (9). Атрибутированы. Фотографии. Переснимки (1902—1986).

Раевские Алексей Сергеевич, отец Н. А. Раевского, и Зинаида Герасимовна, мать. Портреты одиночные (2) и в группе (1). Атрибутированы. Фотографии. Переснимки (<1900-е—1910-е>).

Раевские Сергей Николаевич, дед Н. А. Раевского, и Мария Алексеевна, бабушка. Портреты одиночные (2) и в группе (1). Атрибутированы. Фотографии. Переснимки (<1910-е?>).

Отдельные поступления

Алексеева (урожд. Иванова) Анна Николаевна (1899—1945) — поэтесса, невестка С. А. Алексеева-Аскольдова (сына философа А. А. Козлова).

Стихотворения. Машинописные копии (1911—1945).

«Это Ленинград! Смотри и слушай! Это Ленинград блокадных дней!». Сборник стихотворений. Типогр. экз. (СПб., 1999). Приложение: «Примечания»: биографическая справка о членах семьи Алексеевых-Аскольдовых-Ивановых, составленная Н. А. Тарасовой. Машинопись (<1999>).

Письма А. Н. Алексеевой: Саркисовой (урожд. Ивановой) В. Н., сестре, 13 (1940—1945). Машинописные копии.

Письма к А. Н. Алексеевой: от Алексеева Н. В., сына (1943), Алексеевой Е. М. 6 (1943—1944), Рутилевского Г. Л. 2 (1944), Саркисова Ю. Н., племянника, 2 (1943, 1944), Саркисовой В. Н.

4 (1942—1945), Фельснер М. С. и М. П. 6 (1942—1945). Машинописные копии.

Алексеев-Аскольдов С. А. «Завещание внуку». Стихотворение. Машинописная копия (<1939>).

Альбомы (6) неустановленного лица, содержащие рисунки: портреты разных лиц, изображения животных, пейзажи, жанровые сцены, созданные на Кавказе (один из альбомов «Тифлис»). Карандаш, тушь, акварель (1846—1848).

Апухтин Алексей Николаевич (1840—1893) — поэт, писатель.

«Г. Карцову». Стихотворение. Фотокопия с факсимиле (б. д.).

Аренс (в замужестве **Гаккель**) Вера Евгеньевна (1883—1962) — поэтесса, переводчица.

«Шхуна. Стихи». <Макет> сборника стихотворений, с посвящением В. А. Гаккелю, мужу. Авторизованная <наборная?> машинопись с правкой и корректорской разметкой (1922). Вложено в папку с узорами золотым тиснением.

«Брюгге». Стихотворение. Вырезка из неустановленного журнала.

Письмо В. Аренс из редакции «Литературная газета» Ленинградского отделения Всероссийского Союза писателей с приглашением к участию в газете. Машинопись (1921).

«Франсис Жамм. Библиография». Список изданий на рус. яз. стихотворений Фр. Жамма и работ о нем. Машинопись (<после 1918>).

Фотография неустановленного мужчины. Подлинник (Кишинев, 1877).

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867—1942) — поэт-символист, переводчик, эссеист.

«Княжне Тамаре». Стихотворение (1914). Фотокопия автографа.

Вильгельм I (1798—1888) — кайзер Германии (с 1871).

Письмо О. фон Бисмарку (1888). На нем. яз. Факсимиле. Приложение к журн. «Gartenlaube» (1902. № 49).

«Вперед» — группа в РСДРП, созданная в эмиграции в декабре 1909 г. и издававшая в Женеве в 1910—1911 гг. «Непериодический сборник».

Неустановленный автор. «“Вперед”. Непериодический сборник». Положения и задачи группы. Гектографическая копия (<1909>).

Гейченко Семен Степанович (1903—1993) — пушкинист, заслуженный музейный работник.

Письма к О. А. Пини 9 (1960—1977). С приложением фотографии С. С. Гейченко.

Портреты С. С. Гейченко одиночные (3) и в группе с А. В. Предтеченским (1) и с сотрудниками заповедника «Михайловское» (5). Фотографии. Подлинники (1963).

Городецкий Борис Павлович (1896—1974) — историк литературы, пушкинист, старший научный сотрудник Института русской литературы АН СССР.

Маймин Е. А. Дарительная надпись Б. П. Городецкому на оттиске статьи «Заметки о русском стихе» из сб. «Annali Dell' Istituto Universitario Orientale» (Napoli, 1965. Кн. 8) (1966).

Бугаенко П. А., проректор Саратовского университета. Письмо Б. П. Городецкому (1967).

Дар (наст. фам. **Рывкин**) Давид Яковлевич (1910—1980) — писатель-фантаст и журналист.

Заявление в Ленинградское отделение Союза советских писателей о выходе из состава ССП. Авторизованная машинопись (1977).

Добжинский Павел (1828—1888) — словацкий этнограф и собиратель фольклора.

«Обзор словенской литературы до 1848 года». Статья. На словен. яз. Факсимильное издание (1972).

Жуйкова Рэдмона Георгиевна (р. 1929) — пушкинист, заведующая рукописным сектором Всероссийского музея А. С. Пушкина.

Письма к ней пушкинистов: М. Д. Беляева (1983—1993), Г. Ф. Богача (1977—1990), Л. Ф. Керцели (1983—1992), Л. А. Краваль (1985—1994), Г. В. Пашниной (1986—1989), Л. И. Певзнер (1983—1993), Т. Г. Цявловской (1983—1993) и др. К некоторым приложены копии ее ответов.

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — поэт, переводчик, критик.

«Входя в прекрасной Розы храм...», «О дивной розе без шипов», «Павловск». Стихотворения (1815) из альбома, находившегося в Розовом павильоне в Павловске. Списки с копии В. К. Кюхельбекера рукой Б. И. Коплана. Здесь же: запись из письма Н. М. Карамзина к имп. Марии Федоровне: «Благодарю Августейшую хозяйку сельского домика!..». Той же рукой.

Захаров-Мэнский Николай Николаевич (1895—1942) — поэт.

«Литературный портрет». Заметка о Вере Инбер. Автограф (б. д.).

Ляхов С. П. Эскизы обложек к сборнику стихов Н. Н. Захарова-Мэнского «Черная роза» (<1917>).

Звонцов Василий Михайлович (1917—1994) — художник-график, офортист, педагог, автор теоретических исследований.

Экслибрис для книг библиотеки С. С. Гейченко. Бумага, тушь, перо (<1970-е>).

Письмо к О. А. Пини (1974).

Исаченко Валерий Григорьевич (р. 1939) — искусствовед, художник, краевед, историк архитектуры.

Автобиография с библиографией. Автограф (2010-е).

«Заметки о древнерусской живописи», «Архитектурные конкурсы в России», «Архитектор, градостроитель» (об Л. А. Ильине), «Гостиницы на Невском», «Казанский собор», «Музей этнографии», «История строительства Ильинского моста через реку Охту», «Акт бандитизма (о сносе СКК)». Статьи, эссе по краеведению. Автографы, машинопись (1990—2020-е).

Школьная и студенческие работы: сочинение 7 класса, курсовая работа «Характеристика линогравюры В. Д. Фалилеева “Революционные войска”» (1969), контрольная работа 1-го курса, рецензии на статьи и иллюстрации в журналах (1970, 1971) и др.

Русакова А. А., член Союза художников СССР. «Отзыв о научных трудах искусствоведа В. Г. Исаченко». Машинопись (1979).

Программа-афиша цикла лекций В. Г. Исаченко «Архитектурный портрет Петербурга». Принтерный вывод (1997—1998). Анонс его выставки акварелей в Пушкинских горах. Печатное (2007).

Исаченко Надежда, дочь. Школьное сочинение «Военное детство моего папы» (1985).

Левенко А. М. «М. Е. Салтыков в лирике и лирика Н. Щедрина», «Некоторая великая тайна Салтыкова-Щедрина» (1988), «Этюды из забытого» (1989). Автограф. Машинопись.

Быкова Г. Д. «Дом № 28 по Невскому проспекту (бывший дом «Зингер»)». Автограф (б. д.).

Привалова М. И. «Шолохов о Сталине». Машинопись (1989).

Гаврилова Н. Г. <Воспоминания об отце, Гаврилове Георгии Спиридоновиче>. Автограф (1991).

Коншина Елизавета Николаевна (1890—1972) — литературовед, текстолог.

Дарственные надписи Е. Н. Коншиной Гурович Нине Борисовне (3). На титульных листах ее статей и изданий (1960—1961).

Комаров Александр Александрович (1810—1874) — преподаватель русской словесности в петербургских военно-учебных заведениях, поэт.

Цацко Б. «Поэт и гражданин Александр Комаров». Статья. Машинопись (1976).

Комаров Владимир Борисович (1890—1971) — ученый, профессор Горного института, внук А. А. Комарова. Неустановленный автор. «Слово о Владимире Комарове». Воспоминания. Машинопись с правкой Е. А. Комаровой (1976).

Фотография В. Б. Комарова. Переснимок (<1960-е>).

Кохановская (наст. фам. **Соханская**) Надежда Степановна (1823—1884) — писательница.

«Рой-Феодосий Саввич на спокое». Роман. Автограф, машинопись с авторской правкой (1864).

«Словесная кроха хлеба». Повесть. Оттиск из сборника «Складчина» с пометами карандашом (<1874>).

«Слава Богу, что муж лапоть сплел. (Попытка в пользу народного театра)». Комедия. Машинопись с авторской правкой (1871). Сшито в тетрадь.

«Красная панорама» (1923—1930) — иллюстрированный общественно-политический и литературно-художественный журнал. Выходил в издательстве «Красная газета».

Блокнот с бланками журн. «Красная панорама» с записями неустановленных лиц: списки на выплату гонорара, содержание неуст. альманаха № 1 на 1930 г., подсчеты и др.

Тагер Е. М. Записка в редакцию с просьбой о выплате гонорара за рассказ «Чужой муж» (1930). В том же блокноте.

Кустов Андрей Клементьевич (1895—1973) — режиссер киностудии «Моснаучфильм» («Центрнаучфильм»).

Переписка с Царьковой Марией Иосифовной (1916—1918). Переписано в тетрадь, рукой М. И. Царьковой. Здесь же: Царьков М. Открытое письмо к М. И. Царьковой (1919).

Ленин (наст. фам. **Ульянов**) Владимир Ильич (1870—1924) — марксист, юрист, идеолог, организатор и руководитель Октябрьской революции 1917 г. в России.

«Петроградская правда». Экстренный выпуск газеты от 13 марта 1923 г. с правительственным сообщением о состоянии здоровья В. И. Ульянова (Ленина).

Леонов Николай Иванович (1894—1971) — писатель.

Борисова М. «Биографическая справка». Составлена к сборнику Н. И. Леонова «Невольник чести: (Поэмы о Пушкине)» (М., 1992). Машинопись (<до 1992>). На первом листе — портрет Н. И. Леонова (фотография; подлинник).

Маковская (урожд. **Леткова**) Юлия Павловна (?) (1859—1954) — жена художника К. Е. Маковского.

«Розы», «Июнь», «Сон» и др. Стихотворения (5). Рукой неуст. лица (<после 1918>), машинопись (<до 1918>).

Маршак Самуил Яковлевич (1887—1964) — поэт, драматург, переводчик, литературный критик.

Письмо Б. Д. Летову, литературному редактору (1939).

Ильина Е. (наст. фам. и имя Прейс, урожд. Маршак, Лия Яковлевна), сестра С. Маршака. Письмо Б. Д. Летову (<до 1964>).

Маршак И. С., сын С. Я. Маршака. Письмо Б. Д. Летову (1967).

Матвеев (псевд.: Зотик; Н. З-М., Николай Матвеев-Амурский) Николай Петрович (1865—1941) — журналист, писатель, поэт, переводчик-японист, краевед Дальнего Востока, отец поэта-футуриста Венедикта Марта, поэта и писателя Николая Матвеева-Бодрого, Ивана Елагина, Новеллы Матвеевой.

«Дети — жрецы сцены», «Дети сцены». Статьи. Автограф (подпись: «Н. З-М.»). Здесь же: газетные вырезки (2) по данной теме (<1912>).

А. Тэзи (наст. имя Ротенштерн Петр Исаевич). «Дети подмостков», «Дети на сцене» (Письма из Вены). Статьи. Вырезки из «Московской газеты» (?) (1912).

Меню обеда в ресторане с подписями присутствовавших (В. Голубев, И. Гессен, И. Николаев и мн. др.). На фр. яз. Типогр. экз. с оттиском герба (1916).

Миков Андрей Владимирович — геолог-буровик.

Письма к А. В. Микову: А. Г. Битова, Р. Я. Райт-Ковалевой (1970).

Дарственная надпись А. В. Микову К. Воннегута на его фотографии в группе с Р. Я. Райт-Ковалевой.

Портрет Р. Я. Райт-Ковалевой с надписью ее рукой. Фотография (<1970-е>).

Неустановленное лицо, за подписью «**Алексей**».

Открытое письмо неустановленному лицу, с обращением «Наташа» (1920). Упоминается театральная постановка пьесы Л. Н. Толстого «Власть тьмы». На лицевой стороне почтовой открытки литография А. А. Ильина с картины Н. К. Рериха (1902).

Неустановленные лица.

Стихотворения (4) о революции на рус. и укр. яз. Гектографические копии (б. д.).

Николай I Павлович (1796—1855) — император Всероссийский (1825—1855).

<Акт о порядке назначения Господарей (управляющих) в княжества Молдавское и Валахское, заключенный императором Николаем I и императором Оттоманским (1826, 25 сент.)>. На рус. и фр. яз. Печатное. На гербовой бумаге (1826).

Оболдуев Георгий Николаевич (1898—1954) — поэт, прозаик, переводчик.

Сборник стихотворений (1923—1925). Авторизованная машинопись «Самиздат» (<1920-е>). На обложке надпись М. А. Бихтера (1881—1947), концертирующего профессора Ленинградской консерватории.

«Одесские новости. Юбилейное приложение к газете».

Номер от 25 дек. 1909 г. с фотографиями редакторов газеты: А. Е. Кауфмана, Д. Н. Мамина-Сибиряка, А. Т. Аверченко, А. В. Амфитеатрова, И. А. Бунина, А. И. Куприна, Д. Н. Овсяннико-Куликовского, К. И. Чуковского, О. Н. Чюминой и др.

Онегин (Отто) Александр Федорович (1845—1925) — коллекционер рукописей, писем, семейных реликвий, связанных с жизнью и творчеством А. С. Пушкина. Основал в Париже в своей квартире первый в мире музей Пушкина.

Рукописные каталоги (3) его библиотеки «Puchkiniana»: библиографические записи книг на рус. и иностранных языках. Переплет в футлярах (<1890-е—1925>).

Пастернак Борис Леонидович (1890—1960) — поэт, писатель, переводчик.

«Воздушные пути». Сборник прозаических произведений (М.: ГИХЛ, 1933). Типограф. экз., без окончания. На титульном ли-

сте — приписка уполномоченного цензурного комитета А. Семенова о разрешении предварительного набора <следующего издания> книги (от 2 янв. 1934 г.).

Пини Олег Алексеевич (1912—1979) — литературовед, писатель, ученый секретарь Пушкинской комиссии Института русской литературы АН СССР.

Письмо к Пини (урожд. Светлановой) Е. С., матери (<1963>).

Фотопортрет в группе с женой Е. К. Вандерфлит и С. С. Гейченко в Тригорском (1963).

Группа рабочих **писателей г. Новгорода**: Д. Белов, В. Семенов, Г. Отрепьев и др.

Обращение в редакцию газ. «Правда». Машинопись, подписи-автографы (1923).

Северянин (наст. фам. **Лотарев**) Игорь Васильевич (1887—1941) — поэт.

Семенова В. И., старшая дочь И. Северянина. Фотография ее надгробного памятника (1986; похоронена в Тойла (Эстония)). Подлинник.

Синельников Ф. А. — поэт.

«Добри сусиды. Оригинальная малороссийская оперетта». Муз. А. Н. Горелова. Текст неполный. На укр. яз. Литографическое издание рукописи (1904).

Толстая Софья Андреевна (1844—1919) — жена Л. Н. Толстого.

Судебное дело по ее иску в связи с отказом в выдаче ей рукописей и писем Л. Н. Толстого, сданных ею на хранение в Исторический музей им. Императора Александра III. 1912. Гектографическая копия.

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — писатель, поэт, публицист, драматург, переводчик.

Письмо И. Ф. Доливо-Добровольскому (1877). Машинописная копия (б. д.).

Уркс Эдуард (1903—1942) — чехословацкий коммунист, критик, журналист, переводчик, политик.

«Пролетарский поэт». Статья. Факсимильное издание (1972).

Письма 7 к неустановленному лицу (1925). Факсимильное воспроизведение.

Портрет. Фотография (<1930-е>). Переснимок.

М. Е. Вступительная статья о Э. Урксе к факсимильному изданию его произведений (Martine, 1972).

Фрезинский Борис Яковлевич (1941—2020) — историк литературы, специалист по истории советской литературы и политической истории России XX века.

Чуковская Л. К. Письмо к Савичу О. Г. (1967).

Пикассо Жаклин, жена П. Пикассо. Письма 2 Эренбург Л. М., сестре кинорежиссера Г. М. Козинцева, второй жене И. Г. Эренбурга (1967).

Мартынов П. Н. Экслибрис его. Печатное (<1930-е?>).

Материалы Полонской Елизаветы Григорьевны (1890—1969) — писательницы, поэтессы, переводчицы, журналистки.

Письма к ней: Каверина В. А. 5 (1964, 1965, 1968), Козинцева Г. М. 2 (1964, 1967), Лозинского М. С. 2 (1929, 1940), Маршака С. Я. (1952), Мариенгофа А. Б. (1952), Тихонова Н. С. 2 (1928, 1931), Чуковского К. И. (1928, 1960), Эренбурга И. Г. (1970) и др.

Фотопортрет Е. Полонской работы М. С. Наппельбаума (<1920-е>).

Каверин В. А. Дарительная надпись на форзаце книги «Два капитана» (Л., 1946). Автограф (1946).

Тихонов Н. С. «1 мая» (с посвящением Е. Полонской), «Черновик характера», «Ущелье Аи-Дэрэ». Стихотворения. Черновой автограф (1924).

Портреты Альберти Р. (1936), Коничева К. И. (1967; с дарительной надписью Е. Полонской), Лидина В. Г. (1934), Неруды П. (1965), Эренбурга И. Г. (1927, 1936) и др. фотографии. Подлинники, переснимки, почтовые открытки.

Чернявский Александр Николаевич (1871—1942) — пианист, композитор, аранжировщик.

«Могила», «Последний нынешний денечек». Русские народные песни. Перелож. на муз. А. Зорина / под ред. А. Н. Чернявского. Типогр. экз., с нотами. (СПб.: «Эвтерпа», 1917), с владельческой надписью неустановленного лица. Серия «Универсальная библиотека нот».

Честняков (наст. имя и фам. Евфимий **Самойлов**) Ефим Васильевич (1874—1961) — художник, писатель, скульптор.

«Собратьям». Стихотворение. Типогр. экз. (1917).

Чехов Антон Павлович (1860—1904) — писатель, драматург, врач.

Журнал «Солнце России». Специальный номер журнала, посвященный А. П. Чехову. 1914. № 228 (25 июня).

Старопечатные книги XVII—XX вв. (12): «Книга о вере» (1648), «Ефрем Сирин и Авва Дорофей. Поучения» (фрагмент; 1780), «Святцы» (1786), «Вседневное правило» (1912) и др.

Сборник богослужебный. Рукопись (<последняя треть XVI в. — 1820-е>).

Сборник житий русских святых (1982). Сборник составлен, переписан и декорирован московскими собирателями И. Г. и В. Г. Леоненко.

Коллекция анекдотов студентов-филологов МГУ 1955—1960 гг., собранная фольклористом Ю. А. Новиковым. Принтерный вывод (2021).

Картотека по иконографии русских писателей, составленная В. Я. Адарюковым, искусствоведом, библиографом, литературоведом.

Список изданий, просмотренных В. Я. Адарюковым для составления картотеки по иконографии русских писателей. Автограф (<1920-е>).

Письмо В. Я. Адарюкова В. И. Коплану (<до 1932>).

И. В. Кощиенко

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

‘Аббас-мирза 19, 21, 22, 23, 25, 30, 32, 34, 41, 49, 50, 55, 62–65, 68
‘Абд ал-Ваххаб Му‘тамид ад-даула, мирза 36, 38, 44, 45, 55
‘Абд Аллах-мирза 32, 52
‘Абд ал-Хусайн-хан, мирза 35, 37, 54
Абрамов Ф. А. 507, 519
Абрамова-Крутикова Л. В. 507
Абу-л-Касим Кайим-макам Фарахани 32, 53
Абу-л-Хасан-хан, мирза 35–38, 41, 43, 54, 65
Аввакум, протопоп 507
Аверченко А. Т. 637
Авсов Н. П. 187
Ага-Мухаммад-‘Али-бек 30, 42, 45, 46, 51
Ага-Мухаммад-шах Каджар 54
Агапов А. А. 128, 169
Агаповы, семья 80
Агафон 151, 160, 167
Адам Е. А. 187
Адарюков В. Я. 640
Аделунг А. Ф.18
Аделунг К. Ф. 18, 31, 33, 38, 45, 51, 53, 58, 60, 66–68
Аделунг Н. Н. 26, 27
Аделунг Н. Ф. 17–19, 26, 27
Аделунг Ф. П. 17, 18, 26, 29, 67, 69
Адлерберг Н. В. 578
Азадовский К. М. 269, 373, 399, 407
Азанчевские 580
Азов А. Г. 145, 168
Азовский А. А. 611
Айтматов Ч. Т. 529
Акимов Н. П. 448
Аксаков С. Т. 435
Аксененко Е. М. 604, 607, 608, 611
Александер Дж. 26
Александр (Грибов А. Д.) 37, 46
Александр II, имп. 179, 183, 220

* Составитель Л. О. Цандер.

Александр III, имп. 347, 350, 612, 638
Александр Свирский, прп. 468
Александра (Шура) — см. Модзалевская (в замуж. Брюн) А. Б.
Александра Иосифовна, вел. кн. 220, 222, 232, 234, 237
Александра Феодоровна, имп. 447, 448, 451, 461, 462, 510
Александрович (наст. фам. Покровский) А. Д. 120, 619
Алексеев А. Д. 178
Алексеев Н. В. 631
Алексеева (урожд. Иванова) А. Н. 631
Алексеева Е. М. 631
Алексеева Н. Ю. 577
Алексеев-Аскольдов С. А. 631, 632
Алексей, Леша — см. Витберг А. Ф.
Алексичев А. С. 515, 523, 533
‘Али-вирди 46
‘Али-Наки-мирза 32, 33, 52
‘Али-шах Зилл ас-султан 19, 20, 27, 36, 44, 48, 49, 55, 62, 63, 65, 68
Алиханов 51
Алкивиад 156, 160, 167
Аллахйар-хан Каджар Асаф ад-даула (Алла-яр-хан) 42–44, 56, 59, 63
Алхимова М. В. 620
Альберти Р. 639
Альбрехт П. И. 13
Альбрехт П. П. 14
Аман Аллах-хан 35
Амбарцум (Амбарцумян) Хачатур 51, 65, 68
Амбургер А. К. 21, 22, 24, 64–66
Амвросий Оптинский, прп. 473, 489, 491
Амин ад-даула 36, 38, 55
Амфитеатров А. В. 637
Анджелико Фра Беато 354
Андреев Л. Н. 459, 464
Андреева Е. С. 65
Андреева Т. 512
Андреевский С. А. 278, 361
Андрей (Андрюша) — см. Жданович А. Я.
Андрей Дмитриевич кн. 469
Андрей Юродивый, блж. 484–486
Андрущенко Е. А. 275, 387
Анжу П. П. 187
Анненков П. В. 7
Анский Ф. И. 9
Антокольский М. М. 375
Антокольский П. Г. 449
Антоний Оптинский, прп. 480–481, 489

Антонов Г. Н. 628, 631
Антоновна Хр. Г. — см. Граве Хр. Г.
Анучкина А. А. 97
Анфимова О. Н. 516, 521
Аполлодор 133, 153
Апостолова А. В. 605
Апт С. К. 126, 127, 130, 133, 136, 137, 140–145, 151–167
Аптер В. Г. 628
Апухтин А. Н. 278, 632
Арабажин К. И. 372
Арабажина (урожд. Деген) Н. В. 372, 375
Аренс (в замужестве Гаккель) В. Е. 632
Арина Родионовна 585
Ариштейн Л. М. 18, 19, 21, 69
Аристенет 128, 168
Аристотель 134, 160
Аристофан 160
Арманд Е. Е. 61
Арсеньев К. К. 361
Арсеньева (урожд. Витберг, в 1-м браке Казначеева) С. А. 80, 93
Архаров И. П. 430, 433, 435
Архаров Н. П. 434, 435
Архарова (урожд. Римская-Корсакова) Е. А. 430, 433–435
Архаровы, семья 431
Асеев Н. Н. 610
Асмус В. Ф. 129–132, 136, 137, 169
Аснаш С. С. 10
Астафьев В. П. 499–502, 511, 516, 525
Аутрам Б. 414
Ауэр Л. С. 309, 312, 323, 336
Афанасьев В. Г. 531, 532
Афанасьев-Чужбинский А. С. 175, 178
Ахилл Татий 127, 168
Ахматова (при рожд. Горенко) А. А. 579, 619

Бабушкин Ю. У. 272
Багно В. Е. 1
Байер В. П. 446
Байрон Дж. Г. 251, 446, 447
Бакунин М. А. 281
Балакин А. Ю. 178
Балакирев М. А. 581
Балаховская-Пети (урожд. Балаховская) С. Г. 344, 370, 371, 374, 378, 381, 388
Бальзак О. де 275, 377, 387

Бальмонт К. Д. 351, 632
Баневич С. П. 514
Баньярия Паоло Руффо ди, принц 239
Баранов П. Т. 430, 434
Баранова (урожд. Васильчикова) А. А. 430, 434
Барановы, семья 430, 431
Бардовский А. А. 116, 118–120, 124, 125
Барков И. С. 579
Барсуков Н. П. 90, 106
Бартон Э. Р. 424
Барышёв (Барышов) Е. Е. 236, 239
Барятинский А. И. 14
Барятинский В. В. кн. 378, 384
Баскина (Маликова) М. Э. 126, 127, 168, 614, 615
Батюшков Ф. Д. 351
Бахтин М. М. 613
Башкирцева (урожд. Бабанина) М. С. 371
Башкирцева М. К. 271, 281, 285, 292, 353, 371
Бедный Демьян (наст. фам. Придворов Е. А.) 464
Безант А. 353, 354
Безродная Ю. (наст. имя Яковлева Ю. И.) 338
Бекедин П. В. 507, 533
Беккер М. И. 146
Беклемишева (в замуж. Филиппченко) С. А. 96
Белецкий П. А. 436, 442
Белинский А. А. 520
Белинский В. Г. 8, 283
Белов В. И. 503–533
Белов Д. 638
Белова А. И. 526
Белова О. С. 504, 525, 526
Белоненко А. С. 521, 528
Белькова Е. И. 628
Бельчиков Н. Ф. 410, 418, 419, 421, 422, 439, 597
Беляев М. Д. 581, 633
Беневич Г. И. 447, 465
Бенедиктов В. Г. 196, 219
Бенинкорни А.-М. 73
Бенкендорф А. Х. 415, 417, 631
Бергсон А. 613
Берже Ад. П. 23, 52, 69
Берков П. Н. 583, 595
Бернар С. 384
Берн-Джонс 344
Бернович М. П. 620

Бертон А.-М. 73
Беспалов Н. А. 95, 96, 97, 106
Бестужева П. М. 416, 417
Бестужев-Марлинский (наст. фам. Бестужев) А. А. 416, 417
Бетховен Л. ван 310, 312, 323
Бибиков С. Н. 590, 595
Биневич Е. 389, 399, 406, 407
Бирюков Ю. С. 609
Бисмарк О. фон 632
Битов А. Г. 502, 636
Бихтер М. А. 637
Бицилли П. М. 624
Блаватская Е. П. 353, 464
Благосветлов Г. Е. 245, 266, 297
Блейк У. 270
Блинова О. А. 275, 387
Блок А. А. 142, 450, 629
Блок Г. П. 629
Блуа Л. 361
Боборыкин П. Д. 343, 357, 361, 377, 379
Бобрищев-Пушкин П. С. 308, 311
Бобыльков А. А. 530
Богаевская К. П. 429, 444
Богаевский Б. Л. 127, 168
Богач Г. Ф. 633
Богданов А. А. 626
Богданов О. 612
Богданова А. Н. — см. Граве А. Н.
Богданович П. С. — см. Фаворская П. С.
Боглачев С. В. 66
Богомолов Н. А. 269, 382, 388, 615
Богословский Д. Ф. 96
Боде К. К. 68, 69
Бодлер Ш. 354, 361, 390
Бокариус М. В. 628
Болдаков И. М. 340
Болдырев А. В. 127, 168
Болдырев А. Н. 615
Болотин Л. М. 618
Бондарева М. Г. 95
Бонди А. И. 595, 597
Бонди В. А. 429
Бонди С. М. 595
Бордоньи Дж.-Б. 75
Борисова М. 636

Боровиковский В. Л. 14, 433, 435
Боровский Я. М. 129, 134, 137, 169
Бороздны, род 422, 423
Бортник Д. Ф. 529
Боскье Ж.-С. 77
Боткин В. П. 250
Брагинский М. А. 282
Браш В. Л. фон 10
Брежнев Л. И. 527, 528
Бреслер Д. М. 128, 169
Брике И. А. 432, 436
Брок П. Ф.
Броневский В. Б. 217
Броутон Р. 373
Бруннов Ф. И. 200, 201
Брюллов К. П. 14
Брюн (в замуж. Бартон) Н. Л. 424
Брюн (в замуж. Станкевич) Ел. С. 419, 425, 574, 590, 591, 594, 596
Брюн (урожд. Маковецкая) Т. Л. 591
Брюн (урожд. Модзалевская, в 1-м браке Висковатова) Л. Л. 422–424, 428
Брюн А. Б. — см. Модзалевская А. Б.
Брюн Г. А. 594
Брюн де-Сент-Ипполит Л. А. 423
Брюн Евг. А. — см. Модзалевская Евг. А.
Брюн И. Ип. 591
Брюн Ип. С. 419, 425, 574, 590, 591, 594, 596
Брюн Л. А. 590
Брюн Л. Л. — см. Модзалевская Л. Л.
Брюн Н. Л. 424, 596
Брюн С. Л. 589, 590, 591, 595
Брюны, семья
Брюсов В. Я. 351, 368, 369, 377, 389, 391, 416, 417, 629
Буало Н. 144
Буальдье Ф.-А. 73, 74
Бугаенко П. А. 639
Бударагина О. В. 127, 168
Буланин Д. М. 390, 407, 615
Булгаков М. А. 629
Булгарин Ф. В. 23, 24, 51
Булла К. К. 631
Булыгина Ек. Н. — см. Граве Ек. Н.
Бунаков Н. Ф. 612
Бунин И. А. 637
Бурбоны 236
Бурдин Ф. А. 204, 205, 209

Буренин В. П. 277
Бурже П. 341, 342
Бурова Н. Г. 628
Бутенев М. А. 434, 442
Бутеневы, семья 434, 442
Бутлеровы 580
Бутовская Н. Я. 523
Бутовский Я. Л. 515, 523, 533
Бучкури А. А. 96
Бывшев М. С. 628
Быкова Г. Д. 634
Быстров В. Н. 389, 390, 407

Вавилов С. И. 575, 580, 594
Ва́вочка (Варюша) — см. Модзалевская (урожд. Гувениус, в 1-м браке Висковатова) В. Н.
Вагнер Р. 323
Вадим (Вадя) — см. Модзалевский В. Б.
Вадим (Вадя) — см. Модзалевский В. Л.
Ваксель П. Л. 10,11
Ванаг З. Б. 628
Вандерфлит Е. К. 638
Варга М. 622, 623, 625, 626
Варустин Л. Э. 245, 266
Василий Великий, свт. 467
Василий Дмитриевич, вел. кн. 468
Васильев В. В. 520, 525, 526
Васильчиков А. В. 430, 433, 435
Васильчиков В. А. 430, 434
Васильчикова (урожд. Архарова) А. И. 416, 433–435
Васильчиковы, род 430
Васильчиковы, семья 431, 435
Васнецов В. М. 464
Ватагин В. А. 610
Вахтангов Е. Б. 117
Ваценко Я. К. 54-56
Ващенко Ел. Н. — см. Граве Ел. Н.
Ващенко С. С. 600
Введенская В. М. 275, 387
Введенский А. И. 612, 617
Вдовин 190
Вегелина Ю. И. — см. Граве Ю. И.
Веденеев Б. Е. 591
Вейнберг П. И. 291, 361
Веккер Б. 273

Векслер И. И. 597
Венгеров С. А. 271, 274, 290, 312, 341, 373, 387, 390–391, 399, 407, 415
Венгерова (урожд. Эпштейн) П. Ю. 373
Венгерова З. А. 270, 273, 280, 281, 323, 340–342, 344, 348, 353, 354, 364, 369–374, 376, 378, 381, 382, 388
Венгерова И. А. 364, 372, 373
Венецианов А. Г. 14
Верга Дж. 377
Вергилий (Виргилий) 140
Вересаев В. В. 272, 434, 443
Верлен Поль 270, 390
Вернадский В. И. 425, 426
Вертинский А. Н. 450, 455
Вертпре Ж. 77
Веселаго Ф. Ф. 181
Вещилов К. А. 96
Вийон Ф. 607
Вильгельм I, имп. 632
Вильданова Р. И. 624
Вилькина (урожд. Венгерова) Е. А. 372, 373
Вилькина Л. Н. (имя до крещения — Изабелла, Бэла) 346, 348, 373, 374, 381, 383, 384, 387
Вильмонт Н. Н. 169
Виндельбанд В. 612
Винкельман И. И. 216, 217
Виноградова Е. В. 445, 465
Винявский Г. 323
Виняр А. И. 60
Висков О. А. 516
Висковатова В. Н. — см. Модзалевская В. Н.
Висковатова Л. Л. — см. Модзалевская Л. Л.
Витберг (урожд. Агапова) Г. М. 79, 80, 81
Витберг А. Л. 80, 81, 86, 106
Витберг А. Ф. 80, 81, 100, 102, 104
Витберг Андр. Ф. 81
Витберг Е. Ф. 81
Витберг Л. А. 86, 88, 89
Витберг Н. Ф. 79–88, 91–106
Витберг Ф. А. 79–81, 86–88, 90–96, 99 –107
Витберг Ф. Ф. 81
Витман А. М. 611
Витт (Вит) А. Н. 214, 215, 226
Витте С. Ю. 434
Вихман (урожд. Покорская-Жоравко) М. В. 433
Вихман Г. Л. 430–433

Вихман Л. Н. 433
Водовозов В. И. 246, 266
Волков А. В. 126, 127
Волков Ф. 117
Волконская Е. С. 231
Волконский М. С. 231
Волконский С. Г. кн. 225, 227, 231, 232, 234, 235
Волошин М. А. 629
Волынский А. Л. (наст. имя Флексер Х. Л.) 268, 270, 273–275, 277–283, 285, 290, 292–294, 305–307, 309, 311, 312, 323, 335, 336, 338, 340, 343, 345–348, 351, 353, 354, 356–359, 361, 363–366, 370–372, 374, 380–383, 385–388
Вольф М. О. 243, 267
Вольховский В. Д. 50, 52
Вольценбург О. Э. 79, 97, 107
Воннегут К. 636
Вордсворт У. 579
Воробьев В. Е. 526
Воробьева О. А. 245, 267
Воронский А. К. 626
Воронцов-Дашков И. В. 280
Врангель Е. П. 177
Врангель Н. Н. 420
Врангель П. Н. 463
Врангель Ф. Е. 177
Врангель Ф. П. 177, 178
Вреец И. А. — см. Юшневская И. А.
Всеволожская П. Н. — см. Шахматова П. Н.
Вундт В. М. 271, 287, 290
Вяземский П. А. кн. 225–227, 231

Габерцетель П. И. 14
Гаврилин А. В. 528
Гаврилин В. А. 503–533
Гаврилина А. А. 527, 528, 531
Гаврилина И. П. 527, 528, 531
Гаврилина К. М. 518, 521
Гаврилина Н. Е. 504, 505, 506, 513, 514, 515, 520, 523, 525, 527, 528, 531, 533, 628
Гаврилов А. К. 129
Гаврилов Г. С. 634
Гаврилова Н. Г. 634
Гагарин Г. Г., отец 14, 15
Гагарин Г. Г., сын 14
Гагарина (урожд. Дашкова) С. А. 14

Гагарина М. Г. 14
Гагарина Н. Г. 14
Гагемейстер А. Л. 88
Гадд О. Ф. 187
Гаевский В. П. 7, 9
Гайворонская Н. 11
Гайдебуров П. А. 116
Гайдебуров П. П. 116–120, 124, 125
Гаккель В. А. 632
Галанина Ю. Е. 116, 628
Галли Ф. 75, 76
Галушкин А. Ю. 625
Гамид Абдул 86
Ганнибал М. А.12
Гарбузов В. С. 615
Гаспаров М. Л. 166
Гаспратов А. 65
Гебгардт И. К. 219
Гегель Г. В. Ф. 249, 257
Гейден Л. Л. («граф») 176
Гейне Г. 348, 449
Гейнц Т. 373
Гейро Л. С. 174, 211
Гейченко С. С. 633, 634, 638
Гелиодор 127, 128, 131, 132, 169
Генералова Н. П. 521
Георгий (Юрий) Дмитриевич, кн. 469
Георгий Михайлович, вел. кн. 422, 423
Герашко Л. В. 503, 624
Гербель Н. В. 7, 8, 542, 543, 546, 569
Герман Соловецкий, прп. 483–484
Герод 162, 169
Герольд Л.-Ф. 74
Гершельман В. К. 425, 426, 443
Гершензон М. О. 618
Гесиод 160
Гессен И. 636
Гессен С. Я. 583
Гете И.-В. 131, 262, 265, 288, 291
Гетман Ф. Д. 421, 444
Гиллельсон М. И. 72
Гинкен А. А. 375
Гинцбург Г. О. 275
Гиппий 135
Гиппиус (урожд. Эггерс) Е. Ф. 403–406

Гиппиус А. В. 400, 403, 404, 406
Гиппиус В. В. 597
Гиппиус В. И. 403, 404, 406
Гиппиус Вас. В. 390, 391, 401–404, 406, 407
Гиппиус Вл. В. (псевд. Вл. Бестужев, Вл. Нелединский, Вл. Басманов) 389–392, 398–402, 406, 407
Гиппиус З. Н. 98, 273, 275, 276, 280, 281, 283, 284, 340, 351, 357, 361, 378, 382, 385–388, 390
Гиппиус Л. В. 403, 404, 406
Гиппиус Т. А. 98
Гитович А. И. 619
Гичин В. П. 523
Глинка М. И. 464
Глинка Ф. Н. 188
Глинский Б. Б. 280, 382, 383
Глюк К.-В. 73
Гнедич Н. И. 368, 369
Гнедич Т. Г. 445–452, 463, 465
Говениус В. Н. — см. Модзалевская В. Н.
Гоголь Н. В. 90, 106, 120, 371, 417, 430, 431, 434, 435, 443, 574, 576
Голдин В. И. 113
Голицын А. М. 434
Голицын А. Н. 29
Голицын В. М. 434
Голицын М. В. 430, 431, 434
Голицына (урожд. Лопухина) А. С. 430, 431, 434, 435
Голицыны, семья 431, 434
Голлер Б. А. 19
Головин В. В.
Головнин А. В. 185, 222, 229, 231
Головнин В. М. 185
Голуб В. А. 530
Голубев В. П. 638
Гольденберг В. А. 626
Гомер 128, 145, 169, 262, 368, 446
Гонтье Г. 77
Гончаров А. А. 580
Гончаров И. А. 173, 175, 176,178, 182, 184, 186, 190, 191, 196, 218, 219, 234, 236, 239, 246, 267, 581
Гончаров Н. А. 580
Гончарова Н. Н. 580
Гончаровы 580
Гораций 165
Горбачев Г. Е. 626
Горбачев И. О. 529, 530, 531

Горбачев М. С. 518
Гордин Я. М. 526
Горелов А. Н. 638
Горина Т. Н. 79, 97, 107
Горковенко Н. С.
Горлин А. Н. 617
Городецкий Б. П. 633
Городецкий И. Д. 126, 127, 132, 133, 141, 146–148, 169
Городецкий С. М. 610
Горчаков А. И. 12, 13
Горький М. (наст. имя Пешков А. М.) 583, 614, 620
Готовцева А. Г. 417, 443
Готье Т. 131
Грабарь-Пассек М. Е. 136
Граве (в 1-м браке Ващенко; во 2-м браке Шахматова) Ел. Н. 575, 594, 599, 603
Граве (в замуж. Изыльметьева) М. В. 598
Граве (урожд. Антонова) Хр. Г. 598
Граве (урожд. Богданова) А. Н. 597
Граве (урожд. Булыгина) Ек. Н. 599
Граве (урожд. Вегелина) Ю. И. 601
Граве (урожд. Женетт) Ю. П. 598
Граве (урожд. Истомина) О. К. 601
Граве (урожд. Каховская) Ек. В. 598, 602
Граве (урожд. Морозова) Над. Т. 598, 599, 602
Граве (урожд. Суровцева) А. (Нина) Н. 598
Граве (урожд. Шахматова) Н. А. 587, 599, 600, 602
Граве (урожд. Юшневская) Ел. С. 601, 603
Граве А. А. 597
Граве Ап. И. 599, 600, 602
Граве В. И., генерал-майор 601, 603
Граве В. И., дед Н. Н. Модзалевской 597, 598, 599, 602
Граве Вл. Вл., сын Ек. В. Граве (урожд. Каховской) 598, 599, 602
Граве Вл. Вл., сын Н. Т. Граве (урожд. Морозовой) 598
Граве Вл. Вл., сын Ю. И. Граве (урожд. Вегелиной) 601, 603
Граве Д. А. 600, 602
Граве И. Пл. 600
Граве И. С. 597, 598, 602
Граве И. Хр. 601
Граве К. В. 601, 603
Граве Н. В., отец Граве (в замуж. Модзалевской) Н. Н. 587, 599, 602-603
Граве Н. В., сын В. И. Граве, генерал-майора 601, 603
Граве Н. В., сын Ек. В. Граве (урожд. Каховской) 598, 602
Граве Н. И. 599, 602
Граве Н. Н. — см. Модзалевская Н. Н.

Граве Н. Пл. 600
Граве Пл. И. 599, 600, 602
Граве С. Д. 597
Граве С. И. 599, 602
Граве, род 580
Граве, род казанской губ. 580
Грассари К. 73
Греков Вл. 10
Гретри А.-Э.-М. 74
Гречишкин С. С. 270, 387
Грешный А. З. 244, 267
Грибов А. Д. (Александр) 37, 47
Грибоедов А. С. 17-26, 29-34, 36-47, 49-54, 62, 65-69, 122
Грибоедова Н. А. (Чавчавадзе Н. А.) 38, 39, 45, 52
Грив А. И. 228, 229, 234
Григорий Богослов, свт. 483–484
Григорович Д. В. 14, 175, 180, 181, 182, 218, 222, 223, 225, 237, 361
Григорьев Ап. А. 204, 205, 209, 242, 244–248, 250, 257, 266, 267, 281
Григорьев В. Н. 24
Гринев П. Д. 630
Грифцов Б. А. 615
Грудинина Н. И. 628
грузинский принц — см. Кобулов С.
Губайдулина С. А. 517
Гувениус В. Н. — см. Модзалевская В. Н.
Гудович И. В. 58
Гуковский Г. А. 581, 583
Гумилев Л. Н. 242, 247, 605
Гурвич Ю. М. 97
Гуревич (Гуревич-Ильин) Г. Я. 309, 311, 323, 363
Гуревич Л. И. 330, 363, 364, 365
Гуревич Л. Я. 268–276, 279–286, 290–294, 297–299, 304, 306, 307, 310–312, 314, 316, 317, 319, 322–326, 329–351, 353–358, 361, 362, 364, 366, 368–371, 373–388
Гуревич Я. Г. 271, 291, 309, 311, 346, 348, 358, 359, 372
Гуревич Я. Я. (псевд. Я. Крюковский) 309, 311, 346, 348, 363
Гуреева И. 594
Гурий Казанский, свт. 487
Гурко И. В. 86
Гурович Н. Б. 634
Гусев Н. Н. 297
Гутин Б. 504
Гюисманс Ж.-К. 270, 361

Д'Аннунцио Г. 374, 375
Давыдов З. С. 20

Давыдов К. Ю. 272
Давыдова (урожд. Горожанская) А. А. 272, 273, 290
Дадаш-бек — см. Дадашев В.
Дадашев В. (Дадаш-бек) 31, 34, 38, 39, 46, 52
Далейрак Н.-М. 74
Даль В. И. 147
Данилевский Г. П. 175
Данилевский Н. Я. 242, 247
Дар (наст. фам. Рывкин) Д. Я. 633
Дациаро И. Х. 210, 211
Дашевский Г. М. 141, 169
Дашкова (урожд. Воронцова) Е. Р. 414, 443
Дворниченко Н. Е. 115
Дворяшин Ю. А. 507, 533
Девора библ. 89
Дельвиг А. А. 417
Демичев П. Н. 525, 527
Деникин А. И. 463
Депман И. Я. 628
Дергачева Т. А. 412, 419, 420, 428, 429
Державин К. Н. 630
Державин Н. С. 584, 594
Деривис Л.-Э. 73, 74
Дестунис Г. С. 182
Дефо Д. 614
Джахангир-хан 32
Джотто 254
Дзукелли К. 75
Диккенс Ч. 597
Диль Г. 595
Димитрий-убиенный, цесаревич 451, 462, 465
Динесман Т. Г. 245, 267
Диффенбах 202
Дмитриев А. П. 181, 242
Дмитриев С. Н. 29, 64, 65, 66, 69
Дмитриева В. И. 375
Дмитрий Донской, вел. кн. 458
Добжинский П. 633
Добровольский Л. М. 595
Добролюбов А. М. 283, 387, 389–391, 393, 398–402, 407
Добролюбов Н. А. 283
Доватур А. И. 129, 169
Додин Л. А. 512, 518
Додонов Н. В. 592
Додонова (урожд. Богданович) П. С.

Додонова В. Н. — см. Фаворская В. Н.
Долгова С. Р. 414, 443
Долгоруков Н. А. 49, 57, 61, 66, 68
Долгоруков Ю. В. 12
Доливо-Добровольский И. Ф. 638
Домашев А. Ф. 628
Дорофей, авва (свт. Дорофей Газский) 640
Достоевский Ф. М. 14, 419
Доу Д. 13
Дружинин А. В. 184
Дружинин П. А. 145, 169
Дубровский А. В. 7
Дудышкин С. С. 222
Дукшта-Дукшинский Г. Р. 180
Дьяков В. М. 585
Дюваль А. 76
Дюкруаси И. А. 14
Дюсис Ж.-Ф. 76
Дягилев С. П. 120

Евгеньев-Максимов В. Е. 269
Евдокимов Е. 398
Евматий Макремволит 128, 168
Евреинова А. М. 271, 272, 280, 314
Евстигнеева А. Л. 274, 386–388
Егор — см. Нарбут Г. И.
Егоров В. Г. 610
Егунов А. Н. (Николев А.) 126–137, 140–149, 151–170
Екатерина Михайловна, вел. кн.
Елагин И. Н. 636
Елена Павловна, вел. кн.
Емельянов 414
Ениколопянц М. А. 56
Ениколопянц Ц. — см. Манучихр-хан
Епифанова В. И. 96
Еремина Е. Н. 610
Ермак Е. Н. 628
Ермилова Е. В. 244, 267
Ермолов А. П. 50–52, 54–56, 58, 59
Ефименко П. П. 590
Ефремов А. П. 236, 239
Ефремов П. А. 7, 8, 9, 10, 20, 50, 69
Ефремова Ю. А. 239
Ефремова Ю. Д. 236, 239

Жакоба — см. Жданович Я. Н.
Жамм Фр. 632
Жандр А. А. 20
Жданов В. А. 585
Жданов И. Н. 90, 106
Жданович (урожд. Линдфорс) А. А. 413
Жданович А. Я. 418–420, 425, 428, 439–441, 443
Жданович Н. А. 412, 419, 420, 428, 429
Жданович Н. Я. 418–420, 428, 429
Жданович Я. Н. 408–443, 595
Ждановичи, семья 419, 422
Жебелев С. А. 127, 132–134, 137–141, 148, 153, 169, 170, 614, 616
Желтова Е. В. 129
Жемчужниковы 590
Женетт Ю. П. — см. Граве Ю. П.
Жид А. 614, 616
Жирмунский В. М. 626
Жихарев С. П. 13
Жуйкова Р. Г. 628, 633
Жуковский В. А. 590, 633
Журавлева А. И. 246, 267
Жюрайтис (Журайтис) А. М. 525, 526

Заблоцкий-Десятовский М. П. 177, 179, 214, 215
Заболоцкий Н. А. 619
Заборов П. Р. 71
Заварзина Н. Ю. 426, 443
Завьялов С. А. 145, 169
Заленская
Заленская 330
Заслонов К. С. 420
Захаренко Н. Г. 606, 610
Захаров А. Н. 628
Захаров-Мэнский Н. Н. 634
Звонцов В. М. 634
Зворская Н. Н. 613
Звягина Н. А. 628
Зейер Ю. 90
Зеликина (урожд. Флексер) М. А. 274
Зелинский Ф. Ф. 134
Зельченко В. В. 129
Земцовский И. И. 506, 533
Зенгер Т. Г. — см. Цявловская Т. Г.
Зернова Р. А. 448, 465
Зигвард Х. 613

Зимина Н. Е. 596
Златковский М. Л. 173, 176, 177
Змеев Л. Ф. 234
Зоил 243
Золя Э. 348
Зорина А. 639
Зосима Соловецкий, прп. 480, 483–484
Зотов В. Р. 216, 217
Зощенко М. М. 619
Зубарев Л. Д. 348
Зудерман Г. 373
Зульбе Н.
Зухраб-хан 38, 39, 41

Иван Грозный, царь 247, 257
Иванов А. А. 14, 414
Иванов М. М. 375
Иванов С. А.
Иванова Е. В. 390, 391, 399, 407
Иванова Т. Г. 423, 443, 628
Иванов-Разумник (наст. фам. Иванов) Р. В. 110, 112, 114, 626
Ивановский А. В. 597
Игнатьев Г. А. 86
Игошева Т. 400–402, 407
Измаилов Н. 188
Измайлов Н. В. 576, 579, 583
Изыльметьев В. Ф. 599
Изыльметьев И. Н. 218
Изыльметьева М. В. — см. Граве М. В.
Ильин А. А. 637
Ильин И. А. 280
Ильин Л. А. 634
Ильин Н. И. 280
Ильина Е. (наст. имя Прейс, урожд. Маршак Л. Я.) 636
Ильина Н. К. 537
Имамвирди-мирза Каджар Кашик-баши 49, 61, 63
Инбер В. М. 634
Иоанн Златоуст, свт. 467
Иоанн Кронштадтский — см. Сергиев И. И.
Иоанн, апостол 482
Иосиф из Еревана 37, 57
Ирина, 1-я жена Б. Л. Модзалевского, мл. 594
Иса, мирза 51
Исайя, пророк 469
Исаков С. Г. 272

Исаков Я. А. 9
Исаковский М. В. 610
Исаченко В. Г. 628, 634
Исаченко Н. В. 634
Искюль С. Н. 420, 443
Исленьева А. П. 414
Исмаил-хан (Талаи) 38, 39, 58
Истомин Ал. И. 186
Истомин Ан. И. 186
Истомин Вл. И. 186, 601
Истомин И. А. 186
Истомин К. И. 184, 185, 186, 196, 220, 229, 601
Истомин П. И. 185–187, 193, 199, 200, 202, 207, 209, 211, 216, 227, 229, 231, 232
Истомина Е. И. 186
Истомина О. К. — см. Граве О. К.

Каверин В. А. 639
Кадиш М. П. 626
Казначеева С. А. — см. Арсеньева С. А.
Калаушин М. М. 595
Калинина Н. В. 181
Калиновский Д. И. 7, 8
Каменев (при рожд. Розенльфельд) Л. Б. 583
Канкрин Е. Ф. 55
Канн С. К. 235
Каннегисер Н. Н. 606, 607
Кант И. 129, 168, 295, 340, 612
Караджич В. 228
Карамзин Н. М. 633
Кардуччи Д. 374, 375
Карим-хан 49
Карпинский А. П. 591
Карпов В. Н. 133, 139, 141, 147, 148, 169, 176
Карпов Н. А. 581
Карсавин Л. П. 127, 170, 614, 618
Карцов Г. П. 632
Кассу Ж. 614
Катков М. Н. 361
Катулл 133, 161
Кауфман А. Е. 637
Каховская Ек. В. — см. Граве Ек. В.
Кашкин И. А. 615
Келли Л. (Kelly L.) 60, 70
Кенси 73

Кеппен П. И. 18, 19, 29
Кеппен Ф. П. 18
Керн (урожд. Полторацкая, во 2-м браке Маркова-Виноградская) А. П. 415, 417
Керцели Л. Ф. 633
Кипренский О. А. 14
Кирилл Александрийский 467
Кирилл Белозерский, прп. 466, 467–468
Киров С. М. 447
Кирхнер А. В. 111
Кирхнер Л. В. 111
Кирьякова В. П. 426
Киселёв 214
Киянская О. И. 417, 443
Кладницкий В. И. 530
Книпер (урожд. Альбрехт) Е. П. 7, 9, 10, 11, 13, 14
Книпер А. Ф. 13, 14
Книпер Е. Ф. 13
Книпер М. Ф. 13
Книпер Н. Ф. 13
Книпер П. Ф. 13
Книпер С. 14
Книпер Ф. Е. 13,15
Князев Г. А. 421, 442, 577, 583
Князева В. М. 628
Князева М. Ф. 594
Князева Н. Г. 606, 610
Кобринский А. А. 273, 387
Кобулов (Кабулов, Кобулашвили) С. 31, 38, 45, 52, 57
Ковалевский Ев. П. 183
Ковалевский Ег. П. 226, 227
Ковалевский М. М. 356, 357
Ковбас И. Д. 618
Коган П. С. 626
Козинцев Г. М. 639
Козлов А. А. 631
Кольцов А. В. 114
Комаров А. А. 635
Комаров А. Н. 610
Комаров В. Б. 635
Комарова Е. А. 635
Комаровская М. 342
Комиссаржевская В. Ф. 117
Комиссаржевский Ф. П. 117
Кондаков С. Н. 79, 107

Кондратьева А. А. 507
Коневской И. И. 389
Кони А. Ф. 347, 361
Коничев К. И. 639
Коновалов Э. Г. 79, 107
Константин Великий, имп. 89
Константин Николаевич, вел. кн. 175, 177–180, 182–186, 203, 218–223, 225, 226, 232, 234, 237, 239
Константинова К. Е. 128, 169
Конт О. 271, 287, 290
Коншина Е. Н. 634
Коперник Н. 262, 265
Коплан Б. И. 633
Коплан В. И. 640
Коренева М. Ю. 129, 386
Корнель П. 77
Корнуолл (Корнуэлл) Б. 579
Короленко В. Г. 282
Коростылев В. Н. 509, 522
Коротаев В. В. 527, 528
Корреджио, А. ди 238, 240
Корф Ф. Ф. 61
Корш Ф. А. 378
Космодемьянская З. А. 420
Коссарт В. А. 89, 99
Коссарт Ю. А. 86, 90, 91, 92, 99–101
Котельников В. А. 628
Котетишвили П. А. 628
Котикова Н. Л. 504
Кохановская (наст. фам. Соханская) Н. С. 635
Коцебу Э. К. 375
Кочеткова К. Е. — см. Фаворская К. Е.
Кочеткова Н. Д. 628
Кочнева Е. В. 104, 107
Кочубей Н. А. 231
Кощиенко И. В. 406, 612, 614, 618, 621, 628, 640
Краббе Н. К. 181
Краваль Л. А. 633
Крайнева Н. И. 605, 607, 615
Крамской И. Н. 431, 435
Краснобородько Т. И. 412, 442, 443
Красно-Милашевичи 580
Красноштанов С. И. 115
Красовская С. И. 110
Красовский А. И. 176, 177, 179, 180

Крачковский И. Ю. 583
Крейцер Р. 73
Кржевский Б. А. 613, 615, 616, 618
Кривополенова М. Д. 507, 517
Кривошея О. В. 436, 444
Кроленко А. А. 133, 614
Крувелли С. 230, 231
Кругов А. И. 65, 69
Крутиков 189
Крылова А. Ф. 416, 417
Куглер Ф. Т. 238, 240
Кудашев М. Д. 22
Кудрявцев В. Б. 622–625, 627
Кужлев М. В. 628
Кузен В. 139
Кузин Б. С. 604–607
Кузин С. Г. 604
Кузина О. Б. 604
Кузина О. С. 607
Кузмин М. А. 128, 131, 146, 169, 614–616, 618
Кузьмичев И. С. 620
Куканов 212, 217, 219
Кукольник Н. В. 417
Кукрыниксы (наст. имена: Куприянов М. В., Крылов П. Н., Соколов Н. А.) 464
Кукушкина Т. А. 622, 627
Куликов И. С. 95, 96, 97, 106
Куликова К. 13
Кулябко Е. С. 595
Куприн А. И. 630, 637
Куприяновский П. В. 269, 280, 341, 343, 387
Курбатов В. Я. 516
Курда Ф. М. 583
Кустов А. К. 635
Кустодиев Б. М. 96
Кутейников В. А. 628
Кутузов М. И., светл. кн. 8, 9
Кучкина О. А. 529
Кушелев-Безбородко Г. А. (псевд. К. Б.), гр. 189, 209, 211, 222, 244–247, 266, 267
Кюхельбекер В. К. 633

Лабади Б. 73
Лавочкин С. А. 588
Лаврентьев В. Г. 424

Лавров А. В. 1, 369, 377, 389, 407
Лавров П. Л. 196, 219
Лаврова Н. Н. 628
Лайа Ф.-Л. 77
Лакшин В. Я. 529
Лангер В. П. 183, 184, 188
Лансере А. Н. 589
Лансере Е. Е. 589
Лансере М. Л. — см. Модзалевская М. Л.
Лансере Н. Е. 589
Ланская З. 596
Лаппо-Данилевский К. Ю. 624
Ларина Н. Я. 615
Ларош Г. А. (псевд. Л. Нелюбов) 243, 267
Лахнит Л.-В. 72, 73
Леббок Д. (Лэбок Дж.) 83, 107
Лебедев Д. П. 132
Лебедев Н. Е. 214, 215
Лебедев-Полянский (наст. фам. Лебедев) П. И. 422, 424
Лебедянская А. П. 105, 106
Лев (Лёва, Лёвушка) — см. Модзалевский Л. Б.
Лев (Леонид) Оптинский, прп. 466, 467–468
Левассер Н.-П. 75
Левашов М. А. 608–611
Левенко А. М. 634
Левер Ж.-Ф.-Э. 77
Левицкий Д. Г. 14
Левшина Е. С. 408, 442, 443
Легран А. 77
Ленин (при рожд. Ульянов) В. И. 450, 635
Леоненко В. Г. 640
Леоненко И. Г. 640
Леонов Н. И. 636
Леонтьев Б. А. 620
Леонтьев К. Н. 242, 247
Лермонтов М. Ю. 307, 340–342, 430, 431, 434, 574, 576, 581, 583, 584, 586, 630
Лермонтова М. М. 630
Лермонтова Э. М. 630
Лернер Н. О. 9
Лесгафт П. Ф. 309, 311
Лесман М. С. 604, 606, 608, 610
Леткова (в браке Султанова) Е. П. 377
Летов Б. Д. 636
Летова Н. А. 628

Либерман Н. Р. 628
Ливанский К. Ф. 449
Лидин В. Г. 639
Лина Михайловна — см. Витберг (урожд. Агапова) Г. М.
Линдфорс З. А. 413
Лиф Ш. Б. 597
Лихачев Д. С. 622, 623
Легран А. 77
Лобачевский Н. И. 575, 577, 580, 584
Лозино-Лозинский (наст. фам. Любич-Ярмолович) М. А. 340, 341
Лозинский М. С. 616, 639
Ломоносов М. В. 575, 577, 580, 582
Лопухин С. А. 434
Лопухина (урожд. Баранова) А. П. 430, 434
Лопухины, семья 430, 431
Лосев А. Ф. 129, 130, 169
Лосский Н. О. 617
Луговой (наст. фам. Тихонов) А. А. 343
Лукин Д. А. 225, 226
Луконин М. К. 608
Луначарский А. В. 586
Лутковская О. А. 628
Льдов К. (наст. имя Роземблюм В.-К. Н.) 283, 284, 341, 377
Льховский И. И. 176, 180-182, 184, 200, 209, 214, 216, 218, 236
Лэбок Дж. — см. Леббок Д.
Люба — см. Л. А. Витберг
Любицкий А. А. 96
Лютер М. 392, 393, 400
Ляпунова А. С. 581
Ляхов С. П. 634

Мабиль 227
Магницкий М. Л. 29
Мазарович С. И. 51, 54, 55
Май К. И. 573, 583
Майков А. Н. 173–241, 243–245
Майков Ап. Ап. 189
Майков В. Н. 283
Майков Вал. Вл. . 209, 211
Майков Вл. Н. 189, 191, 192, 209, 211, 215, 222, 223, 226, 227, 236, 239
Майков К. А. 236, 239
Майков Л. Н. 191, 192, 209, 210, 214, 217, 221, 222, 226, 236, 239, 422, 423
Майков Н. А., отец А. Н. Майкова 176, 182, 189–193, 196, 198, 199, 202, 207, 209-214, 217-219, 223, 226, 235, 236, 239

Майков Н. А., сын А. Н. Майкова 188–193, 196, 197, 200, 204, 205, 213, 215–218, 220, 226, 228, 232, 234, 236
Майкова А. И. 177, 181, 188–191, 193, 196–207, 209, 210, 213–219, 221, 222, 224, 228, 229, 232, 235, 236, 238, 239
Майкова В. А. 188–193, 196, 197, 204, 213, 215, 216, 218, 220, 221, 226, 228, 232, 234, 236
Майкова В. Вл. 174, 209
Майкова Евг. Вл. 209, 211, 213, 214, 216, 217
Майкова Евг. П. 176, 182, 188–192, 194, 203, 207, 209, 210, 212, 217–220, 223, 226, 235, 236, 238
Майкова Ек. П. 191, 192, 209, 211, 213–215, 226, 236, 239
Майковы, семья 194
Маймин Е. А. 633
Макарий Оптинский, прп. 481, 489, 491
Макарова О. Е. 283, 387
Макарьев Л. Ф. 124
Макдональд Дж. (Macdonald K. J.) 21, 23-26, 50, 63
Макдональд Р. (Macdonald R.) 25, 52, 61, 64, 65, 68
Македонов А. В. 620
Макнейл (Макнил) Дж. (Macneil J.) 28, 50, 70
Маковецкая Т. Л. — см. Брюн Т. Л.
Маковская (урожд. Леткова) Ю. П. 636
Маковский К. Е. 636
Максимов В. Г. 508, 515, 529, 531, 533
Максимов Г. С. 630
Максимов Д. Е. 269
Максимов С. В. 175, 630
Маликов В. И. 538, 569
Малиновские, семья 414, 443
Малиновский А. Ф. 414
Малишевская Е. М. 96
Малларме С. 361
Малышев В. И. 630
Малышкин С. А. 13
Малькольм Дж. (Malcolm J.) 50
Мальмберг Ф. А. 31, 45, 46, 66
Мальцов И. С. 21, 25, 31, 38–40, 42, 48, 51–53, 58, 60, 61, 63–69
Малявин Ф. А. 96
Мамед-хан 58
Мамин-Сибиряк Д. Н. 637
Мандельштам Н. Я. 604 606
Мандельштам О. Э. 604–607
Манн Т. 133, 156, 159, 169
Мануйлов В. А. 579, 584
Манучихр-хан 38, 40, 41, 45, 46, 55–57

Мариенгоф А. Б. 639
Марисина И. М. 28
Мария Александровна, цесаревна 14
Мария Федоровна, имп. 633
Маркарян Яков — см. мирза Якуб
Маркиш С. П. 133, 137
Маркс А. Ф. 174
Маркс К. 114
Марр Н. Я. 575, 590
Марради Дж. 374, 375
Марс 76, 77
Март В. (наст. фам. Матвеев В. Н.) 636
Мартиниан Белозерский, прп. 468
Мартос П. И. 415, 417
Мартынов И. И. 139
Мартынов Н. Г. 544, 569
Мартынов П. Н. 639
Маршак И. С. 636
Маршак С. Я. 636, 639
Марья Васильевна, знакомая Б. В. Шергина 488
Масальский Н. Ф. 57, 64, 69
Масанов И. Ф. 440, 443
Масих, мирза 42, 44, 66
Маслов Ф. А. 96
Масонов И. Ф. 111
Матвеев (псевд. Зотик; Н. З-М., Николай Матвеев-Амурский) Н. П. 636
Матвеева Н. Н. 636
Матвеев-Бодрый Н. Н. 636
Матич О. 275
Маурицио М. 128, 169
Махди, мирза 43
Махди, мирза 43
Махдикули-хан 42
Махно Н. И. 464
Махонька — см. Кривополенова М. Д.
Маццони Г. 374
Маширов А. И. 111
Машков В. И. 56
Маяковский В. В. 615, 617
Медведев П. Н. 273
Медведь Р. М. 447
Медведь Ф. Д. 447
Мейерхольд В. Э. 124
Мелентьева П. В. 7, 10, 11
Меликянц С. 29, 45-47, 56

Мелиссино (урожд. кнж. Волконская) Н. В. 12
Мелиссино И. И. 13
Мелиссино П. В. (урожд. кнж. Долгорукова) 12
Мельников П. И. 435
Менандр 133, 161, 162, 169
Менделеев Д. И. 14
Меншиков А. С. 50, 51
Меншуткин Б. Н. 577
Мережковский Д. С. 275, 280, 283, 349, 351, 354, 357, 361, 382, 383, 385–387
Меркушев М. Л. 283, 372
Мессер А. 612
Метерлинк М. 346, 383, 390
Мец А. Г. 628
Мешинг Э. И. 272, 273, 275, 276, 279, 281, 284, 340
Мещерский А. П., кн. 624
Мещерский В. П. 326
Мещеряков Н. Л. 626
Микеланджело Буонаротти 238, 240
Миков А. В. 636
Микова Н. С. 628
Милиоти Н. Д. 413
Миллер П. Н. 597
Миллер-Будницкая Р. З. 169
Милль Дж. С. 295, 297
Милуша — см. Брюн (урожд. Модзалевская, в 1-м браке Висковатова) Л. Л.
Мильтон Дж. 262
Милюков А. П. 11
Минак В. 130, 170
Минетт 77
Минин В. Н. 510, 514, 515, 517, 526, 527, 531
Минков М. Я. 400
Минский (наст. фам. Виленкин) Н. М. 268–281, 283–286, 290–294, 297–299, 304, 306, 307, 311, 312, 314, 316–319, 322–326, 329–348, 350–352, 354–358, 361, 362, 364–366, 368–371, 373–388, 401
Минц З. Г. 269, 272, 287
Мисникевич Т. В. 80, 107
Митрофан Воронежский, свт. 480
Михайлов В. В. 506
Михайлов М. Л. 175, 282
Михайлова А. Н. 581
Михайловский Н. К. 271, 277, 279, 282, 283, 337
Михалков Н. С. 13
Михалков С. В. 610

Мичурина-Самойлова В. А. 585
Миша (Михаил Андреевич Барыкин) 489
Могилевич И. М. 17-19, 25, 53, 69
Могилянский А. П. 447, 449, 465
Модзалевская (в 1-м браке Висковатова, во 2-м браке Брюн) Л. (Милуша) Л. 590, 596–603
Модзалевская (в 1-м браке Энкель) Н. Л. 422, 424, 425, 439
Модзалевская (в замуж. Брюн) А. Б. 409, 412, 413, 593, 594
Модзалевская (в замуж. Лансере) М. Л. 574, 587, 589, 593, 594
Модзалевская (урожд. Гаева) А. Л. 424, 426
Модзалевская (урожд. Гаева) Н. Л. 426, 431, 432, 436
Модзалевская (урожд. Граве) Н. Н. 425, 574, 575, 587–588, 589, 593, 594, 597–603
Модзалевская (урожд. Гувениус, в 1-м браке Висковатова) В. Н. 412, 413, 427, 587, 593, 594, 595
Модзалевская (урожд. Лаврентьева) М. В. 422, 424
Модзалевская (урожд. Решеткина) Ек. В. 413, 573, 593
Модзалевская (урожд. Фаворская, в 1-м браке Брюн) Евг. А. 419, 429, 437, 440–442, 574–575, 578, 583, 687, 589–592, 594, 595
Модзалевская Л. (Милочка) Л. 574, 592, 596
Модзалевская Л. Л. 419, 425
Модзалевская Т. Л. 413, 419, 423–425, 437, 438, 440, 442, 443, 574, 577–578, 587, 591–592, 596
Модзалевские, семья 409, 411, 413, 419, 420, 424, 425, 436, 438, 443
Модзалевский А. Н. 423, 443
Модзалевский Б. Л., младший 419, 425, 574, 587–589, 593–594
Модзалевский Б. Л., старший 13, 26, 80, 102, 104, 106, 107, 174, 408–413, 417, 423–424, 426–428, 433, 436, 437, 441, 443, 444, 573, 576, 578, 581, 583, 589, 593, 630
Модзалевский В. Б. 413, 593, 596
Модзалевский Вадим Л. 408–413, 416, 418, 421–424, 426, 430–433, 436–438, 441, 443
Модзалевский Вс. Л. 424
Модзалевский Л. Б. 408–444, 593, 596
Модзалевский Л. Н. 423, 436, 439, 441, 443
Модзалевский Н. Л. 419, 574, 587–589, 593, 594
Можайский А. Ф. 588
Моисей Оптинский, прп. 489
Молодякова В. Э. 628
Молчанов Д. В. 231
Молчанов К. М. 610
Моракс Р. 120, 122, 125
Моран Э. 384
Морев Г. А. 128, 169
Мориер Дж. (Morier J.) 67, 68

Морозов М. М. 538, 545, 569
Морозова Н. Т. — см. Граве Н. Т.
Мотовилов Н. Н. 628
Моцарт В.-А. 72, 76
Муравьев Н. Н. 59, 234
Муратова К. Д. 628
Мурашко А. А. 96
Мурильо Б. Э. 213, 214
Муромский В. П. 507, 533
Муса-хан Хусайни Фарахани, мирза 30, 31, 51
Мусин-Пушкин В. А. 436
Мусоргский М. П. 510, 517
Мухаммад-‘Али-бек — см. Ага-Мухаммад-‘Али
Мухаммад-‘Али-султан 35
Мухаммад-‘Али-хан, мирза 35, 36, 44, 48, 54
Мухаммад-Бакир-хан, мирза 36
Мухаммад-Вали-хан Афшар — см. Мухаммад-хан Афшар
Мухаммад-Тахур-бек 43, 59
Мухаммад-хан 36, 38, 49
Мухаммад-хан Афшар 33, 35
Мухаммад-хан занбуракчи баши 35, 45
Мухаммад-хан Каджар 39, 58
Мухаммад-шах Каджар 50–52

Наби-хан 33, 53
Набоков В. В. 629
Набоков Д. В. 629
Набокова В. Е. 629
Набоковы, семья 629
Наджаф-Кули-бек 32
Надсон С. Я. 272, 276
Назар-‘Али-хан Афшар 25, 30, 31, 33–35, 41, 43, 45, 50, 51
Найдич Э. Э. 11
Наполеон Бонапарт (Наполеон III), имп. 13, 203, 204, 210, 220, 251
Наппельбаум М. С. 639
Нарбут Г. И. 410, 425, 426, 431, 436, 442
Нариман, мирза — см. Шахназаров Н.
Наср Аллах-хан Афшар 32, 52
Наташа — см. Жданович Н. Я.
Наумов 214, 215
Наумова 218
Небольсин К. В. 213, 214, 226
Невахович А. Л. 187, 190, 191
Невахович Н. А. 187, 190, 191, 219, 220
Неделин М. И. 588

Нежински Р. — см. Neginsky R.
Незеленов А. И. 79, 80, 86, 87, 91, 92, 93
Незеленова (урожд. Исполатова) О. И. 86, 87, 92
Некрасов К. Ф. 361
Некрасов Н. А. 114, 243, 293, 464, 465, 542, 543, 546, 569, 613, 629, 630
Нельсон Г. 213
Немцова (урожд.Воейкова) Е. Г. 12
Неруда П. 639
Нессельроде К. В. . 23, 52, 54, 56, 65
Нестеров М. В. 465
Нечитайлов М. В. 65, 69
Никитенко А. В. 180, 210–212
Николаев А. С. 626
Николаев И. 636
Николаев П. А. 12, 244, 348
Николаев С. И. 1
Николаев Ю. 526
Николай I, имп. 20, 23, 41, 50, 66, 220, 637
Николай II, имп. 346, 510
Николай Константинович, вел. кн. 220, 222
Николай Михайлович, вел. кн. 423, 431, 435, 439
Николай Чудотворец, свт. 467
Николо Изуар 73
Николюкин А. Н. 351
Нил Сорский, прп. 468
Ницше Ф. 382
Новиков Н. И. 133
Новиков Ю. А. 640
Новосильцов А. В. 435
Нольде В. М. 272
Норов А. С. 175, 178, 179, 180, 204, 205, 209, 227
Норова В. Е. 204, 205
Носков И. Ф. 54
Носова А. Г. 79, 80, 107
Нурри А. 73
Нурри Л. 72, 73
Ньютон И. 262, 265
Нюма (М. Бешофер) 77

Обатнина Е. Р. 628
Обнорский С. П. 438, 439
Оболдуев Г. Н. 637
Оболенский Д. А. кн. 177
Оболенский Л. Е. 279
Овидий 134

Овсяннико-Куликовский Д. Н. 637
Одоевский В. Ф. 51
Одри Ж.-Ш. 77
Окороков А. В. 196
Оксман Ю. Г. 415, 573, 576, 579, 586, 597
Окуджава Б. Ш. 499–501
Ольденбург С. Ф. 626
Онегин (Отто) А. Ф. 637
Орбели Л. А. 575
Орвиетто А. 374
Орджоникидзе Г. К. 588
Орлицкий Ю. Б. 400–402, 407
Орлов А. Г., граф 462
Ортега-и-Гассет Х. 247
Осман Ж. Э. барон 210
Островский А. Н. 14, 120, 122, 175, 537–540, 542–546, 566, 568, 569, 630
Остроумова-Лебедева А. П. 96
Оськина Л. Г. 611
Отрепнов Е. Я. (псевд.: Отрепьев Г., Алмазов Г., Новгородцев Е. и др.) 108–115
Оттоманский, имп. 637
Ошеров С. А. 128, 130, 132, 134, 136, 137, 146, 151

Павел (Груздев), архим. 605
Павел, апостол 470, 482
Павлова М. М. 1, 268, 269, 273, 277, 283, 285, 314, 341, 347, 382, 383, 386–388
Паисий Величковский, прп. 489
Панина С. В. 116
Панфилова О. И. 103
Панченко А. М. 630
Папанин И. Д. 605
Парамонов А. 425, 443
Парменид 160
Парменов Р. 505
Парфений, инок 490
Паскевич И. Ф. 19, 22–24, 51, 52, 56–58, 60–62, 64, 65
Паста Дж. 75, 76
Пастернак Б. Л. 637
Пастернак Е. В. 132
Паулуччи Ф. О. 58
Пахомов М. С. 139, 170
Пашнина Г. В. 633
Певзнер Л. И. 633
Пель 230, 231

Пережогина Е. А. 605, 607
Перле А. 77
Перовский А. А. (псевд. Антоний Погорельский) 573
Перцов П. П. 351, 369, 377, 385, 386
Пестинский Б. В. 583
Петр I, имп. 245, 247, 255–257, 462, 465
Петр, апостол 482
Петров А. А. 104
Петров Вс. Н. 146, 169
Петров М. П. 372, 383
Петров С. В. 146
Петрова Г. В. 406
Петров-Водкин К. С. 585, 613
Петроний Арбитр 140, 144, 169, 170
Петушков Н. Д. 505
Пикассо Ж. 639
Пикассо П. 639
Пиксанов Н. К. 21
Пини (урожд. Светланова) Е. С. 639
Пини О. А. 633, 634, 638
Пирожков М. В. 351
Писарев Д. И. 282, 283, 312, 361
Писемская Е. П. 210, 212, 214
Писемский А. Ф. 175, 178, 179, 210, 212, 214
Платон 126–154, 160–164, 168–170, 303, 304, 613, 616
Платонов С. Ф. 98, 105, 626
Плутарх 132
Пляйтген Ф. Ф. 527, 528
По Э. А. 354, 355, 390
Погодин М. П. 51, 90, 106
Подниекс Ю. Б. 520, 532
Пок И. И. 424, 425
Покровский М. Н. 626
Ползунов И. И. 589
Поливанов К. М. 625
Полонская (урожд. Рюльман) Ж. А. 243, 244, 267
Полонская Е. В. 228, 229
Полонская Е. Г. 639
Полонский (Леливо-Полонский) Л. А. 345, 347, 383
Полонский В. В. 275, 387
Полонский В. П. 626
Полонский Я. П. 175, 177, 178, 180, 181, 183, 184, 189, 196, 209, 211, 214, 218, 219, 220, 222, 227, 242–267
Полякова С. В. 126–129, 137, 145, 168, 170
Поншар Л.-А.-Э. 74

Попов Г. Н. 609
Попова О. И. 21, 56, 69
Попович М. Л. 588
Потапов А. Н. 248, 267
Потехин А. А. 175, 204, 205, 361
Потехин Н. А. 204, 205
Потье Ш.-Г. 77
Прево Ф. 72, 73
Предтеченский А. В. 633
Преображенская О. И. 120
Пресс А. Г. 133, 148
Привалова М. И. 634
Продик 135
Прозорова Н. А. 81, 106, 521
Прокопчукова Е. О. 436, 437
Прокофьев А. А. 446, 620
Проппер С. М. 429
Протагор 132, 134, 135, 142
Прохоров Г. Р. 245, 266
Пруст М. 614
Прутков Козьма 422
Пудовкина Е. О. 628, 629
Пупшева М. 624
Путятин Е. В., граф 176, 177
Пушкарева З. Н. 597
Пушкарева Н. А. 386, 388
Пушкин А. М. 7, 8,9,10,11,12,13,15
Пушкин А. С. 7, 8, 9, 10, 11, 15, 24, 66, 90, 106, 304, 326, 341, 401, 411, 415–419, 429–431, 436, 439, 442, 443, 504, 530, 573, 576, 578, 579, 581, 582, 584, 585, 586, 596, 597 630, 631, 633, 637
Пушкин В. Л. 12
Пушкин М. А. 12
Пушкин С. Л. 416
Пушкина (в замуж. Павлищева) О. С. 416
Пушкина (урожд. knж. Волконская) Н. А. 12
Пушкина (урожд. Ганнибал) Н. О. 12, 416
Пушкина Н. Н. 580
Пчельникова (урожд. Рыхлевская, в замуж. Цейдлер) А. А. 406

Рабинович С. 269, 273, 347, 354, 387, 388
Радищев А. Н. 576
Радлов Э. Л. 127, 138–140, 169, 170, 243, 267, 614, 626
Раевская З. Г. 631
Раевская М. А. 631
Раевский А. С. 631

Раевский М. Н. 14
Раевский Н. А. 631
Раевский С. Н. 631
Разгулов 192
Райт-Ковалев Р. Я. 636
Рамазан-бек 41
Расин Ж. 147, 161
Распутин В. Г. 507, 511, 516, 519, 520, 525, 532, 533
Распутин Г. Е. 510
Растрелли Ф. Б. 453
Рафалович С. Л. 386, 387
Рафаэль Санти 238, 354
Рахманов А. А. 231
Ребер Н. Р. 628
Резников Л. Я. 620
Рей, брит. офицер 63, 65
Рейган Р. 527, 528
Рейнбот П. Е. 10, 631
Рейсер С. А. 414, 415, 584
Рейфилд Д. 283
Ремизов А. М. 580
Ренан Э. 311
Ренье А. де 614, 616
Репин И. Е. 79, 96, 97, 104, 106, 107, 146, 361, 464
Рерих Н. К. 637
Решеткина Ек. В. — см. Модзалевская Ек. В.
Римские-Корсаковы, род; генеалогич. поколенные росписи, схемы 580
Римский-Корсаков Н. В. 464
Родзянко (урожд. Новосильцова) Т. А. 421, 435
Родзянко А. Г. 415, 417
Родзянко М. В. 435, 456, 464
Родзянко П. П. 421, 435
Рождественская Л. А. 615
Рождественский В. А. 610
Розанов И. Н. 246, 267
Розанова С. А. 347
Розенфельд Л. Б. — см. Каменев Л. Б.
Рой Г. В. 610
Роллан Р. 614
Романов А. А. 522, 523
Романов Г. М. 55
Романова А. В. 173, 186, 188
Ромен Ж. 614
Роскина Н. А. 283
Россеть Д. Г. 354

Россини Дж. 75, 76, 122
Рощин А. 123
Рубини Дж.-Б. 75
Рубинштейн А. Г. 323
Рубцов Н. М. 520, 525
Рубцов Ф. А. 506
Румянцев Н. П. 67, 69
Русакова А. А. 634
Рустам-бек (Рустам) 31, 33, 34, 37, 39, 42, 43, 45, 52, 54, 62
Рутилевский Г. Л. 631
Руч С. Е. 391, 392, 400
Рыкова Н. Я. 616, 618
Рыкунина Ю. А. 390, 399, 402, 407
Рылеев К. Ф. 417, 443
Рылеев Ф. А. 417
Рылеева (урожд. Тевяшова) Н. М. 416, 417
Рышков Викт. А. 630
Рышков Вл. А. 81, 106
Рышкова К. В. 81, 106
Рябушинский П. П. 464

Савватий Соловецкий, прп. 480, 482–484
Савич О. Г. 639
Савонаролла Д. 238, 240
Садоков И. 234
Садоков П. И. 230-232, 234
Сажин В. Н. 628
Сайкина Н. В. 12
Саитов В. И. 422, 423
Салтыков-Щедрин М. Е. (наст. фам. Салтыков; псевд. Н. Щедрин) 11, 634
Самарин Ю. Ф. 435
Сапожков С. И. 273, 276, 279, 280, 314, 330, 340, 361, 384, 387, 388
Саркисов Ю. Н. 631
Саркисова (урожд. Иванова) В. Н. 631
Сахаров И. В. 426, 443
Саянов В. М. 626
Свербеев Н. Д. 234, 235
Светлов Р. В. 129, 130, 170
Свиридов Г. В. 505, 512, 514, 517, 518, 527, 528
Свифт Дж. 614
Святловский Г. Е. 399
Северянин (наст. фам. Лотарев) И. В. 638
Седельникова О. В. 174
Сейфуллина Л. Н. 610
Селиванов В. И. 282

Селиверстов Ю. И. 516
Семенов А. В. 529, 638
Семенов В. 638
Семенова В. И. 638
Семенова Е. С. 7, 9,15
Семино Б. (Semino B.) 59
Сенкевич Г. 373
Сенти-Даморо Л. 75
Сенявин (Синявин) Д. Н. 215, 217
Серао М. 377
Сервантес М. 348
Сергеева З. А. 586
Сергеева М. С. 615
Сергиев Иоанн Ильич, прот. 506
Сергий Мечёв, сщмч 476
Сергий Радонежский, прп. 468
Сережников В. К. 130, 166, 170
Серков А. И. 357
Серно-Соловьевич А. А. 282, 283
Серно-Соловьевич Н. А. 283
Серова Н. С. 516, 520, 521, 523
Серчевский Е. Н. 20, 21, 69
Сидоровский И. И. 139, 170
Сильвестр А. 384
Симонич И. О. 68
Синельников Ф. А. 638
Сипягин Н. М. 57
Сирин Е. 640
Скабичевский А. М. 276–278, 312, 314, 324, 325, 337, 361
Скарская Н. Ф. 116–119, 124
Скобелев М. Д. 86, 462
Сковорода Г. С. 135
Скоропадский П. П. 426
Скриб Э. 76
Слободзинская М. 597
Слонимский А. Л. 597
Слонимский С. Л. 514
Смирнова Н. 177
Смирнова О. А. 377
Смирнова-Сазонова С. И. 175, 361
Соболев А. Л. 351
Соболевский С. А. 51
Сойкин П. П. 174
Соколов А. С. 14
Сократ 130, 135, 136, 142, 151, 152, 156, 160, 167

Сокурова О. Б. 1
Солдатенков К. Т. 368
Солнцева 223
Соловьев Вл. С. 130, 132–142, 145, 147, 148, 151, 170, 242, 267
Соловьев М. С. 132, 134–136, 138, 142, 147, 148, 170
Соловьев С. М., историк 244–246
Соловьев С. М., поэт 243, 267
Сологуб (наст. имя Тетерников) Ф. К. 80, 107, 269, 272, 280, 345, 347, 349, 351, 353–355, 373, 375, 376, 388, 389, 616
Соломон, мирза (Малейкофф Соломон) — см. Меликянц С.
Соломон, царь 89
Сомов О. М. 416, 417
Сомсиков В. В. 129
Сомсиков В. И. 128, 129, 169, 170
Сомсикова И. В. 129
Софья Александровна — см. Арсеньева (урожд. Витберг, в первом браке Казначеева) С. А.
Спасович В. Д. 357, 361
Сталин (при рожд. Джугашвили) И. В. 450, 518, 634
Стандровский Д. И. 630
Станкевич Евг. К. 591
Станкевич Ел. С. — см. Брюн Ел. С.
Старцев В. И. 357
Стасюлевич М. М. 13, 271, 285, 290, 291, 361
Статуев Е. С. 375, 376
Стеблин-Каменский И. М. 615
Стеллецкий Д. С. 97
Стендаль (наст. имя Бейль М.-А.) 131, 358, 361
Степанов Л. 611
Степняк-Кравчинская (урожд. Личкус) Ф. М. 344
Степняк-Кравчинский С. М. 344
Стерн Л. 614
Стеценко (урожд. Франковская) Е. А. 612
Стеценко К. Г. 612
Столяров А. А. 137
Стоюнина М. Н. 90, 597
Страхов Н. Н. 347, 366
Стрельников И. Д. 592
Стрельников С. И. 592
Струве Г. П. 624
Струве П. Б. 387
Стругацкие, братья 628
Суворин А. С. 10, 272, 283, 366, 378, 387
Суворов А. В. 462

Султанова — см. Леткова Е. П.
Сумароков А. П. 581-582
Супоницкая К. А. 510, 516, 526, 533
Суровцева А. (Нина) Н. — см. Граве Анна (Нина) Н.
Сучков Б. Л. 169
Сысоева А. В. 361

Тагер Е. М. 635
Таирова С. Э. 514, 521
Таллан 42, 58
Тальма Ф.-Ж. 76, 77
Тарасов М. 188
Тарасов П. А. 628
Тарасова Н. А. 631
Тархова Н. А. 68
Тася — см. Модзалевская (урожд. Гаева) Н. Л.
Татышева, судебный исп. 583
Татьяна, мать Ф. Сологуба — см. Тетерникова Т. С.
Твардовский А. Т. 448
Тевосян А. Т. 515, 533
Тендряков В. Ф. 506
Терентьев-Катанский А. П. 399
Тетерникова Т. С. 80
Тименчик Р. Д. 351
Тимьянский Н. 187
Титов А. И. 96
Титов В. П. 51
Тихонов Н. С. 639
Тичер Н. 124, 125
Тищенко Б. И. 514
Товстоногов Г. А. 506, 512
Токвиль А. де 262, 265
Толстая Е. Д. 273, 283, 387
Толстая С. А. 366, 638
Толстой А. К. 423, 578
Толстой Л. Н. 121, 243, 294, 297, 345, 347, 350, 352, 365, 366, 368, 373, 390, 434, 585, 637, 638
Томасов Н. 616
Томашевская Т. Д. 505, 523, 525, 527, 528, 531, 532, 533
Томашевский Б. В. 417, 576, 583, 586
Томашевский Н. Б. 538, 569
Томозов В. В. 413, 444
Тоська (Крог А. В.) 491
Трепалина М. И. 245, 267
Трикоз Э. Л. 507, 533

Тройницкий С. Н. 436
Трощенко Е. 608
Трубецкая Л. Ю. Т. 205
Трубецкая Н. Ю. 205
Трубецкие 204
Трубецкой И. Ю. 205
Трубецкой С. Н. 132, 138, 140, 170
Трушин О. Д. 628
Трушкин В. П. 115
Тульчинская Н. А. 520
Тункина И. В. 577
Тураев Б. А. 617
Тургенев А. И. 72, 78, 584
Тургенев И. С. 90, 103, 104, 106, 107, 155, 246, 247, 249, 250, 267, 314, 638
Тургенев Н. И. 71–78
Тургенев С. И. 72
Тургеневы, бр. 104, 584
Турчаненко В. В. 442, 443
Тучкова-Огарева Н. А. 282, 283, 383
Тынянов Ю. Н. 586, 619
Тырин 400
Тэзи А. (наст. имя Ротенштерн П. И.) 636
Тютчев Ф. И. 246, 267

Уваров А. С. 581
Угер Т. 274
Уиллок Г. (Willock H.) 27
Уиллок Дж. (Willock G.) 27, 53
Ульянов М. А. 512, 531, 532
Уркс Э. 638, 639
Урусов А. И. 361
Ускум-ханум 38, 56, 57, 60
Успенский Г. И. 511
Устинов П. П. 597

Фаворская (в замуж. Кочеткова) К. А. 592, 596
Фаворская (урожд. Богданович) П. С. 592
Фаворская (урожд. Додонова) В. Н. 575, 587, 589, 592, 596
Фаворская В. Н. 419, 429
Фаворская Евг. А. — см. Модзалевская Евг. А.
Фаворский А. И. 589
Фаворский Леленька 592
Фалилеев В. Д. 634
Фатих, мирза 32

Фатх-‘Али-шах Каджар (шах) 19, 20, 23, 25–27, 35–42, 46, 49, 50, 55, 57, 62–64, 68
Фельснер М. П. 632
Фельснер М. С. 632
Феоктистов Е. М. 345, 347
Ферапонт Белозерский (Можайский), прп. 468
Фердинанд II, король 236
Фет А. А. 134, 242–246, 250, 267, 390, 629
Фетис Ф.-Ж. 74
Филиппова Е. М. 234
Фильдинг Г. 614
Флакс-Фокшанеану Л. М. 373
Флейшман Ю. Г. 628
Флобер Г. 361
Фомичев С. А. 19, 21, 69, 70
Фон Фок А. М. 231
Фофанов К. М. 304
Фра Бартоломео ди Сан-Марко 238, 240
Франко И. Я. 373
Франковская З. Г. 612
Франковский А. А. 133, 612
Франковский А. Ф. 612
Франковский В. А. 612
Франковский С. А. 612
Францева М. Д. 311
Фребель Ф. 101
Фрезинский Б. Я. 628, 639
Фрейд З. 613
Фрунзе М. В. 594

Хабиб Аллах-хан 35
Хаджи-бек 35, 45, 60
Хант Л. 147
Харламов А. А. 103
Хачатур (Шахназаров Х.) 46, 60
Хватов А. 118, 125
Хейлик М. И. 96
Хемингуэй Э. 614
Хиллиулин К. Р. 28
Хисматулин А. А. 30, 53, 55, 57, 61
Хитрово Л. К. 412, 415, 421, 423, 444, 521, 577, 603
Хмельницкий А. И. 246
Хмельницкий Б. М. 337
Холодняк И. И. 144, 159, 169
Хорис Л. А. 28

Хосров-мирза 26, 66-68
Хренников Т. Н. 517
Хренов А. С. 97
Хрептович-Бутенев К. А. 434
Хрептович-Бутенева (урожд. Баранова) Е. П. 430, 434
Хусайн Казвани Девелу Каджар 33, 42, 58, 59
Хусайн-хан — см. Хусайн Казвани Девелу Каджар

Царьков М. 635
Царькова М. И. 635
Царькова Т. С. 1
Цацко Б. 635
Цебрикова М. К. 354
Цицианов П. Д. 39, 56-58
Цымбал Е. В. 52, 69
Цявловская (урожд. Зенгер) Т. Г. 438, 439, 579, 595, 633
Цявловские, супруги 430
Цявловский А. М. 439
Цявловский М. А. 429, 439, 444, 579, 586 597

Чайкина Е. И. 420
Чайковский П. И. 324, 450, 464
Чапаев В. И. 462
Чахров Я. А. 96, 107
Чеботаревская Ан. Н. 361
Чейгин П. Н. 628
Червинский Ф. А. 349, 351
Черепнин Н. П. 13
Черкасская (урожд. Васильчикова) Е. А. 430, 434, 435
Черкасские, супруги 431
Черкасский В. А. 430, 431, 434, 435
Чернушенко В. А. 514, 517
Чернышевский Н. Г. 282, 283, 576
Чернявский А. Н. 639
Честняков (наст. фам. Самалов) Е. В. 639
Чехов А. П. 373, 378, 640
Чириков Е. Н. 97
Чихалова Ю. М. 1, 108
Чичерин Б. Н. 225
Чкалов В. П. 588
Чуйко В. В. 346, 348, 361, 377
Чуковская Л. К. 639
Чуковский К. И. 615, 637, 639
Чюмина О. Н. 637

Шаляпин Ф. И. 517, 528
Шапир О. 343
Шаромазов М. Н. 516, 521
Шахматов А. А. 587
Шахматов А. И. 600
Шахматов Н. Ю. 600
Шахматова (урожд. Всеволожская) П. Н. 600
Шахматова Е. Н. — см. Граве Е. Н.
Шахматова Н. А. — см. Граве Н. А.
Шахназаров Н. (Шахназарян Н.) 31, 37–42, 44–47, 51
Шахназаров Х. — см. Хачатур
Шевченко Т. Г. 417, 419, 443
Шевырев С. П. 51
шейх ʻАбд ал-ʻАзиз 33, 34
Шекспир У. 118, 122, 290, 324, 357, 361, 388, 537–540, 542–546, 566, 569
Шелгунов Н. В. 282
Шелгунов Н. Н. 282, 283, 383
Шелгунова (урожд. Михаэлис) Л. П. 282, 283
Шелли М. 147
Шелли П. Б. 147, 161
Шеллинг Ф. 251, 257
Шенрок В. И. 90, 106
Шергин Б. В. 507, 517
Шериазанян 56
Шерон Ж. 628
Шефнер (урожд. Григорьева) Е. П. 620
Шефнер (урожд. фон Линдестрем) Е. В. 619
Шефнер А. К. 619
Шефнер В. С. 619–621
Шефнер Д. В. 620
Шефнер С. А. 619
Шиллер Ф. 122
Шихманов А. 187
Шлейермахер Ф. 143, 167, 168
Шляпкин И. А. 10
Шнитке А. Г. 517
Шолохов М. А. 634
Шопенгауэр А. 340
Шостакович Д. Д. 506, 517
Шостакович С. В. 18, 70
Шоу Б. 446, 449
Шпенглер О. 242, 247, 613
Шпет Г. Г. 132
Шруба М. 361, 625
Штакеншнейдер А. И. 4

Штакеншнейдер Е. А. 187, 246, 267
Штакеншнейдер М. Ф. 175, 177, 183, 184, 189, 194, 196, 197, 210, 211, 217, 219, 220, 228
Штейнберг Н. Е. — см. Гаврилина Н. Е.
Штейнберг О. Я. 514
Шуберт-Зальден Р. Фон 613
Шубинский С. Н. 90
Шукшин В. М. 511, 532
Шульгина А. А. 506, 533
Шура — см. Модзалевская (урожд. Гаева) А. Л.

Щеголев П. Е. 579–580, 586
Щеголева А. Г. 628
Щедрин Н. 634
Щепкина-Куперник Т. Л. 378
Щербатов А. П. 19, 64, 70
Щиглев М. Р. 406
Щуко В. А. 97

Эдуард IV, король 89
Эйнштейн А. 613
Эйриес Ж. Б. (Eyriés J. B.) 28
Эйхенбаум (урожд. Брауде) Р. Б. 414, 415
Эйхенбаум Б. М. 414, 415, 581
Элиот Дж. 614
Элпидин М. 297
Эльсниц А. Л. 281
Энгельгардт Б. М. 615, 616
Энгельгардт Е. А. 631
Энквист А. И. 187
Энквист О. А. 187, 209, 211
Энкель М. А. 424
Эренбург И. Г. 639
Эренбург Л. М. 639
Эссен Э. Э. 96

Юденич Н. Н. 450, 453
Юдина Е. В. 17, 18, 70
Юлинька — см. Коссарт Ю. А.
Юргенсон Э. П. 11
Юсупова З. И. кн. 211
Юшневская (урожд. Вреец) И. А. 601
Юшневская Е. С. — см. Граве Е. С.
Юшневский С. П. 601

Яворская (урожд. Гюббенет) Л. Б. 378, 384, 385
Языков Д. Д. 174
Языков М. А. 176
Языкова Е. А. 176
Якимова-Диковская А. В. 282
Яковлев А. С. 13
Яковлева К. В. 273, 387
Якуб (мирза Йа'куб, Ага Йа'куб Армани Иревани), мирза 37, 39–46, 48, 49, 52, 55, 57, 58, 62-64
Якубович Д. П. 579, 586, 597
Ямпольский И. Г. 174, 179, 182, 210, 347, 388
Ярхо Б. И. 140, 170
Ясевич-Бородаевская В. И. 108–112, 114, 115
Ясинский И. И. 271, 277, 341, 361, 429
Яхонтов А. Н. 10
Яшин А. Я. 508

Büsching A. F. 238, 240

Diffenbach 202

Harden E. J. 25, 26, 50, 56, 64, 70

Lanzi (Ланци Л. А.) 238, 240

Marradi D. — см. Марради Д.
Mazzoni G. — см. Маццони Г.
Melba Nellie (наст. имя Porter Mitchell Armstrong Helen) 344–346
Melville F. 19, 70
Morris B. 540, 569

Neginsky R. 344, 371, 374, 378, 381

Orvietto A — см. Орвиетто А.

Rabinowitz Stanley J. — см. Рабинович С.

Vasari (Вазари Дж.) 238, 240

Vinci Leonardo 238, 240

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ. СООБЩЕНИЯ

К 225-летию со дня рождения А. С. Пушкина

Дубровский А. В. К истории псевдопушкинского стихотворения «Воспитанница муз, прелестна Катерина!..» 7
Могилевич И. М., Юдина Е. В. Материалы о гибели посольства А. С. Грибоедова в личном фонде Аделунгов Рукописного отдела Пушкинского Дома 17
Заборов П. Р. Театрально-музыкальные впечатления Н. И. Тургенева в зеркале его парижского дневника..... 71
Носова А. Г. Наталья Федоровна Витберг, забытая художница. По материалам фонда Ф. А. Витберга..... 79
Чихалова Ю. М. Ранние стихотворные опыты Георгия Отрепьева (по материалам Рукописного отдела Пушкинского Дома) 108
Галанина Ю. Е. «Утраченная» часть архива Передвижного театра П. П. Гайдебурова и Н. Ф. Скарской..... 116
Баскина (Маликова) М. Э., Волков А. В. «Уж лучше дистиллированная вода, раз нет ключевой, чем русский квас»: А. Н. Егунов — редактор перевода «Пира» для тома «Избранных диалогов» Платона (1965)..... 126

II. ПУБЛИКАЦИИ

Путешествие Аполлона Майкова по вызову морского министерства в письмах к близким (плавание на корвете «Баян» 1858—1859 гг.). Часть I *(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. В. Романовой)* 173
Неопубликованные философско-публицистические очерки Я. П. Полонского о молодом поколении конца 1850-х годов и его миросозерцании *(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. П. Дмитриева)* 242
К истории раннего русского символизма. Переписка Л. Я. Гуревич с Н. М. Минским *(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии М. М. Павловой)*..... 268
Ранняя лирика Владимира Гиппиуса (неопубликованные избранные стихотворения 1890-х годов) *(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии В. Н. Быстрова)* 389
Письма Я. Н. Ждановича к Л. Б. Модзалевскому (1928—1946) *(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. С. Левшиной)*..... 408
Т. Г. Гнедич. «Мистерия»: последняя редакция *(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. В. Виноградовой)* 445
Б. В. Шергин. Дневник 1942 года (8 июня — 20 ноября) *(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. Ш. Галимовой, М. В. Никитиной)* 466

К 100-летию со дня рождения В. П. Астафьева
К 100-летию со дня рождения Б. Ш. Окуджавы

В. П. Астафьев. Песнь поэта для вечности *(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. В. Виноградовой)* 499

К 85-летию со дня рождения В. А. Гаврилина

«Ближе тебя по духу у меня никого нет» (письма В. И. Белова к В. А. Гаврилину *(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Л. В. Герашко)* 503

III. ТЕКСТОЛОГИЯ

К 460-летию со дня рождения У. Шекспира

Фрагменты «Усмирения своенравной» У. Шекспира в переводе А. Н. Островского из фондов Пушкинского Дома *(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н. К. Ильиной)* 537

IV. ИНФОРМАЦИЯ

Хитрово Л. К. Обзор личного архива Л. Б. Модзалевского. Фонд 187. Описи 1—6 573
Аксененко Е. М. Материалы Б. С. Кузина в собрании М. С. Лесмана. Фонд 840. Опись 28 604
Аксененко Е. М. Материалы М. А. Левашова в собрании М. С. Лесмана. Фонд 840. Опись 30 608
Кощиенко И. В. Франковский Адриан Антонович. Фонд 132 612
Кощиенко И. В. Шефнер Вадим Сергеевич. Фонд 752 619
Кукушкина Т. А. Кудрявцев Владимир Борисович. Фонд 993. Опись 2 622
Кощиенко И. В. Обзор архивных материалов XVI—XXI вв., поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в 2021 г. 628

Именной указатель 641

Утверждено к печати на заседании Ученого совета
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
26 июня 2024 г., протокол № 4

Научное издание

ЕЖЕГОДНИК
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА
НА 2024 ГОД

Ответственный редактор *Т. С. Царькова*

Выпускающий редактор: *А. П. Дмитриев*
Верстка: *С. В. Степанов*

Формат $60 \times 90\ ^{1}/_{16}$. Гарнитура Octava.
Усл.-печ. л. 45,0. Тираж 1000 экз.

ООО «Издательство «Росток»
E-mail: rostokbooks@yandex.ru
URL: http://www.rostokbooks.ru
По вопросам оптовых закупок
обращаться по тел.: 8–921–937–98–70

ИП «Варваркин А. И.»
199155, Санкт-Петербург, ул. Уральская, д. 17, корп. 3, оф. 4

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации,
причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена для детей старше 16 лет